П. И. ЛЮБЛИНСКІЙ

Профессоръ СПБ. Высшихъ Женскихъ Курсовъ
Приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

ОЧЕРКИ

УГОЛОВНАГО СУДА И НАКАЗАНІЯ

ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1911.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ книгу, посвященную новѣйшему развитію уголовнаго суда и наказанія въ странѣ, отдѣленной отъ насъ значительными правовыми и культурными различіями, авторъ считаетъ небезполезнымъ предпослать нѣсколько замѣчаній. При слабой разработанности нашего права, подробная разработка иностраннаго правового матеріала можетъ показаться дѣломъ сравнительно менѣе настоятельнымъ. Текущая жизнь каждой страны выдвигаетъ свои задачи, и имъ, по преимуществу, должны быть посвящаемы силы изслѣдователей. Но, нисколько не отрицая важности разработки отечественнаго права, слѣдуетъ, однако, признать, что такая разработка должна происходить не иначе, какъ на фундаментѣ ряда общихъ правовыхъ идей, которыя только и являются движущими силами прогресса. Русское право, къ сожалѣнію, во многихъ областяхъ находится нынѣ въ состояніи большого застоя, который, по нашему мнѣнію, можетъ быть нарушенъ только путемъ внесенія въ научную и общественную среду новаго запаса идей, выработанныхъ болѣе культурными странами и преломленныхъ подъ спеціально интересующими насъ углами зрѣнія. Чтобы совершенствовать свое право, мы должны научиться критически оцѣни-

вать новые институты, вызванные къ жизни болѣе передовыми законодательствами.

Новѣйшее развитіе англійскихъ правовыхъ учрежденій, съ этой точки зрѣнія, намъ кажется особенно поучительнымъ. Англійская правовая жизнь представляетъ собою обособленный и глубоко интересный циклъ развитія. Чутко прислушиваясь къ наростающимъ потребностямъ настоящаго, англійское право изъ своихъ старинныхъ вѣковыхъ формъ вырабатываетъ все новыя и новыя образованія, проникнутыя духомъ глубокой практической мудрости. При всемъ своемъ внѣшнемъ консерватизмѣ, оно таитъ великую способность развитія и приспособленія. За послѣднія десятилѣтія англійское право стоитъ подъ сильнымъ вліяніемъ опередившихъ ее въ соціальномъ отношеніи австралійскихъ колоній и Сѣверной Америки и въ своихъ новыхъ реформахъ отражаетъ общій прогрессъ англо-саксонскихъ странъ. Съ большимъ вниманіемъ Европа слѣдила за недавними англійскими реформами въ области Парламента, финансовъ, соціальнаго законодательства, уголовнаго правосудія. Наши очерки касаются только этого послѣдняго. Изъ Англіи въ теченіе прошлаго столѣтія европейскія страны заимствовали главнѣйшія начала судебной организаціи: гласность, состязательность, судъ присяжныхъ, гарантіи правъ подсудимаго и пр. Въ серединѣ XIX вѣка англійскій судъ нашелъ такихъ внимательныхъ истолкователей, какъ Biener, Mittermaier, Glaser, Brunner, позднѣе Franqueville. Но съ того времени онъ успѣлъ сильно эволюціонировать. Въ одномъ направленіи появились новые ростки, въ другомъ — постепенно отмираютъ старые. Трудно разобраться неопытному глазу въ происходящихъ здѣсь перемѣнахъ. За незамѣтными, трудно уловимыми порою внѣшними передѣлками и измѣ-

неніями, здѣсь часто происходятъ серьезныя внутреннія преобразованія и перемѣщенія, мѣняющія соціальное предназначеніе того или иного правового института.

Въ своихъ „Очеркахъ“ авторъ остановился только на нѣкоторыхъ институтахъ англійскаго суда, которые въ теченіе послѣднихъ 5—6 лѣтъ испытали наиболѣе значительныя преобразованія. Личное знакомство съ англійскою жизнью (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1907, 1908 и 1910 г.) дало ему возможность ближе наблюдать происходившія перемѣны. При всемъ разнообразіи затронутыхъ въ книгѣ темъ, онѣ всѣ объединены между собою не только хронологически. Автору хотѣлось уловить внутреннюю связь въ отдѣльныхъ происходящихъ реформахъ. И думается, что это внутреннее единство можетъ быть охарактеризовано, какъ большее проникновеніе суда соціальными началами, какъ постепенное обращеніе его изъ органа государственной власти, заинтересованной главнымъ образомъ въ поддержаніи внѣшняго порядка, въ органъ соціальный, призванный къ регулированію сложной общественной жизни въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ. Мѣстные суды постепенно становятся центрами, въ которыхъ находятъ себѣ разрѣшеніе постоянно возникающіе конфликты сложной жизни большихъ городовъ, гдѣ вырабатываются дѣйствительныя мѣры для борьбы съ алкоголизмомъ, нищенствомъ, проституціей, заброшенностью и преступностью дѣтей и т. д. Суды присяжныхъ перестаютъ быть величественными носителями одного начала кары, а привлекаются для опредѣленія соціальной опасности преступника, его способности къ исправленію, къ установленію соціальныхъ факторовъ преступности. На смѣну старому суду, проводившему въ жизнь только грозныя начала возмездія, появляется судъ новый, призванный

служить задачамъ предупрежденія, задачамъ оздоровленія общества и преступника.

Этотъ процессъ сказывается не только на различныхъ сторонахъ англійскаго суда, но и на новѣйшемъ развитіи англійской карательной системы, разсмотрѣнію которой посвящена вторая часть книги. При тѣхъ значительныхъ разногласіяхъ въ теоретической области между сторонниками различныхъ цѣлей наказанія, которыя замѣчаются нынѣ, изученіе результатовъ, добытыхъ въ странѣ, наименѣе зараженной теоретическими спорами и вмѣстѣ съ тѣмъ осуществившей рядъ новыхъ мѣръ, составляющихъ только предметъ чаянія для другихъ странъ, не можетъ не быть весьма поучительнымъ. „Правильность“ той или иной теоріи не можетъ быть доказана инымъ способомъ, какъ изученіемъ тѣхъ соціальныхъ результатовъ, къ которымъ она приводитъ. И въ этомъ отношеніи англійская практика служитъ хорошей иллюстраціей.

Отдѣльныя статьи изъ помѣщенныхъ въ сборникѣ были ранѣе напечатаны въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Но при соединеніи онѣ всѣ подверглись существенной переработкѣ, а нѣкоторыя были вновь написаны. Въ свое изложеніе авторъ попытался на ряду съ юридическимъ анализомъ ввести и бытовой элементъ, безъ котораго порою блѣдны и непонятны соотвѣтственныя нормы права. Личныя впечатлѣнія, мемуары судей, картинки текущей жизни, порою даже анекдоты и стихотворенія, предназначены служить не столько для архитектурнаго украшенія книги, сколько для отраженія народной психологіи и того, что принято называть „духомъ“ соотвѣтственнаго учрежденія. Приходилось останавливаться и на эволюціи общественнаго мнѣнія по отдѣльнымъ вопросамъ; за отсутствіемъ серьезно поставленной теоретической юриспруденціи,

большинство реформъ первоначально назрѣвало въ средѣ самого общества, и отдѣльныя нововведенія проводились подъ давленіемъ не столько юридическихъ круговъ, сколько широкихъ классовъ населенія.

Еще рано подводить оцѣнку реформамъ, только лишь намѣчаемымъ Англіей въ различныхъ областяхъ уголовнаго правосудія. Жизненный опытъ всегда оказывается лучшимъ судьей, чѣмъ теоретическій прогнозъ. Но не лишнимъ будетъ здѣсь подчеркнуть то, что при осуществленіи этихъ реформъ англійское право по прежнему остается вѣрнымъ началу уваженія къ правамъ личности и убѣжденію, что только авторитетный и независимый судъ можетъ быть призванъ постановлять объ ограниченіи ихъ.

П. Л.

Октябрь 1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I. Страница изъ исторіи англійскаго правосудія (Ньюгэтъ и Старый Бэйли) 1

II. Введеніе апелляціи по уголовнымъ дѣламъ съ присяжными 39

Приложеніе. Англійскій законъ 1907 объ уголовной апелляціи (съ комментаріями) . . . 121

III. Первая практика уголовнаго апелляціоннаго суда (1908—1910) 153

IV. Дѣло Миліуса (объ оскорбленіи Величества) . . . 181

V. Демократизація мировой юстиціи 201

VI. Полицейскіе суды 225

VII. Суды по дѣламъ о несовершеннолѣтнихъ . . . 299

VIII. Объѣзды королевскихъ судей 323

IX. Государственная опека и принудительное воспитаніе дѣтей 421

X. Новыя реформы карательной системы.

1. Цѣли наказанія и задачи тюрьмы 507

2. Борьба съ краткосрочнымъ лишеніемъ свободы. 522

3. Нововведенія въ наторжныхъ и мѣстныхъ тюрьмахъ 545

4. Борстальскія учрежденія для молодыхъ преступниковъ 600

5. Реформаторіи для преступниковъ-алкоголиковъ. 638

6. Особыя учрежденія для умственно-дефективныхъ преступниковъ 663

7. Предупредительное детенированіе привычныхъ преступниковъ 682

I.

СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРІИ АНГЛІЙСКАГО ПРАВОСУДІЯ

(Ньюгэтъ и Старый Бэйли).

СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРІИ АНГЛІЙСКАГО ПРАВОСУДІЯ.

(Ньюгэтъ и Старый Бэйли).

Весною 1907 года въ Лондонѣ съ большою помпою состоялось открытіе новаго зданія центральнаго уголовнаго суда, или, какъ оно называется на оффиціальномъ языкѣ, „Зданія сессій Лондонскаго Сити и графства Мидльсексъ“. Въ зданіи этомъ ежемѣсячно происходятъ засѣданія суда присяжныхъ по дѣламъ о преступленіяхъ, совершенныхъ въ предѣлахъ Сити или одной изъ 10 мѣстныхъ общинъ, изъ которыхъ исторически выросъ Лондонъ. Новое зданіе, отвѣчающее всѣмъ требованіямъ помѣстительной и архитектурной постройки, заняло мѣсто, гдѣ высилась раньше старинная тюрьма Ньюгэтъ, на углу улицъ Ньюгэтъ и Стараго Бэйли. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ открытія новаго суда было продано съ молотка непосредственно прилегающее къ нему старое зданіе суда, получившаго популярность подъ именемъ Стараго Бэйли—Old Bayley.

Эти внѣшнія перемѣны мало говорятъ уму и сердцу посторонняго наблюдателя. Чуждыя имена, чуждыя учрежденія мало могутъ расположить къ себѣ вниманіе интересующагося наиболѣе отвлеченными началами заграничной жизни изслѣдователя. Если, тѣмъ не менѣе, мы позволяемъ себѣ пригласить читателя вмѣстѣ съ нами поближе познакомиться съ внутренней стороной этихъ перемѣнъ, то только потому, что въ исторіи древнихъ стѣнъ старѣйшаго англійскаго суда мы можемъ встрѣтить черты, характерныя не только для узкаго круга мѣстныхъ явленій. Въ своихъ неподражаемыхъ этюдахъ А. Ѳ. Кони ярко изобразилъ намъ исторію парижскаго Palais de Justice и петербургскаго Зданія судебныхъ устано-

вленій. Судъ англійскій и по своей старинѣ, и по своей своеобразности нисколько не уступаетъ имъ. Въ Англіи исторія сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ, царитъ надъ творческою мыслью народа, здѣсь она и вѣрнѣе отражается въ судьбахъ учрежденій и соціальныхъ формъ.

I.

Изученіе исторіи общества и права можно производить не только посредствомъ изслѣдованія существовавшихъ нравовъ и обычаевъ. Соціальная и правовая психологія проявляетъ себя не только въ созданіи тѣхъ или иныхъ понятій и идей, но кладетъ свой отпечатокъ на самыя разнообразныя стороны внѣшняго быта народа. Въ матеріальной культурѣ, въ области нашихъ привычекъ, этикета, въ мертвой обстановкѣ нашей дѣятельности, она воплощаетъ свои характерныя черты съ точностью, порою не меньшею, нежели въ непосредственныхъ продуктахъ нашей психологіи. Матеріальная культура есть отложеніе психической, и, если признать, что магистраль соціальнаго развитія лежитъ въ области этой послѣдней, то за первой должно быть признано значеніе тѣхъ путевыхъ столбовъ, руководясь которыми путникъ не рискуетъ сбиться съ прямого пути исторіи.

Среди предметовъ матеріальной культуры не малую роль играютъ зданія, эти приспособившіяся къ нашей регулярной дѣятельности оболочки. Они носятъ на себѣ отпечатокъ жизни нѣсколькихъ поколѣній. Несмотря на свой кажущійся консерватизмъ, эти каменные покровы людской жизни слѣдуютъ за вѣкомъ, отражаютъ на себѣ его физіономію. Сложная соціальная жизнь создаетъ не мало отвлеченныхъ центровъ дѣятельности, не имѣющихъ порою иного матеріальнаго субстрата, какъ только зданіе, регулярно соединяющее въ своихъ стѣнахъ сошедшихся съ различныхъ концовъ работниковъ. Наша любовь и ненависть, гордость и презрѣніе, уваженіе и ужасъ скопляются вокругъ этихъ мертвыхъ стѣнъ, включающихъ въ себѣ безличный обще-

ственный центръ. Эти стѣны порою много говорятъ тому кругу людей, эмоціональная оцѣнка которыхъ тѣсно срослась съ ними. Сколько сказаній. сколько поэзіи и сколько былыхъ чувствъ невидимою паутиною облекаетъ иногда старинныя стѣны! Наиболѣе ранней исторіей народа является исторія его зданій. Эти каменныя страницы исторіи, какъ назвалъ ихъ В. Гюго, съ окружающей ихъ атмосферой преданій служатъ наиболѣе устойчивой формой историческаго знанія, пріуроченнаго къ мѣстному кругу; своимъ существованіемъ они создаютъ мѣстный историческій центръ; соединяя и перерабатывая матеріалъ этихъ центровъ, болѣе абстрактный историкъ пишетъ общую исторію страны или эпохи. Заброшена и забыта исторія страны, потерявшей свои старинныя зданія. Эти безмолвные свидѣтели вѣковъ лучше всего способны пробудить интересъ къ прошлому.

Вотъ почему уничтоженіе каждой страницы этой мертвой исторіи народа, разрушеніе каждаго стариннаго зданія, вызываетъ въ обществѣ болѣзненный процессъ усиленнаго переживанія его историческихъ судебъ. Незамѣтно существовавшія эмоціи, связанныя съ какимъ либо остаткомъ старины, здѣсь выступаютъ въ яркомъ свѣтѣ. И тогда вполнѣ своевременно занести и въ книги память объ исчезнувшемъ кускѣ народной психологіи. Намъ пришлось лично наблюдать этотъ процессъ и при похоронахъ англійскаго суда—Стараго Бэйли. Это мрачное, приземистое зданіе, раскинувшееся широко въ средне-тѣсной части неумолчно дѣятельнаго Сити, съ массивными глухими стѣнами и низкими арочными воротами, являлось долгое время однимъ изъ важныхъ центровъ народной психологіи, и исторія его яркими буквами вписана въ сознаніи англичанина.

II.

Нигдѣ уголовный судъ не пользуется такою популярностью, какъ въ Англіи. Жизненные интересы и жажда англичанъ къ новостямъ группируются значительно сильнѣе вокругъ суда, нежели вокругъ медлительнаго и слишкомъ тяжеловѣсно ра-

ботающаго парламента. Это утвержденіе во всякомъ случаѣ правильно для низшихъ классовъ населенія, низкій уровень сознанія которыхъ не можетъ постичь важности отвлеченныхъ формъ законодательной дѣятельности и ея непосредственнаго вліянія на жизнь. Крупное преступленіе или громкій судебный процессъ—это великое событіе въ жизни англичанина. Слушая его, онъ учится старинному, охраняемому лишь дѣятельностью судовъ праву и непосредственно знакомится съ дѣятельностью государственной власти въ ея самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ.

Вполнѣ понятно, что Старый Бэйли Лондона, почти въ теченіе трехъ столѣтій безсмѣнно отправлявшій главнѣйшіе акты уголовнаго правосудія, является для британца однимъ изъ наиболѣе близкихъ зданій. Съ угрюмыми и низко нависшими его сводами срослись тысячи переживаній и уроковъ прошлаго, представляющихъ богатый матеріалъ для историка.

Очень ярко выступила эта психологія въ моментъ продажи съ молотка всей обстановки Стараго Бэйли, состоявшей изъ инвентаря 4 уголовныхъ судовъ, камеръ для заключенныхъ и старой комнаты для составленія обвинительныхъ актовъ, скамей для подсудимыхъ и пр.

Это былъ понедѣльникъ, 13 августа 1907 г., когда назначена была распродажа имущества старыхъ судовъ. Еще задолго до начала ея большая толпа собралась предъ зданіемъ Стараго Бэйли и, когда почернѣвшія старыя двери распахнулись, ринулись во-внутрь. Сюда пришли посмотрѣть въ послѣдній разъ на старый судъ отовсюду—изъ всѣхъ глухихъ кварталовъ огромнаго Лондона, изъ воровскихъ берлогъ Уайтчэпля и изъ аристократическаго Вестминстера, случайно досужіе клерки Сити и праздные обитатели аллей Клеркенвиля. Всѣ они явились сюда, движимые желаніемъ отдать дань старымъ воспоминаніямъ. Громкій смѣхъ и грубая нечленораздѣльная рѣчь огласили мрачно спокойныя стѣны суда. Подъ его запыленные и заплѣснѣвшіе своды ворвалась и вступила въ свои права новая жизнь, разрушающая старыя формы. Куда дѣвался былой трепетъ предъ ними! Толпа без-

церемонно ринулась на мѣста, съ которыхъ въ теченіе многихъ столѣтій „господа жюри“ слушали заключенія судей, добралась до высокаго кресла судьи—bench, расположилась въ мѣстахъ для судебныхъ клерковъ и для защиты и массою заполнила „ящикъ“—box, гдѣ въ былое время сотни обвиняемыхъ выслушивали свои приговоры о смертной казни. Безконечная вереница старыхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ залы суда, воспоминаній о преступленіяхъ, анекдотовъ и пр. сыпалась отовсюду. Только Диккенсъ достойнымъ образомъ могъ бы описать отдѣльныя сцены. Общность переживаній быстро слила въ толпу эту пеструю смѣсь собравшихся сюда элементовъ. Возможность свободно проявлять свою личность и веселость тамъ, гдѣ вѣками царствовало суровое молчаніе непреклоннаго правосудія, лишь изрѣдка нарушаемое невозмутимымъ голосомъ безстрастнаго судьи, наполнила сердца всѣхъ почти дѣтской радостью. Толпа съ насмѣшливой торжественностью и напускной важностью, съ искусствомъ, свойственнымъ низшимъ классамъ населенія, разыгрывала судейскія роли. Вотъ толстый человѣкъ, съ красноватымъ носомъ и мутными припухшими глазами, развалился въ глубокомъ креслѣ судьи подъ традиціоннымъ дубовымъ навѣсомъ и, протянувъ впередъ руку, обращается къ воображаемому преступнику по направленію къ скамьѣ подсудимыхъ, въ которой находилось нѣсколько десятковъ человѣкъ, непринужденно хохотавшихъ.

„Подсудимый“,—произноситъ онъ традиціонную формулу смертнаго приговора, подражая интонаціи судей,—„вы признаны виновнымъ въ ужасномъ и позорномъ дѣяніи. Я назначаю вамъ наказаніемъ висѣлицу; вы будете повѣшены за шею и будете висѣть, пока не умрете [1]), и да смилуется Господь надъ вашей душой“. Взрывъ грубаго хохота былъ отвѣ-

---

[1]) Выраженіе: „пока не умрете“ имѣетъ историческое значеніе; въ прежнее время при квалифицированной смертной казни, осужденныхъ снимали съ висѣлицы живыми, чтобы подвергнуть затѣмъ новымъ истязаніямъ и новому виду казни. Такъ, напр, въ 1745 г. сторонники претендента Шотландіи должны были быть повѣшены, но висѣть не до смерти, послѣ чего имъ нужно было вырвать кишки и отрубить голову.

томъ на этотъ приговоръ. Тутъ же изъ толпы одинъ долговязый, неуклюжій парень немедленно принялъ на себя обязанности адвоката. „Милордъ“—сказалъ онъ, снявъ костлявыми руками съ головы измятый котелокъ и говоря неестественно высокимъ голосомъ,—„я обращаюсь къ вашему общепризнанному милосердію и ходатайствую за подсудимаго. Страшно глядѣть въ лицо смерти. Обратите, милордъ, вниманіе на смягчающія обстоятельства!...“ Рѣчь адвоката прерывается криками другихъ присутствующихъ, приговаривающихъ другъ друга къ пожизненной каторгѣ, тюрьмѣ, тяжкимъ работамъ и пр. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ былъ замѣтенъ тонкій юморъ, характерный для англичанъ и порою трудно передаваемый. Вдоволь натѣшившись, толпа переходила въ другія комнаты—въ помѣщенія для присяжныхъ, въ комнаты для свидѣтелей, судей, и тамъ повсюду повторялись тѣ же сцены, измѣняемыя лишь въ зависимости отъ характера помѣщенія. Въ центральной залѣ суда въ кресло судьи забрался аукціонистъ, и вокругъ него образовалась толпа покупателей. Многіе изъ нихъ, вѣроятно, давно не имѣли и пенса въ карманѣ, но все-же считали своимъ долгомъ поторговать имущество Стараго Бэйли. Продавался всякій хламъ: связки кожи, старыя конторки, поржавѣвшія рѣшетки, обшивки, шкафы, желѣзные болты, утварь камеръ и пр. Большинство этихъ предметовъ перешло въ руки тѣхъ классовъ, съ которыми пришлось бороться Старому Бэйли. Въ толпѣ, окружавшей плотнымъ кольцомъ аукціониста, можно было слышать порою интересные разсказы о старыхъ сценахъ въ судѣ.

„Я видѣлъ“,—говорилъ одинъ съ нескрываемой гордостью,—„какъ сразу были здѣсь приговорены къ смертной казни трое мужчинъ и одна женщина; въ моментъ произнесенія приговора мужчина, какъ звѣрь, бросился на констэбля“. Другой разсказывалъ, какъ ловко отпирался на судѣ одинъ извѣстный воришка; третій повѣствовалъ о герояхъ стараго суда.

Внизу толпа шумѣла и наперерывъ старалась проникнуть въ камеры, гдѣ умеръ Джорждъ Гордонъ, руководитель знаменитыхъ мятежей, гдѣ сидѣлъ за рѣшеткой популярнѣйшій изъ всѣхъ преступниковъ въ Англіи—Джэкъ Шеппардъ.

Многое говорили уму англичанина эти, теперь пустыя, желѣзныя камеры.

Съ опустошеніемъ старыхъ стѣнъ суда не изгладился интересъ, пробужденный къ Старому Бэйли. Черезъ нѣсколько дней на главныхъ улицахъ Лондона красовалась громадная пестрая реклама: „Выставка г-жи Тиссо. Много интереснаго! Настоящее судейское кресло! Настоящая скамья подсудимыхъ! Настоящая камера Джорджа Гордона! Оркестръ музыки играетъ съ 5-ти часовъ вечера“. А чрезъ двѣ недѣли другая красная афиша извѣщала лондонское населеніе о томъ, что „Зданіе Стараго Бэйли, занимающее важную и прекрасную площадь, 27 августа будетъ продано съ молотка на сломъ, а мѣсто будетъ сдано въ аренду на 100 лѣтъ“.

Такъ уничтожился Старый Бэйли. Много пережитого изгладилось съ нимъ. Англійское правительство намѣренно не пожелало сохранить этотъ историческій памятникъ сурового правосудія, такъ ярко напоминавшій о мрачныхъ страницахъ англійскаго суда. О нихъ готово забыть и культурное общество. Good riddance to the old walls— слава Богу, что мы избавились отъ этихъ старыхъ стѣнъ,—шепчетъ проснувшаяся совѣсть британца... Но народная психологія не хочетъ умирать. Она окрестила новое зданіе суда старымъ именемъ, назвавъ его въ ущербъ смыслу, но въ угоду исторіи—Новымъ Старымъ Бэйли—New Old Bayley, и перенесла на него всѣ старыя преданія. Время покажетъ, будетъ ли дѣйствительно вписано нѣчто новое на этой страницѣ англійскаго правосудія.

III.

Исторію Стараго Бэйли невозможно разсматривать внѣ связи съ его сосѣдкой—тюрьмой Ньюгэтъ, пристройку которой онъ составлялъ до самаго послѣдняго времени, пока не вытѣснилъ ее, занявъ своимъ новымъ зданіемъ то мѣсто, на которомъ она была расположена. На извѣстныхъ ступеняхъ развитія мы постоянно встрѣчаемъ такой симбіозъ суда и тюрьмы. Консьержери и Palais de Justice, Домъ предвари тель-

наго заключенія и Зданіе судебныхъ установленій—наиболѣе близкіе тому примѣры. Судебное мѣсто есть первоначально лишь небольшой придатокъ къ тюрьмѣ, и самостоятельное соціальное существованіе оно получаетъ сравнительно поздно, когда моментъ публичной оцѣнки сосредоточивается вокругъ гласнаго судебнаго приговора, а не вокругъ примѣненія наказанія.

Вспомогательную роль играло первоначальное зданіе Стараго Бэйли и въ Англіи; сессіи, состоявшія изъ короннаго судьи и судей мировыхъ, первоначально пріѣзжали непосредственно въ тюрьмы для разбора и освобожденія содержавшихся тамъ преступниковъ. Онѣ имѣли порученіе очистить тюрьмы и допросить заключенныхъ: commission of gaol delivery and oyer and terminer. Для выполненія этой временной и непродолжительной функціи особаго помѣщенія не требовалось. И долгое время тюрьма Ньюгэтъ служила мѣстомъ для отправленія судейскихъ функцій. Остановимся нѣсколько на исторіи этой тюрьмы и связанной съ нею исторіи Old Bayley. Она бросаетъ свѣтъ и на общую исторію культуры, ибо состояніе тюремнаго дѣла—одно изъ яркихъ проявленій послѣдней [1]).

Названіе Bayley, какъ несомнѣнно установлено, происходитъ отъ римскаго слова ballium—стѣна. Дѣйствительно, въ *VII—VIII вѣкѣ здѣсь проходила городская стѣна, охранявшая* старое Сити. Часть этой стѣны шла параллельно съ теперешнимъ положеніемъ улицы, называемой Old Bayley. По указаніямъ историковъ, лондонское Сити имѣло 7 городскихъ воротъ: до сихъ поръ въ названіяхъ отдѣльныхъ кварталовъ можно видѣть слѣды ихъ существованія: Newgate—Новыя Ворота, были одними изъ нихъ; по всей вѣроятности, они были воздвигнуты въ XI вѣкѣ, чтобы создать удобный проходъ къ собору Св. Павла. По обычаю, у каждыхъ воротъ находился постоянно небольшой гарнизонъ, содержащійся для охраны на счетъ короля или торговцевъ, бравшихъ на откупъ

---

[1]) Многочисленныя фактическія данныя по исторіи Newgate находятся, къ сожалѣнію въ разбросанномъ видѣ, въ книгѣ Charles Gordon, The Old Bayley and Newgate. London. 1902.

пошлины съ привозимыхъ въ городъ припасовъ. Извѣстно, напр.. что стража у Bishopsgate содержалась на счетъ Ганзейскаго союза. Этой стражѣ было удобно поручать, кромѣ прямыхъ ея обязанностей, и охрану лицъ, подвергаемыхъ по различнымъ причинамъ лишенію свободы. Помѣщеніе Ньюгэта, не занимавшаго центральнаго положенія, первоначально было весьма небольшимъ; въ немъ можно было встрѣтить уже съ конца XII в. лишь подслѣдственныхъ, заключенныхъ въ ожиданіи суда, послѣ того какъ о нихъ былъ произведенъ розыскъ.

При Генрихѣ II старое помѣщеніе оказывается тѣснымъ. Въ 1188 г. изъ казны ассигнуется 66 шиллинговъ 8 пенсовъ на покупку земли подъ новое зданіе тюрьмы. Вновь отстроенное новое зданіе исправно служило своему назначенію въ теченіе двухъ вѣковъ. Съ XIV вѣка Ньюгэтъ становится исключительно королевской тюрьмой; король всецѣло распоряжался ею, порою къ немалому притѣсненію гражданъ. Въ 1419 г. сосѣдняя съ Ньюгэтомъ тюрьма Людгэтъ была упразднена, и большинство заключенныхъ было переведено до истеченія срока заключенія въ Ньюгэтъ. Уже въ то время тюрьма эта находилась въ крайне антисанитарномъ состояніи. „Вслѣдствіе уничтоженія и разрушенія тюрьмы у Людгэта“—встрѣчаемъ мы въ одномъ описаніи 1419 г.—„которая раньше предназначалась для блага и удобства гражданъ и прочихъ уважаемыхъ лицъ, и вслѣдствіе отвратительной и испорченной атмосферы этой ужасной тюрьмы у Ньюгэта, многіе изъ бывшихъ заключенныхъ въ Людгэтѣ умерли, хотя могли бы остаться въ живыхъ, если бы ихъ сохранили въ прежней тюрьмѣ; поэтому Ричардъ Уайтингтонъ, мэръ и старшина, 2 ноября предписалъ снова возстановить прежнюю тюрьму Людгэтъ и содержать тамъ гражданъ и уважаемыхъ лицъ, которыхъ онъ, мэръ, найдетъ нужнымъ заключить туда. При этомъ никто не можетъ быть смотрителемъ этой тюрьмы, если онъ не представитъ шерифу достаточныхъ гарантій. что будетъ содержать тюрьму и заключенныхъ въ безопасномъ состояніи“. Мы видимъ, что классификація въ тюрьмахъ въ то время проводилась по сословному началу и что

Ньюгэтъ былъ предназначенъ для низшихъ слоевъ населенія; для болѣе знатныхъ атмосфера его была нестерпима.

Положеніе Ньюгэта нѣсколько мѣняется въ серединѣ XV вѣка. Ричардъ Уайтингтонъ, о которомъ мы только-что упоминали, завѣщаетъ въ 1445 г. значательную сумму на перестройку этой „отвратительной тюрьмы“. Частная благотворительность въ это время вообще была существеннымъ источникомъ тюремнаго бюджета. Мы встрѣчаемъ, напр., въ XIV вѣкѣ указанія на то, что пропитаніе заключенныхъ въ Ньюгэтѣ происходило на счетъ благотворительной организаціи „Pui“; это религіозное общество часто устраивало празднества, и согласно уставу общества всѣ остатки пищи должны были передаваться на пропитаніе заключенныхъ въ Ньюгэтѣ [1]).

Конецъ XV-го и XVI вѣкъ—печальныя страницы въ исторіи Ньюгэта, ставшаго темницей для религіозныхъ преступниковъ. Это внушаетъ ненависть къ нему, и въ 1601 г. толпа дѣлаетъ попытку овладѣть Ньюгэтомъ и разрушить эту тюрьму; но эта попытка кончается безуспѣшно. Повидимому, условія существованія въ Ньюгэтѣ были не изъ хорошихъ, такъ какъ въ началѣ XVII вѣка мы встрѣчаемъ рядъ петицій на имя короля о переводѣ въ другія тюрьмы „изъ этого мѣста позора и великаго страданія“. Политическія гоненія переполняютъ тюрьму сверхъ мѣры. Оффиціальные отчеты свидѣтельствуютъ объ ужасномъ положеніи ея, о случаяхъ чумной заразы, о слабости надзора. Дѣйствительно, вся забота о благоустройствѣ лежала на особыхъ смотрителяхъ, которые должны были заботиться о тюрьмѣ, получая за то отъ заключенныхъ извѣстное вознагражденіе, и которые были мало заинтересованы въ надлежащемъ режимѣ. Порядокъ тюремной жизни устанавливался скорѣе обычаемъ, чѣмъ сознательной дѣятельностью администраціи или закона [2]).

---

[1]) Съ XV вѣка „Pui“ входитъ въ обычай; церковь беретъ на себя заботы по содержанію заключенныхъ и удѣляетъ на это извѣстную часть сборовъ, взимаемыхъ съ прихожанъ за мѣста въ церкви.

[2]) Здѣсь мы встрѣчаемъ ту же „общину“ заключенныхъ, которую нѣкоторые, напр., Максимовъ, считали характерной чертой русскихъ тюремъ; здѣсь

Невыносимое положеніе заключенныхъ побуждало ихъ къ безпорядкамъ, и въ 1648 г. мы встрѣчаемъ вооруженную попытку 17-ти заключенныхъ совершить побѣгъ. Въ 1664 г. мы находимъ слѣдующую замѣтку о Ньюгэтѣ: „Ньюгэтъ такъ переполненъ, что заключенные умираютъ отъ злокачественной лихорадки, и судьи, признавшіе неудобнымъ, чтобы они дышали *при жизни* открытымъ воздухомъ, *послѣ смерти* хоронятъ ихъ, какъ братьевъ“. Къ счастью, большой лондонскій пожаръ 1666 г. уничтожилъ значительную часть тюрьмы; внѣшняя, архитектурная сторона, впрочемъ, сохранилась. Фотографія, находящаяся въ Британскомъ Музеѣ, представляетъ намъ старый Ньюгэтъ въ видѣ трехэтажнаго зданія. Надъ высокими воротами, проходящими сквозь зданіе, помѣстились статуи богинь Правосудія, Храбрости и Благоразумія—съ восточной стороны, и статуи Свободы, Мира, Безопасности и Богатства—съ западной. У ногъ статуи Свободы помѣщенъ котъ, какъ утверждаютъ—намекъ на Уайтингтона, на средства котораго сооружена тюрьма. Нѣкоторая роскошь постройки снаружи была въ рѣзкомъ противорѣчіи съ крайнимъ убожествомъ ея внутри.

Послѣ пожара, въ общей архитектурѣ тюрьмы были сдѣланы лишь небольшія измѣненія. Внутри по прежнему продолжали господствовать грязь, пьянство, безнравственность, отсутствіе всякихъ санитарныхъ приспособленій и необычайная тѣснота. Иллюстраціей состоянія тюрьмы можетъ служить случай, имѣвшій мѣсто въ Старомъ Бэйли въ маѣ 1750 г. Вслѣдствіе роспуска значительной части арміи, праздношатаніе и преступленія распространились по странѣ. Тюрьмы

имѣлось и „влазное“—garnish, вымогаемое подъ угрозой истязанія отъ каждаго вновь вступающаго въ тюрьму сидѣльца. Только въ 1792 г. административными мѣрами обычай этотъ былъ искорененъ. Заключенные, не желавшіе платить смотрителямъ, заключались въ такъ назыв. Hold, всѣ вмѣстѣ, безъ различія пола; каждый неимущій заключенный могъ требовать монету въ шиллингъ отъ самаго молодого изъ арестантовъ для уплаты смотрителю; если онъ позднѣе былъ оправданъ, то на его обязанности было вернуть этотъ шиллингъ (такъ назыв. quit shilling). Мѣсто смотрителя въ Ньюгэтѣ было очень выгоднымъ; въ 1696 г. должность keeper (смотрителя) была продана за 3500 ф. ст. Это объясняется тѣмъ, что смотритель и надзиратели брали поборы почти за все.

были переполнены, въ томъ числѣ и Ньюгэтъ, который былъ настолько отравленъ находившимися тамъ преступниками, что въ воздухѣ стоялъ постоянный смрадъ. Присутствіе преступниковъ изъ Ньюгэта въ судѣ вызвало тамъ чумную лихорадку, отъ которой умерло двое адвокатовъ, восемь присяжныхъ и нѣсколько постороннихъ; посѣщеніе самой тюрьмы для должностныхъ лицъ было небезопаснымъ дѣломъ. Отдѣльныя санитарныя мѣры приносили мало пользы, и потому въ 1755 г. была начата капитальная перестройка старой тюрьмы, существовавшей въ неизмѣнномъ видѣ почти три столѣтія; съ этого момента было рѣшено прекратить систему откупа и принять расходы по тюрьмѣ на счетъ Сити. Парламентъ ассигновалъ на постройку 50.000 ф. ст., и въ 1770 г. состоялась закладка новаго зданія. Новая тюрьма должна была отвѣчать всѣмъ требованіямъ зарождавшейся тогда пенитенціарной науки. Въ ней находились особые корпуса для мужчинъ и женщинъ, для должниковъ и для уголовныхъ преступниковъ, для обычныхъ заключенныхъ и для направляемыхъ въ ссылку; при тюрьмѣ имѣлись церковь и пристройки. Одновременно съ тюрьмой было отстроено и новое зданіе суда. Оба зданія были выстроены по планамъ архитектора Данса. Новое строеніе было нѣсколько попорчено пожаромъ во время мятежей Джорджа Гордона, сторонника папистовъ, вмѣстѣ съ толпою напавшаго на тюрьму въ 1780 г. для освобожденія находившихся тамъ заключенныхъ. Но вскорѣ оно было вполнѣ реставрировано. Внѣшнее устройство тюрьмы было, повидимому, удовлетворительнымъ. Объ этомъ мы можемъ судить по описанію ея, оставленному Д. Говардомъ въ его книгѣ „О положеніи тюремъ въ Англіи и Уэльсѣ“, вышедшей въ 1777 г. Въ 1789 г., въ другомъ сочиненіи, Говардъ указываетъ лишь на крайнюю тѣсноту въ Ньюгэтѣ. „Въ трехъ или четырехъ комнатахъ помѣщаются въ тѣснотѣ 150 женщинъ, при чемъ молодыя соединены со старыми и закоренѣлыми преступницами, и нѣкоторыя изъ нихъ содержатся долѣе двухъ лѣтъ; на мужской половинѣ можно видѣть много мальчиковъ 12-ти или 14-ти лѣтъ; нѣкоторые изъ нихъ почти наги. Въ мужской больницѣ только семь желѣзныхъ

кроватей, а больныхъ до 30, и многіе изъ нихъ въ отчаянномъ положеніи и покрыты болячками; спятъ на полу. Въ женской больницѣ 4 больныхъ; помѣщеніе въ 14×12 футовъ; окна нѣтъ, матрасовъ нѣтъ; пахнетъ потомъ. Въ отдѣленіи для уголовныхъ я нашелъ кружки пива и т. д.". Общее число заключенныхъ въ Ньюгэтѣ въ эту эпоху было свыше 650 человѣкъ.

Съ XIX вѣка мы встрѣчаемъ рядъ отчетовъ о Ньюгэтѣ, въ которыхъ приводятся постоянныя жалобы на его неприспособленность, на злоупотребленія, на господствующее въ тюрьмѣ пьянство, на плохую классификацію преступниковъ. Свѣтлой страницей въ исторіи тюрьмы въ началѣ XIX вѣка является просвѣтительная дѣятельность богатой негоціантки и благотворительницы Елизаветы Фрэй въ женской половинѣ Ньюгэта, впервые организовавшей здѣсь школу и посвятившей заботѣ о заключенныхъ остатокъ своей жизни. Вмѣстѣ съ группой сотрудницъ она организовала здѣсь первое общество патроната. По ея совѣту, впервые была введена классификація, и заключенныя были распредѣлены на небольшія группы, по 10—12 человѣкъ въ каждой, подъ надзоромъ старшей, избираемой изъ ихъ среды. Положеніе послѣдней обезпечивало ей нѣкоторыя привилегіи и сокращеніе наказанія. Но скоро было замѣчено, что сохраненіе даже въ такомъ ограниченномъ видѣ общенія между заключенными вызывало большія осложненія и препятствовало дѣйствительному исправленію ихъ. Система Елизаветы Фрэй не удержалась и замѣнилась вскорѣ полнымъ одиночнымъ режимомъ, но до сихъ поръ живы завѣты Фрэй и продолжаетъ существовать общество Sisterhood of Elisabeth Fry, имѣющее своей задачей облегчить участь заключенныхъ женщинъ.

Парламентскій комитетъ 1837 г. послѣ тщательной ревизіи Ньюгэта впервые вводитъ здѣсь одиночное заключеніе для подслѣдственныхъ и постановляетъ о перестройкѣ Ньюгэта. Но лишь черезъ 20 лѣтъ, въ 1857 г., подъ руководствомъ архитектора Бэннига началась перестройка Ньюгэта въ одиночную тюрьму. На мѣсто старыхъ обширныхъ камеръ для нѣсколькихъ десятковъ заключенныхъ по-

явились тѣсныя стальныя камеры. Три яруса келій, расположенныхъ по коррідорной системѣ, появились въ каждомъ отдѣленіи. Тяжелыя желѣзныя двери разъединили заключенныхъ. На ряду съ этимъ были введены строгая классификація и точныя санитарныя правила. Каждому заключенному полагалось 12 галлоновъ воды въ день; установлены обязательныя посѣщенія врачемъ и администраціей заключенныхъ; введены обязательныя работы, выработаны таблицы пищевого довольствія. Словомъ, выработанный тюремный режимъ съ его сложной системой регламентаціи занялъ мѣсто прежней неурядицы, державшейся на системѣ откупа.

Но странное впечатлѣніе производила эта мрачная, снаружи глухо закрытая тюрьма среди шумнаго Сити, расположенная на мѣстѣ, ставшемъ изъ окраины города, какой оно было въ XI вѣкѣ, крупнѣйшимъ міровымъ центромъ. Тюрьма сохранилась здѣсь, какъ осколокъ отдаленныхъ столѣтій; но даже глубокое уваженіе къ прошлому, какое питаютъ англичане, не могло сопротивляться болѣе важнымъ жизненнымъ потребностямъ, постоянно стремившимся вытѣснить тюрьму и занять ея мѣсто. Наиболѣе упорнымъ претендентомъ являлся старый судъ, сначала скромно примостившійся сбоку тюрьмы, а затѣмъ все шире и шире развивавшій свою дѣятельность. Судъ соединялся со своею сосѣдкой-тюрьмой длиннымъ коррідоромъ, превращеннымъ въ тюремное кладбище: идя на судъ, каждый обвиняемый долженъ былъ совершать эту „прогулку въ клѣткѣ“, по плитамъ, за которыми были похоронены тѣла его казненныхъ предшественниковъ. Но въ 1881 г. было рѣшено окончательно порвать эту традиціонную связь тюрьмы съ судомъ. Побѣдить долженъ былъ этотъ послѣдній, а старуха Ньюгэтъ, запятнавшая свое многовѣковое существованіе многими кровавыми дѣлами, подлежала полному изгнанію изъ памяти народа. Въ 1902 году ломъ и кирка въ союзѣ съ порохомъ быстро разрушили до основанія старую тюрьму, а еще черезъ четыре года на ея мѣстѣ горделиво раскинулся новый дворецъ правосудія.

IV.

Гораздо больше интереса, по сравненію съ внѣшней исторіей тюрьмы, представляетъ ея внутренняя исторія. Являясь въ теченіе восьми столѣтій одною изъ центральныхъ тюремъ, Ньюгэтъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ преступниковъ различныхъ категорій; онъ пережилъ различныя направленія уголовнаго правосудія, каждое изъ которыхъ отражалось на составѣ его обитателей. Подобно тому какъ геологъ, изслѣдуя наслоенія земной коры, можетъ судить о характерѣ соотвѣтственныхъ эпохъ, такъ и историкъ, наблюдая смѣну однѣхъ категорій заключенныхъ другими, можетъ сдѣлать заключеніе о господствовавшей въ извѣстный періодъ системѣ правосудія. Въ этомъ отношеніи и исторія Ньюгэта бросаетъ довольно обильный свѣтъ на исторію преступности въ Англіи.

До XIV вѣка эта тюрьма не имѣла строго опредѣленной цѣли: сюда заключались по самымъ различнымъ поводамъ отдѣльныя лица, какъ самимъ королемъ, такъ и городскими властями. Лишь въ 1329 г. мы встрѣчаемъ въ прокламаціи Эдуарда III перечисленіе тѣхъ проступковъ, за которые виновные подлежатъ заключенію въ Ньюгэтѣ. Здѣсь мы находимъ „партійные раздоры, самоуправства, сходбища въ Сити или внѣ его, въ нарушеніе королевскаго мира или къ тревогѣ народа, безпорядки“; виновнымъ въ этихъ нарушеніяхъ общественнаго порядка грозило годичное лишеніе свободы въ Ньюгэтѣ. Но на ряду съ этими запретами, носящими нѣсколько политическій характеръ, мы встрѣчаемъ среди заключенныхъ въ Ньюгэтѣ виновныхъ въ преступленіяхъ, весьма характерныхъ для средневѣковаго городского населенія, какъ напр., ночное шатанье съ оружіемъ, стачки, злоупотребленія въ торговлѣ и проч.

Конецъ XIV-го и XV вѣкъ, хотя и знаменуютъ собою прогрессъ въ сферѣ парламентской исторіи, въ области правосудія оказали скорѣе разлагающее вліяніе, вызвавъ анархію, испорченность и нравственный упадокъ общества; законодатель тщетно ополчается противъ азартныхъ игръ, роскоши, пьянства, съ одной стороны, и противъ возмущеній рабочихъ,

съ другой. Виновные въ этихъ проступкахъ составляютъ главный контингентъ заключенныхъ въ тюрьмахъ. Въ сферѣ другихъ преступленій господствуютъ въ качествѣ наказаній суровыя казни, и легкая кража уже влечетъ смерть или изувѣчивающее наказаніе. О роли самаго Ньюгэта въ эту эпоху мы имѣемъ очень мало свѣдѣній.

Но вотъ наступаетъ эпоха реформаціи, совпадающая съ расцвѣтомъ династіи Тюдоровъ. Преступность быстро мѣняетъ свой характеръ; она особенно обостряется въ религіозной области, и здѣсь мы встрѣчаемъ рядъ гоненій, при чемъ заключеніе въ Ньюгэтъ играетъ не послѣднюю роль въ качествѣ средства борьбы съ папистами. „Со времени отдѣленія англиканской церкви отъ Рима“ — пишетъ Холлъ [1]), „было издано множество уголовныхъ законовъ, охранявшихъ развитіе новой религіи, и это вызвало, несомнѣнно, быстрый ростъ преступниковъ. Епископъ Фишеръ и Томасъ Моръ были обезглавлены за отрицаніе церковнаго верховенства короны (актъ 1534 г.), и значительное количество аббатовъ и менѣе знаменитыхъ лицъ раздѣлили ихъ участь. Благодаря осужденію этихъ аббатовъ, нѣкоторые большіе монастыри были обращены въ собственность короля, вопреки всякимъ законамъ. Въ царствованіе Эдуарда VI множество народа было заключено въ тюрьму за слушаніе католической обѣдни и за другія подобныя преступленія. Преслѣдованія обрушивались большею частью на высшихъ знатныхъ лицъ и духовенство, до самаго царствованія королевы Маріи. При Елизаветѣ мы узнаемъ изъ іезуитскаго источника, что „религіозныя преслѣдованія въ Англіи чудовищно велики—пять священниковъ были обезглавлены, четверо повѣшены и четвертованы и пять побиты камнями“. И вотъ въ Ньюгэтѣ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ религіозныхъ преступниковъ. Героизмъ нѣкоторыхъ изъ нихъ заслуживаетъ упоминанія. Въ 1555 г. здѣсь былъ заключенъ Роджерсъ, викарій собора Св. Павла, сожженный затѣмъ въ Смитфильдѣ. Вотъ описаніе казни его, со словъ Фокса: „Когда онъ былъ приведенъ изъ Ньюгэта на мѣсто

---

[1]) Hall. Crime in its relation to social progress. 1902. p 205.

казни, то спачала къ нему приблизился одинъ изъ шерифовъ Вудруфъ и предложилъ отречься отъ его отвратительнаго ученія и дурныхъ мнѣній. Но Роджерсъ отвѣтилъ:—То, что я проповѣдывалъ. я хочу скрѣпить и своею кровью.—Тогда ты будешь признанъ еретикомъ,—замѣтилъ шерифъ.—Это мы увидимъ въ день суда,—былъ отвѣтъ Роджерса.—Но я не буду никогда просить за тебя предъ королевой—сказалъ шерифъ.—Я же за васъ помолюсь,—произнесъ Роджерсъ, и послѣ этого 4 февраля онъ былъ приведенъ въ Смитфильдъ. По дорогѣ онъ пѣлъ псаломъ miserere и привелъ въ изумленіе народъ своимъ постоянствомъ и благодареніемъ Бога. Затѣмъ въ присутствіи Рочестера, уполномоченнаго королевы Маріи, и громадной толпы народа онъ былъ сожженъ. За нѣсколько минутъ до сожженія ему было принесено помилованіе, подъ тѣмъ условіемъ, что онъ отречется отъ своихъ ученій; но онъ рѣшительно отвергъ это предложепіе. У него было одиннадцать дѣтей, послѣдній изъ которыхъ еще сосалъ грудь матери; они вышли навстрѣчу ему по дорогѣ въ Смитфильдъ, но даже видъ ихъ безпомощности не могъ смягчить его преклонности“. Другой не менѣе интересный примѣръ мужества представляетъ дѣло Роберта Смита, имѣвшее мѣсто въ томъ же году. „Добрый читатель“,—пишетъ лѣтописецъ того времени—„ты не только прочти, но и послѣдуй примѣру христіанскаго мужества, обнаруженнаго этимъ человѣкомъ въ защиту дѣла Господа. Ты видишь его сначала стоящимъ на допросѣ предъ епископомъ и докторомъ; затѣмъ онъ заключенъ въ тюрьму Ньюгэтъ и здѣсь ежедневными молитвами и проповѣдями онъ сбиралъ вокругъ себя заключенныхъ, которыхъ отговаривалъ отъ несправедливостей, и многіе изъ нихъ обратились тогда въ его религію“. До 1603 г.—конца Тюдорской династіи—продолжаются религіозныя заточенія въ Ньюгэтѣ [1]).

Династія Стюартовъ продолжала наказывать своихъ религіозныхъ и политическихъ противниковъ, какъ преступниковъ,

---

[1]) Между 1588 и 1603 г.г. 110 католиковъ были казнены за религіозныя убѣжденія. Во время католической реакціи при Маріи 277 „еретиковъ“ были сожжены на кострахъ.

и Ньюгэту пришлось снова переполняться заключенными этих категорій. Свѣдѣнія, касающіяся 1612—1614 г.г., показываютъ, что здѣсь содержалось много преслѣдуемыхъ священниковъ. Въ 1626 г. въ этой тюрьмѣ содержались 162 лица, подозрѣваемыхъ въ склонности къ католицизму, среди которыхъ встрѣчается рядъ знатныхъ именъ, Порою заключались сюда и религіозные маніаки, страдающіе маніей величія, какъ въ 1637 г. Ричардъ Фарнамъ—„величайшій пророкъ Бога, подданный короля и плѣнникъ Спасителя Христа въ Ньюгэтѣ“. Во второй половинѣ XVII вѣка жертвами преслѣдованія становятся квакеры. Въ 1638 г. было 122 заключенныхъ квакера за отказъ отъ присяги, отъ снятія шляпы, за присутствіе на митингахъ и неплатежъ десятинъ. При республикѣ 1648 г. появляется новый классъ заключенныхъ—лойялисты, среди которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ полковникъ Clarke, майоръ Wright и капитанъ Wascot, какъ главные руководители этой партіи. Въ 1660 г. Ньюгэтъ, наоборотъ, заполненъ лицами, арестованными вслѣдствіе связи ихъ съ убійствомъ Карла I. Конецъ XVII вѣка увеличиваетъ еще число политическихъ заключенныхъ. Когда въ 1689 г. Вильямъ и Марія были провозглашены суверенами Англіи, то главный судья Райтъ и двадцать армейскихъ офицеровъ были заключены въ Ньюгэтъ по обвиненію въ измѣнѣ. Всѣ заключенные были заподозрѣны въ приверженности бывшему королю Якову II и лишены здѣсь свободы на долгій срокъ.

Только съ XVIII вѣка падаетъ число заключенныхъ за политическія и религіозныя преступленія. Мѣсто ихъ занимаютъ, съ одной стороны, несостоятельные должники, помѣщающіеся въ лучшей части тюрьмы, съ другой—бродяги и воры, сотнями и тысячами приговариваемые въ ту эпоху къ ссылкѣ въ Америку, а позднѣе—въ Австралію, и содержавшіеся здѣсь до отсылки. Съ отпаденіемъ политическаго кризиса, заботы законодателя направились на внутреннее устройство страны; были приняты рѣшительныя мѣры противъ пьянства, азарта, подкуповъ, публичнаго разврата. Противъ этихъ пороковъ былъ начатъ настоящій крестовый походъ, и въ результатѣ создалась энергичная репрессія въ этой области, пере-

полнившая тюрьмы. Наконецъ, *лишь* въ началѣ XIX вѣка смягченная наказуемость имущественныхъ преступленій ввела въ тюрьмы преступниковъ противъ собственности, прежде ссылаемыхъ и казнимыхъ, а нынѣ составляющихъ громадное большинство всѣхъ заключенныхъ.

Мы видимъ, что Ньюгэтъ пережилъ въ своей исторіи всѣ тѣ же стадіи, какія можно было наблюдать въ развитіи англійскаго правосудія, и серіи связанныхъ съ нимъ воспоминаній могутъ служить иллюстраціей общаго развитія преступленій. Изъ *большого числа заключенныхъ народная память съ особенной* внимательностью останавливается на нѣкоторыхъ герояхъ Ньюгэта, которые до сихъ поръ окружены какимъ то мистическимъ *ореоломъ и имена которыхъ*, по своей славѣ, могутъ поспорить со славой многихъ государственныхъ дѣятелей. Я позволю себѣ привести характеристики нѣкоторыхъ изъ нихъ.

V.

Едва-ли не самымъ популярнымъ является Джэкъ Шеппардъ (Jack Sheppard), побѣги котораго изъ тюремъ создали ему широкую славу и сдѣлали его героемъ многихъ романовъ. Едва-ли чьи либо дѣянія надѣлали столько шуму въ Англіи, какъ его преступленія. Онъ началъ свою преступную дѣятельность въ 1722 г., 19-ти лѣтъ, съ небольшихъ грабежей и кражъ и уже въ слѣдующемъ 1723 в. былъ осужденъ къ заключенію въ Ньюгэтѣ, но, не просидѣвъ тамъ и нѣсколькихъ дней, бѣжалъ со своей фиктивной женой. Въ слѣдующемъ году онъ былъ уже приговоренъ къ смертной казни, но опять бѣжалъ съ помощью очень искусныхъ приспособленій. Онъ обладалъ очень красивой наружностью и всегда среди женщинъ находилъ спасительницъ, готовыхъ жертвовать всѣмъ для его освобожденія. Несмотря на необычайныя мѣры предосторожности по отношенію къ нему, онъ устроилъ послѣдовательно еще нѣсколько отчаянныхъ побѣговъ, пока, наконецъ, не былъ окончательно водворенъ въ Ньюгэтъ и здѣсь закованъ такъ, что почти не могъ пошевелиться. Онъ

былъ привезенъ на площадь для повѣшенія; здѣсь случайно былъ обнаруженъ его дальнѣйшій планъ: друзья должны были чрезъ нѣкоторое время снять его съ петли и оживить посредствомъ растираній, но палачъ принялъ вѣрныя мѣры и самъ дождался полной смерти. Шеппардъ былъ казненъ 23 лѣтъ, пріобрѣтя къ этому времени большую славу своимъ бравированіемъ опасности при совершеніи преступленій и удачей въ побѣгахъ.

Другой замѣчательной личностью является Іонаѳанъ Вильдъ, человѣкъ обладавшій недюжиннымъ организаторскимъ талантомъ и большимъ умомъ. Я приведу повѣствованіе о немъ, составленное Pike'омъ, авторомъ History of the crime in England (t. II, p. 255). „Въ государствѣ воровъ Іонаѳанъ Вильдъ былъ чѣмъ-то въ родѣ диктатора, но какъ большинство великихъ людей среднихъ вѣковъ, онъ достигъ своего величія путемъ сомнительныхъ поступковъ. Начавъ съ малаго, онъ сталъ въ Лондонѣ главнымъ укрывателемъ всѣхъ краденыхъ вещей. Онъ пріобрѣлъ и удержалъ за собою это положеніе постояннымъ примѣненіемъ двухъ простыхъ принциповъ: онъ всѣми мѣрами содѣйствовалъ властямъ для ареста всѣхъ тѣхъ злодѣевъ, которые не признавали его авторитета; съ другой стороны, онъ также всѣми мѣрами старался возмѣщать убытки тѣхъ ограбленныхъ лицъ, которыя питали къ нему довѣріе. Впослѣдствіи онъ учредилъ контору для отыскиванія похищенныхъ вещей, къ которой правительство должно было на время относиться снисходительно. Тамъ ограбленный домогался аудіенціи у единственнаго человѣка, который могъ обѣщать ему удовлетвореніе; тамъ грабители собирались, какъ рабочіе на базарѣ, получать плату за сдѣланную работу. Вильдъ былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ независимъ не менѣе государей, такъ какъ онъ распоряжался жизнью и смертью другихъ. Подчинившагося ему вора онъ могъ вознаградить, а грабителя, не прибѣгавшаго къ его покровительству, могъ повѣсить. Онъ могъ за приличное вознагражденіе отыскать потерянное, но, если условія кѣмъ либо не выполнялись, онъ могъ подобныхъ лицъ заставить пожалѣть объ отсутствіи у нихъ обычнаго благоразумія. Онъ никогда не до-

пускалъ снисходительности при выполненіи своихъ строгихъ дѣловыхъ правилъ. Цѣнныя вещи онъ старательно пряталъ въ своихъ многочисленныхъ амбарахъ, и, если для нихъ не было сбыта въ Англіи вслѣдствіе равнодушія ограбленныхъ лицъ или вслѣдствіе опасенія скомпрометировать сбытчиковъ, то онъ ихъ переправлялъ на собственномъ суднѣ въ Голландію, гдѣ у него находился надежный агентъ. Подобно варварскимъ монархамъ, онъ дѣлалъ подарки, когда хотѣлъ выразить желаніе дружбы или помощи. Чтобы подобныя милости никого не смущали, онъ прибѣгалъ къ помощи опытныхъ мастеровъ, которые до того могли измѣнить видъ шкатулки, кольца или часовъ, что даже собственникъ никогда не узналъ бы ихъ. Довольный хорошей службою своихъ подчиненныхъ, онъ въ случаѣ, если имъ грозила какая нибудь опасность, давалъ имъ мѣсто въ своей квартирѣ, снабжалъ ихъ деньгами, платьемъ, находилъ для нихъ занятія въ скрытыхъ углахъ. Онъ даже не ограничивалъ своей дѣятельности Лондономъ, а, по примѣру другихъ завоевателей и грабителей, руководясь собственной логикой, раздѣлилъ Англію на округа и назначилъ для каждаго отдѣльную шайку. Ему доставлялся отчетъ о собранныхъ доходахъ. Какъ хорошо организованная армія имѣетъ представителей различнаго рода оружія, такъ и Вильдъ имѣлъ спеціальные отряды для ограбленія церквей, особую дружину для дѣятельности на большихъ торжествахъ въ Лондонѣ и особыя партіи для успѣшной работы на провинціальныхъ ярмаркахъ. Для личной стражи его избирались личности, не столько годныя по внѣшности или отличившіяся на полѣ дѣйствія, сколько отличавшіяся особой преданностью. Лучшею рекомендаціею такого лица было то, что оно было осуждено, сослано и бѣжало съ ссылки до окончанія срока. Такое лицо было вполнѣ во власти Вильда. Авторитетъ его былъ, поэтому, вдвойнѣ сильнѣе, и, подобно другимъ, онъ не мало злоупотреблялъ своею властью. Онъ пользовался беззаботно и безгранично всѣми средствами, находившимися въ его распоряженіи, и для огражденія своей безопасности, и для устраненія лицъ, казавшихся ему подозрительными. Необходимо было,

для успокоенія общественнаго мнѣнія, предавать казни значительное число воровъ и грабителей, и онъ сразу удовлетворялъ народнымъ требованіямъ правосудія и своимъ личнымъ принципамъ, выдавая полиціи всѣхъ укрывавшихъ отъ него добычу или не желавшихъ съ нимъ дѣлиться. Въ случаѣ нужды, онъ не брезговалъ и подставными жертвами изъ числа невинныхъ. Послѣдніе, обыкновенно, погибали, потому что имѣли несчастье знать невыгодные для него факты или потому, что предлагалась крупная награда за осужденіе лица, собиравшагося совершить большое преступленіе". Подъ конецъ своей дѣятельности Вильдъ сталъ крупнымъ торговцемъ, ведшимъ дѣла съ Остенде, Брюсселемъ, Гентомъ и другими городами. Но въ 1725 г. онъ былъ осужденъ за кражу и, несмотря на всѣ ухищренія, былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ смертной казни. Палачъ медлилъ ея исполненіемъ, пока, наконецъ, сама толпа, озлобленная на этого „короля воровъ", подъ угрозой смерти, не принудила палача выполнить его дѣло. До насъ дошелъ любопытный пригласительный билетъ на эту казнь, разосланный всѣмъ членамъ шайки Вильда съ просьбой пожаловать на „переходъ достойнаго Іонаѳана Вильда, вашего друга, изъ мѣста заключенія въ Ньюгэтѣ къ тройному дереву, гдѣ онъ въ послѣдній разъ явится предъ вами, послѣ чего его тѣло будетъ перенесено для приличнаго погребенія вмѣстѣ съ предками".

Далѣе, мы встрѣчаемъ въ Ньюгэтѣ цѣлый рядъ преступниковъ и преступницъ меньшаго значенія, какъ Catharine Hayes, отравившую и изрѣзавшую на куски своего мужа въ 1726 г., доктора Камерона, четвертованнаго за укрывательство брата, содѣйствовавшаго претенденту, г-жу Браунриггъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ истязавшую свою дочь, Георга Баринггтона, „принца воровъ и соперника Картуша", и многихъ другихъ, воспоминанія о которыхъ до сихъ поръ еще можно встрѣтить въ рядѣ литературныхъ произведеній, разсчитанныхъ на вниманіе низшихъ слоевъ населенія. Изъ нихъ болѣе знаменита исторія Георга Гордона, руководителя знаменитыхъ мятежей 1780 г. Послѣ нѣсколькихъ осужденій за ляйбели, онъ былъ, наконецъ, осужденъ за два па-

сквиля противъ Маріи Антуанеты и Россійской Императрицы Екатерины II, и заключенъ въ Ньюгэтъ на 5 лѣтъ. Здѣсь онъ жилъ очень весело, устраивая, подъ снисходительнымъ покровительствомъ смотрителя, пиршества съ участіемъ многихъ постороннихъ лицъ, пока не умеръ отъ тюремной лихорадки въ 1793 г. Всѣ эти знаменитые преступники относятся къ послѣднимъ двумъ столѣтіямъ; болѣе отдаленное прошлое уже не находитъ себѣ отраженія въ народныхъ преданіяхъ скоро забывающаго городского населенія.

VI.

Но Ньюгэтъ былъ не только мѣстомъ заточенія, а и мѣстомъ *публичнаго исполненія смертныхъ казней и тѣлесныхъ* наказаній. Уже въ 1364 г. мы находимъ свѣдѣнія о томъ что на площади передъ этой тюрьмой выполнялись различныя наказанія. Нѣкто Джонъ Гакфордъ былъ осужденъ за злоумышленіе противъ начальника города. Приговоръ его гласитъ: „И пусть упомянутый Джонъ остается въ тюрьмѣ на срокъ въ одинъ годъ и одинъ день... и въ теченіе этого года онъ будетъ четырежды наказанъ позорнымъ столбомъ слѣдующимъ образомъ: упомянутый Джонъ будетъ выведенъ изъ Ньюгэта безъ шапки и пояса, босикомъ, безъ обуви, съ камнемъ на цѣпи, свѣшивающимся съ шеи, лежащимъ на его груди, на которомъ будутъ написаны слова: „лживый обманщикъ“, и пусть его сопровождаютъ два барабанщика, которые должны провозглашать при звукѣ барабановъ его вину. И упомянутый Джонъ будетъ оставаться у позорнаго столба по три часа каждый разъ и, затѣмъ, обратно отведенъ въ Ньюгэтъ, пока не исполнится срокъ его наказанія“.

При входѣ въ Ньюгэтъ внутри тюремнаго двора до самаго послѣдняго времени сохранялось особое помѣщеніе Press-yard, гдѣ еще не столь давно подвергали особой пыткѣ обвиняемыхъ, отказывавшихся дать согласіе на рѣшеніе ихъ дѣла судомъ присяжныхъ. Судъ этотъ, являвшійся сначала только привилегіей. обусловливался согласіемъ подсудимаго, но съ

эпохи Эдуарда IV, съ 1475 г., это согласіе перестало быть добровольнымъ и стало вымогаться посредствомъ особаго peine forte et dure. Если, на вопросъ судьи, подсудимый молчалъ, то судья долженъ былъ разслѣдовать, находится ли онъ въ такомъ состояніи „по злому умыслу“ или „по волѣ Божьей“, и если судья находилъ, что онъ безмолвствуетъ по волѣ Божьей, то онъ долженъ былъ изслѣдовать тожество личности подсудимаго и всѣ тѣ оправдательныя положенія, которыя могъ бы представить подсудимый, если бы онъ не былъ безмолвенъ; если же подсудимый по „злому умыслу“ отказывался „отдаться на судъ Бога и страны“, то, говоритъ законъ, „пусть онъ будетъ отправленъ въ тюрьму, откуда онъ пришелъ, и помѣщенъ въ темницу, лишенную свѣта, и тамъ пусть положатъ его на голый полъ безъ матраца, соломы или покрывала и безъ всякой одежды, кромѣ повязки вокругъ сокровенныхъ частей тѣла; и пусть онъ лежитъ на спинѣ и голова его будетъ покрыта, а ноги обнажены; и пусть одна его рука будетъ привязана къ одной стѣнѣ комнаты, а другая—къ другой, и пусть то же сдѣлаютъ съ его ногами, а на его тѣло пусть будетъ положено столько желѣза и камней, сколько онъ можетъ выдержать, и болѣе; и когда пройдетъ первый день, онъ получитъ три куска хлѣба безъ всякаго питья, а на второй день онъ получитъ въ три раза больше воды, нежели онъ можетъ сразу выпить, при чемъ эта вода должна быть взята изъ той, что находится у тюремныхъ воротъ, а не изъ проточной, безъ всякаго хлѣба; и такова будетъ его пища, покуда не умретъ“. Эта ужасная пытка была по существу страшнѣе всякой смертной казни, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые подсудимые Стараго Бэйли избирали ее и умирали мученической смертью. Такъ умеръ въ 1657 г. майоръ Стрэнджвей, такъ умеръ извѣстный разбойникъ Вильямъ Спигготъ въ 1721 г., на котораго было положено 400 фунтовъ желѣза; этому испытанію подвергался въ томъ же 1721 г. Натаніэль Хоэсъ, сумѣвшій лишь въ теченіе семи минутъ выдержать тяжесть въ 250 ф. Только въ 1772 г. (act. 12 Geo. III c. 20) эта мѣра была отмѣнена „для болѣе дѣйствительнаго преслѣдованія лицъ, отказывавшихся отвѣчать

по обвиненіямъ въ тяжкихъ преступленіяхъ и пиратствѣ". Господствующій взглядъ объясняетъ суровость пытки peine forte et dure тяжестью того проступка—contempt of court, который совершалъ обвиняемый, отказываясь передать свое дѣло на судъ присяжныхъ. На самомъ дѣлѣ, она объясняется иными мотивами. Приговоръ присяжныхъ, кромѣ смертной казни, влекъ конфискацію всего имущества осужденнаго въ пользу короны; послѣдняя была заинтересована въ томъ, чтобы судъ состоялся, и, потому, усиливала наказанія за отказъ отъ суда. Наоборотъ, подсудимые порою сознательно шли на болѣе мучительную смерть, чтобы сохранить за своей семьей имущество, и peine forte et dure было высокимъ актомъ самопожертвованія изъ любви къ семьѣ въ ту эпоху, когда конфискація имущества своею тяжестью падала на все семейство.

Въ былую эпоху уголовнаго правосудія главное воспитательное вліяніе придавалось публичному исполненію наказанія, дѣйствовавшему на воображеніе зрителей. Въ этомъ отношеніи интересны отдѣльныя описанія казней, производившихся предъ зданіемъ Ньюгэта и Стараго Бейли, начиная съ 1783 г., когда прекратилось исполненіе ихъ въ Тибурнѣ. О первой казни здѣсь мы имѣемъ слѣдующій газетный отчетъ: „2 февраля 1785 г. Сегодня утромъ 20 человѣкъ были повѣшены на площадкѣ предъ Ньюгэтомъ. Передъ тѣмъ, какъ вступить на нее, несчастные преступники поцѣловали другъ друга и, затѣмъ, стали всходить по двое съ пѣніемъ похоронныхъ гимновъ". А вотъ описаніе сожженія женщины, имѣвшее мѣсто въ слѣдующемъ году: „Іюня 22. 1786 г. Шесть мужчинъ и одна женщина сегодня казнены предъ Ньюгэтомъ— четверо за грабежъ, одинъ мужчина за поддѣлку полупенни, и одна женщина за помощь при поддѣлкѣ нѣсколькихъ шиллинговъ. Черезъ четверть часа послѣ казни мужчинъ и обычнаго прикладыванія къ трупамъ [1]) двумя слу-

---

[1]) Послѣ казни толпа набрасывалась на эшафотъ. отчасти, чтобы стащить съ казненнаго имѣвшіе какую либо цѣнность предметы, отчасти по суевѣрнымъ мотивамъ. Въ Англіи существовало повѣріе, что приложеніе руки повѣшеннаго къ части тѣла, покрытой опухолями и болячками, устраняетъ эти послѣднія, и потому многіе добивались такъ наз. „application of hand".

жителями была приведена женщина изъ Ньюгэта и привязана къ столбу, установленному между эшафотомъ и колодцемъ. Столбъ былъ одиннадцати футовъ вышины, а наверху былъ прикрѣпленъ желѣзный крючокъ, на которомъ держался конецъ веревки. Подсудимая стояла на небольшой скамейкѣ, которая, затѣмъ, отъ нея была взята, и она повисла такъ, что ноги были на разстояніи въ нѣсколько вершковъ отъ мостовой. Вскорѣ, когда прекратились признаки жизни, двѣ телѣги съ дровами были помѣщены вокругъ нея и подожжены. Пламя сначала охватило висѣлицу, а затѣмъ—тѣло осужденной; къ половинѣ десятаго утра оставались только ничтожные остатки отъ тѣла, но огонь не потухъ еще до полудня". Въ 1788 г. была сожжена Маргарита Сюлливанъ, а въ 1789 г. имѣлъ мѣсто послѣдній случай сожженія женщины въ Англіи по судебному приговору, именно сожженіе Христины Бауманъ, виновной въ поддѣлкѣ денегъ. Въ 1790 г., наконецъ, былъ изданъ законъ, замѣнявшій сожженіе повѣшеніемъ и для женщинъ. Этотъ обычай сожженія женщинъ, державшійся столь долго, имѣлъ, по свидѣтельству Блэкстона, то объясненіе, что „приличіе, соотвѣтственное женскому полу, запрещаетъ выставлять и публично уродовать ихъ тѣла; поэтому, пусть приговоръ будетъ выполненъ на висѣлицѣ, а затѣмъ виновная будетъ сожжена живьемъ". Дѣло въ томъ, что послѣ повѣшенія тѣло преступника должно было быть разсѣчено на части, хотя на практикѣ это и не всегда выполнялось. Нежеланіе уродовать тѣла женщинъ и было основаніемъ для установленія для нихъ особаго рода казни [1]). Въ 1832 г. былъ отмѣненъ и этотъ вымершій обычай разсѣченія тѣлъ повѣшенныхъ. Столь медленнымъ путемъ шло разложеніе старыхъ казней средневѣковья въ Англіи.

Для характеристики психологіи толпы, стремившейся присутствовать при казняхъ, приведемъ отчетъ о казни

---

[1]) Любопытно, что пережитокъ сожженія, какъ особой казни для женщинъ, до сихъ поръ воскресаетъ порой въ Сѣверной Америкѣ при осуществленіи „права Линча". См. мою статью: „Право Линча въ Америкѣ" „Право" 1907 г. № 2 и 3.

предъ Ньюгэтомъ знаменитаго банкира Генриха Фоунтлероя въ 1824 г. Современный отчетъ опредѣляетъ толпу, присутствующую при казни, слѣдующимъ образомъ: „Въ восемь часовъ толпа была огромна; она далеко заполняла всѣ примыкающія улицы и всѣ мѣста, съ которыхъ невозможно было даже бросить взоръ на мѣсто казни; всѣ окна и крыши были заполнены. Безъ преувеличенія, число собравшихся можно опредѣлить въ 100.000“. Послѣднее публичное исполненіе смертной казни произошло у Ньюгэта 26 мая 1868 г., жертвой ея былъ феніанецъ Михаилъ Баретъ, взорвавшій домъ заключенія въ Клеркенвиллѣ съ цѣлью освободить своихъ товарищей. Но, несмотря на приверженность къ идеѣ устрашительности наказанія, англійское правительство, наконецъ, должно было признать, что публичныя казни стали *моментами празднества и разгула для черни*; что казнь превращалась въ оргію и служила поводомъ для новыхъ преступленій, совершаемыхъ подъ сѣнью висѣлицы. Когда публичное исполненіе ея было отмѣнено, казнь ушла во внутрь Ньюгэта и здѣсь примѣнялась до самаго момента разрушенія тюрьмы [1]).

Смертная казнь была послѣднимъ наказаніемъ, сохранявшимъ еще характеръ публичности. Современная государственная власть стремится воздѣйствовать на народную психологію уже не устрашающими картинами наказаній, а болѣе глубокой этически правовой оцѣнкой преступленія, производимой въ гласномъ судѣ, и потому въ культурныхъ государствахъ не мирится съ обнаженіемъ грубой фактической силы въ области наказанія, хотя не всегда рѣшается отъ нея отказаться.

Въ 1902 г., когда Ньюгэтъ пересталъ существовать, одинъ издатель выпустилъ пространный синодикъ жертвамъ Ньюгэта съ краткимъ обозначеніемъ преступленій ихъ и съ исторіей палачей, отправлявшихъ здѣсь должность въ теченіе послѣд-

---

[1]) Въ настоящее время мѣстомъ казни для Лондона является тюрьма Brixton, расположенная въ нѣсколькихъ миляхъ отъ него. Когда намъ удалось посѣтить ее, то начальникъ любезно сообщилъ, что казнь происходитъ теперь въ одной изъ мастерскихъ тюрьмы, тайно отъ остальныхъ заключенныхъ, при чемъ въ обычное время ничто не напоминаетъ объ ужасной роли этого мѣста.

няго вѣка [1]). Этотъ синодикъ, вышедшій въ двухъ изданіяхъ, является краткой исторіей тюрьмы нынѣ исчезнувшей, чтобы дать мѣсто болѣе свѣтлому будущему уголовнаго правосудія. Въ этой области происходитъ теперь въ Англіи совсѣмъ иная жизнь, преслѣдуются иныя цѣли. Общество обращается къ преступникамъ, вмѣшивается въ область исполненія наказанія уже не для того, чтобы почерпнуть удовольствіе и испытать злорадство по поводу своей безопасности отъ вида казней, а чтобы протянуть руку помощи, чтобы дѣятельной поддержкой призвать осужденнаго вновь къ полезной общественной жизни. А прошлое лишь тяжелымъ кошмаромъ воскресаетъ иногда въ лѣнивомъ раздумьѣ о быломъ.

VII.

На примѣрѣ Ньюгэта мы видѣли, какъ развивалась общественная функція тюрьмы. Мы видѣли, какія карательныя задачи ставились ей въ прошломъ и какова та физіономія, которую эта тюрьма сохраняетъ въ настоящее время. Не менѣе интересны и судьбы *стараго суда*, самостоятельная жизнь котораго хотя и менѣе продолжительна и менѣе сложна, но для современнаго изслѣдователя представляетъ большую важность.

Свѣдѣнія о происходящихъ въ Старомъ Бэйли засѣданіяхъ сессій суда присяжныхъ мы встрѣчаемъ съ XIV в. Здѣсь, повидимому, находилось небольшое строеніе, содержавшееся на средства мэра и шерифовъ, въ которомъ они принимали пріѣзжихъ судей. Такъ, уже въ 1356 г. указывается, что лондонскіе Chamberlains отправляютъ свой судъ въ Guildhall, а лордъ-мэръ и судьи Сити собираютъ сессіи въ

---

[1]) Hangman's Record 1902 г. По даннымъ этого отчета, съ 1847—1902 г. было казнено 839 чел., изъ нихъ 109—въ Ньюгэтѣ, съ 1902 г. по статистическимъ отчетамъ Англіи 1906—78 чел. вообще казнено. Палачами были 1828—71 г.—John Caleraft (43 года!), 1871—83 г.—W. Manwood. 1883—92 г. James Berry, 1894—1902 г. James Bollington, 1902—1905—его сынъ, а съ 1905 г. и по настоящее время—Pierpont.

части, называемой Session Hall, для самого Лондона и для графства Мидльсексъ и помѣщающейся между S. George Lane и Fleet Lane. Рядомъ съ нимъ позднѣе возникло еще одно зданіе—Врачебный Театръ, гдѣ подвергались анатомированію на благо науки тѣла повѣшенныхъ преступниковъ. Этотъ Театръ просуществовалъ до 1824 г., пока не былъ поглощенъ разростающимся судомъ. Самое зданіе суда, сохраняющееся до сихъ поръ, было отстроено въ 1645 г. и стоило 6000 фунтовъ стерл. и предназначалось уже исключительно для суда надъ всѣми злодѣями, виновными въ измѣнахъ, убійствахъ, кражахъ, взломахъ, мятежахъ и прочихъ преступленіяхъ, учиненныхъ въ Лондонѣ и Мидльсексѣ. Главное судебное зало Стараго Бэйли было устроено такъ, чтобы публика могла слѣдить за засѣданіемъ, находясь на дворѣ подъ открытымъ небомъ; лишь съ 1774 г., когда зданіе Old Bayley было почти заново построено, судъ сталъ пропсходить въ крытомъ помѣщеніи; къ этому времени была отмѣнена и плата, раньше взимавшаяся съ присутствующихъ на судѣ. До насъ дошли описанія современной газеты о томъ, какъ жадно толпа стремилась попасть на эти ставшія безплатными засѣданія. Входъ былъ сдѣланъ намѣренно крайне узкимъ, чтобы воспрепятствовать наплыву толпы. Надъ зданіемъ возвышалась статуя Справедливости. Само же оно представляло двухъэтажное низкое строеніе, въ которомъ, если исключить залу засѣданій, почти не было пригодныхъ помѣщеній для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ—свидѣтелей, присяжныхъ и обвиняемыхъ. Въ этомъ великолѣпномъ, по тогдашнимъ понятіямъ, помѣщеніи происходили сессіи суда 8 разъ въ годъ. Но прошло сто лѣтъ, и это помѣщеніе стало тѣснымъ и неудобнымъ для населенія превысившаго шесть милліоновъ. Для развитія суда пришлось пожертвовать его сосѣдкой—тюрьмой. На мѣстѣ ея въ 1907 г. было воздвигнуто на средства лондонскаго Сити новое зданіе правосудія, отражающее и новую культуру.

Громаднымъ куполомъ, напоминающимъ стоящій неподалеку соборъ Св. Павла, это зданіе возвышается надъ строеніями одной изъ наиболѣе дѣловыхъ улицъ Лондона. Высокія чистыя стѣны его изъ свѣтлаго камня съ колоннадой

въ іоническомъ стилѣ, проходящей по второму этажу, невольно останавливаютъ взглядъ каждаго отсутствіемъ вывѣсокъ и объявленій, представляя контрастъ съ окружающими домами, архитектура которыхъ всецѣло порабощена прожорливостью современной рекламы. Съ большой высоты смотритъ на васъ позолоченная статуя съ вѣсами въ рукахъ. Это уже не традиціонная слѣпая Ѳемида съ мечомъ. Нѣтъ, современное правосудіе уже открыто смотритъ въ глаза обществу, и не мечь, а просто братски протянутая рука помощи является его символомъ. Надъ главнымъ входомъ со стороны улицы Old Bayley красуется надпись: „Кара злодѣевъ и защита дѣтей бѣдняковъ“. Этотъ текстъ изъ Библіи, предложенный деканомъ Вестминстера, избранъ девизомъ новаго суда. Къ суровой задачѣ возмездія присоединена и высокая задача покровительства дѣтямъ.

Lord Mayor Лондона, передавая это зданіе какъ подарокъ городского самоуправленія королевскимъ судьямъ, 27 февраля 1907 г., слѣдующимъ образомъ выразилъ въ своемъ адресѣ взглядъ на его будущее предназначеніе.

„Старое строеніе, нынѣ заброшенное, имѣло однако большой историческій интересъ. Оно въ теченіе вѣкового своего существованія было свидѣтелемъ различныхъ перемѣнъ въ отправленіи уголовнаго правосудія по своему значенію болѣе важныхъ, чѣмъ тѣ, которыя происходили въ какое либо другое изъ предшествующихъ столѣтій. Варварское уголовное уложеніе, считавшееся необходимымъ въ старину, замѣнялось постепенно, по мѣрѣ развитія цивилизаціи законами, проникнутыми духомъ гуманности и преслѣдующими болѣе высокія задачи. Конечно, преступленіе должно быть наказано, но лучше исправить самого преступника. При существующемъ законодательствѣ милосердіе, проявляемое къ первичнымъ преступникамъ, часто обезпечиваетъ обновленіе ихъ жизни, и много лицъ, въ особенности дѣтей и юношей, которыя при старой системѣ могли бы стать закоренѣлыми преступниками, теперь спасены и отдалены отъ жизни, полной преступленій, и стали полезными гражданами. Но все же еще больше остается сдѣлать для возвращенія на правильный

путь тѣхъ, которые впали въ преступность, и я съ довѣріемъ смотрю на тѣхъ, которымъ будетъ поручено отправленіе правосудія въ этомъ зданіи, думая, что они постоянно будутъ имѣть въ виду пробудить надежду на возрожденіе въ преступникѣ, что они поддержатъ и укрѣпятъ въ своемъ новомъ домѣ тѣ благородныя традиціи, которыми окружена въ настоящее время ихъ высокая должность. Я вполнѣ убѣжденъ, что независимость и ученость судей, поддержанныя неприкосновенностью и способностями прочихъ юристовъ, служащихъ правосудно странѣ, докажутъ и въ будущемъ, какъ то было и въ прошломъ, что они служатъ опорой порядка, права и истинной гуманности".

На это привѣтствіе лордъ главный судья Англіи, старѣйшій изъ всего судебнаго сословія, отвѣтилъ слѣдующей рѣчью, обращенной къ королю:

„Этотъ центральный уголовный судъ въ теченіе многихъ поколѣній вызывалъ уваженіе и удивленіе юристовъ всѣхъ частей цивилизованнаго міра. Въ немъ мы видѣли предсѣдателями нѣкоторыхъ величайшихъ судей, какіе только украшали судейское сословіе Англіи, и въ стѣнахъ его звучало краснорѣчіе многихъ наиболѣе блестящихъ представителей англійской адвокатуры.

„Но, кромѣ того, его производство всегда было отмѣчено справедливостью къ обвиняемому и непреклоннымъ соблюденіемъ того принципа англійскаго права, по которому каждый почитается невиннымъ пока не доказана законно-допустимыми средствами его виновность. Этотъ принципъ сдѣлалъ настоящій судъ въ прошломъ—я увѣренъ, онъ сохранится всегда и въ будущемъ—судомъ, достойнымъ короны и имени Вашего Величества.

„Мы, которымъ принадлежитъ честь отправлять правосудіе здѣсь по порученію Вашего Величества, постоянно имѣемъ въ виду мысль, что лишь отъ Вашего Величества проистекаетъ наша власть суда, что мы дѣйствуемъ вмѣсто Васъ и отъ Вашего имени, и эта мысль заставляетъ насъ, каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ, прилагать всѣ усилія, всю мощь нашихъ нервовъ къ тому, чтобы мы не оказались не-

достойными орудіями осуществленія величайшихъ изъ прерогативъ Вашего Величества—правосудія и милосердія".

Но стоитъ молчаливымъ и закрытымъ обычно это новое зданіе суда среди кипучей дѣятельности торговаго Сити. Правосудіе здѣсь, какъ и по всей Англіи, по прежнему сохраняетъ характеръ исключительности, а не стало повседневной будничной функціей. Только 3—4 дня въ мѣсяцъ вокругъ этого зданія наблюдается оживленіе. Сначала къ зданію подъѣзжаетъ королевскій судья въ сопровожденіи лордъ-мэра въ запряженной цугомъ старинной позолоченной каретѣ; ему предшествуютъ трубачи и верховые; передъ нимъ выносятъ по пріѣздѣ золотой скипетръ—эмблему королевской власти, пославшей его, и затѣмъ онъ въ красной мантіи съ необычайной торжественностью вступаетъ въ званіе суда. Этотъ старинный церемоніалъ, сохранившійся еще отъ временъ пріѣзда короля творить правосудіе лично, свято чтится здѣсь каждый мѣсяцъ, хотя въ крупныхъ центрахъ торжественность правосудія нѣсколько упала. Здѣсь уже открытіе суда не является такимъ событіемъ мѣстной жизни, какъ въ отдаленныхъ уголкахъ провинціи, гдѣ встрѣча пріѣзжающаго судьи составляетъ одинъ изъ значительныхъ расходовъ шерифа. Самое открытіе происходитъ негласно для публики и ограничивается обыкновенно большою рѣчью рекордера большому жюри и присяжнымъ, посвященною обзору политической и законодательной жизни и движенію преступности въ данной мѣстности. Послѣ полудня происходитъ традиціонный обѣдъ, устраиваемый для судей лордъ-мэромъ [1]). Затѣмъ уже на другой день съ ранняго

---

[1]) Этотъ обычай угощенія обѣдами судей, относящійся къ глубокой старинѣ, очень любопытенъ. Обязанность подобнаго гостепріимства, освященная вѣками, лежитъ въ провинціи на шерифахъ, и судьи тщательно слѣдятъ за ея выполненіемъ. Обѣды происходятъ въ присутствіи рекордера—предсѣдателя мировыхъ судей, видныхъ адвокатовъ и старшаго начальника полиціи. Пудингъ изъ мозговъ составляетъ необходимую ихъ принадлежность. Въ виду занятости судей, обѣдъ въ Старомъ Бэйли раньше сервировался даже въ двѣ смѣны въ день, но аппетитъ нѣкоторыхъ джентльмэновъ, съѣдавшихъ на протяженіи двухъ часовъ оба обѣда, сократилъ это число до одного. Этотъ старинный обычай сохранился

утра можно видѣть, какъ къ зданію суда подъѣзжаютъ большія громоздкія кареты-колымаги съ рѣшетчатымъ окномъ позади; это небольшія передвижныя тюрьмы, раздѣленныя на 12 клѣтушекъ внутри, которыя служатъ для перевозки подслѣдственныхъ изъ пригородныхъ тюремъ Brixton и Wormwood Scrubs, находящихся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ суда. Въ каждой клѣтушкѣ помѣщается только сидѣніе; на уровнѣ человѣческаго роста въ ней продѣлано окошечко, чрезъ которое порою заглядываетъ во внутрь сидящій въ каретѣ констэбль. Населеніе прозвало эти кареты „Black Maria“. По прибытіи ея, клѣтки одна за другой открываются, и арестанты вводятся въ судъ.

Прослѣдуемъ и мы во внутрь новаго дворца правосудія. Посѣтителю приходится преодолѣть рядъ постовъ констэблей, которые освѣдомляются о цѣли посѣщенія, ибо праздные любопытные не допускаются въ эту часть суда. Поднявшись на нѣсколько ступеней, онъ входитъ въ просторное широкое помѣщеніе, нѣсколько низкое по сравненію со своими размѣрами. Здѣсь толпятся свидѣтели, жду-

---

еще отъ того времени, когда пріѣзжавшіе въ городъ судьи мало могли разсчитывать на отели и рестораны, за отсутствіемъ таковыхъ. Только въ средніе вѣка возникаютъ адвокатскія харчевни—inns, развившіяся въ корпоративныя учрежденія. Но до сихъ поръ посѣщеніе этихъ инновъ сводятся главнымъ образомъ къ участію въ обѣдахъ; по крайней мѣрѣ стажъ молодого адвоката исчисляется числомъ отбытыхъ въ inn'ѣ обѣдовъ. Любопытно, что эта натуральная повинность угощенія обѣдами служителей правосудія, съѣхавшихся издалека, лежала въ древности не только на представителяхъ власти и не только по отношенію къ судьямъ. Въ старинной работѣ Томаса Смита (Th. Smith. English Commonwealth. 1569, p. 85) мнѣ пришлось встрѣтить указаніе, что и присяжные раньше могли претендовать на обѣдъ, которымъ обязана была угостить ихъ сторона, выигравшая дѣло: „Сторона, въ пользу которой они вынесли свой приговоръ, по обычаю, угощаетъ присяжныхъ обѣдомъ на свой счетъ, и это все, что они имѣютъ за свой трудъ, хотя бы они пришли, нѣкоторые за XX, нѣкоторые за XXX, а нѣкоторые и за XL и болѣе миль отъ мѣста суда; все остальное относится на ихъ собственный счетъ“. Но практика XVII вѣка изъ опасенія подкуповъ отмѣнила этотъ обычай для присяжныхъ, между тѣмъ какъ болѣе благодарная власть еще до сихъ поръ сохраняетъ его для судей. Впрочемъ, и здѣсь за послѣднее время ограничиваются скорѣе однимъ традиціоннымъ обѣдомъ за всю сессію, предоставляя судьѣ обычно пользоваться lunch'омъ въ любомъ другомъ гостепріимномъ мѣстѣ, при чемъ здѣсь традиціоннымъ условіемъ является включеніе въ меню черепашьяго супа, безъ котораго англичанинъ едва ли можетъ представить себѣ изысканный завтракъ.

щіе вопроса большимъ жюри, здѣсь находится бюро по составленію обвинительныхъ актовъ, по выдачѣ различныхъ справокъ, переполненное частными посѣтителями. Съ боковъ въ глубинѣ—зало для большого жюри, комнаты для свидѣтелей, а ниже—помѣщеніе для обвиняемыхъ. Прямо противъ входа идетъ продолженіе лѣстницы, ведущей во второй этажъ. Здѣсь посѣтитель входитъ въ очень красивую небольшую залу. Обычно она предназначается только для адвокатовъ, присяжныхъ и констэблей; но любезность полицейскаго сержанта къ иностранному юристу позволяетъ вамъ посѣтить ее. Въ центрѣ ея подъ куполомъ вы видите размѣщенными статуи Милосердія, Благотворительности, Умѣренности и Справедливости. Эти добродѣтели замѣнили своихъ предшественницъ—Храбрость, Благоразуміе, Богатство, Безопасность, Миръ и Свободу, красовавшихся на фронтонѣ стараго Ньюгэта. Онѣ болѣе приличествуютъ правосудію. Нѣсколько въ сторонѣ стоитъ бюстъ извѣстнаго юриста барона Брамптона, болѣе популярнаго подъ фамильнымъ именемъ H. Hawkins, старѣйшаго судьи современной Англіи. Съ обѣихъ сторонъ вы видите свѣтлыя помѣщенія, украшенныя современною живописью, порою въ довольно легкомысленномъ для англичанина жанрѣ. По стѣнамъ бордюромъ идутъ надписи: „Положи свое дѣло на равные вѣсы правосудія“—гласитъ одна. „Право живетъ закономъ, а законъ осуществляется съ помощью власти“. „Законы, если они и не написаны на каменныхъ скрижаляхъ, запечатлѣны въ глубинѣ сердецъ божественныхъ созданій; они достовѣрны, какъ жизнь и смерть, и ты не смѣешь отказывать имъ въ повиновеніи“. Къ центральнымъ помѣщеніямъ примыкаютъ 4 отдѣленія суда, гдѣ происходятъ засѣданія. Они устроены по обычному англійскому типу: высокій помостъ для судей, на которомъ возвышаются глубокія кресла съ небольшимъ столикомъ передъ каждымъ: посерединѣ залы громадный съ высокими краями ящикъ для обвиняемыхъ; подсудимые доставляются туда снизу, съ помощью подъемной машины, незамѣтно для публики. Съ боковъ—скамьи для присяжныхъ и печати. Сзади нѣсколько рядовъ скамей для присяжныхъ, не занятыхъ въ дѣлѣ, свидѣтелей и почетной публики. Непосредственно подъ судейскимъ кресломъ по-

мѣщается клеркъ, а еще ниже, передъ ящикомъ, адвокаты, какъ обвиненія, такъ и защиты. Для свидѣтелей поставлена каѳедра въ пространствѣ между судьей и присяжными. Хорошимъ нововведеніемъ является освѣщеніе; днемъ судъ освѣщается сверху громаднымъ куполообразнымъ окномъ въ потолкѣ, а вечеромъ— скрытыми въ потолкѣ электрическими лампами. Посторонняя публика не допускается во всѣ эти помѣщенія; она занимаетъ балконъ и проходитъ туда галлереями чрезъ особый маленькій входъ съ улицы Ньюгэтъ; для судьи и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ присутствіе ея почти незамѣтно.

Въ общемъ, новый судъ производитъ очень благопріятное впечатлѣніе. Онъ не громаденъ, наоборотъ, производитъ впечатлѣніе уютности, да впрочемъ и функціи его не такъ сложны, какъ функціи суда континентальнаго. Старыя привычки дѣятельности попрежнему господствуютъ въ немъ, попрежнему мелькаютъ въ немъ сѣдые парики и черныя мантіи адвокатовъ и красные плащи судей, но уже чувствуется все-таки иной духъ, иное содержаніе, нежели въ старыхъ стѣнахъ угрюмаго Стараго Бэйли.

Лондонскій Old Bayley до сихъ поръ является единственнымъ уголовнымъ судомъ Англіи, сохранившимъ независимость (правда, скорѣе номинальную) отъ королевскаго правосудія. Въ то время, какъ для всей страны король ежегодно назначаетъ со стороны уполномоченныхъ (commissioners) для отправленія правосудія, лондонское Сити сохранило старую привилегію имѣть судей изъ своей среды. Въ число этихъ судей входятъ непремѣнно лордъ-мэръ, лордъ-канцлеръ, common Sergeant of the City, нѣсколько совѣтниковъ (aldermen) и отдѣльные судьи королевскаго суда. Непрофессіональный составъ судей, существовавшій въ видѣ общаго правила въ старое время, сохранился здѣсь въ видѣ пережитка. Всѣмъ этимъ лицамъ попрежнему дается порученіе „очистить тюрьму Ньюгэтъ“. Фактически и въ Лондонѣ, какъ и въ провинціальныхъ ассизахъ, предсѣдательствуетъ королевскій судья отдѣленія скамьи короля, но въ теоріи предсѣдателемъ суда является лордъ-мэръ, открывающій засѣданія, но затѣмъ остающійся совершенно пассивнымъ. На ряду съ королев-

скимъ судьей предсѣдательствуютъ по менѣе важнымъ дѣламъ recorder и common Sergeant; возлѣ нихъ неизмѣнно засѣдаетъ одинъ изъ совѣтниковъ города (aldermen), какъ безмолвный стражъ старинной привилегіи, потерявшей теперь реальное значеніе. Присутствіе его необходимо также и потому, что законъ требуетъ участія двухъ судей, не опредѣляя ближе, кто долженъ явиться этимъ вторымъ судьей. Практика замѣнила второго судью простымъ фигурантомъ.

Первое признаніе своей обособленности лондонскій центральный судъ нашелъ въ законѣ 1834 г., который только санкціонировалъ установившійся обычай. Реформа 1873 г., пріурочившая ассизные суды къ Высшему суду, ни въ чемъ не затронула привилегіи Лондона. Центральный судъ Лондона объединяетъ уголовную юрисдикцію ассизовъ и четвертныхъ сессій (кромѣ апелляціонной). Въ отдѣльныхъ случаяхъ отдѣленіе королевской скамьи можетъ передавать ему уголовныя дѣла, подсудныя этому отдѣленію.

Уголовныя дѣла съ присяжными слушаются обыкновенно лишь въ двухъ отдѣленіяхъ: въ одно передаются дѣла о преступленіяхъ имущественныхъ, въ другое—прочія, обыкновенно представляющія болѣе сложный юридическій составъ; по нимъ предсѣдательствуетъ королевскій судья. Несмотря на сохраненіе многочисленныхъ старыхъ громоздкихъ формъ, англійскій судъ производитъ впечатлѣніе необычайной простоты и цѣлесообразности. Клеркъ быстро-быстро произноситъ необходимыя формулы, представляющія извлеченія изъ обвинительнаго акта, и предлагаетъ вопросъ подсудимому о виновности. Затѣмъ атторней обвиненія подробно и весьма вразумительно изъясняетъ всѣ обстоятельства дѣла, неоднократно прерываемый судьей, требующимъ болѣе близкаго выясненія отдѣльныхъ подробностей или устраняющимъ ненужныя отклоненія. Быстро чередуются одинъ за другимъ свидѣтели обвиненія, въ разспросѣ которыхъ судья играетъ болѣе активную роль, нежели о томъ обыкновенно думаютъ на континентѣ. Необычайно убѣжденный тонъ и независимость показаній составляютъ отличительную черту англійскихъ свидѣтелей — чувствуется глубоко развитое сознаніе долга.

И только къ концу слѣдствія раздается голосъ защиты. По закону 1898 г. самъ обвиняемый можетъ стать свидѣтелемъ по своему дѣлу и подъ присягой изложить суду обстоятельства своего дѣла; но, чтобы не побуждать его къ клятвопреступленію, судьи обыкновенно уклоняются отъ допущенія его къ показаніямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиненіе было поставлено солидно, указывая на безплодность этихъ показаній. Наоборотъ, при слабости обвиненія, они сами предлагаютъ такое свидѣтельство. Такимъ образомъ собственныя показанія обвиняемаго напоминаютъ отчасти прежнюю очистительную присягу, дававшуюся при недостаткѣ уликъ. Затѣмъ произносится судьею резюмэ, касающееся исключительно оцѣнки доказательствъ. По сложнымъ дѣламъ, когда на составленіе его обращено должное вниманіе, это резюмэ—шедевръ тонкости анализа и безпристрастія. Ни единымъ словомъ судья не касается важности преступленія, его общественнаго значенія, оцѣнки личныхъ свойствъ подсудимаго: все прошлое послѣдняго еще совершенно скрыто отъ присяжныхъ. Замѣтки, составленныя судьей во время слѣдствія, составляютъ матеріалъ для этого резюмэ; доказательственное право—руководящую нить при этой оцѣнкѣ. Послѣ рѣчи присяжные тутъ же, собравшись въ кружокъ, совѣщаются. Отвѣтъ готовъ чрезъ нѣсколько минутъ, и старшина встаетъ, чтобы изложить его судьѣ. Выслушивается вердиктъ, и затѣмъ констебль подъ присягой читаетъ свѣдѣнія о судимости и личности подсудимаго. Судья тутъ же, не справляясь съ законами, постановляетъ приговоръ. По существу этотъ приговоръ состоитъ изъ трехъ-четырехъ словъ, указывающихъ срокъ заключенія, безъ ссылки на законы, послужившіе тому основаніемъ, но ему почти всегда предшествуетъ моральное разсужденіе судьи объ учиненномъ преступленіи. „Вы признаны виновнымъ въ такомъ-то преступленіи. Это является позорнымъ, нечестнымъ проступкомъ, нетерпимымъ въ общежитіи; изъ свѣдѣній сообщенныхъ о васъ, видно, что вы неоднократно вступали на путь нарушеній закона, ведете безпорядочную жизнь, составляете тяжесть для вашей семьи и общества и не обнаруживаете признаковъ раскаянія. На

этотъ разъ шесть мѣсяцевъ тюрьмы съ тяжкими работами будутъ для васъ достаточнымъ наказаніемъ. Въ другой разъ за подобное преступленіе вы подвергнетесь каторжнымъ работамъ. Слѣдующій!“ Тѣ внутренніе мотивы при опредѣленіи мѣры наказанія, которые въ континентальномъ судѣ остаются скрытыми, въ Англіи очень рѣзко обнаруживаются въ этой рѣчи судьи. Здѣсь онъ выставляетъ и ту оцѣнку преступленія и преступника, отъ которой онъ тщательно воздерживался до постановленія присяжными вердикта. Вердиктъ присяжныхъ далъ ему нравственное основаніе считать фактъ преступленія и виновность доказанными, и тогда его мнѣніе, какъ высшаго блюстителя закона и общественнаго правосознанія, съ необычайной внимательностью выслушивается всѣми присутствующими. Для опытныхъ рецидивистовъ, для лицъ, мало считающихся съ требованіями закона, это дѣйствительно тяжелый урокъ, и по отношенію къ такимъ лицамъ судья обыкновенно не щадитъ словъ, обрисовывая ихъ нравственный обликъ и возмутительность содѣяннаго ими преступленія. Случаи реагированія со стороны осужденныхъ на такія рѣчи крайне рѣдки; они предупреждаются немедленнымъ уводомъ ихъ изъ залы суда, чрезъ люкъ, устроенный въ мѣстѣ для подсудимыхъ.

Не спѣша, одно за другимъ, развертываются дѣла и каждое находитъ свою оцѣнку не только въ рядѣ статей формальнаго закона, но и въ живой судейской совѣсти, которая открыто выставляетъ свой нравственный кодексъ для воспитательнаго воздѣйствія и на подсудимаго, и на присутствующихъ; и чувствуется, что въ этомъ сближеніи дѣятельности самаго суроваго изъ европейскихъ судовъ съ этическими требованіями лежитъ залогъ дѣйствительности уголовной репрессіи и вѣрнаго предназначенія ея общественной жизни, лежитъ и оправданіе тѣхъ долгихъ лишеній, которыя ждутъ осужденнаго за стѣнами этой высшей лабораторіи государственнаго правосознанія.

II.

ВВЕДЕНІЕ АПЕЛЛЯЦІИ ПО УГОЛОВНЫМЪ ДѢЛАМЪ СЪ ПРИСЯЖНЫМИ ВЪ АНГЛІИ.

ВВЕДЕНІЕ АПЕЛЛЯЦІИ ПО УГОЛОВНЫМЪ ДѢЛАМЪ СЪ ПРИСЯЖНЫМИ ВЪ АНГЛІИ [1]).

Билль объ уголовной апелляціи, ставшій 28 августа 1907 г. закономъ и вступившій въ силу 18 апрѣля 1908 г., является безспорно самымъ радикальнымъ и самымъ важнымъ изъ принятыхъ въ Англіи за послѣднее пятидесятилѣтіе законовъ, *касающихся уголовнаго судоустройства и судопроизводства.* Онъ явился продуктомъ болѣе чѣмъ шестидесятилѣтней упор-ной борьбы за введеніе апелляціи по дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ, и отзвуки этой борьбы не стихли еще теперь, даже съ изданіемъ закона.

Въ выработкѣ этого закона Англія шла совершенно оригинальнымъ путемъ. Опытъ континентальныхъ странъ, широко развившихъ различные виды пересмотра уголовныхъ дѣлъ, нашелъ себѣ слабое и часто невѣрное отраженіе даже въ

---

[1]) Литературными источниками по вопросу объ уголовной апелляціи являются: N. W. Sibley. Criminal appeal and evidence. Fisher Unwin. London 1908. p. 404. Harry Poland and Herman Cohen. Criminal appea Bill 1906 examined. Sweet aud Maxwell. 1907. The Criminal Appeal act 1907 and the rules, forms and rates and scales of payme*n*t thereunder with notes by Herman Cohen and an introduction by Harry Poland. London. Jordan and sons 1908. p. 150. Отдѣльныя замѣчанія у A. Mendelsohn-Barthold y. Das Imperium des Richters. Ein Versuch kasuistischer Darstelung nach dem englischen Rechtsleben im Jahre 1906/7. Strassburg. Trübner. 1908. p. 236. Книга Dr. Henry Bromberg—Das Rechtsmittelwesen in England und Schotland. Berlin 1908, лишь въ краткихъ чертахъ касается новаго закона.

законодательныхъ мотивахъ къ закону, а своеобразіе судебной системы и традиціонная приверженность къ исторіи не допустили прямыхъ заимствованій. Но, несмотря на все свое своеобразіе, порою даже трудно доступное безъ обстоятельныхъ поясненій для пониманія континентальнаго юриста, новый законъ представляетъ большой интересъ для широкихъ юридическихъ круговъ. Самый вопросъ объ апелляціи или вообще о конструкціи видовъ пересмотра (въ англійскомъ пониманіи этого слова апелляція охватываетъ всякаго рода обжалованіе судебныхъ рѣшеній) является однимъ изъ самыхъ спорныхъ въ литературѣ и слабо освѣщенныхъ съ политической точки зрѣнія. Съ другой стороны, новый законъ затрогиваетъ рядъ такихъ принциповъ судебнаго строя, заимствованныхъ изъ Англіи континентальнымъ процессомъ, въ незыблемость которыхъ мы привыкли вѣрить и которые въ новомъ законѣ терпятъ значительныя модификаціи. Таковы, напр., принципы тождества обвиненія въ различныхъ инстанціяхъ, невозможности обжалованія фактической стороны вердикта присяжныхъ, принципы устности и личнаго участія обвиняемаго въ процессѣ и пр. Ознакомленіе со всѣми этими сторонами новаго закона не можетъ не способствовать развитію болѣе широкаго взгляда на значеніе отдѣльныхъ принциповъ въ процессѣ и дастъ возможность обсудить, является ли новый законъ объ апелляціи шагомъ впередъ, или же продуктомъ нѣкотораго разложенія той системы англійскаго правосудія, которая въ теченіе всего XIX вѣка служила образцомъ для другихъ европейскихъ странъ.

I.

Когда судъ отправлялся высшимъ авторитетомъ страны—народнымъ собраніемъ или королемъ, каждое рѣшеніе естественно становилось окончательнымъ, не подлежащимъ дальнѣйшему оспариванію. Но съ развитіемъ, вслѣдствіе роста функціи правосудія, подчиненныхъ, уполномоченныхъ органовъ [illegible] возникла необходимость порою прибѣгать къ главнымъ автори-

тетамъ, чтобы ихъ вмѣшательствомъ устранить недостаточную правосудность низшихъ судебныхъ органовъ. Это вмѣшательство, осуществляемое первоначально чрезъ посредство отдѣльныхъ приказовъ, обращенныхъ отъ высшихъ органовъ къ низшимъ, позднѣе пріобрѣтаетъ болѣе соотвѣтствующій характеру судебной власти видъ пересмотра дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, приказъ вытекаетъ изъ основаній или мотивовъ, въ которыхъ отдаетъ себѣ отчетъ только самъ приказывающій, пересмотръ же покоится на непремѣнномъ принятіи во вниманіе всѣхъ тѣхъ мотивовъ, которыми руководилась первая инстанція, и на замѣнѣ ихъ такими, которые авторитетны non ratione auctoritatis, sed auctoritate rationis. Въ послѣднемъ случаѣ новое рѣшеніе является столь же правосуднымъ актомъ, какъ и первое, если не болѣе, и потому можетъ быть противопоставляемо первому рѣшенію, тогда какъ при приказѣ мы имѣемъ скорѣе актъ административнаго распоряженія, противопоставляемый судебному рѣшенію. Форма судебнаго пересмотра такимъ образомъ полнѣе проводитъ начало чистоты судебной дѣятельности, чѣмъ форма отдѣльныхъ приказовъ, и потому въ лѣстницѣ развитія занимаетъ болѣе высокое мѣсто.

Система контроля со стороны центральной судебной власти надъ стоящими ниже судебными органами, которую мы застаемъ по дѣламъ, рѣшаемымъ съ присяжными въ Англіи, до закона 1907 г., приблизительно соотвѣтствуетъ первой системѣ отдѣльныхъ приказовъ, сохраняясь въ своихъ главныхъ основаніяхъ еще съ XIV вѣка. Организованнаго пересмотра уголовныхъ дѣлъ нѣтъ, кромѣ случая суммарнаго производства, гдѣ онъ обставленъ рядомъ ограниченій и прежде всего согласіемъ судьи, рѣшавшаго дѣло, а имѣется лишь рядъ приказовъ, исходящихъ отъ центральнаго королевскаго суда, въ рукахъ котораго по фикціи, до сихъ поръ еще имѣющей въ Англіи значеніе, сосредоточивается все правосудіе страны.

Мы вкратцѣ остановимся на характеристикѣ дѣйствующаго права по вопросу объ апелляціи.

Эта система способовъ обжалованія въ дѣйствующемъ англійскомъ правѣ можетъ быть раздѣлена на двѣ группы:

1) общихъ формъ обжалованія и 2) чрезвычайныхъ формъ [1]). Первыя заключаются въ передачѣ рѣшеннаго дѣла волей сторонъ въ высшую инстанцію; вторыя основаны не на правахъ сторонъ, а на полномочіяхъ суда, въ частности высшаго суда. Общія формы обжалованія извѣстны только суммарному производству, гдѣ присяжные засѣдатели не участвуютъ въ рѣшеніи дѣла, чрезвычайныя присущи какъ суммарному производству, такъ и производству съ участіемъ присяжныхъ.

Общими свойствами всякаго обжалованія по англійскому праву являются: 1) *его односторонность:* только осужденный можетъ апеллировать, но не обвинитель; послѣдній даже не заявляетъ на судѣ о томъ наказаніи, которое онъ проситъ примѣнить къ виновному, потому что вопросъ о наказаніи есть предметъ чисто публичнаго интереса, а не частнаго интереса обвиненія; 2) *недопустимость обжалованія въ случаѣ сознанія обвиняемаго*: признаніе виновности „plea of guilty“ исключаетъ судебное слѣдствіе—trial и влечетъ за собою наказаніе какъ законное послѣдствіе, противъ котораго не можетъ быть спора. § 19 Summary Jurisdiction Act 1879 г. предоставляетъ право апелляціи только „обвиняемому, который не призналъ своей виновности или не допустилъ истинности информаціи или жалобы“; только посредствомъ writ of certiorari, основаннаго на правѣ высшаго надзора со стороны High Court, возможенъ пересмотръ и въ случаѣ сознанія въ случаѣ excess of jurisdiction—превышенія предѣловъ вѣдомства; 3) принципъ reformatio in pejus, въ данномъ случаѣ *усиленія строгости* приговора при пересмотрѣ, всегда допускается англійскимъ правомъ; 4) наконецъ, англійское право общимъ образомъ не знало до новаго закона объ апелляціи особой стадіи вступленія приговоровъ въ законную силу, *не знало пріостановки приговора исполненіемъ* въ случаѣ обжалованія его; только рядомъ этдѣльныхъ статутовъ постановлялось, что, въ случаѣ апелляціи по опредѣленнымъ дѣламъ суммарнаго производства

---

[1]) Bromberg 55.

въ судъ четвертныхъ сессій, исполненіе пріостанавливается. Впрочемъ, на практикѣ даже въ случаяхъ, спеціально не оговоренныхъ, исполненіе болѣе тяжкихъ наказаній (лишеніемъ свободы) признавалось несоотвѣтственнымъ и пріостанавливалось.

Апелляція при *суммарномъ производствѣ* покоится на множествѣ спеціальныхъ актовъ, устанавливающихъ условія, при которыхъ возможно обжалованіе дѣйствій единоличнаго мирового или полицейскаго судьи въ судъ четвертныхъ сессій, при чемъ даже такія основныя условія, какъ срокъ обжалованія, высота наказанія, допускающаго обжалованіе, были различны. Законъ 1879 г. отчасти объединилъ эти разрозненныя постановленія, допустивъ апелляцію противъ всѣхъ приговоровъ, назначающихъ тюремное заключеніе или по нѣкоторымъ имущественнымъ преступленіямъ денежную пеню до 3 ф. ст. (для столицы) и 5 ф. ст. (для провинціи). Не допускается лишь апелляція по всѣмъ дѣламъ, по которымъ подсудимые, подлежа отвѣтственности за indictable offences предъ четвертными сессіями, сами пожелали суммарнаго разбирательства.

Апелляція съ надлежащей мотивировкой и указаніемъ обжалуемыхъ пунктовъ приносится письменно посредствомъ заявленія, подписаннаго жалобщикомъ или его адвокатомъ и сообщаемаго другой сторонѣ и клерку суда. Срокъ подачи ея семь ~~дней.~~ Въ теченіе трехъ дней по ея представленіи жалобщикъ обязанъ представить поручительство судьѣ относительно возможности уплатить издержки по апелляціи, отъ котораго, впрочемъ, постановленіемъ судьи онъ можетъ быть освобожденъ. Размѣръ поручительства по общему правилу доходитъ до 40 ф. ст. Послѣ всего этого клеркъ суда суммарнаго производства отправляетъ акты разслѣдованія (сообщеніе относительно преступленія и назначеннаго за него наказанія, краткія записи о происходившемъ на судѣ и прошеніе, содержащее апелляцію) клерку суда четвертныхъ сессій.

Присутствіе четвертныхъ сессій, рѣшающее дѣла по апелляціи, образуется въ графствахъ изъ всѣхъ мировыхъ судей графства, а въ городахъ (City and Borough Sessions) изъ особыхъ

единолично дѣйствующихъ судей-рекордеровъ. Присяжные для этой цѣли не созываются. Въ такой постановкѣ апелляція является не чѣмъ инымъ, какъ обращеніемъ ко всей коллегіи мѣстныхъ судей по поводу дѣйствій одного изъ ихъ товарищей.

Производство при апелляціи является повтореніемъ производства въ первой инстанціи, новымъ слушаніемъ дѣла, при которомъ соблюдаются всѣ формы гласнаго состязательнаго процесса, допрашиваются свидѣтели, обязательно присутствуютъ стороны, подъ страхомъ проигрыша дѣла; о первомъ процессѣ здѣсь даже не упоминается. Въ опредѣленіи оправданія или новаго наказанія судъ четвертныхъ сессій нисколько не стѣсненъ приговоромъ первой инстанціи. Любопытно отмѣтить, что въ теоріи противникомъ жалобщика (appellant) является не обвинитель, а судья первой инстанціи—„respondent magistrate“, хотя на практикѣ судебный споръ ведется представителями обвинителя [1]). Судебныя издержки возлагаются на жалобщика или на обвинителя, возложенія ихъ на судью почти не происходитъ вслѣдствіе крайне ограниченной отвѣтственности послѣдняго по англійскому праву. Приговоръ четвертныхъ сессій можетъ быть обжалованъ дальше только въ чрезвычайномъ порядкѣ [2]).

Другой принятой въ суммарномъ производствѣ формой обжалованія является Statement of a case for the opinion of the High Court (special case)—передача дѣла на уваженіе высшаго суда.

Привожу сжатое описаніе ея, сдѣланное Бромбергомъ [3]) на основаніи книги Pritchard's Quarter Sessions practice.

Обвиняемый уполномоченъ, если онъ хочетъ обжаловать со-

---

[1]) Въ этомъ слѣдуетъ видѣть пережитокъ старой эпохи, когда апелляція приносилась противъ судьи.

[2]) По даннымъ уголовной статистики за 1905 г. случаевъ апелляціи на рѣшенія полицейскихъ судовъ было 166 (на 778.865 обвиняемыхъ или 640.000 осужденныхъ, изъ которыхъ, по разсчетамъ Bromberg, по крайней мѣрѣ 15.500 имѣли право на принесеніе апелляціи). Изъ числа принесенныхъ апелляцій 81—отвергнуты, 55 привели къ отмѣнѣ приговора, 30—къ измѣненію его.

[3]) S. 17.

стоявшееся противъ него рѣшеніе вслѣдствіе лежащей въ основѣ его ошибки въ правѣ или вслѣдствіе превышенія вѣдомства со стороны магистрата, просить о констатированіи допущенныхъ неправильностей для передачи дѣла высшему суду. Это требованіе должно быть передано въ теченіе семи дней клерку суда въ письменной формѣ. Судьѣ предоставляется признать это требованіе неосновательнымъ (frivolous) и отказать въ немъ, но при этомъ онъ обязанъ выдать удостовѣреніе объ этомъ отказѣ. Съ этимъ удостовѣреніемъ жалобщикъ можетъ обратиться въ высшій судъ и можетъ, изложивъ существо дѣла въ „affidavit“, просить о дачѣ предписанія судьѣ на предметъ констатированія спорныхъ сторонъ дѣла. По этому прошенію высшій судъ въ составѣ трехъ судей рѣшаетъ вопросъ объ истребованіи дѣла или объ окончательномъ отказѣ въ прошеніи. Въ первомъ случаѣ, признавъ отказъ полицейскаго судьи неправильнымъ, судъ можетъ возложить на него издержки по производству. Если судья соглашается исполнить первоначальную просьбу осужденнаго или былъ къ тому принужденъ постановленіемъ высшаго суда, то онъ обязанъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ изложить письменно факты, которые были доказаны на судебномъ слѣдствіи, и возникшіе въ дѣлѣ юридическіе вопросы. Это изложеніе и называется Statement of a case. Въ немъ перечисляются лишь факты, оцѣнки имъ не дается; по вопросамъ права вкратцѣ излагается взглядъ судьи и сторонъ. Объемъ его обыкновенно невеликъ; онъ какъ-бы соотвѣтствуетъ приговору въ окончательной формѣ. Этотъ документъ выдается жалобщику послѣ того, какъ тотъ представитъ надлежащее поручительство объ уплатѣ будущихъ, могущихъ быть на него возложенными судебныхъ издержекъ. Въ теченіе трехъ дней съ момента полученія, жалобщикъ обязанъ представить это Statement въ трехъ экземплярахъ въ Crown Office, которая представляетъ его въ судъ королевской скамьи, рѣшающій дѣло въ составѣ трехъ судей. На этомъ судѣ обѣ стороны представлены адвокатами; доказательства не пересматриваются; на жалобщикѣ лишь лежитъ обязанность доказать наличность указываемыхъ имъ неправильностей. Судъ отдѣленія королевской скамьи рѣ-

шаетъ спорный правовой вопросъ, при чемъ онъ можетъ устранить постановленный приговоръ, предписавъ судьѣ возобновить дѣло; если онъ признаетъ Statement недостаточнымъ, онъ можетъ потребовать отъ судьи дополнительныхъ объясненій. Понизить наказаніе своею властью судъ не въ правѣ. Рѣшеніе суда королевской скамьи окончательно; оно исключаетъ и возможность послѣдующей апелляціи въ судъ четвертныхъ *сессій*. Въ формѣ Statement можетъ происходить, съ разрѣшенія высшаго суда, жалоба на неправильное рѣшеніе апелляціи въ судѣ четвертныхъ сессій (по дѣламъ суммарнаго производства), но постановленіе высшаго суда о какомъ либо правовомъ вопросѣ имѣетъ вообще руководящее значеніе для четвертныхъ сессій, не оказывая непосредственнаго вліянія на само дѣло, по которому оно состоялось [1]).

На ряду съ „констатированіемъ дѣла“ (statement) англійскому праву извѣстно „*резервированіе дѣла*“ (to reserve the case). Это послѣднее происходитъ въ двухъ случаяхъ: 1) судъ четвертныхъ сессій, разсматривая апелляцію на суммарное производство, можетъ резервировать дѣло на рѣшеніе высшаго суда; въ этомъ случаѣ происходитъ Statement по предложенію предсѣдателя четвертныхъ сессій, съ согласія стороны, и затѣмъ дѣло кончается въ порядкѣ, который указанъ выше для „констатированныхъ дѣлъ“; 2) судьи, дѣйствующіе съ участіемъ присяжныхъ (рекордеръ, коронный судья въ ассизахъ) могутъ по нѣкоторымъ вопросамъ права резервировать дѣло на усмотрѣніе высшаго суда. Въ отличіе отъ „констатированія“, зависящаго отъ воли сторонъ, этотъ второй видъ „резервированія“ происходитъ по усмотрѣнію и желанію судьи; кромѣ того, составъ судей при слушаніи „резервированныхъ дѣлъ“ многочисленнѣе: здѣсь уже недостаточно трехъ судей, а требуется участіе, по крайней мѣрѣ, пяти, а по дѣламъ ассизнымъ даже семи судей, съ необходимымъ участіемъ лорда главнаго судьи. Этотъ судъ составляетъ „Court of Crown Cases Reserved“ (судъ резервированныхъ уго-

---

[1]) Въ 1905 г. случаевъ апелляціи путемъ Statement было 86, изъ нихъ въ 45—жалоба была признана неосновательной.

ловныхъ дѣлъ). Оно присуще какъ суммарному, такъ и общему процессу съ присяжными. Возникъ этотъ видъ пересмотра слѣдующимъ путемъ.

По обычному праву издавна происходили совѣщанія между судьями на сессіяхъ для обсужденія какихъ либо трудныхъ вопросовъ права, возникшихъ у нихъ во время производства уголовныхъ дѣлъ. Часто судья, поэтому, резервировалъ трудное дѣло для такого совѣщанія. Актомъ 1848 г. о „Crown Cases Reserved“ эти совѣщанія были замѣнены учрежденіемъ особаго „суда для резервированныхъ уголовныхъ дѣлъ“, которому было дано полномочіе рѣшать вопросы права, возникшіе при судебномъ разбирательствѣ въ ассизахъ или на четвертныхъ сессіяхъ, если предсѣдательствующій судья согласился ихъ „резервировать“ для такого суда. Актомъ 1881 г. эта юрисдикція была вручена High Court of Justice, который долженъ засѣдать въ числѣ не менѣе пяти судей. Вопросы права, могущіе служить основаніемъ къ резервированію, должны быть на судѣ истолкованы *противъ* подсудимаго, и дѣло должно было окончиться его осужденіемъ для того, чтобы резервированіе могло имѣть мѣсто.

При резервированіи вынесеніе приговора откладывается, или выносится условный приговоръ. Самое производство въ „судѣ резервированныхъ дѣлъ“ ведется представителями сторонъ. Судъ обсуждаетъ спорный вопросъ и утверждаетъ или кассируетъ приговоръ. Если приговоръ еще не былъ постановленъ, онъ отсылаетъ дѣло подлежащему судьѣ съ указаніемъ, въ какомъ смыслѣ приговоръ долженъ быть постановленъ. Приговоръ по такимъ дѣламъ не содержитъ постановленій о возложеніи издержекъ. Только судьѣ, рѣшавшему дѣло, предоставляется впослѣдствіи вознаградить обвинителя или обвиняемаго изъ мѣстныхъ средствъ.

За 1905 г. число такихъ дѣлъ равнялось 15, что составитъ на 10118 осужденныхъ 0,3%; изъ этихъ 15 случаевъ въ 12-ти приговоръ былъ утвержденъ; средняя цифра резервированій за послѣднее десятилѣтіе была 7. Въ большинствѣ случаевъ, какъ мы видимъ, судъ коронныхъ дѣлъ утверждаетъ приговоръ суда, рѣшившаго дѣло.

Перечисленныя выше формы до извѣстной степени представляютъ собою виды пересмотра, основанные на порядкѣ инстанцій; кромѣ нихъ англійскому праву извѣстны нѣкоторые чрезвычайные виды обжалованія, основанные на полномочіяхъ высшаго суда.

До сихъ поръ еще, какъ мы говорили, въ Англіи сохраняется фикція того, что все правосудіе страны, отправляющееся отъ имени короля въ ассизахъ и четвертныхъ сессіяхъ, проистекаетъ отъ высшаго суда королевства. Въ силу этой фикціи отдѣленіе королевской скамьи, представляющее часть этого суда, осуществляетъ высшій надзоръ за всѣми уголовными судами страны и можетъ требовать къ своему разсмотрѣнію любое изъ дѣлъ, разбирающихся въ низшихъ судахъ (право преимущественной подсудности). Свою власть надъ низшими судами высшій судъ осуществляетъ съ помощью указовъ (writs). Изъ нихъ для нашей цѣли интересными являются: writ of certiorari, new trial и writ of error.

Writ of certiorari состоитъ изъ предписанія, обращеннаго къ низшему суду, представить дѣло на рѣшеніе высшаго суда, если, по мнѣнію послѣдняго, имѣется какая либо опасность неправосуднаго рѣшенія. Этотъ указъ допустимъ лишь по нѣкоторымъ дѣламъ (о ляйбеляхъ, заговорахъ, клятвопреступленіяхъ, общеопасныхъ преступленіяхъ и насильственныхъ посягательствахъ). Такое предписаніе можетъ быть издано по ходатайству заинтересованнаго лица (даже любого гражданина) за подписью его адвоката или по требованію генеральнаго атторнея въ теченіе 6 мѣсяцевъ послѣ постановленія приговора. За 6 дней до подачи ходатайства о томъ, долженъ быть извѣщенъ судья, рѣшавшій дѣло. По содержанію указъ состоитъ въ требованіи представить все дѣлопроизводство и постановленное рѣшеніе въ судъ королевской скамьи для провѣрки, подъ страхомъ наказанія за contempt of court. Юридически высшій судъ не ограниченъ въ основаніяхъ, по которымъ онъ можетъ требовать дѣло, рѣшенное низшимъ судомъ, къ своему производству, фактически же онъ допускаетъ въ качествѣ таковыхъ лишь: 1) очевидное формальное упущеніе или неправильности въ актахъ

производства, 2) превышеніе вѣдомства со стороны суда и участіе въ разбирательствѣ лично заинтересованнаго въ дѣлѣ судьи; 3) злостные мотивы со стороны судьи, рѣшившаго дѣло.

Такъ какъ при требованіи writ of certiorari, исходящемъ отъ главнаго атторнея, выдача его является обязательной, то малоимущіе подсудимые, желающіе получить этотъ указъ, обращаются къ содѣйствію атторнея, выдающаго имъ указъ послѣ принесенія ими присяги affidavit; благодаря этому на практикѣ осуществленіе этого вида пересмотра находится въ рукахъ представителя короны.

New trial составляетъ какъ-бы послѣдствіе предшествующаго указа въ тѣхъ случаяхъ, когда высшій судъ убѣдится въ томъ, что вердиктъ и приговоръ низшаго суда постановлены неправильно. Существо его состоитъ въ требованіи новаго судебнаго разбирательства дѣла.

Этотъ указъ о новомъ разбирательствѣ можетъ быть изданъ вслѣдствіе признанія высшимъ судомъ неправильнаго допущенія доказательствъ, неправильныхъ объясненій со стороны ученаго судьи присяжнымъ, полнаго противорѣчія вердикта съ доказательствами, представленными по дѣлу, грубыхъ нарушеній правилъ о совѣщаніи присяжныхъ и пр. Обвинителю въ исключительныхъ случаяхъ также можетъ быть предоставлено просить объ новомъ производствѣ new trial (напр., если не были допущены къ свидѣтельству свидѣтели обвиненія). На практикѣ writs, предписывающіе new trial, издаются чрезвычайно рѣдко.

Наиболѣе старымъ средствомъ лишенія силы приговора, вынесеннаго судомъ присяжныхъ, является *writ of error* (указъ объ ошибкѣ). Свѣдѣнія о примѣненіи его восходятъ къ XIII вѣку, когда онъ издавался королемъ въ совѣтѣ, и только впослѣдствіи выдача его стала полномочіемъ высшаго суда. Но до сихъ поръ этотъ актъ разсматривается какъ исходящій отъ короны и покоящійся скорѣе на ея правѣ помилованія, нежели на судейскихъ полномочіяхъ. Какъ замѣтилъ лордъ главный судья Russell of Killowen, при обсужденіи билля объ уголовной апелляціи 1883 г., „въ англійскомъ правѣ не существуетъ болѣе технически-сложнаго и громоздкаго произ-

водства, чѣмъ производство по признанію ошибки по writ of error". Этотъ указъ можетъ быть издаваемъ въ случаѣ какихъ либо существенныхъ возраженій о неправильности занесенныхъ въ рекордъ свѣдѣній или о неправильности судебнаго производства (напр., при лишеніи права отвода, при неправильномъ образованіи скамьи присяжныхъ) [1]). Этотъ указъ издается по прошенію, съ разрѣшенія генеральнаго аттор-нея (fiat), высшимъ судомъ и состоитъ въ требованіи разсмотрѣнія дѣла новымъ жюри (writ of venire de novo). Безъ разрѣшенія атторнея высшій судъ не въ правѣ выдать такой указъ, и въ этомъ отражается существовавшее раньше дискреціонное право короны на изданіе его. Не входя въ подробности производства по этому указу, отмѣтимъ, что проситель, получивъ разрѣшеніе атторнея, передаетъ краткое фактическое резюме дѣла въ Crown Office суда королевской скамьи, а послѣдній издаетъ предписаніе о представленіи ему всѣхъ актовъ производства по данному дѣлу. Въ существо дѣла судъ не входитъ, а ограничивается обсужденіемъ вопроса, имѣется ли на лицо правовая ошибка, явствующая уже изъ самихъ актовъ производства, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ онъ кассируетъ приговоръ, освобождаетъ осужденнаго или замѣняетъ старый приговоръ новымъ, правильнымъ, во

---

[1]) Еще до судебнаго разбирательства каждая сторона можетъ указать, что обвинительный актъ страдаетъ очевидными неправильностями (напр., въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ обрисовано преступное дѣяніе, или неправильно указана подсудность), что производится до открытія судебнаго слѣдствія посредствомъ motion to quash the indictment (предложеніемъ уничтожить обвинительный актъ). Если судъ откажетъ въ этомъ, то подсудимый можетъ выставить demurrer (требованіе объ отсрочкѣ), по которому судъ обязанъ выслушать объясненія. И если послѣ того судъ постановитъ рѣшеніе противъ подсудимаго, то дѣло можетъ быть передано посредствомъ writ of error въ судъ королевской скамьи; но неудобство этого способа, являющагося какъ-бы апелляціей до приговора, состоитъ въ томъ, что подсудимый разсматривается здѣсь какъ признавшій съ точки зрѣнія фактовъ свою виновность, и поэтому, если его demurrer, основывающійся на юридической неправильности, отвергается судомъ королевской скамьи, то постановленный противъ него приговоръ неизбѣжно приводится въ исполненіе. Послѣ вердикта осужденный можетъ предъявить motion in arrest of judgment (предложеніе пріостановить постановку приговора) и въ случаѣ непринятія его просить о выдачѣ writ of error.

второмъ—онъ подтверждаетъ мнѣніе судьи. Рѣшеніе суда королевской скамьи не является окончательнымъ. Въ случаѣ отказа проситель можетъ перенести дѣло въ гражданскій апелляціонный судъ (Court of Appeals, учрежденный въ 1873 г.), юрисдикція котораго по уголовнымъ дѣламъ ограничивается только этимъ случаемъ и осуществляется разъ въ десятилѣтіе. Наконецъ мыслимо (фактически никогда не осуществляющееся) дальнѣйшее обращеніе отъ этого суда въ палату лордовъ. Обращеніе въ эти двѣ послѣднія инстанціи допустимо также лишь съ разрѣшенія генеральнаго атторнея.

Эти старинные указы, допускавшіеся по дѣламъ, рѣшаемымъ съ присяжными засѣдателями, обезпечивали въ нѣкоторыхъ случаяхъ важнѣйшихъ ошибокъ въ правѣ пересмотръ дѣла высшимъ судомъ; но фактически пользованіе ими было обставлено столь значительными затрудненіями и рискомъ несенія крупныхъ судебныхъ издержекъ, что на практикѣ къ нимъ обращались крайне рѣдко, и рѣшенія присяжныхъ могли признаваться не знающими ни кассаціи, ни апелляціи [1]). Новый законъ объ уголовной апелляціи, подлежащій нашему разсмотрѣнію, узаконяетъ только создавшуюся практику, вычеркивая изъ закона writs of error и new trials, какъ мѣры, потерявшія свою практическую годность. Пересмотръ по правовымъ основаніямъ состоялъ изъ ряда устарѣлыхъ формъ, чрезвычайно громоздкихъ и взаимно несогласованныхъ, и потому почти не обезпечивалъ однородности въ пониманіи и истолкованіи закона.

Если пересмотръ по юридической неправильности приговоровъ по дѣламъ съ присяжными являлся на практикѣ крайне затрудненнымъ и фактически осуществлялся лишь въ формѣ резервированія дѣла, то пересмотръ вслѣдствіе неправильнаго признанія фактическихъ обстоятельствъ отсутствовалъ совершенно, и въ качествѣ суррогата его приходилось примѣнять помилованіе порою даже по такимъ дѣламъ, гдѣ невинность осужденнаго была очевидной. Государственный секре-

---

[1]) Такъ, въ 1905 г. не было ни одного случая предоставленія new trials и writs of error. Writ of certiorari былъ примѣненъ въ 28 случаяхъ.

тарь по внутреннимъ дѣламъ, содѣйствующій коронѣ въ осуществленіи функціи помилованія, пріобрѣлъ благодаря этому во многомъ судейское положеніе съ необычайно сложными функціями. Полученные благодаря его представленію акты помилованія условно принимались какъ оправданія, будучи предоставляемы лицамъ завѣдомо невиннымъ, хотя фактически акты эти не имѣли силы оправдательныхъ вердиктовъ. Это особенно было замѣтно при возстановленіи судебныхъ ошибокъ, противъ чего въ Англіи нѣтъ иного средства, кромѣ помилованія, такъ какъ институтъ возобновленія уголовныхъ дѣлъ до послѣдняго времени оставался неизвѣстнымъ.

Недостатки дѣйствующаго права сознавались болѣе выдающимися юристами страны, и съ середины XIX вѣка, съ которой, собственно, англійскій процессъ пріобрѣлъ болѣе или менѣе законченное законодательное выраженіе, послѣ долгаго періода пребыванія въ хаотическомъ состояніи case-law, начинаются проекты установленія болѣе организованнаго пересмотра уголовныхъ дѣлъ. Исторія ихъ весьма поучительна.

II.

Впервые билль объ уголовной апелляціи былъ внесенъ въ парламентъ въ 1844 г. барономъ Фицрой Кэлли и м-ромъ Годсонъ. Онъ устанавливалъ общее право апелляціи (независимо отъ основаній) и пересмотра дѣла новымъ судомъ, приближаясь значительно къ континентальной системѣ апелляціи. Этотъ билль, хотя и не прошедшій во второмъ чтеніи, заинтересовалъ парламентъ, и для изслѣдованія положенія дѣла пересмотра вопросъ былъ переданъ въ 1845 г. въ парламентскую коммисію по реформѣ уголовнаго законодательства.

Эта послѣдняя въ своемъ восьмомъ отчетѣ (Eighth Report of the Comission of Criminal law 1845, p. 25), на ряду съ другими мѣрами усовершенствованія правосудія, рекомендовала установить абсолютное право апелляціи по вопросамъ права, какъ это установлено въ настоящее время актомъ 1907 г. „Хотя рѣдко наблюдаются случаи“ — писала она въ своемъ отчетѣ, —

„когда дѣла, въ которыхъ имѣется дѣйствительное сомнѣніе, не передаются на разсмотрѣніе высшаго суда самими судьями, однако, такъ какъ и мудрѣйшій и лучшій судья можетъ ошибаться, мы полагаемъ, что будетъ болѣе соотвѣтственнымъ правовой политикѣ установленіе абсолютнаго права апелляціи". Коммисія рекомендовала допущеніе апелляціи и по вопросамъ факта. „Замѣчательно, что въ то время, какъ столько и со столь большой пользой сдѣлано въ области уголовныхъ дѣлъ всѣми судьями для исправленія заблужденій и ошибокъ въ вопросахъ права, они не имѣютъ въ своемъ распоряженіи средствъ пересмотрѣть или исправить вердиктъ, неправильный вслѣдствіе какого либо заблужденія или ошибки со стороны присяжныхъ по вопросамъ факта, хотя очевидно, что при ошибочности фактической стороны дѣлается неудовлетворительнымъ весь приговоръ". Ссылаясь на билль сэра Fizroy Kelly объ уголовной апелляціи, внесенный въ 1844 г., коммисія рекомендовала введеніе апелляціи въ очень широкомъ объемѣ. Далѣе коммисія ссылалась на недавнее введеніе апелляціи по гражданскимъ дѣламъ и доказывала преимущественную пользу ея въ дѣлахъ уголовныхъ. „Въ настоящее время новое производство суда по гражданскимъ дѣламъ допускается по тому ясному и простому основанію, что оно необходимо для предотвращенія ошибокъ и недостатковъ, неизбѣжныхъ при отправленіи правосудія, которыхъ нельзя избѣгнуть, но которые требуютъ средствъ предупрежденія. Однако эти недостатки и ошибки характерны не только для гражданскаго процесса; нѣкоторые изъ нихъ съ большей вѣроятностью могутъ имѣть мѣсто въ уголовномъ судѣ. Вопросы о гражданскихъ правахъ зависятъ большею частью отъ фактовъ, относительно которыхъ спорнымъ является скорѣе дѣйствіе ихъ, чѣмъ существованіе. Вопросы уголовнаго характера, наоборотъ, часто зависятъ отъ обстоятельствъ скрытаго и тайнаго характера, истинность которыхъ порою весьма трудно вскрыть и, когда приходится прибѣгать къ цѣпи предположительныхъ или косвенныхъ доказательствъ. Поэтому въ зависимости отъ самаго характера разслѣдованія можно ожидать, что какая либо

ошибка или заблужденіе произойдутъ съ большей вѣроятностью при уголовномъ обвиненіи, чѣмъ при гражданскомъ искѣ. Что же касается послѣдствій ошибки въ томъ и другомъ случаѣ, то нельзя отрицать, что неудовлетворительность правосудія по уголовному дѣлу, гдѣ риску подвергается не только собственность и свобода, но даже жизнь, имѣетъ значительно большее значеніе, чѣмъ по гражданскимъ дѣламъ, гдѣ рѣчь идетъ только о собственности“ [1]).

Послѣ проекта 1844 начинается серія биллей по этому вопросу. При второмъ чтеніи принятаго нынѣ закона объ апелляціи въ палатѣ лордовъ 6 августа 1907 г. лордъ Эшборнъ замѣтилъ, что этотъ билль не является новымъ; онъ слѣдуетъ за сорока или пятьюдесятью предшествующими биллями, стремившимися, какъ и онъ, создать уголовный апелляціонный судъ. Почтенный лордъ, однако, преувеличилъ цифру. Въ приложеніи къ адресу палаты лордовъ перечислено 28 биллей по этому предмету, вносившихся съ 1844 г., съ указаніемъ существеннаго содержанія ихъ, судьбы ихъ и лицъ, ихъ поддерживавшихъ [2]). Такое обиліе законопроектовъ, знаменательное въ качествѣ показателя насущной потребности въ этой мѣрѣ, не является впрочемъ особенно исключитель-

---

[1]) Нѣсколько позднѣе, въ 1848 г., баронъ Парке отрицалъ эту аналогію по слѣдующимъ основаніямъ: 1) сложные вопросы факта и права, весьма многочисленные въ гражданскомъ процессѣ, чрезвычайно рѣдки въ уголовномъ; 2) быстрота является значительно болѣе важнымъ качествомъ въ уголовныхъ дѣлахъ, чѣмъ въ гражданскихъ. Джиффаръ, въ подтвержденіе этого мнѣнія, указываетъ на недопустимость аналогіи уже потому, что апелляція въ гражданскихъ дѣлахъ двусторонняя, а въ уголовныхъ односторонняя. На несоотвѣтствіе различія между уголовными и гражданскими дѣлами въ отношеніи апелляціи указывалъ, наоборотъ, лордъ Лоребэрнъ: „Въ гражданскихъ дѣлахъ легкость апелляціи громадна; здѣсь предлагались иногда ограниченія, но не было и рѣчи о полной отмѣнѣ. Въ уголовныхъ дѣлахъ законъ постановляетъ противоположное. Когда человѣкъ судится, рискуетъ жизнью, онъ не имѣетъ апелляціи, тогда какъ при спорѣ о 100 ф. ст. дѣло можетъ быть передано въ палату лордовъ. Ясно, что такое положеніе дѣла представляется абсурднымъ“.

[2]) Билли были вносимы въ 1844, 1848, 1858, 1859 (2), 1860, 61, 64, 72, 78, (2) 79, 80 (2), 82 (3), 83, (2), 88, 90, 92, 95, 96, 97, 98, 99, 900, 904, 905, 906. Большинство ихъ не доходило до второго чтенія. Только 12 биллей прошли эту стадію. Ни одинъ изъ нихъ, однако, не былъ принятъ въ трехъ чтеніяхъ обѣими палатами.

нымъ для медленно работающаго англійскаго парламента; оно лишь свидѣтельствуетъ, что нужно обладать большимъ упорствомъ, чтобы обезпечить въ Англіи проведеніе какой либо мѣры въ законодательномъ порядкѣ. Ничтожный по своему содержанію билль о разрѣшеніи браковъ съ сестрами умершихъ женъ (Deceased wife sisters bill), принятый тою же осенью 1907 г., потребовалъ болѣе, чѣмъ тридцатилѣтней упорной борьбы за его проведеніе. Законъ объ уголовныхъ доказательствахъ (criminal evidence act 1898) былъ принятъ послѣ 25 биллей, внесенныхъ въ парламентъ съ 1872 г. по этому предмету.

Въ числѣ этихъ „потопленныхъ“, по англійской парламентской терминологіи, биллей объ уголовной апелляціи нѣкоторые являлись правительственными. Таковъ былъ проектъ уголовнаго уложенія (Criminal Code Bill 1879), составленный Стифеномъ. Органомъ рѣшенія апелляцій по этому биллю должна была являться палата лордовъ. Другой правительственный билль былъ внесенъ въ 1883 г., но послѣ второго чтенія былъ взятъ обратно. Въ числѣ составителей и промоторовъ этихъ биллей мы встрѣчаемъ много именъ авторитетныхъ англійскихъ юристовъ (Stephen, Henry James, William Harcourt, Lloyd-George, Asquith, John Wilson, Balfour и др.).

Кромѣ законодательныхъ попытокъ провести апелляцію въ уголовный процессъ, сами судьи неоднократно пытались своими резолюціями обратить вниманіе на необходимость такой реформы. Въ 1892 г. совѣщаніе судей сообщило государственному секретарю по внутреннимъ дѣламъ резолюцію, въ которой большинство высказывалось рѣшительно въ пользу апелляціи. Судьи указывали, что часты случаи, когда граждане обращаются къ министру съ жалобами на неправильность вердиктовъ. Необходимо, чтобы по такимъ жалобамъ министръ не рѣшалъ единолично, а передавалъ ихъ въ особый судъ, имѣющій полномочіе пересматривать и измѣнять постановленные приговоры. Необходимо также обезпечить большее однообразіе приговоровъ, чѣмъ то имѣется въ настоящее время. Эту задачу могутъ выполнить лишь однородныя рѣшенія апелляціоннаго суда. Этотъ судъ долженъ быть постояннымъ,

состоящимъ изъ семи судей отдѣленія королевской скамьи, при кворумѣ въ пять судей. Судьи полагаютъ, что было бы рѣзкимъ противорѣчіемъ основнымъ правиламъ англійскаго права вмѣшательство суда въ случаѣ оправдательнаго вердикта. Никто послѣ оправданія не можетъ быть подвергнутъ опасности осужденія по тому же обвиненію. Но апелляціонный судъ будетъ въ правѣ, въ случаѣ осужденія, смягчить наказаніе или увеличивать его, если факты того потребуютъ. Послѣднее можетъ происходить по предложенію генеральнаго атторнея, который будетъ дѣлать его лишь въ случаяхъ крайней или систематической несоотвѣтственности приговоровъ требованіямъ репрессіи. Обвиняемому должна быть предоставлена возможность пользоваться въ этомъ случаѣ услугами защитника. Въ согласіи съ этими началами судьи выработали проектъ, который, однако, не получилъ движенія. Значительно умѣреннѣе высказалось совѣщаніе судей въ 1895 г. по поводу внесеннаго тогда въ парламентъ билля объ уголовной апелляціи. Судьи хотя и допускали апелляцію, но съ сильными урѣзками по сравненію съ предлагавшимися въ биллѣ реформами.

Таково было положеніе дѣлъ до послѣдняго времени, когда, подъ давленіемъ печати и общественнаго мнѣнія, въ 1906 г. лордъ канцлеръ сэръ Лоребэрнъ внесъ отъ лица правительства билль, которымъ предлагалось предоставить абсолютное право апелляціи всѣмъ осужденнымъ по обвинительному акту. Билль этотъ, послѣ значительныхъ измѣненій въ палатѣ общинъ, перешелъ къ лордамъ, но здѣсь встрѣтилъ суровую принципіальную критику, исходящую отъ лорда Альверстона, занимавшаго тогда должность лорда главнаго судьи, и былъ возвращенъ въ палату общинъ. Во время наступившихъ вакацій билль вызвалъ массу возраженій у юристовъ, побудившихъ правительство взять билль назадъ и вмѣсто того внести чрезъ генеральнаго атторнея сэра Lawson-Walton новый законопроектъ, который, минуя особый комитетъ парламента, былъ переданъ въ главную юридическую коммисію и, наконецъ, не безъ нѣкотораго сопротивленія со стороны лордовъ, принятъ 28 августа 1907 г. На такое принятіе его парламентомъ повліяло многое.

Аргументы въ пользу проведенія билля объ уголовной апелляціи росли. Эта стадія процесса получила стройное и широкое развитіе на континентѣ, выдѣлившемъ различныя формы пересмотра и давшемъ имъ точное юридическое выраженіе. Апелляція стала укрѣпляться и въ странахъ, принявшихъ въ основѣ англійскую организацію суда, каковы Сѣверо-Американскіе Штаты, британскія колоніи Австралія и Канада, создавшія особые апелляціонные суды. Успѣшное примѣненіе апелляціи по гражданскимъ дѣламъ также краснорѣчиво говорило въ пользу введенія ея и въ область уголовнаго правосудія. Но нуженъ былъ толчокъ, чтобы выдвинуть всѣ эти аргументы, чтобы занять ими общественное вниманіе. И такой толчокъ дали два громкихъ дѣла, показавшихъ недостаточность и опасность существующаго положенія. Это были дѣла Адольфа Бека 1904 г. и Джорджа Эдальджи 1907 г. Въ виду важности ихъ для проведенія закона объ апелляціи, мы въ краткихъ чертахъ изложимъ фактическую сторону этихъ двухъ замѣчательныхъ случаевъ судебной ошибки.

III.

Относительно дѣла Адольфа Бека, представляющаго замѣчательный случай судебной ошибки, въ 1904 г., когда эта ошибка обнаружилась, возникла цѣлая литература. Оно вызвало назначеніе особой парламентской коммисіи для разслѣдованія и послужило поводомъ къ возбужденію ряда вопросовъ относительно реформы полиціи и уголовнаго процесса. Мы ограничимся краткой передачей фактической стороны дѣла въ изложеніи парламентскаго отчета и установленіемъ нѣкоторыхъ выводовъ, сдѣланныхъ изъ этого дѣла англійскими юристами.

Въ 1877 г. человѣкъ, называвшійся Джономъ Смитомъ, былъ осужденъ въ Старомъ Бэйли за мошенничества, учиненныя надъ женщинами порочнаго поведенія, состоявшія въ выманиваніи отъ нихъ драгоцѣнныхъ вещей и денегъ. Своихъ цѣлей онъ достигалъ тѣмъ, что выдавалъ себя за

богатаго джентельмэна, живущаго на St. John's Wood, и предлагалъ своей жертвѣ принять у его знакомыхъ мѣсто экономки. Затѣмъ Смитъ указывалъ ей, что для поступленія на мѣсто требуется новая одежда; для этого онъ писалъ заказъ на имя какого либо извѣстнаго торговца, въ лавкѣ котораго она могла бы пріобрѣсти требуемое, и выдавалъ ей чекъ на несуществующій банкъ. Тутъ же подъ какимъ либо предлогомъ онъ бралъ у своей жертвы цѣнный предметъ или деньги, съ которыми и скрывался. Мошенничества эти онъ совершалъ подъ именемъ лорда Виллобай. Уличенный въ этомъ мошенничествѣ, Джонъ Смитъ былъ приговоренъ къ пятилѣтнему заключенію въ каторжной тюрьмѣ; здѣсь онъ оставался до апрѣля 1881 г., когда былъ условно освобожденъ.

Черезъ много лѣтъ, къ концу 1894 г. полиція начала получать жалобы отъ женщинъ, преимущественно порочнаго поведенія, на то, что онѣ были обмануты человѣкомъ, выдававшимъ себя за лорда Вильтона или лорда Винтона де Виллобай, живущаго на St. John's Wood. Способы совершенія преступленія этимъ послѣднимъ были точно такими же, какъ и тѣ, которые были констатированы въ дѣлѣ Смита. Описанія наружности этого человѣка, данныя женщинами, ставшими жертвами обмана, были очень разнорѣчивы, но представленные ими чеки всѣ были написаны тѣмъ же почеркомъ. Усилія полиціи найти виновнаго были безуспѣшны, пока, наконецъ, ея вниманіе не было обращено на г. Бека впервые 16 декабря 1895 г. Въ этотъ день послѣ полудня Оттилія Мейсонье, ставшая жертвой мошенничества въ предшествующемъ мѣсяцѣ, случайно встрѣтила г. Бека на улицѣ Викторіи и стала обвинять его въ похищеніи ея драгоцѣнностей. Онъ съ негодованіемъ заявилъ, что никогда до этого не встрѣчалъ ея. Тѣмъ не менѣе она послѣдовала за нимъ по улицѣ, пока они не встрѣтили полицейскаго, къ которому оба и обратились; такъ какъ женщина настаивала на своемъ обвиненіи, то оба они были приведены полицейскимъ въ участокъ, гдѣ было внесено въ протоколъ обвиненіе противъ г. Бекъ. Таково было первое

вмѣшательство полиціи въ дѣло Бека. Затѣмъ была предоставлена возможность значительному числу женщинъ, приносившихъ жалобы въ полицію, видѣть г. Бека, чтобы убѣдиться, могутъ ли онѣ удостовѣрить тождество его съ человѣкомъ, совершившимъ по отношенію къ нимъ мошенничества. Нѣкоторыя изъ нихъ, съ различною степенью увѣренности, утверждали, что г. Бекъ является разыскиваемымъ виновникомъ, и въ такомъ смыслѣ свидѣтельствовали предъ г. Шейль въ полицейскомъ судѣ. Послѣ того какъ это дѣло пріобрѣло гласность вслѣдствіе обнародованія отчетовъ о засѣданіяхъ полицейскаго суда, одинъ джентельмэнъ, принимавшій участіе въ дѣлѣ Смита и не имѣвшій никакихъ связей съ полиціей, сообщилъ полиціи, что г. Бекъ, безъ сомнѣнія, является вышедшимъ изъ тюрьмы Смитомъ. На основаніи этого сообщенія былъ розысканъ Спуррель, бывшій констэбль полиціи, арестовавшій въ 1877 г. Смита. Онъ показалъ подъ присягой, что Бекъ является Смитомъ, и это его мнѣніе было поддержано другимъ чиновникомъ, участвовавшимъ въ дѣлѣ Смита. На основаніи этого г. Бекъ былъ преданъ суду по всѣмъ жалобамъ, принесеннымъ противъ него. Его дѣло разсматривалось въ мартѣ 1896 г. въ Старомъ Бэйли предъ судьей Форестъ Фультонъ, онъ былъ осужденъ и приговоренъ къ семилѣтнему заключенію въ каторжной тюрьмѣ. Его судили только по обвиненію въ простомъ преступленіи (misdemeanor), хотя были составлены четыре другихъ обвинительныхъ акта, приписывавшихъ ему тяжкое преступленіе (felony), въ которыхъ указывалось, что онъ былъ осужденъ въ 1877 г. подъ именемъ Смита; но всѣ они были отложены до слѣдующей сессіи, когда былъ изданъ приказъ о прекращеніи по нимъ преслѣдованія. Въ свою защиту на судѣ г. Бекъ выставилъ утвержденіе, что истиннымъ виновникомъ является лицо, осужденное въ 1877 г., а онъ является совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Но это утвержденіе не было принято во вниманіе. Для отбытія наказанія онъ былъ заключенъ въ Чельмофордскую тюрьму, а затѣмъ въ Портландъ, въ обоихъ мѣстахъ подвергался режиму, существующему для рецидивистовъ, и носилъ платье, соотвѣтствующее платью для

рецидивистовъ. Немедленно послѣ своего осужденія Бекъ направилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ просьбу о помилованіи на томъ основаніи, что на судѣ произошла ошибка къ личности и что поэтому приговоръ неправиленъ. По тѣмъ же основаніямъ онъ представилъ еще нѣсколько прошеній, но на всѣ получалъ отрицательный отвѣтъ. Только въ маѣ 1898 г. его адвокатъ представилъ въ министерство прошеніе о возобновленіи дѣла. Тогда впервые, на основаніи этого прошенія, было произведено министерствомъ разслѣдованіе, которое выяснило, что въ 1879 г. при особыхъ обстоятельствахъ Смитъ подвергался осмотру тюремнаго врача въ Портландѣ, который письменно сообщилъ начальнику тюрьмы о томъ, что тотъ подвергался обряду обрѣзанія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ было дано предписаніе произвести освидѣтельствованіе Бека, чтобы посмотрѣть, имѣются ли у него эти знаки. При освидѣтельствованіи обнаружилось отсутствіе ихъ. На основаніи этого новаго факта министерство впервые испросило мнѣніе старшаго судьи по этому дѣлу. Въ результатѣ министерство пришло къ заключенію, что оно не должно вмѣшиваться въ дѣло, и предписало только дать Беку новый нумеръ и бумагу, не содержащую указаній на его предшествующее осужденіе. Тотъ фактъ, что Смитъ подвергался обрѣзанію, хотя былъ извѣстенъ полицейскимъ властямъ въ 1879 г. и былъ сообщенъ ими въ министерство въ 1898 г., однако оставался неизвѣстнымъ для публичнаго обвинителя, и въ болѣе позднее время для полиціи до іюля 1904 г., когда Смитъ снова подпалъ законной отвѣтственности. Между тѣмъ, въ іюлѣ 1901 г. Бекъ, отбывъ срокъ своего заключенія, былъ условно освобожденъ. Въ апрѣлѣ 1904 г.—почти три года спустя послѣ своего освобожденія—г. Бекъ былъ арестованъ снова по обвиненію, похожему на то, за которое онъ былъ осужденъ прежде. Онъ былъ судимъ предъ судьей Грэнталомъ и снова осужденъ. Такъ какъ онъ не могъ отрицать своего осужденія въ 1896 г., то съ нимъ обращались, какъ съ лицомъ, признавшимъ свое предшествующее осужденіе. Однако, ученый судья почувствовалъ нѣкоторыя неясности въ его дѣлѣ и отложилъ выне-

сеніе приговора до слѣдующей сессіи, и хотя, послѣ производства разслѣдованій полиціей и тюремнымъ врачомъ, онъ не могъ найти основаній къ дальнѣйшей отсрочкѣ приговора, который еще не былъ произнесенъ, онъ продолжалъ выжидать. Въ это время былъ арестованъ на основаніи подобныхъ же обвиненій, основывавшихся на фактахъ, учиненныхъ во время содержанія г. Бека подъ стражей, бывшій заключенный Смитъ. Разслѣдованіе дѣла послѣдняго привело къ освобожденію г. Бека изъ тюрьмы и послѣдующему помилованію относительно приговоровъ 1896 и 1904 г. Слѣдуетъ замѣтить, что г. Бекъ былъ арестованъ и судимъ во второй разъ до того, какъ Смитъ былъ арестованъ.— Министерство внутреннихъ дѣлъ предложило г. Беку вознагражденіе въ 2000 ф. ст., которое оно послѣ увеличило до 5000 ф. ст. Основаніемъ для помилованія и вознагражденія послужили слѣдующіе новые факты: 1) фактъ, обнаруженный 19 мая 1898 г., что Бекъ не имѣлъ знаковъ обрѣзанія: такъ какъ оба преступленія были совершены однимъ человѣкомъ, а г. Бекъ не могъ совершить перваго,— значитъ, онъ не совершилъ и второго; 2) опознаніе Смита въ Тоттенгамскомъ полицейскомъ участкѣ, благодаря шраму на щекѣ, инспекторомъ полиціи г. Каномъ; наружность обоихъ, Бека и Смита, была совершенно различна: оба имѣли шрамы, но на различныхъ частяхъ лица; 3) письмо, полученное г. Тэрнеромъ отъ Джона Смита 6 іюля 1904 г., которое побудило эксперта почерковъ г. Гэрена взять назадъ свое мнѣніе, высказанное въ 1896 и 1904 г., о томъ, что составлявшіе тогда предметъ разслѣдованія документы были написаны г. Бекомъ съ измѣненіемъ почерка, такъ какъ изъ письма Смита явствовало съ несомнѣнностью, что эти документы написаны Смитомъ [1]).

Главныя причины ошибочнаго осужденія г. Бека разслѣдованіе обнаружило въ недостаткахъ контроля за полицейской дѣятельностью; здѣсь онѣ насъ не интересуютъ, мы

---

[1]) Подробное описаніе фактической стороны этого знаменитаго дѣла имѣется въ статьѣ г. Діонео, помѣщенной въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1904 г.

остановимся лишь на указываемыхъ процессуальныхъ неправильностяхъ, которыя заставили многихъ признать необходимость апелляціи для устраненія ихъ. Такъ, въ первомъ процессѣ 1896 г. судья не допустилъ защиту къ доказыванію того, что документы, составлявшіе предметъ обвиненія въ 1877 г., при обвиненіи Смита, не могли быть написаны настоящимъ подсудимымъ г. Бекомъ, такъ какъ этотъ вопросъ прямо не относился къ рѣшенію. Ошибочность этого недопущенія была признана позднѣе рядомъ авторитетовъ. При обсужденіи билля объ уголовной апелляціи въ палатѣ лордовъ лордъ Альверстонъ, главный судья Англіи, такъ высказался относительно нея: „судебная ошибка въ дѣлѣ Бека имѣла своею причиною неправильное указаніе со стороны ученаго судьи, которое *является столь грубымъ, что въ настоящее время удивляешься, какъ оно* могло имѣть мѣсто“ (Law Times 1906 p. 207). Затѣмъ неправильнымъ признается отсутствіе ссылки въ обвинительномъ актѣ, по которому былъ осужденъ Бекъ въ 1896 г., на предшествующее осужденіе подъ именемъ Смита, что повліяло на возможность доказыванія тождественности его личности; со стороны обвиненія тождественность личности была формально доказана вполнѣ достаточно. Наконецъ, по мнѣнію парламентской коммисіи, дѣло должно было бы въ первый разъ быть отложено для вынесенія приговора вслѣдствіе просьбы о томъ подсудимаго, такъ какъ были основанія къ сомнѣнію въ личности [1]). Эти недостатки вполнѣ могли бы быть устранены при апелляціонномъ пересмотрѣ. Съ другой стороны обращалось вниманіе на то, что даже послѣ помилованія г. Бекъ не является вполнѣ реабилитированнымъ, такъ какъ помилованіе произошло въ административномъ порядкѣ, который не въ силахъ сгладить всѣхъ послѣдствій судебнаго осужденія, судебнаго же пересмотра дѣлъ въ смыслѣ континентальнаго порядка въ Англіи не существуетъ.

Другимъ дѣломъ, много способствовавшимъ принятію билля

---

[1]) См. юридическую оцѣнку дѣла А. Бекъ въ книгѣ Sibley—Criminal appeal and evidence 1908 p. 301.

объ уголовной апелляціи, явилось дѣло *Эдальджи*. Фактическая сущность его такова. Вблизи села Большой Вайрли въ графствѣ Стаффордширъ, недалеко отъ Бирмингама, въ 1903 г. было причинено нѣсколько тѣлесныхъ поврежденій домашнимъ животнымъ; ночью или вечеромъ на пастбищахъ лошадямъ производились надрѣзы корпуса. Состраданіе къ мученіямъ животныхъ, забота собственниковъ о своихъ кормильцахъ и ужасъ населенія предъ неслыханной дерзостью этихъ дѣйствій привели жителей въ крайнее возбужденіе. Наконецъ, послѣ одного изъ такихъ случаевъ, утромъ полиція арестовала сына священника въ Вайрли, солиситора Г. Эдальджи, какъ виновника. Викарій Эдальджи, несмотря на свое весьма продолжительное пребываніе въ этой мѣстности, которую онъ получилъ въ качествѣ прихода благодаря женитьбѣ, *не пользовался симпатіями мѣстнаго населенія; онъ* имѣлъ часто столкновенія съ мѣстными училищными властями и находился въ очень дурныхъ отношеніяхъ съ полиціей послѣ того, какъ инспекторъ полиціи наказалъ его сына Георга, бывшаго тогда еще мальчикомъ, за нѣкоторыя безнравственныя выходки. Уже въ теченіе многихъ лѣтъ въ этой мѣстности распространялись анонимныя письма и ложныя газетныя объявленія, приписываемыя семьѣ Эдальджи. Процессъ противъ Георга Эдальджи за порчу скота происходилъ предъ мѣстнымъ судомъ присяжныхъ. Къ этому обвиненію было сначала присоединено еще обвиненіе въ распространеніи анонимныхъ писемъ, въ одномъ изъ которыхъ указывались предполагаемые виновники порчи скота; отъ этого послѣдняго обвиненія однако обвинитель отказался, но было видно, что побочно представленныя доказательства того, что Эдальджи писалъ эти письма, много способствовали единогласному признанію его виновнымъ со стороны присяжныхъ. Эдальджи былъ осужденъ, хотя его отецъ присягнулъ, что его сынъ провелъ ночь преступленія, спавъ вмѣстѣ съ нимъ въ одной комнатѣ, и хотя все обвиненіе основывалось на нѣсколькихъ конскихъ волосахъ, найденныхъ на костюмѣ Эдальджи и признанныхъ тождественными съ волосами раненной лошади, при чемъ однако осталась открытой возможность того, что эти волосы

попали на одежду лишь въ полицейскомъ участкѣ, гдѣ былъ произведенъ немедленный осмотръ одежды. Когда Эдальджи отбывалъ свое наказаніе, произошли новые случаи поврежденій такого же рода; подозрѣваемый въ нихъ солдатъ сначала сознался, а затѣмъ взялъ сознаніе обратно, а впослѣдствіи убѣжалъ изъ рукъ властей въ Южную Африку; затѣмъ въ той же мѣстности за новый аналогичный случай порчи лошадей былъ осужденъ одинъ горнорабочій. Тогда въ пользу Эдальджи поднялась сильная агитація, къ которой примкнули почти всѣ его университетскіе учителя и товарищи; подъ вліяніемъ ея министерство внутреннихъ дѣлъ сначало освободило его отъ наказанія; но самъ Эдальджи добивался своей реабилитаціи. Въ пользу нея открылъ газетную кампанію извѣстный Конанъ-Дойль. Подъ вліяніемъ агитаціи министерство назначило слѣдственную коммисію, которая пришла къ заключенію, что виновность его не доказана. На основаніи этихъ результатовъ правительство предоставило Эдальджи полное помилованіе, но отказалось отъ выдачи вознагражденія, такъ какъ невинность его не была установлена внѣ сомнѣній. Въ это время, къ концу августа 1907 г., снова начались преступленія надъ животными въ Вайрли; полиція по имѣвшимся уликамъ задержала одного мясника, такимъ образомъ было задержано третье подозрѣваемое лицо. Ясно стало изъ разслѣдованій, что Эдальджи не имѣлъ никакого отношенія ни къ анонимнымъ письмамъ, ни къ порчѣ скота. Въ ноябрѣ 1907 г. было закончено его реабилитированіе: онъ былъ снова внесенъ въ списокъ солиситоровъ, но вознагражденія онъ не получилъ до сихъ поръ.

Дѣло Эдальджи подверглось обстоятельному юридическому разбору въ прессѣ, въ особой коммисіи изъ трехъ юристовъ, назначенной государственнымъ секретаремъ по внутреннимъ дѣламъ, и при неоднократномъ обсужденіи въ парламентѣ. Въ немъ находятъ многочисленные промахи. Дѣло было рѣшено исключительно на основаніи косвенныхъ уликъ и даже скрыто предполагавшихся фактовъ, какимъ было, напримѣръ, написаніе подсудимымъ анонимныхъ писемъ. Косвенныя улики заключались въ слѣдующемъ. Въ домѣ подозрѣваемаго

утромъ 18 августа полиціи былъ предъявленъ костюмъ, сюртукъ и жилетъ котораго были сырыми, а брюки выпачканы грязью. Сырость одежды являлась важнымъ фактомъ, такъ какъ ночью шелъ дождь, начиная съ 11 ч. 30 м. На грязь брюкъ не было обращено тогда полиціей вниманія, и онѣ не были взяты. Полиція нашла также пару очень грязныхъ сапогъ, одинъ изъ которыхъ былъ взятъ полиціей. Эти сапоги были примѣрены къ слѣдамъ, замѣченнымъ на дорогѣ, по которой подозрѣваемый съ вѣроятностью долженъ былъ бы возвращаться домой послѣ преступленія, но это сравненіе было произведено очень грубо; не было сдѣлано надлежащихъ измѣреній, не было сдѣлано слѣпка, не были замѣчены отпечатки пальцевъ. Полиція нашла въ домѣ подозрѣваемаго, въ комнатѣ, занимаемой имъ и его отцомъ, четыре бритвы, изъ которыхъ одна была сероватой, какъ если бы она была свѣже-вымыта; предполагалось, что этимъ инструментомъ совершено преступленіе, хотя это было не очень легко согласовать съ экспертизой ветеринарнаго врача. На одеждѣ было много пятенъ невиннаго характера, кромѣ двухъ красноватыхъ, величиною въ пятачокъ, на серединѣ праваго рукава; относительно ихъ экспертиза признала, что это пятна крови животныхъ. Но наиболѣе важной уликой являлись нѣсколько волосковъ, соотвѣтствующихъ волосамъ раненной лошади, на сюртукѣ и жилетѣ. Родственники подозрѣваемаго отрицали ихъ присутствіе на одеждѣ до уноса одежды полиціей. На основаніи этихъ уликъ коммисія полагала, что присяжные едва-ли могли бы осудить подсудимаго, если бы они не находились подъ вліяніемъ анонимныхъ писемъ, которыя были имъ представлены, но относительно которыхъ экспертизы произведено не было. Въ нихъ указывалось на рядъ виновниковъ преступленія, между прочимъ, на самаго Эдальджи. Повидимому, эти письма были написаны не кѣмъ либо изъ виновныхъ, а человѣкомъ, злостно настроеннымъ и желавшимъ ввести полицію въ недоумѣніе. Такимъ образомъ улики были недостаточны. Затѣмъ, въ то время, когда Эдальджи находился подъ стражей въ ожиданіи суда, было совершено новое преступленіе подобнаго характера, на которое не было обращено

достаточнаго вниманія, полиція же ограничилась объясненіями одного Гарри Грина о томъ, что онъ совершилъ это дѣйствіе надъ своей собственной лошадью, которая была очень стара, хотя обстановка дѣятельности не согласовалась съ этимъ. Дѣло такимъ образомъ показало крайнюю недостаточность одной инстанціи при постановленіи приговора по косвеннымъ уликамъ.

Указывалось, кромѣ того, на неправильность обыска и ареста Эдальжи при тѣхъ данныхъ, которыя имѣлись у полиціи, на неправильность предсѣдательскаго резюме, ни звукомъ не упомянувшаго относительно писемъ, хотя они играли существенную роль въ дѣлѣ, на неправильную постановку экспертизы почерка и пр. Указывалось и на неправильное примѣненіе къ данному случаю устарѣлыхъ нормъ *матеріальнаго права, крайне строго карающихъ порчу скота*, сохраняющихся какъ наслѣдіе прошлыхъ вѣковъ, когда скотоводство было главною отраслью промышленности въ Англіи, и посягательства противъ домашнихъ животныхъ, употребляемыхъ въ хозяйствѣ, карались до 1861 г. смертною казнью. Но особенно энергично указывалось въ настоящемъ дѣлѣ на несоотвѣтственное положеніе государственнаго секретаря по внутреннимъ дѣламъ, который долженъ былъ занять положеніе судьи надъ судомъ, притомъ по весьма сложному дѣлу. Одинъ изъ членовъ оппозиціи Смитъ внесъ 18 іюля 1907 г. запросъ государственному секретарю по внутреннимъ дѣламъ, на какомъ основаніи онъ приступилъ къ послѣдующей провѣркѣ надлежаще рѣшеннаго дѣла, приговоръ по которому вступилъ въ законную силу, поручивъ разслѣдованіе произвольно составленной коммисіи изъ трехъ лицъ, принадлежащей къ заключенію о возможной виновности Эдальджи въ преступленіи, которое не было ему вмѣнено на судѣ (писаніе анонимныхъ писемъ). Этотъ запросъ былъ предлогомъ для того, чтобы показать несоотвѣтствующее положеніе государственнаго секретаря по внутреннимъ дѣламъ при возобновленіи дѣлъ и обратить вниманіе палаты на необходимость созданія апелляціонной инстанціи. И дѣйствительно, пренія по запросу вращались вокругъ этой темы, указывая на трудность поло-

женія правительства, находящагося между опасностью завѣдомаго поддержанія ошибки суда, которая, по выраженію лорда Дэнмана, „является величайшимъ публичнымъ бѣдствіемъ и худшей помѣхой общественной справедливости“, и принятіемъ на себя несоотвѣтствующей роли судьи надъ судомъ. Дебаты въ парламентѣ по этому вопросу, совпавшіе съ чтеніемъ билля объ апелляціи въ палатѣ лордовъ, оказали значительное вліяніе на принятіе его этою послѣдней, до того оказывавшею значительное противодѣйствіе ряду аналогичныхъ проектовъ. Это дѣло, такимъ образомъ, рѣшило судьбу билля.

IV.

Актъ объ апелляціи—по словамъ сэра Гарри Поланда—производитъ *революцію* въ уголовномъ процессѣ Англіи. Онъ впервые устанавливаетъ уголовный апелляціонный судъ для лицъ, осужденныхъ по обвинительному акту, и нѣкоторыхъ другихъ. Осужденный имѣетъ право апеллировать въ этотъ судъ по всякому вопросу правового характера и имѣетъ возможность обращаться къ судьѣ за разрѣшеніемъ на апелляцію, а въ случаѣ отказа послѣдняго, и въ апелляціонный судъ, по вопросамъ факта или смѣшаннымъ вопросамъ права и факта или по какому либо иному основанію, указывающему на неправильность его осужденія. Актъ предоставляетъ далѣе такому лицу обращаться за разрѣшеніемъ на апелляцію противъ постановленнаго противъ него приговора о наказаніи, съ указаніемъ на его чрезмѣрную строгость. Судья, рѣшавшій дѣло въ первой инстанціи, можетъ засвидѣтельствовать, что дѣло даетъ поводъ къ апелляціи. Одинъ изъ судей апелляціоннаго суда можетъ дать разрѣшеніе на апелляцію, а судъ въ составѣ не менѣе трехъ судей долженъ выслушать ее и постановить рѣшеніе. Самый судъ состоитъ изъ лорда главнаго судьи и восьми другихъ судей отдѣленія королевской скамьи, засѣдающихъ въ нечетномъ числѣ, не менѣе трехъ. Они могутъ засѣдать въ двухъ или трехъ отдѣленіяхъ. Актъ обязываетъ жалобщика дѣлать извѣщеніе о

своемъ желаніи апеллировать и предусматриваетъ назначеніе ему защитника въ случаѣ необходимости. Срокъ подачи извѣщенія опредѣленъ въ десять дней, но можетъ быть продолженъ судомъ. Государственный секретарь можетъ представить дѣло въ апелляціонный судъ въ любое время, по собственной *иниціативѣ, для рѣшенія всего дѣла или отдѣльныхъ вопросовъ.* Жалобщикъ, даже содержащійся подъ стражей, имѣетъ право присутствовать при разсмотрѣніи апелляціи, если только вопросъ не является исключительно правовымъ; при предварительныхъ стадіяхъ и при разрѣшеніи вопроса о предоставленіи разрѣшенія на апелляцію онъ можетъ присутствовать съ разрѣшенія суда. Такова, въ общихъ чертахъ, схема новаго закона.

При проведеніи этого билля объ уголовной апелляціи, приходилось преодолѣвать не только консерватизмъ прочно укрѣпившейся привычки, но и рядъ серьезныхъ аргументовъ, выставленныхъ противниками этой мѣры.

Конечно,—говорятъ эти противники,—ни одно человѣческое учрежденіе не является совершеннымъ, и при всѣхъ усиліяхъ со стороны присяжныхъ проявить возможно большую осторожность въ пользу подсудимаго могутъ произойти неправильности, въ особенности благодаря неточности свидѣтельскихъ показаній. Но лучше предоставить устраненіе и исправленіе этихъ неправильностей гибкимъ полномочіямъ министра, чѣмъ ослаблять значеніе судебнаго приговора. Право апелляціи, въ особенности по вопросамъ факта, ослабляетъ значеніе провозглашаемаго приговора для общества и для подсудимаго, который можетъ надѣяться на измѣненіе условій во второй инстанціи. Напр., подсудимый, хотя и достаточно обличаемый на судѣ, не приноситъ сознанія, тайно разсчитывая на возможность оправданія, и, если это не удается, то онъ можетъ въ апелляціонной инстанціи принести сознаніе и воспользоваться всѣми выгодами, которыя съ нимъ сопряжены по акту объ уголовныхъ доказательствахъ 1898 г. [1]). Но, мало того,

---

[1]) Актъ объ уголовныхъ доказательствахъ 1898 г. (The Criminal evidence act 1898 г.) постановляетъ слѣдующее (приводимъ его цѣликомъ въ виду того, что онъ мало былъ затронутъ въ нашей литературѣ):

возможность апелляціи ослабляетъ сознаніе отвѣтственности у всѣхъ участвующихъ въ процессѣ лицъ—присяжныхъ, судей, обвинителя и защитника. При существующей системѣ они сознаютъ, что каждое ихъ дѣйствіе имѣетъ безповоротно рѣшающее значеніе, и потому всѣми силами стремятся избѣгнуть ошибки, тогда какъ при наличности апелляціи они могутъ надѣяться на исправленіе ея впослѣдствіи. Это возраженіе съ особенной настойчивостью приводилъ въ 1848 г. лордъ Брумъ. Онъ боялся, въ частности, крайней опасности ослабле-

---

Ст. 1. Каждое лицо, обвиняемое въ преступленіи, и его супругъ явятся компетентными свидѣтелями защиты на любой стадіи производства, независимо отъ того, обвиняется ли данное лицо отдѣльно или совмѣстно съ другимъ лицомъ. Но при этомъ:

a) обвиняемый не долженъ быть вызываемъ въ качествѣ свидѣтеля во исполненіе настоящаго акта иначе, какъ по собственной просьбѣ;

b) недача свидѣтельскихъ показаній обвиняемымъ или его супругомъ не должна служить предметомъ какихъ либо замѣчаній со стороны обвиненія;

c) супругъ обвиняемаго не долженъ вызываться въ качествѣ свидѣтеля во исполненіе настоящаго акта, кромѣ нижеупомянутаго случая, иначе, какъ по просьбѣ обвиняемаго;

d) ничто въ настоящемъ актѣ не принуждаетъ супруга раскрыть какое либо сообщеніе, сдѣланное ему другимъ супругомъ во время брака;

e) обвиняемый, выступающій свидѣтелемъ на основаніи настоящаго акта, не долженъ быть распрашиваемъ, а если спрошенъ, то можетъ не отвѣчать, относительно чего-либо, имѣющаго цѣлью показать, что онъ совершилъ какое либо иное преступленіе, отличное отъ того, за которое онъ судится, или былъ осужденъ за него, или обвиняемъ въ немъ, или что онъ обладаетъ дурнымъ характеромъ, если только—

1) доказываніе того, что онъ совершилъ или былъ осужденъ за это другое преступленіе, не явится допустимымъ доказательствомъ, чтобы показать его виновность въ преступленіи, теперь ему вмѣняемомъ;

2) онъ лично или чрезъ своего адвоката не задавалъ вопросовъ свидѣтелямъ обвиненія съ намѣреніемъ установить свой добрый характеръ или самъ не свидѣтельствовалъ о своемъ добромъ характерѣ или если поведеніе защиты таково, что навлекаетъ подозрѣніе на характеръ обвинителя или свидѣтелей обвиненія; или

3) онъ далъ свидѣтельство противъ какого либо другого обвиняемаго по тому же дѣлу;

f) каждое лицо, выступающее въ качествѣ свидѣтеля по настоящему акту, даетъ свои показанія съ мѣста, предназначеннаго для свидѣтелей, если только судъ не постановилъ иного;

g) ничто въ настоящемъ актѣ не измѣняетъ ст. 18 Indictable Offences Act 1848 г. или права обвиняемаго дѣлать заявленія, не скрѣпленныя клятвой.

нія того тяжелаго сознанія отвѣтственности, которое лежитъ на присяжныхъ, выносящихъ свой вердиктъ, и которое *является чуть-ли ни единственной гарантіей правосудности* послѣдняго. Многими указывалось, что съ проведеніемъ апелляціи должно увеличиться количество обвинительныхъ приговоровъ, такъ какъ—говорилъ судья Вильямъ Грэнтамъ въ 1907 г.—„присяжные менѣе задумывались бы надъ тѣмъ, чтобы предоставить подсудимому привилегію сомнѣнія въ виновности, разсчитывая на возможность апелляціи съ его стороны“.

Апелляція наноситъ ударъ одному изъ драгоцѣннѣйшихъ качествъ уголовнаго правосудія—скорому отправленію его. Въ 1848 г., при обсужденіи билля объ апелляціи въ парламентѣ, судья Паркъ говорилъ: „въ гражданскихъ дѣлахъ не столь важно, какъ въ уголовныхъ, привести процессъ къ скорому окончанію. Не слѣдуетъ никогда упускать изъ вида, что быстрое рѣшеніе уголовныхъ дѣлъ, въ особенности касающихся преступленій противъ жизни и собственности, серьезно затрогивающихъ интересы общества, является обстоятельствомъ чрезвычайной публичной важности“. „Примѣрность наказанія“—какъ утверждалъ лордъ Брумъ—„болѣе всего зависитъ отъ быстроты, съ которой исполненіе наказанія слѣдуетъ за приговоромъ“. Кромѣ ослабленія правосудія, апелляція повлекла бы за собою и вздорожаніе его, такъ какъ пришлось бы значительно увеличить количество судей высшаго суда, каждый изъ которыхъ получаетъ весьма значительное вознагражденіе; такое увеличеніе судей, кромѣ дороговизны, противорѣчило бы и самому принципу англійской судебной организаціи, которая стремится къ тому, чтобы все дѣло правосудія въ странѣ отправлялось немногими авторитетными судьями. Въ результатѣ всѣ эти причины ослабятъ уваженіе общества къ приговорамъ суда первой инстанціи, въ особенности по дѣламъ, влекущимъ смертную казнь, гдѣ вся торжественная обстановка вынесенія вердикта потеряетъ всякое значеніе, такъ какъ конечный исходъ дѣла и послѣ вердикта останется неопредѣленнымъ.

Эти возраженія, не будучи въ силахъ повліять на откло-

неніе билля, отразились однако на рядѣ постановленій его. Таково, напр., допущеніе апелляціи по вопросамъ факта лишь съ согласія суда, рѣшавшаго дѣло, или апелляціоннаго суда, ограниченіе срока подачи апелляціи десятью днями, возможность отклоненія ея при предварительномъ разсмотрѣніи и пр. На болѣе подробномъ разсмотрѣніи этихъ постановленій и другихъ поправокъ мы остановимся ниже.

Въ противовѣсъ этимъ возраженіямъ слѣдуетъ привести рядъ доводовъ, выставленныхъ сторонниками апелляціи. Главной задачей акта,—говорятъ сторонники,—является скорѣе предупрежденіе возможности судебныхъ ошибокъ, чѣмъ исправленіе ихъ Цѣлью его является усиленіе гарантій невинности въ процессѣ. По выраженію лорда Дэнмана, билль объ уголовной апелляціи присоединяетъ шестую гарантію къ пяти гарантіямъ *невинности*, *существующимъ* въ *англійскомъ* уголовномъ процессѣ. Эти пять гарантій состоятъ: 1) въ немедленномъ представленіи подозрѣваемаго къ судьѣ, 2) въ предоставленіи ему права видѣть и слышать свидѣтелей, а съ акта 1702 г. и представлять со своей стороны свидѣтелей, допрашиваемыхъ подъ присягой; 3) въ правѣ получать копіи всѣхъ письменныхъ показаній, что ему предоставлено только съ 1836 г., 4) въ возможности знать происхожденіе и характеръ письменныхъ показаній за день до суда и 5) въ правѣ быть представленнымъ на судѣ адвокатомъ, которое было пріобрѣтено по дѣламъ о тяжкихъ преступленіяхъ въ 1836 г. Право уголовной апелляціи завершаетъ эту систему гарантій англійскаго процесса.

Необходимость возстановленія матеріальной истины, когда обнаруживается, что она нарушена судомъ, совершившимъ юридическія или фактическія погрѣшности, не можетъ быть отрицаема въ современномъ государственномъ строѣ. Для этого судейскій пересмотръ дѣла является лучшимъ средствомъ, нежели судъ, изображаемый министромъ и прессой. Первый, имѣя возможность вліять на прерогативу помилованія, правда, отчасти можетъ исправлять ошибки, но эта форма исправленія особенно тягостна для авторитета суда и не всегда надежна, ибо въ его рукахъ нѣтъ той могуществен-

ной власти разслѣдованія дѣла, какая имѣется въ рукахъ суда полномочнаго и дѣйствующаго по строгимъ правиламъ. Что касается прессы, то она часто принимаетъ на себя роль высшаго арбитра по отдѣльнымъ дѣламъ, и голосъ ея правительство должно выслушивать, пока оно не имѣетъ возможности противопоставить ему судебное рѣшеніе высшей инстанціи. „Далеко не послѣднимъ изъ достоинствъ уголовнаго апелляціоннаго суда“—пишетъ въ руководящей статьѣ Daily Telegraph—„будетъ сокращеніе, если не полное прекращеніе, опасной привычки производить новый судъ надъ дѣломъ въ газетѣ, какъ это наблюдается за послѣдніе годы. Эта привычка, нужно сознаться, имѣетъ извѣстное оправданіе, такъ какъ безъ участія газетъ большинство извѣстныхъ дѣлъ, окончившихся судебными ошибками, вѣроятно, никогда не увидѣло бы свѣта истины. Почти всегда агитація въ газетахъ предшествовала судебному возобновленію дѣла. Но мы боимся, что то благо, которое достигнуто въ однихъ случаяхъ этой агитаціей, перевѣшивается зломъ, причиненнымъ въ другихъ, когда часть прессы начинаетъ заниматься эксплоатаціей судебныхъ скандаловъ и восхваленіемъ интересныхъ преступниковъ. Сильный апелляціонный судъ, думаемъ мы, положитъ конецъ этой опасной практикѣ еще до того, какъ она пріобрѣтетъ болѣе грозные размѣры“.

Кромѣ этихъ результатовъ, введеніе апелляціи, по мнѣнію многихъ, будетъ способствовать общему улучшенію правосудія; значительно уменьшатся случаи оправданія, происходящіе, вслѣдствіе процессуально-техническихъ причинъ; введеніе оффиціальныхъ протоколовъ, неизбѣжное при установленіи апелляціи, придастъ особую устойчивость всѣмъ сужденіямъ о дѣлѣ по сравненію съ настоящимъ, когда все основывается на газетныхъ отчетахъ. Значительнаго наплыва апелляцій и ослабленія репрессіи не слѣдуетъ опасаться. Въ 1905 г. число лицъ, преданныхъ суду присяжныхъ, равнялось 12.325, и изъ нихъ 10.118 было осуждено, тогда какъ 50 лѣтъ тому назадъ число подсудимыхъ на судѣ присяжныхъ было 29.359 (1854 г.). Тяжкая преступность сокращается, такимъ образомъ, значительно, и процентъ оправданій

не настолько высокъ, чтобы видѣть опасность въ его большемъ увеличеніи [1]).

Но главное положительное качество учрежденія апелляціоннаго суда заключается въ созданіи единаго авторитетнаго органа, который можетъ установить единообразное толкованіе правовыхъ положеній и регулировать правовое творчество, идущее чрезъ суды.

Нѣкоторая централизація въ этой области является уже давно ощущаемой потребностью, а новый законъ дѣлаетъ рѣшительный шагъ по направленію къ ней.

Рѣшеніе спора о преимуществахъ и недостаткахъ новаго закона возможно будетъ, когда мы ближе ознакомимся съ отдѣльными его постановленіями. Къ разсмотрѣнію ихъ мы поэтому и переходимъ.

V.

Новый судебный органъ, который создается актомъ объ уголовной апелляціи, подобно апелляціонному суду по гражданскимъ дѣламъ, составляетъ одно изъ отдѣленій высшаго суда Англіи, въ которомъ централизуется все правосудіе страны. Онъ состоитъ изъ восьми судей, назначаемыхъ по соглашенію лорда канцлера (высшаго должностного лица административнаго вѣдомства) и лорда главнаго судьи Англіи, который вмѣстѣ съ тѣмъ является и предсѣдателемъ апелляціоннаго суда [2]). Срокъ назначенія поставленъ въ зависи-

---

[1]) Начиная съ 1898 г., времени проведенія Criminal Evidence Act, и до 1905 г. процентъ лицъ, признанныхъ виновными въ ассизахъ и четвертныхъ сессіяхъ (т. е. въ судѣ присяжныхъ), по сравненію съ числомъ преданныхъ суду равнялся:

1898—79.7	1902—80.6
1899—79.0	1903—81.1
1900—78.6	1904—81.6
1901—79.9	1905—82.4

На континентѣ процентъ осужденій въ судѣ присяжныхъ почти повсюду ниже 50%.

[2]) Въ настоящее время для присутствованія въ уголовномъ апелляціонномъ судѣ назначены лордъ главный судья Loreburn,—предсѣдатель; члены—Lawrance, Ridley, Darling, Channell, Phillimore, Walton, A. T. Lawrence и Pickford.

мость отъ усмотрѣнія назначающихъ, но на самомъ дѣлѣ практика здѣсь установила несмѣняемость; это постановленіе закона нужно понимать, какъ опирающееся на правило common law по данному предмету. Судъ собирается по указаніямъ своего предсѣдателя, при чемъ достаточнымъ кворумомъ является составъ изъ трехъ судей; для избѣжанія равнаго дѣленія голосовъ во всякомъ засѣданіи число судей должно быть нечетнымъ. Законъ предусматриваетъ возможность образованія двухъ или болѣе отдѣленій. Въ случаѣ необходимости или для удобства разсмотрѣнія дѣла (напр., въ случаѣ многочисленныхъ мѣстныхъ осмотровъ) судъ можетъ выѣзжать изъ Лондона, согласно указаніямъ лорда главнаго судьи. Послѣдній, какъ мы говорили, является предсѣдателемъ, но голосъ его не имѣетъ никакого перевѣса при рѣшеніи дѣла надъ голосами другихъ судей. Обыкновенно выносится одно рѣшеніе по большинству голосовъ [1]), но законъ предусматриваетъ и возможность вынесенія нѣсколькихъ рѣшеній, когда, напр., апелляціонному суду порученъ не пересмотръ дѣла, а заключеніе по какому либо юридическому вопросу, какъ то можетъ произойти при ходатайствѣ о помилованіи, по порученію государственнаго секретаря; но и въ данномъ случаѣ всѣ рѣшенія провозглашаются предсѣдателемъ или членомъ суда, по его порученію. Въ отсутствіе лорда главнаго судьи предсѣдательскія функціи, а также распорядительныя функціи по приведенію въ дѣйствіе уголовнаго апелляціоннаго суда, исполняетъ старшій членъ суда. Уголовный судъ, подобно другимъ судебнымъ мѣстамъ, обладаетъ полнотою власти, т. е. полномочіями рѣшать всякіе вопросы, необходимые для отправленія правосудія по дѣлу, подлежащему его обсужденію [2]). Въ исключительныхъ случаяхъ рѣшенія уголовнаго апелляціоннаго суда могутъ подвергаться дальнѣйшему пе-

---

[1]) Этотъ принципъ рѣшенія по большинству голосовъ заимствуется отъ производства въ Privy Council.

[2]) Къ этимъ полномочіямъ относится и назначеніе денежныхъ пеней или тюремнаго заключенія за contempt of the court—ослушаніе суда; при этомъ такое ослушаніе не должно необходимо быть въ присутствіи суда, а можетъ быть и заочнымъ осужденіемъ его приговоровъ (напр., въ печати).

ресмотру палаты лордовъ (какъ то существуетъ и по гражданскимъ дѣламъ). Во главѣ канцеляріи апелляціоннаго суда ставится регистраторъ, назначаемый изъ старшихъ директоровъ (Masters) высшаго суда; штаты канцеляріи должны быть установлены въ административномъ порядкѣ.

Въ уголовный апелляціонный судъ будутъ приноситься апелляціи по уголовнымъ дѣламъ, производимымъ *по обвинительному акту*, т. е. рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей въ ассизахъ или въ четвертныхъ сессіяхъ [1]). Къ этой категоріи дѣлъ присоединены нѣкоторыя другія дѣла, производимыя въ особомъ порядкѣ судебнаго преслѣдованія: 1) инквизиція коронера, которая производится по дѣламъ объ убійствѣ и самоубійствѣ и въ которой обвинительный актъ замѣняется постановленіемъ коронерскаго жюри [2]); 2) уголовныя дознанія (criminal information),—порядокъ, въ настоящее время вышедшій изъ употребленія, но широко примѣнявшійся при Звѣздной Палатѣ, когда дѣла о тяжкихъ преступленіяхъ передавались на судъ присяжныхъ, образуемыхъ при королевскомъ совѣтѣ, безъ участія большого жюри, по одному лишь предписанію короны; 3) дѣла, рѣшаемыя въ четвертныхъ сессіяхъ на основаніи акта 1824 г., относительно „неисправимыхъ бродягъ“ [3]).

---

[1]) Этотъ порядокъ суда по обвинительному акту, когда-то бывшій общимъ правиломъ въ Англіи, теперь находитъ себѣ все болѣе и болѣе рѣдкое примѣненіе. Въ 1905 г., напр., изъ числа 195.056 человѣкъ, заключенныхъ въ тюрьму по приговорамъ судовъ, только 8.872 были осуждены присяжными (подсудимыхъ же всего было 12.325). Въ серединѣ XIX в. число осужденныхъ присяжными равнялось приблизительно 30.000 чел. ежегодно (1854 г.—29.359). Это сокращеніе должно быть отнесено не только на долю уменьшенія преступности, но и на счетъ сокращенія подсудности суда присяжныхъ.

[2]) Впрочемъ, какъ свидѣтельствуетъ К е п п у, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій выработалась практика представленія и коронерскихъ вердиктовъ на разсмотрѣніе большого жюри, и, слѣдовательно, рѣшеніе ихъ „по обвинительному акту“.

[3]) Въ этихъ случаяхъ дѣло рѣшается предъ мировымъ судьей, но для постановленія приговора (такъ какъ онъ можетъ влечь за собою тѣлесное наказаніе) оно передается въ судъ четвертныхъ сессій. Этотъ послѣдній можетъ „входить въ обстоятельства дѣла“, но фактически ограничивается просмотромъ справокъ о судимости.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло рѣшаетъ судъ присяжныхъ, хотя не на основаніи обвинительнаго акта, и потому имѣется возможность для кассаціи его вердикта. Наоборотъ, при судѣ надъ пэромъ, его женой или лицомъ, притязающимъ на привилегію пэрства, хотя судъ и можетъ происходить по обвинительному акту, постановленія закона объ апелляціи не примѣняются, такъ какъ здѣсь судъ присяжныхъ замѣняется судомъ пэровъ.

Общимъ образомъ уголовная апелляція не допускается по искамъ или обвиненіямъ на основаніи общаго права въ проступкахъ по нарушенію правилъ о публичныхъ путяхъ сообщенія (небреженіе починкою, загромождение публичныхъ дорогъ, мостовъ или судоходныхъ рѣкъ); эти иски имѣютъ штрафной характеръ и, хотя разсматриваются въ порядкѣ уголовнаго процесса, подлежатъ все-же гражданской апелляціи [1]).

Новый законъ отмѣняетъ замѣнявшіе прежде апелляцію приказы writ of error и writ of certiorari, устраняя такимъ образомъ возможность для высшаго суда воздѣйствовать съ помощью *предписаній* на дѣятельность суда присяжныхъ, замѣняя ее организованнымъ пересмотромъ дѣлъ въ апелляціонномъ судѣ.

„Резервированіе уголовныхъ дѣлъ“ судьей, рѣшавшимъ дѣло, вслѣдствіе какихъ либо возникшихъ въ дѣлѣ вопросовъ права, въ силу акта о дѣлахъ короны 1848 г., сохраняется. Но вся подсудность и власть по этимъ дѣламъ, перенесенная актомъ 1873 г. въ вѣдѣніе высшаго суда, теперь переходитъ въ руки уголовнаго апелляціоннаго суда. Этотъ послѣдній, въ случаяхъ, если бы подсудимый, съ согласія судьи, рѣшавшаго дѣло, пожелалъ вмѣсто апелляціи прибѣгнуть къ резервированію дѣла, будетъ лишь слѣдовать правиламъ производства, установленнымъ актомъ 1848 г., а не актомъ объ уголовной апелляціи 1907 г. Главное же отличіе этихъ правилъ отъ

---

[1]) Число такихъ дѣлъ возрастаетъ:

1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.
42.610	42.258	44.705	48.109	47.871

правилъ производства при уголовной апелляціи состоитъ въ томъ: 1) что число судей, рѣшающихъ резервированное дѣло, не можетъ быть меньше пяти (для рѣшенія апелляціи достаточно трехъ), 2) отсутствуетъ предварительное производство, возможное при апелляціи. Въ случаѣ, если по просьбѣ осужденнаго апелляціонный судъ признаетъ болѣе удобнымъ принять порядокъ акта 1848 г., онъ можетъ потребовать отъ судьи, рѣшавшаго дѣло, резервированія этого послѣдняго. Такимъ образомъ „резервированіе дѣла“ перестаетъ быть самостоятельной *формой* пересмотра, а создаетъ лишь особый *порядокъ* производства, избраніе котораго зависитъ отъ жалобщика и судьи, рѣшавшаго дѣла, а въ исключительныхъ случаяхъ и отъ апелляціоннаго суда.

Переходимъ теперь къ изслѣдованію отдѣльныхъ видовъ апелляціи.

VI.

Въ понятіе апелляціи англійское право включаетъ всякіе виды пересмотра, поскольку они происходятъ по жалобѣ стороны, а не въ ревизіонномъ порядкѣ или по предписанію административной власти. Для континентальнаго юриста, свыкшагося съ дѣленіемъ пересмотра на отдѣльные виды, какъ частное обжалованіе, апелляція, кассація, возобновленіе дѣла, не легко отрѣшиться отъ этого обычнаго взгляда и точно представить себѣ конструкцію права англійскаго. Дѣленію послѣдняго, однако, нельзя отказать въ большой логичности.

Въ зависимости отъ того, противъ чего направлена апелляція, англійское право различаетъ два основныхъ вида апелляціи: 1) апелляцію противъ осужденія и 2) апелляцію противъ приговора. Такъ какъ апелляція въ новомъ законѣ, по общему правилу, касается дѣлъ, производимыхъ съ участіемъ присяжныхъ, то дѣленіе этихъ двухъ моментовъ обрисовывается очень точно. Апелляція противъ осужденія предполагаетъ необходимость кассаціи *вердикта*, а слѣдовательно и вынесеннаго на основаніи его обвинительнаго приговора;

апелляція противъ приговора—только отмѣну или измѣненіе постановленнаго коронным судьей *приговора.*

Затѣмъ, въ свою очередь, апелляція противъ осужденія распадается: 1) на апелляцію, оспаривающую какое либо *правовое* основаніе осужденія (вопросъ права), 2) оспаривающую какое либо *фактическое* основаніе осужденія (вопросъ факта) и 3) оспаривающую какое либо *смѣшанное фактическое и юридическое основаніе осужденія.* Третій видъ по своему юридическому значенію, впрочемъ, во всемъ приравненъ ко второму и составляетъ какъ бы нѣкоторое расширеніе права апелляціи по фактическому основанію, вслѣдствіе того, что вопросы права очень часто вызываютъ спорность фактической стороны. При апелляціи *противъ приговора* не различается фактическихъ и юридическихъ основаній.

Апелляція противъ осужденія по правовому основанію представляетъ *абсолютное право осужденнаго.* Она можетъ быть приносима, при соблюденіи извѣстныхъ условій и въ извѣстный срокъ, безъ истребованія разрѣшенія. Апелляція противъ осужденія по фактическому основанію или смѣшанному, равно какъ и апелляція противъ приговора, зависитъ *отъ разрѣшенія суда* на ея принесеніе.

Въ случаѣ признанія апелляціи противъ осужденія, кассируется вердиктъ и приговоръ, и вмѣсто того апелляціонный же судъ предписываетъ занести въ протоколъ оправдательное рѣшеніе; въ случаѣ признанія апелляціи противъ приговора кассируется приговоръ съ постановленіемъ новаго приговора, безразлично болѣе или менѣе строгаго, взамѣнъ прежняго.

На основаніи этой первоначальной общей характеристики видовъ апелляціи по англійскому праву постараемся провести параллель между ними и видами пересмотра, принятыми въ континентальномъ правѣ.

Континентальное право допускаетъ *апелляціонное обжалованіе* (въ узкомъ смыслѣ) на основаніи вопросовъ факта и права въ одинаковой мѣрѣ, безъ различія стадій осужденія и приговора, ибо въ приговорахъ короннаго суда (дѣйствовавшаго даже съ участіемъ шеффеновъ, какъ въ Германіи), по которымъ только апелляція и допускается, эти ста-

діи слиты. Кассаціонное обжалованіе допускается только противъ вопросовъ права. При признаніи апелляціи мы видимъ замѣну прежняго приговора новымъ, при кассаціи — только отмѣну прежняго приговора съ передачей дѣла въ новый судъ или безъ нея.

Если сравнивать континентальное право съ англійскимъ съ точки зрѣнія *характера основаній апелляціи*, то можно провести слѣдующія параллели. Апелляція противъ осужденія по правовому основанію можетъ быть отнесена къ кассаціи съ прекращеніемъ дѣла. Здѣсь судъ отмѣняетъ, вслѣдствіе правовой ошибки, вердиктъ и приговоръ; но указаніе закона, что вмѣсто того онъ постановляетъ оправдательное рѣшеніе, показываетъ на нѣкоторое различіе, съ точки зрѣнія послѣдствій англійскаго и континентальнаго права: въ Англіи, кромѣ кассаціи стараго приговора, постановляется новый, дѣло признается res judicata, на континентѣ же имѣется одна только кассація, и въ случаѣ устраненія приговора можетъ быть производимо (а иногда и предписывается) новое производство въ первой инстанціи по тому же дѣлу.

Апелляція противъ осужденія по фактическому или смѣшанному основанію нѣсколько приближается къ устраненію вердикта присяжныхъ по континентальному праву. Въ большинствѣ процессуальныхъ кодексовъ [1]) за кораннымъ судомъ признается право отвергнуть вердиктъ присяжныхъ, если судъ единогласно признаетъ, что подсудимый неправильно осужденъ ими. Такое устраненіе вердикта происходитъ по фактическому основанію, ибо юридически-неправильный вердиктъ подлежитъ лишь исправленію [2]), а не устраненію. По англійскому праву вердиктъ также можетъ быть устраненъ по фактическому основанію, но не судьей, предъ которымъ рѣшалось дѣло (если только присяжные не ослушались его руководящихъ указаній по вопросамъ права), а апелляціоннымъ

---

[1]) Ст. 818 русск. уст. угол. суд., § 317 герм. уст. уг. суд., art. 352 Code penal, § 332 австр. уст. уг. суд.

[2]) См. Glaser-Oetker. Das Verfahren von Schwur-und Schöffengerichten 1907 S. 436.

судомъ, состоящимъ только изъ 3, 5 или 7 коронныхъ судей. Но по послѣдствіямъ и по формѣ устраненія вердикта существуетъ большое различіе между англійскимъ и континентальнымъ правомъ. На континентѣ устранять вердиктъ можетъ коронная коллегія, участвовавшая въ дѣлѣ, по единогласному рѣшенію; въ Англіи устраняетъ вердиктъ особый судъ пересмотра простымъ большинствомъ голосовъ. На континентѣ рѣшеніе коронной коллегіи въ результатѣ лишь передаетъ дѣло на рѣшеніе новаго состава присяжныхъ; въ Англіи самъ апелляціонный судъ постановляетъ новое рѣшеніе по дѣлу (или оправдательное, или по другимъ пунктамъ обвинительнаго акта) и обходится при этомъ безъ новаго состава присяжныхъ.

Наконецъ, третій видъ англійской апелляціи, апелляція противъ приговора, включая въ себя и правовыя и фактическія основанія, можетъ соотвѣтствовать какъ апелляціи, такъ и кассаціи по континентальному праву, но съ тѣмъ различіемъ, что апелляція, принесенная подсудимымъ, не гарантируетъ его отъ возможности усиленія строгости новаго приговора.

Сравненіе съ точки зрѣнія основаній не даетъ близкихъ аналогій между континентальнымъ правомъ и англійскимъ. Болѣе продуктивнымъ явится сравненіе съ точки зрѣнія *дѣйствія различныхъ видовъ апелляціи.* Здѣсь мы сумѣемъ показать, что новое англійское право во многихъ отношеніяхъ приближается къ континентальной апелляціи. Во всѣхъ случаяхъ пересмотра англійское право требуетъ постановленія новаго приговора по существу самимъ же судомъ пересмотра, чистая же кассація, предписывающая лишь новое разсмотрѣніе дѣла вслѣдствіе ошибочности стараго производства, остается ему неизвѣстной. Мы получаемъ слѣдовательно институтъ, аналогичный континентальной апелляціи. Въ той формѣ апелляціи, которую создаетъ англійское право, слѣдуетъ: 1) различать апелляцію *полную* (противъ осужденія, а слѣдовательно и противъ приговора) и апелляцію *ограниченную* (только противъ приговора), и 2) проводить различіе между *юридическими* и *фактическими основаніями апелляціи*, въ конти-

ментальномъ правѣ обыкновенно неразличаемыми по своимъ послѣдствіямъ при апелляціи. Какъ мы увидимъ далѣе, англійское право допускаетъ при апелляціи значительныя отклоненія отъ тождества обвиненія при апелляціи, вводитъ особую стадію предварительнаго разсмотрѣнія и отклоненія апелляціи, характерную по континентальному праву для кассаціоннаго, а не для апелляціоннаго разсмотрѣнія.

Установленіемъ апелляціи по дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ, безъ участія въ апелляціонной инстанціи народнаго элемента, Англія какъ будто порываетъ съ однимъ изъ своихъ основныхъ принциповъ, по которому никто не можетъ быть осужденъ иначе, какъ по единогласному рѣшенію двѣнадцати своихъ согражданъ, порываетъ и съ тѣмъ, что присяжные являются высшими судьями по вопросамъ факта. Принципъ этотъ настолько безусловенъ для континентальныхъ юристовъ [1]), что нарушеніе его въ Англіи, въ странѣ, которая вскормила и выростила судъ присяжныхъ и внушила къ нему уваженіе въ другихъ странахъ, можетъ показаться очень страннымъ. Но на самомъ дѣлѣ въ новомъ англійскомъ законодательствѣ слѣдуетъ видѣть не нарушеніе лежащей въ основѣ этого принципа мысли, а лишь дальнѣйшее развитіе ея. Принципъ, какъ таковой, не можетъ составить абсолютной истины или правды, онъ лишь временное, болѣе общее выраженіе практическихъ потребностей, которыя позднѣе переростаютъ его. Судъ присяжныхъ, единогласно постановляющій вердиктъ, былъ созданъ какъ одна изъ лучшихъ гарантій невинности, но время показываетъ, что этой гарантіи недостаточно, что отдѣльныя ошибки время отъ времени проникаютъ въ правосудіе и что поэтому необходимо усилить еще болѣе строй гарантій невинности, защита которой составляетъ одну изъ основныхъ цѣлей уголовнаго процесса [2]). Пересмотръ рѣшеній присяжныхъ съ этою

---

[1]) Введеніе апелляціи на вердиктъ присяжныхъ, насколько мнѣ извѣстно, въ континентальной литературѣ никѣмъ не рекомендовалось. Апелляціонное обжалованіе приговоровъ, постановленныхъ съ участіемъ народнаго элемента (въ лицѣ шеффеновъ), существуетъ только въ Германіи.

[2]) См. мою книгу — Свобода личности въ уголовномъ процессѣ 1906 г. Введеніе

цѣлью и является такою добавочной гарантіей, которая, можетъ быть, нарушаетъ принципъ, но усиливаетъ лежащую въ основѣ его гарантію. Мы должны принять во вниманіе, что апелляція допускается только со стороны осужденнаго, и слѣдовательно *въ интересахъ невинности*, а не въ интересахъ обвиненія. Затѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что рѣшеніе, постановляемое при апелляціи противъ осужденія, по какому либо другому пункту обвинительнаго акта, не можетъ быть болѣе строгимъ, чѣмъ вынесенный въ первомъ процессѣ приговоръ. Слѣдовательно, положеніе жалобщика во всякомъ случаѣ не можетъ быть худшимъ, чѣмъ то, въ какомъ онъ сказался *по вердикту присяжныхъ*. Оно можетъ оказаться худшимъ, если онъ апеллируетъ *противъ приговора*, вынесеннаго коронными судьями, но вопросъ объ этомъ видѣ апелляціи не имѣетъ ничего общаго съ колебаніемъ силы вердикта присяжныхъ. Такимъ образомъ новый законъ усиливаетъ гарантіи невинности въ процессѣ, принося имъ въ жертву даже непоколебимость вердиктовъ жюри. Онъ представляетъ собою дальнѣйшее развитіе того начала, которое нашло свое первоначальное выраженіе на континентѣ въ институтѣ устраненія вердикта присяжныхъ короннымъ судомъ, но съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ своеобразныхъ чертъ англійскаго права и, въ частности, принципа, по которому никто не можетъ быть подвергнутъ опасности вторичнаго осужденія присяжными.

Очертивъ такимъ образомъ общую схему отдѣльныхъ видовъ апелляціи по новому англійскому закону, мы переходимъ къ болѣе детальному разсмотрѣнію постановленій относительно нихъ.

VII.

Вопросъ объ *апелляціи по правовому основанію* вызывалъ сравнительно мало споровъ. Страна съ развитымъ правосудіемъ не можетъ мириться съ приговорами, какимъ бы авторитетнымъ судомъ они ни были постановлены, если въ основѣ ихъ лежитъ нарушеніе права и если эта ошибка при-

вела къ неправильному осужденію. Съ другой стороны, Англіи съ 1848 г. былъ уже извѣстенъ этотъ видъ пересмотра въ видѣ полномочія, предоставленнаго предсѣдательствующему по дѣлу судьѣ переносить дѣло на рѣшеніе особаго суда (Court of Crown Cases Reserved). Но этого было недостаточно, такъ какъ переносъ дѣла зависѣлъ отъ усмотрѣнія судьи, а судья, если не предполагать какихъ либо худшихъ мотивовъ, легко могъ ошибаться самъ и не видѣть юридической спорности или неправильности тамъ, гдѣ она на самомъ дѣлѣ существуетъ. Лордъ Хэльсбюри говорилъ въ палатѣ лордовъ въ 1905 г. по поводу билля объ апелляціи: „Очень рѣдко случается, чтобы кто либо изъ судей Его Величества отказался передать въ судъ резервированныхъ уголовныхъ дѣлъ вопросъ, который можетъ быть предметомъ спора. Но все-же порою судьи, не желая, чтобы ихъ рѣшенія подвергались особому разслѣдованію, отказывали въ резервированіи такихъ вопросовъ, въ особенности судьи, не принадлежащіе къ коронным судьямъ, а къ числу предсѣдателей четвертныхъ сессій, рекордеровъ и др. Поэтому нежелательно оставлять пересмотръ по правовому основанію на усмотрѣніе ученыхъ судей, хотя бы даже коронныхъ, но слѣдуетъ сдѣлать его независимымъ отъ усмотрѣнія судьи. Согласно съ этимъ, въ проектѣ проводится правило, что, вмѣсто разрѣшенія отъ судьи, можно получить на основаніи достаточныхъ доказательствъ предписаніе отъ суда королевской скамьи, обращенное къ ученому судьѣ о передачѣ этого вопроса въ судъ коронныхъ дѣлъ“. Коммисія по дѣлу А. Бека пришла къ заключенію о необходимости того, чтобы передача дѣлъ въ судъ резервированныхъ уголовныхъ дѣлъ происходила не по усмотрѣнію судьи, а была обязательна по простому заявленію подсудимаго. Съ проектированіемъ апелляціоннаго суда полномочія по рѣшенію вопросовъ о правѣ должны быть перенесены къ нему. Усовершенствованіе это сознавалось настолько ясно, что при обсужденіи билля объ уголовной апелляціи въ парламентѣ, несмотря на то, что имъ въ этомъ случаѣ устанавливалось абсолютное право жалобы по вопросамъ права, необходимость этого расширенія не оспаривалась. Кромѣ того, такъ какъ

апелляціонному суду переданы всѣ полномочія суда коронныхъ дѣлъ (ст. 20 п. 4), онъ можетъ рѣшать вопросы права не только по апелляціи осужденнаго, но и по постановленію самого судьи, желающаго выяснить себѣ какое либо юридическое положеніе передъ вынесеніемъ своего приговора. Это широкое право апелляціи на основаніи вопроса о правѣ нѣсколько смягчается возможностью для апелляціоннаго суда отвергать апелляцію въ томъ случаѣ, когда онъ признаетъ, что данный вопросъ права могъ быть рѣшенъ въ пользу жалобщика, но въ дѣйствительности отъ неправильнаго его рѣшенія не произошло существеннаго ущерба для правосудія (miscarriage of justice), т. е. что онъ имѣлъ лишь формальное значеніе.

Предоставленіе такого широкаго права апелляціи по правовому *основанію имѣло въ виду, конечно, и расширить* фактическій контроль высшей инстанціи надъ толкованіемъ правовыхъ положеній, усилить централизацію въ этой области, потребность въ чемъ ощущалась уже давно.

Большинство споровъ относительно апелляціи вращалось вокругъ вопроса объ апелляціи на основаніи *вопросовъ факта.* Допущеніе апелляціи здѣсь являлось новымъ началомъ для англійскаго правосудія. Многимъ казалось недопустимымъ противопоставлять „единогласному рѣшенію жюри изъ двѣнадцати человѣкъ, слышавшихъ все дѣло, наблюдавшихъ поведеніе свидѣтелей и получившихъ правильныя правовыя указанія отъ судьи, рѣшеніе большинства трехъ или пяти судей, не слышавшихъ дѣла и не видѣвшихъ свидѣтелей“. И дѣйствительно, рѣшительныхъ сторонниковъ безусловной апелляціи по вопросамъ факта было очень немного среди выдающихся юристовъ; поэтому важно было найти пригодныя ограниченія этого права и выработать надлежащій компромиссъ въ этой области, который позволилъ бы избѣгать наиболѣе рѣшительныхъ неправильностей, наблюдаемыхъ иногда въ производствѣ съ присяжными, и несоотвѣтствія вердикта съ доказательствами.

Безусловное право апелляціи по фактическимъ основаніямъ нѣкоторыми отстаивалось только для приговоровъ, на-

значающихъ смертную казнь. Такъ, въ проектѣ закона объ уголовной апелляціи, внесенномъ въ 1890 г. нынѣшнимъ первымъ министромъ Асквитомъ и сэромъ Джемсомъ, имѣлась слѣдующая статья: „подсудимый, осужденный по обвинительному акту предъ судомъ и приговоренный къ смертной казни, можетъ апеллировать способомъ, указаннымъ въ настоящемъ актѣ, въ уголовный апелляціонный судъ по всякому, какъ фактическому, такъ и правовому основанію или смѣшанному, возникшему на судебномъ слѣдствіи или внѣ его“. Это исключеніе однако отвергалось весьма многими авторитетными писателями потому, что процессъ по дѣламъ, влекущимъ смертную казнь, какъ, напр., процессъ по дѣламъ объ убійствѣ или государственной измѣнѣ, обставленъ еще большими гарантіями, чѣмъ процессъ обычный, такъ что присоединеніе дальнѣйшихъ гарантій излишне. Лордъ Хэльсбюри при обсужденіи этого билля замѣтилъ: „если кто либо нуждается въ примѣрѣ наиболѣе тщательнаго и подробнаго отправленія правосудія, то онъ найдетъ его въ англійскомъ судѣ по дѣламъ объ убійствѣ“; что же касается дѣлъ объ измѣнѣ, то другой авторитетъ, сэръ Ф. Поллокъ, пишетъ, что „судъ по дѣламъ о государственной измѣнѣ въ настоящее время представляетъ изъ себя образецъ самаго выработаннаго суда, какой только имѣетъ мѣсто у насъ“ [1]).

Присяжные съ необычайной тщательностью разсматриваютъ дѣла, влекущія смертную казнь, и приговоръ никогда не приводится въ дѣйствіе, если судья почему либо сохра-

---

[1]) Главныя процессуальныя отличія суда по дѣламъ о государственной измѣнѣ отъ общаго, характерныя вообще для пониманія англійскаго процесса по политическимъ дѣламъ, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) обвиняемый въ измѣнѣ можетъ быть освобождаемъ на поруки только съ согласія государственнаго секретаря, высшаго суда или одного изъ его судей во время вакацій, 2) онъ имѣетъ право на копію со списка присяжныхъ, 3) онъ имѣетъ право безъ объясненія причинъ отвести тридцать пять присяжныхъ, 4) онъ имѣетъ право на копію съ обвинительнаго акта и списка свидѣтелей за десять дней до суда, тогда какъ въ общемъ процессѣ онъ не получаетъ этихъ документовъ, 5) онъ не можетъ быть признанъ виновнымъ иначе, какъ по показанію подъ присягой двухъ свидѣтелей, 6) пріостановка приговора не можетъ быть произведена по какимъ либо техническимъ причинамъ, 7) давность преслѣдованія по дѣламъ объ измѣнѣ равняется тремъ годамъ.

няетъ хоть малѣйшее подозрѣніе въ ошибкѣ. Выдѣлять поэтому дѣла, влекущія смертную казнь, не представляется особыхъ основаній.

Правительство въ своемъ проектѣ 1906 г. предложило поэтому иное ограниченіе права апелляціи по фактическому основанію, именно: жалобщикъ долженъ испросить предварительно разрѣшеніе апелляціоннаго суда на принесеніе жалобы. Но графъ Хэльсбюри внесъ поправку, въ которой требовалъ, кромѣ того, полученія позволенія со стороны судьи, рѣшавшаго дѣло. Этимъ онъ повторилъ мнѣніе большого авторитета по доказательственному праву Питтъ-Тэйлора, который 60 лѣтъ тому назадъ замѣтилъ въ комитетѣ палаты лордовъ: „Я полагаю, что, если предоставить право апелляціи по вопросамъ факта, то оно должно быть допущено въ дѣлахъ, гдѣ судья по своему усмотрѣнію признаетъ его соотвѣтственнымъ, т. е. въ дѣлахъ, въ которыхъ присяжные не высказали сомнѣнія и признали подсудимаго виновнымъ, но судья, въ отличіе отъ мнѣнія присяжныхъ, сохранилъ такое сомнѣніе“. На это замѣчаніе, однако, въ свое время судья Парке отвѣчалъ, что при такихъ условіяхъ возможность полученія позволенія на апелляцію будетъ крайне затруднена. Когда поправка графа Хэльсбюри была принята, то, по замѣчанію лорда Эшборна, апелляціонный судъ сталъ зависѣть въ допущеніи апелляціи по вопросу факта отъ усмотрѣнія судьи, рѣшавшаго дѣло. Положеніе апелляціи по фактическому основанію стало напоминать положеніе апелляціи по правовому основанію съ 1848 г., когда допущеніе переноса дѣлъ въ судъ по дѣламъ короны также зависѣло отъ усмотрѣнія судьи. Въ окончательной редакціи закона это положеніе было смягчено. Допущеніе апелляціи по фактическому основанію поставлено въ зависимость отъ позволенія апелляціоннаго суда или отъ удостовѣренія судьи, рѣшавшаго дѣло. Если судья откажетъ въ просьбѣ обвиняемаго выдать удостовѣреніе, то такой отказъ будетъ принятъ во вниманіе апелляціоннымъ судомъ при рѣшеніи вопроса о допущеніи апелляціи, но не явится рѣшительнымъ (ст. 3 п. б) [1]).

[1]) Сэръ Гаррн Поландъ находитъ и эти рамки апелляціи по факти

Апелляціонный судъ долженъ допустить апелляцію противъ осужденія по фактическому или смѣшанному основанію, если онъ признаетъ, что вердиктъ неразуменъ или не можетъ быть оставленъ въ силѣ въ виду имѣющихся доказательствъ, или что рѣшеніе суда, которымъ жалобщикъ былъ осужденъ, должно быть устранено вслѣдствіе неправильнаго рѣшенія юридическаго вопроса или вслѣдствіе ошибки въ правѣ, отъ которой произошелъ существенный ущербъ для правосудія.

Право апелляціи противъ *приговора* также не является безусловнымъ. Оно поставлено въ зависимость, но лишь отъ *одного только условія—разрѣшенія апелляціоннаго суда*; это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы предотвратить излишнее сутяжничество, такъ какъ это право апелляціи обрисовано широко. Впрочемъ, отъ этого начала зависимости апелляціи противъ приговора отъ разрѣшенія апелляціоннаго суда мы встрѣчаемъ уже отступленіе въ новомъ Prevention of crime bill 1908. Этотъ билль предоставляетъ, между прочимъ, суду, на основаніи вердикта присяжныхъ, признавшихъ: 1) что подсудимый былъ не менѣе чѣмъ трижды осужденъ за опредѣленныя преступленія (crime) и 2) что подсудимый во время учиненія преступленія, за которое онъ въ настоящее время подлежитъ суду, велъ постояннымъ образомъ нечестную или преступную жизнь,—констатировать, что подсудимый является „привычнымъ преступникомъ“ (habitual criminal), и присудить его къ заключенію въ каторжную тюрьму на неопредѣ-

---

ческому основанію весьма широкими. Осужденному предоставляется широкая возможность „тянуть дѣло“. „Послѣ двухъ послѣдовательныхъ выслушиваній дѣла (у магистрата и предъ присяжными) осужденный желаетъ апеллировать. Онъ сначала обращается къ судьѣ, рѣшавшему дѣло, за позволеніемъ; если здѣсь онъ получилъ отказъ, онъ можетъ обратиться къ судьѣ апелляціоннаго суда за такимъ позволеніемъ и, если и здѣсь ему отказываютъ, то онъ можетъ потребовать, чтобы апелляціонный судъ въ законномъ составѣ разсмотрѣлъ его просьбу. Если судъ удовлетворяетъ его просьбу, то происходитъ новое разбирательство дѣла, и, если въ апелляціи ему отказано, то онъ все еще можетъ адресовать прошеніе къ государственному секретарю по внутреннимъ дѣламъ о помилованіи, и, когда судъ покончитъ съ дѣломъ, имъ начнутъ заниматься газеты. И все это происходитъ при помощи назначеннаго судомъ защитника и за публичный счетъ!“

ленное время (during His Majesty's pleasure); такое заключеніе называется *превентивнымъ* (preventive detention). Лицамъ, признаннымъ привычными преступниками, ст. 9 этого законопроекта предоставляетъ *абсолютное* право апелляціи противъ приговора въ уголовный апелляціонный судъ.

Въ *прежнее время по writ of error такой пересмотръ* приговора могъ быть произведенъ только вслѣдствіе его незаконности, по акту объ апелляціи это возможно, кромѣ того, и вслѣдствіе чрезмѣрной суровости приговора (возможность такой апелляціи исключена лишь, когда имѣется безусловно опредѣленная санкція, напр., смертная казнь по дѣламъ о предумышленномъ убійствѣ, murder). Въ введеніи апелляціи противъ приговора какъ бы находитъ себѣ подкрѣпленіе одна изъ статей билля о правахъ, запрещающая „жестокія и необычныя наказанія". При пересмотрѣ приговора апелляціонный судъ имѣетъ случай вновь ознакомиться съ личностью подсудимаго и окружающей его средою и получить болѣе полныя свѣдѣнія, опредѣляющія цѣлесообразное примѣненіе наказанія; поэтому было признано нежелательнымъ стѣснять судъ при постановленіи новаго приговора и предоставить ему возможность назначать даже приговоръ болѣе строгій, чѣмъ прежній. Это правило, кромѣ того, разсчитано и на то, чтобы служить нѣкоторой сдержкой противъ безпочвенныхъ жалобъ.

Уголовному апелляціонному суду предоставлены значительныя полномочія при постановкѣ своихъ приговоровъ по апелляціямъ на осужденіе и на приговоръ.

При *апелляціи на осужденіе* наиболѣе простой представляющійся осужденному путь—кассація обвинительнаго вердикта и приговора и постановка оправдательнаго приговора (собственно—предписаніе клерку суда присяжныхъ внести въ протоколъ оправданіе). Но, если бы въ распоряженіи апелляціоннаго суда была только эта возможность, то можно было бы опасаться значительнаго числа оправданій по чисто техническимъ недостаткамъ первоначальнаго производства, при чемъ оправданій безповоротныхъ, такъ какъ вторичное преслѣдованіе по тому же преступленію является недопустимымъ. Поэтому законъ, жертвуя отчасти тождествомъ обвиненія, въ ст. 5 предо-

ставилъ апелляціонному суду особыя полномочія. Апелляціонный судъ можетъ: 1) лишь отчасти отвергнуть вердиктъ, если послѣдній состоитъ изъ нѣсколькихъ пунктовъ, утвердивъ только тѣ части, по которымъ жалобщикъ правильно осужденъ, и 2) онъ можетъ, отвергнувъ вердиктъ, признать жалобщика виновнымъ по какому либо другому пункту обвинительнаго акта, если, по мнѣнію его, присяжные могли бы счесть достаточными представленныя по этому пункту доказательства, хотя бы этотъ пунктъ предусматривалъ иное преступленіе, но подъ тѣмъ условіемъ, что назначенное имъ наказаніе не можетъ быть болѣе строгимъ. При этой второй формѣ апелляціонный судъ уже въ значительной степени самъ замѣняетъ присяжныхъ, и, если бы это не былъ англійскій судъ, то можно было бы опасаться злоупотребленій, несмотря на приведенныя ограниченія.

При апелляціи на приговоръ апелляціонный судъ имѣетъ наибольшія полномочія, такъ какъ противоставляетъ свое рѣшеніе рѣшенію профессіональнаго же судьи: 1) онъ можетъ по всякимъ основаніямъ замѣнить приговоръ прежній новымъ, болѣе или менѣе строгимъ; 2) въ случаѣ, если судъ, рѣшавшій дѣло, сдѣлалъ неправильное заключеніе изъ спеціальнаго вердикта [1]), вынесеннаго присяжными, онъ можетъ сдѣлать заключеніе, согласное съ закономъ, и постановить въ соотвѣтствіи съ этимъ новый приговоръ; 3) признавъ осужденнаго жалобщика ненормальнымъ и потому неотвѣтственнымъ за его дѣйствія, апелляціонный судъ можетъ кассировать приговоръ и предписать отдачу жалобщика подъ охрану, какъ умалишен-

---

[1]) Спеціальный вердиктъ—это рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, констатирующее только наличность указанныхъ въ обвинительномъ актѣ фактовъ, причемъ юридическая оцѣнка ихъ, а въ томъ числѣ и вопросъ, вытекаетъ ли отсюда виновность подсудимаго, или нѣтъ, передается на рѣшеніе ученаго судьи. Такіе спеціальные вердикты выработались, какъ мѣра, освобождающая присяжныхъ отъ отвѣтственности вслѣдствіе имѣвшихъ мѣсто въ прежнее время случаевъ преслѣдованія присяжныхъ за оправданія. Въ случаѣ вынесенія спеціальнаго вердикта еще нельзя говорить объ „осужденіи“, ибо констатированы только факты, и потому апелляція противъ приговора implicite содержитъ и апелляцію противъ осужденія.

наго [1]); 4) не затрагивая существа приговора, апелляціонный судъ можетъ приказомъ лишить силы или измѣнить всякое постановленіе суда, разсматривавшаго дѣло о возвращеніи вещей какому либо лицу. Дѣйствіе постановленій суда, рѣшавшаго дѣло, по этому предмету пріостанавливается на все время до рѣшенія апелляціи, кромѣ случаевъ, гдѣ титулъ собственности, по мнѣнію суда, стоитъ внѣ спора [2]);

---

[1]) Вопросъ о вмѣняемости съ 1843 г. всецѣло перешелъ въ компетенцію присяжныхъ, постановляющихъ въ случаѣ признанія ея спеціальный вердиктъ (guilty but insane). По словамъ Джемса Стифена, за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ не наблюдалось случая, когда бы коронный судъ постановлялъ мотивированное рѣшеніе по этому вопросу, кромѣ гражданскихъ дѣлъ о договорахъ и завѣщаніяхъ. Со времени акта объ уголовной апелляціи этотъ вопросъ долженъ стать вопросомъ юридическаго значенія для ученыхъ судей, и потому можно думать, что англійское право по этому вопросу, весьма неясное въ настоящее время и устарѣлое. будетъ значительно улучшено практикой. Вслѣдствіе неясности вопроса, вѣроятно, апелляція на основаніи ненормальности подсудимаго не вполнѣ правильно отнесена къ апелляціи противъ приговора, а не къ апелляціи противъ осужденія по правовому основанію. Имѣлось въ виду установить для этихъ случаевъ необходимость предварительнаго испрошенія разрѣшенія апелляціоннаго суда, какъ это требуется для апелляцій противъ приговора (но не вслѣдствіе ошибки въ правѣ). Согласно установившейся до сихъ поръ практикѣ вопросу о невмѣняемости придается только особое значеніе по дѣламъ объ убійствѣ, и здѣсь можно ждать частаго примѣненія апелляціи въ будущемъ.

[2]) Любопытно замѣтить, что англійское право о возвращеніи похищенной собственности до настоящаго времени регулировалось постановленіями начала XVI вѣка (1529 г.), выработавшимися при существованіи старой апелляціи (т. е. частнаго преслѣдованія за уголовныя преступленія, сопряженнаго съ вызовомъ на поединокъ). несмотря на то, что такая старинная апелляція вымерла уже въ XVII вѣкѣ и была формально отмѣнена въ 1819 году. До сихъ поръ, напр., судъ королевской скамьи, являвшійся органомъ королевскаго, а не общиннаго правосудія, не могъ постановлять приговоровъ о возвращеніи краденныхъ вещей. Затѣмъ право возстановленія собственности всегда ограничивается лишь вещами, перечисленными въ обвинительномъ актѣ, что является прямымъ пережиткомъ принципа, который опредѣлялъ исходъ при апелляціи, именно, что предметъ спора долженъ быть строго опредѣленъ и занесенъ въ актъ, и что ничто другое не можетъ быть признано украденнымъ, какъ то, что занесено въ обвинительный актъ. Постановленія новаго акта, вводящаго апелляцію (но, конечно, въ совершенно иномъ смыслѣ), наносятъ сильный ударъ этимъ любопытнымъ правовымъ пережиткамъ, позволяя апелляціонному суду дѣлать постановленія о возвращеніи вещей независимо отъ обвинительнаго акта, игнорируя правило, по которому только присяжные, какъ выносившіе вердиктъ по обвинительному акту, были компетентны отвѣчать на вопросъ о возвращеніи вещей.

5) независимо отъ суда, разсматривавшаго дѣло, или въ измѣненіе его постановленій, апелляціонный судъ можетъ постановлять о желательности высылки жалобщика изъ предѣловъ Англіи. Это постановленіе происходитъ на основаніи акта объ иностранцахъ (Aliens Act 1905) и передается въ формѣ рекомендаціи государственному секретарю, который уже отъ себя издаетъ предписаніе о высылкѣ послѣ отбытія наказанія, съ воспрещеніемъ возвращенія навсегда или на извѣстный срокъ въ Соединенное Королевство.

Мы разсмотрѣли виды апелляціи, предоставленной только осужденному. Но новый законъ устанавливаетъ еще одинъ чрезвычайный способъ апелляціи по вопросамъ права, который значительно приближается къ кассаціи въ интересахъ закона, но въ отличіе отъ послѣдней оказываетъ вліяніе и на дѣло. Въ случаѣ, если рѣшеніе апелляціоннаго суда заключаетъ въ себѣ вопросъ права чрезвычайнаго публичнаго значенія, и является желательной дальнѣйшая апелляція, то какъ обвинитель въ лицѣ директора публичныхъ преслѣдованій, такъ и подсудимый могутъ апеллировать на это рѣшеніе въ палату лордовъ, испросивъ особое удостовѣреніе отъ генеральнаго атторнея, въ которомъ отмѣчается важность возбужденнаго вопроса. Этотъ исключительный порядокъ вводитъ особую инстанцію и предоставляетъ право апелляціи *обвинителю* по особо важнымъ вопросамъ права. Какъ мы видѣли выше (стр. 13) палата лордовъ и до акта 1907 г. въ совершенно исключительныхъ случаяхъ (скорѣе по буквѣ закона, чѣмъ на практикѣ) имѣла нѣкоторую компетенцію по уголовнымъ дѣламъ. Именно, когда гражданскій апелляціонный судъ по writ of error рѣшалъ дѣла, перенесенныя изъ отдѣленія королевской скамьи вслѣдствіе очевидной правовой ошибки, то стороны могли, съ разрѣшенія генеральнаго атторнея, апеллировать далѣе въ палату лордовъ. По аналогіи съ этимъ существующимъ порядкомъ создано и настоящее правило акта объ уголовной апелляціи. Какъ можно видѣть, въ этомъ случаѣ право апелляціи предоставляется, въ отступленіе отъ общаго правила, и представителю короны.

Въ 1845 г. коммисія, составлявшая билль объ уголовной апелляціи, предполагала предоставить коронѣ условное право апелляціи по вопросамъ факта, въ видѣ предложенія о новомъ судѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда оправданіе было, повидимому, достигнуто посредствомъ клятвопреступленія. Но это предложеніе встрѣтило большую оппозицію въ силу принципа, что „обвиняемый не долженъ дважды быть подвергаемъ опасности осужденія“. Ст. 20 п. 1 акта объ апелляціи 1907 г. опредѣленно исключаетъ возможность производства новаго суда вслѣдствіе ошибки. Оправдательный приговоръ сохраняетъ свою силу, слѣдовательно, даже въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что онъ основанъ на обманѣ или клятвопреступленіи. Въ этихъ случаяхъ, если виновникомъ ихъ былъ оправданный, онъ подлежитъ лишь суровой отвѣтственности за нихъ, какъ за самостоятельныя преступленія. Логичность принципа, что апелляція должна быть односторонней, поддерживается англійскими юристами тѣмъ соображеніемъ, что подсудимый является болѣе слабой стороной изъ двухъ борящихся, и поэтому не является нелогичнымъ предоставленіе ему такого права, которое отнимается отъ короны.

Но съ другой стороны слѣдуетъ предусмотрѣть возможность того, что палата лордовъ кассируетъ вердиктъ и приговоръ. Какъ быть въ такомъ случаѣ? Комментаторы новаго закона указываютъ, что въ этомъ случаѣ должны быть снова созваны то же жюри и предсѣдательствовавшій въ немъ судья, который дастъ присяжнымъ разъясненіе закона въ согласіи съ указаніями палаты лордовъ и вновь выслушаетъ ихъ вердиктъ [1]). Но это рѣшеніе, быть можетъ, вѣрное логически, на практикѣ порою неосуществимо. Можно думать, что, въ виду невозможности этого, дѣло должно быть перерѣшено уголовнымъ апелляціоннымъ судомъ, какъ предпослѣдней инстанціей.

Осуществленіе права апелляціи противъ осужденія какъ по фактическому, такъ и по правовому основанію и права

---

[1]) Въ такомъ смыслѣ высказываются H. Poland и H. Cohen. Criminal Appeal bill revised, p. 3.

апелляціи противъ приговора ограничено извѣстнымъ срокомъ (10 дней послѣ постановки вердикта или приговора), который въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть продленъ постановленіемъ уголовнаго апелляціоннаго суда. Во всѣхъ этихъ случаяхъ инціатива пересмотра принадлежитъ осужденному, и апелляція направляется противъ судебнаго рѣшенія, которое, по терминологіи континентальныхъ юристовъ, еще не вступило въ законную силу (англійское право вмѣсто того говоритъ о приговорахъ и рѣшеніяхъ, временно суспензированныхъ). Но, кромѣ этихъ видовъ пересмотра, континентальному праву извѣстенъ еще одинъ—возобновленіе уголовныхъ дѣлъ, имѣющее чрезвычайный характеръ и примѣняющееся, по рѣшенію суда или по требованію высшей административной власти, въ случаѣ судебныхъ ошибокъ или неправильныхъ приговоровъ, и къ рѣшеніямъ, вступившимъ въ законную силу. Установленіе такого вида пересмотра было настоятельной потребностью и англійскаго права, вслѣдствіе довольно частыхъ случаевъ судебной ошибки, обнаружившейся впослѣдствіи, какъ то показали хотя-бы дѣла Бека и Эдальджи. Новый законъ даетъ извѣстное удовлетвореніе этой потребности.

VIII.

До принятія новаго закона, по практикѣ, установившейся въ Англіи, въ случаѣ обнаруженія новыхъ обстоятельствъ, свидѣтельствующихъ о невинности какого либо осужденнаго, послѣдній получалъ помилованіе отъ короны по представленію государственнаго секретаря по внутреннимъ дѣламъ. Это право помилованія, развившееся изъ права преслѣдованія королемъ публичныхъ посягательствъ, какъ преступленій противъ его могущества и мира, служило въ Англіи различнымъ цѣлямъ [1]). Съ развитіемъ судебнаго строя власть усмотрѣнія, которую необходимо заключаетъ въ себѣ право помилованія, стала замѣняться рядомъ новыхъ ин-

---

[1]) См. П. И. Люблинскій, Право амнистіи 1907 г., стр. 76.

ститутовъ, а отчасти отмирать. Но въ сферѣ возстановленія невинно-осужденныхъ эта власть держится еще до сихъ поръ. На недостаточность одного только помилованія въ такихъ случаяхъ стали уже давно обращать вниманіе. Въ 1848 г. лордъ Кэмбель замѣтилъ въ палатѣ лордовъ, что, „даже если обвиняемый неправильно осужденъ, то онъ все-же получаетъ прощеніе, какъ если бы онъ былъ дѣйствительно виновенъ во вмѣняемомъ ему преступленіи“. Лордъ Дэнманъ въ особомъ комитетѣ палаты лордовъ въ томъ же году замѣтилъ, что „помилованіе“ невиннаго составляетъ насмѣшку надъ невинностью; что наравнѣ съ дѣйствительною невинностью помилованіе предоставляется часто и человѣку, заслуженно осужденному, на томъ основаніи, что онъ успѣшно апеллировалъ по какому либо техническому основанію. Комисія по дѣлу Бека пишетъ: „Развѣ не пришло время для устраненія ненормальности, состоящей въ помилованіи человѣка, который никогда не долженъ былъ быть осужденъ, и для принятія болѣе простого средства, состоящаго въ кассаціи осужденія по предложенію генеральнаго атторнея и въ судебномъ оправданіи осужденнаго“. „При настоящемъ положеніи дѣла“— говоритъ лордъ Олдерсонъ—„невинный, даже получивъ помилованіе, значится въ судебныхъ документахъ осужденнымъ преступникомъ“. Для устраненія этой ненормальности предлагали придать актамъ помилованія значеніе оправдательныхъ приговоровъ. Напр., авторитетный англійскій юристъ Ф. Поллокъ, въ бытность свою генеральнымъ атторнеемъ, предлагалъ, чтобы въ случаяхъ, когда корона предоставляетъ помилованіе на томъ основаніи, что доказательства, надлежаще провѣренныя, не соотвѣтствуютъ вынесенному приговору, главный атторней призналъ ошибку въ судебныхъ документахъ и кассировалъ осужденіе такъ, чтобы не осталось слѣдовъ судимости, такъ какъ корона не признаетъ виновность доказанной. Это мнѣніе, хотя и было поддержано нѣкоторыми авторитетами, не нашло себѣ признанія, такъ какъ придавало прерогативѣ помилованія судейскій характеръ.

Съ другой стороны, само министерство тяготилось отправленіемъ несвойственной ей судейской дѣятельности, а горячіе

нападки прессы и парламента по поводу допускаемыхъ имъ ошибокъ или неудовлетворенія какихъ либо желаній публики отражались на положеніи министерства, возлагая на него отвѣтственность за дѣйствія, не стоящія по существу подъ достаточнымъ его контролемъ. Поэтому министерство охотно пошло навстрѣчу обнаружившемуся теченію замѣнить порядокъ возстановленія невинно осужденныхъ путемъ помилованія порядкомъ судебнымъ [1]).

Въ теченіе 60 лѣтъ (1848—1907) осужденный не имѣлъ законныхъ средствъ оспариванія постановленнаго противъ него неправильнаго приговора; единственно возможнымъ основаніемъ для кассаціи приговора была жалоба на ошибку въ правѣ, признаніе уважительности которой зависѣло отъ усмотрѣнія суда, постановившаго этотъ приговоръ. Но и здѣсь помилованіе предоставлялось во всѣхъ случаяхъ, когда судъ по особымъ дѣламъ короны (Court of Crown Cases Reserved) кассировалъ приговоръ, хотя бы эта кассація происходила по техническимъ основаніямъ, а подсудимый заслуживалъ кары. Такимъ образомъ возстановленіе невинныхъ и исправленіе судебныхъ ошибокъ происходило путемъ не суда, а верховнаго управленія. Случаи примѣненія помилованія для такихъ цѣлей имѣли мѣсто нерѣдко. Въ парламентскихъ отчетахъ коммисій по дѣлу Бека и Эдальджи говорится: „Дѣла, въ которыхъ была установлена и признана дарованіемъ полнаго помилованія совершенная невинность осужденнаго, довольно рѣдки. Въ нѣсколько большемъ количествѣ бываетъ то, что какое либо новое доказательство, не установляя еще невинности осужденнаго, набрасываетъ однако извѣстное сомнѣніе на его осужденіе, вслѣдствіе чего представляется небезопаснымъ больше держать осужденнаго въ заключеніи. Въ такихъ случаяхъ, обыкновенно, заключенный освобождается отъ оставшейся части наказанія безъ полнаго помилованія или даже, если имѣется возможность, подвергается условному

---

[1]) Оппозиціонная печать шутливо прозвала даже поэтому билль объ уголовной апелляціи—„Herbert Gladstone's Relief bill“ („биллемъ объ облегченіи Герберта Гладстона“—тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ).

освобожденію. Но даже и такого рода дѣла не очень часты. За шесть лѣтъ, съ 1898 по 1903, имѣли мѣсто лишь пять случаевъ, въ которыхъ было предоставлено полное помилованіе на основаніи невинности осужденнаго, а число смягченій наказанія и спеціальныхъ приказовъ о досрочномъ освобожденіи по основаніямъ, затрагивающимъ первоначальный приговоръ, было 90. Но за эти годы числа были очень невелики. Въ 1894 г. было 7 полныхъ помилованій на основаніи невинности или предполагаемой невинности, а въ 1904 г.—3. Полное помилованіе предоставляется иногда, чтобы устранить неправоспособность, имѣющую мѣсто въ случаяхъ, въ которыхъ даже не поднимается вопроса о невинности". Между тѣмъ, по свидѣтельству министерства внутреннихъ дѣлъ, число прошеній о помилованіи каждый годъ достигаетъ 5000, изъ нихъ 4000 приносятся самими осужденными, а 1000—ихъ адвокатами и друзьями или родственниками [1]). Изъ этихъ прошеній разслѣдованіе производится только по такимъ, которыя съ перваго взгляда признаются заслуживающими вниманія. Обыкновенно первымъ шагомъ такого разслѣдованія является за-

---

[1]) См. Report of the Committee of Inquiry into the Case of Adolf Beck, 60 p. 331. Въ отвѣтъ на запросъ въ палатѣ общинъ государственный секретарь по внутреннимъ дѣламъ 13 мая 1907 г. представилъ слѣдующую таблицу полученныхъ министерствомъ петицій отъ осужденныхъ за 1905 г.

Число петицій.	Число дѣлъ.	Отъ кого петиціи получены.				Относилась ли петиція къ осужденію или приговору.			
		Отъ осужденныхъ.		Отъ адвокатовъ, друзей и проч.		Осужденіе.		Приговоръ.	
		Петицій.	Дѣлъ.	Петицій.	Дѣлъ.	Петицій.	Дѣлъ.	Петицій.	Дѣлъ.
2199	1499	1713	1242	486	283	1013	674	1186	850

Изъ числа 1499 дѣлъ въ 614 случаяхъ петиція была подана въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ со времени постановленія приговора.

По даннымъ оффиціальной статистики за 1905 г. цифры нѣсколько отличны: петицій было 1524; изъ нихъ 674 указывали на неправильное осужденіе, и 850—на чрезмѣрную суровость наказанія. Изъ нихъ полное прощеніе съ уничтоженіемъ послѣдствій наказанія (free pardon) было предоставлено въ трехъ случаяхъ, и въ 392 было отмѣнено или сокращено наказаніе.

требованіе отъ судьи отчета о доказательствахъ съ просьбою высказать свое заключеніе по дѣлу; иногда, въ особенности по дѣламъ, имѣвшимъ мѣсто въ Лондонѣ, сначала запрашивается полиція. Затѣмъ разсматриваются газетные отчеты о дѣлѣ (оффиціальныхъ отчетовъ не имѣется). Для этой цѣли начальникамъ тюремъ дана инструкція сохранять лучшіе газетные отчеты о болѣе выдающихся дѣлахъ и посылать ихъ въ министерство вмѣстѣ съ прошеніемъ заключеннаго. Въ дѣлахъ, влекущихъ смертную казнь, судья постоянно присылаетъ еще копію съ сдѣланныхъ имъ на судѣ замѣтокъ, но обыкновенно избѣгаютъ безпокоить его и лишь при отсутствіи отчетовъ пользуются письменными свѣдѣніями, получаемыми отъ суда. На основаніи этихъ матеріаловъ составляется докладъ, показывающій, есть ли основаніе входить въ болѣе подробное изслѣдованіе дѣла, или нѣтъ. Въ большинствѣ случаевъ оказывается, что прошеніе или неправильно изображаетъ значеніе доказательствъ, или приводитъ только заявленія, не относящіяся къ вопросу о виновности или невинности заключеннаго, и поэтому отвергается безъ особаго труда. Полученныхъ письменныхъ данныхъ о доказательствахъ министерство не провѣряетъ, оно не выслушиваетъ защиты, не вызываетъ свидѣтелей, не допускаетъ перекрестнаго допроса, и потому въ своихъ дѣйствіяхъ не стремится повторить снова судебное производство, а лишь даетъ основанные на свѣдѣніяхъ изъ вторыхъ рукъ совѣты коронѣ. При этомъ трудно склонить его къ рекомендованію полнаго помилованія, если не представлено какое либо новое существенное доказательство, не бывшее на разсмотрѣніи прежняго суда; только по дѣламъ, гдѣ назначена въ качествѣ наказанія смертная казнь, доказательства изслѣдуются весьма обстоятельно и безъ открытія новыхъ. Иногда министерство отъ себя предпринимаетъ новую экспертизу, если судья или самъ экспертъ выскажетъ сомнѣніе по поводу достаточности или основательности бывшей на судѣ экспертизы. Но, по общему правилу, дѣло не возобновляется изслѣдованіемъ только для того, чтобы пересмотрѣть доказательства, уже подробно обслѣдованныя на судѣ. Въ случаѣ обнаруженія новыхъ обстоятельствъ, пред-

принимается рядъ дальнѣйшихъ розысковъ чрезъ полицію, иногда предлагается судьѣ полицейскаго суда или солиситору казначейства произвести допросъ свидѣтелей, иногда дается соотвѣтственное порученіе клерку судьи, если онъ заинтересуется дѣломъ, и, когда разслѣдованіе произведено, запрашивается мнѣніе судьи, рѣшавшаго дѣло. Судья, если имѣются данныя считать новыя доказательства существенными, часто самъ вызываетъ къ себѣ свидѣтелей и допрашиваетъ ихъ въ судѣ, а затѣмъ сообщаетъ государственному секретарю по внутреннимъ дѣламъ свое мнѣніе, нисколько однако не связывающее министерство, но всегда принимаемое съ большимъ вниманіемъ; иногда судья рекомендуетъ производство новыхъ разслѣдованій, могущихъ пролить свѣтъ на дѣло. Такимъ образомъ рекомендація полнаго помилованія есть продуктъ *своеобразнаго установленнаго практикой взаимодѣйствія* министерства и судьи, съ преобладающимъ вліяніемъ перваго.

При такомъ порядкѣ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ зависѣлъ и вопросъ о выдачѣ вознагражденія лицамъ, невинно осужденнымъ. Въ то время какъ въ большинствѣ европейскихъ странъ этотъ вопросъ рѣшенъ законодательствами положительно, въ Англіи онъ регулируется административной практикой. Число неправильныхъ осужденій въ Англіи, начиная съ 1760 г., когда сформировался въ болѣе выработанномъ видѣ англійскій процессъ, сравнительно невелико, а случаи констатированія полной невинности и назначенія вознагражденія представляютъ собою изъ ряда вонъ выходящія явленія. Въ теченіе XIX вѣка извѣстны только пять случаевъ такого вознагражденія: 1) дѣло Барбера, разсматривавшееся въ 1844 г., повлекшее за собою въ 1858 г. вознагражденіе неправильно осужденнаго въ размѣрѣ 5000 фунт. стерл.; 2) дѣло Галлея, осужденнаго въ 1835 г. и получившаго вознагражденіе въ 1000 фунтовъ лишь въ 1881 г.; 3) дѣло Габрона, неправильно осужденнаго въ 1876 г. и получившаго чрезъ три года вознагражденіе въ 1000 фунт. стерл.; 4) дѣло Бека въ 1880 г., получившаго вознагражденіе въ 500 фунт. стерл. и, наконецъ, 5) дѣло А. Бека 1904 г. получившаго въ удовлетвореніе изъ казначейства 5000 фунт.

стерл. [1]). Впрочемъ, были повидимому и другія менѣе значительныя вознагражденія за этотъ періодъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить изъ рѣчи министра внутреннихъ дѣлъ Гладстона, который заявлялъ въ 1907 г. въ парламентѣ, что „за послѣднія двадцать лѣтъ имѣли мѣсто 12 случаевъ *выдачи вознагражденія на основаніи ошибочности или неправильности* постановленнаго противъ осужденныхъ приговора, при чемъ въ 10 изъ нихъ вознагражденіе колебалось отъ 1 до 40 фунт. стерл.“.

Съ принятіемъ закона объ уголовной апелляціи этотъ административный порядокъ реабилитированія невинныхъ въ значительной степени уступаетъ мѣсто судебному. Ст. 19 закона гласитъ: „Ничто въ настоящемъ актѣ не затрагиваетъ прерогативы помилованія, но государственный секретарь при разсмотрѣніи всякаго прошенія объ осуществленіи Его Величествомъ права помилованія, относящагося къ осужденію или обвинительному приговору на основаніи осужденія (не назначающему однако смертной казни), можетъ *во всякое время*, если признаетъ соотвѣтственнымъ: а) представить все дѣло въ уголовный апелляціонный судъ, и тогда дѣло будетъ тамъ разсмотрѣно и рѣшено, какъ въ случаѣ принесенія апелляціи лицомъ осужденнымъ; или б) если онъ желаетъ содѣйствія уголовнаго апелляціоннаго суда по какому либо отдѣльному вопросу, возникающему въ дѣлѣ, съ цѣлью надлежащаго разсмотрѣнія прошенія, онъ можетъ представить этотъ вопросъ на уваженіе уголовнаго апелляціоннаго суда, и судъ, разсмотрѣвъ предложенный вопросъ, представитъ въ соотвѣтствіе съ этимъ свое мнѣніе государственному секретарю“.

При этомъ уголовный апелляціонный судъ, въ силу имѣющихся у него полномочій (ст. 4 п. 2), можетъ кассировать осужденіе и постановить оправдательный вердиктъ, такъ что государственному секретарю не придется прибѣгать къ посредству королевскаго помилованія, а лицо, неправильное осу-

---

[1]) Изложеніе первыхъ четырехъ дѣлъ можно найти у Sibley o. c. p. 266, 268—301.

жденное, будетъ возстановлено во всѣхъ своихъ правахъ въ судебномъ порядкѣ. Съ другой стороны, апелляціонный судъ *можетъ признать его виновнымъ въ другомъ*, меньшемъ преступленіи, если только подсудимый могъ быть признанъ присяжными виновнымъ въ этомъ преступленіи по обвинительному акту, и тѣмъ избѣгнуть оправданій *по формальнымъ* основаніямъ.

Если юридически разсмотрѣть этотъ новый порядокъ возобновленія уголовныхъ дѣлъ, то можно установить слѣдующія положенія. Возобновленіе допускается только относительно приговоровъ, окончившихся осужденіемъ подсудимаго; *въ этомъ отношеніи законъ примыкаетъ къ французскому праву*. Вердикты оправдательные, даже если они постановлены на основаніи подкупа, клятвопреступленія и обмана, не могутъ быть отмѣнены. Основанія для возобновленія не перечислены—ими могутъ быть даже обстоятельства, бывшія наразсмотрѣніи перваго суда. Все зависитъ отъ усмотрѣнія государственнаго секретаря по внутреннимъ дѣламъ, которому принадлежитъ иниціатива возбужденія вопроса о пересмотрѣ; за осужденнымъ и его близкими сохранено лишь право ходатайства о томъ. Секретарь по внутреннимъ дѣламъ (онъ же министръ юстиціи) можетъ по полученіи ходатайства: 1) или самостоятельно отвергнуть его; 2) или предписать произвести разслѣдованіе административнымъ путемъ и рекомендовать королю помилованіе полное или частичное (этотъ порядокъ соотвѣтствуетъ существующему); 3) или предложить апелляціонному суду высказаться по какому либо вопросу, и затѣмъ на основаніи отвѣта суда предложить королю помилованіе или отвергнуть ходатайство; 4) или, наконецъ, передать дѣло цѣликомъ на пересмотръ апелляціоннаго суда, приговоръ котораго явится окончательнымъ отвѣтомъ на ходатайство осужденнаго. Послѣднее средство является наиболѣе рѣшительнымъ, такъ какъ дѣйствіе его, въ случаѣ оправданія, наиболѣе сильно; оно аннулируетъ осужденіе, позволяетъ апелляціонному суду самому разсмотрѣть доказательства и, собственно, только оно одно соотвѣтствуетъ континентальному возобновленію дѣла. Пересмотръ сосредоточенъ въ рукахъ

одного главнаго суда, какъ то мы видимъ въ французской системѣ. Но характерно, что производство въ немъ опредѣляется не правилами производства въ первой инстанціи, какъ повсюду на континентѣ, а правилами производства апелляціоннаго, т. е. съ сокращеніемъ нѣкоторыхъ процессуальныхъ гарантій. Ничто не препятствуетъ, поэтому, возможности возобновленія дѣла относительно умершаго осужденнаго, такъ какъ личное присутствіе не необходимо. Новый законъ дѣлаетъ институтъ возобновленія дѣлъ однимъ изъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи правительства, и осуществленіе его ставитъ всецѣло подъ контроль послѣдняго [1]).

IX.

Отъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ видовъ пересмотра перейдемъ къ изложенію апелляціоннаго производства, которое является общимъ для всѣхъ ихъ.

Производство по апелляціи начинается съ заявленія осужденнаго (notice of appeal), указывающаго апелляціонныя основанія. Это заявленіе можетъ быть сдѣлано въ теченіе десяти дней со времени осужденія. Оно должно содержать въ себѣ 1) или *требованіе апелляціи*, если оно направлено противъ осужденія вслѣдствіе неправильнаго рѣшенія правового вопроса, а если судья, рѣшавшій дѣло, выдалъ удостовѣреніе о томъ, что дѣло пригодно для апелляціи,—то и вслѣдствіе фактической неправильности; 2) или только *просьбу о разрѣшеніи апелляціи*, если оно направлено противъ приговора или если оно направлено противъ осужденія по фактической неправильности и не имѣется удостовѣренія судьи. Адресуется и посылается оно на имя регистратора апелляціоннаго суда (а не въ судъ, рѣшившій дѣло, какъ принято у насъ). По предложенію регистратора, судья или предсѣдатель суда, предъ которымъ осужденъ жалобщикъ, представляетъ регистратору

---

[1]) Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ французскій законъ 1897 г., который ставитъ возобновленіе дѣлъ вслѣдствіе открытія новыхъ обстоятельствъ всецѣло въ зависимость отъ рѣшенія министра юстиціи.

свои замѣтки о судебномъ слѣдствіи, которыя обычно ведетъ каждый судья по болѣе важнымъ дѣламъ вслѣдствіе отсутствія оффиціальнаго протокола, и отчетъ, выражающій его мнѣніе по дѣлу или по какому либо отдѣльному вопросу, возникшему въ дѣлѣ. Затѣмъ апелляціонный судъ предпринимаетъ рядъ мѣръ для собранія доказательствъ, необходимыхъ для рѣшенія дѣла, пользуясь при этомъ содѣйствіемъ регистратора. По сообщеніямъ послѣдняго и по собственному усмотрѣнію, судъ заботится о назначеніи солиситора или адвоката подсудимому, не имѣющему достаточныхъ средствъ, если то является желательнымъ въ интересахъ правосудія [1]).

Исполненіе всякаго постановляемаго судомъ присяжныхъ приговора суспенсируется на 10 дней. И если въ теченіе этого времени получается извѣщеніе объ апелляціи или о подачѣ просьбы о разрѣшеніи апелляціи, то приведеніе въ

---

[1]) Защита по назначенію впервые была введена въ Англіи въ 1903 г. Актъ о защитѣ неимущихъ подсудимыхъ (Poor prisoners defence act 1903) предоставляетъ суду право дѣлать постановленіе о назначеніи заключенному подъ стражу обвиняемому защитника въ тѣхъ случаяхъ, когда по обстоятельствамъ дѣла судъ признаетъ, что въ интересахъ справедливости обвиняемому необходима помощь юридически образованнаго лица при подготовкѣ и веденіи дѣла. При этомъ должно быть удостовѣрено, что обвиняемый не располагаетъ достаточными средствами для приглашенія защитника за свой счетъ. Защитникъ по назначенію получаетъ за свой трудъ вознагражденіе изъ казны, въ размѣрѣ для барристеровъ до 3 фунтовъ ст., а солиситоровъ до 2 ф. По особо сложнымъ дѣламъ вознагражденіе можетъ быть доведено судомъ до 5 фунтовъ. До этого закона положеніе бѣдняковъ на уголовномъ судѣ было крайне печальнымъ: имъ приходилось порою продавать свое послѣднее имущество, чтобы уплатить гонораръ адвокату. Нѣкоторую помощь въ этомъ отношеніи открывали лишь существующія общественно-благотворительныя организаціи.

Законъ объ уголовной апелляціи распространяетъ участіе защитника по назначенію и на апелляціонную инстанцію, притомъ не только для окончательнаго, но и для предварительнаго и промежуточнаго производства при апелляціи. Защитникъ по назначенію, содѣйствующій при апелляціи, получаетъ изъ казны, кромѣ возмѣщенія расходовъ по проѣзду, по тарифу, существующему для свидѣтелей, гонораръ, составляющій сумму до 2 ф. 2 шилл. для солиситора, на обязанности котораго лежитъ составленіе письменныхъ актовъ и подготовка дѣла, и 1 ф. 3 шилл. для адвоката, выступающаго въ судѣ. По особо труднымъ дѣламъ это вознагражденіе по постановленію судей можетъ быть увеличено до 7 ф. 7 шилл. для солиситора и 11 ф.—для адвоката. См. Приложеніе.

исполненіе назначеннаго наказанія откладывается до момента рѣшенія по апелляціи.

Еще до формальнаго рѣшенія апелляціи, принесенной по основанію, заключающему въ себѣ вопросъ *права*, апелляціонный судъ, по представленію регистратора, можетъ выслушать ее въ суммарномъ порядкѣ и, если признаетъ ее поверхностной или назойливой и могущей быть разрѣшенной немедленно безъ ожиданія полнаго слушанія, можетъ отвергнуть ее немедленно, безъ вызова въ засѣданіе какихъ либо лицъ или представителя короны. Это полномочіе создаетъ своеобразную chambre des requêtes по уголовнымъ дѣламъ и должно служить надежнымъ средствомъ противъ искусственной затяжки дѣла.

При самомъ апелляціонномъ производствѣ судъ имѣетъ всѣ полномочія, которыя въ настоящее время предоставлены гражданскому апелляціонному суду. Онъ можетъ издавать всякіе указы, необходимые для исполненія своихъ предписаній или приговоровъ. Постановляемый имъ приговоръ немедленно вступаетъ въ силу.

Апелляціонное производство распадается на предварительное, промежуточное и окончательное. Къ первому относится 1) дозволеніе апелляціи, могущее быть даннымъ даже однимъ изъ членовъ апелляціоннаго суда, и 2) отказъ въ апелляціи, производимый въ суммарномъ порядкѣ въ случаѣ признанія жалобы поверхностной (см. выше). Промежуточное производство заключается въ собраніи доказательствъ для рѣшенія и въ принятіи нѣкоторыхъ процессуальныхъ мѣръ (какъ, напримѣръ, постановленіе о взятіи подъ стражу или поручительствѣ, продленіе какого либо процессуальнаго срока, разрѣшеніе присутствовать при слушаніи апелляціи по правовому основанію и пр.). И, наконецъ, окончательное производство заключается въ самомъ слушаніи дѣла и постановкѣ приговора. Законъ крайне мало говоритъ о томъ порядкѣ, въ которомъ должны быть предпринимаемы всѣ эти процессуальныя дѣйствія, опираясь здѣсь на установившееся common law, регулирующее судебную дѣятельность всѣхъ судовъ, и на rules of the court (правила суда), которыя должны были быть выработаны въ связи съ настоящимъ закономъ.

Преслѣдованіе въ уголовномъ апелляціонномъ судѣ возлагается общимъ образомъ на директора публичныхъ преслѣдованій. Онъ уступаетъ свое мѣсто только солиситору правительства и частному обвинителю по дѣламъ частнаго обвиненія. Ему принадлежитъ право знакомиться съ дѣломъ, брать для ознакомленія различныя вещественныя доказательства, получать копію стенографической записи судебнаго слѣдствія. По особо важнымъ вопросамъ права онъ можетъ, съ согласія генеральнаго атторнея, апеллировать въ палату лордовъ.

Процессуальныя права жалобщика при апелляціи сводятся къ слѣдующимъ. Жалобщикъ имѣетъ срокъ въ 10 дней для представленія сообщенія объ апелляціи или принесенія просьбы о разрѣшеніи на апелляцію, который можетъ быть продолжаемъ на любое время апелляціоннымъ судомъ (кромѣ случая присужденія къ смертной казни). Для составленія этихъ актовъ онъ можетъ просить у регистратора необходимыя формы и инструкціи. Въ случаѣ, если онъ содержится подъ стражей, начальникъ тюрьмы долженъ распорядиться о передачѣ такихъ формъ и инструкцій въ распоряженіе заключеннаго, желающаго принести апелляцію, и, съ другой стороны, позаботиться, чтобы всякое сообщеніе объ апелляціи, переданное ему заключеннымъ, было доставлено регистратору. Въ случаѣ недостатка средствъ у жалобщика и при желательности того съ точки зрѣнія интересовъ правосудія, жалобщику можетъ быть назначенъ судомъ въ качествѣ юридическаго совѣтника солиситоръ или адвокатъ. Если дѣло не касается исключительно вопроса о правѣ, жалобщикъ имѣетъ право присутствовать при слушаніи его жалобы; въ остальныхъ случаяхъ его присутствіе зависитъ отъ правилъ суда и разрѣшенія на то суда. На время содержанія подъ стражей онъ подчиняется особому режиму [1]). Это время не засчитывается въ срокъ наказанія лишеніемъ свободы. Время заключенія начинаетъ засчитываться, или теченіе наказанія

---

[1]) О немъ см. приложеніе.

возобновляется, со дня, въ который рѣшена апелляція, если жалобщикъ находился подъ стражей, и со дня заключенія въ тюрьму, если онъ находился на свободѣ во время рѣшенія апелляціи. Такое правило о незачетѣ очевидно создано въ цѣляхъ предупрежденія неосновательныхъ апелляцій. Въ отношеніи мѣръ пресѣченія за судомъ сохранена полная возможность освобождать жалобщика на поруки до рѣшенія его апелляціи независимо отъ важности дѣла. Жалобщикъ имѣетъ право на полученіе копіи съ стенографическаго протокола засѣданія суда, осудившаго его, по уплатѣ пошлинъ, установленныхъ казначействомъ. Въ томъ случаѣ, когда пользованіе какимъ либо правомъ зависитъ отъ разрѣшенія суда (напр., освобожденіе на поруки, присутствіе при рѣшеніи апелляціи по вопросу права и пр.), такое разрѣшеніе можетъ быть дано всякимъ отдѣльнымъ судьей уголовнаго апелляціоннаго суда; и въ случаѣ отказа въ разрѣшеніи жалобщикъ въ правѣ въ теченіе пяти дней послѣ сообщенія ему рѣшенія отдѣльнаго судьи подать прошеніе, подлежащее рѣшенію апелляціоннаго суда въ составѣ, требуемомъ для слушанія и рѣшенія дѣла по апелляціи, т. е. въ числѣ не менѣе трехъ судей. Процессуальныя права жалобщика на судебномъ слѣдствіи тѣ же, что и въ первой инстанціи.

Возмѣщенія издержекъ при апелляціи не получаетъ ни та, ни другая сторона, но расходы солиситора или адвоката, назначеннаго жалобщику на основаніи этого акта, расходы свидѣтелей, явившихся по вызову суда или допрошенныхъ въ какомъ либо предварительномъ или промежуточномъ производствѣ по апелляціи, и по явкѣ жалобщика на слушаніе апелляціи или на какое либо предварительное или промежуточное производство, и всѣ расходы по допросу свидѣтелей, произведенные лицомъ, назначеннымъ для этой цѣли судомъ, или по передачѣ допроса спеціальному коммиссару, или произведенные лицомъ, назначеннымъ ассессоромъ при судѣ, возмѣщаются въ извѣстномъ размѣрѣ тѣмъ же самымъ образомъ, какъ расходы на преслѣдованіе въ случаѣ тяжкихъ преступленій, т. е. государствомъ [1]).

[1]) Вознагражденіе за издержки при преслѣдованіи тяжкихъ преступленій

Вся дѣятельность по сношенію апелляціоннаго суда съ судьей, рѣшавшимъ дѣло, по извѣщенію сторонъ и другихъ лицъ о днѣ слушанія апелляціи или о какомъ либо промежуточномъ производствѣ по ней, наконецъ, по сообщенію постановленныхъ апелляціоннымъ судомъ рѣшеній лежитъ на регистраторѣ. Законъ только общимъ образомъ указываетъ функціи послѣдняго, предоставляя болѣе полное развитіе ихъ внутреннимъ правиламъ суда.

Въ апелляціонномъ производствѣ мы встрѣчаемъ уже отступленія отъ тѣхъ принциповъ суда, которые до сихъ поръ сохранялись въ Англіи въ большой чистотѣ. Такъ, *личное присутствіе подсудимаго на судѣ* уже не является необходимымъ. Въ проектѣ 1906 г. предполагалось даже совершенно не допускать его, если подсудимый находится подъ стражей. Въ законѣ, однако, обезпечена ему эта возможность личнаго присутствованія при апелляціи, касающейся вопроса о фактѣ, на томъ основаніи, что лишеніе находящагося подъ стражей права

впервые предусмотрѣно статутомъ 1752 года, когда тяжкія преступленія были очень распространены. Судъ могъ предписывать уплату издержекъ изъ средствъ казны обвинителю, когда было достигнуто осужденіе, а вскорѣ затѣмъ и въ случаяхъ, когда обвиняемый былъ оправданъ, но преслѣдованіе было надлежаще поставлено. Въ 1763 г. стали возмѣщать обвинителямъ расходы по поѣздкѣ, если судъ находился въ отдаленіи отъ мѣста жительства обвинителя. Возмѣщеніе этихъ расходовъ по акту 7 Geo. 4 c. 64 всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія суда. Поэтому можно, по аналогіи, заключить, что и возмѣщеніе издержекъ при апелляціи также зависитъ отъ усмотрѣнія суда.

Возмѣщеніе издержекъ по вызову и допросу свидѣтелей, по вознагражденію назначенныхъ защитниковъ и экспертовъ было принято безъ особыхъ преній. Значительное колебаніе вызвалъ рѣшенный позднѣе въ положительномъ смыслѣ вопросъ о возмѣщеніи расходовъ по явкѣ самого жалобщика въ апелляціонный судъ. Такъ какъ этотъ судъ является единственнымъ на всю Англію, то расходы по явкѣ туда могутъ быть довольно значительными. Одни, какъ Гревсъ, Келли, указывали, что на это не должно быть расходуемо общественныхъ средствъ; другіе, какъ Поландъ и Когэнъ, указывали, что въ большинствѣ случаевъ обвиняемый не сумѣетъ явиться на собственныя средства, между тѣмъ какъ едва-ли желательно по общему правилу слушать дѣла въ отсутствіе подсудимаго; съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что на основаніи акта объ уголовныхъ доказательствахъ 1898 г. самъ жалобщикъ можетъ разсматриваться какъ нужный въ судѣ свидѣтель. Подъ вліяніемъ этого вопросъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Начала, по которымъ должно выдаваться вознагражденіе всѣмъ участвующимъ въ процессѣ лицамъ, опредѣляются въ приложеніи.

присутствія при слушаніи апелляціи давало бы незаслуженную привилегію жалобщику, находящемуся на порукахъ, уменьшало бы равноправіе сторонъ (обвинитель можетъ всегда присутствовать), мѣшало бы выясненію дѣла (порою нужны личныя объясненія подсудимаго) и лишало бы его возможности самостоятельной защиты, такъ какъ ни одинъ британскій подданный не обязанъ прибѣгать къ услугамъ солиситора или адвоката.

Гласность производства также терпитъ нѣкоторыя ограниченія. Правила суда (правило 51), изданныя въ развитіе настоящаго акта, предусматриваютъ возможность для апелляціоннаго суда засѣдать in camera (негласно) по дѣламъ, переданнымъ ему государственнымъ секретаремъ для рѣшенія какого либо отдѣльнаго вопроса, возбуждаемаго прошеніемъ о помилованіи. Правда, въ этихъ случаяхъ уголовный апелляціонный судъ играетъ болѣе роль эксперта, нежели судьи.

Непосредственность судебнаго производства нарушается правомъ апелляціоннаго суда назначать спеціальнаго комиссара для осмотра мѣстности или для производства какого-либо изслѣдованія на мѣстѣ, если книги, документы или иныя доказательства не могутъ съ удобствомъ быть доставлены въ судъ, и рѣшать дѣло по докладу этого коммисара (см. ниже).

Устность производства терпитъ существенныя ограниченія. Такъ, апелляціонный судъ въ правѣ поручать допросъ свидѣтелей, живущихъ въ отдаленіи отъ суда, мѣстнымъ судебнымъ органамъ, барристерамъ или инымъ, назначеннымъ судомъ лицамъ, и рѣшать дѣла по присланнымъ въ судъ письменнымъ показаніямъ этихъ свидѣтелей. До сихъ поръ этотъ порядокъ примѣнялся только по отношенію къ свидѣтелямъ, проживающимъ заграницей или въ колоніяхъ.

X.

При разсмотрѣніи апелляціоннаго производства слѣдуетъ особо сказать о тѣхъ средствахъ полученія доказательствъ, которыми обладаетъ уголовный апелляціонный судъ, и о

нѣкоторыхъ особенностяхъ доказательственнаго права при апелляціи.

Въ основу апелляціоннаго разсмотрѣнія предполагается положить стенографическій отчетъ о дѣлѣ. Однимъ изъ крупныхъ недостатковъ производства дѣлъ въ судѣ присяжныхъ до послѣдняго времени являлось отсутствіе какого либо оффиціальнаго протокола о судебномъ слѣдствіи. Замѣтки судьи, понятныя только для него, отмѣчали лишь отдѣльные вопросы и не могли являться публичнымъ документомъ, не подвергаясь совершенно контролю сторонъ. При изслѣдованіи рѣшенныхъ дѣлъ, напр., при представленіяхъ о помилованіи, приходилось прибѣгать къ газетнымъ неточнымъ отчетамъ, и то если они имѣлись. По дѣлу Эдальджи, напр., не сохранилось никакихъ оффиціальныхъ слѣдовъ производства: ни замѣтокъ судьи, ни протокола. По болѣе значительнымъ дѣламъ стороны иногда приводили своихъ стенографовъ, но записи послѣднихъ не имѣли оффиціальнаго значенія. Рядъ выдающихся авторитетовъ указывалъ на необходимость имѣть присяжныхъ стенографовъ въ судѣ, пока, наконецъ, съ введеніемъ апелляціи необходимость эта не стала настоятельной. Ст. 16 новаго закона постановляетъ, чтобы по всякому дѣлу, могущему подлежать апелляціи, производились на государственный счетъ стенографическія записи. Переводъ этихъ записей происходитъ, по указанію регистратора, только тогда, если дѣйствительно принесена апелляція. Правила суда должны установить требованія, необходимыя для обезпеченія точности записей и правильности перевода. Копіи перевода могутъ быть выдаваемы сторонамъ и государственному секретарю. Введеніе стенографіи въ судебное производство, начавшееся нѣсколько лѣтъ тому назадъ по важнѣйшимъ процессамъ на континентѣ [1]), несомнѣнно принесетъ громадную пользу и

---

[1]) Такъ, въ обоихъ Мекленбургахъ ведутся стенографическіе отчеты объ уголовныхъ процессахъ съ присяжными, когда можно ожидать наказанія смертной казнью, чтобы предоставить великому герцогу возможность обстоятельнаго разсмотрѣнія дѣла при помилованіи. Австрійскій уставъ уголовнаго судопроизводства перечисляетъ случаи, когда должны вестись на судѣ оффиціальные стенографическіе отчеты.

избавить апелляціонный судъ отъ ряда случайностей вслѣдствіе возможной неявки свидѣтелей. Въ качествѣ дополненія къ стенографическимъ записямъ служатъ замѣтки и заключеніе судьи по дѣлу, присылаемыя въ апелляціонный судъ (ст. 8). Противъ принятія замѣтокъ судьи дѣлались возраженія на томъ основаніи, что онѣ недопустимы какъ доказательство, ибо судья не можетъ быть вызванъ въ качествѣ свидѣтеля; онѣ могутъ лишь быть употребляемы лицомъ, *составившимъ* ихъ, *для освѣженія своей памяти*. Въ существѣ своемъ онѣ также не очень цѣнны, такъ какъ представляютъ „мертвую груду доказательствъ безъ оживляющаго ихъ духа“. Поэтому примѣненіе ихъ ограничено только тѣми случаями, когда апелляція подлежитъ предварительному разрѣшенію апелляціоннаго суда для рѣшенія вопроса о ея допущеніи.

Уголовному апелляціонному суду предоставлены права вызывать къ суду любыхъ свидѣтелей независимо отъ того, фигурировали ли они на судѣ или нѣтъ, въ томъ числѣ мужа или жену жалобщика. Судъ только не можетъ постановить болѣе строгаго приговора на основаніи какого либо новаго доказательства, не бывшаго на разсмотрѣніи перваго суда. Онъ можетъ предписать представленіе любого нужнаго ему документа или иного предмета, связаннаго съ производствомъ.

Кромѣ *непосредственнаго вызова свидѣтелей въ судъ*, апелляціонный судъ можетъ поручать допросъ отдѣльныхъ свидѣтелей какому либо своему члену, или чиновнику, или даже всякому другому лицу, назначенному для этой цѣли, въ томъ числѣ мировому судьѣ, и во всѣхъ случаяхъ можетъ допускать къ разсмотрѣнію на судѣ отобранные такимъ путемъ письменныя показанія. Вмѣсто личнаго разсмотрѣнія документовъ, отчетовъ или вмѣсто личнаго осмотра мѣстности или производства научнаго изслѣдованія, онъ можетъ поручать производство ихъ особому коммисару (special commissioner) и рѣшать по докладу послѣдняго. Наконецъ, онъ можетъ приглашать экспертовъ по всякому дѣлу для дѣйствій въ качествѣ ассессора (assessor) суда. Всѣ эти ограниченія

непосредственности производства, идущія въ разрѣзъ съ постановленіями доказательственнаго права, вызываются возможною отдаленностью мѣста производства отъ мѣста совершенія преступленія, при которой личная явка свидѣтелей въ судъ или судейскій осмотръ будутъ весьма затруднены.

Согласно акту 1898 г. жалобщикъ можетъ выступать свидѣтелемъ по своему дѣлу, если онъ того желаетъ. Но онъ можетъ отказаться отъ свидѣтельствованія въ апелляціонномъ судѣ, хотя бы въ судѣ первой инстанціи онъ и давалъ показанія по своему дѣлу. Если судъ признаетъ то полезнымъ для правосудія, онъ можетъ вызвать по просьбѣ жалобщика его супруга въ *качествѣ свидѣтеля* [1]). Онъ можетъ принимать показанія и отъ свидѣтелей, не подлежащихъ принужденію [2]), если они сами того пожелаютъ.

Въ оцѣнкѣ доказательствъ и въ рѣшеніи вопроса объ ихъ допустимости апелляціонный судъ подчиняется существующему доказательственному праву.

XI.

Въ дополненіе къ законодательнымъ постановленіямъ относительно апелляціи должны быть изданы особыя судебныя правила, которымъ отведена значительная компетенція. Они должны регулировать общимъ образомъ практику и производство по настоящему акту. Ими должны быть опредѣлены мѣры, могущія обезпечить въ случаѣ необходимости засѣданія апелляціоннаго суда во время вакацій, формы, въ кото-

---

[1]) Вопросъ о допустимости показаній супруга или супруги подсудимаго является очень сложнымъ въ англійскомъ правѣ. Въ частности открытымъ остается вопросъ, могутъ ли супругъ или супруга быть принуждаемы къ свидѣтельствованію въ пользу обвиненія безъ ихъ собственнаго согласія, или нѣтъ.

[2]) Таковы, напр., показанія адвоката или врача о свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ при отправленіи ими профессіональной обязанности. Спорнымъ является вопросъ, пользуется ли такой защитой отъ принужденія тайна священника относительно сообщеннаго ему на исповѣди, напр., умершимъ.

рыхъ осужденный при апелляціи можетъ представлять въ письменномъ видѣ свое дѣло и свои аргументы, формы отчета о дѣлѣ, представляемаго судьей, рѣшившимъ дѣло, по какому *либо* возникшему въ дѣлѣ вопросу, регистратору апелляціоннаго суда; должны быть опредѣлены порядокъ допроса отдѣльныхъ свидѣтелей внѣ засѣданія апелляціоннаго суда, порядокъ порученія различныхъ разслѣдованій спеціально уполномоченнымъ судомъ лицамъ; должны быть опредѣлены случаи, въ которыхъ содержащійся подъ стражей жалобщикъ можетъ притязать на присутствованіе при разсмотрѣніи апелляціи; долженъ быть установленъ порядокъ передачи директору публичныхъ преслѣдованій всѣхъ документовъ, показаній и предметовъ, связанныхъ съ судебнымъ производствомъ, какіе могутъ оказаться ему нужными; должны быть выработаны правила охраны показаній, документовъ и другихъ предметовъ и временной выдачи ихъ сторонамъ при принесеніи апелляціи; должны быть выработаны требованія, исполненіе которыхъ необходимо для обезпеченія точности составляемыхъ стенографическихъ записей на судебномъ засѣданіи и правильности ихъ перевода [1]). Кромѣ того, должны быть изданы особыя правила въ согласіи съ актомъ о тюрьмахъ 1898 г., которыми опредѣлялись бы: 1) режимъ содержанія подъ стражей, которому подлежитъ осужденный, принесшій апелляцію, въ случаѣ неосвобожденія его на поруки; 2) способъ, посредствомъ котораго содержащійся подъ стражей жалобщикъ долженъ быть приводимъ въ мѣсто, въ которомъ онъ имѣетъ право присутствовать для цѣлей настоящаго акта или въ которое онъ будетъ приведенъ согласно съ указаніемъ суда; 3) способъ, какимъ онъ долженъ быть охраняемъ во время отлучки изъ тюрьмы для этой цѣли [2]).

---

[1]) Правила эти (Criminal Appeal Rules 1908) выработаны и опубликованы въ мартѣ 1908 г. Въ виду болѣе спеціальнаго интереса, который они представляютъ, авторъ счелъ болѣе соотвѣтственнымъ помѣстить ихъ въ приложеніи, въ качествѣ примѣчаній къ отдѣльнымъ статьямъ акта объ уголовной апелляціи

[2]) Правила эти изданы государственнымъ секретаремъ 24 февраля 1908 г. (см. въ прилож. прим. къ ст. 14 акта объ апелляціи).

Эти правила должны быть выработаны лордомъ главнымъ судьей вмѣстѣ со всѣми или только тремя судьями уголовнаго апелляціоннаго суда, которые предварительно должны выслушать заключеніе особаго комитета, состоящаго изъ предсѣдателя четвертныхъ сессій, назначеннаго государственнымъ секретаремъ, изъ постояннаго помощника государственнаго секретаря по внутреннимъ дѣламъ, директора публичныхъ преслѣдованій, регистратора апелляціоннаго суда, клерка суда присяжныхъ, клерка мирового судьи, по назначенію лорда главнаго судьи, солиситора, назначаемаго предсѣдателемъ юридическаго общества, и барристера, назначаемаго общимъ совѣтомъ адвокатуры. Выработанныя такимъ образомъ правила будутъ подлежать утвержденію лорда канцлера, а поскольку они будутъ касаться начальника тюрьмы или иного лица тюремной администраціи или должностного лица, имѣющаго подъ стражей жалобщика, то также съ утвержденія государственнаго секретаря. Эти правила обязательны для должностныхъ и частныхъ лицъ, имѣющихъ подъ стражей жалобщика или обязанныхъ по настоящему акту какими либо дѣйствіями. Исполненіе ихъ можетъ быть обезпечиваемо предписаніями уголовнаго апелляціоннаго суда.

Столь широкая передача полномочій по регламентаціи судопроизводства административной и судебной власти со стороны законодательныхъ органовъ является интереснымъ новымъ началомъ въ англійской законодательной дѣятельности. До послѣдняго времени англійскіе статуты почти на три четверти были переполнены постановленіями регламентаціоннаго характера, вызывавшими крайнюю сложность и малую гибкость законодательства. Въ настоящее время законодательные органы стремятся къ тому, чтобы все болѣе и болѣе полномочій предоставлять администраціи. Это объясняется тѣмъ, что дѣятельность послѣдней стоитъ подъ весьма значительнымъ контролемъ парламента и послѣдній имѣетъ всегда возможность повліять на отмѣну нежелательной для него административной мѣры, пользуясь возможностью, которую предоставляетъ ему система парламентаризма. Практика послѣднихъ лѣтъ выработала такое обыкновеніе, что различ-

ные административные регламенты за нѣсколько недѣль до ихъ распубликованія „кладутся на столъ предъ парламентомъ“, такъ что каждый членъ палаты можетъ съ ними ознакомиться предварительно, и, если онъ находитъ въ нихъ что либо противорѣчащее закону или нецѣлесообразное, то можетъ, съ помощью предъявляемаго къ соотвѣтственному министру запроса, обратить вниманіе палаты на это и въ случаѣ разумности критики склонить палату, а, слѣдовательно, и министерство, къ принятію его поправокъ. Но министерство, принимая такія поправки, остается формально свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и потому пользованіе правомъ запроса для контроля за регламентаціонной дѣятельностью администраціи не всегда достигаетъ цѣли. Законъ объ уголовной апелляціи 1907 г. даетъ въ руки палатъ еще болѣе могущественное средство контроля, представляющее любопытный шагъ дальнѣйшаго конституціоннаго развитія. Ст. 18 п. 3 закона постановляетъ: „Каждое выработанное правило суда на основаніи этого акта будетъ внесено въ каждую палату парламента и, если въ представленномъ какою либо изъ палатъ адресѣ Его Величеству въ теченіе послѣдующихъ тридцати дней послѣ начала ближайшей сессіи парламента, послѣ того какъ такое правило было внесено въ него, будетъ выражена просьба, чтобы это правило было уничтожено, то Его Величество въ совѣтѣ можетъ уничтожить это правило, и на будущее время оно не будетъ примѣняться, однако безъ ущерба для дѣйствительности чего либо, сдѣланнаго раньше на основаніи его“. Новый способъ представляетъ палатамъ преимущества по сравненію со старымъ. Онъ ставитъ измѣненіе правилъ въ зависимость отъ вотума палаты, необходимаго для выработки адреса, а не отъ высказываемыхъ въ палатѣ мнѣній. Затѣмъ здѣсь въ мягкой формѣ указывается на рѣшающее значеніе этого вотума въ смыслѣ отмѣны нежелаемой парламентомъ мѣры. Этотъ особый порядокъ принятъ въ виду того, что отмѣна какого либо изъ принятыхъ судебныхъ правилъ властью министра на основаніи запроса была бы неудобна въ виду авторитетности органовъ, вырабатывавшихъ эти правила. Фор-

мальная отмѣна этихъ правилъ производится совѣтомъ министровъ [1]).

XII.

Мы разсмотрѣли основныя положенія новаго закона объ уголовной апелляціи и видѣли, что онъ вноситъ нѣкоторыя существенно новыя начала въ англійское уголовное судопроизводство, значеніе которыхъ еще трудно учесть. Ими наносится нѣкоторый ударъ непоколебимости вердикта присяжныхъ въ интересахъ большей защиты невинности. Многіе юристы видятъ въ этомъ установленіе опаснаго начала. „Значеніе этого акта“—пишетъ сэръ Поландъ—„нельзя переоцѣнить, если имѣть въ виду, что право обращаться въ апелляціонный судъ или къ одному судьѣ его предоставляется отъ десяти до одиннадцати тысячамъ лицъ ежегодно. Въ первый разъ судъ, состоящій изъ коронныхъ судей (девяти, семи, пяти или трехъ), будетъ засѣдать для выслушиванія и рѣшенія *вопросовъ факта*, вопроса о томъ, долженъ ли быть человѣкъ повѣшенъ или нѣтъ; въ первый разъ также коронные судьи будутъ засѣдать для рѣшенія вопроса, долженъ ли человѣкъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію, заключенъ въ каторжную или простую тюрьму или же отпущенъ на свободу; и, можетъ быть, этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ большинствомъ двухъ противъ одного, трехъ противъ двухъ или даже пяти противъ четырехъ. Правда, что судьи будутъ рѣшать дѣла, по которымъ присяжные вынесли вердиктъ о виновности. Но этотъ законъ предоставляетъ имъ право подвергать сомнѣнію этотъ вердиктъ и рѣшать тотъ же вопросъ факта не посредствомъ другого жюри, но

---

[1]) То же начало предоставленія болѣе подробной регламентаціи и расширенія дѣйствія закона министерству проводится и новымъ Prevention of crime bill 1908 г. въ ст. 1 (2), но съ тѣмъ различіемъ, что изданныя министерствомъ постановленія съ принятіемъ подобнаго адреса коронѣ теряютъ свою юридическую силу немедленно и безъ пересмотра въ совѣтѣ; такая отмѣна изданныхъ правилъ не препятствуетъ однако составленію новаго проекта ихъ министерствомъ.

рѣшеніемъ извѣстнаго числа судей. Позвольте мнѣ привести примѣръ. Человѣкъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ и осужденъ. Онъ отрицаетъ свою виновность и желаетъ апеллировать. Сначала онъ обращается къ судьѣ, постановившему приговоръ, но тотъ отказывается выдать ему удостовѣреніе, допускающее апелляцію. Тогда онъ посылаетъ извѣщеніе о внесеніи просьбы относительно разрѣшенія апелляціи въ апелляціонный судъ. Одинъ изъ судей этого суда, послѣ полнаго выслушанія его дѣла, отказывается дать разрѣшеніе. Тогда онъ обращается за такимъ разрѣшеніемъ въ апелляціонный судъ въ законномъ составѣ. Судъ подробно выслушиваетъ его дѣло. Его просьба отвергается, и его казнятъ. Или судъ можетъ дать ему разрѣшеніе, выслушать его апелляцію, и онъ все-же будетъ повѣшенъ. Затѣмъ, возьмемъ случай, когда судья, рѣшавшій дѣло, или судья апелляціоннаго суда дали просимое разрѣшеніе, апелляція была выслушана, большинствомъ голосовъ вердиктъ присяжныхъ былъ устраненъ, и человѣкъ оправданъ. Апелляціонный судъ будетъ имѣть предъ собою замѣтки судьи, разбиравшаго дѣло въ первой инстанціи, и его мнѣніе по дѣлу, стенографическій отчетъ о дѣлѣ; онъ имѣетъ право вызвать особо свидѣтеля изъ допрошенныхъ на судѣ и всякаго новаго свидѣтеля, который обнаружится послѣ суда, обвиняемый можетъ самъ выставить себя свидѣтелемъ, и затѣмъ судъ выслушаетъ рѣчи сторонъ объ обстоятельствахъ дѣла. Онъ можетъ даже назначить какое либо лицо, которое направилось бы въ провинцію и собрало тамъ свидѣтельскія показанія. Онъ можетъ рѣшить всѣ факты дѣла, не выслушавъ ни одного свидѣтеля. Развѣ неправильно сказать на основаніи всего, что *судьи*, какъ таковые, являются вершителями судьбы человѣка и что актъ предоставляетъ имъ слишкомъ много власти? Они по всякому дѣлу могутъ замѣнить вердиктъ о виновности вердиктомъ о невинности по своему усмотрѣнію“. Но не слѣдуетъ думать, какъ можно было бы заключить изъ приведеннаго мнѣнія, что признанное новымъ закономъ право жалобы превратитъ правосудіе въ игру, гдѣ вмѣсто одного будетъ дано два шанса выигрыша. Отъ этого удерживаютъ какъ ограниченія, внесенныя въ текстъ самаго

закона, такъ и солидарность отдѣльныхъ судовъ въ Англіи. Суды высшихъ инстанцій необычайно осторожно относятся къ подлежащимъ ихъ пересмотру рѣшеніямъ. Кромѣ того, слѣдуетъ оцѣнивать не абстрактную систему, а систему въ связи съ тѣми лицами, которыя являются ея осуществителями; личность же независимаго и разсудительнаго англійскаго судьи, свято придерживающагося традиціи, служитъ однимъ изъ ручательствъ того, что эта система будетъ примѣняема надлежащимъ образомъ. Такъ, по дѣламъ суммарнаго производства, гдѣ имѣется апелляція въ суды четвертныхъ сессій, ежегодно изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ дѣлъ принимаются одинъ—два десятка апелляцій. Въ 1905 г. было всего 166 случаевъ апелляціи въ суды четвертныхъ сессій на приговоры, постановленные мировыми судьями въ суммарномъ порядкѣ (въ томъ числѣ 74 падаютъ на дѣла о нарушеніи правилъ для моторовъ и о недозволенной продажѣ вина). Изъ нихъ отвергнуты полностью 81 апелляція, въ 30 случаяхъ приговоръ судьи былъ утвержденъ съ нѣкоторыми измѣненіями, и только въ 55—кассированъ. Нужно думать, что осторожность въ кассаціи вердиктовъ присяжныхъ будетъ еще большей [1]). Все это приводитъ къ заключенію, что апелляція въ Англіи въ сущности останется исключительнымъ средствомъ пересмотра, которое не станетъ угрожать общественному довѣрію къ вердиктамъ присяжныхъ. Наоборотъ, намъ думается, она способна укрѣпить вѣру въ нихъ. Теперь, когда

---

[1]) Примѣненіе закона объ уголовной апелляціи на практикѣ за первые мѣсяцы показало, что необходимо расширеніе полномочій апелляціоннаго суда и въ частности предоставленіе ему права предписывать новое судебное разбирательство въ судѣ первой инстанціи (grant a new trial), конечно, въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Такое право лордъ главный судья признаетъ чрезвычайно важнымъ для интересовъ правосудія, потому что при создавшемся положеніи возможно, что нѣкоторые дѣйствительно виновные жалобщики могутъ остаться безнаказанными вслѣдствіе какихъ либо неправильныхъ указаній со стороны судьи присяжнымъ, при которыхъ не можетъ быть оставленъ въ силѣ вердиктъ (Times-Weekly 1908 г. 23 october p. 681). По даннымъ, приводимымъ въ Law Reports, видно, что со времени вступленія закона въ силу (18 апрѣля 1908 г.) до конца ноября 1908 г. было принесено около 300 апелляцій; изъ этого числа въ 15 случаяхъ было кассировано осужденіе, въ 6 случаяхъ наказаніе смягчено и въ одномъ—усилено.

рѣшеніе присяжныхъ по вопросамъ факта является безповоротно рѣшающимъ, остается широкое поле для утвержденій о неспособности присяжныхъ справляться съ возложенной на нихъ задачей, о частой ошибочности ихъ сужденій; при установленіи апелляціи эта дѣятельность присяжныхъ будетъ стоять подъ извѣстнымъ контролемъ апелляціоннаго суда, и потому явится возможность учитывать относительную правильность обвинительныхъ вердиктовъ присяжныхъ, будутъ получены данныя, по которымъ можно будетъ съ извѣстной точностью судить о функціонированіи института присяжныхъ и принимать во вниманіе эти результаты для соотвѣтственныхъ реформъ.

Но эта система, могущая принести свою пользу въ Англіи и предупредить рядъ судебныхъ ошибокъ, была бы опасна на континентѣ, гдѣ отношеніе коронnаго и народнаго элементовъ покоится на основаніяхъ отличныхъ, гдѣ оно осложнено мотивами соціальнаго и политическаго характера. Съ другой стороны, континентальное законодательство выработало иныя формы исправленія ошибокъ присяжныхъ, какими являются устраненіе вердикта, кассація и широко поставленное право возобновленія уголовныхъ дѣлъ. Ему не приходится вводить здѣсь апелляціи, а достаточной является инстанція кассаціонная, такъ какъ принципъ, по которому никто не долженъ быть дважды подвергнутъ риску осужденія, на континентѣ никогда не имѣлъ того значенія, какое онъ исторически пріобрѣлъ въ Англіи. Поэтому и увлеченію идеей новаго англійскаго закона, установившаго съ многими, правда, ограниченіями апелляціонный пересмотръ обвинительныхъ приговоровъ присяжныхъ, едва-ли слѣдуетъ поддаваться. Онъ интересенъ какъ новое образованіе въ судебномъ строѣ, онъ важенъ отдѣльными своими частностями, каковы, напр., введеніе стенографическихъ протоколовъ на судѣ, возмѣщеніе издержекъ апелляціи, право увеличенія строгости приговора и пр., но онъ не можетъ представлять образца для заимствованія въ цѣломъ. Слишкомъ отличенъ судъ присяжныхъ континента отъ англійскаго жюри, хотя бы по тому, что въ немъ отсутствуетъ предварительное производство предъ большимъ жюри, для

того, чтобы признавать коррективы одного дѣйствительными для другого. Но принятіе этого билля показываетъ, что не слѣдуетъ думать, будто институтъ присяжныхъ боится реформъ, вызываемыхъ необходимостью. Правда, нужно было шестьдесятъ лѣтъ упорной борьбы, потребовавшей около тридцати законопроектовъ, чтобы достичь реформы, но изъ этого слѣдуетъ лишь, что прочно укрѣпившіяся въ странѣ учрежденія требуютъ и значительнаго измѣненія мнѣній для своей реформы, а не гнутся и измѣняются, какъ слабые ростки, подъ вліяніемъ направленія случайныхъ политическихъ вѣяній.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Англійскій законъ 1907 г. объ уголовной апелляціи (Criminal Appeal Act 1907) (7 Edw. VII Ch. 23).

Порядокъ статей.

Уголовный апелляціонный судъ.

1. Устройство уголовнаго апелляціоннаго суда.
2. Регистраторъ уголовнаго апелляціоннаго суда.

Право апелляціи и разрѣшеніе апелляціи.

3. Право апелляціи по уголовнымъ дѣламъ.
4. Рѣшеніе апелляцій по обыкновеннымъ дѣламъ.
5. Власть суда по особымъ дѣламъ.
6. Возвращеніе и возстановленіе собственности при осужденіи.

Производство.

7. Время апелляціи.
8. Замѣтки судьи и отчетъ, представляемый при апелляціи.
9. Дополнительныя полномочія суда.
10. Юридическая помощь жалобщику.
11. Право жалобщика присутствовать на судѣ.
12. Обязанности директора публичныхъ преслѣдованій.
13. Издержки по апелляціи.
14. Освобожденіе жалобщика на поруки и наблюденіе за нимъ во время суда.
15. Обязанности регистратора относительно апелляціонныхъ замѣтокъ и пр.
16. Стенографическія записи на судѣ.
17. Полномочія, могущія быть осуществляемыми единоличнымъ судьею.
18. Правила суда.

Дополненіе.

19. Прерогатива помилованія.
20. Уголовный розыскъ, производство въ высшемъ судѣ и пр.
21. Опредѣленія.
22. Краткое заглавіе, объемъ дѣйствія и примѣненіе настоящаго закона.

Шедула.

Глава 23.

Актъ объ учрежденіи уголовнаго апелляціоннаго суда и объ исправленіи закона относительно апелляцій по уголовнымъ дѣламъ [1]).

(28 августа 1907 г.).

Да будетъ исполнено по волѣ Свѣтлѣйшаго Величества Короля, по волѣ, совѣту и согласію духовныхъ и свѣтскихъ лордовъ и общинъ, собравшихся въ этомъ настоящемъ парламентѣ, и въ силу власти послѣдняго, нижеслѣдующее:

Уголовный апелляціонный судъ.

1. 1) Учреждается уголовный апелляціонный судъ, и лордъ главный судья Англіи (Lord Chief Justice of England) и восемь судей отдѣленія королевской скамьи въ высшемъ судѣ будутъ назначены для засѣданій въ немъ въ качествѣ судей лордомъ главнымъ судьей, съ согласія лорда канцлера, на такой срокъ, какой онъ признаетъ желательнымъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

2) Для выслушиванія и рѣшенія апелляцій на основаніи настоя-

---

[1]) Законъ объ уголовной апелляціи вызвалъ изданіе слѣдующихъ дополнительныхъ правилъ:

1. Изданныхъ съ одобренія лорда-канцлера и государственнаго секретаря *правилъ относительно уголовной апелляціи* 1908 (Criminal appeal rules 1908), составленныхъ лордомъ главнымъ судьей и судьями уголовнаго апелляціоннаго суда (§ 1—52).

2. Объ издержкахъ апелляціоннаго производства по уголовнымъ дѣламъ—Statutory Rules and Orders. Приказъ государственнаго секретаря отъ 27 марта 1908 г. въ силу ст. 13 акта *объ уголовной апелляціи* (§ 1—5).

3. Циркуляра государственнаго секретаря отъ 24 февраля 1908 г., регулирующаго правила содержанія подъ стражей жалобщика до рѣшенія апелляціи ст. 14 акта).

4. Шедулы къ акту объ уголовной апелляціи 1907 г., содержащей образцы 33 формъ актовъ.

Мы излагаемъ существенное содержаніе этихъ всѣхъ правилъ систематически въ видѣ примѣчаній къ отдѣльнымъ статьямъ закона. Извлеченныя изъ этихъ правилъ постановленія, а также наши собственныя замѣчанія, мы печатаемъ болѣе мелкимъ шрифтомъ. При составленіи примѣчаній мы пользовались, по преимуществу, комментаріемъ къ новому закону, составленнымъ H. Poland и H. Cohen. (The Criminal Appeal act, 1907 and the rules, forms and rates and scales of Payment thereunder with notes by H. Cohen, M. A. and an introduction by H. Poland, k. c. 1908).

щаго акта и для всякаго иного производства на основаніи этого акта, уголовный апелляціонный судъ будетъ созываться согласно указаніямъ лорда главнаго судьи Англіи, съ согласія лорда канцлера, и этотъ судъ будетъ признаваться надлежащимъ образомъ составленнымъ, если онъ будетъ состоять изъ нечетнаго числа судей въ количествѣ не менѣе трехъ.

Если лордъ главный судья сдѣлаетъ соотвѣтственныя указанія, судъ можетъ засѣдать въ двухъ или болѣе отдѣленіяхъ.

Судъ долженъ засѣдать въ Лондонѣ, кромѣ случаевъ, когда лордъ главный судья дастъ спеціальныя указанія о томъ, чтобы судъ засѣдалъ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ.

Въ судѣ по резервированнымъ уголовнымъ дѣламъ необходимый минимумъ судей въ засѣданіи былъ 5. Практически рекомендуется засѣдать въ составѣ 5-ти и въ настоящее время, чтобы въ случаѣ внезапной болѣзни кого либо изъ судей все-же можно было образовать нечетный кворумъ.

Дѣленіе судей на отдѣленія создаетъ возможность установленія разнородной практики, и потому рекомендуется по общимъ вопросамъ обезпечить присутствіе всѣхъ судей.

Сессіи отдѣльныхъ судей высшаго суда внѣ Лондона являются въ настоящее время совершенно исключительнымъ явленіемъ и наблюдаются лишь при производствѣ повѣрки правильности выборовъ въ парламентъ (election-petitions) и при ассизахъ. Отдѣльный судья уголовнаго апелляціоннаго суда, осуществляющій предварительныя мѣры въ силу ст. 17 настоящаго акта, можетъ засѣдать внѣ Лондона въ любомъ мѣстѣ (прав. суда 25 с.).

3) Предсѣдателемъ суда явится лордъ главный судья, а въ его отсутствіе—старшій членъ суда.

4) Рѣшеніе всякаго вопроса въ уголовномъ апелляціонномъ судѣ будетъ происходить согласно съ мнѣніемъ большинства членовъ суда, слушавшихъ дѣло.

5) Если только судъ не постановитъ противнаго, въ дѣлахъ, гдѣ. по мнѣнію суда, рѣшенію подлежитъ вопросъ права, по которому было бы соотвѣтственнымъ, чтобы членами суда были вынесены отдѣльныя рѣшенія,—приговоръ суда будетъ провозглашаться предсѣдателемъ суда или тѣмъ членомъ суда, слушавшимъ дѣло, которому предсѣдатель поручитъ это, и ни одинъ приговоръ, опредѣляющій какой либо вопросъ, не долженъ быть провозглашаемъ отдѣльно какимъ либо другимъ членомъ суда.

Это постановленіе создано на тотъ случай, когда ученый судья апелляціоннаго суда не будетъ согласенъ съ мнѣніемъ большинства, выразившимся въ приговорѣ. Оно заимствовано изъ практики судеб-

наго комитета тайнаго совѣта, въ которой порою удостовѣрялось, что „рѣшеніе не было единодушнымъ“. Вѣроятно, и здѣсь, въ случаѣ разногласій по вопросу о фактѣ, государственный секретарь долженъ быть извѣщенъ о характерѣ разногласія, чтобы имѣть это въ виду, рекомендуя коронѣ примѣнить помилованіе (ср. ст. 19).

6) Если въ какомъ либо дѣлѣ директоръ публичныхъ преслѣдованій, обвинитель или обвиняемый получатъ удостовѣреніе отъ генеральнаго атторнея о томъ, что рѣшеніе уголовнаго апелляціоннаго суда заключаетъ въ себѣ вопросъ права чрезвычайной публичной важности и что является желательнымъ въ публичномъ интересѣ, чтобы была принесена дальнѣйшая апелляція, то каждый изъ нихъ можетъ апеллировать на это рѣшеніе въ палату лордовъ; но, за исключеніемъ этого, всякое опредѣленіе уголовнаго апелляціоннаго суда по какой либо апелляціи или иному предмету, который этотъ судъ имѣетъ право разрѣшать, явится окончательнымъ, и не будетъ допускаться никакой апелляціи отъ этого суда къ какому либо другому суду.

Въ этомъ постановленіи сохраняется единственный остатокъ writ of error, отмѣняемаго настоящимъ закономъ. Палата лордовъ при обсужденіи апелляціи руководится своими обычаями, такъ какъ какихъ либо правилъ производства въ ней не создано.

7) Уголовный апелляціонный судъ явится по списку высшимъ судомъ (superior court of record) и будетъ имѣть, согласно съ постановленіями настоящаго закона и для цѣлей его, всѣ полномочія (full power) рѣшать, въ согласіи съ настоящимъ закономъ, всякіе вопросы, необходимые для отправленія правосудія по дѣлу, подлежащему его обсужденію.

Court of Record, согласно установившемуся пониманію, имѣетъ, въ придачу къ обычнымъ полномочіямъ судовъ, власть назначать денежную пеню и тюремное заключеніе за ослушаніе его предписаніямъ (contempt). Рекордовые суды раздѣляются на низшіе, болѣе высокіе и высшіе. Первые имѣютъ власть назначать взысканія за ослушаніе in facie curiae, тогда какъ власть послѣднихъ распространяется даже на газетныя статьи, написанныя по поводу приговоровъ этого суда.

„Всѣ полномочія“ означаетъ всякія предусмотрѣнныя статутами права и привилегіи.

8) Будутъ изданы судебныя правила, чтобы обезпечить, въ случаѣ необходимости, засѣданія уголовнаго апелляціоннаго суда во время вакацій.

Правило 50-ое опредѣляетъ время вакацій съ 1-го августа до 12 октября и предоставляетъ озаботиться объ обезпеченіи засѣданій въ вакаціонное время самимъ судьямъ.

9) Всякое указаніе, могущее быть даннымъ лордомъ главнымъ судьей въ силу настоящей статьи, въ случаѣ незамѣщенія этой должности или въ случаѣ неспособности лорда главнаго судьи дѣйствовать по какой либо причинѣ, можетъ быть дано старшимъ судьей уголовнаго апелляціоннаго суда.

2. Учреждается должность регистратора (Registrar) уголовнаго апелляціоннаго суда, на которую будетъ назначаться лордомъ главнымъ судьей одинъ изъ директоровъ высшаго суда (Masters of the Supreme Court) по отдѣленію королевской скамьи, который получитъ такое добавочное вознагражденіе (если оно будетъ назначено) и получитъ въ помощь такіе добавочные штаты (если они будутъ созданы) для исполненія должности регистратора, какіе лордъ канцлеръ совмѣстно съ казначействомъ сочтутъ возможнымъ назначить.

Старшій директоръ высшаго суда явится первымъ регистраторомъ.

Согласно опредѣленію ст. 2 правилъ суда, подъ „*регистраторомъ*“ слѣдуетъ разумѣть и всякое лицо, временно назначенное лордомъ главнымъ судьей изъ магистровъ высшаго суда по отдѣленію королевской скамьи для дѣйствованія во время отсутствія регистратора по болѣзни или иной неизбѣжной причинѣ.

Право апелляціи и разрѣшеніе апелляціи.

3. Лицо, осужденное по обвинительному акту (on indictment), можетъ апеллировать на основаніи настоящаго закона въ уголовный апелляціонный судъ:

а) противъ своего осужденія по всякому апелляціонному основанію, которое заключаетъ въ себѣ только вопросъ права; и

б) съ позволенія апелляціоннаго уголовнаго суда или по удостовѣренію судьи, рѣшавшаго дѣло, о томъ, что настоящее дѣло является пригоднымъ для апелляціи,—противъ осужденія, по всякому апелляціонному основанію, которое заключаетъ въ себѣ только вопросъ факта или смѣшанный вопросъ права и факта или по какому либо другому основанію, которое покажется суду достаточнымъ основаніемъ для апелляціи; и

в) съ позволенія апелляціоннаго уголовнаго суда,—противъ осуждающаго его приговора, если только приговоръ точно не опредѣленъ въ законѣ.

Осужденнымъ лицомъ по смыслу настоящей статьи можетъ быть и корпорація, которая отвѣчаетъ въ уголовномъ порядкѣ по англій-

скому праву, напр., за неправильное содержаніе проѣзжихъ дорогъ. Уполномоченнымъ къ процессуальнымъ дѣйствіямъ отъ лица корпораціи является тогда секретарь, клеркъ, руководитель или повѣренный ея (4-е правило суда).

Терминъ „осужденный“ въ правилахъ суда употребляется въ двухъ различныхъ значеніяхъ: 1) въ случаѣ признанія кого-либо виновнымъ по вердикту жюри и 2) въ случаѣ осужденія кого-либо приговоромъ короннаго суда. Практическое значеніе этого различія заключается въ томъ, что, при признаніи обвиняемаго виновнымъ, постановка приговора можетъ быть отсрочена, и онъ можетъ апеллировать на вердиктъ въ теченіе десяти дней; если его апелляція отвергнута, онъ можетъ апеллировать и противъ приговора. Иначе лицу, признанному виновнымъ по вердикту, постановка приговора по которому отсрочена, порою пришлось бы ждать долгое время, пока впослѣдствіи вынесенный приговоръ не далъ бы ему права апелляціи (ст. 18 правилъ). Правило 13-ое указываетъ, что выраженіе „осужденіе“ въ настоящемъ актѣ должно означать „вердиктъ о виновности или признаніе ея подсуднымъ и всякое основанное на нихъ конечное рѣшеніе“.

Осужденіе *по обвинительному акту* является существеннымъ условіемъ, исключенія изъ котораго приведены въ ст. 20 (2) настоящаго закона.

Основаніемъ, включающимъ въ себя *только вопросъ права*, признается, согласно правилу 26 d, всякое основаніе, которое могло бы послужить по акту о дѣлахъ короны 1848 г. основаніемъ для резервированія дѣла. Выраженіе *„смѣшанный вопросъ права и факта“* впервые встрѣчается въ англійскомъ законодательствѣ. Писатели по доказательственному праву (Бестъ, Тэйлоръ, Уортонъ) не придаютъ этому выраженію опредѣленнаго значенія. Изъ новыхъ авторовъ Thayer замѣчаетъ по этому вопросу: „Всѣ вопросы факта, для присяжныхъ или для суда, являются смѣшанными вопросами права и факта, такъ какъ они могутъ быть разрѣшаемы въ соображеніи со всѣми относящимися правилами закона. Теперь это смѣшеніе права и факта является общимъ ряду различныхъ положеній, и потому не слѣдуетъ опираться на него, когда ищутъ руководства для различенія этихъ положеній“. Введеніемъ этого термина имѣлось въ виду расширить права жалобщика, когда имѣется на лицо вопросъ факта. Онъ можетъ жаловаться не только по фактическимъ основаніямъ (отсутствуютъ ограниченія и для жалобы по правовымъ), но его жалоба не будетъ отвергнута вслѣдствіе того, что она включаетъ „смѣшанный вопросъ факта и права“.

Въ словахъ *„по какому либо другому основанію“* подразумѣвается всякая неправильность или всякое неправосудіе, какъ, напр., допущеніе постороннихъ лицъ къ воздѣйствію на присяжныхъ; судить о достаточности этихъ „другихъ основаній“ можетъ только апелляціонный судъ; если же судья убѣждается во время производства дѣла въ какой либо неправильности, онъ можетъ распустить присяжныхъ и созвать новое жюри.

Выраженіе *„если приговоръ точно опредѣленъ въ законѣ“* имѣетъ

въ виду случай, когда суду не предоставлено усмотрѣнія въ выборѣ наказанія, какъ, напр., при назначеніи смертной казни за злостное убійство.

Жалобщикъ, подавъ апелляцію по любому основанію, можетъ во всякое время оставить ее безъ движенія, увѣдомивъ о томъ особой бумагой регистратора. Такое оставленіе жалобы приравнивается къ отказу суда по ней (правило 23).

4.—1) Уголовный апелляціонный судъ будетъ допускать апелляцію по всякой такой жалобѣ противъ осужденія, если онъ признаетъ, что вердиктъ присяжныхъ долженъ быть устраненъ вслѣдствіе того, что онъ неразуменъ или не можетъ быть сохраняемъ въ виду имѣющихся доказательствъ, или что рѣшеніе суда, предъ которымъ жалобщикъ былъ осужденъ, должно быть устранено по причинѣ неправильнаго рѣшенія юридическаго вопроса или вслѣдствіе того, что по какой либо причинѣ получилась ошибка въ правосудіи (miscarriage of justice); въ остальныхъ же случаяхъ судъ будетъ отказывать въ допущеніи апелляціи;

Но при этомъ судъ, несмотря на свое мнѣніе о томъ, что затронутый въ апелляціи вопросъ могъ бы быть рѣшенъ въ пользу жалобщика, можетъ отказать въ допущеніи апелляціи, если онъ признаетъ, что въ дѣйствительности не произошло существеннаго ущерба для правосудія.

2) Сообразно со спеціальными постановленіями настоящаго акта, уголовный апелляціонный судъ, допустивъ апелляцію на осужденіе, кассируетъ обвинительный приговоръ и предпишетъ занести въ протоколъ оправдательный приговоръ и вердиктъ.

3) При апелляціи противъ приговора, уголовный апелляціонный судъ, если онъ признаетъ, что слѣдовало бы постановить иной приговоръ, кассируетъ постановленный на судѣ приговоръ и постановитъ такой другой приговоръ, предписываемый закономъ согласно вердикту (или болѣе или менѣе строгій), на замѣну прежняго, какой онъ сочтетъ соотвѣтственнымъ, а въ другихъ случаяхъ онъ отвергнетъ апелляцію.

Спеціальныя постановленія, о которыхъ гласитъ п. 2, предусмотрѣны въ ст. 5. Судъ постановляетъ здѣсь свое рѣшеніе вмѣсто вердикта; онъ не въ состояніи предписать производство новаго разбирательства. Обязанность занесенія оправдательнаго рѣшенія и сообщенія его клерку суда первой инстанціи лежитъ на регистраторѣ. Клеркъ суда обязанъ занести въ протоколы суда сообщенное ему рѣшеніе съ соотвѣтственными подробностями (прав. 35). П. 3 относится только къ апелляціи противъ *приговора*, а не противъ осужденія.

Выраженіе „ошибка въ правосудіи“ весьма обще; употребленіе

его знаменуетъ отказъ отъ крайне техническихъ опредѣленій, употреблявшихся до сихъ поръ въ англійскомъ правѣ.

5.—*1) Если уголовный апелляціонный судъ признаетъ*, что жалобщикъ, будучи неправильно осужденъ по какому либо пункту или части обвинительнаго акта, все-же правильно осужденъ по какому либо другому пункту или части обвинительнаго акта, то онъ можетъ или утвердить постановленный противъ жалобщика приговоръ, или вмѣсто него постановить такой, какой онъ найдетъ соотвѣтственнымъ и какой будетъ предписанъ закономъ согласно вердикту по тому пункту или части обвинительнаго акта, по которому или по которой судъ признаетъ жалобщика правильно осужденнымъ.

Хотя въ этой статьѣ и не оговорено, какъ въ послѣдующей, что судъ не можетъ усиливать строгости приговора, но ясно разумѣется это, такъ какъ этотъ пунктъ не уполномочиваетъ апелляціонный судъ *признать виновность по тому пункту, по которому присяжные* признали невинность; онъ можетъ только отбросить нѣкоторые изъ пунктовъ, по которымъ присяжные вынесли утвердительный отвѣтъ, и, конечно, приговоръ въ результатѣ можетъ стать только болѣе мягкимъ. Слѣдуетъ замѣтить, что на практикѣ каждый пунктъ является самостоятельнымъ обвинительнымъ актомъ, и приговоръ долженъ быть постановленъ по каждому пункту особо, а не общимъ образомъ. Упоминаніе на ряду съ выраженіемъ „пунктъ“, выраженія „часть обвинительнаго акта“ имѣетъ въ виду тотъ случай, когда обрисованный въ одномъ пунктѣ деликтъ можетъ быть признанъ въ зависимости отъ отдѣльныхъ частностей подходящимъ подъ то или иное легальное понятіе (напр., грабежъ, нападеніе съ намѣреніемъ похитить вещь и разбой).

2) Если жалобщикъ былъ признанъ виновнымъ въ какомъ либо преступленіи и присяжные могли на основаніи обвинительнаго акта признать его виновнымъ въ какомъ либо иномъ преступленіи, и если на основаніи вердикта присяжныхъ уголовный апелляціонный судъ признаетъ, что присяжные должны были бы счесть достаточными факты, доказывающіе его виновность въ этомъ другомъ преступленіи, то судъ можетъ, вмѣсто допущенія или недопущенія апелляціи, замѣнить вердиктъ, постановленный присяжными, вердиктомъ, признающимъ виновность въ этомъ другомъ преступленіи, и постановитъ такой приговоръ взамѣнъ прежняго приговора, какой предписанъ закономъ за это другое преступленіе; но этотъ приговоръ не можетъ быть болѣе строгимъ.

Напр., по обвинительному акту, обвинявшему въ подкупѣ, присяжные признали виновность въ присвоеніи, или наоборотъ, если при

этомъ самый фактъ, по которому признана виновность, доказанъ. Присяжные не могутъ, кромѣ случаевъ, особо указанныхъ, признать преступленіе легкимъ (misdemeanor), если обвинительный актъ относился къ тяжкому преступленію (felony); эта невозможность распространяется и на апелляціонный судъ.

3) Если при осужденіи жалобщика присяжные постановили спеціальный вердиктъ, а уголовный апелляціонный судъ признаетъ, что судъ, предъ которымъ жалобщикъ былъ осужденъ, пришелъ къ неправильному заключенію относительно значенія этого вердикта, то апелляціонный судъ можетъ, вмѣсто допущенія апелляціи, предписать сдѣлать заключеніе согласно съ закономъ на основаніи вердикта и постановить такой приговоръ въ замѣнъ прежняго, какой предписывается закономъ.

„*Спеціальный вердиктъ*“—по опредѣленію Стифена (History o criminal law. I p. 311)—„есть такой вердиктъ, въ которомъ присяжные, не желая рѣшить правовой вопросъ, признаютъ только факты, спеціально предоставляя суду рѣшеніе того. можетъ ли быть признанъ на основаніи этихъ фактовъ подсудимый виновнымъ или нѣтъ“. Въ случаяхъ „спеціальнаго вердикта“ нѣтъ осужденія до тѣхъ поръ, пока не высказался коронный элементъ, а слѣдовательно нѣтъ апелляціи. Если понимать „спеціальный вердиктъ“ въ такомъ смыслѣ, то въ текстѣ п. 3 замѣчается противорѣчіе. Слѣдуетъ, поэтому, думать, что подъ этимъ выраженіемъ здѣсь разумѣется всякое признаніе присяжныхъ, выраженное въ формѣ, отличной отъ „виновенъ“ или „невиновенъ“.

4) Если по какой либо апелляціи уголовный апелляціонный судъ признаетъ, что жалобщикъ, хотя и будучи виновнымъ въ дѣяніи или упущеніи, вмѣняемомъ ему, былъ однако ненормаленъ во время учиненія дѣянія или упущенія, такъ что не являлся отвѣтственнымъ за свои дѣйствія, то онъ можетъ кассировать постановленный противъ него приговоръ и предписать отдать жалобщика подъ охрану, какъ умалишеннаго преступника, на основаніи акта о судѣ надъ умалишенными 1883 г. (Trial of Lunatics Act 1883), тѣмъ же самымъ образомъ, какъ если бы присяжными былъ постановленъ спеціальный вердиктъ на основаніи этого акта.

Выраженіе „спеціальный вердиктъ“ въ этомъ пунктѣ заимствовано изъ 46 и 47 Vict c. 38. Присяжные отвѣчаютъ такимъ вердиктомъ на вопросъ о невмѣняемости. До сихъ поръ признаніе преступника умалишеннымъ зависѣло отъ вердикта присяжныхъ, новый законъ, предоставляя это право апелляціонному суду, устраняетъ эту исключительную компетенцію.

6. Дѣйствіе всякаго приказа о возвращеніи кому либо вещей, постановленнаго при осужденіи по обвинительному акту, и дѣйствіе прим. I къ ст. 24 акта о продажѣ имущества 1893 г. (Sale of Goods Act 1893), относительно возстановленія собственности на украденныя вещи при обвинительномъ приговорѣ, въ случаѣ такого осужденія, пріостанавливается (если только судъ, предъ которымъ осужденіе имѣло мѣсто, не постановитъ противнаго по какому либо дѣлу, въ которомъ, по его мнѣнію, титулъ собственности стоитъ внѣ спора):

а) по всякому дѣлу до истеченія десяти дней послѣ даты осужденія; и

б) по дѣламъ, въ которыхъ въ теченіе десяти дней послѣ времени осужденія сообщено о подачѣ апелляціи или о разрѣшеніи на апелляцію,—до рѣшенія апелляціи;

при чемъ по дѣламъ, гдѣ дѣйствіе такого приказа или дѣйствіе такихъ предписаній пріостановлено до разрѣшенія апелляціи, эти приказы и предписанія не окажутъ дѣйствія на данную собственность, если осужденіе будетъ кассировано по апелляціи. Судъ можетъ постановить о принятіи мѣръ къ охраненію какой либо собственности на время пріостановки дѣйствія такого приказа или такихъ предписаній.

Статья 24 закона 1893 (56 и 57 Vict. c. 71) гласитъ:

„Когда имущество было похищено и преступникъ осужденъ, то собственность на похищенное имущество признается за лицомъ, бывшимъ собственникомъ вещей, или за личнымъ представителемъ его, несмотря на промежуточныя сдѣлки по этому имуществу на открытомъ рынкѣ или въ другомъ мѣстѣ".

Пріостановка предписанія о возвращеніи собственности и дѣйствіе п. 1 наст. статьи начинается съ даты вердикта, а не приговора (правило 12), и продолжается до разрѣшенія апелляціи.

2) Уголовный апелляціонный судъ можетъ приказомъ лишить силы или измѣнить всякій приказъ суда, разсматривавшаго дѣло, о возвращеніи вещей какому либо лицу, хотя бы осужденіе и не было кассировано; и приказъ, лишенный силы, не будетъ дѣйствительнымъ, а если онъ измѣненъ, то будетъ дѣйствительнымъ только въ измѣненномъ видѣ.

Согласно правилу 9, лицамъ, затрагиваемымъ этимъ постановленіемъ суда, предоставляется право быть выслушанными при апелляціонномъ производствѣ; ст. 10—14 правилъ суда подробно регулируютъ примѣненіе реституціи при апелляціи. Судъ можетъ требовать любыя доказательства чьего либо права собственности. Въ случаѣ, если судъ

приговариваетъ кого либо къ денежному штрафу, уплатѣ издержекъ, или какого либо вознагражденія (напр., за поимку преступника), то дѣйствіе постановленія этого пріостанавливается на 10 дней со времени вердикта, а въ случаѣ подачи апелляціи или разрѣшенія на аппелляцію, до разрѣшенія послѣдней. Постановленія апелляціоннаго суда по этому предмету вносятся въ протоколы суда первой инстанціи. Такая же пріостановка постигаетъ постановленіе суда объ удержаніи какимъ либо лицомъ денегъ или цѣнныхъ документовъ, принадлежащихъ осужденному и взятыхъ при его задержаніи. Пріостанавливается и всякое сопряженное съ осужденіемъ праволишеніе (disqualification, forfeiture, disability). При предоставленіи лицомъ. въ пользу котораго состоялось постановленіе суда, рѣшавшаго дѣло, гарантій надлежащаго возврата получаемой имъ цѣнности, судъ можетъ постановить, чтобы его предписаніе не было пріостановлено дѣйствіемъ, несмотря на апелляцію.

Постановленія о конфискаціи и уничтоженіи отдѣльныхъ предметовъ, объ отвѣтственности по иску, вытекающему изъ преступленія, подчиняются общимъ правиламъ о пріостановкѣ.

Всякое лицо, интересы котораго затронуты пріостановкой такихъ постановленій, можетъ, съ разрѣшенія апелляціоннаго суда, быть выслушано при конечномъ производствѣ по апелляціи, до того какъ эти постановленія будутъ измѣнены или отмѣнены апелляціоннымъ судомъ.

Производство.

7.—1) Если осужденное лицо желаетъ апеллировать въ силу настоящаго закона въ уголовный апелляціонный судъ или желаетъ получить разрѣшеніе на апелляцію отъ этого суда, оно представляетъ сообщеніе объ апелляціи или о своей просьбѣ получить право апелляціи, въ порядкѣ, опредѣляемомъ правилами суда (rules of court), въ теченіе десяти дней со времени осужденія. По правиламъ суда лицу осужденному можетъ быть предоставлено представить свое дѣло и свои аргументы въ письменномъ видѣ вмѣсто устнаго изложенія, если оно пожелаетъ. Каждое дѣло или каждый аргументъ, представленные въ такомъ видѣ, будутъ разсмотрѣны судомъ.

Кромѣ случая осужденія, повлекшаго за собою въ качествѣ наказанія смертную казнь, срокъ, въ теченіе котораго можетъ быть заявлено сообщеніе объ апелляціи или просьба о полученіи права на апелляцію, можетъ быть продолжаемъ на любое время уголовнымъ апелляціоннымъ судомъ.

Десятидневный срокъ начинаетъ течь съ момента постановленія вердикта, а не приговора.

Относительно *сообщенія объ апелляціи* правило 4-ое даетъ слѣдую-

щія указанія. Каждое сообщеніе или просьба о продленіи срока должны быть подписаны самимъ жалобщикомъ, кромѣ случаевъ, когда жалобщикъ умственно ненормаленъ (тогда вмѣсто него подпись ставится его адвокатомъ) и когда жалобщикомъ является корпоративное учрежденіе (тогда ставится подпись уполномоченнымъ). При неграмотности жалобщика достаточенъ любой собственноручный знакъ, удостовѣряемый чьимъ либо свидѣтельствомъ. Всякія другія извѣщенія могутъ быть подписаны какъ самимъ обвиняемымъ, такъ и его адвокатомъ. Сообщенія адресуются на имя регистратора и считаются правильно посланными, если сданы въ правительственное почтовое учрежденіе.

Объ обращеніи за разрѣшеніемъ на апелляцію см. ст. 17. Если апелляціонный судъ, на основаніи надлежаще представленной просьбы о разрѣшеніи на апелляцію, допустилъ принесеніе таковой, то для жалобщика не представляется необходимымъ представлять другое сообщеніе объ апелляціи (правило 22).

Письменная форма такихъ сообщеній и направленіе ихъ къ регистратору являются существенными признаками соотвѣтственныхъ актовъ (правило 43-а).

2) Въ случаѣ осужденія, повлекшаго наказаніе смертною казнью или тѣлесное наказаніе:

а) приговоръ не будетъ ни по какому дѣлу исполняемъ до истеченія времени, въ продолженіе котораго можетъ быть сдѣлано сообщеніе объ апелляціи и обращеніе за разрѣшеніемъ на апелляцію, согласно данной статьѣ; и

б) если сдѣлано такое сообщеніе, апелляція или просьба о разрѣшеніи должны быть выслушаны и рѣшены съ возможною быстротой, и приговоръ не долженъ быть исполняемъ до рѣшенія по апелляціи или по просьбѣ о разрѣшеніи.

При полученіи регистраторомъ сообщенія объ апелляціи или просьбы о допущеніи апелляціи по дѣламъ окончившимся приговоромъ къ смертной казни, онъ обязанъ послать копію ихъ государственному секретарю и извѣстить объ окончательномъ исходѣ апелляціи жалобщика, государственнаго секретаря, начальника тюрьмы, въ которой содержится жалобщикъ или къ заключенію въ которую онъ приговоренъ, и, наконецъ, главное тюремное управленіе. Обыкновенно же, по всѣмъ другимъ апелляціямъ, извѣщеніе о конечномъ исходѣ апелляціи посылается регистраторомъ жалобщику, содержащемуся подъ стражей и не присутствовавшему при рѣшеніи апелляціи, государственному секретарю, начальнику тюрьмы и въ главное тюремное управленіе (прав. 34).

Постановленія настоящей статьи не затрагиваютъ права государственнаго секретаря по внутреннимъ дѣламъ представлять дѣла на рѣшеніе апелляціоннаго суда, такъ какъ въ силу ст. 19 онъ можетъ дѣлать это „во всякое время“.

8. Судья или предсѣдатель всякаго суда, предъ которымъ лицо осуждено, въ случаѣ апелляціи противъ осужденія или противъ приговора или въ случаѣ обращенія за разрѣшеніемъ на апелляцію, долженъ предоставить регистратору, согласно правиламъ суда, свои замѣтки о судебномъ слѣдствіи и представить также регистратору, согласно правиламъ суда, отчетъ, выражающій его мнѣніе по дѣлу или по какому либо вопросу, возникшему въ дѣлѣ.

Обязанность составлять замѣтки о процессѣ собственно относится къ предсѣдателю суда присяжныхъ, кромѣ случая суда надъ „неисправимыми“, которые бываютъ *осуждаемы* въ суммарномъ порядкѣ, но *приговоръ* о нихъ (могущій назначить тѣлесное наказаніе) постановляется судомъ четвертныхъ сессій. Въ этихъ случаяхъ должны замѣтки составляться и мировымъ судьей или рекордеромъ. Если у судьи не сохранилось замѣтокъ по какому либо вопросу, затронутому въ апелляціи, то онъ указываетъ о томъ регистратору.

9. Для цѣлей настоящаго акта уголовный апелляціонный судъ можетъ, если онъ признаетъ то необходимымъ или полезнымъ для правосудія:

а) предписать доставленіе какого либо документа, письменнаго показанія или иного предмета, связаннаго съ производствомъ, представленіе котораго покажется ему необходимымъ для рѣшенія дѣла;

б) если онъ признаетъ соотвѣтственнымъ, предписать всякому свидѣтелю, который могъ бы подлежать принужденію при судебномъ слѣдствіи, явиться и дать показанія въ апелляціонномъ судѣ, независимо отъ того, вызывался онъ, или нѣтъ, прежде на судъ; или предписать допросъ какого либо такого свидѣтеля, согласно правиламъ суда, предъ судьей апелляціоннаго суда или предъ чиновникомъ этого суда, или предъ мировымъ судьей, или предъ другимъ лицомъ, назначеннымъ для этой цѣли апелляціоннымъ судомъ, и допустить принятыя такимъ образомъ письменныя показанія въ качествѣ доказательства на судѣ;

Относительно подробностей допроса свидѣтелей предъ апелляціоннымъ судомъ и чрезъ уполномоченнаго (examiner) постановляетъ правило 40. Свидѣтелю посылается повѣстка съ указаніемъ времени и мѣста явки. Такая повѣстка можетъ быть послана во всякое время по указанію жалобщика. Если судъ назначитъ уполномоченнаго для допроса (examiner), то въ своемъ постановленіи онъ долженъ точно указать лицо уполномоченное, мѣсто допроса и имена свидѣтеля или свидѣтелей, подлежащихъ тамъ допросу. Регистраторъ обязанъ предоставить такому уполномоченному, по его требованію, всякій матеріалъ, касающійся апелляціи; по окончаніи допроса уполномоченный обя-

занъ вернуть всѣ взятые имъ документы вмѣстѣ съ отобранными имъ показаніями по дѣлу. Если уполномоченный назначитъ день допроса, то онъ потребуетъ отъ регистратора, чтобы тотъ извѣстилъ жалобщика или его представителя объ этомъ; если же жалобщикъ содержится подъ стражей, то извѣщеніе посылается и начальнику тюрьмы. Каждый свидѣтель, допрашиваемый уполномоченнымъ, обязанъ дать свое показаніе подъ присягой, къ которой онъ приводится уполномоченнымъ, если только данный свидѣтель не былъ бы освобожденъ отъ присяги, представляя доказательство на судѣ по обвинительному акту. Допросъ такого свидѣтеля производится въ формѣ письменнаго показанія и, въ случаѣ отсутствія указаній къ противоположному, производится негласно. Свидѣтелю, вызванному къ допросу, могутъ быть выданы полицейскимъ чиновникомъ необходимыя для проѣзда деньги въ надлежащемъ размѣрѣ; чиновнику возмѣщаются эти деньги съ отнесеніемъ ихъ на расходы преслѣдованія. При посылкѣ повѣстокъ и предписаній регистраторъ можетъ пользоваться услугами столичной и мѣстной полиціи. Во время допроса жалобщикъ или его представитель имѣютъ право присутствовать и принимать участіе во всякомъ допросѣ свидѣтеля (это право предоставлено даже солиситорамъ жалобщика, которые въ апелляціонномъ судѣ полнаго состава не имѣютъ права активнаго участія).

в) если онъ признаетъ соотвѣтственнымъ, принимать представляемыя показанія какого либо свидѣтеля (включая жалобщика), который является компетентнымъ, но не подлежащимъ принужденію, а, по просьбѣ жалобщика, и мужа или жены жалобщика, въ случаяхъ, когда свидѣтельства мужа или жены не могутъ быть предоставлены иначе, какъ по такой просьбѣ;

Отсюда ясно, что апелляціонный судъ не можетъ принудить къ дачѣ свидѣтельскихъ показаній того, кто не подлежитъ принужденію при судѣ въ первой инстанціи (напр., самого жалобщика или его жену относительно сообщеній, сдѣланныхъ во время брака). Въ слѣдующемъ пунктѣ перечисляются случаи допустимаго принужденія.

г) когда какой либо вопросъ, возникшій при апелляціи, требуетъ продолжительнаго разсмотрѣнія документовъ или отчетовъ или какого либо научнаго или мѣстнаго изслѣдованія, которое не можетъ быть, по мнѣнію суда, съ удобствомъ произведено предъ апелляціоннымъ судомъ, послѣдній можетъ предписать направленіе вопроса сообразно съ правилами суда къ разслѣдованію и докладу спеціальнаго коммиссара и дѣйствовать по докладу такого коммиссара постольку, поскольку онъ признаетъ соотвѣтственнымъ принять его;

Производство по этому пункту регулировано 41 правиломъ. Въ постановленіи суда объ этомъ должны быть указаны лицо, назначаемое

спеціальнымъ коммиссаромъ, и поручаемый ему вопросъ. Судъ можетъ указать въ этомъ постановленіи или путемъ личныхъ распоряженій, можетъ ли при какомъ либо разслѣдованіи или допросѣ присутствовать жалобщикъ или его представитель и въ какой стадіи, какія полномочія суда передаются спеціальному коммиссару, можетъ потребовать доставленія ему время отъ времени сообщеній относительно порученнаго ему вопроса, можетъ, если жалобщикъ находится подъ стражей, дать ему разрѣшеніе присутствовать на всякой стадіи разслѣдованія или допроса съ сообщеніемъ надлежащихъ распоряженій начальнику тюрьмы и можетъ предписать регистратору, чтобы копіи отчетовъ, составленныхъ спеціальнымъ уполномоченнымъ, были доставляемы жалобщику или его представителю.

и д) назначить всякое лицо, обладающее спеціальными познаніями, для дѣйствій въ качествѣ ассессора суда (assessor of the court) во всякомъ дѣлѣ, гдѣ, по мнѣнію суда, такое спеціальное познаніе требуется для надлежащаго рѣшенія дѣла; а равно осуществлять по отношенію къ производству въ судѣ всякія иныя полномочія, которыя въ настоящее время могутъ быть осуществляемы апелляціоннымъ судомъ по гражданскимъ дѣламъ, и издавать всякіе указы, необходимые для исполненія предписанія или приговоровъ суда; но при этомъ ни въ одномъ дѣлѣ приговоръ не долженъ быть сдѣланъ болѣе строгимъ по причинѣ или сообразно съ какимъ либо новымъ доказательствомъ, не бывшимъ на разсмотрѣніи перваго суда.

Ассессоръ соотвѣтствуетъ эксперту. Имъ можетъ быть инженеръ, докторъ, химикъ, архитекторъ и проч. Спеціально экспертомъ въ англійскомъ правѣ называется врачъ-психіатръ, свидѣтельствующій по вопросу о вмѣняемости.

Выраженіе „*всякія иныя полномочія*“ въ сущности включаетъ въ себѣ единственное особое полномочіе гражданскаго апелляціоннаго суда—отбирать показанія посредствомъ affidavit (довѣренности).

„*Указы, необходимые для исполненія предписаній и приговоровъ суда*“, обнимаютъ собою предписанія объ арестѣ жалобщика, которымъ присвоена сила указовъ, изданныхъ мировыми судьями (правило 47).

10. Уголовный апелляціонный судъ можетъ во всякое время назначать жалобщику *солиситора или адвоката или только адвоката* при апелляціи или какомъ либо предварительномъ или промежуточномъ производствѣ по апелляціи, въ которомъ, по мнѣнію суда, является желательнымъ въ интересахъ правосудія, чтобы жалобщикъ имѣлъ юридическую поддержку, и если при этомъ онъ не имѣетъ *достаточныхъ средствъ, которыя позволили бы ему* пригласить защитника.

Власть суда назначить защитника не зависитъ отъ просьбы о томъ жалобщика (ср. ст. 15 п. 5). Ср. ст. 17.

Въ цѣляхъ регулярнаго назначенія защитниковъ, клерку суда присяжныхъ каждаго округа поручается составить списокъ адвокатовъ, обычно практикующихъ въ мѣстныхъ ассизныхъ и четвертныхъ сессіяхъ и желающихъ защищать жалобщиковъ по назначенію. При составленіи списка требуется означеніе городовъ или мѣстъ, гдѣ соотвѣтственный адвокатъ занимается постоянной практикой. Такой же списокъ долженъ быть изготовленъ клеркомъ, по совѣщанію съ предсѣдателемъ мѣстнаго юридическаго общества, для солиситоровъ, желающихъ заниматься дѣлами по назначенію. Провѣряются эти списки ежегодно. Копія съ нихъ препровождается регистратору. Послѣ предписанія назначить юридическаго помощника жалобщику апелляціонный судъ дѣлаетъ указанія относительно того, съ какой стадіи должна начаться защита и не слѣдуетъ ли ограничиться только пледированіемъ на судѣ. На основаніи этого регистраторъ избираетъ изъ списковъ солиситора и адвоката (или одного изъ нихъ), сообразуясь съ мѣстомъ, въ которомъ жалобщикъ былъ осужденъ, и съ солиситоромъ или адвокатомъ, который прежде велъ дѣло жалобщика (правило 38). О состояніи средствъ жалобщика и о другихъ обстоятельствахъ жизни его, по требованію регистратора, долженъ представить свѣдѣнія главный чиновникъ полиціи округа, въ которомъ проживалъ жалобщикъ до своего осужденія.

11.—1) Жалобщикъ, хотя бы онъ находился подъ стражей, имѣетъ право присутствовать, если онъ того желаетъ, при слушаніи его жалобы, кромѣ случаевъ, когда апелляція касается исключительно вопроса о правѣ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ и при подачѣ просьбы о разрѣшеніи на апелляцію или при предварительномъ или промежуточномъ производствѣ по апелляціи онъ не получаетъ права присутствовать при слушаніи жалобы, кромѣ случаевъ, когда правила суда даютъ ему эту возможность или когда судъ даетъ ему разрѣшеніе присутствовать.

Если жалобщикъ надлежащимъ образомъ посылаетъ регистратору просьбу, выражающую его желаніе присутствовать при предварительномъ рѣшеніи по его апелляціи, то регистраторъ, по полученіи ея долженъ предпринять мѣры къ тому, чтобы апелляціонный судъ разсмотрѣлъ ее. Въ случаѣ отказа со стороны суда, регистраторъ долженъ извѣстить о томъ жалобщика; въ случаѣ же дозволенія—жалобщика, начальника тюрьмы, въ которой онъ содержится, и тюремное управленіе (правило 25).

Недопущеніе жалобщика къ присутствію на судѣ, если дѣло идетъ только по вопросу о правѣ, объясняется сохраненіемъ практики суда резервированныхъ дѣлъ короны. Но этотъ послѣдній долженъ былъ выслушивать осужденнаго лично, если тотъ хотѣлъ аргументировать. Допущеніе защитника еще не устраняетъ неудобства, проистекаю-

щаго изъ отсутствія въ такихъ случаяхъ осужденнаго, ибо правовой вопросъ всегда можетъ вызвать вопросъ факта, по которому адвокатъ могъ бы получить свѣдѣнія отъ своего подзащитнаго. Обвинитель пользуется всегда преимуществомъ присутствовать на судѣ лично.

2) Власть суда постановлять всякій приговоръ по настоящему акту можетъ быть осуществляема несмотря на то, что жалобщикъ по какому либо основанію отсутствуетъ.

Жалобщикъ, находящійся на порукахъ, долженъ, по предписанію апелляціоннаго суда или отдѣльнаго судьи его, являться и лично присутствовать при каждомъ слушаніи его апелляціи и при конечномъ рѣшеніи ея Судъ, въ случаѣ отсутствія жалобщика при какомъ либо разбирательствѣ по апелляціи, можетъ отказаться отъ разсмотрѣнія апелляціи, можетъ суммарно отклонить ее, можетъ изъять предписаніе о задержаніи жалобщика; при этомъ онъ всегда можетъ заочно разсмотрѣть апелляцію (правило 29h). Эта власть заочнаго разсмотрѣнія дѣла, хотя и не является новой для англійскаго права, но осуществлялась очень осторожно По обычному праву ни одно судебное рѣшеніе. кромѣ постановленія внѣ закона (outlawry), не могло быть выносимо заочно. Но это правило было нарушено нѣсколькими статутами; такъ, нѣкоторыя дѣла о проступкахъ въ судѣ королевской скамьи могутъ слушаться заочно, заочно могутъ назначаться денежные штрафы; наоборотъ, при постановленіи приговора о тѣлеспомъ наказаніи, обвиняемый безусловно долженъ присутствовать все время на судѣ

12. Обязанностью директора публичныхъ преслѣдованій является явка отъ имени короны по всякой апелляціи въ уголовный апелляціонный судъ, кромѣ лишь тѣхъ случаевъ, когда солиситоръ правительства или частный обвинитель, въ случаѣ частнаго преслѣдованія, примутъ на себя защиту апелляціи; актъ 1879 г. о преслѣдованіи преступленій будетъ примѣняться, какъ если бы обязанность директора публичныхъ преслѣдованій по настоящей статьѣ была его обязанностью по ст. 2 акта 1879 г.; правила суда постановятъ относительно передачи директору публичныхъ преслѣдованій всѣхъ тѣхъ документовъ, показаній и другихъ предметовъ, связанныхъ съ производствомъ, какіе могутъ потребоваться для исполненія его обязанностей по настоящей статьѣ.

На обязанности регистратора (правило 27a) лежитъ предложеніе частному обвинителю поддерживать защиту апелляціи; въ случаѣ отказа его отъ защиты, о томъ посылается сообщеніе директору публичныхъ преслѣдованій, судъ можетъ предписать, чтобы защита апелляціи, и независимо отъ воли частнаго обвинителя, была передана представителю публичнаго обвиненія.

Ст. 2 акта 1879 г., на которую приведена ссылка въ текстѣ, гласитъ: „На обязанности директора публичныхъ преслѣдованій ле-

жить начатіе, производство и окончаніе, подъ наблюденіемъ генеральнаго атторнея, уголовнаго процесса, дача совѣтовъ и оказаніе поддержки начальникамъ полиціи, клеркамъ судей и другимъ должностнымъ и частнымъ лицамъ, участвующимъ въ уголовномъ производствѣ относительно поведенія въ немъ, какъ то предписывается правилами настоящаго акта или указаніями по отдѣльнымъ дѣламъ со стороны генеральнаго атторнея. Правила, изданныя въ силу настоящаго акта, предусмотрятъ, чтобы директоръ публичныхъ преслѣдованій возбуждалъ обвиненіе по дѣламъ важнымъ и трудныхъ или по такимъ, въ которыхъ особыя обстоятельства или отказъ или недостаточность лица, выступающаго обвинителемъ, сдѣлаютъ такое вступленіе въ процессъ необходимымъ для обезпеченія надлежащаго преслѣдованія виновнаго; онъ установитъ также границы округовъ, для которыхъ будутъ соотвѣтственно назначены и уполномочены къ дѣятельности его помощники".

Правило 28 постановляетъ: „Когда защита апелляціи принята на себя частнымъ обвинителемъ, апелляціонный судъ можетъ на всякой стадіи разбирательства по апелляціи, если найдетъ нужнымъ, предписать, чтобы директоръ публичныхъ преслѣдованій или солиситоръ правительства приняли на себя защиту апелляціи и были отвѣтственны отъ имени короны за дальнѣйшее производство по ней".

13.—1) При слушаніи и рѣшеніи апелляціи или какого либо предварительнаго или промежуточнаго производства по ней на основаніи настоящаго акта, ни той, ни другой сторонѣ не будутъ предоставляемы судебныя издержки.

2) Расходы солиситора или адвоката, назначеннаго жалобщику на основаніи настоящаго акта, и расходы на свидѣтелей, явившихся по вызову суда или допрошенныхъ въ какомъ либо предварительномъ или промежуточномъ производствѣ по апелляціи, и по явкѣ жалобщика на слушаніе апелляціи или на какое либо предварительное или промежуточное производство, и всѣ расходы по допросу свидѣтелей, произведенные лицомъ, назначеннымъ для этой цѣли судомъ, или по передачѣ вопроса спеціальному коммиссару, назначенному судомъ, или произведенные лицомъ, назначеннымъ ассессоромъ при судѣ, должны быть возмѣщены до размѣра, указаннаго судомъ, но съ подчиненіемъ регламентамъ относительно размѣра ихъ, изданнымъ государственнымъ секретаремъ, тѣмъ же самымъ образомъ, какъ расходы на преслѣдованіе въ случаяхъ тяжкихъ преступленій.

Издержки по п. 2 настоящей статьи подлежатъ возмѣщенію въ силу правилъ, изданныхъ 27 марта 1908 г., слѣдующимъ образомъ. 1. Расходы солиситора и адвоката: а) относительно обращенія за разрѣшеніемъ на апелляцію или продленіе срока: первому не свыше 2 ф. 2 ш., второму не свыше 1 ф. 3 ш. 6 пенс.; б) относительно апел-

ляціи тѣ же суммы; только по особо труднымъ дѣламъ вознагражденіе адвоката можетъ быть удвоено, а въ томъ случаѣ, когда судъ въ особомъ постановленіи отмѣтитъ чрезвычайную продолжительность и трудность дѣла, то суду предоставляется увеличить вознагражденіе до 7 ф. 7 ш.—для солиситора и 11 ф.—для адвоката. Въ придачу къ этому возмѣщаются издержки проѣзда по тарифу, существующему для свидѣтелей. 2. Расходы по явкѣ въ судъ свидѣтелей возмѣщаются въ томъ же размѣрѣ, какъ и по явкѣ на судъ первой инстанціи; но судъ увеличиваетъ сумму, если свидѣтелю пришлось провести одну или болѣе ночей въ Лондонѣ, внѣ дома, считая не болѣе 8 шилл. за ночь однако въ суммѣ, не превышающей разумно произведенныхъ издержекъ свидѣтеля. 3. Расходы по явкѣ жалобщика, находящагося на свободѣ, на какое либо промежуточное или окончательное апелляціонное производство возмѣщаются какъ издержки обыкновеннаго свидѣтеля. Особое вознагражденіе уплачивается тюремному надзирателю, проведшему жалобщика въ судъ, если послѣдній находился подъ стражей. 4. Расходы по производству допроса лицомъ, уполномоченнымъ на то судомъ, возмѣщаются, если онъ оплачиваемый полицейскій судья *или мировой судья*, въ размѣрѣ издержекъ *пути*, дѣйствительныхъ расходовъ по найму помѣщенія для производства допроса, если нѣтъ суда или иного публичнаго помѣщенія для этой цѣли; возмѣщаются ему также всякія другія возможныя издержки, признанныя судомъ необходимыми и разумными. Если такимъ лицомъ является практикующій барристеръ, то, кромѣ означенныхъ издержекъ, уплачивается вознагражденіе не свыше пяти гиней (105 шилл.) за день, согласно представленію суда. 5. Вознагражденіе спеціальному коммиссару и ассессору выдается въ зависимости отъ его качествъ и обычнаго профессіональнаго вознагражденія, но не свыше десяти гиней за день. Частный обвинитель имѣетъ право на покрытіе издержекъ въ томъ же размѣрѣ, какъ и свидѣтель.

17 марта 1908 г. внесенъ въ палату общинъ билль, по ст. 9 котораго слушаніе дѣлъ по ст. 20 п. 4 этой акта признается апелляціей по смыслу настоящей статьи.

14.—1) Жалобщикъ, не допущенный къ поручительству, подлежитъ до рѣшенія по принесенной имъ апелляціи тому режиму, который долженъ быть опредѣленъ тюремными правилами согласно акту о тюрьмахъ 1898 г.

По этому предмету 24 февраля 1908 г. государственнымъ секретаремъ изданы особыя правила, по которымъ: 1. Жалобщикъ долженъ по возможности содержаться особо отъ другихъ категорій заключенныхъ. 2. Внѣ тюрьмы, будучи приведенъ въ какое либо мѣсто, по указанію суда, онъ долженъ находиться подъ охраной должностныхъ лицъ, командированныхъ начальникомъ тюрьмы для отведенія его въ это мѣсто. 3. Во время выхода изъ тюрьмы жалобщикъ будетъ носить свое собственное платье или же, если его платье не годно къ употребленію,—платье, отличное отъ тюремной одежды. Во время пре-

бывания въ тюрьмѣ онъ будетъ носить тюремную одежду, но цвѣта, отличнаго отъ того, который носятъ осужденные арестанты. 4. Жалобщикъ не долженъ спать безъ матраца, кромѣ случаевъ дурного поведенія. 5. Жалобщикъ будетъ употребляемъ на работы промышленнаго или мануфактурнаго характера. 6. Если онъ освобождается послѣ апелляціи, то ему будетъ уплачена та часть его заработка при освобожденіи, какую признаетъ соотвѣтственнымъ тюремное управленіе. 7. Будутъ сдѣланы надлежащія распоряженія для допущенія, въ соотвѣтственное время и съ соотвѣтственными ограниченіями, лицъ, съ которыми жалобщикъ желаетъ видѣться и бесѣдовать относительно своего дѣла, при чемъ будетъ обращено вниманіе на то, чтобы, поскольку то совмѣстимо съ интересами правосудія, заключенный видѣлся со своимъ защитникомъ наединѣ. 8. Жалобщикъ по своему заявленію долженъ быть допущенъ къ свиданію со своимъ юридическимъ совѣтникомъ (солиситоромъ, адвокатомъ или клеркомъ солиситора по письменной довѣренности послѣдняго) въ каждый будній день, въ надлежащій часъ и, если требуется, на виду, но не на разстояніи для слушанія, тюремнаго чиновника. 9. Всякому жалобщику по его просьбѣ *доставляются бумага и писчіе матеріалы въ количествѣ*, признанномъ начальникомъ тюрьмы надлежащимъ, для цѣлей сношенія со своими друзьями или для подготовки апелляціи. Всякая конфиденціальная переписка, предназначаемая для адвоката или солиситора, лично вручается имъ безъ предварительнаго разсмотрѣнія чиновникомъ тюрьмы; остальная переписка разсматривается какъ корреспонденція и не можетъ быть отсылаема изъ тюрьмы безъ предварительной провѣрки ея начальникомъ. 10. Въ остальномъ жалобщикъ подчиняется общимъ правиламъ тюремнаго режима.

2) Уголовный апелляціонный судъ, если найдетъ соотвѣтственнымъ, можетъ по просьбѣ жалобщика отпускать его на поруки до времени рѣшенія его апелляціи.

Жалобщикъ, освобожденный на поруки, *долженъ* являться на *каждое слушаніе его дѣла. Каждый жалобщикъ, не находящійся подъ* стражей, долженъ каждый разъ, какъ его дѣло поставлено на очередь въ уголовномъ апелляціонномъ судѣ, являться къ лицамъ, которыхъ судъ ему укажетъ, и будетъ разыскиваемъ ими и будетъ считаться находящимся подъ ихъ наблюденіемъ, пока не будетъ освобожденъ на *поруки или пока не будутъ изданы относительно него судомъ какія* либо иныя распоряженія (правило 31 в.).

3) Время, которое жалобщикъ проводитъ подъ поручительствомъ, подчиняясь всякимъ указаніямъ, которыя уголовный апелляціонный судъ пожелаетъ дать при апелляціи по этому поводу, и время, въ теченіе котораго жалобщикъ, если онъ находится подъ стражей, подлежитъ спеціальному режиму не зачитывается въ срокъ тюремнаго заключенія или каторжныхъ работъ (penal servitude), указанный въ его приговорѣ;

въ случаѣ же апелляціи по настоящему акту, всякія тюремное заключеніе или каторжныя работы, назначенныя по приговору, независимо отъ того, былъ ли это приговоръ перваго суда или приговоръ уголовнаго апелляціоннаго суда, будутъ признаны согласно съ указаніями апелляціоннаго суда, начавшимися или возобновленными, какъ того требуетъ дѣло,—если жалобщикъ находится подъ стражей,—со дня въ который апелляція была рѣшена, и,—если онъ не находится подъ стражей,—со дня, въ который онъ былъ заключенъ въ тюрьму въ силу приговора.

По ст. 21 до тѣхъ поръ, пока осужденный не предпринялъ какого либо активнаго шага къ апелляціи, онъ не признается жалобщикомъ, его приговоръ начинаетъ исполняться, и онъ не подчиняется спеціальному режиму, указанному въ п. 1 этой статьи. Если апелляція не принимается въ уваженіе или оставляется имъ, то приговоръ начинается исполненіемъ сразу, и время, проведенное подъ стражей, зачитывается, кромѣ времени, когда онъ находился подъ „спеціальнымъ“ режимомъ или на порукахъ.—Въ случаѣ неуплаты назначенной судомъ пени содержащійся подъ стражей жалобщикъ признается подлежащимъ въ этомъ отношеніи тѣмъ же правиламъ, какъ и приговоренный къ тюремному заключенію.

4) Когда дѣло относится къ акту о дѣлахъ короны 1848 г. (Crown Cases act, 1848 г.), эта статья будетъ примѣняться къ лицу, относительно котораго постановленіе приговора резервировано, такъ, какъ она примѣняется къ жалобщику.

Подробнѣе о такихъ дѣлахъ см. ст. 20 п. 4.

5) Будетъ предусмотрѣнъ тюремными правилами, согласно акту о тюрьмахъ 1898 г., способъ, посредствомъ котораго содержащійся подъ стражей жалобщикъ долженъ быть приводимъ въ мѣсто, въ которомъ онъ имѣетъ право присутствовать для цѣлей настоящаго акта или въ которое уголовный апелляціонный судъ или кто либо изъ судей его укажутъ привести его для цѣлей какого либо производства въ этомъ судѣ, а также способъ, какимъ онъ долженъ быть охраняемъ на время отлучки изъ тюрьмы для этой цѣли; и жалобщикъ, находясь подъ охраной согласно этимъ правиламъ, будетъ признаваться находящимся подъ законной охраной.

15.—1) Регистраторъ предприметъ всѣ необходимые шаги къ тому, чтобы обезпечить по настоящему акту разбирательство апелляціи или просьбы о разрѣшеніи, сообщеніе о которыхъ было сдѣлано ему; онъ будетъ получать и передавать суду въ соотвѣтственной формѣ всѣ документы, акты (exhibits) и другія вещи, относящіяся къ производству въ судѣ, предъ которымъ жалоб-

щикъ или проситель былъ судимъ, которыя явятся необходимыми для надлежащаго рѣшенія апелляціи или прошенія.

Понятіе письменныхъ актовъ (exhibits) опредѣляется въ правилахъ суда такъ (прав. 2 а): „выраженіе exhibits включаетъ въ себѣ всѣ книги, бумаги, документы и всякую другую собственность, предметъ и вещь, связанную съ производствомъ противъ какого либо лица, могущаго принести апелляцію по настоящему акту, если этотъ предметъ былъ представленъ на судъ первой инстанціи, при преданіи суду или въ качествѣ доказательства на судебномъ слѣдствіи или при другомъ производствѣ относительно этого лица; затѣмъ—всякое письменное заявленіе, врученное суду первой инстанціи такимъ лицомъ; но оно не будетъ включать въ себѣ ни оригинальныхъ показаній свидѣтелей, допрошенныхъ предъ мировымъ судьей и коронеромъ, ни обвинительнаго акта или инквизиціи противъ такого лица, ни исковъ (plea), предъявленныхъ въ судъ первой инстанціи". Регистраторъ можетъ по просьбѣ жалобщика, по собственному усмотрѣнію или по предписанію апелляціоннаго суда доставать и хранить для надобностей означеннаго суда всякіе документы, акты (exhibits) или иные предметы, которые по указанію регистратора, будутъ доступны обозрѣнію заинтересованной стороны. Судъ можетъ требовать отъ всякаго лица, имѣющаго у себя или подъ своимъ наблюденіемъ какіе либо такіе предметы и пр., представленія ихъ въ судъ. Они могутъ выдаваться на руки спеціально уполномоченному судомъ лицу для производства отдѣльныхъ судебныхъ дѣйствій (прав. 32, 33).

Жалобщику и его представителямъ предоставляется во всякое время получать отъ регистратора копіи всякихъ документовъ и актовъ, находящихся у него. Эти копіи выдаются за плату въ $1^1/_2$ пенса за страницу въ 72 слова; за планы, чертежи, фотографіи, діаграммы—въ размѣрѣ дѣйствительной стоимости производства ихъ по свидѣтельству регистратора. Солиситорамъ и адвокатамъ по назначенію эти копіи выдаются безвозмездно, если только регистраторъ не признаетъ ихъ излишними для цѣлей апелляціи. Переводъ стенографическихъ записей выдается безплатно не иначе, какъ по распоряженію апелляціоннаго суда или судьи его. Регистраторъ можетъ безплатно выдавать копіи документовъ и пр. жалобщику, не имѣющему законнаго представителя, по собственному признанію ихъ полезными или необходимыми для жалобщика (правило 39).

2) Если регистраторъ увидитъ, что какое либо сообщеніе объ апелляціи на осужденіе по основанію, заключающему въ себѣ вопросъ права, не представляетъ существеннаго основанія для апелляціи, то онъ можетъ доложить эту апелляцію суду для суммарнаго рѣшенія, и по такому докладу судъ, если признаетъ такую апелляцію поверхностной или назойливой и могущей быть разрѣшенной безъ отсрочки до полнаго слушанія, можетъ отверг-

путь апелляцію въ суммарномъ порядкѣ безъ вызова на засѣданіе суда какихъ либо лицъ или представителя короны.

Рѣшеніе того, что является „существеннымъ основаніемъ“, предоставлено регистратору. При осуществленіи полномочія по ст. 20 п. 4 этотъ пунктъ не находитъ примѣненія (правило 26 d).

3) Всякіе документы, показанія или другіе предметы, связанные съ судебнымъ производствомъ противъ какого либо лица, признаннаго виновнымъ по обвинительному акту и уполномоченнаго приносить апелляцію по настоящему акту, находятся подъ охраной суда, постановившаго приговоръ, въ согласіи съ судебными правилами, изданными для этой цѣли, въ теченіе такого времени, какъ то будетъ предусмотрѣно правилами и съ подчиненіемъ такимъ условіямъ временной отдачи такихъ документовъ, показаній и прочихъ вещей изъ мѣста сохраненія, какія будутъ указаны въ этихъ правилахъ.

Подробнѣе регулируетъ это правило 8. Судья первой инстанціи можетъ издавать любыя постановленія относительно храненія, распоряженія или представленія всякихъ актовъ въ дѣлѣ, но, если онъ ихъ не издаетъ, то эти акты передаются подъ наблюденіе лица, представившаго ихъ, или солиситора обвиненія или защиты соотвѣтственно; такое лицо или солиситоръ будутъ сохранять ихъ во время апелляціи и представлять по требованію регистратора или директора публичныхъ преслѣдованій. Судъ первой инстанціи будетъ хранить у себя отчетъ о всякомъ предписаніи и распоряженіи судьи, данныхъ въ силу настоящаго правила. Когда лицо предается суду, обязанностью коронера или клерка мирового судьи явится представленіе за своей подписью, вмѣстѣ съ письменными показаніями такого лица, и списка актовъ (exhibits), представленныхъ въ доказательство въ пользу и противъ него во время производства предъ коронеромъ или мировымъ судьей, въ судъ, которому подсудно данное лицо. Къ этому списку присоединяются акты, употребленные впервые на судебномъ слѣдствіи.

Послѣ конечнаго рѣшенія апелляціи, для котораго регистраторъ получилъ отъ надлежащаго чиновника суда 1-ой инстанціи какія либо оригинальныя показанія, акты, обвинительный актъ, обвиненіе или иные документы, обычно сохраняемые у этого чиновника и составляющіе часть актовъ этого суда, регистраторъ обязанъ вернуть ихъ такому чиновнику (правило 36).

4) Регистраторъ представитъ необходимыя формы и инструкціи относительно сообщеній объ апелляціи и сообщенія о подачѣ прошенія согласно данному акту лицамъ, которыя будутъ обращаться за ними, чиновникамъ суда, начальникамъ тюремъ и всѣмъ другимъ должностнымъ или частнымъ лицамъ, представить которымъ

онъ признаетъ соотвѣтственнымъ, и начальникъ тюрьмы распорядится о передачѣ этихъ формъ и инструкцій въ распоряженіе заключенныхъ, желающихъ принести апелляцію или прошеніе о разрѣшеніи на апелляцію согласно настоящему акту, и позаботится, чтобы всякое такое сообщеніе, переданное ему заключеннымъ, было вручено отъ лица заключеннаго регистратору.

5) Регистраторъ будетъ сообщать апелляціонному суду или какому либо судьѣ его о всякомъ дѣлѣ, въ которомъ онъ увидитъ, хотя бы и безъ заявленной о томъ просьбы, необходимость назначить солиситора или адвоката жалобщику согласно полномочіямъ, даннымъ суду настоящимъ актомъ.

Этотъ отчетъ представляется одному изъ судей апелляціоннаго суда, и указанія по нему, данныя этимъ судьей, являются окончательными (правило 37).

На регистратора, кромѣ того, возлагается обязанность: 1) составленія статистическихъ отчетовъ о дѣятельности уголовнаго апелляціоннаго суда, 2) составленія особаго реестра принесенныхъ апелляцій, открытаго публичному обозрѣнію (правило 42).

16.—1) Стенографическія записи процесса будутъ производиться въ дѣлахъ по обвиненію всякаго лица, которое, будучи осуждено, могло бы принести апелляцію по настоящему акту или обратиться за разрѣшеніемъ на апелляцію; переводъ этихъ записей будетъ производиться лишь въ томъ случаѣ, если регистраторъ сдѣлаетъ соотвѣтственныя указанія, и этотъ переводъ будетъ переданъ регистратору для пользованія уголовнаго апелляціоннаго суда или какого либо судьи этого суда. Переводъ долженъ быть вручаемъ и каждой сторонѣ, заинтересованной въ дѣлѣ, по уплатѣ такихъ пошлинъ, какія назначитъ казначейство.

Стенографы назначаются лордомъ канцлеромъ и лордомъ судьей на время и на условіяхъ, зависящихъ отъ усмотрѣнія этихъ послѣднихъ. Они обязаны подписывать составленные ими отчеты и сохранять ихъ до того времени, пока регистраторъ не потребуетъ представленія какого либо отчета ему; тогда стенографъ обязанъ доставить переводъ всего производства или части его. Копію съ перевода онъ долженъ представлять за опредѣляемую казначействомъ плату каждой заинтересованной сторонѣ. *Для цѣлей настоящей статьи „заинтересованной стороной“* признается обвинитель (но не директоръ публичныхъ преслѣдованій, который получаетъ ее безвозмездно), лицо осужденное *или всякое иное лицо, упоминаемое въ какомъ либо постановленіи* судьи суда первой инстанціи или непосредственно затронутое имъ, или другое лицо, уполномоченное дѣйствовать отъ лица заинтересованнаго. *Переводъ долженъ быть исполненъ на пишущей машинѣ и* провѣренъ лицомъ, сдѣлавшимъ его, о чемъ должно быть сдѣлано

упоминаніе за подписью и свидѣтельствомъ стенографа (правило 5) „*Производство на судѣ*“ въ ст. 16 означаетъ изложеніе доказательствъ и возраженій на нихъ, всякое заявленіе, сдѣланное подсудимымъ, рѣшеніе судьи и приговоръ суда, но не включаетъ въ себѣ, если только судьей не предписано иного, рѣчей адвоката или солиситора (правило 52).

2) Государственный секретарь можетъ также, если онъ признаетъ то соотвѣтственнымъ въ какомъ либо дѣлѣ, предписать, чтобы переводъ стенографическихъ записей былъ сдѣланъ и посланъ для его надобностей.

3) Издержки по производству такихъ стенографическихъ записей и переводовъ съ нихъ, гдѣ производство послѣднихъ будетъ предписано регистраторомъ или государственнымъ секретаремъ, будутъ возмѣщены въ размѣрѣ, опредѣляемомъ для настоящаго времени казначействомъ, изъ суммъ, ассигнованныхъ парламентомъ; правилами суда могутъ быть установлены требованія, исполненіе которыхъ необходимо для обезпеченія точности составляемыхъ записей и правильности перевода.

Размѣръ вознагражденія судебнымъ стенографамъ установленъ въ 1 ф. 1 ш. за каждый день необходимаго присутствія на судѣ и въ 8 пенсовъ за переводъ въ 72 слова, когда предписано сдѣлать его съ одною копіей. Дальнѣйшія копіи оплачиваются по $1^1/_2$ пенса за листъ. О безплатной выдачѣ стенографическихъ копій см. выше.

17. Полномочія уголовнаго апелляціоннаго суда по настоящему акту давать разрѣшеніе на апелляцію, продолжать срокъ, въ который должно быть сдѣлано сообщеніе объ апелляціи или подано прошеніе о разрѣшеніи на апелляцію, назначать защитника жалобщику, допускать жалобщика къ присутствію при всякомъ производствѣ, если онъ не имѣетъ на то права безъ особаго разрѣшенія, и отпускать жалобщика на поруки могутъ быть осуществляемы всякимъ судьей уголовнаго апелляціоннаго суда тѣмъ же способомъ, какимъ они могутъ быть осуществляемы судомъ, и съ подчиненіемъ тѣмъ же правиламъ; но, если судья отказывается по просьбѣ со стороны жалобщика осуществить какое либо изъ этихъ полномочій въ пользу жалобщика, то жалобщикъ въ правѣ подать прошеніе, подлежащее рѣшенію уголовнаго апелляціоннаго суда въ составѣ, требуемомъ для слушанія и рѣшенія дѣлъ по апелляціямъ, согласно настоящему акту.

Относительно производства въ апелляціонномъ судѣ говоритъ правило 25. Просьбы о разрѣшеніи апелляціи и о продленіи срока пишутся по извѣстному формуляру, гдѣ указывается и на желаніе

имѣть адвоката по назначенію. По разсмотрѣніи просьбы судьей регистраторъ сообщаетъ жалобщику рѣшеніе. Въ случаѣ отказа по всѣмъ или нѣкоторымъ просьбамъ, регистраторъ препровождаетъ жалобщику формуляръ, который тотъ можетъ, заполнивъ, адресовать въ апелляціонный судъ, требуя выслушанія его дѣла въ полномъ составѣ. Если жалобщикъ не вернетъ заполненнаго формуляра въ теченіе пяти дней, то отказъ отдѣльнаго судьи по просьбѣ считается окончательнымъ. Въ случаѣ принесенія такого прошенія о пересмотрѣ, жалобщикъ, не имѣющій законнаго представителя. можетъ ходатайствовать о разрѣшеніи ему присутствовать на судѣ при рѣшеніи его просьбы. О рѣшеніи суда по этому предмету регистраторъ извѣщаетъ жалобщика. Въ засѣданіи апелляціоннаго суда, рѣшающаго по такому прошенію. можетъ засѣдать и принимать участіе въ рѣшеніи также и судья, который единолично отказалъ въ допущеніи апелляціи. Списокъ дѣлъ, по которымъ отказано въ допущеніи апелляціи, подлежитъ періодическому распубликованію регистраторомъ (правило 43 с). При рѣшеніи суда по этому предмету, какъ и при всякомъ промежуточномъ и окончательномъ производствѣ по апелляціи, допускаются къ объясненіямъ не только адвокаты, но и солиситоры (правило 43).

18.—1) Должны быть изданы судебныя правила для цѣлей настоящаго акта (эти правила подлежатъ утвержденію лорда канцлера, а. поскольку они будутъ касаться начальника или иного лица тюремной администраціи, или должностного лица, имѣющаго подъ стражей жалобщика, то съ утвержденія также и государственнаго секретаря) лордомъ главнымъ судьей и судьями уголовнаго апелляціоннаго суда или тремя изъ такихъ судей, при совѣтѣ и помощи нижеуказаннаго комитета. Составленныя такимъ путемъ правила могутъ содержать постановленія относительно всякаго предмета, подлежащаго по настоящему акту регламентаціи посредствомъ правилъ суда, и могутъ регулировать общимъ образомъ практику и производство по настоящему акту; чиновники суда, предъ которымъ жалобщикъ былъ осужденъ, начальникъ или другія должностныя лица тюрьмы или иныя должностныя лица, имѣющія подъ стражей жалобщика, и всякія иныя должностныя и частныя лица обязаны въ своей дѣятельности согласоваться со всякими требованіями этихъ правилъ, поскольку они касаются этихъ должностныхъ или частныхъ лицъ. Исполненіе этихъ правилъ можетъ быть обезпечиваемо предписаніями уголовнаго апелляціоннаго суда.

2) Комитетъ, на который была произведена ссылка выше, будетъ состоять изъ предсѣдателя четвертныхъ сессій, назначеннаго государственнымъ секретаремъ, постояннаго помощника государственнаго секретаря (въ настоящее время по министерству внутреннихъ дѣлъ), директора публичныхъ преслѣдованій, регистратора

уголовнаго апелляціоннаго суда, клерка суда присяжныхъ, клерка мирового судьи, по назначенію лорда главнаго судьи, солиситора, назначаемаго въ настоящее время предсѣдателемъ юридическаго общества, и барристера, назначаемаго общимъ совѣтомъ адвокатуры. Срокъ занятія этой должности каждымъ лицомъ, являющимся членомъ комитета въ силу назначенія, будетъ обозначенъ въ актѣ о назначеніи.

3) Каждое судебное правило по этому акту будетъ внесено въ каждую палату парламента и, если въ представленномъ какою либо изъ палатъ адресѣ Его Величеству въ теченіе послѣдующихъ тридцати дней, по началѣ ближайшей сессіи парламента, послѣ того, какъ такое правило было внесено въ него, будетъ выражена просьба, чтобы это правило было уничтожено, то Его Величество въ Совѣтѣ можетъ уничтожить это правило, и на будущее время оно не будетъ примѣняться, однако, безъ ущерба для дѣйствительности чего либо, сдѣланнаго раньше на основаніи его.

Правила, упомянаемыя въ этой статьѣ, изданы 28 марта 1908 г. Для толкованія ихъ примѣняются нормы Interpretation act 1889 г.

Отступленіе отъ этихъ правилъ въ чемъ либо, не являющееся умышленнымъ, еще не мѣшаетъ жалобщику поддерживать дальше свою апелляцію: судья или апелляціонный судъ могутъ, если сочтутъ соотвѣтственнымъ, исправить это нарушеніе, и распоряженія суда по этому поводу сообщаются регистраторомъ жалобщику, если послѣдній не присутствовалъ при производствѣ ихъ (правило 45).

Дополнительныя постановленія.

19. Ничто въ настоящемъ актѣ не затрагиваетъ прерогативы помилованія, но государственный секретарь при разсмотрѣніи всякаго прошенія объ осуществленіи Его Величествомъ права помилованія, относящагося къ осужденію или обвинительному приговору на основаніи осужденія (не назначающему, однако, смертной казни), можетъ во всякое время, если признаетъ соотвѣтственнымъ:

а) представить все дѣло въ уголовный апелляціонный судъ, и тогда дѣло будетъ тамъ разсмотрѣно и рѣшено уголовнымъ апелляціоннымъ судомъ, какъ въ случаѣ апелляціи, принесенной лицомъ осужденнымъ;

На усмотрѣніе апелляціоннаго суда могутъ быть представляемы петиціи по поводу ошибочности осужденія или чрезмѣрной строгости приговора, но не петиціи о замѣнѣ смертной казни другимъ наказаніемъ.

Государственному секретарю посылается извѣщеніе о всякомъ обращеніи за разрѣшеніемъ на апелляцію, или апелляціи по дѣлу, гдѣ имѣется приговоръ о смертной казни, и объ исходѣ такой апелляціи (34 в).

Государственный секретарь по внутреннимъ дѣламъ можетъ вносить апелляцію отъ лица осужденнаго во всякое время; подавшій петицію тогда въ процессѣ пользуется всѣми правами жалобщика (правило 48).

б) если онъ желаетъ содѣйствія уголовнаго апелляціоннаго суда по какому либо вопросу, возникающему въ дѣлѣ, съ цѣлью рѣшенія прошенія, онъ можетъ представить этотъ вопросъ на уваженіе уголовнаго апелляціоннаго суда, и судъ, разсмотрѣвъ предложенный вопросъ, представитъ въ соотвѣтствіи съ этимъ свое мнѣніе государственному секретарю.

Пунктъ б. касается какой либо стороны дѣла, въ отличіе отъ пересмотра всего дѣла (п. а). Если на разсмотрѣніе апелляціоннаго суда предложена только какая-либо сторона дѣла, то судъ долженъ, если не будетъ постановлено иного, рѣшать это негласно (in private) (правило 51). Тогда не можетъ присутствовать ни осужденный, ни представитель его. Но въ силу своихъ полномочій (ст. 1 п. 7) судъ можетъ предписать явку осужденнаго въ случаѣ нужды (напр., чтобы убѣдиться въ его невмѣняемости).

20. 1) Указы по случаю ошибки (writ of error) а также практика и полномочія, имѣющіяся въ настоящее время въ высшемъ судѣ относительно предоставленія новаго разбирательства уголовныхъ дѣлъ (of motions for new trials or the granting thereof in criminal cases), отмѣняются настоящимъ закономъ.

См. ст. 1 и 6.

2) Этотъ актъ будетъ примѣняться въ случаѣ осужденія по уголовнымъ дознаніямъ (criminal informations) и инквизиціямъ коронера и въ случаяхъ, когда судъ надъ лицомъ состоялся въ судѣ четвертныхъ сессій, какъ надъ неисправимымъ бродягой, по закону о бродяжничествѣ 1824 г. такъ, какъ онъ примѣняется въ случаѣ осужденій по обвинительнымъ актамъ, но не будетъ примѣняться въ случаѣ осужденій или обвинительныхъ актовъ или инквизиціи противъ пэра или его жены или другого лица, притязающаго на привилегію пэрства, за какое либо преступное дѣяніе, не подсудное по закону суду присяжныхъ.

О „*неисправимыхъ*“ см. выше. Изъ смысла настоящей статьи можно заключить, что здѣсь имѣется только апелляція противъ *приговора* четвертныхъ сессій, а не противъ осужденія мировымъ судьей.

Выраженіе „другое лицо, притязающее на привилегію пэрства“

представляетъ нѣкоторыя трудности, потому что, если пэръ былъ судимъ въ обыкновенномъ судѣ, а не въ палатѣ лордовъ, то при открытіи этой ошибки, осужденіе кассируется, и дѣло посредствомъ writ of certiorari переходитъ въ палату лордовъ. „*Подсудными по закону*“—являются легкія преступленія (misdemeanors).

3) Независимо отъ всего указаннаго въ настоящемъ актѣ, будетъ предоставлена апелляція на осужденія по обвинительному акту на основаніи общаго права относительно небреженія починкою или загроможденія публичныхъ дорогъ, мостовъ или судоходныхъ рѣкъ, въ какомъ бы судѣ ни разсматривался этотъ обвинительный актъ, во всѣхъ отношеніяхъ, хотя бы это осужденіе являлось вердиктомъ въ гражданскомъ искѣ, разрѣшаемомъ судомъ присяжныхъ, и не подлежало бы дѣйствію настоящаго акта.

Изъ этого закона исключаются только перечисленныя здѣсь преступленія, какъ непочинка и загроможденіе. Но опасное поврежденіе дороги относится сюда. Обыкновенныя дѣла о дорогахъ давно уже признаются гражданскими, хотя сохраняютъ форму уголовныхъ; поэтому практика апелляціи по нимъ пріурочена къ гражданскимъ: 1) апелляціи заносятся въ Crown Office, 2) посредствомъ writ of certiorari они переносятся въ отдѣленіе суда королевской скамьи.

4) Всякая юрисдикція и власть на основаніи акта о дѣлахъ короны 1848 г. относительно вопросовъ права, возникающихъ въ уголовныхъ процессахъ, перенесенная къ судьямъ высшаго суда по ст. 47 акта о высшемъ судѣ 1873 г., по настоящему акту вручается уголовному апелляціонному суду, и во всякомъ дѣлѣ, въ которомъ осужденное лицо апеллируетъ противъ своего осужденія по какому либо апелляціонному основанію, возбуждающемъ только вопросъ права, уголовный апелляціонный судъ можетъ рѣшить, если онъ признаетъ соотвѣтственнымъ, чтобы процедура по акту о дѣлахъ короны 1848 г. была продолжаема примѣнительно къ данному дѣлу, и потребовать, чтобы дѣло было рѣшено согласно настоящему акту тѣмъ же способомъ, какъ если бы былъ резервированъ вопросъ права.

Хотя осужденное лицо не является жалобщикомъ по смыслу настоящаго акта, но правила суда уравниваютъ его положеніе съ послѣднимъ. Этотъ пунктъ имѣетъ въ виду: 1) сохранить существующее въ настоящее время производство, если судья согласенъ, въ силу ст. 1 Crown Cases act, констатировать необходимость передачи дѣла; 2) апелляціонный судъ можетъ, если апелляція приносится по вопросу одного права, потребовать, чтобы судья констатировалъ эту необходимость. Предложенія о такомъ требованіи могутъ быть заявляемы жалобщикомъ или обвинителемъ.

Правило 26 постановляетъ: „Если лицо уполномочено апеллировать въ силу настоящаго закона единственно по основанію права и его апелляція не отвергнута по ст. 15 п. 2, то оно можетъ обратиться во всякое время въ апелляціонный судъ съ просьбой, чтобы правовые вопросы, возникшіе при апелляціи, были рѣшены судомъ въ согласіи съ производствомъ по акту о дѣлахъ короны 1848 г., измѣненному настоящимъ закономъ". Судъ, если признаетъ эту просьбу соотвѣтственной, можетъ принять этотъ порядокъ производства. Судья суда 1-ой инстанціи въ такомъ случаѣ, во исполненіе настоящаго правила, направитъ констатированное имъ дѣло регистратору вмѣстѣ со всѣми документами и матеріалами, копіи съ которыхъ будутъ посланы жалобщику. Изъ производства по дѣламъ короны здѣсь, такимъ образомъ, заимствуется только констатированіе дѣла.

21. Въ настоящемъ законѣ, если только контекстъ не требуетъ иного:

выраженіе „жалобщикъ" охватываетъ всякое лицо, осужденное и желающее апеллировать по настоящему акту;

выраженіе „приговоръ" охватываетъ всякое постановленіе, сдѣланное судомъ относительно лица осужденнаго, его жены или дѣтей и всякую рекомендацію суда объ изданіи приказа о высылкѣ лица осужденнаго; власть уголовнаго апелляціоннаго суда постановлять приговоръ охватываетъ право дѣлать какое либо такое постановленіе или рекомендацію, и сдѣланная такимъ путемъ рекомендація со стороны уголовнаго апелляціоннаго суда будетъ имѣть то же дѣйствіе для цѣлей ст. 3 акта объ иностранцахъ 1905 г., какъ свидѣтельство и рекомендація суда, постановившаго объ осужденіи.

По ст. 3 акта объ иностранцахъ вручена государственному секретарю власть издавать приказъ объ изгнаніи изъ Соединеннаго Королевства на срокъ, указанный въ приказѣ, и о воспрещеніи возвращаться сюда.

22. Акты, перечисленные въ шедулѣ къ настоящему акту, настоящимъ закономъ отмѣняются въ объемѣ, указанномъ въ третьемъ столбцѣ шедулы.

23. 1) Актъ этотъ можетъ цитироваться какъ „актъ объ уголовной апелляціи 1907 г.".

2) Этотъ актъ не распространяется на Шотландію и Ирландію.

3) Этотъ актъ будетъ примѣняться ко всѣмъ лицамъ, осужденнымъ послѣ 18 апрѣля 1908 г., но не будетъ затрагивать правъ въ отношеніи апелляціи какихъ либо лицъ, осужденныхъ въ этотъ день или до того.

Пошла.

Подлежащія отмѣнѣ узаконенія.

Сессія и глава.	Краткое заглавіе.	Объемъ отмѣны.
7 and 8 Will. 3 c. 3.	Актъ объ измѣнѣ 1695 г.	Въ ст. 9 отъ „но тѣмъ не менѣе“ до конца статьи.
11 and 12	Актъ о дѣлахъ короны 1848 г.	Ст. 3 и 5.
Vict. c. 78. 38 and. 39 Vict. c. 77.	Актъ о высшемъ судѣ 1875 г.	Въ ст. 19 слова: „включая практику и производство относительно резервированныхъ дѣлъ короны“.
44 and 45 Vict. c. 68.	Актъ о высшемъ судѣ 1881 г.	Ст. 15.

---

21 декабря 1908 г. утвержденъ новый дополнительный законъ объ апелляціи (Criminal Appeal Amendment Act 1908. 8 Edw. VII Ch. 46) слѣдующаго содержанія:

1. Независимо отъ ст. 1 закона объ уголовной апелляціи 1907 г., всѣ судьи высшаго суда по отдѣленію королевской скамьи будутъ судьями уголовнаго апелляціоннаго суда.

2. Независимо отъ ст. 2 закона объ уголовной апелляціи 1907 г. Master of the Crown Office (главный директоръ правительственной канцеляріи по уголовнымъ дѣламъ) явится регистраторомъ уголовнаго апелляціоннаго суда.

3. Власть назначенія добавочнаго штата для регистратора уголовнаго апелляціоннаго суда включаетъ право назначенія помощника регистратора; такимъ помощникомъ можетъ быть Master высшаго суда по отдѣленію королевской скамьи или барристеръ, насчитывающій не менѣе семи лѣтъ практики, по назначенію лорда главнаго судьи.

Эти постановленія имѣютъ въ виду расширить число лицъ, участвующихъ въ засѣданіяхъ апелляціоннаго суда, соединяя его рѣшающіе и вспомогательные органы (судей и канцелярію) съ соотвѣтственными органами отдѣленія королевской скамьи. Они вызваны опасеніями переобремененія дѣлами членовъ апелляціоннаго суда.

III.

ПЕРВАЯ ПРАКТИКА УГОЛОВНАГО АПЕЛЛЯЦІОННАГО СУДА (1908—1910).

ПЕРВАЯ ПРАКТИКА УГОЛОВНАГО АПЕЛЛЯЦІОННАГО СУДА (1908—1910)

Практика первыхъ двухъ лѣтъ дѣятельности новаго апелляціоннаго суда дала опредѣленный отвѣтъ на тѣ сомнѣнія, которыя возникали при его образованіи. При введеніи новаго суда многіе предвѣщали, что его дѣятельность рѣзко поколеблетъ авторитетъ вердиктовъ присяжныхъ, ослабитъ чувство отвѣтственности у нихъ, приведетъ къ загроможденію высшаго суда апелляціонными жалобами, удлинитъ время пропзводства и т. д. Другіе съ нетерпѣніемъ ждали юридическихъ разъясненій высшаго суда по многимъ вопросамъ, до сихъ поръ оставившимся внѣ сферы его компетенціи, интересовались тѣмъ вліяніемъ, какое судъ окажетъ на строгость репрессіи и на возможность судебныхъ ошибокъ, желали прослѣдить, какую объединительную роль онъ сыграетъ по отношенію къ common law—праву, разсѣянному въ многихъ тысячахъ плохо между собой согласованныхъ судебныхъ рѣшеній. Въ Англіи менѣе чѣмъ гдѣ либо судебная практика зависитъ отъ буквы закона. Самъ законъ обыкновенно оставляетъ для практики широкую область свободнаго развитія; онъ предвидитъ обыкновенно нѣсколько возможныхъ исходовъ, выборъ между которыми предоставляетъ практикѣ. Новый законъ объ уголовной апелляціи также представлялъ изъ себя общее постановленіе, расчитанное въ очень большой степени на умѣряющую и восполняющую функціи практики. Практика могла повернуть его примѣненіе въ сторону болѣе широкаго пониманія и сдѣлать апелляцію почти универсальнымъ средствомъ,

могла вручить апелляціонному суду функцію пересмотра вердиктовъ, какъ нормальную, какъ то мы наблюдаемъ въ Америкѣ, и, наоборотъ, могла принять болѣе стѣснительное пониманіе и сохранить за апелляціей такое чрезвычайное значеніе, какое присвоено, напр., на континентѣ возобновленію уголовныхъ дѣлъ. Ясно, поэтому, что изученіе первыхъ шаговъ практики закона является весьма важнымъ для созданія правильнаго взгляда на новый англійскій институтъ. Отчеты уголовнаго апелляціоннаго суда и нѣкоторыя новѣйшія работы даютъ для этого интересный матеріалъ [1]).

Уже при введеніи закона въ дѣйствіе апелляціонному суду была предоставлена возможность дополнять и приспособлять его нормы къ практическимъ условіямъ посредствомъ изданія „судебныхъ правилъ“—rules of court. Этими правилами были точно распредѣлены обязанности между отдѣльными органами, установлены формы процесса и различныхъ актовъ, опредѣленъ размѣръ вознагражденія адвокатовъ, размѣръ судебныхъ пошлинъ, выработаны мѣры подслѣдственнаго задержанія и привода въ судъ осужденнаго жалобщика и пр.

Предоставленіе изданія особыхъ правилъ суда вошло въ употребленіе въ Англіи главнымъ образомъ со времени Judicature act 1873 г., создавшаго высшій судъ и уполномочившаго его, во всякое время большинствомъ присутствующихъ судей, спеціально для того созванныхъ, подъ предсѣдательствомъ лорда-канцлера, измѣнять и отмѣнять всякое правило суда, раньше примѣнявшееся. Законъ принималъ на себя только регламентацію судебнаго устройства и опредѣленіе компетенціи различныхъ органовъ; все остальное, что̀ у насъ составляетъ предметъ уставовъ уголовнаго судопроизводства, въ Англіи было предоставлено правиламъ суда. Такъ, въ 1873 и 1875 г. было предоставлено издать правила суда: 1) для регулированія засѣданій высшаго суда, апелляціон-

---

[1]) The Criminal appeals. Reports ed. by H. Cohen. Vol. I 1909, Vol. II–V. 1910. The law practice of criminal appeals by E. I. Wrottesley and B. Jacobs. London. 1910. Mendelssohn Bartholdy. Englisches Richtertum im Court of Criminal Appeal 1908—1909. Leipzig. 1909.

наго суда и отдѣльныхъ судей; 2) для регулированія формы состязанія, практики и производства въ высшемъ судѣ и апелляціонномъ судѣ; 3) для регулированія всѣхъ вообще вопросовъ, касающихся практики и производства въ этихъ судахъ, обязанностей различныхъ исполнительныхъ органовъ суда и судебныхъ издержекъ. Въ настоящее время эти правила состоятъ изъ 153 статей [1]). При изданіи акта объ уголовномъ апелляціонномъ судѣ почти все производство было также предоставлено регламентаціи правилъ суда.

Въ изданіи правилъ суда мы видимъ собственно делегированіе частицы законодательной власти судебнымъ органамъ, нѣчто вродѣ законодательства чрезъ посредство судей. Парламентъ сохраняетъ за собою только контроль въ томъ отношеніи, что любая изъ палатъ парламента въ теченіе извѣстнаго срока (сорока дней) можетъ въ адресѣ, представленномъ коронѣ, просить объ уничтоженіи этихъ правилъ но эта петиція не затрагиваетъ дѣйствительности тѣхъ дѣйствій, которыя въ прошломъ были предприняты на основаніи ихъ.

Такая делегація законодательной власти имѣетъ за себя много доводовъ. Ею облегчается работа парламента, не могущаго входить въ тонкія детали чрезвычайно сложнаго въ Англіи судебнаго производства; съ другой стороны, ею придается особая гибкость и приспособляемость всему процессу, благодаря чему текущія потребности могутъ найти быстрѣе и лучше свое удовлетвореніе. Высокое положеніе судей и роль ихъ какъ защитниковъ гражданъ позволяютъ открыто довѣрить имъ регламентацію уголовнаго судопроизводства. Это лучше, чѣмъ тягостное и грубое ломаніе правилъ процесса, потерявшихъ свое практическое значеніе, которое повседневно происходитъ на континентѣ путемъ кассаціонной практики. Кодексы имѣютъ свойство закрѣплять извѣстныя формы, которыя затѣмъ становятся иногда курьезными окаменѣлостями. Одинъ изъ главныхъ судей Англіи Lord Coleridge въ 1883 г. предлагалъ въ шутку образовать особый музей изъ правилъ процесса, выросшихъ путемъ

---

[1]) Они кодифицированы въ 1893 г.

common law. „Какъ въ Америкѣ—говорилъ онъ—имѣется особый Эллоустонъ паркъ, предназначенный для того, чтобы хранить всѣ странныя и эксцентричныя формы, которыя принимала природа, такъ изъ курьезныхъ и своеобразныхъ правилъ процесса можно было бы образовать особый музей, гдѣ наши потомки могли бы удовлетворять свое любопытство, а наши англійскіе судьи добраго стараго временіи, если имъ суждено когда-либо воскреснуть, могли бы отдохнуть душой, предпочитая форму сущности, заявленіе, какъ таковое, самому юридическому отношенію“. Конечно, судьи, издавая правила, не являются радикальными новаторами, но они во всякомъ случаѣ могутъ постепенно устранять уродливости и двигать впередъ прогрессъ въ области судопроизводства. Несмотря на то, что правила для уголовнаго апелляціоннаго суда были выработаны очень недавно, практика уже породила необходимость нѣсколько видоизмѣнить нѣкоторыя изъ нихъ.

Приведу примѣръ, на который указываетъ между прочимъ также и Мендельсонъ - Бартольди (стр. VII). Въ законѣ 1908 г. о предупрежденіи преступленій (Prevention of Crime act 1908), введшемъ въ англійское право неопредѣленные приговоры для привычныхъ преступниковъ, предусматривается для суда возможность постановить или объ отдачѣ въ карательныя колоніи на неопредѣленный срокъ, или о назначеніи срочной каторги, или, наконецъ, о томъ и другомъ вмѣстѣ. Законъ предоставляетъ осужденному, въ случаѣ присужденія къ неопредѣленному заключенію въ колонію, принести жалобу въ апелляціонный судъ, не требуя разрѣшенія отъ суда. Между тѣмъ, въ виду возможности присоединить къ этому и наказаніе каторгой, осужденный можетъ иногда одновременно съ этимъ принести жалобу и на чрезмѣрно высокій срокъ этой послѣдней. Нормально всѣ жалобы на приговоръ приносятся лишь съ разрѣшенія апелляціоннаго суда. Благодаря различію этихъ порядковъ легко могло бы происходить то, что часть приговора (относительно заключенія въ колонію) разсматривалась бы въ одно засѣданіе, а другая часть (требующая предварительнаго разрѣшенія суда)—въ другое. И уголовный апелляціонный судъ поста-

повлекъ новое правило: „въ интересахъ практики и для сокращенія расходовъ, мы предоставляемъ осужденному къ каторгѣ, если она сопровождается и заключеніемъ на неопредѣленный срокъ въ колонію, апеллировать, не требуя разрѣшенія суда, по обоимъ основаніямъ вмѣстѣ, и судъ долженъ во всякомъ такомъ случаѣ разсмотрѣть объ жалобы совмѣстно“. Здѣсь такимъ образомъ правило суда создаетъ какъ бы частичную отмѣну закона, требующаго разрѣшенія для всѣхъ приговоровъ на опредѣленный срокъ; но такая отмѣна можетъ быть разсматриваема лишь какъ частичный отказъ со стороны суда отъ своего права.

Другой примѣръ. Въ ст. 4 закона объ апелляціи указывается, что апелляціонный судъ можетъ, если онъ признаетъ постановленный приговоръ неудовлетворительнымъ, постановить новый „согласно вердикту присяжныхъ“. Это породило на практикѣ затрудненіе для тѣхъ дѣлъ, гдѣ подсудимый призналъ себя виновнымъ и гдѣ, слѣдовательно, вердикта не выносилось. Въ этомъ случаѣ новый приговоръ, конечно, не можетъ быть постановленъ „согласно вердикту“. Сначала апелляціонный судъ призналъ, что въ такихъ случаяхъ онъ не можетъ постановлять новаго приговора (R. v. Davidson 1909), но затѣмъ въ дѣлѣ R. v. Ettridge (1910) это рѣшеніе было пересмотрѣно, и судъ постановилъ правило, по которому новые приговоры могутъ быть выносимы, а слова „согласно вердикту“ должны быть признаваемы въ такихъ случаяхъ излишними и не имѣющими значенія.

Правила суда такимъ образомъ довольно свободно обращаются съ закономъ и придаютъ ему практически удобныя формы. Мы не станемъ анализировать ихъ, а обратимся къ самой дѣятельности апелляціоннаго суда, которая, несмотря на кратковременность, представляетъ уже нѣкоторые поучительные выводы и для континентальнаго юриста.

Посмотримъ сначала, насколько часто осужденные пользуются вновь установленнымъ средствомъ и какъ это отражается на обремененности высшаго суда.

Относительно числа апелляцій, въ виду отсутствія пока оффиціальныхъ данныхъ, приходится довольствоваться част-

ными подсчетами отдѣльныхъ авторитетныхъ лицъ. Такъ, по свидѣтельству лорда главнаго судьи, за время со вступленія закона въ силу (18 апрѣля 1908 года) до 4 іюля 1910 г. просьбъ о разрѣшеніи принести жалобу и жалобъ на отказъ единоличнаго судьи дать разрѣшеніе было 194. Изъ нихъ въ 41 случаѣ просьбы были удовлетворены и въ 153 отвергнуты. Апелляцій противъ вердикта было принесено 217, изъ нихъ судъ кассировалъ осужденіе въ 62 случаяхъ и въ 155 утвердилъ. Противъ постановленныхъ приговоровъ, вслѣдствіе ихъ строгости, было принесено 128 апелляцій, причемъ въ 61 случаѣ наказаніе было смягчено, въ одномъ случаѣ увеличено; въ 61 случаѣ оставлено прежнее; въ остальныхъ случаяхъ дѣло ограничилось техническими измѣненіями. Было представлено 19 петицій о разсмотрѣніи новыхъ доказательствъ, изъ нихъ 8 были удовлетворены и одиннадцать оставлены безъ послѣдствій [1]).

Такимъ образомъ заполненія суда жалобами, котораго такъ опасались, не произошло.

Для того, чтобы видѣть, какъ справлялся съ этими дѣлами высшій судъ, *посмотримъ, сколь велико число засѣданій его.*

Первое засѣданіе апелляціоннаго суда имѣло мѣсто 15-го мая 1908 г.: за нимъ въ теченіе трехъ недѣль засѣданія происходили каждые три дня; затѣмъ они были пріурочены къ одному разу въ недѣлю, и на этомъ сокращеніе остановилось. Въ одномъ только случаѣ, дѣлѣ Stoddart, пришлось одно засѣданіе производить въ теченіе пяти дней; въ остальныхъ случаяхъ дѣла заканчивались въ одно засѣданіе. На число дѣлъ новый актъ оказалъ мало замѣтное вліяніе. Такъ, къ сессіи Троицына дня судъ королевской скамьи рѣшилъ дѣлъ въ 1907 г.—739, въ 1908 — 656, въ 1909, подъ вліяніемъ акта объ уголовной апелляціи—819.

Все же, опасаясь возможности большаго наплыва апелляцій, правительство въ концѣ 1908 г. (21-го декабря 1908 г.) поспѣшило провести поправку къ акту объ уголовной апелляціи, въ которой распространило право засѣдать въ уго-

---

[1]) Lawson and Keedy. Criminal procedure in England. Journal of American Institute of criminal law, 1911 № 1 p. 777.

ловномъ апелляціонномъ судѣ на всѣхъ судей отдѣленія королевской скамьи. До того это право предоставлялось только 8 изъ общаго числа 16 судей этого отдѣленія. Точно такъ же секретарскія функціи дополнительно были перенесены на Master of Crown office, помимо вновь созданной должности регистратора. Интересно отмѣтить, что съ такимъ расширеніемъ отпадаетъ для правительства возможность подбора судей въ уголовномъ апелляціонномъ судѣ. Право назначать тѣхъ или иныхъ судей для рѣшенія уголовныхъ апелляцій могло бы являться важнымъ политическимъ средствомъ. Въ актѣ 21-го августа 1907 года это смягчалось лишь передачей права назначенія судей не лорду-канцлеру, активному члену кабинета, отъ власти котораго обыкновенно зависитъ назначеніе судей, а лорду главному судьѣ, который стоитъ вдали отъ политики. Теперь, съ расширеніемъ круга судей, смыслъ этой функціи назначенія отпадалъ.

Но съ другой стороны, такое расширеніе круга судей привело и къ нежелательнымъ результатамъ. Одной изъ задачъ установленія апелляціоннаго суда было стремленіе обезпечить единообразный контроль за рѣшеніями низшихъ судовъ. Это можетъ быть достигнуто только тогда, если одни и тѣ же судьи будутъ всегда засѣдать въ апелляціонномъ судѣ. А, между тѣмъ, послѣ этой поправки, случается часто, что послѣдовательныя засѣданія суда составляются изъ совершенно иныхъ судей, и постоянство и потому единство суда мало обезпечены.

Присутствуя на судѣ, можно видѣть, какое близкое знакомство обнаруживаютъ участвующіе въ апелляціонномъ разбирательствѣ судьи съ стенографическими протоколами и отчетомъ судьи. Иногда даже они поправляютъ въ фактическихъ свѣдѣніяхъ выступающихъ по дѣлу адвокатовъ. Благодаря еженедѣльнымъ засѣданіямъ, въ случаѣ принесенной апелляціи дѣло рѣдко затягивается болѣе, чѣмъ на двѣ недѣли. Но чтобы устранить стремленіе даже къ такому затягиванію дѣла, уголовный апелляціонный судъ. призналъ, что срокъ исполненія приговора долженъ начаться теченіемъ со дня рѣшенія апелляціи (R. v. Maurice, 1908). Это рѣшеніе вы-

носится обыкновенно немедленно послѣ апелляціоннаго разбирательства.

Обычнымъ кворумомъ для апелляціоннаго суда, какъ показываетъ практика, является, число три или пять. Любопытно отмѣтить то, что англійское право не признаетъ судью, рѣшавшаго дѣло въ первой инстанціи, неспособнымъ участвовать въ рѣшеніи апелляціонной жалобы по этому же дѣлу во второй инстанціи. Судьи отдѣленія королевской скамьи въ своихъ объѣздахъ предсѣдательствуютъ въ судѣ присяжныхъ, и затѣмъ въ коллегіи апелляціоннаго суда рѣшаютъ вопросъ объ апелляціи по тѣмъ же дѣламъ. Новая практика даетъ тому примѣры.

Случай первый. Жалобщикъ приговоренъ ассизнымъ судомъ въ Кардифѣ 31 марта 1909 г. къ смертной казни за убійство. Онъ сознался въ томъ, что столкнулъ свою возлюбленную въ одну заброшенную каменноугольную шахту; это видѣли издалека двое знакомыхъ его и его жертвы. Апелляціонная жалоба основывалась на томъ, что судья въ своемъ поученіи не обратилъ вниманія присяжныхъ на противорѣчіе между сознаніемъ подсудимаго и показаніями свидѣтелей. Подсудимый говорилъ, что онъ тащилъ долгое время свою жертву къ шахтѣ, а свидѣтели говорили, что они не слышали никакихъ криковъ о помощи, что̀ трудно совмѣстимо одно съ другимъ. Въ апелляціонномъ судѣ въ засѣданіи участвуютъ судья Bray, бывшій предсѣдателемъ по его дѣлу въ Кардифѣ, и судьи Darling и Lawrence. Во время разбирательства въ апелляціонномъ судѣ выясняется, что свидѣтели не сказали всего, что имъ было извѣстно, и поэтому противорѣчіе это не имѣетъ значенія. Судья Lawrence находитъ этому подкрѣпленіе въ протоколѣ. Жалоба оставляется безъ послѣдствій. (W. l. Toy, 1909).

Другой случай. Судья Darling отказалъ въ разрѣшеніи на принесеніе апелляціи и вызовѣ новыхъ свидѣтелей, засѣдая въ качествѣ единоличнаго предварительно рѣшающаго судьи. Осужденный приноситъ жалобу на этотъ отказъ въ апелляціонный судъ. Въ засѣданіи суда по этому дѣлу, въ которомъ рѣшается эта жалоба на отказъ, предсѣдательствуетъ

тонъ же Darling. Жалоба отвергнута окончательно. (I. I. Cook, 1909).

Такая двойственная роль судьи для континентальнаго юриста показалась бы странной. Въ Англіи она никого не шокируетъ, такъ какъ довѣріе къ безпристрастію судьи высшаго суда почти безусловно.

Но перейдемъ къ самой дѣятельности уголовнаго апелляціоннаго суда. Мы разсмотримъ сначала, какъ онъ пользовался полномочіями по отношенію къ *приговорамъ* коронныхъ судей, постановляемыхъ согласно вердикту, а затѣмъ полномочіями по кассаціи самихъ *вердиктовъ*, постановленныхъ присяжными.

Одной изъ функцій вновь созданнаго апелляціоннаго суда по новому закону является пересмотръ *постановленнаго коронным судьей* по дѣламъ съ присяжными *приговора*. По жалобѣ осужденнаго, допущенной къ разсмотрѣнію апелляціоннымъ судомъ или судьей, разбиравшимъ дѣло, апелляціонный судъ можетъ понизить или увеличить наказаніе. Въ первомъ случаѣ роль апелляціоннаго суда нѣсколько сближается съ помилованіемъ, и при выработкѣ закона часто раздавались возраженія по поводу того, что этимъ путемъ судъ присвоитъ не принадлежащія ему права. Новая практика показываетъ намъ, какъ судъ проводитъ эту демаркаціонную линію между помилованіемъ и судебнымъ смягченіемъ наказанія въ порядкѣ пересмотра.

Полномочіями смягчать наказанія судъ пользуется сравнительно рѣдко. Въ 1908 г. изъ общаго числа 145 разсмотрѣнныхъ случаевъ смягченіе имѣло мѣсто въ 10. Въ 1909 г. изъ 120 случаевъ—34. Обыкновенно смягченіе происходитъ только въ томъ случаѣ, если приговоръ является чрезвычайнымъ по своей строгости, и потому смягченіе бываетъ весьма значительно. Смягченіе въ два—три раза является обычнымъ. Провѣривъ отчеты за 1909 г., Мендельсонъ-Бартольди приводитъ слѣдующіе мотивы смягченія, извлеченные изъ соотвѣтственныхъ рѣшеній: въ одномъ случаѣ судья, постановлявшій первый приговоръ, смѣшалъ прежнюю судимость двухъ соучастниковъ и кромѣ того предполагалъ, что осужденный

будетъ подвергнутъ заключенію въ борстальскія учрежденія, хотя таковыя еще не были учреждены; въ другомъ случаѣ онъ позволилъ полиціи преслѣдовать осужденнаго за рядъ дѣяній отдѣльно и назначилъ рядъ отдѣльныхъ наказаній, не принявъ во вниманіе совокупности; въ третьемъ—онъ ошибочно принялъ жалобщика за руководителя ряда преступленій; въ четвертомъ—придалъ мало значенія имѣвшейся въ дѣлѣ провокаціи; въ пятомъ—чрезмѣрно преувеличилъ роль предшествующихъ осужденій; въ шестомъ—руководился свѣдѣніями, впослѣдствіи оказавшимися ложными, относительно будто бы учиненнаго имъ подлога и т. д. [1]). Во всѣхъ случаяхъ апелляціонный судъ такимъ образомъ смягчалъ строгость наказанія только тогда, если находилъ неправильность или односторонность въ мотивахъ приговора, но не руководился интуитивной оцѣнкой строгости или слабости приговора, предоставляя рѣшеніе этого вопроса государственному секретарю, осуществляющему функцію *помилованія*.

Въ качествѣ примѣра вмѣшательства государственнаго секретаря можно привести два дѣла, рѣшенныхъ нынѣ покойнымъ предсѣдателемъ сессіи въ Миддлесексѣ, сэромъ Р. Литтлеромъ, который придерживался въ своей дѣятельности старыхъ традицій строгаго наказанія.

Во время осенней сессіи 1908 г. онъ приговорилъ одного человѣка за кражу трехъ яицъ къ году тюрьмы съ тяжкими работами; другого, молодого рабочаго, постигло наказаніе тремя годами каторги съ двухлѣтнимъ полицейскимъ надзоромъ за кражу яблокъ на сумму въ 50 копѣекъ. По этому поводу ~~членъ парламента~~, принадлежащій къ рабочей партіи, предъявилъ запросъ государственному секретарю, который въ отвѣтъ указалъ, что въ первомъ случаѣ онъ, въ виду предшествующихъ судимостей даннаго лица, а также въ виду послѣдовавшаго со стороны апелляціоннаго суда отказа въ смягченіи наказанія, не считаетъ возможнымъ что либо сдѣлать. Относительно второго государственный секретарь обѣщалъ прибѣгнуть къ помилованію, если ему не удастся смяг-

---

[1]) Mendelsohn Bartholdy, стр. 44.

чить наказаніе инымъ способомъ. Самъ судья Литтлеръ въ этомъ случаѣ согласился смягчить наказаніе до полутора года, указавъ, что онъ имѣлъ въ виду заключеніе въ борстальскія учрежденія, которыя однако тогда еще не были организованы.

Большею частью государственный секретарь пользовался своимъ полномочіемъ вносить въ апелляціонный судъ предложеніе о пересмотрѣ приговора. Такъ было въ дѣлѣ R. v. Johnson (1909) и R. v. Smith and Wilson (1909). Въ особенности много помогъ государственному секретарю апелляціонный судъ въ дѣлѣ R. v. Dickman (1910), вызвавшемъ большой общественный интересъ. Осужденный только на основаніи косвенныхъ уликъ Dickman оказался невиннымъ.

Ни разу апелляціонный судъ не принялъ на себя функціи смягченія приговора, назначающаго смертную казнь.

Въ дѣлѣ R. v. Sidlow (1908) апелляціонный судъ формулировалъ правило, что измѣненіе приговора въ апелляціонной инстанціи можетъ происходить только тогда, когда судья руководился неправильнымъ принципомъ или придалъ неправильное значеніе нѣкоторымъ фактамъ, установленнымъ доказательствами. Мы имѣемъ уже рядъ иллюстрацій примѣненія этого правила. Въ дѣлѣ R. v. Greenody (1908) былъ постановленъ строгій приговоръ за небольшое преступленіе на томъ основаніи, что подсудимый былъ раньше уже осужденъ за рядъ тяжкихъ преступленій. Судъ одобрилъ этотъ принципъ и отвергъ апелляцію. Въ дѣлѣ R. v. Fitzpatrick (1908) было признано, что судья можетъ назначать болѣе продолжительный срокъ наказанія, чтобы осужденный могъ быть подвергнутъ борстальскому режиму. Въ дѣлѣ R. v. Syres (1908) подсудимый былъ приговоренъ къ году заключенія предсѣдателемъ четвертныхъ сессій въ Кэмбриджѣ, который выразилъ желаніе, чтобы осужденный послѣ отбытія наказанія началъ новую жизнь. Однако, предсѣдателю остались неизвѣстными два обвиненія, по которымъ былъ привлеченъ подсудимый въ Кентѣ. Подсудимый впослѣдствіи былъ судимъ по этимъ обвиненіямъ и приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на три года, съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжныхъ работъ на-

чалъ течь со времени отбытія годового заключенія въ тюрьмѣ. Апелляціонный судъ кассировалъ второй приговоръ и смягчилъ наказаніе въ общемъ до одного года.

Правомъ повышенія наказанія судъ воспользовался въ дѣлѣ R. v. Mortimer (1908), указавъ, однако, что возвышеніе наказанія не можетъ происходить только на основаіи новыхъ доказательствъ, не бывшихъ на разсмотрѣніи въ первой инстанціи, а должно точно также покоиться на извѣстномъ принципѣ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что пересмотръ приговоровъ съ точки зрѣнія ихъ строгости въ практикѣ апелляціоннаго суда получилъ то ограниченіе, что судъ всегда требуетъ для измѣненія или ошибочности мотивовъ, или несоблюденія какого либо принципа, признаваемаго имъ правильнымъ. Его постановленія по этимъ вопросамъ, поэтому, также могутъ играть руководящее значеніе для практики. При континентальной апелляціи здѣсь видимъ ничѣмъ не стѣсненное усмотрѣніе апелляціоннаго органа.

Другой, болѣе отвѣтственной и интересной функціей англійскаго апелляціоннаго суда является *пересмотръ* (скорѣе кассаціонный, чѣмъ апелляціонный) *вердикта присяжныхъ*. Отъ той или иной позиціи, занятой судомъ въ этомъ вопросѣ, зависитъ авторитетъ суда присяжныхъ и сила ихъ обвинительныхъ вердиктовъ. Устраненіе апелляціоннымъ судомъ этихъ вердиктовъ статьей 4 новаго закона поставлено въ зависимость отъ двухъ условій: 1) отъ наличности фактической или правовой ошибки и 2) отъ наличности проистекшаго вслѣдствіе этого ущерба для правосудія. Въ рядѣ своихъ рѣшеній апелляціонный судъ выработалъ опредѣленныя начала, съ точки зрѣнія которыхъ онъ намѣренъ осуществлять ввѣренныя ему полномочія.

„При разсмотрѣніи основаній, по которымъ апелляціонный судъ будетъ кассировать вердиктъ присяжныхъ—гласитъ одинъ изъ отчетовъ этого суда,—важно различать случаи, въ которыхъ произошелъ ущербъ для правосудія, отъ случаевъ, въ которыхъ этого не было. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ апелляціонный судъ не будетъ давать разрѣшенія

на апелляцію и кассировать вердикты, если только присяжные имѣли въ своемъ распоряженіи доказательства, по которымъ они надлежащимъ образомъ могли осудить. Апелляціонный судъ не будетъ рѣшать дѣло снова по существу (R. v. Williamson 1908)". Но, съ другой стороны, „если, по мнѣнію суда, имѣется дѣйствительное опасеніе того, что нанесенъ ущербъ правосудію, то судъ кассируетъ вердиктъ даже въ томъ случаѣ, если присяжные имѣли въ своемъ распоряженіи доказательства, по которымъ разумно можно было бы вынести обвинительный вердиктъ (R. v. Lee 1908)". Подобнымъ же образомъ, если апелляція будетъ указывать на ошибку въ правѣ, апелляціонный судъ кассируетъ вердиктъ, если только онъ не будетъ убѣжденъ, что это осужденіе не является несправедливымъ (R. v. Coleman 1908). Оцѣнивая вопросъ о наличности ущерба для правосудія, при которомъ вердиктъ можетъ быть кассированъ, судъ требуетъ того, чтобы факты были совмѣстимы съ невинностью жалобщика и несовмѣстимы съ виновностью (R. v. Meyer 1908). Но, осуществляя это усмотрѣніе, судъ, даже въ томъ случаѣ, когда вердиктъ будетъ очевидно непригоднымъ, не будетъ узурпировать функцій присяжныхъ и опредѣлять на основаніи доказательствъ, бывшихъ на разсмотрѣніи присяжныхъ, факты, на которые вниманіе присяжныхъ не было направлено и относительно точнаго установленія которыхъ могло бы быть какое либо сомнѣніе (R. v. Dyson 1908).

Равнымъ образомъ апелляціонный судъ не будетъ контролировать тѣ соображенія, которыми руководился предсѣдательствовавшій судья, отвергая или не отвергая вердиктъ присяжныхъ (R. v. Lewis 1909).

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію того, какъ эти принципы проводились въ жизнь.

Одной изъ главныхъ задачъ, ради которыхъ былъ проведенъ новый законъ, была задача предупрежденія судебныхъ ошибокъ. Интересно поэтому посмотрѣть, какую роль въ смыслѣ предупрежденія и исправленія ихъ законъ объ апелляціи успѣлъ уже сыграть на практикѣ. Приведемъ нѣсколько иллюстрацій изъ этой области.

Первымъ дѣломъ, которое пришлось рѣшать новому апелляціонному суду, было дѣло J. Lee (1908), осужденнаго вердиктомъ присяжныхъ за сбытъ фальшивой монеты. Доказательства были очень слабы: кельнерша одного ресторана показала, что восемь дней тому назадъ она получила отъ того же подсудимаго другую фальшивую монету (доказательство другихъ аналогичныхъ случаевъ, вообще недопустимое въ англійскомъ правѣ, въ обвиненіяхъ о сбытѣ фальшивой монеты допустимо). Это доказательство было опровергнуто показаніемъ подсудимаго томъ, что тогда онъ находился еще въ тюрьмѣ. Прежняя судимость, незаконнымъ образомъ ставшая извѣстной присяжнымъ, повліяла на нихъ, и они вынесли обвинительный вердиктъ. Судья, вмѣсто того, чтобы отвергнуть вердиктъ самолично, далъ осужденному разрѣшеніе на принесеніе апелляціи. Вердиктъ былъ кассированъ.

Въ дѣлѣ W. Rutter (1908) жалобщикъ былъ осужденъ за поврежденіе имущества: передъ тѣмъ какъ сдать аренду собственнику, онъ выкопалъ деревья, посаженныя имъ на арендованномъ участкѣ. Онъ полагалъ, что имѣетъ на это право. Присяжные вынесли сначала вердиктъ: „виновенъ, но сдѣлалъ по невѣдѣнію“, но затѣмъ, отосланные назадъ предсѣдательствующимъ, они признали жалобщика виновнымъ, рекомендуя лишь помилованіе его. Апелляціонный судъ кассировалъ вердиктъ, указавъ, что изъ стенографическихъ записей не ясно, хотѣли ли этимъ вердиктомъ присяжные отвергнуть злостность дѣйствій подсудимаго, или нѣтъ.

Въ дѣлѣ Th. Knight (1908) рѣчь шла объ одномъ банковомъ злоупотребленіи, и присяжные должны были отвѣтить на два вопроса: получилъ ли подсудимый кредитъ обманнымъ способомъ? дѣйствовалъ ли онъ съ намѣреніемъ ввести въ заблужденіе? Присяжные отвѣтили на первый вопросъ утвердительно, а второй вопросъ отвергли. Апелляціонный судъ призналъ, что подсудимый въ такомъ случаѣ долженъ быть признанъ невиновнымъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ предсѣдательствующій въ дѣлѣ судья самъ представлялъ разрѣшеніе на апелляцію. Онъ могъ бы воспользоваться для этого и старымъ средствомъ—„пере-

дачей дѣла въ судъ резервированныхъ коронныхъ дѣлъ“, и этимъ путемъ также могла бы быть достигнута кассація вердикта. Такимъ образомъ эти случаи могли быть исправлены и при старой практикѣ [1]). Болѣе интересны тѣ, которые свидѣтельствуютъ уже о дѣлахъ, гдѣ новый законъ сыгралъ рѣшительную роль, предупредивъ ошибку, неизгладимую иначе, чѣмъ помилованіемъ по старому праву.

Жалобщикъ Ло (M. Laws, 1908) былъ признанъ виновнымъ въ нападеніи, совмѣстно съ товарищами, на двухъ супруговъ, возвращавшихся ночью домой. Обвиненіе было подкрѣплено показаніемъ жены и третьяго лица, признавшихъ жалобщика. На судѣ онъ отрицалъ правильность обвиненія и уже послѣ приговора представилъ двухъ полицейскихъ, которые во время, когда происходило нападеніе, записали его за шумъ, который онъ производилъ на улицѣ въ мѣстѣ, весьма далеко отстоявшемъ отъ мѣста преступленія. Апелляціонный судъ кассировалъ вердиктъ на основаніи точно установленнаго alibi.

Въ дѣлѣ B. Sivosky (1908), жалобщикъ былъ также опознанъ потерпѣвшимъ; послѣдній утверждалъ, что жалобщикъ съ своей женой и ребенкомъ былъ въ лавкѣ, изъ которой были украдены сапоги. Въ дѣйствительности позднѣе обнаружилось, что жена его въ это время жила раздѣльно съ мужемъ и гуляла съ другимъ человѣкомъ, который по всѣмъ вѣроятіямъ и былъ дѣйствительнымъ виновникомъ кражи. Апелляціонный судъ кассировалъ вердиктъ.

Въ дѣлѣ Betridge (1908) шла рѣчь объ осужденіи за мошенническую продажу лошади. Жалобщикъ былъ членомъ мошеннической шайки, но былъ осужденъ, какъ показалъ полицейскій, ошибочно, вмѣсто дѣйствительнаго виновника, другого члена той же шайки. Возможно, однако, что жалобщикъ былъ второстепеннымъ соучастникомъ. Но въ виду такого веденія дѣла, при которомъ о вспомогательной дѣя-

---

[1]) Въ двухъ случаяхъ апелляціонному суду пришлось дѣйствовать въ качествѣ Court of Crown Cases Reserved (R. v. Turner, 1909 и R. v. Garland, 1909), и мы встрѣчаемъ здѣсь весьма обстоятельныя мнѣнія, высказанныя отдѣльными судьями. Въ одномъ изъ нихъ осужденіе было кассировано.

тельности не было рѣчи и въ обвинительномъ актѣ о томъ не было сказано ни слова, апелляціонный судъ долженъ былъ кассировать приговоръ и освободить жалобщика. Такая же ошибка въ личности произошла и въ дѣлѣ Nickolson (1909).

Въ дѣлѣ Malkrisi (1909) мы встрѣчаемъ явную невинность жалобщика. Жалобщикъ былъ осужденъ по указанію двухъ женщинъ, за похищеніе у нихъ на улицѣ саквояжа. Онъ упорно отрицалъ свою вину, доказывая, что находился въ это время на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ милѣ отъ мѣста преступленія, гдѣ въ ларѣ продавалъ картофель; этимъ онъ занимается два года, а до того его отецъ торговалъ тамъ 25 лѣтъ. Когда приговоръ былъ опубликованъ, то явилось самостоятельно восемь отдѣльныхъ свидѣтелей, которые заявили объ алиби осужденнаго. Апелляціонный судъ кассировалъ вердиктъ.

Въ *одномъ случаѣ* (R. v. Verney 1909) *неправильное* осужденіе произошло по винѣ самого жалобщика. Будучи освобожденъ изъ тюрьмы, онъ тщетно искалъ возможности устроиться на свободѣ. На третій день онъ зашелъ въ полицейскій судъ и здѣсь слушалъ, какъ двое обвинялись въ святотатствѣ; тогда онъ заявилъ, что онъ ихъ соучастникъ. Обвиняемые естественно отрицали это и говорили, что совершенно не знаютъ его; но, такъ какъ Verney настаивалъ на своемъ сознаніи, то судья повѣрилъ ему и приговорилъ къ году тюрьмы съ тяжкими работами. Это однако, было слишкомъ сильно для Verney; онъ апеллировалъ. Тюремная администрація и полиція показали, что въ моментъ совершенія святотатства онъ отбывалъ свое наказаніе въ тюрьмѣ. Осужденіе было кассировано.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ можно еще говорить о болѣе или менѣе выяснившейся невинности, но затѣмъ слѣдуетъ рядъ другихъ, когда только недостаточность доказательствъ, съ точки зрѣнія апелляціоннаго суда, служила основаніемъ къ кассаціи вердикта. Таково, напр., дѣло Tate (сообщеніе заразительной болѣзни при педерастіи—вердиктъ постановленъ только на основаніи свидѣтельства потерпѣвшаго, явившагося обвинителемъ, не представившаго другихъ доказательствъ);

дѣло Osborne (кража въ домѣ терпимости, гдѣ показаніямъ потерпѣвшаго содержателя дома, лица неоднократно судившагося, было придано слишкомъ много вѣры); дѣло Dibble (жалобщикъ былъ сначала уличенъ двумя лицами въ кражѣ изъ почтамта, но затѣмъ на судебномъ слѣдствіи эти показанія были взяты обратно; присяжные, повидимому, придали вѣру прежнимъ показаніямъ, хотя они не являются доказательствомъ съ точки зрѣнія англійскаго права); дѣло Orris (обвиненіе въ укрывательствѣ вещей, похищенныхъ женою подсудимаго, вещи были найдены въ его домѣ, но осталось недоказаннымъ то, что онъ зналъ о томъ); дѣло Dunleavey (покушеніе на мошенничество: осужденный пытался продать кольцо, указавъ однако при этомъ, что онъ не увѣренъ въ его драгоцѣнности: онъ говорилъ, что нашелъ его на улицѣ; кольцо оказалось малоцѣннымъ. Хотя подсудимый путался въ своихъ показаніяхъ и представилъ подложное письмо своей матери, все же апелляціонный судъ отвергъ обвинительный вердиктъ, такъ какъ считалъ недоказаннымъ знаніе малоцѣнности кольца) и т. д.

Процессуальныя требованія доказательственнаго права также соблюдались довольно строго. Въ двухъ случаяхъ (Warner 1908 и I. Preston 1909) апелляціонный судъ кассировалъ вердикты, несмотря на обнаружившуюся виновность, вслѣдствіе того, что подсудимый при перекрестномъ допросѣ былъ распрашиваемъ о своей прежней судимости, хотя къ тому не было основаній; въ другихъ двухъ случаяхъ (H. Everest 1909 и I. Warren 1909) кассація произошла потому, что оговоръ соучастника не былъ въ достаточной степени подкрѣпленъ другими доказательствами.

То обстоятельство, что судья не предупредилъ присяжныхъ о недостаточности какого либо доказательства, если оно не подкрѣплено другимъ, было признано также достаточнымъ основаніемъ для кассаціи вердикта (R. v. Beauchamp 1909).

Но иногда формальныя нарушенія въ области доказательственнаго права не признавались апелляціоннымъ судомъ достаточнымъ основаніемъ для кассаціи въ виду отсутствія какого либо ущерба для правосудія.

Уголовный апелляціонный судъ считалъ все время, что его задачей является обезпеченіе матеріальной истины (substantial justice). Какъ выразился лордъ главный судья въ дѣлѣ R. v. Stoddart (1909), „этотъ судъ засѣдаетъ здѣсь для отправленія правосудія и устраненія тѣхъ *дѣйствительныхъ* препятствій, которыя могутъ привести къ ошибкѣ въ правосудіи“.

Примѣрами осуществленія этого усмотрѣнія въ констатированіи ущерба правосудію можетъ служить дѣло Salomon (1909), гдѣ утверждалось нарушеніе доказательственнаго права въ томъ отношеніи, что подсудимый по своей собственной ссылкѣ на хорошее поведеніе, былъ подвергнутъ перекрестному допросу относительно прошлыхъ судимостей, что несогласно съ актомъ о доказательствѣ по уголовнымъ дѣламъ 1898 г. Судъ призналъ вопросъ открытымъ въ виду отсутствія въ дѣлѣ существенной ошибки правосудія. Въ другомъ случаѣ (R. v. Mc-Nair 1908) судъ отказалъ апелляціи, принесенной по тому основанію, что подсудимый не могъ надлежащимъ образомъ развить свои доказательства, указавъ, что онъ самъ тому виною, такъ какъ не представилъ въ полицейскомъ судѣ ихъ, а приберегъ для trial, что едва ли правильно. При разсмотрѣніи апелляціи R. v. Jackson (1910) было показано, что доказательства противъ подсудимаго были очень слабы, но что онъ самъ своимъ выступленіемъ въ качествѣ свидѣтеля создалъ базу для обвиненія, и вслѣдствіе этого былъ осужденъ присяжными. Защита указывала, что предсѣдательствующій поступилъ неправильно; онъ долженъ былъ освободить подсудимаго, не передавая дѣла на рѣшеніе присяжныхъ. Но апелляціонный судъ не призналъ уважительнымъ это заявленіе, такъ какъ защитникъ долженъ былъ протестовать противъ этого своевременно, а здѣсь апелляціонный судъ оцѣниваетъ „всю совокупность фактовъ“ и потому утверждаетъ приговоръ. Въ дѣлѣ P. Harvey (1909) было рѣшено, что апелляціонный судъ долженъ установить сначала наличность ошибки въ правосудіи, и лишь послѣ можетъ допросить свидѣтелей, которые были представлены, но не выслушаны въ первой инстанціи. Въ дѣлѣ Martin

(1909) судья Channel заявилъ, что легкія неправильности въ заключительномъ словѣ предсѣдателя еще не составляютъ повода для кассаціи вердикта, если онѣ не порождаютъ презумпціи, что вслѣдствіе этого произошелъ ущербъ для правосудія. Еще рѣзче это начало выражено въ дѣлѣ R. v. Vestacoll (1908), гдѣ сказано, что въ случаѣ неправильностей въ суммированіи доказательствъ предсѣдательствующимъ судьею, апелляціонный судъ будетъ только тогда кассировать вердиктъ, когда факты не явятся несовмѣстимыми съ виновностью подсудимаго.

Понятіе „существенной ошибки въ правосудіи“ нашло себѣ подробное опредѣленіе въ словахъ судьи Channell (R. v. Cohen and Baxeman, 1909). „Въ случаѣ правовой ошибки судьи жалобщикъ имѣетъ право на апелляцію, если не будетъ доказано, что ошибка была несущественной. Въ этомъ случаѣ представитель короны долженъ показать, что и при правильномъ указаніи судьи присяжные *должны* были бы придти къ тому же рѣшенію. Ошибка судьи относительно факта, упущеніе съ его стороны отмѣтить обстоятельство, благопріятное для подсудимаго, не являются неправильнымъ рѣшеніемъ правового вопроса, но относятся въ рубрику „или по другому основанію“, указанную въ ст. 4 акта. Здѣсь апелляція стоитъ въ зависимости отъ признанія того, имѣется или нѣтъ ущербъ для правосудія (miscarriage of justice). Такой ущербъ нужно признать не только тогда, когда судъ приходитъ къ убѣжденію, что вердиктъ о виновности былъ неправиленъ, но также и тогда, когда это упущеніе со стороны судьи разумно можетъ быть разсматриваемо какъ такое, безъ наличности котораго, въ связи со всѣми фактами, можно бы ожидать вердикта о невинности. Здѣсь такимъ образомъ подсудимый долженъ потерять шансъ оправданія, который справедливо предоставленъ ему закономъ, и потому апелляціонный судъ кассируетъ вердиктъ. Если же судъ придетъ къ убѣжденію, что, при совокупности всѣхъ фактовъ и правильномъ указаніи судьи (вмѣсто неправильнаго), единственно разумнымъ и соотвѣтственнымъ явится все же вердиктъ о виновности, то ущерба для правосудія нѣтъ, хотя, быть можетъ,

неправильность судьи и оказала нѣкоторое вліяніе на вердикть присяжныхъ“ [1]).

Апелляціонный судъ во всѣхъ случаяхъ стоялъ на стражѣ того, чтобы вердикты присяжныхъ не только соотвѣтствовали справедливости, но и чтобы они дѣйствительно устраняли разумное сомнѣніе въ виновности какого либо лица. Привилегія разумнаго сомнѣнія признается какъ право на сторонѣ подсудимаго, и доказательства сами по себѣ недостаточно вѣскія не могутъ быть положены въ основу осужденія, хотя бы невинность подсудимаго имъ самимъ и не была доказана.

По поводу этой защитительной функціи апелляціоннаго суда, провѣряющаго надежность доказательствъ, положенныхъ въ основу вердикта, Мендельсонъ-Бертольди замѣчаетъ (стр. 60):

„Здѣсь (въ доказательственномъ правѣ) я вижу рѣшеніе проблеммы, которая долго заставляла ломать голову насъ, континентальныхъ юристовъ, именно: какъ англичане могли подпасть правосудію „кади“, въ видѣ котораго часто намъ рисуется ихъ практика. О гражданскихъ дѣлахъ я не стану говорить. Но и въ уголовномъ процессѣ судья является кади, является господиномъ, не только по отношенію къ обвинителю, обвиненіе котораго, будь онъ публичный или частный обвинитель, судья можетъ отвергнуть какъ ненужное или притѣснительное. По отношенію къ обвиняемому онъ является судьей, который тѣснѣе и строже связанъ доказательнымъ правомъ, чѣмъ его континентальные коллеги связаны мель-

---

[1]) Несмотря на снисходительное съ нашей точки зрѣнія отношеніе къ неправильностямъ, допущеннымъ предсѣдателемъ въ своихъ объясненіяхъ, практика апелляціоннаго суда уже успѣла сказаться въ дѣятельности предсѣдателей четвертныхъ сессій. „Слѣдуетъ обратить вниманіе—пишетъ Law Times (vol. 105 p. 352)—на одно превосходное дѣйствіе акта объ уголовной апелляціи. Онъ безъ сомнѣнія повліялъ на характеръ и тонъ заключительныхъ объясненій многихъ предсѣдателей четвертныхъ сессій. Нѣкоторые изъ нихъ, которые высказывались неясно, поспѣшно или невполнѣ безпристрастно, относятся къ своей задачѣ теперь съ большимъ вниманіемъ. Для многихъ хорошею сдержкой является стенографъ, котораго раньше не было. Мы не хотимъ сказать, что до этого акта часто происходили случаи неправосудныхъ рѣшеній, дѣло обстояло наоборотъ. Но было что то некрасивое въ прежнемъ грубомъ способѣ разрѣшенія затрудненій и сомнѣній въ отдѣльныхъ дѣлахъ. Теперь, подъ вліяніемъ новаго закона, происходитъ судейская нивеллировка въ особенности въ отдаленныхъ частяхъ страны“.

чайшими и обильными статьями устава судопроизводства. И какъ хранитель этого доказательственнаго права, судья долженъ охранять обвиняемаго даже противъ присяжныхъ. И если онъ забываетъ это, то на защиту выступаетъ уголовный апелляціонный судъ. И въ этомъ слѣдуетъ видѣть его важнѣйшую задачу".

Изъ ряда отдѣльныхъ случаевъ, въ которыхъ основой для кассаціи послужила ошибка въ вопросахъ права, приведемъ два наиболѣе любопытныхъ. Въ дѣлѣ Dyson (1908) судья Coleridge допустилъ вердиктъ объ убійствѣ и постановилъ на основаніи его приговоръ о десятилѣтней каторгѣ, когда дѣло шло объ истязаніяхъ ребенка, повлекшихъ смерть чрезъ $1^1/_2$ года. Онъ упустилъ изъ виду старое правило англійскаго права, по которому смерть, послѣдовавшая чрезъ 1 годъ и 1 день послѣ нанесенія ранъ или поврежденій, уже не считается вызванной ими. Вслѣдствіе этой ошибки приговоръ былъ кассированъ.

Въ дѣлѣ M. Davies (1909) жалобщикъ былъ признанъ виновнымъ въ кражѣ со взломомъ и къ нему было примѣнено условное осужденіе по акту 1907 г. При этомъ на него было наложено три обязательства хорошаго поведенія, изъ которыхъ одно состояло въ запрещеніи потреблять спиртные напитки. Это обязательство имъ было нарушено, и потому условное осужденіе было взято обратно и судья назначилъ годъ тюремнаго заключенія. Davies апеллировалъ, указывая, что условіе воздержанія вообще не могло быть на него наложено, такъ какъ по закону оно допустимо лишь при преступленіи привычнаго пьянства или преступленіи, учиненномъ подъ вліяніемъ опьяненія. Апелляціонный судъ, признавъ этотъ доводъ, отмѣнилъ послѣдній приговоръ, оставивъ въ силѣ условное осужденіе.

Сравнительно рѣдко пользовался апелляціонный судъ своимъ правомъ, кассируя вердиктъ, признавать жалобщика виновнымъ по другому пункту обвинительнаго акта, если къ тому имѣются доказательства.

Въ дѣлѣ R. v. Abraham George (1908) присяжные вынесли вердиктъ, устанавливающій виновность въ кражѣ, втор-

женіи въ чужое жилище и укрывательствѣ. Апелляціонный судъ призналъ доказаннымъ только одно укрывательство и смягчилъ приговоръ съ одного года на шесть мѣсяцевъ.

Въ дѣлѣ R. v. Cooper (1908) апелляціонный судъ собственной властью измѣнилъ обвиненіе съ кражи на укрывательство, которое тоже было предусмотрѣно обвинительнымъ актомъ.

Въ кассаціи приговора, присуждающаго къ смертной казни, апелляціонный судъ былъ крайне сдержанъ. Апелляцій противъ такихъ приговоровъ съ 1908 и 1909 г.г. было принесено 19; изъ нихъ только въ одномъ случаѣ судъ отмѣнилъ *приговоръ и призналъ осужденнаго душевно больнымъ* (R. v. Jefferson), въ остальныхъ случаяхъ жалобы были оставлены безъ послѣдствій. Это свидѣтельствуетъ, что сами присяжные въ такихъ дѣлахъ крайне осторожно относятся къ своему вердикту; съ другой стороны апелляціонный судъ не рѣшается порой кассировать вердиктъ, такъ какъ это можетъ повлечь за собою полную безнаказанность тяжкихъ преступниковъ въ виду отсутствія второго пересмотра предъ присяжными. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что кассація, хотя бы по формальнымъ причинамъ, влечетъ за собою уничтоженіе вердикта, причемъ новое разбирательство по тому же обвиненію уже не можетъ имѣть мѣста. Законъ 1908 г. отмѣнилъ writs of new trial, которыми прежде пользовались въ такихъ случаяхъ. И отсутствіе этихъ способовъ пересмотра многими разсматривается какъ печальный пробѣлъ.

Лордъ Vaughan Williams, въ рѣчи отъ 19 мая 1909 г., говорилъ: „Несмотря на весь трудъ, разсудительность и юридическія познанія, характеризующія судей, которые примѣняютъ новый законъ, они принуждены признавать каждый день, съ сожалѣніемъ, что уголовному апелляціонному суду не предоставлено еще и другихъ функцій. Допустимъ, они имѣютъ дѣло съ отвратительнымъ преступленіемъ, за которое виновный приговоренъ къ десяти годамъ каторги, при чемъ судъ *не признаетъ это наказаніе* чрезмѣрнымъ; *но осужденный* уходитъ отъ суда совершенно безнаказаннымъ, такъ какъ судья, предсѣдательствовавшій въ дѣлѣ, далъ непра-

вильное наставленіе присяжнымъ. Это нельзя назвать удовлетворительнымъ положеніемъ дѣлъ“. Въ особенности сильное сожалѣніе по поводу отмѣны writs of new trial было высказано по дѣлу R. v. Dyson 1908, когда по чисто формальному поводу остался безнаказаннымъ весьма тяжкій преступникъ.

Въ дальнѣйшей практикѣ существующее положеніе было признано невозможнымъ. Въ дѣлѣ R. v. Joyce (1908) лордъ главный судья заявилъ: „Это дѣло показываетъ ясно, насколько необходима для суда власть предписывать новое производство предъ присяжными. Конечно, судъ прибѣгалъ бы къ этому въ рѣдкихъ случаяхъ, но безъ этой власти многіе преступники останутся безнаказанными, если въ дѣлѣ имѣется какое-либо серьезное неправильное указаніе судьи“. То же повторилъ судья Darling въ дѣлѣ R. v. Colclough (1909). Необходимость этого далѣе была подчеркнута въ дѣлѣ R. v. Stoddart (1909) и R. v. Kames (1910). Наконецъ, въ дѣлѣ R. v. Bloom (1910) лордъ главный судья рѣшительно замѣтилъ: „Въ этомъ дѣлѣ мы видимъ поразительный примѣръ того, о чемъ мы уже говорили неоднократно, именно, важности для апелляціоннаго суда имѣть право предписывать новое производство. Для этого суда *нѣтъ возможности* выполнять надлежаще свои функціи, не имѣя такой власти“.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о практикѣ апелляціоннаго суда въ такихъ вопросахъ въ уголовномъ процессѣ, на рѣшеніе которыхъ прежде были компетентны только присяжные. Таковъ прежде всего вопросъ о вмѣняемости. По разъясненію апелляціоннаго суда, до судебнаго разбирательства и во время его по прежнему присяжные являются единственно компетентными признать ненормальность подсудимаго (единственнымъ исключеніемъ былъ writ of habeas corpus, когда вопросъ о вмѣняемости рѣшаютъ королевскіе судьи); но если присяжные признали подсудимаго способнымъ къ отвѣтственности, и вынесли вердиктъ о виновности, то тогда апелляціонный судъ можетъ установить, что осужденный былъ ненормаленъ во время учиненія преступленія и, измѣнивъ приговоръ, постановить, чтобы онъ содержался въ убѣжищѣ для умалишенныхъ. Такимъ образомъ и въ об-

ласти этого вопроса за апелляціоннымъ судомъ практика признаетъ только покровительственную функцію: онъ можетъ признавать ненормальность вмѣсто нормальной отвѣтственности, установленной присяжными, но не наоборотъ. Другимъ примѣромъ новыхъ полномочій коронныхъ судей является постановленіе о возвратѣ вещей добытыхъ преступленіемъ. Здѣсь разъяснено практикой, что приносить жалобу на неправильныя постановленія суда присяжныхъ въ этой области могутъ лишь лица, противъ которыхъ направлено предписаніе суда, если они осуждены; въ противномъ случаѣ они могутъ только присутствовать при разборѣ апелляціи, если она подана осужденнымъ, а самостоятельнаго права жалобы не имѣютъ.

Еще трудно высказать вполнѣ опредѣленныя сужденія о новой практикѣ уголовнаго апелляціоннаго суда. Но уже видно, что дѣятельность его постепенно вводитъ осмысливающее начало въ область опредѣленія наказанія по дѣламъ съ присяжными и значительно усиливаетъ контроль надъ соблюденіемъ доказательственнаго права, призваннаго удерживать присяжныхъ отъ поспѣшныхъ и недостаточно обоснованныхъ обвинительныхъ вердиктовъ. Апелляціонному суду удалось уже предупредить рядъ судебныхъ ошибокъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его дѣятельность по установленію и упроченію права встрѣчаетъ серьезное препятствіе въ видѣ безповоротности кассаціи и невозможности новаго разсмотрѣнія дѣла присяжными; теперь апелляціонный судъ принужденъ мириться со многими формальными нарушеніями закона, если онъ не хочетъ оставить безнаказаннымъ преступника и сдѣлать изъ этихъ нарушеній удобную лазейку для осужденныхъ. Только получивъ полномочіе предписывать новое разсмотрѣніе дѣла по существу, онъ сможетъ непреклонно проводить принципы права, не нанося ущерба репрессіи. Въ пользу этого измѣненія склоняется мнѣніе многихъ судей, и весьма вѣроятно, что это полномочіе будетъ предоставлено апелляціонному суду. Вмѣстѣ съ нимъ отпадетъ и необходимость въ предоставленіи апелляціонному суду права признавать жалобщика виновнымъ по другимъ пунктамъ обвинительнаго акта, которое было соз-

дано какъ коррективъ противъ безповоротности кассаціи. При такихъ условіяхъ англійская апелляція противъ вердикта весьма приблизится къ континентальной кассаціи, съ тѣмъ лишь различіемъ, что она явится односторонней, будучи предоставлена только осужденному, и будетъ проникать глубже въ сущность вердиктовъ, благодаря наличности въ Англіи развитаго доказательственнаго права. Эта намѣчающаяся эволюція только показываетъ, что развитіе судебнаго строя въ различныхъ странахъ приводитъ въ концѣ концовъ къ торжеству однородныхъ началъ.

IV.

ДѢЛО МИЛІУСА.

(Оскорбленіе Величества).

ДѢЛО МИЛІУСА.

(Оскорбленіе Величества).

Въ началѣ февраля 1911 года въ судѣ лорда главнаго судьи разсматривалось дѣло объ оскорбленіи царствующаго англійскаго короля въ печати (libel upon the King), учиненномъ нѣкимъ Миліусомъ. Оно является рѣдкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ характернымъ примѣромъ политическихъ процессовъ въ этой странѣ, давно прославленной за ту свободу, которой въ ней пользуется печать. Политическія преслѣдованія уже давно стали въ англо-саксонскихъ странахъ анахронизмомъ, и такіе случаи происходятъ одинъ разъ въ теченіе двухъ поколѣній, какъ пишетъ газета Daily Telegraph. Избирательный ящикъ—ballot box давно уже замѣнилъ здѣсь собою скамью подсудимыхъ — prisoner's dock. Еще недавно, въ бесѣдѣ съ однимъ русскимъ сановникомъ, американскій журналистъ на вопросъ о томъ, какъ же поступаютъ въ свободныхъ странахъ съ политическими преступниками отвѣтилъ: „Мы проваливаемъ ихъ на ближайшихъ выборахъ“. И дѣйствительно, само общественное мнѣніе становится лучшимъ средствомъ противъ пропаганды доктринъ, направленныхъ противъ существующаго государственнаго строя.

Дѣло Миліуса, о которомъ мы хотимъ здѣсь побесѣдовать, является скорѣе подтвержденіемъ этого правила, нежели изъятіемъ изъ него.

Обстоятельства этого дѣла вкратцѣ таковы. 29-го ноября 1910 г. въ Парижѣ въ журналѣ Liberator, посвященномъ

распространенію республиканскихъ идей, появилась анонимная статья, обвинявшая англійскаго короля Георга V въ двоеженствѣ. Въ ней указывалось, что въ 1890 году нынѣшній король вступилъ въ законный бракъ на островѣ Мальтѣ съ дочерью адмирала британскаго флота sir Michael Culme Seymour. Отъ этого брака родился сынъ. Наслѣдникомъ трона былъ тогда Duke of Clarence, старшій братъ короля, который затѣмъ умеръ. Вслѣдствіе этого женитьба короля на его настоящей супругѣ, дочери Duke of Teck, является чудовищно безнравственной и возмутительной. Король не получилъ развода съ своей первой женой, и потому его вторая женитьба, совершенная при преступномъ попустительствѣ прелатовъ, недѣйствительна, а родившіеся отъ нея дѣти не могутъ разсматриваться, какъ законные наслѣдники британскаго престола. Въ статьѣ этой заключался также рядъ выпадовъ противъ монархіи и въ концѣ имѣлось слѣдующее мѣсто: „Обсуждая этотъ вопросъ въ перепискѣ съ нашимъ уважаемымъ и преданнымъ другомъ Эдвардомъ Миліусомъ, мы получили отъ него слѣдующее письмо: „Мнѣ всегда указывали, что король стоитъ внѣ законовъ и не можетъ быть виновнымъ въ преступленіи (king cannot do wrong). Онъ можетъ совершить убійство, насиліе, поджогъ и всякое другое преступленіе, и законъ не можетъ судить его. Единственный способъ, какимъ здѣсь можно дѣйствовать, это—революція. Никто не можетъ говорить, что король поступаетъ законно или незаконно, можно только указывать, являются ли его дѣйствія конституціонными, или нѣтъ. Мнѣ кажется поэтому, что ваша статья должна быть направлена противъ такъ называемой британской конституціи, которая позволяетъ, чтобы король-двоеженецъ царствовалъ надъ страной. Законы здѣсь издаются не для короля, а предполагаются издающимися королемъ для его подданныхъ и рабовъ“.

Этотъ клеветническій памфлетъ противъ короля былъ широко распространенъ. Въ декабрѣ уже появилось второе изданіе его, въ которомъ содержалась слѣдующая приписка: „Лондонская газета Daily News сообщаетъ, что король собирается посѣтить Индію со своею женой. Не будетъ ли газета столь

любезна, чтобы указать, съ какою именно женою?“ Свѣдѣнія, содержавшіяся въ памфлетѣ, перешли на столбцы нѣкоторыхъ англійскихъ газетъ и достигли отдаленныхъ колоній имперіи.

Король предпринялъ сначала путь опроверженій этой клеветнической сплетни. Личный секретарь короля сэръ Артуръ Бриггсъ напечаталъ въ Reynhold's News'Paper заявленіе, что эти свѣдѣнія являются абсолютно ложными и опубликованными или по злобѣ или по невѣжеству. Король вступилъ въ первый законный бракъ 6 іюля 1893 г. съ дочерью Duke of Teck, и ничто въ его супружеской жизни не даетъ основаній для такой злостной и жестокой лжи. Такое же заявленіе было послано въ нѣкоторыя газеты, напечатавшія эти свѣдѣнія. Оно было подтверждено и епископомъ Норвича.

Несмотря на то, ложь продолжала циркулировать; между тѣмъ близилось открытіе парламента, на которомъ долженъ былъ принять участіе король, и потому рѣшено было прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. Былъ установленъ надзоръ за Миліусомъ, подозрѣваемымъ въ распространеніи этихъ свѣдѣній, и, дѣйствительно, его удалось задержать, когда онъ сдавалъ въ почтовомъ отдѣленіи на Nottingham Hill Gate пакетъ, содержащій нѣсколько экземпляровъ Liberator. Затѣмъ произведенная у него на дому выемка переписки его съ издателемъ парижскаго журнала, американскимъ гражданиномъ Джемсомъ и индусскимъ политическимъ дѣятелемъ Кришнаварма показала, что дѣятельность по распространенію была систематической и что экземпляры памфлета раздавались даже офицерамъ арміи.

Мотивы распространенія памфлета были несомнѣнно политическими. Въ одномъ изъ писемъ Миліусъ писалъ: „Единственный способъ раздѣлаться съ монархіей въ Англіи это подорвать къ ней уваженіе. Коль скоро народъ перестанетъ питать къ ней уваженіе, ея дѣло окончено“ (письмо отъ 11 ноября). Но тѣмъ не менѣе юридическіе совѣтники короны, генеральные атторней и солиситоръ, чтобы нагляднѣе изобличить ложь, дали совѣтъ королю привлечь виновнаго за обычную клевету.

Честь короля по англійскимъ законамъ является защищенною безусловно. „Всякое произнесеніе или опубликованіе относительно короля какихъ-либо словъ, которыя являлись бы преступными или клеветническими, будучи произнесенными или опубликованными противъ другого органа публичной власти, почитается смутой (sedition). Точно также смутой почитается опубликованіе или произнесеніе какихъ либо словъ, которыя касаются частной жизни короля или его поведенія, какъ частнаго человѣка“. Такъ гласитъ законъ. Въ этихъ случаяхъ подсудимый не пользуется ни правомъ доказыванія истинности разглашеннаго, ни правомъ ссылаться на то, что это имъ было сдѣлано въ общественныхъ интересахъ. Исторія англійскаго права даетъ намъ рядъ примѣровъ такихъ преслѣдованій за seditious libels [1]). Въ данномъ случаѣ рѣшено было прибѣгнуть къ способу, который не имѣетъ себѣ прецедентовъ, и возбудить преслѣдованіе противъ виновника за частную клевету, хотя жертвою ея и является король.

Дѣло было возбуждено обычнымъ для дѣлъ объ оскорбленіи Величества порядкомъ посредствомъ information ex officio и передано для рѣшенія на судъ присяжныхъ въ отдѣленіи королевской скамьи при высшемъ судѣ.

Самый процессъ происходилъ 1 февраля (новаго стиля) подъ предсѣдательствомъ лорда главнаго судьи Альверстона. Онъ привлекъ въ залъ засѣданія многочисленную публику. Присутствовалъ и министръ внутреннихъ дѣлъ. Несмотря на сложность доказательствъ, все предварительное производство удалось закончить въ теченіе пяти недѣль со времени ареста. Подсудимый содержался подъ стражей за невнесеніемъ залога въ 200.000 рублей. Онъ заявилъ суду, что намѣренъ вести свою защиту самъ, безъ помощи адвоката.

Обвиненіе было представлено четырьмя лицами attorney general Rufus Isaacs, sollicitor general I. A. Simon, sollicitors of Treasury S. A. Rowlatt и R. Muir. Представители короны сдѣлали всѣ шаги къ тому, чтобы дать подсудимому полную воз-

---

[1]) R. v. Clerck. 1728; R. v. Almon, 1770; R. v. Lambert, 1810; R. v. Harvey, 1823; R. v. Wilkes 1768 и др.

можность защиты. Я приведу нѣкоторыя выдержки изъ рѣчи генеральнаго атторнея, обращенной къ присяжнымъ, показывающія, какъ онъ понималъ свою задачу обвиненія.

„Обвиненіе, которое предъявлено нами, не есть обвиненіе въ обнародованіи мятежнаго ляйбеля. Это преступленіе хорошо извѣстно въ этой странѣ и при обвиненіи въ немъ подсудимому не предоставляется права указывать: „то, что я говорилъ, это—истина“. Въ настоящемъ случаѣ мы намѣренно оставляемъ открытой для него возможность защиты указаніемъ на истинность разглашеннаго, если онъ возьметъ на себя смѣлость утверждать это. Слѣдуя акту Фокса, ему мы предоставляемъ возможность не только доказыванія истинности, но и того обстоятельства, что опубликованіе произошло въ общественныхъ интересахъ. Мы даемъ подсудимому такой шансъ оправданія, какой по закону можетъ ему и не быть данъ. Пусть онъ устанавливаетъ передъ вами, что бракъ, существованіе котораго онъ утверждалъ, дѣйствительно имѣлъ мѣсто“.

„Хотя, внѣ сомнѣнія, бремя доказыванія лежитъ на подсудимомъ, мы не довольствуемся этимъ. Мы не будемъ ждать, пока подсудимый представитъ какія-либо доказательства своихъ утвержденій, какъ мы могли бы сдѣлать согласно существующимъ правиламъ производства, но мы воспользуемся всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы представить вамъ доказательства, которыя совершенно опровергнутъ эти заявленія“.

„Мы нисколько не касаемся распространенія подсудимымъ республиканскихъ идей и не возражаемъ противъ этого, поскольку такая дѣятельность не преступаетъ закона. Мы не ищемъ въ судѣ защиты монархіи. Монархія въ этой странѣ покоится на основаніяхъ болѣе твердыхъ, чѣмъ тѣ, которыя могутъ быть разрушены нападками Джемса или подсудимаго Миліуса. Мы ищемъ здѣсь вашей защиты для короля, какъ человѣка, какъ супруга, какъ отца: мы ищемъ защиты чести короля. Предоставляя это дѣло на ваше рѣшеніе, я не требую отъ васъ, чтобы вы поступили иначе, какъ если бы вы рѣшили дѣло между двумя частными гражданами. Здѣсь будутъ примѣняться тѣ же правила о доказательствахъ, тѣ же общія

соображенія. Вы должны рѣшить дѣло только на основаніи представленныхъ вамъ доказательствъ, безпристрастно и справедливо; вы внимательно отнесетесь къ тому, что будетъ выставлено подсудимымъ въ свою защиту и оправданіе, но вы вмѣстѣ съ тѣмъ будете помнить, что король, не менѣе, чѣмъ кто-либо, уполномоченъ на вердиктъ присяжныхъ, уполномоченъ на то, чтобы получить судебную защиту отъ всякихъ нападокъ на его честь, несмотря на что ему приходится быть королемъ".

Представленныя обвиненіемъ доказательства не оставили и тѣни сомнѣнія въ полной ложности разглашеннаго факта двоебрачія. Свидѣтельскими показаніями полисменовъ и почтовыхъ чиновниковъ былъ установленъ фактъ сдачи на почту пакета съ экземплярами Liberator. Адмиралъ Сеймуръ лично показалъ, что онъ и его обѣ дочери впервые посѣтили Мальту только въ ноябрѣ 1893 г. Въ теченіе 1893 и 1894 г.г., когда онѣ пребывали тамъ вмѣстѣ съ отцомъ, Георгъ V за это время ни разу не посѣтилъ Мальты. Въ первый разъ старшая дочь адмирала, Елизавета видѣла нынѣшняго короля въ 1879 г., когда ей было 8 лѣтъ отъ роду, а затѣмъ она встрѣтилась съ нимъ лишь 6 іюля 1898 г. Вторая дочь видѣла короля только, когда ей было три года. Она умерла въ 1895 г. Старшая дочь адмирала, нынѣ по мужу г-жа Nepier, точно также подтвердила, что она видѣла короля только послѣ его женитьбы и плохо помнитъ встрѣчу въ дѣтствѣ. Одинъ изъ главныхъ чиновниковъ адмиралтейства показалъ, что единственное посѣщеніе королемъ Мальты относится къ 23 октября 1888 г., если не считать краткой остановки здѣсь въ теченіе 1901 г. Оба раза никого изъ семьи Сеймуръ здѣсь не было. На судъ затѣмъ были доставлены брачные реестры острова Мальты съ 1886 по 1893 г.г., въ которыхъ не оказалось никакихъ свѣдѣній о бракѣ Георга V; эти письменныя доказательства были поддержаны присягой королевскаго адвоката на островѣ Мальтѣ. Секретарь короля А. Бригсъ указалъ, что онъ опровергалъ въ печати свѣдѣнія о двоеженствѣ короля самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Подсудимый во все время допроса свидѣтелей ни разу,

несмотря на приглашеніе главнаго судьи, который при отсутствіи у подсудимаго защитника, обязанъ напоминать ему каждый разъ объ имѣющихся у него правахъ, не пытался задавать свидѣтелямъ какіе либо вопросы. Онъ упорно молчалъ, указывая, что лишь въ концѣ представитъ свои доказательства. Когда обвиненіе исчерпало свои доказательства, онъ выставилъ юридическое возраженіе противъ порядка привлеченія его къ отвѣтственности. „Государство — говорилъ онъ — можетъ начать преслѣдованіе двумя способами. Или генеральный атторней представляетъ ex officio information, или атторней обращается въ королевскій судъ, представляя удостовѣренное клятвенное подтвержденіе истинности своего заявленія и при этомъ подсудимый еще до суда приглашается для выслушанія тѣхъ отводовъ, которые онъ пожелалъ представить противъ выдачи information. Противъ меня было возбуждено дѣло по первому способу, при которомъ устраняются гарантіи, предусматриваемыя во второмъ случаѣ. Каковы же эти гарантіи? Во-первыхъ, долженъ быть вызванъ подсудимый для выслушанія его возраженій противъ information; затѣмъ обвинитель, въ этомъ случаѣ король, долженъ лично явиться въ судъ (R. v. Marshall). Далѣе обращеніе съ просьбой о выдачѣ information должно быть основано на клятвенныхъ удостовѣреніяхъ обвинителя въ томъ, что извѣстныя слова составляютъ ляйбель. Information ex officio выдается, по словамъ Блэкстона, лишь въ случаѣ „возмутительныхъ проступковъ“. Приписываемое мнѣ преступленіе составляло возмутительный проступокъ политическаго свойства. Но на судѣ получилось несоотвѣтствіе. Преслѣдованіе было возбуждено какъ за политическое преступленіе, а на судѣ указывалось, что имѣется въ немъ только личное оскорбленіе, а не политическій проступокъ. За личное оскорбленіе можно привлекать человѣка къ суду только путемъ обвинительнаго акта или обычной информаціи, предоставляющей вышеуказанныя гарантіи, и потому обвиненіе заняло противорѣчивое положеніе, приглашая меня представить доказательства истинности тамъ, гдѣ законъ запрещаетъ такое оправданіе. Если оно смотритъ на дѣло, какъ на частную клевету, и предоставляетъ мнѣ возможность

оправданія по существу, то король, какъ обвинитель, долженъ былъ явиться лично, и представить свои клятвенныя заявленія. Обвиненіе же смѣшало оба порядка".

Это возраженіе подсудимаго было отвергнуто судьей, который указалъ, что генеральный атторней поступилъ правильно и что въ его пользу говоритъ рядъ авторитетовъ; это былъ единственный представлявшійся ему способъ дѣйствія. Тогда подсудимый заявилъ, что онъ приглашаетъ короля какъ своего свидѣтеля, о чемъ онъ уже раньше сообщалъ суду. На вопросъ судьи о томъ, что онъ хочетъ узнать отъ короля, подсудимый заявилъ, что онъ не обязанъ давать отвѣтъ на это суду; это его дѣло. Судья отказалъ и въ этой просьбѣ, заявивъ: „Вы обращались ко мнѣ съ просьбой объ изданіи повѣстки о призывѣ противъ короля и я, такъ какъ вы не имѣли защитника, пожелалъ въ вашихъ интересахъ узнать, какіе факты вы желаете доказать. Вы не указали мнѣ ихъ. Совершенно независимо отъ этого я указалъ, что такая повѣстка не можетъ быть адресована королю". Подсудимый пытался протестовать, указывая, что король здѣсь выступаетъ въ качествѣ частнаго лица, но судья категорически отвергъ возможность такого призыва. Тогда обвиняемый отказался отъ дальнѣйшей защиты.

Въ своемъ заключительномъ словѣ главный судья указалъ, не входя въ подробности, на юридическую неправильность защитительныхъ положеній подсудимаго и заявилъ, что данныя имъ разъясненія обязательны для присяжныхъ. Въ случаѣ несоотвѣтствія этихъ объясненій съ закономъ, уголовный апелляціонный судъ кассируетъ осужденіе. Онъ вкратцѣ указалъ на полное несоотвѣтствіе утвержденій подсудимаго о двойной женитьбѣ короля съ представленными доказательствами и характеризовалъ поведеніе обвиненія въ этомъ процессѣ. Ни однимъ словомъ въ этомъ поученіи онъ не коснулся соціальнаго или политическаго характера обвиненія и оцѣнки дѣйствій подсудимаго.

Присяжные, посовѣщавшись около минуты, не выходя изъ залы суда, вынесли вердиктъ о виновности. Тогда судья, обратившись къ осужденному, тутъ же произнесъ свой приговоръ, выслушанный осужденнымъ стоя.

„Эдвардъ-Фредерикъ-Миліусъ — говорилъ онъ — вы осуждены за опубликованіе противъ его величества короля трехъ позорящихъ и грубыхъ ляйбелей [1]). Вы обвиняли въ нихъ короля въ такомъ поведеніи, которое, будь оно совершено кѣмъ-либо изъ подданныхъ, по законамъ Англіи разсматривалось бы какъ тяжкое преступленіе, и обвиняли его въ грубыхъ и непристойныхъ выраженіяхъ. Изъ дѣла видно, что вы руководились при этомъ мотивами, противорѣчащими конституціи и въ особенности положенію въ этой странѣ его величества, какъ царствующаго монарха. Если такъ, то это является обстоятельствомъ, тяжко усиливающимъ вашу вину. Позвольте мнѣ заявить вамъ, что ни одно дѣло не можетъ быть двинуто впередъ путемъ употребленія такого скандальнаго и отвратительнаго орудія, какъ клеветническія обвиненія противъ уважаемыхъ людей, какое бы положеніе въ жизни они ни занимали. Но въ нашемъ дѣлѣ имѣются и другія усиливающія вину обстоятельства. Самое обыкновенное разслѣдованіе должно было бы показать вамъ, что тяжкія обвиненія, опубликованныя вами, не вѣрны. Время посѣщенія адмираломъ Кульме-Сеймуромъ Мальты было хорошо извѣстно. Оно произошло послѣ великаго національнаго бѣдствія. Я не знаю, насколько вы чувствовали его наравнѣ съ другими. Я знаю лишь, что всякій порядочный человѣкъ въ цивилизованномъ мірѣ со стыдомъ откажется отъ примѣненія такого оружія противъ кого бы то ни было, и тѣмъ болѣе короля, къ которому народъ питаетъ привязанность, и который вслѣдствіе своего высокаго положенія въ значительной степени лишенъ средствъ обычной защиты.

„Увы, нашлись многіе, которые пожелали распространять эту сплетню. Приговоръ, который я постановляю противъ васъ, не соотвѣтствуетъ тяжести дѣянія. Но, къ счастью, такія преступленія рѣдки за послѣдніе годы, иначе были бы изданы болѣе суровые законы. Я обсудилъ вопросъ, долженъ ли я назначить за каждый изъ трехъ ляйбелей наказаніе от-

---

[1]) Обвиненіе выставило обвиненіе по тремъ пунктамъ: 1) опубликованіе памфлета 29 ноября 1910 г. 2) опубликованіе того же памфлета 19 декабря; 3) опубликованіе тогда же третьяго памфлета.

дѣльно, или нѣтъ. Я могъ бы назначить наказаніе за каждый изъ нихъ въ отдѣльности, но во вниманіе къ достоинству закона, примѣнять который я призванъ, я беру только одинъ изъ нихъ и приговариваю васъ къ максимальному наказанію, какое только въ моей власти—къ году тюремнаго заключенія".

Когда приговоръ былъ произнесенъ и приговоренный удалился, генеральный атторней попросилъ у судьи разрѣшенія прочесть собственноручное письмо короля, которое онъ не представилъ въ виду того, что судья отвергъ свидѣтельскія показанія короля.

„Я уполномоченъ его величествомъ публично удостовѣрить, что онъ никогда не былъ женатъ на комъ-либо другомъ, кромѣ королевы и ни съ кѣмъ не выполнялъ брачнаго обряда, кромѣ какъ съ нею; что онъ лично явился бы въ судъ, чтобы дать показанія по этому дѣлу, если бы юристы короны не заявили, что это явилось бы противоконституціоннымъ".

Процессъ продолжался около трехъ съ половиною часовъ.

Изложенное дѣло является однимъ изъ рѣдкихъ по тому положенію, которое занимало обвиненіе. Оно не воспользовалось чрезвычайными привилегіями, которыя ему предоставляетъ старинное англійское право, необычайно сурово относящееся ко всѣмъ посягательствамъ на короля.

Съ юридической точки зрѣнія процессъ Миліуса интересенъ вызываемымъ имъ вопросомъ о положеніи короля въ уголовномъ судѣ. Съ одной стороны, подсудимый утверждалъ, что разъ король выступаетъ какъ частный обвинитель въ дѣлѣ о клеветѣ, не являющейся мятежнымъ дѣяніемъ, онъ долженъ разсматриваться какъ частный гражданинъ, и потому его можно вызвать въ судъ въ качествѣ свидѣтеля и потребовать отъ него присяги въ правильности его жалобы. Для того требованія онъ выставилъ три основанія: 1) каждый обвиняемый имѣетъ право видѣть обвинителя на судѣ лицомъ къ лицу; 2) присяжные по дѣламъ о ляйбелѣ должны видѣть обвинителя; и 3) не представлено доказательствъ того, что обвинитель находится въ живыхъ. Съ другой стороны, генераль-

ный атторней, поддержанный главнымъ судьей, настаивалъ на правѣ короля пользоваться защитой закона для своей чести наравнѣ со всѣми остальными гражданами, сохраняя при этомъ нѣкоторыя свои личныя привилегіи.

„Суверенъ—говорилъ онъ—не долженъ и не можетъ отстаивать свою честь или добросовѣстность обвиненія лично предъ присяжными, и въ особенности, посредствомъ присяги; эта неспособность вытекаетъ изъ интересовъ публичной политики и изъ началъ конституціи. Не было случая вызова короля въ качествѣ свидѣтеля. Достаточными свидѣтелями являются другія лица“.

Вопросъ о появленіи короля въ качествѣ свидѣтеля въ одномъ изъ его судовъ, не имѣвшій по заявленію генеральнаго атторнея прецедентовъ въ англійской исторіи, былъ рѣшенъ отрицательно. Мы не знаемъ основаній, которыми руководился судья (онъ не обязанъ передъ присяжными доказывать, почему то или иное положеніе имъ признается соотвѣтствующимъ праву), но этотъ отвѣтъ вытекаетъ изъ существа судебной власти. Англійская конституція строго проводитъ принципъ, что король не можетъ быть подвергнутъ какой-либо принудительной мѣрѣ. Это положеніе было санкціонировано рядомъ статутовъ [1]), по которымъ признано, что „императорская корона подчинена только Всевышнему“ и нашло свое судейское признаніе въ судѣ надъ убійцами Карла I въ 1660 г. [2]). Между тѣмъ по англійскому праву повѣстка о явкѣ въ судъ разсматривается, какъ мѣра понужденія. Каждая сторона обязана заботиться о приводѣ своихъ свидѣтелей, но ей предоставляется въ случаѣ, если имѣются основанія предполагать, что свидѣтель по ея приглашенію въ судъ не явится, просить судъ объ изданіи summons. Въ этой повѣсткѣ указывается, что судъ требуетъ явки такого-то свидѣтеля, угрожая ему въ случаѣ отказа наказаніемъ за contempt of court—ослушаніе суда. По отношенію къ королю, помимо невозможности подобной угрозы, возникаетъ еще слѣдующее затрудненіе. Право наказанія за contempt of court

[1]) 1, 3, 8 Eliz., 24 Hen. 8 c. 12.

[2]) State Trials, vol 5 p. 1227.

имѣетъ своимъ историческимъ корнемъ самую королевскую власть. Раньше король самъ творилъ судъ и ослушаніе его судебныхъ распоряженій позволяло королю непосредственно наказать нарушителя; делегируя власть судьямъ, король вмѣстѣ съ тѣмъ поручалъ имъ право наказывать за contempt of court. Вполнѣ понятно, что эта власть, исходящая отъ короля, не можетъ быть направлена противъ самого же короля. Но имѣются и другія соображенія противъ допроса короля въ качествѣ свидѣтеля. Всякій свидѣтель по англійскому праву можетъ быть подвергаемъ перекрестному допросу, при чемъ ему могутъ быть задаваемы допросы о его личной жизни, о его характерѣ и пр. Примѣненіе такого перекрестнаго допроса къ королю несовмѣстимо съ достоинствомъ королевской власти. Невозможность для короля выступать въ качествѣ свидѣтеля не лишаетъ его однако права давать суду различныя показанія, если онъ пожелаетъ. Это и было демонстрировано въ настоящемъ процессѣ оглашеніемъ собственноручнаго письма короля генеральнымъ атторнеемъ. Личная явка его явилась бы неконституціонной, такъ какъ еще съ XVII вѣка было признано, что король не долженъ появляться на судѣ лично, ибо тогда его уполномоченные—судьи теряютъ право суда и свободнаго обмѣна мнѣній.

Болѣе сложенъ вопросъ относительно порядка преслѣдованія. По теоріи англійскаго права, преслѣдователемъ публичныхъ преступленій всегда является король. Но король никогда не можетъ дѣйствовать самъ, а дѣйствуетъ лишь черезъ посредство какого либо изъ своихъ совѣтниковъ. Такими совѣтниками могутъ быть парламентъ, какъ представитель всей націи, большое жюри, какъ королевскій совѣтъ въ графствѣ, и генеральный атторней, какъ личный юрисконсультъ и уполномоченный короля. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ impeachment, во второмъ indictment, и въ третьемъ—information.

Преслѣдованіе по information едва ли не самый старый способъ возбужденія обвиненія за публичныя дѣянія. Оно покоится на той фикціи, что совершаются порою такія важныя преступленія, которыя становятся извѣстными королю и безъ спеціальнаго розыска (inquest) черезъ мѣстныхъ людей, т. е.

чрезъ большое жюри. Въ такихъ случаяхъ королевскій юрисконсультъ, чтобы избѣгнуть промедленія, самъ информируетъ присяжныхъ малаго жюри посредствомъ особаго заявленія—information. Информація—по опредѣленію авторитетовъ—есть указаніе преступника, дѣлаемое отъ имени короля въ письменной формѣ и обращенное къ уголовному суду. Такая информація не могла, однако, издаваться при обвиненіи въ преступленіяхъ тяжкихъ, влекущихъ потерю жизни или члена тѣла, ибо здѣсь розыскъ чрезъ большое жюри былъ одной изъ главныхъ гарантій.

Въ XVI вѣкѣ, когда информація дѣлается мощнымъ средствомъ политическихъ преслѣдованій въ рукахъ Звѣздной Палаты, вытѣсняя большое жюри, начинаютъ раздаваться сѣтованія противъ примѣненія ея. Съ упраздненіемъ Звѣздной Палаты въ 1641 г., исключительное право рѣшать дѣла, возбужденныя по информаціи, переходятъ въ судъ королевской скамьи. Но и здѣсь, по прежнему, сильны злоупотребленія въ виду того, что этотъ способъ представлялъ для коронъ больше удобствъ. При изданіи билля о правахъ 1621 г., во время революціи 1688 года, въ 1771 году вносятся проекты упраздненія этого способа преслѣдованія, какъ противорѣчащаго гарантіямъ личной свободы. Но эти попытки остаются тщетными. Юристы короны каждый разъ отстаиваютъ свое право лично освѣдомлять короля о нѣкоторыхъ преступленіяхъ. Съ паденіемъ Стюартовъ и восшествіемъ на престолъ Вильгельма, въ цѣляхъ ослабленія нареканій, издается законъ 1693 г., который требуетъ, чтобы информаціи, выдаваемыя Master of Crown, по дѣламъ, лишь косвенно затрагивающимъ короля, предварительно представлялись въ судъ королевской скамьи, который провѣряетъ основанія ихъ и беретъ съ обвинителя залогъ въ 200 руб. и присягу въ добросовѣстности обвиненія. Информаціи, составляемыя генеральнымъ атторнеемъ, гдѣ король былъ непосредственнымъ объектомъ преступленія, были по прежнему свободны отъ этого контроля. Съ того времени устанавливается строгое различіе между первыми informations non ex officio и вторыми informations ex officio. Послѣдняя категорія примѣняется только при

важнѣйшихъ преступленіяхъ, гдѣ корона прямо заинтересована; въ особенности часты были они при публичныхъ ляйбеляхъ. Они были обычнымъ средствомъ преслѣдованія въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, когда начали свое распространеніе идеи французской революціи. Съ 1808 г. по 1821 г. такихъ преслѣдованій было 101. Но крайнее недовольство преслѣдованіями по information ex officio привело къ тому, что этимъ средствомъ почти перестали пользоваться. Послѣдніе случаи изданія information ex officio имѣли мѣсто въ 1830 г. и 1887 г.

Въ числѣ обвиненій по information было не мало случаевъ, когда ляйбель былъ направленъ противъ чести суверена; но во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ признавался мятежнымъ, seditious, и влекъ тяжкія наказанія. Въ дѣлѣ Миліуса было рѣшено прибѣгнуть къ этой старой формѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ устраненъ изъ нея наиболѣе опасный элементъ, могущій угрожать политической свободѣ; признакъ мятежности былъ исключенъ и ляйбель былъ разсматриваемъ просто какъ преступная клевета. Это нововведеніе является весьма знаменательнымъ шагомъ впередъ въ области расширенія правъ печати. Характерно при такомъ положеніи то, что генеральный атторней здѣсь снова становится частнымъ представителемъ короля и его юридическимъ совѣтникомъ. Раньше практика 18-го и начала 19-го вѣка дѣлала его въ этой должности хранителемъ достоинства высшихъ учрежденій страны (парламента, высшаго суда, церкви), обязывая возбуждать преслѣдованіе въ случаѣ мятежныхъ пасквилей на нихъ. Въ дѣлѣ Миліуса онъ выступилъ лишь какъ частный повѣренный короля, не могущаго вслѣдствіе запрета конституціи лично дѣйствовать въ судѣ.

Могъ ли, однако, генеральный атторней, въ предѣлахъ своихъ полномочій, дать королю совѣтъ, который сводится къ отказу отъ привилегированной формы защиты его чести? Могъ ли принять на себя защиту чести короля, какъ простого гражданина или супруга?

Отвѣтъ на это вытекаетъ изъ воззрѣній на честь короля. Монархи въ условіяхъ современной политической жизни за-

пада часто тяготятся чрезмѣрной защитой въ публичномъ порядкѣ ихъ чести. Такая защита способна жестоко наказать виновнаго, но мало пригодна для поддержанія репутаціи монарха. Примѣръ этому—хотя бы недавняя Majestätbeleidigungsnovelle въ Германіи, проведенная по личному желанію Вильгельма II, гдѣ возбужденіе преслѣдованій объ оскорбленіи Величества ставится въ зависимость уже не отъ усмотрѣнія прокуратуры, а отъ предписанія министра юстиціи; это доказывается также частымъ примѣненіемъ права прекращенія уголовныхъ дѣлъ монархомъ (аболиціи) по обвиненіямъ такого рода, которое наблюдается въ Германіи. Англійскій генеральный атторней въ дѣлѣ Миліуса установилъ новый прецедентъ, введя возможность доказательства истинности разглашеннаго и наличности публичнаго интереса [1]). И главный судья допустилъ это, разсматривая, повидимому, это какъ простой отказъ стороны отъ своихъ процессуальныхъ правъ на что, конечно, она имѣетъ право. Правда, принимая этотъ способъ, генеральный атторней рисковалъ нѣсколько честью короля (напр. въ случаѣ оправданія), но увѣренность въ правотѣ и глубокое довѣріе короны къ суду присяжныхъ дѣлали этотъ рискъ совершенно ничтожнымъ. Этотъ рискъ, повидимому, все же явился менѣе значительнымъ, чѣмъ неудобство и невыгодность носящаго политическій характеръ обвиненія за мятежный ляйбель.

Этотъ процессъ, разсматривавшійся судомъ присяжныхъ, при соблюденіи всѣхъ гарантій правосудія, оказался на высотѣ поставленной задачи и лучше, чѣмъ какое либо иное средство, охранилъ часть короля.

Устами народныхъ представителей въ судѣ обвиненіе было признано клеветническимъ.

Невольно напрашивается сопоставленіе этого процесса съ другою эпохой, эпохой развитія королевскаго абсолютизма въ Англіи при Генрихѣ VIII. Этотъ женолюбивый король былъ женатъ семь разъ и каждый разъ, разводясь со

---

[1]) Недопустимость доказыванія истины въ такихъ дѣлахъ была констатирована неоднократно. R. v. Franklin 1731, State Trials vol. 9 p. 255; Ibid. vol. 17 p. 58, дѣло O'Brien.

своей старой женой, издавалъ чрезъ парламентъ законъ о томъ, что всякія рѣчи и писанія, навлекающія сомнѣніе на дѣйствительность новаго брака короля или на недѣйствительность развода съ прежней женой, будутъ почитаться государственной измѣной и повлекутъ за собою смертную казнь. Въ 1534 г. это предписывалось относительно развода съ Екатериной Арагонской и брака съ Анной Болейнъ (25 Hen. 8 c. 22); въ 1536 г. бракъ съ Анной Болейнъ признавался ничтожнымъ и провозглашалась законность брака съ Анной Сеймуръ, подъ угрозой смертной казни (28 Hen. 8 c. 7). Въ 1540 г. признался ничтожнымъ бракъ съ Анной Кливесъ и признавалось государственной измѣной утвержденіе о его дѣйствительности (32 Hen. 8 c. 25). Наконецъ, въ 1543 г. подъ угрозой казни предписывалось признавать законнымъ бракъ съ Екатериной Парръ (35 Hen. 8 c. 1). Въ качествѣ повода къ разводу въ послѣднихъ двухъ случаяхъ было выставляемо обвиненіе супругъ короля, бывшихъ раньше придворными дѣвушками, въ томъ, что онѣ не были дѣвственницами, когда вступили въ бракъ съ королемъ. Чтобы избавить короля отъ дальнѣйшаго риска, угодливый парламентъ въ 1541 году издалъ слѣдующій законъ: „Каждая женщина, къ какому бы званію, состоянію или сословію она ни принадлежала, съ которой король или кто либо изъ его преемниковъ вздумаетъ вступить въ бракъ, полагая, что она является чистой и непорочной дѣвицей, а между тѣмъ окажется или будетъ впослѣдствіи доказано, посредствомъ свидѣтельскихъ показаній или сознанія, противоположное—и которая тѣмъ не менѣе дастъ свое согласіе на вступленіе въ бракъ съ нашимъ суверенемъ королемъ, не заявивъ Его Величеству о своей прежней порочной жизни—будетъ признана виновной въ государственной измѣнѣ и подвергнется смертной казни, потерѣ земель, угодій, имуществъ и денежныхъ требованій, какъ полагается въ случаѣ государственной измѣны“ [1]). „Этотъ законъ—пишетъ бывшій лордъ главный судья Кэмбель въ своей книгѣ [2])—такъ напугалъ всѣхъ прядильницъ при королев-

[1]) 33 Hen. VIII c. 21, Statutes of the Realm vol. III p. 859.

[2]) Cambell. Lives of the Chancellors, vol. II, p. 108.

скомъ дворѣ, что вмѣсто того, чтобы стараться привлечь вниманіе короля, какъ то было съ Анной Болейнъ, Жаной Сеймуръ и Катериной Говардъ, въ надеждѣ получить корону, онѣ разбѣгались при его появленіи, какъ если бы онъ былъ палачемъ, оставляя поле открытымъ для вдовъ, которыя не могли, даже при крайней щепетильности королевскихъ юристовъ, быть подведены подъ дѣйствіе новаго закона". Съ вступленіемъ на престолъ Эдуарда VI (1547 г.) этотъ законъ былъ отмѣненъ, какъ „чрезмѣрно посягающій не только на естественную справедливость, но и на женскую скромность" (1 Edw. 6 c. 12).

Любопытно также, что въ эту эпоху былъ осужденъ парламентомъ и казненъ одинъ изъ предковъ фигурировавшаго въ настоящемъ дѣлѣ адмирала Кульме-Сеймура, Томасъ Сеймуръ, бывшій также адмираломъ британскаго флота въ то время. Онъ былъ осужденъ за то, что тайно женился на теткѣ малолѣтняго Эдуарда VI, вдовѣ Генриха VIII, Екатеринѣ Парръ и тѣмъ добился исключительнаго вліянія на малолѣтняго короля [1]). Возможно, что этотъ историческій фактъ послужилъ канвою, на почвѣ которой создана была сплетня, распространенная Миліусомъ.

Достаточно только сопоставленія этихъ двухъ историческихъ эпохъ, чтобы видѣть, какъ много выиграло уваженіе и авторитетъ короны, отрѣшившейся отъ старыхъ формъ возмездія и преслѣдованія.

---

[1]) State Trials, vol 1, p. 483. „Proceedings in Parlament against sir Thomas Seymour, Lord High Admiral of England, Uncle to the king and Brother to the Lord Protector, for high treason 1549.

V.

ДЕМОКРАТИЗАЦІЯ МИРОВОЙ ЮСТИЦІИ.

ДЕМОКРАТИЗАЦІЯ МИРОВОЙ ЮСТИЦІИ.

Въ настоящее время, когда у насъ поставленъ на очередь вопросъ о повсемѣстномъ возстановленіи мирового института, для русскихъ читателей, быть можетъ, будетъ не безынтереснымъ ознакомиться съ новѣйшими теченіями въ организаціи этого института въ Англіи, откуда онъ былъ въ существенныхъ чертахъ заимствованъ составителями судебныхъ уставовъ. Въ Англіи за послѣдніе годы общественное вниманіе сосредоточено на рядѣ мѣръ, которыя должны способствовать демократизаціи мирового суда, бывшаго раньше оплотомъ земельнаго дворянства. Въ 1906 г. здѣсь былъ изданъ законъ, отмѣнившій всякій имущественный цензъ для мировыхъ судей. Лѣтомъ 1910 года закончила свои работы особая королевская комиссія, которая намѣтила рядъ мѣръ, гарантирующихъ болѣе демократическій порядокъ назначенія мировыхъ судей и ихъ партійную независимость. Эти вопросы намѣчаются теперь и у насъ, при реформѣ мѣстнаго суда, когда намъ предстоитъ перейти отъ судей-администраторовъ изъ круговъ дворянъ-землевладѣльцевъ, каковыми были земскіе начальники, къ болѣе демократическому типу всесословныхъ мировыхъ судей, могущихъ и не обладать земельнымъ цензомъ. Въ настоящей статьѣ мы постараемся ознакомить съ съ этой эволюціей читателей, но, чтобы сдѣлать ее болѣе понятною, дадимъ предварительно небольшой очеркъ послѣдовательнаго развитія мирового института, ибо въ Англіи происходящія измѣненія могутъ быть объясняемы только исторически.

I.

Появленіе и развитіе института мирового суда неразрывно связано съ распространеніемъ королевской юрисдикціи на тѣ области, въ которыхъ господствовало раньше старое безформенное общинное правосудіе. Возникновеніе его относится къ XIV вѣку и, повидимому, вызвано слѣдующими обстоятельствами. Король чрезъ посредство своихъ путешествующихъ судей могъ отправлять правосудіе только періодически и по важнѣйшимъ дѣламъ, а „храненіе мира“, т. е. поддержаніе правопорядка, было дѣломъ старыхъ мѣстныхъ судовъ, общинныхъ и феодальныхъ, во главѣ которыхъ стояли старые выборные органы и, прежде всего, шерифъ. Между тѣмъ жизнь привела къ ослабленію, а порою и полному упадку старой системы круговой поруки (frankpledge), обезпечивавшей представленіе виновныхъ въ судъ. Органы общинной полиціи, шерифъ и констебли, были мало дѣятельны и трудно доступны вліянію короны. Поэтому въ 1327 г., въ первый годъ вступленія на престолъ великаго законодателя Англіи Эдуарда III, королемъ назначаются въ каждое графство по два „хранителя мира“ (conservatores pacis) [1]. Черезъ три года кругъ ихъ обязанностей расширяется, и имъ поручается производить аресты, собирать обвинительные акты и взыскивать съ шерифовъ за ихъ упущенія [2]. По словамъ Блэкстона [3], такое назначеніе королевскихъ чиновниковъ на мѣстахъ было вызвано политическимъ переворотомъ. Королева Изабелла насильственно низвергла съ престола своего мужа Эдуарда II и возвела на престолъ его сына Эдуарда III. Чтобы предупредить мятежи и нарушенія порядка, новый король разослалъ всѣмъ шерифамъ указы, предписывая имъ блюсти миръ въ ихъ округѣ, подъ страхомъ конфискаціи ихъ имуществъ и лишенія члена тѣла. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого парламентъ предписалъ, чтобы для вящшаго поддержанія мира въ каждомъ графствѣ были назначены королемъ „добрые и

---

[1]) 1 Edw. III, c. 16.
[2]) 4 Edw. III, c. 2.
[3]) Commentaries, vol. I. p. 349, 21 ep.

законные люди для храненія мира". Такимъ образомъ въ силу этого закона хранители мира перестали избираться народомъ, а стали назначаться королемъ въ его грамотѣ (Commission of the Peace). Этотъ порядокъ назначенія былъ рѣшительно подкрѣпленъ закономъ 1344 г. (18 Edw. III, c. 2), и тогда же новымъ хранителямъ мира было предоставлено право „совмѣстно съ другими юристами (learned men in law) рѣшать уголовныя дѣла". Созданіе органовъ правительственной власти на мѣстахъ принесло пользу, и общины ходатайствовали о расширеніи ихъ полномочій. Такое расширеніе происходило постепенно въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ. Въ особенности замѣчателенъ въ этомъ отношеніи статутъ 1360 г. (34 Edw. III, c. 1), который назначалъ въ каждое графство одного лорда съ тремя или четырьмя наиболѣе достойными людьми графства для храненія мира, ареста и держанія подъ стражей преступниковъ, а также для рѣшенія дѣлъ о преступленіяхъ. Съ этого времени къ административнымъ полномочіямъ присоединяются полномочія судебныя, и хранители мира получаютъ названіе мировыхъ *судей* (justices of the peace). Каждый новый статутъ присоединялъ новыя функціи къ обязанностямъ мировыхъ судей, и уже въ концѣ XV вѣка можно было говорить о „цѣлыхъ вязанкахъ статутовъ, взваленныхъ на спины мировыхъ судей". Въ ихъ руки практически перешло управленіе графствами и нормальное отправленіе правосудія.

„Уже давно—пишетъ Мэтландъ [1])—юристы оставили всякую надежду описать обязанности мировыхъ судей какимъ-либо систематическимъ образомъ, и алфавитный перечень сталъ единственной формой изложенія". Въ этомъ алфавитномъ указателѣ можно встрѣтить сотни и тысячи различныхъ рубрикъ, охватывающихъ самыя разнообразныя стороны мѣстной жизни, выросшихъ за столѣтіе существованія мирового института, и правъ былъ Гнейстъ, писавшій въ своемъ „Selbstverwaltung", что функціи англійскаго мирового судьи столь же многообразны, какъ и функціи государства. Мировые судьи

---

[1]) Maitland, Justice and police 1885 p. 84.

являются не только судьями, но и администраторами. Мэтландъ очень мѣтко замѣчаетъ: „Наше мѣстное управленіе проводилось въ жизнь въ формѣ судебныхъ рѣшеній и было проникнуто судейскимъ духомъ. Нашими правителями въ графствахъ были не префекты, контролируемые канцеляріями, а судьи, контролируемые высшими судебными мѣстами“. Мировые судьи, какъ наглядно показалъ Редлихъ [1]), являются не только органомъ уголовной юстиціи, а прежде всего органомъ административной юстиціи. Выдавая разрѣшеніе на продажу крѣпкихъ напитковъ, устраняя противозаконное состояніе и т. д., судья толкуетъ статуты такъ же, какъ онъ толкуетъ ихъ при примѣненіи уголовныхъ наказаній.

На тотъ фактъ, что, въ теченіе всей исторіи, мировые судьи являлись, прежде, всего полицейскими органами и органами административной юстиціи, а въ 17 и 18 вѣкѣ и органами активнаго управленія, обращалось мало вниманія. А между тѣмъ онъ является весьма характернымъ для положенія мировыхъ судей. Только закономъ 1888 г. большинство активныхъ функцій управленія было отнято отъ мировыхъ судей и передано въ вѣдомство вновь образованныхъ муниципальныхъ совѣтовъ. Изъ полицейскихъ обязанностей за мировыми судьями до сихъ поръ сохраняются призывъ милиціи изъ гражданъ въ нужныхъ случаяхъ, разсѣяніе преступныхъ сборищъ (такъ назыв. чтеніе riot act), отобраніе поручительства храненія мира и добраго поведенія, приведеніе къ присягѣ констеблей, арестъ преступниковъ и пр.

Функціи административнаго контроля распредѣлены отчасти между малыми сессіями, состоящими изъ двухъ мировыхъ судей, отчасти между четвертными сессіями, происходящими разъ въ три мѣсяца, на которыхъ могутъ участвовать всѣ судьи округа [2]).

---

[1]) Редлихъ, Англійское мѣстное управленіе, русск. пер. 1908 т. II, стр. 56.

[2]) Малыя сессіи были установлены сравнительно недавно, закономъ 6 Geo. IV c. 43, а до того весь округъ четвертныхъ сессій, съ юридической точки зрѣнія, почитался единымъ. Малыя сессіи призваны къ наблюденію за санитарнымъ состояніемъ округа по Health act, къ устраненію различныхъ nuisances — вредныхъ дѣйствій, къ выдачѣ патентовъ на продажу питей и контролю за нею; они назначаютъ смотрителей за бѣдными, за дорогами, собирателей церковныхъ налоговъ. Административный контроль они выполняютъ въ формѣ такъ назыв.

Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе компетенціи мировыхъ судей по административному вѣдомству. Укажу только, что сохраненіе за мировыми судьями многихъ административно-судебныхъ функцій до сихъ поръ дѣлаетъ крайне важными надлежащій подборъ ихъ и политическую незаинтересованность.

Какъ уголовные судьи, J. P. выполняютъ двоякія функціи: во-первыхъ, они являются слѣдователями, вѣдающими предварительное разсмотрѣніе доказательствъ и принятіе принудительныхъ мѣръ; во-вторыхъ, они являются судьями, выносящими приговоры съ участіемъ присяжныхъ и безъ участія ихъ, суммарно. Присяжные привлекаются только въ четвертныя сессіи, гдѣ рѣшаются всѣ уголовныя дѣла, кромѣ важнѣйшихъ, оставляемыхъ до пріѣзда королевскихъ судей. Суммарные суды происходятъ въ малыхъ сессіяхъ. Самое понятіе суммарнаго суда является, сравнительно, новымъ. Оно появляется только со времени акта Джервиса 1848 г. До того мировымъ судьямъ было предоставляемо право, примѣнять карательныя санкціи различныхъ статутовъ, не прибѣгая къ содѣйствію присяжныхъ. Такое примѣненіе происходило безъ всякихъ правилъ, скорѣе въ административномъ, чѣмъ въ судебномъ порядкѣ. Актъ Джервиса намѣтилъ уже опредѣленныя правила процесса и создалъ судъ суммарнаго производства, какъ особую инстанцію, права которой послѣдующими узаконеніями были значительно расширены. Съ каждымъ годомъ это суммарное производство дѣлаетъ новыя завоеванія и вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается прочнѣе [1]).

Special sessions. Кромѣ того, имъ принадлежитъ право разсмотрѣнія нѣкоторыхъ гражданскихъ споровъ между работодателями и рабочими, прислугой и хозяевами, домовладѣльцами и нанимателями, спора между супругами объ алиментахъ и о раздѣльномъ жительствѣ и нѣк. др. Четвертныя сессіи выступаютъ, какъ совѣщательный органъ, въ рядѣ административныхъ дѣлъ: при выдачѣ промысловыхъ свидѣтельствъ, при опредѣленіи о починкѣ дорогъ, вознагражденіи за военныя потравы, при помѣщеніи въ работные дома и пр. Въ качествѣ органа административной юстиціи, они рѣшаютъ по жалобамъ на закрытіе домовъ для жилья, на взысканіе налоговъ, на закрытіе питейныхъ заведеній. Наконецъ, имъ принадлежатъ функціи административнаго надзора за тюрьмами, домами для умалишенныхъ, убѣжищами для алкоголиковъ и право административнаго назначенія нѣкоторыхъ полицейскихъ органовъ. См. Gerland. Englische Gerichtsverfassung. 1910. v. I p. 26—7, 53—54.

[1]) Если взять только важнѣйшія преступленія (indictable offences), то по пяти-

II.

Въ теченіе шести вѣковъ своей исторіи мировой институтъ пропелъ нѣсколько стадій въ своемъ развитіи. Первая стадія, продолжавшаяся приблизительно до середины XVI вѣка, характерна по борьбѣ между королемъ и населеніемъ графствъ за назначеніе мировыхъ судей изъ числа мѣстныхъ людей. Постепенно назначаемые королемъ со стороны юристы уступаютъ мѣсто землевладѣльцамъ графства. Вторая стадія характеризуется захватомъ должностей мировыхъ судей крупными землевладѣльцами, подчинившими все мѣстное управленіе своимъ классовымъ интересамъ. Наконецъ, третья, намѣчающаяся нынѣ стадія есть періодъ демократизаціи мирового института. Мы постараемся въ немногихъ словахъ охарактеризовать каждую изъ этихъ трехъ стадій, остановившись подробнѣе лишь на послѣдней.

Какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выше законовъ, породившихъ мировой институтъ, мировые судьи первоначально были введены для того, чтобы вытѣснить мѣстные избираемые органы—шерифа и констеблей и ввести послушныхъ королю назначаемыхъ изъ центра администраторовъ и судей. Но постепенно мѣстные дворяне (knights, gentry) домогаются того, чтобы быть назначенными на должность мироваго судьи, которая давала большое значеніе въ графствѣ, и уже законъ 13 Rich. II st. 1 c. 1 дѣлаетъ уступку въ этомъ направленіи, представляя эту должность мѣстной знати. Съ средины XV вѣка устанавливается компромиссъ: король назначаетъ нѣсколькихъ мировыхъ судей, въ томъ числѣ нѣсколькихъ юристовъ, присутствіе которыхъ при отправленіи правосу-

---

лѣтіямъ мы видимъ, что число судившихся съ присяжными въ ассизахъ и четвертныхъ сессіяхъ было, въ среднемъ, 1893—99—11,238, 1900—1904—11,276, 1905—1909—13,110, а число судившихся за эти преступленія въ суммарномъ порядкѣ: 1892—99—39,812, 1900—1904—45,635, 1905—909—50,328. Возрастаніе числа дѣлъ, рѣшаемыхъ въ суммарномъ порядкѣ, вполнѣ очевидно и абсолютно, и относительно. Къ этому числу нужно присоединить грандіозную цифру 743,197 дѣлъ о non indictable offences, рѣшенныхъ суммарно въ среднемъ ежегодно за пятилѣтіе 1905—1909. См. Judicial Statistics. Part. I, for the year 1909. London 1911, Tables A. B. C.

дія обязательно (так. назыв. кворумъ [1]); вскорѣ значеніе этого кворума теряется, туда начинаютъ вноситься почти всѣ судьи; голько для формы обыкновенно опускалось одно или два имени въ спискѣ. Но въ XVIII вѣкѣ отмираетъ и это [2]). Число судей вначалѣ было шесть въ каждомъ графствѣ (12 Rich. II с. 10), но черезъ три года оно было увеличено до восьми. Впослѣдствіи, благодаря росту функцій, числовыя ограниченія отпали, и въ настоящее время въ одномъ графствѣ можно найти до 50—60 мировыхъ судей [3]).

Власть судей опредѣлялась прежде грамотой о назначеніи (Commission), и уже въ XVI вѣкѣ эта грамота стала весьма сложной. Въ 1590 г. лордъ главный судья C. Wray пересмотрѣлъ ее и издалъ въ новой редакціи, которая сохраняетъ силу до сихъ поръ [4]), но фактически она совершенно устарѣла, а обязанности судей опредѣляются рядомъ статутовъ. Эта весьма обширная грамота назначаетъ опредѣленныхъ лицъ, какъ хранителей королевскаго мира въ графствѣ, поручаетъ имъ разслѣдовать различныя дѣла, указывая, какія дѣла должны быть передаваемы въ ассизные суды, и, наконецъ, уполномочиваетъ одного изъ нихъ быть хранителемъ свитковъ (custos rotulorum) [5]). Назначенные судьи

---

[1]) Выраженіе „quorum“ заимствовано изъ старой формулы commission, гласившей: „quorum aliquem vestrum A, B, C. D. etc. unum esse volumus“. Отсюда судьи, попавшіе въ этотъ перечень, получили названіе „justices of the quorum“.

[2]) Blackstone's Commentaries, vol. 1 p. 350.

[3]) Общее число мировыхъ судей въ настоящее время трудно установить съ точностью. Въ Англіи и Уэльсѣ имѣется 1001 судовъ суммарнаго производства и 164 суда четвертыхъ сессій (Report, p. 4). По свѣдѣніямъ отдѣльныхъ авторовъ, число всѣхъ мировыхъ судей колеблется между 17,000—18,000, число же лицъ, дѣйствительно участвующихъ въ сессіяхъ, колеблется между 7.500 и 8,500. См. отдѣльные подсчеты у Gerland. Englische Gerichtisverfassung. 1910 p. 19. Hatschek. Englisches Staatsrecht B. II p. 430. Liepmann,—Summarisches Strafverfahren in England p. 18, 1908,—опредѣляетъ, что въ среднемъ одинъ мировой судья приходится на 2000 жителей. Hatschek указываетъ, что ежегодно назначается отъ 500 до 600 новыхъ мировыхъ судей для графствъ и 400—500 для городовъ. Среднее число мировыхъ судей въ графствѣ опредѣляется имъ въ 60—800 (см. Parl. Papers. 1893 vol. 74 p. 1).

[4]) См. текстъ ея у Holthworth, History of english law. 1906. app. XXIV. Небольшія измѣненія въ ней сдѣланы лишь закономъ 1877 (Crown Office act).

[5]) Commissions графствъ, кромѣ перечня мѣстныхъ мировыхъ судей, до сихъ поръ включаютъ въ себѣ имена лорда-канцлера, лорда-предсѣдателя совѣта, лорда

дают присягу [3]). Они могутъ быть уволены по усмотрѣнію короля, но фактически этимъ правомъ корона пользовалась только въ 17 вѣкѣ во время деспотическаго правленія Стюартовъ.

Второй періодъ начинается съ введенія имущественнаго ценза въ половинѣ XV вѣка, но наибольшаго своего развитія достигаетъ въ половинѣ XVIII в., когда мировые судьи становятся центромъ мѣстнаго управленія.

Первоначально не было установлено никакого имущественнаго ценза для мировыхъ судей. Статутъ 2 Henry V c. I (1414), напр., требуетъ только, чтобы мировые судьи жили въ соотвѣтственномъ графствѣ и были „людьми, имѣющими наилучшую репутацію и наиболѣе достойными“, или „ры-

---

хранителя тайной печати, нѣсколькихъ членовъ тайнаго совѣта, лорда главнаго судьи, членовъ высшаго суда, генеральныхъ атторнея и солиситора. Всѣ эти лица являются такимъ образомъ мировыми судьями всѣхъ графствъ Англіи. Это—остатокъ права короны назначать въ commission любыхъ близкихъ ей лицъ. Въ случаѣ какихъ-либо измѣненій въ commission обыкновенно новыя имена приписываются или старыя вычеркиваются. Только съ перемѣной царствующаго монарха принято издавать новыя commissions. Обязанности custos rotulorum—хранителя протоколовъ мировыхъ судей, теперь вручаются обыкновенно лорду—лейтенанту.

[1]) Эта присяга у Lambard, Eirenarcha Bd. I, c. 10 приводится въ слѣдующемъ стихотворномъ переложеніи:

„Doe equall right to rich and poor,
as wit and law extends:
Give none advice in any case,
that you before depends:
Your sessions hold as statutes bid;
the forfeits that befall
See entered well, and then estreat
them to the Chequer all;
Receive no fee, but that is given
by King, good use, or right;
No precept send to party self
but to indifferent wight“

(„Предоставляй одинаково правосудіе богатому и бѣдному, насколько то позволяетъ разумъ и законъ; не давай никому совѣта по дѣлу, которое ты долженъ рѣшать; руководи своими сессіями, какъ того требуютъ статуты; поступающіе штрафы тщательно вноси въ книги и затѣмъ ихъ посылай въ казначейство; не принимай никакого вознагражденія, кромѣ того, которое установлено королемъ, обычаемъ или закономъ; никогда не посылай предписаній самой сторонѣ, но посылай ихъ какому либо третьему лицу“).

царями, эсквайрами и юристами". Только въ 1440 году (18 Henry VI, c. 11) было предписано, чтобы въ commission, назначавшую мировыхъ судей, вносились только лица, владѣющія землею, дающею въ годъ, по крайней мѣрѣ, 20 ф. ст. дохода. Эта сумма въ началѣ 18 вѣка (1732 г.), съ усиленіемъ крупнаго землевладѣнія, повышается до 100 ф. ст. (5 Geo. II, c. 11), и тогда же (18 Geo. II, c. 20) постановляется, что для занятія этой должности необходимы обладаніе имѣніемъ доходностью до 100 ф. ст. или аренда при ежегодной рентѣ въ 300 ф. ст.

Земельная аристократія, управлявшая Англіей въ теченіе послѣднихъ столѣтій, использовала свое положеніе въ качествѣ мировыхъ судей для того, чтобы способствовать процессу концентраціи земель въ немногихъ рукахъ лэндлордовъ; она противодѣйствовала изданію фабричныхъ законовъ и законовъ о рабочихъ союзахъ, выработала суровыя кары въ области нарушенія правилъ объ охотѣ и лѣсныхъ проступковъ, безпощадно примѣняла законы противъ посягательствъ на собственность и т. д. [1]). Даже самые горячіе приверженцы мирового института, о которомъ вообще принято говорить въ Англіи съ большимъ уваженіемъ, не отрицаютъ той печальной роли, какую онъ сыгралъ въ XVII и XVIII вѣкахъ въ смыслѣ укрѣпленія господствующихъ классовъ и защиты вліянія интересовъ. Составъ мировыхъ судей въ началѣ 90-хъ XIX вѣка былъ еще рѣшительно аристократическимъ [2]).

Теперь наблюдается уже новое теченіе, которое можетъ быть названо процессомъ демократизаціи мирового суда. Сначала начинается расширеніе круга лицъ, могущихъ быть

[1]) См. Редлихъ, ц. с., т. I, стр. 57, 77.

[2]) Въ качествѣ примѣра можно привести распредѣленіе по профессіи состава мировыхъ судей въ граѳствѣ Честеръ въ 1893 г. (S. Parl. Papers. 1893 v. 74 p. 308 ff.). Изъ 264 мировыхъ судей 100 были промышленниками, 15—20 офицерами и чиновниками, 3 духовными лицами, 15—17 инженерами, 12—14 представителями либеральныхъ профессій (врачами, адвокатами) и около 100 крупными фермерами и помѣщиками (Squires). См. Hatschek. Englisches Staatsrecht, II, p. 430. Liepmann (p. 18) приводитъ профессіональный составъ мировыхъ судей въ г. Bournemouth въ 1845 г. Изъ 30 активныхъ мировыхъ судей 9 были промышленниками, 7—рантьерами, 4—врачами, 3—юристами. 2—офицерами, 2—архитекторами и по 1 журналисту, чиновнику и рабочему.

мировыми судьями, путемъ введенія новыхъ формъ имущественнаго ценза. Въ 1875 г. на ряду съ земельнымъ цензомъ былъ поставленъ квартирный (плата не менѣе 100 ф. ст. въ годъ). Но эта уступка оказала мало вліянія на составъ судей. Не порывая еще съ имущественнымъ цензомъ, законодательство въ 80-хъ годахъ дало нѣкоторую косвенную возможность проникать въ мировые судьи лицамъ, не обладающимъ цензомъ. По законамъ о городскомъ самоуправленіи (Municipal corporations act 1882) и земскомъ самоуправленіи (Local government acts 1888 и 1894), выдѣлившимъ административныя функціи, раньше принадлежавшія мировымъ судьямъ, въ вѣдомство особыхъ мѣстныхъ совѣтовъ, мэры и предсѣдатели земскихъ управъ (chairmen of county councils and of district councils), избираемые на должность независимо отъ имущественнаго ценза, пріобрѣли право быть по своей должности (ex-officio) мировыми судьями. Эти ex-officio J. P., какъ ихъ называютъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ являлись представителями демократическихъ классовъ населенія. Окончательный разрывъ съ имущественнымъ цензомъ—дѣло недавняго времени. Только съ появленіемъ рабочей партіи въ парламентѣ и усиленіемъ вліянія ея въ политикѣ, правительство поспѣшило шире открыть двери для неимущихъ классовъ къ занятію должности мировыхъ судей. Оно провело въ 1906 году законъ Justices of Peace act 1906 (6 Edw. VII, c. 16), который совершенно упразднялъ имущественный цензъ. Законъ этотъ гласитъ: „имущественный цензъ (qualification by estate), требуемый для занятія должности мирового судьи во всякомъ графствѣ, отмѣняется“. Ст. 57 закона отмѣняются различныя существующія частныя узаконенія о цензѣ.

Но теперь, съ отмѣной имущественнаго ценза, должность мирового судьи еще не стала вполнѣ доступной для низшихъ классовъ. Препятствіями къ тому служатъ, во-первыхъ, неоплачиваемость этой должности, и, во-вторыхъ, способы замѣщенія ея.

Неоплачиваемость службы мировыхъ судей далеко не является историческимъ принципомъ. До XVIII в. мировые судьи получали по 4 шиллинга за каждый день, проведен-

ный на службѣ. Только съ переходомъ этой должности въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ создалась практика отказовъ отъ содержанія. Но, отправляя эту должность безплатно, земельная знать щедро вознаграждаетъ себя оплачиваемыми синекурами, которыми обильна Англія, сохраняющая старыя должности, потерявшія свое практическое значеніе [1]). „The great unpaid“—„высокая безвозмездная должность“, какъ принято называть мировой институтъ въ Англіи, на самомъ дѣлѣ есть продуктъ аристократическихъ тенденцій развитія. Назначаемые изъ юристовъ судьи—полицейскіе магистраты и рекордеры являются уже „stipendiary magistates“, т. е. оплачиваемыми.

Что же касается порядка замѣщенія должностей мировыхъ судей, то реформа его теперь стоитъ на очереди. Разработкѣ посвящены работы королевской коммисіи 1909—1910 г., къ которымъ мы теперь и переходимъ.

III.

Расширеніе круга лицъ, изъ которыхъ могутъ вербоваться мировые судьи, привело въ Англіи къ необходимости пересмотрѣть и способы назначенія ихъ. Надлежащій способъ назначенія мировыхъ судей имѣетъ громадную важность, и до сихъ поръ проблема установленія его еще не разрѣшена законодательствами и практикой. Несомнѣнными являются слѣдующія положенія: 1) мировые судьи должны имѣть связь съ тою мѣстностью, въ которой они дѣйствуютъ, такъ какъ этимъ обезпечивается необходимая для нихъ близость къ населенію; 2) мировые судьи не должны быть ставленниками какого-либо одного класса, такъ какъ тогда послѣднему будетъ дано несправедливое преобладаніе на мѣстахъ; 3) мировые судьи не могутъ назначаться всецѣло по усмотрѣнію правительства, такъ какъ правительство не можетъ найти достаточнаго количества подходящихъ кандидатовъ на мѣстахъ

---

[1]) Редлихъ, т. I, стр. 70—72. См. также намеки на это въ приведенной выше присягѣ мировыхъ судей.

и руководится несомнѣнно централистическими тенденціями. Примѣняющійся въ большинствѣ штатовъ Сѣв. Америки принципъ избранія мировыхъ судей всѣмъ населеніемъ представляетъ большія неудобства, создавая партійныхъ судей, не пользующихся несмѣняемостью и часто не подготовленныхъ. Исключительно правительственное назначеніе въ парламентарныхъ странахъ вслѣдствіе смѣны министровъ точно такъ же вводитъ духъ партійности, крайне вредный для этой должности. Необходимо установить извѣстный компромиссъ между мѣстною властью самоуправленія и центральною правительственною властью. Къ этому компромиссу, принятому и у насъ, склоняется новый англійскій проектъ.

На почвѣ существующей системы назначенія, обезпечивавшей преобладаніе земельнаго класса, развилось въ качествѣ дополнительнаго средства закулисное вліяніе различныхъ политическихъ партій, идущее чрезъ правительство и чрезъ вліятельныхъ членовъ парламента. Крупныя торговыя и промышленныя предпріятія, съ одной стороны, и трэдъюніоны, съ другой, также пытались воздѣйствовать на назначеніе желательныхъ имъ мировыхъ судей. Въ результатѣ мировые судьи, ставленники этихъ организацій, часто являлись партійными въ своей дѣятельности. Для нынѣшняго правительства пересмотръ системѣ назначенія явился тѣмъ болѣе желательнымъ, что вслѣдствіе преобладанія въ средѣ мѣстныхъ землевладѣльцевъ консервативныхъ элементовъ, большинство мировыхъ судей въ настоящее время является консерваторами, которые въ своей административной дѣятельности часто не солидарны съ видами центральнаго правительства.

По существующей теперь практикѣ мировые судьи назначаются лордомъ-канцлеромъ, по рекомендаціи лорда-лейтенанта каждаго графства. Эта практика основана не на какомъ-либо законѣ, а на сравнительно недавнемъ обычаѣ. До конца XVIII вѣка обязанность давать совѣты и рекомендаціи лорду-канцлеру относительно мировыхъ судей лежала на представителѣ графства—большомъ жюри четвертныхъ сессій. Съ нѣкоторымъ паденіемъ значенія этой коллегіи, эта функція переходитъ къ главѣ мѣстной милиціи—лорду лейтенанту,

назначаемому короной. Эта должность возникла къ концу царствованія династіи Тюдоровъ, когда стала ощущаться потребность создать на мѣстахъ какой-либо постоянный органъ для руководства мѣстными военными силами, вмѣсто ежегодно избираемаго шерифа. Съ паденіемъ значенія мѣстной милиціи и установленіемъ регулярной арміи съ ея особыми начальниками, должность лорда-лейтенанта стала почетной и поручалась обыкновенно особо уважаемому лицу вмѣстѣ съ функціями хранителя свитковъ (custos rotulorum). Послѣдній былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и почетнымъ главой мѣстныхъ мировыхъ судей. Назначеніе на эту должность разсматривается какъ извѣстная награда за политическія услуги; хотя лордъ-лейтенантъ можетъ быть во всякое время уволенъ королемъ, но практически назначеніе это носило характеръ пожизненнаго.

Привлеченіе лорда-лейтенанта къ рекомендаціямъ для замѣщенія должности мировыхъ судей было естественнымъ слѣдствіемъ его положенія, какъ главы мировыхъ судей и хранителя ихъ протоколовъ, но оно никогда не разсматривалось какъ исключительная его привилегія, стѣсняющая лорда-канцлера, и мы имѣемъ цѣлый рядъ заявленій канцлеровъ, показывающихъ, что они руководились не только этими рекомендаціями, но и своимъ усмотрѣніемъ [1]).

---

[1]) Въ 1830 г. во время дебатовъ въ палатѣ лордовъ, лордъ-канцлеръ Брумъ предостерегалъ лордовъ-лейтенантовъ, что онъ вмѣшается самъ, если они не будутъ избирать кандидатовъ изъ болѣе широкаго круга. Говоря во время тѣхъ же дебатовъ, лордъ Эльдонъ указалъ, что при пропускѣ лордомъ-лейтенантомъ какихъ-либо пригодныхъ лицъ, обязанностью лорда-канцлера является восполненіе такихъ пропусковъ, когда они становятся ему извѣстными.

Въ 1838 г. Lord Gottenham, бывшій тогда лордомъ-канцлеромъ, рѣшительно возражалъ противъ обращеннаго къ нему запроса о томъ, почему онъ не руководится указаніями лорда-лейтенанта при назначеніи мировыхъ судей. По этому поводу герцогъ Веллингтонъ сказалъ: „Я увѣренъ въ томъ, что лорды-лейтенанты хорошо знаютъ о принадлежности права назначенія и выбора мировыхъ судей лицу, имѣющему въ своихъ рукахъ большую печать; только любезность и обычай позволяютъ лордъ-лейтенантамъ рекомендовать этому лицу имена джентльменовъ, достойныхъ быть судьями“.

Въ болѣе поздніе времена практика тоже не была безусловной. Лордъ Хэльсбэри указалъ, что въ 99 случаяхъ изъ 100 онъ руководился указаніями лорда-лейтенанта. Лордъ Гершель въ 1893 г. заявилъ, что, хотя власть назначенія ми-

Нынѣшній лордъ-канцлеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ ту практику, которой онъ придерживается „По моему мнѣнію, лордъ-канцлеръ не долженъ признавать ни за кѣмъ права контролировать его рѣшеніе. Его положеніе было бы невыносимымъ, если бы онъ долженъ былъ нести всю отвѣтственность за назначеніе, которую законъ возлагаетъ только на него, и въ то же время былъ бы принужденъ дѣйствовать по мнѣнію кого-либо другого. Я лично свободно сносился съ лордами-лейтенантами и поступалъ такъ несмотря на возникавшія трудности или жалобы отъ графства. За очень немногими исключеніями, они охотно оказывали содѣйствіе и принимали на себя рядъ заботъ. Я старался прежде всего добиться согласія въ самомъ графствѣ, стремясь чтобы лордъ-лейтенантъ самъ снесся съ представителями населенія различныхъ убѣжденій и составилъ списокъ, удовлетворяющій всѣхъ. Это удавалось достигнуть приблизительно въ 30 или 40 графствахъ изъ общаго числа 98. Во многихъ изъ нихъ такое собираніе мнѣній предъ составленіемъ комендательныхъ списковъ явилось обычной практикой, и изъ этихъ графствъ до меня не дошло какихъ-либо серьезныхъ жалобъ. Я вмѣшивался тамъ, гдѣ такая практика не установилась и вслѣдствіе этого возникали осложненія. Результатомъ этого было то, что я дѣйствовалъ самостоятельно наряду съ лордами-лейтенантами при всѣхъ назначеніяхъ, сдѣланныхъ мною во время исполненія моей должности. Въ 1906—1907, 1908, 1909 г.г. было назначено 5,531 мировой

ровыхъ судей по закону принадлежитъ только ему, онъ однако не считалъ возможнымъ не примѣнять давно установившейся практики и конституціоннаго обычая, ограничивающаго кругъ назначаемыхъ только кандидатами, представленными лордомъ-лейтенантомъ, если только къ обратному не побуждало недвусмысленное заявленіе, принятое въ палатѣ общинъ".

Вскорѣ послѣ этого, по предложенію Чарльса Дилька, въ палатѣ общинъ была принята въ 1893 г. слѣдующая резолюція: „По мнѣнію палаты, представляется желательнымъ, чтобы назначеніе мировыхъ судей въ графствахъ не было производимо въ будущемъ лордами-канцлерами Великобританіи и Ирландіи только по рекомендаціи лордовъ-лейтенантовъ". Въ силу этой резолюціи лордъ Гершель назначилъ много мировыхъ судей безъ всякой рекомендаціи со стороны лордовъ-лейтенантовъ. Report of Royal Commission on the Selection of justices of peace 1910, p. 5.

судья, и я полагаю, что 98 или 99% изъ этого числа назначены по рекомендаціи лордовъ-лейтенантовъ. Только въ очень немногихъ случаяхъ я принужденъ былъ дѣйствовать безъ содѣйствія“ [1]).

Нѣсколько особый характеръ имѣетъ назначеніе мировыхъ судей въ Ланкастерѣ, пользующемся широкой автономіей, какъ старое пфальцское герцогство (county Palatine). Здѣсь въ силу закона 27 Нер. 8 с. 24 назначенія происходятъ не за большой печатью, а за печатью герцогства, и потому органомъ ихъ является особый канцлеръ герцогства, который также руководится представленіями лордовъ-лейтенантовъ [2]). Взглядъ на обязательность этихъ представленій за послѣднее время сильно мѣнялся [3]).

Но даже при слѣдованіи совѣтамъ лордовъ-лейтенантовъ лордъ-канцлеръ не имѣлъ предъ собою опредѣленной практики. Лорды лейтенанты, конечно, сами не были знакомы съ пригодными для занятія должностей судьями и потому обращались за содѣйствіемъ къ разнообразнымъ органамъ на мѣстахъ. Обыкновенно они консультировали предсѣдателей четвертныхъ сессій, предсѣдателей малыхъ сессій, клерковъ мировыхъ судей. Но кромѣ ихъ указаній лордъ-лейтенантъ почти всегда руководился свѣдѣніями, почерпаемыми отъ своихъ личныхъ друзей, къ которымъ онъ питалъ довѣріе. Рѣдко

---

[1]) Ibid. p. 5—6.

[2]) Этимъ закономъ (1536) вмѣстѣ съ тѣмъ были окончательно упразднены права другихъ крупныхъ феодаловъ и органовъ самоуправленія на самостоятельное назначеніе мировыхъ судей.

[3]) Первое рѣшительное указаніе на желательность придерживаться этихъ рекомендацій было сдѣлано въ 1870 г. послѣ того какъ въ теченіе шести или семи предшествующихъ лѣтъ было назначено множество мировыхъ судей въ награду за политическія услуги. Канцлеры слѣдовали этому указанію до 1893 г., когда канцлеръ Брайсъ, съ согласія монарха, назначилъ снова рядъ судей по собственной иниціативѣ. Противъ этого возсталъ совѣтъ герцогства и опредѣлилъ въ 1896 г. (послѣ перемѣны правительства), что практика, установленная въ 1870, сохраняетъ свою обязательность. Такъ продолжалось до 1906 г. когда опять призванные къ власти либералы перестали слѣдовать этой практикѣ, стѣсненные консервативными лордами-лейтенантами; въ 1908 г. канцлеръ обезпечилъ себѣ право помѣщать передъ спискомъ, предложеннымъ лордомъ-лейтенантомъ, имена кандидатовъ, назначеніе которыхъ ему было особенно желательнымъ. Report, p. 6, 7.

когда онъ руководился болѣе выработаннымъ планомъ. Онъ рѣдко освѣдомлялся о томъ, соотвѣтствуетъ ли назначеніе новыхъ судей общественнымъ потребностямъ, и выбиралъ кандидатовъ сравнительно произвольно. Результатомъ всего этого являлось крайнее пристрастіе лейтенантовъ при выборѣ кандидатовъ, и отчетъ коммисіи объясняетъ этимъ преобладающее количество консерваторовъ, въ числѣ лицъ, занимающихъ эти должности. При преобладаніи ихъ классовые интересы крупныхъ землевладѣльцевъ по прежнему являются господствующими [1]). Въ противовѣсъ этой практикѣ либеральное правительство должно было назначать, въ дополненіе къ спискамъ лорда-лейтенанта, въ особенности въ городахъ, значительное число мировыхъ судей, рекомендованныхъ членами парламента и даже политическими ассоціэціями, принадлежащими къ даннымъ округамъ. При назначеніи мировыхъ судей изъ рабочей среды, правительство обращалось къ трэдъ-юніонамъ.

Лордъ-канцлеръ Лорбэрнъ въ своихъ показаніяхъ предъ коммисіей такъ говорилъ о преобладаніи консервативныхъ элементовъ: „Соціальная жизнь въ большинствѣ графствъ покоится главнымъ образомъ на консервативныхъ основаніяхъ, и въ очень многихъ мѣстахъ политическія страсти доходятъ до значительнаго развитія. Часто представляется широкое поле для выбора кандидатовъ, и естественно, что люди болѣе благосклонно относятся къ тѣмъ, которые раздѣляютъ одинаковыя съ ними мнѣнія. Я полагаю, что этимъ во многомъ объясняется постоянная склонность лордовъ-лейтенан-

---

[1]) Этотъ классовый интересъ до сихъ поръ еще сильно сказывается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. „Преступленія противъ собственности—пишетъ одинъ демократическій мировой судья—составляютъ значительное большинство дѣлъ, которыя и приходится вѣдать въ сельскихъ округахъ южной Англіи. Подсудимыми здѣсь являются большею частью люди, не имѣющіе ни земли, ни дома. Судятъ же ихъ тѣ, которые монополизировали въ своихъ рукахъ дома и земли даннаго округа и которые могутъ, если пожелаютъ, выселить изъ округа все остальное населеніе. Большинство ихъ почти совсѣмъ незнакомо съ законами и назначается не вслѣдствіе личныхъ заслугъ или общественныхъ отличій, а просто по рекомендаціи, вслѣдствіе владѣнія землею. Относительно многихъ изъ нихъ справедливо можно сказать, что назначеніе ихъ на судейскія должности составляетъ еще худшее преступленіе, чѣмъ тѣ преступленія, которыя они призваны карать“ (3 Annual Report of the Penal Reform League 1910. p. 5).

товъ при рекомендаціяхъ предпочитать консервативныхъ кандидатовъ, оставляя въ сторонѣ какія-либо соображенія объ умышленной несправедливости. Въ немногихъ графствахъ, которыя я знаю, наблюдается вполнѣ отчетливое и сознательное желаніе устранять либераловъ, потому что они являются либералами, но я не думаю, что эта практика обычна и опредѣляется всецѣло желаніемъ лорда-лейтенанта. Это происходитъ, гдѣ это наблюдается, вслѣдствіе политическаго пристрастія тѣхъ, на совѣты которыхъ онъ полагается. Я думаю, что партійныя и общественныя пристрастія автоматически приводятъ къ значительному преобладанію людей однихъ убѣжденій въ числѣ предлагаемыхъ лордомъ-лейтенантомъ, хотя онъ и не желаетъ проявлять несправедливости".

Это преобладаніе въ числѣ мировыхъ судей людей одной партіи, по словамъ лорда-канцлера, „противорѣчитъ общему интересу, такъ какъ авторитетъ судейскаго сословія ослабляется широко распространеннымъ мнѣніемъ о неправильномъ подборѣ ихъ". Оно развиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ взглядъ на должность мирового судьи, какъ на политическую, и приводитъ къ борьбѣ различныхъ партійныхъ организацій за проведеніе своихъ кандидатовъ. Членъ парламента представляетъ своему единомышленнику-министру составленный его партійнымъ агентомъ списокъ кандидатовъ, который министръ, связанный партійными узами, не всегда можетъ игнорировать. Министръ стремится поддерживать партійный „балансъ" среди мировыхъ судей графства, и число судей тамъ начинаетъ рости независимо отъ потребностей населенія. Назначенные въ противовѣсъ консервативнымъ судьямъ, судьи либералы и рабочіе считаютъ своимъ долгомъ проводить политику послàвшихъ ихъ политическихъ организацій. Хотя изъ 4000 состоявшихся съ 1906 г. назначеній болѣе чѣмъ въ 3000 случаяхъ были назначены представители либераловъ [1]), тѣмъ не менѣе институтъ мировыхъ судей представляетъ собою до сихъ поръ цитадель консерватизма. При дальнѣйшемъ развитіи политической борьбы Англіи могло грозить созданіе

---

[1]) Liepmann, ц. с. p. 19.

въ этой области той political spoil system, которая свила прочное гнѣздо въ Сѣв. Америкѣ.

Это положеніе вызвало за послѣдніе годы рядъ протестовъ въ парламентѣ. Начиная съ 1906 г., въ палатѣ лордовъ каждый годъ (1906, 1907, 1909 гг.) предъявляются запросы правительству по поводу такихъ назначеній [1]). Въ 1907 г., 22 апрѣля, глава консерваторовъ, лордъ Лэндсдоунъ сказалъ: „Я сожалѣю вмѣстѣ съ благороднымъ и ученымъ лордомъ, что въ нѣкоторыхъ графствахъ получилось преобладаніе судей одной политической партіи. Это—политическое бѣдствіе, но еще большимъ бѣдствіемъ было бы, если для возстановленія безпристрастія были бы назначаемы некомпетентныя лица огуломъ и безъ достаточнаго вниманія". Въ палату общинъ, начиная съ 1906 г., неоднократно вносились законопроекты, стремящіеся видоизмѣнить порядокъ назначенія судей. Министерство оставалось непоколебимымъ въ своей практикѣ свободнаго усмотрѣнія, и только, предвидя возможность своего пораженія, въ концѣ 1909 г. оно рѣшило передать вопросъ на разсмотрѣніе особой королевской коммисіи, которая должна улучшить существующую практику. Эта коммисія была создана королевскимъ указомъ 5 ноября 1909 г. и въ настоящее время опубликовала свой проектъ (6 іюля 1910 г.).

Въ своей дѣятельности коммисіи пришлось считаться съ самыми разнородными интересами. Къ ней являлись, съ одной стороны, депутаціи пивоваровъ съ просьбой обезпечить болѣе частое назначеніе мировыхъ судей изъ ихъ среды (мировые судьи выдаютъ въ Англіи патенты на продажу питей), съ другой стороны—представители отъ обществъ трезвенниковъ ходатайствовали о совершенномъ исключеніи пивоваровъ; съ такими же просьбами являлись содержатели ссудныхъ кассъ, представители трэдъ-юніоновъ и т. д. Коммисія имѣла 15 засѣданій и допросила 56 экспертовъ.

---

[1]) Вполнѣ опредѣленныя указанія на необходимость большей демократизаціи порядка назначенія мировыхъ судей и на соотвѣтственную роль лорда-лейтенанта раздавались уже при ироведеніи реформы 1888 г. Тогда же выдвигался американскій примѣръ избранія судей всѣмъ населеніемъ, но онъ былъ отвергнутъ. См. Редлихъ, ц. с., т. I стр. 257. Тамъ же ссылка на дальнѣйшую литературу.

Свои заключенія коммисія формулировала въ слѣдующихъ 13 пунктахъ:

1. Назначеніе мировыхъ судей по прежнему должно находиться въ рукахъ короны.

2. Лордъ-канцлеръ, какъ глава судебной власти, долженъ остаться отвѣтственнымъ за тѣ совѣты, которые онъ даетъ коронѣ въ отношеніи выбора, назначенія и дисциплины мировыхъ судей.

3. Лорды-лейтенанты графствъ по прежнему сохранятъ практику рекомендацій, дѣлаемыхъ лорду-канцлеру, но при слѣдующихъ ограниченіяхъ:

I) чтобы лордъ-канцлеръ могъ назначать въ каждомъ графствѣ одну или нѣсколько небольшихъ коммисій, организованныхъ на представительномъ началѣ, для информированія и совѣта лорду-канцлеру и лорду-лейтенанту;

II) чтобы лица, избираемыя членами этихъ коммисій, а также практика и производство этихъ коммисій, зависѣли отъ усмотрѣнія лорда канцлера.

4. Въ городахъ, пользующихся правомъ самостоятельнаго управленія (boroughs), лордъ-канцлеръ долженъ имѣть такую же власть назначенія подобныхъ коммисій.

5. Не должно быть въ публичныхъ интересахъ преобладанія среди мировыхъ судей лицъ, принадлежащихъ къ одной политической партіи.

6. Практика назначенія судей подъ воздѣйствіемъ политическихъ агентовъ какой-либо партіи должна быть рѣшительно осуждена.

7. Лордъ-канцлеръ долженъ отвергать всякія подобныя воздѣйствія, и лордъ-лейтенантъ или кто-либо другой, дѣлающій рекомендацію кандидатовъ, не долженъ признавать религіозныя или политическія убѣжденія однимъ изъ условій пригодности или непригодности кандидата.

8. Лордъ-канцлеръ и лордъ-лейтенантъ должны отказываться отъ непрошенныхъ рекомендацій, исходящихъ отъ членовъ парламента или кандидатовъ въ такіе члены, или отъ политическихъ агентовъ, или представителей политическихъ ассоціацій.

9. Въ виду важности судейскихъ и административныхъ обязанностей, которыя призваны выполнять мировые судьи, необходимо, чтобы лица, назначаемыя на эту должность, были людьми нравственнаго и хорошаго характера, способными, дѣятельными, независимыми и здравомыслящими.

10. Въ публичныхъ интересахъ желательно, чтобы мировыми судьями были назначаемы лица всякаго званія и чтобы рабочіе, хорошо знакомые съ условіями жизни въ ихъ кругу, были назначаемы на эти должности какъ въ графствахъ, такъ и въ городахъ.

11. Назначеніе каждаго судьи должно сопровождаться принятіемъ имъ на себя обязательства выполнять свою долю судебной работы, и при небрежномъ выполненіи ея, безъ уважительныхъ къ тому причинъ, ему можетъ быть предложено подать въ отставку, а если онъ не представляетъ о томъ, то онъ можетъ быть вычеркнутъ изъ грамоты (commission)[1]). Но просьба судьи, который перемѣнилъ мѣсто жительства и перешелъ въ другой округъ, о внесеніи его въ списки новаго округа должна быть принимаема благосклонно.

12. Коммисія не рекомендуетъ какихъ-либо измѣненій въ законахъ, опредѣляющихъ правоспособность различныхъ категорій лицъ для занятія должности мировыхъ судей.

13. Коммисія не рекомендуетъ увеличенія числа мировыхъ судей ex officio или увеличенія срока пребыванія ихъ въ должности.

Къ этому общему предложенію коммисіи отдѣльными членами были сдѣланы только двѣ оговорки: въ одномъ случаѣ защищается принципъ рекомендаціи кандидатовъ политическими агентами (M-r Frederick Verney), а въ другомъ подчеркивается необходимость участія въ этихъ коммисіяхъ по крайней мѣрѣ двухъ представителей отъ мѣстнаго самоуправленія (W. D. Atkins и Th. G. Ashton).

Заключенія королевской коммисіи не являются радикаль-

---

[1]) Это пожеланіе имѣетъ въ виду устранить неактивныхъ мировыхъ судей, число которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ достигаетъ 50%. На нежелательность такого явленія указывалось неоднократно. См., напр., Proceedings of House of Lords 22 june 1906 г.

ными. Наиболѣе интереснымъ ея нововведеніемъ является установленіе мѣстныхъ совѣщательныхъ коммисій. Этотъ центральный вопросъ изложенъ въ отчетѣ очень неопредѣленно. Съ одной стороны, указывается, что эти коммисіи должны быть „представительнаго характера“, а съ другой—что онѣ назначаются лордомъ-канцлеромъ, т. е. членомъ партійнаго кабинета. Лордъ-лейтенантъ можетъ входить въ качествѣ члена въ эти коммисіи, если онъ признаетъ это нужнымъ. Конечно, возможно, что безпристрастіе лорда-канцлера въ достаточной степени обезпечитъ представительный характеръ этихъ коммисій, но съ нашей точки зрѣнія эти начала трудно совмѣстимы. Очень возможно, что первоначальныя предположенія коммисіи будутъ болѣе конкретизированы въ проектѣ, который, вѣроятно, будетъ внесенъ въ парламентъ. Но во всякомъ случаѣ любопытно, что существовавшая въ теченіе столѣтій въ Англіи система назначенія судей по рекомендаціи мѣстнаго представительнаго органа—большого жюри—теперь, послѣ столѣтняго перерыва, воскресаетъ снова, но уже въ болѣе демократической формѣ всесословнаго представительнаго органа. Созданіе его, если оно будетъ имѣть мѣсто, явится еще однимъ доказательствомъ демократизаціи мѣстнаго суда и управленія [1]).

Коммисія не пошла навстрѣчу теченіямъ, рекомендовавшимъ ввести непосредственное избраніе судей населеніемъ. По этому поводу она замѣчаетъ: „Мы рѣшительно придерживаемся того мнѣнія, что назначеніе мировыхъ судей должно по прежнему производиться королемъ. Мы имѣли очень немного доказательствъ въ пользу народнаго избранія судей, и эти доказательства производились скорѣе съ цѣлью показать, что выборы могли бы установить нѣкоторое политическое равно-

---

[1]) Въ Англіи очень многочисленны голоса въ пользу передачи функцій назначенія мировыхъ судей въ руки совѣтовъ самоуправленія (Town and County Councils); но единственнымъ возраженіемъ противъ этого является указаніе на возможность партійныхъ пристрастій вслѣдствіе немногочисленности состава этихъ совѣтовъ (Penal Reform League, 3 Report 1910, p. 7). Въ случаѣ принятія этой системы, англійская система значительно приблизилась бы къ нашей когда мировые судьи избираются земскими собраніями и городскими думами и утверждаются правительственнымъ органомъ—Первымъ Департаментомъ Сената.

вѣсіе, но не то, что они создадутъ идеальную систему. Назначеніе должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства посредствомъ прямыхъ всенародныхъ выборовъ рѣзко противорѣчитъ англійскимъ конституціоннымъ обычаямъ. Народные выборы свелись бы, по всей вѣроятности, къ политическимъ выборамъ. Политическое вліяніе, которое мы здѣсь осуждаемъ, стало бы всемогущимъ. Мы не можемъ также признать, что посредствомъ народныхъ выборовъ можно установить пригодность отдѣльныхъ людей къ занятію судейскихъ должностей“ (Report, p. 10). И дѣйствительно, печальная практика Сѣверо-Американскихъ Штатовъ подтверждаетъ эти опасенія весьма краснорѣчиво.

Демократизація англійскаго государственнаго строя шла медленными шагами. Начиная съ 1832 года, она коснулась парламента. Акты реформы 1867 и 1884 г.г. еще полнѣе осуществили демократическіе принципы въ палатѣ общинъ. Теперь очередь за палатою лордовъ. Въ 1888 году дѣла ется рѣшительный шагъ къ демократизаціи мѣстнаго управленія. И, наконецъ, начало XX вѣка знаменуется демократизаціей мѣстнаго суда. Выступленіе рабочей партіи въ парламентѣ сыграло въ этомъ отношеніи рѣшающую роль. Потребовалось много десятилѣтій, чтобы процессъ демократизаціи государственнаго строя путемъ введенія въ него новыхъ элементовъ населенія нашелъ свое выраженіе въ законѣ. Дѣломъ практики уже является фактическое завоеваніе сдѣлавшихся доступными позицій.

VI.

ПОЛИЦЕЙСКІЕ СУДЫ.

ПОЛИЦЕЙСКІЕ СУДЫ.

I.

Одною изъ наиболѣе характерныхъ сторонъ въ эволюціи судебнаго строя современной Англіи является та все усложняющаяся роль, которую играютъ существующіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ суды оплачиваемыхъ магистратовъ, извѣстные подъ именемъ полицейскихъ судовъ [1]). За послѣдніе годы можно констатировать безпрерывно совершающійся ростъ ихъ дѣятельности, превратившій ихъ въ важные соціальные центры, гдѣ не только творится правосудіе, но и разрѣшаются всевозможные конфликты, которыми такъ богата жизнь большихъ городовъ. Профессіональный судья-юристъ, замѣнившій здѣсь мирового судью, этого джентльмена-добровольца, настолько отклонился отъ своего предшественника, что полицейскіе суды можно разсматривать какъ самостоятельный видъ организаціи мѣстной юстиціи, хотя онъ до сихъ поръ связанъ множествомъ нитей, сотканныхъ изъ традицій и фикцій, съ породившимъ его мировымъ институтомъ.

Движеніе въ пользу назначенія оплачиваемыхъ судей, вмѣсто мировыхъ судей, безплатно приносившихъ свой трудъ, началось съ Лондона въ концѣ XVIII вѣка. Обиліе всевозможныхъ дѣлъ здѣсь привело къ тому, что должность мирового судьи стала крайне обременительной; съ другой сто-

---

[1]) Литература о полицейскихъ судахъ возрасла лишь за послѣдніе годы. Имъ посвященъ отчасти рядъ новыхъ нѣмецкихъ работъ: K. Weidlich. Die Polizei als Grundlage und Organ der Strafrechtspflege in England 1908. P. Liep-

роны, здѣсь не было того досуга у высшихъ классовъ, который легко достижимъ въ сельскихъ мѣстностяхъ при слабой развитости промышленной и дѣловой жизни. Вслѣдствіе раздававшихся жалобъ былъ изданъ въ половинѣ XVIII вѣка законъ, который увеличилъ число мировыхъ судовъ въ Лондонѣ и предоставилъ судьямъ брать въ свою пользу опредѣленныя небольшія суммы съ нѣкоторыхъ категорій дѣлъ, подлежавшихъ ихъ разсмотрѣнію. Система эта просуществовала недолго. Она привела къ тому, что должности активныхъ мировыхъ судей заполнились людьми, не стѣснявшимися въ корыстныхъ видахъ злоупотреблять своими судейскими полномочіями. Имѣлась цѣлая система поборовъ, практиковавшихся нѣкоторыми судьями, получившими впослѣдствіи имя „промышляющихъ судей“ (trading justices). Вотъ, напримѣръ, одно изъ показаній, данныхъ въ 1815 г., но относящихся къ 1782 г. „Судья Walsh на Личфильской улицѣ, пользовавшійся выдающейся репутаціей, а также судьи Hyde, Gudler и Blakborough выработали слѣдующій планъ. Они издавали приказы о задержаніи на улицахъ всѣхъ бѣдняковъ и затѣмъ освобождали ихъ подъ поручительство въ 2 шиллинга 4 пенса, которые шли въ ихъ пользу; также они поступили

---

mann. Summarisches Strafverfahren in England. 1908. Hatschek. Englisches Staatsrecht. B. II, 1909 s. 581 ff. Weidlich. Lisz's Zeitschrift B. 28. s. 497. и подробнѣе другихъ—Gerland. Die Englische Gerichtsverfassung 1910. B. I s. 104—165; но всѣ нѣмецкія работы ограничиваются изложеніемъ юридической *схемы устройства этихъ судовъ, не касаясь ихъ дѣятельности и соціальной* роли. Во Франціи мы имѣемъ старыя малосодержательныя работы Picot. Notes sur l'organisation des tribunaux de police à Londres 1862; V. Smith. Du tribunal de police en Angleterre 1863; Lagrevol. De la procedure criminelle de l'Angleterre et des justices sommaires 1860; нѣсколько основательнѣе: de Franqueville. Système judiciaire de la Grande Bretagne. 1893, t. I, p. 272—280. Въ Англіи лучшими практическими руководствами являются G. G. Douglas. Summary Jurisdiction procedure 1907. Archbold. Quarter Sessions. H. Vincent. The police code. 1901. Съ бытовой точки зрѣнія весьма содержательными и красочными являются работы Th. Holmes. Pictures and problems from London Police Courts 1902. *Его-же.* Known to the police 1907. H. Gamon. The London police court to—day and to—morrow 1907. A. C. Plowden. Grain or chaff? The autobiography of a police magistrate 1903. Въ нашей литературѣ имѣется небольшая статья П. Шиловскаго. Лондонскій мировой судья (сб. Судебные Очерки. В. I. 1898).

и со 100 дѣвицами, отъ которыхъ собрали 11 ф. 13 ш. 4 п. Они не посылали никого въ тюрьмы, ограничиваясь залогами, которые для нихъ были болѣе пріятны“. Генри Фильдингъ, извѣстный писатель, который былъ самъ мировымъ судьей, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ (1754 г.): „Умиротворяя, вмѣсто того, чтобы разжигать вражду между носильщиками и нищими (что, мнѣ стыдно признаться, далеко дѣлалось не всѣми судьями) и отказываясь брать шиллингъ отъ человѣка, который, по всей вѣроятности, не имѣлъ за душою другого шиллинга, я низвелъ свой заработокъ съ 500 ф. с. въ годъ, собранныхъ изъ самыхъ грязныхъ рукъ, до 300 ф. с., значительная часть которыхъ оставалась въ рукахъ моего клерка. Иначе онъ дѣлать не могъ, ибо тогда ему пришлось бы получать ничтожныя суммы за сидѣнье въ теченіе 16 часовъ изъ 24-хъ въ самой нездоровой и удушливой атмосферѣ, разстраивавшей, если не его нравственныя качества, то, по крайней мѣрѣ, здоровье“. Въ примѣчаніи Фильдингъ замѣчаетъ: „Мой предшественникъ хвастался тѣмъ, что онъ вырабатывалъ здѣсь ежегодно 1000 ф. с., но для меня остается секретомъ, какъ онъ могъ сдѣлать это. Мой клеркъ, служившій и при немъ, заявляетъ, что у меня теперь больше дѣлъ, чѣмъ у него. Я увѣренъ, что я получаю все, что можетъ брать здѣсь человѣкъ. Въ сущности, вознагражденія, получаемыя отъ отдѣльныхъ дѣлъ, столь ничтожны и работа столь велика, что даже если бы въ распоряженіи судьи имѣлось работы на двадцать клерковъ, онъ не выручалъ бы достаточно. Общество, поэтому, не должно сѣтовать, когда я выдамъ секретъ, что я получалъ отъ правительства ежегодно пенсію изъ средствъ, ассигнованныхъ на жалованье правительственнымъ служащимъ“ [1]).

Эти скандалы правосудія привели къ изданію закона Middlesex Justices act 1792 г. [2]), который разрѣшилъ установленіе 7 судовъ (police offices) въ Миддлсексѣ и одного въ Сэррей (округи, входившіе тогда въ составъ Лондона,

---

[1]) Stephen, History of criminal law. vol. I, 1883 p. 230.

[2]) 32 Geo. 3, c. 53.

кромѣ Сити), къ каждому изъ которыхъ было присоединено по три судьи съ жалованьемъ въ 400 ф. с. въ годъ. Успѣхъ этой мѣры привелъ къ постепенному возрастанію жалованія, числа должностей и объема власти этихъ оплачиваемыхъ судей [1]). Но опредѣленную организацію они получили лишь въ 1835 г. по Municipal Corporation act—для провинціальныхъ городовъ и Metropolitan Police Courts act 1839 г.—для столицъ. Характерно отмѣтить, что первый изъ этихъ актовъ былъ составленъ Бентамомъ.

Municipal corporation act 1835 предоставилъ право устраивать суды оплачиваемыхъ магистратовъ городамъ, насчитывающимъ не менѣе 25.000 жителей и—независимо отъ числа жителей—городамъ, пользующимся особымъ самоуправленіемъ (borough). Назначеніе такихъ судей зависитъ отъ желанія мѣстнаго муниципальнаго совѣта, который представляетъ о томъ министру внутреннихъ дѣлъ (Home Secretary). Послѣдній предлагаетъ коронѣ назначить одного изъ бэрристеровъ, имѣющихъ соотвѣтственную практику, на эту должность. Предложеніе мѣстнаго совѣта еще не обязываетъ министерство къ такому назначенію: оно можетъ отклонить его по различнымъ причинамъ, но, съ другой стороны, оно само не можетъ назначить судью отъ себя безъ ходатайства мѣстныхъ органовъ. Со времени изданія этого закона лишь 19 городовъ воспользовались этимъ правомъ и ввели у себя, вмѣсто мировыхъ судей или параллельно съ ними, полицейскихъ магистратовъ [2]). Во всѣхъ нихъ имѣется по одному магистрату (только въ Манчестерѣ два).

Положеніе столичныхъ магистратовъ, опредѣляемое закономъ 1839 г., и положеніе провинціальныхъ магистра-

---

[1]) См. подробнѣе Maitland. Justice and police. 1885, p. 99.

[2]) Эти города суть: Brimingham, Cardiff, Chatham, and Cheerness, East Ham, Grimsby, Kingston, Hull, Leeds, Liverpool, Manchester, Merthyr Tydfil, Middlesborough, Pentypridd, Salford Borough, Sheffield, Staffordshire Potteries, Stoke upon Trent, West Ham и Wolverhamptou. См. Gerland I p. 115. Такая сравнительная малочисленность ихъ объясняется значительностью финансовыхъ расходовъ (прежде юстиція выполнялась безплатно мировыми судьями) и неудобствомъ вводить эту систему въ городахъ тогда, когда общее административное управленіе города и даже общая судебная организація тѣсно связаны съ организаціей въ графствѣ, гдѣ дѣйствуютъ мировые судьи. Gerland p. 164.

товъ по закону 1835 г. и позднѣйшимъ [1]) однородно, но не тождественно. Различіе прежде всего проявляется въ условіяхъ назначенія. Для замѣщенія провинціальных должностей требуется лишь семилѣтнее пребываніе въ званіе бэрристера (практика въ этой должности не является необходимой); для столичныхъ судей требуется уже семилѣтняя практика и, кромѣ того, состояніе въ теченіе трехъ лѣтъ въ званіи special counsel; это послѣднее условіе можетъ быть замѣнено исполненіемъ должности провинціальнаго магистрата [2]). Неодинаково и юридическое положеніе обоихъ. Провинціальный магистратъ разсматривается еще какъ судья, дѣйствующій въ составѣ коллегіи другихъ мировыхъ судей. Это можетъ быть фикціей, какъ то часто бываетъ въ Англіи [3]), но юридически онъ судитъ не одинъ, а коллегіально, и любой изъ мировыхъ судей округа, если бы онъ пожелалъ, могъ бы судить и рѣшать дѣла вмѣстѣ съ нимъ, хотя голосъ магистрата и пользовался бы преимуществомъ. Здѣсь еще скорѣе въ теоріи, чѣмъ на практикѣ сохраняется традиціонный взглядъ на сессію. Оплачиваемый магистратъ вмѣстѣ съ тѣмъ участвуетъ въ дѣлахъ, подсудныхъ коллегіи мировыхъ судей. Лондонская система уже ясно порываетъ съ этимъ взглядомъ и открыто признаетъ полицейскаго магистрата *единоличнымъ* судьей. Компетенція его отграничена отъ компетенціи мировыхъ судей, и онъ уже не участвуетъ въ ихъ коллегіи. Это выражается,

---

[1]) Позднѣйшіе акты, регулирующіе положеніе и назначеніе провинціальныхъ магистратовъ, таковы: the Stipendiary magistrates acts 1858 (21 and 22 Vict, c. 73) и 1869 (32 and 33 Vict, c. 34), Municipal corporations act 1882 (45 and 47 Vict. c. 50).

[2]) Средній срокъ, послѣ котораго производится назначеніе, на дѣлѣ значительно выше. Въ Лондонѣ онъ равенъ 18½ лѣтъ практики. Въ числѣ нынѣшнихъ полицейскихъ судей есть лица, имѣвшія до назначенія стажъ въ 31 годъ. Gerland p. 117.

[3]) Такъ, напр., въ Central criminal court предсѣдателемъ юридически является лордъ-мэръ, а фактически предсѣдательствуетъ королевскій судья; въ четвертныхъ сессіяхъ при рѣшеніи дѣлъ съ присяжными коронный элементъ юридичесии состоитъ изъ коллегіи мировыхъ судей, а фактически засѣдаетъ одинъ только recorder. Въ судѣ королевской скамьи предсѣдательствуетъ въ силу исторической фикціи до сихъ поръ самъ король.

напримѣръ, въ томъ, что нѣкоторыя оставшіяся еще административныя обязанности мировыхъ судей (напр., въ области государственныхъ и мѣстныхъ податей) не могутъ вѣдаться имъ; онъ не участвуетъ и въ четвертныхъ сессіяхъ мировыхъ судей. За коллегіей полицейскихъ судей Лондона сохраняются только функціи финансовыхъ контролеровъ (court of survey). Являясь особымъ судьей, лондонскій полицейскій судья тѣмъ не менѣе въ апелляціонномъ отношеніи подчиненъ четвертнымъ сессіямъ мировыхъ судей, состоящимъ изъ непрофессіональныхъ элементовъ. Правда, во главѣ этихъ сессій стоятъ рекордеръ и его товарищъ, назначаемые изъ числа профессіональныхъ юристовъ, но требованія къ кандидатамъ на эту должность меньшія, чѣмъ требованія, предъявляемыя къ лондонскому магистрату [1]). Такимъ образомъ получается любопытное положеніе, когда вторая инстанція непрофессіональнаго характера контролируетъ низшую инстанцію, профессіональную [2]). Подсудность лондонскихъ и провинціальныхъ магистратовъ одинакова (кромѣ участія въ спеціальныхъ и четвертныхъ сессіяхъ).

Въ Лондонѣ имѣется 13 полицейскихъ судовъ, въ которыхъ засѣдаютъ 25 магистратовъ. Каждый изъ нихъ является мировымъ судьей для графствъ Middlesex, Surrey, Kent, Essex и Hertfordshire, а главный магистратъ, кромѣ того,—и для Berkshire. Во главѣ стоитъ Bow Street police court, имѣющій chief magistrate и двухъ полицейскихъ судей. Остальные суды раздѣляются на двѣ группы, имѣющія по 6 судовъ каждая. Въ каждомъ судѣ засѣдаютъ по два магистрата по очереди, день черезъ день, и только въ одномъ судѣ въ каждой группѣ имѣется по одному магистрату. Такая ненормальность явилась слѣдствіемъ созданія въ 1888 г. двухъ новыхъ су-

---

[1]) Въ настоящее время уже въ 105 городахъ введены профессіональные рекордеры, назначаемые короной изъ числа особо опытныхъ адвокатовъ. Въ развитіи этой должности слѣдуетъ видѣть постепенное вытѣсненіе непрофессіональнаго суда профессіональнымъ

[2]) Въ качествѣ желательной реформы нѣкоторыми рекомендуется система, весьма напоминающая нашъ съѣздъ мировыхъ судей. Такъ Plowden (p. 220) рекомендуетъ передачу апелляціоннаго разбирательства въ руки chief magistrate въ коллегіи съ двумя чередующимися police magistrates

довъ безъ соотвѣтственнаго увеличенія числа магистратовъ. Никакихъ добавочныхъ судей на случай болѣзни или временнаго отсутствія не полагается. Засѣданія суда происходятъ ежедневно, кромѣ перваго дня Рождества и Страстной пятницы. Такое небольшое количество судей въ городѣ, насчитывающемъ болѣе 7 милліоновъ жителей (1/4 всего населенія Англіи), приводитъ къ крайней обремененности судей. Въ среднемъ на каждаго приходится около 10,000 дѣлъ. Результатомъ этого является слишкомъ поспѣшное разбирательство отдѣльныхъ дѣлъ и маловдумчивое отношеніе судей. Во власти правительства, однако, имѣется еще возможность назначенія двухъ судей—законъ 1839 г. опредѣлилъ предѣльное число магистратовъ въ Лондонѣ въ 27.

Всѣ полицейскіе суды имѣютъ одинаковую власть. Только въ Лондонѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выдѣляется положеніе старѣйшаго суда на Bow street, гдѣ засѣдаетъ chief magistrate. Преимущества этого магистрата носятъ скорѣе почетный характеръ. Такъ, по установившейся практикѣ, санкціонированной закономъ [1]), къ нему всегда обращается государственный секретарь съ требованіями о разрѣшеніи ареста въ цѣляхъ выдачи иностраннымъ государствамъ преступниковъ [2]); онъ предсѣдательствуетъ на четвертныхъ совѣщаніяхъ магистратовъ, гдѣ обсуждаются вопросы общаго интереса, какъ проекты законовъ, мѣры къ улучшенію практики; наконецъ, предъ нимъ возбуждается предварительное слѣдствіе по наиболѣе громкимъ дѣламъ. Внѣшнимъ преимуществомъ является нѣсколько болѣе усиленный окладъ жалованія (1.800 ф. ст.),

Кромѣ 13 полицейскихъ судовъ, въ Лондонѣ существуетъ еще два суда въ Сити: одинъ въ Думѣ (Mansion House), другой въ купеческой управѣ (Guildhall), которые, въ сущности, являются мировыми судами, но съ тѣмъ лишь отличіемъ, что правосудіе въ нихъ отправляется единоличными судьями.

---

[1]) 33 and 31 Vict. c. 52 s. 26, Hatchek, II, s. 524.

[2]) Въ Англіи выдача происходитъ съ судебнаго разрѣшенія, ибо административная власть не можетъ произвести ареста безъ судебнаго приказа.

Мировыми судьями здѣсь являются мэръ и совѣтники управы (aldermen), которые въ силу старинной привилегіи, встрѣчающейся уже въ XVI вѣкѣ, и позднѣе подтвержденной закономъ [1]), могутъ судить и единолично. Каждый изъ совѣтниковъ засѣдаетъ непрерывно въ теченіе недѣли. Засѣданія суда происходятъ ежедневно, и преемственность работы поддерживается клеркомъ, которому принадлежитъ активная роль въ веденіи процесса. Эти суды Сити не особенно переобременены дѣлами. Въ то время какъ на округъ полицейскаго суда приходится до 500.000 жителей, въ округѣ обоихъ судовъ въ Сити живетъ (т. е. проводитъ ночь) только не болѣе 27.000 человѣкъ. Въ 1909 г. въ обоихъ этихъ судахъ было разсмотрѣно лишь 5,658 дѣлъ. Между тѣмъ въ остальныхъ частяхъ Лондона (Metropolitan police district) было разсмотрѣно 168,631 дѣло, что составляетъ болѣе 10.000 на каждый судъ [2]). Ограниченія, лежащія на полицейскихъ судьяхъ въ отношеніи участія въ съѣздахъ мировыхъ судей, на судей въ Сити не распространяются.

Служебное положеніе полицейскихъ магистратовъ нѣсколько отлично отъ положенія мировыхъ и коронныхъ судей. Они назначаются не лордомъ-канцлеромъ, какъ мировые или коронные судьи, а министромъ внутреннихъ дѣлъ съ утвержденія короны. Лордъ-канцлеръ издаетъ только формальную грамоту о назначеніи ихъ. Они назначаются только „на время добраго расположенія короны“ (during good pleasure), т. е. юридически всегда могутъ быть лишены занимаемой должности. Но со времени изданія законовъ о нихъ ни одного случая такого увольненія не было; правила предусматриваютъ возможность этого лишь при неспособности судьи или учиненіи какихъ-либо преступленій (disability or misbehaviour). Они лишены права королевскихъ судей носить красную мантію и парикъ. Красная мантія является эмблемой королевской власти, сѣдой парикъ—эмблемой судейской мудрости. Какъ ни мишурны эти эмблемы, а онѣ имѣютъ большое значеніе въ глазахъ англичанъ. Неоднократны были случаи, когда пре-

---

[1]) 11 and 12 Vict. c. 43 s. 34.

[2]) Criminal judicial Statistics 1909 p. 83.

ступники на четвертныхъ сессіяхъ съ пренебреженіемъ относились къ мировымъ судьямъ, требуя привилегіи быть судимымъ „краснымъ судьей“. Красная мантія входитъ въ обращеніе еще съ XII вѣка. Парики—болѣе поздняго происхожденія: ихъ относятъ къ началу XVIII вѣка. Первый примѣръ этого относится къ 1705 г., когда лордъ хранитель большой печати былъ принужденъ носить парикъ, „такъ какъ королева не хотѣла ввѣрить своей печати мальчику“ (ему было 40 лѣтъ). Съ середины XVIII вѣка ношеніе парика для членовъ судейскаго сословія было обязательнымъ, но въ особенно жаркіе дни имъ разрѣшалось снимать ихъ. Послѣдній случай такой диспенсаціи отмѣченъ въ 1874 г., когда такая льгота была дана вслѣдствіе сильной жары д-ру Kenealy, защитнику въ извѣстномъ дѣлѣ Тичборна. Впрочемъ, эта мѣра не принесла желаемой пользы. Онъ произнесъ такую горячую рѣчь, что предосторожность сдѣлать голову холодной, повидимому, оказалось въ данномъ случаѣ, мало дѣйствительной. Среди полицейскихъ судей, вербуемыхъ изъ адвокатовъ, многіе воздыхаютъ по своемъ старомъ парикѣ. Явиться безъ парика въ судъ для нихъ столь же тяжело, какъ генералу въ штатскомъ платьѣ выступать передъ фронтомъ, ибо, если форма разсчитана на величіе, то сѣдой парикъ—на глубокомысліе и почтенность.

На время пребыванія въ должности полицейскій судья, въ отличіе отъ мирового, теряетъ право заниматься частной практикой и быть избираемымъ въ парламентъ. Онъ получаетъ присвоенное должности содержанія (въ Лондонѣ 15,000 руб. въ годъ) [1]) и по прослуженіи опредѣленнаго времени—пенсію. Въ этомъ высокомъ вознагражденіи полицейскихъ судей лежитъ правильный принципъ; благодаря ему на эту должность можно приглашать юристовъ, пользующихся высокой репутаціей.

Какъ и судьи Высшаго суда, полицейскіе магистраты уже не могутъ разсчитывать на дальнѣйшее повышеніе. Единственное передвиженіе—это изъ однихъ участковъ въ другіе,

---

[1]) Въ провинціи содержаніе опредѣляется министромъ по сношеніи съ мѣстнымъ совѣтомъ. Gerland p. 110.

болѣе предпочитаемые, что опредѣляется старшинствомъ службы.

Полицейскіе магистраты могутъ пользоваться ежегоднымъ отпускомъ въ шесть недѣль, но при этомъ они сами должны подыскать себѣ замѣстителя и оплачивать его трудъ изъ своихъ средствъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ для провинціальныхъ магистратовъ допускается даже приглашеніе бэрристера, имѣющаго установленный закономъ стажъ практики. Для такой замѣны требуется согласіе министра внутреннихъ дѣлъ. Въ случаѣ болѣзни имъ дается трехмѣсячный отпускъ.

Полномочія полицейскаго судьи соотвѣтствуютъ власти мировыхъ судей, дѣйствующихъ въ составѣ малыхъ сессій или единолично. Онъ является, прежде всего, органомъ предварительнаго разбирательства по дѣламъ, подсуднымъ суду присяжныхъ. Затѣмъ ему принадлежитъ самостоятельная власть рѣшенія по дѣламъ, допускающимъ суммарное производство. Эти дѣла перечислены въ законѣ и по нимъ можетъ быть назначаема тюрьма до 1 года съ тяжкими работами и штрафъ до 500 ф. ст. По закону 1905 г. (Aliens act) судѣ предоставлено право рекомендовать министру высылку иностранцевъ за учиненныя ими преступленія; въ опредѣленныхъ случаяхъ ему предоставлено право помѣщенія въ дома для умалишенныхъ, въ реформаторіи для алкоголиковъ, въ исправительно-воспитательныя учрежденія, въ борстальскія учрежденія для молодыхъ преступниковъ; онъ можетъ назначать тѣлесное наказаніе (whipping) до 50 ударовъ, примѣнять условное осужденіе, брать поручительство храненія мира. Хотя онъ не рѣшаетъ гражданскихъ тяжбъ, но ему предоставлено закономъ 1907 г. полномочіе обязывать виновную сторону къ возмѣщенію вреда, причиненнаго преступленіемъ, въ размѣрѣ до 10 ф. ст. Кромѣ уголовныхъ дѣлъ, онъ вѣдаетъ нѣкоторыя дѣла гражданскаго характера, которыя исторически связаны съ функціей „храненія мира“. Въ эту область, такъ-называемую civil jurisdiction, относятся слѣдующія категоріи, 1) иски объ алиментахъ на содержаніе внѣбрачныхъ дѣтей; 2) споры между ремесленниками и мастерами о заработной платѣ въ размѣрѣ, не достигающемъ 10 ф. ст.; 3) выдача актовъ о

раздѣльномъ жительствѣ супруговъ и разсмотрѣніе претензій объ обезпеченіи раздѣльно живущихъ женъ; 4) споры между домохозяевыми и жильцами; 5) освобожденіе отъ обязательнаго оспопрививанія; 6) распоряженія о распредѣленіи налоговъ въ пользу бѣдныхъ и т. д. [1]). Какъ видно „гражданская юрисдикція“ полицейскихъ судей является весьма ограниченной и они могутъ быть названы по преимуществу уголовными судьями. Мелкія гражданскія тяжбы разсматриваются въ судахъ графства (county court).

Кромѣ того, всѣ дѣла о малолѣтнихъ отъ 7 до 12 лѣтъ, кромѣ убійства, могутъ разсматриваться въ полицейскомъ судѣ, если отецъ или опекунъ не возражаютъ. Наказаніе въ этомъ случаѣ не можетъ быть не болѣе 1 мѣсяца тюрьмы, 40 шилл. штрафа или розогъ въ размѣрѣ до 6 ударовъ. По отношенію къ несовершеннолѣтнимъ отъ 12 до 16 лѣтъ требуется, кромѣ того, согласіе несовершеннолѣтняго; наказаніе въ такихъ случаяхъ не можетъ быть болѣе 3 мѣсяцевъ тюрьмы, штрафа до 10 ф. ст. и 12 ударовъ розгой.

Наконецъ, нѣкоторыя indictable offences, учиненныя взрослыми (простая кража, грабежъ, растрата, укрывательство, обманъ, поджогъ) могутъ быть имъ разсмотрѣны, если обвиняемый сознался и судья склоняется къ тому мнѣнію, что наказаніе можетъ быть назначено не свыше 6 мѣсяцевъ тюрьмы. Въ случаѣ, если причиненный ущербъ менѣе 40 шиллинговъ, наказаніе не можетъ быть выше 3-хъ мѣсяцевъ тюрьмы или 20 ф. ст. штрафа.

Производство въ полицейскомъ судѣ регулируется Jervis act 1848, который внесъ извѣстный порядокъ въ существовавшую здѣсь до того сферу усмотрѣнія. Этотъ порядокъ такъ простъ и цѣлесообразенъ, что, замѣчаетъ Плоуденъ, не понятно, почему нужно было столько столѣтій, чтобы до него додуматься.

Въ началѣ процесса клеркъ спрашиваетъ подсудимаго, признаетъ ли тотъ себя виновнымъ. При сознаніи судья не-

---

[1]) Подробнѣе Douglas, Summary jurisdiction. 1907. Изъ его компетенціи изъято только право выдачи патентовъ на содержаніе питейныхъ заведеній, принадлежащее мировому судьѣ.

медленно приступаетъ къ постановленію приговора и разсмотрѣнію обстоятельствъ, вліяющихъ на наказуемость. Если виновность отрицается, то допрашиваются потерпѣвшій (функціи свидѣтеля и обвинителя вполнѣ совмѣстимы) и свидѣтели обвиненія; всѣ они затѣмъ подлежатъ перекрестному допросу. Затѣмъ допрашиваются свидѣтели защиты и самъ подсудимый, если онъ того пожелаетъ. Обвинитель также можетъ подвергать перекрестному допросу свидѣтелей защиты. Послѣ этого возможенъ передопросъ свидѣтелей обвиненія или приглашеніе имъ новыхъ свидѣтелей. Рѣчей стороны при суммарномъ производствѣ не произносятъ; это право предоставляется имъ только при предварительномъ разбирательствѣ и то лишь въ формѣ суммированія дѣла (to sum up the case). Судья далеко не остается пассивнымъ, и дѣятельно участвуетъ въ допросахъ. Онъ руководитъ слѣдствіемъ, которое не стѣснено строгими правилами относимости или допустимости доказательствъ.

Въ распоряженіи судей въ качествѣ помощниковъ и секретарей состоятъ клерки. Эти должности по своему значенію выше, чѣмъ однихъ только исполнителей. Они имѣютъ рядъ самостоятельныхъ функцій, какъ, напр., веденіе денежной отчетности, руководство канцеляріей, составленіе протоколовъ судебныхъ засѣданій. Иногда даже они являются юридическими совѣтчиками судей. Клерки назначаются министромъ внутреннихъ дѣлъ, который опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и число ихъ въ каждомъ судѣ. Условія назначенія ихъ тѣ же, что и для полицейскихъ судей (юридическое образованіе и семилѣтняя практика), и только въ Лондонѣ младшіе клерки могутъ быть назначаемы и безъ этихъ условій. Въ Лондонѣ мы встрѣчаемъ 11 главныхъ клерковъ, 18 клерковъ и 8 ихъ помощниковъ. Жалованье ихъ выражается соотвѣтственно въ цифрахъ 400—800 ф. ст., 250—400 ф. ст. и 80—100 ф. ст.

Полицейскіе суды въ провинціи еще не совсѣмъ отдѣлились отъ мировыхъ, и только лондонскіе судьи являются судьями-профессіоналами par excellence. Въ одномъ Лондонѣ больше полицейскихъ судей, чѣмъ во всей остальной Англіи,

и только здѣсь соціальныя задачи, которыя приходится осуществлять полицейскому суду (какъ борьба съ пьянствомъ, праздностью, устроеніе семейной жизни и т. д.), вырисовываются болѣе рельефно и отчетливо. Поэтому въ дальнѣйшемъ, рисуя дѣятельность полицейскихъ судовъ, мы будемъ останавливаться исключительно на лондонскихъ отношеніяхъ.

II.

Передъ тѣмъ какъ проникнуть въ обстановку, въ которой приходится дѣйствовать полицейскому судьѣ, мы должны познакомиться съ тѣми вспомогательными органами, которые проводятъ въ жизнь волю судьи и создаютъ особую атмосферу полицейскаго суда.

Персоналъ каждаго суда складывается изъ: слѣдующихъ лицъ: gaoler (смотритель за заключенными) со своими двумя помощниками, мужчиной и женщиной (assistant gaoler and matron), судебный приставъ—usher, миссіонеръ полицейскаго суда—police court missionary, должностной попечитель—probation officer, переводчикъ—interpreter и, наконецъ, дежурный инспекторъ полиціи, который выполняетъ иногда обязанности court keeper, вмѣстѣ съ подчиненными констеблями. Секретарская часть находится въ вѣдѣніи chief clerk, у котораго имѣется 2 или 3 помощника (assistant clerks) и нѣсколько писцовъ. Каждый изъ этихъ органовъ имѣетъ свои функціи, свои характерныя особенности, о которыхъ слѣдуетъ сказать хотя бы нѣсколько словъ.

Gaoler имѣетъ общій надзоръ за содержащимися въ камерахъ арестованными, приведенными въ судъ. Въ исполненіи этой обязанности ему помогаютъ assistant gaoler и matron. Кругъ возложенныхъ на него обязанностей довольно великъ. Онъ долженъ принять каждаго заключеннаго; онъ отвѣтственъ за соблюденіе порядка ими; онъ собираетъ денежныя пени, наложенныя судомъ, и даетъ отчетъ о поступленіи ихъ клерку суда. Онъ отбираетъ отъ полиціи полицейскіе протоколы о задержанныхъ и составляетъ списокъ ихъ, который вручается клерку. Онъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы арестованные приводились въ

залу суда въ опредѣленномъ порядкѣ, слѣдитъ за подсудимымъ въ залѣ суда и, наконецъ, по окончаніи засѣданія, снова передаетъ заключенныхъ полиціи съ указаніемъ принятыхъ относительно каждаго мѣръ. Должность эта, бывшая раньше частной должностью, теперь повсюду замѣщается однимъ изъ полицейскихъ констеблей, который продолжаетъ числиться на дѣйствительной полицейской службѣ и подчиненъ требованіямъ ея дисциплины.

Судебный приставъ, usher,—органъ, на обязанности котораго лежитъ охраненіе внѣшняго достоинства суда и выполненіе нѣкоторыхъ дѣйствій, требующихъ особаго церемоніала. „Silence“—раздается возгласъ его, когда магистратъ появляется на своей скамьѣ, и съ этого момента его бдительное око блюдетъ строжайшій порядокъ. Всякій громкій разговоръ или взрывъ смѣха разсматривается имъ какъ личное оскорбленіе. Онъ вытягивается во весь свой ростъ и, многозначительно переводя глазами, испускаетъ свое „шш...“. Стоя у свидѣтельскаго мѣста, онъ приводитъ свидѣтелей къ присягѣ и учитъ ихъ тому, какъ слѣдуетъ держать себя.

Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о способахъ присяги въ англійскомъ судѣ. Обычнымъ способомъ является слѣдующій: свидѣтель съ поднятой правой рукой выслушиваетъ формулу, произносимую приставомъ: „Джонсъ Смитъ, показанія, которыя вы представите, явятся истиной, только истиной и ничѣмъ болѣе. Помоги вамъ Боже!“ и свидѣтель въ знакъ подтвержденія этихъ словъ цѣлуетъ Евангеліе. Практическіе англичане за послѣднее время поняли, что прикосновеніе устами къ книгѣ, носящей слѣды сотенъ-тысячъ ртовъ, не можетъ не способствовать распространенію нѣкоторыхъ болѣзней, и въ прошломъ году былъ проведенъ спеціальный законъ чрезъ парламентъ, который отмѣнилъ этотъ обычай цѣлованія. Рѣдко произносится присяга по шотландскому обряду: „Я клянусь Всемогущимъ Богомъ, какъ въ Великій день Суда, что буду говорить правду, только правду и ничего болѣе“, при чемъ приведеніе къ присягѣ совершается здѣсь судьей. Любопытна присяга китайцевъ. Они должны разбить какую-либо хрупкую вещь (обыкновенно

чашку) и сказать: „Да разобьется душа моя, какъ эта вещь, если я скажу неправду“.

Весьма цѣннымъ для полицейскаго суда является police court-missionary. Это одинъ изъ наиболѣе интересныхъ и характерныхъ дѣятелей полицейскаго суда, и потому мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе. Этотъ миссіонеръ—обыкновенно священникъ—является однимъ изъ членовъ общества трезвенниковъ англиканской церкви (Church of England Temperance Society) и оплачивается изъ спеціальныхъ суммъ, имѣющихся въ распоряженіи этого общества. Онъ призванъ къ тому, чтобы оказывать поддержку всѣмъ тѣмъ, кого нужда, несчастье или случай толкнули въ область мелкихъ проступковъ, являющихся, обыкновенно, первыми этапами преступной карьеры. Несмотря на то, что законъ совершенно умалчиваетъ о немъ, онъ благодаря тѣсной связи съ судьей получилъ полуофиціальное положеніе и разсматривается какъ вспомогательный органъ суда. Назначеніе такихъ миссіонеровъ, начавшееся въ 1889 г., въ настоящее время получило широкое примѣненіе. Они состоятъ не только при каждомъ полицейскомъ судѣ въ Лондонѣ, но широко распространены и въ провинціи, гдѣ въ вѣдѣніи каждаго находится два или три суда. Въ настоящее время общество трезвенниковъ англиканской церкви содержитъ до 100 такихъ миссіонеровъ, получающихъ каждый отъ 100 до 150 ф. ст. въ годъ. Къ нимъ слѣдуетъ еще присоединить женщинъ-миссіонеровъ, дѣйствующихъ въ Лондонѣ и получающихъ содержаніе изъ средствъ British Women's Temperance Society.

Борьба съ пьянствомъ—только одна изъ многочисленныхъ задачъ этого миссіонера. До послѣдняго времени онъ выполнялъ тройныя функціи: распредѣлителя благотворительной помощи при судѣ, должностного попечителя (probation officer) и органа патроната.

Каждый полицейскій судъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи особыя средства для бѣдныхъ (poor box fund), получаемыя путемъ подписки отъ торговыхъ компаній и частныхъ лицъ и находящіеся юридически въ распоряженіи судьи. Эти суммы достигаютъ въ среднемъ 3000 рублей въ годъ для

каждаго суда. Рѣдко судья распоряжается этими средствами самъ. Почти всегда онъ дѣйствуетъ по совѣщанію съ миссіонеромъ, которому онъ передаетъ для разслѣдованія даже тѣ случаи, когда онъ самъ находитъ помощь полезной. Въ полицейскомъ судѣ могутъ проявляться самыя разнообразныя потребности, требующія помощи. Въ одномъ случаѣ нужно помочь выплатить денежную пеню, справедливую, можетъ-быть, но непосильную, чтобы избавить отъ тюрьмы главнаго работника или мать, обремененную многочисленной семьей; въ другомъ—помочь семьѣ арестованнаго; въ третьемъ—дать возможность стать на ноги работнику, положеніе котораго пошатнулось. Во всѣхъ случаяхъ нужно посѣтить домъ, переговорить съ родными, изслѣдовать степень нужды. Рѣдко эта помощь становится регулярной. Обыкновенно она временна и вызывается какими-либо дѣйствіями, стоящими въ связи съ полицейскимъ судомъ. Судьи очень опасаются превращать судъ въ благотворительный центръ и потому осторожны въ выборѣ характера помощи.

До установленія должностныхъ попечителей закономъ 1907 г. (Probation of offenders act, 1907), да и послѣ него, миссіонеры полицейскихъ судовъ выполняли многія изъ функцій, присвоенныхъ нынѣ этой должности. Если судья, предъ рѣшеніемъ дѣла, нуждался въ какихъ либо свѣдѣніяхъ относительно частной жизни какого либо изъ обвиняемыхъ, онъ обращается къ миссіонеру съ просьбой произвести соотвѣтственныя изслѣдованія. Судья рѣдко живетъ въ своемъ участкѣ и мало знаетъ бытовыя условія его; ему полезна поэтому информація миссіонера, проводящаго все свое время среди бѣднѣйшихъ классовъ. Примѣняя условное осужденіе къ случайнымъ преступникамъ, судья долженъ былъ знать о томъ, какъ ведутъ себя на свободѣ условно-осужденные; полиція могла сообщать только о болѣе серьезныхъ нарушеніяхъ, повседневный же надзоръ и поддержка выполнялись миссіонеромъ. Теперь, когда въ этой послѣдней области дѣйствуютъ особые попечители, работа миссіонера облегчена, но не устранена. Законъ 1907 г., къ сожалѣнію, создалъ слишкомъ ничтожное число этихъ попечителей и назначилъ имъ

крайне небольшое содержаніе, благодаря чему они не могутъ надлежаще справляться со своей работой и не стоятъ на надлежащей высотѣ, и потому помощь миссіонера оказывается порою нужной и здѣсь. „Трудно переоцѣнить значеніе моральнаго вліянія миссіонера,—пишетъ лондонскій полицейскій судья Плоуденъ—работающаго параллельно съ судомъ и смягчающаго строгость его приговоровъ. Едва ли проходитъ недѣля и даже одинъ день, когда не прибѣгаетъ къ его содѣйствію. Ему предоставляется полная возможность посѣщать преступниковъ, ожидающихъ предварительнаго разсмотрѣнія дѣла, разслѣдовать ихъ прошлое, разсуждать съ ними объ ихъ порокахъ, убѣждать ихъ вернуться домой или принять работу, и въ безчисленномъ множествѣ случаевъ, благодаря хорошимъ результатамъ, достигнутымъ этой бесѣдой, судья можетъ или условно отсрочить наказаніе, или принять отъ миссіонера поручительство о хорошемъ поведеніи обвиняемаго“.

Не менѣе обильны функціи миссіонера и въ области патроната. Присутствуя на судѣ или при принятіи судьей прошеній, онъ чутко прислушивается къ отдѣльнымъ случаямъ. Онъ обходитъ утромъ камеры заключенныхъ, спрашивая ихъ о тѣхъ нуждахъ, какія они считаютъ необходимымъ удовлетворить сейчасъ же. Онъ слѣдуетъ за освобожденнымъ отъ суда или оправданнымъ и освѣдомляется въ томъ, не можетъ ли его помощь оказаться полезной. Жены, подвергаемыя жестокому обращенію, и супруги, страдающіе отъ пьянства ихъ женъ, могутъ расчитывать на его симпатіи и, если можно ожидать хорошаго результата отъ этого, онъ посѣщаетъ ихъ дома. Часто, когда мужъ и жена живутъ отдѣльно по постановленію полицейскаго судьи, миссіонеръ является главнымъ довѣреннымъ жены и получаетъ для нея тѣ еженедѣльные взносы, которые мужъ обязанъ дѣлать на ея содержаніе; онъ предупреждаетъ возможный отказъ супруга тѣмъ, что въ его власти всегда сообщить о томъ судьѣ. Воспоминанія о дѣятельности въ качествѣ такого миссіонера, опубликованныя недавно нынѣшнимъ секретаремъ Howard Associaton, Thomas Holmes, показываетъ, какъ разнообразна

и дѣйствительна бываетъ иногда эта помощь, идущая отъ сердца и являющаяся всегда представляемой по почину суда или миссіонера, а не по просьбѣ нуждающагося. Не занимая офиціальнаго положенія, полицейскій миссіонеръ является тѣмъ не менѣе публичнымъ носителемъ идеи попеченія, которая все болѣе и болѣе проникаетъ въ область правосудія.

Дѣятельнаго сотрудника миссіонеръ находитъ теперь въ должностномъ попечителѣ. Законъ 1907 г., слѣдуя американскому примѣру, создалъ два типа этой должности: попечитель для взрослыхъ и попечитель для дѣтей. Назначаются они полицейскимъ магистратомъ и получаютъ вознагражденіе изъ мѣстныхъ суммъ (обыкновенно до 160 ф. ст. въ годъ). Теперь обязанности ихъ состоятъ, согласно ст. 4 новаго закона въ а) посѣщеніи или принятіи сообщеній отъ лица, находящагося подъ его наблюденіемъ, чрезъ извѣстные промежутки времени, б) надзорѣ за исполненіемъ условій ручательства лицомъ, находящимся подъ его наблюденіемъ, въ сообщеніи суду относительно поведенія такого лица, въ совѣтѣ, помощи, дружескомъ отношеніи къ такому лицу и попыткахъ пріискать ему подходящее занятіе. Въ настоящее время проектируется дальнѣйшее расширеніе обязанностей этихъ попечителей; имъ предполагается вручить надзоръ за посѣщеніями нѣкоторыми категоріями лицъ питейныхъ заведеній и поручить собираніе денежной пени, уплачиваемой отдѣльными взносами. Обязанности попечителей о несовершеннолѣтнихъ еще сложнѣе. Впрочемъ, пока только въ Лондонѣ мы находимъ спеціальныхъ попечителей для дѣтей. Въ другихъ мѣстахъ функціи попеченія о дѣтяхъ и о взрослыхъ находятся въ однѣхъ рукахъ.

Въ нѣкоторыхъ судахъ, гдѣ значительная часть населенія принадлежитъ къ пришлымъ элементамъ (большею частью русскимъ евреямъ), обычной фигурой въ судѣ является переводчикъ—interpreter. Онъ получаетъ по $7^1/_2$ шиллинговъ съ перваго дѣла, въ которомъ ему приходится выступать въ теченіе дня, и по 5 шиллинговъ со слѣдующаго. Переводчикъ уясняетъ судьѣ также бытовыя подробности; порою

судѣ непонятна психологія иностранца—вещь въ значительной степени трудно доступная для англичанина. Къ сожалѣнію, преступность иностранцевъ очень частое явленіе въ нѣкоторыхъ округахъ Лондона, этого величайшаго въ мірѣ резервуара человѣческихъ націй, и появленіе переводчика на судѣ дѣло совершенно обычное.

Если миссіонеръ полицейскаго суда и должностной попечитель представляютъ собою органы попеченія, то полицейскіе чиновники, заполняющіе зданіе суда во время его засѣданій, являются живымъ воплощеніемъ законности и порядка. Можно очень многое сказать о лондонскомъ P. C. (police constable). Кому изъ бывшихъ въ Лондонѣ не знакома эта характерная высокая фигура, руководящая своими несложными, но увѣренными движеніями жизнью многолюдной улицы? Длинныя вереницы повозокъ и экипажей, толпы прохожихъ и процессій, безчисленные и громоздкіе моторы слушаются всѣхъ движеній его руки безусловно, и не потому что онъ властенъ остановить ихъ ходъ, а такъ какъ они знаютъ, что, ослушавшись его указаній, они въ полной мѣрѣ будутъ отвѣтствовать за могущія случиться несчастія. Его указанія только предостерегаютъ, но не парализуютъ, и этого достаточно, чтобы они разсматривались какъ безусловно обязательныя. Онъ зорко смотритъ за безопасностью гражданъ. Ночью, когда вы спите, онъ своимъ потайнымъ фонаремъ осматриваетъ, цѣлы ли замки домовъ и магазиновъ и не ютятся ли гдѣ подозрительные элементы; при малѣйшемъ пожарѣ онъ даетъ электрическій сигналъ или тушитъ его своими средствами; въ случаѣ несчастья онъ первый приходитъ на помощь и принимаетъ всѣ мѣры; въ случаѣ потери онъ подбираетъ вещи и возвращаетъ ихъ собственникамъ; въ опасныхъ мѣстахъ, извѣстныхъ самоубійствами или нападеніями, онъ скрывается гдѣ-нибудь въ тѣни, чтобы своевременно предотвратить опасность; наконецъ, въ случаѣ сборища или безпорядковъ онъ вмѣстѣ со своими товарищами является первымъ, чтобы оградить безопасность окружающихъ, а порою и самихъ участниковъ ихъ. На каждомъ шагу вы чувствуете себя подъ бдительной опекой P. C.

Но всѣ эти предупредительныя обязанности—только одна сторона его дѣятельности. Главная суть ея—въ той сферѣ, которая непосредственно связана съ полицейскимъ судомъ, этимъ центромъ, куда сходятся всѣ нити принудительнаго воздѣйствія полиціи. Полицейскій судъ есть школа и главная арена дѣятельности для полицейскаго констебля. Каждое засѣданіе здѣсь дежуритъ полицейскій инспекторъ, который даетъ отчетъ начальнику полиціи о поведеніи и дѣйствіяхъ всѣхъ полицейскихъ чиновъ. Онъ отмѣчаетъ время прибытія и ухода каждаго констебля. На скамьяхъ для публики вы всегда увидите во время засѣданія группу молодыхъ Р. С.—они внимательно присматриваются къ происходящему, такъ какъ начальники командировали ихъ поучиться практикѣ полицейской дѣятельности въ судахъ. Въ утреннихъ засѣданіяхъ, когда слушаются charges—обвиненія, по которымъ выступаетъ полиція и по которымъ ею произведены аресты, вы видите, какъ одинъ за другимъ подымаются на свидѣтельское мѣсто полицейскіе и даютъ судьѣ ясный и краткій отчетъ о причинахъ задержанія и о замѣченномъ поступкѣ. Судья внимательно относится къ этимъ показаніямъ и часто достаточно только ихъ, чтобы судья не поколебался признать виновность. Въ случаѣ проявленной Р. С. особой заботливости при раскрытіи преступленія или энергичной защиты кого-либо, судья дѣлаетъ одобрительное замѣчаніе; въ случаѣ небрежности ареста или неправильныхъ дѣйствій, онъ дѣлаетъ ему тутъ же выговоръ. И то и другое выслушивается съ большимъ вниманіемъ и играетъ большую роль въ служебной карьерѣ Р. С. Достаточно трехъ замѣчаній судьи неодобрительнаго характера, чтобы дальнѣйшая карьера его была окончена или онъ совсѣмъ былъ уволенъ со службы. Наоборотъ, каждая похвала тутъ же отмѣчается инспекторомъ. Въ своемъ отчетѣ за 1908 г. начальникъ лондонской полиціи приводитъ статистику благодарностей, полученныхъ чинами полиціи за этотъ годъ. Она выражается въ цифрѣ 3479, въ томъ числѣ 282 случая падаютъ на судей. Одна черта весьма цѣнится въ Р. С. полицейскими судьями—это отсутствіе воображенія. Очень опасно прикрашивать истину, и всякая попытка выйти за предѣлы сухого отчета о сдѣлан-

номъ, съ точными датами и внѣшними деталями, уже считается излишней и пресѣкается судьей. Р. С., давая показанія, не споритъ съ обвиняемымъ. Онъ отвѣчаетъ на всѣ вопросы, какіе ему будутъ заданы, но не старается самъ уличить его въ противорѣчіяхъ, это дѣло судьи, и Р. С. знаетъ, что если онъ не дискредитировалъ себя въ глазахъ судьи, судья должнымъ образомъ оцѣнитъ его показанія [1]).

На обязанности судьи лежитъ отвѣтственная задача поддерживать равновѣсіе между полиціей и публикой. Безпрестанный конфликтъ, который происходитъ на улицѣ, здѣсь находитъ свое отраженіе. Часто судьѣ приходится дѣлать выборъ между присяжнымъ показаніемъ Р. С. и присяжнымъ показаніемъ частнаго лица. Полиція несомнѣнно стала бы халатнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ, если бы она увидѣла, что не встрѣчаетъ въ судьѣ достаточной поддержки; съ другой стороны, общественное мнѣніе стало бы отрицательно относиться къ полицейскому суду, если бы въ немъ всегда показаніе констебля предпочиталось показанію частныхъ лицъ. Зная это, судья стремится развить въ органахъ полиціи до крайности сознаніе отвѣтственности за даваемыя показанія, и каждый разъ, когда эти показанія оказываются не соотвѣтствующими выясненнымъ даннымъ, онъ не жалѣетъ суровыхъ словъ, чтобы указать Р. С. на необдуманность его дѣйствій. Благодаря этому полиція очень хорошо знаетъ, что явиться въ судъ безъ точныхъ основаній и доказательсть представляетъ большую опасность прежде всего для нея са-

---

[1]) Одинъ судья хвастался тѣмъ, что онъ обладаетъ неоцѣнимой формулой для свидѣтельскаго допроса Р. С. и во многомъ приписывалъ ей успѣхъ своей профессіональной дѣятельности. „Три, самое большее четыре вопроса—говорилъ онъ—позволятъ вамъ благополучно разобраться въ любомъ дѣлѣ. Запишите ихъ на поляхъ вашего „Archbold“ (пособіе для мировыхъ судей). Первый вопросъ, на который вы можете и не требовать отвѣта, гласитъ: „Вы являлись полицейскимъ констеблемъ такого-то округа, дежурившимъ тамъ-то“? Второй вопросъ: „что вы знаете по этому дѣлу?“ Тогда свидѣтель начинаетъ свои показанія. Когда онъ остановится на серединѣ, вы скажете, „продолжайте“ и когда онъ кончитъ, вы спросите: „Вы ничего не забыли, не такъ-ли?“ И если послѣ этого подсудимый не будетъ осужденъ, то это не ваша вина.“ Приведенное, вѣроятно, только анекдотъ, но онъ хорошо показываетъ, какъ прочно судья можетъ полагаться на показанія полицейскаго констебля.

мой, и показанія Р. С. поэтому могутъ дѣйствительно быть признаваемы одними изъ наиболѣе точныхъ. Каждый констебль не долженъ всецѣло довѣрять своей памяти. При немъ всегда служебная записная книжка, куда онъ немедленно вноситъ всѣ происшествія; эта книжка періодически просматривается инспекторомъ. Для освѣженія памяти имъ разрѣшается пользоваться ею и при дачѣ показаній.

Судья знаетъ также, что Р. С., отправляя свою должность, далекъ отъ потворства или дружескихъ услугъ тѣмъ или инымъ изъ подозрительныхъ элементовъ. Цѣлымъ рядомъ мѣръ удалось поставить службу полиціи такъ, что принадлежность къ ея составу скорѣе рекомендуетъ человѣка, чѣмъ его компрометируетъ. Лондонская полиція имѣетъ свои клубы, свои билліардныя, устраиваетъ свои вечера. Она высоко цѣнитъ свой ésprit de corps и, конечно, чуждается товарищества съ завсегдатаями пивныхъ или трактировъ, съ которыми ей приходится имѣть дѣло. Старшіе—сержанты, инспектора и начальники—строго слѣдятъ за уровнемъ нравственности въ низшей полиціи и нарушеніе esprit de corps разсматривается какъ серьезное отступленіе отъ долга.

Въ аристократическихъ и торговыхъ кварталахъ Лондона полицейскій, это—отвлеченная величина, и онъ извѣстенъ только какъ представитель порядка. Въ бѣднѣйшихъ онъ рисуется уже какъ конкретный представитель власти, какъ Р. С. № 754, имѣющій личный авторитетъ и личную характеристику. Онъ составляетъ предметъ зависти, вслѣдствіе присущей ему власти, для мальчиковъ и внушаетъ заслуженное уваженіе взрослымъ. Онъ необычайно цѣнитъ свой авторитетъ въ околодкѣ. Въ теченіе восьми часовъ, которые онъ проводитъ на службѣ, онъ полонъ достоинства и величія; вернувшись домой, онъ можетъ всецѣло забыть о службѣ. Для людей, часто сталкивающихся съ закономъ, Р. С. рисуется неумолимымъ деспотомъ, какимъ-то рокомъ. Его фигура—одна изъ любимыхъ въ народныхъ мелодрамахъ. Но здѣсь Р. С. почти никогда не дѣйствуютъ, они только появляются на сценѣ въ рѣшительный моментъ, и этого появленія достаточно, подобно появленію жандарма въ „Ревизорѣ“,

для того чтобы произвести всеобщій эффектъ. Иногда комедія позволяетъ себѣ пошутить надъ его слабостями, захудалый кинематографъ—разыграть комическую шутку съ „бобби“, вызвавъ искренній смѣхъ у публики, но вы рѣдко найдете серьезные нападки на дѣятельность полиціи въ столицѣ. Представляемые ею отчеты являются яркимъ показателемъ той пользы, какую она приноситъ населенію, и той самоотверженности, съ какою она выполняетъ свои обязанности.

„Все, что есть лучшаго въ англичанинѣ—пишетъ Плоуденъ—повидимому, нашло свое выраженіе въ полицейскомъ констеблѣ: чувство долга, подходящая скромность и уваженіе къ истинѣ. Онъ является типичнымъ англичаниномъ“.

Кромѣ полицейскаго инспектора, слѣдящаго за дѣятельностью полиціи въ судѣ, въ распоряженіи суда находится также нѣкоторое количество откомандированныхъ отъ полиціи—warant officers, которые во время засѣданій поддерживаютъ внѣшній порядокъ, по указанію пристава. На ихъ обязанности лежитъ также порою врученіе повѣстокъ и контроль за входящими и выходящими изъ зала суда. Они непосредственно отвѣтственны передъ судьей за свои дѣйствія. Warant officers хорошо знаютъ въ лицо посѣтителей полицейскаго суда и часто даютъ совѣты мелкаго характера.

Во главѣ канцеляріи суда стоитъ старшій клеркъ (chief clerk). Его типическая фигура, сидящая передъ судьею и часто склоняющаяся къ судьѣ, чтобы сообщить ему шопотомъ какія-либо свѣдѣнія, составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей суда. Неправильно приравнивать отношенія судьи и клерка къ отношенію судьи и секретаря въ континентальныхъ судахъ. Клеркъ не только исполнительный органъ, онъ скорѣе младшій членъ коллегіи двухъ юристовъ, рѣшающихъ дѣло.

Въ судахъ мировыхъ клеркъ всемогущъ. На эту должность здѣсь приглашаются юристы, имѣющіе не менѣе семи и даже 14 лѣтъ практики въ качествѣ бэрристеровъ. Они прекрасно знакомы съ соотвѣтственными законами и обыкновенно представляютъ неисчерпаемый кладезь опыта. Даже судья-профессіоналъ рѣдко когда вынесетъ рѣшеніе по

сколько-нибудь сомнительному дѣлу, не проконсультировавъ своего клерка. Когда судья готовится совершить какую-либо ошибку, клеркъ его во-время предупреждаетъ. Въ его рукахъ въ судахъ мировыхъ находится все фактическое веденіе дѣла: назначеніе дѣлъ къ слушанію, организація обвиненія и допросъ свидѣтелей. Онъ указываетъ судьѣ соотвѣтственные законы и отмѣчаетъ законный максимумъ и минимумъ наказанія. Онъ является юридическимъ совѣтникомъ судьи почти во всемъ, и правъ Герландъ, который замѣчаетъ, что здѣсь мировой судья является скорѣе представителемъ народнаго элемента, а клеркъ—профессіонально-юридическаго.

Въ полицейскомъ судѣ, гдѣ дѣйствуетъ юридически-образованный судья, роль клерка, конечно, нѣсколько уже. Главное поле его дѣятельности—канцелярія, гдѣ онъ съ помощью своихъ помощниковъ (assistant clerks) изготовляетъ повѣстки, приказы о задержаніи, рѣшенія. Онъ отвѣтственъ за веденіе хозяйственной части въ судѣ, за сборы денежныхъ штрафовъ, за расходованіе благотворительныхъ сумъ. Въ судѣ онъ сидитъ нѣсколько ниже судьи и обязанъ вести протоколъ. Эта письменная работа клерка, облегчающая судью, даетъ возможность послѣднему внимательнѣе сосредоточиться на рѣшеніи дѣлъ. У насъ заваленный письменной работой мировой судья почти не имѣетъ возможности оторваться отъ писанія. А между тѣмъ, наблюденіе за внѣшностью и поведеніемъ обвиняемаго и свидѣтелей даетъ много данныхъ для судьи.

„Я обращаю—пишетъ Плоуденъ—большое вниманіе на наружность человѣка, когда онъ находится на свидѣтельскомъ мѣстѣ или на скамьѣ подсудимыхъ. Я запоминаю, если у подсудимаго ненормальныя уши, они часто знаменательны. И если я сомнѣваюсь въ томъ, говоритъ ли свидѣтель правду, я обращаю мое вниманіе на его ротъ и его руки. Ротъ всегда очень характеренъ и руки лжеца рѣдко находятся въ спокойномъ состояніи. Но въ особенности многое даетъ для наблюденія поведеніе свидѣтеля послѣ того, какъ онъ далъ свое показаніе и сѣлъ на свое мѣсто. Я продолжаю слѣдить за нимъ незамѣтно для него, когда даютъ показанія другіе свидѣтели, въ особенности противорѣчащіе ему. Выраженія,

появляющіяся на его лицѣ, въ этихъ случаяхъ часто очень поучительны“.

Но веденіемъ протокола не ограничивается роль клерка въ судебномъ засѣданіи. Иногда судья передаетъ ему веденіе всего допроса свидѣтелей. Въ полицейскомъ судѣ Bow Street, намъ приходилось видѣть, когда засѣдалъ престарѣлый chief magistrate, какъ клеркъ ведетъ все слѣдствіе, задаетъ вопросы свидѣтелямъ, разсматриваетъ доказательства и только затѣмъ, подойдя къ судьѣ, суммируетъ ему все и совѣтуется относительно рѣшенія. Въ сложныхъ юридическихъ вопросахъ судья совѣтуется со своимъ клеркомъ. Высокое положеніе клерка повсюду разсматривается какъ гарантія и сдержка единолично дѣйствующаго судьи. Конечно, зависитъ отъ характера судьи то, поскольку онъ перелагаетъ свою работу на клерка, но среди судей стараго типа не рѣдкость встрѣтить тѣхъ, которые предпочитаютъ скорѣе консультировать клерка, нежели законы. Цитирую опять отзывъ Плоудена, какъ одного изъ авторитетнѣйшихъ магистратовъ:

„Нѣтъ болѣе удивительнаго образца умѣстнаго характера должности, чѣмъ должность клерка полицейскаго суда. Своимъ инстинктомъ, порожденнымъ долгой практикой, онъ можетъ всегда опредѣлить степень недопустимаго отклоненія отъ правилъ производства. Ни одинъ судья, какъ бы способенъ онъ ни былъ, не будетъ чувствовать себя вполнѣ спокойнымъ, если рядомъ съ нимъ, подъ его рукою, не будетъ клерка, который наготовѣ остановить его, когда онъ совершаетъ ошибку. Въ теченіе недѣль и мѣсяцевъ судья можетъ исполнять свои обязанности безъ всякой серьезной ошибки, но всегда случаются безчисленные мелкіе вопросы процесса, въ которыхъ легко сдѣлать мелкое упущеніе, которое, однако, если бы оно прошло не замѣченнымъ, могло повлечь серьезныя послѣдствія, и клеркъ рѣдко или даже почти никогда не упуститъ случая исправить его. Одно только сознаніе близости клерка успокаиваетъ судью и придаетъ ему увѣренность. Клеркъ столь же необходимъ для судьи, какъ указатель для энциклопедіи“. Такое вмѣшательство клерка можетъ быть подрываетъ вѣру въ всевѣдѣніе судьи, но зато обезпечиваетъ дѣйствительное и прочное правосудіе.

Къ этимъ официальнымъ или полу-официальнымъ органамъ полицейскаго суда нужно причислить еще представителя общества—газетнаго хроникера.

Хроникеръ (reporter) является неизмѣнной фигурой полицейскаго суда. Онъ представляетъ здѣсь Ея Величество Прессу, съ которой очень считаются и полицейскіе судьи. Общество живо интересуется дѣятельностью полицейскихъ судовъ, и каждая газета имѣетъ непремѣнно нѣсколько своихъ хроникеровъ. Такія газеты, какъ Times, пользуются для этого даже услугами юридически образованныхъ людей и помѣщаютъ обстоятельныя реляціи, не щадя вниманія своихъ читателей. Хроникеры болѣе ходкихъ и читаемыхъ газетъ довольствуются мародерствомъ; они схватываютъ налету наиболѣе интересное, довольствуются небольшими искорками, которыя они спѣшатъ раздуть до степени большого огня, и сдѣлать изъ этихъ отчетовъ занимательное чтеніе. Предъ началомъ засѣданія они, пользуясь благосклонностью смотрителя камеръ, уже успѣвшаго ознакомиться съ приблизительнымъ характеромъ обвиненій, разузнаютъ, не предстоитъ ли чего-либо интереснаго, и затѣмъ зорко стерегутъ этотъ случай. Особенно падки они до судейскаго юмора, и судьи, зная это, намѣренно приготовляютъ порою пару юмористическихъ замѣчаній, которыя на слѣдующій день становятся извѣстными всѣмъ. Нѣкоторые судьи хотя и признаютъ, что достоинство правосудія требуетъ всей серьезности, но все же не удерживаются отъ искушенія изрѣдка остротой на счетъ подсудимаго или свидѣтеля (къ счастью, всегда безобидной) прикрасить однообразіе засѣданія. Находятся даже защитники этого юмора.

„Одной изъ самыхъ счастливыхъ сторонъ этого юмора—пишетъ Плоуденъ—является то, что онъ смѣшитъ во всѣхъ обычныхъ невзгодахъ и испытаніяхъ жизни. Вы никогда не знаете, когда онъ прорвется, какъ солнечный лучъ сквозь тучи. Одинъ знатокъ тюремной жизни указывалъ, что онъ никогда не отчаивается въ преступникѣ, выходящемъ изъ тюрьмы, если тотъ проявлялъ хотя бы нѣкоторое чувство юмора. Не знаю, скажетъ ли онъ это о магистратахъ, которые посылаютъ этихъ преступниковъ въ тюрьмы. По моему

мнѣнію, онъ все же могъ бы признать, что трудно считать того судью суровымъ, который обладаетъ здоровымъ чувствомъ юмора. Нельзя осуждать судью, когда въ судѣ раздается взрывъ смѣха. Нужно понять, что этотъ взрывъ всегда внезапенъ и не можетъ быть предупрежденъ судьей или даже прекращенъ имъ, пока смѣхъ не умретъ естественной смертью. Эти взрывы таятъ въ себѣ разряды того нервнаго напряженія, которое господствуетъ часто въ весьма серьезныхъ процессахъ. Я припоминаю небольшой инцидентъ по дѣлу Тичборна, грозившему смертной казнью, когда весь судъ былъ объятъ гомерическимъ хохотомъ. Изслѣдовалась прошлая судимость свидѣтеля; было доказано, что его жена была извѣстна подъ другимъ именемъ.

— Каково же было это имя?—спросилъ свидѣтеля представитель короны.

— Г-жа Гокинсъ.

— А ея дѣвичье имя?

— Кокбэрнъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что имя представителя короны было Гокинсъ, а имя главнаго судьи, предсѣдательствовавшаго по этому дѣлу—Кокбэрнъ. Ни одна сила на землѣ не могла сдержать раздавшагося взрыва смѣха, и едва ли это было бы во власти судьи“.

Образчики судейскаго юмора записываются и имѣются цѣлые сборники, наполненные такими анекдотами.

Всѣ классы населенія внимательно слѣдятъ за дѣятельностью полицейскихъ судовъ. Съ ними приходится соприкасаться наибольшему числу людей. Въ высшихъ судахъ рѣшаемые юридическіе вопросы недоступны общему уровню пониманія. Засѣданія этихъ судовъ происходятъ съ значительными промежутками, между тѣмъ какъ полицейскій судъ засѣдаетъ ежедневно. Сами судьи болѣе близки, доступны для населенія, и мелкія дѣла, ими рѣшаемыя, болѣе привлекаютъ именно своею будничностью и простотой. „Однимъ изъ наиболѣе поразительныхъ открытій, которыя я сдѣлалъ послѣ того какъ былъ назначенъ полицейскимъ судьей—пишетъ Плоуденъ—было то впечатлѣніе, которое производятъ отчеты

о дѣятельности полицейскихъ судовъ на вкусы публики. Едва какой-либо день проходитъ безъ доказательства этого. Повсюду мнѣ приходилось узнавать, что эти отчеты читаются съ жадностью всѣми классами населенія отъ высшихъ до низшихъ. Свѣтъ, который мерцаетъ въ низшихъ судахъ, проникаетъ фактически очень далеко, и это безъ сомнѣнія объясняетъ крайнюю серьезность отношенія къ дѣлу со стороны судей и сознаніе тяжелой отвѣтственности, имѣющееся у нихъ“. Отчеты полицейскаго суда замѣняютъ собою хронику происшествій, такъ какъ эти суды ведутъ предварительное разбирательство гласно и каждый здѣсь можетъ услыхать отклики преступленій протекшаго дня.

„Для большинства гражданъ—пишетъ другой судья S. A. Barnett—полицейскій судъ является настоящимъ центромъ для наблюденія и информаціи. Его отчеты прочитываются въ тѣхъ кругахъ, гдѣ ничѣмъ не интересуются, кромѣ новостей о foot-ball. Онъ имѣетъ близкое касательство къ каждому изъ читателей или его сосѣдей. Онъ придаетъ драматическую форму привычнымъ формамъ бѣдности, угнетенія, страданія и преступности. Онъ служитъ выразителемъ права, видимымъ воплощеніемъ „правосудія“, о которомъ каждый часто слышитъ въ рѣчахъ и проповѣдяхъ“.

Понятно, поэтому, почему газетный хроникеръ пользуется большимъ вниманіемъ на судѣ и можетъ претендовать на рядъ мелкихъ услугъ отъ самого судьи и помогающихъ ему органовъ.

Среди публики, наполняющей стѣны полицейскаго суда во время разбора дѣла, нужно различать нѣсколько категорій, типичныхъ для этого учрежденія. Утренніе часы привлекаютъ болѣе демократическую часть населенія. Просители, свидѣтели, обвинители, жалобщики, подсудимые и ихъ друзья, праздный людъ—все это образуетъ толпу, ждущую своей очереди въ большемъ залѣ, расположенномъ въ предверіи суда. Только немногіе попадаютъ въ судъ на скамьи для публики. Да и мало что они могутъ услышать оттуда: слишкомъ далеки мѣста ихъ отъ судьи и свидѣтелей, и почти всѣ говорятъ въ судѣ обернувшись къ нимъ спиною. Наоборотъ,

въ entrance hall вы встрѣтите самыя пестрыя группы: мужья, приведшіе со своими женами, держащими на рукахъ младенцевъ; подростки въ сопровожденіи группы товарищей; рабочій въ сопровожденіи своей возлюбленной; домохозяинъ, сопутствуемый своими сосѣдями или родственниками. Каждая группа живо обсуждаетъ создавшееся положеніе и высказываетъ свои мнѣнія; многіе, въ особенности женщины, дѣлятся здѣсь своими жалобами и получаютъ совѣты отъ болѣе опытныхъ. Какой только смѣси племенъ, одеждъ и состояній не встрѣтишь здѣсь. Женщины съ припухшими отъ пьянства лицами, прикрывшія черной косынкой убожество своего наряда; красноносые сухопарые парни съ подбитыми глазами; добродушный толстякъ ирландецъ, находящій и здѣсь возможность заражать своимъ смѣхомъ окружающихъ; испитый еврей, смотрящій потерянным взглядомъ; торговцы и промышленники, явившіеся свидѣтельствовать о совершенныхъ у нихъ кражахъ или растратахъ—все это смѣшивается здѣсь въ одну массу.

Послѣ полудня, когда слушаются дѣла по повѣсткамъ, составъ публики уже нѣсколько мѣняется. Появляется болѣе солидная часть населенія, кое-гдѣ разсѣяны солиситоры, можно замѣтить два-три цилиндра. Преобладаетъ, въ общемъ здѣсь мелкая буржуазія и болѣе респектабельный рабочій людъ.

Таковъ кругъ людей, среди котораго приходится дѣйствовать полицейскому судьѣ; таковы органы, которые призваны проводить его волю въ жизнь и помогать ей воплощаться въ судебныя рѣшенія. Посмотримъ теперь, какъ протекаетъ дѣятельность самого суда.

III.

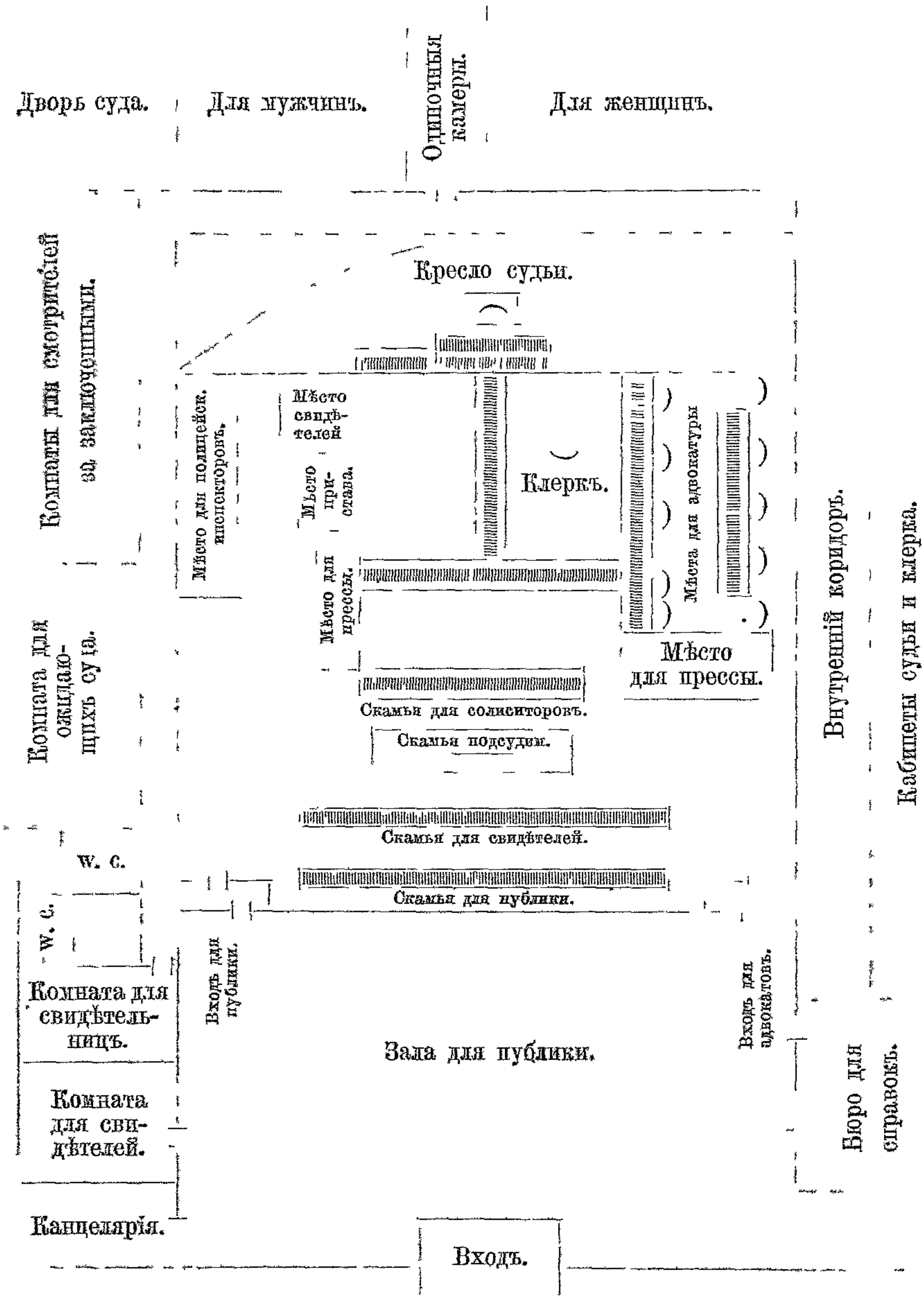
Изученіе одной только схемы организаціи и процесса полицейскихъ судовъ не даетъ достаточной картины дѣятельности ихъ. Схема часто есть лишь продуктъ юридической техники, создающей нормы закона въ той области, которая исторически нуждалась въ фиксаціи, а за предѣлами ея

остается широкая область свободной творческой дѣятельности. Эта дѣйствительность воплощается порою въ нормы неписаннаго права и можетъ быть разсматриваема какъ свободно эволюціонирующее право. Нормы ея поддаются изученію лишь въ процессѣ дѣятельности интересующаго учрежденія. Съ другой стороны, только изученіемъ дѣйствительности можно намѣтить соціальныя задачи учрежденія, ту функцію, которую оно фактически выполняетъ. Эти соображенія въ особенности примѣнимы въ Англіи, гдѣ жизнь очень часто рѣзко отклоняется отъ традиціонныхъ рамокъ законодательства процессомъ незамѣтнаго развитія, и законодательство позднѣе фиксируетъ лишь свершившіяся или назрѣвшія перемѣны.

Вмѣстѣ съ читателемъ мы заглянемъ во внутрь полицейскаго суда и прослѣдимъ сначала до конца его будничную жизнь въ теченіе дѣлового дня. Но да проститъ намъ читатель, если мы поведемъ его не въ одинъ какой-либо изъ 13 полицейскихъ судовъ Лондона, а въ тотъ, судъ который представляетъ собою суммированный опытъ, средній, нормальный типъ суда, который, можетъ быть, и не существуетъ въ такомъ именно видѣ въ дѣйствительности, но зато воплощаетъ въ себѣ всѣ характерныя свойства этого учрежденія.

Вы сейчасъ же можете отличить зданіе полицейскаго суда отъ другихъ по тѣмъ оживленнымъ группамъ полицейскихъ констеблей и бѣдноты, которыя толпятся у его входа. Всякій безъ малѣйшаго затрудненія назоветъ вамъ кратчайшій путь, ведущій къ нему. Это—главный центръ округа, съ которымъ ему неоднократно приходилось имѣть дѣло. Вы входите во внутрь небольшого помѣщенія и можете хорошенько осмотрѣть его. Полицейскій судъ, какъ и всѣ судебныя учрежденія Англіи, построенъ по опредѣленному плану. Главный входъ (для судьи имѣется обыкновенно особый подъѣздъ) выходитъ обыкновенно на небольшую улицу, чтобы не стѣснять движенія. Чрезъ него вы сразу попадаете въ большую, красиво отдѣланную залу, установленную по стѣнамъ скамьями, гдѣ публика ожидаетъ своей очереди и гдѣ у дежурныхъ констеблей она получаетъ нужныя свѣдѣнія. По сторонамъ

его расположены комнаты для свидѣтелей (мужчинъ и женщинъ) и канцелярія. Зала оканчивается двумя дверьми—слѣва и справа, ведущими въ залу засѣданій. Первая дверь предназначена для публики и свидѣтелей, вторая—для адвокатовъ. Судебная зала, представляющая собою почти правильный квадратъ, въ судахъ новаго типа освѣщается свѣтомъ, падающимъ сквозь стеклянный покровъ потолка; въ сумерки она освѣщается электрическими лампочками, скрытыми подъ окружностью этого потолка. Простая, но безукоризненно чистая обстановка придаетъ извѣстное величіе комнатѣ. Здѣсь вы видите высоко стоящую традиціонную судейскую скамью, помостъ для клерка, „ящикъ“ для свидѣтелей, находящійся въ непосредственной близости отъ судьи съ примыкающимъ къ нему мѣстомъ для пристава, скамьи для защиты и для прессы и, наконецъ, также стоящій на возвышеніи, огражденный со всѣхъ сторонъ барьеромъ „dock“ для обвиняемыхъ. Въ концѣ находятся двѣ скамьи: одна для свидѣтелей, другая для публики. Сзади залы суда находятся одиночныя камеры для арестованныхъ мужчинъ и женщинъ, приведенныхъ въ судъ, и неподалеку отъ нихъ комната для смотрителей за ними. Болѣе наглядное представленіе объ общемъ планѣ даетъ слѣдующее изображеніе одного изъ судовъ Tower Bridge Court, которое мы заимствуемъ изъ книги Gamon (Police courts to day and to morrow. 1907).



Такія благоустроенныя помѣщенія удалось создать лишь за послѣднія 10—15 лѣтъ. Еще недавно полицейскимъ приходилось ждать вмѣстѣ съ арестованными въ общей залѣ;

порою, утомленные долгимъ ожиданіемъ, они вмѣстѣ съ ними сворачивали въ ближайшій кабачокъ, чтобы не упустить арестованнаго ни на минуту. Такая совмѣстная выпивка, конечно, не могла имѣть благотворнаго вліянія. Женщины здѣсь находились вмѣстѣ съ мужчинами, дѣти—съ взрослыми, . случайные правонарушители вмѣстѣ съ опытными завсегдатаями полицейскихъ судовъ. Обширныя мѣста для публики дѣлали судъ зрѣлищемъ и забавой для постороннихъ. Наконецъ, тѣснота и скученность не позволяли поддерживать надлежащій порядокъ въ засѣданіяхъ Къ счастью, эти картины отошли уже въ область прошлаго, и порядокъ современныхъ судовъ не оставляетъ желать лучшаго.

Жизнь въ зданіи суда начинаетъ пробуждаться въ девятомъ часу утра. Сначала подымается смотритель за камерами и матрона, обязанностью которыхъ является привести въ порядокъ камеры и принять арестованныхъ, дѣла о которыхъ будутъ разсматриваться сегодня. Въ настоящее время каждый арестованный имѣетъ небольшую камеру, въ которой находится только скамейка. Онъ проводитъ въ ней 3—4 часа, начиная съ того времени, когда „Черная Марія“ (Black Maria—такъ населеніе называетъ черные фургоны для перевозки арестантовъ) привезетъ его изъ участка, и до того, *какъ судья постановитъ какое-либо рѣшеніе по его дѣлу.* Понемногу являются дежурные констебли и тѣ, на обязанности которыхъ лежитъ дать отчетъ о причинахъ произведеннаго ими вчера задержанія или поддержать обвиненіе. Миссіонеръ полицейскаго суда совершаетъ свой утренній обходъ заключенныхъ, содержащихся въ камерахъ.

Но вотъ смотритель за заключенными, полицейскіе констебли, приведшіе арестованныхъ, и миссіонеръ выполнили свою раннюю работу. Клеркъ привелъ въ порядокъ свои бумаги и удобно размѣстился въ креслѣ. Десять часовъ утра. Скоро должно начаться засѣданіе. Въ залѣ еще нѣтъ никого изъ публики и адвокатовъ. Только выстроившись гуськомъ у стѣны, группа просителей ждетъ прибытія судьи. Это мѣстная бѣднота, пришедшая поконсультировать съ судьею о

своихъ нуждахъ или попросить его о посылкѣ повѣстки съ вызовомъ въ судъ для начатія противъ кого-либо дѣла.

Въ началѣ одиннадцатаго появляется судья. „Silence“!— восклицаетъ приставъ. Судья размѣщается въ креслѣ или на стулѣ, поближе къ свидѣтельскому мѣсту, и вполголоса запросто бесѣдуетъ съ просителями, одинъ за другимъ подымающимися туда. Это еще не публичное засѣданіе, и бесѣда носитъ интимный характеръ.

Эта консультаціонная дѣятельность судьи, выросшая на почвѣ права судьи контролировать основанія къ выдачѣ повѣстокъ для вызова въ судъ въ качествѣ обвиняемаго, является замѣчательной чертой лондонскаго полицейскаго суда. Сюда приходятъ посовѣтоваться о юридическихъ послѣдствіяхъ, могущихъ проистечь отъ какой-либо мѣры, о способѣ найти выходъ изъ создавшагося затрудненія, подѣлиться своимъ горемъ и выслушать нѣсколько словъ утѣшенія. Судья внимательно выслушиваетъ каждаго и стремится по возможности помочь имъ. Одному онъ указываетъ законный путь преслѣдованія и предоставляетъ возможность вручить summons (повѣстку о явкѣ), при чемъ, если средства просителя невелики, то освобождаетъ его отъ уплаты слѣдуемыхъ за это 2 шиллинговъ; другому онъ совѣтуетъ обратиться къ миссіонеру или обѣщаетъ помощь изъ poor-box; третьяго направляетъ въ судъ графства, четвертому, наконецъ, достаточенъ обще-житейскій совѣтъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ открыто заявляетъ, что законъ безсиленъ помочь ему. Трогательна эта вереница мужчинъ и женщинъ, привлеченныхъ сюда слѣпою вѣрою въ авторитетъ и личность судьи и излагающихъ ему самыя интимныя стороны жизни. Выдача summons частнымъ лицамъ происходитъ по самымъ разнообразнымъ поводамъ: конфликтъ изъ за платы, семейная неурядица, личное оскорбленіе, незаконная конкуренція, незаконныя притѣсненія власти и т. д. все это даетъ обильную пищу для нихъ. Вотъ яркое описаніе этихъ консультацій, сдѣланное Th Holmes, который около 18 лѣтъ былъ missionary of the police court въ Лондонѣ:

„Пріятно знать, что каждое утро въ лондонскомъ поли-

цейскомъ судѣ судья терпѣливо и любезно выслушиваетъ различныхъ людей, пришедшихъ къ нему сообщить о своихъ нуждахъ. Конечно, тамъ, гдѣ проситель является съ просьбой о выдачѣ повѣстки для вызова кого-либо въ судъ, обязанностью судьи является выслушать просителя и выдать ему такую повѣстку, если онъ признаетъ основанія ея уважительными; но въ тѣхъ случаяхъ, когда его просятъ только о дружескомъ или юридическомъ совѣтѣ, рѣчь идетъ уже не объ обязанности, а о любезности, во имя которой онъ выполняетъ великую работу, которой отъ него не требуетъ ни законъ, ни государство. День за днемъ, годъ за годомъ мужчины и женщины приходятъ облегчить свою душу и подѣлиться своими горестями и затрудненіями съ судьей; и хотя многіе изъ нихъ знаютъ заранѣе, что судья не можетъ помочь ихъ горю, все же они приходятъ, будучи увѣренными, что ихъ внимательно выслушаютъ и скажутъ имъ нѣсколько словъ ободренія. И многіе уходятъ утѣшенные немногими ласковыми словами судьи и успокоенные тѣмъ, что могли высказать ему свое горе.

„Отецъ-чернорабочій, мужъ пьяницы-жены, приходитъ разсказать о томъ, адѣ, въ которомъ ему приходится жить, и, хотя судья не можетъ помочь ему и указать средства освободиться отъ такой жизни, такъ какъ законъ молчитъ о немъ, все же онъ уходитъ успокоенный и укрѣпившійся для того, чтобы переносить тяжкое бремя, выпавшее ему на плечи [1]). Бѣдная страдалица-жена приходитъ разсказать повѣсть о своихъ мукахъ, о побояхъ мужа, и она выслушивается, несмотря на нѣкоторую болтливость, и получаетъ совѣтъ или взять повѣстку о вызовѣ мужа въ судъ, или оставить на этотъ разъ дѣло безъ вниманія. Матери приходятъ посовѣтоваться относительно дочерей, впавшихъ въ развратъ, отцы— относительно безпутныхъ или лѣнивыхъ сыновей. Женатые сыновья или замужнія дочери приходятъ посовѣтоваться относительно того, какъ сдержать родителей-пьяницъ. Старые и хилые люди приходятъ сюда, такъ какъ ихъ взрослые сы-

---

[1]) Теперь законъ 1902 г. помогъ и ему, предоставивъ и мужьямъ ходатайствовать о раздѣльномъ жительствѣ въ случаѣ привычнаго пьянства жены.

новья, на которыхъ они затратили всю свою любовь и средства, отказываются поддержать ихъ въ ихъ нуждѣ и безпомощности. Умеръ отецъ или мать, оставивъ скудный скарбъ или немного денегъ: какъ раздѣлить это и устранить возникшіе споры? Отвѣтъ даетъ судья. Хозяинъ дома наложилъ арестъ на имущество;—судья долженъ указать, правильно или неправильно сдѣлано это.

„Всевозможныя домашнія затрудненія излагаются предъ судьей. Настойчивый, но нежелательный претендентъ на руку дочери осаждаетъ домъ—мать ищетъ защиты у судьи. Мать и отецъ запрещаютъ вступить дочери, достигшей 16 лѣтъ, въ бракъ съ человѣкомъ, котораго она любитъ—она ищетъ совѣта у судьи. Пылкій молодой человѣкъ дѣлалъ подарки своей возлюбленной, которые та отказывается вернуть, хотя женитьба разошлась,—онъ обращается къ судьѣ. Мужъ не вернулся домой въ субботу и воскресенье, несмотря на ожиданія,—въ понедѣльникъ жена совѣтуется съ судьей.

„Жильцы, имѣющіе дурныхъ домохозяевъ, и домохозяева, имѣющіе дурныхъ жильцовъ, обращаются за совѣтомъ къ судьѣ; его консультируютъ люди, имѣющіе неугомонныхъ сосѣдей: у одного—сторожевой песъ громко лаетъ по ночамъ, у другого пѣтухъ кричитъ рано утромъ подъ самымъ окномъ; у третьяго—имѣется дочь, дающая весь день уроки музыки; четвертый упражняетъ свои могучія легкія на корнетъ-а-пистонѣ въ воскресенье послѣ обѣдни.

„Но нѣтъ недостатка и въ серьезныхъ бѣдствіяхъ, и отчаяніе съ безвыходностью часто стучится у дверей судьи. Разбитая старуха, о которой никто не заботится и которую ждетъ работный домъ—мѣсто смертельнаго ужаса для нея,—ищетъ помощи у судьи. Краснощекая крестьянка, недавно пріѣхавшая изъ деревни и попавшая на мѣсто къ сомнительной хозяйкѣ, ищетъ тоже здѣсь помощи. И онъ сидитъ и выслушиваетъ всѣхъ. Можно сказать, что лондонскіе судьи являются настоящими юридическими совѣтниками населенія (poor men lawyers). Въ теченіе ряда лѣтъ они безъ всякаго призыва, рекламы и вознагражденія оказываютъ эту юридическую помощь бѣднякамъ“.

Намъ приходилось наблюдать нѣсколько такихъ консультацій. Является прилично одѣтая дама. Она получила отдѣльное жительство отъ своего мужа, условіемъ котораго было то, что она можетъ разъ въ двѣ недѣли навѣщать своихъ дѣтей. Теперь мужъ противится этому. Она ищетъ помощи у судьи.—„Вы должны обратиться къ судьѣ графства, но я опасаюсь за исходъ; не въ моей власти дать вамъ это право, такъ какъ всегда возникаютъ затрудненія при принудительномъ осуществленіи актовъ добровольнаго разлученія и содержащихся въ нихъ условій. Все, что я могу сдѣлать, это—попросить миссіонера, чтобы онъ навѣстилъ вашего супруга и посовѣтовалъ ему поступать благоразумно“.

Мать обращается съ жалобой на школьнаго учителя, жестоко наказавшаго ея сынишку. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказывается, что малышъ совершенно разбаловался дома и натворилъ въ школѣ серьезныя проказы; судья совѣтуетъ матери не начинать дѣла, а самой хорошенько слѣдить за мальчикомъ.

А вотъ случай, который разсказываетъ Th. Holmes. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ является съ просьбой выдать ему повѣстку.—Противъ кого?—спрашиваетъ его судья.—Противъ моего отца, сэръ.—Что же такое онъ тебѣ сдѣлалъ?—Онъ ударилъ меня за то, что *я* скверно обращался съ сестрой.—Хорошо, вы можете получить повѣстку, но заплатите за нее два шиллинга.—Не могу ли я дать половину, мнѣ еще нѣтъ двѣнадцати лѣтъ?—О, нѣтъ, мой милый, у насъ нѣтъ повѣстокъ въ полцѣны. Мальчикъ ушелъ, и можно было думать, что этимъ дѣло закончилось. Чрезъ нѣсколько дней онъ является съ двумя шиллингами и получаетъ повѣстку. За это время миссіонеръ изслѣдовалъ положеніе мальчика и нашелъ, что родители его являются вполнѣ благопорядочными людьми. Въ назначенный къ слушанію день магистратъ, выслушавъ родителя, даетъ ему совѣтъ по-прежнему приструниватъ мальчика.

Мужъ совѣтуется съ судьей, какъ ему проникнуть въ домъ, въ которомъ заперлась его жена, не позволяющая ему

войти.—Призовите констебля, онъ можетъ войти въ вашъ домъ съ вашего разрѣшенія,—говоритъ судья.

Безконечны темы такихъ консультацій, какъ пестра и многообразна сама жизнь.

По окончаніи консультацій и разрѣшеній на вызовъ въ судъ, судья приступаетъ къ слушанію дѣлъ. Дѣла разсматриваются въ извѣстной постепенности.

Сначала судья приступаетъ къ разсмотрѣнію charges—арестовъ, произведенныхъ полиціей за истекшій день. Они слушаются прежде всего, чтобы отпустить ждущихъ въ судѣ констеблей. Въ первую очередь здѣсь идутъ наименѣе сложные случаи пьянства и нарушенія порядка—„drunks and disorderlies“, какъ они называются на техническомъ языкѣ полиціи. Дамы имѣютъ преимущество: ихъ дѣла слушаются раньше. Одинъ за другимъ появляются и исчезаютъ сумрачныя и встрепанныя фигуры задержанныхъ. Ихъ много, но исторія одного—точный сколокъ съ остальныхъ, и судья не тратитъ на нихъ много времени. „Всѣ пьяные англичане удивительно похожи другъ на друга“, замѣтилъ одинъ судья. Труднѣе обстоитъ дѣло съ иностранцами, особенно изъ романскихъ странъ, гдѣ обычная для нихъ и необычная для англичанъ живость и жестикуляція часто принимаются неопытными констеблями за опьяненіе. Въ такихъ случаяхъ судьѣ приходится труднѣе. Введя задержаннаго, арестовавшій его констебль привычной скороговоркой произноситъ присягу и даетъ судьѣ показаніе, порою не болѣе 20—30 словъ. Рѣдко когда появляются другіе свидѣтели. Подсудимый, еще не успѣвшій очнуться отъ одиночества своей камеры, едва успѣваетъ сообразить обстоятельства, какъ судья произноситъ свою таксу наказанія, которая хорошо извѣстна въ его округѣ. Рѣдко какія-либо особыя обстоятельства заставляютъ его измѣнить свою обычную норму. Онъ лишь справляется у констебля—который разъ, и если число осужденій въ теченіе даннаго года превышаетъ четыре, болѣе подробно изслѣдуетъ характеръ подсудимаго, такъ какъ тогда ему предоставляется принять особыя мѣры. Съ другой стороны, по отношенію къ привычнымъ преступникамъ онъ ограничивается обыкновенно только пред-

упрежденіемъ. При такой быстротѣ, конечно, возможны ошибки. Но въ распоряженіи задержаннаго за пьянство, если онъ пожелаетъ, имѣется всегда способъ представить надежное доказательство своей невинности. Онъ въ правѣ по задержаніи его потребовать своего освидѣтельствованія полицейскимъ врачомъ. Но онъ долженъ уплатить вознагражденіе за это въ размѣрѣ 4 рублей, если освидѣтельствованіе окажется не въ его пользу. Вполнѣ понятно поэтому, что лишь очень немногіе прибѣгаютъ къ этому средству. Труднѣе доказательство, если къ обвиненію въ пьянствѣ присоединяется указаніе на брань или безпорядочное поведеніе. Подсудимый, плохо помня вообще обстоятельства, отрицаетъ свою вину и констебли должны прибѣгать къ различнымъ дополнительнымъ доказательствамъ. Число такихъ обвиненій въ пьянствѣ громадно. „Мы свободно могли бы закрыть половину полицейскихъ судовъ, если намъ удастся освободиться отъ пьянства“,—замѣтилъ разъ одинъ полицейскій судья. Большинство обвиняемыхъ попадаетъ въ первый разъ, но есть лица, имѣющія по 60—70 судимостей за плечами. По понедѣльникамъ листъ этихъ „charges“ увеличивается раза въ три противъ нормальнаго. Въ будни преобладающій процентъ составляютъ женщины, въ понедѣльникъ—мужчины стоятъ далеко на первомъ мѣстѣ. Въ общемъ процентъ женщинъ-пьяницъ составляетъ 35%, а остальное приходится на долю мужчинъ.

За пьянствомъ идутъ другіе полицейскіе проступки, нищенство, ночевка на улицахъ, держаніе пари [1]), нарушеніе общественной тишины. За ними слѣдуютъ уже уголовные

---

[1]) Держаніе пари—betting является характернымъ для англичанъ проступкомъ. Само по себѣ держаніе пари настолько въ природѣ англійскаго характера, что, едва ли какой-либо актъ парламента въ состояніи устранить его. Законъ лишь косвенно борется съ нимъ. Онъ объявляетъ проступкомъ, наказуемымъ штрафомъ до 50 руб., групповое держаніе пари на улицахъ: „Всякія трое или болѣе лицъ,—гласитъ законъ,—которыя соберутся на улицѣ столицы въ цѣляхъ держанія пари, будутъ признаваться виновными въ нарушеніи порядка (obstructing the street)“ вмѣстѣ съ тѣмъ законъ объявляетъ преступнымъ допущеніе такой игры въ торговыхъ помѣщеніяхъ. „Пари на улицѣ—говорятъ англичане—всегда ведетъ къ проигрышу, ибо противъ выигрыша серьезный шансъ—полицейскій судъ“.

проступки, какъ мелкая кража, побои, драки. Всѣ эти дѣла рѣшаются тутъ же судьей, и только по просьбѣ обвиняемаго или обвинителя онъ можетъ отсрочить рѣшеніе на нѣсколько дней, чтобы дать возможность организовать защиту или собрать справки о судимости. Нужно замѣтить, что сама полиція, задержавъ кого-либо при совершеніи преступленія, еще въ участкѣ даетъ ему возможность разослать письма друзьямъ, пригласить на завтра свидѣтелей и т. д. Такимъ образомъ на ряду со свидѣтелями обвиненія даже при первомъ разборѣ выступаютъ и свидѣтели защиты.

Отсрочка дѣла на недѣлю (remand) является общимъ правиломъ по дѣламъ о болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, гдѣ полицейскому судьѣ принадлежитъ только функція предварительнаго разслѣдованія, а окончательное рѣшеніе должно быть передано въ центральный уголовный судъ на усмотрѣніе присяжныхъ. Эти дѣла, которыя касаются часто поджоговъ, растратъ, подлоговъ, тяжкихъ ранъ, убійствъ и т. д., слушаются подъ конецъ утренняго засѣданія. По нимъ уже слѣдствіе значительно сложнѣе. Рѣдко на этой стадіи можно видѣть защитника. Хотя законъ 1903 г. и предоставилъ судьямъ право назначать защитниковъ неимущимъ, но они мало пользуются этимъ полномочіемъ для предварительнаго разбирательства. Самому подсудимому приходится вести перекрестный допросъ выступающихъ противъ него свидѣтелей. Ловкій рецидивистъ ведетъ этотъ допросъ съ совершенствомъ, которому порою могъ бы позавидовать даже опытный адвокатъ. Наоборотъ, случайный преступникъ совершенно теряется, когда судья спрашиваетъ его, не желаетъ ли онъ задать вопросы свидѣтелю. Это обращеніе какъ бы выводитъ его изъ пассивнаго состоянія, и онъ начинаетъ говорить самъ вмѣсто свидѣтеля. Тотъ кончилъ, почему же ему не начать своихъ показаній? Но судья или клеркъ прерываетъ его и старается ему разъяснить, что онъ долженъ не пререкаться со свидѣтелемъ, а задавать чрезъ судью вопросы. Но и тогда онъ забываетъ о свидѣтелѣ и начинаетъ доказывать судьѣ свою невинность. И судьѣ остается только, нарушивъ принципъ состязательности, самому приняться за перекрестный допросъ.

Хотя судья дѣйствуетъ здѣсь въ качествѣ слѣдователя, по наличность сторонъ заставляетъ его воздерживаться отъ проявленія большой самостоятельности. Эти дѣла кончаются только тѣмъ, что онъ признаетъ предварительное обвиненіе доказаннымъ или недоказаннымъ. Въ первомъ случаѣ онъ постановляетъ о заключеніи подъ стражу обвиняемаго до разсмотрѣнія дѣла большимъ жюри или принимаетъ отъ него поручительство, а также возлагаетъ на обвинителя подъ угрозой штрафа, обязанность дальнѣйшаго преслѣдованія, а во второмъ—немедленно освобождаетъ обвиняемаго, хотя это не лишаетъ возможности обвинителя продолжать дальше свою дѣятельность и представлять дѣло въ судъ присяжныхъ и помимо рѣшенія магистрата.

Англичане весьма цѣнятъ такое предварительное разсмотрѣніе дѣла судьей. При прежнемъ порядкѣ, когда обвинитель могъ непосредственно обращаться въ большое жюри, всегда возможны были злоупотребленія, закулисныя обвиненія, возбужденіе процессовъ по злобѣ; съ 50-хъ годовъ цѣлымъ рядомъ законовъ предварительное разсмотрѣніе дѣла магистратомъ сдѣлано обязательнымъ по ряду преступленій. Лондонское большое жюри очень внимательно относится къ рѣшеніямъ магистратовъ и отвергаетъ только ничтожный процентъ составленныхъ на основаніи ихъ обвинительныхъ актовъ; наоборотъ, обвиненіе, не прошедшее чрезъ это чистилище, имѣетъ очень мало шансовъ быть принятымъ большимъ жюри. Нѣкоторые, впрочемъ, недовольны этимъ разслѣдованіемъ. „Оно—говорятъ они—хорошо защищаетъ обвиняемаго, даже протовъ него самаго, но плохо защищаетъ общество, создавая чрезмѣрныя затрудненія для доказыванія преступленія“.

Разслѣдуя дѣло, судья не стремиться вовсе обнаружить виновность путемъ сознанія. Формальной обязанностью клерка является въ началѣ каждаго дѣла спросить подсудимаго, признаетъ онъ или отрицаетъ свою вину. При этомъ клеркъ добавляетъ въ случаѣ сознанія, что подсудимый можетъ говорить такъ, какъ пожелаетъ, однако, сказанное имъ можетъ быть и доказательствомъ противъ него.

Обиліе дѣлъ заставляетъ судью крайне спѣшить съ производствомъ, и второпяхъ судьи часто не принимаютъ надлежащихъ мѣръ предупрежденія. Такъ, часто еще недопрошенные свидѣтели присутствуютъ на судѣ при слушаніи дѣла, перекрестный допросъ не получаетъ достаточнаго развитія, подсудимому не дается возможность подробно развить свою защиту. Правда, такая скорость разбора приводитъ къ крайней быстротѣ репрессіи, и бывали случаи, когда виновникъ черезъ часъ послѣ совершенія преступленія направлялся уже въ тюрьму для отбытія наказанія, но едва-ли можно въ этомъ видѣть большое достоинство [1]).

Оцѣнивая представленныя доказательства, судья не стѣсненъ требованіями доказательственнаго права, дѣйствительными только для присяжныхъ, но несомнѣнно руководится тѣми разумными принципами, которые въ нихъ заложены. Недовольный его рѣшеніями подсудимый можетъ апеллировать въ судъ четвертныхъ сессій. Но такая апелляція происходитъ крайне рѣдко, такъ какъ имѣетъ крайне мало шансовъ на успѣхъ и, кромѣ того, сопряжена съ большими расходами.

Рѣдко по этимъ дѣламъ выступаютъ солиситоры. Полицейскимъ судьямъ удалось изгнать изъ стѣнъ своихъ судовъ тотъ темный классъ ходатаевъ, не брезгавшихъ средствами и ловившихъ случай заработать нѣсколько шиллинговъ отъ наивнаго подсудимаго, которые еще не такъ давно заполняли эти суды и создавали скверную репутацію имъ. Населеніе скоро поняло, что они своими увертками скорѣе ухудшаютъ положеніе обвиняемаго, нежели облегчаютъ его. Политика судей на этотъ счетъ тоже являлась недвусмысленной. Холмсъ разсказываетъ случай, когда судья, вышедшій изъ терпѣнія подъ вліяніемъ долгой рѣчи одного такого солиситора, обращаясь къ подсудимому постановилъ слѣдующій приговоръ: „Три мѣсяца тюрьмы съ тяжкими работами, во время которыхъ вы можете хорошо пораздумать о великолѣпной защитѣ, представленной вашимъ солиситоромъ“.

Изъ наказаній, назначаемыхъ за проступки, магистраты

---

[1]) Иного мнѣнія П. Шиловскій (стр. 50), который восторгается скоростью полицейскаго разбирательства въ Англіи.

чаще всего прибѣгаютъ къ денежной пенѣ. Но рѣдко когда осужденный въ состояніи внести ее. Дѣйствующее англійское право очень сурово относится къ нему въ такихъ случаяхъ. Онъ долженъ уплатить пеню сейчасъ же или же онъ отправляется тутъ же въ тюрьму, гдѣ отбываетъ замѣняющій пеню арестъ. Тутъ нѣтъ ни срока вступленія приговора въ законную силу, ни отсрочки по уважительнымъ обстоятельствамъ. Ея не дается даже въ случаѣ принесенія апелляціи. Благодаря этому значительное большинство осужденныхъ попадаетъ въ тюрьму за сравнительно ничтожные проступки. Въ 1909—1910 г. въ Англіи было помѣщено въ тюрьмы 179,961 человѣкъ, изъ нихъ 50% или 90,753 попали туда за невзносъ денежной пени.

Затѣмъ идетъ тюрьма на краткіе сроки, назначаемая въ случаѣ большого упорства или испорченности. Отъ усмотрѣнія судьи зависитъ обыкновенно не только срокъ, но и характеръ режима тюремнаго заключенія. „Hard labour“ (грубый трудъ), означающій щипанье пеньки или раскалываніе щебня, назначается тѣмъ, которые проявили особую жестокость при совершеніи преступленія или руководились возмутительными мотивами; „Third division“ (третій разрядъ) предназначается для обыкновенныхъ преступниковъ, и наконецъ „first division“ (первый разрядъ)— за оскорбленія, неуплату пени и пр.; этотъ послѣдній фактически соотвѣтствуетъ нашему аресту.

Назначая размѣръ пени или срокъ тюрьмы, судья руководится только внутреннимъ убѣжденіемъ, принимая въ соображеніе тяжесть дѣянія, личность виновнаго и рядъ другихъ обстоятельствъ. При этомъ, конечно, нельзя избѣгнуть извѣстной степени произвола.

„Вѣроятно, нѣтъ ничего болѣе труднаго—пишетъ Плоуденъ—во всей дѣятельности судьи, чѣмъ удовлетвореніе собственнаго сознанія относительно справедливости выносимыхъ приговоровъ. Многія тысячи людей, которыхъ онъ наказываетъ, и различія, порою микроскопическія, которыя онъ долженъ провести между однимъ проступкомъ и другимъ, требуютъ самаго тщательнаго вниманія и уравниванія. Возьмите такой простой случай, какъ обвиненіе въ пьянствѣ. Если 2½ шиллинга являются достаточнымъ штрафомъ, то пять

шиллинговъ будетъ уже явно тяжелымъ и, хотя разница между обоими предѣлами кажется несущественной, все же, фактически одинъ штрафъ вдвое больше другого, и для бѣдняка это весьма значительное различіе. Что бы вы ни дѣлали, ничто не избавитъ васъ отъ сознанія, что ваши приговоры могутъ быть или слишкомъ тяжкими, или слишкомъ снисходительными. Законъ довольствуется извѣстнымъ бланкомъ, въ предѣлахъ котораго ваше усмотрѣніе свободно, и единственнымъ вашимъ руководителемъ здѣсь явится смутное чувство справедливаго и соотвѣтственнаго". Такая система, все же предпочтительнѣе системы механической таксировки, находящей иногда своихъ друзей.

„Я встрѣтилъ какъ-то—пишетъ Холмсъ—человѣка, который коллекціонировалъ вырѣзки изъ газетъ относительно полицейскихъ судовъ, ихъ приговоровъ и наказаній. Онъ занимался сопоставленіемъ не только приговоровъ различныхъ магистратовъ за однородныя дѣянія, но и различныхъ наказаній, назначенныхъ тѣмъ же судьей за одну и ту же группу дѣяній. Онъ гордился своимъ трудомъ и заявлялъ, что правосудіе въ рукахъ магистратовъ превращается въ полнѣйшую неразбериху, hotch-potch. Онъ желалъ бы, чтобы правосудіе отправлялось болѣе разумнымъ и научнымъ способомъ. Въ отвѣтъ на это я предложилъ ему цѣлый планъ: вмѣсто клерка достаточно помѣстить фонографъ, въ который бы говорили свои рѣчи обвинитель, свидѣтели и подсудимый, а магистрата можно было бы замѣнить другимъ автоматомъ; путемъ комбинаціи обоихъ, правосудіе творилось бы самымъ научнымъ способомъ. Но слава лондонскаго полицейскаго суда въ томъ, что правосудіе въ немъ не отправляется по научному методу. Не дай Богъ, чтобы такъ было, ибо несправедливость тогда станетъ общимъ правиломъ, а не исключеніемъ".

Старая система воздѣйствія путемъ пени или тюрьмы теперь замѣняется болѣе сложными мѣрами, къ примѣненію которыхъ судьи привыкаютъ, однако, очень медленно: отдачею въ реформаторіи для пьяницъ (законъ 1898 г.), помѣщеніемъ въ борстальскія учрежденія (законъ 1908 г.), назначеніемъ условнаго осужденія съ попечительнымъ надзоромъ

(законъ 1907 г.), отсылкой въ работный домъ и, наконецъ, сообщеніемъ имени осужденнаго пьяницы полиціи на предметъ принятія особыхъ предупредительныхъ мѣръ (законъ 1902 г.). Въ случаѣ первичной преступности судьи все еще предпочитаютъ брать поручительство о хорошемъ поведеніи или дѣлать предупрежденіе, чѣмъ примѣнять условное осужденіе съ надзоромъ. Приходится прибѣгать къ ряду циркуляровъ, чтобы рекомендовать судьямъ болѣе частое примѣненіе этихъ мѣръ въ соотвѣтственныхъ случаяхъ.

При выборѣ этихъ наказаній судья пользуется правомъ очень широкаго усмотрѣнія. Законъ не стѣсняетъ его безусловнымъ требованіемъ примѣнить одну изъ этихъ мѣръ. Онъ можетъ даже освобождать совсѣмъ отъ наказанія признаннаго имъ виновнымъ подсудимаго, ограничившись лишь предостереженіемъ на будущее время. Позднѣе, въ зависимости отъ различныхъ обстоятельствъ, онъ можетъ мѣнять постановленный имъ приговоръ. Въ одномъ случаѣ—разсказываетъ Гамонъ—судился за бродяжничество одинъ здоровый парень. Онъ развязно объяснялъ судьѣ, что повредилъ свою руку и неспособенъ къ работѣ. Осмотрѣвшій его докторъ призналъ его заявленіе совершенно неосновательнымъ. Но тотъ протестуетъ и требуетъ переосвидѣтельствованія окружнымъ врачомъ. Ладно—говоритъ судья,—но если онъ васъ найдетъ здоровымъ, срокъ вашего наказанія будетъ удвоенъ. Это Соломоново рѣшеніе заставило протестанта сразу смолкнуть. Въ другомъ случаѣ судья назначаетъ суровое наказаніе in terrorem populi, но затѣмъ замѣняетъ его болѣе легкимъ. Характернымъ является право судьи предписывать о возстановленіи причиненнаго проступкомъ ущерба въ размѣрѣ до 100 рублей. Эта мѣра назначается въ связи съ условнымъ осужденіемъ. Полное возмѣщеніе ущерба даетъ основаніе судьѣ отмѣнить условно назначенное наказаніе. Какъ показываетъ опытъ, эта мѣра оказывается прекраснымъ суррогатомъ наказанія.

Въ первомъ часу пополудни кончается утренняя работа судьи, и засѣданіе откладывается до двухъ часовъ, чтобы дать возможность всѣмъ участвующимъ наскоро позавтракать.

Послѣ полудня картина суда уже мѣняется. Начинается слушаніе дѣлъ по повѣсткамъ (summons), когда обвиняемый находится на свободѣ или на порукахъ. Дѣла по повѣсткамъ назначаются клеркомъ на опредѣленные дни, и потому каждая категорія дѣлъ имѣетъ свой день на недѣлѣ. Понедѣльникъ, вслѣдствіе перегруженія его „drunks“, такими дѣлами заполняется очень слабо. На пятницу назначаются, обыкновенно, дѣла относительно нарушенія правилъ объ обязательномъ обученіи (Board of school cases), на субботу—полицейскія нарушенія строительнаго закона, санитарнаго, объ обязательномъ отдыхѣ и т. д., гдѣ обвинительницей выступаетъ полиція (police summons); на прочіе дни назначаются дѣла мѣстныхъ совѣтовъ (Local councils) и др. Въ пяти лондонскихъ полицейскихъ судахъ два раза въ недѣлю послѣ полудня спеціально слушаются дѣла о малолѣтнихъ, выдѣленныя по закону 1908 г. изъ общей подсудности. Объ этихъ дѣлахъ мы побесѣдуемъ въ слѣдующей статьѣ.

Въ послѣполуденныхъ засѣданіяхъ констебли не имѣютъ такого значенія какъ въ утреннихъ. Преобладаетъ средній обыватель, и его мелкія заботы и невзгоды обильно выплываютъ наружу. Семейныя распри, сосѣдскія неурядицы, полицейскія неисправности и мелкія торговыя злоупотребленія—все это составляетъ бытовую обстановку такихъ дѣлъ. Судебное разбирательство получаетъ страстный характеръ, выступаютъ длинныя вереницы свидѣтелей, нерѣдки перебранки, и судья чувствуетъ себя менѣе увѣренно, чѣмъ при обвиненіяхъ, руководимыхъ невозмутимымъ и надежнымъ Р. С. Вліяніе судьи обыкновенно сдерживаетъ всю ту массу житейской вражды и злобы, которая вынесена сюда на судъ и внѣ его отравляетъ мирную обывательскую жизнь. Каждая сторона старается выиграть въ глазахъ судьи своею воспитанностью и умѣньемъ держаться. Здѣсь уже чаще выступаютъ солиситоры, а порою и адвокаты, защищающіе интересы какихъ либо торговыхъ компаній или состоятельныхъ лицъ. Послѣднія приходятъ въ столкновеніе съ судомъ за мелкія дѣянія—неуплату налога на домашнихъ животныхъ, воскресную торговлю, продажу недоброкачественныхъ припасовъ и т. д. Рѣже

попадаются серьезныя обвиненія. Безконеченъ списокъ такихъ проступковъ, и пестрой чередой они мелькаютъ одинъ за другимъ, отнимая одну-двѣ минуты времени. Въ одно засѣданіе порою рѣшается до 100 summons. Въ среднемъ въ годъ на каждаго судью приходится не менѣе 10,000 такихъ дѣлъ. Нельзя не отмѣтить того, что они рѣшаются слишкомъ поспѣшно. Но единственное средство противъ того—это увеличеніе числа полицейскихъ судовъ, на что англичане идутъ крайне неохотно.

Въ пятомъ часу засѣданіе окончено, но судья не всегда еще можетъ сразу вернуться домой. Онъ долженъ побесѣдовать съ миссіонеромъ и выслушать его отчетъ о распредѣленіи благотворительныхъ средствъ или объ отдѣльныхъ дѣлахъ, которыя его интересуютъ; иногда его дожидается кто-либо изъ родныхъ или близкихъ заключенныхъ, обращающихся къ нему съ различными просьбами, которыя онъ выслушиваетъ; иногда, наконецъ, ему предстоитъ разговоръ съ клеркомъ или адвокатомъ. Только послѣ всего этого онъ можетъ отдохнуть и провести вечеръ въ клубѣ среди друзей.

Личность полицейскаго магистрата, засѣдающаго въ судѣ, имѣетъ громадное значеніе. Въ немъ цѣнятся не столько юридическія познанія, какъ въ судьяхъ высшаго суда, не глубокій разумъ въ мотивировкѣ рѣшеній, сколько внимательность и отзывчивость къ нуждамъ населенія, умѣнье держать въ строгихъ рукахъ полицію, способность давать уроки здоровой морали населенію и чувство здороваго юмора. Его честность и искренность заставляютъ уважать его даже тѣхъ, кому приходится чувствовать на себѣ тяжелыя послѣдствія его рѣшеній. При современной постановкѣ полицейскаго суда, его рѣшенія не только укрѣпляютъ нормы права, но и установляютъ средній уровень морали въ обществѣ. Онъ долженъ указать, какъ мужъ долженъ обращаться со своей женой и какъ мать должна заботиться о дѣтяхъ; онъ указываетъ на неумѣстность излишняго сутяжества между сосѣдями или между рабочимъ и хозяиномъ; онъ даетъ совѣты, какъ достигать осуществленія своихъ правъ, не оскорбляя другого. Его совѣты становятся порою весьма популярными. Припоминаю, какъ

долго и обстоятельно комментировалось газетами замѣчаніе одного судьи о томъ, что „бѣдный человѣкъ долженъ бриться самъ“. Оно было сдѣлано по поводу жалобы жены на расточительность мужа, причемъ судья призналъ, что расходы его на парикмахера, дѣйствительно, превышаютъ его нормальный бюджетъ. Кажется двѣ или три статьи были посвящены обсужденію этого мудренаго вопроса. Въ другомъ случаѣ обильно комментировалось замѣчаніе судьи о томъ, что „нѣтъ необходимости, чтобы супруги сходились во всемъ вкусами, и разномысліе по вопросу о красотахъ Гайдъ-парка еще не можетъ служить поводомъ къ разводу“. Населеніе весьма цѣнитъ личный характеръ судьи, и утреннія консультаціи одного привлекаютъ къ себѣ сильнѣе, чѣмъ консультаціи другого.

На полицейскомъ судьѣ лежитъ большая отвѣтственность. Какъ legum minister, онъ долженъ примѣнять несмѣтное множество законовъ, допускающихъ широкое усмотрѣніе. Многіе изъ нихъ устарѣли и не соотвѣтствуютъ потребностямъ времени, но онъ не можетъ ждать пока парламентъ отмѣнитъ или измѣнитъ ихъ, а долженъ приспособлять ихъ, насколько то возможно, чтобы не уродовать жизни. Онъ долженъ прислушиваться къ новымъ теченіямъ общественной жизни и впервые давать имъ правовую оцѣнку. Судья Плоуденъ въ своихъ мемуарахъ пишетъ, что двѣ стороны въ дѣятельности его, какъ полицейскаго судьи, особенно сильно поддерживали въ немъ чувство отвѣтственности: 1) сознаніе, что магистратъ долженъ поддерживать равновѣсіе между полиціей и публикой, обезпечивая правильное взаимодѣйствіе между обоими этими элементами, часто приходящими въ конфликтъ, и 2) въ странѣ, въ которой существуетъ почти суевѣрное преклоненіе предъ судомъ присяжныхъ, какъ палладіумомъ свободы, полицейскій магистратъ является единственнымъ судьей, который можетъ рѣшать вопросы факта, въ зависимости отъ которыхъ стоитъ личная свобода гражданъ. Ни лордъ, главный судья, ни его младшіе братья, судьи высшаго суда, не могутъ признать человѣка виновнымъ въ мелкой кражѣ безъ помощи присяжныхъ, между тѣмъ какъ въ полицей-

скомъ судѣ каждую недѣлю постановляются десятки такихъ приговоровъ [1]). Къ этимъ двумъ основаніямъ можно, пожалуй, прибавить и третье. Оно состоитъ въ сознаніи того что фактически подсудимый находится въ рукахъ полицейскаго судьи. Онъ рѣдко имѣетъ защитника, почти никогда онъ не можетъ расчитывать на успѣхъ апелляціи. Апелляція находится въ рукахъ непрофессіоналовъ, мировыхъ судей, засѣдающихъ въ четвертныхъ сессіяхъ, которые не рѣшаются итти противъ юридически свѣдующаго магистрата. И къ чести полицейскихъ судей нужно сказать, что, несмотря на это, судьба обвиняемаго находится въ безопасности. „Я не знаю ни одного магистрата—пишетъ Холмсъ—въ рукахъ котораго интересы подсудимаго, виновнаго или невиннаго, не были бы въ абсолютной безопасности. Нерѣдко случается, что магистратъ защищаетъ подсудимаго отъ него самого и противъ его собственнаго солиситора или солиситора преслѣдующей стороны. Держать вѣсы правосудія ровно изо дня въ день—не легкая задача, но она выполняется полицейскимъ судьей. И это доказывается ничтожнымъ числомъ отмѣняемыхъ приговоровъ“.

Хотя полицейскій магистратъ и назначается „на время добраго расположенія короны“ и не пользуется независимостью de jure, но фактически онъ совершенно независимъ. Мнѣ пришлось быть въ полицейскомъ судѣ на Bow-Street, когда слушался извѣстный процессъ суффражистокъ. Около сотни воинствующихъ дамъ и дѣвицъ были арестованы въ зданіи парламента, когда онѣ произвели въ немъ крайній безпорядокъ и напали на премьеръ-министра, угрожая ему насиліемъ, если онъ не приметъ отъ нихъ петиціи о допущеніи женщинъ къ парламентскимъ выборамъ. Арестованныя на слѣдующее утро были представлены въ полицейскій судъ, который былъ заполненъ ими. Главный магистратъ спокойно началъ свой дѣловой день, прослушалъ обычныхъ drunks and disorderlies и когда дошла очередь до нарушителей публичнаго

---

[1]) Впрочемъ, послѣ акта объ уголовной апелляціи это замѣчаніе не вполнѣ правильно.

порядка, призвалъ первую въ списокъ M-rs Parkhrust. Выслушавъ отъ констебля обстоятельства дѣла, онъ спросилъ подсудимую о томъ, признаетъ ли она себя виновной. Но ею было выставлено возраженіе: суффражистки осуществляли свое законное право подачи петицій въ парламентѣ, и полиція имъ въ этомъ пыталась препятствовать. Несмотря на господствующее въ правительственныхъ кругахъ возмущеніе, судья очень внимательно отнесся къ этому заявленію: онъ отложилъ дѣло, сказавъ, что посовѣтуется со своими коллегами и посмотритъ, насколько эта ссылка на конституціонное право оправдывается. Процессъ окончился не въ пользу суффражистокъ, но судья самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдовалъ всѣ ихъ защитительные доводы.

Было бы неправильнымъ думать, что судья, рѣшая дѣла единолично, можетъ проявлять любое усмотрѣніе. За законностью его рѣшеній зорко слѣдитъ клеркъ, который также несетъ за нихъ отвѣтственность; случайно присутствующій на судѣ солиситоръ или адвокатъ является также хорошей сдержкой; наконецъ, неизмѣнно сидящій на своемъ мѣстѣ корреспондентъ не упуститъ ни одного случая, чтобы не отмѣтить допущеннаго судьей эксцесса. Общество очень ревниво слѣдитъ за промахами судьи, и намъ приходилось читать негодующія статьи въ солидныхъ газетахъ противъ судей, два или три рѣшенія которыхъ (въ теченіе года!) были отмѣнены въ апелляціонной инстанціи.

Рѣшенія, постановленныя полицейскимъ судьей, часто пріобрѣтаютъ широкую извѣстность и не только чрезъ посредство газетныхъ отчетовъ. Желѣзнодорожная компанія или акціонерное общество подземныхъ городскихъ дорогъ ежегодно вывѣшиваютъ напечатанные крупными буквами списки тѣхъ взысканій, которыя были наложены въ полицейскихъ судахъ на безбилетныхъ пассажировъ, задержанныхъ на этихъ дорогахъ, съ точнымъ указаніемъ даты разбора и участка. Это служитъ лучшимъ напоминаніемъ необходимости запастись билетомъ при входѣ въ вагонъ. Владѣльцы автоматовъ вывѣшиваютъ надъ автоматами списки приговоровъ за порчу или злоупотребленіе ими, и каждый видитъ, что бдительное

око суда стоитъ на стражѣ этихъ никѣмъ не охраняемыхъ машинъ, и соотвѣтственный законъ не остается мертвою буквой. Словомъ, дѣятельность полицейскаго суда хорошо извѣстна повсюду, и его приговоры имѣютъ не только карательное, но еще болѣе предупредительное значеніе.

„Пожилой джентельменъ—пишетъ Гамонъ—въ черномъ сюртукѣ, съ сжатыми губами и привѣтливымъ взоромъ, сидящій на возвышеніи въ креслѣ въ концѣ залы, является главою полицейскаго суда. Судъ въ теоріи изучается по книгамъ; судъ въ дѣйствительности наблюдается лишь постепенно въ процессѣ работы. Судьи разнятся другъ отъ друга: одинъ уже смотритъ на свои обязанности, чѣмъ другой. Но магистратъ, обладающій широкимъ сердцемъ, является не только судьей, но филантропомъ и педагогомъ, который интересуется людьми, подпадающими его власти и его заботѣ; онъ активно борется съ алкоголизмомъ, съ безпризорностью дѣтей, попадающихъ въ полицейскіе суды; онъ испытываетъ энтузіазмъ при успѣхѣ и не смущается трудностями при проведеніи важной реформы. Его вниманіе не сосредоточено цѣликомъ на текущемъ моментѣ, онъ глядитъ шире и смотритъ на каждое дѣло скорѣе какъ на составную частицу соціальной проблемы, чѣмъ какъ на изолированное наказуемое дѣяніе. Благодарность и довѣріе, которыя онъ внушаетъ, сказываются на поднятіи уваженія къ закону. О законѣ слѣдуетъ судить по его результатамъ; если законы признаются многими, какъ благодѣтельные и мудрые, то это потому, что судьи милостивы и справедливы. А учебники пусть попрежнему видятъ въ немъ автоматически взвѣшивающій аппаратъ“.

IV.

Соціальная роль полицейскаго суда безпрестанно развивается параллельно съ развитіемъ и усложненіемъ публично-правовой регламентаціи жизни. Въ этой главѣ мы позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ новыхъ сторонахъ дѣятельности полицейскихъ судовъ, развившихся за послѣдніе годы съ особенной силой.

Едва ли не наиболѣе характерной особенностью англійскаго правового строя до самаго послѣдняго времени являлась полная замкнутость, изолированность отъ публичнаго вмѣшательства семейной жизни. Если относительно своего дома англійскій гражданинъ могъ прежде гордо заявлять „my house is my castle, мой домъ это—моя крѣпость“, то относительно семьи онъ съ одинаковымъ правомъ могъ бы сказать: „my family is my realm, моя семья это—мое царство“. Государство не должно было вмѣшиваться въ отношенія главы семьи къ его супругѣ и дѣтямъ, въ распоряженіи государства и не было такихъ органовъ, которымъ можно было поручить это.

До недавняго времени въ Англіи сохранялся еще взглядъ стараго common law на отношенія мужа и жены. Оно разсматривало обоихъ супруговъ, какъ единую плоть и, подобно нашему Домострою, давало мужу право „вѣжливенько учить жену“. Положеніе объ единствѣ личности супруговъ далеко не было фикціей. Жена, учинявшая нѣкоторыя тяжкія преступленія въ присутствіи мужа, до самаго послѣдняго времени освобождалась отъ наказанія, ибо законъ создавалъ законную призумцію того, что она дѣйствовала по принужденію мужа. До начала XIX вѣка женщина, не имѣвшая вообще права выступать обвинительницей въ судахъ, получала это право, въ которомъ не могъ ее даже заступить король, если она выступала съ обвиненіемъ по поводу смерти мужа, ибо предполагалось, что она защищаетъ какъ бы свою собственную жизнь. До закона 1898 г. жены не могли свидѣтельствовать въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ противъ своихъ супруговъ, кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, созданныхъ во второй половинѣ XIX в. по дѣламъ о прелюбодѣяніи, жестокомъ обращеніи и нѣкоторыхъ другихъ. До сихъ поръ выступленіе жены въ качествѣ свидѣтельницы при обвиненіи мужа въ общемъ преступленіи зависитъ отъ согласія мужа. Все имущество жены признавалось юридически принадлежащимъ супругу, и только актъ 1882 г. сдѣлалъ первый шагъ въ признаніи самостоятельной собственности замужнихъ женщинъ и далъ имъ возможность путемъ судеб-

ной защиты обезпечить свое имущество отъ безцеремоннаго хозяйничанія супруга.

Только понемногу двери семейной жизни стали раскрываться для публичной власти, и она стала приходить на помощь болѣе слабому и притѣсняемому супругу. И тѣмъ органомъ, чрезъ посредство котораго дѣятельность эта стала осуществляться, явился полицейскій судъ.

У насъ, какъ и вообще въ другихъ странахъ Европы, полиція и судъ вторгаются въ область семейной жизни только въ случаѣ учиненныхъ однимъ изъ супруговъ по отношенію къ другому преступленій. „Полиція—говоритъ нашъ уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (ст. 239)—не должна входить въ частные споры и несогласія между супругами, и только въ случаѣ преступленія уголовнаго обязана поступать по правиламъ, въ законахъ судопроизводства уголовнаго изложеннымъ“. Законъ здѣсь какъ бы слѣдуетъ совѣту, выраженному въ одномъ изъ стихотвореній Беранже;

—Комиссаръ, Комиссаръ!
Бьетъ Коленъ свою Колетту!
—Комиссара не зови:
Ничего такого нѣту,—
Ссора—вѣстница любви.

Въ Англіи вмѣшательство суда въ семейную жизнь теперь идетъ значительно глубже. Но вмѣшательство это происходитъ всегда по требованію одного изъ супруговъ. Если условія семейной жизни становятся слишкомъ тяжелыми, притѣсняемый супругъ идетъ къ магистрату и обращается къ нему за совѣтомъ. Съ этихъ совѣтовъ по домашнимъ и семейнымъ дѣламъ начинается утренняя дѣятельность полицейскаго судьи. И можно поручиться, что не меньше трехъ-четырехъ женъ ожидаютъ съ этою цѣлью его прихода каждый разъ. „Если бы я засѣдалъ всю недѣлю, съ понедѣльника до субботы, чтобы выслушать всѣхъ женщинъ,, у которыхъ имѣются пьянствующіе или жестокіе мужья, то я не могъ бы выслушать и половины ихъ“—такъ сказалъ разъ одинъ изъ полицейскихъ судей сѣвернаго Лондона, утомленный количествомъ подобныхъ обращеній. Совѣтъ судьи выражается

или въ рекомендаціи какихъ-либо мѣръ по отношенію къ супругу, если случай несерьезенъ, или чаще всего въ вызовѣ супруга въ судъ (summons). Наконецъ, въ наиболѣе серьезныхъ случаяхъ судья предлагаетъ женѣ, по разсмотрѣніи дѣла. постановить о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ (judicial separation).

Впервые актъ 1895 г. (Married women protection act, 1895) далъ возможность женѣ обращаться въ полицейскій судъ съ жалобой на жестокое обращеніе мужа и предоставилъ судьѣ наказывать виновнаго супруга заключеніемъ въ тюрьму на срокъ до трехъ мѣсяцевъ. Но мысль о необходимости болѣе нѣжнаго обращенія со своими женами очень медленно находитъ себѣ признаніе въ низшихъ классахъ населенія. Холмсъ приводитъ слѣдующій случай. Послѣ изслѣдованія доказательствъ по одному дѣлу о жестокомъ обращеніи, судья спрашиваетъ подсудимаго, судился ли онъ прежде за побои, наносимые женщинамъ. Подсудимый съ негодованіемъ отвергаетъ это, но справка о судимости говоритъ противъ него. Наконецъ, послѣ нѣкотораго недоумѣнія подсудимый восклицаетъ:—Да, но вѣдь это была моя жена! И подобные случаи отрицанія правъ личности на сторонѣ жены весьма нерѣдки. Среди рабочаго класса это почти обычное явленіе, вызываемое пьянствомъ и плохими условіями жизни.

Послѣ изданія акта 1895 г. полицейскіе суды стали переполняться жалобами женъ на жестокое обращеніе. Въ такихъ случахъ расправа судьи бываетъ очень коротка. Сначала выслушиваются показанія потерпѣвшей супруги, нѣсколько вопросовъ обвиняемому, разспросъ мѣстнаго полицейскаго констебля, иногда бесѣда съ миссіонеромъ, и судья уже составилъ свое мнѣніе. Жестокое обращеніе налицо, и виновный супругъ, если судья не пожелаетъ отсрочить его наказаніе и принять отъ него поручительство храненія мира и добраго поведенія, долженъ идти въ тюрьму. Къ этому судья можетъ. въ случаѣ если будетъ доказано на сторонѣ мужа упорное и неоднократное жестокое обращеніе, предоставить женѣ право раздѣльнаго жительства (judicial separation) и обязать мужа давать извѣстную сумму на поддержку жены

(не болѣе 2 ф. ст. въ недѣлю). Не всегда жена рѣшается ходатайствовать только о первомъ—о наказаніи мужа тюрьмой. Заключеніе мужа въ тюрьму можетъ только ухудшить положеніе жены, оставивъ ее безъ работника и озлобивъ противъ нея супруга. Поэтому центръ тяжести новаго закона свелся ко второму послѣдствію —къ ходатайству о разлученіи съ мужемъ. Полицейскіе суды превратились въ суды для развода. Обращеніе въ отдѣленіе Высшаго суда, вѣдающее дѣла о разводѣ, недоступно низшимъ классамъ. При самой минимальной расцѣнкѣ, сторона, обращающаяся сюда, должна уплатить судебныхъ издержекъ 300 рублей, если она дѣйствуетъ безъ адвоката, и не менѣе 750 руб.. если она поручаетъ ведсніе дѣла адвокату. Правда, законъ оговариваетъ возможность освобожденія отъ уплаты этихъ издержекъ въ случаѣ бѣдности (forma paupertatis), но понятіе это толкуется очень узко, и лица, имѣющія какой-либо заработокъ, уже не относятся къ этой категоріи. Между тѣмъ полученіе судебнаго разлученія въ полицейскомъ судѣ стоитъ всего 2 шиллинга 4 пенса (1 р. 10 к.), уплачиваемыхъ въ пользу клерка за повѣстки, да и то судья можетъ освободить просительницу отъ этого расхода во вниманіе къ ея положенію. Предоставленіе раздѣльнаго жительства, вслѣдствіе жестокаго обращенія, стало явленіемъ повседневнымъ въ полицейскомъ судѣ. Правда, женщинамъ приходится позднѣе часто убѣждаться, что не-всегда онѣ отъ этого выигрываютъ, такъ какъ супруги ихъ чрезъ нѣкоторое время отказываются платить имъ деньги на содержаніе, предподчитая даже тюрьму, и обзаводятся новой незаконной семьей, оставляя своихъ женъ на произволъ судьбы; но онѣ не лишены возможности позднѣе искать возможности примиренія съ супругомъ.

Еще болѣе усилилъ роль полицейскаго суда въ разлученіи супруговъ законъ 1898 г. о привычныхъ пьяницахъ (Inebriates act 1898). Онъ предоставилъ право женамъ, имѣющимъ пьяницъ-мужей, просить судью о выдачѣ имъ акта о разлученіи. Но при этомъ должно быть доказано, что мужъ былъ не менѣе четырехъ разъ въ теченіе года осужденъ за пьянство, и жена должна уйти изъ дому до обращенія въ

судъ. Этотъ актъ вызывалъ противъ себя рядъ сѣтованій. Почему только жены пользуются правомъ просить о разлученіи, и развѣ нѣтъ множества мужей, страдающихъ отъ пьяницъ-женъ, такъ часто встрѣчающихся въ Англіи? Если Мэри пользуется защитой, то почему ея долженъ быть лишенъ Джекъ? И развѣ сакраментальная цифра четыре, устанавливающая число необходимыхъ приговоровъ за пьянство, можетъ выражать собою всегда случаи, нуждающіеся въ такой мѣрѣ? Почему какое-либо тяжкое преступленіе, учиненное мужемъ или женою, является достаточнымъ для разлученія, а постоянное пьянство, если его не удалось констатировать четыре раза предъ судомъ, со всѣми его печальными послѣдствіями, какъ распаденіе домашней жизни, безпризорность дѣтей, грязная и отталкивающая обстановка дома, недостаточны для суда? Почему, наконецъ, жена должна раньше покинуть свой домъ и поселиться у друзей или въ гостинницѣ? Законодательство поспѣшило частично исправить эти недостатки. Былъ изданъ Licensing Act 1902, по которому привычное пьянство одного изъ супруговъ, хотя и не выразившееся въ опредѣленномъ числѣ осужденій, можетъ служить для другого супруга (мужа или жены) основаніемъ для просьбы о судебномъ разлученіи.

Въ связи съ этимъ дѣятельность судовъ, какъ центровъ, гдѣ недовольные другъ другомъ супруги ищутъ права раздѣльной жизни, расширилась необычайно. Въ настоящее время судья можетъ предоставить это право по одному изъ слѣдующихъ основаній: безвѣстное отсутствіе, упорная жестокость, нанесеніе тяжкихъ побоевъ, привычное пьянство, оставленіе безъ средствъ. Законъ еще молчитъ о двухъ основаніяхъ: безуміи супруга и невыносимомъ его характерѣ, которые часто являются обильнымъ источникомъ семейныхъ неурядицъ. Безуміе можетъ служить основаніемъ къ разводу, но не къ раздѣльному жительству; невыносимый характеръ супруга еще мало доступенъ юридическому опредѣленію, но несомнѣнно,—что бы ни говорили юристы—онъ чаще всего превращаетъ домашнюю жизнь въ адъ.

Чтобы дать понятіе о томъ, какъ часто судьи прибѣгаютъ

къ этому средству, достаточно заглянуть въ судебную статистику. Она показываетъ, что со времени изданія акта 1895 г. по 1907 г. судьи Англіи постановили 72.537 рѣшеній о разлученіи супруговъ. Ежегодное число ихъ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ было: 1907—7,158, 1908—7,265, 1909—6,349. Кромѣ этого, не прибѣгая къ разлученію супруговъ, судъ постановлялъ часто объ уплатѣ алиментовъ покинутой супругѣ. Въ 1907 г. число такихъ приговоровъ было 547, 1908 г.—901 и 1909 г.—2014. Общее число постановленій о взысканіи алиментовъ къ 1909 г. равнялось 7120. Неудивительно поэтому, что полицейскій судъ разсматривается какъ divorce-court для бѣдныхъ и что теперь, въ связи съ реформой законодательства о разводѣ, серьезно поговариваютъ о передачѣ ему полномочій постановлять не только о судебномъ разлученіи, но и о разводѣ.

Но полицейскіе суды не только разлучаютъ супруговъ; здѣсь порою и подготовляются свадьбы. Эти браки, извѣстные подъ именемъ „police court marriages“, происходятъ обыкновенно между различными кліентами полицейскаго суда, и судья приходитъ имъ на помощь тѣмъ, что даетъ небольшое денежное воспомоществованіе да поручаетъ иногда состоящему при судѣ миссіонеру позаботиться объ устройствѣ молодыхъ. Вотъ нѣсколько характерныхъ иллюстрацій такихъ браковъ.

„Предо мной—разсказываетъ Плоуденъ въ своей автобіографіи—появляется женщина среднихъ лѣтъ съ жалобой на то, что мальчики и дѣвочки на улицѣ не даютъ ей прохода, бросаютъ въ нее камнями и грязью. Такъ какъ въ ея наружности не было ничего эксцентричнаго, то я спросилъ ее, чѣмъ она объясняетъ такое къ ней отношеніе. Отвѣтъ ея былъ неожиданнымъ:

— Я думаю, такъ какъ у меня нѣтъ мужа.

— Хорошо—замѣтилъ я,—но почему бы вамъ не достать себѣ его? Вѣдь это не такъ ужъ трудно.

„Мой совѣтъ, повидимому, не удовлетворилъ ее, и она пробормотавъ что-то, чего я не разслышалъ, вышла изъ суда. Этотъ небольшой эпизодъ, не продолжавшійся и минуты, проникъ въ газеты и привелъ къ слѣдующей развязкѣ.

„Среди адресованныхъ ко мнѣ писемъ, нѣсколько дней спустя, я нашелъ одно со штемпелемъ изъ Іоркшира. Авторъ его отрекомендовывалъ себя вдовцомъ пятидесятилѣтняго возраста. Онъ одинокъ и стремится найти себѣ подругу, которая помогла бы ему прожить остатокъ его дней, но до сихъ поръ его поиски не увѣнчались успѣхомъ. Онъ прочелъ въ газетахъ о томъ эпизодѣ, о которомъ я говорилъ, и твердо убѣжденъ, что женщина, о которой шла рѣчь. только одна изъ всѣхъ можетъ быть ему вѣрной и любящей женой. Онъ умолялъ меня сообщить ему ея имя и адресъ и вложилъ для отвѣта въ письмо марку.

„Я нѣкоторое время сомнѣвался, но письмо мнѣ показалось откровеннымъ и присланная марка столь трогательно взывала ко мнѣ, что, наконецъ, я рѣшился и сообщилъ ему просимыя подробности. Вполнѣ понятно, я думалъ, что этимъ дѣло и кончится. Но исторія о безутѣшномъ вдовцѣ стала извѣстной, и я сталъ получать письма уже не отъ вдовцовъ и холостяковъ, а отъ особъ прекраснаго пола, которыя всѣ просили сообщить имъ свѣдѣнія о іоркширскомъ вдовцѣ, такъ какъ онѣ чувствовали увѣренность въ томъ, что могутъ составить для него счастье и утѣшеніе въ жизни. Я почувствовалъ здѣсь, что зашелъ достаточно далеко. Разлучать супруговъ для меня было дѣломъ почти каждодневнымъ, къ чему я постепенно привыкъ, но здѣсь впервые мнѣ пришлось попасть въ положеніе матримоніальнаго агента и заняться созданіемъ браковъ. Я чувствовалъ себя поэтому, какъ напшалившій мальчикъ“.

Не всѣ судьи, однако, столь осторожны, какъ Плоуденъ. Томасъ Холмсъ разсказываетъ другой случай.

„Нѣсколько времени тому назадъ прилично одѣтая женщина, двадцати лѣтъ, обвинялась въ одномъ изъ полицейскихъ судовъ въ оставленіи безъ помощи своего незаконнорожденнаго ребенка. Она была молода и красива и живо разсказала исторію своихъ злоключеній. При разбирательствѣ дѣла изъ публики поднялся вдругъ одинъ молодой человѣкъ, никогда раньше не видавшій подсудимой, и предложилъ жениться на дѣвушкѣ и сдѣлать изъ нея честную женщину.

Дѣвушка согласилась, и судья отсрочилъ дѣло, выдавъ бракующимся соверенъ на свадебные расходы. Молодой герой не имѣлъ гроша за душою и никакой работы. Онъ воспользовался гласностью, какую пріобрѣло его предложеніе на судѣ, и написалъ въ газеты письмо, въ которомъ приглашалъ общество къ пополненію дара суда для того, чтобы устроить свой будущій домъ. Его письмо не было напечатано, но было переслано издателемъ мнѣ, такъ какъ я изрѣдка писалъ въ газетѣ по этому вопросу. Разслѣдованіе показало, какъ и слѣдовало ожидать, что этотъ молодой человѣкъ, являвшійся завсегдатаемъ полицейскаго суда, едва ли можетъ оказаться хорошимъ супругомъ. А между тѣмъ судья далъ имъ свое отеческое благословеніе и двадцать шиллинговъ. Разсказанная женщиной на судѣ исторія оказалась впослѣдствіи сплошной выдумкой и ея поведеніе не только не заслуживающимъ симпатіи, но вызывающимъ крайній стыдъ. А между тѣмъ вся эта исторія, опубликованная въ газетахъ, подъ заглавіемъ „романъ въ судѣ“, вызвала цѣлый потокъ писемъ, адресованныхъ ко мнѣ, которыя всѣ содержали предложеніе женитьбы. Я сдѣлалъ изъ нихъ наилучшее употребленіе, сжегши ихъ всѣ, кромѣ одного, заинтересовавшаго меня. Авторомъ его былъ богобоязненный человѣкъ, прилежный членъ церкви, плотникъ, подрядчикъ по профессіи, вдовецъ, имѣющій нѣсколько дѣтей. Онъ помолился и получилъ увѣренность, что онъ долженъ жениться на этой женщинѣ и спасти ее. Онъ вложилъ въ письмо расписку на 10 шиллинговъ и просилъ оплатить ею отвѣтную телеграмму и цѣну билета по желѣзной дорогѣ. Я вложилъ эту расписку въ свое отвѣтное письмо, которое гласило слѣдующее:

„М. Г. Быть-можетъ, вы имѣете и хорошія намѣренія, но поступаете крайне неразумно. Какое право вы имѣете подвергать вашихъ дѣтей заботамъ неизвѣстной и падшей женщины? Женитесь на какой-либо порядочной женщинѣ, которую вы знаете, и спасите ихъ и себя. Вашъ Т. Х.“ [1]).

---

[1]) Романтическій характеръ, который придаетъ печать печальнымъ происшествіямъ городской жизни, крайне легко вызываетъ импульсы симпатій у англичанъ, ошибочно признаваемыхъ „невозмутимыми“. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ

Т. Холмсъ рѣзко возстаетъ противъ этой практики свадебъ по почину судьи. „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ—пишетъ онъ—одинъ судья поручилъ мнѣ позаботиться о бракѣ между двумя молодыми людьми, сдѣлавшими знакомство на судѣ. Я почтительно отказался. Тогда онъ замѣтилъ мнѣ: „Но вѣдь бракъ находитъ себѣ благословеніе на небѣ“.— „Иногда и въ аду, ваша честь“—былъ мой отвѣтъ. И результаты доказываютъ, что я былъ правъ. Судьи рѣдко видятъ тѣ результаты, которые проистекаютъ отъ такихъ браковъ, а между тѣмъ эти результаты идутъ глубоко. Отъ этого одного брака тяжкое бремя было взвалено на плечи общества. Вскорѣ эта чета стала бездомной и была найдена на улицѣ съ тремя дѣтьми, ночующею подъ телѣгой... Еще недавно одинъ миссіонеръ полицейскаго суда сообщалъ въ печати, что онъ устроилъ семьдесятъ такихъ браковъ и собралъ въ помощь молодымъ на первыхъ порахъ 200 ф. с. Многіе изъ брачащихся, по его словамъ, были столь бѣдны, что ему пришлось одалживать имъ обручальныя кольца на время совершенія обряда; у него для этой цѣли имѣется даже спеціальная пара колецъ. И несмотря на это, онъ утверждалъ, что почти всѣ устроились хорошо въ провинціи. Я искренно хотѣлъ бы вѣрить въ счастье такихъ браковъ, но не могу сдѣлать этого, такъ какъ мой опытъ говоритъ иное. Я не былъ пораженъ, читая въ газетахъ отчетъ объ убійствѣ мужемъ своей молодой жены, когда мать жены показала на судѣ, что этотъ бракъ былъ заключенъ при содѣйствіи миссіонера полицейскаго суда... Не такъ давно молодой человѣкъ обвинялся въ покушеніи на убійство дѣвушки, съ которою онъ жилъ. Его ревность и жестокость заставили дѣвушку бросить его. Но онъ не хотѣлъ разстаться съ нею и, напавъ

одна служанка, покинутая своимъ возлюбленнымъ, бросилась въ Темзу съ пользующагося печальной извѣстностью вслѣдствіе частыхъ самоубійствъ, Clifton Suspension Bridge. Рѣка была на отливѣ и дѣвушкѣ пришлось испытать только грязевую ванну. Газеты опубликовали отчетъ „о спасенной жертвѣ роковаго *Клифтонскаго моста*“ и, *какъ водится, помѣстили портретъ ея.* На другой день ей было получено не менѣе десятка предложеній женитьбы и возможно, что одинъ изъ столь отзывчивыхъ претендентовъ оказался счастливымъ избранникомъ.

на нее, пытался перерѣзать ей горло. Онъ былъ преданъ суду, но обвиненіе было формулировано какъ нанесеніе легкихъ ранъ. На судѣ дѣвушкѣ былъ заданъ вопросъ, желала бы она выйти замужъ за подсудимаго, при чемъ судья добавилъ, что тогда онъ иначе отнесется къ подсудимому. Дѣло было отложено, и обвиняемый былъ отпущенъ на свободу, чтобы онъ могъ жениться. Во время этой отсрочки былъ заключенъ бракъ, и къ ближайшему засѣданію подсудимый представилъ брачное свидѣтельство судьѣ. Оно спасло его отъ тюрьмы, и судья напутствовалъ молодого человѣка слѣдующими словами: „возьмите свою жену и будьте къ ней ласковы. Вы нападали на нее прежде, не дѣлайте этого впредь“. Не есть ли это—спрашиваетъ Холмсъ—злоупотребленіе властью судьи, и гдѣ здѣсь справедливость? Должна ли молодая дѣвушка рѣшать, заслуживаетъ ли посягавшій на ея жизнь наказанія, и слѣдуетъ ли ее на всю жизнь прикрѣплять къ такому ревнивому и жестокому человѣку? Я не могу найти удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы и думаю, что такія вещи не должны имѣть мѣста въ нашихъ судахъ“.

Въ прошломъ году Холмсъ въ качествѣ секретаря Howard Association принесъ протестъ противъ такихъ дѣйствій министру внутреннихъ дѣлъ, въ виду участившихся случаевъ такихъ браковъ, и министръ призналъ эту практику нежелательной.

При такихъ условіяхъ, когда судъ принимаетъ на себя задачу создавать и разстраивать браки, конечно, должно было сильно ослабѣть сознаніе нерушимости брачныхъ узъ. Но тѣмъ не менѣе не констатировано разлагающее вліяніе на брачную жизнь судебнаго вмѣшательства, скорѣе наоборотъ. Бракъ попрежнему остается „популярнымъ учрежденіемъ“, которое предпочитается другимъ формамъ полового сожительства. Мужья и, въ особенности, жены обращаются въ судъ только тогда, когда исчерпаны всѣ другія средства и, конечно, когда нѣтъ и тѣни счастливой супружеской жизни. Обязанность давать женамъ содержаніе удерживаетъ мужей отъ того, чтобы доводить дѣло до разрыва и потому въ общемъ возможность судебнаго разлученія является хорошимъ предупредительнымъ

средствомъ. Власть мужа, когда-то бывшая безусловной, теперь находитъ сильную сдержку въ законѣ, который вручилъ женѣ мощное средство самозащиты.

Но не только отношенія между супругами стали предметомъ вниманія полицейскаго суда. Онъ проникаетъ и туда, гдѣ раньше безраздѣльно господствовала родительская власть.

Англійскому судьѣ до послѣдняго не принадлежало широкой власти лишенія родителей права опеки надъ дѣтьми, какъ то мы видимъ въ Америкѣ. Онъ могъ только устранить вліяніе родительской среды путемъ помѣщенія мальчика въ воспитательно-исправительный пріютъ. Но это не всегда являлось удобнымъ.

Законъ о дѣтяхъ 1908 г. значительно расширилъ полномочія полицейскаго судьи по отношенію къ дѣтямъ. Такъ, ст. 21 позволяетъ уже лишать опекунской власти родителей и другихъ лицъ, виновныхъ въ учиненіи по отношенію къ ребенку ряда преступленій, въ томъ числѣ и жестокаго обращенія, но при этомъ необходимо осужденіе родителя или, по крайней мѣрѣ, преданіе его суду за это преступленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ судья можетъ поручать, чтобы несовершеннолѣтній былъ отданъ подъ опеку другого лица. Такія же полномочія предоставлены суду ст. 26 въ случаѣ признанія родителя привычнымъ пьяницей.

V.

Другая соціальная задача громадной важности, возложенная на полицейскіе суды, это—борьба съ алкоголизмомъ. Добрая половина всѣхъ дѣлъ въ полицейскомъ судѣ стоитъ въ тѣсной связи съ пьянствомъ массъ. „Drunks“ или „drunks and disorderlies“—длинной серіей фигурируютъ каждое утро въ спискѣ дѣлъ; по понедѣльникамъ эта серія превращается въ цѣлую процессію. Каждый на минуту появляется въ „докѣ“ предъ лицомъ судьи и сейчасъ же пропадаетъ, получивъ свою таксу въ видѣ нѣсколькихъ шиллинговъ штрафа или дней ареста. За процессіей виновныхъ въ пьянствѣ идетъ другой рядъ виновныхъ въ преступленіяхъ, учиненныхъ подъ влія-

ніемъ пьянства; а за ними рядъ просителей и просительницъ, ходатайствующихъ о раздѣльномъ жительствѣ вслѣдствіе привычнаго пьянства.

Регулярно, почти механически, выполняетъ судъ свою работу борьбы, увы, въ значительной степени безплодной, съ алкоголизмомъ населенія. Низшіе классы Лондона, принужденные затрачивать громадную энергію напряженія при работѣ и получающіе взамѣнъ этого скудный свѣтъ, скудную пищу и скудный отдыхъ, являются упорными потребителями спиртныхъ напитковъ, дающихъ имъ временное возбужденіе. На долю каждаго жителя въ Англіи ежегодно приходится спиртныхъ напитковъ почти на 25 рублей. До послѣдняго времени работа судьи по борьбѣ съ пьянствомъ была чисто механической и вмѣстѣ съ тѣмъ безплодной. Частые штрафы еще сильнѣе толкали рабочаго къ бѣдности и сопряженному съ ней пьянству; а краткосрочная тюрьма мало могла подѣйствовать на него и чаще всего способствовала еще болѣе глубокому паденію. Долгое время въ этой области ничего не предпринималось, и крѣпка была вѣра въ то, что нельзя сдѣлать людей трезвыми посредствомъ актовъ парламента. Но грандіозныя цифры осуждаемыхъ полицейскими судами алкоголиковъ не могли оставить общество равнодушнымъ. И оно прибѣгло къ тому же парламенту, чтобы получить отъ него необходимыя средства и полномочія для такой борьбы.

Сначала было обращено вниманіе на наиболѣе опасную категорію „привычныхъ пьяницъ“. По опредѣленію англійскаго закона „привычнымъ пьяницей (habitual drunkard) является тотъ, кто, не являясь душевно-больнымъ, тѣмъ не менѣе въ силу привычнаго и неумѣреннаго потребленія спиртныхъ напитковъ становится по временамъ опаснымъ для самаго себя и другихъ и неспособнымъ владѣть собою и руководить своими дѣлами“. По отношенію къ этой категоріи было признано недостаточнымъ ограничиться одними полицейскими взысканіями; здѣсь идетъ рѣчь не столько о проступкѣ, сколько объ опасномъ состояніи, и потому слѣдуетъ принять мѣры болѣе серьезнаго свойства, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ устранили бы, по возможности, и самый источникъ опасности.

Такою мѣрою прежде всего должно явиться принудительное леченіе привычныхъ алкоголиковъ.

Первый, крайне робкій шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ актомъ 1879 г. (Habitual drunkards act), который организовалъ особыя убѣжища для алкоголиковъ, стоящія подъ правительственнымъ контролемъ, куда могли поступать привычные алкоголики на срокъ не болѣе года. Этотъ актъ еще не былъ принудительнымъ. Наоборотъ, алкоголикъ, желавшій поступить въ такое убѣжище, долженъ былъ подать о томъ спеціальное прошеніе, и все дальнѣйшее пребываніе въ убѣжищѣ обусловливалось его добрымъ желаніемъ. Вполнѣ понятно, что такія убѣжища привлекали только немногихъ.

Нуженъ былъ новый двадцатилѣтній опытъ, чтобы Парламентъ рѣшился вступить на путь принудительныхъ мѣръ. Въ 1898 г. былъ изданъ законъ, по которому каждый привычный пьяница, осужденный четыре раза въ теченіе года за пьянство, можетъ быть принудительно помѣщенъ полицейскимъ судьей въ реформаторію для алкоголиковъ. Ему предоставлено было только право перенести свое дѣло отъ единоличнаго судьи въ судъ четвертныхъ сессій (но безъ участія присяжныхъ). Этотъ актъ является только палліативомъ. Требованіе четырехъ осужденій въ теченіе года позволяетъ ловкому человѣку, имѣющему за душой десятки осужденій за пьянство, ни разу не доводить цифру до требуемаго закономъ числа. Оно стѣсняетъ дѣятельность судей формальными рамками и вмѣстѣ съ тѣмъ вредитъ дѣлу, такъ какъ позволяетъ примѣнять помѣщеніе въ реформаторію только тогда, когда алкоголикъ дошелъ до крайнихъ границъ злоупотребленія спиртными напитками и когда часто безнадежно его леченіе. Всѣ дѣятели, близко стоящіе къ этому дѣлу, признаютъ это требованіе вреднымъ, и еще недавно Вашингтонтскій тюремный конгресъ, обсуждая результаты примѣненія этой мѣры, нашелъ это ограниченіе совершенно нецѣлесообразнымъ. Все же закономъ 1898 г. было дано въ руки судей мощное орудіе, которымъ они не замедлили воспользоваться. Правда, пользуются имъ они крайне осторожно и цифры присужденій въ

реформаторіи совершенно ничтожны для громаднаго числа приговариваемыхъ во всей Англіи за привычное пьянство [1]).

Рядъ новыхъ мѣръ преимущественно предупредительнаго характера былъ затѣмъ принятъ Licensing act 1902 г., однимъ изъ первыхъ дѣтищъ либеральнаго правительства. Онъ поставилъ подъ болѣе дѣятельный контроль мирового судьи выдачу патентовъ на содержаніе питейныхъ заведеній, онъ ограничилъ часы торговли въ нихъ, возложилъ на продавцовъ отвѣтственность за продажу напитковъ пьянымъ и т. д. Но наиболѣе любопытнымъ его нововведеніемъ было устанавливаемое ст. 4 акта правило, по которому полицейскій судъ послѣ четырехъ осужденій въ теченіе года могъ сообщать полицейской власти имя привычнаго пьяницы, независимо отъ того, подвергалъ ли онъ его помѣщенію въ реформаторію или нѣтъ. Полиція, въ свою очередь, должна была принимать мѣры къ недопущенію этого лица въ питейныя заведенія. Если лицо, о которомъ было сообщено полиціи, будетъ застигнуто пьющимъ спиртные напитки въ питейномъ заведеніи въ теченіе трехъ лѣтъ со времени внесенія въ такіе списки, оно подвергается штрафу до 1 ф. ст. или заключенію въ тюрьмѣ на срокъ до двухъ недѣль.

На основаніи этого закона, изданнаго отчасти подъ вліяніемъ разочарованія въ возможности воздѣйствовать на привычныхъ пьяницъ путемъ леченія, полицейскіе судьи начали сообщать имена осужденныхъ полиціи. Полиція вносила ихъ въ особые списки, которые вскорѣ получили названіе „черныхъ списковъ“. Эти списки съ портретами осужденныхъ должны быть вывѣшены въ каждомъ питейномъ заведеніи округа, и содержатели этихъ питейныхъ заведеній были обязаны не допускать этихъ лицъ въ свои помѣщенія. Но энергичная дѣятельность по распространенію этой мѣры встрѣтила сразу цѣлый рядъ препятствій. Полицейскіе судьи, въ совѣщаніи между собою, вслѣдствіе раздававшихся жалобъ, нашли, что по смыслу закона подсудимые, противъ которыхъ судья желаетъ принять указанную выше мѣру, могутъ

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. ниже, въ статьѣ объ англійской карательной системѣ.

требовать перенесенія ихъ дѣла въ четвертныя сессіи, какъ то имъ предоставлено при присужденіи въ реформаторіи для пьяницъ. Судья можетъ примѣнить ее самъ только тогда, если подсудимый соглашается на это. Между тѣмъ переносъ дѣла въ сессію расхолодилъ многихъ и сдѣлалъ примѣненіе этой мѣры болѣе рѣдкимъ. Съ другой стороны, сами алкоголики, съ тревожнымъ страхомъ ожидавшіе новаго закона, вскорѣ нашли удобную лазейку. Пьянство среди нихъ не только не уменьшилось, но увеличилось. Прежде судья могъ приговаривать ихъ за рецидивъ пьянства къ тюрьмѣ до одного мѣсяца, теперь же, по новому закону, за двойную вину: нарушеніе запрещенія суда и за пьянство, наказаніе не можетъ превышать двухъ недѣль. Получается даже прямая выгода отъ примѣненія къ нимъ черныхъ списковъ, которые, такимъ образомъ, перестали быть страшными. Сами судьи скоро увидѣли комичность такого положенія и стали предписывать полиціи возбуждать преслѣдованія противъ внесенныхъ въ списки не по карательной статьѣ новаго закона, а по старому закону, какъ за простое пьянство. Система черныхъ списковъ, такимъ образомъ, не привела къ какимъ-либо результатамъ, а между тѣмъ она способствовала еще болѣе глубокому паденію тѣхъ, кто были вносимы въ эти списки, въ особенности женщинъ. Получивъ, благодаря этимъ спискамъ, широкую, но сомнительную извѣстность въ околоткѣ, не только по имени, но и лично, вслѣдствіе фотографіи, вывѣшенной во всѣхъ мѣстныхъ кабачкахъ, посѣщаемыхъ всякимъ сбродомъ, женщина испытываетъ, конечно, крайнюю степень позора, и имя ея навсегда вычеркивается вмѣстѣ съ тѣмъ изъ списка порядочныхъ. Правда, многимъ изъ фигурирующихъ въ этихъ спискахъ уже некуда итти далѣе, но возможно, что среди нихъ попадаются имена матерей, страдающихъ этимъ губительнымъ порокомъ, имена полунормальныхъ, предающихся пьянству на почвѣ душевной болѣзни. Такой списокъ окончательно разрываетъ и семейныя связи, если онѣ сохранились. Супругъ по тому же акту 1902 г. можетъ просить о разводѣ въ случаѣ доказаннаго привычнаго пьянства, и, конечно, публичный позоръ жены, широко

ставшій извѣстнымъ сосѣдямъ, оттолкнетъ его отъ нея, хотя бы у него и сохранялись къ ней состраданіе и любовь. Въ самой Англіи уже начинаютъ раздаваться голоса противъ этой мѣры, и одинъ изъ самыхъ громкихъ принадлежитъ гуманному Томасу Холмсу.

Въ послѣдніе годы было признано, что борьба съ пьянствомъ въ полицейскихъ судахъ не должна ограничиваться только случаями привычнаго пьянства. Тогда воздѣйствіе трудно, если не невозможно. Необходимо было выработать, для удержанія отъ повторнаго пьянства новичковъ, мѣры болѣе дѣйствительныя, чѣмъ штрафъ и тюрьма. Такою мѣрою и явилось probation, выполняемое подъ надлежащимъ надзоромъ попечителя. Эта мѣра была введена закономъ 1907 г. Судья освобождаетъ условно отъ наказанія провинившагося въ пьянствѣ впервые и поручаетъ попечителю позаботиться о томъ, чтобы условно-осужденный въ теченіе извѣстнаго времени воздерживался отъ потребленія спиртныхъ напитковъ. Право налагать такія ограниченія спеціально оговорено въ законѣ для всѣхъ проступковъ, вызванныхъ опьяненіемъ.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣръ мы наблюдаемъ значительное паденіе числа осужденій за пьянство въ Лондонѣ. Въ 1909 г. это паденіе выражалось въ цифрѣ 313, въ 1908 г.—620. Сильно упало и количество помѣщаемыхъ въ реформаторіи для алкоголиковъ.

Можно было бы продолжить разсмотрѣніе отдѣльныхъ категорій мѣръ, принимаемыхъ полицейскимъ судомъ для борьбы съ нищенствомъ, съ развратомъ, съ профессіональнымъ воровствомъ и пр., но мы не имѣли въ виду здѣсь бо̀льшаго, чѣмъ указаніе двухъ-трехъ иллюстрацій той дѣятельности, которую приходится выполнять этому суду. Изъ нихъ уже видно, что не формальные принципы, а практическія задачи установленія соціальнаго порядка лежатъ въ ея основѣ. Не всегда еще суду предоставляется достаточная свобода въ осуществленіи этихъ задачъ; примѣръ тому—ограниченія въ области принудительныхъ мѣръ по отношенію къ алкоголикамъ, но это объясняется новизной методовъ, еще

недостаточно провѣренныхъ на опытѣ. Практика здѣсь далеко еще не сказала своего послѣдняго слова.

VI.

Полицейскій судъ занимаетъ видное положеніе въ ряду учрежденій, выработанныхъ сложною жизнью большихъ городовъ. Въ немъ сосредоточивается сила, обладающая большимъ объемомъ принужденія, регулирующая сложныя отношенія людскихъ интересовъ и дѣйствій. Этотъ судъ является, какъ называютъ его порою, clearing house of the crime, расчетной палатой преступности, гдѣ ликвидируются мелкія и крупныя коллизіи, возникающія за день между населеніемъ и закономъ. Дѣятельностью этого суда поддерживается правильный порядокъ въ общественномъ механизмѣ, устраняются препятствія и опасности. Такъ-называемая полицейская преступность, въ сущности, есть проявленіе не антисоціальности, а лишь соціальной неприспособленности или небрежности. Она возникаетъ тамъ, гдѣ, въ видахъ избѣжанія опасности для другихъ, на членовъ общенія возлагаются различныя обязанности или ограниченія свободы. Усложняющаяся общественная жизнь невольно связываетъ интересы однихъ съ интересами другихъ, и защита послѣднихъ только съ помощью одного гражданскаго иска является недостаточной: необходимо развить предупредительную дѣятельность или дѣятельность пресѣченія, которая и достигается путемъ установленія запретовъ или предписаній, исполненіе которыхъ санкціонируется штрафомъ или арестомъ. Полицейская преступность есть продуктъ стремленія къ защитѣ сложныхъ формъ общественной жизни, и чѣмъ выше уровень этой послѣдней, тѣмъ обильнѣе и разнороднѣе составъ ея. Въ связи съ этимъ и задачей полицейскаго суда является не покараніе, а устраненіе опасности, проистекающей для общества. Примѣняемыя имъ мѣры опредѣляются не столько виновностью дѣятеля, сколько опасностью соотвѣтственныхъ дѣйствій. Привычные пьяницы помѣщаются на долгіе сроки въ реформаторіи вслѣдствіе той опасности, которую представляетъ состояніе хро-

ническаго алкоголизма для общества; бродяги помѣщаются въ работные дома опять-таки для устраненія соціальной опасности; примѣрное взысканіе постигаетъ виновнаго въ непринятіи санитарныхъ или оградительныхъ мѣръ, такъ какъ необходимо создать большую безопасность здоровья и жизни окружающихъ.

Въ полицейскомъ судѣ, этомъ центральномъ узлѣ сто-личной жизни, сходятся и находятъ свою расцѣнку всѣ явленія повседневной жизни, могущія создавать опасность для правильнаго ея теченія. То, что въ другихъ странахъ выполняется усмотрѣніемъ полиціи—поддержаніе порядка и безопасности, въ Англіи докладывается суду и находитъ свое осуществленіе лишь чрезъ его посредство.

Нельзя полицейскаго судью считать носителемъ только карательныхъ мѣръ и органомъ только уголовнаго правосудія. Онъ—носитель публичной власти, призванный къ „храненію мира“, дѣйствующій лишь въ судебномъ порядкѣ, подъ контролемъ состязательности и гласности. Примѣненіе наказанія—это лишь одна изъ его функцій на ряду съ мѣрами предупрежденія (какъ поручительство храненія мира, попечительный надзоръ), арестомъ виновныхъ и первоначальнымъ разслѣдованіемъ преступленій, функціями административной юстиціи и надзоромъ за полицейской дѣятельностью. Къ этимъ официальнымъ функціямъ присоединяются обыкновенно и неофиціальныя, какъ консультаціонная дѣятельность, благотворительная помощь, попеченіе о дѣтяхъ и пр.

Вмѣстѣ съ тѣмъ полицейскій судъ представляетъ собою обширное поле для изученія человѣческихъ характеровъ и слабостей. Дѣянія людей выступаютъ здѣсь не закованными въ традиціонныя схемы обвинительныхъ актовъ и легальныхъ опредѣленій и не пропущенными сквозь юридическое сито абстрактныхъ составовъ, а въ тѣхъ прихотливыхъ и обычныхъ сочетаніяхъ, которыя имъ даетъ жизнь. Судебное слѣдствіе не сдавлено тѣсными рамками устарѣвшихъ правилъ объ „относящемся“ и „неотносящемся“, какъ то мы видимъ на судѣ присяжныхъ въ Англіи. Участвующимъ въ дѣлѣ дана большая свобода и возможность проникать въ обстановку

преступленія, и само спорное отношеніе здѣсь не выдергивается изъ соціальной среды и не ставится на искуственные подмостки торжественнаго зрѣлища, когда судьи скорѣе священнодѣйствуютъ, чѣмъ проникаютъ въ соціальную суть дѣла. Англійскій присяжный судъ, съ его старинными традиціями и формулами, парализуетъ подсудимаго; послѣдній чувствуетъ, что „надъ нимъ“, гдѣ-то въ недосягаемой вышинѣ творится правосудіе, а жизненная правда ушла куда-то внизъ, сжалась въ своей ничтожности и не рискуетъ выглянуть наружу. Судъ стремится установить только, подходятъ ли его дѣйствія подъ опредѣленную сакраментальную формулу закона, или нѣтъ. Здѣсь, въ полицейскомъ судѣ, правосудіе уже творится не „надъ намъ“, а „между нимъ и полиціей“ или между нимъ и его сосѣдомъ. Онъ дѣятельно участвуетъ въ его отправленіи своими показаніями и своею личностью. Онъ знаетъ, что и судья, и онъ стоятъ на одной плоскости— на почвѣ жизненной правды, и потому они понятны другъ другу.

Поэтому и характеръ подсудимаго и условія его жизни въ полицейскомъ судѣ всегда всплываютъ наружу, и каждое дѣло вписываетъ страницу въ книгу жизненнаго опыта наблюдателя. Среди криминалистовъ за послѣднее время часто можно слышать мнѣніе, что только въ тюрьмѣ, а не на судѣ, можно узнать настоящій характеръ человѣка. Это мнѣніе крайне неправильно. Тюрьма съ ея искуственными и размѣренно-однообразными условіями жизни никогда не можетъ дать возможности обнаружить такія свойства характера и души человѣка или такія привычки, которыя составляютъ главную характеристику его личности. Судъ, въ особенности судъ менѣе формальный, даетъ для этого значительно больше. Здѣсь слышенъ голосъ свидѣтелей, наблюдавшихъ обвиняемаго въ его поведеніи и жизни на свободѣ; здѣсь, въ борьбѣ, самъ обвиняемый обнаруживаетъ качества своего характера, здѣсь вскрываются страницы его прошлаго. Поэтому вполнѣ понятно, почему такому суду и можетъ быть поручаемо принятіе исправительно-оградительныхъ мѣръ по отношенію къ различнымъ категоріямъ преступниковъ, проявляющихъ опас-

ныя свойства. Рядъ принятыхъ за послѣдніе годы англійскимъ законодательствомъ такихъ мѣръ во многомъ объясняется этою ролью полицейскаго суда и возможностью для него глубже знакомиться съ характеромъ подсудимаго.

Можно было бы нарисовать цѣлыя галлереи различныхъ характеровъ, наблюдаемыхъ въ полицейскомъ судѣ, и эта задача съ большимъ мастерствомъ уже сдѣлана такими внимательными наблюдателями жизни этихъ судовъ, какъ Холмсъ, Гамонъ, Плоуденъ и др.

Сложность лежащихъ на полицейскомъ судѣ задачъ и тѣсная связь его съ практическимъ осуществленіемъ различныхъ соціальныхъ проблемъ приводятъ въ настоящее время къ спеціализаціи полицейскихъ судовъ. Чрезвычайно трудно вести универсальную борьбу съ современными соціальными опасностями и болѣзнями. Методы борьбы усложняются, требуется большая подготовка, большое проникновеніе въ различные соціальные круги и сотрудничество съ различными соціальными факторами. Поэтому наступаетъ періодъ появленія особыхъ, спеціализированныхъ судовъ. Первый примѣръ этого мы наблюдаемъ въ видѣ спеціализаціи суда по дѣламъ о несовершеннолѣтнихъ, которыя требуютъ особыхъ воспитательныхъ методовъ и взаимодѣйствія съ самыми разнородными организаціями попеченія о дѣтяхъ. Эта спеціализація уже осуществилась и въ Англіи. Но затѣмъ на очереди стоятъ и другія категоріи дѣлъ. Несомнѣнно, въ такой спеціализаціи нуждаются прежде всего дѣла объ алкоголикахъ. Судья, разсматривающій эти дѣла въ порядкѣ обычнаго процесса, не имѣетъ ни времени, ни охоты къ болѣе глубокому ихъ разсмотрѣнію; а между тѣмъ при правильной постановкѣ борьбы съ алкоголизмомъ путемъ суда нужно было бы каждаго подвергать врачебному осмотру, нужно было бы организовать надлежащій надзоръ за условно-осужденными алкоголиками, устранить ту моральную заразу, которую вноситъ этотъ элементъ въ общіе суды. За алкоголиками идутъ другія категоріи: проститутки, нищіе. Здѣсь опять свои методы борьбы и свои проблемы. Нѣкоторые штаты Америки въ этомъ отношеніи уже опередили Англію. Въ Нью-Іоркѣ, напр., имѣются

спеціальные ночные суды для проституток, нарушающих порядокъ на улицѣ. Для того, чтобы не помѣщать женщинъ въ нездоровую обстановку общаго полицейскаго суда, въ нѣкоторыхъ городахъ въ Америкѣ установлены особые дни, women days, когда слушаются нѣкоторыя категоріи женскихъ дѣлъ и принимаются мѣры противъ широкой гласности. Такіе шаги къ спеціализаціи уже отчасти приняты и въ Англіи путемъ назначенія особыхъ дней послѣ полудня для различныхъ категорій summons. Начинаютъ раздаваться голоса и объ установленіи особыхъ засѣданій для нѣкоторыхъ категорій дѣлъ о преступленіяхъ, учиненныхъ женщинами [1]). Но этого недостаточно, такъ какъ все-таки самая разнородная масса дѣлъ остается въ рукахъ одного и того же судьи.

Мы говоримъ объ этой эволюціи, какъ о уже намѣчающейся, и возможно, что появленіе такихъ особыхъ судовъ не заставитъ себя долго ждать. Во всякомъ случаѣ оно явилось бы послѣдовательнымъ продолженіемъ происходящаго нынѣ развитія полицейскаго суда, какъ соціально-принудительнаго органа. Эта эволюція еще сильнѣе подчеркнетъ ту мысль, которую мы хотѣли воплотить въ нашей статьѣ, что дѣятельность мѣстнаго суда на опредѣленныхъ стадіяхъ тѣсно сплетается съ дѣйствіемъ другихъ соціальныхъ факторовъ и становится однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ воздѣйствія, направленнаго на оздоровленіе общежитія и устраненіе препятствій и опасностей, подтачивающихъ его правильную жизнь.

---

[1]) Въ защиту этой мысли выступаютъ здѣсь представительницы женскаго равноправія, извѣстныя подъ именемъ суфражистокъ.

VII.

СУДЫ ПО ДѢЛАМЪ О НЕСОВЕРШЕННОЛѢТНИХЪ.

СУДЫ ПО ДѢЛАМЪ О НЕСОВЕРШЕННОЛѢТНИХЪ.

I.

Созданіе особыхъ судовъ для юношества есть по преимуществу проблемма большихъ городовъ, этихъ особыхъ организмовъ въ тѣлѣ государства, притягивающихъ къ себѣ окружающіе свѣжіе элементы и заражающихъ ихъ нездоровою атмосферою скученной жизни. Въ нихъ дѣйствуютъ особыя условія соціальнаго отбора, въ нихъ развиваются и спеціализируются такіе органы, которые въ другихъ мѣстахъ находятся только въ зачаточномъ состояніи. Потребность организаціи идетъ параллельно съ увеличеніемъ массы, какъ необходимое условіе ея устойчивости. Поэтому понятно, что большіе города могутъ имѣть свои специфическія потребности и вырабатывать специфическія средства удовлетворенія ихъ.

Условія, въ которыхъ растетъ ребенокъ въ большихъ городахъ, во многомъ отличны отъ общихъ. Я имѣю въ виду по преимуществу условія соціальныя, какъ наиболѣе сильно вліяющія на преступность дѣтей. Оторванность отъ родителей, большую часть времени занятыхъ въ промышленной или торговой дѣятельности, раннее знакомство съ развратомъ и преступностью улицы, наличность многихъ соблазновъ,—все это ведетъ къ быстрому нравственному паденію. Воспитаніе состоитъ прежде всего въ осуществленіи постояннаго контроля за поведеніемъ ребенка; между тѣмъ въ большихъ городахъ цѣлый рядъ факторовъ ослабляюще дѣйствуетъ въ этой области: быстрый обмѣнъ и подвижность населенія, препятствующая

укрѣпленію сосѣдскихъ связей, важныхъ для расширенія контроля; меньшая заинтересованность родителей въ судьбѣ ребенка, отчасти вслѣдствіе трудности соціальной борьбы, отчасти вслѣдствіе многочисленности иныхъ связей, ослабляющихъ значеніе связи семейной; быстро возникающая солидарность между подростками, создающая особыя группы, живущія своею внутренней жизнью и трудно поддающіяся воздѣйствію со стороны взрослыхъ. Въ результатѣ получается ранняя самостоятельность на почвѣ недостаточнаго воспитанія, весьма опасная для общежитія. Эти особые факторы прежде всего вызываютъ быстрый ростъ преступности несовершеннолѣтнихъ по преимуществу въ большихъ городахъ.

Но, кромѣ особыхъ условій преступности, идею судовъ для юношества вызываютъ къ жизни и особыя условія общественности. Въ большихъ городахъ мы видимъ болѣе развитый духъ общественности, болѣе энергичную дѣятельность общественныхъ организацій, позволяющую дополнять въ значительной степени семейный надзоръ надзоромъ общественно-публичнымъ. Съ другой стороны, обиліе дѣлъ, касающихся малолѣтнихъ, позволяетъ провести спеціализацію безъ особыхъ затратъ. Въ сельскихъ мѣстностяхъ вмѣсто полной спеціализаціи можно довольствоваться обособленіемъ этихъ дѣлъ и примѣненіемъ къ нимъ особыхъ принциповъ.

Зародившись въ Сѣверной Америкѣ, движеніе въ пользу такихъ особыхъ судовъ въ 1904 г. перекинулось въ Европу [1]).

Англія раньше другихъ европейскихъ странъ, благодаря общности языка и однородности судебныхъ учрежденій, восприняла эту идею. Большая независимость мѣстныхъ судебныхъ учрежденій позволила провести ее въ практику, еще не ожидая толчка со стороны законодательства.

Въ теченіе пяти лѣтъ практики новыхъ учрежденій, успѣлъ создаться столь благопріятный опытъ, который далъ

---

[1]) См. нашу статью „Суды для несовершеннолѣтнихъ въ Сѣв. Америкѣ и Зап. Европѣ“. Ж. М. Ю., 1908, кн. 7 и 8, а также въ „Вѣстникѣ Воспитанія“ 1911, кн. 3 и 4: „Суды для несовершеннолѣтнихъ въ Америкѣ, какъ воспитательные и соціальные центры“.

возможность провести законъ, предписывающій повсемѣстное учрежденіе особыхъ судовъ для несовершеннолѣтнихъ и дающій имъ прочное основаніе для дальнѣйшаго развитія.

II.

Первымъ проводникомъ идеи судовъ для дѣтей явился въ Англіи судья Courtenay Lord, по иниціативѣ котораго былъ открытъ 13 апрѣля 1905 г. первый такой судъ въ *Бирмингамѣ*. Реформа эта была проведена путемъ приспособленія существующаго закона. Основаніемъ для этого явилась ст. 20 акта о суммарномъ судопроизводствѣ 1879 г., по которой „судьямъ малыхъ сессій графства предоставляется время отъ времени устраивать судебныя засѣданія въ полицейскихъ участкахъ или иныхъ мѣстахъ, отличныхъ отъ обычныхъ помѣщеній суда, и пользоваться ими въ качествѣ временныхъ судебныхъ помѣщеній“. Для того, чтобы обезпечить правильныя условія дѣятельности суда, установлены были въ Бирмингамѣ слѣдующія правила. Судъ производится каждый четвергъ въ 10 часовъ утра, за часъ до открытія обычныхъ судовъ (этимъ избѣгается наплывъ посторонней публики). Дѣти раздѣляются на двѣ категоріи, въ зависимости отъ тяжести содѣяннаго ими преступленія. Съ ними находятся ихъ родители и близкіе. Дѣла разсматриваются о каждомъ несовершеннолѣтнемъ въ отдѣльности, при чемъ судья первоначально знакомится съ ребенкомъ по показаніямъ близкихъ его и должностныхъ попечителей. Эти послѣдніе въ числѣ трехъ назначаются судьей изъ числа лицъ, преданныхъ дѣлу защиты дѣтей; за свои труды они получаютъ особое вознагражденіе. На ихъ обязанности лежитъ не только доставленіе свѣдѣній о несовершеннолѣтнихъ, привлекаемыхъ къ суду, но и забота о послѣдующемъ ихъ устройствѣ. При судѣ имѣется спеціальный реестръ дѣтей, отданныхъ подъ попечительный надзоръ; въ него заносятся всѣ свѣдѣнія, касающіяся ихъ и ихъ семьи, а затѣмъ дѣлаются отмѣтки о поведеніи несовершеннолѣтняго, находящагося подъ надзо-

ромъ [1]). До суда дѣти содержатся въ особыхъ помѣщеніяхъ, не имѣющихъ никакой связи съ тюрьмами. Уже первый отчетный годъ (1906) показалъ значительное уменьшеніе числа малолѣтнихъ преступниковъ въ Бирмингамѣ, что должно быть отнесено всецѣло на счетъ дѣятельности новаго суда.

Успѣшные шаги суда въ Бирмингамѣ вызвали въ 1905 г. циркуляръ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ Akers Douglas, обращенный къ лондонскимъ судьямъ, съ указаніемъ на желательность созданія особыхъ судовъ для молодежи и полнаго обособленія послѣдней отъ взрослыхъ преступниковъ. Эту же мысль поддержалъ и его преемникъ, Гладстонъ, отвѣчая 30 іюня 1906 г. въ палатѣ общинъ на запросъ.

Въ качествѣ временной мѣры, по предложенію правительства, было принято слѣдующее: 1) дѣла объ арестованныхъ несовершеннолѣтнихъ должны разсматриваться по утрамъ, раньше всѣхъ другихъ дѣлъ; 2) особыя засѣданія должны быть установлены для дѣлъ о нарушеніи Education acts, которыя могутъ влечь явку несовершеннолѣтняго въ судъ; 3) задержанные несовершеннолѣтніе должны быть помѣщаемы въ особомъ залѣ или помѣщеніи, находящемся по близости суда, куда не должны быть допускаемы другіе заключенные; 4) приведенные въ судъ несовершеннолѣтніе не должны быть уводимы

---

[1]) Копія регистраціоннаго листа суда для несовершеннолѣтнихъ въ *Бирмингамъ* включаетъ слѣдующія данныя:

№ . . . Имя . . . . Фамилія . . . . . Мѣстожительство . . . . . Рѣдился . . . округа . . . графства . . . . Имя отца . . . матери . . . Живы ли родители? Имя и возрастъ прочихъ живыхъ членовъ семейства и мѣстожительство ихъ . . Число умершихъ членовъ семьи . . Занятіе отца, заработокъ, хозяинъ . . . Если работаетъ и мать, то ея занятіе, заработокъ, хозяинъ . . Заработокъ прочихъ членовъ семьи . . . Квартира . . . нанимается отъ хозяина . . отъ жильцовъ . . . Характеръ отца . . . матери . . Характеръ остальныхъ членовъ семьи . . . Посѣщаетъ ли ребенокъ школу и какую? Замѣтки школы . . . Религія . Куритъ ли ребенокъ посѣщаетъ ли музыкальныя увеселенія . . . Характеръ его товарищей . . Предшествующія осужденія . . Отмѣтка врача . . . Прочія подробности . . Преступленіе . Время приговора . . Судья . . . Его помощники . Судъ . . . Приговоръ . . . Вѣроятная причина преступленія . Отчеты магистратовъ . . Дата . . . Сущность отчета . . . Результатъ попечительнаго надзора . . .

до тѣхъ поръ, пока не наступитъ ихъ очередь, и не должны оставаться тамъ послѣ окончанія ихъ дѣла; 5) во время *слушанія дѣла въ залѣ суда не можетъ присутствовать никто* изъ взрослыхъ обвиняемыхъ, если только онъ не причастенъ къ этому дѣлу; 6) несовершеннолѣтній передъ судьей долженъ помѣщаться не на скамьѣ подсудимыхъ, а сбоку или спереди ея. Эти мѣры, по свидѣтельству Гладстона, были осуществлены въ весьма многихъ городахъ и графствахъ [1]).

Но вслѣдъ за ними стала быстро распространяться и болѣе широкая форма спеціализированныхъ судовъ для молодежи въ связи съ системой попечительнаго надзора. Къ 1908 г.—моменту изданія Children's act—въ 39 англійскихъ городахъ, 3 ирландскихъ и 4 шотландскихъ уже существовали такіе суды, приближавшіеся къ американскимъ [2]).

Въ Шотландіи этотъ вопросъ былъ поставленъ впервые на очередь M-r Bailie Bruce Murray, судьей въ Глазго, по предложенію котораго была создана коммисія въ мартѣ 1905 года

---

[1]) Циркуляромъ 14 марта 1907 г. была произведена анкета среди всѣхъ судовъ малыхъ сессій (petty sessions) относительно: 1) количества дѣтей до 16 лѣтъ, представленныхъ въ судъ за послѣдніе 3 мѣсяца 1906 г.; 2) числа случаевъ, въ которыхъ былъ примѣненъ попечительный надзоръ, и 3) мѣръ, принятыхъ къ обособленію дѣлъ о несовершеннолѣтнихъ отъ остальныхъ. Изъ 1051 запрошенныхъ судовъ отвѣтъ дали 847. Въ результатѣ выяснилось, что 1) общее число дѣтей подсудимыхъ было 8491; 2) мѣры попечительнаго надзора настоятельно и въ восторженныхъ выраженіяхъ рекомендуются 218 судами; 140 судовъ полагаютъ, что эта система будетъ вѣроятно полезной; 3) относительно выдѣленія дѣлъ о малолѣтнихъ: 41 судъ производитъ особыя засѣданія въ особыхъ помѣщеніяхъ; 21 судъ производитъ особыя засѣданія лишь въ случаѣ необходимости; 297 судовъ разсматриваютъ дѣла о несовершеннолѣтнихъ до или послѣ другихъ дѣлъ, 142 суда требуютъ, чтобы несовершеннолѣтній до представленія въ судъ содержался въ особомъ помѣщеніи; 12 судовъ не допускаютъ присутствія дѣтей на засѣданіяхъ по другимъ дѣламъ, касающимся малолѣтнихъ; 11 судовъ не допускаютъ присутствія постороннихъ при слушаніи дѣлъ о несовершеннолѣтнихъ; 5 судовъ сообщаютъ о приготовленіяхъ къ открытію особыхъ судовъ; 14 отвѣчаютъ лаконично о принятіи надлежащихъ мѣръ.

[2]) *Въ Англіи* въ городахъ: Balley, Balh, Birmingham, Bolton, Builth, Bury, Buxton, Canterbury, Chester, Coventry, Darwen, Durham, Eckington, Halifax, Heywood, Huddersfield, Hull, Lincoln, Lower, Barkson, Ash, Manchester, Newcastle under Lyme, North Langbangh, Nottingham, Ormskirk, Portsmouth, Plymouth, Sheffield, Salford, Smethwick, Sunderland, Tunbridge–Wells, Wakefield, Walsall, West–Ham, Weymouth, Whitechurch, Wigan. *Въ Ирландіи*: Dublin, Belfast. Cork. *Въ Шотландіи*: Glasgow, Dundee, Greenock, Edinbourg.

для изученія дѣятельности этихъ судовъ въ Америкѣ. Эта коммисія въ концѣ 1905 г. представила городскому самоуправленію Глазго слѣдующія заключенія, вполнѣ одобренныя послѣднимъ и принятыя къ руководству:

„1) желательно создать должностныхъ попечителей, назначаемыхъ главнымъ констэблемъ для каждаго округа полицейскаго суда, которые дѣйствовали бы не въ форменномъ платьѣ и на обязанности которыхъ, между прочимъ, было бы: а) ежедневное присутствіе въ нѣсколькихъ судахъ города для полученія инструкцій отъ предсѣдательствующаго судьи относительно тѣхъ дѣлъ, которыя судьи найдутъ пригодными для „испытанія“ б) производство розысковъ объ обстоятельствахъ, касающихся преступниковъ и ихъ преступленій, для сообщенія суду; в) наблюденіе и надзоръ по методу, указанному судьей (самостоятельное или съ помощью другихъ лицъ, предложившихъ свои услуги), за испытуемымъ въ теченіе срока, опредѣленнаго судьей; г) представленіе отчетовъ судьямъ. 2) Въ случаѣ согласія на предшествующія требованія, коммисіи должно быть предоставлено сдѣлать необходимыя приготовленія и войти въ соглашеніе съ другими учрежденіями, интересующимися дѣломъ реформированія преступниковъ, для обезпеченія ихъ содѣйствія должностнымъ попечителямъ. 3) Къ судьямъ должна быть обращена просьба о широкомъ примѣненіи ими своихъ дискреціонныхъ полномочій относительно условнаго освобожденія, отсрочки уплаты штрафовъ, разсрочки ихъ, назначенія штрафа сообразно съ размѣрами заработка, назначенія небольшихъ или номинальныхъ только поручительствъ, освобожденія безъ суда въ случаѣ ничтожныхъ провинностей. 4) Система должностного попечительства особенно полезна при совмѣстной дѣятельности съ совѣтомъ по школьнымъ дѣламъ (School Board). Коммисія рекомендуетъ: а) чтобы несовершеннолѣтній до 16 лѣтъ не помѣщался до суда въ обычныя полицейскія камеры; б) чтобы поощрялась практика разсмотрѣнія дѣлъ менѣе важныхъ мѣстными начальниками полиціи безъ представленія въ судъ; в) чтобы судъ надъ несовершеннолѣтними происходилъ не въ обычныхъ засѣданіяхъ полицейскаго суда и чтобы, поскольку это возможно въ предѣлахъ существующихъ узаконеній, юные свидѣтели были удаляемы изъ суда по окончаніи своихъ показаній. 5) Въ виду того мнѣнія, что полное принятіе американской системы требуетъ дополнительнаго законодательства (это не можетъ быть достигнуто безъ особыхъ замедленій, особенно до практическаго опыта, показавшаго недостаточность существующихъ законовъ), слѣдуетъ продолжать и въ дальнѣйшемъ изученіе результатовъ дѣятельности этой системы въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ“.

Въ соотвѣтствіи съ этими предложеніями въ 1906 г. были созданы системы должностныхъ попечительствъ въ Глазго и Гринокѣ, гдѣ дѣла о несовершеннолѣтнихъ, оставаясь въ компетенціи отдѣльныхъ полицейскихъ судовъ, слушаются однако на особыхъ основаніяхъ и гдѣ освобождаемыя дѣти поручаются надзору особыхъ лицъ изъ числа констэблей, ко-

торыя обыкновенно въ своей дѣятельности опираются на рядъ благотворительныхъ обществъ. Судъ для несовершеннолѣтнихъ въ собственномъ смыслѣ былъ учрежденъ лишь въ Эдинбургѣ 18 января 1907 г. при главномъ полицейскомъ судѣ. Мнѣ, въ бытность тамъ лѣтомъ 1907 года, удалось бесѣдовать съ главнымъ констэблемъ м-ромъ Россъ, по словамъ котораго, первые шаги суда оказались очень удачными. Въ основу суда положены слѣдующіе принципы: 1) разборъ всѣхъ дѣлъ о малолѣтнихъ до 16 лѣтъ производится въ опредѣленные дни однимъ и тѣмъ же судьею (обыкновенно ранѣе слушанія дѣлъ о взрослыхъ); 2) проведено возможное ограниченіе гласности; 3) создана организація преданныхъ дѣлу должностныхъ попечителей. Они посѣщаютъ семьи арестованныхъ юношей, даютъ свѣдѣнія суду, слѣдятъ за освобожденными на поруки. На ихъ заботѣ лежитъ помощь и совѣтъ юношамъ, состоящимъ подъ ихъ попеченіемъ. Въ числѣ должностныхъ попечителей здѣсь состоитъ одинъ изъ членовъ общества покровительства дѣтямъ. На содержаніе этого суда отпускаются городскими властями особыя добавочныя средства. Производство происходитъ немедленно по задержаніи, въ случаѣ сознанія ребенка, и отсрочивается въ случаѣ невыясненности дѣла.

Въ Ирландіи суды для дѣтей установлены въ 1904 г. въ Дублинѣ, Бельфастѣ и Коркѣ благодаря дѣятельности Ассоціаціи Филантропическихъ Реформъ. Впрочемъ, дѣятельность этихъ судовъ ограничивалась сначала только дѣлами меньшей тяжести [1]).

III.

Но организація особыхъ судовъ для несовершеннолѣтнихъ въ Англіи первое время не могла развиваться столь широко, какъ въ Америкѣ. Тормозомъ этому служили нѣкоторыя постановленія англійскихъ законовъ.

До самаго послѣдняго времени англійское законодатель-

---

[1]) Подробнѣе M. Kleine Les tribunaux pour enfants en Angleterre. 1908. p. 47.

ство не знало должностныхъ попечителей, которымъ могла бы быть передана значительная власть надъ личностью испытуемаго. Безъ организаціи такихъ попечителей едва-ли, однако, было мыслимо созданіе особыхъ судовъ для несовершеннолѣтнихъ. На первое время практика пыталась избѣжать этихъ затрудненій порученіемъ этихъ должностей особымъ чиновникамъ полиціи съ тѣмъ, чтобы послѣдніе могли привлекать къ себѣ на помощь и постороннихъ преданныхъ дѣлу лицъ. Но система эта имѣла большія неудобства въ томъ отношеніи, что и служебное положеніе и подготовка чиновъ полиціи мало соотвѣтствовали требованіямъ этой должности. Съ цѣлью устранить эти затрудненія, 21 августа 1907 г. парламентомъ изданъ новый законъ—Probation of offenders act, вступившій въ дѣйствіе съ 1 января 1908 г., который къ прежде существовавшему условному осужденію присоединяетъ характерную для Америки систему испытанія подъ надзоромъ должностныхъ попечителей (probation officers). Такими попечителями могутъ быть всякія лица, при чемъ способъ назначенія ихъ зависитъ всецѣло отъ мѣстныхъ властей. Ст. 3 новаго акта гласитъ:

„Въ качествѣ должностныхъ попечителей въ округѣ суда малыхъ сессій будутъ назначены опредѣленныя лица мужскаго и женскаго пола по усмотрѣнію власти, компетентной назначить судейскаго клерка; въ своихъ дѣйствіяхъ по надзору каждый попечитель подлежитъ контролю суда, при которомъ онъ состоитъ. Будутъ назначены, если позволятъ обстоятельства, особые должностные попечители для дѣтей (children's probation officers), которые будутъ нести обязанности надзора за несовершеннолѣтними нарушителями закона до 16 лѣтъ, кромѣ случаевъ, когда судья не признаетъ этого нужнымъ.... Должностной попечитель, назначенный для округа суда малыхъ сессій, можетъ получать такое жалованіе, какое опредѣлитъ власть, завѣдывающая денежными суммами, изъ которыхъ происходитъ уплата вознагражденія судебному клерку, а если онъ не получаетъ жалованья, то можетъ получить такое вознагражденіе за свою дѣятельность въ качествѣ попечителя, какое судъ, дающій распоряженіе, признаетъ пригоднымъ, но не выше вознагражденія, могущаго быть опредѣленнымъ вышеназванною властью.... На обязанности должностного попечителя, подчиненнаго указаніямъ судьи, лежитъ: а) посѣщеніе состоящаго подъ попеченіемъ и полученіе отъ него отчетовъ въ такіе разумные періоды времени, какіе будутъ обозначены въ особыхъ правилахъ и когда онъ признаетъ то нужнымъ, б) наблюденіе за тѣмъ, чтобы это лицо соблюдало условія своего освобожденія, в) сообщеніе суду о его поведеніи, г) совѣтъ, помощь и услуги ему, а въ случаѣ необходимости, и попытка найти ему подходящее занятіе".

Эти широкія постановленія вполнѣ допускаютъ надлежащую организацію попечительнаго надзора при судѣ для несовершеннолѣтнихъ.

Другимъ, болѣе серьезнымъ препятствіемъ являлось отсутствіе прочныхъ процессуальныхъ правилъ. Циркуляръ Дугласа Экерса 1905 г., о которомъ мы говорили выше, являлся обязательнымъ только для столичныхъ судей, но не могъ стѣснить усмотрѣніе провинціальныхъ магистратовъ, обязанныхъ подчиняться только закону. Онъ указывалъ лишь на тенденцію правительства, но не давалъ строго законнаго основанія. Чтобы болѣе упрочить эту практику, рядъ благотворительныхъ обществъ въ 1906 г., чрезъ посредство членовъ парламента M-r Tennant, H. Vincent, G. Kekevich, Crooks, R. Macdonald, внесъ въ палату общинъ особый билль, содержавшій въ себѣ: 1) требованіе, чтобы несовершеннолѣтніе до суда содержались непремѣнно въ иныхъ помѣщеніяхъ, нежели обычныя полицейскія камеры [1]), 2) чтобы лица до 16 лѣтъ судились совершенно особо отъ взрослыхъ и въ особыхъ судебныхъ помѣщеніяхъ и 3) чтобы дѣйствіе акта 1887 г., касающагося малолѣтнихъ преступниковъ, было расширено указаніемъ на возможность освобождать юныхъ преступниковъ на слово (условное освобожденіе). Но послѣ второго чтенія билль этотъ былъ взятъ обратно, вслѣдствіе заявленія правительства, что оно вскорѣ внесетъ само билль соотвѣтственнаго содержанія. Обѣщаніе это было исполнено. 10 февраля 1908 г. въ палату общинъ внесенъ составленный Herbert Samuel'емъ Children's bill, сводящій во едино разбросанное законодательство относительно защиты дѣтей и юношества и представляющій собою настоящій кодексъ, касающійся дѣтей, удобный для пользованія въ судахъ для несовершеннолѣтнихъ.

Билль этотъ 21 декабря 1908 г. сталъ закономъ [2]) и

---

[1]) Въ Лондонѣ, благодаря частной иниціативѣ было устроено, въ 1906 г., для этой цѣли 3 такъ назыв. Remand Houses.

[2]) Полное его заглавіе: An act to consolidate and amend the law relating to the protection of Children and Young persons, reformatory and industrial schools, and Juvenile offenders and otherwise to amend the law with respect to Children and young persons. (Children's act. 1908).

1 января 1910 г. вступилъ въ дѣйстіе въ части, касающейся судовъ для дѣтей.

IV.

До выдѣленія дѣлъ о несовершеннолѣтнихъ въ особую юрисдикцію, общіе полицейскіе суды Лондона и другихъ городовъ вѣдали всѣ дѣла о дѣтяхъ въ ихъ отношеніи не только къ постороннимъ, но даже и къ родителямъ. Теперь эти дѣла переданы въ руки нѣсколькихъ судей, спеціально для того назначенныхъ.

За 1908 г. столичной полиціей было арестовано 3492 малолѣтнихъ до 16 лѣтъ. Каждый задержанный приводился въ участокъ, гдѣ составлялся надлежащій протоколъ, и затѣмъ онъ ввѣрялся заботамъ надзирателя или состоящей при участкѣ полицейской матроны. Тѣмъ временемъ отыскивались его родители, которымъ предлагалось взять ребенка на поруки въ небольшой суммѣ, которая обыкновенно и вносилась. Но все же нерѣдко ребенку приходилось проводить ночь въ помѣщеніи участка. Въ такихъ случаяхъ утромъ его отправляли, подъ охраной полицейскаго констэбля, отдѣльно отъ взрослыхъ, въ полицейскій судъ. Законъ 1908 г. устранилъ и эти случаи ночевки въ участкахъ, сдѣлавъ обязательнымъ устройство особаго убѣжища для задерживаемыхъ дѣтей.

Ст. 94 закона 1908 г. предоставляетъ право полицейскимъ чиновникамъ, къ которымъ приведенъ малолѣтній по наружному виду моложе 16 лѣтъ, освобождать его на поруки, съ залогомъ или безъ него, подъ обязательствомъ явки въ судъ. Такое освобожденіе не можетъ имѣть мѣста только въ томъ случаѣ: 1) если обвиненіе касается убійства или какого либо иного важнаго преступленія; 2) если нѣтъ необходимости въ интересахъ самого малолѣтняго устранить его отъ сообщества съ завѣдомыми преступниками и проститутками или, наконецъ, 3) если существуетъ предположеніе о томъ, что онъ скроется отъ правосудія. Если освобожденія не произошло, то по ст. 95 полицейскій чиновникъ обязанъ направить малолѣтняго въ мѣсто задержанія, гдѣ онъ остается до представленія въ судъ. Онъ можетъ быть оставленъ въ

участкѣ только тогда, если не представится возможнымъ направить его туда или его характеръ явится настолько непокорнымъ, что мѣсто задержанія не могло бы удержать его, или, наконецъ, если по состоянію его здоровья или по условіямъ умственнаго или физическаго положенія является нежелательнымъ помѣщеніе его туда. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ требуется свидѣтельство врача.

Характеръ этихъ „мѣстъ задержанія“ подробно опредѣляется въ ст. 108. Организація ихъ возлагается на мѣстную полицію, которая для этой цѣли должна создать въ округѣ каждаго суда одинъ или нѣсколько пріютовъ, предварительно осмотрѣвъ ихъ съ точки зрѣнія пригодности для содержанія несовершеннолѣтнихъ. Она можетъ обращаться въ различныя частныя общества съ предложеніемъ принять на себя обязанности содержанія дѣтей. Заручившись согласіемъ этихъ обществъ, полиція должна составить списокъ ихъ, удостовѣрившись въ пригодности предоставляемыхъ ими помѣщеній; копію этого списка она посылаетъ судьѣ. На лицъ, содержащихъ эти пріюты, возлагается отвѣтственность за выполненіе опредѣленныхъ правилъ; при нарушеніи ихъ они могутъ быть лишены права принимать дѣтей на содержаніе. При помѣщеніи ребенка въ такіе пріюты полиція должна, по возможности, сообразоваться съ вѣроисповѣданіемъ малолѣтняго. Опредѣленіе обязанностей этихъ обществъ въ отношеніи содержанія, занятій, классификаціи дѣтей, надзора за ними и пр. возлагается на министра. Учрежденіе такихъ мѣстъ задержанія происходитъ на средства, ассигнуемыя мѣстными органами самоуправленія, но парламентъ изъ общегосударственныхъ средствъ выдаетъ опредѣленную сумму на содержаніе каждаго малолѣтняго (ст. 109, 110). Такія особыя помѣщенія должны быть организованы повсемѣстно къ 1 января 1910 г.

По отношенію же къ малолѣтнимъ, задерживаемымъ въ участкахъ, предписывается, чтобы были приняты мѣры противъ общенія ихъ съ взрослыми, обвиняемыми въ преступленіи, за исключеніемъ ихъ родственниковъ (ст. 96).

Эти постановленія несомнѣнно смягчаютъ существовавшую

прежде практику задержанія въ участкахъ, но все же и они оставляютъ желать лучшее. Здѣсь рѣшеніе вопроса о задержаніи ребенка въ участкѣ предоставляется полицейской власти, тогда какъ болѣе пригодными для первоначальнаго разсмотрѣнія явились бы попечители. Полиція не обязана сообщать этимъ послѣднимъ о задержаніи, и такимъ образомъ попечители не въ состояніи разслѣдовать дѣло до появленія ребенка предъ судьей.

Представленіе въ судъ задержаннаго малолѣтняго происходитъ въ ближайшій день, когда слушаются дѣла о малолѣтнихъ (juvenile court day). Засѣданія суда по такимъ дѣламъ должны происходить въ отдѣльномъ зданіи или въ отдѣльной комнатѣ, отличныхъ отъ тѣхъ, въ которыхъ происходятъ обыкновенныя засѣданія, или они должны происходить не въ тѣ дни или не въ то время, когда бываютъ обычныя засѣданія. Эти засѣданія носятъ названіе засѣданій суда для несовершеннолѣтнихъ (juvenile court). Должны быть выработаны мѣры, чтобы малолѣтніе, при препровожденіи въ судъ, во время суда или послѣ него, не имѣли общенія со взрослыми обвиняемыми по другимъ дѣламъ. Но, къ сожалѣнію, въ случаѣ наличности у малолѣтняго взрослыхъ соучастниковъ, особенности процесса должны отпадать.

Особенности производства, спеціально предусмотрѣнныя въ законѣ, сводятся къ слѣдующимъ: 1) постоянная возможность отсрочки дѣла; на время этой отсрочки малолѣтній направляется снова въ пріютъ, а должностнымъ попечителямъ можетъ быть поручено разслѣдованіе его положенія; 2) ограниченіе гласности; въ судъ во время слушанія такихъ дѣлъ не допускается никто, кромѣ чиновниковъ суда, сторонъ и ихъ повѣренныхъ, а также другихъ лицъ, прямо заинтересованныхъ въ дѣлѣ; сохраняютъ право присутствованія на судѣ и представители печати; 3) къ суду обязательно вызываются родители или опекуны малолѣтняго, если мѣстожительство ихъ извѣстно; родители извѣщаются о всякой мѣрѣ, принятой относительно малолѣтняго; присутствіе родителей, однако, не обязательно тогда, если малолѣтній уже ранѣе былъ изъятъ отъ ихъ надзора и попеченія (ст. 97). Нѣсколько глубже

идетъ спеціализація дѣлъ для Лондона. Здѣсь предусматривается возможность учрежденія одной или нѣсколькихъ спеціальныхъ камеръ полицейскаго суда для дѣлъ о несовершеннолѣтнихъ, а организація мѣстъ задержанія всецѣло возлагается на совѣтъ Лондонскаго графства.

Новый законъ опредѣляетъ также средства, которыя имѣются въ распоряженіи судьи для воздѣйствія на малолѣтнихъ и окружающихъ ихъ лицъ. Эти средства указаны въ ст. 99—107 новаго закона.

Прежде всего малолѣтняго не постигаетъ лишеніе правъ. Малолѣтніе до 14 лѣтъ не могутъ быть подвергаемы заключенію въ простой или каторжной тюрьмѣ ни въ качествѣ главнаго, ни въ качествѣ дополнительнаго наказанія. Малолѣтніе отъ 14 до 16 лѣтъ не могутъ подлежать заключенію въ каторжной тюрьмѣ, общая же тюрьма примѣняется къ нимъ въ случаѣ замѣны штрафа, судебныхъ издержекъ или въ качествѣ главнаго наказанія, если судъ удостовѣритъ, что данный малолѣтній обладаетъ столь непокорнымъ характеромъ или столь испорченъ, что его неудобно содержать въ пріютахъ для задержанія. Смертная казнь не находитъ по отношенію къ нимъ примѣненія. Въ случаѣ же виновности въ важнѣйшихъ преступленіяхъ (убійство, нанесеніе тяжкихъ ранъ), малолѣтній подвергается заключенію въ особыхъ помѣщеніяхъ на срокъ по опредѣленію суда. Условія содержанія въ этихъ помѣщеніяхъ вырабатываются министромъ, при чемъ широко допускается условное досрочное освобожденіе. Заключеніе въ этихъ помѣщеніяхъ во всѣхъ случаяхъ можетъ замѣнять тюрьму.

Полный перечень мѣръ, могущихъ быть принятыми судьей, содержится въ ст. 107. Мѣры эти сводятся къ слѣдующимъ: 1) освобожденіе отъ обвиненія, 2) освобожденіе на поруки, 3) отдача подъ наблюденіе должностного попечителя, 4) отдача подъ наблюденіе родственника или благонадежнаго лица, 5) помѣщеніе въ ремесленную школу, 6) помѣщеніе въ исправительную школу, 7) назначеніе тѣлеснаго наказанія, 8) наложеніе на несовершеннолѣтняго обязанности уплатить пеню, убытки или издержки, 9) наложеніе на родителя или опекуна обязанности такихъ уплатъ, 10) обязаніе родителя

или опекуна представить поручительство о его добромъ поведеніи въ будущемъ, 11) заключеніе несовершеннолѣтняго въ особое помѣщеніе для малолѣтнихъ, 12) заключеніе въ тюрьму, если несовершеннолѣтній достигъ 14 лѣтъ, 13) принятіе иной законной мѣры.

Характерно, что выборъ той или иной мѣры зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія судьи и что обжалованіе принимаемыхъ судьею мѣръ недопустимо.

Но въ рукахъ судьи сосредоточено кромѣ того и воздѣйствіе на родителей и опекуновъ малолѣтняго. Ст. 21 закона позволяетъ лишать опекунской власти родителей и другихъ лицъ, виновныхъ въ учиненіи по отношенію къ малолѣтнему ряда преступленій, въ томъ числѣ и жестокаго обращенія. При этомъ необходимо судебное осужденіе или по крайней мѣрѣ преданіе суду виновнаго взрослаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ судья можетъ постановить, чтобы несовершеннолѣтній былъ отданъ подъ опеку другого лица. Такія же полномочія предоставлены суду ст. 26 въ случаѣ признанія родителя привычнымъ пьяницей.

Судья можетъ возложить уплату штрафа, убытковъ и судебныхъ издержекъ на родителей и опекуновъ вмѣсто самого малолѣтняго, если признаетъ, что совершеніе преступнаго дѣянія вызвано небрежнымъ отношеніемъ къ воспитанію малолѣтняго. Онъ можетъ потребовать отъ нихъ представленія поручительства въ дальнѣйшемъ хорошемъ поведеніи ввѣреннаго имъ ребенка. Всѣ эти взысканія по отношенію къ взрослымъ могутъ быть замѣнены при несостоятельности мѣрами лишенія свободы. Но противъ этихъ мѣръ родители и другія лица могутъ апеллировать въ общемъ порядкѣ.

Эти полномочія по наложенію взысканій на взрослыхъ и обязанію ихъ поручительствомъ являются чрезвычайно важными, но все же они не заполняютъ всей нуждающейся въ регламентаціи области. Англійскій законъ очень скупъ на созданіе особыхъ уголовныхъ нормъ относительно склоненія малолѣтнихъ къ разврату, къ преступности или къ опаснымъ дѣйствіямъ. Одна угроза возложеніемъ имущественныхъ взысканій является недостаточной.

Къ судьѣ по дѣламъ о несовершеннолѣтнихъ по новому закону обязаны также обращаться за разрѣшеніемъ лица, желающія получить право занятія дѣтей въ театральныхъ представленіяхъ, при чемъ судья каждый разъ входитъ въ изслѣдованіе характера той роли, которую малолѣтнему придется выполнять на подмосткахъ.

Намъ, къ сожалѣнію, не удалось видѣть дѣятельность преобразованнаго новымъ закономъ суда для несовершеннолѣтнихъ. Но благодаря любезности главнаго попечителя при судѣ, М-г Herbert, а также на основаніи другихъ источниковъ, мы можемъ познакомить съ практикой лондонскихъ судовъ въ настоящее время по такимъ дѣламъ.

V.

Закономъ о дѣтяхъ 1908 г. предусматривалась возможность созданія въ *Лондонѣ* особыхъ судовъ для дѣтей. Первоначально въ этомъ направленіи и шла работа. Но затѣмъ она столкнулась съ нежеланіемъ увеличивать число полицейскихъ судей еще, по крайней мѣрѣ, на два и съ затруднительностью сосредоточенія всѣхъ такихъ дѣлъ въ немногихъ пунктахъ громаднаго города. Поэтому посредствомъ королевскаго указа (Order in Council, 2 Dec. 1909) было предписано, начиная съ 1 января 1910 г., сосредоточить всѣ дѣла о несовершеннолѣтнихъ въ шести полицейскихъ судахъ (изъ общаго числа 14)[1]). Дѣла эти здѣсь должны разсматриваться еженедѣльно, по вторникамъ и пятницамъ, съ двухъ часовъ пополудни. Засѣданія должны происходить не въ обычной залѣ суда, а въ особомъ помѣщеніи, подходящемъ для этой цѣли. Вѣдаются эти дѣла обыкновенными полицейскими судьями соотвѣтственныхъ участковъ.

Слушаніе начинается съ дѣлъ о разрѣшеніи на выдачу свидѣтельствъ для занятія дѣтей промысломъ или въ театральныхъ представленіяхъ. Всякій ребенокъ, недостигшій одиннадцати лѣтъ, долженъ получить разрѣшеніе (licence) на то,

---

[1]) Эти суды суть: Bow—Street, Clerkenwell, Tower Bridge, Westminster, Old street and Greenwich police courts.

чтобы быть занятымъ въ какомъ либо предпріятіи; въ случаѣ, если занятія ребенка продолжаются по вечерамъ (позже 9 часовъ вечера), возрастъ, требующій разрѣшенія, поднимается до 14 лѣтъ, и, наконецъ, для участія въ акробатическихъ представленіяхъ такимъ возрастомъ является 16 лѣтъ. Судья въ такихъ случаяхъ удостовѣряется въ томъ, что здоровье ребенка позволяетъ выполнять соотвѣтственную работу, что эта работа не будетъ мѣшать его воспитанію и что предприниматели могутъ нести надлежащую отвѣтственность; спрашивается въ такихъ случаяхъ и согласіе родителей.

Во вторую очередь идутъ дѣла Школьнаго Совѣта (Board of Schools) по поводу уклоненія малолѣтнихъ отъ обязательнаго для нихъ посѣщенія школы или неотдачи ихъ туда родителями. Здѣсь судья долженъ высказаться по двумъ вопросамъ: 1) имѣетъ ли родитель разумную причину извиненія въ томъ, что онъ не посылалъ своего ребенка въ школу, и 2) если предписаніе о посѣщеніи школы не выполняется, то на комъ лежитъ вина, на родителѣ или на ребенкѣ. Большинство дѣлъ касается перваго вопроса. Производство по такимъ дѣламъ обыкновенно бываетъ несложнымъ. Родители или дѣти рѣдко отрицаютъ свою провинность. Обыкновенно происходитъ ссылка на нездоровье, и свидѣтельство врача является наиболѣе частымъ доказательствомъ. Иногда приводятся различные домашніе мотивы; въ особенности часто такимъ мотивомъ является бѣдность и переобремененность дѣтьми, нуждающимися въ уходѣ болѣе старшихъ, и судья рѣшаетъ, являются ли причины извинительными или нѣтъ. По существу нѣсколько странное впечатлѣніе производитъ рѣшеніе этихъ дѣлъ судьей, такъ какъ, конечно, центръ тяжести здѣсь лежитъ не въ области доказательствъ. Судьѣ приходится здѣсь больше выслушивать разсказы о крайней бѣдности семьи или о трудностяхъ воспитанія ребенка, чѣмъ разслѣдовать самый фактъ. Дѣло кончается обыкновенно небольшимъ штрафомъ, который, увы, является наименѣе цѣлесообразнымъ наказаніемъ въ подобныхъ случаяхъ. Этотъ штрафъ отнимаетъ порою послѣднія крохи у полудюжины маленькихъ голодныхъ ртовъ, страдающихъ отъ сокращенія домашняго бюджета. Чаще

всего матери приходится взвалить бремя на себя, спасая работника-мужа, и отбыть нѣсколько дней тюрьмы.

Судъ надъ родителями и взрослыми за жестокое обращеніе съ дѣтьми и склоненіе ихъ къ пороку и преступленію происходитъ уже въ общихъ полицейскихъ судахъ, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ здѣсь уже труднѣе произвести столь глубокое разслѣдованіе внутреннихъ причинъ преступленія, чѣмъ въ судахъ для несовершеннолѣтнихъ. Впрочемъ, процессы этого рода въ Англіи очень рѣдки.

Затѣмъ слушаются дѣла о проступкахъ дѣтей. Задержанныя дѣти приводятся изъ пріютовъ для задержанія подъ надзоромъ одного изъ служащихъ въ пріютѣ, а отпущенныя на свободу—родителями или ближайшими родственниками. Судья разсматриваетъ эти дѣла въ небольшомъ помѣщеніи, гдѣ присутствуютъ кромѣ родителей и свидѣтелей лишь попечители и изрѣдка представители печати. Полицейскіе констэбли, если они выступаютъ обвинителями, должны быть въ такихъ случаяхъ въ партикулярномъ платьѣ. Судья очень часто прибѣгаетъ къ отсрочкѣ дѣла, поручая попечителю разслѣдованіе всевозможныхъ интересующихъ судью обстоятельствъ, и отчеты попечителя играютъ существенную роль при принятіи судьей окончательнаго рѣшенія.

Изъ имѣющихся въ его распоряженіи мѣръ судья почти никогда не прибѣгаетъ теперь къ примѣненію тюремнаго заключенія. Разлученіе ребенка съ домомъ и отсылка въ пріютъ происходятъ только въ случаѣ настоятельной необходимости. Наличность ряда мелкихъ предшествующихъ осужденій, свидѣтельствующая объ отсутствіи надлежащаго воспитанія и надзора, обыкновенно служитъ основаніемъ для помѣщенія въ ремесленную или исправительную школу. Въ первую помѣщаются дѣти, недостигшія 14 лѣтъ, и здѣсь они могутъ быть содержимы до достиженія ими 16 лѣтъ, а во вторую подростки отъ 14 до 16 лѣтъ, при чемъ они могутъ содержаться до 19 лѣтняго возраста. Иногда, въ случаѣ проявленной испорченности, и особенно часто при обвиненіяхъ въ кражѣ судья поручаетъ родителямъ или констэблю наказать мальчиковъ до 14 лѣтъ розгами. Постепенно входитъ въ прак-

тику и надзоръ должностныхъ попечителей. Этотъ надзоръ продолжается обыкновенно 12 мѣсяцевъ. Попечитель оказываетъ дружескую поддержку малолѣтнему, онъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы тотъ велъ правильную жизнь, чтобы родители выполняли по отношенію къ нему свои обязанности. Время отъ времени онъ сообщаетъ судьѣ о результатахъ надзора, а къ концу года по опредѣленному формуляру представляетъ въ министерство отчетъ о своей дѣятельности вообще. Въ число попечителей надъ дѣтьми въ настоящее время въ Лондонѣ назначено нѣсколько женщинъ и, кромѣ того, на миссіонеровъ полицейскихъ судовъ возложены обязанности такого попеченія; эти миссіонеры совмѣщаютъ такимъ образомъ свои старыя обязанности съ новыми. Для временнаго содержанія дѣтей учреждено въ различныхъ частяхъ Лондона три пріюта, устроенныхъ по семейному типу.

VI.

Мы можемъ пока установить результаты дѣятельности по новому закону судовъ для дѣтей въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ центрахъ. Въ нашемъ распоряженіи имѣются отчеты старѣйшаго изъ этихъ судовъ въ Англіи въ *Бирмингамѣ* и суда въ *Лидсѣ* за 1910 г. [1]). И въ томъ и другомъ городѣ нѣтъ спеціальныхъ судей по дѣламъ о дѣтяхъ, а эти обязанности выполняются по очереди отдѣльными мировыми судьями (число ихъ колеблется между 4 и 6). Засѣданія происходятъ обыкновенно два раза въ недѣлю въ комнатѣ, предназначенной для большого жюри (она не разсчитана на присутствіе публики). При судѣ состоятъ два попечителя (мужчина и женщина); въ распоряженіи суда имѣется особый пріютъ для временнаго задержанія (Remand-home).

Въ Бирмингамѣ за 1910 г. было разсмотрѣно 729 дѣлъ. Изъ числа фигурировавшихъ на судѣ несовершеннолѣтнихъ арестовано было 228 мальчиковъ и 27 дѣвочекъ и вызвано въ судъ по повѣсткѣ о явкѣ 467 мальчиковъ и 7 дѣво-

---

[1]) City of Birmingham. Report of the justices sitting in the juvenile court on the proceidings of that court for the year 1910. Birmingham 1911. City of Leeds. Report on the proceedings of the juvenile court for the year 1910. Leeds. 1911.

чекъ. Главнѣйшими проступками были уличныя нарушенія (недозволенныя игры, брань, бросаніе камней и т. д.—375 случаевъ), кражи и мошеничества (156), нищенство и шатанье безъ пріюта (111), нарушеніе законовъ объ уличной торговлѣ (47), поврежденіе имущества (30) и т. д. Въ 12 случаяхъ на родителей была возложена обязанность уплатить штрафъ, вслѣдствіе проступковъ ихъ дѣтей, въ силу закона о дѣтяхъ 1908 г. Изъ общаго числа 729 дѣлъ, только въ 45 случаяхъ (6%) имѣлись въ прошломъ производства противъ дѣтей. Изъ отдѣльныхъ мѣръ по отношенію къ дѣтямъ были приняты: въ 128 случаяхъ испытательный надзоръ (probation), въ 91 случаѣ неформальный надзоръ попечителя, въ 89 случаяхъ дѣти помѣщены въ исправительно-воспитательныя заведенія, въ 4-хъ случаяхъ—въ частныя семьи. Случаевъ заключенія въ тюрьму въ 1910 г. не было *ни одного*.

Испытательный надзоръ приноситъ сравнительно хорошіе результаты. Изъ 128 дѣтей 46 успѣшно отбыли его, 11 нарушили условія надзора и 71 еще находятся подъ дѣйствіемъ его. Изъ 91 случаевъ неформальнаго надзора пришлось только въ 4 случаяхъ прибѣгнуть къ помѣщенію въ исправительно-воспитательныя заведенія. Попечители сумѣли пріискать занятія для 25 дѣтей и оказать помощь на дому 13 дѣтямъ.

Отсутствіе приговоровъ къ тюрьмѣ, возможныхъ для дѣтей отъ 14 до 16 лѣтъ, составляетъ весьма отрадное явленіе. Существованіе суда для дѣтей въ Бирмингамѣ оказало въ этомъ отношеніи самое благотворное вліяніе. Небольшая таблица ярче всего иллюстрируетъ сокращеніе этихъ приговоровъ съ 1905 г., когда былъ установленъ этотъ судъ.

	Находилось дѣтей въ тюрьмахъ	
ГОДЫ.	изъ города.	изъ окрестностей.
1904	112	54
1905	33	32
1906	9	12
1907	0	14
1908	0	8
1909	0	3
1910	0	0

Кромѣ уголовныхъ проступковъ, судъ для дѣтей въ Бирмингамѣ вѣдалъ и нѣкоторыя другія дѣла о дѣтяхъ. Такъ, имъ разсмотрѣно 1685 дѣлъ о непосѣщеніи дѣтьми школы, выдавались разрѣшенія дѣтямъ на уличную торговлю и пр.

Въ *Лидсѣ* за 1910 г. было 479 дѣлъ (450 мальчиковъ и 29 дѣвочекъ). Въ 160 случаяхъ дѣло касалось болѣе серьезной преступности (кражи, тѣлесныя поврежденія, обманы и пр.). Въ остальныхъ преобладали уличныя нарушенія. Изъ общаго числа болѣе 50% обвиняемыхъ (249) были, несмотря на признаніе виновности, освобождены отъ наказанія; подъ надзоромъ состояло 61, послано въ исправительныя заведенія 60, подвергнуто штрафу 23, оправдано 17; въ остальныхъ случаяхъ дѣла были прекращены или не окончены. Здѣсь также за весь годъ не было *ни одного случая* примѣненія къ малолѣтнему *тюрьмы* или *тѣлеснаго наказанія розгами*; ни одинъ ребенокъ не находился въ общихъ мѣстахъ заключенія до суда. Изъ 61 находившихся подъ испытательнымъ надзоромъ, въ 13 случаяхъ констатировано дурное поведеніе или учиненіе новаго проступка. Въ 32 случаяхъ было предоставлено разрѣшеніе на выступленіе дѣтей въ публичныхъ увеселеніяхъ.

Отчеты обоихъ судовъ констатируютъ успѣхъ попеченія подъ наблюденіемъ судьи и рекомендуютъ расширеніе его до 18 лѣтъ.

Факты, приведенные въ отчетахъ судовъ Бирмингама и Лидса, позволяютъ думать, что тюрьма примѣнительно къ несовершеннолѣтнимъ до 16 лѣтъ скоро станетъ явленіемъ совершенно исключительнымъ. Уже въ 1909 г., судя по уголовной статистикѣ, въ тюрьмахъ Англіи содержалось всего 5 лицъ въ возрастѣ до 14 лѣтъ и 222—въ возрастѣ отъ 14 до 16 лѣтъ. Общее же количество осужденныхъ судами выразилось въ слѣдующихъ данныхъ. Судомъ присяжныхъ было осуждено 5 человѣкъ въ возрастѣ до 14 лѣтъ и 58 чел. въ возрастѣ отъ 14 до 16 лѣтъ. Судами же суммарнаго производства осуждено 2278 человѣкъ до 14 лѣтъ и 2693 чел. отъ 14 до 16 лѣтъ. По сравненію съ цифрами преступности дѣтей у насъ и, въ особенности, съ числомъ содержащихся въ

тюрьмахъ по различнымъ причинамъ (отсутствію исправительно-воспитательныхъ пріютовъ, смѣшенію „особыхъ помѣщеній“ съ обыкновенными тюрьмами и пр.), число это является совершенно ничтожнымъ.

Новый законъ 1908 г. въ области спеціализаціи производства о дѣтяхъ не сдѣлалъ крупныхъ шаговъ впередъ, но онъ суммировалъ уже достигнутый прогрессъ въ этой области. Порой приходится еще бороться со старыми привычками и пріемами процесса судей, но несомнѣнно, что эти препятствія скоро отпадутъ. Пока же важно отмѣтить то, что англійское законодательство одно изъ первыхъ въ Европѣ признало ясно идею особыхъ судовъ для несовершеннолѣтнихъ, какъ центра, сосредоточивающаго въ себѣ воздѣйствіе на самихъ дѣтей и окружающую ихъ среду.

VIII.

ОБЪѢЗДЫ КОРОЛЕВСКИХЪ СУДЕЙ.

ОБЪѢЗДЫ КОРОЛЕВСКИХЪ СУДЕЙ.

I.

Въ процессѣ постоянной смѣны правовыхъ явленій встрѣчаются институты, переходящіе отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ непреложное наслѣдіе прошлаго и завѣтъ для будущаго. Возникнувъ путемъ осажденія болѣе цѣнныхъ элементовъ изъ тѣхъ, которые проходятъ въ полосѣ историческихъ теченій, они образуютъ собою какъ бы неподвижные островки, очертанія которыхъ изрѣдка только мѣняются подъ вліяніемъ новыхъ приращеній или отмывовъ, но главная масса остается тою же. Существованіе такихъ старыхъ наслоеній въ правѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ основу ихъ положена жизнеспособная правовая идея, могущая выдерживать напоръ новыхъ и болѣе сложныхъ жизненныхъ отношеній. Своеобразіе же ихъ внѣшней формы есть только атрибутъ величія, придающій имъ особенную силу вліянія.

Консерватизмъ въ правѣ, если только это право развивалось не какъ результатъ случайнаго вліянія отдѣльныхъ лицъ или теченій, а какъ постепенное укрѣпленіе болѣе пригодныхъ и цѣнныхъ правовыхъ институтовъ, въ сущности, является признакомъ здоровой правовой психики. Этотъ консерватизмъ придаетъ особую прочность всему правопорядку и составляетъ надежную базу для сложныхъ разсчетовъ, руководящихъ соціальною и экономическою жизнью народа [1]).

---

[1]) Долженъ оговориться, что здѣсь я имѣю въ виду организаціонныя, но не распредѣлительныя нормы права.

Основнымъ условіемъ для силы и значенія правопорядка является уваженіе къ лежащему въ основѣ его правовому авторитету. При личномъ характерѣ правового творчества, когда этотъ авторитетъ присваивается одному лицу или группѣ лицъ, основаніемъ этимъ является извѣстная привычка личнаго подчиненія, выработанная долгимъ процессомъ властвованія. Въ строѣ, основанномъ на развитіи самодѣятельности и на независимости отдѣльныхъ членовъ или группъ, авторитетъ власти замѣняется авторитетомъ традиціи. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, надлежащее уваженіе къ источнику авторитета характеризуется извѣстной отдаленностью его отъ средняго уровня. Если власть должна быть высокой, то традиція должна быть глубокой. Характеръ нашей психики таковъ, что уваженіе намъ часто внушается разстояніемъ. Все, стоящее близко къ человѣку, къ чему онъ можетъ перешагнуть черезъ мостъ своей дѣятельности, мало уважается; наоборотъ, тамъ, гдѣ необходимо взбираться по лѣстницѣ іерархіи или спускаться по родословному дереву, тамъ создается идея величія, въ формѣ ли величія власти или величія исторіи. Нужно преодолѣть много препятствій и сдержекъ, чтобы побѣдить это разстояніе и подчинить соотвѣтственное явленіе сферѣ своей дѣятельности. И не безъ основанія принципъ разстоянія играетъ такую существенную роль во всѣхъ формахъ этикета. Въ области права весьма существенно, чтобы его велѣнія пользовались авторитетомъ „святости“, „непреложности“. Только тогда начало правомѣрности будетъ уважаться и тѣмъ, кто, можетъ быть, и почувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы безнаказанно нарушить его въ какомъ либо отдѣльномъ случаѣ. Поэтому важно и знаменательно, что у воспитаннаго въ правовомъ отношеніи народа право разсматривается не какъ простая система утилитарныхъ и практическихъ правилъ, а какъ величественное зданіе, таящее въ себѣ драгоцѣнный для народа авторитетъ.

Говоря о величіи права, мы противопоставили два источника его: величіе власти и величіе традиціи. Континентальная правовая жизнь характеризуется преобладающимъ вліяніемъ перваго источника. Здѣсь уже почти все право успѣло

перейти на почву авторитета власти, въ которой оно и почерпаетъ свою силу и стойкость. Инымъ характеромъ до сихъ поръ отличается право Англіи. Тамъ еще крѣпокъ авторитетъ традиціи, и существуютъ цѣлыя области права, которыхъ еще не касалась рука законодательной власти. Интенсивная законодательная дѣятельность въ Англіи есть явленіе послѣднихъ двухъ столѣтій. Въ началѣ XVII вѣка, по подсчету лорда Бэкона, въ Англіи были 2171 статутъ; теперь же ихъ насчитывается болѣе 30000. Самый авторитетъ Парламента можно, до извѣстной степени, свести къ авторитету традиціи. Ученіе о его всемогуществѣ есть только теоретическое положеніе; оно нашло свое признаніе лишь въ послѣднее столѣтіе, но и теперь на практикѣ есть много областей традиціоннаго права (напр. судъ присяжныхъ, права личной свободы, мѣстное управленіе и пр.), на которыя не можетъ посягнуть Парламентъ, не будучи поддержанъ широкими массами населенія [1]). Реформа традиціоннаго права

---

[1]) „Повидимому, въ XVI вѣкѣ господствовало мнѣніе, что не только король являлся подчиненнымъ общему праву, но что оно стоитъ выше Парламента. Нѣкоторые основные принципы правосудія, никогда не установленные точно, но извѣстные подъ именемъ „общихъ правъ“, разсматривались какъ священные и недоступные даже для законодательнаго органа. Если бы парламентъ нарушилъ ихъ, то обязанностью судей было бы игнорировать такія постановленія... Это мнѣніе находило послѣдователей до XVIII вѣка“. Pollock. Jurisprudence, 1904 p. (стр. 262). Теорія всемогущества парламента (parliamentary omnipotence) возникла не ранѣе Блэкстона. „Я не могъ обнаружить ни одного указанія на эту теорію—пишетъ Th. Ch. Anstey—ни въ протоколахъ, ни въ трактатахъ, указывающаго на существованіе ея до того“ (On Blackstone's theory of the omnipotence of Parliament. Jurid. Soc. Papers, 1867, p. 327). Еще въ XVII вѣкѣ „оракулъ права“ lord Coke допускалъ возможность неприведенія статутовъ въ исполненіе. „Нѣкоторые статуты—писалъ онъ—изданы вопреки law and right и тѣ, которые, издали ихъ, не должны были бы приводить ихъ въ исполненіе. Если актъ парламента предписалъ бы, что одно и то же лицо должно быть въ одно и то же время стороной и судьей, или, что то же, судьей въ своемъ дѣлѣ, то этотъ актъ долженъ былъ бы быть признанъ ничтожнымъ, ибо „an act of Parliament can do not wrong“. Парламентъ не можетъ отнять права, данныя человѣку естественнымъ закономъ“. Лордъ главный судья Stowell считалъ вообще крайне неприличнымъ вдаваться въ отвлеченныя разсужденія о томъ, какъ судъ поступилъ бы, если-бы ему пришлось примѣнять актъ парламента, противорѣчащій принципамъ естественнаго разума и справедливости, но въ случаѣ конфликтовъ онъ склонялся въ пользу „естественнаго разума“.

veto Палаты Лордовъ потребовала двукратной апелляціи къ населенію; исторія знаетъ рядъ случаевъ, когда постановленія Парламента, посягавшія на нѣкоторыя стороны традиціоннаго права, позднѣе отвергались какъ незаконныя и возмутительныя [1]). Постановленія этого традиціоннаго права, въ судебной области извѣстнаго подъ именемъ common law, крѣпкими корнями вросли въ народную психологію и составляютъ базу англійскаго правового консерватизма.

Учрежденія, покоящіяся на авторитетѣ власти, легко могутъ быть измѣняемы и отмѣняемы этою властью. Иначе обстоитъ дѣло съ учрежденіями, покоящимися на авторитетѣ традиціи. Англійскій Парламентъ никогда не рѣшается какимъ либо своимъ постановленіемъ покончить со старинным учрежденіемъ. Онъ предоставляетъ жизни творить свою разрушительную работу, отмѣчая только порою статутами уже фактически свершившіяся перемѣны. Граница между бытіемъ и небытіемъ отдѣльныхъ старинныхъ институтовъ порою не можетъ быть опредѣлена. По буквѣ закона здѣсь существуетъ еще многое изъ того, что давно уже похоронено подъ пылью вѣковъ. И въ торжественныхъ случаяхъ выниманются иногда пышныя облаченія старинныхъ должностей и обрядовъ, внутреннее содержаніе которыхъ уже давно успѣло перелиться въ другія формы и учрежденія. Это медленное отмираніе характерно для всей области традиціоннаго права. Жизненная борьба переходитъ на новыя позиціи, а старыя формы, словно покинутые редуты, свидѣтельствуютъ, что и здѣсь когда-то происходило напряженіе силъ, боролось и страдало человѣчество.

Примѣромъ этого традиціоннаго права является практика объѣздовъ королевскихъ судей (circuit-system), совершаемыхъ ежегодно въ опредѣленные сроки съ цѣлью сдѣлать правосудіе близкимъ для населенія. Она существуетъ безъ серьезныхъ измѣненій въ теченіе многихъ столѣтій въ правовой жизни Англіи и составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей англійской судебной системы.

---

[1]) О соотношеніи Парламента и традиціоннаго права (common law) см. Pollock. First book of Jurisprudence. 1904; p. 257 s.

Въ настоящее время, благодаря существеннымъ измѣненіямъ въ укладѣ соціальной жизни, практика эта является громоздкой и сложной и постепенно клонится къ упадку. Этотъ процессъ угасанія одного изъ старинныхъ правовыхъ институтовъ, въ теченіе вѣковъ служившаго источникомъ великаго правового свѣта, намъ и хотѣлось бы изобразить въ настоящей статьѣ.

II.

Обычай отправленія королевскихъ посланцевъ для вершенія различныхъ дѣлъ получаетъ развитіе въ Англіи, повидимому, съ XI вѣка, со времени обоснованія здѣсь норманнской династіи. Мало знакомые съ страною въ первое время и принужденные часто отлучаться по дѣламъ въ Нормандію, англійскіе короли оставляютъ существовавшую раньше практику личныхъ объѣздовъ страны вмѣстѣ со своимъ дворомъ [1]). Вмѣсто себя они посылаютъ особыхъ посланцевъ (missi dominici), къ помощи которыхъ впервые прибѣгъ еще Карлъ Великій въ области франковъ. Нормандія стояла въ тѣсной связи съ франкскими королями и заимствовала оттуда многіе институты (въ томъ числѣ и розыскъ черезъ мѣстныхъ людей, послужившій основой суда присяжныхъ).

Посланцы короля сначала не имѣли самостоятельной и опредѣленной власти. Посылая ихъ, король каждый разъ вручалъ имъ грамоту, въ которой указывались всѣ возложенныя на нихъ порученія, отчего и самая грамота называется порученіемъ (commission). Эти порученія касались общаго управленія страной, фискальныхъ интересовъ короля, отправленія правосудія. Въ ту эпоху различія между администраціей и юстиціей еще не установилось, и обѣ поглощались понятіемъ фискальнаго интереса. Эта слитность функцій будетъ вполнѣ понятной, если мы представимъ себѣ, что отпра-

---

[1]) О непосредственныхъ разъѣздахъ короля см. Stubbs. Constitutional History II, 388—9, Stephen. History et criminal law. vol. I, 88. 97. См. также отдѣльные примѣры участія въ судѣ Генриха II у Carter. English legal institutions 1906 p. 66—67.

вленіе правосудія со стороны короля сводилось не къ рѣшенію вопроса о виновности и не къ примѣненію законовъ, изданныхъ съ одобренія короля, а къ назначенію и исполненію наказанія или иного принужденія въ цѣляхъ возстановленія права. Юстиція короля была цѣнной въ томъ отношеніи, что, какъ крупнѣйшій феодалъ, онъ обладалъ наибольшей вооруженной силой, и потому съ наибольшимъ успѣхомъ могъ принудительно осуществлять свои рѣшенія, побѣждая всѣ существовавшія на мѣстахъ препятствія. Когда право и сила боролись между собой, такая мощная помощь оказывалась весьма цѣнной. Но за пользованіе ею приходилось платить. Въ средніе вѣка всякая служба вооруженныхъ людей оплачивалась деньгами, и мечъ судьи, вручавшійся ему королемъ, *требовалъ отъ общины, на пользу которой онъ* примѣнялся, такой же платы, какую наемныя войска или феодалы требовали отъ тѣхъ, кто приглашалъ ихъ на защиту страны. Общины платили королевскимъ судьямъ такъ же, какъ сами короли платили за предоставленіе имъ вооруженной помощи во время войнъ и усмиреній.

Свѣдѣнія о посылкѣ уполномоченныхъ короля „ad investiganda regalia placita“ (т. е. королевскихъ дѣлъ вообще) встрѣчаются уже въ эпоху Вильгельма Завоевателя. Эти объѣзды замѣнили при норманскихъ королях передвиженія прежнихъ королей, которые, переходя отъ одного своего владѣнія къ другому, выслушивали жалобы на отказъ въ правосудіи со стороны низшихъ судовъ. Ежегодные суды Вильгельма Завоевателя, который надѣвалъ свою корону и выслушивалъ дѣла въ Рождество, Пасху, на Пятидесятницу въ Глочестерѣ, Винчестерѣ и Вестминстерѣ, только отчасти отвѣчали этой цѣли. И въ концѣ царствованія Генриха I они были замѣнены разъѣздами всей curia regis. Разъѣзды производились, повидимому, только главнымъ юстиціаріемъ или другимъ придворнымъ короля, какъ констебль или канцлеръ [1]).

---

[1]) Stubbs. Sellect charters. p 141. Carter. Histöry ot English legal institutions 1906, p. 63. У Stubbs также приводится нѣсколько примѣровъ, относящихся къ ранней эпохѣ. Такъ въ 1124 г. во время пребыванія короля въ Нормандіи, между днемъ Св. Андрея и Рождествомъ, Ralf и Basset съ совѣтомъ

Со времени Генриха I (начало XII вѣка) путешествующіе судьи являлись, собственно, баронами казначейства, разъѣзжавшими для сбора и провѣрки королевскихъ доходовъ. Прекрасно рисуетъ преобладающую роль фискальныхъ интересовъ въ ихъ дѣятельности г-жа Alice Green въ своей исторіи Генриха II [1]). Maitland справедливо замѣчаетъ относи-

---

старѣйшихъ въ Лейчестрѣ казнили много преступниковъ: „Suspenderunt ibi tot fures quot antea nunquam“. Pipe Roll подъ 1130 г. упоминаетъ о 10 судьяхъ, въ числѣ которыхъ фигурируютъ имена Ralf и Basset, осуществлявшихъ карательную власть. Justices in eyre встрѣчаются уже въ Кларендонскихъ ассизахъ (1166 г.), много именъ ихъ содержится въ спискахъ казначейства (exchequer rolls 1170), см. Stephen. History I p. 100.

[1]) При Генрихѣ I—пишетъ Green—два суда—Exchequer и Curia Regis вѣдали всѣ финансовыя и судебныя дѣла королевства. „Exchequer при этомъ занимала значительно болѣе важное мѣсто въ жизни народа, чѣмъ Curia Regis, ибо власть короля просто измѣрялась состояніемъ его казны, когда войны велись чрезъ посредство наемныхъ войскъ и правосудіе отправлялось оплачиваемыми чиновниками. Этотъ судъ долженъ былъ заботливо осуществлять надзоръ надъ провинціальными отчетами, надъ деньгами, получаемыми отъ королевскихъ доменовъ, надъ штрафами, собираемыми въ мѣстныхъ судахъ. Онъ долженъ былъ регулировать перемѣны, происходившія въ способѣ уплаты, когда употребленіе монеты стало вытѣснять постепенно уплату натурою. Онъ долженъ былъ слѣдить за перемѣнами въ владѣніи землею и обработкѣ ея, чтобы приспособлять данныя Domesdaybook къ новымъ условіямъ и вводить новыя распредѣленія налоговъ. Не было такихъ вопросовъ относительно собственности, которые не могли бы быть переданы судьямъ казначейства на рѣшеніе. Дважды въ годъ придворные короля (of royal household)—канцлеръ, казначей, два дворецкихъ (chamberlains), констэбль и маршалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими баронами, избранными вслѣдствіе знакомства ихъ съ правомъ, засѣдали во главѣ съ юстиціаріемъ въ качествѣ „бароновъ казначейства“ въ вестминстерскомъ дворцѣ за столомъ, покрытымъ скатертью, на которой были изображены квадраты (отсюда и названіе Exchequer—шахматная доска). Въ одной палатѣ—Exchequer of Account—бароны получали отчеты отъ шерифовъ каждаго графства и назначали суммы, которыя должны быть собраны съ графства. Во второй палатѣ, Exchequer of Receipt, шерифъ или откупщикъ налоговъ уплачивалъ слѣдующія съ него суммы и получалъ расписки. Отчеты о поступленіяхъ тщательно вносились въ свитки казначейства, которые носятъ названіе, вслѣдствіе своей формы, Great Roll of the Pipe и которые до сихъ поръ сохраняются въ Record Office. Канцлеръ получалъ дубликаты этихъ отчетовъ, которые носятъ названіе Roll of the Chancery, спеціальный королевскій чиновникъ вносилъ въ реестръ третій свитокъ объ особыхъ поступленіяхъ. Передъ смертью Генриха I значительный объемъ и сложность разсчетовъ въ судѣ казначейства сдѣлали невозможной централизацію ихъ въ Лондонѣ. „Бароны“ начали разъѣзжать въ качествѣ путешествующихъ судей по странѣ; въ качествѣ спеціальныхъ уполномоченныхъ короля они въ провинціи собирали суды, гдѣ на мѣстѣ разсматривались и рѣшались трудные во-

тельно разъѣздныхъ судей въ эпоху Генриха I, что они были скорѣе „commissioners for the tax“—собирателями налоговъ, нежели судьями. Генрихъ II, возстановивъ систему объѣздовъ, прерванную въ смутное царствованіе Стефена, вручилъ своимъ судьямъ новое средство обогащенія королевской казны—breve inquisitionis по дѣламъ о владѣльческихъ спорахъ. Въ силу королевскаго разрѣшенія (breve) стороны получили право прибѣгать вмѣсто судебнаго поединка, бывшаго крайне непопулярнымъ, къ вердикту присяжныхъ изъ числа сосѣдей. Кларендонскіе ассизы 1164 г. передали путешествующимъ судьямъ спеціально нѣкоторыя изъ уголовныхъ дѣлъ (убійства, грабежи, укрывательства); король руководился при этомъ преимущественно фискальными соображеніями, такъ какъ этимъ обезпечивалось обращеніе всѣхъ имуществъ осужденныхъ въ королевскую казну [1]).

Система разъѣздовъ королевскихъ уполномоченныхъ по странѣ пріобрѣтаетъ регулярный характеръ со времени Нортгэмптонскихъ ассизовъ 1176 г.

По общему совѣту феодаловъ, въ 1176 г. въ Нортгэмптонѣ Генрихъ II издалъ постановленіе (ассизы), которое предписывало раздѣлить всю страну на 6 округовъ. Для объѣздовъ въ этихъ округахъ было назначено 18 судей [2]). Черезъ три года число судей было доведено до 21.

Путешествующіе судьи носили названіе судей-ревизоровъ (justices in eyre), и ихъ обязанности сводились преимущественно

просы. Финансовая дѣятельность стала столь важной, что изученіе Exchequer является, въ сущности, ключомъ къ англійской исторіи того времени. Генрихъ I претендовалъ на титулъ „Lion of justice“ не изъ философской любви къ хорошему управленію, но такъ какъ распущенность преступленій могла нарушить регулярность поступленій въ его казну (A. S. Green. The centralisation of Norman justice under Henry II. Select Essay in Anglo-American History. vol I 1907 p. 122.

[1]) „5. Et de illis qui capti fuerint per praedictum sacramentum hujus Assisae, nullus habeat curiam vel justitiam nec catalla, nisi dominus rex in curia sua coram Justitiis et dominus rex habebit omnia catalla eorum. De illis vero, qui capti fuerint aliter quam per hoc sacramentum, sit sicut esse solet et debet“. Assizes of Clarendon. 1164.

[2]) „Communi omnium concilio divisit regnum suum in sex partes; per quarum singulas tres justitiarios itinerantes constituit quorum nomina sunt haec, etc“ (Stubbs. Select charters p. 150).

къ производству общей ревизіи графства. Ревизующіе судьи сначала назначались изъ приближенныхъ короля или высшихъ духовныхъ лицъ. Въ одномъ источникѣ, относящемся къ серединѣ XII вѣка, мы читаемъ, что Генрихъ II посылалъ „то аббатовъ, то графовъ, то капелланов, то своихъ придворныхъ, то, наконецъ, своихъ близкихъ друзей для слушанія и рѣшенія дѣлъ“ [1]). Особенно часто первое время встрѣчаются имена епископовъ. Позднѣе назначеніе членовъ духовенства стало признаваться неудобнымъ въ виду частаго примѣненія ими смертной казни къ преступникамъ [2]), и судьи стали выбираться изъ числа болѣе свѣдущихъ придворныхъ, рѣшавшихъ дѣла вмѣстѣ съ королемъ, въ королевской куріи [3]).

Обязанности этихъ судей были чрезвычайно разнородны. О нихъ можно судить по тѣмъ перечнямъ, которые помѣщались въ выдаваемыхъ имъ королевскихъ грамотахъ. Такъ, въ грамотѣ Eyre of Kent отъ 1313 г. перечисляются 142 отдѣльныхъ полномочія [4]). У Брактона, писателя середины XIII вѣка, перечисленіе функцій ревизующихъ судей занимаетъ нѣсколько страницъ и охватываетъ почти всѣ функціи тогдашняго управленія. Чѣмъ позднѣе грамота, тѣмъ количество возложенныхъ на судей обязанностей больше [5]). Общимъ образомъ король

---

[1]) Ralph de Diceto (Roll series, 1, 434).

[2]) Такъ, уже въ 1236 г. со стороны духовенства встрѣтило большое противодѣйствіе назначеніе Abbot of Ramsay въ качествѣ justice in eyre. Это было признано противорѣчащимъ канонамъ церкви. Grossteste. Epistolae. Rolls Series p. 105—108.

[3]) Въ ранніе годы царствованія Генриха II объѣзды совершались великимъ юстиціаріемъ Richard de Luci, констеблемъ Earl of Essex и канцлеромъ Thomas Becket. Въ 1168 г. посылается для объѣздовъ депутація изъ четырехъ бароновъ казначейства Richard of Ilchester, Guy, decane Waltham, William Basset и Reginald Warenne, Въ 1175 г. мы видимъ, что Ranulf Glanvill и Hugh de Cressi объѣзжаютъ сѣверъ и востокъ, William of Sanvallei и Thomas Rasset—югъ и западъ, и самъ король путешествуетъ вмѣстѣ со своими судьями. Въ 1176 г. для исполненія Нортгэмптонскихъ ассизовъ назначаются 18 путешествующихъ судей; въ 1179 г. страна дѣлится на 4 округа, и для объѣздовъ назначается 21 судья. Почти каждая часть Англіи ежегодно посѣщается ими. Pollock and Maitland Hist. of Engl. law. I p. 155—156. Stubbs. Select charters. p. 141.

[4]) The eyre of Kent. (6 and 7. Edw. II). Selden Society public. vol. I. 1910. p. 28—46.

[5]) „Capitula—пишетъ Брактонъ—quae illis duodecim proponenda sunt, quandoque variantur secundum varietatem temporum et locorum et quandoque augentur quan-

давалъ имъ порученіе ad tenenda omnia placita. Функціи судей раздѣлялись собственно на три группы: дѣла съ присяжными (pleas of assizes and juries), коронныя дѣла (pleas of the crown), рѣшеніе дѣлъ о преступникахъ (gaol delivery). Дѣла съ присяжными охватывали въ ту эпоху различные земельные споры, распри, проистекавшія изъ преимуществъ, которыя давало распоряженіе землей, нѣкоторые гражданскіе споры. Рубрика коронныхъ дѣлъ охватывала различныя стороны мѣстной жизни, въ которыхъ корона была заинтересована. Таковы, напр., дѣла о выморочныхъ имуществахъ, о ростовщичествѣ, о поступавшихъ къ королю имуществахъ преступниковъ, о самоубійствѣ, о несчастныхъ случаяхъ, о находкѣ, о собственности погибшихъ крестоносцевъ, о недозволенной продажѣ вина, о королевскихъ земляхъ и земляхъ, съ которыхъ платится подать королю, и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ король былъ прежде заинтересованъ. Наконецъ, рѣшеніе дѣлъ о преступникахъ составляло одну изъ самыхъ доходныхъ статей. Къ королю здѣсь поступали путемъ конфискаціи имущества виновныхъ, орудія преступленія, обильные штрафы, взимавшіеся съ должностныхъ лицъ, съ цѣлой общины. съ присяжныхъ. Всѣ эти дѣла перечислялись въ особыхъ articula itineris, которые вручались канцлеромъ казначейства ревизующимъ судьямъ. Связь этихъ судей съ казначействомъ (Exchequer) была самой непосредственной. Судьи не только получали оттуда инструкціи, но и по возвращеніи представляли туда отчетъ, причемъ всѣ дѣла и доходы отмѣчались ими на особыхъ свиткахъ (rolls), которые являются въ настоящее время цѣннымъ источникомъ для изслѣдованія экономическаго и юридическаго быта страны въ то время.

Пріѣздъ ревизующихъ судей въ графство былъ обставленъ съ большою торжественностью. По крайней мѣрѣ за 40 дней до ихъ пріѣзда шерифу графства посылался королевскій указъ съ требованіемъ созвать въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ людей всякаго званія и положенія. Сюда

---

doque minuuntur". Наиболѣе ранній образецъ этихъ articles in eyre относится къ 1194 г. О другихъ образцахъ см. Introduction to the Eyre of Kent, by W. C. Bolland. p. XXXIX.

вызывались прежде всего всѣ знатные жители графства: архіепископы, епископы, бароны, рыцари и свободные держатели земли. Затѣмъ отъ каждаго селенія долженъ былъ явиться староста (reeve) съ четырьмя благонадежными крестьянами (legal men), и отъ всякаго города (burgh)—по 12 гражданъ (burgess). Каждая сотня выставляла по 12 присяжныхъ. Кромѣ того должны были явиться всѣ должностныя лица графства, вплоть до самыхъ низшихъ, включая и тѣхъ, которые окончили срокъ службы, но еще не дали отчета о своихъ дѣйствіяхъ ревизующему судьѣ, а также „omnes alii qui coram justiciariis itinerantibus venire solent et debent“. Число такихъ лицъ, обязанныхъ къ явкѣ для помощи и для дачи отчета пріѣзжимъ судьямъ, доходило до 1000 человѣкъ. Повинность явки была тягостной, и отдѣльнымъ лицамъ даровались иногда королемъ привилегіи, освобождавшія ихъ отъ явки къ общей ревизіи.

Такое громадное стеченіе народа требовало принятія особыхъ мѣръ. И дѣйствительно, по пріѣздѣ своемъ, королевскіе судьи прежде всего прочитывали четыре прокламаціи (обязательныя постановленія). Первая изъ нихъ запрещала продажу и покупку всякихъ съѣстныхъ припасовъ на ярмаркѣ или рынкѣ внѣ того мѣста, гдѣ засѣдали судьи. Доброкачественность привезенныхъ товаровъ тщательно провѣрялась комиссарами судей [1]). Такимъ образомъ искусственно всѣ припасы привлекались въ городъ, гдѣ происходили засѣданія. Впрочемъ, одного экономическаго интереса продавцовъ было уже достаточно для удовлетворенія этихъ потребностей, и потому эта прокламація не строго проводилась въ жизнь. Другая прокламація воспрещала сдачу въ наемъ, за плату, домовъ лицамъ, явившимся въ городъ ради общей ревизіи. Каждый житель долженъ былъ имъ безплатно отводить помѣщеніе, насколько то было для него возможно [2]). Третья—воспрещала дѣятельность нор-

---

[1]) Долгое время было обычаемъ держать на второй день суда „assizes of wine and food“. Судьею назначались нѣсколько лицъ для того, чтобы провѣрить въ тавернахъ и на ярмаркахъ свѣжесть припасовъ и доброкачественность вина, причемъ непригодные для употребленія въ пищу припасы уничтожались.

[2]) Позднѣе эта обязанность предоставленія безплатнаго помѣщенія удержалась только по отношенію къ судьямъ и ихъ ближайшимъ помощникамъ (Charter

мальныхъ судовъ графства на время ревизіи. Сами королевскіе судьи вступали въ права этихъ судовъ и, въ случаѣ надобности, рѣшали дѣла вмѣсто нихъ. Закрытіе мѣстныхъ судовъ обусловливалось необходимостью того, чтобы устранить все, что могло бы отвлечь присяжныхъ и должностныхъ лицъ отъ присутствія на ревизіи. Наконецъ, издавалась еще и четвертая прокламація, предписывавшая, чтобы всѣ тѣ лица, которыя были въ теченіе предшествующихъ ревизій осуждены за ложные доносы и происки во вредъ правосудію (conspiracies and maintenance of false claims), удалились на разстояніе въ 12 миль отъ города, въ которомъ должны засѣдать судьи. Это было весьма цѣлесообразной мѣрой предупрежденія противъ недобросовѣстныхъ совѣтчиковъ и опасныхъ для правосудія элементовъ.

По открытіи засѣданія судьи прежде всего прочитывали королевскую грамоту предъ всѣмъ графствомъ (devant tute la comunalte). Присутствовавшіе представители сотенъ, городовъ, селеній, собственно, и составляли собою „все графство“, въ былое время цѣликомъ сходившееся для рѣшенія дѣлъ на вѣче. Старшій судья объявлялъ волю короля и цѣль прибытія судей. Затѣмъ онъ произносилъ рѣчь о томъ „quae sit causa adventus eorum et quae sit utilitas itinerationis et quae commoditas si pax observetur (Bracton, f. 115)“. По произнесеніи ея судья выполнялъ извѣстныя формальности: шерифъ ему передаетъ свой жезлъ въ знакъ сложенія своей власти. Судья приводитъ шерифа къ присягѣ, въ которой тотъ обѣщаетъ дать отчетъ о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, хранить тайну короля и его судей, а также вѣрно исполнять ихъ приказанія. Послѣ этого жезлъ возвращается шерифу. Къ такой же клятвѣ приводятся клерки шерифа. Отъ нихъ отбираются списки дѣлъ (close rolls). Судья даетъ предписаніе, чтобы явились всѣ лица, исполнявшія въ теченіе предшествующаго періода обязанности шерифовъ или, если они умерли, то ихъ наслѣдники, и представили имѣющіеся у нихъ списки дѣлъ. Та-

---

of York. 5 Edw. II p. 107). Адвокатскія традиціи донынѣ воспрещаютъ занимать номера въ гостиницахъ во время ассизовъ; на шерифѣ и теперь лежитъ обязанность отводить судьѣ и его свитѣ безплатное помѣщеніе.

кимъ же способомъ отбираются списки и отъ другихъ королевскихъ чиновниковъ—коронеровъ. Выполнивъ эти формальности, судьи удаляются для совѣщанія съ вліятельными гражданами, „ad quorum nutu dependent vota aliorum“ [1]). Изъ этихъ мѣстныхъ магналовъ нѣкоторые вносятся обыкновенно въ королевскую грамоту и составляютъ какъ бы совѣтъ при судьѣ.

Послѣ совѣщанія, о которомъ имѣются, къ сожалѣнію, очень смутныя свѣдѣнія, судья выслушиваетъ представителей отъ мѣстностей, претендующихъ на право самостоятельнаго суда (liberty, franchise). Каждый лордъ, имѣвшій такую льготу, обязанъ былъ заявить о томъ въ первый день, иначе онъ терялъ право самостоятельнаго суда и долженъ былъ отвѣтствовать предъ ревизующими судьями.

Этимъ исчерпывался обыкновенно первый день. Второй день поглощался образованіемъ присяжныхъ отъ каждой сотни. Порядокъ образованія ихъ былъ таковъ. Начальникъ каждой сотни (baillif) назначалъ двухъ или четырехъ выборщиковъ изъ каждой сотни. Эти послѣдніе, въ свою очередь, избирали еще двѣнадцать. Образовывался списокъ въ 16 присяжныхъ, изъ которыхъ судьи вычеркивали 4. Полная дюжина (dozen) представляла собою сотню. Затѣмъ избранные, одни за другими, приводились маршаломъ къ присягѣ, въ которой обѣщали вѣрно исполнить то, что имъ будетъ поручено судьей, и хранить въ тайнѣ переданное имъ судьями. Клятва о выполненіи повинностей давалась также тіунами и сержантами отдѣльныхъ самоуправляющихся мѣстностей.

Всѣмъ присяжнымъ и представителямъ свободныхъ мѣстностей затѣмъ прочитывались громко articula itineris и пере-

---

[1]) У Брактона (f. 115 d.) они названы „busones“. Значеніе этого слова неясно, и учеными строятся самыя разнообразныя гипотезы. Maitland (History I p. 540) производитъ его отъ французскаго „besoin“ и полагаетъ, что оно означаетъ „дѣловыхъ людей“; другіе считаютъ это испорченнымъ „barones“; третьи (Coke) производятъ отъ слова „Bursones“ (фр. la bourse—кошелекъ); четвертые (Виноградовъ) отъ „buscarls“ или „busecarls“, что значитъ мореходцы; пятые (Bolland) отъ норманнскаго слова boujon или bozon, что значитъ пика, позднѣе—мѣра, употреблявшаяся у суконщиковъ. Несмотря на разногласія, всѣ сходятся въ томъ, что подъ ними слѣдуетъ разумѣть вліятельныхъ гражданъ.

давались въ копіи. Присяжные были обязаны дать свѣдѣнія по всѣмъ содержащимся въ нихъ пунктамъ черезъ день или два. Они разбивались на группы по отдѣльнымъ сотнямъ и совѣщались между собою. Положеніе присяжныхъ при дачѣ отвѣтовъ было крайне трудное. Съ одной стороны, въ рукахъ судей имѣлись оффиціальные списки шерифа и коронеровъ, посредствомъ которыхъ они провѣряли presentments присяжныхъ, и въ случаѣ упущеній и умолчаній присяжные могли быть подвергнуты штрафу. Съ другой стороны, если присяжные представляли о чемъ либо неправильно, то имъ грозила или апелляція (attaint), въ случаѣ признанія которой со стороны жюри въ 24 человѣка, они должны отвѣчать всѣмъ своимъ имуществомъ. Несмотря на всѣ старанія, ихъ памяти было недостаточно, чтобы припомнить всѣ дѣла, до которыхъ у короля былъ интересъ, и потому штрафы, взимавшіеся съ присяжныхъ, были крайне многочисленны [1]). Отчеты объ объѣздахъ XIII и XIV вѣковъ полны упоминаній о такихъ штрафахъ [2]).

---

[1]) См. Maitland. Pleas of the Crown of Gloucester. XII вѣка. Пріѣзжіе судьи здѣсь внимательно изучаютъ presentments присяжныхъ, противъ которыхъ отмѣчено: „dicunt“, „sciunt“, nesciunt“, „malicredunt“, „stulta presentatio“ и пр. Противъ отдѣльныхъ вердиктовъ часто помѣчена сумма штрафа: juratores in misericordia.

[2]) Bracton въ половинѣ XIII вѣка слѣдующимъ образомъ описываетъ порядокъ отправленія объѣздовъ (Bracton, De legibus, Vol. II p. 238, Master of Rolls edition). „До прибытія судьи шерифу посылается указъ, требующій, чтобы онъ созвалъ архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, пріоровъ, графовъ, барововъ, рыцарей и землевладѣльцевъ всего округа, а также по 4 человѣка отъ каждой деревни вмѣстѣ со старостой и по 12 преданныхъ гражданъ отъ каждаго города (burgo) а также всѣхъ тѣхъ, которые обычно являются къ пріѣзду разъѣздныхъ судей въ опредѣленное время и въ опредѣленное мѣсто“. Затѣмъ Брактонъ описываетъ открытіе сессіи, обращеніе старѣйшаго судьи съ просьбой о помощи въ правосудіи: „Прежде всего пусть будетъ прочитанъ указъ, дающій судьямъ власть и право совершать объѣздъ, чтобы всѣ знали объ этой власти; затѣмъ судьи излагаютъ цѣль своего прибытія, и старѣйшій изъ нихъ объясняетъ народу пользу, проистекающую отъ этого, и выгоды соблюденія мира. Рѣчь эта обыкновенно произносится Martin de Patesbull“. Далѣе излагаются тѣ вопросы, по которымъ присяжные должны представлять виновныхъ. „На первомъ мѣстѣ стоятъ нарушенія мира короля и правосудія убійцами, грабителями и ворами, совершающими свои злодѣянія днемъ и ночью, не только противъ людей путешествующихъ, но и противъ мирно спящихъ въ своихъ кроватяхъ. Король приказываетъ своимъ

Общая ревизія, касавшаяся всѣхъ сторонъ мѣстной дѣятельности, была далеко не изъ пріятныхъ событій для жителей графства. Они отвлекались отъ обычной работы на нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ, принуждены были терпѣть различныя лишенія и, что хуже всего, должны были уплачивать королевскимъ судьямъ значительные штрафы, подъ самыми разнообразными предлогами. Хотя они много терпѣли отъ злоупотребленій своего шерифа, но все же королевскій судья, получавшій отъ казначейства инструкцію собрать по возможности больше, былъ еще страшнѣе. „Ихъ пріѣздъ—пишутъ Поллокъ и Мэтландъ—былъ ужасенъ, какъ чума; послѣ ихъ посѣщенія округъ оставался разореннымъ вслѣдствіе штрафовъ и взысканій. Въ одномъ случаѣ жители, чтобы избѣжать ихъ, спасались въ лѣса“ [1]). Тяжкіе поборы съ населенія начались непосредственно послѣ установленія объ-

---

вѣрноподданнымъ, чтобы въ силу принятой ими присяги на вѣрность, если они хотятъ охранить свое имущество, они дали дѣйствительный и внимательный совѣтъ королю, оказали ему помощь въ охраненіи его мира и правосудія и уничтожили указанныхъ злодѣевъ. Когда это изложено, судьи должны удалиться въ уединенное мѣсто и призвать къ себѣ 4, 6 или болѣе знатныхъ жителей графства, называемыхъ busones, отъ которыхъ зависятъ голоса другихъ, посовѣтоваться съ ними и объяснить имъ, какъ предписываетъ король, чтобы рыцари и лица старше 15 лѣтъ поклялись, что они не будутъ укрывать лицъ, лишенныхъ правъ, убійцъ, грабителей и воровъ и не будутъ сговариваться съ укрывателями ихъ и если они знаютъ что либо такое, то пусть объявятъ шерифу и бальифамъ и дадутъ возможность арестовать ихъ. И если они услышатъ hue and cry относительно такихъ лицъ, то они немедленно со своими домочадцами и людьми своей земли должны преслѣдовать подозрѣваемыхъ“. Выяснивъ подробнѣе права и обязанности гражданъ по преслѣдованію и аресту подозрѣваемыхъ, Брактонъ переходитъ затѣмъ къ указанію порядка составленія жюри отъ сотенъ и къ присягѣ ихъ. „И когда они присягнули, то пусть будутъ имъ прочитаны articula относительно того, что они должны отвѣтить судьямъ; послѣ прочтенія этого они предупреждаются, что на каждый вопросъ они должны дать отчетливый и достаточный отвѣтъ въ своемъ вердиктѣ въ опредѣленный день; кромѣ того имъ указывается, что если среди нихъ есть кто либо, пользующійся дурной репутаціей и подозрѣваемый въ какомъ либо преступленіи, то пусть постараются арестовать его, а если это невозможно, то пусть они тайно назовутъ судьямъ имена такихъ лицъ, которые подозрѣваются въ преступленіи противъ одного изъ указанныхъ пунктовъ, а затѣмъ шерифъ будетъ имѣть право арестовать такихъ лицъ и представить ихъ судьямъ, чтобы судьи могли осуществить по отношенію къ нимъ правосудіе“.

[1]) Pollock and Maitland, History of English law. vol. I p. 181.

ѣздовъ въ кларендонскихъ ассизахъ 1166 г., и увеличивались со дня на день [1]).

Населеніе энергично боролось за то, чтобы общія ревизіи происходили по возможности рѣже. Послѣ борьбы, ему удалось настоять на томъ, чтобы такія ревизіи происходили не

---

[1]) Тягость ихъ ярко характеризуетъ A. Green (Select essays in anglo-american legal history, vol. I. 1907 p. 123, 131). Она пишетъ: „Въ теченіе слѣдующей весны и лѣта (послѣ ассизовъ 1166 года) двое судей были посланы для разъѣздовъ по всей Англіи. Въ слѣдующемъ году была произведена ревизія лѣсовъ, а въ 1168 г.—новый объѣздъ графствъ баронами казначейства. Годъ за годомъ съ неизмѣнной регулярностью происходило ужасное посѣщеніе графствъ королевскими судьями. Богатства несчастнаго народа выкачивались въ королевское казначейство; погруженные въ работу секретари спѣшили заносить въ свитки неизвѣстную дотолѣ массу поступленій". Нѣсколько далѣе Green замѣчаетъ: „Присяжные подвергались штрафу, если они не представляли надлежащаго количества преступниковъ; мѣстечки подвергались штрафу, если они не преслѣдовали преступниковъ съ надлежащей энергіей; деревни подвергались штрафу, если сгорѣла изба и не подымалось hue and cry или если преступникъ, спасшійся отъ преслѣдованія въ церковь, убѣгалъ оттуда. Грабитель и убійца должны были платить чрезъ своихъ „поручителей" или, если поручителей не было, то штрафъ падалъ на деревню или мѣстечко; если было найдено мертвое тѣло и не представленъ убійца, то сотня должна была платить за это, если только она не доказывала его „englishry" (т. е. что онъ являлся англичаниномъ, а не норманномъ), что всегда было почти невозможнымъ дѣломъ; мѣстечко отвѣчало, если трупъ былъ погребенъ до прихода коронера; аббатъ, рыцарь или домохозяинъ подвергались тяжкой пенѣ за каждое преступленіе, учиненное рабомъ или наемнымъ слугою ихъ, или за преступленія, учиненныя какимъ либо изголодавшимся пилигримомъ или путешественникомъ, который нашелъ у нихъ болѣе, чѣмъ трехдневный пріютъ".

„Бароны казначейства при своей дѣятельности разсматривались скорѣе какъ собиратели налоговъ для казначейства, чѣмъ какъ судьи, отправлявшіе правосудіе. Баронъ, священникъ или горожанинъ,—всѣ видѣли, какъ каждый вопросъ превращался въ требованіе денегъ, которыя должны пойти въ королевскіе сундуки; присяжные штрафовались за всякіе пустяки; вдовы платили пеню за разрѣшеніе вступить въ бракъ, опекуны—за разрѣшеніе принять опекаемыхъ; если крестьянинъ падалъ съ своей лошади, если рыболовъ опрокидывался въ своей лодкѣ или пѣшеходъ былъ раздавленъ проѣзжавшей мимо телѣгой, то несчастныя дѣти ихъ видѣли, что лошадь, лодка, телѣга съ ея грузомъ, которыя въ былое время переходили какъ „deodand" на поминаніе ихъ души, теперь отнимались въ пользу короля; если мельникъ былъ захваченъ жерновами своей мельницы, то шерифъ долженъ былъ выплатить стоимость мельницы въ королевское казначейство. Въ сельскихъ округахъ, гдѣ монету рѣдко можно было видѣть, гдѣ наемная плата была неизвѣстна и гдѣ вся торговля происходила посредствомъ мѣны, крестьяне испытывали порою величайшія трудности, чтобы находить деньги для уплаты пеней. Годъ за годомъ баронъ, крестьянинъ и фер-

чаще, чѣмъ разъ въ семь лѣтъ [1]), и эта практика ревниво охранялась. Такъ, въ 1261 г. жители графства Уорчестеръ отказались допустить ревизующаго судью въ свою страну, такъ какъ не истекъ еще семилѣтній промежутокъ [2]). Въ XIV вѣкѣ укрѣпившіяся общины неоднократно вносили петиціи объ упраздненіи этихъ объѣздовъ. Такъ, въ 1348 году (22 Edw. III) общины ходатайствуютъ: „Eyres des justices et general enguerrez par tote la terre cesse“ [3]). На это слѣдуетъ отвѣтъ короля, что онъ будетъ прибѣгать къ нимъ лишь въ крайнихъ случаяхъ. Это обѣщаніе подтверждается въ 1371 г., когда король обѣщаетъ не издавать общихъ грамотъ „hors que en horrible cas“. Такими „ужасными случаями“ были войны, разореніе короля и пр., когда требовалось быстрое наполненіе королевскихъ сундуковъ. Далѣе мы находимъ такія петиціи въ 1382 и 1397 гг., когда общины присоединяютъ также просьбы объ общемъ прощеніи всѣхъ штрафовъ, наложенныхъ при такихъ объѣздахъ, кромѣ штрафовъ по важнѣйшимъ судебнымъ дѣламъ [4]). Къ концу XIV вѣка можно считать практику общихъ судебныхъ ревизій прекратившеюся.

Непопулярность и вымираніе общихъ ревизіонныхъ объѣздовъ объясняется прежде всего ихъ крайней обременительностью для графствъ. Эти объѣзды были хорошимъ средствомъ взиманія штрафовъ и повинностей до тѣхъ поръ, пока не развилась практика регулярныхъ „субсидій“ со сто-

---

меръ видѣли, какъ ихъ повозки и лошади, ихъ запасы меда, яицъ, хлѣба, пива и рыбы или дичи забирались агентами судей, и имъ выплачивалась та цѣна, которая признавалась удобной алчными скупщиками. Народъ повсюду стоналъ подъ тяжестью штрафовъ, взысканій и повинностей для поддержанія непривычной юстиціи. Когда при объѣздахъ въ 1168 г. судьи должны были сбирать, кромѣ обычныхъ повинностей, еще „субсидію“ для приданаго старшей дочери короля, то несчастные плательщики налоговъ, не различая въ своихъ бѣдствіяхъ причинъ, приписывали свои страданія новой реформѣ и видѣли въ королѣ не справедливаго реформатора, а человѣка, гонящагося за прибылью. Единственной привилегіей, за которую стоило бороться и которую стоило покупать, была привилегія самостоятельнаго взиманія штрафовъ и имѣнія своихъ судовъ“.

[1]) Britton, I, 3.

[2]) Annales de Wygorne, Rolls Series p. 446.

[3]) Rotuli Parlamentorum I, 200 b.

[4]) Stephen. History I p. 104.

роны общинъ коронѣ. Укрѣпленіе въ XIV вѣкѣ Палаты Общинъ, состоявшей изъ представителей тѣхъ же графствъ, привело къ протесту ихъ противъ стараго способа обогащенія казны, нужная же королю информація о мѣстныхъ дѣлахъ, о злоупотребленіяхъ мѣстныхъ чиновниковъ и т. д. точно также теперь могла происходить чрезъ посредство Общинъ. Но, съ другой стороны, не мало поводовъ къ сѣтованіямъ давало и то положеніе, которое занимали justices in eyre. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ полноту какъ судебной, такъ и административной власти, они были безконтрольными распорядителями на мѣстахъ. И въ то время какъ къ ихъ судебнымъ функціямъ относились благосклонно [1]), ихъ административно-принудительная дѣятельность встрѣчала рѣзкій отпоръ. Паденіе ихъ къ концу царствованія Эдуарда III было результатомъ побѣды мѣстнаго самоуправленія. И здѣсь съ XIV вѣка вмѣсто чрезвычайныхъ полномочій королевскихъ ревизующихъ судей сталъ развиваться въ то время скромный, но за то постоянный контроль со стороны мировыхъ судей.

Ревизующіе судьи, съ ихъ громадною властью по взиманію штрафовъ и налоговъ, являлись какъ бы подвижными отдѣленіями казначейства. Они мало интересовались отправленіемъ правосудія, и, если они настойчиво требовали объявленія о преступленіяхъ, то только потому, что отъ каждаго преступленія многое перепадало въ королевскую казну. Огражденіе мѣстныхъ интересовъ требовало выдѣленія судейскихъ функцій и болѣе частаго ихъ осуществленія. И, уступая этой потребности, король вмѣсто полновластнаго судьи и администратора, какимъ являлся justice in eyre, съ XIII вѣка начинаетъ назначать судей, лишенныхъ административныхъ функцій,—*judge of assize*. Ассизными судьями называются такіе уполномоченные короля, которымъ выдается грамота съ чисто судейскими порученіями: относительно держанія ассизовъ, очистки тюремъ (gaol delivery) и разрѣшенія уголовныхъ дѣлъ (oyer and terminer).

Слово „assize“ имѣетъ нѣсколько значеній. Первоначальнымъ является: „засѣданіе“, „собраніе“. Затѣмъ это слово стало

---

[1]) Holdsworth. History of English law 1903 I p. 115.

обозначать и тѣ постановленія, которыя были изданы на собраніи, напр., Assizes of Clarendon, Assizes of Northampton. Наконецъ, оно распространилось на содержаніе этихъ постановленій. Эти постановленія ввели институтъ присяжныхъ, привлекаемый для рѣшенія земельныхъ споровъ, установленный при Генрихѣ II Кларендонскими и Нортгемптонскими ассизами [1]). Отсюда, между прочимъ, проистекаетъ континентальное употребленіе слова „ассизы“ въ смыслѣ суда присяжныхъ.

Новый способъ рѣшенія земельныхъ споровъ посредствомъ вердикта обыскныхъ людей—присяжныхъ, замѣнившій ордаліи и поединокъ, сразу сталъ весьма популяренъ, и населеніе стало ходатайствовать о томъ, чтобы грамоты съ этими полномочіями выдавались почаще. Такъ, уже Великая хартія Іоанна Безземельнаго въ § 18 постановляетъ, чтобы онѣ выдавались 4 раза въ годъ, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ о популярности ихъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ (9 Henry III c. 12), однако, это число было сокращено до одного раза въ годъ, пока, наконецъ, въ 1285 г. (13 Edw. I c. 30) для такихъ объѣздовъ не были установлены три срока въ годъ. Частые объѣзды судей для держанія ассизовъ и ихъ увеличивающаяся популярность привели къ тому, что этимъ судьямъ стали поручаться и новыя функціи, ранѣе принадлежавшія только

---

[1]) „Ассизовъ“ было первоначально четыре: одни—Grande Assize, упоминаемый въ Magna Charta 1215 г., когда держателю земли предоставлялось отказаться отъ поединка, предлагавшагося ему лицомъ, претендовавшимъ на землю, и передать дѣло въ королевскій судъ на рѣшеніе inquest—присяжныхъ; и три petty assizes: 1) novel disseisin (seisin—владѣніе)—иски о недавно происшедшемъ нарушеніи владѣнія, причемъ присяжные рѣшали, произошло ли нарушеніе и было ли оно „injuste et sine judicio“; 2) of mort d'ancestor, дававшіе защиту наслѣдникамъ насильственно лишеннаго имѣнія лица; эти наслѣдники могли еще не вступить во владѣніе наслѣдственнымъ имуществомъ, и потому первый видъ не могъ быть применѣнъ; присяжные опредѣляли степень родства; 3) darrein presentment и utrum. Оба касались церкви. Первое состояло въ правѣ назначенія лица на вакантную церковную бенефицію. Право назначенія было весьма выгодно, ибо, при большихъ владѣніяхъ церкви, эти должности покупались за крупныя деньги. Присяжные рѣшали, кому принадлежитъ право назначенія. Utrum—касалось опредѣленія того, является ли какая либо земля церковной, или нѣтъ. Рѣшеніе этого вопроса было важно для опредѣленія подсудности жившихъ на этой землѣ поселянъ.

justices in eyre. Такъ, необходимо было, чтобы подсудимые не задерживались долгое время въ тюрьмѣ, до прибытія ревизующихъ судей, и потому въ 1299 г. (27 Edw. I c. 3) постановляется, чтобы ассизные судьи занимались освобожденіемъ на поруки заключенныхъ (gaol delivery) [1]). Это порученіе подтверждается въ 1328 году [2]). Порученіе очистить тюрьмы требовало частаго предоставленія, и потому ассизные судьи, бывшіе раньше только гражданскими судьями, понемногу пріобрѣтаютъ и уголовную компетенцію. Она укрѣпляется еще дальнѣйшимъ порученіемъ—oyer and terminer (выслушать и разрѣшить), которымъ судьямъ предоставлялось право собиранія обвинительныхъ актовъ (indictments) отъ обвинительнаго жюри и рѣшенія по нимъ. Это порученіе, согласно латинской формулѣ, дается „ad inquirendum, audiendum et terminandum“, тогда какъ порученіе очистки тюремъ: „ad gaolam nostram castri nostri de C. de prisonibus in ea existentibus hac vice deliberandum“.

Къ этимъ порученіямъ уголовнаго характера постепенно присоединяется право рѣшать различныя гражданскія дѣла, не связанныя съ земельными спорами. Такъ, знаменитымъ вестминстерскимъ статутомъ (13 Edw. I st. 1) ассизнымъ судьямъ передается рядъ гражданскихъ дѣлъ, вѣдавшихся раньше королевской куріей. Это порученіе извѣстно подъ именемъ „nisi prius“; названіе объясняется формулой указа, адресовавшагося шерифу. Ему предписывалось послать присяжныхъ опредѣленнаго графства въ Вестминстеръ, „nisi prius justicarii nostri in comitatum venerint“, т. е. „если до того не пріѣдутъ въ графство наши судьи“. Отсюда порученіе слушать дѣла, по которымъ былъ изданъ такой указъ, получило названіе „commission at nisi prius“. Въ 1346 г. (20 Edw. III c. 6) ассизнымъ судьямъ были переданы полномочія justices of eyre по раз-

---

[1]) „Чтобы ассизные судьи освобождали изъ тюремъ графствъ и городовъ всякаго рода заключенныхъ согласно формамъ, примѣнявшимся донынѣ“ (13 Edw. I). Полный текстъ грамоты приведенъ у Holthworth. History I. Appendix.

[2]) „Чтобы добрые и законопослушные люди, кромѣ тѣхъ, которые имѣются на мѣстахъ, были назначены для всѣхъ графствъ Англіи для держанія ассизовъ, засѣданій съ присяжными, освобожденія изъ тюремъ три раза въ годъ и болѣе, если то будетъ потребно“ (2 Edw. III).

слѣдованію злоупотребленій шерифовъ, байлифовъ и присяжныхъ. Всѣ *эти порученія входятъ до сихъ поръ въ грамоты*, выдаваемыя объѣзднымъ ассизнымъ судьямъ. Такъ понемногу ассизные судьи сосредоточили въ своихъ рукахъ обширную *судебную власть и вытѣснили судей-ревизоровъ*. По *старой* традиціи они продолжаютъ называться „judges of assizes“, хотя commission of assizes является только однимъ изъ ихъ полномочій, отошедшимъ далеко на второй планъ.

Посылка ассизнаго судьи, привозившаго въ страну мощныя средства возстановленія попраннаго права, всегда была желательна для жителей. Они были судьями—профессіоналами. Впрочемъ, были и отступленія, когда эти порученія давались не обыкновенно засѣдавшимъ въ Вестминстерѣ королевскимъ судьямъ, а особымъ приближеннымъ короля, придворнымъ, которые пристрастно рѣшали дѣла. Порою эти порученія выдавались для опредѣленныхъ дѣлъ и по ходатайству отдѣльныхъ вліятельныхъ лицъ. Наиболѣе продолжительными по своему дѣйствію изъ такихъ чрезвычайныхъ порученій (special commission) были извѣстныя подъ именемъ „Commission of Trailbaston“, происхожденіе которыхъ относятъ къ 1276 г. [1]).

Подъ 1306 г. мы опять встрѣчаемъ указаніе, что нѣсколько судей назначены „entendre les busoignes de traillebaston“. Эти судьи совершили пять объѣздовъ, захватившихъ 38 графствъ [2]).

Характеръ ихъ не вполнѣ ясенъ. По мнѣнію Pike [3]),

---

[1]) Въ 4 Edw. I (1276 г.) были отправлены для объѣздовъ по странѣ особые судьи изъ числа наиболѣе знатныхъ придворныхъ, которые должны были разслѣдовать злоупотребленія и безчинства, творившіяся безнаказанно за послѣднія 25 лѣтъ; въ своей грамотѣ король указывалъ, чтобы они вѣдали *всѣ* жалобы „для облегченія народа и для быстраго отправленія правосудія“ (Year Books 15 Edw. III. ed. by L. Pike. p. XXXIV—XII). Statute of Northampton (2 Edw III. c. 7) говоритъ о нихъ, какъ о магнатахъ, назначенныхъ на помощь суду королевской скамьи и имѣвшихъ особыя полномочія. Въ текстахъ данныхъ имъ грамотъ полномочія судить преступниковъ выражены въ общей формѣ, но возможно, что вниманіе ихъ было обращаемо на спеціальные классы преступниковъ. Въ виду частыхъ жалобъ на justices of trailbastons можно думать, что они не особенно заботились о поддержаніи безпристрастнаго правосудія.

[2]) Stephen, I p. 160. Здѣсь же текстъ commission of trailbaston.

[3]) Year Books 15 Edw. III, XXXVII.

они были промежуточными звеньями между судьями ассизными и justices in eyre. Несомнѣнно, что въ ихъ рукахъ были сосредоточены чрезвычайныя полномочія по наказанію опредѣленныхъ преступниковъ противъ общественнаго порядка, на что указываетъ и ихъ названіе [1]). Возможно, что данныя имъ полномочія были зачатками general commissions of oyer and terminer [2]). Въ первое время эти чрезвычайныя порученія были популярны, но затѣмъ, съ отпаденіемъ причинъ, ихъ вызвавшихъ, начались сѣтованія и противъ нихъ, которыя привели къ ихъ постепенному вымиранію [3]).

[1]) „Trailbaston“—палка съ хвостомъ. Такъ называлась тогда категорія разбойниковъ, творившихъ различныя безчинства (на подобіе теперешнихъ „хулигановъ“). Изъ текста королевскихъ грамотъ явствуетъ, что въ странѣ развелось множество злодѣевъ, творящихъ убійства, грабежи, поджоги и другія преступленія и бродящихъ по странѣ; они на ярмаркахъ избиваютъ своими палками мирныхъ людей, ранятъ ихъ, мстятъ имъ за обвиняющія показанія на судѣ. Поэтому поручается судьямъ настрого разыскивать о нихъ. Это же названіе повторяется въ пѣсенкѣ Peter Langtoff.

Traylbastons sunt nomez de cel reteunaunce
En fayres et marchez se proferent fere covenaunce
Pur tres sous ou IIII, on pur la valiaunce
Batre un prodhomme ke unk fist nosaunce
A cors cristiene
Si homme countredye a nul de l'aliaunce
Batut sera been“.

(*Эта компанія зовется Trailbastons, они за три или четыре шиллинга на* ярмаркахъ и рынкахъ предлагаютъ вступить въ ихъ сообщество, и часто только для того, чтобы показать свою дерзость, бьютъ добрыхъ людей, которые не тронули ни одно христіанское тѣло; если же кто возражаетъ кому либо изъ этой шайки, то его колотятъ).

[2]) 35 Edw. I., Rot. Parl. Vol. 1 p. 218.

[3]) Лица, стоявшія во главѣ этихъ судовъ, отличались крайней жестокостью. Такъ въ средневѣковой балладѣ поется о судьяхъ of Trailbastons, посланныхъ въ 1306 г.

„Ly Martin et ly Knoville sunt gent de piété
Et prient pur les povres qu'il eyent sauvété
Spigurnel e Belflour sunt gent de cruelté
Si il fuisent en ma baylie ne serreynt retorneé“.

(Мартинъ и Новиль—благочестивые люди, и бѣдняки молятъ о ихъ спасеніи; „Спигурнель и Бельфлуръ—люди жестокіе, и они не вернулись бы оттуда, если бы пріѣхали въ мой уѣздъ). Въ 1337 г. мы встрѣчаемъ петицію королю „qu'il ne grante en nulle partie du Roialm Eire ne Trailbaston durante la guere... hors en horrible cas) (3 Rot. Parl. 15 Ed. III). Въ 1347 г. (25 Edw. III, 2 Rot. Parl. p. 174) мы встрѣчаемъ новую петицію Общинъ объ упраздненіи судей of Trailbastons. Окончательно они исчезаютъ въ концѣ XIV вѣка.

Точно также въ теченіе первой четверти XIV вѣка мы встрѣчаемъ постоянныя сѣтованія общинъ на предоставленіе спеціальныхъ commissions of oyer and terminer по ходатайству вліятельныхъ лицъ и для отдѣльныхъ дѣлъ. Этимъ злоупотребленіямъ, повидимому, кладется конецъ въ 1328 г. статутомъ 2 Edw. 3, c. 2, который гласитъ: „чтобы commissions of oyer and terminer не предоставлялись другимъ, кромѣ судей королевскаго суда или justices in eyre, и предоставлялись не иначе, какъ по поводу тяжкихъ преступленій (horrible trespass), по особой милости короля, согласно законнымъ формамъ и въ сроки, указанные нашимъ прадѣдомъ“.

Въ серединѣ XIV вѣка кругъ полномочій ассизныхъ судей такимъ образомъ вполнѣ опредѣлился, и вмѣстѣ съ тѣмъ уголовное и гражданское правосудіе на мѣстахъ перешло въ руки *судей спеціалистовъ*, стоящихъ въ сторонѣ отъ администраціи и двора. Наличность гражданскихъ дѣлъ требовала, чтобы объѣздной судья ассизовъ былъ юристомъ, и потому всегда имя одного или двухъ юристовъ включалось въ quorum. Этими юристами чаще всего являлись судьи центральнаго суда или выдающіеся адвокаты. И хотя два—три имени юристовъ профессіоналовъ тонули въ десяткѣ именъ мѣстныхъ вельможъ и чиновниковъ, которымъ также давалось порученіе, но главную роль играли первые. Здѣсь происходилъ процессъ какъ разъ противоположный тому, который имѣлъ мѣсто позднѣе по отношенію къ мировымъ судьямъ.

III.

Королевскіе судьи-профессіоналы сыграли крупную роль въ исторіи правосудія въ Англіи. Здѣсь не мѣсто останавливаться на исторіи англійскихъ судей вообще. Замѣчу только, что она представляетъ богатую тему для историка-государствовѣда. Мнѣ хочется лишь дать общую характеристику той роли, которую играли на мѣстахъ ассизные судьи.

Въ противоположность судьямъ ревизорамъ (justices in eyre), ассизные судьи являлись въ графства для того, чтобы творить безпристрастное правосудіе, а не для того только, чтобы обо-

гащать королевскую казну. Они обращались за помощью къ присяжнымъ, чтобы голосомъ страны же рѣшить мѣстныя гражданскія и уголовныя дѣла. Предоставляя мѣстнымъ властямъ и органамъ возбужденіе преслѣдованій или исковъ, а также рѣшеніе вопросовъ факта, они сохраняли за собою монополію въ толкованіи права. Вся система гражданскихъ правоотношеній, конструкція отдѣльныхъ преступленій, формы процесса, доказательственное право постепенно вырабатывались ими. Эта система judges' made law, накопляемая вѣками, кристаллизовалась въ common law, составляющемъ до сихъ поръ основу юридическаго быта Англіи. Common law у насъ переводятъ разно: то какъ „обычное право", то какъ „общее право". И то и другое обозначеніе правильно. Обычнымъ его можно назвать потому, что оно сложилось какъ результатъ вѣковыхъ судебныхъ обычаевъ, возникавшихъ помимо законодательства; общимъ—потому, что оно проводилось королевскими судьями, представлявшими собою единую группу и дѣйствовавшими одинаково во всей Англіи, и являлось противоположностью партикулярному мѣстному праву. Вслѣдствіе своей общности, common law служило главнымъ централизующимъ началомъ. На континентѣ централизація проводилась чрезъ посредство административной власти. Въ Англіи возникновеніе центральныхъ административныхъ органовъ, съ сколько нибудь развитыми функціями, есть явленіе самаго недавняго времени, вся же централизація шла черезъ судей, и именно судей королевскихъ. Чтобы усвоить себѣ все значеніе этого положенія, мы должны указать, что идея правосудія, justice, въ Англіи была и является значительно болѣе широкой. чѣмъ на континентѣ, гдѣ только одна область правовой жизни—уголовное и гражданское право—разсматриваются какъ царство судьи. Только XIX вѣкъ создалъ еще смутную идею „административной юстиціи". Въ Англіи же justices' justice (судейское правосудіе) издавна охватывало всю область правовой жизни, и законъ, примѣняемый помимо суда, до послѣдняго времени былъ для англичанина чѣмъ-то невполнѣ понятнымъ. Позволю себѣ здѣсь сослаться на слова одного авторитетнаго изслѣдователя англійской правовой жизни, американца Лоуэлля.

„Историческое положеніе королевскихъ судовъ—пишетъ A. Lawrence Lowell [1])—оказало глубокое вліяніе на англійское правопониманіе (conception of law), а это, въ свою очередь, повліяло и на законодательство и на авторитетъ самихъ этихъ судовъ. Для всѣхъ народовъ, говорящихъ по англійски, не только для юристовъ, но и для профановъ, право означаетъ совокупность правилъ, примѣняемыхъ чрезъ посредство судовъ (enforced by the court). Съ этой точки зрѣнія безразлично то, разсматриваются ли суды какъ творцы права, или только какъ провозгласители его, такъ какъ здѣсь возбуждается вопросъ не о происхожденіи или источникѣ права, а только о критеріи его. Существеннымъ признается то, что всѣ нормы, примѣняемыя судами, суть право, а отвергаемыя судами—не право. Такое опредѣленіе права обычно принимается за аксіому, но оно далеко не признано во всѣхъ странахъ и не всегда находило свое признаніе и въ Англіи... Эта идея о томъ, что англійское право есть совокупность правилъ, примѣняемыхъ судами страны, можетъ быть отнесена на счетъ централизирующей власти норманнскихъ или анжевинскихъ королей, которая распространилась на всю страну главнымъ образомъ чрезъ посредство центральнаго королевскаго суда и объѣздныхъ судей. Эти судьи вытѣсняли мѣстные и феодальные суды и создавали концепцію общаго права (common law) для всего королевства, проводимаго чрезъ регулярные суды и покоящагося на опредѣленныхъ принципахъ“. Приблизительно ту же мысль выражаетъ Dicey [2]): „законами называются правила съ тѣхъ поръ, какъ они нашли свое осуществленіе чрезъ посредство судовъ“. На связь этого common law съ обычнымъ правомъ указываетъ другой авторитетъ англійскаго права—Frederick *Pollock*: „Есть полное основаніе думать, съ исторической точки зрѣнія, что въ критическій періодъ, когда создавались основы англійскаго права, отъ Генриха II до Эдуарда I, королевскіе судьи имѣли не малую власть опредѣлять то, какіе обычаи должны получить преобладаніе и быть признанными за „обычаи

---

[1]) The government of England. Vol. II 1908 p. 473.
[2]) Law of Constitution p. 23.

страны“, и въ этой области они осуществляли свободное усмотрѣніе... Но судьи въ то же время, безъ сомнѣнія, хорошо отражали дѣйствительныя желанія и стремленія всего общества. Ходячее опредѣленіе common law какъ обычаевъ страны не должно поэтому быть отвергаемо, какъ неисторическое. Мы должны только вспомнить, что королевскіе судьи уже въ ранній періодъ могли считать себя знающими лучше, чѣмъ какіе либо люди отдѣльной мѣстности или города, въ чемъ состоитъ обычай королевства. Мѣстные розыски могли только дать свѣдѣнія о мѣстныхъ обычаяхъ; что же касается общихъ обычаевъ, то лишь королевскіе судьи были для того пригодны, такъ какъ они были знакомы, благодаря своимъ объѣздамъ и постоянному участію въ дѣлахъ короля, съ различными частями Англіи. Королевскій судъ собиралъ обычаи со всей страны. Но, попавъ съ самаго своего рожденія въ руки профессіональныхъ судей и адвокатовъ, проводившихъ въ жизнь идею централизаціи, common law быстро стало спеціальной отраслью юриспруденціи, получившей научную форму [1])“. Common law, какъ система правовыхъ принциповъ, составляетъ „неписаное право“ (unwritten law) страны. И королевскіе судьи разсматриваются, какъ его хранители и истолкователи [2]).

То обстоятельство, что большинство отношеній населенія къ административной власти пропускалось свозь призму судебной дѣятельности [3]), привело къ тому, что идея право-

---

[1]) Pollock. First book of jurisprudence, 1904 p. 251—53.

[2]) Выраженіе „unwritten law“, въ противоположность „written law“, закону—слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что это право живетъ въ устной формѣ—оно, не меньше, чѣмъ статутное право, занесено въ различные сборники и трактаты,—но центръ различія состоитъ въ томъ, что въ статутномъ правѣ обязательной является форма, каждая буква, каждое выраженіе статута, тогда какъ въ common law обязателенъ только опредѣленный принципъ, въ немъ заключающійся. Это различіе хорошо иллюстрируется слѣдующимъ разсказомъ. Когда король Яковъ I спросилъ знаменитаго лорда Кока объ одномъ юридическомъ вопросѣ, то тотъ пожелалъ узнать, относится ли этотъ вопросъ къ common law или къ statute law, „такъ какъ—сказалъ онъ—въ первомъ случаѣ я могу дать отвѣтъ, оставаясь у себя въ кровати, во второмъ—я долженъ справиться въ законахъ“. (H. Cohen, The Spirit of our laws. London 1907 p. 11).

[3]) См. А. Куланшеръ, Господство права и административное усмотрѣніе, Юрид. Зап. кн. I, 1911. Статья эта, впрочемъ, страдаетъ нѣкоторыми преувеличеніями.

судіи стала доминирующей идеей во всей государственной жизни. Припомнимъ, что даже самъ Парламентъ долгое время являлся высшимъ судомъ (High court of Parliament), перестраивавшимъ право лишь во имя идеи естественной справедливости или огражденія старинныхъ правъ народа отъ различныхъ злоупотребленій.

Трудно, не проникнувъ въ англійскую психологію, представить себѣ, какимъ авторитетомъ пользуются здѣсь идеи „law“ и „justice“, этихъ неразрывно связанныхъ между собою понятій. Для насъ идея законности до сихъ поръ ассоціируется съ представленіемъ о различныхъ, порою весьма произвольныхъ „источникахъ права“, изъ которыхъ выводился законъ; идея „правосудія“ еще вызываетъ мысль о старыхъ формахъ инквизиціонной расправы или административныхъ давленій. У англичанина эти понятія слиты съ вѣковою мудростью его Парламента и суда присяжныхъ, этихъ продуктовъ воли народа и его правосознанія. Хранителями этихъ идей были только „суды правосудія“ (courts of justice), служившіе надежнымъ оплотомъ противъ административныхъ притѣсненій въ области правъ свободы. Дѣятельность этихъ судовъ проникала въ самыя разнообразныя области жизни и опредѣляла отношенія каждаго къ своимъ согражданамъ и къ власти. Понятно поэтому, почему появленіе высшихъ носителей правосудія, королевскихъ судей, являлось такимъ выдающимся событіемъ въ жизни графства или города. Они привозили съ собой защиту (redress) противъ всякихъ золъ и бѣдствій [1]).

Но пріѣздъ ассизныхъ судей важенъ былъ не только своими непосредственными результатами. Пріѣзжіе судьи, отправляя правосудіе, давали высокій урокъ права мировымъ судьямъ, justices of peace. Центральная королевская власть разсматривалась какъ сила, до извѣстной степени посторонняя по отношенію къ строю мѣстной жизни общинъ, когда-то обладавшихъ самостоятельностью. Къ этой власти приходилось прибѣгать лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда требовался большой запасъ принужденія для преодолѣнія препятствій.

---

[1]) Gerland. Die Englische Gerichtsverfassung, 1910 (I, 498), говоритъ про нихъ: „Die Assisenrichter sollen das richtige Recht in die Provinz bringen“.

Въ области преступленій только королевская власть могла неуклонно проводить правосудіе, и этимъ объясняется быстрая побѣда королевскаго правосудія надъ старыми мѣстными судами. Съ XIV вѣка на мѣстахъ начинаютъ развиваться уже постоянные королевскіе комиссары—мировые судьи, которые постепенно пріобрѣтаютъ судебныя полномочія. Пріѣзжіе объѣздные судьи уже ограничиваются контролемъ надъ ихъ дѣятельностью и дачей имъ величественнаго урока, какъ творить правосудіе. Мировые судьи обязаны были присутствовать въ теченіе всѣхъ ассизовъ, наблюдая дѣятельность королевскаго судьи [1]). Позднѣе они стали преимущественно приглашаться въ составъ членовъ большого жюри, къ которому королевскій судья обращался съ поученіемъ. Ростъ компетенціи четвертныхъ сессій мировыхъ судей, поставившій ихъ по юрисдикціи почти совершенно параллельно съ ассизами, подтверждаетъ тотъ фактъ, что ассизы сохранились какъ одно изъ средствъ показать высокій образецъ правосудія мировымъ судьямъ. Необходимость въ такомъ наглядномъ обученіи правосудію была неизбѣжна, такъ какъ мировые судьи представляли собою не „ученыхъ судей“, а лишь болѣе почтенныхъ мѣстныхъ жителей. Съ другой стороны, кромѣ издаваемаго въ чрезвычайныхъ случаяхъ writ of certiorari, въ рукахъ королевскаго суда не было средствъ контроля надъ ихъ дѣятельностью. Королевскій судья былъ тѣмъ чрезвычайнымъ органомъ короны, которому вручался надзоръ за мировыми судьями и ихъ судебной дѣятельностью [2]).

---

[1]) Въ книгѣ Th. Smith (Commonwealth of England), вышедшей въ 1569 г., мы находимъ описаніе ассизовъ, изъ котораго видно, что присутствіе мировыхъ судей было необходимымъ аттрибутомъ. „Въ домѣ или въ какомъ либо открытомъ или публичномъ мѣстѣ устанавливается посерединѣ для суда высокая скамья (bench), на которой возсѣдаютъ двое судей, присланныхъ съ грамотой. Возлѣ нихъ по обѣимъ сторонамъ сидятъ мировые судьи соотвѣтственно достатку и почету. На болѣе низкой скамьѣ—остальные мировые судьи и какіе либо другіе джентльмены, а также клерки. Передъ этими судьями внизу находится столъ, за которымъ сидятъ custos rotulorum, помощники шерифа и клерки, ведущіе протоколъ. Въ концѣ стола сдѣлана рѣшетка съ отведеннымъ для 12 присяжныхъ мѣстомъ, куда они входятъ послѣ того, какъ назовутъ ихъ имена. Еще ниже—другая рѣшетка, и тамъ стоитъ подсудимый“ (p. 109).

[2]) Въ рѣчи Lord Coventry ассизнымъ судьямъ предъ отправленіемъ въ ассизы (см. ниже) въ 1637 г. говорится: „Государственная служба находится въ боль-

Королевскіе судьи являлись не только носителями болѣе высокаго и единаго для всей страны общаго права (common law), не только учителями мѣстныхъ судей. они были проводниками новаго законодательства и государственной политики.

До изобрѣтенія и распространенія книгопечатанія и при маломъ развитіи грамотности, вновь издаваемые законы становились извѣстными лишь немногимъ. Чтеніе и пониманіе ихъ текстовъ, написанныхъ по латыни, а затѣмъ на норманнскомъ нарѣчіи, было доступно только судьямъ ,да придворной знати, понимавшей эти языки. Публикація законовъ замѣнялась провозглашеніемъ ихъ на ассизахъ. Пріѣзжая въ провинцію, судьи привозили съ собою новые законы. Въ общепонятныхъ выраженіяхъ они знакомили всѣхъ должностныхъ лицъ графства и представителей населенія съ тѣмъ, что издалъ король или парламентъ. Порою отдѣльный законъ долженъ былъ прочитываться цѣликомъ въ каждый пріѣздъ, порою давалось ихъ резюмэ и разъяснялась важность. Это было какъ бы публикаціей закона въ графствѣ. Несмотря на разсылку статутовъ по странѣ, ставшую примѣняться впослѣдствіи, обычай сообщать большому жюри важнѣйшіе изъ изданныхъ законовъ сохраняется до сихъ поръ.

Не только законы, но и политическія директивы отъ короля или его министровъ привозились королевскими судьями въ графства. Передъ отправленіемъ въ объѣздъ король въ былое время созывалъ своихъ судей въ одной изъ палатъ Вестминстера, гдѣ давалъ имъ напутственныя указанія. Мы приведемъ для иллюстраціи одну изъ рѣчей Якова I своимъ судьямъ, отправляющимся въ ассизы [1]). „Древнимъ и похваль-

---

шой зависимости отъ мировыхъ судей въ графствахъ... необходимо, чтобы вы на нихъ обратили вниманіе. Провѣрьте, всѣ ли они присутствуютъ на ассизахъ, какъ того требуетъ ихъ служба. Ассизы продолжаются всего нѣсколько дней, а поученіе (instruction), которое мировые судьи вносятъ отъ васъ, можетъ оказать большую пользу всему графству на весь годъ“. Затѣмъ указывается въ рѣчи на необходимость общаго наблюденія надъ поведеніемъ мировыхъ судей по службѣ и указывается на возможность устраненія ихъ въ случаѣ упущеній изъ commission (State Trials, vol. 3 p. 840).

[1]) His Majesty's Speech in the Starre Chamber, june 20, 1616.

нымъ обычаемъ этого королевства—говорилъ король—является то, что судьи отправляются въ объѣзды по всей странѣ, облегчая тѣмъ населеніе отъ великихъ тяжестей, ибо въ противномъ случаѣ оно должно было бы являться изъ самыхъ отдаленныхъ частей этого королевства въ Дворецъ Вестминстера для указанія и покаранія учиненныхъ преступленій и для предупрежденія тѣхъ преступленій, которыя могутъ возникнуть". Король далѣе напоминаетъ судьямъ ихъ обязанности: „Помните, что, отправляясь въ объѣздъ, вы должны не только карать и предупреждать преступленія, но заботиться вообще о хорошемъ управленіи (take care for the good government in general) въ тѣхъ частяхъ страны, которыя вы объѣзжаете, и творить правосудіе между сторонами въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ". Судьи должны охранять королевскую прерогативу отъ вторженій, соблюдать однообразную практику въ судахъ. Въ данномъ случаѣ онъ требуетъ отъ судей тщательнаго ознакомленія съ составомъ мировыхъ судей, этихъ „king's eyes and ears in the country" (королевскими очами и ушами въ графствахъ). Нужно узнать, кто изъ нихъ посѣщаетъ суды и кто лѣнится, кто ищетъ популярности, кто является ограниченнымъ; не слишкомъ ли много мировыхъ судей въ томъ или иномъ графствѣ. Судьямъ поручается разслѣдовать дѣла о раскольникахъ (recusants), о томъ, къ какимъ семьямъ они принадлежатъ, посѣщаютъ ли они церкви; разслѣдовать, живетъ ли знать въ графствахъ, питаетъ ли уваженіе къ королю, нѣтъ ли злоупотребленій среди администраціи, нѣтъ ли похитителей королевской дичи, бродягъ, пьяницъ и т. д. Собравъ свѣдѣнія, судьи должны представить королю отчетъ о жатвѣ его посѣва (harvest of my gowing). „Существовалъ старинный обычай,—говоритъ король—по которому всѣ судьи непосредственно передъ отправленіемъ въ объѣзды и немедленно послѣ объѣздовъ являлись къ лорду канцлеру для того, чтобы узнать, какія указанія королю будетъ угодно дать имъ чрезъ посредство канцлера, или для того, чтобы сообщить ему о результатѣ своихъ трудовъ, а онъ, въ свою очередь, долженъ былъ ознакомить съ нимъ короля. Этотъ добрый обычай за послѣднее время былъ слишкомъ сильно поколебленъ, но

теперь король считаетъ нужнымъ вновь укрѣпить его". Мы встрѣчаемъ еще нѣсколько такихъ королевскихъ обращеній въ эпоху Стюартовъ [1]), но затѣмъ обычай снова падаетъ, и, хотя теперь передъ отправленіемъ въ объѣзды происходитъ регулярно общее собраніе судей подъ предсѣдательствомъ лорда-канцлера, но оно ограничивается только распредѣленіемъ округовъ между судьями и разсмотрѣніемъ техническихъ вопросовъ. Изученіе судейскихъ charges въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ ясно показываетъ, что всѣ королевскіе суды были проникнуты опредѣленными директивами политическаго характера. Только большее обособленіе правосудія отъ управленія привело къ паденію политической роли такихъ объѣздовъ.

IV.

Система объѣздовъ королевскихъ судей удержалась съ XIV вѣка до настоящаго времени почти безъ всякихъ измѣненій. Въ юридическомъ положеніи судей произведены только небольшія измѣненія актомъ 1873 г. о Высшемъ судѣ (36 and 37 Vict. c. 66). До того королевскій посланецъ разсматри-

---

[1]) Другимъ образцомъ подобныхъ рѣчей являются двѣ рѣчи Thomas lord Coventry, лорда хранителя большой печати, произнесенныя ассизнымъ судьямъ, предъ отправленіемъ ихъ въ объѣзды 17 іюня 1635 и 14 февраля 1636 г. Въ обѣихъ предлагается судьямъ принудительно проводить требованіе короля о взысканіи корабельныхъ денегъ (ship—money). Въ революціонное время эти судьи были покараны за измѣну, такъ какъ они поддались на эти убѣжденія короля (Howell's State Trials vol 3 p. 825—846). Эти королевскія обращенія весьма напоминаютъ приведенное выше, что свидѣтельствуетъ о традиціонномъ ихъ характерѣ. „Обычай требуетъ—говорилъ хранитель печати—чтобы вы предъ отправленіемъ въ объѣзды выслушали такія указанія короля, которыя онъ найдетъ подходящимъ дать вамъ во имя вашей службы и на благо народа. Объявляя ихъ нынѣ, я мало остановлюсь на гражданскихъ дѣлахъ; здѣсь, укажу, вы должны предоставлять одинаково право и богатому и бѣдному. Вы посланы королемъ для рѣшенія дѣлъ, и потому его величество не желаетъ, чтобы были слышны жалобы или на отказъ или на промедленіе въ правосудіи". Затѣмъ обращеніе касается уголовныхъ дѣлъ, злоупотребленій шерифовъ и другихъ чиновниковъ, несправедливостей присяжныхъ, представленія раскольниковъ (recusants). Далѣе говорится о необходимости разслѣдованія относительно церквей, размежеванія, пьянства, разврата, бродяжничества, положенія ремесленниковъ, благонадежности мировыхъ судей, взиманія корабельныхъ денегъ. Вторая рѣчь къ этому прибавляетъ борьбу съ роскошью и праздностью, пресѣченіе разбоевъ, улучшеніе дорогъ.

вался какъ самостоятельный судья, хотя практика уже давно избирала для этихъ порученій только судей Вестминстерскихъ судовъ. Законъ 1873 г., объединивъ все правосудіе въ Высшемъ судѣ (High Court of Judicature), сдѣлалъ ассизныхъ судей делегатами этого суда, образующими на мѣстахъ какъ бы временное отдѣленіе Высшаго суда, имѣющее одинаковыя съ этимъ послѣднимъ полномочія [1]). Это явилось только закрѣпленіемъ уже давно создавшагося положенія вещей.

По прежнему сохраняется установленное Эдуардомъ I дѣленіе Англіи на 6 округовъ (circuits), только округи Уэльса и центральный (Home circuit) распались, каждый на двѣ части [2]). По прежнему общимъ правиломъ является отправленіе ассизовъ два раза въ годъ, зимой и лѣтомъ; лишь въ началѣ XIX *вѣка потребность въ болѣе скорой юстиціи въ* нѣкоторыхъ мѣстностяхъ привела къ добавочнымъ срокамъ. Такъ, въ 46 городахъ введены были осенніе ассизы исключительно для уголовныхъ дѣлъ, а въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ (Лидсѣ, Бирмингамѣ, Ливерпулѣ и Манчестерѣ) введены осенніе и весенніе ассизы для гражданскихъ дѣлъ [3]). Въ каждомъ изъ округовъ засѣданія происходятъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, которые въ былое время составляли центръ графства [4]). Такихъ пунктовъ во всѣхъ объѣздахъ 56. По общему правилу, въ каждомъ графствѣ ассизы происходятъ въ одномъ мѣстѣ. Имѣются только 3 графства, гдѣ

---

[1]) „Его Величество—гласитъ ст. 29 этого закона—посредствомъ commission of assize или иной общей или спеціальной commission можетъ назначить одного или нѣсколькихъ судей Высшаго суда или другихъ лицъ, обыкновенно вносимыхъ въ эту commission, для разсмотрѣнія и разрѣшенія въ предѣлахъ опредѣленнаго округа всякихъ вопросовъ факта и права по всякому дѣлу, подсудному Высшему суду, или для осуществленія уголовной или гражданской юрисдикціи Высшаго суда.., и такой уполномоченный будетъ почитаться составляющимъ отдѣленіе Высшаго суда".

[2]) Эти округа суть: Oxford circuit, Midland circuit, Northern circuit, South-Eastern circuit, Western circuit, North-Eastern circuit и North and South Wales circuit.

[3]) Gerland. Englische Gerichtsverfassung 1910, I p. 506.

[4]) Встрѣчаются, однако, исключенія. Такъ въ Wiltshire ассизы происходятъ то въ Salisbury, то въ Devizes; въ Bucklingham—въ Aylesbury, а не въ Buckingham; въ Cornwell—въ Bodmin, а не Launceston и т. д. См. Franqueville Système judiciaire de la Grande Bretagne 1893, t. I p. 203.

ассизы происходятъ въ двухъ пунктахъ, и одно графство съ ассизами въ трехъ мѣстахъ. Этими добавочными пунктами являются обыкновенно большіе города, выросшіе въ теченіе послѣдняго столѣтія. Лондонъ съ окрестностями стоитъ внѣ объѣздныхъ округовъ и подчиненъ особому Центральному уголовному суду [1]).

Остановка въ каждомъ изъ городовъ, въ которыхъ должны были происходить ассизы, была обязательна, хотя бы въ „календарѣ“ не стояло ни одного дѣла. Въ такихъ случаяхъ продѣлывалась вся торжественная процедура открытія сессіи, созыва присяжныхъ, произнесенія поученія и пр. Только въ 1908 году былъ изданъ законъ (The Assize and Quarter Sessions act, 8 Edw. VII c. 4), который освободилъ судей и присяжныхъ отъ необходимости являться въ эти города въ случаѣ отсутствія дѣлъ.

Хотя и понынѣ корона сохранила широкія полномочія по изданію не только общихъ грамотъ, но и спеціальныхъ, по отдѣльнымъ дѣламъ, и хотя уполномоченными могутъ быть различныя лица, но практика уже давно изгнала изъ употребленія special commission и назначаетъ судьями только судей отдѣленія королевской скамьи. Къ основнымъ commissioners, назначаемымъ грамотой короля за подписью лорда канцлера, присоединяется посредствомъ writ of association рядъ знатныхъ лицъ, которыя являются какъ бы его помощниками. Имена ихъ сообщаются судьѣ посредствомъ writ of admittance. Про запасъ судьѣ дается еще writ de si non omnes, которымъ предоставляется ему право разсматривать дѣла даже въ томъ случаѣ, если часть уполномоченныхъ будетъ отсутствовать; въ такихъ случаяхъ достаточно присутствія двухъ членовъ. Несмотря на обиліе содержащихся въ commission именъ, фактически дѣла рѣшаютъ одинъ или двое судей (если дѣлъ много, то эти судьи засѣдаютъ порознь, одинъ по гражданскимъ и другой по уголовнымъ дѣламъ). Полномочія, вручаемыя судьѣ, по прежнему сводятся къ 3 commissions: 1) of assizes, 2) of gaol delivery, 3) of oyer and terminer.

---

[1]) О немъ см. первую статью „Ньюгэтъ и Старый Бэйли“.

Слѣдуетъ указать, что commission of assizes издается для всего королевства одна и содержитъ въ себѣ лишь общее предписаніе произвести засѣданія ассизовъ въ опредѣленные сроки. На лицъ, поименованныхъ въ грамотѣ, еще не возлагается этимъ обязанность принять участіе въ ассизахъ, скорѣе имъ дается только соотвѣтственное право.

Распредѣленіе отдѣльныхъ судей по округамъ и возложеніе на нихъ обязанности отправиться въ опредѣленный объѣздъ въ качествѣ старшаго судьи или замѣстителя его происходитъ посредствомъ королевскаго указа, издаваемаго на основаніи плана, выработаннаго общимъ собраніемъ судей Высшаго суда. Объѣздными судьями прежде всего назначаются судьи отдѣленія королевской скамьи. Въ качествѣ замѣстителей судей королевской скамьи выступаютъ въ первую очередь судьи другихъ отдѣленій (Chancery, Probate, Court of Appeal) и затѣмъ адвокаты, имѣющіе званіе king's council. За свою дѣятельность эти послѣдніе получаютъ вознагражденіе, которое достигаетъ порой до 5000 р. годъ [1]). Въ крайнемъ случаѣ (который, однако, до сихъ поръ не имѣлъ мѣста) въ качествѣ главныхъ уполномоченныхъ могутъ быть назначаемы и судьи графства.

При назначеніи судей отдѣленія королевской скамьи въ отдѣльные округа соблюдается правило roulement des juges, т. е. стремятся, по возможности, переводить судью изъ одного округа въ другой. Основаніемъ для этого, вѣроятно, служитъ нежеланіе создавать тѣсную связь судьи съ адвокатурой только одного округа. Назначенный судья, помимо безплатнаго помѣщенія, кареты и услугъ, на полученіе которыхъ отъ шерифа онъ вправѣ расчитывать, получаетъ крупныя суточныя и прогонныя деньги.

Въ помощь судьѣ привлекаются различные вспомогательные и исполнительные органы, назначаемые большею частью самимъ ассизнымъ судьей. Во главѣ ихъ стоитъ *ассизный клеркъ* (clerk of assize). Должность эта можетъ быть замѣщена

---

[1]) Въ 1905 г., по свѣдѣніямъ Gerland (I p. 521), въ 66 судебныхъ засѣданіяхъ предсѣдательствовали адвокаты, въ 1906 г.—въ 100.

солиситоромъ или барристеромъ, имѣющимъ не менѣе трехъ лѣтъ практики. Назначеніе это дѣлается властью королевскаго судьи на извѣстный срокъ и разсматривается какъ одна изъ формъ судейскаго патропата. Ассизный клеркъ не обязанъ прекратить свою адвокатскую практику; ему воспрещается только практика въ предѣлахъ того округа, для котораго онъ назначенъ. Онъ не обязанъ даже жить въ соотвѣтственномъ округѣ и пріѣзжаетъ туда вмѣстѣ съ судьей. Онъ получаетъ годовой окладъ жалованья въ размѣрѣ отъ 5 до 10,000 руб. въ зависимости отъ величины округа и, кромѣ того, во время сессій имѣетъ суточное довольствіе въ 15 рублей. До послѣдняго времени практика допускала подысканіе клеркомъ себѣ замѣстителя, причемъ развивались даже злоупотребленія, при которыхъ разница между богатымъ вознагражденіемъ клерка и скромной платой замѣстителю спокойно клалась въ карманъ счастливымъ обладателемъ этой должности. Теперь лордомъ канцлеромъ предложено, въ случаѣ личной невозможности принять участіе въ ассизахъ, подавать прошеніе объ отставкѣ.

Функціи клерка распадаются на судебно-административныя и процессуальныя. Къ числу первыхъ относятся: полученіе всѣхъ актовъ производства (обвинительныхъ актовъ, протоколовъ допроса, вещественныхъ доказательствъ и пр.), указаніе числа потребныхъ присяжныхъ, составленіе списка дѣлъ, распредѣленіе времени судьи во время объѣзда, оповѣщеніе шерифа и другихъ властей о всѣхъ судебныхъ дѣйствіяхъ и пр. Судебно-процессуальныя функціи ассизнаго клерка крайне сложны. Онъ является прежде всего органомъ, изготовляющимъ обвинительные акты, текстъ судебныхъ опредѣленій, органомъ, вѣдающимъ всю переписку суда, опредѣляющимъ размѣръ судебныхъ издержекъ. Затѣмъ онъ принимаетъ участіе въ судебномъ засѣданіи, исполняя здѣсь письменную часть [1]) и порою выступая въ качествѣ совѣщательнаго для судьи органа по юридическимъ вопросамъ; онъ освѣ-

---

[1]) Стенографическій протоколъ по дѣлу ведется особымъ лицомъ — судебнымъ стенографомъ (съ акта 1907 г.); вмѣстѣ съ тѣмъ самъ судья дѣлаетъ нужныя ему для резюмэ замѣтки.

домлнетъ также судью о протоколахъ по дѣлу и письменныхъ показаніяхъ свидѣтелей; иногда даже заготовляетъ предварительно проектъ судебнаго рѣшенія по болѣе сложнымъ дѣламъ. Участвуя преимущественно въ уголовныхъ дѣлахъ, клеркъ ассизовъ является великимъ спеціалистомъ въ этой области, совѣтъ котораго всегда полезенъ судьѣ.

Менѣе важными помощниками судьи являются *clerk of Arraigns, clerk of Indictments* и *Associate clerk*. Они назначаются старѣйшимъ объѣзднымъ судьей и стоятъ въ подчиненіи у ассизнаго клерка. Каждый изъ нихъ получаетъ содержаніе отъ 1500 до 4000 руб. Clerk of Arraigns имѣетъ формально только одну обязанность — опрашивать подсудимаго о томъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ (arraignement), но фактически на него переносятся нѣкоторыя изъ функцій ассизнаго клерка, которыя онъ отправляетъ всегда съ утвержденія этого послѣдняго. Clerk of Indictments изготовляетъ обвинительные акты—дѣло, требующее большихъ спеціальныхъ знаній благодаря мелочности и архаичности требованій, предъявляемыхъ къ этому документу. Associate clerk обыкновенно вѣдаетъ секретарскія функціи по гражданскимъ дѣламъ. На низшей ступени вспомогательныхъ органовъ стоитъ Bailiff, который вѣдаетъ переписку и порученія чисто исполнительнаго характера.

Наконецъ, при судьѣ ассизовъ состоитъ еще одинъ органъ, имѣющій чисто церемоніальныя функціи,—*marshal*. Единственной его обязанностью является представленіе судьѣ шерифа въ каждомъ графствѣ и приведеніе къ присягѣ большого жюри въ первый день засѣданій. За это онъ получаетъ 20 рублей суточныхъ и разъѣздныя. Эта должность является явной синекурой, которая предоставляется судьею одному изъ молодыхъ барристеровъ, болѣе близкихъ судейскому сердцу [1]).

Обязанности исполнительнаго органа въ графствахъ лежатъ на *шерифѣ*. Должность шерифа (high-sheriff), когда-то бывшаго высшимъ представителемъ короны въ графствѣ, въ настоящее время стала только почетной. Шерифъ сохранилъ только

---

[1]) Franqueville, I p. 452.

церемоніальныя функціи, а фактическое завѣдываніе управленіемъ перешло въ руки его помощниковъ. Шерифъ самъ только предсѣдательствуетъ при парламентскихъ выборахъ да встрѣчаетъ ассизнаго судью во время его объѣздовъ.

Еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въѣздъ судьи въ графство происходилъ съ великимъ торжествомъ. Шерифъ выѣзжалъ на встрѣчу судьѣ съ обильной свитой уотеп, вооруженныхъ длинными пиками, и многочисленной свитой почетныхъ гражданъ города въ каретахъ или верхомъ. Судью ожидала золоченая карета и почетный эскортъ изъ 12 копьеносцевъ (javelymen) и нѣсколькихъ трубачей. Городъ былъ украшенъ, и звонили въ колокола.

Теперь торжественность въѣзда сильно упала. Шерифы, обязанные принимать всю встрѣчу на свой счетъ, стали экономнѣе и порою заявляли открыто протестъ противъ деспотизма старинныхъ обычаевъ торжественной встрѣчи. Вмѣсто золоченой кареты, запряженной цугомъ, появились простые экипажи; почетная гвардія изъ javelymen въ большинствѣ мѣстностей перестала существовать. Вмѣсто долгихъ путешествій по графству, теперь, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, процессія ограничивается краткой дорогой отъ вокзала къ приготовленному для судьи жилищу.

На обязанности шерифа, кромѣ устройства торжественной встрѣчи и предоставленія безплатнаго жилища судьѣ, лежитъ еще обязанность представленія судьѣ *священника*, который долженъ быть всегда возлѣ судьи. Функціи священника на судѣ чрезвычайно несложны. Онъ не участвуетъ въ приведеніи къ присягѣ присяжныхъ и свидѣтелей: это дѣло маршала и клерка. У него только одна миссія чисто церемоніальнаго характера. Когда судья провозгласитъ смертный приговоръ, священникъ долженъ подняться со своего мѣста и важно произнести „*Аmen*“. Другихъ обязанностей у него нѣтъ. Въ былое время на шерифѣ лежала еще одна обязанность—доставленіе судьѣ *палача*, но теперь эта функція перешла къ тюремному управленію, и судья освобожденъ отъ обязанности наблюдать надъ исполненіемъ казни.

Таковы оффиціальные органы, помогающіе королевскому

судьѣ творить правосудіе. Но идея правосудія въ Англіи никогда не сводилась къ дѣятельности однихъ только оффиціальныхъ органовъ. Поддержаніе права въ судахъ было столько же дѣятельностью самихъ мѣстныхъ жителей, сколько функціей королевскихъ чиновниковъ. Только у насъ думаютъ, что поддержаніе правопорядка есть монополія государственной власти. Въ Англіи это—совмѣстная забота короля и народа.

Дѣятельность королевскихъ судей издавна представляла собою величественное зрѣлище единенія королевскихъ коммиссаровъ—судей съ представителями мѣстнаго населенія, когда-то бывшаго независимымъ и донынѣ сохраняющаго рядъ исконныхъ самостоятельныхъ правъ по отношенію къ королевской власти. Въ области правосудія соединеніе этихъ двухъ самостоятельныхъ элементовъ власти породило институтъ присяжныхъ засѣдателей, когда-то бывшій универсальнымъ орудіемъ не только суда, но и управленія. Спеціализація многихъ функцій привела къ передачѣ ихъ въ руки особыхъ органовъ; многія функціи присяжныхъ вымерли подъ вліяніемъ роста феодальнаго, церковнаго и королевскаго верховенства, но все же и до настоящаго времени дошли отдѣльные виды присяжныхъ, составляющихъ необходимый элементъ ассизныхъ сессій. Сюда относятся большое жюри, малое жюри, жюри по гражданскимъ дѣламъ, жюри матронъ и коронерское жюри. Мы не предполагаемъ здѣсь входить въ интересную, но темную еще для современныхъ историковъ область значенія и постепеннаго развитія института присяжныхъ въ Англіи; ограничимся только самой краткой характеристикой той ихъ роли, которую присяжные теперь играютъ въ засѣданіяхъ ассизныхъ судовъ.

Большое жюри, существующее съ незапамятныхъ временъ, представляетъ собою осколокъ той аристократіи, которая была когда-то правящимъ классомъ графства. Въ XVIII вѣкѣ, когда функціи управленія перешли главнымъ образомъ въ руки мировыхъ судей, приглашеніе этихъ послѣднихъ въ составъ большого жюри во время ассизовъ стало установившейся практикой, соблюдаемой до сихъ поръ. Къ нимъ присоединяются порой наиболѣе выдающіеся представители мѣст-

ной аристократіи, почему либо не вошедшіе въ составъ мировыхъ судей, какъ бывшіе шерифы, члены парламента отъ данной мѣстности и пр. Это жюри. состоящее изъ многихъ лицъ (числомъ между 12 и 23), представляетъ собою данное графство, и къ нимъ обращается судья, какъ къ носителямъ мѣстнаго авторитета и общественнаго мнѣнія. Это обращеніе происходитъ въ формѣ рѣчи—charge to grand jury, въ которой по старинным обычаямъ затрагиваются темы или общеполитическаго характера, или имѣющія отношенія къ интересамъ управленія данной мѣстности (предупрежденіе преступленій, улучшеніе методовъ управленія, полиціи, введеніе новыхъ повинностей и т. д.). Затѣмъ судья указываетъ присяжнымъ большого жюри съ соотвѣтственными поясненіями тѣ преступленія, по которымъ они должны представлять къ правосудію виновныхъ, и обращаетъ ихъ вниманіе на государственную важность этой задачи. Функціи этого большого жюри въ настоящее время сводятся къ провѣркѣ представленныхъ клеркомъ проектовъ обвинительныхъ актовъ и, порою, къ самостоятельному представленію (presentment) о мѣстныхъ нуждахъ или о преступленіяхъ, нуждающихся въ разслѣдованіи или наказаніи со стороны судьи. Провѣрка производится посредствомъ негласнаго допроса свидѣтелей обвиненія, въ результатѣ чего проектъ обвиненія признается „true bill“ или „no bill“ или „ignoramus“. Признаніе билля правильнымъ является ключомъ къ дальнѣйшему судебному слѣдствію. Большое жюри при такой повѣркѣ пользуется дискреціоннымъ правомъ усмотрѣнія и руководится самыми разнообразными соображеніями. Въ настоящее время отверженіе билля объ обвиненіи происходитъ рѣдко. Такъ, въ 1909 г. изъ 2399 дѣлъ, представленныхъ на разсмотрѣніе въ ассизахъ, отверженіе обвиненія большимъ жюри имѣло мѣсто лишь въ 37 случаяхъ. Въ такомъ небольшомъ результатѣ контролирующей дѣятельности большого жюри, объясняемомъ тщательной подготовкой дѣлъ, разсматриваемыхъ съ присяжными, въ предварительной стадіи, многіе видятъ основаніе къ признанію ненужности самого этого учрежденія. Несомнѣнно, что въ настоящее время оно мало выражаетъ собою дѣйствительное общественное мнѣніе страны,

находящее себѣ болѣе яркое выраженіе теперь чрезъ демократическую палату общинъ и мѣстные совѣты.

Малое жюри, рѣшающее вопросъ о виновности въ случаѣ отрицанія ея подсудимымъ, обличаемымъ большимъ жюри, уже является не столько представительнымъ органомъ, какъ жюри большое, сколько формой судебной экспертизы по нѣкоторымъ вопросамъ факта. Оно рекрутируется по особымъ спискамъ изъ болѣе низкихъ классовъ населенія. Здѣсь въ числѣ присяжныхъ можно встрѣтить часто не только простыхъ домохозяевъ и фермеровъ, но и рабочихъ и даже домашнюю прислугу. Явка и исполненіе обязанностей присяжнаго стоятъ подъ давленіемъ серьезныхъ штрафовъ. Должность присяжнаго малаго жюри остается безвозмездной до сихъ поръ [1]). Въ отличіе отъ общихъ присяжныхъ (common jury), спеціальные присяжные, привлекаемые по особымъ спискамъ для рѣшенія нѣкоторыхъ сложныхъ гражданскихъ дѣлъ, получаютъ особое вознагражденіе. Репрессія присяжныхъ малаго жюри является весьма значительной. Въ 1909 г. изъ 2892 подсудимыхъ, дѣла о которыхъ разсматривались въ ассизахъ, оправдано было лишь 542, т. е. менѣе 20%.

Гражданское жюри въ ассизахъ составляется по тѣмъ же принципамъ, какъ и жюри при Высшемъ судѣ. Членами его могутъ быть жители любой мѣстности, обладающіе однако опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ. Призываются они шерифомъ по опредѣленному списку. Жюри по гражданскимъ дѣламъ становится, вслѣдствіе своей дороговизны и громоздкости, все болѣе и болѣе рѣдкимъ явленіемъ. Въ 1907 г. въ Высшемъ судѣ гражданскихъ дѣлъ съ участіемъ присяжныхъ было рѣшено всего 673, а въ ассизахъ—402. Рѣшеніе гражданскихъ дѣлъ въ ассизахъ можетъ производиться иногда и единолично судьей. Такихъ дѣлъ было рѣшено въ 1907 г.—

---

[1]) Законъ 1870 г. (33 and 34 Vict. c. 77 s. 22) сдѣлалъ попытку ввести вознагражденіе присяжнымъ по 10 шиллинговъ за день, но это вознагражденіе черезъ годъ было отмѣнено (34 and 35 Vict. c. 2). Въ 1907 г. былъ внесенъ билль „объ уплатѣ издержекъ присяжныхъ по уголовнымъ дѣламъ“, но онъ не получилъ движенія.

178. Паденіе числа гражданскихъ дѣлъ съ присяжными объясняется все большимъ преобладаніемъ въ торговомъ оборотѣ письменныхъ актовъ и большей фиксаціей юридическихъ отношеній, оставляющихъ мало мѣста для справедливаго усмотрѣнія присяжныхъ.

Кромѣ этихъ основныхъ типовъ присяжныхъ, при ассизахъ сохранились остатки и болѣе архаическаго уклада. Такими являются жюри матронъ (jury of matrons) и коронерское жюри (coroner's jury), представляющія собою пережитки стараго строя, потерявшіе практическое значеніе для современнаго суда. Первое жюри привлекается исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда приговоренная къ смертной казни женщина сошлется на свою беременность. Матроны при такой оговоркѣ изслѣдуютъ, является ли ссылка правильной, и выносятъ свой вердиктъ, который такимъ образомъ носитъ скорѣе характеръ экспертизы. Второе жюри при участіи коронера разслѣдуетъ дѣла объ убійствѣ и самоубійствѣ visu corporis, т. е. посредствомъ осмотра тѣла. Оно созывается изъ окрестныхъ жителей и должно установить личность виновнаго и вѣроятную причину смерти. Теперь заключенія коронерскаго жюри обыкновенно проходятъ также чрезъ большое жюри, и потому явка этихъ присяжныхъ въ судъ перестала быть необходимой.

Всѣ эти присяжные, вмѣстѣ съ мѣстными представителями полиціи, констэблями и бальифами, а также мировыми судьями, созываются къ опредѣленному дню въ городъ, гдѣ должны происходить ассизы. Сколько бы ни было дѣлъ въ календарѣ, имъ приходится нести эту повинность отправленія правосудія. Обязанности эти, сопряженныя въ былое время съ личной и имущественной отвѣтственностью, весьма тяжелы, но велики результаты ихъ для народа. Привлеченіе широкихъ круговъ населенія не осталось безъ вліянія на популярность правосудія. „Геніальнымъ свойствомъ нашей конституціи—говорилъ recorder M. D. Hill въ одномъ изъ своихъ поученій большому жюри [1])—является пробужденіе инте-

---

[1]) M. D. Hill. Repression of crime. Charge to the grand jury 1839, p. 11.

реса и привлеченіе на службу правосудію людей всѣхъ сословій и положеній. Благодаря этому наши суды стали дѣйствительно публичными, они открыты не только для всѣхъ, какъ слушателей, но представители различныхъ классовъ спеціально вызываются для присутствованія въ нихъ. Въ такомъ обширномъ собраніи вы имѣете право быть выслушаннымъ, вы имѣете право обращаться къ судьѣ по всякому вопросу, который имѣетъ связь съ отправленіемъ правосудія, и чрезъ посредство васъ судья обращается ко всему обществу". Широкая публичность ассизовъ—одно изъ самыхъ цѣнныхъ качествъ этого суда по сравненію съ другими конкурирующими съ нимъ судебными мѣстами. Правда, теперь, когда въ теченіе многихъ вѣковъ выработался типъ независимаго, без*пристрастнаго и авторитетнаго судьи, контроль такой гласности* не такъ нуженъ, какъ въ прошломъ, когда онъ былъ одной изъ серьезнѣйшихъ гарантій свободы, но все же и теперь близость населенія къ великому дѣлу отправленія правосудія не можетъ не оказать глубокаго воспитывающаго вліянія.

Для того, чтобы покончить съ вопросомъ о современной организаціи ассизовъ, намъ остается сказать нѣсколько словъ о компетенціи ихъ по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ (crown side и nisi prius side).

Въ области уголовныхъ дѣлъ въ теченіе XIX столѣтія мы наблюдаемъ обратный процессъ по сравненію съ тѣмъ, который происходилъ, начиная съ XIII вѣка. Количество дѣлъ, подсудныхъ ассизамъ, сокращаются, и компетенція этого суда начинаетъ ограничиваться только важнѣйшими дѣлами. Главнѣйшимъ факторомъ этого разрушенія является необычайный ростъ суммарнаго производства, дѣлающій, начиная съ акта Джервиса 1848 г., каждое десятилѣтіе колоссальные скачки впередъ [1]). Другимъ факторомъ является усиливающаяся конкуренція четвертныхъ сессій. Этотъ судъ, начавшій развиваться съ XVI вѣка, уже въ XVIII вѣкѣ имѣлъ юрисдикцію параллельную съ ассизами. Одни и

---

[1]) См. статью „Полицейскіе суды".

тѣ же дѣла могли быть разсмотрѣны и въ ассизахъ и въ четвертныхъ сессіяхъ. Съ XIX вѣка компетенція ассизовъ начинаетъ ограничиваться только важнѣйшими дѣлами, а остальныя дѣла передаются четвертнымъ сессіямъ. Такъ, въ 1828 г. былъ изданъ законъ (5 и 6 Vict c. 38), который изъялъ менѣе тяжкія преступленія спеціально изъ вѣдѣнія ассизовъ. Законъ 1889 г. (Assizes Relief act., 52 and 23 Vict. s. 12) пошелъ еще дальше въ этомъ направленіи, но, съ другой стороны, предоставилъ ассизамъ исключительную юрисдикцію по дѣламъ о клятвопреступленіяхъ и подлогахъ. Мировые судьи въ четвертныхъ сессіяхъ могутъ рѣшать всѣ уголовныя дѣла, „если только они по особымъ основаніямъ не признаютъ соотвѣтственнымъ поступить иначе“. Кромѣ того, такъ какъ ассизы и четвертныя сессіи происходятъ въ различные сроки, четвертнымъ сессіямъ передаются дѣла, оставшіяся неразрѣшенными или вновь возникшія со времени послѣднихъ ассизовъ. Вполнѣ понятно, что при такихъ условіяхъ количество уголовныхъ дѣлъ въ ассизахъ не можетъ быть весьма значительнымъ.

Что касается гражданскихъ дѣлъ, то здѣсь съ юрисдикціей ассизовъ конкурируетъ полностью компетенція Высшаго суда по гражданскимъ дѣламъ. Ассизный судья представляетъ собою въ теоріи всѣ отдѣленія Высшаго суда. Отъ усмотрѣнія истца зависитъ, обратиться ли въ Высшій судъ въ Лондонѣ или къ объѣздному судьѣ. На практикѣ дѣла, подсудныя отдѣленіямъ Chancery, Probate, Divorce и Admiralty, рѣдко передаются въ ассизы; наоборотъ, чаще другихъ—дѣла подсудныя King's Bench Division. Объясняется это, между прочимъ, составомъ объѣздныхъ судей, которые почти всѣ принадлежатъ къ отдѣленію королевской скамьи, между тѣмъ каждая сторона стремится, чтобы ея дѣло было разсмотрѣно судьями спеціалистами. Съ другой стороны, ассизный судъ, въ томъ же объемѣ, какъ и судъ Высшій, конкурируетъ по нѣкоторымъ дѣламъ съ судомъ графства (county court). Таковы напр. дѣла по искамъ изъ Workmen Compensation act, по искамъ изъ деликта на сумму болѣе 500 руб., дѣла, переводимыя въ компетенцію Высшаго суда по writ of certiorari

и т. д. Впрочемъ, вмѣшательство ассизнаго суда въ сферу, предоставленную судамъ графства, происходитъ рѣдко, такъ какъ стороны, опасаясь крупныхъ судебныхъ издержекъ, предпочитаютъ вести дѣло въ низшемъ судѣ.

То обстоятельство, что ассизные судьи не имѣютъ спеціальной юрисдикціи, имъ однимъ предоставленной, а конкурируютъ или съ Высшимъ судомъ, или съ четвертными сессіями, или, наконецъ, съ судами графства, дѣлаетъ объемъ работы ихъ весьма колеблющимся, и, такъ какъ развитіе современной жизни идетъ не на пользу объѣздной системѣ, а направляется скорѣе въ сторону или централизаціи, или мѣстнаго, но регулярнаго правосудія, то вся circuit system въ настоящее время клонится къ сильному упадку. Противъ нея *раздается много нареканій*, и объемъ отправляемаго ею на мѣстахъ правосудія становится все болѣе и болѣе узкимъ.

Въ отношеніи *мѣстной* подсудности любопытно отмѣтить различіе между гражданскими и уголовными дѣлами. Въ отношеніи гражданскихъ дѣлъ ассизный судъ разсматривается, какъ имѣющій юрисдикцію въ предѣлахъ всей Англіи. Онъ можетъ судить гражданскія дѣла въ любомъ мѣстѣ, и случается, напр., что, не имѣя времени закончить разборъ гражданскихъ дѣлъ во время, удѣленное для графства A, ассизный судья разсматриваетъ ихъ въ сосѣднемъ графствѣ B, куда онъ ѣдетъ вслѣдъ за этимъ. Истецъ намѣчаетъ лишь инстанцію— Лондонскій королевскій судъ или ассизы, а установленіе мѣста суда зависитъ, собственно говоря, отъ судей, которые, конечно, принимаютъ во вниманіе интересы населенія. Иначе постановляетъ законъ по уголовнымъ дѣламъ. Здѣсь дѣло признается тѣсно связаннымъ съ графствомъ, въ которомъ преступленіе совершилось. На *большое жюри* этого графства въ былое время могла упадать отвѣтственность за непредставленіе виновнаго; малое жюри по такимъ дѣламъ, согласно требованію общаго права, должно было состоять изъ сосѣдей, „de vicineto“. Единственнымъ исключеніемъ изъ этого принципа была передача дѣлъ въ Высшій судъ посредствомъ writ of certiorari. Историческая связь уголовныхъ дѣлъ съ мѣстностью сохранилась и донынѣ, и ассизнымъ судьямъ разрѣшается

только переносить уголовныя дѣла, возникшія въ графствѣ, въ города этого графства, хотя эти послѣдніе имѣютъ самостоятельный судебный округъ.

Въ дальнѣйшемъ мы будемъ еще имѣть случай остановиться на вопросахъ о компетенціи ассизовъ и объ упадкѣ ихъ. Теперь же намъ хочется затронуть еще одинъ вопросъ, касающійся этого учрежденія,—объ ассизахъ, какъ начальномъ поприщѣ и средоточіи соціальной жизни адвокатуры. Это позволитъ намъ также заглянуть въ область внутренней жизни и старинныхъ традицій этого вѣкового учрежденія.

V.

Участіе въ объѣздахъ является одною изъ необходимыхъ стадій въ дѣятельности адвоката. По окончаніи первоначальнаго стажа въ одной изъ четырехъ лондонскихъ корпорацій (Inns) онъ находитъ здѣсь благодарную почву для примѣненія своихъ еще неокрѣпшихъ талантовъ. Каждый молодой адвокатъ имѣетъ какую либо связь съ тѣмъ или инымъ графствомъ или провинціальнымъ городомъ, и вполнѣ естественно, что по окончаніи стажа онъ приписывается къ нему, если не изберетъ спеціально карьеры адвоката по отдѣленію канцлерскому. Приписка состоитъ въ взносѣ извѣстной суммы и въ избраніи сословіемъ. Первой стадіей является участіе въ четвертныхъ сессіяхъ. Эти сессіи во всѣхъ графствахъ происходятъ въ одно и то же время, и потому совмѣстительство нѣсколькихъ графствъ практически невозможно. Въ городахъ, имѣющихъ самостоятельныя четвертныя сессіи, практикуютъ обыкновенно адвокаты соотвѣтственнаго графства. Нѣсколько лѣтъ практики въ четвертныхъ сессіяхъ приводятъ къ участію и въ объѣздахъ ассизнаго судьи. Это—вторая стадія, наиболѣе продолжительная въ дѣятельности адвоката. Здѣсь также адвокатъ долженъ избрать одинъ изъ семи округовъ и выполнить формальности приписки. Разъ установившаяся связь съ объѣздомъ длится годы и роднитъ между собою участниковъ. Получивъ хорошее имя въ объѣздахъ, адвокатъ можетъ уже разсчитывать и на развитіе практики въ Лон-

донѣ. Такимъ образомъ, репутація, установившаяся на четвертныхъ сессіяхъ, приводитъ къ признанію въ объѣздахъ; слава, пріобрѣтенная при объѣздахъ, ведетъ къ практикѣ въ Лондонѣ, и, наконецъ, лондонская практика есть обычное преддверіе къ судейскому креслу.

Хотя въ теоріи бэрристеръ можетъ практиковать предъ всѣми судами королевства, но путемъ вѣковыхъ обычаевъ практика установила рядъ стѣсненій въ этой области. Адвокаты каждаго объѣзда представляютъ собою замкнутую организацію, доступъ въ которую возможенъ путемъ уплаты довольно крупной суммы (1000 р. для king's counsel и 500 р. для бэрристера) и посредствомъ выбора. Органомъ управленія адвокатскими дѣлами округа является старинное учрежденіе— Bar Mess, составляющаяся изъ всѣхъ адвокатовъ объѣзда подъ предсѣдательствомъ старшаго лидера; въ ней участвуетъ и судья, если онъ до занятія судейской должности практиковалъ въ данномъ объѣздѣ. Эта месса въ былое время происходила послѣ обѣда въ первую ночь ассизовъ (Grand Night), но затѣмъ она была предусмотрительно перенесена къ началу обѣда. Формально Bar или Circuit Mess вѣдаетъ только вопросы о допущеніи къ практикѣ новыхъ членовъ и о дисциплинарной ихъ отвѣтственности, могущей влечь въ случаѣ серьезныхъ провинностей исключеніе изъ даннаго округа. На практикѣ она является органомъ товарищескаго общенія, развивающаго и укрѣпляющаго духъ солидарности.

„Адвокатская месса—пишетъ Плоуденъ—грозитъ стать воспоминаніемъ. Объ этомъ приходится сильно пожалѣть, такъ какъ она была, если не является теперь, весьма полезнымъ установленіемъ. Она успокаивала враждебность, сглаживала горячность судебныхъ схватокъ, воодушевляла пріятностью товарищеской жизни. Она способствовала развитію корпоративнаго духа и поддерживала высокій уровень профессіональной чести. Часто она разсѣивала мрачное настроеніе неудачнаго дня обѣщаніемъ товарищеской пирушки“.

Соціальная жизнь адвокатуры во время объѣздовъ, когда

то блестящая и разнообразная, теперь, вслѣдствіе общаго паденія ассизовъ, начинаетъ также клониться къ упадку. Но не безынтересно будетъ остановиться немного на нѣкоторыхъ характерныхъ сторонахъ ея [1]).

„Въ Оксфордскомъ объѣздѣ—пишетъ Плоуденъ—первая ночь въ каждомъ ассизномъ городѣ называлась „Великою ночью“. Принять участіе въ мессѣ, происходившей въ эту ночь, было обязательнымъ дѣломъ; отъ этого можно было освободиться только уплатой штрафа. Обѣдъ былъ лучшимъ, какой только могъ доставить городъ, шампанское лилось широко. Иначе быть не могло, ибо каждая бутылка шампанскаго была добровольнымъ искупленіемъ, требовавшимся отъ кого-либо изъ грѣшниковъ. И было немного такихъ, которые не согрѣшили тѣмъ или инымъ образомъ. Получить званіе бэрристера, какое либо назначеніе, быть избраннымъ въ парламентъ или, еще хуже, потерпѣть неудачу на парламентскихъ выборахъ считалось тяжкимъ преступленіемъ, которое можно было загладить только шампанскимъ, и притомъ лучшей марки. Выкличка всѣхъ этихъ преступниковъ противъ спеціальнаго закона происходила въ Великую ночь—первый трудовой день въ ассизномъ городѣ. Обвинителемъ здѣсь выступалъ генеральный атторней мессы, защитительныя рѣчи подсудимыхъ терпѣливо выслушивались, и наказаніе на нихъ налагалъ кто-либо изъ младшихъ адвокатовъ. Нѣкоторыя изъ рѣчей, сказанныхъ по этому поводу, являются замѣчательными образцами остроумія и краснорѣчія. Стройные періоды Henry Matthews и афористическая соль Bosanquet служили неисчерпаемымъ источникомъ веселья и примиряли самаго закоренѣлаго преступника съ его участью. Иногда кой-кто изъ молодыхъ неожиданно произносилъ рѣчь, полную ума и краснорѣчія. Но я не слышалъ лучшей рѣчи, чѣмъ та, которая была произнесена Radcliffe Cooke, когда онъ долженъ былъ вынести приговоръ противъ Huddleston, винов-

---

[1]) Воспоминаніями о соціальной жизни объѣздовъ полны книги Walton. Random Recollections of Midland circuit, 2 vol. 1869—73, Plowden. Grain or Chaff? 1907. „Pie powder“ being the dust collected from the law courts, by a circuit—tramp. 1911. Hawkins Reminiscences, ed. by R. Harris 1904. 2 vol.

наго въ вступленіи въ бракъ, и Henry James, виновнаго въ пособничествѣ и подстрекательствѣ къ этому [1]).

„Система штрафовъ въ той или иной формѣ была общa всѣмъ объѣздамъ. Она соблюдалась въ Оксфордскомъ округѣ, какъ старинный обычай, но оставалась всегда въ разумныхъ границахъ и не становилась притѣснительной. Изъ старыхъ протоколовъ объѣзда (circuit records) мы видимъ, что штрафъ обыкновенно равнялся галлону кларета или сорока шиллингамъ. Минимальнымъ штрафомъ въ наши времена являлась дюжина шампанскаго, которая въ наиболѣе вопіющихъ случаяхъ превращалась въ три и даже пять дюжинъ. Но наказаніе всегда соразмѣрялось съ выносливостью спины того, кто ему подвергался. Ему стоило только сослаться на положеніе Magna Charta „ne excessive fines required“, чтобы бремя его было облегчено“.

„На мессѣ—пишетъ Walton o Midland circuit—избирались особыя должностныя лица, какъ генеральный атторней мессы, на обязанности которыхъ было наблюденіе за дисциплиной и этикетомъ адвокатовъ округа и разслѣдованіе качествъ предлагаемыхъ для выборовъ кандидатовъ въ члены. Такія дѣла разсматривались на мессѣ, превращавшейся въ судъ объѣзда (circuit court). Послѣ серьезныхъ дѣлъ начиналась пантомима, когда различные люди обвинялись въ воображаемыхъ проступкахъ и подвергались реальнымъ тяж-

---

[1]) Другимъ примѣромъ остроумнаго „застольнаго indictment“ является рѣчь John Scott, сказанная однажды по слѣдующему поводу. Sir Tomas Davenport былъ извѣстенъ своими длинными и малоинтересными рѣчами на судѣ. Однажды онъ плодировалъ во время Сѣвернаго объѣзда. День былъ крайне знойный, и, такъ какъ дѣло вызвало горячій интересъ, зала суда была переполнена. Давенпортъ произнесъ трехчасовую рѣчь, снотворному вліянію которой въ связи съ атмосферой суда почти нельзя было сопротивляться. Предъ окончаніемъ рѣчи мальчикъ, взобравшійся на высокій подоконникъ, чтобы оттуда удобнѣе наблюдать происходящее, понемногу сталъ засыпать и, задремавъ, потерялъ равновѣсіе и упалъ съ грохотомъ на полъ. Разнеслись слухи, позднѣе оказавшіеся невѣрными, что онъ ушибся на смерть. Вечеромъ, за традиціонной адвокатской мессой, когда эти слухи были опровергнуты, генеральный атторней мессы John Scott выступилъ съ обвиненіемъ противъ Davenport „въ покушеніи на убійство, учиненномъ длиннымъ тупымъ орудіемъ, каковымъ несомнѣнно являлась его рѣчь“. Davenport былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ нѣсколькимъ бутылкамъ вина.

кимъ штрафамъ за то, что ихъ признавали невиновными въ этомъ. Все это наполняло весельемъ мессу и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживало запасы вина.

„Въ былыя счастливыя времена эти мессы объѣздовъ были полны веселья, шалостей и смѣха. Младшій членъ являлся королемъ и налагалъ штрафы по своему усмотрѣнію. Если противъ его юрисдикціи раздавался протестъ, то защита признавалась безполезной, и штрафъ немедленно увеличивался. Члены мессы платили штрафы за полученныя отличія, за полученіе краснаго мѣшка, вручавшагося всегда лидеромъ и являвшагося первымъ отличіемъ сословія. Всякое счастье, улыбнувшееся кому либо, было основаніемъ для штрафа, и чѣмъ болѣе похвальнымъ былъ поступокъ, тѣмъ тяжелѣе было наказаніе. Женитьба каралась съ величайшей суровостью, и приговоръ сопровождался торжественнымъ предупрежденіемъ отнюдь не повторять этого во второй разъ“.

„Наиболѣе важной общественной должностью при объѣздахъ—пишетъ другой бытописатель, скрывшійся подъ псевдонимомъ circuit tramp—была и является должность „wine treasurer“ (казначей вина); практически онъ является стражемъ, а теоретически—единственнымъ хранителемъ того неписаннаго кодекса этикета, которому во время объѣзда придается столь громадное значеніе. При осуществленіи финансовыхъ и административныхъ полномочій его званія—отнюдь не маловажныхъ—ему оказываетъ помощь небольшой комитетъ; но при исполненіи важнѣйшихъ своихъ полномочій онъ является абсолютнымъ деспотомъ. Чтобы сдѣлаться членомъ мессы, необходимо имѣть рекомендацію къ этому высокому сановнику и быть предложеннымъ имъ во время Великой ночи, происходившей или въ Экзетерѣ, или въ Бристолѣ [1]). Еслибы неофитъ пожелалъ присутствовать на засѣданіяхъ объѣзда, происходившихъ до того, онъ можетъ дѣлать это, въ ожиданіи будущихъ выборовъ... Обязанности должности wine treasurer фактически слишкомъ обремени-

---

[1]) Здѣсь имѣется въ виду Западный объѣздъ.

тельны, чтобы ихъ могъ выполнять человѣкъ, имѣющій большую практику, и потому, когда дѣла начинаютъ притекать къ носителю ея, онъ долженъ пріискать себѣ преемника. Большинство другихъ округовъ имѣетъ также подобное должностное лицо, хотя въ нѣкоторыхъ въ качествѣ агента и секретаря дѣйствуетъ какой-либо изъ младшихъ адвокатовъ, за спиною котораго скрываются анонимно старшіе адвокаты“.

Изъ лѣтописей Западнаго округа, благодаря „wine treasurer“ Thomas Erskine, который былъ не только судьей по винной части, но и статистикомъ, мы узнаемъ, что среднее потребленіе вина въ каждомъ объѣздѣ за трехлѣтіе, кончающееся 1822 годомъ, составляло тридцать семь дюжинъ. Наиболѣе употребляемыми винами были портвейнъ, хересъ, мадера; кларетъ, повидимому, никогда не былъ любимымъ виномъ во время объѣздовъ. Шампанское было введено на объѣздныя мессы еще на памяти современнаго поколѣнія. „Любопытно отмѣтить въ качествѣ совпаденія—пишетъ бытописатель этого объѣзда—что упадокъ современнаго краснорѣчія, по зрѣлому сужденію ветерановъ старой системы, начался именно съ этого времени“.

Образцомъ товарищеской поэзіи, процвѣтающей во время circuit bar, можетъ служить слѣдующее стихотвореніе Serjeant *Adams* о преимуществахъ винъ (см. Random Recollections by R. Walton, II vol. p. 10). Приводимъ его въ подлинникѣ въ виду непереводимости того юмора, который сквозитъ въ немъ, и богатства риѳмъ.

When Dwarris the Circuit to turtle invited
On returning him thanks the whole bar were united.
But, when we debated what wine we should order,
With Babel's own row we alarmed the Recorder.
With prime British spirits some wished us to drench,
Copley, Denman and Rough would have wines from the French;
The majority voted a gift from our leader,
But Clarke from that vote was a steady seceder.
At last by all parties, it was fairly confess'd
That a pic-nic collation would answer the best,
And each his intention thus shortly express'd.

At the top of the room. M-r Clarke. first uprising.
Exclaims „This new system is vastly surprising:
But your vote having pass'd. I have no way to shirk it,
I'll give elder wine, as the head of the Circuit".
Tall. portly, commanding, and just like a rocket.
With a joke on his lip and his hand in his pocket.
Serjeant Vaughan next uprising and bowing with ease
„I am quite sure the Circuit I'll study to please:
So. be ye in earnest. or be ye in sport,
I'll treat ye. my friends. to some full bodied port".
Serjeant Rough next arose, with his wanted good-breeding
(He the *Chronicle* newspaper just had been reading)
„As sure as my blue coat was cut out by Snieder.
I'll add to my offerings a cup of rough cider".
Next Denman arose with his mirth-moving face.
Whilst a large cabbage-rose did his button hole grace.
And declared to the Circuit in accents most sly.
How happy he was with their wish to complay.
But with hand flat extended and wondrous discretion.
Serjeant Coply exclaimed: „Of the Court I've possession:
I feel quite assured something nice I could dish up.
My morals are such I could soon make a *Bishop*".
George Marriott exclaim'd. „You make me perspire,
So profanely you talk I feel all on fire:
As through life you have been a most profligate sinner.
I myself meant a bishop to add to your dinner".
Next Phillips, with word clear, expressive and plain,
Declared he would give us some quiet Champagne.
Next Dwarris announced he the Circuit would favour
With some pints from the Cape. of most excellent flavour:
And begg'd it might be by his friends understood
That his wine, like himself, was both little and good.
Next Birch then arose with a good-humour'd smile—
„I'll give you birch wine, a cure for the bile".
Then Nat Clarke, while protesting he was not a dawdle,
Said „I can't give you wine, but i'll give you some caudle".
Then Goulburn observed, „since on pleasure you're bent.
An old soldier am I and will furnish the Tent [1]).

---

[1]) „Когда Dwarris пригласилъ адвокатовъ объѣзда къ черепашьему супу, то на это откликнулось съ благодарностью все сословіе. Но. когда начались дебаты

Но не только обѣды, а и всякаго рода спортъ и игры являются во время объѣздовъ центромъ товарищескаго общенія. Благодаря наличности въ объѣздѣ множества не занятыхъ дѣлами адвокатовъ, въ свободное время устраиваются матчи въ крикетъ, состязанія въ гонкахъ, греблѣ. Въ долгіе вечера процвѣтаютъ карты, въ частности, традиціонный вистъ. Одинъ изъ адвокатовъ - неудачниковъ, рѣдко получавшій приглашенія выступать по дѣлу, далъ очень характерное опредѣленіе всей системы объѣздовъ. „Вся Circuit-System—говорилъ онъ—есть не

о томъ, какое вино слѣдуетъ заказать, мы встревожили рекордера вавилонскимъ столпотвореніемъ мнѣній. Одни хотѣли насъ накачать лучшей британскою водкой: Copley. Denman и Rough пожелали имѣть французскія вина; большинство присутствующихъ потребовало штрафа отъ нашего лидера, но Clarke остался при особомъ мнѣніи. Наконецъ, всѣми спорящими было признано, что наилучшимъ явится смѣшеніе всѣхъ винъ. И каждый высказалъ свое мнѣніе вкратцѣ. У края комнаты, поднявшись первымъ, М-г Clarke воскликнулъ: „Эта новая система является весьма подозрительной, но, такъ какъ она принята, то я не могу отъ нея уклоняться и въ качествѣ главы объѣзда выскажусь за старѣйшее вино. Высокій, прямой и осанистый, какъ ракета, съ шуткой на губахъ и съ руками въ карманахъ, сержантъ Vaughan поднялся затѣмъ и, поклонившись учтиво, сказалъ: „Я увѣренъ, что угожу представителямъ объѣзда, какъ серьезнымъ такъ и шутливымъ, угостивъ ихъ хорошимъ портвейномъ“. Сержантъ Rough поднялся затѣмъ со своими не очень изящными манерами (онъ сейчасъ только читалъ газету Chronicle): „Такъ же вѣрно какъ то, что мое синее пальто выкроено Шнидеромъ, я присоединю къ своему предложенію бокалъ простого сидра“. Затѣмъ поднялся Denman, со своимъ веселымъ лицомъ и съ махровою розой въ петлицѣ, и повѣдалъ присутствующимъ медленнымъ голосомъ о томъ, какъ онъ будетъ счастливъ угодить имъ. Но съ протянутою рукою и съ удивительной скромностью сержантъ Copley воскликнулъ: „Я бываю при Дворѣ и увѣренъ, что подыщу для васъ что-либо изысканное; моя нравственность такова, что я могъ бы скоро сдѣлать „бишофъ“ (напитокъ, напоминающій жжонку). G. Marriot воскликнулъ: „Вы меня бросили въ жаръ; такъ нечестиво вы говорите, что я чувствую, какъ кругомъ все въ огнѣ; и хотя въ жизни вы были отчаяннымъ грѣшникомъ, я самъ полагалъ присоединить „епископа“ къ нашему обѣду“. Затѣмъ Philips въ ясныхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ заявилъ, что онъ поставитъ всѣмъ шампанскаго. Dwarris объявилъ, что онъ окажетъ удовольствіе объѣзду, поставивъ нѣсколько пинтъ вина съ Мыса Доброй Надежды, превосходнѣйшаго аромата, и просилъ обратить вниманіе на то, что его вино, какъ и онъ самъ, будетъ не очень великимъ, но хорошимъ. Затѣмъ поднялся Birch съ добродушной улыбкой и объявилъ, что поставитъ вино изъ березоваго сока, цѣлебное средство противъ желчности. Nat Clarke, протестуя противъ указаній, что онъ говоритъ глупости, заявилъ что предложитъ присутствующимъ не вино, а хорошій бульонъ. Наконецъ, Goulburn замѣтилъ: „Я, какъ старый солдатъ, съ удовольствіемъ поставлю вамъ Tent (старое испанское вино и вмѣстѣ съ тѣмъ палатка)“.

что иное, какъ весьма громоздкій и дорогой способъ игры въ вистъ“. Часть адвокатовъ пользуется порою любезными приглашеніями, исходящими отъ гостепріимныхъ circuit hosts, разбросанныхъ въ томъ или другомъ пунктѣ объѣзда. Въ общемъ, жизнь во время объѣздовъ нельзя никакъ назвать скучной.

Отдѣльные объѣзды имѣютъ свои своеобразныя традиціи и установленія.

„Западный объѣздъ—пишетъ circuit tramp—имѣетъ одно установленіе, спецально свойственное ему. Я имѣю въ виду „телѣгу объѣзда“ (circuit van), представляющую собой громадную повозку въ родѣ тѣхъ, которыя употребляются для перевозки мебели; телѣга эта постоянно, несмотря на значительные расходы, перевозилась по шоссейной или желѣзной дорогѣ во всѣ города, въ которыхъ происходили ассизы. Ея первоначальнымъ и номинальнымъ предназначеніемъ была перевозка ящиковъ съ книгами тѣхъ адвокатовъ, которые желали брать съ собою часть своей библіотеки, и сорокъ лѣтъ тому назадъ такихъ адвокатовъ было много. Дальнѣйшее изученіе дѣла въ городѣ происходило во всякомъ случаѣ очень рѣдко, но прежде никто не рисковалъ путешествовать, не захвативъ съ собою по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ пудовъ юридической литературы. Но благодѣтельное дѣйствіе Iudicature Acts измѣнило все это, и ни одинъ изъ современныхъ адвокатовъ не нуждается во время объѣздовъ въ другихъ книгахъ, кромѣ Archbold's Peading and Evidence и Бѣлой книги. Ихъ объ можно всегда на время одолжить у ассизнаго клерка. Я знаю одного человѣка, который заботливо хранитъ и донынѣ свой „ящикъ съ книгами“, но этотъ ящикъ находится на заслуженномъ отдыхѣ въ одной изъ его дачъ, изъ современнаго поколѣнія же немногіе даже видѣли его. Однажды я встрѣтилъ человѣка, который устроилъ свой ящикъ въ видѣ гроба, но онъ, какъ впослѣдствіи обнаружилось, страдалъ библіоманіей въ очень развитой формѣ. Постепенно circuit van превратилась въ хранилище обыкновеннаго дорожнаго багажа, и, вѣроятно, каждый помнитъ, какъ за нѣсколько дней до начала каждыхъ ассизовъ она торжественно вывозилась на дворъ адвокатскаго дома (Temple), гдѣ собирала свою кладь

въ теченіе нѣсколькихъ дней. Но недавно было признано, что расходы на поддержаніе этого старинаго установленія несовмѣстимы съ спросомъ на шампанское для мессы, и сама телѣга была продана въ транспортную контору. Титулъ „baggage master“, прежде принадлежавшій хранителю телѣги, въ теченіе короткаго времени сохранялся за однимъ изъ членовъ Wine Commitee, и одинъ изъ бывшихъ носителей этого титула до сихъ поръ украшаетъ собою сословіе. Въ мое время упраздненіе circuit van казалось дѣломъ столь же невѣроятнымъ, какъ святотатственное посягательство на долгія вакаціи (Long vacation)“.

Положеніе адвокатуры во время объѣздовъ, въ особенности. молодыхъ адвокатовъ, въ настоящее время далеко не завидно; для объясненія этого, мы позволимъ себѣ ознакомить читателя въ нѣсколькихъ словахъ съ системой оплаты адвокатскаго труда. Громадное большинство англійскихъ адвокатовъ состоитъ въ одной изъ лондонскихъ корпорацій. Въ провинціи, въ особенности въ большихъ городахъ, разбросаны солиситоры, которые одни только имѣютъ сношенія съ кліентами. Эти солиситоры подготовляютъ дѣла къ слушанію. Они предварительно допрашиваютъ свидѣтелей и записываютъ ихъ первоначальныя показанія, разыскиваютъ доказательства, намѣчаютъ спорные пункты. Всѣ эти свѣдѣнія включаются ими въ особую тетрадку, носящую названіе brief—сокращеніе или выписки. Оффиціальнаго производства по дѣлу нѣтъ, и эти выписки замѣняютъ наши слѣдственные и иные письменные акты, съ которыми долженъ ознакомиться адвокатъ. Они состоятъ порою изъ многихъ десятковъ листовъ, исписанныхъ съ одной стороны (на оборотѣ адвокатъ пишетъ свои замѣтки во время судебнаго слѣдствія). Солиситоръ не имѣетъ права самъ выступить предъ судомъ, и потому онъ ждетъ пріѣзда адвоката, участвующаго въ объѣздѣ, для того, чтобы вручить ему это brief. Такое врученіе происходитъ наканунѣ слушанія дѣла а порою и въ день его, и потому адвокатъ, чтобы надлежаще справиться съ своей задачей, долженъ обладать опытностью и находчивостью. Врученіе brief барристеру происходитъ такимъ путемъ, что солиситоръ въ верхнемъ углу brief надпи-

сываетъ имя адвоката и сумму предлагаемаго гонорара, которая не можетъ быть менѣе одной гинеи (10 руб.). Отправляясь въ объѣзды, адвокаты еще совсѣмъ не знаютъ, по какимъ дѣламъ обратятся къ нимъ солиситоры за помощью. Выборъ того или другого адвоката всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія солиситора, и послѣдній, конечно, руководится при этомъ самыми разнообразными соображеніями. Близость къ солиситору, личное знакомство съ нимъ могли бы обезпечить адвокату практику, но правила этикета создаютъ намѣренно глубокую пропасть въ отношеніяхъ между адвокатомъ и солиситоромъ. Въ Лондонѣ всегда еще можетъ имѣться шансъ сближенія, въ объѣздахъ же стѣсненія доходятъ до нелѣпостей. Ихъ краснорѣчиво характеризуетъ Плоуденъ въ своихъ мемуарахъ.

„Когда я присоединился къ округу объѣзда, первое, что поразило меня сильнѣе всего, была абсурдность и даже тиранія его правилъ. Я уже зналъ о сословномъ этикетѣ и о недопустимости исканія знакомствъ съ солиситоромъ. Но только во время объѣздовъ я увидѣлъ, какъ ревностно сословіе наблюдаетъ за этимъ и какія тщательныя предосторожности предпринимаются, чтобы предупредить даже случайныя сношенія солиситора и бэрристера. Всѣ участники объѣзда терпятъ въ этихъ цѣляхъ суровыя ограниченія. Одно изъ правилъ гласитъ: „Никто изъ бэрристеровъ не можетъ пользоваться гостиницей для ночлега, для переодѣванія или для какихъ либо цѣлей, связанныхъ съ его профессіональными обязанностями, кромѣ третейскаго разбирательства“. Вообразите небольшой провинціальный городъ, гдѣ отель является, можетъ быть, единственнымъ мѣстомъ, дающимъ нѣкоторыя удобства; но вы все-таки не можете даже ночевать тамъ, такъ какъ имѣется опасность того, что вы встрѣтите тамъ солиситора, который вручитъ вамъ дѣло, при другихъ обстоятельствахъ могущее попасть въ иныя руки... Другое правило, не менѣе раздражающее, требуетъ, чтобы всякій бэрристеръ во время объѣзда непремѣнно ѣхалъ въ I классѣ, ибо иначе онъ можетъ встрѣтить въ вагонѣ солиситора“.

„Если вы ради экономіи—пишетъ Walton—взобрались

на омнибусъ, такъ какъ ваши средства не позволяли путешествовать въ каретахъ, то вы рисковали подвергнуться штрафу на адвокатской мессѣ, взгляды которой на экономію и на приличіе расходились часто съ вашими. Вы не могли ѣхать въ публичномъ омнибусѣ, обѣдать за общимъ столомъ, остановиться въ гостиницѣ—изъ опасности встрѣтиться съ солиситоромъ и получить отъ него дѣло. Home circuit былъ весьма строгъ въ этомъ отношеніи, но все же онъ являлся самымъ дешевымъ для путешествій, и потому члены его были всегда многочисленны“.

Нарушеніе этихъ правилъ этикета влечетъ за собою остракизмъ. Нарушитель „is sent to Coventry“; это значитъ, что его корпорація порываетъ съ нимъ товарищескія отношенія. Конечно, это все же не мѣшаетъ закулиснымъ сношеніямъ и косвенному заискиванію предъ солиситоромъ.

„Является простымъ, неоспоримымъ фактомъ—пишетъ Plowden—то, что молодой способный бэрристеръ не можетъ зарабатать болѣе гиней отъ солиситора, если онъ не пользуется особой его благосклонностью, и еще болѣе жестокимъ фактомъ является то, что онъ лишенъ возможности, вслѣдствіе требованій этикета, двинуть пальцемъ для того, чтобы войти въ милость къ солиситору, развѣ путемъ женитьбы на его дочери, что отнюдь не является легкимъ и не всегда желательнымъ. Чѣмъ тщательнѣе онъ избѣгаетъ соприкосновеній съ „низшими“ юристами, тѣмъ болѣе величественна его репутація, какъ бэрристера“.

Ни одинъ бэрристеръ, желающій выступать въ ассизахъ, не можетъ пріѣхать въ городъ ранѣе открытія здѣсь ассизовъ, или такъ назыв. „commission day“, т. е. дня, въ который прочитывается королевская грамота объ открытіи ассизовъ. Это правило, созданное для предупрежденія недозволенныхъ сношеній съ солиситорами, не только стѣснительно для адвокатовъ, но весьма вредно для ихъ кліентовъ, такъ какъ для подготовки даже по весьма сложному дѣлу адвокатъ имѣетъ въ ассизномъ городѣ въ лучшемъ случаѣ 2—3 дня.

Особыми проступками, нарушающими правила сословнаго этикета, являются *„puffing“* и *„touting“*. Каждый, уличенный

въ одномъ изъ нихъ, долженъ быть „presented“ на мессѣ и подвергается штрафу. „Puffing“ можетъ быть охарактеризовано, какъ „стремленіе къ чрезмѣрной популярности“ (собственно „раздуваніе“). Если мѣстныя газеты будутъ хвалить адвоката, прославлять его, какъ „восходящее свѣтило“, „славу и гордость сословія“ и т. п., то на ближайшей мессѣ, хотя бы эти замѣтки появлялись совершенно помимо его вѣдома, онъ будетъ оштрафованъ за „puffing“. „Touting“ еще болѣе неопредѣленно. Наиболѣе оно приближается къ тому, что у насъ называется рекламированіемъ. Но послѣднее является слишкомъ грубымъ названіемъ для этого. Объявленія въ газетахъ, вывѣски и пр. строго запрещены, и нарушеніе этого запрета грозитъ исключеніемъ; touting (буквально—„предложеніе товара“) есть болѣе мягкій способъ рекламы; это—напоминаніе о себѣ или своей профессіи, сдѣланное съ опредѣленною цѣлью. Одинъ адвокатъ очень удачно выразился о немъ: „Помилуй Боже, чего человѣкъ можетъ достигнуть безъ touting? Онъ устраиваетъ себѣ прекрасную квартиру для пріемовъ, весь исполненъ желаніемъ работать, но кто знаетъ о немъ? Это напоминаетъ молодого человѣка, влюбленнаго въ дѣвицу, но носящаго синія очки. Онъ дѣлаетъ ей глазки, бросаетъ на нее пламенные взоры. Онъ самъ хорошо объ этомъ знаетъ, но, увы, *ей* это остается неизвѣстнымъ“.

Благодаря всѣмъ этимъ стѣсненіямъ, начальные шаги адвокатской карьеры являются весьма трудными.

Одинъ изъ адвокатовъ Huddleston раздѣлилъ жизнь бэрристера на три стадіи. Въ первой адвокатъ честолюбивъ и ищетъ только работы; во второй—онъ корыстолюбивъ и ищетъ только гонораровъ; въ третьей стадіи, которая достигается только немногими, онъ не ищетъ ни работы, ни гонораровъ.

Мы позволимъ себѣ привести плачъ одного юнаго бэрристера, написанный во время объѣзда:

„Думали-ль вы въ моменты вашей славы,
Вы, кто стоите такъ высоко,
О тѣхъ дняхъ и ночахъ, которые такъ тяжелы,
Такъ тяжелы и для меня и для другихъ;
Когда стремленіе дѣлать разумное

Приводитъ къ горькому неуспѣху.
И когда тучи отчаянія сгущаются
И омрачаютъ всѣ надежды:
Думали ли вы каждый разъ, какъ весь міръ
Аплодировалъ вашему величію,
О тѣхъ слезахъ, которыя въ тиши
Льются у меня и у другихъ;
Когда самыя отчаянныя послѣднія усилія
Оказываются тщетными,
И когда мы смыкаемъ на ночь глаза,
Равнодушные къ тому, проснемся ли мы снова?“

Не менѣе плачевна эпитафія, сочиненная самому себѣ однимъ молодымъ адвокатомъ, представляющая пародію на знаменитую „Elegy in a country churchyard“:

„Here rests a youth lamented but by few:
A barrister to fame and courts unknown.
Brief was his life—yet was it briefless too.
For no attorney mark'd him for his own.
Deep and correct his knowledge of the laws,
No judge a rule of his could e'er refuse;
He never lost a client or a cause,
Because, forsooth, he ne'er hed one to lose.
E'en as he lived unknown—unknown he dies;
Calm be his rest, from hopeless struggle free,
Till that dread Court from which no error lies,
Shall final judgment pass on him and thee.“

(Здѣсь покоится юноша, оплакиваемый, но лишь немногими, бэрристеръ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ въ судахъ и не было увѣнчано славой. Жизнь его была краткой и вмѣстѣ съ тѣмъ лишенной дѣлъ [1]), такъ какъ ни одинъ атторней не приглашалъ его по своему дѣлу. Глубокими и правильными были его юридическія познанія, и ни одинъ судья не могъ отвергнуть его юридическихъ тезисовъ, онъ не проигралъ ни одного дѣла и не терялъ ни одного кліента, ибо, увы, ему нечего было терять.—Какъ жилъ онъ въ безвѣстности, такъ въ безвѣстности и умираетъ. Пусть

---

[1]) Здѣсь, какъ можетъ видѣть читатель, въ подлинникѣ непереводимая игра словъ: brief значитъ и „краткій“ и „извлеченія изъ дѣла“ (резюмэ), вручаемыя адвокату приглашенному пледировать. „Briefless“ — лишенный краткости и вмѣстѣ съ тѣмъ „лишенный дѣлъ“.

спокойнымъ будетъ его отдыхъ, свободный отъ безнадежной борьбы, пока тотъ ужасный судъ, на который нѣтъ апелляціи, не постановитъ приговора надъ нимъ и надъ тобою).

Отсутствіе платныхъ дѣлъ приводитъ къ полной бездѣятельности, такъ какъ этикетъ сословія не позволяетъ принимать на себя безплатныхъ защитъ. И до самаго послѣдняго времени можно было видѣть, съ одной стороны, толпы праздныхъ бэрристеровъ, ждущихъ въ судѣ дѣлъ, а съ другой — беззащитныхъ подсудимыхъ по тяжкимъ уголовнымъ дѣламъ, признававшихъ себя виновными вслѣдствіе непониманія сложныхъ формъ пропзводства. Законъ 1903 г. нѣсколько устранилъ это явленіе, предоставивъ судьѣ право приглашать на казенный счетъ защитниковъ бѣднымъ подсудимымъ. Но, чтобы воспользоваться этой льготой, приходится продѣлать рядъ формальностей. Кромѣ того, этотъ законъ поставилъ адвокатуру въ зависимость отъ благожелательства судьи или его клерка.

Но все-же, несмотря на скудные заработки, объѣзды являются привлекательными, въ особенности для начинающихъ адвокатовъ, которымъ здѣсь легче начать свою дѣятельность, чѣмъ въ Лондонѣ.

„Время, проведенное во время объѣздовъ—пишетъ Плоуденъ,—больше всего другого примирило меня съ моей профессіей и озарило жизнь надеждой. Перейти изъ адвокатской школы (Temple) въ городъ объѣзда значило перейти въ новую атмосферу. Здѣсь было много затрудненій, но они не были столь страшными, какъ въ Лондонѣ. Тамъ чувствуешь сѣбя въ первое время ничтожнымъ и погерянным, чего здѣсь нѣтъ. Здѣсь меньше соперниковъ, больше шансовъ удачи, и чувствуешь, что тебя видятъ и знаютъ, хотя бы по имени, солиситоры, распоряжающіеся раздачей дѣлъ. Поле для вашей энергіи, можетъ быть, невелико и не очень производительно, но все же это лучше, чѣмъ быть ничтожнымъ атомомъ въ громадномъ пространствѣ, безъ всякой надежды“.

Вотъ грустныя размышленія молодого лондонскаго адвоката, приводимыя у *Walton*:

— In those high rooms, where client ne'er intrude,
And here and there a light does dimply peep.

Each in his lonely set of chambers mewed
The briefless crowd their nightly vigils keep.
— The grave attorney knocking frequently
The tittering clerk, who hastens to the door,
The bulky brief and corresponding fee
Are things unknown to all that lofty floor.
— Small comfort theirs when each dull day is over;
No gentle wife their joys and grief to share,
No quiet homeward walk at half past four
To some snug tenement near Russel square.
— Oft have they read each prosing term report,
Dull treatise and the statutes not a few:
How many a vacant day they've pass'd in court
How many a barren circuits traveled through.
— Yet let not judges mock their useless toil
And joke at sapient faces no one knows,
Nor ask with careless and contemptous smiles,
If one arises in all the long back rows.
— Vain is the coif, the ermined robe, the strife
Of courts and vain is all success e'er gave
Say, can the judge, whose word give death and life,
Reprieve himself when summoned to the grave?

(Въ высокихъ комнатахъ, куда никогда не заглядываетъ кліентъ и гдѣ мерцаетъ неровный свѣтъ, проводитъ свои вечерніе досуги толпа лишенныхъ практики адвокатовъ, запершись въ своихъ тѣсныхъ комнатахъ [1]). Частыя посѣщенія важнаго атторнея, веселый смѣхъ торопливаго клерка и объемистыя дѣла съ соотвѣтственнымъ гонораромъ являются вещами, неизвѣстными въ этомъ величавомъ помѣщеніи.—Не много развлеченій имѣютъ они послѣ скучнаго дня: у нихъ нѣтъ нѣжной жены, которая дѣлила бы съ ними и радости и горе; они лишены спокойной прогулки домой въ половинѣ пятаго въ свою уютную квартиру близъ Рэссельскаго сквера [2]).—Имъ часто приходится читать прозаическіе отчеты о рѣшенныхъ дѣлахъ, изучать скучные трактаты и перелистывать не мало статутовъ. Какъ много дней безъ дѣла они провели въ судѣ, какъ много пустынныхъ объѣздовъ они совершили!—Но все

---

[1]) Лондонскіе адвокаты живутъ въ „Inns of courts", гдѣ могутъ получить за скромное вознагражденіе комнату для жилья и для пріема.

[2]) Одно изъ фешенебельныхъ мѣстъ Лондона.

же пусть судья не смѣется надъ ихъ безполезной работой и не улыбается при видѣ ихъ задумчивыхъ лицъ. которыя никому неизвѣстны, и не спрашиваетъ съ беззаботной и презрительной улыбкой ихъ имя, если кто либо изъ нихъ подымется съ заднихъ длинныхъ рядовъ скамей [1]).—Напрасны будутъ и докторская шапка и горностаевая мантія и всѣ споры судовъ, напрасенъ будетъ весь успѣхъ, когда судья, отъ слова котораго зависитъ жизнь и смерть, позоветъ ихъ къ могилѣ, которая не знаетъ отсрочки).

Среди адвокатуры наблюдается дѣленіе функцій, сохраняемое и въ объѣздахъ. По всякому болѣе серьезному дѣлу выступаютъ двое адвокатовъ, изъ которыхъ одинъ является leader (руководитель дѣла), а другой junior (младшій). Первый производитъ допросъ свидѣтелей и произноситъ рѣчь, а второй—записываетъ отвѣты свидѣтелей, пріискиваетъ рѣшенія, подсказываетъ вопросы или юридическіе тезисы лидеру. Въ лидерѣ цѣнится опытность, тактъ, даръ слова, въ junior—знаніе законовъ и прецедентовъ. Такъ какъ подготовка на ассизахъ бываетъ весьма спѣшной, то подсказка со стороны помощника, имѣющаго въ своемъ распоряженіи brief, является необходимой. Иногда, въ качествѣ наиболѣе трудной функціи, изъ „лидерства“ выдѣляется руководство перекрестнымъ допросомъ.

„Leading“—пишетъ *Walton*—является значительно болѣе легкимъ, чѣмъ „crossexamining“. Лидеръ похожъ на распорядителя (ring-master) въ циркѣ, который только щелкаетъ своимъ бичемъ и кричитъ „гопъ-ля“, тогда какъ отважный crossexaminer срываетъ аплодисменты публики своими искусными пріемами наѣздничества“ [2]).

---

[1]) Для адвокатовъ въ залѣ суда отводятся особыя скамьи, занимающія такое же положеніе, какъ у насъ скамьи для свидѣтелей.

[2]) О томъ, что такое англійское cross-examination (перекрестный допросъ, даетъ нѣкоторое представленіе слѣдующій отрывокъ изъ поэмы Tom Hood („A bird of another feather“), появившейся въ 1874 г.

„The dream is o'er and I to-day
Return to modern time;
But yet I've something more to say,
If you will list my rhyme.
I've been witness in a case
For seven long mortal hours,
And, crossexamined, had to face
The counsel's keenest powers.
With courteous phrase and winning smiles
He led me gently on;
I fell a victim to his wiles;—
But how he changed anon!

Другой формой адвокатскаго сотрудничества является „devilling“ [1]). Благодаря солидарности, существующей среди адвокатуры, каждый всегда готовъ безплатно выступать вмѣсто своего товарища, и такъ какъ всякій адвокатъ радъ случаю выступить лишній разъ предъ судьей и солиситорами, то этотъ обычай встрѣчаетъ поддержку и со стороны „дьяволовъ“, какъ зовутъ этихъ замѣстителей. Цитирую опять слова Плоудена.

„Вѣроятно, всѣмъ извѣстенъ обычай среди адвокатовъ, называемый Devilling. Когда адвокатъ имѣетъ два дѣла, назначенныя на одинъ и тотъ же день, онъ проситъ своего друга замѣнить его по одному изъ нихъ. Такой другъ немедленно становится „devil“. Сословіе сильно заражено „дьяволизмомъ“. Это стало почти самостоятельной профессіей. Про многихъ можно сказать: „once a devil, always a devil“ — „разъ дьяволъ — вѣчно дьяволъ“. Другіе являются болѣе счастливыми въ удачѣ привлечь къ себѣ вниманіе солиситоровъ. Есть нѣчто возвышенное въ мысли, что нѣкоторые весьма почтенные люди не имѣютъ другого способа существованія, чѣмъ

„Oh, you're prepared to swear to that!“
And „Now, sir, just take care!“
And „Come, be cautious what you're at!“
With questions hard to bear.
And when he'd turned me inside out,
He turned me outside in;

I knew not what I was about,
My brain was all a-spin.
I'm shaking now with nervous fright,
And since I left the court
I've changed my dream-opinion quite—
I don't like Hawkins sport!

Прошли мечты, и снова я
Здѣсь съ вами въ добрый часъ,
Кой-что скажу я вамъ, друзья,
Вы-жъ слушайте разсказъ.
Я, какъ свидѣтель, вызванъ въ судъ,
И семь часовъ подрядъ
Допросъ мнѣ перекрестный тутъ
Велъ хитро адвокатъ.
Съ улыбкой ясной онъ началъ,
Тихонько наводилъ,—
Я жертвой чаръ коварныхъ сталъ,—
Усилилъ онъ свой пылъ.

„Готовы-ль вы присягу дать
О томъ-то и о томъ!“
„Остерегитесь, сэръ, признать—
Раскаетесь потомъ!“
Онъ гналъ меня туда-сюда,
Такъ, сякъ переверчетъ,
Моя трещала голова,
И пересохъ мой ротъ.
Какъ изъ суда вернулся я
Отъ страха весь дрожу,
И разлюбилъ, мои друзья,
Я Гокинса игру.

Гокинсъ, до своего назначенія судьей, славился какъ выдающійся cross-examiner.

[1]) Это слово буквально означаетъ „дьявольство“. Оно является искаженнымъ производнымъ отъ глагола to delve,—выѣдливать, разузнавать.

безплатное предоставленіе своихъ услугъ въ распоряженіе своихъ болѣе счастливыхъ товарищей. Это неестественно, но система „дьявольства“ не можетъ прекратиться, и спросъ не можетъ превысить предложеніе. Среди devils есть лица, занимающія высокое положеніе, горделиво взирающія на мелкихъ духовъ, парящихъ вокругъ нихъ. Такимъ, напр., является devil генеральнаго атторнея“.

Группа адвокатовъ, участвующихъ въ Оксфордскомъ, Западномъ или Сѣверномъ объѣздѣ, представляетъ собою такое же сплоченное ядро, какъ у насъ мѣстные совѣты присяжныхъ повѣренныхъ. Общность интересовъ, строгія правила этикета и товарищескій духъ сглаживаютъ конкурренцію между ними. Каждая группа славится своими громкими именами, своими величественными предшественниками. Когда, въ 1876 г., предполагалось переименовать Oxford circuit въ West Midland, то старшина объѣзда писалъ лорду-канцлеру: „Для насъ имя Оксфордъ вызываетъ въ памяти образы великихъ государственныхъ людей, выдающихся судей, глубокихъ юристовъ, проникновенныхъ ораторовъ, и мы рѣшительно осуждаемъ перемѣну этого имени со всѣми связанными съ нимъ ассоціаціями на другое, которое вызываетъ лишь неопредѣленное представленіе о мѣстѣ“. И дѣйствительно, среди адвокатовъ Оксфордскаго объѣзда мы встрѣчаемъ имена, столь близкія памяти англійскаго юриста, какъ W. Lenthall, lord Somers, Blackstone, lord John Jervis, S. W. Huddleston, Henry Matthews и др. Западный округъ насчитывалъ имена Coleridge, Cockburn, Collier, Erle, Montague Smith и др. Home circuit съ гордостью вспоминаетъ имена Thesiger, Platt, Maule, Denman, Pollock, Parke, Tindal, Paterson, Blackburn и др., о каждомъ изъ нихъ циркулируетъ среди членовъ объѣзда масса воспоминаній.

Духъ товарищеской солидарности, царящій въ объѣздахъ, хорошо выраженъ въ одномъ изъ стихотвореній, написанныхъ старымъ „объѣзднымъ бродягой“. Мы приводимъ его въ переводѣ:

„Собравъ пыль отъ семидесяти объѣздовъ, покрывавшую эти хорошо проторенныя тлѣннымъ человѣчествомъ дороги, можетъ ли путникъ сказать, что это была лишь пустая суета?

„Веселой партіей спѣшили мы изъ Лондона въ свой Западный объѣздъ, не очень печалясь, когда заработки были невелики или кліенты скупились на гонораръ.

„Какъ много миль мы изъѣздили по желѣзнымъ рельсамъ, какъ много дѣлъ мы провели и въ сколь многихъ мѣстахъ побывали, въ какихъ жаркихъ схваткахъ мы оказывались побѣдителями и, увы, какъ часто наши лица выражали разочарованіе!

„Умолкли нынѣ когда-то знакомые голоса, дружески привѣтствовавшіе мои скромныя выступленія, и замерли шаги, раздававшіеся одновременно съ моими шагами.

„Мы весело проѣзжали черезъ луга Таунтона, Авонскіе ручьи, болота Корнуэльса, и если мы бывали недовольны судьбою, то рѣдко въ томъ сознавались.

„Я до сихъ поръ вижу предъ собой, мысленно отправляясь въ свой объѣздъ, круглый столъ въ Уинтонскомъ залѣ, прекрасный Дорчестеръ и пасмурный Девайзъ—конецъ Уэльса.

„Ко всѣмъ, которые раздѣляли мой путь средь башенъ Экса или гористаго Сарума, я теперь обращаю свой тостъ объѣзда въ надеждѣ на будущую жизнь—„Cras Animarum!“

Другой старый судья H. Hawkins, посвящая свои мемуары своимъ умершимъ спутникамъ по Home circuit, пишетъ: „Они уже не могутъ болѣе пѣть старыя пѣсни или разсказывать старинные разсказы, но у меня сохраняется память о нихъ, и звучитъ въ воспоминаніяхъ пріятная мелодія ихъ жизни. Я теперь на покоѣ наслаждаюсь ихъ товариществомъ, и воспоминаніе о нихъ озаряетъ пріятныя сумерки вечернихъ часовъ“.

Судья, во время объѣздовъ, не изолированъ отъ адвокатуры. Онъ стоитъ съ нею въ тѣсной связи, участвуетъ въ адвокатскихъ мессахъ, путешествуетъ въ тѣхъ же вагонахъ. Изъ среды адвокатовъ назначаются судьею себѣ замѣстители по commission, клерки, маршалъ—его сотрудники и помощники. Онъ самъ когда-то былъ, можетъ быть, адвокатомъ этого объѣзда, и ему во всякомъ случаѣ хорошо знакомы и робость, и неувѣренность первыхъ выступленій адвоката.

Отношенія между судьей и адвокатомъ во время судебнаго слѣдствія, какъ между двумя сочленами той же корпораціи, обыкновенно, являются самыми дружескими и коррект-

ными. Впрочемъ, не всегда обходится дѣло безъ мелкихъ конфликтовъ, главнымъ образомъ, на почвѣ многорѣчивости адвокатовъ. Единственное оружіе, которымъ разрѣшается и судьѣ, и адвокату пользоваться въ такихъ случаяхъ,—это *юморъ*. Я не могу удержаться отъ искушенія привести нѣсколько образчиковъ подобнаго юмора, сохраняемаго въ лѣтописяхъ отдѣльныхъ объѣздовъ.

Когда одинъ адвокатъ (M-r Carter) началъ развивать чрезмѣрно подробную аргументацію по своему дѣлу, онъ былъ прерванъ судьей:—„Вы тратите понапрасну время суда“.—„Время суда“?—удивленно переспросилъ адвокатъ.—„Вы хотите, вѣроятно, сказать Ваше обѣденное время, Ваша честь“. Судья сдѣлалъ жестъ отчаянія, словно апеллируя къ небу, а адвокатъ продолжалъ свою рѣчь. Въ другомъ аналогичномъ случаѣ побѣдителемъ оказался судья. Когда адвокатъ выставилъ ему свои защитительные тезисы, судья кратко прервалъ его замѣчаніемъ:—„Я согласенъ съ Вами“.—„Но, Ваша честь, вы не слыхали моихъ доводовъ“,—возразилъ адвокатъ съ улыбкой. Судья кивнулъ головой и внимательно прослушалъ получасовыя объясненія адвоката. Когда тотъ кончилъ, судья лаконически замѣтилъ: „Я в с е-т а к и согласенъ съ Вами“. Этому согласію судьи однажды легковѣрно поддался другой адвокатъ. Возражая въ апелляціонной инстанціи противъ постановленнаго приговора, онъ указывалъ различные доводы.—„Приводили ли Вы ихъ въ первой инстанціи?“—спросилъ его предсѣдатель.—„Да, но ученый судья остановилъ меня“.—„Какъ это онъ сдѣлалъ“?—спросилъ судья съ пробудившимся интересомъ.—„Обманно внушивъ мнѣ своимъ кивкомъ мысль—сказалъ негодующій адвокатъ,—что онъ расположенъ въ мою пользу!“ Одинъ американскій коллега этого довѣрчиваго адвоката оказался осторожнѣе. Подробно аргументируя въ пользу своего дѣла предъ Высшимъ Судомъ Соединенныхъ Штатовъ, онъ былъ остановленъ предсѣдателемъ: „Г. Джонсъ, вы должны же предположить, что этотъ судъ самъ понимаетъ *что-нибудь* въ законахъ“.—„Именно эту ошибку я сдѣлалъ въ судѣ первой инстанціи“,—былъ отвѣтъ адвоката. Сержантъ Channel жаловался разъ своему другу на судью Tindall—„Онъ

рѣшилъ противъ меня юридическій вопросъ, который былъ ясенъ, какъ a, b, c“—говорилъ онъ. „Но что въ томъ,—отвѣтилъ другъ—что вопросъ былъ ясенъ, какъ a, b, c для васъ, когда судья отнесся къ нему, какъ d, e, f (deaf—глухой)?“ Судьи не очень довольны многорѣчивостью бэрристеровъ, въ особенности юныхъ, и одинъ изъ судей говорилъ: „Нужно издать особый Statute of Limitations для защиты судей отъ безпрестанныхъ obiter dicta (оговорокъ)“.

Находчивый отвѣтъ адвоката парализуетъ иногда и юридическое разъясненіе судьи. Отстаивая свое дѣло, одинъ адвокатъ просилъ судью разъяснить, что представленныя доказательства недостаточны для признанія иска. Судья замѣтилъ, что апелляціонный судъ, вѣроятно, признаетъ такое разъясненіе неправильнымъ. „Я не думаю, чтобы это было вѣроятнымъ“—возразилъ адвокатъ. „Вы, вѣролтно, знаете апелляціонныхъ судей лучше меня,—иронически замѣтилъ судья,—Вы слышите ихъ въ судѣ, а я могу бесѣдовать съ ними только иногда за завтракомъ“.—„Ваша честь видитъ ихъ въ наилучшихъ условіяхъ (at their best)“—былъ сухой отвѣтъ, сказанный въ тонѣ крайней почтительности и торжественности.

Порою отвѣты адвокатовъ, отстаивающихъ свое право слова, бываютъ весьма смѣлыми. Часто цитируется отвѣтъ сержанта Gurney, данный имъ судьѣ Willes, когда тотъ прервалъ его въ началѣ рѣчи: „Ваше лордство еще болѣе великій человѣкъ, чѣмъ Вашъ отецъ, котораго я хорошо зналъ. Онъ понималъ меня всегда послѣ того, какъ я кончалъ свою рѣчь, Ваше лордство понимаете меня еще до того, какъ я началъ“. Излишняя нетерпѣливость судьи иногда находитъ достойный отпоръ. Про одного судью-шотландца разсказываютъ слѣдующій анекдотъ. Раздраженный долгою рѣчью адвоката, онъ высокомѣрно обратился къ нему и, указывая пальцемъ на свое ухо, сказалъ: „Все равно, сударь, ваши аргументы входятъ у меня въ одно ухо, а выходятъ чрезъ другое“.—„Я не сомнѣваюсь, милордъ, что ничто не можетъ помѣшать этому“, — былъ почтительный отвѣтъ адвоката. Судьи рѣдко пользуются своимъ правомъ наказывать адво-

катовъ за contempt of court въ случаѣ такихъ отвѣтовъ. Они боятся того, что мѣткій отвѣтъ убьетъ все величіе этой кары. Когда судья Robinson грозилъ M-r Hoare наказаніемъ за неуваженіе къ королевскому судьѣ, тотъ отвѣтилъ: „Милордъ, я читалъ въ книгѣ, что крестьянинъ, въ эпоху Карла I, найдя королевскую корону одѣтой на дерево, проявлялъ по отношенію къ ней всѣ знаки уваженія и почета; я иду еще далѣе — я буду уважать ее даже тогда, когда она одѣта на терновый кустъ (bramble—терновый кустъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—зябликъ, воробей)“. M-r John Clerk (впослѣдствіи широко извѣстный подъ именемъ лорда Эльдона) разсказываетъ, что, будучи еще юнымъ адвокатомъ, онъ не могъ удержаться, услышавъ рѣшеніе, вынесенное судьей противъ его кліента, отъ словъ: „Удивляюсь этому рѣшенію!“ Это было признано за contempt of court, и онъ былъ приглашенъ на другой день въ судъ для выслушанія своего приговора. Защиту его взялъ на себя другой адвокатъ, который произнесъ слѣдующую рѣчь: „Я очень сожалѣю, милордъ, что мой юный другъ столь забылся, что съ неуваженіемъ отозвался о Вашей почтенной скамьѣ. Онъ очень раскаивается, и я просилъ бы приписать его поведеніе его неопытности. Вы сразу поймете, что именно она является причиной этого. Онъ сказалъ, что удивленъ рѣшеніемъ Вашего лордства. Но, если бы онъ не былъ столь несвѣдущъ въ томъ, что происходитъ въ этомъ судѣ ежедневно, если бы онъ зналъ этотъ судъ, какъ знаю его я, то онъ не удивлялся бы *ничему* изъ того, что здѣсь происходитъ“.

Конфликты на политической почвѣ между судьей и адвокатомъ—явленіе почти невозможное при настоящихъ условіяхъ. Послѣдній случай такого конфликта относятъ къ 18 вѣку. Знаменитый Эрскинъ выступалъ по дѣлу Dean of st. Asaph, опубликовавшаго памфлетъ о свободѣ совѣсти. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы присяжнымъ былъ поставленъ дополнительный вопросъ о смыслѣ нѣкоторыхъ словъ ихъ вердикта. Судья Buller отказывался сдѣлать это. Эрскинъ повторилъ свою просьбу. Тогда судья грубо оборвалъ его: „Садитесь, г. Эрскинъ. Вспомните о Вашихъ обязанностяхъ, иначе я принужденъ буду научить Васъ имъ“. Эрскинъ не менѣе

горячо замѣтилъ: „Я знаю свои обязанности столь же хорошо, какъ Ваше лордство знаете Ваши. Я здѣсь защищаю своего товарища-гражданина, и потому *я не сяду*“. Судья замолчалъ и принужденъ былъ поставить вопросъ.

Характерны случаи того, какъ адвокатовъ постигало разочарованіе, несмотря на искусную защиту. Въ Сѣверномъ округѣ разсматривалось дѣло о покражѣ утокъ. Въ полуторачасовой рѣчи адвокатъ доказывалъ присяжнымъ: 1) что обвинитель вовсе и не терялъ своихъ утокъ; 2) что утки, найденныя у подсудимаго, давно принадлежали ему и 3) что подсудимый, во время кражи, находился совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Судья далъ благопріятное резюмэ, и въ послѣднюю минуту подсудимый попросилъ разрѣшенія воспользоваться послѣднимъ словомъ. „Все, что я хочу сказать, господа, это то, что лучше мнѣ было бъ не брать вовсе этихъ проклятыхъ утокъ у N“. Въ другомъ дѣлѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Midland circuit, главной уликой противъ подсудимаго по дѣлу объ убійствѣ была найденная на мѣстѣ преступленія шляпа, которую считали принадлежащей подсудимому. Защитникъ обратился къ присяжнымъ съ горячей рѣчью, гдѣ доказывалъ, что обыкновенная шляпа, которую носитъ каждый изъ насъ, не можетъ быть достаточной уликой, чтобы послать человѣка на висѣлицу. Защита произвела на присяжныхъ сильное впечатлѣніе, и они оправдали подсудимаго. Но онъ медлилъ уходить изъ суда и бросалъ растерянные взоры по направленію къ судьѣ. Наконецъ, нервнымъ голосомъ онъ спросилъ судью: „Такъ значитъ, Ваша честь, я могу теперь получить назадъ мою шляпу?“ Но чаще всего судья не преминетъ отмѣтить преувеличенія адвоката предъ присяжными. По одному сомнительному дѣлу адвокатъ позволилъ себѣ апеллировать къ чувству справедливости судьи.—„Когда я слышу о справедливости,—важно сказалъ судья—въ дѣлѣ, подобномъ этому, мнѣ припоминается слѣпой человѣкъ въ темной комнатѣ, ищущій свою черную шляпу, которой, вдобавокъ, тамъ никогда и не было“. Въ другомъ случаѣ адвокатъ, защищая безнадежное дѣло, въ своей рѣчи присяжнымъ указалъ, что все же въ его пользу говорятъ нѣко-

торыя доказательства. — „Ученый адвокатъ, сказалъ судья въ своемъ резюмэ, совершенно правъ; въ его пользу говорятъ нѣкоторыя доказательства; но онъ—юристъ, а вы, не будучи юристами, можете и не знать, что значитъ слово „нѣкоторыя доказательства“, и потому я объясню Вамъ это. Вообразите, что кто либо предъявилъ искъ по векселю, и шесть человѣкъ подъ присягой удостовѣряютъ, что они видѣли, какъ отвѣтчикъ принялъ деньги, шесть другихъ—что они слышали, какъ онъ говорилъ о необходимости уплатить по векселю и, наконецъ, шесть третьихъ—что они хорошо знаютъ отвѣтчика и присягаютъ, что подпись на векселѣ сдѣлана его рукой. Вообразите, съ другой стороны, отвѣтчикъ вызоветъ своего стараго пріятеля по школѣ, съ которымъ онъ былъ знакомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ и больше не видѣлся съ тѣхъ поръ, который будетъ сомнѣваться въ подлинности его почерка. Это и будетъ „нѣкоторымъ доказательствомъ“, которое имѣлъ въ виду почтенный адвокатъ“.

Остроуміе судей проявляется далеко не на счетъ однихъ только адвокатовъ. Каждый объѣздъ гордится крупицами судейской мудрости, разсыпанными въ судейскихъ афоризмахъ, гордится остроумными или характерными заключеніями и замѣчаніями судей.

Вотъ нѣкоторые изъ афоризмовъ, относящіеся къ доказательствамъ. „Истина всегда пробьется наружу, даже чрезъ affidavit (такъ называется протоколъ допроса, произведеннаго у нотаріуса подъ присягой, представляемый въ случаѣ невозможности для свидѣтеля явиться лично въ судъ)“. „Всѣ лжецы раздѣляются на три категоріи: лжецы просто, отъявленные лжецы и профессіональные эксперты (expert-witneses)“. „Я не допущу этого вопроса, сказалъ одинъ судья въ ассизахъ. Именно подобный вопросъ былъ недавно заданъ свидѣтелю въ Реннѣ, въ дѣлѣ Дрейфуса“. „Если вы заглянете подъ горностаевую тогу судьи—говорилъ лордъ Брамуэль,—вы найдете, что судья на одну треть является присяжнымъ“. „Искусство доказыванія—говоритъ популярный Плоуденъ—состоитъ въ томъ, чтобы сблизиться съ присяжными и дать имъ почувствовать, что вы являетесь тринадцатымъ присяжнымъ

на судѣ". Характеренъ также отвѣтъ главнаго судьи Андерсена, когда ему указали на несоотвѣтствіе одного изъ положеній съ общимъ принципомъ: „Я сужу здѣсь—замѣтилъ онъ—на основаніи права, а не логики". Англійское право строго придерживается принципа, что никто не долженъ быть осужденъ безъ того, чтобы ему была предоставлена возможность привести оправдательныя объясненія. „Этотъ принципъ—говорилъ судья Фостеръ—имѣетъ въ свою пользу весьма старый прецедентъ. Самъ Господь Богъ не постановилъ приговора противъ Адама, не предоставивъ ему возможности оправдаться.—„Адамъ, сказалъ Богъ, гдѣ ты? Не вкусилъ ли ты плода отъ древа, отъ котораго я запретилъ тебѣ вкушать?". Подобный же вопросъ былъ предложенъ и Евѣ". Другой любитель подобныхъ прецедентовъ въ доказательство того, что никто не можетъ быть осужденъ безъ обвинителя, ссылался на отношеніе Христа къ грѣшницѣ. Когда еврейскій народъ привелъ къ нему блудницу, Христосъ сказалъ: „Кто изъ васъ безъ грѣха, пусть первый броситъ камень". И, такъ какъ никто не выступилъ, Онъ отпустилъ ее и сказалъ: „Иди и больше не грѣши". Очевидно—замѣчаетъ англійскій судья—Онъ не рѣшился осудить ее безъ обвинителя.

Въ историческихъ архивахъ отдѣльныхъ объѣздовъ хранятся образцы отдѣльныхъ поученій, сказанныхъ судьями присяжнымъ. Непревзойденнымъ примѣромъ обширности судейскаго резюмэ является рѣчь главнаго судьи лорда Кокбэрна по дѣлу Тичборна въ 1874 г., которая занимаетъ 2 тома in quarto. объемомъ въ 1650 страницъ. Рекордъ краткости побиваетъ поученіе престарѣлаго судьи Фостера въ Оксфордскомъ объѣздѣ. Онъ обратился къ присяжнымъ въ Уорчестерѣ съ слѣдующей рѣчью. „Джентльмэны, погода сегодня очень жаркая, я очень старъ, а вы, думаю, прекрасно знакомы съ вашими обязанностями и надлежаще выполните ихъ. Жду вашего вердикта". Съ нимъ конкурируетъ резюмэ, произнесенное однимъ изъ судей Западнаго объѣзда. Когда подсудимый былъ неопровержимо уличенъ въ кражѣ и, несмотря на это, въ свое оправданіе сталъ запираться, судья только свистнулъ и, обращаясь къ присяжнымъ, сказалъ „господа, вашъ вердиктъ". При

всей своей краткости весьма остроумно заключеніе судьи Maule по одному гражданскому дѣлу, въ которомъ свидѣтели немилосердно лгали. „Господа присяжные—сказалъ судья, —если вы повѣрите свидѣтелямъ истца, вы должны рѣшить дѣло въ пользу отвѣтчика; если вы повѣрите свидѣтелямъ отвѣтчика, вы должны рѣшить дѣло въ пользу истца. Если же, подобно мнѣ, вы не повѣрите ни тѣмъ, ни другимъ, то одно небо скажетъ вамъ, какъ поступить. Обсудите вашъ вердиктъ“. Судьѣ лорду Брамуэлю приписывается слѣдующее резюмэ въ Стрэдфордскихъ ассизахъ: „Господа присяжные, подсудимый обвиняется въ кражѣ лошади. Въ своемъ преступленіи онъ сознался, но почтенный защитникъ его убѣжденъ въ томъ, что это недоразумѣніе. Вы, слѣдовательно, должны рѣшить вопросъ, кто изъ нихъ заслуживаетъ довѣрія. Если у васъ будутъ какія либо сомнѣнія на этотъ счетъ, то помните, что подсудимый находился на мѣстѣ совершенія преступленія, а почтеннаго защитника тамъ не было“. Въ одномъ случаѣ, разбирая дѣло о кражѣ сапогъ, судья Андерсенъ спросилъ подсудимаго, что онъ можетъ сказать въ свое оправданіе.—„Я унесъ ихъ въ шутку, ваша честь“—„Какъ далеко вы ихъ унесли?“—спросилъ судья. „На полторы мили, ваша честь“. „Я полагаю, что эта шутка зашла слишкомъ далеко, какого мнѣнія вы, господа присяжные?“—было краткое резюмэ Андерсена.

Въ былое время адвокаты, участвовавшіе въ объѣздахъ, составляли сборники судебныхъ рѣшеній по различнымъ юридическимъ вопросамъ, воплощенные въ такъ назыв. Year Books. Эти сборники писались безпрерывно, начиная съ конца XII вѣка и до XVI вѣка, когда ихъ вытѣснили печатные „law reports“. Но и теперь встрѣчаются судебныя записи, сдѣланныя скучающими адвокатами. Приведу нѣсколько стихотворныхъ law reports, набросанныхъ участниками объѣздовъ. Вотъ составленный по всѣмъ правиламъ „law reporting“ отчетъ объ уголовномъ дѣлѣ.

Coventry Lent Assizes:

Coram lord Abinger. Rex v. Harriet Dunn
Indictment for stealing a Bucket.

First Witness:
She brought me this bucket, she offered for sale,
But she roused my suspicions by looking so pale:
She said it was hers, but I thought it no fun
If I should be cheated by Harriet Dunn.

Policeman:
My Lord, this'ere woman I happen'd to meet,
And she had this'ere bucket with her in the street.
I ax'd if'twas hers—her account was a sham-un,
So says I «Come with me, and no more of your gaunnon».

Prosecutor:
I had this'ere bucket before it was dark,
And I know it is mine by this'ere little mark.

Prisoner:
This bucket't is true I declare, as I tell it,
A young woman gave me and asked tosell it.

Jury:
She's guilty, we say, without fear and affection.

Lord Abinger:
I'll give her three months at the House of Correction [1]).

А вотъ отчетъ о спорномъ гражданскомъ дѣлѣ, вполнѣ напоминающій Burrow's Reports:

«A woman, having a settlement,
Married a man with none

---

[1]) *Весенніе ассизы въ Ковентри.* Предъ лордомъ Аблнгеръ. Король противъ Гарріетъ Дэннъ. Обвиненіе: кража ведра.

Первый свидѣтель: Она принесла мнѣ это ведро, которое предложила купить, но ея блѣдность вызвала у меня подозрѣнія. Хотя она говорила, что ведро принадлежитъ ей, но я считалъ, что печально будетъ, если меня надуетъ Гарріетъ Дэннъ.

Полицейскій: Вотъ женщина, которую я встрѣтилъ, несущей по улицѣ ведро. Я спросилъ, принадлежитъ ли оно ей, но отвѣтъ ея былъ сбивчивъ, и тогда я сказалъ: „Пойдемъ со мной, и больше ни слова".

Обвинитель: Я имѣлъ это ведро до сумерекъ и узнаю его по этой маленькой отмѣтинѣ.

Подсудимая. Я увѣряю искренне, что одна молодая женщина дала мнѣ это ведро и просила продать его.

Присяжные. Она виновна, мы безпристрастно рѣшили.

Лордъ Абингеръ: Я приговариваю ее къ тремъ мѣсяцамъ исправительнаго дома".

The question was, he being dead
If that she had was gone?
Quoth sir John Pratt: Her settlement
Suspended did remain,
Living his husband; but him dead,
It doth revive again.

Хоръ остальныхъ судей повторяетъ:

Living his husband: but him dead
It doth revive again!» [1])

А вотъ другое мудрое рѣшеніе, записанное остроумнымъ адвокатомъ:

«If a person says,
He killed my wife,
No action lies
If she is yet alive» [2]).

Въ пластахъ наслоеній, образовавшихся отъ объѣздовъ, можно найти не только залежи судейскаго юмора. Каждый округъ имѣетъ не только свою лирику и свою портретную галлерею, свои традиціи, свои анекдоты, но и свой эпосъ. Изъ произведеній эпическихъ мы позволимъ себѣ привести поэму, написанную судьей Darling, однимъ изъ наиболѣе выдающихся судебныхъ дѣятелей современной Англіи, долгое время участвовавшимъ въ качествѣ адвоката (а затѣмъ и судьи) въ Оксфордскомъ объѣздѣ. Она прекрасно характеризуетъ обрядовую сторону объѣздовъ.

---

[1]) „Женщина, имѣвшая приданое, вышла замужъ за человѣка, не имѣвшаго имущества. Вопросъ заключается въ томъ, переходитъ ли послѣ его смерти къ ней обратно право собственности на приданое. Сэръ Джонъ Пратъ заявляетъ: „Ея право собственности во время жизни супруга оставалось какъ бы суспенсированнымъ, но послѣ его смерти оно снова оживаетъ (до послѣдняго времени въ Англіи замужнія женщины не могли имѣть отдѣльнаго отъ мужа имущества)".

[2]) „Если кто либо утверждаетъ, что другой убилъ его жену, то нѣтъ обвиненія, если она находится еще въ живыхъ".

Оксфордскій объѣздъ [1]).

Ради чего городъ графства, базаровъ издавнее мѣсто [2]),
Шумомъ и звономъ въ церквахъ разбуженъ отъ спячки обычной?
Колоколовъ несмолкающій хоръ что̀ сегодня вѣщаетъ?
Ради чего вьются флагъ надъ тюрьмой [3]) и надъ замкомъ знамена,
Ярко блестя между темныхъ фортовъ подъ сѣрѣющимъ небомъ?
Ради чего эти странныя сходбища всюду въ харчевняхъ.
Вмѣстѣ сошлися куда житель лѣса, рабочій и пахарь?
Глядя угрюмо кругомъ или робкіе взоры бросая,
Кучка крестьянъ сторонится отъ жителей города бойкихъ,
Пивомъ дешевымъ и дымомъ табачнымъ пропитанныхъ насквозь,
Щедрыхъ на хитрыя рѣчи и падкихъ до всякихъ совѣтовъ.

Это судья ѣдетъ въ городъ, красный судья для ассизовъ [4]).
Вмѣстѣ съ собой онъ привозитъ свободу невиннымъ страдальцамъ,
Кару всѣмъ злымъ, что̀ смѣнитъ жизни трудъ на трудъ тяжкій, тюремный.
Онъ прибываетъ сюда ради кары, а съ нею грядетъ исправленье,
Нужна законная месть—то бальзамъ сторонѣ потерпѣвшей,
Хоть навлекаетъ она на многихъ злодѣевъ страданья,
Но и тѣмъ самымъ влечетъ къ добродѣтелямъ многихъ сограждан̀ъ.

---

[1]) Мы рѣшились передать въ переводѣ текстъ, сохранивъ гекзаметръ, которымъ написано произведеніе Darling'a. Мы не приводимъ параллельно подлинника, такъ онъ труденъ для чтенія даже современному англичанину вслѣдствіе множества архаизмовъ. Въ переводѣ сдѣланы несущественныя сокращенія, оговоренныя особо, и опущены нѣкоторыя метафоры или сравненія, понятныя только при глубокомъ знакомствѣ съ англійской исторіей. Поэма эта напечатана въ сборникѣ стихотвореній Darling (On the Oxford circuit and other verses 1909). Всѣ примѣчанія къ ней сдѣланы нами.

[2]) Въ былое время ярмарка была средоточіемъ мѣстной жизни, и потому понятно, что главный городъ совпадалъ съ мѣстомъ базаровъ.

[3]) Тюрьма въ былое время была королевскимъ замкомъ, т. е. укрѣпленнымъ мѣстомъ, надъ которымъ развивался флагъ—эмблема королевскаго господства. Теперь, когда въ предѣлахъ тюрьмы совершается казнь, этотъ флагъ приспускается, давая тѣмъ самымъ знать населенію о казни.

[4]) Red Judge of Assizes—вслѣдствіе своей красной королевской мантіи.

Добрый останется добрымъ, дурной-жъ отъ того улучшится.
Каждый получитъ свое—тюрьму, бичеванье иль казнь,
Доли не больше своей, хотя все же въ достаточной мѣрѣ.
Такъ поступать вѣдь велитъ пріятная всѣмъ справедливость.

Глядь-ка! Вотъ поступью гордою кони лихіе гарцуютъ;
Скрипъ раздается кареты и трубъ неувѣренныхъ звуки;
Это въ парадномъ строю на встрѣчу судьѣ ѣдетъ шерифъ.
Пурпурный плащъ, треуголка и мечъ украшаютъ шерифа.
Веллингтонъ словно, грозу наводившій на робкихъ французовъ,
Какъ онъ изъ бронзы стоитъ, украшая собой Пикадилли.
Узкія улицы, змѣямъ подобныя, быстро мелькаютъ...
Вотъ и вокзалъ. Скоро поѣздъ желанный съ юга примчится.
Ждетъ, по платформѣ шагая, шерифъ. Но вотъ ужъ и поѣздъ [1]).

Быстро, привѣтствуя всѣхъ и особо шерифа, съ маршаломъ
Сходитъ пріѣзжій судья, и къ каретѣ, запряженной цугомъ.
Шествуетъ важно, прервавши обычное чтенье въ дорогѣ—
Актовъ суда иль трудовъ Цицерона, Катулла, Гомера.
Съ шляпой въ рукахъ онъ идетъ, принимая поклоны шерифа.
Сдержаны все же салюты судьи и старосты графства [2]).
Требуетъ то стародавній обычай. Посланецъ короны
Часто не любъ для страны подчиненной, повинностей бремя
Не оправдавшей вполнѣ иль его нерадиво носившей.
Требуетъ многаго онъ отъ шерифа, повиннаго службой [3]).

---

[1]) Эта встрѣча является обычаемъ, сохранившимся отъ старыхъ временъ. Въ былыя времена во время объѣздовъ по обширнымъ пространствамъ на границѣ каждаго графства судью встрѣчалъ шерифъ съ отрядомъ javelins, которые должны были защищать его и привести безопасно въ городъ, гдѣ должны были происходить великіе ассизы. По окончаніи разсмотрѣнія дѣлъ, шерифъ долженъ былъ такимъ же способомъ проводить судью до границы своего графства и сдать тамъ его подъ охрану другого шерифа, ожидавшаго его съ дружиной (posse) изъ мѣстныхъ людей. Путешествіе судей въ то время далеко не было такимъ комфортабельнымъ, какъ теперь. Судьи немилосердно штрафовали шерифовъ за скверныя дороги, прелесть которыхъ они испытывали на себѣ. Судья Бестъ жаловался на то, что по дорогѣ въ судъ онъ чуть не сломалъ себѣ шеи. Другой судья сдѣлалъ выговоръ шерифу за то, что тотъ незаконно подвергаетъ подсудимыхъ жестокимъ пыткамъ до суда, приводя ихъ въ ассизы по такимъ скернымъ дорогамъ, по которымъ ѣхалъ онъ.

[2]) Въ текстѣ написано: Shire reeve=Sheriff, буквально—староста графства.

[3]) Графства въ былыя времена являлись самостоятельными королевствами. Пріѣзжій посланецъ норманнскихъ королей пріѣзжалъ собирать штрафы и взыскивать за упущенія. О страхѣ, который къ нему питало населеніе, см. выше.

Здѣсь представляютъ судьѣ священника въ рясѣ церковной [1]).
Ратники [2]) честь отдаютъ и торжественной слѣдуютъ свитой.
Медленно ѣдетъ судья средь толпы, съ любопытствомъ смотрящей.
Тутъ изучаетъ толпа, каковъ королевскій посланецъ;
Сумраченъ онъ ли. какъ Брутъ, или кровожаденъ, какъ Джеффрейсъ [3]).
Мудръ-ли въ законахъ. какъ Эльдонъ [4]), ученъ-ли, гуманенъ, какъ Муррей,
Есть-ли душа у него, или буква одна лишь закона.

Гордо на козлахъ сидитъ возница кареты судейской,
Гербомъ украшенной. Гибкій свой хлыстъ надъ конями взивая,
Мчитъ тугоуздыхъ коней. ретивый ихъ бѣгъ умѣряя.
Звонко звучатъ ихъ копыта, и мѣрно трясутъ они гривой.
Вдругъ осадилъ онъ ихъ круто на площади главной у дома.
Простъ. незатѣйливъ тотъ домъ; онъ назначенъ судьѣ быть жилищемъ [5]).
Спрыгнулъ судья изъ кареты, избѣгнувъ услуги лакея;

---

[1]) О функціяхъ этого священника см. выше.

[2]) Javelin-men, они носятъ особое оружіе въ видѣ длиннаго шеста или пики (staves).

[3]) Jeffreys — имя англійскаго судьи эпохи Карла II, которое разсматривается какъ олицетвореніе суровости и низкопоклонничества предъ властью.

[4]) Lord Eldon (1751—1838), судья, позднѣе лордъ главный судья, отличавшійся остроуміемъ и глубокой эрудиціей.

[5]) Одною изъ обязанностей шерифа является предоставленіе судьѣ и его свитѣ жилища. Судья не долженъ останавливаться въ гостинницѣ. Обычно помѣщеніе это является весьма скромнымъ. Darling подробно останавливается на описаніи его, но мы опустили подробности. Порою судьямъ приходилось воевать за самыя элементарныя удобства. „Midland circuit, пишетъ Hawkins, всегда славился своимъ скверными помѣщеніемъ для судей Его Величества, и я съ перваго до послѣдняго дня своей судейской дѣятельности заботился объ улучшеніи его. Нѣкоторые судьи въ своихъ поученіяхъ большому жюри останавливались на международныхъ отношеніяхъ, государственныхъ дѣлахъ, на состояніи промышленности; я же избиралъ въ Aylesbury болѣе скромную тему и обращалъ вниманіе этого высокаго органа на жалкое состояніе помѣщеній, отведенныхъ судьямъ; эти помѣщенія были столь плохи, что едва ли какой либо офицеръ призналъ бы удобнымъ размѣстить тамъ солдатъ“. (H. Hawkins, Reminiscences vol. II, 1904, p. 35). Однажды, когда слушалось дѣло о покражѣ овецъ, въ судъ были принесены туши убитыхъ овецъ, издававшія необычайное зловоніе. „Скорѣе унесите ихъ въ апартаменты судьи—сострилъ H. Hawkins—тамъ этотъ запахъ не будетъ чувствоваться“.

Пѣшимъ затѣмъ направляется въ судъ, чтобъ найти тамъ скорѣе
Клерковъ ассизнаго и обвиненій [1]), судью ожидавшихъ тоскливо,
Также другихъ сотоварищей, въ грамотѣ перечисленныхъ [2]).

---

[1]) Clerk of Assize and clerk of indictments.

[2]) Позволю себѣ на ряду съ описаніемъ парадной встрѣчи судьи предъ ассизами, помѣщенной въ поэмѣ Darling'a привести еще и другое, заимствуемое изъ книги H. Hawkins. Reminiscences. 1904. p. 119. „Когда сэръ Генри Гокинсъ начиналъ свое путешествіе со своимъ маршаломъ, онъ чувствовалъ все свое громадное значеніе, какъ то чувствуютъ обыкновенно судьи, отправляющіеся въ объѣзды, конечно, не съ своей личной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія публики Онъ не испытывалъ той нервной оживленности, которая охватывала другихъ и которая побудила одного изъ судей Его Величества сказать, что нѣтъ въ государствѣ столь высокаго положенія, какъ положеніе судьи, совершающаго объѣздъ, и вызвала также другое замѣчаніе: „Даже лакей на запяткахъ кареты лордъ-мэра, предоставленной судьѣ, всецѣло проникнутъ этимъ чувствомъ". Самый объѣздъ является пріятнымъ развлеченіемъ и становится прекрасной прогулкой, если погода благопріятствуетъ, что, впрочемъ, случается рѣдко. Я не говорю здѣсь о тѣхъ сѣверныхъ городахъ, гдѣ каторжный трудъ не покидаетъ судьи съ момента, когда онъ прочитываетъ грамоту объ ассизахъ, и до момента, когда онъ возвращается обратно въ свой домъ-тюрьму. Я имѣю въ виду сельскіе ассизы въ мѣстахъ подобныхъ Уорику и Бэдфорду или, если угодно, Окаму, гдѣ судья въ девяти случаяхъ изъ десяти, одѣваетъ свои бѣлыя перчатки, улыбается предъ большимъ жюри, поздравляетъ ихъ съ отраднымъ состояніемъ календаря и затѣмъ отправляется куда-нибудь для спорта съ мѣстнымъ джентельменомъ въ имѣніе, пока не наступитъ время открыть ассизы въ какомъ-либо другомъ парадизѣ, куда еще не нашла доступа преступность. Но, если я помѣщу Окамъ на одной чашкѣ объѣздной системы, а Лидсъ и Манчестеръ—на другой, и укажу середину, то получится мѣсто, нѣсколько похожее на Линкольнъ, какимъ онъ былъ въ старые годы, Здѣсь часто судьи вкушали прелести объѣзда... Въ настоящее время на Линкольнской станціи, снаружи и внутри собралась значительная толпа разряженныхъ и убогихъ людей, стоящихъ съ непокрытыми головами изъ уваженія къ судьѣ и съ глубокимъ страхомъ взирающихъ на него. Нѣкоторыя дамы изящно приподнимаютъ низъ своихъ платьевъ, другія скромно кутаютъ свои загорѣлыя руки косынкой. Они ждутъ прибытія поѣзда, и ихъ сердца бьются ожиданіемъ увидѣть судью. Увы, нѣкоторые изъ нихъ увидятъ его слишкомъ скоро и слишкомъ близко. Наиболѣе замѣтнымъ персонажемъ снаружи является тучный и полный достоинства кучеръ въ напудренномъ парикѣ, покрытомъ прихотливой шляпой, и лакей въ такомъ же парикѣ, въ важной ливреѣ. Прильнувъ къ изгороди палисада, кажется, всѣ мальчики и подростки Линкольна собрались посмотрѣть на судью. На платформѣ—ибо данъ ужъ былъ сигналъ о скоромъ приходѣ поѣзда—шерифъ въ полномъ облаченіи, капелланъ въ рясѣ и мѣстная знать, отдѣльныхъ представителей которой я, за недостаткомъ мѣста, не могу перечислить. Головы всѣхъ обнажены, и всѣ неподвижны, кромѣ тѣхъ, которые испытываютъ всю торжественность момента. Хотя

Грамоту громко читаетъ ассизовъ клеркъ съ частымъ поклономъ.
Въ ней поручается судьямъ очистить тюрьму и дѣла всѣ
Выслушать и разрѣшить [1]). Свитокъ правилъ [2]) шерифъ представляетъ,
Смыслъ которыхъ ему ужъ теперь непонятенъ и теменъ;
Отъ наставленій отвыкъ онъ давно. Словно дѣдовыхъ сказокъ
Вспомнитъ порой хитроумный разсказъ, имъ слышанный въ дѣтствѣ.
Ихъ онъ вручаетъ судьѣ, а тотъ отдаетъ свитокъ клерку.

Съ жалобой нынѣ къ судьѣ короля объѣздному тѣснятся
Жители графства [3]). Со времени Генриха Плантагенета
Каждый годъ объѣзжаютъ страну королевскіе судьи,
Властную помощь пріѣздомъ своимъ странѣ доставляя.
Или законы везутъ—плодъ согласія рыцарей графства,
Общинъ упорныхъ и воли монарха, не очень охотной;
Или обычай издавній—въ груди сохраняемый судей [4]).
Всѣ уважаютъ законы страны, будь то лордъ иль крестьянинъ,
Родину рады всегда—и пѣшій, и всадникъ, и пахарь—
Грудью своей защищать отъ вторженья враговъ иноземныхъ,
Какъ только попраны ими цвѣтъ лилій и гербъ леопардовъ [5]).
Право доступно всѣмъ смертнымъ, покамѣстъ велѣнья церковникъ [6])

шерифъ, капелланъ и другіе держатъ шляпы въ рукахъ, но въ такомъ благовоспитанномъ городѣ, какъ Линкольнъ, всѣ хорошо понимаютъ, что пріѣздъ судьи не долженъ сопровождаться криками и привѣтствіями, а только глубокимъ, достойнымъ поклономъ. Среди такого ожиданія и глухого перешептыванія толпы медленно въѣзжаетъ поѣздъ; станціонный служитель открываетъ двери вагона, и оттуда выскакиваетъ прежде всего „Джекъ“ (собака Гокинса, съ которою онъ не разставался). Въ толпѣ слышны возгласы: „Вотъ онъ! Посмотри-ка на него, Биль! Вотъ Гокинсъ! Видишь-ли его? Да вотъ же, за этимъ высокимъ дьяволомъ“! Послѣдній наблюдатель ошибся, принявъ высокаго человѣка въ черномъ за дьявола; имъ былъ капелланъ шерифа, который будетъ произносить проповѣдь объ ассизахъ въ ближайшее воскресенье въ соборѣ“.

[1]) Deliver the gaol and hear and determine.

[2]) Precepts—наставленія, которыя шерифъ и его подчиненные должны были соблюдать.

[3]) Здѣсь имѣются въ виду жалобы на мѣстныхъ чиновниковъ, контролировать дѣятельность которыхъ призванъ судья.

[4]) См. выше о роли судей при проведеніи common law.

[5]) Leopards on fleur de lis — старинный гербъ англійскаго королевскаго дома.

[6]) Clerk-churchman.

Не закрѣпитъ на письмѣ иль юристы его истолкуютъ,
Смыслъ затемнивъ и издавъ на старомъ нарѣчьѣ норманнскомъ,
Быстро забытомъ норманнами даже съ тѣхъ поръ, какъ узнали
Славный англійскій языкъ, что богатою жатвой собрали
Въ житницы Говеръ съ Чосеромъ, великій Шекспиръ, славный Мильтонъ.

Скоро уходитъ шерифъ; за нимъ мэръ и совѣтники града
Слѣдуютъ длинной чредой. Впереди жъ несутъ мечъ и булаву.
И остается одинъ со своими мечтами судья.
Тихо приходятъ онѣ, когда сумерки кутаютъ землю,
И незамѣтно скользятъ среди тлѣющихъ угольевъ тѣни.
Тѣни людей, ужъ почти позабытыхъ, но нѣкогда близкихъ [1]).

. . . . . .

. . . . . .

Помнитъ ли нынѣ судья отдаленный тотъ день своей жизни,
День, когда онъ въ первый разъ съ судьей пріѣзжалъ въ этотъ городъ,
Тогу изъ шелка и новый парикъ привезя въ мѣшкѣ синемъ [2]).
Зналъ онъ законъ, но неопытенъ былъ онъ въ искусствѣ житейскомъ.
Видитъ ли онъ себя снова сидящимъ въ торжественной залѣ,
Здѣсь созерцая своихъ товарищей новыхъ объѣзда:
Младшихъ—всевѣдущихъ въ правѣ и лидеровъ—право забывшихъ [3]).
Младшій, неопытный въ рѣчи, и лидеръ, знатокъ краснорѣчья,
Служатъ другъ другу хорошимъ подспорьемъ въ судебной работѣ.
Всюду одинъ существуетъ на счетъ недостатковъ другого,
Тѣмъ сохраняя балансъ и порядку способствуя вмѣстѣ.
Свой оборотъ совершаютъ они, словно шаръ вокругъ оси.

Помнитъ ли также судья свое въ первый разъ выступленье,

---

[1]) Здѣсь мы опускаемъ шесть строкъ, посвященныхъ характеристикѣ личности судьи.

[2]) Синій мѣшокъ (blue bag)—одинъ изъ аттрибутовъ адвокатскаго одѣянія.

[3]) O juniors и leaders см. выше.

День, незабвеннымъ казавшійся—все же теперь позабытый? [1]).
Скрылся во тьмѣ низъ высокой спирали, зовущейся жизнью...
Вотъ передъ нимъ адвокаты. сопутники вѣчныхъ объѣздовъ.
Смѣло другъ съ другомъ борясь, защищаютъ всѣ дѣло кліента,
Не альтруисты они, но и не себялюбцы простые.
Для постороннихъ они—соперники въ схваткѣ искусной,
Другъ передъ другомъ межъ тѣмъ—закадычные только друзья,
И хоть бреттеры [2]) они, дружны оба какъ Финтій и Дамонъ.

Спорятъ друзья и толкуютъ о книгахъ, о правѣ, о судьяхъ,
Вестминстеръ—тема однимъ, а другихъ занимаетъ Ньюма-
кетъ [3]).
„Дьяволы“ [4])—многихъ прозванье—тѣхъ, что себя посвя-
щаютъ
Помощи старшимъ, которымъ замѣтки и письма по дѣлу
Изготовляютъ порой иль дѣла подходящія [5]) ищутъ,
Вѣря, что скоро и имъ удастся улучшить свой жребій,
Нынѣ жъ довольные тѣмъ, что патронъ довѣряетъ имъ дѣло,
Чтобы изъ пыли рѣшеній добыть ему нужное злато.

Гдѣ вы теперь? Гдѣ былая услада пировъ адвокатскихъ [6])
Пѣсенъ пѣвцы, побѣдители въ скачкахъ, крикетѣ и греблѣ.
Нѣтъ здѣсь васъ. Многіе наверхъ поднялись, въ землѣ же другіе
Погребены, утомленные долгой и тщетной надеждой
Практику заполучить. Атторнеи жъ, увы, непотизму
Слѣдуя, практику всю поразdали роднымъ недоучкамъ
Или богатыхъ тузовъ племянникамъ грубымъ, но нужнымъ.

---

[1]) Первое вступленіе или first brief всегда связано у адвоката съ пріятнѣйшими воспоминаніями. „Ни одинъ членъ сословія—пишетъ судья Hawkins въ своихъ мемуарахъ—не можетъ забыть радости отъ своего перваго brief, этого удивительнаго продолговатаго свертка бѣлыхъ бумагъ, перевязаннаго таинственной розовой тесьмой, который приносится ему ласковымъ клеркомъ, помѣченный важной надписью: „1 gua[a] (одна гинея). Отецъ никогда не смотрѣлъ съ большимъ удовольствіемъ на своего первенца, чѣмъ бэрристеръ смотритъ на свое first brief. Если бы пушки Тоуэра возвѣстили о рожденіи наслѣдника престола, онъ не оторвалъ бы взоровъ отъ этого свертка, чтобы спросить: „что случилось?“.

[2]) Barristers—bretteurs.

[3]) Вестминстеръ—Парламентъ, Ньюмакетъ—театръ, посѣщаемый высшимъ слоемъ общества.

[4]) Devils.

[5]) Прецеденты.

[6]) Bar Mess.

Въ страны далекія отплыли также иные давно ужъ,
Духомъ упавъ, иль, напротивъ, на счастье упорно надѣясь,
Къ тропикамъ жаркимъ за золотомъ иль отвѣчая запросамъ
Въ фермерахъ, мастерахъ, судьяхъ—англійскихъ далекихъ колоній.
Кой кто попалъ и въ Сенатъ [1]) и тамъ растворился безслѣдно
Въ массѣ людей, „бичами“ сбираемыхъ въ залу собраній [2]),
Тратящихъ втуне свой трудъ и помощь правленію дающихъ
Тѣмъ лишь, что видимость только правленья они созидаютъ [3]).
Все же иные, упорнымъ трудомъ ли, заслугой ли, счастьемъ,
Ранга министра достигли иль труднодоступнаго пэрства.
Тамъ въ облакахъ, на Синаѣ высокомъ они затерялись,
Видимы только лишь тѣмъ, кого жребій тяжелый заброситъ
Въ судъ апелляцій [4]) предъ тронъ иль сидѣнье изъ шерсти крутое [5]).

Дремлетъ судья, пока лики видѣній проходятъ чредою;
Въ креслѣ глубокомъ своемъ, къ огню приближенномъ, онъ грезитъ.
Противъ него въ отдаленьѣ маршалъ свою куритъ сигару,
Дымомъ сребристымъ укутанъ. Онъ также мечтаетъ, быть можетъ;
Думы о прошломъ его безпокоить не могутъ покамѣстъ.
Вся его жизнь впереди,—нѣтъ въ прошломъ печали и горя:
Что онъ имѣетъ теперь—не есть еще грань для стремленій;
Будь онъ судья или маршалъ, все-жъ большаго ищетъ онъ въ жизни.
Только немногимъ дано, вкусивши плодъ, рано созрѣвшій,
Въ жизни не видѣть того, какъ увянетъ онъ осенью поздней.

---

[1]) Разумѣется Палата лордовъ.

[2]) „Whips“—партійные загонщики, собирающіе передъ голосованіемъ нужные для партіи кворумъ или большинство.

[3]) Helping to govern the world by making believe it is governed.

[4]) Выступленіе предъ Court of Appeal въ House of Lords—чрезвычайно отвѣтственная для адвоката задача.

[5]) Precipitous side of the Woolsack—сидѣнье спикера въ палатѣ общинъ. Выступленіе адвокатовъ въ палатѣ общинъ или лордовъ имѣетъ мѣсто при разсмотрѣніи частныхъ биллей (private bills). Право выступать принадлежитъ очень немногимъ адвокатамъ, составляющимъ parliamentary bar.

Мракъ ниспадаетъ на городъ. И царственный сонъ проникаетъ
Всюду—въ жилища, казармы и тюрьмы, сравнивъ до разсвѣта
Всѣхъ межъ собой. Ибо нѣту во снѣ злыхъ и добрыхъ,
Нѣтъ ни невѣждъ, ни ученыхъ, и нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ.

Съ проблескомъ утра встаютъ и во храмъ отправляются чинно
Шерифъ и града вельможи въ одеждахъ изъ синяго цвѣта;
Позже приходитъ судья. Ихъ на паперти пасторъ встрѣчаетъ.
Жалобно плача иль властно гремя, льются звуки органа,
Гимнъ „Храни Боже царя“ [1]) иль духовный мотивъ исполняя.
Люди въ соборѣ норманскомъ, колѣни смиренно склонивши,
Молятъ Отца о прощеньѣ грѣховъ, коль грѣховъ у нихъ мало.
Лики святыхъ отовсюду глядятъ—изъ оконъ и простѣнковъ;
Статуи молча стоятъ крестоносцевъ, аббатовъ, бароновъ,
Рыцарей въ латахъ и шлемахъ и дамъ ихъ, покрытыхъ вуалью.
Солнце, играя въ высокомъ окнѣ, испещренномъ гербами,
Въ пурпуръ, лазурь, серебро облачаетъ безмолвныхъ героевъ.
Проповѣдь пасторъ сказалъ, указавши на важность ассизовъ,
Вспомнилъ онъ судей былыхъ и величье былое временъ [2]).

Двери открыты суда. Въ нихъ проходятъ присяжный, свидѣтель,
Жалобщикъ, праздный зѣвака, констебль, служитель закона.
Входитъ судья, наконецъ, подъ звуки трубы громогласной.
Пурпурный плащъ, горностай и парикъ украшаютъ посланца.
Рыцари, граждане знатные, клятву предъ маршаломъ дали:
Будутъ они представлять обо всѣхъ нарушителяхъ права,
Знаютъ которыхъ они; чужды будутъ имъ ненависть, злоба,

---

[1]) God save the king.

[2]) Мы нѣсколько сократили содержаніе проповѣди.

И не отпустятъ они никого изъ любви или страха предъ
местью [1]).
Важно внимаютъ они поученью судьи объѣзднаго.
Въ немъ онъ сообщаетъ въ торжественной формѣ присяж-
нымъ отъ графства
Истины о воздаяньѣ грѣховъ, повторенныя имъ многократно,
Строгомъ порой воздаяньѣ, но все же вполнѣ заслужен-
номъ.
Самъ Соломонъ не стыдился бъ повѣдать ихъ или одобрить;
Онъ поучаетъ большое жюри обвинительныхъ актовъ зна-
ченью,
Ждущихъ провѣрки, а также высокаго ихъ одобренья;
Добрыхъ онъ славу и мудрость, а злыхъ слѣпоту указуетъ;
Смыслъ наказанья и казни суровой присяжнымъ являетъ;
Новый изложитъ законъ, проведенный съ высокою цѣлью,
Чтобъ покарать недостойныхъ иль возвеличить невинныхъ,
И, наконецъ, изреченіемъ мудрымъ украситъ онъ слово.
Милость въ судьѣ—скажетъ онъ—свѣту Неба подобна бла-
гому,
Каждый нуждается въ ней: и преступникъ предъ казнью
на плахѣ,
И королевскій судья, самъ подвластный всецѣло монарху,
Клятву который принесъ правду и милость творить.
Общество часто само въ преступленьѣ повинно томъ тяж-
комъ,
Въ коемъ оно обвинить сочлена несчастнаго хочетъ.
Мало взираетъ оно на разумъ и правду природы,
Ради которыхъ порой нарушаются даже велѣнья
Несовершенныхъ законовъ, людьми сочиняемыхъ гордо.
Ахъ, еслибъ знали людей мы, какъ знаемъ животныхъ,
Ихъ различая всегда по классамъ и видамъ отдѣльнымъ,
Мы увидали-бъ тогда, что дурной не далекъ отъ благого,
Что справедливость для всѣхъ на землѣ... и что скоро ужъ
всѣ мы...

Блѣднымъ вдругъ сталъ здѣсь судья, словно въ мраморъ па-
росскій онъ сразу

---

[1]) Это клятва большого жюри „they will duly present all contemners of law in the country, who shall be known unto them; and that without hatred or malice. Nor must they leave unpresented none other from fear or affection".

Весь претворился. И бѣлой, недвижной, холодною маской
Стало живое лицо, а тѣло безжизненной массой...
Духъ вдругъ покинулъ его... И холодное тѣло обратно
Въ домъ принесли на носилкахъ, нагое, укутавши въ пурпуръ [1]).

VI.

Торжественность старинныхъ формъ вызываетъ къ себѣ преклоненіе въ народѣ. Но она вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ и нѣкоторую отчужденность. Этикетъ и обрядность поглощаютъ существо отношеній; традиціи, порою случайныя и нецѣлесообразныя, препятствуютъ дальнѣйшему развитію. Поэтому участь всѣхъ торжественныхъ формъ состоитъ въ томъ, чтобы превращаться въ средства, приберегаемыя лишь „для большихъ оказій“. То же наблюдается въ настоящее время и съ объѣздами королевскихъ судей. На всемъ сказываются симптомы увяданія того былого величія и важности ассизовъ, которыя характеризовали ихъ въ доброе старое время. Мы уже въ предшествующемъ изложеніи отмѣчали отдѣльные штрихи этого явленія, въ этой главѣ мы позволимъ себѣ остановиться подробнѣе на процессѣ увяданія ихъ былой славы.

Рѣзкія измѣненія въ политическомъ укладѣ жизни страны привели къ тому, что высокія начала, которымъ служилъ институтъ судейскихъ объѣздовъ, стали достигаться чрезъ иные протоки и установленія. Административная дѣятельность понемногу обособилась отъ судейской, сосредоточившись въ рукахъ мѣстныхъ представительныхъ организацій, стоящихъ подъ контролемъ отвѣтственнаго предъ парламентомъ министерства. А съ этимъ отпала и потребность въ централизаціи чрезъ посредство судей. Потребность въ быстро прогрессирующемъ и радикальномъ правѣ нашла свое мощное выраженіе въ парламентѣ, статуты котораго понемногу вытѣсняютъ и сдерживаютъ старое common law, это дѣтище коро-

---

[1]) Darling имѣетъ въ виду случай, бывшій съ однимъ изъ судей Оксфордскаго объѣзда.

левской юстиціи. Рость функцій Высшаго суда и, въ частности, появленіе апелляціоннаго производства по гражданскимъ (1848 г.) и уголовнымъ (1907 г.) дѣламъ создали болѣе могущественные центры для истолковательной и судебно-творческой дѣятельности.

Даже тотъ великій урокъ правосудія, который давали королевскіе судьи судьямъ мировымъ во время своихъ пріѣздовъ, пересталъ имѣть большую цѣнность. Съ одной стороны. сами мировые судьи перестали посѣщать ассизы; и только нѣкоторая часть, вербуемая въ члены большого жюри, привлекается для участія въ ассизахъ. Вмѣсто судей добровольцевъ изъ землевладѣльцевъ или горожанъ, къ исполненію судейскихъ обязанностей на мѣстахъ привлекаются полицейскіе судьи-профессіоналы или профессіонально-образованные предсѣдатели четвертныхъ сессій, рекордеры, которые прошли уже черезъ школу пледированія въ королевскихъ судахъ. Ихъ юстиція уже не отличается существенно отъ юстиціи королевскихъ судей. Наконецъ, актъ объ уголовной апелляціи создалъ уже болѣе дѣйствительный и постоянный контроль высшаго суда надъ судебной дѣятельностью четвертныхъ сессій. Въ результатѣ потребность въ урокахъ правосудія путемъ пріѣзда въ графства отпала.

Съ появленіемъ мощнаго парламента, голосъ котораго, начиная съ XIX вѣка, сталъ слышенъ во всей странѣ [1]), и съ установленіемъ политической нейтральности судей отпала и потребность въ проведеніи политическихъ тенденцій чрезъ посредство королевскихъ судей. Теперь королевскіе судьи несутъ не службу, а служеніе. Они—не комиссары короля, хотя по буквѣ закона и являются таковыми, а посредники между населеніемъ и исполнительной властью, посредники независимые и авторитетные. Король, какъ источникъ пра-

---

[1]) Только въ 1771 г. вопросъ о допустимости обнародованія дебатовъ парламента былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, но въ теченіе долгаго времени составленіе отчетовъ было дѣломъ частныхъ репортеровъ, и только въ 1909 г. обѣ палаты завели свой штатъ стенографовъ и начали печатать отчеты въ правительственной типографіи (См. Harry Graham Mother of Parliament, London 1911 p. 284). Этотъ фактъ, къ сожалѣнію, не отмѣченъ въ статьѣ С. А. Корфа (Право опубликованія парламентскихъ отчетовъ. „Право“. 1911 г, № 13).

восудія (fountain of jusitce), такъ же обособленъ отъ короля въ кабинетѣ, какъ этотъ послѣдній—отъ короля въ парламентѣ. Правосудіе отправляется королемъ и его судьями такъ же, какъ управленіе ведется „королемъ и его совѣтниками“. И въ томъ и въ другомъ случаѣ королю принадлежитъ только право избранія достойныхъ кандидатовъ [1]).

Благодаря этимъ перемѣнамъ въ строѣ государственныхъ органовъ и въ частности въ отношеніи мѣстнаго правосудія къ центральному, правовое и политическое значеніе объѣздовъ королевскихъ судей необходимо должно было придти къ упадку.

Но на ряду съ политическими задачами институтъ этотъ преслѣдовалъ и задачи техническаго характера. Основной изъ нихъ была задача приближенія правосудія къ населенію. Привезти *правосудіе къ дверямъ дома каждаго* (to bring the justice to the every man's door)—великая задача, облегчающая каждому защиту и покровительство суда. Значеніе ея особенно выдѣлялось по гражданскимъ дѣламъ. Въ былое время путешествіе въ далекій Вестминстеръ, отнимавшее цѣлыя недѣли и сопряженное съ большимъ рискомъ для личной и имущественной безопасности, для многихъ было тяжелымъ бременемъ. Теперь, когда курьерскіе поѣзда, а для менѣе зажиточныхъ „парламентскіе поѣзда“ [2]) пересѣкаютъ страну по всѣмъ направленіямъ и когда наибольшимъ разстояніемъ отъ

---

[1]) Для обрисовки современнаго положенія королевскихъ судей весьма характерны слова Lord Cief Justice lord Alverstone, сказанныя имъ въ 1909 г. на годовомъ банкетѣ въ Mansion House. „Было время, когда судьи стояли между короной и народомъ и защищали народъ. Едва ли въ будущемъ судьямъ вновь придется оказаться въ этомъ положеніи, но теперь и въ будущемъ судьи призваны къ защитѣ интересовъ народа противъ исполнительной власти. Можно надѣяться, что никогда не наступитъ время, когда исполнительная власть правительства станетъ своей собственной истолкователь ницей актовъ парламента, но судьи Его Величества всегда будутъ разсматриваться какъ безпристрастный трибуналъ, которому будетъ довѣрено истолкованіе законовъ“.

[2]) Тарифы желѣзныхъ дорогъ въ Англіи еще мало контролируются государствомъ. Одно изъ немногихъ требованій, предъявляемыхъ закономъ, состоитъ въ томъ, что на каждой линіи по крайней мѣрѣ разъ въ сутки долженъ быть пущенъ поѣздъ съ платою не болѣе одного пенни съ мили. Желѣзнодорожныя компаніи своеобразнымъ способомъ бойкотируютъ это постановленіе парламента. Онѣ пускаютъ одинъ поѣздъ, отходящій обыкновенно глубокою ночью и пробѣгающій разстояніе въ теченіе времени въ 2—3 раза больше нормальнаго, который называется „parliamentary train“.

Лондона до любого пункта страны является разстояніе въ 5—6 часовъ, обращеніе въ Лондонъ стало наиболѣе удобнымъ. Правъ былъ Walton, который замѣчаетъ, что „былая слава объѣздовъ исчезла вмѣстѣ съ дилижансами и почтовыми каретами“. Въ Лондонѣ не приходится ждать срока прибытія судей и подвергать свое дѣло торопливому разсмотрѣнію судей и бэрристеровъ, едва лишь успѣвшихъ съ нимъ ознакомиться. Обращеніе въ Вестминстеръ обезпечиваетъ разсмотрѣніе дѣла судьей соотвѣтственнаго отдѣленія. судьей спеціалистомъ и позволяетъ довѣрить свои интересы лучшему адвокату, такъ какъ лучшіе адвокаты уже не путешествуютъ по ассизамъ, а предпочитаютъ оставаться въ Лондонѣ.

„Тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ—пишетъ circuit-tramp — лидеры главныхъ округовъ были также лидерами столичной адвокатуры (common law bar); это утвержденіе въ достаточной степени доказывается однимъ перечисленіемъ такихъ именъ, какъ Coleridge, Day, Karslake, Huddleston, Henry James, H. Giffard, H. Matthews. Въ настоящее время дѣло обстоитъ иначе. Современные модные адвокаты, можетъ быть, сохраняютъ свои имена въ circuit lists, но ихъ въ дѣйствительности рѣдко можно видѣть на ассизахъ. Это соотвѣтственнымъ образомъ отражается на гражданскихъ дѣлахъ. Хорошо извѣстно, что для объѣзда нѣтъ ничего худшаго, съ матеріальной точки зрѣнія, чѣмъ отсутствіе опытныхъ лидеровъ. Стороны не передаютъ сюда своихъ дѣлъ, если онѣ не увѣрены въ содѣйствіи первоклассныхъ адвокатовъ“.

Сильнымъ отвлекающимъ центромъ явился судъ графства (county court), получившій по закону 1846 г. весьма широкую юрисдикцію по гражданскимъ дѣламъ. Напр., въ Оксфордскомъ округѣ за 1846 г. среднее годовое число гражданскихъ дѣлъ въ ассизахъ, по свидѣтельству Плоудена (p. 95), равнялось 245, достигая въ отдѣльные годы (1827 г.)—412. Со времени County Court act 1846 г., среднее число гражданскихъ дѣлъ упало до 70—80. Разсчитанный на небольшой округъ и назначающій дѣла къ слушанію почти безъ всякой задержки, судъ графства является серьезнымъ конку-

рентомъ ассизнаго суда по менѣе важнымъ дѣламъ. Характерной особенностью англійскаго права по гражданскимъ дѣламъ является параллелизмъ юрисдикцій, который и приводитъ къ возможности обѣдненія ассизовъ на счетъ другихъ судовъ [1]). *Многое должно быть отнесено также на счетъ* паденія роли суда присяжныхъ по гражданскимъ дѣламъ, вслѣдствіе малой пригодности этого учрежденія къ изслѣдованію формальныхъ письменныхъ актовъ. Въ 1907 г. въ 9 ассизныхъ городахъ не было разсмотрѣно ни одного гражданскаго дѣла, въ 17 городахъ—не болѣе 5 въ каждомъ; Наоборотъ, максимальнаго предѣла число гражданскихъ дѣлъ достигаетъ въ Манчестерѣ (118) и Ливерпулѣ (106). Что гражданская юрисдикція тяготѣетъ къ Лондону, доказывается слѣдующимъ *сопоставленіемъ: на 773 дѣла рѣшенныхъ въ 1907 г. въ ассизахъ* приходится 2133 дѣла рѣшенныхъ въ Лондонѣ. Сумма исковъ по лондонскимъ дѣламъ равна 1179420 ф. с., а по ассизнымъ—131658, т. е. почти въ 9 разъ менѣе.

То же наблюдается и по уголовнымъ дѣламъ. Здѣсь, помимо усиленія конкурирующей юрисдикціи четвертныхъ сессій, о чемъ мы уже говорили, слѣдуетъ отмѣтить растущую потребность крупныхъ промышленныхъ центровъ, какъ Манчестеръ, Бирмингамъ, Ливерпуль и др., имѣть постоянные суды, на подобіе Лондонскаго Центральнаго уголовнаго суда, для рѣшенія важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ [2]). Благодаря періодичности объѣздовъ, подсудимымъ приходится мѣсяцы ждать подъ стражей,—явленіе, на которое сильно реагируютъ англичане, чуткіе къ правамъ личной свободы. Прибавленіе третьей и даже четвертой сессіи, произведенное въ началѣ

---

[1]) „Вліяніе суда графства на ассизы—пишетъ circuit-tramp—сильно разнится въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Въ округахъ, гдѣ судья суда графства пользуется общественнымъ довѣріемъ - какъ это бываетъ часто, но не всегда—многія дѣла, затрагивающія серьезныя права, разсматриваются передъ нимъ, хотя при другихъ условіяхъ они могли бы быть переданы въ Высшій судъ или перенесены путемъ жалобы въ него, если бы судья былъ менѣе популяренъ. Недостаткомъ системы, позволяющей спорящимъ выбирать или судъ графства, или Высшій судъ, является то, что одни графскіе суды остаются пустыми, а другіе переполняются до крайности".

[2]) См. заявленія представителей этихъ городовъ, помѣщенныя въ Chancery division return, 29 march. 1886. Franqueville p. 206.

XIX в., мало удовлетворило эту потребность. Развившіяся въ этихъ центрахъ мѣстныя организаціи адвокатовъ уже недружелюбно смотрятъ на пріѣхавшихъ съ судьею лондонскихъ гастролеровъ, отбивающихъ у нихъ и безъ того скудную практику; мѣстныя власти во главѣ съ шерифомъ тяготятся торжественностью и дороговизною стараго церемоніала ассизовъ, отвлекающаго отъ исполненія текущихъ обязанностей почти всѣ административные органы мѣстности и заставляющаго шерифа на свои средства поддерживать величіе стариннаго института.

Съ другой стороны, въ небольшихъ провинціальныхъ городахъ, благодаря значительному паденію тяжкой преступности въ Англіи, происходящему въ теченіе XIX вѣка съ большимъ постоянствомъ, и благодаря прогрессирующему сокращенію компетенціи суда присяжныхъ, отпадаетъ потребность въ ассизахъ, и пріѣзжему судьѣ приходится все чаще и чаще находить пустые календари [1]) или тощіе списки дѣлъ [2]).

---

[1]) Такъ называется списокъ дѣлъ, предназначенныхъ къ слушанію въ данную сессію, составляемый смотрителемъ тюрьмы.

[2]) Про судью одного изъ округовъ (South Wales Circuit), насчитывавшаго очень немного дѣлъ, разсказываютъ, что находя часто пустой календарь, онъ утѣшалъ себя реторическими изліяніями. Въ Brecon, обращаясь къ большому жюри, онъ говорилъ: „Увы, господа, гдѣ мой календарь? Его нѣтъ. Въ моей рукѣ только пустой бланкъ, на которомъ ни одного имени подсуднмаго!“ Въ Кардифѣ онъ заявлялъ: „Я не могу не воздать хвалы краснорѣчію тюремнаго смотрителя (gaoler) и его календаря. Я вижу въ немъ всего три слова, съ которыми по краснорѣчивости не сравнится и Демосфенъ: „Подсудимыхъ не имѣется“ (None for trial). Пусть эти слова навѣки украсятъ почетомъ это графство“. Въ Presteign ученый судья говорилъ: „Я просматриваю календарь съ одиноко стоящей на немъ кражей часовъ, единственнымъ преступленіемъ, которое мы должны разсмотрѣть, и думаю, что намъ приходится очищать пустую тюрьму. Двадцать четыре человѣка должны обсудить одну мелкую кражу“. Шерифъ одного графства, въ которомъ не было въ календарѣ преступленій, побоялся, что такое положеніе вещей можетъ оскорбить судью, и съ горячностью убѣждалъ его, что у нихъ имѣются подозрѣнія противъ одного за кражу овцы.

Объѣзды, при своей тяготности, представляютъ часто мало производительное занятіе. Про одного судью разсказываютъ что, увидавъ бѣлку въ колесѣ, выполняющую столь же безплодную работу, какъ и заключенный на treadmill, онъ воскликнулъ съ состраданіемъ: „Ah, poor devil, he is going the Home Circuit“. „Бѣдное существо, оно путешествуетъ по Home Circuit“ (послѣдній славился ничтожнымъ количествомъ дѣлъ).

Въ 1909 г., напр., во всѣхъ ассизныхъ судахъ Англіи было рѣшено всего 2399 уголовныхъ дѣлъ. тогда какъ на четвертныхъ сессіяхъ разсмотрѣло 7790 дѣлъ. Среди городовъ. въ которыхъ происходятъ по старинной традиціи ассизы, можно встрѣтить теперь не мало „гнилыхъ мѣстечекъ“, гдѣ судьѣ фактически не приходится совершенно исполнять своихъ судебныхъ функцій, и онъ ограничивается только церемоніальной стороной. Законъ 1908 г., (8 Edw. VII c. 4), разрѣшающій судьѣ не посѣщать этихъ мѣстечекъ и освобождающій присяжныхъ отъ явки въ случаѣ отсутствія дѣлъ въ календарѣ, наноситъ первый ударъ существованію этихъ пережитковъ.

Въ особенности паденіе это сказывается на адвокатурѣ. Несмотря на сокращеніе дѣлъ, число адвокатовъ, участвующихъ въ объѣздахъ, растетъ. Въ 1824 г. въ Западномъ объѣздѣ участвовало 73 адвоката; въ 1854 г. ихъ было всего 82. Теперь число возросло до 250. Большинство ихъ отправляется въ объѣздъ безъ всякаго намѣренія выступать въ судѣ, но желая лишь воспользоваться пріятностями соціальной жизни въ ассизахъ. Но и соціальная жизнь адвокатуры клонится къ упадку. „Соціальная жизнь среди адвокатуры во время объѣздовъ—пишетъ Плоуденъ—теперь уже не та, какъ прежде. Люди теперь уже не путешествуютъ по своему округу. Они только навѣдываются сюда, и ихъ визиты полны нетерпѣнія. Ихъ сердца заняты обратными билетами, и я подозрѣваю, что въ ихъ синихъ и красныхъ мѣшкахъ больше „Bradshaws“ (расписаній поѣздовъ), чѣмъ судебныхъ дѣлъ“. „Отправленіе въ объѣздъ—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—теперь совсѣмъ иная вещь, чѣмъ въ былое время. Теперь уже нѣтъ прежней связи между сочленами, нѣтъ былой bar mess. Отъ объѣздовъ остались обрывки и куски, разрозненные и несвязные, съ захватанными списками дѣлъ и адвокатскими мессами, проходящими безъ оживленія и сердечности. Я слышалъ жалобы этого рода и раньше, но теперь, вѣроятно, имѣется еще больше основаній для нихъ. Количество дѣлъ сильно колеблется, и списки дѣлъ бываютъ очень тощими. Къ удивленію, однако, несмотря на то, что истина всѣмъ ясно видна—пустынная земля безъ млека и меда—все же еще многіе

находятъ терпѣніе кочевать въ теченіе шести недѣль по объѣздамъ въ тщетной надеждѣ заполучить дѣла. Говоря грубо, это не особенно выгодно. Сдѣлать объѣздъ стоитъ отъ 400 до 500 рублей, и я не думаю, что изъ 200 и даже болѣе пилигримовъ хотя бы дюжинѣ удастся оплатить свои расходы, и едва ли, половина извлечетъ изъ объѣзда вообще какой либо заработокъ. Всѣ гражданскія дѣла попадутъ, въ сущности, въ руки двухъ—трехъ главныхъ адвокатовъ и ихъ помощниковъ. Уголовныя дѣла болѣе доступны, но гонорары по нимъ столь скудны, что потребовалась бы цѣлая вязанка дѣлъ, чтобы покрыть расходы по объѣзду. Во всемъ этомъ есть нѣчто, что заставляетъ задуматься. Жалко видѣть этихъ способныхъ и честолюбивыхъ людей, получившихъ университетскіе дипломы, тщетно навѣдывающихся въ одинъ и другой городъ въ надеждѣ на улыбку фортуны. И какъ часто имъ не приходится заполучить ни одного дѣла!“

Число дней, затрачиваемыхъ на засѣданія ассизовъ по отдѣльнымъ округамъ, сравнительно велико, какъ то видно изъ слѣдующей таблицы, относящейся къ 1907 г.

Округи.	Число дней засѣданія по угол. дѣламъ.	по гражд. дѣламъ.
South-eastern . . .	106	39
Midland	85	79
Oxford	68	30
Northern	81	138
North-eastern . . .	43	74
Western	82	36
Wales I	34	22
Wales II	50	39

Повсюду, за исключеніемъ Сѣвернаго и Оксфордскаго округовъ, число засѣданій по уголовнымъ дѣламъ превышаетъ число засѣданій по гражданскимъ, хотя разборъ гражданскихъ дѣлъ сложнѣе.

Въ 1907 г., въ цѣляхъ установленія вопроса о томъ, цѣлесообразно ли поддержаніе судейскихъ объѣздовъ въ цѣляхъ экономіи судейской работы, главнымъ атторнеемъ Herbert Samuel было произведено разслѣдованіе о числѣ дней,

потраченныхъ на разъѣзды по округамъ и на держаніе ассизовъ судьями отдѣленія королевской скамьи. Разслѣдованіе показало, что въ общемъ въ 1905 и 1906 г. судьями въ ассизахъ было затрачено 11,443½ рабочихъ часовъ, тогда какъ при рѣшеніи этихъ дѣлъ въ Лондонѣ имъ пришлось бы затратить на это 11,048½ часовъ. Разность въ 395 часовъ представляетъ собою итогъ времени судейской работы, непроизводительно затраченной во время ассизовъ на формальности, разъѣзды и пр. [1]).

Еще не такъ давно поднимать голосъ противъ старинnаго учрежденія объѣздныхъ ассизныхъ судей было кощунственнымъ дѣломъ. Но практическія потребности превозмогаютъ традицію, и за послѣдніе годы все чаще и чаще раздаются голоса въ пользу пока еще не отмѣны, а коренной реформы этой системы. Въ 1892 году судьи Высшаго суда выработали проектъ о томъ, чтобы гражданскіе ассизы происходили три раза въ годъ только въ 16 городахъ и четыре раза— въ Ливерпулѣ и Манчестерѣ. Въ 10 изъ указанныхъ въ этомъ числѣ городовъ количество гражданскихъ дѣлъ колебалось между 3 и 9 въ годъ [2]). Отсюда можно заключить, какъ ничтожно оно въ другихъ мѣстностяхъ [3]).

„Объѣздные судьи и Commissioners of Assize — пишетъ авторъ книги „Pie-powder“ — совершаютъ свои объѣзды столь

---

[1]) См. King's Bench Judges. Return showing for the year 1905 and 1906 in case of each judge of King's Bench Division the number of days on which he was absent from the King's Bench Division to go on circuit and the number of days on which he sat at assizes for the trial of prisoners or of civil cases. Home office, February, 1908. London. p. 65.

[2]) „Въ своемъ поученіи большому жюри въ одномъ изъ такихъ „гнилыхъ мѣстечекъ“, когда-то славномъ Іоркѣ, судья Grantham говорилъ о недавнихъ перемѣнахъ въ Сѣверномъ округѣ. Онъ сказалъ, что многіе боятся того, будто-бы ассизы будутъ уничтожены въ этомъ старомъ городѣ. Онъ можетъ ихъ успокоить: никто не думаетъ лишать ихъ этого, уваженіе къ старинѣ не позволитъ сдѣлать это. Онъ остановился, между прочимъ, на чрезмѣрныхъ притязаніяхъ Лондона, „этой сильно развившейся деревни“. Сѣтованія на то, что судьи теряютъ много времени на свои объѣзды, въ то время какъ въ Лондонѣ многія дѣла ждутъ ихъ, могутъ быть удовлетворены, по его мнѣнію, только увеличеніемъ числа судей. Подробнѣе эту рѣчь см. Gerland, I. 526.

[3]) Franqueville, I p. 207.

долгое время, что каждое послѣдующее поколѣніе юристовъ полагаетъ, что эта система переживетъ критику. Юристы. сторонники реформы, объявили войну этой системѣ за послѣднія 30—40 лѣтъ, но до сихъ поръ они не имѣли успѣха. Правда, величіе этой системы сильно упало. Еще не такъ давно, даже много спустя послѣ того, какъ почувствовались первые результаты развитія желѣзныхъ дорогъ, адвокатъ, не отправлявшійся въ объѣзды, былъ рѣдкимъ исключеніемъ. Только немногіе изъ уголовныхъ защитниковъ посвящали себя работѣ въ столицѣ, большинство смотрѣло на объѣзды, какъ на главный источникъ существованія и какъ на наиболѣе вѣрный путь для профессіональнаго успѣха. Двое судей два раза въ годъ посѣщали каждый ассизный городъ, и суды общаго права въ Лондонѣ были закрыты въ теченіе шести недѣль, пока судьи разъѣзжали по провинціи. Внутренній округъ еще существовалъ. Сѣверный былъ весьма могучимъ. Западный, Оксфордскій и Средній округа еще не начинали приходить къ упадку. Измѣненія стали происходить постепенно, но значительности этихъ измѣненій нельзя отрицать“.

Мы можемъ вмѣстѣ со старымъ судьей сказать:

„The sessions and'sizes are gone and past.
And the jolly old judge he's gone at last.

Наблюдаемое паденіе роли стариннаго института ассизовъ, однако, можно думать, еще не скоро приведетъ къ кореннымъ его преобразованіямъ. Слишкомъ сильно укрѣпился онъ въ народной психологіи, и нужны мощныя усилія критики, чтобы его распатать. Нужно бороться съ вѣковыми привычками и интересами судей, организаціей адвокатуры, ролью высшаго суда, обычаями населенія. Учрежденіе, укоренившееся глубоко въ народной психологіи, трудно поддается упраздненію. Старые участники объѣздовъ, печально наблюдая упадокъ былого величія, не могутъ отрѣшиться отъ той идеи вѣчности, которая носится надъ этимъ учрежденіемъ. Эта идея прекрасно выражена въ лирическомъ стихотвореніи стараго circuit tramp, которымъ мы и позволимъ заключить нашу статью:

Призраки объѣзда.

Длиненъ и тяжелъ былъ день и суровъ былъ пѣшій путь;
Холмы круты и полдень жарокъ; не разъ приходилось сколь-
зить и падать.
Но все жъ порой мои безпокойныя мечты стремятся снова
продѣлать этотъ путь.
Онѣ наполняютъ голосами умолкнувшіе годы и людьми—
опустѣвшія мѣста.
Онѣ улыбаются шуткамъ, веселье которыхъ пропало, и скор-
бятъ о горестяхъ, давно утихшихъ;
Онѣ отправляются снова въ свой Западный объѣздъ, какъ то
было въ доброе старое время.

Вотъ опять я сижу, слушая разборъ дѣлъ, съ пустыми
руками и карманами.
Мнѣ приходится заглушать нѣкоторую зависть при видѣ по-
лученныхъ другими дѣлъ (briefs).
Я смиренно улыбаюсь предъ клеркомъ неважнаго атторнея,
Любовно созерцая, какъ онъ отмѣчаетъ поступившій гонораръ.
Опять я съ смущеньемъ и съ затаеннымъ дыханьемъ слѣжу
за тѣмъ,
Какъ секретарь вручаетъ судьѣ довѣренность со стороны
обвиненія на мое имя.
Я прошу неуязвимаго полисмена правдиво дать свое пока-
заніе,
А мой почтенный возрастомъ противникъ опять повергаетъ
меня во прахъ;
Присяжные разсѣянно слушаютъ мою краснорѣчивую рѣчь—
И мое первое выступленіе кончается—оправданіемъ!
Но вотъ серьезнѣе становятся мечты, когда чело пересѣкается
морщинами,
А голова начинаетъ терять волосы,
Когда начинаешь досадовать на чрезмѣрно-справедливыхъ
судей и радоваться несправедливымъ присяжнымъ,
Когда утомишься отъ скудныхъ тріумфовъ и станешь раздра-
женнымъ отъ непріятностей.
Но и тогда, вслѣдъ за проходящими мимо годами, мы тѣс-
нимся впередъ, не зная куда,

И бросая лишь безпокойные взгляды; мы напрягаемъ наши
силы, не зная зачѣмъ.
Весь день полонъ шума; вся ночь живетъ видѣніями—
Насъ тѣснятъ и душатъ и банкеты, и веселыя трапезы,
И звуки трубъ терифа, и скрипъ желѣзныхъ колесъ;
Предъ нами мелькаютъ окровавленныя руки, искривленныя
лица, шепчущія уста и глаза, проливающіе слезы,—
Все призраки, угасшія видѣнья, едва припоминаемыя послѣ сна.
Конечно, и другіе грезили, какъ нынѣ грезимъ мы; и другія
ноги ступали по этимъ камнямъ,
Другіе люди занимали до насъ тѣ мѣста, которыя мы назы-
ваемъ своими,
Другіе свертки бумагъ лежали на столахъ, сохраняя свой
видъ призраковъ,
Подписанные пальцами духовъ и красиво перевязанные при-
зрачной тесьмой.
Другія тяжбы и распри, другія упованія и страхи
Наполняли угрюмые суды смѣхомъ и исторгали слезы у ка-
менныхъ стѣнъ.
Мы—только пустыя имена, свершающія свой недолгій кругъ;
Весь нашъ трудъ—въ словахъ, которыя скоро погибаютъ,
какъ звукъ пустой.
И теперь, въ глубинахъ темной и спѣшащей къ намъ Бу-
дущности, наслѣдники Жизни
Ждутъ съ протянутыми впередъ руками и воздѣтыми вверхъ
лицами своего призыва къ борьбѣ за право.
Они разбудятъ среди этихъ стѣнъ торжественное эхо и они
пойдутъ по этимъ старымъ путямъ,
Спѣша изъ суда домой—съ молодыми лицами и свѣжими
голосами.
А мы тогда, окончивъ трудъ своихъ юныхъ лѣтъ и переживъ
горделивость зрѣлаго возраста,
Станемъ призраками объѣзда—тѣнями, доносящими свой шо-
потъ неизвѣстно откуда.

IX.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОПЕКА И ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ВОСПИТАНІЕ ДѢТЕЙ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОПЕКА И ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ВОСПИТАНІЕ ДѢТЕЙ.

I.

Ни въ одной области общественной жизни въ настоящее время не замѣчается столь сильнаго вмѣшательства государственной власти въ интересахъ огражденія извѣстной категоріи лицъ, какъ въ области защиты и воспитанія несовершеннолѣтнихъ. Взглядъ, по которому только родители несовершеннолѣтнихъ должны заботиться о надлежащемъ ихъ развитіи и опекѣ, уже можетъ почитаться въ значительной мѣрѣ отжившимъ; современное государство предоставляетъ родителямъ эти функціи только въ первую голову; если же они не выполняютъ ихъ въ той степени, которую оно считаетъ необходимой, то само государство, чрезъ посредство своихъ органовъ, вступаетъ въ права родителей и заботится о благѣ ребенка. Идея о государствѣ, какъ о высшемъ опекунѣ надъ дѣтьми, порождена сознаніемъ той великой роли, какую играетъ для будущности страны надлежащее развитіе молодого поколѣнія. Она порождена необходимостью для культурнаго государства имѣть культурно-воспитанныхъ гражданъ. А эта послѣдняя потребность есть несомнѣнный результатъ демократизаціи государственнаго строя, когда всѣ граждане, независимо отъ ихъ развитія, привлекаются къ активному участію въ политической и соціальной жизни страны.

Съ другой стороны, общественныя отношенія въ современныхъ условіяхъ складываются такъ, что для значительнаго количества дѣтей семейный контроль и вліяніе семьи являются только фикціей. Семья, которую издавна привыкли называть „ячейкой общественной жизни“, уже во многихъ случаяхъ перестала быть необходимой формой для рожденія и воспитанія дѣтей; въ другихъ случаяхъ узы семейной жизни являются крайне слабыми, и съ каждымъ годомъ вліяніе семьи въ области воспитанія все болѣе и болѣе суживается. Ребенку приходится уже испытывать на себѣ вліяніе разнообразныхъ соціальныхъ факторовъ, дѣйствующихъ помимо семьи, какъ школа, товарищи, фабрика, уличная жизнь, литература, общедоступныя развлеченія и т. д. Необходимо поставить ребенка въ такое къ нимъ отношеніе, при которомъ не создавалось бы опасностей для моральнаго и физическаго развитія его. Эту важную задачу воздѣйствія на окружающую ребенка среду во всей ея полнотѣ также принимаетъ на себя современное государство.

Одною изъ первыхъ европейскихъ странъ, сознавшихъ всю важность этихъ задачъ, является Англія. Съ середины XIX вѣка она становится на путь изданія законодательныхъ мѣръ, разсчитанныхъ на созданіе системы государственнаго контроля надъ правильнымъ воспитаніемъ дѣтей. Одинъ за другимъ издаются законы о пріютахъ для принудительнаго воспитанія, о контролѣ надъ обязательностью обученія, о регламентаціи труда дѣтей, о жестокомъ обращеніи съ дѣтьми, о защитѣ жизни младенцевъ, о развращеніи малолѣтнихъ и т. д. Эти отдѣльныя мѣры (кромѣ, развѣ, исправительно-воспитательныхъ заведеній) мало обращали на себя вниманіе остальной Европы. Только за самое послѣднее время, когда все это законодательство, съ нѣкоторыми поправками, было консолидировано въ законѣ о дѣтяхъ (Children's act, 1908), для широкихъ европейскихъ круговъ стала ясной степень достигнутаго въ этой области прогресса. Въ настоящей статьѣ мнѣ и хотѣлось бы познакомить читателей съ постановкой въ Англіи дѣла государственной опеки надъ дѣтьми, какъ она рисуется по Children's act и другимъ узаконеніямъ.

Въ широкихъ кругахъ, и даже среди спеціалистовъ, держится мнѣніе, что новый законъ знаменуетъ собою какъ-бы эру въ англійскомъ законодательствѣ о дѣтяхъ. На самомъ дѣлѣ онъ представляетъ собою только попытку кодификаціи уже существовавшихъ ранѣе законовъ, сопровождавшуюся только частичными исправленіями. Я позволю себѣ процитировать слова составителя этого билля и главнаго его защитника въ Парламентѣ, сэра Герберта Самуэля, сказанныя имъ при внесеніи этого билля въ Палату Общинъ:

„Этотъ билль—говорилъ Гербертъ Самуэль—имѣетъ цѣлью собрать и исправить законодательство относительно защиты дѣтей и юношества, исправительныхъ и ремесленныхъ школъ, малолѣтнихъ преступниковъ и относительно нѣкоторыхъ другихъ сторонъ, касающихся несовершеннолѣтнихъ. Современное законодательство о несовершеннолѣтнихъ находится въ нѣсколько смутномъ состояніи. Оно разсѣяно въ значительномъ множествѣ статутовъ и крайне нуждается въ сводкѣ (consolidation). Вмѣстѣ съ тѣмъ опытъ указалъ на настоятельность внесенія въ него ряда поправокъ и расширеній, и поэтому было рѣшено не вносить въ Парламентъ въ теченіе ряда лѣтъ многихъ небольшихъ проектовъ, а сразу провести все законодательство о несовершеннолѣтнихъ въ кодифицированномъ видѣ съ необходимыми поправками. Проектъ, составленный съ этою цѣлью, не могъ бы разсчитывать на то, чтобы стать закономъ въ эту и безъ того слишкомъ обремененную дѣлами сессію, еслибы онъ не снискалъ къ себѣ сочувствія всѣхъ партій Палаты. Правительство, поэтому, исключило изъ него всѣ части, которыя могли бы явиться спорными. Вопросъ о нахожденіи дѣтей въ питейныхъ заведеніяхъ, относительно котораго можно было бы достигнуть общаго согласія, правительство все же признало болѣе цѣлесообразнымъ пріурочить къ обсужденію билля о продажѣ питей (licensing bill). Вопросъ о занятіи дѣтей на фабрикахъ или въ другихъ мѣстахъ возбудилъ серьезные вопросы относительно промышленности, и, къ сожалѣнію, по нему не было достигнуто согласія. Вопросъ объ образованіи дѣтей, естественно, относится къ Education act; пришлось также пропустить и нѣкоторыя другія

цостановленія относительно дѣтей. Но, при всемъ этомъ, билль оказался довольно объемистымъ. Онъ содержитъ 119 статей, занимающихъ 70 страницъ, и консолидируетъ двадцать два статута цѣликомъ и множество другихъ частью; въ немъ содержится, кромѣ того, рядъ новыхъ постановленій".

Эти намѣренія правительства нѣсколько измѣнились во время прохожденія билля въ палатахъ; ему пришлось дополнить билль нѣкоторыми постановленіями, ранѣе предполагавшимися къ оставленію внѣ его (напр., о посѣщеніи малолѣтними питейныхъ заведеній, о куреніи малолѣтнихъ). Но все же характеръ его, какъ кодификаціонной попытки, остался неизмѣннымъ.

Мысль, осуществленная Г. Самуэлемъ, можетъ быть названа счастливой. Кодификація значительнаго большинства законодательныхъ постановленій о дѣтяхъ (кодифицировать все законодательство, какъ мы видѣли, не удалось вслѣдствіе политическихъ треній) рельефно выставила идею государства, какъ высшаго опекуна дѣтей, существовавшую раньше въ формѣ разбросанныхъ и мало согласованныхъ между собою отдѣльныхъ положеній. И количество соотвѣтственныхъ постановленій ярко показываетъ, какъ глубоко эта идея успѣла проникнуть въ жизнь, несмотря на то, что въ общей формѣ она еще не провозглашалась. Эта прекрасная мысль выражена была Г. Самуэлемъ въ слѣдующихъ словахъ, которыми онъ охарактеризовалъ главную цѣль проекта:

„Мы хотимъ сказать ребенку, что если люди или право не были его друзьями въ прошломъ, они станутъ ими теперь. Мы утверждаемъ, что обязанностью Парламента является сдѣлать возможнымъ спасеніе и воспитаніе ребенка, закрывъ передъ нимъ двери тюрьмы и открывъ двери надежды" [1]).

Нужно замѣтить, однако, что не Гербертъ Самуэль явился авторомъ этой идеи. Въ данномъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, Англія восприняла только то, что уже назрѣло и осуществилось въ одной изъ опередившихъ ее въ соціальномъ отношеніи колоній. 20 декабря 1907 г. въ Западной Австраліи

---

[1]) Hansard, Parliamentary debates, 4-th ser. vol 186 p. 1262.

былъ утвержденъ новый законъ о государственныхъ дѣтяхъ (State Children's act). Этотъ актъ состоитъ изъ 133 статей, раздѣленныхъ на девять отдѣловъ, и отдѣльныя постановленія акта Г. Самуэля сильно напоминаютъ этотъ австралійскій образецъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ этотъ образецъ стоитъ даже значительно выше своей копіи [1]). Актъ Г. Самуэля былъ внесенъ въ Парламентъ 10 февраля 1908 г., черезъ два мѣсяца послѣ утвержденія австралійскаго закона. Эта подражательность, однако, нисколько не умаляетъ самостоятельныхъ заслугъ автора англійскаго закона, состоявшихъ въ цѣломъ рядѣ весьма цѣнныхъ поправокъ дѣйствующаго англійскаго законодательства, въ искусствѣ проведенія билля чрезъ сложную машину законодательства и, наконецъ, въ умѣніи привлечь широкое общественное вниманіе къ этой задачѣ.

Билль былъ принятъ въ первомъ чтеніи 10 февраля 1908 г. Черезъ пять мѣсяцевъ, 2 іюля, онъ уже поступилъ изъ комиссіи въ исправленномъ видѣ, а 21 декабря 1908 г. сталъ закономъ [2]). Вступленіе его въ дѣйствіе состоялось 1 августа 1909 г.

Въ мои намѣренія не входитъ ознакомленіе читателей съ содержаніемъ этого закона въ подробностяхъ [3]). Я позволю себѣ только изобразить картину государственной опеки надъ дѣтьми, какъ она рисуется по дѣйствующему англійскому законодательству, отмѣчая при этомъ тѣ новыя нормы, которыя созданы закономъ 1908 г.

---

[1]) См. „Seeking and Saving“ 1908 p. 495. Наиболѣе характерными отличіями австралійскаго закона являются: 1) распространеніе государственной опеки до достиженія малолѣтнимъ 18 лѣтъ (вмѣсто 16 лѣтъ англійскаго права); 2) различные виды исправительныхъ и ремесленныхъ школъ замѣняются общимъ типомъ „учрежденія“ (institution), причемъ учрежденія классифицируются не въ зависимости отъ рода дѣянія или возраста ребенка, а въ зависимости отъ его характера; 3) родителямъ предоставляется отказываться отъ своихъ родительскихъ правъ опеки съ передачей ихъ добровольнымъ учрежденіямъ. Авторомъ этого акта является Mr. Longmore, Secretary of the State Children Department.

[2]) Несмотря на быстроту прохожденія этого билля въ палатахъ, разсмотрѣніе его было весьма тщательнымъ. Объ этотъ свидѣтельствуетъ отчетъ комиссіи (Report from Standing Committee B. on the Children bill, London 1908), занимающій 84 страницы in folio.

[3]) Переводъ его (къ сожалѣнію, не вполнѣ точный) напечатанъ *Н. А. Окуневымъ* въ Журн. Мин. Юст. кн. 9 и 10, 1909 г.

I. Уже съ самаго рожденія ребенка государство стремится оградить его жизнь отъ опасностей, могущихъ ей угрожать отъ недостаточной заботливости лицъ, которымъ ввѣрена забота о ребенкѣ. Впервые законъ 1897 г. (Infant life protection act, 1897) создалъ особую систему правительственнаго контроля надъ отдачею новорожденныхъ въ чужія руки для кормленія и содержанія (т. наз. baby-farming system) [1]). Законъ 1908 г. повторяетъ эти правила, придавъ имъ большую силу отдѣльными поправками (ст. I—II). По этимъ правиламъ каждое лицо, принимающее на себя за вознагражденіе пропитаніе и содержаніе дѣтей до 7 лѣтъ, отдѣльно отъ ихъ родителей, обязано въ теченіе 48 часовъ со времени такого принятія извѣстить о томъ въ письменной формѣ мѣстную власть или лицо, уполномоченное для такой цѣли этою властью. Въ этомъ извѣщеніи должны содержаться указанія на имя, полъ, время и мѣсто рожденія ребенка, имя и адресъ лица, отъ котораго ребенокъ принятъ. Послѣ этого извѣщенія, лица, содержащія дѣтей, должны каждый разъ сообщать о перемѣнѣ мѣстожительства, о прекращеніи своей опеки надъ ребенкомъ и о передачѣ его какому-либо другому лицу, съ указаніемъ имени и мѣстожительства послѣдняго, а также посылать извѣщенія коронеру о смерти ребенка. Отъ этой обязанности извѣщенія, въ силу презумпціи родственной любви или публичной гарантіи, освобождены родственники и законные опекуны

---

[1]) Законъ 1897 г. былъ изданъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ дѣла Dyer, слушавшагося въ 1896 г. въ лондонскомъ Old Bayley, подъ предсѣдательствомъ лорда Брамптона. Въ этомъ дѣлѣ обвинялась одна „фабрикантша ангеловъ“ въ убійствѣ дѣвочки, отданной ей родителями. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ lord Brampton пишетъ объ этомъ дѣлѣ: „Оно обнаружило, что цѣлый рядъ правительствъ въ теченіе многихъ десятилѣтій допускалъ то, что „baby-farming“ стало почти признанной профессіей. Распространеніе этой системы является одной изъ поразительныхъ тайнъ XIX вѣка. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что не только Англія, но и весь цивилизованный міръ былъ потрясенъ открытіемъ тѣхъ ужасовъ, которые были обнаружены въ теченіе этого процесса“. (The Reminiscences of sir Henry Hawkins, baron Brampton. Vol. II London 1904 p. 214). Послѣ процесса генеральной атторней заявилъ правительству, что „дальнѣйшее существованіе системы baby-farming явится позоромъ для всякаго правительства“. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль былъ проведенъ законъ 1897 г. о защитѣ жизни младенцевъ.

ребенка, госпитали, учрежденія для выздоравливающихъ, благотворительныя учрежденія, содержимыя религіозными обществами, закрытыя элементарныя школы, а также учрежденія для содержанія бѣдныхъ дѣтей, устроенныя земствами [1]).

Обязанностью мѣстной власти является назначеніе посѣтителей или инспекторовъ обоего пола для защиты жизни младенцевъ. Эти инспектора должны удостовѣряться въ томъ, насколько удовлетворительно младенцы содержатся въ учрежденіяхъ или у лицъ, принявшихъ ихъ къ себѣ за плату; тамъ, гдѣ младенцы отдаются на содержаніе благотворительными обществами, этимъ обществамъ принадлежитъ право подобнаго наблюденія. Учрежденія, условія содержанія въ которыхъ будутъ признаны вполнѣ удовлетворительными, могутъ быть освобождаемы отъ наблюденія. Власти должны опредѣлить число дѣтей, которое можетъ содержаться въ одномъ помѣщеніи. Если содержаніе ребенка будетъ признано неудовлетворительнымъ, то онъ можетъ быть отнятъ отъ даннаго лица или учрежденія. Неудовлетворительными условіями содержанія признаются: а) тѣснота, опасность или антисанитарное состояніе помѣщенія; б) небрежность, невѣжество, алкоголизмъ, безнравственность, преступное поведеніе или тому подобныя причины, дѣлающія лицо, содержащее младенцевъ, непригоднымъ для этой задачи; в) нарушеніе этимъ лицомъ требованій настоящаго закона. Удаленіе ребенка изъ помѣщенія, признаннаго неудовлетворительнымъ, происходитъ по постановленію мирового судьи, издаваемому по ходатайству инспектора. До возвращенія родственникамъ или помѣщенія его согласно требованіямъ закона, младенецъ находится въ особыхъ мѣстахъ безопасности [2]). Лица, помѣщенія которыхъ признаны были непригодными для содержанія младенцевъ, или которыя сами признаны несоотвѣтственными для этой

---

[1]) Существовавшее въ законѣ 1897 г. изъятіе для лицъ, получавшихъ вознагражденіе свыше 20 ф. ст., въ случаѣ если младенецъ оставался въ своемъ домѣ, актомъ 1908 г. устранено.

[2]) Подъ „мѣстами безопасности“, согласно ст. 131 новаго закона, разумѣются „всякій работный домъ, полицейскій участокъ, госпиталь, больница или иное подходящее мѣсто, хозяинъ котораго согласенъ на время принимать къ себѣ младенцевъ, дѣтей или малолѣтнихъ“.

цѣли, или которыя были осуждены по этому закону, лишаются права принимать къ себѣ младенцевъ безъ предварительнаго на то разрѣшенія мѣстныхъ властей. Въ случаѣ смерти ребенка, лицо, содержавшее его, обязано въ теченіе 24 часовъ извѣстить о томъ коронера.

Учиненіе какихъ либо преступныхъ дѣяній по отношенію къ ребенку, виновность въ созданіи опасностей для его нравственности, безопасности, воспитанія, уже лишаетъ соотвѣтственныхъ лицъ права принимать къ себѣ дѣтей [1]). Кромѣ того, актъ 1908 г. создалъ особый деликтъ для лицъ, принимающихъ на себя заботу о младенцахъ. Чтобы устранить даже косвенную заинтересованность ихъ въ сокращеніи жизни ребенка, онъ воспрещаетъ, подъ угрозой штрафа въ 25 ф. с. или тюрьмы на срокъ до шести мѣсяцевъ, страхованіе такими лицами дѣтей на случай смерти и принятіе страховки отъ такихъ лицъ. Еще до изданія закона 1897 г. это запрещеніе фигурировало въ уставахъ Friendly Societies. Теперь оно распространено на всѣ учрежденія, принимающія къ себѣ младенцевъ.

Главнѣйшія измѣненія, произведенныя въ области защиты жизни младенцевъ актомъ 1908 г., состоятъ въ томъ, что онъ распространилъ контроль даже на тѣхъ лицъ, которыя принимаютъ къ себѣ хотя бы одного ребенка на содержаніе, тогда какъ раньше это требовалось отъ учрежденій содержавшихъ нѣсколько питомцевъ. Онъ далѣе предусматриваетъ на ряду съ инспекторами и „посѣтителей“, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть членовъ благотворительныхъ обществъ. Наконецъ, онъ установилъ отвѣтственность въ случаѣ страховки дѣтей на случай смерти. Практика уже успѣла указать на одинъ изъ серьезныхъ недостатковъ закона. Законъ требуетъ, чтобы извѣщеніе о принятіи ребенка на содержаніе послѣдовало въ теченіе 48 часовъ. Между тѣмъ жизнь младенца порою подвергается опасности и тогда, когда онъ находится на содержаніи въ теченіе меньшаго срока. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣются тайные пріюты, содержимые повивальными бабками, куда матери незаконныхъ

---

[1]) Эти проступки перечисляются въ дальнѣйшемъ отдѣлѣ, касающемся уголовной охраны дѣтей.

дѣтей являются для разрѣшенія отъ бремени. Повивальная бабка, оставляя у себя младенца въ теченіе менѣе 48 часовъ, не обязана извѣщать о томъ мѣстныя власти, между тѣмъ въ этихъ пріютахъ жизнь ребенка подвергается серьезной опасности. Желательно, чтобы и эта категорія подпала подъ дѣйствіе закона объ извѣщеніи.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ огражденіи жизни младенцевъ, упомянемъ, что актъ 1908 г. создаетъ два новыхъ деликта неосторожнаго причиненія смерти младенцамъ. Ст. 13 предусматриваетъ такъ называемое „заспаніе“ младенцевъ. Зло это сильно распространено въ Англіи, благодаря пьянству матерей. Въ одномъ Лондонѣ, по даннымъ статистики, происходитъ до 1600 случаевъ такого заспанія ежегодно. Новый законъ угрожаетъ отвѣтственностью до двухъ лѣтъ тюрьмы виновному въ этомъ деликтѣ. Для констатированія деликта достаточно доказать, „что смерть младенца до 3 лѣтъ послѣдовала отъ удушенія (и при этомъ удушеніе явилось не результатомъ болѣзни или присутствія въ горлѣ ребенка какого либо посторонняго предмета) въ то время, когда ребенокъ находился въ кровати съ лицомъ старше шестнадцати лѣтъ, и что это лицо легло спать въ нетрезвомъ видѣ“. Другимъ новымъ деликтомъ является непринятіе мѣръ предосторожности отъ ожога. Ежегодно нѣсколько сотъ дѣтей сгораетъ вслѣдствіе того, что родители или близкіе оставляютъ ихъ въ комнатѣ, недостаточно оградивъ ихъ отъ дѣйствія огня. Ст. 15 постановляетъ, что всякое лицо въ возрастѣ болѣе 16 лѣтъ, имѣющее присмотръ, заботу и попеченіе о ребенкѣ до семи лѣтъ, будетъ виновно въ проступкѣ, караемомъ штрафомъ до 10 ф. с., если оно оставитъ ребенка въ помѣщеніи, имѣющемъ недостаточно защищенную открытую печь (fire-grate), не принявъ достаточныхъ мѣръ предосторожности, и если при этомъ ребенокъ будетъ убитъ или получитъ серьезныя тѣлесныя поврежденія. Эти новыя статьи, несомнѣнно, будутъ содѣйствовать поднятію сознанія отвѣтственности у недостаточно заботливыхъ родителей.

II. За мѣрами защиты жизни въ младенческомъ возрастѣ идутъ постановленія объ охраненіи ихъ здоровья и физиче-

ского благосостоянія. Нарушеніе разумной заботливости о физическомъ благосостояніи ребенка разсматривается въ Англіи какъ деликтъ „жестокаго обращенія съ дѣтьми“ (cruelty to children). Въ этомъ отношеніи понятіе „жестокаго обращенія“ въ Англіи значительно шире, чѣмъ у насъ. Законодательство о жестокомъ обращеніи настолько любопытно, что мы позволимъ здѣсь остановиться нѣсколько на его историческомъ развитіи.

До акта 1889 г. въ Англіи не было общаго понятія „жестокаго обращенія“, а отдѣльные деликты этого рода были разбросаны въ рядѣ общихъ законовъ [1]). Впервые резолюціей всѣхъ судей въ 1802 г. было признано, что отказъ въ предоставленіи пищи, одежды, постели и другихъ предметовъ необходимости ребенку нѣжнаго возраста, не могущему заботиться о себѣ (будь онъ собственнымъ ребенкомъ, ученикомъ или слугою), со стороны лица, обязаннаго къ тому, если въ результатѣ этого причиненъ ущербъ здоровью ребенка, является уголовнымъ преступленіемъ (R. v. Friend). Въ 1837 г. это понятіе было распространено и на отказъ въ медицинской помощи со стороны мастера заболѣвшему ученику (R. v. W. Smith). Въ 1851 г., судебнымъ рѣшеніемъ по дѣлу R. v. Mabbet, была установлена необходимость предоставленія дѣтямъ надлежащей пищи, съ возложеніемъ обязанности на лицъ, имѣющихъ о нихъ попеченіе, въ случаѣ отсутствія матеріальныхъ средствъ обращаться за помощью къ общинѣ на основаніи закона о бѣдныхъ. Отказъ въ такомъ обращеніи по какимъ либо основаніямъ возлагалъ на лицо, обязанное содержаніемъ, всю отвѣтственность за послѣдствія для жизни и здоровья ребенка.

Эти судебныя рѣшенія привели къ ст. 37 Poor law amendment act, 1868, каравшей тюрьмой до шести мѣсяцевъ родителя, умышленно пренебрегшаго тѣмъ, чтобы снабдить ребенка ниже 14 лѣтъ, находящагося подъ его попеченіемъ, необхо-

---

[1]) Таковы poor laws, offences against persons act 1861, criminal law amendment acts etc. Подробности объ этомъ законодательствѣ въ сборникѣ Jones and H. Bellot. The law of children and young persons (in relation to penal offences) with introduction by H. Gladstone, London, 1909 p. 20.

димою пищею, одеждою, врачебной помощью и жилищемъ, вслѣдствіе чего здоровье ребенка подверглось или могло подвергнуться серьезному ущербу. Этотъ законъ получилъ, между прочимъ, широкое примѣненіе по отношенію къ тѣмъ родителямъ, которые отказывались прививать своимъ дѣтямъ оспенную сыворотку и которые получили прозваніе „peculiar people“ [1]).

Только законъ 1889 г. намѣтилъ въ болѣе широкихъ рамкахъ деликтъ жестокаго обращенія. По этому закону карается тюрьмой всякое лицо, старше 16 лѣтъ, имѣющее подъ своимъ попеченіемъ, надзоромъ или охраной мальчика ниже 14 лѣтъ или дѣвочку ниже 16 лѣтъ, которое умышленно будетъ подвергать ребенка дурному обращенію (ill-treats), оставитъ его безъ попеченія (neglects), присмотра (abandons) или покинетъ его на произволъ судьбы (exposes) или которое своими дѣйствіями будетъ способствовать этому, вслѣдствіе чего такому ребенку будутъ грозить напрасныя страданія или ущербъ для его здоровья. Отвѣтственность квалифицируется въ случаѣ смерти ребенка или наличности корыстнаго мотива въ этихъ дѣйствіяхъ.

За проведеніемъ акта 1889 г. начались къ нему дополнительныя узаконенія. Изъ нихъ важнѣйшими явились законы, изданные въ 1894 и 1904 г.г. Первый повысилъ возрастъ защиты до 16 лѣтъ для дѣтей обоего пола и включилъ „потерю зрѣнія, слуха, члена тѣла и умственное разстройство“ въ понятіе вреда здоровью. Второй актъ, консолидировавшій всѣ предшествующія постановленія въ этой области (Prevention of cruelty to children act, 1904), внесъ важное дополненіе. Онъ сдѣлалъ отца, покинувшаго по какимъ либо основаніямъ свою жену и дѣтей, отвѣтственнымъ за то дурное положеніе, въ которомъ могутъ оказаться дѣти. Отецъ уже не можетъ пред-

[1]) Борьба съ отказомъ родителей прививать оспенную сыворотку дѣтямъ довольно любопытна. Въ 1872 г. присяжными былъ осужденъ одинъ отецъ, не привившій оспы ребенку, вослѣдствіи умершему отъ оспы. Но вмѣсто назначенія наказанія отъ него было отобрано поручительство. Въ 1874 г. судья баронъ Pigott отказался подводить подъ дѣйствіе этой статьи подобные случаи, и рѣшеніе его стало на время руководящимъ (R. V. Hines). До 1889 г. практика по этому вопросу колебалась.

ставлять въ свое оправданіе указанія на то, что онъ живетъ раздѣльно съ женою и не имѣетъ дѣйствительнаго наблюденія надъ дѣтьми. Онъ отвѣчаетъ уже за упущеніе, за то, что пересталъ заботиться о семьѣ, въ результатѣ чего получилось печальное состояніе его дѣтей. Этотъ актъ вмѣстѣ съ тѣмъ значительно расширилъ понятіе „жестокаго обращенія“ внесеніемъ въ него многихъ деликтовъ (и ранѣе разсматривавшихся какъ преступленія), относившихся прежде къ области общаго права. Сдѣлано это было для того, чтобы представить возможность обществамъ защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія выступать обвинителями по этимъ преступленіямъ. Законъ этотъ внесъ также въ понятіе жестокаго обращенія склоненіе дѣвицъ до 16 лѣтъ къ проституціи.

Законъ 1908 г. въ части II (ст. 12 и 13) воспроизводитъ въ существенныхъ чертахъ постановленія прежнихъ законовъ. Онъ говоритъ о „person who wilfully assaults, illtreats, neglects, abandons or exposes the child or young person“ и караетъ виновнаго штрафомъ до 100 ф. с. и тюрьмой до 2 лѣтъ (въ случаѣ же суммарнаго производства—штрафомъ до 25 ф. с. и тюрьмой до 6 мѣсяцевъ [1]). Это наказаніе возвышается до

---

[1]) Относительно каждой изъ формъ жестокаго обращенія, установленныхъ выше, имѣется богатая судебная практика. Мы позволимъ привести нѣкоторыя изъ ея толкованій. „Assault“ опредѣляется какъ всякій актъ, посягающій прямо или косвенно на личность другого или на его свободу, учиненный безъ его согласія. Сюда практика относитъ не только побои и тѣлесныя поврежденія, но и безнравственныя посягательства, незаконное лишеніе свободы, задержаніе учителемъ ребенка въ школѣ, помѣщеніе въ карцерѣ на срокъ больній того, который допустимъ уставомъ, и пр. „Illtreat“ опредѣляется какъ „всякое суровое, грубое или жестокое дѣйствіе или упущеніе, способное причинить страданія или вредъ ребенку въ умственномъ, моральномъ или физическомъ отношеніи“. Сюда относятся не только систематическія лишенія или побои, какъ то требовало болѣе старое право, но даже чрезмѣрное запугиваніе ребенка, причиненіе ему нервнаго потрясенія. „Neglect“ есть, по опредѣленію лорда Рэсселя, „отсутствіе разумнаго попеченія, т. е. непринятіе такихъ шаговъ, которые должны были бы быть предприняты разумнымъ человѣкомъ и обыкновенно предпринимаются людьми обычнаго опыта“. Подъ это понятіе практикой подводится не только непосредственный отказъ въ пищѣ, одеждѣ, врачебной помощи и пр., но и такія дѣйствія, какъ необращеніе къ мѣстнымъ благотворительнымъ организаціямъ за помощью, непосылка денегъ семьѣ; въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, оправданіемъ можетъ служить отсутствіе средствъ, но понятіе это толкуется очень стѣснительно; такъ, напр., пьянство отца, наличность у него предметовъ, ко-

каторжной тюрьмы, если будетъ доказано, что обвиненный былъ прямо или косвенно заинтересованъ въ полученіи какой либо суммы денегъ по случаю смерти ребенка [1]).

Практика толкуетъ распространительно эти обязанности по отношенію къ дѣтямъ, и потому нормы о „жестокомъ обращеніи“ стали какъ бы основаніемъ, на которомъ государство строитъ все матеріальное благополучіе ребенка.

Лица, обязанныя содержать ребенка,—родители или лица. находящіяся in loco parentis, намѣчены очень широко [2]). На чьихъ бы рукахъ ребенокъ до 16 лѣтъ ни находился (а нахожденіе его подъ попеченіемъ кого либо предусматривается всегда закономъ), онъ, подъ страхомъ уголовной отвѣтственности, не можетъ быть лишенъ предметовъ первой необходимости.

Создавая понятіе „жестокаго обращенія“, англійское законодательство озаботилось также установленіемъ ряда мѣръ, могущихъ обезпечить дѣйствительный надзоръ за положеніемъ дѣтей въ частныхъ семьяхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Эти мѣры заслуживаютъ того, чтобы быть указанными (ст. 19—

торые могутъ быть заложены, разсматривается какъ доказательство имѣнія у него средствъ. „A b a n d o n o r e x p o s e“ охватываетъ всѣ дѣйствія и упущенія, оставляющія младенца безъ присмотра или родительскаго попеченія (подкидываніе, оставленіе въ опасномъ состояніи и т. д.). Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ жестокаго обращенія карается не только непосредственно учинившій, но и подстрекатель и пособникъ.

[2]) Такой незаконной выгодой не признается страховая премія въ размѣрѣ, не превышающемъ 10 ф. ст., предназначаемая на покрытіе расходовъ по погребенію ребенка.

[3]) Лицами, обязанными содержать ребенка, являются не только родные родители, но и отчимъ и мачеха, а также, если судъ найдетъ то правильнымъ, лицо, сожительствующее съ матерью или, хотя и не сожительствующее, но являющееся вѣроятнымъ отцомъ ребенка (ст. 125). Всѣ эти лица заступаютъ родителей (loco parentis). Развитіе отвѣтственности этихъ лицъ, какъ она устанавливалась законами о бѣдныхъ, начиная съ 1601 г., является весьма любопытнымъ. Впервые актъ 1601 возложилъ на родителей и восходящихъ обязанность содержанія дѣтей. Poor law amendment act 1834 возложилъ эту обязанность на отчима. Отвѣтственность его за содержаніе дѣтей простирается до достиженія ими 16 лѣтъ и позже, если они являются глухими, нѣмыми, слѣпыми или немощными. Bastardy act 1872 г. впервые возложилъ на отца незаконнаго ребенка обязанность выдавать его матери до достиженія ребенкомъ 16-лѣтняго возраста вспомоществованіе не свыше 5 шиллинговъ въ недѣлю. Приравненіе къ родителямъ лицъ, сожительствующихъ съ матерью, сдѣлано лишь закономъ 1908 г.

26). Полицейскимъ констеблямъ предоставляется право арестовывать безъ судебнаго приказа лицъ, виновныхъ въ этихъ проступкахъ жестокаго обращенія, если имѣется подозрѣніе побѣга или если неизвѣстно ихъ имя и мѣстожительство. Освобожденіе ихъ на поруки можетъ происходить только тогда, когда они не будутъ представлять опасности для ребенка, противъ котораго учинено преступленіе. Пострадавшія дѣти отводятся въ особыя мѣста безопасности (places of safety), гдѣ они находятся до тѣхъ поръ, пока судъ не сдѣлаетъ относительно нихъ другихъ распоряженій. Въ случаѣ осужденія какого либо лица за деликтъ жестокаго обращенія, судья можетъ распорядиться о томъ, чтобы ребенокъ былъ отнятъ отъ этого лица и переданъ подъ наблюденіе другого подходящаго лица до достиженія имъ 16-лѣтняго возраста, при чемъ суду всегда предоставляется перемѣнять то лицо, которому ребенокъ отданъ на попеченіе. Такое же полномочіе имѣется и при преданіи суду за подобныя преступленія или при обязаніи храненія мира по поводу нихъ. При отдачѣ дѣтей другимъ лицамъ преимущество оказывается всегда родителямъ и законнымъ опекунамъ, и только тогда ребенокъ поручается постороннимъ лицамъ, если родителей нѣтъ или они сами были осуждены или преданы суду за жестокое обращеніе. Всѣ распоряженія суда по этому предмету дѣлаются въ отсутствіе ребенка [1]).

---

[1]) Эти постановленія серьезно затрагиваютъ права родительской власти. Не лишнимъ будетъ въ связи съ ними отмѣтить то, какъ за послѣднее время ограничивалась въ Англіи отцовская власть вообще. Еще недавно родительская власть надъ дѣтьми почиталась въ Англіи священной и не допускала государственнаго вмѣшательства. Одинъ изъ статутовъ конца XVII вѣка (12 Charles I c. 24 s. 8) представлялъ отцу распоряжаться вполнѣ опекой надъ своими дѣтьми, не достигшими 21 года, если они не вступили въ бракъ. Въ томъ же столѣтіи Лордъ Бэконъ, знаменитый канцлеръ Англіи, писалъ: „канцлерскій судъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ область священнаго права отца по отношенію къ его дѣтямъ“ (дѣло Plomby). Первое ограниченіе родительской власти мы находимъ въ законѣ 1839 г. (Custody of infants act, 1839), въ которомъ судамъ справедливости дается право по ходатайству матери младенцевъ, находящихся подъ опекой одного только отца или лица, уполномоченнаго послѣднимъ, предписывать о томъ, чтобы матери давался доступъ къ младенцамъ, или о томъ, чтобы они были отняты отъ отца и переданы матери до достиженія ими семилѣтняго возраста. Слѣдующій шагъ былъ сдѣланъ Infant Felons act, 1840, по которому канцлерскій судъ былъ

Отдача ребенка по распоряженію суда подъ надзоръ пригоднымъ лицамъ (напоминающая нашъ „отвѣтственный надзоръ благонадежныхъ лицъ“) подробно регулируется въ законѣ. „Каждый—гласитъ ст. 22,—кому отданъ подъ наблюденіе несовершеннолѣтній до 16 лѣтъ, долженъ въ теченіе всего срока, на который издано постановленіе суда, имѣть о несовершеннолѣтнемъ такой же надзоръ, какъ если бы онъ былъ его родителемъ: онъ будетъ отвѣтственъ за содержаніе несовершеннолѣтняго и сможетъ осуществлять свое попече-

---

уполномоченъ передавать опеку надъ малолѣтними преступниками лицамъ, пожелавшимъ принять на себя заботу о нихъ и воспитаніе ихъ, если то соотвѣтствовало интересамъ ребенка и если характеръ, привычка и обстоятельства жизни родителей ребенка судомъ признавались неудовлетворительными. По Matrimonial causes acts, 1857 и 1884 суду было предоставлено право, во всякомъ дѣлѣ о судебномъ разлученіи, разводѣ и недѣйствительности брака, постановлять о судьбѣ дѣтей, родившихся въ этомъ бракѣ. По акту 1886 г. (Guardianship of infants act, 1886) судъ могъ признавать супруга, виновнаго въ дѣйствіяхъ, приведшихъ къ расторженію брака, непригоднымъ для того, чтобы быть опекуномъ своихъ дѣтей. По акту 1895 г. (Married women act, 1895) судъ, поручая опеку надъ дѣтьми матери, до достиженія дѣтьми 16-лѣтняго возраста, можетъ обязывать отца къ уплатѣ матери еженедѣльно суммы не свыше 2 фун. стерл. То же право предоставлено матери и въ случаѣ привычнаго пьянства отца (Licensing act, 1902). До акта 1886 г. отецъ могъ свободно въ своемъ завѣщаніи распоряжаться опекой надъ ребенкомъ послѣ своей смерти; по этому акту (Guardianship of infants act, 1886) эта опека послѣ смерти всегда переходитъ къ матери.

Но не только мать, а и всякое постороннее лицо можетъ быть назначено опекуномъ ребенка въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Въ случаѣ склоненія отцомъ дочери въ возрастѣ до 16 лѣтъ къ развратной жизни, судъ можетъ лишить отца власти надъ нею и передать эту власть всякому другому лицу, пожелавшему принять на себя опеку до достиженія ею 21 года (Criminal law amendment act, 1885 s. 12); то же предоставлено и въ случаѣ жестокаго обращенія (Prevention of cruelty to chiledren act, 1904), если родитель пользуется пособіемъ изъ фонда для бѣдныхъ и неспособенъ къ присмотру за своимъ ребенкомъ (Poor law act, 1899 s. 1). Такимъ образомъ законъ знаетъ рядъ случаевъ, когда судъ, разбирающій какое либо дѣло, можетъ лишать виновныхъ родительской власти. Высшему суду принадлежитъ право устранять во всякое время назначеннаго опекуна, если онъ найдетъ то соотвѣтствующимъ благу ребенка. Для отнятія ребенка отъ родителя, незаконно удерживающаго его у себя, можетъ быть примѣняемъ Habeas Corpus act. Ограниченія родительской власти въ пользу пріютовъ, принявшихъ къ себѣ дѣтей заброшенныхъ, покинутыхъ или содержавшихся на средства для бѣдныхъ въ теченіе долгаго времени, установлены Custody infants act, 1891 s. 3. Ребенокъ возвращается родителю лишь тогда, когда родитель докажетъ суду, что онъ явится пригоднымъ (fit person) для воспитанія и содержанія ребенка.

ніе, несмотря на претензіи родителей или другихъ лицъ". Содѣйствіе побѣгу несовершеннолѣтняго отъ такого лица или укрывательство бѣжавшаго у себя, затрудняющее возвращеніе его къ попечителю, назначенному судомъ, карается штрафомъ до 20 фун. стерл. или тюрьмой до двухъ мѣсяцевъ. На содержаніе малолѣтняго у попечителя могутъ быть принудительно взыскиваемы съ родителей опредѣленныя суммы денегъ, при чемъ, если родители получаютъ регулярное вознагражденіе или пенсію, то изъ нихъ могутъ быть производимы соотвѣтственные вычеты. При помѣщеніи ребенка къ какому либо лицу, судъ принимаетъ во вниманіе одинаковость вѣроисповѣданій несовершеннолѣтняго и этого лица. При разнородности исповѣданій, это лицо должно дать достаточное по мнѣнію суда обязательство въ томъ, что несовершеннолѣтній будетъ воспитываться въ согласіи съ требованіями вѣроисповѣданія, къ которому онъ принадлежитъ [1]).

За положеніемъ дѣтей у такихъ лицъ устанавливается энергичный надзоръ. Каждымъ гражданиномъ, дѣйствующимъ, по мнѣнію суда, въ интересахъ ребенка, можетъ быть подано суду заявленіе о томъ, что ребенокъ подвергается жестокому обращенію или что по отношенію къ нему совершаются какія либо преступленія. Судья можетъ поручить констеблю разслѣдованіе этого дѣла и, въ случаѣ необходимости, арестъ виновнаго и приведеніе его въ судъ. Констебль, уполномоченный судомъ на то, можетъ для цѣлей изслѣдованія входить въ домъ и принудительно удалять оттуда ребенка. Онъ можетъ привлекать къ себѣ въ помощь, помимо лица, сдѣлавшаго суду заявленіе, еще практикующаго врача. Но, кромѣ права заявленія, принадлежащаго каждому, которое существовало и ранѣе, актъ 1908 г. создаетъ регулярное посѣщеніе особыми посѣтителями домовъ, въ которыхъ находятся дѣти, отданныя по распоряженію суда. Такой надзоръ является новымъ

---

[1]) Постановленія о защитѣ вѣроисповѣданія ребенка, которыя мы будемъ встрѣчать и далѣе, объясняются многочисленностью въ Англіи сектъ и quasi религіозныхъ организацій, какъ Армія спасенія, Церковная армія и пр., дѣятельно занимающихся прозелитизмомъ и пользующихся воспитаніемъ, какъ средствомъ для того.

лишь для частныхъ лицъ и благотворительныхъ учрежденій, не получающихъ правительственной субсидіи; что же касается прочихъ учрежденій, то они подлежатъ и подлежали оффиціальному надзору правительственныхъ органовъ. Для этихъ частныхъ учрежденій предусматривается назначеніе министромъ особыхъ лицъ, которыя получаютъ право входить въ учрежденія, содержащія дѣтей, и разслѣдовать положеніе дѣтей, въ нихъ находящихся. Въ цѣляхъ облегченія тягостности такихъ инспекцій, законъ предусматриваетъ для учрежденій, содержащихъ дѣвочекъ, назначеніе женщинъ-инспектрисъ, и для учрежденій, руководимыхъ религіозными организаціями, инспекторовъ, принадлежащихъ къ той же религіи [1]).

Министру предоставляется также рядъ особыхъ полномочій. Онъ можетъ во всякое время предписывать, чтобы несовершеннолѣтній, порученный наблюденію кого либо, былъ освобожденъ совершенно или же на опредѣленныхъ условіяхъ; онъ разрѣшаетъ эмиграцію такого ребенка и самъ предлагаетъ ее, когда сочтетъ то удобнымъ. Онъ, какъ мы уже говорили, назначаетъ особыхъ инспекторовъ для наблюденія за содержаніемъ дѣтей.

Дѣла о жестокомъ обращеніи ставятъ ребенка на судѣ въ нѣсколько особое положеніе по отношенію къ его родителямъ. Онъ долженъ выступить противъ нихъ съ показаніями; порою онъ слышитъ характеристики своихъ родителей или близкихъ, которыя могутъ произвести нехорошее впечатлѣніе на дѣтскую психику. Поэтому законъ 1904 г., а за нимъ и новый актъ, постарались смягчить эту тяжелую обстановку. Прежде всего, въ этихъ цѣляхъ, разрѣшается въ болѣе широкой степени пользованіе письменными показаніями ребенка, отобранными подъ присягой компетентнымъ лицомъ, если врачъ признаетъ, что появленіе пострадавшаго ребенка на судѣ можетъ составить опасность для его жизни или здоровья. Пользованіе ими возможно какъ на предварительномъ слѣдствіи предъ мировымъ судьей, такъ и на судебномъ; въ послѣд-

---

[1]) Это правило создано главнымъ образомъ въ интересахъ католическихъ организацій.

немъ случаѣ требуется лишь, чтобы лицо, противъ котораго эти показанія были направлены, было извѣщено о томъ, что ихъ предполагаютъ представить въ качествѣ доказательства, и чтобы оно имѣло возможность лично или черезъ адвоката присутствовать во время допроса. Дѣти нѣжнаго возраста, допрашиваемыя на судѣ, если они по мнѣнію суда не понимаютъ значенія присяги, могутъ показывать и безъ нея; но при этомъ они должны сознавать обязанность говорить правду и обладать достаточной разсудительностью, чтобы оправдать допросъ ихъ на судѣ. Этимъ показаніямъ, однако, не можетъ быть придано рѣшающаго значенія, если они не подкрѣплены другими существенными доказательствами. Во всѣхъ случаяхъ, когда судъ признаетъ присутствіе несовершеннолѣтняго до 16 лѣтъ несущественнымъ для правильнаго разбирательства дѣла о проступкѣ, учиненномъ по отношенію къ нему, онъ можетъ постановлять объ удаленіи его изъ суда или о невызовѣ его въ судъ [1]). Преслѣдованіе виновныхъ предоставляется совѣту попечителей (board of guardians), а также обществамъ защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія, но преданіе ихъ суду не можетъ состояться безъ предварительнаго разбирательства дѣла предъ мировымъ судьей.

Характерно, что, создавъ систему гарантій противъ жестокаго обращенія, законъ въ особой статьѣ указываетъ, что этимъ „ни въ чемъ не затрагивается право родителей, учителей и другихъ лицъ, имѣющихъ законное попеченіе о ребенкѣ, примѣнять къ нему мѣры наказанія“. Это родительское право, не нашедшее себѣ признанія въ законахъ до послѣдняго времени, издавна признано авторитетами англійскаго права въ очень рѣшительной формѣ [2]).

---

[1]) См. подробнѣе *Стифен*, Очеркъ доказательственнаго права, русск. пер. 1910 стр. 145.

[2]) „Родитель—писалъ Blackstone въ своихъ „Комментаріяхъ“ (I, 452)—можетъ законно подвергать своего ребенка разумнымъ наказаніямъ, ибо это дѣлается въ интересахъ воспитанія. Если при этомъ по какимъ либо причинамъ послѣдуетъ ущербъ здоровью или даже смерть, то это является, какъ говоритъ M. Hale, случайностью, per infortuniam. Это право наказанія можетъ быть передаваемо родителями другимъ лицамъ, въ томъ числѣ и школьному учителю“. „По законамъ Англіи—говорилъ лордъ главный судья Cockburn—родитель или учитель

III. Постановленія касательно обезпеченія дѣтямъ матеріальнаго благосостоянія дополняются рядомъ статей, преслѣдующихъ цѣль охраненія дѣтей отъ моральной заразы. Актъ о дѣтяхъ затрагиваетъ изъ нихъ только тѣ, которыя относятся спеціально къ дѣтямъ [1]). „Деликты эти таковы:

(который въ этомъ отношеніи замѣняетъ родителя и дѣйствуетъ какъ его уполномоченный) можетъ въ цѣляхъ исправленія ребенка отъ порока подвергать его умѣренному и разумному тѣлесному наказанію, но всегда подъ тѣмъ условіемъ, что наказаніе будетъ умѣренно и разумно. Если оно примѣняется лишь для удовлетворенія гнѣва, или является чрезмѣрнымъ и неумѣреннымъ въ количествѣ, или продолжается больше, чѣмъ то можетъ вытерпѣть ребенокъ, или налагается орудіемъ, могущимъ причинить опасность жизни или цѣлости органа ребенка, то лицо, примѣняющее это наказаніе, становится отвѣтственнымъ предъ закономъ и, въ случаѣ смерти, отвѣчаетъ за лишеніе жизни (manslaughter)". Въ рядѣ рѣшеній это право находитъ дальнѣйшія ограниченія. Такъ, оно не допускается по отношенію къ младенцамъ до 3—4 лѣтъ; постепенно изгнаны судебными рѣшеніями орудія наказаній болѣе жестокаго образца, какъ арапники, толстыя трости и пр. Характерно, что право учителей примѣнять легкія тѣлесныя наказанія всегда упоминается судьями наравнѣ съ родительскимъ правомъ. Въ англійскихъ элементарныхъ школахъ имѣется даже трость установленнаго правительствомъ образца для этой цѣли.

[1]) Нѣкоторыя изъ общеуголовныхъ преступленій, въ процессуальномъ отношеніи, приравниваются къ „жестокому обращенію". Они перечислены въ I приложеніи къ Prevention of cruelty to children act 1904 и повторены въ приложеніи къ Children act 1908. По нимъ расширяются права полиціи, отдѣльныхъ гражданъ, какъ возбудителей преслѣдованія, устанавливаются особыя правила для допроса малолѣтнихъ и пр. (см. выше). Преступленія эти сводятся къ слѣдующимъ:

1) оставленіе въ опасности младенца до 2 лѣтъ, вслѣдствіе чего онъ подвергался риску потерять жизнь или разстроить здоровье; 2) уводъ изъ дому (abduction) дѣвицы до 16 лѣтъ; 3) похищеніе дѣтей; 4) неосторожное лишеніе ихъ жизни; 5) побои и насильственныя дѣйствія; 6) квалифицированныя посягательства на мальчика до 14 лѣтъ или на женщину; 7) посягательства на любострастныя дѣйствія (indecent assault) по отношенію къ женщинѣ или посягательство на половое сношеніе съ дѣвочкой до 12 лѣтъ; 8) мужеложство (всѣ эти 8 пунктовъ предусмотрѣны ст. 27, 55, 56, 5, 42, 43, 52, и 62 Offences against the Person act 1861); 9) сводничество; 10) растлѣніе дѣвицы до 16 лѣтъ посредствомъ угрозъ, обмана или усыпляющихъ средствъ (drugs;) 11) половое сношеніе съ дѣвицей до 13 лѣтъ и покушеніе на это; 12) попытка имѣть половое сношеніе съ дѣвицей отъ 13 до 16 лѣтъ, не достигающее степени изнасилованія или имѣть сношеніе съ женщиной слабоумной или идіотичной; 13) дозволеніе растлѣнія дѣвицы до 16 лѣтъ въ помѣщеніи, занимаемомъ виновнымъ; 14) увозъ дѣвицы до 18 лѣтъ съ цѣлью полового сношенія; 15) незаконное задержаніе дѣвицы до 16 лѣтъ въ притонѣ разврата; 16) развратныя дѣйствія между мужчинами (п 9—16 предусмотрѣны ст. 2—11 Criminal law amendment act 1885); 17) нарушеніе запретовъ закона объ опасныхъ представленіяхъ дѣтей 1897 г., 18) учиненіе дру-

1) Склоненіе дѣтей къ нищенству. Всякое лицо, имѣющее попеченіе о несовершеннолѣтнемъ до 16 лѣтъ, допускающее или склоняющее его къ нищенству или собиранію подаяній на улицѣ, въ какомъ либо зданіи или мѣстѣ, или же къ снисканію милостыни путемъ пѣнія, игры, представленія, предложенія покупки, или инымъ образомъ, подлежитъ наказанію штрафомъ до 25 ф. с. или тюрьмой до 3 мѣс. Бремя доказыванія того, что ребенокъ не былъ посланъ имъ для собиранія милостыни, лежитъ на этомъ лицѣ.

2) Допущеніе пребыванія несовершеннолѣтнихъ до 16 лѣтъ въ домахъ терпимости. Здѣсь предусматривается проживаніе въ такихъ домахъ или посѣщеніе ихъ съ вѣдома лица, имѣющаго попеченіе о ребенкѣ (наказаніе—штрафъ до 25 ф. с., къ которому можетъ быть присоединена тюрьма до шести мѣсяцевъ). Это постановленіе, слѣдуетъ замѣтить, только дополняетъ норму общаго права, карающую за сводничество.

3) Способствованіе обольщенію или проституціи молодыхъ дѣвушекъ. Здѣсь карается тюрьмой до двухъ лѣтъ не только прямое склоненіе къ пороку, но и завѣдомое допущеніе проституціи или обольщенія со стороны лица, имѣющаго надъ дѣвушкой до 16 лѣтъ попеченіе. Въ цѣляхъ предупрежденія этого, каждое лицо можетъ сообщать суду о томъ, что дѣвушка находится въ опасности быть подвергнутой обольщенію или проституціи, и судъ можетъ обязать лицо, которому ввѣрена о ней забота, принять необходимыя мѣры надзора или даже потребовать отъ него денежнаго поручительства о ея хорошемъ поведеніи [1]).

IV. Перечисленные три случая касаются только опасности развращенія со стороны лицъ, имѣющихъ наблюденіе надъ ребенкомъ. Но кромѣ нихъ опасность нравственности и здоровью малолѣтнихъ можетъ угрожать и со стороны другихъ лицъ. Въ отдѣлѣ „разнородныхъ постановленій“ мы встрѣчаемъ нѣсколько статей, возлагающихъ и на посторон-

---

гихъ преступленій, причиняющихъ тѣлесное поврежденіе малолѣтнему (нанесеніе ранъ, отравленіе, лишеніе пищи и пр.).

[1]) Принятымъ въ 1910 г. Children act amendment act усилены наказанія за склоненіе дѣвицъ къ проституціи.

нихъ различныя обязанности въ цѣляхъ огражденія жизни, здоровья и нравственности дѣтей, подъ угрозой уголовной отвѣтственности за нарушеніе этихъ обязанностей.

1) На содержателей театровъ и другихъ мѣстъ увеселенія, въ которыхъ собираются дѣти въ числѣ болѣе ста и доступъ въ которыя происходитъ съ помощью лѣстницъ, возлагается обязанность принять мѣры предосторожности и имѣть достаточное количество взрослыхъ служителей, на обязанности которыхъ лежало бы наблюденіе надъ безопасностью и порядкомъ среди дѣтей при входѣ, выходѣ и во время представленія. Виновнаго въ непринятіи такихъ мѣръ постигаетъ штрафъ до 100 ф. с. и возможность закрытія его помѣщенія. На полицію и мѣстныя власти возлагается надзоръ за соблюденіемъ этихъ правилъ.

2) Мѣстная учебная власть можетъ предписывать врачу или другому служащему подвергать санитарному осмотру малолѣтняго и его одежду въ публичныхъ школахъ и требовать, чтобы родители или лица, имѣющія попеченіе о малолѣтнемъ, въ теченіе сутокъ приняли мѣры къ приведенію несовершеннолѣтняго или его одежды въ опрятное состояніе. Въ случаѣ неисполненія этой обязанности родителями ребенокъ можетъ быть принудительно приведенъ въ опрятное состояніе въ особомъ для того помѣщеніи. Посылая родителямъ увѣдомленіе о необходимости привести ребенка въ опрятное состояніе, учебная власть должна указать наилучшій для того способъ очистки. Родитель, не исполнившій этого предписанія власти, можетъ быть подвергнутъ штрафу до 10 шиллинговъ. Для осмотра и приведенія въ опрятность дѣвочекъ власти могутъ прибѣгать только къ услугамъ врача или женщинъ.

3) Подъ угрозой штрафа до 3 ф. с. воспрещается давать дѣтямъ до 5 лѣтъ крѣпкіе напитки иначе, какъ по предписанію врача въ случаѣ болѣзни. На содержателей питейныхъ заведеній возлагается обязанность не допускать въ эти заведенія несовершеннолѣтнихъ до 14 лѣтъ (даже въ сопровожденіи взрослыхъ) въ часы, когда это заведеніе открыто для продажи. Виновнаго постигаетъ штрафъ въ 2 ф. с. въ первый разъ и 5 ф. с. въ послѣдующіе разы. Изъятіе изъ этого

правила дѣлается только для дѣтей, живущихъ въ помѣщеніяхъ, находящихся при питейныхъ заведеніяхъ, если дѣти должны проходить черезъ нихъ; устанавливаются также льготы для желѣзнодорожныхъ буфетовъ или иныхъ помѣщеній. предназначенныхъ для спеціальныхъ цѣлей, гдѣ продажа питей является придаточнымъ элементомъ. Эти постановленія были внесены въ актъ 1908 г. во время обсужденія, какъ остатки потерпѣвшаго крушеніе Licensing bill [1]).

4) Въ интересахъ надлежащаго воспитанія дѣтей внесено особое постановленіе о лицахъ, ведущихъ кочевой образъ жизни, препятствующій ихъ дѣтямъ, достигшимъ пяти лѣтъ, получать нормальное элементарное образованіе. Такія лица подвергаются штрафу въ двадцать шиллинговъ и признаются лицами, непригодными для содержанія дѣтей. Дѣти могутъ быть отобраны отъ нихъ и помѣщены въ ремесленныя школы. Актъ имѣетъ въ виду дѣтей бродягъ и цыганъ, скитающихся по странѣ въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ. Онъ спеціально

---

[1]) Несмотря на намѣреніе правительства не вносить въ Children's bill постановленій относительно нахожденія дѣтей въ питейныхъ заведеніяхъ, ему пришлось, уже во время дебатовъ, дополнить проектъ соотвѣтственными статьями. Licensing bill потерпѣлъ крушеніе въ Палатѣ Лордовъ, и, спасая остатки „потопленнаго билля“, правительство поспѣшило внести статьи о дѣтяхъ въ Children's bill. Herbert Samuel въ слѣдующихъ словахъ характеризовалъ необходимость предлагаемыхъ въ этой области мѣръ.

„Въ Бирмингамѣ былъ устроенъ надзоръ за 10 питейными домами, и въ теченіе 8 дней въ нихъ было введено 2.449 дѣтей. Много было грудныхъ младенцевъ, а большинство было въ возрастѣ до 5 лѣтъ. Въ Лондонѣ было устроено наблюденіе за 23 питейными домами въ теченіе 4 дней, и оно показало, что туда были введены 10.746 дѣтей. Около тысячи лицъ задерживаются ежегодно въ Лондонѣ въ состояніи опьяненія, имѣя при себѣ въ это время ребенка, ввѣреннаго ихъ заботамъ. Я самъ какъ-то вечеромъ посѣтилъ рядъ питейныхъ домовъ на Ratcliff-Highway. Эти учрежденія тамъ такъ часты, что я могъ въ теченіе часа побывать въ 30 изъ нихъ и заглянуть въ 100 отдѣленій, дѣйствуя безъ особой посѣщности. Я видѣлъ тамъ дѣтей съ ихъ матерями; въ одномъ случаѣ маленькій оборванный мальчикъ спалъ на грязномъ полу. Подобныя зрѣлища не должны быть болѣе терпимы. Этому безобразію долженъ быть положенъ конецъ. Еслибы даже въ отдѣльныхъ случаяхъ это приводило къ неудобствамъ, все же общее благо, которое получится отъ этой мѣры, должно взять верхъ. Возможно, что эта мѣра приведетъ и къ нѣкоторому сокращенію пьянства среди женщинъ, такъ какъ большинство женщинъ не настолько извращено, чтобы оставлять своихъ младенцевъ безъ присмотра; онѣ скорѣе останутся дома“.

оговариваетъ нераспространеніе этого правила на дѣтей, занятыхъ на рѣчныхъ судахъ и подчиняющихся дѣйствію особыхъ узаконеній въ отношеніи образованія [1]).

5) Въ цѣляхъ предупрежденія укрывательствъ и кражъ чрезъ посредство малолѣтнихъ, законъ воспрещаетъ покупку отъ нихъ стараго металла и принятіе какихъ либо вещей въ закладъ (ст. 116, 117).

6) Наконецъ, въ особой главѣ о куреніи малолѣтнихъ. воспрещается продажа несовершеннолѣтнимъ до 16 лѣтъ табаку въ какомъ либо видѣ подъ угрозой штрафа въ 2 ф. с., а при послѣдующихъ осужденіяхъ—5 ф. с. Владѣльцы автоматовъ по продажѣ папиросъ должны принять особыя мѣры предосторожности противъ пользованія этими автоматами со стороны дѣтей.

Воспрещеніе куренія табаку малолѣтними, введенное впервые актомъ 1908 г., представляетъ собою смѣлый экспериментъ, вызванный, вѣроятно, подражаніемъ американскимъ образцамъ [2]). Въ 1903 г. королевская коммисія о физическомъ развитіи дѣтей единогласно признала, что, „по ея мнѣнію, куреніе табаку до достиженія зрѣлаго возраста оказываетъ крайне вредное вліяніе на физическое развитіе, и бѣдствіе, проистекающее отъ распространенности этой привычки, едва ли можетъ быть слишкомъ сильно выраженнымъ“. Въ слѣдующемъ году аналогичное мнѣніе было высказано и Interdepartmental Committee on physical deterioration [3]). Подъ вліяніемъ этого, былъ внесенъ въ 1906 г. Juvenile Smoking bill, встрѣтившій общее одобреніе, но онъ не успѣлъ стать закономъ въ ту сессію. Правительство воспользовалось проведе-

---

[1]) Этимъ особымъ закономъ является Canal Boats act 1877. Согласно ст. 6 этого закона такія дѣти почитаются живущими въ мѣстѣ, гдѣ совершена регистрація судна. На мѣстную учебную власть возлагается обязанность удостовѣряться въ достаточности знаній такого ребенка.

[2]) Въ Америкѣ нѣкоторые штаты, какъ Иллинойсъ, Нью-Іоркъ, воспрещаютъ куреніе малолѣтнимъ. Съ цѣлью борьбы съ куреніемъ мальчиковъ существуетъ здѣсь National Anticigarette League, которая издаетъ, между прочимъ, спеціальный журналъ „The boy Magazine“. Запрещеніе куренія внесено въ уставы публичныхъ школъ.

[3]) Parl. Papers 1904 vol. XXXV, p. 92.

ніемъ билля о дѣтяхъ, чтобы включить въ него запретъ куренія для несовершеннолѣтнихъ. Первоначально проектъ предполагалъ установить для малолѣтнихъ наказаніе за куреніе на улицахъ. Но это предположеніе встрѣтило рядъ возраженій, такъ какъ имъ создавалась бы искусственно новая категорія правонарушителей. При второмъ чтеніи было рѣшено замѣнить отвѣтственность малолѣтнихъ лишь простой конфискаціей у нихъ табаку или папиросъ. Каждый полицейскій или сторожъ парка, замѣтившій мальчика курящимъ папиросы или имѣющимъ ихъ у себя, въ правѣ отобрать у него табакъ и можетъ для этой цѣли обыскать его. Имѣніе табаку при себѣ разрѣшается только мальчикамъ, продающимъ табачныя издѣлія, или переносящимъ ихъ для другихъ. Не прошло въ законъ и предполагавшееся воспрещеніе продавать папиросы въ бакалейныхъ лавкахъ и лавкахъ, посѣщаемыхъ дѣтьми, вслѣдствіе протеста промышленниковъ.

7) Слѣдуетъ, наконецъ, упомянуть еще объ одномъ постановленіи, направленномъ на огражденіе дѣтей отъ моральныхъ опасностей. Новый законъ подтверждаетъ запрещеніе дѣтямъ до 14 лѣтъ присутствовать на судѣ во время разбора дѣлъ (если присутствіе ихъ не обусловлено необходимостью давать показанія или дѣловыми порученіями); вмѣстѣ съ тѣмъ суду предоставляется право удалять постороннихъ изъ залы суда на время, когда малолѣтній до 16 лѣтъ даетъ свои показанія въ качествѣ свидѣтеля въ дѣлахъ о преступленіяхъ, нарушающихъ нравственность и стыдливость (ст. 114, 115).

V. Изложенная система нормъ составляетъ какъ бы особый кодексъ преступленій, объектомъ которыхъ можетъ быть только малолѣтній. Она не охватываетъ, однако, двухъ областей: школьнаго воспитанія и охраны труда несовершеннолѣтнихъ. Эти нормы остались еще некодифицированными вслѣдствіе того, что установленіе здѣсь общихъ принциповъ сталкивается съ религіозными или промышленными интересами. Но для полноты картины, мы ознакомимъ читателей въ краткихъ чертахъ съ нѣкоторыми особенностями англійскаго законодательства о гарантіяхъ обязательнаго обученія и объ охранѣ труда.

Актъ объ элементарномъ образованіи 1876 г. впервые установилъ отвѣтственность родителей за небреженіе образованіемъ ребенка. Въ силу этого закона школьной власти предоставляется приносить предъ мировымъ судьей жалобу на родителя, который безъ уважительныхъ причинъ пренебрегаетъ обязанностью посылать своего ребенка въ возрастѣ отъ 5 до 12 лѣтъ въ элементарную школу или который допускаетъ, чтобы его ребенокъ находился обыкновенно въ сообществѣ людей, ведущихъ порочную жизнь, или преступниковъ и при томъ безъ надзора. Извинительными причинами для родителей могутъ являться: отсутствіе элементарной школы въ районѣ 10 миль отъ его мѣста жительства, болѣзнь ребенка и непреодолимая сила. Судъ, получивъ жалобу, можетъ подвергнуть родителя штрафу до 5 шиллинговъ; ребенокъ, не посѣщающій элементарной школы, можетъ быть помѣщенъ въ дневную ремесленную школу или въ особую школу, содержимую школьною властью (truant school), гдѣ онъ остается обыкновенно нѣсколько мѣсяцевъ (законъ опредѣляетъ только минимальный срокъ—одинъ мѣсяцъ). О порядкѣ разсмотрѣнія этихъ дѣлъ въ судахъ для несовершеннолѣтнихъ мы уже имѣли случай говорить въ другомъ мѣстѣ [1]).

Въ основѣ законодательства объ охранѣ труда несовершеннолѣтнихъ лежитъ Employment of children act, 1903. Существо его сводится къ слѣдующему. Мѣстнымъ властямъ предоставляется издавать обязательныя постановленія относительно: 1) необходимости раздѣльнаго труда для мальчиковъ и дѣвочекъ въ той или иной отрасли; 2) относительно возраста, ниже котораго принятіе на работу недопустимо; 3) относительно максимальнаго числа часовъ работы и 4) относительно того времени, въ теченіе котораго работа малолѣтнихъ не допускается. Особо поставлены уличныя занятія дѣтей. По отношенію къ уличнымъ занятіямъ мѣстнымъ властямъ предоставляется издавать постановленія: 1) воспрещающія уличныя занятія для опредѣленной категоріи дѣтей въ зависимости отъ возраста, пола или иныхъ признаковъ или ставящія ихъ въ

---

[1]) См. выше статью „Полицейскіе суды“.

зависимость отъ разрѣшенія мѣстной власти; 2) регулирующія условія предоставленія, отобранія и пріостановленія такихъ разрѣшеній; 3) опредѣляющія время и мѣсто, когда и гдѣ такія занятія допустимы; 4) требующія особыхъ знаковъ для такихъ уличныхъ торговцевъ и 5) опредѣляющія вообще поведеніе такихъ уличныхъ торговцевъ. При этомъ указывается общимъ образомъ на нежелательность допущенія къ уличной торговлѣ дѣвочекъ до 16 лѣтъ и на то, чтобы выдача свидѣтельствъ на право торговли не стояла въ зависимости отъ бѣдности просителя. Эти общія постановленія, разсчитанныя на усмотрѣніе мѣстной власти, ограничиваются, однако, въ минимумѣ своемъ опредѣленными указаніями закона. Такъ воспрещается дѣтямъ до 14 лѣтъ работа между 9 часами вечера и 6 часами утра; къ уличной торговлѣ не допускаются дѣти до одиннадцати лѣтъ; дѣтямъ, занятымъ на фабрикахъ, не могутъ быть поручаемы еще другія работы; дѣтямъ не могутъ быть поручаемы переноска или поднятіе грузовъ столь тяжелыхъ, что они могутъ повредить ихъ здоровью; дѣти не могутъ быть заняты работой, вредной для ихъ жизни, здоровья, физическаго развитія или воспитанія; мѣстная власть можетъ посылать предпринимателю увѣдомленія о недопустимости для ребенка того или иного труда, основанныя на врачебномъ освидѣтельствованіи ребенка, и такія увѣдомленія являются доказательствомъ противъ предпринимателя въ случаѣ неисполненія содержащагося въ нихъ предписанія.

Обязательныя постановленія мѣстныхъ властей подлежатъ контролю министра. Въ теченіе тридцати дней съ времени изданія они не вступаютъ въ силу. За это время заинтересованныя лица могутъ обращаться къ министру съ возраженіями противъ этихъ постановленій. Министръ чрезъ особыхъ лицъ производитъ разслѣдованія, если онъ признаетъ то нужнымъ, и, если не встрѣтитъ препятствій, утверждаетъ эти постановленія [1]).

---

[1]) Въ настоящее время принятъ Employment of children act amendment bill, повышающій возрастъ, съ котораго допустимо занятіе уличной торговлей, съ одиннадцати лѣтъ на 17 для мальчиковъ и на 18—для дѣвочекъ; въ провинціальныхъ городахъ по особому разрѣшенію могутъ быть дозволяемы маль-

Законъ устанавливаетъ рядъ уголовныхъ санкцій за нарушеніе этихъ постановленій. Отвѣтственными являются родители (за выдачу ложныхъ удостовѣреній о возрастѣ, за небреженіе или за допущеніе ребенка къ незаконной работѣ), сами дѣти (за нарушеніе правилъ уличной торговли), предприниматели (за принятіе дѣтей на работу до извѣстнаго возраста, кромѣ случаевъ добросовѣстнаго заблужденія). Представителямъ мѣстной власти, съ разрѣшенія мирового судьи, предоставляется право входить въ помѣщенія, предназначенныя для работы.

чикамъ уличныя занятія начиная съ 15 лѣтъ; при этомъ мѣстныя власти должны удостовѣриться въ томъ, что физическое и умственное развитіе мальчика достаточно и что имѣется на то согласіе родителя или опекуна; данное разрѣшеніе во всякое время можетъ быть взято назадъ. Точно также допускается изъятіе для подростковъ старше 14 лѣтъ, помогающихъ родителямъ или опекунамъ въ уличной торговлѣ, если она не служитъ прикрытіемъ для прошенія милостыни или для безнравственныхъ задачъ. Власть утвержденія издаваемыхъ мѣстными властями правилъ объ уличной торговлѣ дѣтей переносится съ министра на Board of Education. За нарушеніе этихъ правилъ устанавливается отдача не только въ ремесленную, но и исправительную школу. Дѣла эти передаются въ вѣдомство суда для несовершеннолѣтнихъ.

Проектъ этотъ явился результатомъ работъ особой коммиссіи, засѣдавшей въ 1909 г. Работы этой коммиссіи столь интересны, что на нихъ слѣдуетъ остановиться.

По мнѣнію коммисіи, подъ „уличными занятіями“ (street trading) слѣдуетъ подразумѣвать: „выкрикиваніе газетъ, продажу спичекъ, цвѣтовъ и другихъ предметовъ, пѣніе, игру или представленіе для полученія денегъ, чистку сапогъ или иныя занятія, выполняемыя на улицахъ или въ другихъ публичныхъ мѣстахъ.“ Дѣйствующее право, какъ мы уже указывали, воспрещаетъ эту торговлю для дѣтей до 11 лѣтъ, о дальнѣйшей же регламентаціи предоставляетъ заботиться мѣстнымъ властямъ путемъ обязательныхъ постановленій, высказывая лишь рядъ общихъ пожеланій. На практикѣ изъ 74 городовъ Англіи, насчитывающихъ болѣе 20,000 жителей, 50 издали обязательныя постановленія по этому предмету; въ меньшихъ центрахъ—41 изъ 191 и, наконецъ, изъ 62 графствъ только одно издало соотвѣтственный регламентъ. Анкета и личное разслѣдованіе показали, что система выдачи патентовъ (licences) на торговлю во многихъ мѣстахъ не соблюдается, что дѣвочки рано допускаются къ торговлѣ, что надзоръ является поверхностнымъ. Статистика показываетъ, что цифры малолѣтнихъ, занятыхъ въ уличной торговлѣ, растутъ. Въ 1908 г. въ Англіи и Уэльсѣ (кромѣ Лондона) было выдано 22,194 разрѣшительныхъ свидѣтельства на право уличной торговли дѣтямъ до 16 лѣтъ (19,249 мальчиковъ и 2,945 дѣвочекъ). Изъ нихъ въ 15,321 случаяхъ дѣти не достигли еще 14 лѣтъ. Въ Лондонѣ, гдѣ вмѣсто свидѣтельствъ выдаются особые знаки, въ числѣ уличныхъ торговцевъ было къ 1 іюля 1909 г. 13,873 мальчиковъ и 922 дѣвочекъ. Изъ числа 13,873 мальчиковъ 10,479 не достигли 14 лѣтъ и должны были бы посѣщать школу; 5,209, т. е. почти половина, были заняты про-

съ цѣлью провѣрки соблюденія правилъ о работѣ дѣтей. Къ дѣтямъ, занятымъ на фабрикахъ и заводахъ, этотъ актъ не примѣняется.

По отношенію къ этимъ послѣднимъ находятъ примѣненіе нормы, разсѣянныя въ цѣломъ рядѣ актовъ, касающихся

дажей газетъ. Въ общемъ, по вычисленіямъ коммисіи, не менѣе 26,000, дѣтей до 14 лѣтъ заняты уличной торговлей; а изъ несовершеннолѣтнихъ до 16 лѣтъ болѣе 16,000 заняты одной продажей газетъ. На слѣдующемъ мѣстѣ идутъ мальчики на посылкахъ, мальчики-разносчики молока и помощники на рынкахъ, продавцы спичекъ, цвѣтовъ и т. д.

Коммисія очень краснорѣчиво указываетъ на вредныя послѣдствія уличной торговли дѣтей. „Мы пришли, по выслушаніи значительнаго числа показаній, исходящихъ отъ всевозможныхъ лицъ и источниковъ, къ тому заключенію что дѣйствіе уличной торговли на тѣхъ, кто занимается ею, является слишкомъ часто весьма печальнымъ. Юный уличный торговецъ подверженъ весьма многимъ худшимъ нравственнымъ опасностямъ; онъ общается съ уличнымъ сбродомъ и пріобрѣтаетъ привычки посѣтителей улицъ. Если онъ продавецъ спичекъ, онъ подверженъ опасности стать нищенствующимъ, если онъ продаетъ газеты—опасности стать игрокомъ: доказательства того, какъ часто продавцы вечернихъ газетъ становятся сами и держателями пари, слишкомъ многочисленны. Имѣются несомнѣнныя указанія на то, что, по крайней мѣрѣ, въ большихъ центрахъ, уличная торговля порождаетъ неспособность или нежеланіе заняться болѣе регулярнымъ трудомъ; въ нѣсколько лѣтъ ребенокъ научается добывать немного денегъ легко, безъ всякой подготовки и особаго искусства; эти занятія развиваютъ у него лишь сноровку, не затрагивая его ума. Они не создаютъ прочности положенія и ничего не обѣщаютъ ему для его будущей карьеры. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что значительное количество уличныхъ продавцовъ впадаетъ, затѣмъ, въ бродяжничество и преступленіе. Начальники полиціи свидѣтельствуютъ, что такая торговля часто служитъ школой для дурной жизни и порока. Это въ особенности замѣтно на примѣрѣ дѣтей, продолжавшихъ уличную торговлю по выходѣ изъ школы. Нѣкоторые занимаются продажей газетъ въ то время, когда они должны посѣщать школу, но даже тѣ, которые практикуютъ это въ перерывахъ между занятіями въ школѣ, становятся позднѣе мало способными къ регулярной работѣ. Что же касается дѣвочекъ, то къ этимъ опасностямъ должна быть присоединена опасность для ихъ половой нравственности. Доказательства, представленныя намъ по этому вопросу, единогласны и весьма краснорѣчивы. Лица, вполнѣ авторитетныя, неоднократно намъ заявляли, что для дѣвочки уличная торговля есть первый шагъ къ разврату. Искушеніе велико, дѣти практически беззащитны. Поэтому слѣдуетъ рѣшительно признать, что подобное занятіе непригодно для дѣвушекъ. Съ физической стороны указывается на опасность для здоровья дѣтей, въ особенности для дѣвочекъ, проистекающую отъ долгаго нахожденія ихъ на улицѣ въ дурную погоду и недостаточно хорошо одѣтыми. Учителя единогласно осуждаютъ уличную торговлю, какъ препятствующую правильному посѣщенію школы и успѣшнымъ занятіямъ“. Заработки дѣтей-торговцевъ колеблются между 2 и 10 рублями въ недѣлю, но только часть приносится домой, большая же доля расходуется непроизводительно и порою къ боль-

отдѣльныхъ отраслей промышленности [1]). Наибольшая часть ихъ сосредоточена въ Factory and Workshops act, 1901. Общимъ образомъ здѣсь воспрещается работа дѣтей до 12 лѣтъ. Затѣмъ идутъ детальныя различія въ зависимости отъ рода промышленности [2]). Для каждой изъ отраслей промышленности установлены правила относительно времени работы, продолжительности отдыха, времени для обѣда, праздничныхъ и воскресныхъ дней, наружныхъ и внутреннихъ работъ, обращенія съ машинами и т. д. Постановленія эти имѣютъ частное значеніе и нуждаются въ консолидаціи и болѣе широкомъ распространеніи.

Особо слѣдуетъ отмѣтить лишь постановленія относительно

шому вреду ребенка. Данныя, имѣющіяся въ распоряженіи коммисіи, заставляютъ большинство ея сомнѣваться, чтобы уличная торговля дѣтей приносила существенную помощь ихъ семьямъ. Въ виду этого коммисія рекомендуетъ запрещеніе уличной торговли для мальчиковъ до 17 лѣтъ и дѣвочекъ до 18 лѣтъ и передачу надзора за этимъ учебной власти. Мнѣнія большинства коммисіи буквально воспроизведены въ проектѣ 1911 г. (см. выше). Нужно, однако, замѣтить, что въ коммисіи нашлось и болѣе умѣренное меньшинство, которое, принявъ во вниманіе затруднительность экономической борьбы при существующихъ условіяхъ и крайнее различіе въ соціальныхъ условіяхъ отдѣльныхъ мѣстностей, а также разнообразіе уличныхъ занятій, рекомендовало сохранить по прежнему въ рукахъ мѣстной власти дѣло регламентаціи. Но и оно рекомендовало предоставить этой власти право „воспрещать уличную торговлю малолѣтнимъ до 18 лѣтъ и обращаться къ благотворительнымъ организаціямъ съ тѣмъ, чтобы найти для ребенка болѣе подходящее занятіе въ случаѣ нужды родителей“; оно предлагало предоставить мѣстнымъ властямъ право выдачи разрѣшительныхъ свидѣтельствъ дѣтямъ болѣе 14 лѣтъ, установивъ большій контроль надъ правильнымъ соблюденіемъ условій, на которыхъ свидѣтельства выданы. См. Report of the department committee on the Employment of Children act, 1903 appointed by His Majesty principal secretary of State for Home Department. London 1910.

[1]) Главнѣйшіе законы, содержащіе постановленія о фабричномъ трудѣ малолѣтнихъ: Factory and Workshop Act, 1901. The Agricultural gangs act, 1867, Chimney Regulations acts 1840, 1864 и 1875, Coal Mines Regulation Acts 1887, 1896, 1906 и 1905, Shop Hours act, 1892 и др.

[2]) Такъ Factory and Workshop Act. 1901 различаетъ текстильную промышленность и нетекстильную. Въ области послѣдней различается промышленность, требующая устройства сложныхъ машинъ (tenement factory) и не требующая этого (Workshop). Workshops раздѣляются на tenement workshop (у хозяина) и domestic workshop (на дому, гдѣ работаютъ только члены семьи.) Каждый изъ этихъ видовъ имѣетъ свою регламентацію труда несовершеннолѣтнихъ. Подробное изложеніе законодательства у Jones and Bellot. The law of children and young persons 1910 p. 112—162.

участія дѣтей въ развлеченіяхъ и, въ частности, въ опасныхъ представляніяхъ. Они предусмотрѣны ст. 2—5 Prevention of cruelty to children act 1904 и Chlidren's dangerous performances act, 1879. Этими законами воспрещено выступленіе дѣтей до 14 лѣтъ въ представленіяхъ, происходящихъ на улицѣ или въ помѣщеніи, гдѣ продаются крѣпкіе напитки, въ періодъ между 9 часами вечера и 6 часами утра; дѣтямъ до 11 лѣтъ воспрещается вообще выступленіе на подмосткахъ въ такихъ мѣстахъ, и, наконецъ, дѣтямъ до 16 лѣтъ воспрещено выступленіе въ акробатическихъ или цирковыхъ представленіяхъ или въ представленіяхъ по своей природѣ опасныхъ. Лица, виновныя въ допущеніи такихъ дѣтей къ представленію, наказываются штрафомъ до 25 ф. с. или тюрьмой до 3 мѣсяцевъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ суду предоставляется право выдачи разрѣшительныхъ свидѣтельствъ дѣтямъ для участія въ представленіяхъ, происходящихъ въ спеціально для того приспособленныхъ помѣщеніяхъ, или для обученія дѣтей акробатическимъ упражненіямъ, если судъ удостовѣрится въ пригодности ребенка для этой цѣли и если будутъ представлены надлежащія гарантіи относительно охраненія здоровья ребенка во время ихъ. При этомъ судъ можетъ налагать на предпринимателей различныя ограниченія и обязательства, наблюденіе за исполненіемъ которыхъ возлагается на инспекторовъ по охранѣ труда малолѣтнихъ. Предъ предоставленіемъ разрѣшенія подобнаго рода должно быть выслушано заключеніе полиціи и мѣстныхъ властей. Малолѣтній, допускаемый къ представленіямъ, долженъ имѣть свидѣтельство объ успѣшномъ прохожденіи курса элементарной школы. Выданное разрѣшеніе можетъ всегда быть взято назадъ. За допущеніе дѣтей къ опаснымъ представленіямъ безъ достаточныхъ мѣръ предосторожности виновные отвѣчаютъ, независимо отъ послѣдствій, денежнымъ штрафомъ до 10 ф. с. Въ случаѣ какихъ либо несчастій, ребенку или другому лицу, по указанію суда, предпринимателемъ должна быть уплачена опредѣленная сумма въ вознагражденіе [1]).

---

[1]) Въ нашемъ обзорѣ мы не коснулись отд. V закона, посвященнаго юнымъ преступникамъ и положенію ихъ на судѣ. Эти постановленія разсмотрѣны нами въ статьѣ „Суды по дѣламъ о несовершеннолѣтнихъ“.

II.

Постановленія, охраняющія жизнь, здоровье, нравственность ребенка, препятствующія ранней его эксплоатаціи и гарантирующія ему надлежащее воспитаніе, характеризуютъ функцію государства, которую можно назвать покровительственною. Но на ряду съ нею современное государство развиваетъ дѣятельность воспитательную по отношенію къ дѣтямъ. Въ Англіи эта сторона государственной дѣятельности развилась сравнительно недавно. Постановка государственнаго обученія дѣтей здѣсь до самаго послѣдняго времени тормозилась вліяніемъ церкви. Теперь это препятствіе удалось въ значительной степени преодолѣть изданіемъ Education act 1909 г., намѣчающаго область государственнаго вмѣшательства въ дѣло народнаго образованія довольно широко.

Но есть одна отрасль воспитательной дѣятельности, гдѣ вмѣшательство государства было признано и узаконено уже давно, хотя государство здѣсь дѣйствуетъ черезъ посредство контролируемыхъ имъ общественныхъ организацій. Я имѣю въ виду принудительное воспитаніе преступныхъ и безпризорныхъ дѣтей. Исторія принудительнаго воспитанія въ Англіи представляется несложной, и мы позволимъ себѣ напомнить читателю главные этапы ея развитія.

Идея принудительнаго воспитанія преступныхъ дѣтей государствомъ начинаетъ развиваться въ Англіи лишь со второй половины XIX вѣка. До того мы встрѣчаемъ здѣсь лишь отдѣльныя слабыя попытки. Джонъ Говардъ, останавливаясь въ концѣ XVIII вѣка на положеніи дѣтей въ тюрьмахъ, рекомендовалъ лишь обособленіе ихъ отъ взрослыхъ и примѣненіе къ нимъ болѣе мягкаго режима. Онъ, впрочемъ, уже заявлялъ, что ребенокъ „нуждается больше въ другѣ для своего исправленія, чѣмъ въ тюремщикѣ“. Въ 1788 г. группа лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ кругамъ общества, подъ впечатлѣніемъ растущаго бродяжничества и преступности среди дѣтей, образуетъ особое Филантропическое Общество (Philanthropic Society) для борьбы съ этимъ зломъ [1]). Сначала это

[1]) „Общество учреждается“—гласитъ его уставъ—„для защиты бѣдныхъ дѣ-

общество ставитъ себѣ исключительно цѣли предупрежденія и открываетъ въ 1792 г. школу въ предмѣстьѣ Лондона St. George Fields для обученія мастерствамъ дѣтей, еще не совершившихъ преступленій, но въ 1802 г. оно дѣлаетъ шагъ дальше и начинаетъ принимать къ себѣ для воспитанія дѣтей, прошедшихъ черезъ судъ и тюрьмы. Послѣдняя группа была выдѣлена отъ другихъ; она находилась въ особомъ зданіи, называвшемся house of reform, подъ наблюденіемъ священника. Общеніе съ другими дѣтьми разрѣшалось членамъ этой группы лишь тогда, когда они проявили достаточные признаки исправленія. Въ 1806 г. Парламентъ предоставилъ руководителямъ этой школы право принудительно удерживать у себя ребенка до извѣстнаго возраста. Развитіе исправительно-воспитательныхъ заведеній во Франціи и, въ частности, слава Метрейской колоніи заставили и руководителей Филантропическаго Общества обратить вниманіе на этотъ образецъ. Рѣшено было преобразовать школу въ земледѣльческую колонію. Въ 1849 г. школа была перенесена изъ Лондона въ мѣстечко Redhill, гдѣ былъ пріобрѣтенъ значительный участокъ земли для земледѣльческихъ работъ.

Кромѣ попытки Филантропическаго Общества, слѣдуетъ упомянуть о нѣсколькихъ другихъ. Въ 1818 г. въ Уорикѣ *мировыми судьями была устроена школа для преступныхъ* дѣтей, которыя помилованы короной. Въ 1830 г. образуется Children Friends Society, ставящее себѣ цѣлью отправленіе такихъ дѣтей въ колоніи.

Эти попытки обратили на себя вниманіе законодателя. Въ 1835 г. коммисія о реформѣ уголовнаго права уже указывала, что система исправительныхъ школъ (reformatory schools), примѣняемая частными обществами съ цѣлью принятія туда юныхъ преступниковъ по выходѣ ихъ изъ тюрьмы, принесла хорошіе результаты. Коммисія полагала, что эта система заслуживаетъ предпочтенія предъ государственными учрежденіями. Но ей не удалось побороть господствовавшаго взгляда, ви-

---

тей и потомковъ осужденныхъ преступниковъ, а также для исправленія дѣтей, занимающихся преступной дѣятельностью“.

дѣвшаго въ дѣтяхъ преступниковъ, нуждающихся въ карѣ. Подъ вліяніемъ работъ коммисіи, съ цѣлью ослабить зло тюремнаго заключенія для дѣтей, были только созданы двѣ спеціальныхъ тюрьмы, куда помѣщались подростки (въ 1835 г.— Milbank Penitentiary, а нѣсколько позднѣе, въ 1838 г.— Parkhrust prison).

Спеціальныя тюрьмы для несовершеннолѣтнихъ. Мильбанкъ и Паркрустъ, мало удовлетворяли своему назначенію. Работы здѣсь происходили подъ вооруженною охраной надзирателей; классы для занятій были устроены въ формѣ одиночныхъ будочекъ, сидя въ которыхъ дѣти могли видѣть только учителя; дисциплина поддерживалась только чувствомъ страха [1]). Между тѣмъ общественное мнѣніе въ пользу развитія пріютовъ росло.

Въ концѣ 40-хъ годовъ выступаетъ съ предложеніями реформы miss Mary Carpenter. Она въ 1846 г. организуетъ ragged schools (школы для оборванцевъ). Въ 1851 г. появляется ея работа „Reformatory schools for children of dangerous classes and for juvenile offenders“, въ которой уже намѣчаются разновидности отдѣльныхъ исправительныхъ школъ (free day schools. industrial schools, reformatory schools), подчеркивается вредъ общенія малолѣтнихъ заключенныхъ съ взрослыми, проводится мысль объ обязательности для государства участія въ расходахъ на воспитаніе заброшеннаго и преступнаго юношества. „Ужасающій ростъ дѣтской развращенности—писала, между прочимъ, г-жа Карпентеръ—можетъ быть остановленъ только умственнымъ, нравственнымъ и религіознымъ воспитаніемъ“. Въ основу организаціи воспитательно-исправительныхъ школъ ею рекомендовались принципы, выработанные французскою практикой. Въ томъ же 1851 г. одинъ изъ почетныхъ гражданъ Бирмингама, г. Морганъ открываетъ рядъ лекцій относительно положенія заброшенныхъ дѣтей; эти лекціи два года спустя выходятъ отдѣльною книгою [2]). Онъ образуетъ въ Бирмингамѣ совѣщаніе дѣятелей школъ для безпри-

---

[1]) Подробности объ этомъ режимѣ въ книгѣ M. Carpenter, Juvenile delinquents 1859 p. 194. ss.

[2]) Morgan. The little arabs of the City. London. 1853.

зорныхъ дѣтей. Вся эта агитація приводитъ къ назначенію особой парламентской коммисіи для изученія дѣла борьбы съ преступностью дѣтей. Работы коммисіи закончились изданіемъ закона 1854 г. (Reformatory schools act 1854 г.). Этотъ законъ явился основой всего дальнѣйшаго законодательства Англіи объ исправительныхъ школахъ. На основаніи его каждый судъ, предъ которымъ будетъ осужденъ малолѣтній до 16 лѣтъ, можетъ въ дополненіе къ двухнедѣльному наказанію тюрьмой предписать о помѣщеніи его въ исправительную школу на срокъ отъ двухъ до пяти лѣтъ. Обязательность краткосрочной тюрьмы до помѣщенія въ реформаторію продержалась до послѣдняго времени. Въ 1866 г. помѣщеніе въ исправительную школу альтернативно съ тюрьмой или кумулятивно было предоставлено усмотрѣнію суда. И только въ 1899 г. было запрещено назначать заключеніе въ тюрьму при присужденіи къ исправительной школѣ.

Съ 1854 г. и до 1908 г. тянется длинная серія статутовъ, расширяющихъ и улучшающихъ постановку дѣла исправительныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ. Разсмотрѣніе ихъ въ отдѣльности было бы утомительнымъ и мало поучительнымъ. Но на нѣкоторыхъ изъ нихъ, имѣвшихъ болѣе серьезное значеніе, все-таки приходится остановиться.

Законъ 1866 г. объ исправительныхъ школахъ, изданный одновременно съ русскимъ положеніемъ объ исправительно-воспитательныхъ заведеніяхъ, уже содержитъ цѣлую систему нормъ относительно этихъ заведеній. Онъ былъ составленъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ французскаго закона 5 августа 1850 г. „Sur l'éducation et le patronage des jeunes déténus“. Какъ и французскій законъ, онъ постановляетъ въ качествѣ общаго правила, что каждый несовершеннолѣтній до 16 лѣтъ, виновный въ преступленіи, влекущемъ тюремное заключеніе или каторжныя работы, долженъ быть помѣщенъ въ реформаторію. Туда же помѣщаются несовершеннолѣтніе, приговоренные къ общимъ наказаніямъ, но помилованные королемъ. Для остальныхъ малолѣтнихъ предусматривается созданіе особыхъ „ремесленныхъ школъ“ (industrial schools). Въ эти послѣднія направляются дѣти до 10 лѣтъ, виновныя въ на-

рушеніи уголовныхъ законовъ, независимо отъ тяжести учиненнаго ими дѣянія, и дѣти до 16 лѣтъ, находящіяся въ состояніи заброшенности или опасности нравственнаго развращенія. Законъ 1866 г., собственно говоря, не предписывалъ организаціи ремесленныхъ или исправительныхъ школъ. Онъ указывалъ лишь, что суды имѣютъ полномочіе направлять сюда приговоренныхъ. Созданіе этихъ школъ есть дѣло частныхъ обществъ, которымъ въ ст. 25 лишь обѣщается возмѣщеніе нѣкоторыхъ расходовъ изъ казны или изъ взносовъ, дѣлаемыхъ родителями помѣщаемыхъ туда дѣтей (до 5 шиллинговъ въ недѣлю).

Появленіе ремесленныхъ школъ, упомянутыхъ въ законѣ 1866 г., относится къ нѣсколько болѣе раннему времени. Впервые онѣ появляются въ Шотландіи въ силу закона 1854 г. подъ именемъ ragged schools (школы для оборванцевъ), а въ 1857 г. уже законодательство Англіи предусматриваетъ созданіе ихъ, но только для безпризорныхъ дѣтей (abandoned children). Законъ 1866 г. распространилъ эту мѣру и на дѣтей, виновныхъ въ менѣе тяжкихъ проступкахъ.

Другимъ важнымъ закономъ былъ актъ о воспитаніи 1876 г. (Education act 1876 г.). Установивъ въ этомъ законѣ обязательность посѣщенія школы дѣтьми, законодатель предоставилъ мировымъ судьямъ право приговаривать дѣтей, уклоняющихся отъ посѣщенія школы, къ обязательному посѣщенію спеціально для того создаваемыхъ дневныхъ ремесленныхъ школъ (day industrial schools). Такое обязательное посѣщеніе дневныхъ ремесленныхъ школъ должно было происходить въ первый разъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, а въ случаѣ повторенія проступка—въ теченіе 4 и 6 мѣсяцевъ. При отсутствіи дневныхъ ремесленныхъ школъ (гдѣ дѣти оставались только до вечера), предоставлялось помѣщать дѣтей въ общія ремесленныя школы. Смѣшеніе дѣтей этой категоріи съ другими питомцами ремесленныхъ школъ оказалось, однако, неудобнымъ, и на практикѣ создался особый типъ школъ для дѣтей-лѣнивцевъ, который получилъ названіе truant schools. Въ эти послѣднія дѣти могли быть посылаемы по ходатай-

ству родителей и совѣта опекуновъ и по постановленію судей, на краткіе сроки, и потому онѣ назывались порою краткосрочными ремесленными школами (short term industrial schools).

Важное значеніе для развитія школъ имѣлъ законъ объ испытаніи преступниковъ 1907 г., который предусмотрѣлъ возможность назначенія для несовершеннолѣтнихъ особыхъ попечителей на время испытанія на свободѣ. Этимъ создавалась система исправленія малолѣтнихъ на свободѣ, устранившая изъ школъ и пріютовъ элементы, легко доступные исправленію. Характерными являлись также мѣры, проведенныя закономъ 1901 г. о юныхъ преступникахъ (Youthful offenders act 1901). Онѣ состоятъ: 1) въ замѣнѣ подслѣдственнаго задержанія дѣтей присмотромъ благонадежнаго лица; 2) въ возложеніи на родителей или опекуновъ денежной отвѣтственности въ случаѣ недостаточнаго надзора за дѣтьми, и 3) въ разрѣшеніи помѣщать въ ремесленныя школы дѣтей, которыя уже ранѣе приговаривались къ наказанію за тяжкія преступленія, но которыя были освобождены отъ наказанія или условно осуждены и отбыли испытаніе.

Актъ о дѣтяхъ 1908 г. суммируетъ все это законодательство. За 50 лѣтъ, со времени закона 1854 г., оно успѣло обратиться въ цѣлую массу отдѣльныхъ статутовъ, въ которой порою было трудно разобраться. Параллельно съ этимъ онъ вноситъ и рядъ поправокъ и улучшеній въ дѣйствующее право относительно этихъ школъ. Главнѣйшія изъ нововведеній суть слѣдующія: 1) До сихъ поръ дѣло выдачи средствъ на содержаніе исправительныхъ и ремесленныхъ школъ органами мѣстнаго самоуправленія не было регламентировано, и нѣкоторыя общины отказывались ассигновать на это деньги; новый законъ прямо постановляетъ, что въ случаѣ помѣщенія въ эти школы сиротъ или заброшенныхъ дѣтей, за которыхъ не вносятъ соотвѣтственной суммы ихъ родители, обязанность уплаты за содержаніе ихъ падаетъ на мѣстные совѣты или на учебныя власти. 2) Дѣти нищенствующія, порочныя или находящіяся подъ надзоромъ родителей-преступниковъ или пьяницъ, могутъ быть помѣщаемы въ ремесленныя школы; новый законъ прибавляетъ къ этому

полномочіе передавать такихъ дѣтей, вмѣсто школъ, подъ наблюденіе благонадежныхъ лицъ и должностного попечителя. 3) Установленъ однообразный опредѣленный срокъ пребыванія дѣтей въ школахъ: достиженіе 19 лѣтняго возраста—для помѣщаемыхъ въ исправительныя школы и 18—для помѣщаемыхъ въ ремесленныя; дѣти могутъ быть освобождаемы и ранѣе, но до достиженія этого возраста они во всякомъ случаѣ остаются подъ наблюденіемъ администраціи школы. 4) Министру предоставлено право, въ зависимости отъ поведенія и характера дѣтей, переводить ихъ изъ ремесленныхъ школъ въ исправительныя и обратно. 5) Предусматривается возможность организаціи спеціальныхъ школъ для дефективныхъ, чахоточныхъ, слабоумныхъ, эпилептическихъ дѣтей, а также для дѣтей нравственно-слабыхъ.

Эти нововведенія, конечно, не мѣняютъ существа дѣйствовавшихъ ранѣе въ этой области законовъ. Вводить реформу посредствомъ кодификаціи было признано неудобнымъ. Только теперь, съ принятіемъ общаго закона, намѣчаются новыя перспективы, въ частности, въ области большаго вмѣшательства государства въ дѣло принудительнаго воспитанія, о чемъ, впрочемъ, мы скажемъ ниже.

Пользуясь суммированіемъ всѣхъ законовъ объ исправительныхъ и ремесленныхъ школахъ въ актѣ 1908 г., мы позволимъ себѣ изложить схему законодательной регламентаціи ихъ, затрогивающую лишь нѣкоторыя стороны ихъ существованія, а затѣмъ и дать очеркъ фактическаго положенія дѣла.

Постановленія объ исправительныхъ и ремесленныхъ школахъ сосредоточены въ 50 статьяхъ (ст. 44—93), составляющихъ раздѣлъ IV закона 1908 г. Въ нихъ мы тщетно стали бы искать правилъ, касающихся внутренней жизни школъ, принимаемыхъ школами мѣръ исправленія, положенія служащихъ и т. д. Законъ ограничивается только перечисленіемъ полномочій различныхъ лицъ, опредѣленіемъ предѣловъ правительственнаго контроля, обязательныхъ расходовъ на содержаніе этихъ школъ и нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ.

Постановленія о трехъ видахъ школъ: исправительныхъ, ремесленныхъ и дневныхъ ремесленныхъ школахъ объединены вмѣстѣ, съ небольшими особенностями для каждой категоріи.

Исправительныя школы опредѣляются какъ „учрежденія, въ которыхъ юные преступники получаютъ помѣщеніе, одежду, пищу и образованіе въ цѣляхъ пріученія къ ремесламъ". Буквально то же опредѣленіе дается и для ремесленныхъ школъ съ тѣмъ лишь различіемъ, что здѣсь говорится не о юныхъ преступникахъ, а о дѣтяхъ вообще.

Учрежденіе воспитательныхъ пріютовъ [1]) и управленіе ими стоитъ въ теоріи внѣ контроля государства. Но, если руководители ихъ пожелаютъ воспользоваться привилегіями, предоставляемыми закономъ въ финансовомъ отношеніи и въ объемѣ власти надъ дѣтьми, они должны возбудить ходатайство о выдачѣ имъ правительственнаго свидѣтельства (certificate) [2]). Тогда министръ поручаетъ главному инспектору или его помощнику ознакомиться съ условіями и порядкомъ содержанія въ этихъ школахъ и съ пригодностью ихъ для содержанія малолѣтнихъ, и, въ случаѣ благопріятнаго результата, вноситъ ее въ списокъ утвержденныхъ правительствомъ школъ (certified schools). Полученіе свидѣтельства налагаетъ на руководителей школы прежде всего обязанность подчиненія правительственной инспекціи. Эта инспекція состоитъ изъ одного главнаго инспектора и нѣсколькихъ инспекторовъ и ихъ помощниковъ въ числѣ, опредѣленномъ по соглашенію съ министерствомъ финансовъ. Посѣщеніе воспитательнаго пріюта однимъ изъ инспекторовъ должно происходить не рѣже одного раза въ годъ. Такому утвержденію министра затѣмъ подлежатъ также и находящіяся при пріютѣ вспомогательныя учрежденія, открываемыя руководителями заведеній вновь.

Инспекторы не пользуются какими либо полномочіями. Они только посѣщаютъ школы и доводятъ въ своихъ отче-

---

[1]) Подъ „воспитательными пріютами" мы будемъ разумѣть далѣе reformatory и industrial schools вмѣстѣ.

[2]) Выдача этого свидѣтельства замѣняетъ принятое у насъ утвержденіе уставa исправительно-воспитательныхъ заведеній министромъ юстиціи (ст. 14 зак. 19 апр. 1909 г.). О ней публикуется въ оффиціальныхъ вѣдомостяхъ „London Gazette".

тахъ до свѣдѣнія министра о существующихъ тамъ порядкахъ. Если министръ признаетъ условія или порядокъ содержанія дѣтей, управленіе или личный составъ пріюта неудовлетворительными, то онъ можетъ или взять обратно выданное правительствомъ свидѣтельство, или воспретить новый пріемъ дѣтей или юныхъ преступниковъ на извѣстный срокъ. Наличность этого права, конечно, служитъ гарантіей того, что руководители, желающіе сохранить за собою свидѣтельство, будутъ исполнять тѣ требованія министерства, которыя послѣднее сочтетъ необходимыми для нормальной постановки дѣла. Съ другой стороны, и самимъ руководителямъ или ихъ душеприказчикамъ предоставляется право отказаться отъ свидѣтельства, увѣдомивъ министерство о томъ за шесть мѣсяцевъ. Во всякомъ случаѣ, обязанности руководителей школы по содержанію дѣтей продолжаются до тѣхъ поръ, пока выдается имъ парламентская субсидія, если министръ не постановитъ иного. Съ потерей правъ правительственнаго утвержденія, всѣ дѣти, помѣщенныя въ школу въ судебномъ порядкѣ, по приказу министра переводятся въ другія школы.

Обязанности утвержденной правительствомъ школы состоятъ прежде всего въ принятіи юныхъ преступниковъ, препровождаемыхъ къ нимъ на основаніи закона. Но руководители могутъ отказываться въ отдѣльныхъ случаяхъ отъ такого принятія. Принявъ ребенка, они должны воспитывать его, давать ему помѣщеніе, пищу, одежду въ теченіе всего срока, на который онъ помѣщенъ въ школу, если только школа не будетъ закрыта ранѣе. Только въ отношеніи дѣтей до 8 лѣтъ имъ предоставляется, съ согласія министра, право помѣщать ихъ внѣ школы, у благонадежныхъ лицъ, до достиженія ими десятилѣтняго возраста. Этотъ предѣльный срокъ можетъ быть продленъ, съ согласія министра, если руководители заявятъ о томъ, что дальнѣйшее пребываніе малолѣтняго у благонадежнаго лица отвѣчаетъ его интересамъ, и если они примутъ на себя обязанность ближайшаго контроля за нимъ, выполняемаго по указанію министра. Юридически такой малолѣтній разсматривается все же какъ воспитанникъ означеннаго пріюта.

Вмѣшательство министра, далѣе, предусматривается въ случаѣ перестройки или перемѣны помѣщенія школы и при выдачѣ пенсій служащимъ школы (здѣсь оговариваются лишь случаи, когда пенсія не можетъ быть выдаваема, но на ряду съ этимъ указывается на желательность установленія этой пенсіи) [1]). Въ области правилъ, касающихся внутренняго распорядка и дисциплины школы, руководителямъ предоставляется свобода, но эти правила должны быть утверждаемы министромъ [2]).

Наиболѣе важное значеніе имѣетъ указаніе тѣхъ категорій малолѣтнихъ, которыя подлежатъ помѣщенію въ воспитательные пріюты.

Въ *судебномъ* порядкѣ подлежатъ помѣщенію.

I. *Въ исправительныя школы:* юные преступники отъ 12 до 16 лѣтъ, признанные виновными въ дѣяніяхъ, караемыхъ по закону каторжной или простой тюрьмой. Въ случаѣ отсутствія такой школы, которая согласится принять къ себѣ юнаго преступника старше 14 лѣтъ, осужденный вновь приводится въ судъ, который назначаетъ уже общее наказаніе. До 14 лѣтъ юные преступники, несмотря на тяжесть дѣянія, не могутъ быть подвергаемы тюремному заключенію.

II. *Въ ремесленныя школы:* 1) дѣти, не достигшія 14 лѣтъ, по наружному виду, если они будутъ:

а) усмотрѣны просящими или получающими милостыню, открыто или подъ видомъ пѣнія, игры, представленія, предложенія купить, или находящимися на улицахъ, площадяхъ, въ помѣщеніяхъ съ цѣлью прошенія милостыни;

б) усмотрѣны скитающимися безъ пріюта, не имѣющими мѣста жительства, лишенными средствъ къ существованію, неимѣющими родителей или опекуновъ или имѣющими такихъ родителей или опекуновъ, которые не осуществляютъ надъ ними достаточнаго надзора;

---

[1]) До самаго послѣдняго времени положеніе служащихъ въ воспитательныхъ пріютахъ не было обезпечено на случай старости. Законъ 1908 г. сравниваетъ уже ихъ въ отношеніи пенсіи съ правительственными служащими. Эта пенсія достигаетъ $^2/_3$ получаемаго жалованья.

[2]) Въ руководство для пріютовъ были изданы министромъ въ 1897 г. примѣрныя правила для исправительныхъ и для ремесленныхъ школъ (Model rules B. 7653 и B. 7653/5).

в) усмотрѣны покинутыми, хотя бы оба родителя или одинъ изъ нихъ были живыми, или если они, будучи внѣбрачными дѣтьми, имѣютъ мать, отбывающую наказаніе лишеніемъ свободы;

г) находиться подъ наблюденіемъ родителя или опекуна, который, вслѣдстіе преступныхъ привычекъ или пьянства, будетъ признанъ непригоднымъ для воспитанія ребенка;

д) являться дочерьми, законными или незаконными, отца, осужденнаго за склоненіе дочери къ пороку или проституціи;

ж) общаться съ завѣдомыми ворами или проститутками [1]);

з) помѣщаться или жить въ домѣ или части дома, занимаемаго проститутками для цѣлей проституціи, или находиться въ условіяхъ, могущихъ склонять ребенка къ пороку или проституціи.

Наличность одного изъ этихъ основаній, а также необходимость помѣщенія ребенка въ ремесленную школу, констатируются постановленіемъ суда. Къ этимъ дѣтямъ, которыхъ можно назвать заброшенными или подвергающимися моральной опасности, примыкаютъ далѣе дѣти—делинквенты:

2) а) дѣти до 12 лѣтъ, независимо отъ тяжести учиненнаго ими преступленія;

б) дѣти 12 и 13 лѣтъ, не имѣющія предшествующихъ осужденій, которыя вслѣдствіе своего характера и прошлой жизни, по мнѣнію мирового судьи, не окажутъ вреднаго вліянія на другихъ дѣтей, даже если они виновны въ тяжкихъ преступленіяхъ, караемыхъ по закону каторжной или простой тюрьмой. [2])

3) Кромѣ этихъ случаевъ, мировой судья можетъ помѣщать въ ремесленныя школы дѣтей до 14 лѣтъ по ходатайству лицъ, спеціально заинтересованныхъ въ воспитаніи или образованіи ребенка, въ слѣдующихъ случаяхъ:

а) по ходатайству родителя или опекуна ребенка, которые укажутъ на то, что они не могутъ надлежащимъ образомъ слѣдить за его поведеніемъ, если при этомъ судья при-

---

[1]) Проживаніе у матери, занимающейся проституціей, не подводится подъ эту рубрику.

[2]) Смертная казнь къ дѣтямъ не примѣнима.

знаетъ полезнымъ направить ребенка въ ремесленную школу. Судья долженъ предупредить родителя или опекуна о проистекающихъ отсюда послѣдствіяхъ. Въ этихъ случаяхъ помѣщеніе въ школу можетъ быть замѣняемо наблюденіемъ должностного попечителя; это наблюденіе во всякое время можетъ быть замѣнено вновь предписаніемъ о помѣщеніи въ школу;

б) по ходатайству руководителей учрежденій и школъ для бѣдныхъ, которые укажутъ, что кто либо изъ содержащихся въ рабочемъ домѣ или школѣ для бѣдныхъ дѣтей обладаетъ непокорнымъ характеромъ или что его родитель приговоренъ къ тюрьмѣ, и судья признаетъ помѣщеніе въ ремесленную школу полезнымъ для ребенка;

в) по ходатайству мѣстныхъ учебныхъ властей, на основаніи акта о начальномъ обученіи 1876, если ребенокъ уклоняется отъ посѣщенія школы.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ помѣщеніе въ ремесленную школу можетъ быть замѣняемо отдачею ребенка подъ надзоръ родственнику или благонадежному лицу. Это право распространяется также на безпризорныхъ или нравственно-заброшенныхъ дѣтей въ возрастѣ 14 или 15 лѣтъ. Къ этому надзору можетъ быть всегда присоединяемо наблюденіе должностного попечителя.

Постановляя опредѣленіе объ отдачѣ въ воспитательный пріютъ, судья можетъ всегда отсрочить исполненіе его на любой срокъ. Въ своемъ опредѣленіи онъ обозначаетъ ту школу, въ которую долженъ быть помѣщенъ малолѣтній (эта школа можетъ находиться и внѣ округа суда). Если ребенокъ неспособенъ къ нормальному ремесленному образованію вслѣдствіе умственнаго или физическаго дефекта, судья избираетъ спеціальную школу для дефективныхъ дѣтей [1]).

Судья долженъ постараться выяснить вѣроисповѣданіе ребенка и указать на вѣроисповѣданіе въ своемъ постановленіи. Это дѣлается въ виду многочисленности воспитательныхъ пріютовъ, содержимыхъ различными религіозными организа-

---

[1]) Организація этихъ школъ впервые предусматривается закономъ 1908 г.

ціями. Начальство пріюта, принявшее къ себѣ ребенка, должно допускать къ нему, для укрѣпленія въ немъ религіозныхъ вѣрованій, духовное лицо того вѣроисповѣданія, къ которому онъ принадлежитъ. Родителямъ, опекунамъ или ближайшимъ родственникамъ ребенка, помѣщеннаго въ школу иного исповѣданія, чѣмъ то, къ которому принадлежитъ ребенокъ, предоставляется ходатайствовать предъ министромъ о переводѣ его въ другую школу, соотвѣтствующую вѣроисповѣданію малолѣтняго.

На время до отсылки въ воспитательный пріютъ или на время отсрочки постановленія объ отсылкѣ ребенокъ можетъ быть отданъ подъ надзоръ благонадежнаго лица или помѣщенъ въ особыя учрежденія, для того предназначенныя. При наступленіи необходимости помѣстить ребенка въ школу, онъ передается констеблю или другому лицу, отвѣтственному за его представленіе, которые передаютъ малолѣтняго начальству школы вмѣстѣ съ постановленіемъ суда.

Помѣщенный въ воспитательный пріютъ ребенокъ остается здѣсь въ теченіе срока, опредѣляемаго въ законѣ въ максимумѣ и минимумѣ. Помѣщенные въ исправительныя школы остаются здѣсь на срокъ отъ трехъ до пяти лѣтъ, но во всякомъ случаѣ не позже достиженія ими 19-тилѣтняго возраста. Помѣщенные въ ремесленныя школы—на время, необходимое для обученія ребенка, но во всякомъ случаѣ не позже достиженія ими 16 лѣтъ. Точные сроки и время освобожденія изъ пріютовъ опредѣляются начальствомъ пріюта. Въ двухъ случаяхъ, однако, требуется согласіе другихъ властей: 1) дѣти, помѣщенныя въ пріюты по ходатайству мѣстной учебной власти, освобождаются съ согласія этой послѣдней; и 2) въ случаѣ, если освобожденіе происходитъ ранѣе 18 мѣсяцевъ послѣ помѣщенія въ школу, требуется разрѣшеніе министра.

Освобожденіе раздѣляется на предварительное и окончательное. Предварительное состоитъ въ условномъ отпускѣ малолѣтняго подъ надзоръ благонадежнаго и уважаемаго лица, съ условіемъ, если освобождаемый не достигъ 14 лѣтъ, отправленія его въ школу. Освобождаемому выдается особое сви-

дѣтельство (licence), съ изложеніемъ тѣхъ правилъ, которыя должны быть имъ соблюдаемы. Нарушеніе какого либо изъ этихъ правилъ приводитъ къ отобранію свидѣтельства и возвращенію въ школу властью начальства школы. Время, проведенное на свободѣ съ такимъ свидѣтельствомъ, считается какъ бы проведеннымъ въ самой школѣ. Воспитанники исправительныхъ школъ, получившіе такое свидѣтельство и не возвратившіеся обратно въ школу въ случаѣ отнятія его, считаются виновными въ побѣгѣ изъ школы; родители или опекуны, не представившіе юнаго преступника въ судъ или не явившіеся сами по требованію суда, могутъ быть подвергаемы штрафу въ 1 ф. с.

Надзоръ за освобожденными изъ исправительной школы продолжается во всѣхъ случаяхъ до 19 лѣтъ, а за освобожденными изъ ремесленныхъ школъ (кромѣ тѣхъ, которыя были помѣщены туда за уклоненіе отъ посѣщенія школы) до 18 лѣтъ. Дѣйствіе освободительнаго свидѣтельства продолжается все это время. Въ теченіе всего срока начальству школы предоставляется требовать возвращенія освобожденнаго въ пріютъ на срокъ, однако, не болѣе трехъ мѣсяцевъ каждый разъ. Этотъ возвратъ допускается только въ интересахъ ребенка, при чемъ руководители должны послать объ этомъ извѣщеніе главному инспектору, съ указаніемъ мотивовъ, и постараться по возможности скоро устроить вновь малолѣтняго на свободѣ. Этотъ возвратъ въ пріютъ разсматривается не какъ мѣра взысканія за нарушеніе правилъ пребыванія на свободѣ, а какъ мѣра временнаго устройства бывшаго воспитанника, очутившагося на свободѣ въ трудныхъ обстоятельствахъ и безъ присмотра. Спеціально оговаривается также то, что права родителей и опекуновъ въ отношеніи малолѣтняго ограничены; они не имѣютъ права осуществлять свою власть такими способами, которые препятствуютъ руководительству со стороны начальства школы [1]).

Право окончательнаго освобожденія (съ прекращеніемъ

---

[1]) Это ограниченіе родительской власти было внесено закономъ 1891 г. Руководители школы могутъ даже, съ утвержденія министра, направить ребенка въ одну изъ англійскихъ колоній, вопреки волѣ родителей.

надзора) принадлежитъ министру. Онъ можетъ также постановлять о переводѣ изъ одной школы въ другую и не только одного типа, но и различныхъ; такъ, въ случаѣ дурного вліянія малолѣтняго старше 12 лѣтъ на товарищей, онъ можетъ распорядиться о переводѣ его изъ ремесленной школы въ исправительную, и, наоборотъ, въ случаѣ хорошаго характера—о переводѣ изъ исправительной въ ремесленную школу.

Руководителямъ школы предоставляется право отдавать въ обученіе, опредѣлять въ торговлю, ремесло или на службу (въ томъ числѣ и военную и военно-морскую) содержащихся у нихъ малолѣтнихъ, ведущихъ себя хорошо, хотя бы срокъ заключенія ихъ еще не истекъ. Малолѣтній можетъ, наконецъ, быть рекомендованнымъ для эмиграціи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ требуется разрѣшеніе министра. Оно необходимо также и въ томъ случаѣ, когда до устройства на свободѣ малолѣтній пробылъ въ пріютѣ не болѣе 12 мѣсяцевъ.

Особыя правила созданы для дневныхъ ремесленныхъ школъ. Эти школы организуются въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ министръ, въ силу особыхъ условій жизни нѣкоторыхъ классовъ населенія, признаетъ соотвѣтственнымъ вмѣсто ремесленной школы общаго типа организовать такую школу, гдѣ дѣти получали бы только ремесленное образованіе, начальныя свѣдѣнія въ наукахъ и пользовались бы дневной пищей, но не ночевали бы тамъ. Эти школы должны быть обособлены отъ общихъ ремесленныхъ и исправительныхъ школъ. Въ нихъ направляются дѣти, уклоняющіяся отъ посѣщенія начальныхъ школъ, а также тѣ изъ дѣтей, могущихъ быть помѣщенными въ ремесленныя школы, которыхъ судья признаетъ пригодными для дневныхъ ремесленныхъ школъ. Начальство школы можетъ принимать сюда также дѣтей отъ родителей и опекуновъ, согласившихся вносить за нихъ опредѣленную плату, даже и безъ постановленія суда. Въ остальномъ постановленія о воспитательныхъ пріютахъ примѣняются къ нимъ наравнѣ съ другими школами, съ измѣненіями, которыя будетъ признано желательнымъ внести королевскимъ указомъ.

Законъ предусматриваетъ важнѣйшіе проступки, могущіе быть учиненными воспитанниками исправительныхъ и ремесленныхъ школъ. Они сводятся къ двумъ: 1) къ умышленному и серьезному нарушенію правилъ школы или подстрекательству другихъ товарищей къ такому нарушенію и 2) къ побѣгу изъ школы. Въ первомъ случаѣ судъ можетъ продлить срокъ содержанія въ исправительной школѣ на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ или даже назначить тюрьму до трехъ мѣсяцевъ (если виновный достигъ уже 16 лѣтъ); воспитанники ремесленныхъ школъ, достигшіе 12 лѣтъ, могутъ въ такихъ случаяхъ быть переводимы въ исправительныя школы. Во второмъ случаѣ время, проведенное въ бѣгахъ, не засчитывается въ срокъ наказанія, и виновнаго постигаетъ также или удлиненіе срока содержанія въ исправительной школѣ, или тюрьма на срокъ до трехъ мѣсяцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ угрожаетъ штрафомъ до 20 ф. с. или тюрьмой до 2 мѣсяцевъ лицамъ, прямо или косвенно подстрекающимъ малолѣтняго къ побѣгу, дающимъ пристанище ему или препятствующимъ возвращенію его въ пріютъ.

Съ большою подробностью законъ останавливается на расходахъ воспитательныхъ пріютовъ. Онъ дѣлаетъ здѣсь общую сводку многочисленныхъ узаконеній, возлагавшихъ на различные органы обязанности по содержанію этихъ пріютовъ, опредѣляя лишь болѣе точно отдѣльныя обязанности.

Согласно новому закону средства пріютовъ составляются:

1) изъ субсидіи отъ казны, размѣръ которой ежегодно опредѣляется Парламентомъ по предложенію министра финансовъ; при опредѣленіи ея принимаются во вниманіе также расходы на переводъ дѣтей изъ одного учрежденія въ другое и на эмиграцію ихъ; по отношенію къ дѣтямъ, содержащимся въ пріютахъ по ходатайству ихъ родителей, размѣръ субсидіи не можетъ превышать двухъ шиллинговъ въ недѣлю на человѣка;

2) изъ средствъ земскихъ организацій; по общему правилу, каждый совѣтъ графства обязанъ имѣть въ своемъ округѣ исправительную школу, и каждая мѣстная учебная власть—

ремесленную школу, содержимую на ихъ средства. Въ цѣляхъ удобства имъ разрѣшается только или вступать въ соглашеніе съ сосѣдними округами объ открытіи общей школы (съ разрѣшенія министра), или договариваться съ руководителями утвержденныхъ правительствомъ школъ относительно принятія ими на себя содержанія воспитанниковъ за опредѣленную плату. Обязанность содержанія ребенка падаетъ на округъ, въ которомъ живетъ ребенокъ, при чемъ, при отсутствіи доказательствъ противнаго, предполагается, что округъ, въ которомъ совершено преступленіе малолѣтнимъ, есть округъ его жительства. Мѣстная учебная власть избавлена отъ обязанности содержать нѣкоторыя категоріи дѣтей (дѣтей, опредѣляемыхъ ихъ родителями, опекунами по закону о бѣдныхъ и руководителями школъ о бѣдныхъ, и бродячихъ дѣтей); средства на содержаніе этихъ послѣднихъ получаются отъ родителей или изъ суммъ отъ налоговъ въ пользу бѣдныхъ; для полученія средствъ мѣстной власти предоставляется дѣлать займы, пріобрѣтать земли, вступать въ договоры.

3) изъ взносовъ отъ родителей или другихъ лицъ, обязанныхъ содержать ребенка. Размѣръ недѣльнаго взноса и время, въ теченіе котораго онъ долженъ производиться, опредѣляются судьею, который принимаетъ во вниманіе имущественное состояніе родителя и среднюю стоимость содержанія дѣтей въ школѣ въ данной мѣстности. Судья передъ возложеніемъ этой обязанности долженъ вызвать въ судъ родителя или другое обязанное лицо. Родитель (или другое лицо), обязанный къ уплатѣ, долженъ извѣщать инспектора школъ о перемѣнѣ мѣстожительства; въ случаѣ отказа въ добровольной уплатѣ могутъ быть производимы вычеты изъ его жалованія или пенсіи.

4) полицейская власть несетъ расходы на препровожденіе малолѣтняго въ школу, при чемъ эти расходы могутъ быть возвращаемы въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣстной учебной властью.

Въ отношеніи дневныхъ ремесленныхъ школъ главными источниками для полученія средствъ являются: парламентская субсидія, которая обезпечиваетъ расходы по содержанію и

обученію; взносы родителей, въ случаѣ, если о томъ постановитъ судъ, и ассигновки мѣстной учебной власти.

Экономическое бремя такимъ образомъ въ Англіи распредѣляется между различными организаціями и лицами, имѣющими законную заботу о малолѣтнемъ: Парламентомъ, который представляетъ общегосударственный интересъ и заботится о предупрежденіи преступности; учебною властью, на которой лежатъ расходы по обязательному обученію; органами мѣстнаго самоуправленія и попеченія о бѣдныхъ, которые заботятся о благосостояніи неимущихъ и объ устройствѣ пріютовъ, и, наконецъ, родителями, обязанными содержать ребенка въ силу естественныхъ отношеній [1]).

Съ проведеніемъ закона 1908 г. о дѣтяхъ, работа по усовершенствованію дѣла принудительнаго воспитанія дѣтей далеко не разсматривается какъ законченная. Какъ видно изъ схематическаго обзора части IV закона 1908 г., только немногія стороны жизни воспитательныхъ пріютовъ подверглись регламентаціи закона. На практикѣ приходится еще считаться съ крайнимъ разнообразіемъ примѣняемыхъ методовъ, съ недостаточностью надзора, осуществляемаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, мало приспособленнымъ къ воспитанію дѣтей, съ разнообразіемъ органовъ, отъ которыхъ зависитъ это дѣло. Эти стороны, повидимому, станутъ предметомъ обсужденія въ ближайшее время.

На годовомъ собраніи дѣятелей воспитательныхъ пріютовъ (Union of workers of the Home Office schools) 6 марта 1911 г. главный инспекторъ этихъ школъ г. Робертсонъ подробно остановился на вопросѣ о необходимости передачи всѣхъ такихъ школъ въ вѣдомство департамента народнаго просвѣщенія, къ которому перешло дѣло руководительства народнымъ обученіемъ со времени закона объ образованіи 1909 г.

---

[1]) Въ нашемъ правѣ, къ сожалѣнію, взносы отъ родителей допускаются лишь при принятіи дѣтей въ пріютъ по ходатайству самихъ родителей (ст. 7 п. 4), между тѣмъ участіе родителей въ расходахъ на содержаніе школъ могло бы имѣть большое предупредительное значеніе.

Этотъ вопросъ уже неоднократно обсуждался, начиная съ 1870 г., и въ коммисіи 1895 г. это мнѣніе снискало въ свою пользу значительное большинство. Докладчикъ выразилъ надежду, что въ ближайшемъ будущемъ эта необходимая реформа будетъ проведена.

Повидимому, имѣя именно эту реформу въ виду, министръ внутреннихъ дѣлъ въ апрѣлѣ 1911 г., назначилъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ члена парламента и товарища министра (undersecretary of state) г. Мастермана, для изслѣдованія устройства, управленія, дисциплины и образовательной части исправительныхъ и ремесленныхъ школъ въ Англіи и Уэльсѣ. Этотъ комитетъ долженъ, въ частности, изслѣдовать слѣдующія стороны: 1) достаточность существующей системы инспекціи школъ, 2) отношеніе этихъ школъ къ учебнымъ комитетамъ и другимъ властямъ; 3) положеніе и подготовку начальниковъ и служащихъ въ этихъ школахъ, 4) различные типы школъ и системы классификаціи мальчиковъ и дѣвочекъ; 5) пригодность кораблей служить въ качествѣ школъ; 6) ремесленное образованіе мальчиковъ и подготовку и обезпеченіе дѣвочекъ; 7) надзоръ за выпущенниками и отношеніе ихъ къ учебнымъ властямъ и благотворительнымъ обществамъ, заботящимся о дѣтяхъ; 8) постановленія относительно физическихъ упражненій, отдыха и игръ въ школахъ; 9) способы сотрудничества и обмѣна взглядами между руководителями пріютовъ; 10) врачебное наблюденіе въ школахъ; 11) способы поддержанія дисциплины, поощренія хорошаго поведенія, а также то, насколько желательна дальнѣйшая регламентація примѣненія наказаній въ школахъ; 12) отношеніе къ родителямъ и способы полученія отъ нихъ взносовъ на содержаніе дѣтей въ пріютахъ.

Каково будетъ направленіе работъ этой коммисіи, судить трудно. Но можно предполагать, что оно будетъ имѣть въ виду установленіе большаго единства методовъ и, возможно, большаго контроля со стороны государства за школами. Успѣхъ борстальскихъ учрежденій для юношей, руководимыхъ непосредственно государствомъ при помощи неоффиціальныхъ комитетовъ, склоняетъ нѣкоторыхъ и къ

внесенію въ область принудительнаго воспитанія несовершеннолѣтнихъ до 16 лѣтъ начала государственной опеки въ большей степени [1]).

Въ этомъ отношеніи интереснымъ является докладъ, читанный P. H. Statham въ 1909 г. на съѣздѣ представителей обществъ патроната. Докладчикъ нарисовалъ схему устройства государственныхъ школъ для несовершеннолѣтнихъ до 20 лѣтъ. По его мнѣнію, необходимо объединить принципы, лежащіе въ основѣ борстальскихъ учрежденій, съ практикой воспитательныхъ пріютовъ. Всѣ несовершеннолѣтніе до 20 лѣтъ, виновные въ проступкахъ и преступленіяхъ, должны помѣщаться въ государственныя школы. Туда же направляются и дѣти порочныхъ или преступныхъ родителей. Особыя школы должны быть устроены для дѣтей до 10, 12, 14, 16 и 20 лѣтъ. Въ этихъ школахъ дисциплина не должна напоминать тюремную; несовершеннолѣтніе здѣсь будутъ обучаться наукамъ, ремесламъ и, въ частности, морскому дѣлу. Въ случаяхъ дурного поведенія болѣе взрослые изъ этихъ школъ могутъ переводиться въ борстальскія учрежденія. При освобожденіи, которое явится условнымъ, долженъ существовать обязательный патронатъ.

Этотъ проектъ, конечно, не имѣетъ оффиціальнаго характера, но появленіе его во всякомъ случаѣ указываетъ на потребность въ большемъ вмѣшательствѣ государства въ дѣло принудительнаго воспитанія. И въ оффиціальныхъ сферахъ все громче начинаютъ раздаваться голоса въ пользу устройства, хотя бы въ видѣ опыта, государственныхъ школъ для малолѣтнихъ. Ближайшее будущее, вѣроятно, принесетъ рѣшеніе поставленнаго вопроса.

III.

Изложеніе схемы законодательства о воспитательныхъ пріютахъ еще не даетъ представленія о дѣйствительномъ положеніи вещей. Слава англійскихъ пріютовъ, прочно ими

---

[1]) О борстальскихъ учрежденіяхъ см. ниже.

пріобрѣтенная, зиждется не на совершенствѣ законодательныхъ нормъ, а на удачности и эмпирической испытанности примѣняемыхъ ими методовъ. Поэтому наше описаніе принудительнаго воспитанія было бы неполнымъ, если бы мы не остановились на практической сторонѣ вопроса. Для этого мы воспользуемся не только обстоятельными отчетами главнаго инспектора этихъ школъ M-r J. Robertson и спеціальными органами, какъ журналъ Seeking and Saving, но и довольно значительнымъ запасомъ личныхъ наблюденій, почерпнутымъ изъ осмотра многихъ воспитательныхъ заведеній Англіи и Шотландіи, а также изъ бесѣды съ различными дѣятелями на этомъ поприщѣ.

Не ставя широкой задачи освѣщенія всѣхъ сторонъ организаціи и дѣятельности исправительно-воспитательныхъ пріютовъ въ Англіи [1]), я позволю себѣ коснуться только нѣкоторыхъ вопросовъ, представляющихъ большой интересъ для русскаго читателя и касающихся новыхъ ,теченій въ этой сферѣ. Живое дѣло принудительнаго воспитанія безпрестанно приноситъ новые факты, достойные быть отмѣченными. Подмѣчать ихъ въ особенности отрадно тамъ, гдѣ начало воспитанія уже окончательно восторжествовало надъ другими принципами карательной дѣятельности государства.

Къ концу 1909 г. въ Англіи и Шотландіи имѣлось 212 утвержденныхъ правительствомъ воспитательныхъ пріютовъ, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по различнымъ категоріямъ:

43 исправительныхъ школы (въ томъ числѣ 1 корабль-школа).

---

[1]) Объ англійскихъ исправительно-воспитательныхъ учрежденіяхъ существуетъ на континентѣ довольно значительная литература. Лучшими трудами являются: A. L e n z. Die Zwangserziehung in England. Eine kriminalpolitische Studie. Stuttgart 1894. H R e i c h e r. Die Fürsorge für die verwahrlose Jugend. I. Teil. Der Kinderschutz in England. Wien 1904. G. S p a c h. L'enfance coupable en droit anglais. Paris. 1906. Въ Англіи лучшимъ трудомъ является книга M o r r i s o n Juvenile offenders, 1896, переведенная и на нѣмецкій языкъ E. Katcher'омъ въ 1899 г. У насъ по этому вопросу недавно появилась статья д-ра А. Л. Щ е г л о в а въ Жур. Мин. Юст. 1910 кн. 2. Изъ болѣе старыхъ работъ см. „Письма изъ Англіи" И. Я. Ф о й н и ц к а г о. перепечатанныя въ сб. „На досугѣ" т. I. 1898. стр. 124—130.

140 ремесленныхъ школъ (въ томъ числѣ 9 спеціальныхъ и 6 школъ—кораблей).

10 краткосрочныхъ ремесленныхъ школъ.

19 дневныхъ ремесленныхъ школъ.

Содержалось въ нихъ 26.011 дѣтей (20,935 мальчиковъ и 5,016 дѣвочекъ) [1]). Это число школъ оказывается вполнѣ достаточнымъ для размѣщенія всѣхъ приговариваемыхъ судами. За годъ, кончающійся 31 марта 1910 г., во всѣ тюрьмы Англіи было принято всего 1 заключенный въ возрастѣ до 12 лѣтъ и 142 заключенныхъ въ возрастѣ отъ 12 до 16 лѣтъ. Въ число этихъ лицъ входятъ малолѣтніе, приговоренные прямо къ тюрьмѣ вслѣдствіе важности учиненнаго ими дѣянія, но не тѣ, которые были помѣщены туда за недостаткомъ мѣстъ въ пріютахъ. Такой категоріи въ Англіи не существуетъ [2]). Скорѣе наблюдается нѣкоторое перепроизводство такихъ школъ [3]).

Школы эти содержатся различными организаціями: благотворительными обществами, духовенствомъ (въ особенности, католическимъ), Арміей Спасенія и Церковной Арміей, земствами, школьными совѣтами, администраціей завѣщанныхъ фондовъ и пр. Всѣ эти организаціи, однако, мало вмѣши-

---

[1]) Число дѣтей, помѣщаемыхъ въ ремесленныя школы, значительно превышаетъ число помѣщаемыхъ въ школы исправительныя. Въ Лондонѣ, Ливерпулѣ, Бирмингамѣ и Бристолѣ первое число относится ко второму, какъ 3: 1; въ Эдинбургѣ это отношеніе равняется 5: 1; въ большихъ городахъ Іоркшира. какъ Лидсъ, Гулль. Брэдфордъ—2: 1 и. наконецъ. въ Манчестерѣ обѣ цифры почти равны.

[2]) Эту цифру полезно сравнить съ данными нашей статистики. У насъ на 1 января 1909 г. въ воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ было всего 1926 воспитанниковъ. Черезъ арестныя помѣщенія прошло въ теченіе 1908 г. 6394 малолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 10 до 17 лѣтъ; помѣщалось въ тюрьмахъ малолѣтнихъ отъ 10 до 14 лѣтъ—216; несовершеннолѣтнихъ отъ 14 до 17 лѣтъ—3593. Въ общихъ со взрослыми камерахъ помѣщалось 93 чел. первой категоріи и 1313—второй. Въ тюрьмахъ у насъ, за недостаткомъ пріютовъ. находится 69% дѣтей. См. Отчетъ Главн. Тюр. Упр. за 1908 г.

[3]) Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что Children act 1908 способствовалъ пониженію числа лицъ, присужденныхъ въ воспитательные пріюты. За 4 мѣсяца дѣйствія его (1 августа 1909 по 1 января 1910) число приговоренныхъ уменьшилось на 200. Въ 1911 г. наблюдалось дальнѣйшее уменьшеніе. Оно объясняется прогрессирующимъ развитіемъ probation system.

ваются во внутреннее управленіе школъ. Они дѣйствуютъ чрезъ „совѣтъ руководителей“ (board of managers), въ который входятъ обыкновенно на ряду съ персоналомъ учрежденія нѣсколько представителей отъ организаціи, содержащей пріютъ.

Замѣчательной чертой въ дѣятельности руководителей англійскихъ воспитательныхъ пріютовъ является духъ организаціи и широкое взаимодѣйствіе между ними.

Наиболѣе старой организаціей является Reformatory and Refuge Union. Она явилась результатомъ того подъема общественнаго интереса къ дѣятельности школъ для заброшенныхъ и преступныхъ дѣтей, который наблюдался въ началѣ 50-хъ годовъ XIX вѣка. Въ 1851 г. въ Бирмингамѣ собрался Committee of preventive and reformatory schools, подъ вліяніемъ резолюцій котораго и былъ проведенъ первый законъ объ этихъ школахъ 1854 г. Съ 1856 г. руководители комитета образовали постоянный союзъ, получившій названіе Reformatory and Refuge Union. Въ него вошли учрежденія и лица, сочувствовавшія дѣлу спасенія заброшенныхъ дѣтей; въ числѣ этихъ лицъ можно было встрѣтить многихъ выдающихся дѣятелей (Гладстонъ, графъ Шефстбюри, Дженнеръ, Турнеръ и др.). Съ того времени общество это росло, и къ 1911 г. оно насчитывало въ качествѣ членовъ 1312 учрежденій, содержащихъ 83,312 дѣтей. Центральный комитетъ этой ассоціаціи служитъ центромъ для справокъ, облегчаетъ сношенія между членами, издаетъ спеціальный журналъ (Seeking and Saving), публикуетъ списки благотворительныхъ обществъ, издаетъ полезныя для школъ книги и пр. Онъ распадается на нѣсколько отдѣловъ, каждый изъ которыхъ заботится о какой либо, важной для дѣла воспитанія и устройства дѣтей или взрослыхъ, функціи [1]). Одной изъ формъ дѣятельности

---

[1]) Въ настоящее время имѣется девять такихъ отдѣловъ, вѣдающихъ: 1) спасеніе дѣтей посредствомъ должностныхъ попечителей, оплачиваемыхъ обществомъ: 2) эмиграцію дѣтей: 3) спасеніе дѣвушекъ отъ разврата: 4) патронированіе освобождаемыхъ: 5) поддержку освобождаемыхъ изъ реформаторій для алкоголиковъ: 6) инспекцію домовъ, принимающихъ дѣтей на воспитаніе; 7) пріисканіе денежныхъ средствъ и обезпеченіе на старость дѣятелей этого дѣла: 8) объединеніе дѣятельности руководителей ремесленныхъ и исправительныхъ школъ и 9) устройство періодическихъ съѣздовъ.

комитета является устройство періодическихъ съѣздовъ дѣятелей учрежденій призрѣнія. Первый такой съѣздъ происходилъ въ Лондонѣ въ 1869 г., второй—въ Эдинбургѣ въ 1875 г. Съ этого времени съѣзды начинаютъ происходить каждые три года, постепенно мѣняя мѣста засѣданій [1]). Послѣдніе съѣзды происходили въ 1908 г. въ Манчестерѣ и лѣтомъ 1911 г. въ Эдинбургѣ. Съѣзды эти бываютъ довольно многочисленны. Такъ, въ Манчестерѣ въ 1908 г. участвовало 155 делегатовъ и 188 дѣйствительныхъ членовъ; на съѣздѣ въ Эдинбургѣ ихъ было 420. На программѣ фигурируютъ обыкновенно одинъ-два десятка докладовъ, касающихся различныхъ сторонъ работы по воспитанію дѣтей въ пріютахъ [2]). Правительство внимательно прислушивается къ голосу этихъ съѣздовъ, и часто принятыя на нихъ резолюціи служили поводомъ для составленія новыхъ законовъ.

Съѣзды представителей воспитательныхъ заведеній являются хорошей почвой для научнаго и дѣлового общенія. Болѣе узкую организацію представляетъ собою Union of social workers of Home office schools, состоящій только изъ руководителей воспитательныхъ пріютовъ. Члены этого союза ежегодно собираются въ Лондонѣ и за товарищескимъ обѣдомъ обсуждаютъ новые вопросы, выдвигаемые жизнью учрежденій. Эта организація возникла въ 1904 г. и уже успѣла устроить

---

[1]) Такъ, съѣзды происходили съ 1879 по 1908 г. въ Bristol, Dublin, Liverpool, Glasgow, Exeter, Plymouth, Newcastle, York, Birmingham, Manchester.

[2]) Напр. на съѣздѣ въ Манчестерѣ были представлены доклады по слѣдующимъ вопросамъ: „Обученіе воспитанниковъ садоводству“, „Разведеніе растеній въ школахъ“, „Исправительное и предупредительное вліяніе музыки“, „Эмиграція выпущенниковъ въ Канаду“ „Эмиграція дѣвочекъ“, „Children's bill въ его отношеніи къ воспитательнымъ пріютамъ“, „Борьба съ безнравственностью молодежи“. „Прачешныя въ пріютахъ и фабричный надзоръ“, „Полиція и ребенокъ“, „Аргументы за и противъ отдачи дѣтей въ чужія семьи“, „Предусмотрительность и пенсіи“, „Необходимыя указанія при постройкѣ пріютовъ“, „Военныя упражненія въ воспитательныхъ пріютахъ“ и т. д. Какъ видно, вопросы эти носили, по преимуществу, практическій характеръ. На съѣздѣ въ Эдинбургѣ обсуждались вопросы: „Объ уличныхъ занятіяхъ дѣтей“, „Новыя стадіи въ развитіи дѣла предупрежденія“, „О пенсіяхъ служащимъ“, „Объ эмиграціи“, „О подготовкѣ къ флотской службѣ“, „О борстальской системѣ“, „О занятіяхъ для слѣпыхъ“ и пр.

большую библіотеку, состоящую изъ книгъ, относящихся къ дѣлу принудительнаго воспитанія; съ 1909 г. она издаетъ „Certified Schools Gazette“, посвященную отстаиванію профессіональныхъ интересовъ и спорныхъ вопросовъ практики. Чрезъ посредство этой организаціи служащіе въ воспитательныхъ пріютахъ добились установленія пенсіи, а руководители учрежденій—увеличенія размѣра правительственной субсидіи.

Средства, на которыя содержатся воспитательные пріюты, составляются, какъ мы видѣли, изъ различныхъ источниковъ. Любопытно, однако, прослѣдить ту долю, которую составляетъ каждый изъ этихъ рессурсовъ въ общемъ бюджетѣ. Приведемъ эти данныя по различнымъ категоріямъ школъ, прослѣдивъ ихъ ростъ по десятилѣтіямъ.

Годъ	Число дѣтей.	Субсидія казны.	Взносы родителей.	Мѣстные налоги.	Взносы членовъ и пожертвованія.	Общій расходъ на школы.
Исправительныя школы.						
1860 .	3,803	59,230	2,140	2,596	24,903	92,854
1870 .	6,562	84,423	3,296	19,373	8,600	123,015
1880 .	7,070	91,781	5,973	23,912	6,005	134.080
1890 .	5,854	78,863	5,489	24,056	2,793	119,337
1900 .	5.611	72,437	6,328	24,899	2,246	117,427
1905 .	5,380	72,790	7,342	30,829	3,644	128,779
1909 .	5,878	84,997	7,061	35,463	2,388	135,085
Ремесленныя школы.						
1870 .	8,788	96,962	4,540	21,129	59,310	188,779
1880 .	16,446	167,639	17,000	83,069	29,260	316,175
1890 .	22,735	194,404	16,657	110,135	34,490	360,947
1900	24,718	192,041	19,272	168,271	24,897	427,670
1905 .	20,454	179,140	21,366	186,164	33,498	440,951
1909 .	20,133	183,761	18,327	184,057	36,714	444,264
Дневныя ремесленныя школы.						
1880 .	1,005	1,492	258	4,569	825	8,261
1890 .	3,698	6,891	3,382	12,332	982	25,559
1900 .	3.253	7,179	2,741	24,420	1,980	33,056
1905 .	3,305	7,823	2,825	27.954	—	38,920
1909 .	3,269	11,348	2,241	25,054	—	39,973

Не трудно видѣть, что число дѣтей, помѣщаемыхъ въ пріюты за послѣднія 20—30 лѣтъ, является весьма устойчи-

вымъ. Первоначально большую роль въ расходахъ на нихъ играли пожертвованія и членскіе взносы, а затѣмъ соотвѣтственно начинаютъ возрастать мѣстные налоги, взносы родителей, субсидія отъ казны.

Взносы родителей обнаруживаютъ тенденцію къ росту: въ 1866 году они составляли 4345 ф. ст.; 1876 г.—20.505, 1896 г.—29.456, 1906 г.—31.916. Правительственная субсидія остается въ абсолютныхъ цифрахъ съ 1880 г. приблизительно на одномъ уровнѣ, но процентное отношеніе ея къ общей суммѣ доходовъ сокращается. Въ 1880 г. оно составляло 68,45% въ 1890 г.—66%, 1900 г.—61,88 и 1905 г.—60%. Только за 1909 г., благодаря ходатайству представителей пріютовъ, цифра ея нѣсколько повышается. Въ общемъ, расходъ различныхъ органовъ на школы въ 1909 г. достигъ почтенной цифры 619.322 ф. ст., что поставляетъ болѣе 6 милліоновъ рублей.

Болѣе полное представленіе объ экономической сторонѣ дѣла воспитательныхъ пріютовъ даютъ ежегодные отчеты. Для примѣра беремъ отчетъ за 1909 годъ.

Исправительныя школы Англіи за 1909 годъ.

Получили:

Субсидія отъ казны	73,472	ф. с.
Отъ мѣстныхъ налоговъ	30,066	„ „
Пожертвованія и взносы	1,795	„ „
Взносы ассоціацій	97	„ „
Проценты и рента	1,814	„ „
Выручка отъ продажи продуктовъ . .	7,832	„ „
Взносы родителей	6,611	„ „
	121,687	ф. с.

Израсходовали:

Жалованье служащимъ	26,614	ф. с.
Пища воспитанниковъ	27,259	„ „
Одежда	11,917	„ „
Плата за помѣщенія и %	2,627	„ „
Выдачи при освобожденіи	5,096	„ „
Потери въ ремесленныхъ отдѣлахъ .	1,413	„ „
Ремонтъ зданій	8,784	„ „
Различная обстановка и т. д.	32.521	„ „
	115,231	ф. с.

Средняя стоимость содержанія, включая уплату ренты, расходы по устройству выпущенниковъ и выдачи за трудъ воспитанникамъ, выражается, для мальчиковъ въ 26 ф. . ш., для дѣвочекъ въ 26 ф. 2 ш.

Ремесленныя школы (кромѣ day industrial schools) *въ 1909 г.*

П о л у ч и л и:

Субсидія отъ казны	123,942	ф. с.
Отъ мѣстныхъ налоговъ и учебныхъ властей	149,483	„ „
Отъ церковныхъ сборовъ	8.523	„ „
Пожертвованія и взносы	26,542	„ „
Уплата за добровольныхъ воспитанниковъ	5,239	„ „
Различные доходы	4,777	„ „
Выручка отъ продажи продуктовъ . .	15,029	„ „
	335,535	ф. с.

И з р а с х о д о в а л и:

Жалованье служащимъ	82,810	ф. с.
Пища	81,672	„ „
Одежда	33,375	„ „
Рента, плата за помѣщенія	6,176	„ „
Выдачи при освобожденіи	11,546	„ „
Ремонтъ зданій	15,599	„ „
Потери въ ремесл. отдѣл.	1.682	„ „
Разная обстановка и пр.	96,446	„ „
	329,302	ф. с.

Отъ родителей было собрано для ремесленныхъ школъ 13,397 ф. с.; средняя стоимость воспитанника равнялась 23,1 ф. с., а воспитанницы—22,2 ф. с.

Зависимость воспитательныхъ пріютовъ въ экономическомъ отношеніи отъ различныхъ органовъ является обстоятельствомъ не вполнѣ удобнымъ, такъ какъ она влечетъ за собою и соотвѣтственное вмѣшательство различныхъ властей. Въ частности, неудобство выражается въ параллельно и независимо другъ отъ друга дѣйствующемъ надзорѣ со стороны инспекціи школъ, состоящей въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, и со стороны учебныхъ комитетовъ. Объединеніе этой дѣятельности надзора составляетъ одну изъ настоятельныхъ потребностей.

Заимствовавъ изъ Франціи основныя черты постановки воспитательныхъ пріютовъ, англійское законодательство переняло и существующее здѣсь дѣленіе на écoles de réforme и écoles industrielles. Юридически положеніе тѣхъ и другихъ совершенно одинаково; фактически различіе состоитъ въ возрастѣ посылаемыхъ туда дѣтей и въ ихъ нравственномъ характерѣ. Въ исправительныя школы, какъ мы видѣли, помѣщаются болѣе взрослыя дѣти-делинквенты, въ ремесленныя—заброшенныя дѣти или правонарушители болѣе нѣжнаго возраста. Во внутренней жизни школъ это различіе сказывается только на дисциплинѣ, примѣняемой къ воспитанникамъ.

Значительно больше различій по характеру занятій, практикуемыхъ въ школѣ. Съ этой точки зрѣнія воспитательные пріюты могутъ быть раздѣлены на земледѣльческія колоніи, ремесленные пріюты (имѣющіе нѣсколько разновидностей) и пріюты-корабли. Мы позволимъ себѣ дать читателю краткое описаніе каждаго изъ этихъ типовъ, взявъ за основаніе видѣнные нами образцы.

Изъ земледѣльческихъ колоній на первомъ мѣстѣ неизмѣнно стоитъ старѣйшая изъ всѣхъ школа Филантропическаго Общества, помѣщающаяся въ Редгиль. Паломничество туда составляетъ почти необходимость для всякаго, желающаго ознакомиться съ постановкой воспитанія заброшенныхъ дѣтей въ Англіи. Оно будетъ вознаграждено не только знакомствомъ съ одной изъ наилучшихъ школъ въ мірѣ, но и пріятными впечатлѣніями отъ живописныхъ пейзажей, которые представляетъ собою эта мѣстность. Школа расположена на 260 акрахъ пахатной земли. Она зарегистрована какъ исправительная школа, расчитанная на 300 мальчиковъ. Руководители ея начали попеченіе отъ одного ребенка, помѣщеннаго въ семью въ 1788 г., и до конца 1906 г. обучили земледѣльческому труду и ремесламъ почти 7000 мальчиковъ. Со времени перехода школы въ Редгиль изъ нея освобождено было 4,892 мальчика.

Колонія устроена въ видѣ небольшихъ коттеджей, каждый изъ которыхъ расчитанъ на 60 человѣкъ. Такихъ коттеджей

лять, и во главѣ каждаго стоитъ мастеръ съ матроной (обыкновенно, мужъ съ женой). Распредѣленіе по коттеджамъ происходитъ въ зависимости отъ возраста и поведенія. Кромѣ того разбросаны по всей площади колоніи: церковь, зала собраній, больница, дома воспитателей и мастерскія. Этихъ мастерскихъ нѣсколько: сапожная, столярная, кузнечная, портняжная, булочная, кирпичная. Каждый воспитанникъ сначала долженъ пройти курсъ земледѣльческихъ работъ и потомъ избираетъ себѣ одинъ изъ видовъ ремесла. Въ промышленной Англіи теперь довольно трудно найти примѣненіе для земледѣльческаго труда, но хорошо обученные этому дѣлу воспитанники являются желанными элементами въ колоніяхъ. И мы видимъ, что устройство въ колоніяхъ является однимъ изъ главныхъ способовъ устройства выпущенниковъ. Изъ 4,892 освобожденныхъ со времени перехода въ Редгиль и до 1906 г.—1872 были направлены въ колоніи. Земледѣльческій трудъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, является наиболѣе пригоднымъ для оздоровленія. Принципъ, выставленный Mets: „ameliorer la terre par les hommes et les hommes par terre“, прекрасно оправдывается на примѣрѣ колоніи въ Редгилѣ.

Во главѣ школы стоитъ протестантскій священникъ, который вмѣстѣ съ небольшой группой учителей руководитъ учебными занятіями воспитанниковъ. Эти занятія происходятъ по довольно сложной программѣ [1]) три раза въ день: утромъ отъ 6 ч. 30 м. до 8 ч., отъ 9 ч. 30 м. до 12 ч. и вечеромъ отъ 7 ч. до 8 ч. 30 м. Работа продолжается 3 часа до обѣда и 4 часа послѣ полудня. Въ программу дня входятъ также игры и развлеченія. Для развлеченій имѣется небольшой театръ и оркестръ. Гимнастика и игры происходятъ по преимуществу лѣтомъ. Осенью имѣется особый день, 27 сентября, когда въ школу собираются бывшіе воспитанники ея и патроны и устраивается рядъ празднествъ. Одною изъ необходимыхъ частей программы этого дня являются физическія состязанія въ бѣгѣ, плаваніи, гимнастикѣ, атлетикѣ,

---

[1]) Здѣсь преподаются грамматика, составленіе сочиненій, географія, исторія, ариѳметика, алгебра, пѣніе, рисованіе, агрикультура, садоводство.

игрѣ въ крикетъ. Выигравшіе получаютъ особые призы. На этихъ играхъ присутствуетъ обыкновенно нѣсколько сотъ посѣтителей. Поощреніе физическаго спорта приводитъ къ тому, что поступившіе въ школу мальчики быстро развиваются физически и отличаются прекраснымъ здоровьемъ. Мальчики имѣютъ веселый видъ и не скучаютъ въ школѣ. Несмотря на то, что школа находится въ непосредственной близости къ городу и не окружена даже заборомъ, побѣги составляютъ крайне рѣдкое явленіе. За четыре года (1903—1905) скрылся всего одинъ воспитанникъ. Дѣти, наоборотъ. сохраняютъ самое хорошее воспоминаніе о школѣ и охотно являются туда на лѣтній праздникъ. Изъ писемъ бывшихъ воспитанниковъ (old boys), печатаемыхъ въ ежегодныхъ отчетахъ колоніи, мы узнаемъ, насколько крѣпко они къ ней привязаны. Результаты, достигаемые школой, поистинѣ можно назвать блестящими. Изъ 302 воспитанниковъ, освобожденныхъ въ 1903—1905 г.,—229 устроены были на родинѣ и 73 направлены въ колоніи. Изъ устроившихся въ Англіи 212 ведутъ себя хорошо, 15 осуждены вновь и о 2 нѣтъ свѣдѣній; изъ эмигрировавшихъ—65 ведутъ себя хорошо, 8 осуждены вновь, безвѣстныхъ нѣтъ. Сводя объ группы къ процентнымъ отношеніямъ, мы получимъ: 91,72% — ведущихъ себя хорошо, 7,61% вновь осужденныхъ и 0,67% — безвѣстныхъ. Въ этой таблицѣ поражаетъ ничтожность процента безвѣстныхъ, что ярко свидѣтельствуетъ о тщательности наблюденія администраціи за освобожденными. По роду занятій выпущенники послѣднихъ 4 лѣтъ распредѣляются на свободѣ слѣдующимъ образомъ:

На службѣ въ войскѣ и флотѣ	64
Механики и искусные ремесленники . . .	28
Фермеры въ колоніяхъ	63
Въ домашнемъ услуженіи	17
Кучера и извощики	20
Подмастерья въ различныхъ мастерскихъ . .	16
Рабочіе на постоянной службѣ	53
Рабочіе на поденной службѣ	16

Временно безъ работы 21
Не имѣющіе работы вообще 3

Средній заработокъ выпущенниковъ, находящихся на работѣ, равняется 11 рублямъ въ недѣлю.

Приведенныя данныя показываютъ, какъ производительно затрачиваются трудъ и средства, если они направлены на воспитаніе ребенка. Можно было бы представить параллельную таблицу того, какъ безплодно они затрачиваются на содержаніе преступниковъ въ общихъ тюрьмахъ.

Содержаніе каждаго воспитанника въ школѣ обходится обществу въ 225 рублей ежегодно. Эта сумма нѣсколько выше расходуемой въ другихъ обществахъ, но возможность нѣсколько большаго расхода объясняется щедрымъ потокомъ пожертвованій (около 20.000 рублей ежегодно). Продукты земледѣльческаго и ремесленнаго труда приносятъ школѣ около 50.000 рублей, что составляетъ болѣе $^1/_3$ части всего дохода школы.

Другимъ достойнымъ образцомъ земледѣльческой колоніи является осмотрѣнная нами Wellington farm school, въ Penicuick въ Шотландіи, организованная въ 1859 г. Она расчитана на 110 мальчиковъ. Расположенная вдали отъ селеній, эта школа прекрасно организовала земледѣльческія работы, постановка которыхъ служитъ образцомъ для окрестныхъ фермеровъ. При небольшомъ пространствѣ земли, она выручаетъ ежегодно болѣе 7.000 рублей отъ продажи земледѣльческихъ продуктовъ. Кромѣ земледѣльческаго труда, при школѣ устроены портняжная и сапожная мастерскія, дающія небольшую прибыль. При небольшомъ доходѣ (около 25.000 рублей въ годъ) школа сумѣла хорошо поставить и образованіе мальчиковъ. Правительственные инспектора находятъ успѣхи воспитанниковъ въ наукахъ прекрасными. Мнѣ самому приходилось присутствовать на нѣсколькихъ урокахъ, въ томъ числѣ на урокѣ географіи, на которомъ воспитанникъ мнѣ разсказалъ довольно бойко нѣсколько важнѣйшихъ свѣдѣній о Россіи. Уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не было ни одного успѣшнаго побѣга, хотя отдѣльныя попытки къ тому и имѣли мѣсто. Поражаютъ здоровье и поведеніе воспитанниковъ. От-

четы за послѣдніе годы постоянно обращаютъ вниманіе на ничтожное количество больныхъ. Нарушенія дисциплины болѣе серьезнаго свойства составляютъ рѣдкое исключеніе. По числу вновь осужденныхъ воспитанниковъ Веллингтонская школа стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ во всей Шотландіи. Изъ воспитанниковъ ея осуждены вновь всего 13%, между тѣмъ какъ въ другихъ школахъ число это доходитъ до 27%. Понятно, что при такихъ условіяхъ руководителямъ школы не приходится много заботиться объ устройствѣ своихъ выпущенниковъ. Они представляются весьма желательнымъ элементомъ въ качествѣ работниковъ для окрестныхъ фермеровъ, и у руководителей имѣется длинный waiting list для тѣхъ, которые предъявляютъ спросъ на ихъ трудъ. Изъ освобожденныхъ въ періодъ 1906—1908 г.—51 занятъ регулярной работой, 3 временно безъ работы, 18 поступили въ армію и флотъ и 2 безвѣстны; осуждено вновь 10 человѣкъ. Средняя стоимость содержанія воспитанника равна 240 рублямъ въ годъ.

Изъ ремесленныхъ пріютовъ-реформаторій остановлюсь на прекрасно поставленной школѣ St John's для дѣтей-католиковъ въ мѣстечкѣ Walthamstow. Я посѣтилъ ее, по совѣту главнаго инспектора г. Робертсона, какъ представляющую образецъ школъ новой конструкціи. Новыя постройки ея были возведены лишь въ 1906 г. Школа представляетъ собою одно большое зданіе, гдѣ въ нѣсколькихъ дортуарахъ содержится 125 мальчиковъ. Благодаря искусному руководительству, по успѣхамъ въ ремеслахъ и поведенію воспитанниковъ школа эта занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ спискѣ реформаторій. Въ ней проходятся, кромѣ общихъ ремеслъ, сложныя работы по металлу и дереву. Спеціальностью школы является также поваренное искусство; воспитанники школы получили за это нѣсколько ,медалей. Серьезные проступки воспитанниковъ рѣдки, побѣговъ 1—2 въ теченіе года. Для физическихъ упражненій построенъ большой гимнастическій залъ и бассейнъ. На эту сторону обращается большое вниманіе. Начальникъ показывалъ намъ 11 первыхъ призовъ, полученныхъ воспитанниками на состязаніяхъ въ различныхъ родахъ спорта и, въ частности, въ пла-

ваніи. Изъ 41 мальчика, которые вышли изъ школы въ 1907 г., 37 немедленно могли найти для себя техническія работы (skillful labor). Изъ освобожденныхъ въ періодъ 1906—1908 г. 79 имѣютъ регулярныя занятія, 7 находятся безъ работы, 19 зачислены въ армію, 9 осуждены вновь и 12 безвѣстны. Процентъ рецидивистовъ изъ выпущенниковъ равняется 11. Стоимость содержанія 240 рублей въ годъ.

Дневныя ремесленныя школы организованы только въ большихъ городахъ, гдѣ безпризорность дѣтей объясняется чаще всего занятостью обоихъ родителей днемъ на фабрикѣ или службѣ. Мнѣ удалось ознакомиться съ такою школою, Drury Lane Day industrial school, находящеюся въ Лондонѣ. Она расчитана на небольшое количество дѣтей (я засталъ въ ней 75 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ). Школа помѣщается въ очень тѣсномъ зданіи и содержится не вполнѣ чисто. Мальчики заняты здѣсь сапожными, портняжными, типографскими работами и черченіемъ. Немногія дѣвочки, посѣщающія школу, занимаются внутренними работами. Дѣти являются въ школу къ 9 часамъ [1]) и остаются здѣсь до 5—6 вечера, получая за это время только обѣденную пищу. Науки здѣсь проходятся по обычной программѣ элементарныхъ школъ. Гимнастика происходитъ на маленькомъ дворикѣ, который явно недостаточенъ для этой цѣли. Внутри школы имѣется бассейнъ для плаванія. Внѣшнее впечатлѣніе отъ посѣщенія школы не вполнѣ благопріятное; но судя по статистическимъ ежегоднымъ отчетамъ, она довольно успѣшно справляется съ своею задачей подготовки воспитанниковъ къ трудовой жизни на свободѣ. Изъ 34 мальчиковъ, освобожденныхъ въ 1908 г., 28 немедленно нашли себѣ работу въ хорошихъ условіяхъ (въ томъ числѣ 10 поступили въ типографіи). Стоимость содержанія приблизительно та же, какъ и въ закрытыхъ школахъ (230 рублей въ годъ), причемъ львиная доля расходовъ падаетъ на учебныя власти (1,631 ф. ст. изъ общей суммы 2,010). Дѣти, содержащіяся въ дневныхъ ремесленныхъ шко-

---

[1]) Но родители могутъ приводить ихъ въ школу и ранѣе, отправляясь на работу.

лахъ, не находятся вполнѣ подъ контролемъ начальства школы, они не выглядятъ столь опрятными, какъ помѣщающіяся въ закрытыхъ учрежденіяхъ. Попеченіе объ ихъ здоровьѣ также не можетъ идти такъ далеко. Зато, благодаря сохраненію у дѣтей связи съ домомъ, они не чувствуютъ себя стѣсненными. Побѣги изъ такихъ школъ—явленіе совершенно исключительное. Поднятію уровня поведенія способствуетъ система марокъ, введенная въ этихъ школахъ. Но она рѣдко приводитъ къ условному освобожденію. Въ виду краткости срока содержанія въ школахъ, руководители считаютъ полезнымъ воспользоваться всѣмъ срокомъ или срокомъ, достаточно продолжительнымъ для обученія мастерству, и снять съ себя надзоръ послѣ освобожденія.

Нѣсколько особое положеніе занимаютъ *школы для лѣнивцевъ* (truant schools). Эти школы возникли подъ вліяніемъ акта объ элементарномъ обученіи 1876 г., предоставившаго учебной власти право помѣщать дѣтей, уклоняющихся отъ посѣщенія школы, въ особые пріюты, изъ которыхъ они могутъ быть условно освобождаемы по истеченіи мѣсяца подъ условіемъ дальнѣйшаго посѣщенія общихъ школъ. Школьные совѣты нѣкоторыхъ мѣстностей, считая невыгоднымъ платить за содержаніе такихъ дѣтей руководителямъ ремесленныхъ школъ, рѣшили сами сдѣлать попытку организаціи школъ, спеціально предназначенныхъ для такой категоріи дѣтей. Въ 1878 г. были открыты двѣ такія школы, въ Лондонѣ и Ливерпулѣ, и въ 1879 г. одна—въ Шеффильдѣ. Они получили прозваніе школъ для лѣнивцевъ. Къ концу 1893 г. въ Англіи уже имѣлось 15 такихъ школъ, содержавшихъ 1.220 мальчиковъ и имѣвшихъ до 5.000 условно освобожденныхъ. Эти школы были далеко не пріятнымъ мѣстомъ. По своей дисциплинѣ онѣ напоминали тюрьмы, начальству предоставлялось содержать воспитанниковъ въ отдѣльныхъ камерахъ, дисциплинарныя взысканія были болѣе строги, чѣмъ въ общихъ школахъ, а педагоги для нихъ набирались изъ неудачниковъ. Только за послѣднее время сознали неправильность такого отношенія. Практика выяснила, что въ эти школы чаще всего попадаютъ дѣти дефективныя или

остановившіяся въ своемъ развитіи, и потому школьныя власти стали заботиться, наоборотъ, о привлеченіи въ нихъ наиболѣе внимательныхъ педагоговъ; требованія, предъявляемыя къ дѣтямъ, стали менѣе суровыми. Благодаря дѣятельности руководителей общихъ школъ, случаи непосѣщенія ихъ по одной лѣности стали рѣдкими; чаще всего причиной тому служатъ соціальныя условія: необходимость помощи родителямъ, уличная торговля и пр. Поэтому, вмѣсто старой системы наказанія за лѣность, стали примѣняться мѣры предупрежденія. Эти школы для лѣнивцевъ (truant schools) актомъ 1908 г. преобразованы въ краткосрочныя ремесленныя школы (short-term industrial schools). Съ примѣненіемъ закона объ испытаніи 1907 г. число дѣтей, попадающихъ туда, стало значительно уменьшаться. За послѣднія пять лѣтъ число этихъ школъ упало съ 15 до 10, причемъ двѣ школы превратились въ ремесленныя. Въ 1909 г. въ нихъ было принято 1,038 мальчиковъ, на 268 меньше, чѣмъ въ 1908 г. Къ концу 1909 г. въ этихъ школахъ находилось 930 дѣтей и 2,291 условно освобожденныхъ. Средняя продолжительность содержанія дѣтей въ этихъ школахъ была: 129 дней для осужденныхъ въ первый разъ, 184 дня для осужденныхъ вторично и 225 дней для осужденныхъ въ третій разъ. Средняя стоимость содержанія воспитанника въ теченіе года равнялась 270 рублямъ.

Изъ школъ для лѣнивыхъ дѣтей я посѣтилъ школу, содержащуюся совѣтомъ Лондонскаго графства и помѣщающуюся въ Highbury, близъ Лондона. Эта школа открыта въ 1891 г. Въ іюнѣ 1907 г., во время моего посѣщенія, въ ней содержалось 164 мальчика, и, кромѣ того, подъ наблюденіемъ школы было 143 условно освобожденныхъ. Мальчики распредѣлены по отдѣленіямъ, гдѣ занимаются портняжнымъ и сапожнымъ ремеслами, плетеніемъ цыновокъ, работами по дереву, черченіемъ. Науки преподаются здѣсь въ объемѣ требованій элементарной школы, и на успѣхи въ наукахъ обращается особое вниманіе. Какъ только мальчикъ начинаетъ успѣвать въ нихъ, онъ освобождается условно; но все же встрѣчаются и такіе, которые возвращаются въ школу во вто-

рой и въ третій разъ за тотъ же проступокъ—уклоненіе отъ регулярнаго посѣщенія общихъ школъ. Въ виду того, что большинство содержащихся здѣсь мальчиковъ являются дѣтьми отсталыми въ умственномъ отношеніи и слабосильными, обращается вниманіе на физическое развитіе. Въ школѣ имѣется бассейнъ для плаванія, гимнастическій залъ, площадка для игръ. Воспитанники школы не разъ оказывались побѣдителями въ матчахъ въ крикетъ, ежегодно устраиваемыхъ министерствомъ. Въ общемъ, воспитанники выглядятъ здоровыми. Поведеніе, въ общемъ, удотвлетворительно, и за годъ были лишь три безуспѣшныя попытки къ побѣгу. Средняя продолжительность пребыванія въ школѣ для новичковъ—253 дня, для рецидивистовъ—444 и для двукратныхъ рецидивистовъ—316. По возрасту около $^3/_4$ падаетъ на мальчиковъ отъ 10 до 14 лѣтъ. Школа содержится почти исключительно на средства, получаемыя отъ мѣстныхъ школьныхъ властей. Изъ 5142 ф. с. дохода 4,310 получается изъ этого источника, остальное дополняется правительственной субсидіей. Средняя стоимость содержанія здѣсь воспитанника равняется 29,4 ф. ст. Въ общемъ, школа производитъ благопріятное впечатлѣніе, и не чувствуется угнетенности среди воспитанниковъ [1]).

Законъ 1908 г. предусматриваетъ также созданіе спеціальныхъ ремесленныхъ школъ для дефективныхъ заброшенныхъ дѣтей. Въ теченіе 1909 г., судя по отчету главнаго инспектора, открыто семь такихъ школъ, въ которыя за 4 мѣсяца (по 1 января 1910 г.) поступило 50 дѣтей [2]). Дефективными признаются дѣти слабосильныя, умственно-слабыя, эпилептики. Въ основу организаціи этихъ школъ положены три принципа: 1) спеціальная постановка образованія и режима, 2) особая забота послѣ освобожденія и 3) земледѣльческія работы. Устройствомъ такихъ школъ Англія даетъ

---

[1]) Въ 1909 г. вслѣдствіе сокращенія числа поступленій эта школа преобразована въ ремесленную школу общаго типа.

[2]) Изъ отчета за 1910—1911 г. видно, что къ январю 1911 г. такихъ школъ появилось уже 13; изъ нихъ двѣ для дѣтей, страдающихъ глазами, одна для слѣпыхъ, одна—для мальчиковъ-эпилептиковъ, одна для дѣтей-калѣкъ, три—для глухихъ дѣтей, одна для маленькихъ дѣвочекъ, проявляющихъ безнравственныя наклонности и шесть—для умственно-слабыхъ дѣтей.

отвѣтъ на горячо обсуждавшійся въ послѣдніе годы вопросъ относительно цѣлесообразности выдѣленія такихъ дѣтей въ отдѣльныя школы. О результатахъ этой системы судить пока еще нельзя.

Оригинальнымъ типомъ исправительныхъ и ремесленныхъ школъ, выработавшимся въ Англіи, являются *школы-корабли* (training ship). Онѣ предназначены для обученія мальчиковъ морской службѣ, какъ одной изъ широко развитыхъ профессій населенія [1]). Старѣйшимъ изъ учрежденій этого рода является школа-корабль „Cornwell“, находящійся при устьѣ Темзы, въ мѣстечкѣ Purfleet. Этотъ корабль, обратившійся уже давно въ неподвижную барку, стоящую въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега, устроенъ въ 1854 г.

„Корнуэль“ является теперь единственной исправительной школой-кораблемъ. Кромѣ него, имѣется еще 6 кораблей и 2 флотскихъ школы, но всѣ они относятся къ категоріи „ремесленныхъ школъ“ [2]). Онъ расчитанъ на 260 воспитанниковъ. Во главѣ его стоитъ пожилой опытный морякъ капитанъ R. Steele.

Посѣщеніе этого корабля въ 1907 г. оставило во мнѣ самое благопріятное впечатлѣніе. Мы застали дѣтей сначала въ классахъ, которыхъ здѣсь имѣется шесть. Дѣти проходятъ элементарныя науки, географію, рисованіе, отечествовѣдѣніе. Успѣхи ихъ, судя по даваемымъ отвѣтамъ, являются вполнѣ удовлетворительными.

Въ лѣтнее время здѣсь происходитъ по преимуществу обученіе морской службѣ и спорту. На двухъ яхтахъ вос-

---

[1]) Насколько намъ извѣстно, эти школы-корабли заимствованы лишь колоніями Англіи. Такъ въ New South Wales имѣется корабль „Sobraon“, въ New Zealand—„Amokura“ и въ Victoria—„John Murray“. Всѣ они возникли въ недавніе годы.

[2]) Въ настоящее время имѣются слѣдующія школы-корабли, выполняющія функціи ремесленныхъ школъ:

„Warsipite“	на Thames,	расчитанный	на 240	мальчиковъ.
„Indefatigable“	на Mersey,	„	„ 250	„
„Exmouth“	на Thames,	„	„ 700	„
„Mercury“	на Hamble,	„	„ 120	„
„Arethusa“	на Thames,	„	„ 240	„
„Clio“	на Thames	„	„ 200	„

питанники отправляются въ море, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль выполняютъ всѣ функціи морской службы. На борту корабля они обучаются всѣмъ пріемамъ морской сигнализаціи. Продѣланный ими курсъ сигнализаціи флагами и гимнастика не оставляли желать лучшаго. Дружный военный оркестръ помогалъ въ этихъ упражненіяхъ. Физическія игры, какъ крикетъ, футболъ, атлетическія упражненія составляютъ ежедневное занятіе. Начальникъ школы съ гордостью показывалъ кубки, выигранные воспитанниками въ состязаніяхъ въ спортѣ, ежегодно устраиваемыхъ патронами школы. Въ зимнее время мальчики заняты въ мастерскихъ, устроенныхъ на кораблѣ, портняжнымъ, плотничьимъ дѣломъ, вьютъ канаты, изготовляютъ корабельные принадлежности. Хотя помѣщенія для сна и работы тѣсны, но туда приходится днемъ заглядывать сравнительно рѣдко, такъ какъ большую часть времени мальчики проводятъ на открытомъ воздухѣ. Школѣ принадлежитъ небольшая площадь на прибрежной полосѣ, гдѣ происходятъ игры. Порою мальчики дѣлаютъ группами экскурсіи. Въ распоряженіи школы имѣется особый агентъ, который опредѣляетъ мальчиковъ при освобожденіи на корабельную службу въ частномъ флотѣ. Поведеніе въ школѣ образцовое, и просмотръ кондуитной книги за два года показалъ только на одну или двѣ безуспѣшныхъ попытки побѣга во время пребыванія на берегу. Наоборотъ, многіе за свое хорошее поведеніе получаютъ небольшія денежныя награды, изъ которыхъ составляется фондъ, выдаваемый имъ при освобожденіи. Проступки обыкновенно состоятъ въ неопрятности, школьныхъ шалостяхъ, бранныхъ словахъ. Здоровый видъ мальчиковъ бросается въ глаза сразу. Содержаніе мальчиковъ здѣсь обходится нѣсколько дороже, чѣмъ въ обычныхъ реформаторіяхъ, вслѣдствіе необходимости содержать нѣсколькихъ моряковъ инструкторовъ [1]) (въ среднемъ 280 рублей на воспитанника). Изъ 270 освобожденныхъ въ періодъ 1903—1905 г. регулярныя занятія имѣли 212, случайный зара-

[1]) Штатъ корабля состоитъ изъ капитана, 1 лейтенанта, 2 лейтенантовъ 2-й степени, 8 морскихъ инструкторовъ, главнаго учителя, 1 начальника оркестра, 1 завѣдующаго хозяйствомъ, столяра, инструктора и повара.

ботокъ—7, умерли 4, вновь осуждены 33 и не даютъ извѣстій 13. Связь выпущенниковъ съ учрежденіемъ очень близкая. За 1905 г., напр., 77 изъ бывшихъ воспитанниковъ навѣстили корабль, и отъ 246 получены письма.

Въ школахъ-корабляхъ мальчики подготовляются къ флотской службѣ. Еще большую подготовку они получаютъ въ флотскихъ школахъ (nautical schools), которыхъ теперь въ Англіи двѣ: Hesswell и Farnworth. Обѣ эти школы расположены на берегу. Въ этихъ школахъ мальчики проходятъ курсъ морскихъ наукъ и изучаютъ даже такія сложныя искусства, какъ телеграфированіе безъ проводовъ. Отсюда они выходятъ вполнѣ подготовленными для службы на первоклассныхъ крейсерахъ. Школы-корабли и флотскія школы состоятъ подъ наблюденіемъ особаго инспектора, капитана флотской службы, который заботиться о правильной постановкѣ обученія.

О прочности устройства во флотѣ выпущенниковъ исправительныхъ и ремесленныхъ кораблей-школъ свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры. Изъ числа 523 мальчиковъ, опредѣленныхъ во флотъ въ 1906 г., 218 или 42% къ концу 1909 г. продолжали свою службу во флотѣ. Изъ этого числа 39 служили въ военномъ флотѣ, 147—въ торговомъ и 32—въ прибрежномъ. Процентъ продолжавшихъ морскую службу изъ выпуска 1905 г. былъ 45% (242 изъ 635); изъ выпуска 1904 г.—52% (845 изъ 666). Всего въ концѣ 1909 г. во флотѣ служило 1120 выпущенниковъ; изъ нихъ 283 въ военномъ флотѣ, 643—въ торговомъ и 194—въ побережномъ.

Для устройства выпущенниковъ во флотѣ существуетъ особая „Лига флота“ (Navy League), состоящая подъ оффиціальнымъ покровительствомъ. Эта лига періодически организуетъ съѣзды (Conferences on sea-training). Первый такой съѣздъ былъ въ 1904 г., второй въ 1908 и третій назначенъ на октябрь 1911 г. Адмиралтейство отбираетъ для службы въ военномъ флотѣ лучшихъ изъ выпущенниковъ, но за послѣдніе годы раздаются жалобы на чрезмѣрную строгость его въ этомъ отношеніи.

Несмотря на разнообразіе типовъ воспитательныхъ прію-

товъ, имѣется все же возможность намѣтить нѣкоторые общіе имъ всѣмъ методы воспитательнаго воздѣйствія.

На первомъ мѣстѣ, несомнѣнно, должна быть поставлена забота о физическомъ развитіи воспитанниковъ. Гимнастическія упражненія и всякаго рода спортъ составляютъ необходимую часть программы [1]). Въ рѣдкой школѣ не найдешь спеціальнаго гимнастическаго зала, площадки для игръ, а порою и бассейна для плаванія. Физическія упражненія не разсматриваются какъ нѣчто добавочное или какъ простая забава для воспитанниковъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ (какъ напр., Stock Farm School) введена военная гимнастика, которая служитъ, однако, практической цѣли—подготовкѣ воспитанниковъ къ службѣ въ арміи. Правительственные инспектора ежегодно производятъ испытанія по гимнастикѣ, и ловкость въ играхъ разсматривается какъ своего рода point d'honneur въ репутаціи школы. Для этой цѣли хорошимъ средствомъ является устройство всякаго рода состязаній и спортивныхъ матчей. Министерство поощряетъ это предоставленіемъ ряда призовъ въ пользу тѣхъ учрежденій, воспитанники которыхъ окажутся побѣдителями. Ежегодно устраиваются состязанія между отдѣльными школами въ стрѣльбѣ въ цѣль, въ игрѣ въ крикетъ, футболъ, въ плаваніи, греблѣ. Крикетъ и футболъ, требующіе большой выдержки и снаровки, служатъ прекрасной школой характера. Другія являются полезными, какъ подготовка къ военной или морской службѣ. Отдѣльныя школы въ этихъ цѣляхъ объединены между собою въ ассоціаціи, имѣющія свои органы управленія и своихъ патроновъ [2]).

Этотъ духъ соревнованія проникаетъ и въ другія сферы. Такъ, ежегодно въ Cristall palace близъ Лондона происходятъ состязанія между оркестрами отдѣльныхъ учрежденій. Эти оркестры, въ общемъ, составлены довольно хорошо. Они не только обслуживаютъ учрежденіе, но и нанимаются для устрой-

---

[1]) Относительно физическаго здоровья воспитанниковъ и гигіены въ англійскихъ школахъ см. статью д-ра *А. Л. Щеглова*. Ж. М. Ю. 1910 кн. 2, стр. 87—89.

[2]) Такъ, воспитательные пріюты объединены въ четыре большія спортивныя организаціи South of England Athletic Association, North of England Association, Midland Association и Association of Scottland. Онѣ стоятъ подъ патронатомъ министра. Кромѣ того, существуетъ Miniature Riffle Association.

ства шествій, вечеровъ, празднествъ и пр., составляя доходную статью для пріюта. Такія же состязанія происходятъ и относительно продуктовъ садоводства отдѣльныхъ школъ, причемъ судьею выступаетъ Royal Horticulture Society. На франко-британской выставкѣ въ 1908 г. были выставлены многочисленные продукты различнаго вида индустріи и земледѣлія, полученные въ англійскихъ воспитательныхъ пріютахъ; они ярко свидѣтельствовали о степени достигаемаго въ этихъ школахъ искусства въ различныхъ ремеслахъ и земледѣльческихъ работахъ.

Другимъ цѣннымъ качествомъ является забота объ образованіи и нравственномъ улучшеніи воспитанниковъ. Близость къ учебной власти, отъ которой школы получаютъ часть средствъ, и надзоръ со стороны послѣдней обезпечиваютъ дѣйствительное обученіе заключенныхъ. Въ воскресенье происходятъ въ церкви или въ общемъ залѣ бесѣды на темы моральнаго характера. Наконецъ, нерѣдко группами воспитанниковъ предпринимаются небольшія экскурсіи и осмотры съ образовательною цѣлью. Руководители здѣсь не находятся подъ дѣйствіемъ постояннаго опасенія побѣговъ, и потому не боятся отправляться съ воспитанниками за предѣлы школы [1]).

Для поддержанія дисциплины, конечно, приходится иногда прибѣгать къ наказаніямъ. Въ этой области приходится отмѣтить тѣневую сторону англійской системы—сохраненіе тѣлесныхъ наказаній.

По регламенту, изданному министромъ для исправительныхъ школъ въ ноябрѣ 1907 г., на воспитанниковъ могутъ быть налагаемы слѣдующія дисциплинарныя взысканія:

1) отнятіе наградъ и привилегій или перемѣщеніе въ низшій разрядъ, чѣмъ тотъ, который достигнутъ хорошимъ поведеніемъ;

2) уменьшеніе качества или количества пищи;

3) одиночное заключеніе въ свѣтломъ карцерѣ;

4) умѣренное личное воздѣйствіе и тѣлесное наказаніе.

Правила учрежденія должны опредѣлить, какіе проступки

---

[1]) За 1909 г. изъ всѣхъ воспитанниковъ реформаторій скрылось всего 38 чел. и изъ воспитанниковъ ремесленныхъ школъ—25.

караются какими взысканіями. Умеьшеніе пищи должно состоять въ лишеніи наиболѣе пріятной ея части; оно не должно быть больше лишенія одной трапезы въ день. Во всякомъ случаѣ воспитанникъ долженъ получить не менѣе 8 унцій хлѣба съ водой или супомъ. Помѣщеніе въ карцеръ не можетъ происходить на срокъ больше трехъ дней безъ разрѣшенія комитета руководителей и не можетъ продолжаться болѣе семи дней ни при какихъ обстоятельствахъ. Каждый заключенный на срокъ болѣе трехъ дней долженъ быть посѣщаемъ врачомъ школы, долженъ имѣть прогулку не менѣе часа въ день. Одиночное заключеніе въ темнотѣ недопустимо. Заключенный въ карцерѣ получаетъ ежедневно фунтъ хлѣба съ супомъ или молокомъ и водой; но врачъ можетъ предписать для него особую діету.

Относительно тѣлесныхъ наказаній примѣняются слѣдующія правила: а) за весьма серьезные проступки мальчики могутъ быть наказаны розгами до 18 ударовъ; б) за менѣе важные проступки наказаніе примѣняется школьной тростью или ремнемъ по ладони въ размѣрѣ не болѣе 8 ударовъ; в) личное наказаніе налагается и исполняется начальникомъ или другимъ служащимъ въ присутствіи начальника; г) главный учитель можетъ наказывать тростью до 6 ударовъ, сообщая о томъ немедленно начальнику; д) ни одинъ изъ служащихъ, кромѣ указанныхъ выше случаевъ и только по отношенію къ мальчикамъ, не можетъ налагать тѣлесныхъ наказаній; е) обо всѣхъ случаяхъ примѣненія тѣлеснаго наказанія должны быть сдѣланы записи въ книгѣ, хранящейся у начальника, и эта книга должна быть каждый разъ предъявлена правительственнымъ инспекторамъ. Несмотря на эти гарантіи, все же порою встрѣчаются эксцессы въ примѣненіи тѣлесныхъ наказаній, на которые энергично реагируетъ общественное мнѣніе [1]).

---

[1]) Въ мартѣ 1911 г. сильное впечатлѣніе произвели свѣдѣнія относительно сѣченія въ исправительной школѣ Heswall, опубликованныя въ журналѣ „John Bull“ бывшимъ помощникомъ завѣдующаго этой школой Mr. Adam. Эта статья привела къ запросу въ Палатѣ Общинъ со стороны г. Этерли Джонсъ. Министерствомъ было назначено оффиціальное разслѣдованіе чрезъ товарища министра C. F. Masterman, ведшееся съ обычной для англичанъ тщательностью. Опублико-

Въ большинствѣ школъ введена прогрессивная система. Каждый воспитанникъ получаетъ еженедѣльно опредѣленное количество отмѣтокъ за поведеніе, прилежаніе и особыя заслуги, причемъ отъ общаго количества полученныхъ отмѣтокъ зависятъ предоставляемыя ему льготы. Воспитанникамъ, получившимъ извѣстное количество отмѣтокъ, выдаются награды, состоящія въ небольшой суммѣ денегъ. Эти деньги выдаются воспитаннику при освобожденіи, составляя какъ бы небольшой фондъ на первое время. Въ другихъ школахъ хорошее поведеніе ведетъ къ увеличенію довѣрія со стороны начальства; такимъ воспитанникамъ ввѣряется даже нѣкоторый надзоръ надъ остальными, причемъ они пользуются особыми льготами, какъ періодическіе отпуски домой на нѣсколько дней, помѣщеніе за особымъ столомъ во время обѣдовъ и т. д.

По общему правилу всѣ воспитанники содержатся въ самой школѣ. Но иногда допустимо, съ разрѣшенія министра, и размѣщеніе ихъ у частныхъ лицъ подъ соотвѣтственнымъ надзоромъ школы.

Каждая школа по закону можетъ отдавать на руки благонадежнымъ лицамъ своихъ воспитанниковъ до 10 лѣтъ (boarding out system). Такая система практикуется однако рѣдко, такъ какъ за помѣщенными во внѣ трудень надзоръ. Въ 1909 г. главный инспекторъ воспитательныхъ пріютовъ разослалъ руководителямъ министра, съ изложе-

---

ванный недавно отчетъ („Report of inquiry by Mr. C. M. Masterman into charges made concerning the management of the Heswall Nautical School, presented to both Houses of Parliament. Home office. 1911) констатируетъ слѣдующіе факты. Въ теченіе трехъ лѣтъ (1908—1910) въ этой школѣ, насчитывающей 200 мальчиковъ, тѣлесное наказаніе было примѣнено 423 раза, изъ нихъ въ 57 случаяхъ было сѣченіе розгами; изъ 84 осмотрѣнныхъ мальчиковъ 12 имѣли временные знаки сѣченія, 23 постоянные знаки несерьезнаго характера и 4—серьезные знаки на тѣлѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сѣченіе производилось публично. Иногда приходилось затыкать ротъ простыней, чтобы помѣшать крикамъ. Правительственный ревизоръ не нашелъ въ этихъ фактахъ основаній для привлеченія къ отвѣтственности руководителей школы. Въ этомъ смыслѣ отвѣчалъ въ палатѣ и министръ Черчиль. Онъ заявилъ лишь, что намѣренъ въ скоромъ времени издать особыя правила, долженствующія опредѣлить проступки, за которые допустимы тѣлесныя наказанія, и установить образцы орудій, которыми они должны приводиться въ исполненіе. Нельзя назвать эту обѣщанную реформу радикальной.

ніемъ условій, при исполненіи которыхъ министръ готовъ давать свое утвержденіе для помѣщенія воспитанника внѣ пріюта. Эти условія сводятся къ слѣдующимъ: 1) чтобы начальство сохраняло за собою право всегда помѣстить обратно воспитанника въ школу; 2) чтобы ребенокъ былъ посѣщаемъ представителями пріюта въ своемъ новомъ домѣ по крайней мѣрѣ разъ въ 6 недѣль; 3) чтобы главному инспектору школъ былъ сообщенъ адресъ лицъ, принявшихъ къ себѣ ребенка, и чтобы каждую четверть года ему направлялись отчеты о посѣщеніяхъ ребенка на дому, и 4) чтобы ему сообщалось о перемѣнѣ адреса лицъ, содержащихъ ребенка, или о прекращеніи ими надзора за ребенкомъ.

Большинство исправительныхъ школъ, слѣдуя примѣру Метрейской колоніи, приняло систему размѣщенія воспитанниковъ по небольшимъ коттеджамъ, каждый изъ которыхъ образуетъ какъ бы семью, имѣющую во главѣ мастера и его жену. Эта семейная система представляетъ нѣкоторыя преимущества, позволяя лучше изучать характеръ воспитанника, примѣнять къ нему болѣе индивидуализированный режимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она облегчаетъ нравственный и дисциплинарный надзоръ для завѣдывающаго, разъединяя безпокойные элементы. Среднее число воспитанниковъ въ исправительныхъ школахъ 100—120; максимальнымъ числомъ воспитанниковъ является 300.

Руководители школъ являются обыкновенно людьми, имѣющими продолжительную подготовку. Они или пожилые священники, или отставные офицера, или опытные учителя школъ; они считаются занимающими видное общественное положеніе.

Освобожденіе изъ пріюта также обращаетъ на себя вниманіе. Большинство школъ имѣетъ одного или нѣсколькихъ агентовъ, стоящихъ въ связи съ предпринимателями по тѣмъ отраслямъ, которыя преподаются въ школѣ. Еще передъ освобожденіемъ воспитанника для него пріискивается работа. Начальство сохраняетъ обязанность наблюденія за выпущенникомъ, и потому обыкновенно мальчикъ не отдается для занятій въ мѣстности, отдаленныя отъ школы. Если школа пользуется хорошей репутаціей, то устройство выпущенниковъ на сво-

бодѣ не представляетъ особыхъ трудностей, такъ какъ они являются всетаки болѣе подготовленными, чѣмъ деревенскіе парни.

Въ случаѣ затруднительности устройства мальчика или дѣвочки въ Англіи и при отсутствіи у нихъ благонадежныхъ родственниковъ, руководители пріютовъ нерѣдко прибѣгаютъ къ эмиграціи. Мѣстомъ ея обыкновенно является Канада, какъ ближайшая колонія. Впрочемъ, за послѣдніе годы со стороны канадскихъ властей начали встрѣчаться препятствія къ допущенію выпущенниковъ изъ исправительныхъ школъ. Эмиграція до послѣдняго времени происходила чрезъ посредство Арміи Спасенія. Эта армія имѣетъ спеціальный пароходъ для своихъ эмигрантовъ и принимаетъ на себя заботу за 14 ф. с. доставить и устроить каждаго выпущенника. Армія имѣетъ въ Канадѣ своихъ агентовъ, свои бюро и въ общемъ успѣшно справляется со своими задачами. Воспитанники получаютъ хорошую плату и быстро устраиваются подъ наблюденіемъ семей. Въ 1908 г. канадскій правительственный инспекторъ изслѣдовалъ положеніе 1610 молодыхъ людей, эмигрировавшихъ изъ Англіи при содѣйствіи Арміи Спасенія, и нашелъ въ 1397 случаяхъ положеніе вполнѣ удовлетворительнымъ, въ 187 — среднимъ и въ 26—неудовлетворительнымъ. Состояніе здоровья у 1544 было вполнѣ хорошимъ. Дѣти попадаютъ въ условія здоровой сельской жизни, гдѣ представляется мало искушеній порочной жизни. Число посылаемыхъ ежегодно въ колоніи изъ воспитательныхъ пріютовъ колеблется между 200 и 250. Въ 1907 г. оно равнялось 276, въ 1908—223, въ 1909—249. Значительное большинство изъ нихъ мальчики (напр., въ 1909 г.—170 мальчиковъ и 79 дѣвочекъ). Расходы по эмиграціи до послѣдняго времени падали на руководителей пріютовъ и центральную организацію Reformatory and Refuge Union. Новый законъ о дѣтяхъ 1908 г. предусматриваетъ выдачу субсидіи на эту цѣль изъ казначейства.

Слѣдующія таблицы показываютъ, какимъ образомъ устраивались на свободѣ выпущенники воспитательныхъ пріютовъ.

Такъ, освобожденные изъ *исправительныхъ* школъ въ 1909 г. 1231 мальчикъ и 143 дѣвочки распредѣлились слѣдующимъ образомъ:

	мальчики	дѣвочки	всего.
поступили на службу	599	87	686
помѣщены у родственниковъ	229	44	273
эмигрировали	26	4	30
отданы во флотъ	174	—	174
зачислены въ армію	152	8	152
освобождены за болѣзнью	8	—	16
освобождены какъ неисправимые	1	—	1
переданы въ ремесленныя школы	6	—	6
умерли	22	—	22
скрылись и не розысканы	14	—	14
всего	1.231	143	1.374

Изъ *ремесленныхъ* школъ въ 1909 г. было выпущено 3,447 дѣтей, которыя распредѣлились слѣдующимъ образомъ:

	мальчики	дѣвочки	всего.
поступили на службу	1.294	597	1.891
помѣщены у друзей и родственниковъ . .	596	73	669
эмигрировали	144	75	219
поступили во флотъ	318	—	318
поступили въ армію	236	—	236
освобождены по болѣзни	24	16	40
присуждены къ исправительнымъ школамъ .	8	9	17
переведены въ исправительныя школы .	1	2	3
умерли	34	11	45
скрылись и не розысканы	8	1	9
всего	2.663	784	3.447

Насколько прочно исправленіе, достигаемое въ этихъ школахъ, можно судить по слѣдующей статистикѣ. Изъ всѣхъ освобожденныхъ за три года (1906, 1907, 1908) въ числѣ 10,324 (7,958 мальч. и 2,366 дѣв.) къ началу 1910 г. около 85% имѣли регулярныя занятія.

Такъ, изъ 7,958 мальчиковъ, а за вычетомъ 119 умершихъ—изъ 7,839.

6,609 или 84,5% имѣли постоянное занятіе.
486 „ 6% имѣли случайный заработокъ.
419 „ 5,5% были осуждены.
325 „ 4% безвѣстны.

Изъ 2,330 дѣвочекъ (за вычетомъ 36 умершихъ):

2,074 или 89% имѣли постоянныя занятія.
158 „ 6% имѣли случайный заработокъ.
17 „ 1% осуждены.
88 „ 4% безвѣстны.

Рецидивъ среди выпущенниковъ исправительныхъ школъ также сравнительно невеликъ. Для англійскихъ школъ онъ равняется всего 12—13% (въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ), въ Шотландіи онъ колеблется между 13 и 27%. При этомъ слѣдуетъ сказать, что процентъ „неподающихъ свѣдѣній“ и „безвѣстныхъ“ очень невеликъ (отъ 4 до 5%). Среди дѣвочекъ рецидивъ стоитъ постоянно ниже 10%.

Отраднымъ фактомъ является поддержаніе связи школы съ ея выпущенниками. У многихъ школъ установлены особые дни въ году, когда они устраиваютъ небольшія празднества, въ которыхъ могутъ участвовать бывшіе воспитанники. По освобожденіи изъ школы, даже въ случаѣ эмиграціи, воспитанники посылаютъ администраціи письма о своей жизни. Въ большихъ городахъ устраиваются иногда собранія „old boys“ той или иной школы. Въ случаѣ затруднительнаго положенія на свободѣ и отсутствія пристанища, освобожденный изъ школы всегда можетъ явиться туда и найти временный пріютъ. Обязанность предоставленія такого пріюта предусмотрѣна даже въ законѣ.

Но за послѣднее время руководители признали неудобнымъ помѣщать бывшихъ питомцевъ въ пріютъ временно, на краткіе сроки, въ цѣляхъ устройства и стали учреждать для нихъ особыя состоящія при пріютахъ отдѣленія (Auxiliary homes, working boys' homes). Сюда помѣщаются выпущенники впредь до устройства или въ случаѣ временной нужды. Эти отдѣленія также состоятъ подъ наблюденіемъ правительственныхъ инспекторовъ. Въ нихъ оказывается выпущенникамъ трудовая помощь, и чрезъ агентовъ дѣлается попытка отыскать новое занятіе. Къ 1907 г. такихъ пріютовъ помощи

въ Англіи было 31 (25 для мальчиковъ и 6 для дѣвочекъ) [1]).

Характерны таблицы, указывающія на родъ занятій выпущенныхъ изъ школъ (исправительныхъ и ремесленныхъ) мальчиковъ и дѣвочекъ.

Изъ числа 11,723 освобожденныхъ въ теченіе 1906, 1907 и 1908 г.г. мальчиковъ къ концу 1909 г. состояли:

въ арміи	1,855
во флотѣ	283
въ торговомъ флотѣ	643
въ прибережной торговлѣ	106
рыбаки	88
пекари	117
кузнецы	47
каменщики	44
мясники	45
плотники и столяры	198
ломовые	271
клерки	32
въ мелочной торговлѣ	59
фабричные мастера	355
фермеры	1,533
разсыльные	93
садовники	97
желѣзодѣлательные рабочіе	252
чернорабочіе	789
механики	179
носильщики	307
рабочіе на мельницахъ	152
горнорабочіе	865
слуги въ отеляхъ	53
приказчики	84
живописцы	71
наборщики	57
желѣзнодорожные рабочіе	94
учителя	48
сапожники	197
подручные въ лавкахъ	231

---

[1]) Во время пребыванія въ этихъ пріютахъ мальчикамъ дается возможность пополнять свои знанія вечерними занятіями, которыя происходятъ три раза въ недѣлю; напр. въ working home, содержимомъ на средства Reformatory and Refuge Union, существуетъ слѣдующее распредѣленіе времени: понедѣльникъ—вечерняя школа, вторникъ—бесѣда на религіозную тему; среда—гимнастика; четвергъ—музыка, пятница—вечерняя школа; суббота—игры.

портные	189
лакеи	82
прочія регулярныя занятія	61
случайныя занятія	662
осуждено вновь	864
умерло	171
неизвѣстно	449
Итого	11,723

Изъ числа 2,849 освобожденныхъ въ теченіе 1906, 1907 и 1908 г.г. дѣвочекъ къ концу 1909 г.

помогало родителямъ въ домашней работѣ	98
секретаршъ и работницъ на пишущей машинѣ	3
кухарокъ	52
молочницъ	3
портнихъ	43
фабричныхъ работницъ	199
одной прислугой	1,199
прачекъ	202
горничныхъ	231
судомоекъ	133
нянекъ	84
вышло замужъ	105
учительницъ	11
въ учебныхъ заведеніяхъ	19
продавщицъ	51
кельнершъ	3
другія регулярныя занятія	23
случайныя занятія	190
осуждено	39
умерло	43
неизвѣстно	118
Итого	2,849

Благодаря столь успѣшной дѣятельности воспитанія и устройства заброшенныхъ и преступныхъ дѣтей, мы видимъ, что число осужденныхъ малолѣтнихъ до 16 лѣтъ въ Англіи падаетъ съ каждымъ годомъ [1]). По десятилѣтіямъ оно выражается въ слѣдующихъ цифрахъ.

---

[1]) Общая таблица, воспроизводящая измѣненіе числа содержащихся въ англійскихъ исправительныхъ и ремесленныхъ школахъ, приведена у А. Щеглова ц. с. стр. 97.

Число осужденныхъ до 16 лѣтъ въ Англіи и Уэльсѣ.

Годъ.	Мальчики.	Дѣвочки.	Всего.
1861	7,373	1,428	8,801
1871	7,821	1,156	8,977
1881	4,688	795	5,483
1891	3,465	390	3,855
1900	1,295	58	1,353
1909	1,162	24	1,186

Эта таблица въ связи съ общей статистикой, указывающей на значительное паденіе числа преступленій и среди взрослыхъ, лучше всего свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ дѣла.

Нельзя не назвать результатовъ, достигаемыхъ англійскими воспитательными пріютами, весьма успѣшными. Имъ удается пристроить къ полезной общественной дѣятельности многія тысячи дѣтей, выброшенныхъ на улицу, подвергавшихся моральной опасности въ своихъ семьяхъ или поддавшихся преступнымъ склонностямъ. Это великое дѣло выполняется общественными усиліями, находящими у государства и мѣстныхъ властей лишь финансовую поддержку и общее руководство. Попеченіе о заброшенныхъ дѣтяхъ теперь уже не разсматривается какъ случайная функція благотворительности. Это сложно организованная система государственной и общественной дѣятельности, носящая строго регулярный характеръ. Въ ней нужно видѣть выраженіе общей обязанности общества дать каждому ребенку воспитаніе, которое сдѣлало бы его достойнымъ гражданиномъ, если силы семьи для того являются недостаточными.

Сто лѣтъ тому назадъ примѣненіе суровыхъ каръ къ малолѣтнимъ было нормальнымъ явленіемъ. Условія соціальной среды, въ которыя попадалъ ребенокъ, были для него роковыми. Теперь это время кажется весьма далекимъ для такихъ культурныхъ странъ, какъ Англія. Примѣненіе воспитательныхъ началъ государствомъ показало успѣшность и пользу ихъ для оздоровленія общества. И этотъ успѣхъ несомнѣнно является главнымъ стимуломъ, побуждающимъ распространить примѣненіе этихъ началъ и на болѣе взрослыхъ, если они подаютъ какую либо надежду на исправленіе.

Мы сдѣлали попытку въ этой статьѣ очертить то положеніе, которое занимаетъ малолѣтній въ современномъ уголовномъ правѣ Англіи. Нормы закона съ одной стороны, обращаясь къ родителямъ, попечителямъ и лицамъ, окружающимъ ребенка, своими запретами удерживаютъ ихъ отъ дѣйствій, могущихъ причинить моральный или физическій ущербъ ребенку, и налагаютъ на нихъ въ этомъ отношеніи рядъ обязанностей. Съ другой стороны, эти нормы повелѣваютъ различнымъ органамъ принять на себя воспитаніе ребенка, если его личныя условія или окружающая среда оказывается неудовлетворительными. Въ обоихъ случаяхъ ребенокъ является объектомъ государственной опеки. И великая заслуга англійскаго права состоитъ въ томъ, что оно ярче, чѣмъ право какой либо другой страны, выставило эту идею государственной опеки, какъ руководящій принципъ въ отношеніи ко всѣмъ малолѣтнимъ, въ ней нуждающимся.

X.

НОВЫЯ РЕФОРМЫ КАРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ.

1.

ЦѢЛИ НАКАЗАНІЯ И ЗАДАЧИ ТЮРЬМЫ.

I.

Въ наше время оживленныхъ споровъ между различными теоріями наказанія, безпрестанной полемики между „модернистами“ и „классиками“, въ значительной степени изгладилось значеніе тѣхъ опредѣленныхъ принциповъ, на которыхъ еще сравнительно недавно признавалось необходимымъ базировать наказаніе. Рѣдко кто пытается теперь построить свою теорію на чистомъ началѣ устрашенія, исправленія, возмездія или обезвреживанія. Наоборотъ, наибольшій успѣхъ имѣютъ „теоріи компромиссовъ“, которыя пытаются водрузить знамя исключительно практической цѣлесообразности тамъ, гдѣ сто лѣтъ тому назадъ великій Кантъ создавалъ непреложные законы и постулаты, лежащіе въ основѣ наказанія. Эти теоріи компромисса страдаютъ большой неопредѣленностью. Чаще всего онѣ объединяются общей цѣлью — „защиты общества“, хотя этимъ, въ сущности, не дается какого-либо опредѣленнаго рѣшенія. Всякое право „защищаетъ общественные интересы“, и весь вопросъ сводится къ тому, чтобы указать, какого же рода интересы защищаются наказаніемъ. Если этимъ интересомъ признается безопасность, какъ то склонны видѣть представители итальянской школы. то цѣлью карательной дѣятельности явится полное искорененіе преступленій, а уголовное право, основанное на этой

нѣкъ, пріобрѣтаетъ характеръ усовершенствованнаго способа истребленія преступниковъ. Если этимъ интересомъ является общее предупрежденіе преступленій, достигаемое воздѣйствіемъ на психику преступника, какъ то признается школой проф. Листа, то наказаніе теряетъ характеръ мѣры, спеціально направленной противъ виновнаго и почти не можетъ быть отдѣлено отъ мѣръ предупрежденія вообще.

Изъ теорій, не стоящихъ на почвѣ „соціальной защиты“, нѣкоторой популярностью пользуются теоріи возмездія, устрашенія и исправленія. Посмотримъ, насколько онѣ отвѣчаютъ тенденціямъ современнаго развитія. Старыя теоріи *возмездія*, какъ высшей цѣли наказанія, видятъ роль уголовнаго закона въ поддержаніи *государственнаго авторитета* или въ распредѣленіи моральнаго воздаянія за нарушеніе *незыблемыхъ началъ правды*. Но современная преступность, въ отличіе отъ преступности старыхъ вѣковъ, характеризуется не какъ антигосударственное, а какъ антисоціальное дѣяніе. Моментъ нарушенія запрета государственной власти болѣе рѣзко выраженъ лишь при полицейскихъ правонарушеніяхъ; при преступленіяхъ имущественныхъ и личныхъ, составляющихъ главную массу преступности, онъ стоитъ далеко на второмъ планѣ. Точно также неправильно выдвигать и моральный элементъ воздаянія. Онъ унаслѣдованъ уголовнымъ правомъ, какъ остатокъ бывшей связи уголовныхъ запретовъ съ церковными ученіями. Но въ наше время моментъ грѣховности преступнаго дѣянія вытѣсняется моментомъ его антисоціальности. Въ область преступности не войдетъ цѣлый рядъ дѣйствій, весьма безнравственныхъ и грѣховныхъ, которыя, однако, не затрагиваютъ явно интересовъ общежитія. Идея возмездія должна пасть съ паденіемъ авторитарной морали, будь то государственная или религіозная мораль.

Идея *исправленія*, какъ основной задачи уголовной кары, придаетъ наказанію характеръ одного изъ воспитательныхъ средствъ, для примѣненія котораго преступленіе является только симптомомъ или поводомъ. Она, будучи взята изолированно, игнорируетъ важность отличія преступленія отъ всякихъ иныхъ формъ проявленія испорченности человѣче-

ской натуры: порока, невоспитанности, простыхъ злоупотребленій и т. д.

Наконецъ, теорія *устрашенія* совершенно игнорируетъ современную психику гражданъ, исходя изъ чрезвычайно примитивнаго представленія о человѣкѣ. Устрашеніе, какъ одинъ изъ элементовъ, можетъ входить въ различныя теоріи. Путемъ страха можно и предупреждать преступленія, и создавать безопасность общества, и даже воспитывать и исправлять людей. Здѣсь мы имѣемъ въ виду выдвиганіе этого средства, какъ основной задачи наказанія. Мотивъ страха, какъ опоры правопорядка, мало пригоденъ для сложной соціальной жизни нашего времени. Онъ характеренъ для того строя, когда вся власть и все образованіе права были сосредоточены въ рукахъ небольшой группы лицъ, которая должна была держать въ подчиненіи всѣхъ остальныхъ, когда между властвующими и управляемыми лежало большое пространство, и воля первыхъ могла осуществляться лишь путемъ парализованія воли вторыхъ. Страхъ—плохой мотивъ для общественной дѣятельности. Онъ создаетъ дисциплину, но не духъ свободной предпріимчивости. Съ достиженіемъ опредѣленной стадіи развитія, общество перерастаетъ этотъ мотивъ и замѣняетъ его слѣдованіемъ расчету или долгу. Съ другой стороны, если разсматривать роль поддержанія чувства страха уже не по отношенію къ обществу, а къ преступнику, нужно указать, что основанная на устрашеніи репрессія должна сохранять многія свойства варварскаго характера, стоящія въ противорѣчіи съ прогрессомъ культуры и гуманности. Пытка или квалифицированная казнь могутъ служить хорошими средствами устрашенія преступника, но-врядъ-ли можно допустить ихъ, не оскорбляя чувства общественной морали. Плохія тюрьмы также способны болѣе устрашать, чѣмъ хорошія, но едва ли вслѣдствіе этого слѣдуетъ заботиться объ ухудшеніи тюремъ. Съ ростомъ культуры общество считаетъ нежелательнымъ чрезмѣрно культивировать чувство страха даже среди преступниковъ и пытается изыскать другіе мотивы для предупрежденія преступности, и всякая рекомендація устрашенія, какъ основной цѣли наказанія, неизбѣжно становится въ разрѣзъ съ культурнымъ прогрессомъ общежитія.

Споръ отдѣльныхъ теорій не можетъ быть рѣшенъ путемъ указанія внутренней неправильности какихъ либо однѣхъ и правильности другихъ. Мыслимо базировать наказаніе на каждой изъ нихъ и соотвѣтственно перестроить несогласныя съ этой идеей части дѣйствительности. Правильность или неправильность отдѣльной теоріи можетъ быть рѣшена лишь практически, путемъ разсмотрѣнія характера тѣхъ соціальныхъ послѣдствій, которыя могутъ проистечь отъ практическаго проведенія ея въ жизнь. Если результатомъ примѣненія теоріи безопасности явится чрезмѣрная защита потребностей настоящаго, подтачивающая возможность дальнѣйшаго развитія, или огрубѣніе методовъ воздѣйствія на гражданъ, то съ точки зрѣнія государственной политики эта теорія для даннаго строя непригодна. Если теорія возмездія приведетъ къ полной безрезультатности карательныхъ мѣръ для предупрежденія преступности, такъ какъ будетъ приниматься во вниманіе только моральная или государственная вина, но не антисоціальность, то мы можемъ сказать, что эта теорія будетъ мало полезна. Если теорія исправленія поведетъ къ ослабленію силы правопорядка и къ усиленію преступности, мы отвергнемъ и ее. И, наконецъ, если теорія устрашенія заставитъ насъ вернуться къ старой эпохѣ варварства, то мы не примемъ ея изъ соображеній цѣнности этическаго прогресса для развитія общества.

Чтобы произвести такую критику отдѣльныхъ теорій, слѣдовало бы заняться детальнымъ ихъ разборомъ, чего мы здѣсь не предполагаемъ дѣлать. Но укажемъ, что всякая теорія, взятая изолированно, должна была бы вскорѣ пасть подъ разрушительными ударами подобной критики. И это вполнѣ понятно. Практическая жизнь руководится не единымъ началомъ, а сложнымъ сочетаніемъ различныхъ началъ, въ которомъ одно порою лишь обнаруживаетъ большую тенденцію развитія, чѣмъ другое. Каждое явленіе соціальной жизни, въ томъ числѣ и наказаніе, поддерживаетъ собою рядъ другихъ соціальныхъ явленій, сложныхъ и разнородныхъ. И семейная власть, и государственный авторитетъ, и моральные устои, и, наконецъ, личная и имущественная безопасность гражданъ—

всѣ они ищутъ защиты у наказанія, и эта защита достигается разными путями и разными средствами. Цѣль возмездія есть также лишь одно изъ средствъ, значеніе котораго обусловливается необходимостью поддерживать и культивировать въ обществѣ мотивы противодѣйствія преступленію. Этотъ принципъ переживается нѣкоторыми членами общества, можетъ быть, какъ автономный опредѣлитель наказанія, но для государства онъ является лишь однимъ изъ многочисленныхъ основаній учитываемыхъ при политической оцѣнкѣ. Впрочемъ, и у широкихъ круговъ общества, благодаря болѣе близкому участію его за послѣднее время въ исполненіи наказанія, принципъ возмездія конкурируетъ съ задачами исправленія, обезвреживанія и воспитанія.

Мы можемъ опредѣлить наказаніе, какъ *принудительную* мѣру, примѣняемую отъ лица *государственной* власти къ *личности* преступника. Наказаніе, примѣняемое по доброй волѣ преступника, становится *искупленіемъ*; наказаніе, налагаемое не государственной властью, а другимъ органомъ становится *дисциплинарной мѣрой*; воздѣйствіе, примѣняемое не къ личности преступника, а къ третьимъ лицамъ, есть лишь простая *мѣра принужденія*. Пользоваться наказаніемъ какъ специфической мѣрой, государство можетъ и въ цѣляхъ возмездія, и въ цѣляхъ устрашенія, исправленія, защиты и предупрежденія. Бываютъ и бывали и другія многочисленныя цѣли наказанія: обогащеніе казны, истребленіе опасныхъ людей, поддержаніе религіи, полученіе для государства безплатнаго труда, заселеніе окраинъ и т. д. Все это говоритъ въ пользу того, что изслѣдователь не можетъ подходить къ изученію карательной системы съ одной предвзятой идеей о цѣляхъ наказанія. Онъ можетъ только, считая значеніе какой-либо задачи несоразмѣрно преуменьшеннымъ, подчеркнуть ея роль для дальнѣйшаго развитія. Такое подчеркиваніе какихъ-либо отдѣльныхъ задачъ изъ общаго комплекса функцій даннаго соціальнаго или правового института можетъ опредѣляться общими взглядами изслѣдователя на происходящую общественную эволюцію. При этомъ, онъ можетъ занять позицію политика и диктовать опредѣленныя реформы въ извѣстномъ направленіи,

указывая ихъ ближайшіе благіе результаты; или же онъ можетъ стать на точку зрѣнія наблюдателя, который подмѣчаетъ происходящія перемѣны и даетъ имъ соотвѣтственное истолкованіе и освѣщеніе и, такимъ образомъ, какъ-бы объективируетъ опредѣленныя идеи въ происходящемъ процессѣ развитія.

Эту вторую точку зрѣнія я и пытаюсь провести въ настоящей статьѣ, которая посвящена новѣйшей эволюціи англійской карательной системы. Здѣсь эта объективная точка наиболѣе умѣстна и поучительна. Англія почти совсѣмъ не заражена теоретическими спорами о цѣляхъ наказанія, и реформы въ этой странѣ менѣе всего опредѣляются теоретическими соображеніями. „Практическая мудрость“ и „здравый смыслъ“ были издавна надежными руководителями англійскаго законодательства и практики. Англичанинъ не понимаетъ, какъ можно проводить реформы, исходя не изъ практической потребности, а изъ принципа. Жизнь и ея формы суть лишь наслѣдіе прошлаго, которое я имѣю право видоизмѣнять, если оно наноситъ вредъ моимъ практическимъ задачамъ, но которое я не долженъ подлаживать къ моимъ общимъ убѣжденіямъ. Благодаря консервативности англійской жизни, отдѣльныя усовершенствованія проводятся въ жизнь только тогда, когда они успѣли дѣйствительно доказать свою настоятельность или полезность. Высокая степень культуры точно также дѣлаетъ производимые въ этой странѣ опыты весьма цѣнными. Поэтому мы полагаемъ, что изучая рядъ новѣйшихъ реформъ въ области англійской карательной системы, мы съ извѣстной основательностью можемъ установить, въ какомъ направленіи идетъ развитіе, и въ соотвѣтствіи съ этимъ уже сдѣлать и болѣе общій выводъ о томъ, какая же теорія наказанія прогрессируетъ и можетъ разсматриваться съ политической точки зрѣнія, какъ болѣе „правильная“.

II.

При современномъ укладѣ общественной жизни, широкая масса населенія мало нуждается въ добавочной угрозѣ на-

казаніемъ, разсчитанной на пробужденіе страха. Большинство не совершаетъ тѣхъ или иныхъ преступленій не потому, что они влекутъ такія-то наказанія, а потому, что это противорѣчитъ уровню общественой морали и условіямъ общенія. Соціальная жизнь, при нормальныхъ условіяхъ, течетъ значительно выше линіи, граничащей съ преступностью, и къ этой послѣдней приближаются только нѣкоторые, наименѣе устойчивые индивиды. Несомнѣнно, что учиненіе преступленія для человѣка, имѣющаго какія-либо соціальныя связи, является прежде всего невыгоднымъ. При преобладаніи мотивовъ разсчета въ современномъ строѣ, такая невыгодность уже сама по себѣ является весьма важнымъ мотивомъ. Но къ этой невыгодности привступаетъ еще и дальнѣйшій моментъ---моментъ публичнаго безчестія. Человѣкъ, нарушающій запретъ въ средѣ, привыкшей уважать право, подвергаетъ себя чувствамъ недовольства и враждебности, сказывающимся въ измѣненіи къ нему всевозможныхъ отношеній.

Эта соціальная реакція пріурочена нынѣ къ моменту осужденія, а не къ моменту наказанія. Раньше судъ былъ негласнымъ, а наказаніе, наоборотъ, исполнялось въ обстановкѣ широкой публичности. Наказаніе порою состояло только въ навлеченіи соціальнаго odium'a (напр. позорящія наказанія, обезчещеніе путемъ публичнаго тѣлеснаго наказанія и т. д.). Въ настоящее время наказаніе во всѣхъ его формахъ скрылось за высокія стѣны тюремъ, а все общественное вниманіе пріурочено къ моменту осужденія. Осужденіе въ гласномъ засѣданіи, въ особо торжественныхъ формахъ, часто устами самого населенія въ формѣ суда присяжныхъ, дающее обществу свободу критики личности обвиняемаго и его поведенія, представляетъ для нормальнаго гражданина тяжкое нравственное страданіе. Физическія страданія въ тюрьмѣ или имущественныя лишенія, которыя заключаетъ въ себѣ наказаніе, стоятъ на второмъ планѣ и врядъ ли нужны для того, чтобы вліять на виновнаго. Наличность ихъ порою, наоборотъ, склонна вызывать состраданіе къ преступнику, разрушающее въ обществѣ здоровую реакцію моральнаго характера [1]).

[1]) Характерныя замѣчанія объ отношеніи общественнаго мнѣнія къ преступ-

Физическая сторона. воплощаемая въ наказаніи, при современныхъ условіяхъ, мало чувствительна для большинства. Сама жизнь, съ ея безпрестанной, суровой борьбой за существованіе, заставляетъ многихъ переносить физическія лишенія, во много разъ худшія. чѣмъ тѣ, которыя налагаются государствомъ. Эти лишенія, кромѣ того, крайне неравномѣрны, что мѣшаетъ имъ быть общей формой возмездія. Денежный штрафъ—пустякъ для богатаго и тяжкое бремя для бѣдняка; заключеніе въ тюрьмѣ для бродяги и для соціально-неприспособленнаго человѣка—лишь пріятный или беззаботный отдыхъ, для культурнаго человѣка—тяжелая пытка, сопровождаемая ограниченіемъ многихъ культурныхъ потребностей (умственнаго труда, извѣстной гигіены. потребности въ культурномъ общеніи, дѣятельности и пр.). Тѣлесное наказаніе—для одного легкая встрепка, для другого мучительное клеймо на всю жизнь. Такая неравномѣрность физической стороны наказаній, несомнѣнно, подрываетъ принципъ возмездія, покоящійся на равенствѣ, и заставляетъ пріурочивать публичное возмездіе, необходимое при всякомъ преступленіи, къ моменту осужденія, выливающагося въ форму публичнаго порицанія. Даже послѣдователи односторонней теоріи возмездія въ настоящее

ности въ Англіи мы встрѣчаемъ въ послѣднемъ (за 1909 г.) отчетѣ по уголовной статистикѣ. Составители его пишутъ слѣдующее:

„Независимо отъ религіозныхъ или чисто этическихъ мотивовъ, мы не можемъ указать ничего, что создавало бы столь сильный мотивъ въ пользу честности, какъ общее сознаніе общества. Общеніе, которое уже болѣе не реагируетъ на преступленіе и не чувствуетъ ничего, кромѣ состраданія къ преступнику, съ теченіемъ времени встанетъ лицомъ къ лицу съ такой волной преступности, съ которой тщетно станутъ бороться полиція и тюремныя власти. И хотя въ настоящее время мы далеки отъ подобной катастрофы, но да будетъ позволено указать, что постоянное возрастаніе преступности въ теченіе послѣдняго десятилѣтія въ значительной степени обязано общему ослабленію противодѣйствующихъ чувствъ по отношенію къ преступности. Здѣсь, во всякомъ случаѣ, возникаетъ опасеніе того, что покараніе преступленія и противодѣйствующая реакція противъ преступника являются въ настоящее время факторами ослабленія силы первоначальной функціи цивилизаціи—охраны лицъ и имущества и осуществленія права и что возрастаніе числа болѣе тяжкихъ преступленій, наблюдаемое по судебной статистикѣ послѣдняго десятилѣтія, является не только случайнымъ обстоятельствомъ, какъ то иногда отмѣчалось въ статистикѣ прошлыхъ лѣтъ, но симптомомъ дѣйствительно увеличивающейся опасности для общественнаго благополучія“.

время считаютъ возможнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограничиться моментомъ осужденія, совсѣмъ не назначая наказанія или ставя его примѣненіе въ зависимость отъ различныхъ условій.

Наказаніе выступаетъ тогда, когда нужно, помимо осужденія, оказать нѣкоторое воздѣйствіе на волю виновнаго. Наиболѣе характерной формой такого воздѣйствія въ современномъ строѣ есть воздѣйствіе на разсчетъ. Въ противоположность распространенному мнѣнію. главнымъ средствомъ карательнаго воздѣйствія въ современной жизни является не тюрьма, а денежная пеня. Это средство является почти универсальнымъ для тѣхъ случаевъ, когда преступность вызвана извѣстной небрежностью къ интересамъ другого или къ полицейскимъ запретамъ. Здѣсь приходится говорить не объ антисоціальности дѣятеля, а объ его недостаточной внимательности, безпорядочности, склонности къ игнорированію интересовъ общенія. По даннымъ англійской статистики 1909 г., на 460.015 человѣкъ, приговоренныхъ къ денежной пенѣ. приходилось всего 88.910 приговоренныхъ къ тюрьмѣ. На одного приговореннаго къ тюрьмѣ, такимъ образомъ, приходится 5 приговоренныхъ къ денежной пенѣ. Ясно, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ одно это средство является достаточнымъ.

Болѣе рѣшительной мѣрой воздѣйствія является тюрьма. Еще не такъ далеко то время, когда тюрьма общаго типа— острогъ, считалась почти универсальнымъ средствомъ карательнаго воздѣйствія, къ которому привносились только болѣе или менѣе значительныя строгости. Теперь въ этой области намѣчается теченіе, извѣстное подъ именемъ „индивидуализація тюремнаго режима“; оно рѣзко мѣняетъ роль этой мѣры. Прежде всего, несомнѣнно, падаетъ устрашающее вліяніе тюрьмы для всѣхъ категорій преступниковъ. Тюрьмы боится тотъ, кто боится вообще осужденія. При надлежащей постановкѣ тюремнаго дѣла, государство не можетъ дѣлать свои тюрьмы мѣстами изнуренія или умственнаго притупленія людей. Оно должно поддерживать въ тюрьмахъ надлежащую гигіену, нормальное питаніе, заботиться о физическомъ

и умственномъ развитіи заключенныхъ, устраивать для нихъ здоровый и поучительный трудъ. Оно должно давать заключеннымъ такія блага, которыхъ многіе лишены на свободѣ. Тюремное дѣло становится постепенно одной изъ культурныхъ функцій государства. И вовсе не утопія предполагать, что съ теченіемъ времени всѣ тюрьмы будутъ переданы въ вѣдомство народнаго просвѣщенія. Несомнѣнно, что, и при существующихъ въ нѣкоторыхъ государствахъ условіяхъ, тюрьма не для всѣхъ есть лишеніе. Для однихъ преступниковъ—это гостиница, гдѣ они проводятъ часть суровой зимы, для другихъ—богадѣльня, для третьихъ—временный пріютъ на пути преступной карьеры, гдѣ они нервно отдыхаютъ отъ треволненій и риска свободной жизни и т. д. Личность заключенныхъ въ тюрьмѣ защищена отъ произвола администраціи и поставлена подъ защиту законовъ. Ихъ тѣло не испытываетъ голода и холода Только для болѣе культурныхъ элементовъ тюрьма представляетъ значительныя лишенія, которыя. однако, еще не дѣлаютъ ее устрашительной. „Для слабоумныхъ, для физически слабыхъ, для бродягъ и привычныхъ преступниковъ—пишетъ Th. Holmes [1]), близко знакомый съ англійскими условіями тюремной жизни,—тюрьма не представляется страшной. Она для нихъ одновременно и санаторія, и пріютъ. Она столь же необходима для ихъ здоровья и опрятности, какъ карантинъ для тѣхъ, кто находится въ чумной мѣстности. Для нихъ ванна, перемѣна платья, чистая камера и регулярная пища являются комфортомъ, даже тонкостью. Но иначе обстоитъ дѣло для случайнаго преступника, котораго эти невыносимыя для него вещи могутъ довести до болѣзни или безумія. Для первыхъ полу-праздность тюрьмы, не требующая напряженія ихъ умственныхъ и физическихъ силъ, пріятна и удобна, но человѣка, имѣющаго энергію, воспитаніе и привыкшаго къ дѣятельности, эта праздная монотонность доводитъ до отчаянія, если онъ не обладаетъ философскимъ стоицизмомъ“.

Я позволю себѣ привести двѣ характерныя тюремныя

---

[1]) *On prisons and prisoners.* Hibbern Journal, 1910.

пѣсенки, весьма популярныя въ Англіи, въ которыхъ рисуется то, какъ мало устрашительна для преступниковъ нынѣшняя каторжная тюрьма, когда то прославленная своими суровостями. Первая пѣсенка относится еще ко времени. когда австралійская ссылка доживала свои дни (60-ые годы), вторая—имѣетъ современный характеръ.

I.

„PENAL SERVITUDE".

1. O,I've just come back from Australia!
Where I've been for a little change of air:
An', ole pals, on the quiet I can tell yer,
There's lots of decent living ever there.

(*припѣвъ*) For they feeds yer an'they clothes yer—
Yer lives better than a working man or sojer.
Oho, oho, oho! penal servitude's the sort of life for me!
For yer does a little work jus'a portion of the day,
An'then go to church upon a Sunday,
Oho, oho. oho! penal servitude's the sort of life for me!

2. I was tried one day at the Old Bailey.
The jury found me guilty, I believe.
An'across the sea for seven years they sent me!
But I soon get a ticket. boys, of leave.
For they feeds etc.

3. It doesn't matter now what I was sent for,
I was always up to every sort of game:
I've get a tidy number to repent for,
So you needn't trouble much about the name!
For they feeds etc.

4. The beaks and the parsons go on preachin',
If they were dumb it wouldn't be no loss;
There isn't any use in all their teachin',
For the blokes that gets their livin' on the cross.
For they feeds etc.

5. So d-n the judge, I says. and blast the jury,
They're lot of bally cowards every one;

An'if they'd'arf the pluck. I do assure ye,
They'd do the very same as I have done.
For they feeds etc.

(Я только что вернулся изъ Австраліи (намекъ на ссылку, куда я отправился, чтобы немного подышать свѣжимъ воздухомъ и, ей-богу, могу сказать положительно, что тамъ живетъ не мало очень приличныхъ людей.

(Припѣвъ) Они васъ и кормятъ и одѣваютъ и, благодаря ихъ заботамъ, вы живете тамъ лучше, чѣмъ рабочій иль солдатъ. Ох-хо-хо! каторжная тюрьма мнѣ пришлась по вкусу: вы заняты нетрудной работой часть дня и идете въ церковь по воскресеньямъ. Ох-хо-хо, каторжная тюрьма мнѣ пришлась по вкусу!

Какъ то разъ меня судили въ Старомъ Бэйли и присяжные, конечно, признали меня виновнымъ. Я посланъ былъ на семь лѣтъ за море, но вскорѣ получилъ я, ребята, отпускной билетъ.

(Припѣвъ) Они васъ и кормятъ....

Не все ли равно, за что меня услали. Скажу лишь, что я всегда готовъ былъ на всѣ продѣлки. Мнѣ дали новый номеръ для раскаянія, такъ что вы можете и не безпокоиться о моемъ имени (припѣвъ).

Долговязые учителя и попы идутъ на проповѣдь. И если бы они были нѣмы, то въ томъ не было бѣды. Все равно отъ ихъ ученія нѣтъ никакого прока, ибо глупъ тотъ, кто проводитъ свою жизнь на крестѣ (привѣвъ).

Долой судью, проклятье присяжнымъ! Всѣ они только жалкіе трусы. Если бы они были смѣлыми, то, увѣряю васъ, они всѣ поступали бы такъ, какъ поступаю я. (Припѣвъ).

II.

I cannot take my walks abroad,
I'm under lock and key,
And much the public I applaud
For their kind care of me.
Not more than others I deserve,
In fact much less than more.
Yet I have bread whilst others starve
And beg from door to door.
The honest paupers in the street
Half-naked I behold,

While I am clad from head to foot,
And covered from the cold.
Whilst they are fed on workhouse fare
And grudged their scanty food.
Three times a day my meals I get,
Sufficient, wholesome, good
Then to the British public „Health"!
Who all our care relieves,
And while they treat us as they do
They'll never want for thieves

(Хотя я не могу гулять на свободѣ и сижу подъ замкомъ и ключемъ, но я очень благодаренъ обществу за его нѣжную заботу обо мнѣ. Я заслуживаю этого не болѣе, чѣмъ другіе, скорѣе даже менѣе ихъ, а все же я имѣю хлѣбъ въ то время, когда другіе умираютъ съ голода и просятъ подаянія, переходя отъ двери къ двери.—Я вижу, какъ честные бѣдняки скитаются по улицамъ въ отрепьяхъ, я же здѣсь обутъ, одѣтъ и защищенъ отъ холода. Въ то время какъ они хлебаютъ свою скудную похлебку въ работныхъ домахъ, я получаю здѣсь трижды въ день обильныя, здоровыя и хорошія блюда. Итакъ, да здравствуетъ британскій народъ, который снимаетъ съ насъ всѣ заботы; пока онъ будетъ относиться къ намъ какъ теперь, онъ никогда не будетъ испытывать недостатка въ ворахъ).

Тюрьма въ настоящее время является не столько мѣстомъ ужаса, сколько особой формой государственнаго принужденія, разсчитаннаго лишь на болѣе продолжительное воздѣйствіе. И, какъ всякое принужденіе, она примѣняется ради какой-либо опредѣленной цѣли. Переставъ служить задачамъ общаго предупрежденія, устрашенія и возмездія, тюрьма пріобрѣтаетъ рядъ частныхъ задачъ. Въ одинхъ случаяхъ она служитъ цѣлямъ изолированія преступника отъ ненормальныхъ условій общественной среды. Заключеніе въ тюрьму разрываетъ связь между преступникомъ и средой, толкнувшей его на преступленіе; она не позволяетъ ему предаваться вреднымъ привычкамъ, порождающимъ преступность (пьянству, разврату, праздности, насилію и пр.). Въ другихъ—она предназначена создавать въ немъ качества, необходимыя для общенія: способность подчиненія опредѣленной дисциплинѣ, отвѣт-

ственность за свои дѣйствія, привычку регулярнаго труда, регулярной жизни и пр. Въ третьихъ—тюрьма должна восполнить дефекты соціальнаго развитія на свободѣ, способствуя моральному и умственному воспитанію заключеннаго, внушая ему понятія о добрѣ и злѣ, оздоровляя его организмъ. Или, съ другой стороны, она можетъ разсматриваться какъ мѣсто содержанія лицъ, представляющихъ, по своимъ трудно устранимымъ склонностямъ, опасность для окружающихъ; лицъ, неприспособленныхъ къ жизни на свободѣ, вслѣдствіе умственной дефективности, моральнаго идіотизма и т. д. Словомъ, можно указать множество спеціальныхъ задачъ, которыя теперь ставятся тюремному заключенію и осуществляются имъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ тюрьма примѣняется для одной общей цѣли—для болѣе или менѣе продолжительнаго воздѣйствія на волю заключеннаго. Другія задачи, присваивавшіяся тюрьмѣ, въ настоящее время вымираютъ и переносятся на другія мѣры. Эти новыя задачи тюрьмы ярче всего намѣчаются въ настоящее время въ англійской практикѣ.

Еще въ началѣ XIX вѣка англійская карательная система покоилась почти всецѣло на идеѣ устрашенія. Въ концѣ XVIII вѣка 160 отдѣльныхъ видовъ преступныхъ дѣяній были обложены смертною казнью. Когда, въ 1832 г., это число было нѣсколько сокращено, то этотъ шагъ разсматривался какъ одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ. Позорный столбъ былъ отмѣненъ лишь въ 1837 году. Наказаніе плетьми, широко допускавшееся по общему праву, формально не было отмѣнено, но фактически вымираетъ въ серединѣ столѣтія. Каторжныя работы отмѣнены въ 1857 г. Наконецъ, лишь въ 1832 году отмѣненъ старый обычай разсѣченія тѣлъ казненныхъ. XIX вѣкъ начался еще при полномъ дѣйствіи варварскихъ наказаній, разсчитанныхъ на устрашеніе.

Первый актъ объ улучшеніи условій тюремнаго содержанія былъ изданъ въ Англіи лишь въ 1729 г. послѣ чумной эпидеміи въ тюрьмахъ. Слѣдующій, которымъ англичане обязаны дѣятельности Д. Говарда, относится лишь къ 1782 г. и имѣетъ своимъ содержаніемъ установленіе нѣкоторыхъ правилъ дисциплины въ исправительныхъ домахъ. Дѣятельность въ этомъ напра-

вленіи пріостанавливается до 20-хъ годовъ XIX в. Позднѣе мы встрѣчаемъ три главнѣйшихъ акта въ этой области: 1823, 1865 и 1877 гг. Актъ 1865 г. ввелъ въ Англіи систему разъединенія на ночь въ отдѣльныя камеры и установилъ опредѣленныя правила тюремной дисциплины. Законъ 1877 г., опиравшійся уже на отдѣльныя идеи Лондонскаго международнаго тюремнаго конгресса, создалъ главное тюремное управленіе (prison commission) и упорядочилъ прогрессивную систему заключенія.

Мнѣ пришлось въ теченіе 1907, 1908 и 1910 гг. значительную часть лѣта проводить въ Англіи. Я воспользовался этимъ временемъ, чтобы посѣтить рядъ карательныхъ учрежденій и изучить новѣйшія теченія въ этой области. Они весьма любопытны и для другихъ странъ, такъ какъ даютъ отвѣтъ на многіе вопросы, не вышедшіе на континентѣ еще изъ сферы отвлеченной теоріи. Не задаваясь цѣлью изложить въ полномъ видѣ карательную систему современной Англіи, я остановлюсь лишь на реформахъ, проведенныхъ въ жизнь за послѣдніе годы, когда должность начальника тюремнаго управленія занялъ талантливый г. Рэггльсъ-Брайсъ, сумѣвшій вдохнуть новую жизнь въ ввѣренное ему дѣло. Свое изложеніе я разобью на нѣсколько главъ, намѣчающихъ отдѣльныя тенденціи въ этой области.

Такъ какъ доминирующимъ наказаніемъ является теперь лишеніе свободы, то мнѣ придется, главнымъ образомъ, остановиться на немъ. Общій процессъ, здѣсь происходящій, можетъ быть охарактеризованъ, какъ индивидуализація режима и приспособленіе тюремнаго дѣла къ различнымъ категоріямъ преступниковъ. Въ связи съ этимъ мнѣ придется разсмотрѣть: 1) мѣры борьбы съ краткосрочнымъ лишеніемъ свободы; 2) нововведенія въ каторжныхъ и мѣстныхъ тюрьмахъ; 3) учрежденія, проводящія воспитательный режимъ; 4) развитіе тюрьмы-лечебницы (преступники-алкоголики); 5) развитіе тюрьмы, какъ мѣста призрѣнія (умственно-дефективные преступники); 6) появленіе тюрьмы, какъ мѣста продолжительнаго детенированія (привычные преступники).

2.

БОРЬБА СЪ КРАТКОСРОЧНЫМЪ ЛИШЕНІЕМЪ СВОБОДЫ.

Одной изъ главныхъ тенденцій въ области наказанія въ настоящее время является стремленіе освободить тюрьму отъ задачъ устрашенія и принужденія, сохранивъ ее лишь для случаевъ, нуждающихся въ продолжительномъ и планомѣрномъ воздѣйствіи на личность преступника Эта тенденція рѣзче всего проявляется въ борьбѣ съ краткосрочнымъ лишеніемъ свободы. Современная пенитенціарная наука рѣшительно осуждаетъ заключеніе въ тюрьму на краткіе сроки. Это заключеніе не можетъ научить заключеннаго чему-либо, кромѣ отрицательныхъ сторонъ тюремной жизни. Оно разсѣетъ всякій страхъ передъ тюрьмой. Нахожденіе здѣсь, вслѣдствіе краткости срока и новизны впечатлѣній, покажется даже преувеличенно легкимъ. Оно толкнетъ человѣка въ общество морально порочныхъ людей и научитъ болѣе усовершенствованнымъ пріемамъ преступности, внушитъ ему специфическій духъ солидарности, существующій между преступными элементами, и свяжетъ узами дружбы и знакомства съ преступными классами. Оно порветъ связь съ общественными кругами, въ которыхъ онъ находился, и затруднитъ возвратъ къ честной жизни по освобожденіи, вслѣдствіе предубѣжденій къ человѣку, побывавшему въ тюрьмѣ. Оно лишитъ его семью поддержки, а его самого возможности продолжать свою профессію. Мы не хотимъ заниматься педантическимъ перечисленіемъ отрицательныхъ сторонъ краткосрочнаго тюремнаго за-

ключенія. Въ этой главѣ мы лишь предполагаемъ указать на мѣры, выработанныя англійскимъ законодательствомъ, для борьбы съ примѣненіемъ его на краткіе сроки.

Борьба съ краткосрочнымъ лишеніемъ свободы въ Англіи въ настоящее время предпринята въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, намѣченъ рядъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью облегчить условія уплаты денежной пени и тѣмъ самымъ избавить малоимущихъ отъ необходимости отбывать замѣняющее пеню наказаніе краткосрочнымъ лишеніемъ свободы. Во-вторыхъ, приняты мѣры къ усиленію дѣйствительности условнаго осужденія и расширенію сферы его примѣненія; здѣсь кратковременному лишенію свободы противопоставляется другая мѣра—возможное исправленіе на свободѣ подъ соотвѣтственнымъ надзоромъ. На разсмотрѣніи новыхъ теченій въ этихъ двухъ областяхъ мы и остановимся.

I.

Категоріей лицъ, составлявшихъ главный контингентъ приговариваемыхъ на краткіе сроки къ тюрьмѣ, являются прежде всего лица, виновныя въ мелкихъ проступкахъ и полицейскихъ нарушеніяхъ, не могущія уплатить наложенной на нихъ пени. Эти лица до сихъ поръ являются какъ бы несостоятельными должниками государства, къ которымъ примѣняется личное задержаніе, отмѣненное за частные долги. Старое право могло оцѣнивать свободу и жизнь человѣка съ государственной точки зрѣнія на деньги. Современное государство, хотя и говоритъ, что день лишенія свободы равенъ столькимъ то шиллингамъ, а недѣля—столькимъ то, но оправдать эту точку зрѣнія оно не въ состояніи. Расплата свободой вмѣсто кармана—пережитокъ старой эпохи, когда платили и за обиды безчестьемъ, и за убійство—вирой. Этотъ пережитокъ невыгоденъ и тяжелъ для самого государства, которое, кромѣ неполученія слѣдуемаго, должно принять на себя заботу о надлежащемъ содержаніи лишаемаго свободы. Изученіе этого вопроса въ Англіи весьма ярко показываетъ крайнюю ненормальность такого положенія. Въ рядѣ госу-

дарствѣ теперь рекомендуется система публичныхъ работъ, система принудительныхъ вычетовъ, вмѣсто лишенія свободы, какъ замѣны штрафа [1]). Эта система постепенно намѣчается и въ Англіи. Съ осуществленіемъ ея наполовину опустѣютъ тюрьмы, являющіяся при настоящихъ условіяхъ примѣромъ несправедливости экономическаго неравенства, санкціонированной государствомъ.

Въ области современной преступности далеко на первомъ мѣстѣ стоятъ всевозможные полицейскіе проступки. Каждый гражданинъ опутанъ въ настоящее время тысячею нитей невидимой полицейской и мѣстной регламентаціи; отвѣтственность падаетъ на него порою за чисто объективныя послѣдствія, и даже разумная осторожность не можетъ предотвратить иногда нарушенія этихъ запретовъ. Государственная, полицейская и мѣстная власть караютъ его въ этомъ случаѣ денежными взысканіями. Всемогущій шиллингъ долженъ искупить предъ властью вину лица и сдѣлать его болѣе осмотрительнымъ или заботливымъ. Присутствуя въ полицейскомъ судѣ и наблюдая дѣла, въ особенности разсматриваемыя по summons, вы видите, какъ безпрестанно льется денежный потокъ въ кассу клерка въ воздаяніе за мелкія прегрѣшенія предъ законами общежитія. И денежная пеня въ качествѣ наказанія стоитъ далеко на первомъ мѣстѣ, въ особенности въ странахъ, въ которыхъ низшіе классы достигли извѣстной степени имущественнаго благосостоянія. Въ Англіи, напримѣръ, число приговоровъ, присуждающихъ къ денежной пенѣ, доходитъ ежегодно до полумилліона, тогда какъ случаевъ присужденія къ тюрьмѣ до 80—90.000.

Отличаясь рядомъ достоинствъ, какъ наказаніе, денежная пеня имѣетъ рядъ неудобствъ вслѣдствіе своего относительнаго неравенства. Въ частности, для бѣднѣйшей части населенія она превращается фактически въ краткосрочное лишеніе свободы, въ виду невозможности уплатить ее. Лишенные прочныхъ средствъ къ существованію, мелкіе правонарушители попадаютъ въ тюрьму и здѣсь быстро научаются тому, какъ

---

[1]) См. мою брошюру „Будапештскій пенитенціарный конгрессъ“. Спб. 1905.

легче устроить свою жизнь. Видя, что богатые легко откупаются деньгами, которыхъ у бѣдныхъ нѣтъ, они пріобрѣтаютъ особую злобу противъ собственности, отбрасываютъ въ сторону моральныя соображенія, удерживавшія ихъ отъ преступленій и начинаютъ дебютировать уже болѣе крупными проступками. Физическое и моральное отвращеніе къ тюрьмѣ пропадаетъ черезъ два-три раза, и они привыкаютъ нѣкоторую часть своей жизни проводить здѣсь, освобожденные отъ заботъ о пріютѣ и о пропитаніи, предоставляя себѣ за то удовольствіе изрѣдка всласть пользоваться свободой. Изъ такихъ случайныхъ элементовъ, столкнувшихся съ тюрьмой, вербуется постепенно армія привычныхъ и профессіональныхъ преступниковъ.

Проблема эта въ Англіи имѣетъ колоссальные масштабы.

Вотъ таблица числа лицъ, приговоренныхъ къ денежной пенѣ, сравнительно съ тѣми, которыя не въ состояніи были уплатить ея.

Годъ.	Число лицъ, приговоренныхъ къ денежн. пенѣ.	Число заключенныхъ въ тюрьму за неуплату.	Процентъ къ общему числу.
1900	531,843	78,345	14,73
1901	548,292	86,536	15,78
1902	540,108	91,638	16,97
1903	551,232	103,412	18,76
1904	550,560	107,555	19,54
1905	535,208	106,361	19,87
1906	512,598	97,382	18,99
1907	498,401	92,379	18,54
1908	488.569	95,477	19,54
1909	460,015	92,699	20,00

Мы видимъ, что въ то время какъ общее число приговариваемыхъ къ денежной пенѣ падаетъ, число заключаемыхъ въ тюрьму за неуплату растетъ и абсолютно, и относительно. За 10 лѣтъ оно увеличилось болѣе, чѣмъ на 5%.

Но если 20% являются сравнительно небольшимъ процентомъ примѣнительно къ общему числу приговариваемыхъ къ денежной пенѣ, то они составляютъ болѣе половины всѣхъ

лицъ, содержащихся въ тюрьмѣ. Въ 1909 г. къ тюремному заключенію было приговорено 181.695 человѣкъ; изъ нихъ 92.699 были заключены туда за невзносъ пени и 88.910 были приговорены непосредственно къ тюрьмѣ. Если принять во вниманіе только суды суммарнаго производства, то получатся еще болѣе разительныя цифры: 92.688 и 80.437. Болѣе 50% попадаетъ въ тюрьму только вслѣдствіе бѣдности [1]). Еще нагляднѣе будетъ видна основная причина такихъ заключеній, если мы посмотримъ на тѣ проступки, на которые падаетъ большій процентъ заключаемыхъ въ тюрьмы.

Съ одной стороны, проступки по своему характеру, могущіе быть учиненными болѣе состоятельными, даютъ ничтожный процентъ такихъ заключеній. За нарушеніе правилъ о моторахъ (Motor Cars) изъ 10.631 человѣка, подвергшихся штрафу, только 36 попали въ тюрьму за неуплату штрафа; изъ числа 6.654 оштрафованныхъ за торговлю въ воскресенье (Sunday trading) попали въ тюрьму 12 человѣкъ.

А вотъ обратная статистика. Мы беремъ общее количество лицъ, находившихся въ тюрьмѣ за опредѣленные проступки, сравнительно съ числомъ заключенныхъ за невзносъ пени, въ ихъ составѣ.

Проступки.	Общее число осужденныхъ, находившихся въ тюрьмѣ	Изъ нихъ попали туда за невзносъ пени.
Нарушеніе полицейскихъ обяз. постановленій.	12,125	11,532
Нарушеніе правилъ о движеніи по улицамъ	2,607	2,568
Побои и драка	10,480	4,037
Пьянство	57,418	50,777
Злостное причиненіе вреда имуществу.	2,897	1,518

[1]) Эти данныя соотвѣтствуютъ и тюремной статистикѣ: за 1909—10 г. въ тюрьмы Англіи помѣщено 179.961 человѣкъ. Изъ нихъ 90.753 (51%) попали за невзносъ денежной пени.

Нарушеніе законовъ объ образованіи.	1,722	1,719
Недозволенная игра, пари и проч.	1,960	1,827

Это сравненіе легче всего показываетъ, какъ неравномѣрно падаетъ пеня на различные классы. Если дѣломъ судьи является такое назначеніе денежной пени, при которомъ принимается во вниманіе экономическое положеніе осужденнаго, то дѣломъ законодателя является установленіе такихъ мѣръ, при которыхъ неимущіе, кромѣ самыхъ крайнихъ случаевъ умышленнаго пренебреженія къ назначенному штрафу, не были бы лишаемы свободы. Это должно быть предупреждаемо не только въ интересахъ этихъ лицъ, но и въ интересахъ всего общества, которое съ большимъ уваженіемъ относится къ свободѣ; законодательство должно принять мѣры противъ превращенія этихъ лицъ въ привычныхъ преступниковъ.

Общественные и тюремные дѣятели и само правительство за послѣдніе годы сознали это крупное зло и стараются принять противъ него мѣры. При существующихъ условіяхъ неуплата денежной пени влечетъ немедленное заключеніе въ тюрьму, если судья спеціально не оговоритъ о возможности отсрочки. Такія льготы даются, однако, весьма рѣдко. Между тѣмъ, многіе могли бы уплатить пеню посредствомъ небольшихъ періодическихъ взносовъ. Howard Association въ числѣ прочихъ очередныхъ реформъ выдвинула въ 1909 г., между прочимъ, и слѣдующія: 1) предоставленіе отсрочекъ для уплаты пени, 2) допущеніе для юныхъ преступниковъ уплаты въ формѣ небольшихъ взносовъ, 3) представленіе должностнымъ попечителямъ (probation officers) власти собирать пеню отдѣльными частями. Министръ внутреннихъ дѣлъ W. Churchil въ Палатѣ Общинъ 20 іюля 1910 г. заявилъ, что онъ собирается внести билль объ отсрочкѣ исполненія приговора въ случаѣ присужденія къ денежной пенѣ и о возможности уплаты ея частями [1]). Эти обстоятельства показываютъ, что

---

[1]) „Я обратилъ недавно вниманіе, говорилъ министръ, на то, слѣдуетъ ли удлинить льготный срокъ, предоставляемый для уплаты денежной пени передъ замѣной ея тюремнымъ заключеніемъ. За прошлый годъ 90.000 человѣкъ отбы-

практикѣ чрезмѣрнаго примѣненія лишенія свободы вмѣсто денежной пени скоро будетъ положенъ конецъ.

II.

Вторымъ способомъ борьбы противъ краткосрочныхъ лишеній свободы является условное осужденіе. Эта мѣра предназначена для той категоріи преступниковъ, которую называютъ *случайными*. Названіе это нѣсколько неточно. Каждый

вали тюремное заключеніе за невзносъ штрафа и изъ нихъ 13 или 14,000 уплатили причитающійся съ нихъ штрафъ послѣ того какъ они были помѣщены въ тюрьму. Но я полагаю, что значительно большій процентъ лицъ уплатилъ бы штрафъ, еслибы имъ былъ предоставленъ разумный срокъ для того, въ теченіе котораго они могли бы собрать деньги заработкомъ или чрезъ друзей и сосѣдей. Начальникъ Вондсвортской тюрьмы говорилъ мнѣ, что изъ 138 лицъ, заключенныхъ въ его тюрьму въ началѣ іюня, 40 или 50 навѣрное уплатили бы штрафъ, еслибы имъ была предоставлена отсрочка и 25 изъ нихъ были вполнѣ пригодны для примѣненія къ нимъ закона объ испытаніи 1907 г. Почти никому изъ лицъ, помѣщенныхъ въ тюрьму, не было предоставлено времени для внесенія штрафа. Вотъ примѣръ, когда человѣкъ за бранныя слова приговоренъ Tower bridge police court къ штрафу; по утвержденію начальника тюрьмы, онъ могъ бы уплатить его, еслибы ему была предоставлена возможность сдѣлать сбереженія изъ пенсіи и т. д. (*министръ приводитъ нѣсколько примѣровъ*). *Можно привести рядъ* случаевъ, когда хорошій характеръ человѣка вполнѣ извѣстенъ, и тѣмъ не менѣе, если у него въ карманѣ тутъ же не находится достаточной суммы денегъ, его торопятся посадить въ тюрьму Пусть Палата увидитъ, какъ тягостна эта процедура. Государство теряетъ свой штрафъ, а человѣкъ попадаетъ въ тюрьму. вѣроятно, въ первый разъ. Тяжелое явленіе! Ради приговора на четыре-пять дней онъ *проходитъ чрезъ всѣ формальности тюремной жизни: его сажаютъ въ* „Черную Марію“, его фотографируютъ, снимаютъ отпечатки его пальцевъ. Онъ долженъ подвергаться этой процедурѣ наравнѣ съ тѣми, которые приговорены къ долгимъ срокамъ заключенія. Больше половины приговариваемыхъ къ тюрьмѣ за невзносъ пени виновны въ пьянствѣ, а въ такихъ случаяхъ взысканіе пени является значительно болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ тюрьма; оно принуждаетъ пьяницу на время быть болѣе бережливымъ. Министерство неоднократно въ своихъ циркулярахъ указывало на желательность такой отсрочки. Достопочтенный джентельменъ, сидящій напротивъ меня (Douglas Akers) въ 1905 г. издалъ замѣчательный циркуляръ, въ которомъ онъ указывалъ, сколь многіе попадаютъ напрасно въ тюрьму за нарушеніе санитарныхъ правилъ или мелкіе проступки, въ то время, когда они могли бы уплатить пеню, еслибы имъ была предоставлена возможность сношенія съ друзьями. Я полагаю, что дѣло нельзя оставить въ этомъ положеніи и къ осенней сессіи было бы необходимо провести краткій законъ, который бы обезпечивалъ приговореннымъ къ штрафу краткій срокъ для уплаты его“.

преступникъ совершаетъ свое дѣяніе или умышленно или неосторожно. Случайность въ ихъ дѣяніи есть не субъективный, а объективный моментъ, и правильнѣе было бы назвать ихъ „преступниками по стеченію обстоятельствъ“, что, собственно, и было бы правильнымъ переводомъ французскаго термина malfaiteurs d'occasion. Примѣняя для краткости слово „случайный“, мы всегда имѣемъ въ виду именно этотъ послѣдній смыслъ.

Мы называемъ случайнымъ преступникомъ человѣка, для котораго преступленіе является только нѣкоторымъ эпизодомъ въ его жизни, вызваннымъ или такою обстановкой, которая чрезмѣрно развила „искушеніе“, или разгорячила его страсти до необычайнаго уровня, или, наконецъ, толкнула его на преступленіе вслѣдствіе крайности, не признаваемой, однако, крайностью необходимой. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы не считаемъ, что его психика, его воля кореннымъ образомъ порочна и нуждается въ продолжительномъ воздѣйствіи на нее. Однимъ изъ признаковъ „случайности“ дѣянія является фактъ, что оно учинено впервые, и не будетъ преувеличеніемъ сказать, что большинство случайныхъ преступниковъ являются первичными преступниками. По отношенію къ нимъ достаточно общественнаго порицанія для того, чтобы удовлетворить требованія возмездія: въ особомъ наказаніи они не нуждаются. Но, къ сожалѣнію, современный судъ не обладаетъ еще такими глубокими средствами изслѣдованія, которыя позволили бы сразу опредѣлить, является ли преступленіе продуктомъ случайнаго настроенія, или же оно есть результатъ пустившей глубокіе корни привычки. Поэтому для этой цѣли примѣняется особое испытаніе на нѣкоторый срокъ. Это испытаніе можетъ быть или формальнымъ, когда не требуется только учиненія новаго преступленія, или болѣе тщательнымъ, когда устанавливается надзоръ за поведеніемъ осужденнаго съ тѣмъ, чтобы выяснить, поскольку данный человѣкъ способенъ отрѣшиться отъ порочныхъ привычекъ вообще и можетъ вести регулярную общественную жизнь. Тюремное заключеніе назначается только тогда, если это испытаніе опровергаетъ презумпцію случайности дѣянія.

Изложенная мѣра извѣстна подъ названіемъ условнаго осужденія. Послѣднія 20 лѣтъ привели къ широкому распространенію ея, какъ средства избѣгнуть краткосрочнаго лишенія свободы въ тюрьмѣ для случайныхъ и, въ частности, первичныхъ преступниковъ. Она была введена и въ Англіи впервые въ 1887 г. и пріобрѣла особенное значеніе послѣ закона 1907 г. объ испытаніи преступниковъ. Современемъ, когда къ формальному испытанію присоединился надзоръ и попеченіе особыхъ должностныхъ лицъ, эта мѣра стала пригодной и для тѣхъ случаевъ, когда преступникъ является хотя и не случайнымъ, но, во всякомъ случаѣ, не настолько испорченнымъ, чтобы отчаяться въ возможности его исправленія на свободѣ. Такой цѣли она служитъ, напримѣръ, въ дѣлахъ о юныхъ преступникахъ.

Власть англійскаго мирового или полицейскаго судьи освобождать отъ наказанія лицъ, признанныхъ имъ виновными, коренится еще во взглядѣ на него, какъ на органъ храненія мира. Само привлеченіе къ отвѣтственности и наложеніе наказанія за проступки разсматривалось раньше, какъ полицейская функція, и если можно было достичь поддержанія порядка другими средствами, то судья могъ и не назначать наказанія. Такъ, право судьи отбирать „поручительство храненія мира или добраго поведенія“ существуетъ еще съ XIV вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, судья не связанъ срокомъ для вынесенія своего приговора. И въ прежнее время часто судья назначалъ отсрочку приговора, чтобы рекомендовать коронѣ помилованіе, или чтобы болѣе тщательно обдумать юридическую сторону дѣла и посовѣщаться со своими коллегами. На время этой отсрочки подсудимый могъ находиться на свободѣ, подъ поручительствомъ и даже безъ него, но онъ обязывался лишь явиться въ судъ во всякое время въ случаѣ вызова.

Съ 1854 г. предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ Бирмингамѣ M. D. Hill, человѣкъ широко извѣстный своими уголовно-политическими взглядами не только въ Англіи, но и въ Америкѣ, сталъ примѣнять это полномочіе въ воспитательныхъ цѣляхъ [1]). Онъ освобождалъ подъ надзоръ отвѣт-

[1]) См. M. D. Hill. Repression of crime. London 1857.

ственныхъ лицъ подсудимыхъ, подававшихъ надежду на исправленіе на свободѣ. Наказаніе по отношенію къ нимъ назначалось только въ случаѣ дурного поведенія ихъ. Эта практика судьи Hill, съ одной стороны, была заимствована американскимъ штатомъ Массачузетсомъ, гдѣ особенное вниманіе было обращено на организацію надзора на свободѣ, и такимъ образомъ создалась американская система условнаго осужденія. Съ другой стороны, въ самой Англіи она привела къ изданію акта о суммарномъ производствѣ 1879 г. (Summary Jurisdiction Act, 1879), въ силу котораго мировымъ судьямъ уже ясно было предоставлено право освобождать отъ наказанія виновныхъ, въ случаѣ ихъ хорошаго поведенія. Въ этихъ случаяхъ приговоръ не постановляется, а происходитъ какъ бы отсрочка производства, причемъ обвиняемый отдается на поруки съ обязательствомъ явки и хорошаго поведенія. Такая мѣра должна была примѣняться въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло представлялось столь незначительнымъ, что назначеніе какого-либо наказанія вообще, или иного наказанія, кромѣ номинальнаго, представлялось бы нецѣлесообразнымъ.

Но это полномочіе судей являлось недостаточнымъ. Въ 1887 г. по иниціативѣ Howard Association и нынѣ покойнаго начальника лондонской полиціи, сэра Howard Vincent, чрезъ парламентъ былъ проведенъ новый законъ Probation of first offenders act (50 and 51 Vict. c. 25), дополнявшій предшествующій. Суды суммарнаго производства по этому акту получили право отсрочивать примѣненіе приговора, а не только осужденія или производства. Примѣненіе этой мѣры было ограничено рядомъ условій. Ей могутъ подлежать лишь первичные преступники, въ особенности несовершеннолѣтніе; она можетъ быть назначаема лишь за дѣянія, за которыя въ законѣ положены наказанія не свыше двухъ лѣтъ тюремнаго заключенія. Срокъ испытанія остался совершенно неопредѣленнымъ, и только болѣе поздняя практика установила его въ нѣсколько мѣсяцевъ.

Статистика показывала, что этими полномочіями судьи пользовались довольно часто. Такая условная отсрочка приговора и производства была предоставлена въ 1905 г.:

по акту 1887 г..	7051	подсудимымъ
по акту 1879 г. п. 1 съ пріостановкой производства . .	43691	„
„ „ „ „ по п. 2 съ отсрочкой осужденія . . .	7625	„
	Итого 58367	„
„ „ „ „ въ судѣ присяжныхъ	898	„

Отчеты тюремныхъ инспекторовъ благопріятно отзывались о дѣйствіи этой мѣры. Но всетаки общаго удовлетворенія не было. Требованіе хорошаго поведенія оказывалось висящимъ въ воздухѣ, такъ какъ не было надлежащихъ органовъ наблюденія. При отсутствіи ихъ англійская система только по имени была „системой испытанія“, фактически же она приближалась къ континентальной системѣ условнаго осужденія. Отовсюду раздавались голоса въ пользу необходимости созданія особыхъ должностныхъ попечителей, которые, подобно своему американскому прототипу, приняли бы на себя обязанности фактическаго наблюденія. Но, кромѣ наблюденія, было признано нужнымъ присвоить имъ и другую болѣе важную функцію—функцію попеченія. Постановленія объ этихъ попечителяхъ содержались уже въ проектѣ закона 1887 г., но были отвергнуты Палатой Лордовъ, видѣвшей въ нихъ лишь воскрешеніе полицейскаго надзора. Съ того времени необходимость въ этой мѣрѣ назрѣла еще болѣе. Дѣятельность миссіонеровъ, состоящихъ при полицейскихъ судахъ, показала, какъ много работы попеченія должно упасть на такіе органы, и какъ важна эта работа. Движеніе въ пользу особыхъ судовъ для юношества привело къ неизбѣжному выводу о необходимости имѣть такихъ попечителей для несовершеннолѣтнихъ. Наконецъ, болѣе близкое знакомство съ дѣятельностью американской системы, достигнутое посредствомъ ряда популярныхъ брошюръ, не осталось безъ вліянія. Въ виду этого, министръ внутреннихъ дѣлъ Гладстонъ рѣшилъ внести по этому вопросу билль, который благополучно, безъ особыхъ преній, прошелъ черезъ Парламентъ и сталъ 21 августа 1907 г. закономъ. Законъ этотъ вступилъ въ дѣйствіе 1 января 1908 г.

Существо новаго закона выражено въ ст. 1: „Когда какое-либо лицо обвиняется предъ судомъ суммарнаго производства въ преступномъ дѣяніи, подсудномъ этому суду, и судъ признаетъ виновность доказанной, но склонится къ мнѣнію, что было бы неудобно, принимая во вниманіе характеръ, предшествующую жизнь, возрастъ, здоровье или умственное развитіе обвиняемаго, или ничтожность учиненнаго имъ дѣянія, или смягчающія обстоятельства, при которыхъ было учинено преступное дѣяніе, наложить на него какое-либо наказаніе вообще или наказаніе, не являющееся номинальнымъ, или, что является желательнымъ, отпустить виновнаго на испытаніе, то судъ можетъ, не вынося осужденія, сдѣлать постановленіе: или а) о прекращеніи слѣдствія или обвиненія, или б) объ условномъ отпускѣ виновнаго подъ ручательство, съ поручителями или безъ нихъ, хорошаго поведенія и явки по вызову суда для выслушанія осужденія и приговора въ любое время въ теченіе періода не свыше трехъ лѣтъ, какой будетъ указанъ въ постановленіи“. Пунктъ 2-ой той же статьи предоставляетъ суду право такого условнаго отпуска (но не прекращенія обвиненія) по дѣламъ, подсуднымъ суду присяжныхъ и влекущимъ тюремное заключеніе. Условная отсрочка постановленія приговора не распространяется на постановленія о возвратѣ украденныхъ вещей, о передачѣ вещей собственнику или относительно уплаты денегъ на основаніи или въ зависимости отъ такого возврата или передачи (п. 4).

При такой постановкѣ условное осужденіе по англійской системѣ является какъ бы однимъ изъ видовъ давности приговора. Судъ откладываетъ постановленіе приговора на опредѣленный срокъ, по истеченіи котораго, при наличности извѣстныхъ условій, этотъ приговоръ уже не можетъ быть назначенъ. Основаніемъ для такой давности является уже не простой фактъ протеченія извѣстнаго періода времени, а этотъ фактъ, осложненный извѣстными условіями касательно поведенія виновнаго.

Эти условія опредѣляются въ ст. 2: „1) Ручательство, указанное въ настоящемъ законѣ, будетъ, въ случаѣ предписанія суда, содержать условіе, по которому преступникъ дол-

женъ находиться подъ наблюденіемъ лица, поименованнаго въ постановленіи, въ теченіе времени, указаннаго въ постановленіи, и подъ такими или иными условіями для обезпеченія наблюденія, какія будутъ тамъ перечислены. Предписаніе, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ названіе предписанія объ испытаніи (probation order); 2) ручательство, далѣе, можетъ содержать такія добавочныя условія, о которыхъ судъ предпишетъ, принимая во вниманіе особыя обстоятельства дѣла и касаясь всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ слѣдующихъ пунктовъ: а) воспрещенія преступнику общаться съ ворами или другими нежелательными лицами или посѣщать нежелательныя мѣста; б) воздержанія отъ опьяняющихъ напитковъ, когда дѣяніе состояло въ пьянствѣ или было учинено подъ вліяніемъ опьяненія, и в) общаго обѣщанія того, что преступникъ будетъ вести честную и трудовую жизнь; 3) судъ, постановляющій предписаніе объ испытаніи, выдаетъ преступнику письменное извѣщеніе, содержащее въ простыхъ выраженіяхъ условія, которыя тотъ обязанъ соблюдать“.

Въ числѣ приведенныхъ условій на первомъ мѣстѣ стоитъ условіе подчиненія особому надзору. Введеніе этого надзора по американской системѣ составляетъ наиболѣе характерную черту новаго закона. Въ слѣдующихъ статьяхъ (3, 4 и 5) опредѣляются характеръ и обязанности тѣхъ органовъ, которымъ этотъ надзоръ ввѣряется. При каждомъ судѣ суммарнаго производства назначаются мировыми судьями одно или нѣсколько лицъ обоего пола въ качествѣ должностныхъ попечителей, при чемъ для несовершеннолѣтнихъ до 16 лѣтъ могутъ быть назначаемы, въ зависимости отъ обстоятельствъ, особые попечители. Эти попечители, подъ контролемъ мировыхъ судей, будутъ осуществлять надзоръ за условно осужденными ихъ округа. Они будутъ получать мѣсячное жалованіе или вознагражденіе за отдѣльныя дѣйствія, въ размѣрѣ по опредѣленію суда, и возмѣщеніе за мелкіе расходы. Максимальный размѣръ вознагражденія попечителямъ опредѣляется мѣстными властями. Такое вознагражденіе можетъ быть выдаваемо и частнымъ лицамъ, принявшимъ на себя обязанности попечителей; послѣднимъ предоставляется право во всякое

время отказаться отъ дальнѣйшаго несенія своихъ обязанностей.

Обязанностями должностного попечителя, подчиненнаго указаніямъ суда, являются: а) посѣщеніе или выслушаніе отчета лица, находящагося подъ наблюденіемъ, черезъ такіе разумные промежутки времени, какіе будутъ указаны въ предписаніи объ испытаніи, или какія явятся, по мнѣнію попечителя, соотвѣтственными; б) наблюденіе за исполненіемъ условій ручательства со стороны лица, находящагося подъ его попеченіемъ; в) сообщеніе суду относительно поведенія такого лица; г) совѣты, помощь, дружеское отношеніе къ такому лицу и, въ случаѣ необходимости, попытки пріискать ему подходящее занятіе.

По донесенію должностного попечителя, судъ, отсрочившій приговоръ, можетъ, извѣстивъ условно-осужденнаго, измѣнять условія ручательства и даже освобождать его окончательно отъ ручательства, если признаетъ поведеніе лица настолько удовлетворительнымъ, что дальнѣйшее наблюденіе становится ненужнымъ. Наоборотъ, если въ судѣ будетъ доказано, что преступникъ пересталъ соблюдать какія-либо условія своего ручательства, то судъ можетъ издать предписаніе о задержаніи преступника или послать повѣстку о явкѣ его въ судъ въ срокъ, указанный въ повѣсткѣ. Приговоръ постановляется только тѣмъ судомъ, который предоставилъ отсрочку. Но можетъ произойти такъ, что этотъ судъ не засѣдаетъ (напр. если отсрочка постановлена судомъ присяжныхъ) и тогда всякій судъ суммарнаго производства можетъ сдѣлать постановленіе о содержаніи подъ стражей или освобожденіи на поруки преступника до суда. Судъ, передъ которымъ преступникъ обязался ручательствомъ явки къ осужденію и приговору, удостовѣрившись въ томъ, что преступникъ нарушилъ какое либо условіе ручательства, можетъ безъ дальнѣйшаго доказыванія его виновности признать его осужденнымъ и постановить приговоръ о первоначальномъ преступленіи. Въ соотвѣтственныхъ случаяхъ судъ можетъ помѣщать виновнаго въ воспитательно-исправительные пріюты.

Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется издавать

правила о приведеніи въ исполненіе этого закона, о подробностяхъ, касающихся назначенія, отставки и устраненія должностныхъ попечителей, исполненія ихъ обязанностей и составленія ими отчетовъ.

Помимо оставленія на испытаніи, новый законъ объ испытаніи преступниковъ 1907 г. ввелъ еще одну мѣру, оказавшуюся на практикѣ весьма удачной. Именно, суду суммарнаго производства предоставлено постановлять объ уплатѣ виновными такого возмѣщенія за потерю или вознагражденія за обиду, какія судъ признаетъ разумными, въ размѣрѣ не большемъ, чѣмъ 100 рублей (10 ф. ст.). Равнымъ образомъ судъ можетъ приговаривать къ возмѣщенію издержекъ по дѣлу, какія онъ признаетъ разумными. Если виновный находится въ возрастѣ до 16 лѣтъ, и судъ признаетъ, что виновный былъ склоненъ къ учиненію проступка родителемъ или опекуномъ, онъ можетъ, согласно съ закономъ о малолѣтнихъ преступникахъ 1901 г., предписать, чтобы такое возмѣщеніе, вознагражденіе или издержки были уплачены родителемъ или опекуномъ (п. 3 ст. 1).

Въ дополненіе къ этому закону, 27 ноября 1907 г. министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярно сообщилъ правила о наилучшемъ примѣненіи закона. Онъ требуетъ особаго вниманія къ надлежащему выбору должностныхъ попечителей и организаціи надзора за ихъ дѣятельностью. Циркуляръ рекомендуетъ назначеніе на должность попечителей женщинъ, если дѣло касается мальчиковъ и дѣвочекъ до 16 лѣтъ, или взрослыхъ женщинъ. Срокъ попеченія предлагается установить общимъ образомъ въ шесть мѣсяцевъ и лишь въ исключительныхъ случаяхъ назначить наблюденіе на срокъ болѣе года [1]).

---

[1]) Приводимъ содержаніе этихъ дополнительныхъ правилъ, изданныхъ 27 ноября 1907 года. Назначеніе должностныхъ попечителей въ Лондонѣ производится непосредственно министромъ. Въ другихъ городахъ—большинствомъ голосовъ присутствующихъ судей округа. Для цѣли такого избранія или возобновленія полномочій должностныхъ попечителей мировые судьи должны собираться ежегодно въ январѣ мѣсяцѣ. Каждое назначеніе происходитъ на срокъ не болѣе 13 мѣсяцевъ. Свѣдѣнія о состоявшихся назначеніяхъ сообщаются секретарю суда и начальнику полиціи. Должностной попечитель при вступленіи въ должность получаетъ особое свидѣтельство о томъ за подписью министра или двухъ судей.

Хотя законъ не упоминаетъ о назначеніи въ качествѣ должностныхъ попечителей полицейскихъ чиновниковъ или духовныхъ лицъ, все же практика избирала кандидатовъ для новой должности, по преимуществу, изъ этой среды. Такъ, одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ сообщаетъ, что въ Лондонѣ на эти должности были назначены почти исключительно миссіонеры полицейскихъ судовъ, которые отчасти были уже подготовлены къ ней своею предшествующею дѣятельностью. Въ провинціи

Каждый попечитель можетъ отказаться отъ своей должности, извѣстивъ о томъ судью по крайней мѣрѣ за мѣсяцъ. Въ случаѣ дурного поведенія попечитель можетъ быть уволенъ отъ должности даже безъ предварительнаго увѣдомленія; но въ такихъ случаяхъ въ постановленіи должно быть означено, почему такая мѣра признана неотложной.

Должностной попечитель обязанъ, въ соотвѣтствіи съ требованіями закона, выполнять предписанія, которыя будутъ указаны въ постановленіи суда, назначающемъ попечительный надзоръ: онъ долженъ посѣщать лицо, отданное подъ наблюденіе его, освѣдомляться о его поведеніи, образѣ жизни и занятіяхъ. Такія посѣщенія должны происходить въ теченіе перваго мѣсяца чаще, не рѣже раза въ недѣлю, если только судья не укажетъ иного; позднѣе число посѣщеній будетъ зависѣть отъ поведенія и образа жизни преступника. Если судь постановитъ, что условно-осужденный долженъ посѣщать попечителя, то послѣдній долженъ указать мѣсто, куда тотъ долженъ являться; такимъ мѣстомъ не можетъ быть зданіе суда или полицейскаго управленія. Если дѣло идетъ о дѣтяхъ школьнаго возраста, то попечитель долженъ подыскать для нихъ соотвѣтственную школу и справляться у главнаго учителя о поведеніи и успѣхахъ ребенка. Попечитель долженъ удостовѣриться, что преступникъ понялъ условія отсрочки наказанія, и долженъ стараться своими увѣщаніями и предостереженіями склонить его къ исполненію этихъ условій. Въ случаѣ нарушенія этихъ условій, попечитель обязанъ сообщить о томъ суду. Попечитель обязанъ по возможности помогать освобожденному, давать нужные совѣты и указанія, пріискивать работу. Онъ не долженъ имѣть формы или какого либо внѣшняго знака своей должности; если онъ является полицейскимъ, то во время исполненія своихъ обязанностей попечителя онъ не долженъ носить своей формы. Онъ долженъ внимательно изучить возложенныя на него закономъ обязанности.

Сообщенія о поведеніи отданнаго подъ наблюденія лица направляются въ судъ, постановившій объ испытаніи, въ такіе промежутки времени, какіе будутъ указаны судомъ. Если этимъ судомъ является судъ присяжныхъ, не засѣдающій въ данное время, то такія постановленія могутъ быть изданы предсѣдателемъ этого суда или его замѣстителемъ. Туда же направляются и свѣдѣнія о нарушеніи условій испытанія. Отчеты представляются устно или письменно, въ зависимости отъ требованій судьи. Они не должны быть представлены въ публичномъ засѣданіи суда или публикуемы, если обратное не будетъ предписано судомъ. Ежегодно должностной попечитель представляетъ отчетъ о своей дѣятельности за годъ министру. Аналогичныя обязанности возлагаются и на частныхъ лицъ, которыя пожелаютъ исполнять обязанности попечителей.

были часты случаи назначенія старшихъ констеблей. Особые попечители для дѣтей, состоящіе при главномъ полицейскомъ судѣ, въ числѣ двухъ назначены только въ Лондонѣ. Въ остальныхъ округахъ число попечителей вообще ограничивается однимъ или двумя, которые вѣдаютъ какъ дѣла о взрослыхъ, такъ и дѣла о дѣтяхъ.

Въ перечнѣ обязанностей попечителей мы встрѣчаемъ весьма существенный пробѣлъ. Законъ ничего не говоритъ о порученіи имъ разслѣдованія условій жизни и причинъ преступленія до слушанія дѣла на судѣ. Для того, чтобы знать предшествующую жизнь, характеръ, умственное состояніе и среду обвиняемаго, судья долженъ имѣть опредѣленныя данныя. Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [1]) установилась практика отсрочки слушанія нѣкоторыхъ категорій дѣлъ на 4 недѣли, въ теченіе которыхъ старшій полицейскій чиновникъ собираетъ нужныя свѣдѣнія. Но свѣдѣнія. доставленныя имъ, основаны обыкновенно на поверхностномъ ознакомленіи и выражаютъ специфическія для полиціи точки зрѣнія. Несомнѣнно, что должностные попечители являются единственно пригодными для того органами, и функціи ихъ въ этомъ отношеніи должны быть расширены [2]).

Такое расширеніе намѣчается и въ другомъ отношеніи. Теперь должностные попечители наблюдаютъ только за поведеніемъ условно-осужденнаго. Но практика указываетъ на желательность порученія имъ наблюденія и за аккуратнымъ

---

[1]) См. напр. Report Committee on probation. Manchester. 1911.

[2]) „Мы можемъ—пишетъ М-г A. St. John, секретарь Penal Reform League—весьма многаго отъ системы испытанія, если только она встрѣтитъ въ обществѣ разумный и живой энтузіазмъ. Желательно не только чтобы многіе были удалены изъ тюремъ въ цѣляхъ болѣе дѣйствительнаго воздѣйствія на нихъ на свободѣ, но и чтобы разслѣдованіе обвиненій было передано изъ рукъ полиціи въ руки болѣе симпатизирующихъ и компетентныхъ слѣдователей, каковыми явятся должностные попечители. Посредствомъ этой дѣятельности можетъ создаться большая группа людей, образованныхъ и преданныхъ дѣлу; лучшіе изъ нихъ могли бы явиться болѣе пригодными для отправленія правосудія, чѣмъ наши теперешніе мировые судьи и это послужило бы мостомъ чрезъ ту ужасную пропасть, которая нынѣ отдѣляетъ судью отъ подсудимаго, и превратило бы суды въ центры возрожденія и мѣста упованія для окружающихъ“ (Penal Reform League, № 1, 1911 г.

выполненіемъ наложенныхъ судомъ денежныхъ уплатъ. Такъ. рекомендуется возложить на нихъ обязанность собиранія денежныхъ штрафовъ частями въ томъ случаѣ, когда разсрочка будетъ предоставлена судомъ. Точно также возможно порученіе имъ права получать отдѣльные взносы въ уплату наложеннаго судомъ на условно-осужденнаго возмѣщенія убытковъ или вознагражденія за обиду (ст. I п. 3). Министръ. однако, высказался отрицательно по этому послѣднему предложенію, считая, что „оно можетъ склонить преступника къ взгляду на должностного попечителя, какъ на сборщика долговъ, а не какъ на друга и совѣтчика“, и что „для собиранія штрафовъ имѣются въ судѣ спеціально для того уполномоченныя лица“. Между тѣмъ, несомнѣнно, что расширеніе дѣятельности попечителей въ этомъ направленіи могло бы значительно сократить число заключеній въ тюрьму вслѣдствіе неуплаты пени. Оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сократитъ возможность пользованія правомъ назначать вознагражденіе или возмѣщеніе вмѣсто наказанія, такъ какъ будетъ меньше шансовъ на дѣйствительное полученіе его. А примѣненіе этой мѣры, въ особенности по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ. какъ показываетъ первый опытъ, оказывается весьма полезнымъ и дѣйствительнымъ.

Оплата труда попечителей, какъ она установлена въ различныхъ мѣстахъ, признается крайне низкой (не болѣе 160 ф. ст.). Г-жа Rosa Barrett, видная представительница probation movement, организовавшая суды для дѣтей въ Италіи признаетъ, что плата эта не должна быть ниже 200 ф. ст. въ годъ.

Должностной попечитель не долженъ ограничиваться личнымъ трудомъ. Его задачей должно быть отысканіе и организація добровольцевъ-попечителей, которымъ онъ могъ бы передавать отдѣльные случаи и отъ которыхъ онъ самъ получалъ бы еженедѣльные отчеты. Безъ сочувствія добровольцевъ, дѣятельностью лишь двухъ-трехъ должностныхъ попечителей сложная работа попеченія, конечно, не можетъ быть выполнена.

Намѣчается также система контроля за дѣятельностью

попечителей. Такъ въ нѣкоторыхъ городахъ организованы особые комитеты—committees on probation, состоящіе, главнымъ образомъ, изъ мировыхъ судей, которые періодически контролируютъ дѣятельность попечителей.

Но все же развитіе этой должности въ Англіи только еще начинается и трудно предвидѣть, какія формы оно приметъ въ будущемъ.

Результаты примѣненія акта объ испытаніи за 1909 годъ таковы: 8962 человѣка были отданы на испытаніе; въ числѣ ихъ 561—по постановленію судовъ присяжныхъ. Въ судахъ суммарнаго производства эта мѣра была примѣнена къ 5964 лицамъ, обвинявшимся въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ (indictable offences) въ томъ числѣ 5384—обвинявшимся въ кражѣ и 2437—обвинявшимся въ легкихъ проступкахъ. Изъ находившихся на испытаніи, 624 человѣка были вновь призваны въ судъ для постановки приговора, при чемъ 133 были оправданы, 184 приговорены къ тюрьмѣ и остальные подвергнуты другимъ мѣрамъ наказанія.

По полу условно-осужденныхъ было 6862 мужчинъ и 2100 женщинъ. По возрасту значительное большинство падаетъ на дѣтей до 16 лѣтъ (3398), затѣмъ идутъ несовершеннолѣтніе отъ 16 до 21 года (3053), на взрослыхъ приходится всего 2511 случаевъ. Эта мѣра, такимъ образомъ, въ Англіи разсматривается скорѣе какъ воспитательное средство по отношенію къ юнымъ преступникамъ, нежели общая льгота, какъ то мы наблюдаемъ на континентѣ. Законъ 1907 г. не ограничиваетъ примѣненія ея только первичными преступниками, но практика имѣетъ въ виду преимущественно ихъ.

Болѣе полныя и наглядныя свѣдѣнія о примѣненіи системы испытанія можно получить посредствомъ изученія ея въ отдѣльныхъ округахъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ отчетовъ о примѣненіи ея въ Лондонѣ. Но данныя, содержащіяся въ подробныхъ отчетахъ спеціальныхъ комитетовъ судей городовъ Бирмингама и Лидса за 1910 годъ, также хорошо служатъ этой цѣли.

Бирмингамъ является однимъ изъ наиболѣе прогрессивныхъ

городовъ, ранѣе другихъ установившихъ судъ для дѣтей и попечителей. Начиная съ 1908 г., введенія въ дѣйствіе новаго закона, мы видимъ постоянный ростъ числа лицъ, отдаваемыхъ на испытаніе, какъ о томъ можно судить изъ слѣдующей таблицы.

ГОДЪ.	Возрастъ.	Отдано на испытаніе попечителю.				Освобождено на поруки.				*Общій итогъ.*
		Удовл.	Неудовл.	Отбыв. надзоръ.	Всего.	Удовл.	Неудовл.	На поруках.	Всего.	
1908	отъ 16—21 . .	16	4	—	20	16	2	—	18	38
	болѣе 21 . .	10	—	—	10	34	—	—	34	44
	Всего . .	26	4	—	30	50	2	—	52	82
1909	отъ 16–21 . .	28	3	—	31	10	—	—	10	41
	болѣе 21 .	25	2	—	27	44	1	1	46	73
	Всего .	53	5	—	58	54	1	1	56	114
1910	отъ 16—21 . .	28	9	46	83	4	—	3	7	90
	болѣе 21 . .	20	4	20	44	11	—	20	31	75
	Всего . .	48	13	66	127	15	—	23	38	165
Общій итогъ за три года.	—	127	22	66	215	119	3	24	146	**361**

Какъ видно, число лицъ, къ которымъ былъ примѣненъ новый законъ въ 1908 г. было 82, въ 1909—114 и въ 1910 г.—165; ростъ числа лицъ, отданныхъ подъ наблюденіе попечителей еще болѣе рѣзокъ—30, 58 и 127. Правда, абсолютно эти цифры весьма невелики и желательно значительно болѣе частое примѣненіе probation, къ чему и направлены усилія министерства и комитетовъ.

Отчетъ *Лидса* показываетъ болѣе медленное развитіе, но зато болѣе значительный масштабъ.

	1908 г.	1909 г.	1910 г.
Число находившихся на порукахъ	413	495	565
Число находившихся на испытаніи	150	206	148
	563	701	713

Изъ 148 случаевъ отдачи на испытаніе 106 относятся на долю взрослыхъ болѣе 16 лѣтъ (69 мужч. и 37 женщ.). Большинство малолѣтнихъ до 16 лѣтъ были отданы подъ надзоръ попечительницы. Продолжительность назначеннаго надзора въ 1910 г. была:

3 года . . .	въ	1 случаѣ
2 года . . .	„	12 „

1 1/2	„ . . . „	10 „
1	годъ . . . „	121 „
6	мѣс. . . . „	20 „
3	„ . . . „	2 „
2	„ . . . „	2 „
2	недѣли . . „	1 „

Итого . . . 169 случаевъ

Изъ 331 лицъ находившихся подъ наблюденіемъ попечителей, за 1910 годъ, вмѣстѣ съ 162 перешедшими отъ 1909 года — 244 вели себя удовлетворительно (въ томъ числѣ 8 поступили въ армію и 13 нашли мѣста) и 87 неудовлетворительно. Изъ послѣдней группы 7 были осуждены судомъ, 44 совершили новое преступленіе, 15 скрылись, 6 нашли работу, но ведутъ себя плохо, 1 посланъ въ исправительный пріютъ, а 14 ведутъ себя неудовлетворительно по другимъ основаніямъ.

Интересна статистика наложенныхъ судомъ въ 1910 г. условій испытанія помимо подчиненія надзору:

Воздержаніе отъ потребленія спиртныхъ напитковъ . .	43
Воспрещеніе посѣщать желѣзнодорожную станцію. .	3
Воспрещеніе общенія съ порочными людьми. . . .	15
Воспрещеніе видѣться съ опредѣленными лицами. .	2
Другія условія	2
Итого. . .	65

Изъ 43, давшихъ обязательство воздерживаться отъ пьянства, только 5 нарушили его.

Проступки, за которые было назначено испытаніе въ 1909 и 1910 г.г. таковы:

		1909 г.	1910 г.
Болѣе тяжкіе:	кража и укрывательство .	125	111
	растрата.	2	5
	мошенничество	1	1
	безстыдство	—	2
		128	119

Легкіе:	пьянство	8	10
	нищенство	6	5
	проституція	11	4
	недозволенная охота	25	3
	переходъ черезъ полотно . .	1	5
	публичная брань	8	5
	препятствіе движенію . . .	14	5
	прочіе проступки	5	13
		206	169

За удаленіемъ случайныхъ преступниковъ и несостоятельныхъ должниковъ государства, все же остается еще извѣстное число случаевъ, когда примѣняется лишеніе свободы на краткій срокъ. Такъ, напр., по англійской статистикѣ 1909 г., изъ общаго числа 181.695 приговоренныхъ къ тюрьмѣ— 152.869 были приговорены на срокъ менѣе шести недѣль. Если отсюда исключить всѣхъ приговоренныхъ къ тюрьмѣ за несостоятельностью въ уплатѣ пени, число которыхъ равняется 92.699, то остается около 60.000 человѣкъ, приговоренныхъ непосредственно къ тюрьмѣ на краткіе сроки. Среди нихъ не можетъ быть большого количества случайныхъ преступниковъ, такъ какъ по отношенію къ послѣднимъ большею частью примѣняется условное осужденіе. Это доказывается и обиліемъ рецидивистовъ въ ихъ средѣ. Статистика показываетъ, что въ числѣ помѣщенныхъ въ тюрьмы въ 1909 г. имѣлось 111.161 рецидивистъ. Изъ нихъ:

28,327	были осуждены одинъ разъ.
14,784	„ „ два раза.
10,459	„ „ три раза.
8,230	„ „ четыре раза.
6,491	„ „ пять разъ.
17,238	отъ шести до десяти разъ.
13,264	отъ десяти до двадцати разъ.
12,368	болѣе двадцати разъ.

Несомнѣнно, что большинство этихъ рецидивистовъ попало въ рубрику тѣхъ, которые приговорены на сроки и

ниже шести недѣль (выше шести недѣль приговорено всего 30.000 человѣкъ). Среди нихъ имѣются неоднократные рецидивисты въ мелкихъ кражахъ, дракахъ, пьянствѣ, нападеніяхъ на властей, умышленномъ причиненіи вреда и пр. Напр., за одно пьянство приговорено къ тюрьмѣ безъ замѣны штрафомъ около 7.000 человѣкъ, за нападенія на полицію и частныхъ лицъ—6.000, за кражи—19.000, за нищенство и бродяжничество—29.000 человѣкъ и пр. Несомнѣнно, что эти категоріи лицъ нуждаются въ болѣе длительныхъ и цѣлесообразныхъ мѣрахъ, чѣмъ общая тюрьма на краткій срокъ. И нужно думать, что съ выработкой и постепеннымъ осуществленіемъ такихъ мѣръ постепенно разсѣется или сократится этотъ остатокъ, и тюрьма станетъ служить цѣлямъ долгосрочнаго содержанія, приспособленнаго къ какимъ-либо исправительнымъ задачамъ. Этому и будутъ посвящены слѣдующіе отдѣлы настоящей работы.

3.

НОВООВВЕДЕНІЯ ВЪ КАТОРЖНЫХЪ И МѢСТНЫХЪ ТЮРЬМАХЪ.

I.

Судьбы тюремнаго дѣла стоятъ прежде всего въ зависимости отъ того органа, которому ввѣрено управленіе. Нигдѣ это не иллюстрируется съ такою яркостью, какъ въ Англіи. Въ концѣ XVIII вѣка, при Говардѣ, тюрьмы находились въ исключительномъ вѣдѣніи шерифа, который сдавалъ ихъ на откупъ смотрителямъ, извлекавшимъ отъ заключенныхъ всякіе поборы, что приводило къ полному произволу и подкупамъ. Въ началѣ XIX вѣка система откуповъ была уничтожена, но тюрьмы остались въ прежнемъ неудовлетворительномъ положеніи вслѣдствіе полнаго отсутствія центральной регламентаціи. На ряду съ хорошими тюрьмами въ отдѣльныхъ графствахъ встрѣчались и отвратительные остроги въ другихъ. Актъ 1865 г., положившій начало раціональному тюремному режиму, передалъ завѣдываніе тюрьмами въ руки мировыхъ судей и сдѣлалъ вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ опредѣленныхъ указаній относительно организаціи тюремъ въ самомъ законѣ. Въ результатѣ нѣсколько десятковъ наименѣе удовлетворительныхъ тюремъ было закрыто, но дѣло мало двинулось впередъ, вслѣдствіе многочисленности управителей. Въ 1876 г., напр., 113 англійскихъ тюремъ находились подъ управленіемъ болѣе, чѣмъ 2000 мировыхъ судей. Рѣшительный шагъ впередъ дѣлаетъ Prison act, 1877 г., который прини-

маетъ систему, уже ранѣе выработавшуюся для каторжныхъ тюремъ. Все управленіе тюрьмами онъ передаетъ центральной административной власти, которая делегируетъ его тюремному управленію (prison commission). Послѣднее назначаетъ въ каждую тюрьму смотрителя, являющагося отвѣтственнымъ лицомъ передъ закономъ. Арестованный уже считается находящимся не подъ охраной шерифа, какъ то было прежде, а подъ охраной смотрителя (gaoler), который является представителемъ центральной власти. Расходы по содержанію тюремъ съ этого времени падаютъ уже не на мѣстныя средства, а на казну. За мировыми судьями было сохранено лишь право ревизіи въ формѣ участія въ committee of visitors; права этого комитета точно обрисованы были позднѣе въ Prison act, 1898. Реформа 1877 г. привела къ сокращенію числа тюремъ съ 113 до 56. Она можетъ считаться, вмѣстѣ съ тѣмъ, и начальнымъ этапомъ въ развитіи раціональной и однородной постановки тюремнаго дѣла въ Англіи. Пестрота практики и условій режима, существовавшая прежде, смѣнилась выработанной однородной системой, осуществляемой непреклонно на протяженіи всей Англіи. Каждая тюрьма (кромѣ мѣстъ заключенія, въ которыхъ арестованный проводитъ не болѣе сутокъ) признается королевской тюрьмой; ни одна новая тюрьма не можетъ быть построена безъ разрѣшенія парламента. Министръ отвѣтствуетъ предъ парламентомъ за всѣ дѣйствія назначенныхъ имъ начальниковъ тюремъ.

До 1865 г. проводилось довольно рѣзкое различіе между подслѣдственными тюрьмами, для которыхъ были приспособлены старые исправительные дома (houses of correction), созданные еще актомъ Елизаветы для помѣщенія бродягъ, и общими тюрьмами для осужденныхъ (common gaol). Многочисленность тюремъ была признана обстоятельствомъ, мѣшающимъ правильному развитію тюремнаго дѣла, и потому началось сліяніе обоихъ видовъ. Законъ 1865 г. постановлялъ, что каждая общая тюрьма можетъ разсматриваться, какъ совмѣщающая объ функціи, а актъ 1898 г. окончательно стеръ различіе, существовавшее раньше между этими видами тюремъ.

Централизація тюремнаго управленія и сосредоточеніе всѣхъ заключенныхъ въ немногихъ тюрьмахъ позволили Англіи достигнуть въ области тюремнаго дѣла значительныхъ успѣховъ. Коммисія 1894 г. въ своемъ отчетѣ писала, что „централизація власти имѣла полный успѣхъ и привела къ однородности, дисциплинѣ и экономіи“. Другимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ было долгое пребываніе во главѣ вѣдомства талантливыхъ руководителей. Съ 70-хъ г.г. до 1894 г. во главѣ его стоялъ извѣстный тюрьмовѣдъ Эдмундъ Дю-Канъ (Du Cane), а съ 1894 г. и до настоящаго времени—Эвелинъ Рэгльсъ-Брайсъ. Столь продолжительное руководство позволило послѣдовательно проводить намѣченныя реформы, прислушиваясь къ рекомендаціямъ отдѣльныхъ коммисій и тюрьмовѣдовъ. Недавно газета „Times“ заинтересовалась положеніемъ тюремнаго дѣла въ Англіи и просила разрѣшенія ознакомиться чрезъ своего сотрудника съ главными тюрьмами. Конечно, согласіе было немедленно получено. Въ результатѣ получился рядъ откровенныхъ и весьма интересныхъ статей, написанныхъ въ газетѣ Артуромъ Патерсономъ [1]). Въ одной изъ нихъ Патерсонъ пишетъ о дѣятельности тюремнаго управленія слѣдующимъ образомъ: „Прогрессъ за 17 лѣтъ управленія въ теперешнемъ составѣ его руководителей показываетъ слѣдующее. Во всѣхъ направленіяхъ старыя привычки прошлаго безповоротно оставлены, гдѣ только обстоятельства требовали того; все что сдѣлано, включая знаменательныя реформы въ области борстальскихъ учрежденій и въ другихъ сферахъ, сдѣлано непосредственно по иниціативѣ главнаго управленія (prison commission), и ни въ одномъ случаѣ оно не было вызываемо какимъ-либо давленіемъ извнѣ. Но главныя достоинства лежатъ еще не въ томъ, что сдѣлано, а въ томъ, что можетъ быть сдѣлано, если представится удобный случай къ тому въ ближайшее время. Тюремное управленіе сдѣлало многое, но оно смотритъ на достигнутый прогрессъ только какъ на фундаментъ на которомъ нужно строить больше и больше“.

---

[1]) Онѣ изданы затѣмъ отдѣльной брошюрой „Our prisons“ by A. Paterson. London. 1911.

Скажемъ вначалѣ нѣсколько словъ объ управленіи и персоналѣ тюремъ. Всѣ тюрьмы Англіи раздѣляются на каторжныя (convict prisons) и мѣстныя (local prisons). Во главѣ управленія тюрьмами стоитъ тюремная коммисія, состоящая изъ предсѣдателя и трехъ членовъ, рѣшающая главные вопросы коллегіально. Эта коммисія совмѣщаетъ въ своихъ рукахъ управленіе мѣстными тюрьмами и управленіе каторгой, хотя титулъ „directors of the convict prisons“ является номинально самостоятельнымъ и функціи эти могутъ быть переданы другимъ лицамъ*[1]). При главномъ управленіи состоятъ инспектора отдѣльныхъ частей: врачъ-инспекторъ, инспекторъ по строительной части, инспекторъ-священникъ (завѣдующій также обществами патроната), инспекторъ реформаторій для алкоголиковъ, женщина-инспектрисса для надзора за женскими тюрьмами, инспекторъ, наблюдающій за содержаніемъ заключенныхъ и, наконецъ, контролеръ за финансами и работами (всего 6 инспекторовъ). Каждый изъ нихъ въ концѣ года представляетъ самостоятельный отчетъ и обязанъ періодически ревизовать тюрьмы, представляя каждый разъ докладъ главному управленію о своемъ посѣщеніи. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляетъ проекты улучшенія ввѣренной ему части.

Штатъ каждой тюрьмы состоитъ изъ начальника (governor), иногда его помощника (deputy-governor), англиканскаго священника, живущаго при тюрьмѣ врача, одного или нѣсколькихъ учителей и, наконецъ, надзирателей. Начальникъ тюрьмы— гласятъ правила (Standing order 1899 г.)—имѣетъ общій контроль и общее руководство; онъ обязанъ исполнять всѣ правила и смотрѣть за тѣмъ, чтобы всѣ органы тюрьмы исполняли ихъ. „Правила и инструкціи“ (rules and instructions), изданныя въ руководство тюремной администраціи, занимаютъ 31 страницу и охватываютъ всѣ стороны тюремной жизни начиная съ правилъ о поимкѣ бѣжавшихъ арестантовъ и кончая образцами отчетовъ, представляемыхъ въ главное упра-

---

[1]) *До 1877 г., когда управленіе мѣстными тюрьмами еще не было централизовано, каторжныя тюрьмы уже управлялись „board of directors“. Въ 1877 г. эти функціи были поручены* prison commissioners, но сохранили свою самостоятельность.

вленіе. Эти правила составляютъ тѣло, въ которое начальникъ тюрьмы долженъ вдохнуть живой духъ. Положеніе его является весьма отвѣтственнымъ и труднымъ. Каждый заключенный, имѣющій жалобу, можетъ обращаться къ нему лично. Ежедневно отводится часъ для личныхъ выслушиваній заключенныхъ начальникомъ и въ этомъ отношеніи въ тюрьмахъ господствуетъ большая непосредственность. Каждая бумага, будь то отчетъ о поведеніи арестанта, заказъ, счетъ мастера, письмо, написанное арестантомъ или получаемое имъ, должна пройти черезъ руки начальника Онъ долженъ рѣшить тысячи мелкихъ вопросовъ, и рѣшить окончательно, такъ какъ на него можно жаловаться только въ главное управленіе. Онъ долженъ быть безпристрастнымъ судьей при рѣшеніи дѣлъ о проступкахъ заключенныхъ и при наложеніи на нихъ дисциплинарныхъ взысканій. Ни одинъ надзиратель, ни одинъ служащій тюрьмы не имѣетъ права своею властью подвергнуть заключеннаго хотя бы малѣйшему дисциплинарному взысканію; онъ долженъ представить письменный докладъ о проступкѣ заключеннаго, и начальникъ, выслушавъ провинившагося и свидѣтелей, постановляетъ о дисциплинарной мѣрѣ. Власть начальника является гибкой, личной и сильной, но въ то же время отвѣтственной. Въ случаѣ необходимости примѣнить тѣлесное наказаніе къ заключенному, онъ обязанъ о томъ сообщить комитету посѣтителей, изложивъ подробно всѣ обстоятельства случая, и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій.

Этотъ комитетъ посѣтителей (visiting committee) составляетъ вообще органъ, контролирующій дѣятельность мѣстной тюремной администраціи. До 1898 г. этотъ комитетъ состоялъ изъ мировыхъ судей, которые были членами его ex officio. Prison act 1898 г. передалъ министру право назначать для ревизіи каторжныхъ тюремъ членовъ этого комитета изъ числа всякихъ лицъ, при чемъ двое членовъ должны быть мировыми судьями; для мѣстныхъ же тюремъ судьи-посѣтители избираются на четвертныхъ съѣздахъ. Въ подробностяхъ права этого комитета опредѣляются правилами, изданными министромъ (ст. 176—189 и 282—309 Prison rules and instructions, 1899), законъ же ограничивается указаніемъ общихъ

полномочій ревизующаго органа, которыя сводятся къ слѣдующимъ: 1) періодическое посѣщеніе тюремъ, для которыхъ комитетъ назначенъ; 2) выслушиваніе (въ случаѣ надобности и наединѣ) всѣхъ жалобъ, какія будутъ заявлены имъ заключенными; 3) сообщеніе обо всѣхъ злоупотребленіяхъ, наблюдавшихся ими въ тюрьмѣ; 4) сообщеніе о необходимомъ ремонтѣ и улучшеніяхъ тюрьмы. Комитету посѣтителей поручается разслѣдованіе всѣхъ случаевъ, въ которыхъ начальникъ признаетъ необходимымъ примѣнить мѣру личнаго воздѣйствія (въ томъ числѣ и тѣлесное наказаніе) по отношенію къ заключенному. Только имъ въ конечной инстанціи принадлежитъ право примѣненія тѣлеснаго наказанія и помѣщенія въ одиночную камеру на срокъ до одного мѣсяца. Въ зависимости отъ ихъ разрѣшенія, на заключенныхъ могутъ быть налагаемы кандалы; лишь въ случаяхъ крайней необходимости, и на срокъ не болѣе 24 часовъ, начальникъ тюрьмы можетъ дѣлать это своею властью. О каждомъ посѣщеніи этого комитета составляется протоколъ, который вносится въ особую книгу. Собранія комитета происходятъ нѣсколько разъ въ годъ.

Кромѣ этого комитета, каждый отдѣльный мировой судья мѣстности можетъ всегда являться въ тюрьму, знакомиться съ положеніемъ въ ней заключенныхъ и вносить свои замѣчанія въ особую книгу для посѣтителей, которая должна быть каждый разъ представлена комитету посѣтителей для просмотра; такія посѣщенія со стороны отдѣльныхъ судей воспрещены лишь по отношенію къ приговореннымъ къ смертной казни. Этотъ контроль со стороны комитета посѣтителей и мировыхъ судей заставляетъ начальника сознавать, что каждый шагъ его можетъ быть подвергнутъ внимательной повѣркѣ.

Только въ большихъ тюрьмахъ начальникъ имѣетъ помощника (deputy-governor). Обыкновенно, ему помогаютъ только врачъ и священникъ. Должность врача большой тюрьмы далеко не является синекурой. На немъ лежитъ не только наблюденіе за госпиталемъ и помощь больнымъ, но и контроль надъ свѣжестью припасовъ, выработка діэты, надзоръ за об-

щей гигіеной тюрьмы. Подъ вліяніемъ запросовъ главнаго управленія, онъ долженъ изучать физическое и психическое состояніе заключенныхъ. На немъ лежитъ выдѣленіе слабоумныхъ, эпилептиковъ, чахоточныхъ изъ общихъ камеръ въ особыя; освобожденіе физически слабыхъ отъ грубыхъ работъ, выдача свидѣтельствъ о „непригодности для тюремной дисциплины“ и пр. Достаточно просмотрѣть обстоятельные медицинско-санитарные отчеты о каждой тюрьмѣ, чтобы видѣть, какъ много работы должно быть выполнено врачомъ. Тюремный священникъ, принадлежащій къ англиканскому исповѣданію, участвуетъ въ еженедѣльномъ богослуженіи, произноситъ воскресную проповѣдь, преподаетъ въ школѣ, завѣдуетъ библіотекой, принимаетъ ближайшее участіе въ состоящемъ при тюрьмѣ обществѣ патроната. Важнѣе всего его индивидуальныя бесѣды съ заключенными въ кельяхъ; ему, конечно, больше, чѣмъ кому-либо другому, удается морально воздѣйствовать на преступниковъ. Кромѣ пастора англиканскаго исповѣданія, заключенныхъ посѣщаютъ духовныя лица ихъ вѣроисповѣданія—патеры, раввины и пр. Они уже не разсматриваются какъ должностныя лица тюрьмы, но, въ случаѣ желанія ихъ совершать богослуженія для своихъ единовѣрцевъ, администрація обязана отводить имъ для того помѣщенія въ тюрьмѣ. Въ большихъ лондонскихъ тюрьмахъ можно встрѣтить не только маленькія католическія церкви, но и синагоги. Оплачиваются эти духовныя лица изъ средствъ соотвѣтственныхъ религіозныхъ организацій.

Низшую ступень въ лѣстницѣ служащихъ занимаютъ надзиратели (warden). Типъ англійскаго тюремнаго надзирателя заслуживаетъ большого вниманія. Это человѣкъ, глубоко сознающій свой служебный долгъ. Онъ не имѣетъ непосредственной власти надъ заключеннымъ, но начальники внимательно прислушиваются къ его заявленіямъ. Каждая жалоба надзирателя на арестанта, или наоборотъ, разсматривается начальникомъ тюрьмы, и каждая сторона хорошо знаетъ необходимость тщательно доказать основательность жалобы. Администрація уже разсталась съ практикой выбирать надзирателей изъ числа бывшихъ военныхъ; имъ пред-

почитаются опытные констебли и лица, выдѣлившіяся своими качествами въ различныхъ областяхъ низшей гражданской службы. Выборъ ихъ принадлежитъ начальнику тюрьмы съ утвержденія главнаго управленія. Имѣется нѣсколько ранговъ надзирателей, но все же штатъ тюремныхъ работниковъ немногочисленъ. Экономическое положеніе ихъ въ общемъ вполнѣ удовлетворительно. Нѣкоторымъ недостаткомъ является отсутствіе спеціальной школы для тюремныхъ дѣятелей.

II.

Англійская система тюремнаго заключенія въ теоріи характеризуется какъ система прогрессивная, основанная на томъ, что заключенный послѣдовательно проходитъ нѣсколько стадій, каждая изъ которыхъ отличается особымъ видомъ режима. На самомъ дѣлѣ этотъ характеръ присущъ только болѣе тяжкому виду лишенія свободы,—каторжной тюрьмѣ. Сложился онъ чисто исторически. Въ началѣ XIX вѣка, когда прекратилась ссылка тяжкихъ преступниковъ въ Сѣв. Америку, правительство рѣшило положить въ основу пенсильванскую систему келейнаго заключенія. Въ 1816 г. была выстроена одиночная тюрьма-пенитенціарій Мильбанкъ, а въ 1842 г.—пенитенціарій Пентонвиль. Затѣмъ оказалась возможность высылать преступниковъ въ Австралію, гдѣ они были обращаемы на публичныя работы партіями и послѣ извѣстнаго срока условно увольняемы на работы частнымъ лицамъ. Это условное увольненіе послужило основаніемъ для развитія третьей стадіи—условнаго досрочнаго освобожденія. Съ прекращеніемъ ссылки въ Австралію въ 1857 г. возникла необходимость создать публичныя работы въ предѣлахъ самой Англіи, и отдѣльныя партіи отбывшихъ часть заключенія въ Мильбанкѣ или Пентонвилѣ каторжанъ были направляемы на югъ для постройки крѣпостей, портовъ и пр. Въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ возникали временныя тюрьмы, въ которыхъ примѣнялся самый разнообразный режимъ. Таково было возникновеніе каторжныхъ тюремъ въ Chatham, Portland, Portsmouth. Условное освобожденіе въ случаѣ хорошаго по-

веденія при этомъ было сохранено. Такъ, путемъ отдѣльныхъ перемѣнъ, образовалось три стадіи въ отбытіи наказанія каторгой: одиночное заключеніе, общія тяжкія работы и условное освобожденіе. Актъ о каторгѣ 1853 г. создалъ болѣе опредѣленныя правила относительно продолжительности пребыванія въ каждой стадіи. Рядомъ законовъ 1857, 1864 и 1891 г.г. система эта получила окончательное развитіе. Каторжанинъ долженъ былъ пробыть въ пенитенціаріи до 9 мѣсяцевъ; затѣмъ онъ направляется на публичныя работы, производящіяся совмѣстно, но съ разъединеніемъ на ночь въ спеціальныхъ каторжныхъ тюрьмахъ, и, наконецъ, по отбытіи $^3/_4$ наказанія для мужчинъ и $^2/_3$ для женщинъ, заключенный можетъ быть условно освобожденъ. Каторжныя работы назначаются на срокъ отъ 2 до 20 лѣтъ или пожизненно.

Стадія единочнаго заключенія никогда не пользовалась въ Англіи особымъ одобреніемъ. Для заключеннаго въ камерѣ трудно пріискать подходящую работу. Помѣщеніе у него въ камерѣ ручного колеса (crank), которое онъ долженъ былъ безъ цѣли вертѣть въ теченіе дня для физическаго упражненія, справедливо было признано ненужнымъ мучительствомъ и было отмѣнено въ 1898 г. Тюремная администрація извѣрилась въ успѣшности и пользѣ нравоучительныхъ бесѣдъ съ заключеннымъ въ одиночной камерѣ. Онѣ пригодны предъ освобожденіемъ заключеннаго, когда ему предстоитъ жизнь на свободѣ, а не при вступленіи въ тюрьму на многіе годы. Среди содержащихся въ одиночныхъ камерахъ процентъ самоубійствъ и сумасшествій былъ выше, чѣмъ въ камерахъ ночного разъединенія. Въ обществѣ стали распространяться преувеличенные слухи о терзаніяхъ лицъ, заключенныхъ въ одиночныя камеры. Сами пенитенціаріи, въ которыхъ одиночное заключеніе отбывается, пришли въ ветхость. Мильбанкъ пришлось совсѣмъ срыть. Поэтому, передъ постройкой новыхъ одиночныхъ тюремъ, правительство поставило на обсужденіе вопросъ о желательности сохраненія, вообще, келейнаго заключенія, какъ начальной стадіи каторжныхъ работъ. Въ 1904 г. по этому вопросу былъ составленъ проектъ (Penal Servitude bill), который, затѣмъ, былъ оставленъ безъ движенія

въ виду того, что правительство сочло возможнымъ сократить значительно сроки келейнаго заключенія на основаніи полномочій, данныхъ ему ст. 2 акта о тюрьмахъ 1898 г. Въ 1910 г., при обсужденіи въ палатѣ запроса о положеніи каторжанъ въ одиночныхъ камерахъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Черчиль заявилъ, что онъ предприметъ мѣры къ сокращенію продолжительности этихъ сроковъ. И дѣйствительно, въ апрѣлѣ 1911 г. имъ были изданы новыя правила, по которымъ срокъ начальнаго одиночнаго заключенія при каторгѣ не долженъ быть болѣе одного мѣсяца для заключенныхъ третьяго разряда, къ которому принадлежатъ рецидивисты-каторжане. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, по соображеніямъ административнаго и дисциплинарнаго свойства, а также по желанію самого заключеннаго, мѣсячный срокъ можетъ быть продолженъ, съ особаго разрѣшенія министра, но, во всякомъ случаѣ, не долѣе трехъ мѣсяцевъ. Начальное одиночное заключеніе можетъ быть всегда отмѣнено или сокращено по предписанію врача, если оно вредно отзывается на умственномъ и физическомъ состояніи заключеннаго. Этими правилами первоначальная стадія прогрессивной системы сводится къ простой мѣрѣ временнаго изолированія приговореннаго, важной для цѣлей изученія его характера и для приспособленія къ тюремной дисциплинѣ, и перестаетъ быть частью наказанія, имѣющей самостоятельное значеніе. Все отличіе этой стадіи отъ послѣдующей сводится къ тому, что заключенные работаютъ въ своей камерѣ, а не совмѣстно.

Главная часть наказанія какъ въ каторжныхъ, такъ и въ простыхъ тюрьмахъ теперь отбывается въ камерахъ ночного разъединенія и заканчивается условнымъ досрочнымъ освобожденіемъ. Центръ тяжести всей системы перепелъ съ различія *системъ содержанія* заключенныхъ на классификацію ихъ *по разрядамъ*. И въ этомъ отношеніи новая англійская система можетъ быть названа уже не столько системой прогрессивности, сколько *системой классификаціи*.

До послѣдняго времени всѣ заключенные въ англійскихъ тюрьмахъ раздѣлялись на два класса: звѣздный классъ (star class), куда помѣщались первичные преступники, и классъ

рецидивистовъ (recidivist class). Эта классификація не влекла никакого различія съ точки зрѣнія дисциплины, пищевого режима и привилегій. Она служила только предупредительной мѣрой. Дѣленіе это, основанное на внѣшнемъ признакѣ числа учиненныхъ преступленій, было довольно грубымъ. Между ясно выраженными категоріями первичныхъ преступниковъ и рецидивистовъ, несомнѣнно, имѣлась промежуточная масса лицъ, хотя уже и побывавшихъ въ тюрьмѣ, но далеко еще не безнадежныхъ. Старое дѣленіе поэтому въ 1903 г. было замѣнено новымъ тройнымъ дѣленіемъ. Въ этомъ дѣленіи наиболѣе привилегированное положеніе занимаетъ по прежнему „звѣздный классъ“, называемый такъ потому, что принадлежащіе къ нему заключенные имѣютъ на рукавѣ звѣзду. Въ этотъ классъ допускается каждый осужденный, который еще не подвергался ранѣе осужденію и не является ни привычнымъ преступникомъ ни лицомъ, ведущимъ развратный образъ жизни; если помѣщенный въ эту категорію оказываетъ дурное вліяніе на окружающихъ, онъ можетъ быть переведенъ въ промежуточный классъ. Въ этотъ послѣдній помѣщаются: а) всякій заключенный, еще не имѣющій предшествующихъ осужденій, но характеръ котораго таковъ, что тюремная администрація не считаетъ его подходящимъ для звѣзднаго класса; б) заключенный, имѣющій уже прошлую судимость, но не многократную, не тяжкую и не обличающую въ немъ особенно порочныхъ привычекъ. Наконецъ, идетъ третій классъ-редидивистовъ, куда попадаютъ рецидивисты въ тяжкихъ преступленіяхъ и лица, нарушавшія правила условнаго досрочнаго освобожденіы, по возвращеніи ихъ въ мѣсто заключенія. Лица, принадлежащія къ промежуточному классу, могутъ быть переводимы въ звѣздный въ случаѣ хорошаго поведенія. Напротивъ того, въ случаѣ дисциплинарныхъ провинностей, заключенные высшихъ классовъ могутъ быть переводимы въ низшіе. При распредѣленіи заключенныхъ по классамъ тюремное начальство должно руководиться свѣдѣніями, полученными изъ дѣла, отъ полиціи и чрезъ разспросы ближайшихъ родственниковъ осужденнаго.

Въ 1907 г. къ этимъ тремъ классамъ былъ присоединенъ

четвертый классъ взрослыхъ юношей (juvenile-adults), которые подвергаются особому воспитательному режиму и составляютъ предметъ особаго вниманія со стороны такъ наз. борстальскихъ комитетовъ.

Эта классификація позволяетъ обособлять въ тюрьмѣ (главнымъ образомъ во время работъ) испорченные элементы отъ неиспорченныхъ или малоиспорченныхъ и, такимъ образомъ, предупреждать развращеніе, ранѣе широко практиковавшееся въ общихъ тюрьмахъ [1]).

Въ каторжныхъ тюрьмахъ это дѣленіе по характеру заключенныхъ пересѣкается другимъ дѣленіемъ. Въ 1906 г. тюремное управленіе, въ цѣляхъ, облегченія тяжести каторжнаго режима для долгосрочныхъ, рѣшило ввести новую категорію „долгосрочныхъ“ (long sentence division), которые живутъ въ особомъ отдѣленіи и пользуются нѣкоторыми льготами. Затѣмъ въ 1908 г. было создано особое отдѣленіе для юныхъ преступниковъ-каторжанъ, подчиненныхъ борстальскому режиму. Такимъ образомъ, получилось здѣсь дѣленіе на три группы: группу обыкновенную, группу долгосрочныхъ и группу взрослыхъ юношей, каждая изъ которыхъ въ свою очередь распадается въ зависимости отъ характера заключенныхъ на три класса. По классамъ въ 1909 г. заключенные въ каторжныхъ тюрьмахъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) Дѣйствіе системы выдѣленія первичныхъ преступниковъ въ особый классъ можетъ быть изучено статистически. Въ мѣстныхъ тюрьмахъ эта система стала примѣняться въ 1897—98 г. За 13 лѣтъ дѣйствія ея (1897—1910) было освобождено 72,627 мужчинъ и 12,958 женщинъ, находившихся во время пребыванія въ тюрьмѣ въ звѣздномъ классѣ. Изъ нихъ вторично попали въ тюрьмы 6,721 мужчинъ (9,2%) и 1,864 женщинъ (14,4%). Въ каторжныхъ тюрьмахъ это обособленіе проведено съ 1879 г. Съ этого времени по 1910 г. было освобождено 3,921 каторжанъ-мужчинъ, находящихся въ звѣздномъ классѣ. Изъ нихъ только 56 (1,73%) вновь вернулись въ каторжныя тюрьмы. Изъ 170 освобожденныхъ женщинъ этого класса въ каторжную тюрьму вернулась по новому приговору только одна. При громадномъ процентѣ рецидивистовъ въ каторжныхъ тюрьмахъ, эти цифры могутъ быть названы весьма скромными. Ср. Report of Prison Commission, 1911, p. 22.

Приговоренные къ заключенію въ каторжной тюрьмѣ.

ПОЛЪ.	Обыкновенный разрядъ.			Разрядъ долгосрочный.			Разрядъ взросл. юношей.	
	Звѣздн. кл.	Промеж. кл.	Рецидив. кл.	Звѣздн. кл.	Промеж. кл.	Рецидив. кл.	Звѣздн. кл.	Промеж. кл.
Мужчинъ	355	522	2004	37	24	37	28	39
Женщинъ	22	16	78	3	1	2	—	—

Въ мѣстныхъ тюрьмахъ мы также встрѣчаемъ дальнѣйшее дѣленіе, но уже по иному принципу. Однѣ и тѣ же мѣстныя тюрьмы должны удовлетворять различнымъ назначеніямъ, которыя у насъ, напр., распредѣлены между арестомъ, крѣпостью, обыкновенной тюрьмой и, отчасти, исправительнымъ домомъ. При изданіи закона о тюрьмахъ 1898 г. было признано нужнымъ создать различные виды тюремнаго режима, болѣе суровые и болѣе снисходительные. Это и достигается дѣленіемъ *на разряды* (*divisions*). Въ отличіе отъ дѣленій на классы, помѣщеніе въ тотъ или иной разрядъ происходитъ не по усмотрѣнію тюремной администраціи, а по приговору суда. Мировые и коронные судьи, приговаривая виновнаго къ тюрьмѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣляютъ тотъ разрядъ режима, которому онъ долженъ быть подвергнутъ. Въ случаѣ необозначенія такого разряда, предполагается, что виновный приговоренъ къ третьему разряду. Всего установлено три разряда, но вслѣдствіе возможности присоединенія къ послѣднему тяжкаго труда (hard labour) создается, собственно, и четвертый разрядъ.

Приговоренные къ тюрьмѣ съ „тяжкимъ трудомъ“ образуютъ низшую ступень, испытывающую наиболѣе сильно тягости тюремной жизни. Они подвергаются наиболѣе суровой дисциплинѣ. Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль они спятъ на деревянной лавкѣ, безъ матраца. Въ теченіе первыхъ четырехъ недѣль они содержатся въ строгой изоляціи отъ дру-

гихъ заключенныхъ и заняты въ своихъ камерахъ такими неприятными работами, какъ щипанье пеньки изъ морскихъ канатовъ (oakum picking), шитье угольныхъ мѣшковъ или разбиванье щебня на открытомъ воздухѣ, въ небольшихъ загородкахъ. Въ теченіе дня имъ разрѣшается часовая прогулка въ небольшой загородкѣ. Они одѣты въ сѣрые костюмы, испещренные темными полосами. Ихъ пища въ теченіе первой недѣли состоитъ: изъ хлѣба, супа и картофеля, къ которому два раза въ недѣлю присоединяется сладкій пудингъ; послѣ первой недѣли имъ уже ежедневно дается мясо, пудингъ или супъ съ говядиной. „Тяжкій трудъ“ продолжается только первый мѣсяцъ, послѣ чего заключенные переходятъ въ третій разрядъ, подчиняясь всѣмъ существующимъ здѣсь правиламъ. Назначается эта мѣра судьями обыкновенно въ случаѣ проявленной преступникомъ жестокости при совершеніи преступленія или въ случаѣ его бравированія предъ закономъ. Въ сущности, эти суровости являются ненужнымъ придаткомъ, и можемъ сказать на основаніи бесѣды со многими начальниками тюремъ что тяжесть его зависитъ болѣе отъ выносливости организма, чѣмъ отъ объективныхъ условій.

„Третій разрядъ“ является обычнымъ режимомъ, который назначается для приговоренныхъ. Около 95% всѣхъ осужденныхъ находятся въ немъ. Это происходитъ не столько отъ признанія особыхъ его достоинствъ, сколько вслѣдствіе извѣстной беззаботности судей, которые обыкновенно не даютъ себѣ труда болѣе внимательно изслѣдовать то, къ какому разряду слѣдовало бы приговорить виновнаго, а слѣдуютъ традиціонной привычкѣ.

Въ этомъ разрядѣ заключенный тоже подвергается въ началѣ нѣкоторымъ ограниченіямъ, которыя напоминаютъ „тяжкій трудъ“. Но въ отличіе отъ вышеприведенной категоріи, онъ получаетъ сразу матрацъ и не подлежитъ содержанію въ одиночныхъ кельяхъ. Діета его прогрессируетъ. Въ тюремной жизни различаются три діеты: A, B, C. При діетѣ A заключенный утромъ получаетъ хлѣбъ и овсянку (porridge), къ обѣду—хлѣбъ и супъ, иногда еще картофель или пудингъ; къ ужину—хлѣбъ и овсянку. Эта діета дается

въ теченіе первой недѣли. Затѣмъ заключенный переходитъ на діету В. Она включаетъ уже хлѣбъ съ супомъ къ завтраку и ужину, а къ обѣду ежедневно присоединяется мясо, свинина или бобы. На этой діетѣ заключенный сидитъ четыре мѣсяца. Наконецъ, онъ переходитъ на діету С, которая продолжается до конца заключенія. При этой діетѣ ежедневно къ обѣду дается мясо съ картофелемъ и къ ужину какао вмѣсто супа. Заключенные обѣдаютъ въ своихъ камерахъ, и надъ дверью каждой камеры виситъ бѣлая, синяя или красная табличка, означающая ту діету, которая полагается заключенному. Заключенные періодически взвѣшиваются и при утратѣ вѣса или силы, по предписанію врача, можетъ быть назначена спеціальная діета.

Дисциплина поддерживается строго, но разумно. Требованіе молчанія во время работъ до сихъ поръ сохраняется, но на практикѣ допускается тихій короткій разговоръ на темы, касающіяся работы. Особой рѣзкости и понужденія со стороны надзирателей незамѣтно, такъ какъ, благодаря системѣ марокъ и отличій, сами заключенные заинтересованы въ томъ, чтобы не навлечь замѣчаній и производительно работать.

День заключеннаго начинается въ 5. 30. До 6-ти онъ долженъ умыться, одѣться и убрать начисто свою камеру. Въ 6 часовъ надзиратель входитъ къ нему, провѣряетъ, какъ убрана камера, и спрашиваетъ, нѣтъ ли у него просьбы къ начальнику или другому должностному лицу тюрьмы. Каждый заключенный можетъ видѣть или просить письменно начальника, врача, священника тюрьмы или члена комитета посѣтителей. Въ 6. 10 начинается работа, которая продолжается до 7. 10. Въ это время заключенные идутъ завтракать. Въ 8 часовъ они уже слушаютъ въ церкви краткую молитву, и въ 8. 30 работа возобновляется, продолжаясь на этотъ разъ до полудня. Въ полдень—обѣдъ, послѣ котораго заключенные имѣютъ отдыхъ до 1. 30, когда работа возобновляется до 5 часовъ. Въ 5.30—ужинъ, послѣ котораго до 8 часовъ вечера заключенные остаются въ своей камерѣ, занимаясь писаніемъ, чтеніемъ или отдыхая. Тѣмъ, которые заслужили

опредѣленное количество марокъ, разрѣшается имѣть свѣтъ до 8. 30 вечера. Таковъ обычный день каждаго заключеннаго. Для тѣхъ, которые посѣщаютъ тюремную школу, утромъ или послѣ полудня работа на одинъ или на два часа замѣняется школьными занятіями.

Дисциплина эта не является въ общемъ суровой. Но любопытно отмѣтить, что чѣмъ дольше заключенный находится въ тюрьмѣ, тѣмъ болѣе строгости тюремной жизни ослабляются. Значительный процентъ осужденныхъ (около 93% мужчинъ и 97% женщинъ) приговаривается на сроки до одного мѣсяца. Имъ приходится познать тюрьму съ самой непріятной стороны, испытавъ всѣ стѣсненія, установленныя для новыхъ пришельцевъ. И они выносятъ впечатлѣніе, что тюрьма далеко не является мѣстомъ пріятнаго отдыха,—впечатлѣніе, которое пропадаетъ, однако, у людей, просидѣвшихъ въ тюрьмѣ болѣе долгое время.

„Второй разрядъ“ является нѣсколько болѣе привилегированнымъ. Въ циркулярѣ министра отъ 31 декабря 1906 г. слѣдующимъ образомъ намѣчается тотъ кругъ лицъ, который былъ бы пригоденъ для помѣщенія въ этотъ разрядъ: „Каждый разъ, какъ судъ признаетъ, что осужденный не принадлежитъ къ преступному классу или не имѣетъ порочныхъ привычекъ, онъ поступилъ бы соотвѣтственно, направивъ этого осужденнаго во второй разрядъ“. Заключенные этого разряда носятъ темно-коричневую одежду. пользуются діетой С, могутъ имѣть визиты друзей и родныхъ послѣ первыхъ четырехъ недѣль, не обязаны стричь волосы. Работаютъ они совмѣстно съ лицами своего разряда. Во второй классъ спеціально направляются лица, приговоренныя къ уплатѣ денежной пени и не могущія внести ее. Но, къ сожалѣнію, вслѣдствіе недостаточной внимательности судей, лица пригодныя для этой категоріи, слишкомъ часто попадаютъ въ третій разрядъ.

Наконецъ, „первый разрядъ“ включаетъ аристократію тюрьмы, лицъ, приговоренныхъ къ тюрьмѣ за оскорбленіе суда, политическія преступленія, преступленія печати, нарушеніе актовъ объ оспопрививаніи, участіе въ суффражистскихъ выходкахъ и пр. Сюда могутъ быть направляемы и подслѣд-

ственные. Заключенные этого разряда пользуются многими привилегіями. Имъ дозволяется носить свое платье, не стричь волосъ, умываться въ камерѣ; они могутъ украшать свою камеру мебелью и картинами, приносимыми извнѣ; нанимать за плату другихъ лицъ для уборки своей камеры. Они могутъ на свои деньги пріобрѣтать пищу. Работу они избираютъ по своему желанію. Свиданія съ близкими имъ разрѣшаются не чаще одного раза въ двѣ недѣли. Между отдѣльными заключенными допускается общеніе, не мѣшающее, однако, дисциплинѣ. Нѣсколько въ особомъ положеніи находятся несостоятельные должники (debtors), которые пользуются большинствомъ привилегій перваго разряда, но обязаны сами чистить камеру, ѣсть тюремную пищу и исполнять назначенную имъ работу. Лица, принадлежащія къ первому и второму разряду, не именуются преступниками (criminal). Они только „заключенные“, хотя и осужденные судами. Законъ требуетъ полной изоляціи третьяго разряда отъ остальныхъ; но второй и первый разряды могутъ быть соединяемы.

Распредѣленіе по разрядамъ имѣетъ, какъ можно заключить изъ приведеннаго, весьма существенное значеніе. Но, къ сожалѣнію, судьи недостаточно часто пользуются своимъ правомъ выдѣлять во второй и первый разрядъ заключенныхъ, не проявившихъ испорченности. Статистическія свѣдѣнія даютъ намъ слѣдующую картину.

ГОДЪ.	Общее число приговоренныхъ къ тюрьмѣ.	Въ первомъ разрядѣ	Во второмъ разрядѣ.
Конч. 1 апр. 1900 [1])	153.460	32	2.070
„ 1901	148.600	16	2.113
„ 1902	166.996	22	1.987
„ 1903	176.557	26	2.179
„ 1904	189.888	56	2.163
„ 1905	197.941	46	2.256
„ 1906	195.056	32	2.455
„ 1907	178.343	160	2.361

[1]) Отчетный тюремный годъ въ Англіи считается съ 1 апрѣля по 31 марта слѣдующаго года.

Конч. 1 апр.	1908	176.602	43	2.241
„	1909	184.901	55	2.203
„	1910	179.961	52	1.475

Тюремное управленіе, послѣ долгой борьбы путемъ циркуляровъ, рѣшилось на болѣе радикальную мѣру. Министръ Черчиль, отвѣчая 15 марта 1910 г. на запросъ въ Палатѣ Общинъ, заявилъ: „Я сознаю, какъ и мой предшественникъ, что тюремныя правила, предназначенныя для лицъ, виновныхъ въ безчестныхъ, жестокихъ или нравственно-постыдныхъ преступленіяхъ, не должны быть примѣняемы неуклонно къ тѣмъ лицамъ, характеръ которыхъ является хорошимъ и дѣянія которыхъ, можетъ быть, предосудительны, но не безчестны. Я предполагаю поэтому предоставить главному тюремному управленію, съ утвержденія министра, право смягчать въ такихъ случаяхъ условія тюремнаго режима, имѣющія унижающій характеръ, и для приведенія этого намѣренія въ исполненіе, я кладу на столъ Палаты слѣдующее правило, которое получитъ при вашемъ согласіи силу закона:

„Въ случаѣ, если какой-либо преступникъ второго или третьяго разряда, характеръ котораго до осужденія былъ хорошъ, приговоренъ къ тюрьмѣ за дѣяніе, не свидѣтельствующее о безчестности, жестокости, испорченности или серьезной насильственности, то министру предоставляется разрѣшать ему такія льготы въ отношеніи одежды, чистоты, стрижки волосъ, чистки камеры, работы, прогулки, чтенія книгъ и пр., какія онъ признаетъ нужными, но подъ условіемъ, чтобы эти льготы не были больше тѣхъ, которыя предоставлены правилами заключеннымъ перваго разряда“. Это правило, вступившее вскорѣ послѣ того въ силу, было непосредственно вызвано жалобами суффражистокъ, но несомнѣнно, что оно имѣетъ въ виду болѣе широкую задачу. Здѣсь тюремной власти предоставляется возможность восполнять судейское усмотрѣніе въ отношеніи установленія привилегированнаго режима для отдѣльныхъ лицъ.

III.

Система классификаціи, подробно разработанная за послѣднее время, дополняется разумно поставленной системой наградъ и дисциплинарныхъ взысканій. Заключенный стараго времени долженъ былъ проводить свое время въ полной праздности, отъ него не требовалось ничего, кромѣ слѣпого выполненія нѣкоторыхъ правилъ дисциплины; „хорошее поведеніе“ отождествлялось съ такимъ поведеніемъ, которое наименѣе тревожило начальство. Въ современной тюрьмѣ отъ него уже требуется проявленіе активнаго поведенія въ нѣсколькихъ направленіяхъ: онъ долженъ ревностно выполнять работы, проявлять успѣхи въ наукахъ, оправдывать оказываемое ему довѣріе и пр. Системой, стимулирующей заключеннаго для этой цѣли, является система наградъ и привилегій, извѣстная подъ именемъ „марочной системы“ или, правильнѣе, „системы отмѣтокъ“. Каждый заключенный—гласитъ правило англійскихъ тюремъ—будетъ имѣть возможность зарабатывать въ каждый будничный день восемь, семь или шесть марокъ, въ зависимости отъ степени своего прилежанія. Въ воскресенье ему предоставляется столько марокъ, сколько онъ заработалъ въ среднемъ въ теченіе недѣли“. Лишь во время отбытія наложеннаго на него наказанія въ дисциплинарной камерѣ онъ не получаетъ марокъ совсѣмъ. Ежедневное назначеніе марокъ происходитъ чрезъ надзирателя и смотрителя за работами, которые дѣйствуютъ по соглашенію. Усмотрѣніе ихъ не велико, такъ какъ они могутъ присудить только одну изъ трехъ цифръ: 6, 7 или 8. Но если заключенный считаетъ, что и въ этихъ предѣлахъ къ нему проявлена несправедливость, онъ можетъ обратиться съ жалобой къ начальнику тюрьмы. Начальникъ строго смотритъ за тѣмъ, чтобы не было фаворитизма. Количество полученныхъ марокъ, правильнѣе, отмѣтокъ, отмѣчается на особой табличкѣ. Для каждаго заключеннаго ведется особая табличка, одинъ экземпляръ которой имѣется у тюремной администраціи, другой—у него въ камерѣ. Отъ количества марокъ зависятъ льготы, предоставляемыя каждому. Всего заключенный проходитъ че-

резъ четыре стадіи, причемъ время перехода изъ одной въ другую опредѣляется числомъ полученныхъ марокъ. Первая стадія продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не соберетъ 224 марки, что можетъ быть достигнуто въ 28 дней при хорошемъ прилежаніи и въ 37 дней при минимальномъ количествѣ ежедневныхъ марокъ. Въ это время онъ не пользуется ни привилегіями, ни денежными наградами за трудъ. Перейдя во второй разрядъ, онъ получаетъ 1 пенни (4 коп.) за каждыя 20 марокъ, если онъ въ тюрьмѣ остается на время, болѣе краткое, чѣмъ общая продолжительность этого періода, или же—1 шиллингъ (48 коп.) за каждые 28 дней, если онъ остается полный срокъ. Пробывъ въ этомъ разрядѣ въ лучшемъ случаѣ мѣсяцъ, онъ переводится въ третью стадію и здѣсь на ряду съ другими привилегіями получаетъ 1 пенни за каждыя 12 марокъ или 1 шилл. 6 пенсовъ (72 коп.) за каждые 28 дней. Черезъ мѣсяцъ онъ можетъ перейти въ четвертый разрядъ, гдѣ получаетъ 2 шиллинга за каждыя 224 марки. Находящійся въ этомъ разрядѣ получаетъ лишнюю книгу для чтенія каждую недѣлю, онъ можетъ заниматься въ школѣ, если того требуетъ его образованіе, можетъ претендовать на болѣе пріятную работу, чѣмъ заключенные прочихъ классовъ, можетъ каждыя двѣ недѣли писать и получать письма, имѣть получасовое свиданіе съ родными или друзьями и пр. Эта система небольшихъ, но постоянныхъ поощреній лучше всего способствуетъ улучшенію поведенія заключенныхъ. Попавъ въ лучшій разрядъ, заключенный уже заинтересованъ оставаться въ немъ, ибо если онъ начинаетъ получать меньшее количество марокъ, то возможно возвращеніе его обратно въ низшій разрядъ. Марочная система дѣйствуетъ въ каждомъ разрядѣ и въ каждомъ классѣ и является универсальнымъ дисциплинарнымъ средствомъ.

При этой системѣ дисциплинарныя взысканія играютъ очень скромную роль. Наиболѣе частымъ и дѣйствительнымъ наказаніемъ является вычетъ извѣстнаго числа марокъ и переводъ въ низшій разрядъ, сопровождающійся потерей нѣкоторыхъ привилегій; затѣмъ идутъ ограниченія въ діетѣ (переводъ на хлѣбъ и воду на срокъ до 3 дней—dietary punish-

ment) и одиночное заключеніе въ обычной камерѣ съ работами въ самой камерѣ на срокъ не болѣе мѣсяца. Англійскія тюрьмы не знаютъ карцера въ собственномъ смыслѣ. Онъ запрещенъ ст. 7 закона 1898 г. Для непокорныхъ и буйныхъ арестантовъ имѣются лишь особыя камеры, выложенныя матрацами, куда они помѣщаются до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ припадокъ. Если они проявляютъ склонность къ насильственнымъ дѣйствіямъ или систематически покушаются на побѣги, то, съ разрѣшенія комитета посѣтителей, на нихъ могутъ быть наложены оковы. Обѣ эти мѣры разсматриваются не какъ дисциплинарныя взысканія, а какъ мѣры сдержки (restraint).

Съ особой тщательностью регламентируется примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, выполняемыхъ трехвостной плетью. Это наказаніе назначается по ст. 5 закона 1898 г. только въ случаѣ возмущенія (mutiny) или подстрекательства къ возмущенію со стороны арестантовъ, а также въ случаѣ тяжкаго личнаго насильственнаго оскорбленія, нанесеннаго тюремному чиновнику. Но при этомъ тѣлесное наказаніе не можетъ быть примѣнено къ каторжанамъ, которые подлежатъ въ такихъ случаяхъ вѣдомству общихъ судовъ, а также въ томъ случаѣ, когда назначенное судомъ за это дѣяніе наказаніе уже отбыто. Назначенное тѣлесное наказаніе можетъ быть налагаемо не иначе, какъ по опредѣленію комитета посѣтителей. Женщины изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній.

Слѣдующая таблица показываетъ, какъ часто подвергаются дисциплинарнымъ наказаніямъ (всѣхъ видовъ) заключенные англійскихъ тюремъ:

Годъ.	Общее число подверг. дисц. наказ.	Процентъ ко всему числу заключенныхъ.
1900—1	16,195	7,7
1901—2	17,704	7,6
1902—3	16,646	6,8
1903—4	21,252	10,3
1904—5	27,954	8,9
1906—7	24,357	7,6
1907—8	19,088	8,1

1908—9	20,112	8,3
1909—10	21,478	7,6

Тѣлеснымъ наказаніямъ въ теченіе 1909—10 г.г. въ каторжныхъ и общихъ тюрьмахъ было подвергнуто 31 чел., о каждомъ изъ этихъ лицъ и объ учиненныхъ ими проступкахъ отчетъ содержитъ подробныя свѣдѣнія.

Отдѣльныя дѣянія, послужившія основаніемъ къ назначенію дисциплинарныхъ взысканій, таковы: насиліе (1014 м. и 105 ж.), покушеніе на побѣги (11 м.), лѣность (14,000 м., 79 ж.), нарушеніе тюремныхъ правилъ (15,816 м. и 1,102 ж.). Общее число наказанныхъ было 19,263 м. и 1,092 ж. (на 211,669 м. и 45,164 ж. заключенныхъ). Отдѣльныя дисциплинарныя мѣры были примѣнены въ слѣдующемъ числѣ случаевъ: наложеніе оковъ—331 м. и 52 ж., помѣщеніе въ спеціальныя камеры для буйствующихъ—221 м. и 168 ж., тѣлесныя наказанія—31 м.; помѣщеніе въ отдѣльныя камеры—23,166 м. и 967 ж.; ограниченіе въ діэтѣ—23,169 м. и 754 ж.; вычетъ и потеря привилегій—14,724 м. и 386 ж.

При всей значительности этихъ цифръ, взятыхъ въ ихъ абсолютномъ значеніи, мы должны принять во вниманіе, что всѣ эти мѣры примѣнялись только къ 7,6% всѣхъ заключенныхъ, т. е. для громаднаго большинства заключенныхъ достаточно было системы наградъ, чтобы держать ихъ въ строгихъ рамкахъ тюремной дисциплины.

Изобиліе отдѣльныхъ классовъ, разрядовъ, категорій, пользующихся различными привилегіями среди заключенныхъ, можетъ естественно вызвать вопросъ о томъ, какъ надзиратели справляются съ столь разнородными группами, и не вызываетъ ли это затрудненій съ административной точки зрѣнія. На это, однако, слѣдуетъ дать отрицательный отвѣтъ. Опредѣленіе класса, разряда, категоріи производится легко посредствомъ карточекъ, буквъ, знаковъ и пр., вывѣшенныхъ снаружи каждой камеры. Подойдя къ ней, вы сразу можете замѣтить, въ какомъ классѣ находится заключенный (классы, кромѣ того, часто распредѣлены по отдѣльнымъ корпусамъ или частямъ тюрьмы), какая діэта положена ему, въ какой стадіи прогрессивной системы онъ состоитъ, когда подвергался

дисциплинарнымъ взысканіямъ и пр. Различіе по цвѣту одежды облегчаетъ обособленіе классовъ во время работъ. Каждый заключенный извѣстенъ только по номеру своей камеры, и, такъ какъ одиночное размѣщеніе заключенныхъ проводится во всѣхъ тюрьмахъ совершенно неуклонно (намъ ни разу не приходилось наблюдать отступленій отъ него), то внѣшняя систематика не представляетъ затрудненій. Осуществленіе разнороднаго режима, конечно, требуетъ большого вниманія отъ надзирателей, но благодаря прекрасно поставленному раздѣленію труда и сравнительно высокимъ личнымъ качествамъ надзирателей, оно не вызываетъ никакихъ осложненій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно способствуетъ сильному ослабленію казарменнаго духа, царящаго обыкновенно въ большихъ тюрьмахъ.

IV.

Нѣсколько въ особомъ положеніи находятся въ тюрьмахъ женщины. Здѣсь уже почти отсутствуетъ со стороны тюремной администраціи страхъ предъ возмущеніями и насильственными дѣйствіями со стороны заключенныхъ, и потому атмосфера женскихъ тюремъ является болѣе мирной и покоящейся на довѣріи.

Преимущества слабаго пола проявляются въ нѣсколькихъ отношеніяхъ. Женщина никогда не спитъ на голыхъ доскахъ, а съ самаго поступленія въ тюрьму пользуется матрацомъ. Хотя по числу часовъ работы она сравнена съ мужчиной, но работа ея легче; это работа въ кухнѣ, въ прачешной, за швейной машиной. Такія работы, какъ щипанье пеньки, не говоря о болѣе грубыхъ, не могутъ быть возлагаемы на женщинъ. Небольшое отдѣленіе для женщинъ при большихъ тюрьмахъ обслуживаетъ обыкновенно всю тюрьму въ отношеніи шитья бѣлья, стирки и пр. Женщины изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній. Обыкновенными взысканіями по отношенію къ нимъ служатъ лишеніе выспаго вида діэты на три дня, краткая изоляція или лишеніе льготъ. Къ послѣднему женщины всегда болѣе чувствительны, чѣмъ мужчины, такъ какъ свиданія,

посылка писемъ, небольшой разговоръ между собою для нихъ всегда составляютъ особое удовольствіе. Женщина пользуется привилегіей и въ смыслѣ возможности болѣе скораго освобожденія. Въ то время, какъ мужчина можетъ быть освобождаемъ по отбытіи не менѣе $^3/_4$ наказанія, женщина должна отбыть всего $^2/_3$ срока. Всѣ заключенныя носятъ одинаковое темнаго цвѣта платье и бѣлый чепецъ въ качествѣ головного убора. Характерно, что во время посѣщенія мужчинами женскихъ тюремъ, начальница предписываетъ всѣмъ заключеннымъ оборачиваться къ посѣтителямъ спинами или смотрѣть внизъ. Въ пищѣ, прогулкахъ и устройствѣ камеры женщины сравнены съ мужчинами. Впрочемъ, имѣются легкія отклоненія: вмѣсто твердаго стула имъ въ камеру полагается небольшое кресло; кромѣ матраца дается имъ еще шерстяная подстилка; имъ разрѣшается украшать камеру портретами родныхъ и иллюстрированными открытками. Особыя льготы предоставляются женщинамъ, имѣющимъ маленькихъ дѣтей. Въ теченіе дня, когда матери заняты работой, дѣти помѣщаются въ общей камерѣ—crêche; черезъ опредѣленные промежутки матери дается четверть часа для кормленія ребенка и отдыха съ нимъ.

Женскія тюрьмы отличаются обыкновенно крайней чистоплотностью и сравнительной благоустроенностью вслѣдствіе немногочисленности ихъ обитательницъ. Въ 1909—10 г.г. при средне-суточномъ составѣ заключенныхъ въ мѣстныхъ тюрьмахъ въ 18,923 человѣкъ, женщинъ было 2,672; изъ 2,795 лицъ, отбывавшихъ каторгу, женщинъ было всего 131. Громадное большинство приговоренныхъ въ мѣстныхъ тюрьмахъ отбываетъ краткосрочное заключеніе. На годъ и болѣе было приговорено всего 0,14%. Къ сожалѣнію, большинство сидящихъ въ тюрьмахъ женщинъ представляетъ собою типы безнадежные въ смыслѣ исправленія. Статистика показываетъ, что рецидивъ мелкихъ преступленій среди женщинъ сильнѣе, чѣмъ среди мужчинъ. Такъ, въ мѣстныхъ тюрьмахъ въ 1909—10 г.г. онъ выразился въ 77,1% для женщинъ и 57,3% для мужчинъ; въ каторжныхъ въ 72,5% для женщинъ и 88,4% для мужчинъ. Попытки благотворительныхъ обществъ обезпечить воз-

вращеніе побывавшихъ въ тюрьмахъ женщинъ на путь честной жизни остаются мало успѣшными.

За послѣдніе годы условія содержанія въ женскихъ тюрьмахъ стали предметомъ общественнаго вниманія благодаря агитаціи суффражистокъ, которымъ пришлось отбыть не мало недѣль и мѣсяцевъ за ихъ эксцессы и испытать на себѣ условія тюремнаго режима. Въ началѣ 1911 года онѣ выпустили даже цѣлую брошюру съ указаніемъ необходимыхъ реформъ въ области тюремнаго дѣла. Въ значительной степени подъ вліяніемъ ихъ агитаціи, поддержанной общественнымъ мнѣніемъ, министръ провелъ правило о допустимости смягченія условій тюремнаго режима въ административномъ порядкѣ.

V.

Особо слѣдуетъ сказать о тѣхъ заботахъ, которыя проявляются въ англійскихъ тюрьмахъ по отношенію къ умственному развитію заключенныхъ. Въ странѣ, введшей у себя обязательное обученіе съ 1876 г. и имѣющей прекрасно поставленныя начальныя школы, потребность въ тюремной школѣ значительно ослаблена. Процентъ неграмотныхъ или полуграмотныхъ, нуждающихся въ дополнительномъ элементарномъ образованіи, очень невеликъ. Изъ числа 180,345 арестантовъ, отбывавшихъ наказаніе въ мѣстныхъ тюрьмахъ, число такихъ, которые нуждались въ дополнительномъ элементарномъ образованіи, было 10,087. Изъ нихъ 1,292 было неграмотныхъ, образованіе 2,791 соотвѣтствовало первому классу, 3,496—второму, 2,045—третьему и 463—четвертому. Изъ числа 1,196 каторжанъ неграмотныхъ было всего 17, а всѣхъ нуждающихся въ дополнительномъ образованіи 109. Данныя о прогрессѣ обученія этихъ лицъ показываютъ успѣхъ тюремнаго образованія. Изъ 10,087 обучавшихся въ школѣ заключенныхъ, 8,210 перешли въ слѣдующіе классы.

Тюремная школа не имѣетъ особаго курса. Государство не считаетъ возможнымъ ставить заключенныхъ здѣсь въ болѣе привилегированное положеніе и преподаваніе ведется въ объемѣ общихъ начальныхъ школъ. Въ нѣсколько большемъ объемѣ

теперь введено преподаваніе для взрослыхъ юношей (juvenile adults), подчиненныхъ особому режиму. Успѣхи заключенныхъ здѣсь повѣряются путемъ экзаменовъ и тюремные инспектора ежегодно сообщаютъ въ главное управленіе о результатахъ экзаменовъ и объ общихъ успѣхахъ преподаванія.

Большинство заключенныхъ школы не посѣщаетъ, ихъ образованіе пополняется раціонально поставленнымъ общимъ чтеніемъ и особыми лекціями. На нихъ я позволю себѣ остановиться подробнѣе.

Въ настоящее время, когда чтеніе въ тюрьмахъ стало однимъ изъ мощныхъ средствъ моральнаго воздѣйствія, особое вниманіе обращается на правильную постановку тюремныхъ библіотекъ. Существующія на этотъ предметъ въ Англіи правила заслуживаютъ особаго вниманія. Впервые актъ 1865 г. указалъ, „что ни одна книга или печатное произведеніе не могутъ быть допускаемы въ тюрьму, иначе, какъ съ разрѣшенія ревизующихъ судей“ и, такъ какъ эти судьи были порою весьма консервативны, то въ тюрьмахъ находились часто только однѣ религіозныя книги. Въ 1877 г., съ переходомъ тюремъ въ вѣдомство центральнаго тюремнаго совѣта, было постановлено, что „каждая тюрьма должна имѣть библіотеку, состоящую изъ книгъ, списокъ которыхъ время отъ времени будетъ утверждаться начальникомъ тюремнаго управленія“. На основаніи этого, главнымъ управленіемъ въ 1891 г. былъ изданъ каталогъ допущенныхъ къ чтенію книгъ, который былъ переизданъ въ 1894 г. Эта система, однако, вышла изъ употребленія и съ 1899 г. замѣнена была подробными правилами, изданными министромъ на основаніи Prison act, 1898 г. Существующая въ настоящее время постановка библіотечнаго дѣла въ тюрьмахъ такова. Каждая тюремная библіотека находится въ вѣдѣніи тюремнаго священника и состоитъ подъ общимъ надзоромъ главнаго священника тюремъ (chaplain inspector of the prisons). Ежегодно въ опредѣленное время тюремный священникъ составляетъ списокъ книгъ, которыя онъ считаетъ желательнымъ пріобрѣсти, и направляетъ его начальнику тюрьмы и комитету посѣтителей. При составленіи этого списка священникъ совѣтуется съ руководителями тю-

ремной школы и католическимъ патеромъ. Черезъ главнаго священника тюремъ списки посылаются на утвержденіе тюремнаго управленія. Книги, выдаваемыя заключеннымъ, раздѣляются, на пять классовъ: 1) книги религіознаго содержанія, 2) школьныя пособія, 3) нравоучительныя книги, 4) книги для свѣтскаго образованія и 5) „книги для чтенія“ (library books). Къ первой категоріи относятся: Библія, молитвенникъ и книга гимновъ; онѣ составляютъ часть обстановки каждой камеры и остаются здѣсь въ теченіе всего времени. Въ категорію школьныхъ пособій входятъ книги по англійской исторіи, грамматикѣ, ариѳметикѣ и правильному произношенію. Эти книги выдаются учителями тѣмъ, которые занимаются въ школѣ. Книги нравоучительныя разнятся въ зависимости отъ вѣроисповѣданія заключеннаго; для лицъ англиканскаго исповѣданія имѣются—„Тѣсный путь“ или „Спутникъ“, для католиковъ—„Подумай надъ этимъ“ или „Катехизисъ бѣдняка“ и пр.; общею для всѣхъ заключенныхъ является книга „Какъ устроить здоровый домъ“, замѣняемая для юношей книгою „О лжи“. Книги этого рода, обыкновенно пожертвованныя религіозными организаціями, имѣются въ каждой камерѣ въ теченіе всего времени заключенія и составляютъ также какъ бы принадлежность камеры. Книги для свѣтскаго образованія обнимаютъ собою всякаго рода практическія руководства въ области ремеселъ, прикладныхъ и теоретическихъ наукъ, самоучители языковъ и пр. Эти книги выдаются заключенному въ теченіе всего времени заключенія (кромѣ времени, когда онъ подвергнутъ дисциплинарному взысканію) и онъ можетъ мѣнять ихъ по мѣрѣ надобности. Въ особомъ положеніи находится лишь послѣдняя категорія „книгъ для чтенія“, охватывающая романы, разсказы, стихотворенія, журналы, историческія повѣсти и пр. Книги этой категоріи разсматриваются какъ развлеченіе, и пользованіе этой категоріей книгъ является льготой, получаемой постепенно, въ зависимости отъ хорошаго поведенія. Каждый заключенный въ теченіе первыхъ четырехъ недѣль по поступленіи въ тюрьму не можетъ получать книгъ этой категоріи. Затѣмъ въ зависимости отъ поведенія, ему выдается одна, а позднѣе и двѣ

книги этого отдѣла въ недѣлю. Большинство краткосрочныхъ заключенныхъ не могутъ пользоваться этими книгами. Газеты и журналы (текущіе номера) выдаются только подслѣдственнымъ и отбывающимъ заключеніе въ первомъ разрядѣ. Распредѣленіе книгъ производится еженедѣльно священникомъ и учителями, при чемъ принимаются во вниманіе желанія заключенныхъ. Для этой цѣли въ каждомъ отдѣленіи тюрьмы обыкновенно имѣется копія каталога, передаваемая заключенному, который на особомъ листѣ отмѣчаетъ просимыя книги. Въ теченіе дня заключенный въ каторжной тюрьмѣ имѣетъ около трехъ, а въ общей—около двухъ часовъ для чтенія (вечеромъ отъ 6 до 8 час.); въ воскресеніе число такихъ часовъ увеличивается до шести. Число книгъ, имѣющихся въ тюремной библіотекѣ, опредѣляется пропорціонально среднему суточному составу заключенныхъ. Въ отдѣльныхъ тюрьмахъ оно доходитъ до 2—3.000 и рѣдко падаетъ ниже нѣсколькихъ сотъ. Для пріобрѣтенія книгъ правительство выдаетъ ежегодно по 60 коп. на каждаго заключеннаго среднесуточнаго состава. Средняя стоимость каждой изъ пріобрѣтенныхъ книгъ не можетъ превышать 1 р. 20 к. Книги выписываются чрезъ правительственныхъ книгопродавцевъ (stationers). Заключенные могутъ получать также книги со стороны, но исключительно относящіяся къ категоріи книгъ „для свѣтскаго обученія“; при освобожденіи эти книги удерживаются тюремной библіотекой, если только онѣ не имѣютъ индивидуальной цѣнности для освобождаемаго или представляютъ интересъ для библіотеки. Пришедшія въ негодность книги уничтожаются по распоряженію коммисій посѣтителей.

Эта система недавно подверглась пересмотру со стороны особой коммисіи главнаго тюремнаго управленія, которая въ своемъ отчетѣ [1]) рекомендуетъ нѣкоторыя улучшенія. Она проектируетъ нѣсколько болѣе энергичный контроль надъ „книгами для чтенія“. Тюремное управленіе должно составить списокъ тѣхъ, которыя допустимы, исключивъ книги не-

---

[1]) Prison libraries. Report of the departmental committee on the supply of books to the prisoners in H. M. prisons and to the inmates of Borstal Institutions. London. Stationary Office. 1911.

здороваго и возбуждающаго характера; наоборотъ, должны быть внесены въ болѣе широкой мѣрѣ біографіи, описанія путешествій, историческія книги, нетрудныя философскія работы; коммисія высказывается за допущеніе въ большей степени политическихъ журналовъ, рекомендуя вообще сокращеніе журналовъ легкаго жанра; для заключенныхъ спеціальнаго разряда въ борстальскихъ учрежденіяхъ допустимы и газеты. Съ особой тщательностью коммисія останавливается на книгахъ для свѣтскаго образованія, которыя она переименовываетъ въ „воспитательныя книги“. Списокъ такихъ книгъ долженъ быть напечатанъ и вручаться каждому заключенному въ постоянное распоряженіе. Священникъ и учителя должны поощрять къ чтенію такихъ книгъ. Число выдаваемыхъ книгъ этой категоріи должно быть увеличено. Желательно выдавать въ постоянное пользованіе техническія руководства по той профессіи, которою занятъ заключенный. Для усовершенствованія выдачи книгъ и веденія библіотеки, коммисія предусматриваетъ возможность пользованія трудомъ самихъ заключенныхъ. Въ большихъ тюрьмахъ должны быть заведены печатные каталоги. Правительственная выдача должна быть повышена до 75 коп. на человѣка.

Коммисія произвела детальное изслѣдованіе фактическаго положенія дѣла, и нѣкоторыя изъ полученныхъ ею свѣдѣній являются любопытными для обрисовки самихъ заключенныхъ. Анкета среди 56 тюремъ Англіи относительно любимыхъ авторовъ (при чемъ каждой тюрьмѣ было предоставлено назвать шесть именъ) показала, что чаще другихъ читаются H. Wood (58), Charls Dickens (46), G. Henty (20), R. Haggard (20), W. Scott (19). Изъ континентальныхъ писателей только Александръ Дюма получилъ 12 голосовъ. Болѣе тонкій литературный вкусъ встрѣчается среди заключенныхъ каторжныхъ тюремъ, гдѣ не рѣдки просьбы о выдачѣ Шекспира, Чосера и классиковъ; мелкіе преступники предпочитаютъ романы Купера, Майнъ-Рида, Жюля Верна и др. Особенною любовью пользуются иллюстрированные журналы. По числу книгъ во всѣхъ библіотекахъ на первомъ мѣстѣ стоятъ книги воспитательныя, затѣмъ идутъ „книги для чтенія“.

Другимъ средствомъ моральнаго и умственнаго развитія заключенныхъ, развившимся за послѣдніе годы, являются лекціи и бесѣды съ заключенными, происходящія по воскресеньямъ и праздникамъ. Иниціативу этому положилъ секретарь Howard Association, Th. Holmes, который въ 1904 прочелъ небольшой курсъ изъ восьми лекцій юнымъ заключеннымъ (отъ 16 до 23 лѣтъ) въ двухъ лондонскихъ тюрьмахъ Wormwood Scrubs и Pentonville. Темой была избрана общественная и промышленная жизнь Англіи въ XVIII вѣкѣ. Лекторъ остановился на отдѣльныхъ техническихъ изобрѣтеніяхъ, на судьбѣ и характерѣ изобрѣтателей, на вопросѣ о вліяніи машинъ на общественную жизнь и т. д. Лекціи продолжались полчаса и въ концѣ ихъ всѣмъ раздавался листокъ съ напечатанными вопросами, на которые лекторъ просилъ дать *отвѣтъ; за лучшій отвѣтъ выдавался призъ въ видѣ* книги—подарка. Начальники тюремъ предоставили Холмсу возможность наединѣ бесѣдовать послѣ лекціи съ отдѣльными заключенными, и онъ могъ убѣдиться, какой интересъ и какое хорошее вліяніе оказывали эти лекціи. Слѣдуя этому примѣру, въ 1905 г. образовался комитетъ изъ 54 дамъ, которыя взяли на себя задачу чтенія лекціи въ 24 женскихъ тюрьмахъ, и въ теченіе года состоялся рядъ лекцій объ уходѣ за дѣтьми, о санитарномъ содержаніи дома, о приготовленіи пищи, о домашней экономіи и пр. Шотландія въ 1905 г. послѣдовала этому примѣру, и въ теченіе года въ каждой тюрьмѣ было прочитано по 10 лекцій о здоровьѣ, о пищѣ, объ умѣренности, а также на темы біографическія, историческія и географическія. Тогда же стали предприниматься шаги въ этомъ направленіи и въ Ирландіи. Благотворное вліяніе лекцій, какъ воспитательнаго средства, стало въ особенности очевиднымъ по отношенію къ юнымъ преступникамъ, и потому Борстальская ассоціація рѣшила сдѣлать ихъ регулярнымъ элементомъ режима. Члены ея стали пріѣзжать каждое воскресенье въ Борсталь, чтобы прочесть заключеннымъ лекцію. Одинъ Холмсъ въ теченіе 1908 года прочелъ 36 такихъ лекцій. Съ 1910 г. эта система стала примѣняться

и въ общихъ, по преимуществу женскихъ, тюрьмахъ [1]). Тюремныя лекціи преслѣдуютъ, въ отличіе отъ проповѣдей, образовательную цѣль, при чемъ элементъ нравоучительный входитъ незамѣтно, въ видѣ иллюстрацій или примѣровъ для подражанія, сравненій. Пользованіе имъ зависитъ отъ искусства лектора. Темами для лекцій служатъ практическіе вопросы, представляющіе большой образовательный интересъ (исторія, географія, естественныя науки). Лекціи происходятъ въ церкви, которая въ Англіи очень часто служитъ мѣстомъ для общихъ собраній. Лишеніе права присутствовать на лекціи разсматривается какъ дисциплинарное взысканіе. По отзыву нѣкоторыхъ изъ лекторовъ и по личнымъ нашимъ наблюденіямъ, порядокъ во время лекціи образцовый и замѣтно свободное вниманіе со стороны слушателей. Интересъ къ лекціямъ обусловливается, помимо ихъ содержанія, также и тѣмъ, что лекторомъ является постороннее лицо, вносящее новыя впечатлѣнія въ однообразную жизнь тюрьмы, а также правомъ отмѣчать свои впечатлѣнія въ отвѣтахъ на вопросы, задаваемые лекторомъ. Практика эта, ставшая довольно широкой, еще не регулирована закономъ, но, несмотря на то, рѣдко, когда встрѣчаются затрудненія со стороны начальниковъ тюремъ [2]).

VI.

Въ предшествующемъ изложеніи мы коснулись только отдѣльныхъ мѣръ, характеризующихъ постановку исправительныхъ задачъ тюрьмы. Онѣ, конечно, еще не даютъ общаго представленія о жизни заключенныхъ. Не лишнимъ, поэтому, явится дополненіе этой картины отдѣльными впечатлѣніями, которыя намъ пришлось вынести изъ осмотра англійскихъ мѣстныхъ и каторжныхъ тюремъ въ 1907 и 1908 г.г. От-

---

[1]) Въ теченіе 1909—1910 г.г. было прочитано лекцій на свѣтскія темы: юнымъ преступникамъ—1,133, женщинамъ—257 и всему составу тюремъ—51. Число лекторовъ, не принадлежащихъ къ составу учрежденій, было 285.

[2]) Въ отчетѣ за 1909 - 1910 г.г. указывается, что въ виду благотворнаго вліянія лекцій и музыкальныхъ развлеченій на заключенныхъ министръ обратился въ министерство финансовъ съ просьбой объ ассигнованіи особой суммы на устройство ихъ по регулярному плану.

нюдь не претендуя на полноту изложенія, мы хотѣли бы здѣсь только подчеркнуть нѣкоторыя стороны, которыя кажутся интересными для сравненія ихъ съ положеніемъ русскихъ тюремъ.

Прекрасное состояніе англійскихъ тюремъ во многомъ объясняется наблюдаемымъ въ XIX вѣкѣ постояннымъ уменьшеніемъ тяжкой преступности въ Англіи. Не вдаваясь въ анализъ уголовной статистики [1]), укажу только на то, какъ сокращается число заключенныхъ въ тюрьмахъ, въ особенности, въ тюрьмахъ каторжныхъ.

ГОДЫ. Среднее за—	Число приговоренныхъ къ каторжной тюрьмѣ.	Общее населеніе Англіи и Уэльса.	Число приговоренныхъ на 100.000 населенія.
1854—1859	2.589	19.257·000	13,4
1859—1864	2.800	20.370.000	13,7
1864—1869	1.978	21.681.000	9,1
1869—1874	1.622	23.088.000	7,0
1874—1879	1.633	24.700.000	6,6
1879—1884	1.427	26.313.000	5,4
1884—1889	945	27.830.000	3,3
1889—1894	858	29.392.000	2,9
1894—1899	770	31.661.000	2,5
1899—1904	944	32.984.000	2,9
1907	1.075	34.945.600	3,1

За пятьдесятъ лѣтъ (1854—1904 г.г.) процентъ заключенныхъ въ каторжныхъ тюрьмахъ упалъ съ 13,4 на 100.000 до 3,1, т. е. болѣе чѣмъ въ четыре раза.

Что касается заключенныхъ въ тюрьмахъ вообще (каторжныхъ и мѣстныхъ), то мы видимъ нѣкоторое возрастаніе абсолютныхъ цифръ, но въ процентномъ отношеніи все-таки наблюдается паденіе.

---

[1]) О сокращеніи преступности въ Англіи см. статью Е. Тарновскаго. Движеніе преступности въ Англіи и Уэльсѣ. Ж. М. Ю. 1905 г. Кн. 5

ГОДЫ.	Общее число осужденныхъ находящихся въ тюрьмахъ.	Число на 100.000 населенія.
1882	161.438	621,5
1887	154.600	551,7
1892	137.260	437,2
1897	148.113	482,1
1902	166.996	513,4
1907	178.343	516,2
1908	176.602	505,4
1909	184.901	523,1
1910	179.961	503,3

Средней продолжительностью заключенія въ тюрьмѣ въ 1909—1910 г.г. было 39,5 дней для мужчинъ и 26,8— для женщинъ. Для каторжанъ соотвѣтственныя цыфры выражаются въ 4,13 года и въ 4,92 года.

Всѣ заключенные сосредоточены въ настоящее время въ 56 мѣстныхъ тюрьмахъ и 3 каторжныхъ (имѣются, кромѣ того, три небольшихъ отдѣленія для каторжанъ при мѣстныхъ тюрьмахъ). Благодаря столь небольшому количеству тюремъ и отсутствію въ нихъ переполненія, тюремному вѣдомству удалось высоко поднять требованія и обезпечить надлежащее размѣщеніе всѣхъ заключенныхъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ положеніе каторжныхъ тюремъ. Въ настоящее время для размѣщенія каторжныхъ приспособлены три тюрьмы: Parkhrust, Dartmoor и Portland. Средне-суточный составъ всѣхъ ихъ равняется, приблизительно, 3.000 человѣкъ (въ 1909—1910 г.г.—3,106 чел.; 2,975 мужчинъ и 131 женщина). Въ тюрьму *Паркрустъ* направляются душевно-больные, старчески-дряхлые, умственно и физически дефективные каторжане. Здѣсь примѣняется смягченный режимъ, который можно признать болѣе мягкимъ, чѣмъ существующій даже въ мѣстныхъ тюрьмахъ. Объ этой тюрьмѣ мы еще будемъ имѣть случай бесѣдовать, въ главѣ объ учрежденіяхъ для слабоумныхъ. Каторжная тюрьма въ *Портландѣ*, расположенная на островѣ близъ длиннаго мыса, на югѣ Англіи, служитъ мѣстомъ заключенія для физически

здоровыхъ мужчинъ. Здѣсь они заняты постройкой укрѣпленій, зданій, моловъ и другими грубыми работами. Другая часть заключенныхъ занята ремесленными работами. Тюрьма эта возникла въ 1850 г. въ качествѣ временной тюрьмы и постепенно превращалась въ тюрьму постоянную. Островъ, на которомъ она расположена, окруженъ высокой каменной стѣной, усиленно охраняемой стражею. Несмотря на сравнительную суровость режима, видъ арестантовъ здоровый, что объясняется работами на открытомъ воздухѣ. Процентъ находящихся въ госпиталѣ колеблется между 2 и 3. Въ тюрьмѣ помѣщается до 1000 заключенныхъ.

Наиболѣе интересной изъ каторжныхъ тюремъ является тюрьма въ *Дартмурѣ*. Сюда направляются каторжане, подающіе надежду на исправленіе; при тюрьмѣ устроено отдѣленіе для взрослыхъ юношей, гдѣ проводится борстальскій режимъ для каторжанъ. Тюрьма славится своими земледѣльческими работами, на которыхъ занято болѣе 200 человѣкъ и представляетъ собою чуть ли не единственный въ настоящее время образецъ тюрьмы колоніи, имѣющійся въ Англіи [1]). Кромѣ земледѣльческихъ, здѣсь введены и ремесленныя работы (плетенье корзинъ, сапожное, портняжное, переплетное, кузнечное дѣло, цинковыя работы, шитье мѣшковъ для почты и пр.). Тюрьма насчитываетъ около 1,100 заключенныхъ. День заключенныхъ здѣсь распредѣляется слѣдующимъ образомъ. Они встаютъ въ 5 часовъ утра, послѣ краткой работы выслушиваютъ молитву, и затѣмъ получаютъ утренній завтракъ. Въ 7.15 они въ порядкѣ выходятъ изъ своихъ камеръ небольшими партіями и проходятъ передъ начальникомъ тюрьмы, который съ помощью надзирателей сосчитываетъ ихъ и распредѣляетъ на партіи, каждая изъ которыхъ имѣетъ опредѣленную работу. Въ 11.10 при возвращеніи въ камеры, происходитъ опять такой же смотръ и счетъ. Работа длится до 5 часовъ съ перерывомъ отъ 11.10 до 1 дня для обѣда. Благодаря сосчитыванію заключенныхъ нѣсколько разъ

---

[1]) Въ болѣе скромномъ размѣрѣ земледѣльческія работы заведены только въ Паркрустѣ и Борсталѣ.

въ день при отправленіи на работу и по возвращеніи оттуда, для нихъ почти исключена возможность скрыться незамѣченными на срокъ болѣе 2—3 часовъ. Эта предосторожность является далеко не лишней въ виду того, что работы происходятъ на открытомъ воздухѣ и на полѣ. Весь штатъ надзирателей и другихъ служащихъ здѣсь исчисляется въ 150 человѣкъ. Отличительной особенностью Дартмурской тюрьмы является прекрасно постановленная библіотека, насчитывающая болѣе 3000 книгъ, и хорошая школа. Въ особенности благопріятное впечатлѣніе производитъ отдѣленіе для юношей.

Что касается *мѣстныхъ тюремъ*, то здѣсь приходится отмѣтить слѣдующее. Благодаря систематическому паденію числа заключенныхъ, наблюдаемому въ теченіе всего XIX вѣка, Англія смогла энергично совершенствовать постановку тюремнаго дѣла въ санитарномъ и дисциплинарномъ отношеніяхъ. Плохо устроенныя тюрьмы закрывались, а новыя тюрьмы строились по опредѣленному плану камеръ ночного разъединенія, принятому съ 1865 г. и проводящемуся до сихъ поръ неуклонно. Въ каждой тюрьмѣ въ Англіи можно встрѣтить ванны и души, прекрасно поставленные госпитали, изоляціонныя санитарныя камеры и пр. Благодаря этому смертность и заболѣваемость въ нихъ ничтожна. Средняя смертность отъ естественныхъ причинъ въ мѣстныхъ тюрьмахъ равняется 0,38 на 1000 заключенныхъ [1]). Случаевъ сумасшествія было 118, но изъ нихъ 85 лицъ были сумасшедшими при вступленіи въ тюрьму и 14 проявили признаки разстройства въ первый мѣсяцъ по вступленіи. Случаевъ самоубійствъ въ мѣстныхъ тюрьмахъ было 5, а въ каторжныхъ ни одного. Въ цѣляхъ предупрежденія самоубійствъ здѣсь принято разгораживать отдѣльные ярусы камеръ сѣтками и для покушавшихся на самоубійство устроены особыя камеры устланныя матрацами; за ними установленъ особый надзоръ. При среднесуточномъ составѣ 22.018 заключенныхъ въ мѣстныхъ и каторжныхъ тюрьмахъ число случаевъ обращенія въ госпиталь за помощью было 12,405 въ годъ, что нельзя при-

[1]) Беру данныя за 1909—10 г.г.

знать свидѣтельствующимъ о хорошемъ положеніи здоровья заключенныхъ.

Въ дисциплинарномъ отношеніи нужно отмѣтить наступившее за послѣдніе годы значительное смягченіе суровости и жестокости, которыя когда-то считались характерными для англійскихъ тюремъ. Ступальная мельница (treadmill), руковращательное колесо (crank) и тасканіе ядеръ по тюремному двору, принуждавшія заключеннаго затрачивать значительный трудъ безъ всякой пользы и доводившія его до одурѣнія, отмѣнены въ 1898 г. [1]). Мѣсто ихъ заняли уже раціонально поставленныя работы. Эти работы должны обслуживать тюремныя нужды или нужды какихъ-либо государственныхъ учрежденій (state use system). Чаще всего заключенные заняты работами для почтоваго вѣдомства (почтовые мѣшки, ящики и пр.) или для флота. Частные заказы тюрьмами не принимаются. Менѣе производительная работа (щипанье пеньки изъ канатовъ, разбиваніе щебня и пр.) примѣняется какъ наказаніе и лишь на сроки не больше мѣсяца. Хотя правило о молчаніи сохраняется, но оно не возведено на степень безусловнаго требованія, и заключеннымъ разрѣшается тихій разговоръ, вредное дѣйствіе котораго парализуется разумно поставленной системой классификаціи.

Мы посѣтили нѣсколько большихъ англійскихъ тюремъ Wormwood Scrubs (1400 закл.), Brixton (600 закл.), Pentonville (1065 закл.), Holloway (620 закл.), и повсюду намъ пришлось встрѣтить образцовый порядокъ. Правда, и здѣсь еще сильно сказывается на заключенныхъ гнетущее вліяніе общей тюрьмы, и здѣсь они свыкаются съ пассивностью и однообразіемъ тюремной атмосферы, что дѣлаетъ ихъ послѣ мало приспособленными къ жизни на свободѣ; и здѣсь порою замѣчается развращающее вліяніе заключенныхъ другъ на друга. Но, съ другой стороны, здѣсь уже не встрѣтишь тюремнаго деспотизма со стороны администраціи или товарищей по заключенію. Надзоръ во время работъ и строгое размѣ-

---

[1]) См. описаніе ихъ у И. Фойницкаго „На досугѣ“, 1900. Т. I, стр. 116; также П. Шиловскій „Судебные очерки“ 1898, стр. 14.

щеніе по камерамъ во время вечера и ночи предупреждаютъ всякую возможность насилія однихъ надъ другими. Здѣсь уже встрѣчаешь разумную заботу о физическомъ здоровьѣ и умственномъ развитіи заключенныхъ, систему разумно поставленныхъ льготъ и послабленій режима. Не говоря уже о борстальскихъ реформаторіяхъ, гдѣ разумныя развлеченія для заключенныхъ спеціальнаго разряда практикуются широко. даже въ общихъ тюрьмахъ уже дѣлаются къ тому попытки въ видѣ лекцій и музыкальныхъ развлеченій. Дѣлается это, однако, значительно болѣе осторожно, чѣмъ то мы встрѣчаемъ въ американскихъ тюрьмахъ. При нѣкоторыхъ тюрьмахъ введено хоровое пѣніе; въ Англіи имѣется нѣсколько общественныхъ ассоціацій, ставящихъ своею задачею посѣщеніе заключенныхъ въ тюрьмахъ, распредѣленіе между ними нравоучительныхъ книгъ, оказаніе помощи ихъ семьямъ.

Посѣтителя англійскихъ тюремъ поражаетъ то обстоятельство, какъ близко надзиратели и старшіе помощники знаютъ каждаго заключеннаго. На вашъ запросъ они дадутъ вамъ подробныя свѣдѣнія о его прошломъ, личныхъ способностяхъ, общемъ поведеніи, способности къ исправленію и пр. Хотя теперь для отождествленія заключенныхъ введены дактилоскопія и фотографированіе, но большею частью надзиратели сразу узнаютъ своихъ прежнихъ сидѣльцевъ при новомъ возвращеніи ихъ въ тюрьму. Въ виду такого близкаго знакомства съ заключенными, на тюремное начальство теперь возлагается обязанность давать полиціи и суду свѣдѣнія о характерѣ заключенныхъ, которыя принимаются во вниманіе въ послѣдующихъ дѣлахъ при назначеніи мѣры того или иного характера (предупредительнаго заточенія, помѣщенія въ учрежденія для слабоумныхъ, въ борстальскія учрежденія и т. д.). Каждый начальникъ тюрьмы, показывая тюрьму, хвастается не столько внѣшнимъ блестящимъ ея видомъ, сколько успѣхами и прогрессомъ заключенныхъ.

Монотонно движется тюремная жизнь, но, чѣмъ дольше заключенный пребываетъ въ тюрьмѣ, тѣмъ гуманнѣе становится къ нему отношеніе. Суровостью краткосрочной тюрьмы нѣ-

сколько искупается то вредное вліяніе, которое она производитъ.

VII.

Одной изъ самыхъ трудныхъ проблемъ современнаго тюрьмовѣдѣнія является надлежащая организація освобожденія изъ тюремъ. Правильно замѣчаетъ французская поговорка: „Le difficile ce n'est pas emprisonner un homme, c'est de le relächer“. Если тюрьма была занята исправленіемъ преступника, то первое время по освобожденіи есть приспособленіе его. Важность этой задачи для предупрежденія рецидива и для дѣйствительнаго осуществленія тѣхъ утилитарныхъ цѣлей, къ которымъ стремится тюрьма, въ настоящее время сознается въ полной тѣрѣ, но практика еще не выработала къ тому пригодныхъ средствъ. Все же интересно познакомиться и съ тѣмъ немногимъ, что мы находимъ въ Англіи въ этой области.

Уже самый тюремный режимъ строится такъ, что освобожденіе заключеннаго происходитъ постепенно. Онъ понемногу пріобрѣтаетъ новыя льготы, пока не подойдетъ къ наибольшей изъ нихъ—досрочному условному освобожденію. При прогрессивной системѣ, какъ замѣтилъ одинъ тюрьмовѣдъ, ключъ отъ тюрьмы находится въ распоряженіи не только тюремщика, но и самаго заключеннаго. Этотъ моментъ освобожденія обыкновенно не является неожиданнымъ, заключенный къ нему упорно стремится, и получаетъ какъ заслуженную награду. Такимъ образомъ, онъ цѣнитъ получаемую свободу какъ добытый долгимъ трудомъ заработокъ. Далѣе, вознагражденіе труда заключеннаго построено такъ, что главная сумма заработанныхъ денегъ выдается заключенному при освобожденіи и составляетъ экономическое основаніе на первое время. Въ тюрьмѣ обращается вниманіе на то, чтобы дать заключенному знаніе какого-либо ремесла, которымъ онъ могъ бы зарабатывать средства къ жизни на свободѣ. Наконецъ, тюремная администрація предъ освобожденіемъ дѣлаетъ попытку пріискать ему подходящее занятіе. Но всего этого оказывается мало. Попытка найти работу рѣдко оканчивается уда-

чей, а тюремный заработокъ быстро таетъ или обращается на удовлетвореніе потребностей менѣе необходимыхъ. Освобожденный попадаетъ подъ дѣйствіе двухъ и даже трехъ огней. Съ одной стороны, полиція, преслѣдуя интересы безопасности, наблюдаетъ за нимъ и тѣмъ самымъ стѣсняетъ для него возможность надлежаще устроиться. Съ другой,—тюремное начальство слѣдитъ за тѣмъ, насколько онъ соблюдаетъ правила условнаго освобожденія. Наконецъ, общество патроната стремится оказать ему возможную помощь и регулируетъ трату имъ заработанныхъ въ тюрьмѣ денегъ. Онъ находится въ зависимости отъ трехъ органовъ, преслѣдующихъ часто противорѣчивыя цѣли. Каждая изъ этихъ задачъ имѣетъ свое право на существованіе, но необходимо согласованіе ихъ, а не только простое сосуществованіе. Это затрудняется, однако, разнородностью этихъ трехъ силъ. Въ то время какъ патронатъ является видомъ дѣятельности общественной, полицейскій надзоръ и наблюденіе тюремныхъ агентовъ суть сферы государственной дѣятельности.

Наиболѣе интересной является постановка въ Англіи патроната, который началъ развиваться здѣсь съ 1802 г. Патронатъ находится здѣсь въ рукахъ частныхъ общественныхъ организацій, стоящихъ подъ контролемъ государства лишь постольку, поскольку они пользуются государственной помощью. При каждой тюрьмѣ состоитъ одно утвержденное правительствомъ общество патроната; это не исключаетъ возможности организаціи въ той же мѣстности другихъ обществъ, но эти послѣднія уже не будутъ получать субсидій. Параллелизмъ допускается тогда, когда руководительницей оффиціальнаго общества является какая либо религіозная организація; тогда возможно дополненіе ея дѣятельностью другихъ религіозныхъ организацій. Зерномъ, изъ котораго образуется общество патроната, являются обыкновенно начальникъ и священникъ тюрьмы, нѣсколько мировыхъ судей, добровольныхъ дѣятелей и священниковъ мѣстности, а также комитетъ посѣтителей, состоящій при данной тюрьмѣ. Въ распоряженіи общества обыкновенно состоитъ одинъ или нѣсколько агентовъ, выполняющихъ за плату его порученія. Всѣ общества патроната дѣлятся на 4 категоріи:

1) общества, ставящія себѣ широкую соціальную цѣль, и. между прочимъ. занимающіяся патронированіемъ освобождаемыхъ (таковы: Salvation Army, Church Army, St. Giles Christian mission, имѣющія отдѣленія для патроната при лондонскихъ тюрьмахъ):

2) организаціи. созданныя для распредѣленія пожертвованныхъ на дѣло патроната фондовъ. существующія при нѣкоторыхъ тюрьмахъ (таковы: Sheriffs Fund Society, дѣйствующее при лондонскихъ тюрьмахъ Brixton. Holloway, Wormwood Scrubs, и Administration of the Oxford Prison Benefaction Fund, дѣйствующая при Оксфордской тюрьмѣ);

3) свободныя общества патроната, дѣйствующія при отдѣльныхъ тюрьмахъ, стоящія въ полной независимости отъ правительства (въ настоящее время можно указать только три такихъ общества—Wiltshire, Lancaster и Denbigh Discharged Prisoners Aid Societies); и, наконецъ.

4) общества патроната, состоящія при отдѣльныхъ тюрьмахъ и надлежаще утвержденныя правительствомъ (въ числѣ 56-ти по послѣднему отчету).

Первыя три группы обществъ, дѣйствующихъ совершенно независимо отъ государства, не пользуются никакими пособіями изъ казначейства. Это объясняется отчасти характеромъ ихъ дѣятельности, преслѣдующей религіозныя цѣли (Христіанская Миссія St. Giles, Армія Спасенія), отчасти отсутствіемъ самостоятельной личной организаціи (общества, указанныя въ п. 2), отчасти, наконецъ, отсутствіемъ потребности въ правительственной поддержкѣ или стѣснительностью ея (общества, указ. въ п. 3).

Что касается обществъ, надлежаще утвержденныхъ правительствомъ, къ которымъ относится громадное большинство, то они по общему правилу получаютъ правительственную субсидію, если ощущаютъ въ ней потребность.

Утверждая общество. правительство выдаетъ ему особое свидѣтельство (certificate), дающее такому обществу патроната особыя привилегіи, но, съ другой стороны, возлагающее на него и особыя обязанности. Это свидѣтельство, введенное въ концѣ 90-хъ гг. путемъ административныхъ мѣропріятій, тре-

буетъ, чтобы утвержденное общество: 1) было надлежаще составлено и организовано для дѣятельности: 2) имѣло ежегодно общее собраніе членовъ общества и ежемѣсячно собраніе комитета общества; 3) чтобы уставъ его былъ представленъ на разсмотрѣніе главнаго тюремнаго управленія (Prison Commissioners) и утвержденъ имъ и 4) чтобы одинъ или двое членовъ общества были назначены въ качествѣ подкоммисіи для еженедѣльнаго посѣщенія тюрьмы и для распоряженій, требующихъ немедленнаго рѣшенія. Общество, получившее свидѣтельство, обязано публиковать въ мѣстной газетѣ и представлять въ главное тюремное управленіе свой годовой отчетъ или краткое извлеченіе изъ него, содержащее указаніе на число случаевъ оказанной помощи и на сумму полученныхъ и израсходованныхъ денегъ. Въ случаѣ неисполненія этихъ условій, выданное свидѣтельство можетъ быть взято обратно.

Правительственное свидѣтельство даетъ извѣстныя преимущества, главнѣйшія изъ которыхъ состоятъ: 1) въ поощреніи освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія къ передачѣ въ распоряженіи такихъ обществъ патроната заработанныхъ ими денегъ въ тюрьмѣ, 2) въ выдачѣ утвержденнымъ обществамъ правительственныхъ субсидій, и 3) въ обезпеченіи содѣйствія такимъ обществамъ патроната со стороны правительственныхъ учрежденій и лицъ въ устройствѣ патронируемыхъ ими лицъ.

Разсмотримъ подробнѣе каждый изъ этихъ видовъ помощи со стороны государства.

Безконтрольное распоряженіе тюремнымъ заработкомъ со стороны выпущеннаго на свободу заключеннаго, какъ удостовѣряетъ опытъ всѣхъ странъ, часто приводитъ къ тому, что освобожденный не обращается къ обществу патроната, надѣясь на свои силы, быстро расходуетъ эти деньги и затѣмъ, оставаясь безъ средствъ, снова вступаетъ на путь преступности. Рядъ тюремныхъ конгрессовъ и съѣздовъ обществъ патроната неоднократно осудили эту систему свободнаго распоряженія заработкомъ со стороны освобождаемаго и рекомендо-

вали передать расходованіе подъ контроль обществъ патроната [1]). Нѣкоторые доходили даже до отрицанія частной собственности на тюремный заработокъ на сторонѣ освобожденнаго и рекомендовали обязательную передачу средствъ послѣдняго въ руки общества патроната. Англійское право посредствомъ Standing Order 1882 г. приняло слѣдующую систему. Освобождаемый изъ мѣстъ заключенія предупреждается при выходѣ о томъ, что если онъ пожелаетъ передать свой тюремный заработокъ (gratuities) въ распоряженіе мѣстнаго общества патроната, то правительство увеличитъ слѣдуемую ему сумму выдачи. Сумма увеличенія зависитъ отъ усмотрѣнія начальника тюрьмы, но по обыкновенію опредѣляется вдвойнѣ. Такъ, если заключенный заработалъ 20 руб., на его счетъ въ общество патроната будетъ внесено сорокъ рублей. Этимъ создается сильный мотивъ въ пользу отказа отъ самостоятельнаго распоряженія своими деньгами. Слѣдуетъ замѣтить. что подобная мѣра не вызываетъ особыхъ затратъ со стороны казначейства, такъ какъ доля заработка, получаемая осужденнымъ въ Англіи, необычайно низка (4—8 коп. въ день при высокой вообще оплатѣ труда въ Англіи) и что по закону *осужденный при освобожденіи не можетъ получить болѣе* 2 ф. (20 руб.), такъ что правительственная прибавка, въ сущности, является возстановленіемъ крайне уменьшенной доли заработка и не превышаетъ обыкновенно 1—2 ф. ст. Подобнаго рода прибавки, однако, предоставляются только имѣющимъ правительственное свидѣтельство обществамъ патроната, какъ извѣстная привилегія, вытекающая изъ ихъ положенія.

Въ 1905 году, по даннымъ о дѣятельности обществъ патроната, составленнымъ однимъ изъ секретарей, Fred Scott, къ 13-ой конференціи обществъ патроната въ Кардифѣ въ 1906 г. [2]), можно видѣть, что такіе взносы составили капиталъ около 6800 ф. стерл. G. P. Merrick, священникъ, за-

---

[1]) См мою статью Современное состояніе и задачи обществъ патроната. „Право“ 1908 № 10, стр. 555.

[2]) Report of the proceeding at the thirteenth conference of Discharged Prisoners Aid Societies held at Cardiff. London 1906 p. 109—110.

нимавшій до недавняго времени должность инспектора обществъ патроната въ Англіи, въ своемъ весьма обстоятельномъ отчетѣ относительно мѣръ къ улучшенію обществъ патроната, представленномъ въ 1896 г. парламенту [1]), указываетъ на сравнительно малый контроль, который въ дѣйствительности осуществляютъ общества надъ поручаемымъ имъ заработкомъ освобождаемаго. Одни общества совершенно не затрагиваютъ тюремнаго заработка, разсматривая это какъ лишеніе собственности, другіе дѣлаютъ это по просьбѣ самого освобождаемаго, третьи передаютъ заработокъ мелкими суммами въ 2—3 шиллинга чрезъ посредство своихъ агентовъ освобождаемому, и лишь немногія, не выдавая ничего освобождаемому, тратятъ этотъ заработокъ на него по своему усмотрѣнію. Меррикъ рекомендуетъ всегда передавать заработокъ обществу патроната, обязавъ послѣднее не дѣлать единовременныхъ выдачъ въ размѣрѣ, большемъ чѣмъ $1^1/_2$ шиллинга (75 коп.). Правительственную прибавку онъ предлагаетъ исключить въ тѣхъ случаяхъ, когда заключенный своимъ дурнымъ поведеніемъ въ тюрьмѣ потерялъ въ видѣ наказанія свой заработокъ. Далѣе эта прибавка не должна быть предоставляема лицамъ, нѣсколько разъ осужденнымъ, которымъ въ пропломъ неоднократно оказывалась патронатная помощь.

Тратятся эти деньги обыкновенно цѣликомъ на заключеннаго въ различныхъ формахъ. Общество или выдаетъ ему еженедѣльно нѣкоторыя суммы (до 20 шиллинговъ) или помѣщаетъ ихъ на его имя въ сберегательныя кассы, предоставляя право періодическаго полученія ихъ, иногда передаетъ ихъ для той же цѣли въ руки мѣстной полиціи, въ рѣдкихъ случаяхъ цѣликомъ отдаетъ ихъ освобожденному. Практика наиболѣе крупнаго Королевскаго Общества Патроната въ Лондонѣ по этому предмету сводится къ тому, что общество, пріискивая патронируемому работу въ какой-либо мѣстности, чрезъ своего агента вручаетъ полицейскимъ властямъ этой мѣстности ассигнованныя на него суммы, съ

---

[1]) Report Her Majesty's Commissioners of prisons on the operation of discharged prisoners'aid societies by the rev. G. P. Merrick, presented to both Houses of Parliament. London 1896 p. 53.

указаніемъ, чтобы они выдавались ему не сразу. а по частямъ по мѣрѣ надобности или были переданы съ согласія освобождаемаго надежнымъ друзьямъ его, готовымъ заботиться о немъ, или, наконецъ, мѣстнымъ обществамъ патроната.

Второй формой государственной поддержки утвержденнымъ правительствомъ обществамъ патроната является извѣстная денежная субсидія. Въ 1862 г. эта субсидія выдавалась въ суммѣ до 2 ф. ст. за каждаго патронируемаго въ видѣ добавки къ gratuities. Впослѣдствіи система предоставленія субсидіи мѣнялась. Кромѣ обычныхъ пособій, выдаваемыхъ на каждаго освобожденнаго, въ силу циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, съ сентября 1882 г. стали выдаваться добавочныя пособія въ размѣрѣ 30 шилл. въ случаяхъ, особо перечисленныхъ въ циркулярѣ. Въ общемъ размѣръ субсидіи регулируется усмотрѣніемъ Главнаго Тюремнаго У равленія, которое руководится при назначеніи ея: 1) степенью дѣятельности общества, опредѣляя ее по количеству патронируемыхъ, по числу успѣшныхъ случаевъ патронированія, по числу освобождаемыхъ изъ тюрьмы, при которой дѣйствуетъ данное общество и 2) размѣромъ суммы, полученной отъ мѣстныхъ членскихъ взносовъ; правительство по общему правилу, чтобы поддерживать усилія и дѣятельность на мѣстахъ, не предоставляетъ субсидіи въ размѣрѣ большемъ, чѣмъ сумма, собранная съ членовъ; оно идетъ лишь параллельно съ развитіемъ мѣстной дѣятельности. Эта система, однако. допуская значительное усмотрѣніе центральнаго вѣдомства, вызывала неоднократно недовольство.

Въ 1896 г. G. P. Merick, составляя отчетъ о дѣятельности общества патроната, предложилъ имъ рядъ вопросовъ о томъ, на какихъ принципахъ они пожелали бы производить распредѣленіе правительственной субсидіи.

Схема правилъ распредѣленія, предложенная Г. Мерриком̀ъ на основаніи присланныхъ отзывовъ, сводится къ слѣдующей. Судсидія должна равняться капитализированной суммѣ, полученной отъ умноженія $^1/_6$ части числа лицъ, освобождаемыхъ ежегодно изъ мѣстной тюрьмы, при которой состоитъ общество. на 1 шилл. 3 пенса (60 коп.). Если об-

ществу приходится благодаря мѣстнымъ экономическимъ и другимъ условіямъ затрачивать много средствъ на свою работу, то сумма въ 1 шилл. 3 пенса можетъ быть удвоена. А если общество активно интересуется своими патронируемыми, пріискиваетъ имъ работу и не ограничивается временной поддержкой, то эта сумма можетъ быть утроена. Такой максимумъ можетъ быть предоставляемъ и тѣмъ обществамъ, которыя дѣйствительно пріискали, по крайней мѣрѣ, для $^1/_6$ части своихъ патронируемыхъ надлежащія занятія, причемъ помѣщеніе женщинъ въ дома призрѣнія и богадѣльни должно разсматриваться какъ форма пріисканія занятій. Добавочная субсидія въ 30 шилл. должна быть отмѣнена. Предоставляемая субсидія не должна быть больше суммы собираемыхъ обществомъ членскихъ взносовъ; но, съ другой стороны, если общество имѣетъ остатки въ видѣ неизрасходованныхъ суммъ изъ средствъ, ассигнованныхъ правительствомъ, то субсидія должна быть соотвѣтственно уменьшена, такъ какъ она не должна служить основаніемъ для накопленія постояннаго капитала и для сбереженій. Субсидія эта соотвѣтственно уменьшается въ томъ случаѣ, если общество пользуется поддержкой изъ особыхъ суммъ, пожертвованныхъ на тюремную благотворительность (prison charities), если при томъ послѣдняя обладаетъ болѣе или менѣе постояннымъ характеромъ, а не является случайной помощью. Нужда въ правительственной субсидіи дѣйствительно распредѣляется неравномѣрно. Какъ показываетъ отчетъ Меррика, въ то время какъ недостатокъ средствъ у однихъ обществъ парализуетъ всякую дѣятельность, у другихъ имѣется избытокъ средствъ или въ случаѣ нужды они не прибѣгаютъ къ помощи правительства, а обходятся „разсылкой whip'овъ“.

Въ 1896 г. было 15 обществъ, отказавшихся отъ правительственной субсидіи, хотя они имѣли на нее право. По даннымъ Fred Scott за 1905 г. такихъ обществъ было девять; изъ нихъ четыре не получали субсидіи вслѣдствіе почти полнаго отсутствія дѣятельности, а пять вслѣдствіе достаточности своихъ собственныхъ средствъ.

Общая сумма правительственной субсидіи, выданная въ

1905 г. по даннымъ F. Scott'a, равна приблизительно 3400 ф. ст., но такъ какъ въ его отчетѣ отсутствуютъ свѣдѣнія о 3—4 обществахъ, то можно приблизительно допустить цифру, которую приводитъ Tallack въ своей книгѣ ((Penological and Preventive Institutions p. 303), именно 4000 ф. ст.

Какъ показываютъ данныя объ отдѣльныхъ обществахъ, собранныя Fred Scott, размѣръ субсидіи въ настоящее время не состоитъ въ прямомъ отношеніи къ средствамъ общества. Такъ, наибольшую субсидію получило Metropolitan Discharged. Prisoners Aid Society—386 ф. 9 шилл., которое имѣло за тотъ же годъ членскихъ взносовъ и пожертвованій всего 347 ф. 6 шилл. Съ другой стороны, общество Нотсгэмптона, имѣвшее 468 ф. 3 шилл. въ этой послѣдней рубрикѣ, совершенно не получило субсидіи; Ноттингемское общество, имѣвшее взносовъ на 188 ф. 1 шилл., получило субсидію въ 43 ф. 18 шилл. Общество of Surrey and South London получило субсидію въ 293 ф. ст. при суммѣ пожертвованій и взносовъ въ 158 ф. ст. Berkshire Society получило субсидій—47 ф. ст. при количествѣ взносовъ въ 115 ф. и т. д. Большая пропорціональность замѣчается, если сравнить размѣръ субсидіи съ числомъ лицъ, которымъ оказана была помощь. Такъ, упомянутое Metropolitan Society оказало помощь 2166 лицамъ. Глазговское общество, получившее субсидію въ 199 ф. ст., оказало помощь 10,705 лицамъ; съ другой стороны манчестерское общество, патронировавшее только 388 человѣкъ, получило субсидію въ 252 ф., но это объясняется формой патронированія (закрытое призрѣніе); Королевское общество, оказавшее помощь 1217 лицамъ, получило всего 102 ф. (это объясняется обиліемъ имѣющихся у общества фондовъ).

Насколько можно судить изъ данныхъ отчета, сумма выдаваемой субсидіи является производной величиной отъ слѣдующихъ данныхъ:

1) количества лицъ, которымъ оказана помощь;

2) размѣра внесенныхъ членами взносовъ и пожертвованій;

3) суммы имѣющихся у общества фондовъ и въ частности количества получаемыхъ суммъ отъ тюремныхъ благотворительныхъ фондовъ;

4) вида помощи, которая оказывается обществомъ (закрытое призрѣніе, пріисканіе работы, единовременныя пособія и пр.);

5) характера заключенія лицъ, которымъ оказывается помощь (выпущенные изъ каторжныхъ тюремъ, долгосрочные или краткосрочные заключенные и пр.).

Въ общемъ, среди англійскихъ обществъ патроната рѣдки жалобы на недостаточность ассигнуемыхъ имъ правительственныхъ средствъ. На запросъ G. Merrick въ 1896 г. 22 общества отвѣтили, что они довольны имѣющимися средствами, и если бы правительство увеличило субсидію, то это не принесло бы имъ особой пользы. 17 обществъ выразили желаніе имѣть пособіе въ увеличенномъ размѣрѣ, чтобы развить свою дѣятельность; 10 обществъ желали такого увеличенія для того, чтобы имѣть возможность открыть дома трудолюбія для мужчинъ, патронируемыхъ ими; 6 выразили это желаніе съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность пользоваться услугами оплачиваемыхъ агентовъ; три общества желали увеличенія, чтобы имѣть возможность дѣлать большіе взносы въ дома призрѣнія, куда принимаются патронируемыя ими женщины; семь обществъ заявили, что они въ настоящее время напрягаютъ всѣ свои силы и въ большихъ субсидіяхъ не ощущаютъ потребности; два общества желали бы увеличенія средствъ, чтобы давать лучшую одежду патронируемымъ. Изъ этихъ отзывовъ видно, что насущныя потребности у большинства обществъ удовлетворяются существующими пособіями, а требуемое иногда увеличеніе ихъ объясняется желаніемъ дальнѣйшаго развитія. Нужно имѣть въ виду, что принятіе правительственной субсидіи въ большемъ размѣрѣ возлагаетъ на общество и большія обязанности и что общества обязаны дать надлежащій отчетъ о расходованіи этихъ средствъ. Изъ всего сказаннаго видно, что правительственная субсидія въ Англіи не только не понижаетъ, а скорѣе усиливаетъ мѣстную дѣятельность общества, что ея не добиваются ради простого увеличенія средствъ, а лишь въ случаяхъ дѣйствительной потребности, предпочитая даже обходиться безъ нея, если обстоятельства и средства то позволяютъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о третьей привилегіи, которой фактически цользуются получившія правительственный certificate общества патроната,—именно о содѣйствіи государства въ устройствѣ патронируемыхъ ими лицъ. Наиболѣе простой и обычный видъ содѣйствія, это—разрѣшеніе обществу пользоваться услугами полиціи (впрочемъ полиція является государственной только въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ Англіи, въ остальныхъ она находится въ рукахъ совѣтовъ графствъ). Такія услуги, приносящія часто большую пользу, стоятъ въ распредѣленіи чрезъ полицію періодически небольшихъ суммъ въ распоряженіе патронируемаго, въ смягченіи тяжести установленнаго за нимъ полицейскаго надзора, чтобы не компрометировать его на мѣстѣ, куда онъ поступилъ, въ облегченіи ему передвиженія и пр.

Болѣе значительнымъ видомъ содѣйствія со стороны государства является помощь при переселеніи, эмиграціи патронируемаго въ другія страны. Весьма большіе расходы по ней не подъ силу обществу патроната; съ другой стороны, эмиграція представляется порою единственно возможнымъ способомъ устройства лица, отбывшаго наказаніе. Въ этихъ случаяхъ общество обращается къ государству, которое беретъ на себя заботы и расходы переселенія и первоначальнаго устройства переселяемаго на новомъ мѣстѣ.

Часто, наконецъ, государство допускаетъ въ ряды арміи и флота здоровыхъ освобожденныхъ, отбывшихъ срокъ заключенія, по рекомендаціи общества патроната. Трудно перечислить всѣ формы содѣйствія государства въ этой области, но достаточно и приведенныхъ примѣровъ, чтобы сдѣлать заключеніе о томъ, какъ важна государственная поддержка при устройствѣ патронируемыхъ.

Мы разсмотрѣли тѣ привилегіи, которыми пользуются общества патроната, пожелавшія удовлетворить условіямъ полученія правительственнаго свидѣтельства. Какъ мы видѣли выше, эти условія нисколько не посягаютъ на самостоятельность общества. Требованіе „надлежащей организованности" фактически сводится къ тому, чтобы начальникъ и священникъ мѣстной тюрьмы были допущены въ комитетъ

общества, требованіе „надлежащей дѣятельности“—къ тому, чтобы общество являлось дѣйствительнымъ органомъ помощи освобождаемымъ, и не числилось только на бумагѣ. Общества самостоятельно располагаютъ своими средствами и примѣняютъ методы, какіе они признаютъ наилучшими. Нѣкоторое давленіе на эту дѣятельность правительство оказываетъ только посредствомъ распредѣленія своихъ фондовъ между обществами, предоставляя свою поддержку въ большихъ размѣрахъ тѣмъ обществамъ, которыя соглашаются проводить въ жизнь правительственныя пожеланія (suggestions). Напр., правительство заявляетъ, что оно опредѣленнымъ образомъ увеличитъ размѣръ своихъ пособій обществамъ, которыя не будутъ отклонять отъ себя помощи лицамъ, отбывшимъ краткосрочное заключеніе въ тюрьмѣ, и это заявленіе служитъ стимуломъ усиленія соотвѣтствующей дѣятельности. Весь надзоръ за дѣятельностью утвержденныхъ обществъ патроната сосредоточивается въ рукахъ одного инспектора. Нѣкоторое наблюденіе осуществляютъ также инспектора общественной благотворительности, если общество пользуется поддержкой изъ фондовъ тюремной благотворительности или изъ другихъ благотворительныхъ суммъ.

Правительственные контроль и руководство не стѣсняютъ дѣятельности обществъ патроната, не желающихъ подчиняться требуемымъ условіямъ. При существующей свободѣ ассоціацій въ Англіи эти общества могутъ свободно дѣйствовать, пока не вступятъ въ конфликтъ съ уголовнымъ закономъ. Но зато эти общества въ своей дѣятельности не могутъ разсчитывать на государственную поддержку. Въ области дѣла патроната Англія не стремится къ централизаціи и всѣ административныя дѣла, касающіяся обществъ патроната, выполняются однимъ чиновникомъ-инспекторомъ, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи одного клерка.

Бюджетъ англійскихъ обществъ патроната сравнительно великъ. Напр., въ 1909—10 г.г. доходы ихъ состояли: въ 17.551 ф. с. отъ пожертвованій и членскихъ взносовъ, въ 3.520 ф. с. правительственной субсидіи, въ 4.438 ф. с. переданныхъ имъ въ дополненіе къ заработкамъ заключенныхъ;

расходы выразились въ 21.793 ф. с. Такимъ образомъ, при расходѣ болѣе чѣмъ въ 200.000 руб., 175.000 руб. падаютъ на собранныя самими обществами средства. Въ теченіе этого года оказана помощь 35.588 мужчинамъ и 5.633 женщинамъ, освобожденнымъ изъ тюремъ. Работа найдена болѣе чѣмъ для 4.000 человѣкъ. Относительно 5.000 имѣются свѣдѣнія о хорошемъ поведеніи, въ числѣ другихъ также можно полагать не малый процентъ исправившихся.

Общества патроната объединены между собою, начиная съ 1877 г. особой организаціей Reformatory and Refuge Union. Эта организація устраиваетъ періодическіе съѣзды представителей обществъ патроната (послѣдній такой XV съѣздъ происходилъ въ маѣ 1909 г.), даемъ имъ справки, облегчаетъ сношенія, помогаетъ при эмиграціи патронируемыхъ. Но все же дѣятельности ея недостаточно для того, чтобы объединить между собою отдѣльныя общества и установить единство методовъ. Въ этомъ отношеніи представляетъ интересъ недавняя попытка, сдѣланная въ цѣляхъ объединенія патроната при каторжныхъ тюрьмахъ.

Съ перваго января 1911 г. образовался центральный комитетъ обществъ патроната, дѣйствующихъ при каторжныхъ тюрьмахъ. Въ этотъ комитетъ входятъ по два представителя отъ слѣдующихъ обществъ патроната: Royal Society, the Church Army, the Salvation Army, the Catholic Society, the St. Giles Mission, the Jewisch United Synagogue Society и Borstal Association. Предсѣдателемъ его является начальникъ тюремнаго вѣдомства. Съ 1 апрѣля 1911 г. обо всѣхъ освобождаемыхъ изъ каторжныхъ тюремъ Англіи сообщается центральной организаціи или ея агентамъ въ провинціи, и эта организація заботится объ организаціи надлежащаго попеченія. Существовавшая до того система оказанія помощи освобождаемымъ изъ каторжныхъ тюремъ и надзора за ними признана во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительной. Въ этой области не имѣлось никакой государственной регламентаціи. Здѣсь работало нѣсколько благотворительныхъ обществъ, дѣйствовавшихъ независимо другъ отъ друга и не имѣвшихъ достаточнаго авторитета для выполненія этой трудной задачи. Го-

сударство ограничивалось только передачей этимъ обществамъ тюремнаго заработка освобождаемыхъ, съ тѣмъ, чтобы этотъ заработокъ выдавался освобождаемымъ постепенно. Кромѣ этого заработка, общества не получали денежной помощи отъ правительства и не существовало никакого взаимодѣйствія между оффиціальными властями и отдѣльными обществами. За послѣдніе годы, благодаря сокращенію минимума каторжной тюрьмы до 3 лѣтъ по закону 1891 г., сократился и размѣръ этой суммы заработка. Максимальной суммой выдачи является 6 ф. ст., но эта сумма можетъ быть получена лишь послѣ 6 лѣтъ пребыванія въ каторжной тюрьмѣ. Для лицъ, пробывшихъ тамъ не болѣе 3 лѣтъ, эта сумма не можетъ быть болѣе 20 шиллинговъ. При такихъ условіяхъ общества быстро выплачиваютъ эту сумму освобождаемому и порываютъ съ нимъ дальнѣйшія связи. Съ другой стороны, не могло не привести къ печальнымъ результатамъ параллельное дѣйствіе попеченіе обществъ патроната и полицейскаго надзора, до сихъ поръ существующаго по отношенію къ отбывшимъ каторгу. Вмѣшательство полиціи часто парализовало попытки общества, направленныя къ лучшему устройству освобожденнаго.

Въ 1910 г. начальники каторжныхъ тюремъ обратились къ министру съ предложеніемъ организовать центральный органъ для помощи освобождаемымъ изъ каторжныхъ тюремъ, который бы своимъ руководящимъ вліяніемъ вносилъ единство дѣятельности въ область попеченія и заботы объ освобожденныхъ. Этотъ центральный органъ долженъ получать опредѣленную поддержку изъ государственныхъ средствъ и долженъ быть облеченъ извѣстною властью. Переговоры съ отдѣльными обществами, осуществлявшими въ этой области патронатъ, привели къ желанному результату и было образовано общество, „Central Association for the aid of discharged convicts“.

Представители различныхъ обществъ патроната, входящихъ въ составъ центральнаго органа, допускаются къ посѣщенію каторжныхъ тюремъ и къ бесѣдѣ съ отдѣльными заключенными, направляемыми къ освожденію. Освобожден-

ный будетъ продолжать свою связь съ обществомъ, принявшимъ на себя попеченіе о немъ. По общему правилу надзоръ такого общества устраняетъ надзоръ полиціи, пока освобожденный будетъ выполнять условія, наложенныя на него центральнымъ обществомъ чрезъ посредство мѣстнаго общества. Если же поведеніе его будетъ неудовлетворительнымъ, или если его стремленіе воздержаться отъ преступленій не явится искреннимъ, то тогда къ нему будетъ примѣненъ полицейскій надзоръ, согласно закону 1871 г., во всей строгости.

Такова новая система объединенія обществъ патроната, осуществившаяся въ Англіи, пока только для каторжныхъ тюремъ. Она приведетъ къ тому, что патронатъ станетъ осуществляться планомѣрнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ получитъ новыя средства и полномочія, которыя правительство раньше не рѣшалось присвоить отдѣльнымъ обществамъ.

Успѣхъ патроната учесть трудно. Интересную въ цѣляхъ провѣрки этого попытку прослѣдить судьбу лицъ, отбывавшихъ заключеніе въ каторжныхъ тюрьмахъ, предпринялъ въ 1910 г. секретарь тюремнаго вѣдомства B. H. Thomson. Онъ составилъ списокъ всѣхъ лицъ, выпущенныхъ изъ каторжныхъ тюремъ за пять лѣтъ, съ 1 января 1900 г. по 1 января 1905 г., въ который вошло 4.563 имени. Методъ изслѣдованія былъ таковъ. Изъ общаго списка вычеркивались сначала лица, про которыхъ было извѣстно, что они осуждены вновь. Затѣмъ объ остальныхъ были собраны свѣдѣнія или чрезъ посредство обществъ патроната, осуществлявшихъ надъ ними наблюденіе, или чрезъ посредство полиціи мѣста ихъ жительства. Изъ общаго числа 4.563 освобожденныхъ не подверглись вновь осужденію 1.386, что составляетъ 30%. Изъ этого числа 689 являлись первичными преступниками и 697 рецидивистами. По числу предшествующихъ осужденій 697 рецидивистовъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 137 имѣли до того одно осужденіе, 64—два, 15—три и болѣе осужденій. Но, если принять во вниманіе предшествующія осужденія, имѣвшія мѣсто въ суммарномъ порядкѣ, то число осужденій значительно увеличится, какъ явствуетъ изъ слѣдующей таблицы.

	Число предшествующихъ осужденій.									
Годъ.	1.	2.	3.	4.	5.	6—10.	11—15.	16—20	Болѣе 20.	Всего
1900	20	16	14	13	8	29	10	5	5	120
1901	33	10	10	14	14	36	15	5	4	141
1902	20	13	14	15	11	32	9	3	5	122
1903	28	20	18	15	10	39	14	6	3	153
1904	26	16	18	13	15	46	12	8	7	161

Разслѣдованіе показало, что 308, т. е. почти половина общаго числа этихъ рецидивистовъ въ моментъ анкеты имѣли постоянную работу, 53 случайно находились безъ работы, 59 выѣхали изъ Англіи, 153 не могли быть разысканы, но не подверглись новымъ осужденіямъ, 29 находились въ работныхъ домахъ или убѣжищахъ вслѣдствіе болѣзни, 48 умерли и 48 ведутъ себя неудовлетворительно. Такимъ образомъ, только около 17% класса рецидивистовъ можно считать кое-какъ приспособившимися къ общественной жизни. Наоборотъ, 70% всѣхъ освобождаемыхъ при существующихъ условіяхъ безнадежны для возвращенія къ общественной жизни. Правда, этотъ процентъ не многимъ больше процента рецидивистовъ среди освобождаемыхъ изъ общихъ тюремъ (57%), но слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ каторжныя тюрьмы попадаютъ лица, уже искусившіяся въ преступной жизни. Во всякомъ случаѣ, это разслѣдованіе показало, что нельзя всегда руководиться правиломъ „once a recidivist—always a recidivist“, а слѣдуетъ прилагать разумныя заботы о приспособленіи его къ общественной жизни даже тогда, когда первыя попытки въ этой области оказались безрезультатными и не привели къ удовлетворительному исходу [1]).

Въ заключеніе нѣсколько словъ о методахъ дѣятельности англійскихъ обществъ патроната. Выработка надлежащихъ пріемовъ въ этой области представляется крайне труднымъ дѣломъ. Съ одной стороны, если эта помощь становится регулярной и осуществляемой по какому-либо механическому принципу, она порождаетъ въ освобождаемыхъ нѣчто въ родѣ самоувѣреннаго притязанія на то, что общество должно за-

[1]) См. Report of the prison commissioners for the year 1909-10. London 1911, p. 104.

ботиться о нихъ по освобожденіи, что сами они не должны для этой цѣли затрачивать усилій. Между тѣмъ, даже при лучшихъ условіяхъ, освобожденный долженъ прежде всего разсчитывать на себя; работа въ трудовомъ пріютѣ, устроенномъ обществомъ, или случайный заработокъ, пріисканный обществомъ, еще не составляютъ надлежащаго устройства на свободѣ. Пребываніе въ трудовомъ пріютѣ скоро начинаетъ пріѣдаться, какъ нѣсколько напоминающее тюремный укладъ, и освобожденный покидаетъ его, предпочитая влачить жалкое существованіе на свободѣ. Нахожденіе болѣе высокаго вида труда для освобожденнаго весьма трудно, и въ лучшемъ случаѣ возможнымъ является пріискать ему ремесло, которому онъ научился въ тюрьмѣ. Съ другой стороны, денежная помощь всегда носитъ характеръ палліатива. Скудный тюремный заработокъ, слегка увеличенный правительственной добавкой, даетъ возможность просуществовать одинъ—два мѣсяца, и проблемма средствъ существованія возникаетъ опять во всей своей грозной силѣ. Наиболѣе успѣшнымъ оказывается личное попеченіе. Оффиціальная рутина и денежная помощь еще не могутъ поставить человѣка на ноги, нужно для того дружеское участіе, любовь и энергичное желаніе помочь. Къ сожалѣнію, и въ средѣ англійскихъ обществъ мы не находимъ многочисленныхъ дѣятелей, которые пожелали бы проявлять столь интенсивное участіе въ патронированіи. Современный строй еще представляетъ недостаточно благодарную почву для расцвѣта такого нѣжнаго цвѣтка, какъ альтруизмъ личной дѣятельности. Немногочисленность состава мѣстныхъ обществъ патроната, служитъ тому достаточной иллюстраціей. Только по отношенію къ преступникамъ-нерецидивистамъ да къ преступной молодежи, помѣщенной въ борстальскихъ учрежденіяхъ, это личное участіе сказывается въ большей степени. Но, во всякомъ случаѣ, англійскія общества патроната сумѣли многаго добиться. Они снискали большое довѣріе тюремной администраціи, которая предупредительно идетъ навстрѣчу ихъ нуждамъ и сама участвуетъ активно въ ихъ дѣятельности. Они понемногу дѣлаютъ излишней организацію полицейскаго надзора по освобожденіи за тѣми, кого они

принимаютъ подъ свое покровительство. Способствуя эмиграціи и поступленію во флотскую службу, они очищаютъ метрополію отъ преступныхъ элементовъ и даютъ послѣднимъ шансъ новой жизни въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Уже этого одного достаточно, чтобы признать дѣятельность ихъ полезной.

Мы разсмотрѣли нѣкоторыя тенденціи развитія въ общихъ и каторжныхъ тюрьмахъ Англіи. Переходимъ теперь къ спеціальнымъ карательнымъ учрежденіямъ и прежде всего къ учрежденіямъ, проводящимъ воспитательныя начала.

4.

БОРСТАЛЬСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ДЛЯ МОЛОДЫХЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

Идея необходимости замѣнить повторные приговоры на краткіе сроки тюрьмы серьезной попыткой реформированія по отношенію къ лицамъ молодымъ, способнымъ къ перевоспитанію, возникла въ Америкѣ въ послѣднюю четверть XIX вѣка. Прототипомъ этой системы явилась реформаторія въ Эльмайрѣ, учрежденная по иниціативѣ Броквея въ 1875 г. Въ настоящее время въ Сѣв. Америкѣ насчитывается до двухъ десятковъ реформаторій и развитіе этого дѣла неизмѣнно прогрессируетъ.

На континентѣ американскія реформаторіи вызвали цѣлую литературу: имъ удивились, ихъ хвалили, рѣже порицали. Каждый посѣтившій Эльмайру европеецъ считалъ долгомъ дать ея подробное описаніе, но для того лишь въ конечномъ итогѣ, чтобы признать эту систему не примѣнимой къ государствамъ Европы. Только въ германской литературѣ за послѣдніе два года начинаютъ слышаться слабые голоса въ пользу принятія нѣкоторыхъ элементовъ этой системы.

Нѣсколько иначе отнеслась къ этой системѣ реформаторій Англія. Когда успѣхи подобныхъ учрежденій въ Америкѣ стали замѣтными, когда и въ литературѣ стали находить защитниковъ отдѣльные элементы этой системы, какъ неопредѣленные приговоры, усиленная физическая и умственная подготовка, надлежащій патронатъ по освобожденіи и т. д.,

то, по почину предсѣдателя тюремной коммисіи сэра Эвелина Рэггльсъ-Брайса, былъ сдѣланъ опытъ примѣненія нѣкоторыхъ сторонъ ея въ Англіи, съ устраненіемъ отдѣльныхъ крайностей, наблюдавшихся въ Америкѣ. Этотъ опытъ, примѣненный впервые болѣе широко въ тюрьмѣ Борсталя, получилъ названіе борстальской системы. Въ 1908 г. было уже признано возможнымъ санкціонировать опытъ законодательной регламентаціей, и мѣста заключенія, въ которыхъ была введена борстальская система исправленія юныхъ преступниковъ (въ возрастѣ отъ 16 до 21 года), получили названіе борстальскихъ учрежденій.

I.

Юношескій возрастъ является однимъ изъ наиболѣе опасныхъ для образованія преступныхъ привычекъ. Въ теченіе его формируется характеръ человѣка и дѣлаются первые шаги въ общественной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, типъ преступника-профессіонала чаще всего складывается въ этотъ періодъ. На основаніи одной частной анкеты, произведенной относительно пяти большихъ англійскихъ тюремъ, можно судить о значительности лицъ этого возраста среди тѣхъ, которые позднѣе становятся рецидивистами. Авторы анкеты подвергли изслѣдованію населеніе тюремъ Бирмингама, Дургама, Ливерпуля, Лондона (Пентонвиль) и Манчестера за день 10 мая 1906 г. Анкета показала, что изъ 1661 заключенныхъ, 248 (т. е. 15%) находилось въ возрастѣ до 21 года, а 715 (т. е. 43%) совершили свое первое преступленіе, когда находились въ возрастѣ до 21 года.

Самыя разнообразныя обстоятельства толкаютъ юношу въ этотъ періодъ на путь преступности. Чаще всего домашнія условія жизни являются крайне неблагопріятными. Въ бѣднѣйшихъ классахъ чуть-чуть юноша можетъ стать на свои ноги, отъ него стремятся уже освободиться, какъ отъ лишняго рта, и онъ слишкомъ рано познаетъ вредныя послѣдствія самостоятельности. Неприглядная обстановка дома, въ которомъ онъ выросъ, алкоголизмъ и грубость родителей порою не

оставляютъ въ немъ свѣтлыхъ воспоминаній и онъ самъ не очень привязанъ къ дому. Еще съ ранняго возраста онъ привыкъ кормиться случайными уличными заработками, которые обезпечиваютъ ему карманные расходы. Эти деньги онъ быстро научается тратить со своими пріятелями на покупку папиросъ, посѣщеніе увеселеній, игры и т. д. Случайный легкій заработокъ онъ начинаетъ предпочитать регулярной работѣ. Подъ вліяніемъ этого у него развивается беззаботность по отношенію къ завтрашнему дню и не вырабатывается привычки регулярнаго труда. Свой наиболѣе критическій возрастъ половой зрѣлости онъ проводитъ въ самыхъ худшихъ условіяхъ уличной жизни и здѣсь быстро знакомится съ развратомъ. Время идетъ, и мальчикъ выростаетъ въ подростка 17—18 лѣтъ, не пріученнаго ни къ какой регулярной работѣ и перешедшаго отъ случайныхъ законныхъ заработковъ къ болѣе рискованнымъ, но зато и болѣе обильнымъ заработкамъ путемъ мелкихъ кражъ, мошенничествъ и т. д. Знакомство съ полицейскимъ судомъ, полученное въ первый разъ, быть можетъ, за простую уличную выходку или шалость, разсѣиваетъ преувеличенные страхи предъ наказаніемъ и ближе сталкиваетъ его съ преступными элементами. При существующей системѣ краткосрочныхъ наказаній тюрьмой, даже за мелкіе проступки, ему вскорѣ приходится испытать это наказаніе. Послѣ безпорядочной жизни на свободѣ онъ вовсе не находитъ тюрьму, съ ея размѣреннымъ режимомъ и извѣстной чистотой жизни, чѣмъ-то непріятнымъ. Онъ находитъ даже своеобразное удовольствіе въ краткомъ отдыхѣ отъ заботъ о пропитаніи и отъ преслѣдованій полиціи. При освобожденіи онъ получаетъ небольшую поддержку отъ общества патроната, быть можетъ, ему даже находятъ работу, но не пріученный къ ней онъ чрезъ нѣсколько дней бросаетъ ее и возвращается къ старой жизни безъ опредѣленнаго заработка.

Развращающее вліяніе тюрьмы на такихъ юношей составляетъ уже давно констатированный фактъ. Еще въ 1836 г. завѣдующіе англійскими тюрьмами писали въ своемъ отчетѣ: „Тяжело думать, что средство, предназначенное закономъ служить исправленію преступника, стремится только сдѣлать его

еще болѣе преступнымъ. Относительно многихъ дѣтей мы не колеблемся утверждать, что абсолютная безнаказанность явилась бы гораздо менѣе вредной, чѣмъ послѣдствія тюремнаго заключенія. При первомъ вступленіи въ тюрьму подростокъ полонъ чувства тревоги. Но этимъ не пользуются, чтобы развить въ немъ хорошія склонности. Постепенно здѣсь разрушается основаніе всякой добродѣтели". По выходѣ изъ тюрьмы повторныя осужденія не заставляютъ себя ждать; поимка его для полиціи, уже съ нимъ ознакомившейся, становится болѣе легкой, и подростокъ становится скоро безпризорнымъ отщепенцемъ большого города, не получившимъ никакой подготовки къ полезному труду и живущимъ преступленіями. Единственной мѣрой, которая могла бы оказаться полезной для него, явилось бы долговременное содержаніе его въ такомъ учрежденіи, которое научило бы его какому либо труду опредѣленной дисциплинѣ и регулярности жизни. Оно должно развить его умъ и его тѣло, поставить его подъ непрестанный бдительный надзоръ въ первое время по освобожденіи, съ правомъ обратнаго возвращенія въ мѣсто заключенія въ случаѣ дурного поведенія. Эти элементы и стремится создать система реформаторій.

Мы взяли одинъ только типическій примѣръ. Но на ряду съ нимъ можно привести и другіе. Мальчика или дѣвочку толкаютъ на улицу ранняя смерть родителей или распадъ дома; другой принужденъ былъ уйти изъ дома вслѣдствіе притѣсненій отчима; третій, побывавъ въ воспитательно-исправительномъ пріютѣ, не можетъ устроиться на свободѣ и вновь подпадаетъ старымъ привычкамъ порока. Типы такихъ, не имѣющихъ пріюта, юношей весьма разнообразны и многіе изъ нихъ обрисованы въ прекрасной книгѣ Russel и Rigby „Making of the criminal" (1906).

Авторы ея въ слѣдующихъ словахъ рисуютъ постепенное образованіе преступника. „Мы должны прослѣдить, какъ, въ умственномъ отношеніи, низкая среда постепенно притупляетъ его умъ, прежде живой дѣятельный; какъ, въ соціальномъ отношеніи, онъ доходитъ до необходимости пребывать въ товариществѣ съ подростками самаго низкаго сорта; какъ

исчезаетъ его самоуваженіе и всякая сдержка въ проявленіи своихъ страстей; какъ трудно для него, даже съ значительными усиліями, отрѣшиться отъ знакомства съ тѣми, которые побывали въ тюрьмахъ и вся жизнь которыхъ представляетъ постоянное возстаніе противъ общественнаго порядка. Большинство преступниковъ не сразу становятся такими. На первыхъ порахъ развитія они лишь слѣпо повинуются другимъ и ихъ умъ постепенно отупѣваетъ. Ихъ интересы сосредоточиваются вокругъ уличныхъ продѣлокъ . . . Съ паденіемъ интеллекта начинается неизбѣжное соціальное паденіе. Юноша чувствуетъ, что онъ предоставленъ теченію. Какое значеніе имѣетъ одежда, которую ему приходится носить? Кому что за дѣло, съ кѣмъ онъ водится или куда онъ идетъ? Худшій трактиръ является для него наиболѣе подходящимъ мѣстомъ, наиболѣе испорченные подростки являются его сверстниками; онъ потерялъ старыхъ пріятелей, и теперь никому нѣтъ до него дѣла. Такимъ образомъ, онъ безпрерывно падаетъ въ умственномъ и соціальномъ отношеніи."

Тюремный отчетъ 1908 г., разсматривая результаты борстальской системы, слѣдующимъ образомъ пишетъ о причинахъ, приведшихъ къ заключенію взрослыхъ юношей:

„Встрѣчаются различные типы среди молодыхъ заключенныхъ. Нѣкоторые кажутся врожденно дурными. Ихъ образованіе или окружающая среда не объясняютъ особаго взгляда ихъ на жизнь, и для практическихъ задачъ возрожденія и реформированія, они, къ сожалѣнію, должны быть помѣщены среди преступниковъ. Другіе являются неотвѣтственными за свои дѣйствія: они крадутъ безъ особой нужды, и не пользуются плодами преступленія и даже не скрываютъ добытаго кражей; иногда они совершаютъ безпричинные акты насилія, которыхъ сами не могутъ объяснить; они являются неуравновѣшенными натурами, неспособными къ регулярному труду и, повидимому, обречены къ жизни праздной полной преступленій. Но во многихъ случаяхъ юный преступникъ не является прежде всего ни сумасшедшимъ, ни дурнымъ отъ природы. Онъ—просто обыкновенный парень, много испытавшій вслѣдствіе небрежнаго отношенія къ нему другихъ. Порою

дурныя условія жизни дома толкнули его на скользкую дорогу и побудили къ мелкимъ кражамъ съ раннихъ лѣтъ. Еще чаще причиной преступленія является недисциплинированная семья, гдѣ отецъ не обращаетъ вниманія на воспитаніе ребенка, а мать потворствуетъ всѣмъ прихотямъ его. сама не зная того, что дѣлаетъ его малопригоднымъ для дальнѣйшей жизни. Частой причиной паденія является тѣснота жилища. Вслѣдствіе этого мальчикъ долженъ проводить большую часть времени на улицѣ, гдѣ становится скоро членомъ уличныхъ партій, занимается скитаніемъ по улицамъ и часто входитъ въ столкновеніе съ полиціей. Кражи здѣсь начинаются совершаться порою, какъ одинъ изъ видовъ спорта. Часто на преступленія вызываетъ любовь къ путешествіямъ и риску, возбуждаемая таинственными романами и исторіями изъ жизни преступниковъ, весьма распространенными въ Англіи. Другія причины лежатъ въ отсутствіи контроля и организаціи занятій для юноши. Покидая школу, онъ становится совершенно свободнымъ. Если родители его бѣдны, то они рѣдко имѣютъ возможность пріискать ему надлежащее занятіе; онъ долженъ найти его самъ и чаще всего получаетъ работу поденно, проводя по необходимости большую часть времени праздно, и скоро отвыкая отъ регулярной работы. 80% заключенныхъ въ Борсталѣ признавались, что они не имѣли занятій въ то время, когда „попались“. Иногда причиною служитъ глупость. Многіе заключенные въ тюрьмѣ утверждаютъ, что они не знали о томъ, что учиняемое ими является преступленіемъ, особенно если тюремное заключеніе назначено имъ взамѣнъ штрафа, за сравнительно несерьезный проступокъ“.

Вопросъ о факторахъ преступности подростковъ весьма сложенъ, и я не собираюсь входить здѣсь въ подробное его разсмотрѣніе. Я указалъ только на ту доминирующую черту, которая обращаетъ на себя прежде всего вниманіе—на заброшенность подростковъ и на отсутствіе надлежащаго воспитанія, мѣшающее имъ найти надлежащую работу. Борьба съ ихъ преступностью посредствомъ краткосрочнаго тюремнаго заключенія болѣе всего способна обострить ихъ положеніе и сдѣлать изъ нихъ профессіональныхъ преступниковъ.

„До самаго недавняго времени—пишетъ начальникъ тюремнаго вѣдомства въ своемъ отчетѣ—молодые заключенные подвергались въ тюрьмахъ тому же режиму, какъ и застарѣлые, упорные преступники. Кромѣ недолгаго времени, отведеннаго для церковной службы и для однообразной прогулки, подростокъ проводилъ день и ночь запертый въ одиночную камеру, не имѣя съ кѣмъ сказать слово, съ высокимъ окномъ, чрезъ которое онъ не могъ смотрѣть, и выполняя ничтожный трудъ, который едва только могъ занять у него половину времени. Такой режимъ, можетъ быть, удовлетворялъ тѣхъ, для которыхъ тюрьма является только карою, но, на самомъ дѣлѣ, онъ является неестественнымъ и неэкономичнымъ по отношенію къ юношамъ, находящимся въ возрастѣ, требующемъ особеннаго развитія души и тѣла и, въ концѣ концовъ, дѣлалъ этихъ юношей пригодными только для одного:—для дальнѣйшаго пребыванія въ тюрьмѣ“.

II.

Такое положеніе не могло не обратить на себя внимания различныхъ органовъ. Въ 1894 г. коммисія, назначенная правительствомъ для изслѣдованія положенія тюремнаго дѣла въ Англіи, констатировала, между прочимъ:

а) что почти 16.000 юношей въ возрастѣ между 16 и 21 годомъ ежегодно проходятъ черезъ тюрьмы;

б) что при существующей системѣ значительное число юныхъ заключенныхъ выходитъ изъ тюремъ въ положеніи еще болѣе худшемъ, чѣмъ то, въ которомъ они находились при поступленіи туда;

в) что возрастомъ, въ который формируется большинство привычныхъ преступниковъ, является возрастъ между 16 и 21 годами.

Въ виду этого коммисія рекомендовала „предпринять самую рѣшительную попытку удержать этихъ формирующихся преступниковъ и предупредить сильными и разумными мѣрами рекрутированіе ихъ въ преступный классъ“. Она рекомендовала устройство реформаторіи, находящейся подъ конт-

ролемъ государства, которая представляла бы собою промежуточное учрежденіе между тюрьмой и исправительно-воспитательнымъ заведеніемъ. Въ это учрежденіе должны быть заключаемы на срокъ отъ одного года до трехъ лѣтъ преступники, не достигшіе 23 лѣтъ; они, въ случаѣ одобрительнаго поведенія, могутъ подлежать условному досрочному освобожденію съ согласія государственнаго секретаря.

Заключенія коммисіи обратили на себя вниманіе общества и правительства. Предсѣдатель тюремной коммисіи Рэгльсъ-Брайсъ предпринялъ путешествіе въ Америку, чтобы лично познакомиться тамъ съ системой реформаторій. Онъ посѣтилъ лучшія заведенія этого типа въ Нью-Іоркѣ и Массачузетсѣ и пришелъ къ заключенію о полезности нѣкоторыхъ сторонъ этихъ учрежденій для его родины. Но чтобы быть осторожнымъ, онъ предложилъ организовать это дѣло сначала въ видѣ опыта, ибо почти ни одно нововведеніе, не испытанное предварительно на опытѣ, не можетъ разсчитывать на принятіе его въ законодательномъ порядкѣ англійскимъ парламентомъ.

Уже въ 1897 г. тюремное управленіе въ своемъ отчетѣ ставитъ вопросъ о томъ, „какія мѣры могли бы быть приняты для соотвѣтственнаго режима, примѣняемаго къ юнымъ преступникамъ, достигшимъ 16 лѣтъ и не перешедшимъ возраста въ 21 годъ, съ цѣлью удержать ихъ отъ порочной жизни, еслибы законъ постановилъ, что срокъ содержанія ихъ будетъ достаточно продолжителенъ, даже при несерьезности преступленія, чтобы подвергнуть ихъ въ полной мѣрѣ дѣйствію воспитательныхъ началъ“. Въ 1899 г. былъ сдѣланъ небольшой экспериментъ въ этомъ направленіи въ Бэдфордской тюрьмѣ. Здѣсь было собрано нѣсколько юношей, приговоренныхъ на болѣе продолжительные сроки и содержавшихся въ лондонскихъ тюрьмахъ, при чемъ весь экспериментъ происходилъ на почвѣ существующихъ законовъ, а особенности режима сводились къ совмѣстной работѣ, особымъ преимуществамъ въ школьномъ и моральномъ воспитаніи и къ гимнастикѣ. Начальникъ и священникъ тюрьмы должны были съ особенной внимательностью присматриваться къ ре-

зультатамъ этой системы. И когда черезъ годъ результаты явились благопріятными, то рѣшено было для той же цѣли *отвести часть тюрьмы въ Борстали*. Черезъ *парламентъ* были проведены спеціальныя правила, которыми санкціонировалась система разрядовъ съ особыми привилегіями, предоставляемыми *каждому изъ разрядовъ въ зависимости отъ прилежанія и поведенія*; умственное образованіе и гимнастика стали необходимыми составными элементами ежедневной программы. При освобожденіи, въ цѣляхъ устройства освобождаемыхъ, администрація тюрьмы обращалась къ группѣ лицъ, дѣйствовавшихъ подъ руководствомъ М-г Haldane Porter, которыя уже ранѣе работали при Бэдфордской тюрьмѣ.

Преступники, направляемые въ Борсталь, сначала вербовались изъ юношей въ возрастѣ между 16 и 21 годомъ, приговоренныхъ къ тюрьмѣ на срокъ въ шесть мѣсяцевъ. Но этотъ срокъ былъ пробнымъ и иниціаторы этого опыта неоднократно настаивали на необходимости присужденія такихъ лицъ къ болѣе продолжительному періоду заключенія въ цѣляхъ надлежащаго осуществленія воспитательныхъ воздѣйствій. Результатомъ перваго года дѣйствія системы было то, что изъ 42 освобожденныхъ только 4 были осуждены вновь и 4 скрылись изъ виду.

Въ цѣляхъ лучшей помощи освобождаемымъ въ слѣдующемъ 1902 г. образовалась особая ассоціація—Borstal Association, состоящая изъ ряда членовъ, поддерживающихъ дѣло своими взносами и личнымъ трудомъ. Эта ассоціація, знаменующая собою новую эпоху въ развитіи системы, взяла въ свои руки руководство всѣмъ дѣломъ.

Ассоціація эта состоитъ въ настоящее время изъ нѣсколькихъ сотъ членовъ, многіе изъ которыхъ принимали раньше участіе въ миссіонерской и образовательной дѣятельности въ бѣднѣйшихъ кварталахъ восточной части Лондона. Предсѣдателемъ ея состоитъ министръ внутреннихъ дѣлъ, а вице-предсѣдателемъ начальникъ тюремнаго вѣдомства Регльсъ-Брайсъ. Ежегодный бюджетъ ассоціаціи равняется приблизительно 12.000 рублей, причемъ доходная сторона его составляется наполовину изъ членскихъ взносовъ и на половину

изъ правительственной субсидіи; расходы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: около $^1/_2$ всѣхъ расходовъ идетъ на непосредственную помощь освобождаемымъ, $^1/_4$—на расходы по оплатѣ агентовъ и издержки по разъѣздамъ и $^1/_4$—на печать, почту, мелкіе расходы.

Члены ассоціаціи, живущіе большею частью въ Лондонѣ, отъ котораго Борсталь отстоитъ на нѣсколько десятковъ верстъ, періодически посѣщаютъ тюрьму и бесѣдуютъ съ заключенными, а иногда и устраиваютъ для нихъ чтенія. Послѣ освобожденія, ассоціація стремится найти патронируемымъ подходящую работу, для чего пользуется услугами агентовъ, помогаетъ освобожденнымъ совѣтами и всячески поощряетъ къ правильной общественной жизни. Общество выполняетъ такимъ образомъ какъ бы расширенныя функціи патроната, но съ тѣмъ лишь отличіемъ, что такое содѣйствіе не является случайнымъ, а служитъ необходимымъ элементомъ системы, что оно имѣетъ мѣсто по отношенію къ каждому заключенному и что обязанности членовъ Борстальской ассоціаціи во время заключенія юношей въ тюрьмѣ суть не функціи случайныхъ посѣтителей, а точно и широко отмеженная закономъ сфера вліянія. Администрація во время пребыванія заключеннаго въ тюрьмѣ собираетъ спеціально для ассоціаціи всѣ свѣдѣнія о предшествующей жизни и поведеніи заключеннаго и передаетъ ихъ въ руки представителей общества. Послѣдніе списываются съ друзьями и нанимателями освобождаемаго, чтобы найти ему работу. По освобожденіи юноша помѣщается въ подходящемъ домѣ. Если работа уже пріискана, онъ сразу поступаетъ на мѣсто; но иногда до принятія хозяинъ хочетъ познакомиться съ нимъ, и тогда приходится ждать. Въ теченіе всего этого времени освобожденный состоитъ подъ наблюденіемъ какого либо члена ассоціаціи. Въ числѣ послѣднихъ насчитывается много крупныхъ предпринимателей, готовыхъ предложить работу въ случаѣ настоятельной нужды. Успѣхи борстальской системы позволяютъ нѣсколько ослабить недовѣріе предпринимателей къ освобождаемымъ; надзоръ за освобождаемымъ составляетъ также не маловажную гарантію въ этомъ отношеніи. Общее

мнѣніе предпринимателей, болѣе отзывчивыхъ на просьбы о предоставленіи работы, свидѣтельствуетъ объ удовлетворительности службы воспитанниковъ Борсталя.

Дѣятельность Борстальской ассоціаціи и комитетовъ ея, по словамъ вице-предсѣдателя ассоціаціи Регльсъ-Брайса. *является наиболѣе важной изъ всѣхъ многочисленныхъ трудныхъ* и отвѣтственныхъ функцій новой системы. Но она облегчается сознаніемъ, что единственный способъ уменьшить преступность въ странѣ, это сосредоточить всѣ старанія на исправленіи болѣе молодыхъ преступниковъ. Если на обязанности хорошей тюрьмы лежитъ выработка характера и здоровья, то на обязанности общества лежитъ предоставленіе возможности примѣнить эти качества къ жизни. Общественная поддержка только вѣнчаетъ то дѣло, которому основаніе кладется тюремной администраціей, дѣйствующей на основаніи разумныхъ правилъ.

Сущность этихъ послѣднихъ опредѣляется тюремнымъ управленіемъ въ отчетѣ за 1905 г. слѣдующимъ образомъ: „Борстальская система есть примѣненіе по отношенію къ юнымъ заключеннымъ въ возрастѣ отъ 16 до 21 года ряда особыхъ отличающихся отъ обще-тюремныхъ правилъ, состоящихъ въ усиленномъ занятіи заключенныхъ трудомъ, строгой дисциплинѣ, умѣряемой раздачей наградъ, поощреніемъ и надеждами; эти правила имѣютъ своею цѣлью вернуть заключеннаго къ честной жизни при поддержкѣ общества, извѣстнаго подъ именемъ борстальской ассоціаціи, состоящаго изъ весьма серьезныхъ и гуманныхъ лицъ, посвящающихъ много труда и заботъ такимъ заключеннымъ“. Въ отчетѣ борстальской ассоціаціи за 1908 г. эта система опредѣляется такъ: „Борстальская система стремится сдѣлать каждаго юнаго заключеннаго способнымъ и готовымъ къ честному труду на свободѣ. Она обезпечиваетъ заботливое нравственное и умственное образованіе, съ помощью спеціально выбираемыхъ должностныхъ лицъ, и полезный трудъ въ мастерскихъ, въ саду, при постройкѣ или на фермѣ. Награды и взысканія устроены такъ, чтобы покровительствовать скорѣе личнымъ стремленіямъ къ исправленію, нежели чтобы

создать обычный типъ „образцоваго заключеннаго“; строгая дисциплина и правильная гимнастика способствуютъ развитію ловкости и физической силы вмѣстѣ съ выработкой привычки къ упорному и регулярному труду“.

Администрація Борстальской тюрьмы не формально относится къ заключеннымъ. Ей также приходится близко изучить личность заключеннаго и осуществлять за нимъ надзоръ по освобожденіи. Индивидуализація отношенія администраціи къ заключеннымъ является одной изъ отличительныхъ чертъ борстальской системы. Съ момента, когда заключенный входитъ въ тюрьму, обращается вниманіе на его подготовленность къ освобожденію. Тюремной администраціей избирается работа или ремесло, могущія оказаться для даннаго заключеннаго наиболѣе полезными и соотвѣтствующими его способностямъ. Ею собираются адреса уважаемыхъ друзей его, которые могли бы списаться съ нимъ. Каждый фактъ, могущій пролить свѣтъ на его характеръ, вносится въ особую книгу, извѣстную подъ именемъ: „Книги характеровъ“. При приближеніи освобожденія администрація увѣдомляетъ Борстальскую ассоціацію. При самомъ выпускѣ изъ тюрьмы освобождаемый, подъ отвѣтственностью тюремнаго надзирателя, доставляется въ бюро ассоціаціи, гдѣ, если нѣтъ еще чего-либо готоваго для него, онъ поручается заботамъ агента, который помѣщаетъ его на первое время въ особой квартирѣ и удовлетворяетъ его первыя настоятельныя потребности на свободѣ. Но и на свободѣ администрація продолжаетъ на первое время наблюденіе за освобожденнымъ и сообщаетъ ежемѣсячно въ бюро ассоціаціи отзывы, нужные для отчета и дальнѣйшаго покровительства ему.

Такой постоянный контроль со стороны администраціи и поддержка со стороны общества особенно необходимы на первыхъ шагахъ, потому что освобождаемые почти всегда ни разу въ своей жизни не могли надлежаще пристроиться. Немногіе получили до этого надлежащее образованіе. Выйдя въ 14 лѣтъ изъ подъ почти номинальнаго контроля школы, они рѣдко пристраивались къ постоянной работѣ или, получивъ ее, не имѣли желанія или умѣнья удержать ее долго. Без-

полезныя краткосрочныя лишенія свободы еще болѣе подорвали въ нихъ привычку къ регулярной жизни, и они стали бы совершенно непригодными общественными элементами, если бы реформаторія не перевоспитала ихъ и общество не дало бы возможность вновь создать свое счастье.

III.

Въ 1905 г. вслѣдствіе тѣсноты Борстальской тюрьмы, расчитанной только на 220 заключенныхъ, пришлось открыть дополнительное отдѣленіе при Линкольнской тюрьмѣ, разсчитанное на 40 человѣкъ. Сюда уже стали направляться взрослые юноши изъ Сѣверной Англіи, и здѣсь примѣняются тѣ же начала борстальскаго режима. Отборъ пригодныхъ для примѣненія этого режима заключенныхъ былъ порученъ тюремнымъ инспекторамъ.

Успѣхъ борстальской системы побудилъ озаботиться о возможномъ ея расширеніи, и въ ноябрѣ 1905 г., по предложенію тюремнаго управленія, рѣшено было организовать при каждой тюрьмѣ борстальскіе комитеты изъ числа лицъ, преданныхъ дѣлу, которыя приняли бы на себя заботу по возможности даже въ стѣнахъ общихъ тюремъ примѣнять режимъ, выработанный въ Борсталѣ по отношенію къ заключеннымъ отъ 16 до 21 года. Такіе комитеты образуются большею частью изъ начальника и священника тюрьмы, ревизующихъ мировыхъ судей и членовъ мѣстныхъ обществъ патроната. Члены этихъ мѣстныхъ комитетовъ становились ex officio членами центральной борстальской ассоціаціи. Они могутъ обращаться къ ней за совѣтами и поддержкою. Они присылаютъ ассоціаціи свои ежегодные отчеты. Проводимый же въ общихъ тюрьмахъ режимъ состоялъ въ выдѣленіи такихъ заключенныхъ въ особый классъ, изолированный отъ остальныхъ даже во время работъ, въ удѣленіи особаго вниманія ихъ умственному и нравственному воспитанію, въ введеніи гимнастическихъ упражненій и лучшей организаціи патроната. Дѣло стало быстро проводиться въ жизнь, и къ серединѣ 1907 г. такіе комитеты были организованы при 51

тюрьмѣ изъ общаго числа 54, а въ настоящее время они существуютъ при всѣхъ англійскихъ тюрьмахъ. Эти мѣстные комитеты озабочиваются, чтобы взрослые юноши, приговоренные на срокъ болѣе одного года, направлялись на Борсталь или Линкольнъ, гдѣ они подвергнутся воздѣйствію „полной борстальской системы“, а по отношенію къ приговореннымъ на менѣе продолжительные сроки комитеты проявляютъ попеченіе на мѣстахъ. Эта послѣдняя система получила названіе „видоизмѣненной борстальской системы“ (modified Borstal System).

Создавъ, такимъ образомъ, условія для выработки особаго режима для юныхъ заключенныхъ, тюремное управленіе, при дѣятельной поддержкѣ членовъ борстальской ассоціаціи, стало воздѣйствовать на начальниковъ тюремъ, тюремныхъ священниковъ и пр., съ цѣлью заинтересовать ихъ въ надлежащемъ осуществленіи этихъ правилъ. Отъ каждой тюрьмы испрашивались особенно подробныя свѣдѣнія объ этихъ заключенныхъ, на проведеніе этого режима ассигновывались особыя суммы и т. д. Съ другой стороны, чрезъ общественное мнѣніе и чрезъ циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ старались воздѣйствовать на мировыхъ и полицейскихъ судей, чтобы склонить ихъ къ удлиненію періода назначаемаго наказанія для тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ судьи считали пригодными для примѣненія борстальскаго режима. Такъ, въ циркулярѣ министра отъ 1905 г., обращенномъ къ судьямъ, предсѣдателямъ четвертныхъ сессій и полицейскимъ магистратамъ говорится:

„Чѣмъ дольше срокъ, въ теченіе котораго осуществляется вліяніе реформаторіи, тѣмъ дѣйствительнѣе это вліяніе проявится, конечно, до извѣстныхъ предѣловъ. Принимая во вниманіе предшествующую жизнь большинства юношей, ихъ лѣность или порочное поведеніе, ихъ недисциплинированный и преступный образъ жизни, нельзя ожидать, что привычка къ регулярному труду и нравственная стойкость могутъ быть имъ привиты безъ продолжительныхъ образованія и дисциплины. Это безусловно подтверждается опытомъ. Сначала для Борсталя избирались юноши, срокъ заключенія которыхъ

былъ шесть мѣсяцевъ и больше. Но опытъ постепенно показалъ, что лучшіе результаты приходятся на пробывшихъ въ тюрьмѣ годъ (хотя еще и до того заключенный начинаетъ обнаруживать дѣйствительное исправленіе), что шансы на успѣхъ значительнѣе при болѣе продолжительномъ заключеніи; въ теченіе же срока менѣе, чѣмъ одинъ годъ, нельзя достичь чего-либо, имѣющаго прочную или вообще какую-нибудь цѣнность. Поэтому, теперь принято за правило, что только осужденные къ заключенію на годъ и болѣе будутъ принимаемы въ Борсталь и Линкольнъ [1]).

Самъ иниціаторъ этой системы Рэглъсъ-Брайсъ въ своемъ докладѣ Будапештскому пенитенціарному конгрессу рекомендовалъ еще большее удлиненіе срока. Онъ признавалъ желательнымъ. вмѣсто опредѣленныхъ приговоровъ на извѣстный срокъ, заключать взрослыхъ юношей, если судья признаетъ ихъ нуждающимися въ исправленіи. на срокъ въ три года съ правомъ широкаго досрочнаго освобожденія. Та же мысль проводится и въ отчетѣ англійскаго тюремнаго вѣдомства за 1905—6 г.г., гдѣ говорится:

„Желательно, чтобы суды получили право приговаривать

---

[1]) Вредъ краткосрочныхъ лишеній свободы. особенно для молодыхъ преступниковъ, въ Англіи былъ признанъ едва ли не раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ 1837 г. англійскіе тюремные инспектора писали: „Мы полагаемъ, что, приговаривая юношей на краткіе сроки, мы едва ли оказываемъ имъ какое либо добро. Краткіе сроки заключенія, какъ бы часто они ни повторялись, не способны оказать возраждающаго или постояннаго дѣйствія на духъ и характеръ заключеннаго“. Въ настоящее время отрицательное отношеніе къ краткосрочному заключенію проявляется еще рѣзче. „Если періодъ заключенія всего нѣсколько недѣль, то нельзя думать о благотворномъ и прочномъ результатѣ даже при наилучшихъ условіяхъ; а такъ какъ въ теченіе такого краткаго срока нельзя начать никакого полезнаго дѣла, то здѣсь имѣется прямое побужденіе къ лѣности. Когда кто-либо присужденъ къ тюрьмѣ, то періодъ заключенія долженъ быть неопредѣленнымъ и устанавливаться рѣшеніемъ компетентныхъ должностныхъ лицъ, спеціально для того назначаемыхъ, освобожденіе же должно быть условнымъ“. (Havelock Ellis. The criminal. 1901 p. 319). „Нашимъ опытомъ безспорно установлено—пишетъ John Trevarthen (Reformatory and Preventive Work 1902),—что болѣе долгій срокъ заключенія даетъ и лучшіе результаты, и мальчики съ четырехлѣтнимъ срокомъ заключенія становились лучше, чѣмъ съ однолѣтнимъ. Мы стремимся къ тому, чтобы каждый разъ назначался возможно большій срокъ, ибо мы всегда можемъ сократить его, если найдемъ ненужнымъ дальнѣйшее содержаніе“.

къ помѣщенію въ карательныя реформаторіи, руководимыя правительствомъ, преступниковъ, не достигшихъ 23 лѣтъ, на сроки не менѣе, чѣмъ одинъ годъ и не болѣе трехъ лѣтъ съ свободно осуществляемымъ по прогрессивной системѣ досрочнымъ освобожденіемъ".

IV.

Лѣтомъ 1907 г. мнѣ удалось посѣтить Борстальскую тюрьму и рядъ другихъ тюремъ, при которыхъ существуютъ Борстальскіе комитеты, и потому я позволяю себѣ дать болѣе подробный отчетъ. основанный на личномъ наблюденіи, о дѣйствіи этой системы.

Борстальская тюрьма расположена среди чудныхъ садовъ Кента, недалеко отъ устья Темзы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ стариннаго города Рочестера, на очень живописной возвышенности. Высокія стѣны ея охватываютъ довольно значительную площадь. Самая постройка очень стара. Тюремные корпуса представляютъ собою кирпичныя одноэтажныя строенія, въ которыхъ по корридорной системѣ расположены довольно просторныя камеры съ широкими окнами, снабженными желѣзными рѣшетками. Нѣсколько совершеннѣе лишь центральная зала, представляющая собою одновременно и церковь, и залъ для собраній и чтеній. Чтобы не производить мрачнаго впечатлѣнія, всѣ стѣны и строенія тюрьмы выбѣлены известкой, такъ что издали тюрьма похожа на большой барскій домъ.

Жизнь въ борстальской тюрьмѣ подчинена строго выработаннымъ правиламъ. Приведу расписаніе для заключенныхъ.

Каждый заключенный встаетъ въ 6 часовъ, чиститъ свою камеру (безукоризненная чистота камеры—первое требованіе отъ заключеннаго), получаетъ ранній завтракъ изъ хлѣба, масла и овсяной каши, въ 6.30. Въ 7.30 онъ присутствуетъ на краткой молитвѣ въ церкви. Послѣ легкой гимнастики и физическихъ упражненій, онъ отправляется на работу, которую исполняетъ до 11.30, когда происходитъ общій парадъ

и затѣмъ. къ 12 часамъ. получаетъ обѣдъ изъ бобовъ, картофеля и мяса или супа. Послѣ обѣда онъ можетъ читать или вязать до 1.15. когда работа возобновляется и продолжается до 5.30,—времени ужина, состоящаго изъ хлѣба и какао. Затѣмъ заключенному предоставляется свободное время до 8 часовъ для чтенія, вязанія или отдыха въ классахъ подъ наблюденіемъ священника. Въ восемь часовъ заключенный идетъ ко сну.

На умственное и физическое развитіе заключенныхъ обращается весьма серьезное вниманіе. Занятія въ классахъ обязательны. Если заключенный не получилъ достаточнаго образованія, то онъ занимается въ классахъ два часа въ день, въ противномъ случаѣ только одинъ часъ. Заключенные помѣщаются ночью въ довольно просторныхъ одиночныхъ камерахъ. Еженедѣльно въ общей залѣ происходятъ общія собесѣдованія визитирующихъ членовъ ассоціаціи съ заключенными или лекціи. Намъ пришлось посѣтить тюрьму какъ разъ, когда одинъ джентльменъ изъ Лондона читалъ заключеннымъ интересную лекцію „О жизненномъ мужествѣ“, прослушанную ими съ напряженнымъ вниманіемъ. Лекторъ указывалъ въ популярномъ изложеніи методы работы надъ своимъ характеромъ, указывалъ средства борьбы съ дурными привычками и объяснялъ раціональность отдѣльныхъ мѣръ, принимаемыхъ администраціей тюрьмы къ исправленію. Параллельно съ этимъ, въ примѣрахъ лекторъ сообщилъ рядъ интересныхъ фактовъ, оживляя рѣчь живымъ юморомъ.

При тюрьмѣ имѣется около двухъ десятинъ земли, обрабатываемой подъ огороды заключенными. Существуютъ разнообразныя хорошо оборудованныя мастерскія: плотничья, столярная, строительная, сапожная, кузнечная и хлѣбопекарня. Кромѣ того заключенные обучаются добыванію газа, плавленію, выдѣлкѣ корзинъ, садоводству, уходу за лошадьми, постройкѣ небольшихъ строеній и пр. Кромѣ работъ, каждый заключенный, признанный врачемъ къ тому годнымъ, ежедневно выполняетъ гимнастическія и воинскія упражненія подъ руководствомъ особыхъ инструкторовъ. Отъ заключенныхъ требуется энергичная и напряженная работа, занимаю-

щая вниманіе и требующая напряженья мускуловъ. Въ этомъ отношеніи характеръ работы ихъ сильно отличается отъ работы въ общихъ тюрьмахъ [1]).

Лишеніе свободы въ Борстальской тюрьмѣ основано на прогрессивной системѣ. Отъ стараній самого заключеннаго

---

[1]) „Прибывъ въ Борсталь—пишетъ недавній наблюдатель англійской тюремной жизни (A. Paterson „Our prisons“ 1911 p. 31—32)—новичекъ является забитымъ, оборваннымъ, недовѣрчиво относящимся къ окружающему. Онъ, конечно, уже знакомъ съ обыкновенной мѣстной тюрьмой, гдѣ постепенно пріобрѣталъ тюремныя привычки, отбывая наказаніе за мелкіе проступки, и гдѣ потерялъ страхъ предъ тюрьмой. Но здѣсь онъ встрѣчаетъ новый любопытный міръ Конечно, и здѣсь имѣются одиночныя камеры и тюремныя стѣны. И здѣсь имѣются дисциплина, правила и наказанія. И здѣсь имъ распоряжаются надзиратели и инструктора. Но какъ отличны и какъ странны новыя условія по сравненію съ прежнимъ тюремнымъ опытомъ. Въ тюрьмѣ все идетъ своимъ порядкомъ, но не очень торопливо. Требуется работа отъ заключеннаго, но онъ можетъ съ нею и не спѣшить. Необходимое при исполненіи ея вниманіе скоро становится механическимъ; соблюденіе правилъ также скоро принимаетъ механическій характеръ. У него подъ бокомъ всегда находится надзиратель. Какъ только надзиратель на минуту занялся другимъ или оглянулся, наступаетъ для него нѣсколько счастливыхъ моментовъ отдыха или разговора съ сосѣдомъ. Конечно, и въ тюрьмѣ существуютъ награды за прилежаніе, но для молодого и отважнаго заключеннаго куда интереснѣе нарушить правило дисциплины, рискуя быть пойманнымъ, чѣмъ работать ради награды. Порою даже при нарушеніи правилъ, производимомъ искусно и осторожно, удается получать марки за хорошее поведеніе. Въ Борсталѣ все обстоитъ по иному. Подростки работаютъ здѣсь за спиною надзирателя. Если новичекъ начинаетъ работать съ обычной для него прежде вялостью, онъ чувствуетъ себя сильно отставшимъ отъ другихъ. Надзиратель указываетъ ему на это, нисколько не стѣсняясь. Каждую работу онъ долженъ выполнить съ тщательнымъ вниманіемъ и энергіей. Сначала новичекъ, можетъ быть, отказывается признать неизбѣжность этого. Онъ замѣчаетъ, что въ этой тюрьмѣ имѣется меньше надзирателей, чѣмъ то онъ видѣлъ въ другихъ тюрьмахъ. Порою онъ видитъ издали своихъ товарищей въ синихъ костюмахъ, которые работаютъ часто и безъ наблюденія со стороны надзирателя. Здѣсь, думаетъ онъ, можно ограничиться кой-какой работой. Но онъ ошибается. Онъ еще не носитъ синяго платья, и глазъ надзирателя не оставляетъ его въ покоѣ; его товарищи также не относятся къ этому сочувственно. Понемногу онъ заражается общимъ примѣромъ и начинаетъ самъ работать интенсивнѣе. Иногда приходится въ началѣ прибѣгнуть къ наказаніямъ. Правила учрежденія строги. Если послѣ предостереженія, онъ продолжаетъ лѣниться, его переводятъ въ карательный разрядъ, гдѣ онъ не получаетъ денежныхъ наградъ, не можетъ писать писемъ и имѣть свиданій. Его могутъ заставить спать на голой скамейкѣ, разбивать щебень и тесать бревна. Ему это не придется по вкусу. Во время моего посѣщенія Борсталя, карательный разрядъ былъ пустъ. Кандидаты для него становятся рѣдкими“.

зависитъ улучшить свой режимъ и получить больше свободы. По прибытіи въ Борсталь каждый заключенный имѣетъ бесѣду съ начальникомъ, который подробно объясняетъ ему правила режима и то добро, которое онъ получитъ, если серьезно пожелаетъ исправиться. Онъ помѣщается въ обычную категорію (носящую темную одежду) и посылается на одну изъ заведенныхъ при тюрьмѣ работъ. Послѣ пяти мѣсяцевъ безукоризненнаго поведенія онъ получаетъ слѣдующую степень (синяя одежда), но если онъ, наоборотъ, не обнаруживаетъ хорошаго поведенія, то переводится въ карательный классъ (черная грубая одежда); состоящимъ въ этомъ послѣднемъ не разрѣшается получать книги изъ библіотеки, воспрещены свиданія и посылка писемъ.

Интересно организована система наградъ. Она основана на системѣ марокъ, согласно числу которыхъ происходитъ движеніе впередъ изъ одного разряда въ другой, и на нѣкоторыхъ привилегіяхъ. Такъ, для перехода изъ обычнаго разряда въ спеціальный требуется полученіе 600 марокъ (что возможно въ срокъ, не меньшій, чѣмъ пять мѣсяцевъ). Марки раздаются такъ: двѣнадцать въ недѣлю за прилежаніе и трудъ и еще двѣнадцать за хорошее поведеніе; кромѣ того возможно полученіе еще шести марокъ „за особыя заслуги“, къ которымъ относятся отмѣнно хорошее поведеніе, внимательность при обученіи и вообще отзывчивость на усилія, дѣлаемыя къ перевоспитанію заключеннаго. Привилегіи спеціальнаго класса состоятъ въ пользованіи лучшей обстановкой камеры — желѣзной кроватью и пружиннымъ матрацомъ, вмѣсто деревянной лежанки, маленькимъ ковромъ, зеркаломъ, въ позволеніи имѣть въ камерѣ картины, фотографіи, открытки, присланныя родными или друзьями. Заключеннымъ спеціальнаго разряда дозволяется освѣщеніе на полчаса дольше, чѣмъ остальнымъ заключеннымъ и, что цѣнится больше всего, имъ предоставляется право собираться вмѣстѣ въ читальнѣ на одинъ часъ послѣ прекращенія работъ, подъ наблюденіемъ священника, для развлеченій, игры въ шашки, шахматы, чтенія вслухъ и разговоровъ. Эти привилегіи, можетъ быть, покажутся слишкомъ простыми, но въ глазахъ заклю-

ченныхъ, которые не привыкли обыкновенно къ роскоши. такіе предметы какъ небольшое зеркало или коверъ, являются предметами здороваго стремленія и честолюбія: они доставляютъ комфортъ послѣ работы, котораго лишены заключенные другихъ классовъ. Продолжительное пребываніе въ спеціальномъ классѣ обезпечиваетъ и большее количество марокъ. Заключенный, ведшій себя хорошо въ теченіе года, можетъ быть назначаемъ на работы за стѣнами тюрьмы на сосѣднихъ фермахъ или гдѣ либо въ другихъ мѣстахъ безъ надзора наблюдателей, подъ одно лишь обѣщаніе возврата.

Составъ заключенныхъ довольно однородный. Большинство изъ нихъ мелкіе воры-рецидивисты. Въ 1906 г., напр., изъ 80 заключенныхъ только 9 содержались за преступленія, отличныя отъ кражи и мошенничества. Въ 1907—1908 г. изъ 189 помѣщенныхъ въ Борстальскую тюрьму взрослыхъ юношей 151 имѣли четвертую судимость. Спеціальнаго подбора лучшихъ не существуетъ. Необходимыми условіями являются лишь умственная нормальность и отсутствіе органическихъ недостатковъ, мѣшающихъ правильному труду. Но кромѣ этихъ личныхъ условій требуется еще, чтобы срокъ наказанія былъ достаточно продолжителенъ. Продолжительность срока заключенія, какъ показываетъ опытъ, есть необходимое условіе дѣйствительности всей системы.

Успѣхъ борстальской системы къ тому времени находился внѣ сомнѣнія. Въ 1905 году изъ 76 заключенныхъ, прошедшихъ Борсталь (изъ нихъ только шесть было осуждены въ первый разъ), 56 обнаруживали на свободѣ вполнѣ удовлетворительное поведеніе. Изъ 81 вышедшихъ за слѣдующіе 10 мѣсяцевъ, ко времени изданія отчета за 1906 г., находились на работѣ 40, 9 ушли въ провинцію на работу, 6—имѣлись на рукахъ, 6 исчезли, 4 отказались отъ помощи и 16 были вторично осуждены. За время съ 1 апрѣля 1906 г. до 1 апрѣля 1907 г. изъ 186 освобожденныхъ 120 получили работу и заняты въ ней, 7 находились на рукахъ, 11 не сообщили о себѣ свѣдѣній за малограмотностью, 15 потеряны изъ виду, 3 вели себя неудовлетворительно и 30 осуждены вновь. Нужно замѣтить, что изъ числа послѣднихъ трехъ ка-

тегорій—14 человѣкъ отказалось отъ поддержки ассоціаціи. За отчетный годъ съ 1 апрѣля 1907 г. до 1 апрѣля 1908 г. изъ 189 случаевъ въ 125 поведеніе оказалось хорошимъ, 14 потеряны изъ виду, 23 неудовлетворительны и 27 вновь осуждены. Изъ этого числа для 139 были подысканы работы, 20 получили существенную поддержку, 15 не нуждались въ ней, 7—отказались отъ помощи и 8 человѣкъ имѣются на рукахъ общества. Если принять во вниманіе, что среднее число прежнихъ судимостей у заключенныхъ этого года было 4, то нельзя не признать достигнутаго успѣха борстальской системы весьма значительнымъ.

Отчеты отдѣльныхъ тюремъ, при которыхъ организованы борстальскіе комитеты, представляли меньше данныхъ для оцѣнки вслѣдствіе недавности опыта и неполноты примѣняемой системы. Сравнительно полнѣе эта система осуществлена въ Манчестерской, Бирмингамской, Пентовильской и Вормвудской тюрьмахъ, изъ которыхъ послѣднія двѣ находятся въ Лондонѣ; но представленные ими отчеты были менѣе утѣшительны, чѣмъ отчетъ Борстальской тюрьмы. Въ результатѣ дѣйствія видоизмѣненной борстальской системы за 1907—8 г. 29% освобожденныхъ вели себя хорошо, относительно 48% не имѣлось свѣдѣній и 13% были вновь осуждены, а 10% вели себя неопредѣленно. Это обстоятельство въ значительной степени подкрѣпляло мнѣніе, что борстальская система болѣе пригодна для долгосрочнаго тюремнаго заключенія, такъ какъ во всѣхъ этихъ тюрьмахъ содержатся лишь заключенные на срокъ меньше года. Созданіе категоріи juvenile adults въ общихъ тюрьмахъ есть очень слабая мѣра, едва-ли достаточно обезпечивающая спеціализацію тюремной дисциплины. Какъ видно изъ постановки дѣла, даже въ наиболѣе значительныхъ тюрьмахъ Англіи, въ которыхъ пришлось быть автору, какъ Brixton, Wormwood Scrubs, Leicester Prison, тамъ не всегда полно проведено обособленіе этого класса отъ остальныхъ заключенныхъ на работахъ, физическія упражненія отсутствуютъ въ большинствѣ случаевъ и воздѣйствіе извнѣ крайне слабо.

Видоизмѣненной борстальской системѣ въ теченіе 1907—

1908 г.г. было подвергнуто 8,964 взрослыхъ юноши при среднемъ ежедневномъ составѣ въ 892 человѣка. Изъ нихъ 50% были осуждены за серьезные проступки противъ собственности, а остальные за полицейскія нарушенія. Продолжительность заключенія въ 69% случаевъ была менѣе одного мѣсяца, причемъ изъ этого числа 57% не имѣли предшествующихъ осужденій. Въ столицѣ 68% были приговорены къ тюрьмѣ менѣе одного мѣсяца; изъ нихъ 66% не имѣли предшествующихъ осужденій. Правительство рѣшило энергично бороться съ этимъ зломъ краткосрочныхъ заключеній. Закономъ объ испытаніи преступниковъ 1907 г. она надѣется изъять изъ тюремъ этихъ новичковъ преступности; для остальныхъ она рекомендуетъ новую систему борстальскихъ учрежденій. Циркуляръ 1905 г. отразился уже нѣсколько на характерѣ приговоровъ, такъ какъ число присужденій къ тюрьмѣ на годъ и болѣе въ 1907—1908 г.г. увеличилось на 21% безъ соотвѣтственнаго увеличенія преступности.

Успѣхъ опыта въ Борсталѣ привелъ въ 1904 г. къ распространенію этой системы на взрослыхъ юношей, находящихся въ каторжныхъ тюрьмахъ. Для этой цѣли въ одной изъ каторжныхъ тюремъ, въ Дартмурѣ, было собрано около ста юныхъ преступниковъ, осужденныхъ на срокъ въ три года и болѣе. Около 40 изъ нихъ являлись случайными преступниками, виновными въ тяжкихъ преступленіяхъ, а остальные—уже опытными въ дѣлѣ преступности рецидивистами. Здѣсь они были подвергнуты тому же борстальскому режиму, но лишь съ нѣсколько болѣе суровой дисциплиной. Администраціи Дартмурской тюрьмы удалось поднять физическое благосостояніе и производительность труда заключенныхъ. Ихъ трудами удовлетворяются всѣ потребности тюрьмы (въ томъ числѣ новыя постройки, освѣщеніе газомъ и пр.). Въ школѣ, благодаря продолжительности заключенія, стало возможнымъ преподавать и болѣе сложные предметы, какъ математика, исторія, географія, рисованіе, составленіе сочиненій, моральная исторія. Нѣсколько большія стѣсненія здѣсь проведены въ области льготъ и общихъ бесѣдъ. Послѣднія допускаются только въ присутствіи учителя въ виду большей опасности дур-

ного вліянія. Благодаря системѣ вознагражденій и льготъ, дисциплинарныя наказанія являются почти упраздненными, и два или три темныхъ карцера, имѣющіеся при тюрьмѣ, мѣсяцами стоятъ безъ употребленія. Тюрьма отличается прекраснымъ расположеніемъ и хорошей организаціей земледѣльческихъ работъ.

V.

Благопріятные результаты Борстальской системы и стремленіе содѣйствовать болѣе широкому ея примѣненію привели правительство къ необходимости позаботиться о законодательной ея санкціи. Изданіе закона было бы полезно и въ томъ отношеніи, что онъ позволилъ бы мировымъ судьямъ назначать заключеніе въ Борсталь на болѣе продолжительные сроки, тогда какъ до сихъ поръ они были стѣснены максимальнымъ срокомъ тюремнаго заключенія въ одинъ годъ.

Въ сессію 1907 г. правительствомъ былъ внесенъ „Проектъ закона о государственныхъ реформаторіяхъ“ (State Reformatories Bill), предусматривавшій возможность содержанія молодыхъ преступниковъ въ особыхъ реформаторіяхъ на достаточно долгій періодъ съ предоставленіемъ права тюремной администраціи, при участіи особыхъ комитетовъ, досрочно освобождать по своему усмотрѣнію, если будетъ имѣться надежда на надлежащее устройство освобождаемаго на свободѣ. Но въ данную сессію оказалось невозможнымъ провести этотъ законопроектъ. Въ новой сессіи 1908 г. правительство вновь предложило вниманію парламента этотъ законопроектъ, но включивъ его какъ часть въ болѣе обширный проектъ „о предупрежденіи преступности“ (Prevention of crime bill).

Билль о предупрежденіи преступленій былъ внесенъ въ Палату Общинъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Гладстономъ и генеральнымъ атторнеемъ Гербертомъ Самуэль 27 мая 1908 г. и сталъ закономъ 21 декабря 1908 г. Въ дѣйствіе однако онъ введенъ лишь съ 1 августа 1909 г. Онъ представляетъ изъ себя оригинальную комбинацію законодательныхъ и административныхъ мѣръ. Законодательство здѣсь, какъ и во многихъ другихъ законодательныхъ актахъ послѣдняго времени,

опредѣляетъ лишь главныя задачи вводимой мѣры и делегируетъ рядъ полномочій различнымъ административнымъ органамъ для проведенія этихъ задачъ въ жизнь.

Сущность новаго закона выражена въ п. 1 ст. I, который гласитъ: „Если кто либо будетъ признанъ виновнымъ по обвинительному акту въ дѣяніи, за которое можетъ быть назначена каторжная или простая тюрьма (penale servitude or imprisonment) и если на судѣ будетъ констатировано: а) что данное лицо находится въ возрастѣ не менѣе 16 и не болѣе 21 года, и б) что въ силу преступныхъ привычекъ или склонностей, или вслѣдствіе общенія съ лицами дурного характера представляется желательнымъ, чтобы оно было подвергнуто заточенію на такой срокъ и при такихъ режимѣ и дисциплинѣ, которые явятся наиболѣе успѣшными для его исправленія или для репрессіи преступности,—то судъ будетъ вправѣ, вмѣсто присужденія его къ каторжной или простой тюрьмѣ, присудить его къ заключенію въ борстальскія учрежденія на срокъ не менѣе одного года и не болѣе трехъ лѣтъ.

„При этомъ, однако, до постановленія такого приговора судъ долженъ разсмотрѣть всѣ заявленія и свѣдѣнія, представленныя отъ тюремнаго управленія относительно пригодности даннаго случая для режима борстальскихъ учрежденій, и придти къ заключенію, что характеръ, состояніе здоровья и умственное состояніе преступника а также другія обстоятельства дѣла таковы, что можно съ вѣроятностью полагать. что этотъ преступникъ извлечетъ пользу отъ такого образованія и такой дисциплины“.

Въ этой статьѣ присужденіе въ борстальскія учрежденія ставится параллельно съ прежде существовавшими видами наказанія. Но въ руководство судьи: 1) даются указанія на то, какія категоріи молодыхъ преступниковъ являются пригодными для этой системы, причемъ для полноты знаній ему представляются также свѣдѣнія отъ тюремнаго управленія; 2) удлиняется срокъ присужденія до 3 лѣтъ, и 3) отмѣчается главная задача этихъ учрежденій служить цѣлямъ исправленія и дисциплины.

Категоріи лицъ, подлежащихъ помѣщенію въ борстальскія

учрежденія, въ дальнѣйшихъ статьяхъ (2 и 3) испытываютъ расширеніе въ двоякомъ направленіи. Во первыхъ. сюда могутъ быть приговариваемы судами суммарнаго производства воспитанники исправительно-воспитательныхъ заведеній (reformatory schools), находящіеся въ возрастѣ болѣе 16 лѣтъ, за наиболѣе серьезныя нарушенія порядка въ этихъ учрежденіяхъ (побѣги изъ школы, подстрекательство къ нарушенію порядка, нарушенія порядка); при этомъ присужденіе происходитъ на срокъ отъ одного года до трехъ лѣтъ. Во вторыхъ министру предоставляется уполномочить главное тюремное управленіе переводить изъ каторжныхъ и общихъ тюремъ лицъ, приговоренныхъ къ содержанію въ этихъ учрежденіяхъ (даже до изданія настоящаго закона), въ борстальскія учрежденія для отбытія тамъ полностью или частью назначеннаго имъ наказанія, если онъ признаетъ ихъ для того соотвѣтствующими. Такой переводъ разсматривается какъ простая перемѣна одного мѣста заключенія на другое, и потому предоставляется административной власти; содержаніе здѣсь возможно лишь въ предѣлахъ срока, опредѣленнаго въ судебномъ приговорѣ для первоначальнаго наказанія.

Съ другой стороны, если коммисія посѣтителей борстальскаго учрежденія сообщить министру о неисправимомъ характерѣ кого либо изъ заключенныхъ въ немъ или о томъ, что онъ оказываетъ дурное вліяніе на другихъ заключенныхъ, то министръ можетъ замѣнить оставшуюся неотбытой часть заключенія въ борстальскихъ учрежденіяхъ общимъ тюремнымъ заключеніемъ съ тяжкимъ трудомъ или безъ него на срокъ не больній, чѣмъ оставшійся не отбытымъ (ст. 7).

Наконецъ, въ случаѣ успѣха этого закона, министру предоставляется, подъ соотвѣтственнымъ контролемъ парламента, распространить дѣйствіе борстальскихъ учрежденій на лицъ до 23 лѣтъ, вмѣсто возраста въ 21 годъ, предусмотрѣннаго настоящимъ закономъ (ст. 1 п 2).

Такимъ образомъ административной власти, по преимуществу власть центральной, предоставляется широкія полномочія опредѣлять тѣ категоріи лицъ, которыя пригодны для примѣненія исправительнаго режима борстальскихъ учрежденій. Она уча-

ствуетъ или въ качествѣ органа, дающаго свое заключеніе судьѣ, или въ качествѣ органа, видоизмѣняющаго родъ назначеннаго судомъ наказанія, но такъ, чтобы положеніе осужденнаго въ смыслѣ продолжительности срока заключенія не ухудшилось. Наконецъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ этой административной власти предоставляется расширить дѣйствіе закона.

Сами борстальскія учрежденія опредѣляются въ ст. 4, какъ „мѣста, въ которыхъ юные преступники въ теченіе заключенія подвергаются ремесленному и иному образованію, дисциплинарнымъ и нравственнымъ воздѣйствіямъ, которыя могутъ привести къ исправленію ихъ (reformation) и предупрежденію преступности“. Болѣе детально режимъ этихъ учрежденій не опредѣляется. Вмѣсто того министру предоставляется „выработать правила объ управленіи и устройствѣ борстальскихъ учрежденій, о составѣ коммисій посѣтителей, о классификаціи, режимѣ, занятіяхъ и контролѣ для лицъ, содержащихся въ нихъ, и о приспособленіяхъ для временнаго ихъ содержанія до отсылки въ эти учрежденія“. Въ остальномъ къ заключеннымъ должны быть примѣняемы общіе законы относительно тюремъ (Prison acts 1865—1898) (ст. 4, п. 2).

Для цѣлей созданія такихъ учрежденій министру предоставляется право пріобрѣтать земли, сооружать или пріобрѣтать зданія или приспособлять существующія зданія для этихъ цѣлей на средства, которыя будутъ ассигнованы Парламентомъ.

Наиболѣе подробно изъ всѣхъ сторонъ новой мѣры регулируется условное освобожденіе. Законъ окончательно порываетъ съ системой полицейскаго надзора и устанавливаетъ патронированіе и попеченіе за освобожденными.

Ст. 5, п. 1 гласитъ: „Тюремное управленіе, принимая во вниманіе правила, которыя на этотъ счетъ будутъ изданы министромъ, можетъ во всякое время по отбытіи заключеннымъ шести мѣсяцевъ (а для женщинъ—трехъ) отъ начала помѣщенія въ борстальскія учрежденія, освободить его изъ учрежденія, выдавъ особое свидѣтельство (licence) подъ условіемъ, чтобы

онъ былъ помѣщенъ подъ наблюденіе или подъ власть какого либо общества или лица, поименованнаго въ этомъ свидѣтельствѣ, которыя согласятся принять на себя заботу о немъ. При этомъ, при предоставленіи освобожденія, тюремное управленіе должно имѣть увѣренность въ разумной вѣроятности того, что освобождаемый будетъ воздерживаться на свободѣ отъ учиненія преступленій и вести полезную и трудовую жизнь".

Свидѣтельство это даетъ право освобожденному находиться на свободѣ до истеченія срока назначеннаго наказанія, если оно не будетъ ранѣе отъ него отобрано. Такое отнятіе можетъ быть произведено тюремнымъ управленіемъ во всякое время, причемъ министръ издаетъ на этотъ счетъ опредѣленныя правила. Отъ такого административнаго порядка отобранія свидѣтельства объ увольненіи до срока отличается судебное его отнятіе (forfeiture). Оно наступаетъ по опредѣленію мирового судьи въ томъ случаѣ, если освобожденный станетъ уклоняться отъ надзора соотвѣтственнаго лица или совершитъ какое либо нарушеніе условій, содержащихся въ этомъ свидѣтельствѣ. При административномъ отобраніи освобожденный немедленно арестуется и возвращается въ борстальское учрежденіе; при судебномъ онъ можетъ быть арестованъ по постановленію судьи и временно содержаться въ тюрьмѣ до возвращенія въ учрежденіе, причемъ это время не засчитывается въ срокъ наказанія.

По отбытіи срока присужденія къ борстальскому учрежденію, осужденное лицо въ теченіе послѣдующихъ шести мѣсяцевъ находится подъ надзоромъ тюремнаго управленія. Тюремное управленіе можетъ всякому лицу, находящемуся подъ его надзоромъ, выдавать свидѣтельство объ освобожденіи и можетъ отбирать это свидѣтельство, возвращая данное лицо въ учрежденіе, но уже на срокъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ съ возможностью предоставленія свидѣтельства снова. Такой возвратъ можетъ происходить только въ случаѣ необходимости этого въ цѣляхъ защиты этого лица и не позже трехъ мѣсяцевъ по освобожденіи; при этомъ ни въ коемъ случаѣ онъ не можетъ длиться послѣ истеченія шестимѣсячнаго над-

зора. Отъ этого шестимѣсячнаго надзора, по предписанію министра, могутъ быть освобождаемы отбывшія наказаніе лица или срокъ надзора можетъ быть министромъ сокращаемъ.

Законъ предусматриваетъ выдачу государственныхъ субсидій лицамъ или обществамъ, принимающимъ на себя заботу объ условно или окончательно освобожденныхъ изъ борстальскихъ учрежденій.

Въ этихъ правилахъ объ освобожденіи обращаютъ на себя вниманіе въ особенности слѣдующія черты. Надзоръ общества или лица является обязательнымъ. Онъ можетъ происходить по истеченіи 6 или 3 мѣсяцевъ заключенія, независимо отъ срока наказанія (безразлично одинъ годъ или три года). Наказаніе опредѣляетъ лишь тотъ періодъ, въ теченіе котораго осужденный будетъ находиться подъ контролемъ тюремной власти. Такимъ образомъ освобожденіе можетъ происходить даже лишь по отбытіи $^{1}/_{12}$ части наказанія, назначеннаго въ приговорѣ (напр. для женщинъ, приговоренныхъ къ трехлѣтнему заточенію въ борстальскія учрежденія). Освобожденіе до истеченія назначеннаго въ приговорѣ срока всегда почитается условнымъ. Но, въ противоположность континентальной системѣ условнаго освобожденія, время, отбытое на свободѣ при добропорядочномъ поведеніи, всегда засчитывается въ наказаніе (хотя бы освобожденный и не выдержалъ своего поведенія до конца срока и былъ возвращенъ въ борстальское учрежденіе). Возвратъ въ учрежденіе предоставленъ одинаково и административной и судебной власти. Первой даже въ болѣе широкой степени и въ дискреціонной формѣ. Далѣе эти правила вводятъ новый интересный институтъ послѣдующаго тюремнаго надзора (замѣняющаго надзоръ полицейскій), назначаемаго по общему правилу на шесть мѣсяцевъ. Этотъ надзоръ примѣняется послѣ отбытія всего назначеннаго въ приговорѣ срока заключенія или условнаго освобожденія. Онъ также является до извѣстной степени условнымъ, такъ какъ тюремная власть (но не судья) можетъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ постановить о возвращеніи въ учрежденіе состоящаго подъ надзоромъ. Но такое возвращеніе

происходитъ уже не въ цѣляхъ карательно-предупредительныхъ, а въ интересахъ самого освобожденнаго. Напр., освобожденный не можетъ устроиться на свободѣ, находится безъ пріюта, не имѣетъ попечителя и пр. Здѣсь уже борстальское учрежденіе разсматривается не какъ карательная мѣра, а скорѣе какъ форма закрытаго временнаго призрѣнія на случай необходимости. Какъ видно изъ сказаннаго, условное и окончательное освобожденіе по новому закону поставлены весьма оригинально. Фактически здѣсь вводятся неопредѣленные приговоры съ максимумомъ и къ нимъ присоединяется еще особая форма покровительственнаго надзора и даже покровительственнаго заточенія по отбытіи максимальнаго срока. Можно сказать еще рѣшительнѣе. Новый законъ выдаетъ министру и тюремному управленію извѣстный бланкъ для примѣненія различныхъ воспитательныхъ мѣръ по отношенію къ юнымъ преступникамъ, ставя имъ лишь два условія: 1) заключеніе должно быть не менѣе 6 или 3 мѣсяцевъ въ формѣ закрытаго надзора въ учрежденіи и 2) общее наблюденіе въ той или иной формѣ за осужденнымъ должно быть не короче назначеннаго въ приговорѣ срока. Форма наблюденія, а также вопросъ о продленіи его еще на 6 мѣсяцевъ послѣ истеченія срока, ставятся въ зависимость отъ административной власти, которой лишь указывается для руководства общая цѣль, преслѣдуемая закономъ. Нельзя не признать, что этимъ оказывается административной власти громадное довѣріе, которое объясняется въ данномъ случаѣ главнымъ образомъ тѣмъ, что законъ имѣлъ въ виду готовыя формы, уже выработанныя на практикѣ этой административной властью, и не желалъ стѣснять ее въ дальнѣйшихъ усовершенствованіяхъ, которыя могутъ потребоваться. Эта сложная форма освобожденія замѣняетъ собою неопредѣленные приговоры, на открытое признаніе которыхъ не рѣшился парламентъ.

Новый законъ въ отношеніи несовершеннолѣтнихъ отъ 16 до 21 года вступилъ въ дѣйствіе 1 августа 1909 г. Къ этому времени начальникамъ всѣхъ тюремъ былъ разосланъ главнымъ тюремнымъ управленіемъ циркуляръ, въ которомъ отмѣчались главнѣйшія задачи закона.

„Вы замѣтите—пишетъ циркуляръ—что законъ производитъ нѣкоторыя весьма важныя измѣненія въ процессѣ, которымъ регулировалось примѣненіе полной борстальской системы. До сихъ поръ взрослые юноши приговаривались къ тюремному заключенію обыкновенно на срокъ въ одинъ годъ и только при этомъ условіи переводились въ Борсталь или Линкольнъ, согласно предписанію министра отъ 24 января 1902 г. На будущее время въ эти мѣста заключенія должны быть отсылаемы только тѣ, которые осуждены по обвинительному акту не къ тюрьмѣ, а къ „заточенію въ борстальскія учрежденія“, которое не можетъ быть производимо на срокъ менѣе одного года и болѣе трехъ лѣтъ. Выборъ заключенныхъ теперь находится въ рукахъ не тюремнаго управленія, а суда. Но на тюремномъ управленіи остается обязанность чрезъ своихъ агентовъ информировать судебную власть относительно пригодности даннаго случая для борстальскаго режима, для чего слѣдуетъ удостовѣриться въ характерѣ, состояніи здоровья и умственномъ развитіи преступника а также въ другихъ обстоятельствахъ даннаго случая. Для выполненія этой отвѣтственной задачи тюремное управленіе полагается на васъ, на священника и врача вашей тюрьмы, а также въ соотвѣтственныхъ случаяхъ и на другихъ должностныхъ лицъ тюрьмы“.

Составляя заключенія для суда, начальники должны выяснить точно слѣдующіе вопросы: 1) правильный возрастъ подсудимаго, 2) является ли онъ первичнымъ преступникомъ или нѣтъ, 3) подвергался ли онъ заключенію въ Борсталѣ или Линкольнѣ, или нѣтъ, 4) находился ли онъ въ исправительно-воспитательномъ заведеніи, 5) находился ли онъ въ „центральномъ депо“ для взрослыхъ юношей [1]), 6) годенъ ли онъ для физическихъ упражненій, работы и является ли

---

[1]) „Центральное депо“ (central depot), напоминающее наши особыя помѣщенія при тюрьмахъ, предполагается учредить въ различныхъ мѣстахъ съ цѣлью содержать тамъ взрослыхъ юношей, дѣла о которыхъ отсрочены до четвертныхъ сессій или ассизовъ ради примѣненія къ нимъ борстальскаго режима, или юношей приговоренныхъ къ тюрьмѣ на срокъ болѣе 4 мѣсяцевъ—для примѣненія къ нимъ видоизмѣненной борстальской системы. Эти обѣ категоріи должны быть устраняемы изъ общихъ тюремъ.

нормально-развитымъ въ умственномъ отношеніи, 7) является ли онъ иностранцемъ.

Непригодными для полной борстальской системы признаются:

а) молодые люди, характеръ которыхъ до того являлся удовлетворительнымъ и которые могутъ скорѣе пострадать отъ общенія съ рецидивистами и хулиганами;

б) юноши, имѣющіе дурное здоровье и мало развитые въ физическомъ отношеніи, вслѣдствіе ихъ неспособности къ гимнастикѣ и тяжелому труду;

в) юноши, которые раньше уже имѣли случай испытать воспитательное вліяніе въ исправительно-воспитательномъ заведеніи или въ борстальскомъ учрежденіи и которые не извлекли изъ того пользы.

Циркуляръ начальника тюремнаго управленія отъ 1909 г. даетъ болѣе подробное объясненіе причинъ непригодности этихъ категорій.

„Въ силу постановленій закона 1908 г. лица, направляемыя въ борстальскія учрежденія, должны быть „лицами, имѣющими преступныя привычки или сконности“ или „должны были находиться въ общеніи съ людьми дурного характера“. Юные заключенные, характеръ которыхъ въ прошломъ былъ удовлетворителенъ, очевидно сюда не относятся. Когда дѣяніе, за которое кто-либо судится, является скорѣе случайнымъ, нежели привычнымъ, если юный преступникъ поддался искушенію, если онъ сохраняетъ свое положеніе, раскаивается въ паденіи, если онъ имѣетъ порядочныхъ друзей, готовыхъ помочь ему и найти для него занятіе послѣ отбытія заключенія, онъ не долженъ разсматриваться какъ человѣкъ, пригодный для Борсталя. Вы знаете, какъ рѣдко заключенные звѣзднаго класса (Star division) возвращаются назадъ въ тюрьму,—только 8,8% изъ числа 63,614 заключенныхъ мужчинъ, отбывавшихъ наказаніе въ звѣздномъ классѣ въ теченіе 11 лѣтъ. И нѣтъ основаній предполагать, что такіе хорошіе результаты не будутъ продолжаться“.

„Что касается заключенныхъ, слабосильныхъ и нездоровыхъ, то хотя многіе изъ нихъ по характеру могутъ явиться

пригодными для борстальскихъ учрежденій, но не слѣдуетъ забывать, что сущность режима въ борстальскихъ учрежденіяхъ сводится въ строгой дисциплинѣ и тяжелой работѣ. Молодые люди съ привычными преступными склонностями обыкновенно являются праздными и лѣнивыми, не имѣвшими привычки къ постоянной работѣ и мускульнымъ упражненіямъ. Слабосильные и нездоровые, конечно, окажутся неприспособленными для такого трудового режима".

„Наконецъ, относительно третьей категоріи имѣется весьма мало вѣроятности, что судъ согласится приговорить вновь къ борстальскому режиму того, кто уже разъ отбывалъ его. Случай съ бывшимъ воспитанникомъ исправительнаго пріюта сложнѣе. Обыкновенно такіе элементы являются наиболѣе дурными и подаютъ наименѣе надеждъ. Посылка ихъ въ борстальскія учрежденія должна быть осуждена. Но, конечно, возможны отдѣльныя исключенія".

Суды широко воспользовались новымъ закономъ. Изъ числа 1.475 взрослыхъ юношей, фигурировавшихъ на судѣ съ 1 августа 1909 г. до 1 апрѣля 1910 г.—385 приговорены къ помѣщенію въ борстальскія учрежденія. Среднимъ возрастомъ этихъ приговоренныхъ было 18½ лѣтъ; среднимъ числомъ предшествующихъ судимостей было 3, хотя встрѣчаются случаи съ 10, 11 и даже 15 предшествующими осужденіями. Въ числѣ проступковъ значительно преобладаютъ преступленія противъ собственности. За конецъ 1909 г. въ борстальскія учрежденія было принято 186 заключенныхъ и изъ нихъ 171 по приговору судовъ и 15 по распоряженію министра. Изъ 82 освобожденныхъ 61 были освобождены до истеченія срока и только одинъ изъ нихъ нарушилъ условія освобожденія и былъ возвращенъ въ учрежденіе.

Объ освобожденныхъ даетъ болѣе подробныя свѣдѣнія отчетъ ассоціаціи. За годъ, кончающійся 31 марта 1910 г., ассоціація оказала помощь 236 юношамъ и 5 дѣвушкамъ. Изъ нихъ 191 получили полную экипировку и помѣщены на мѣста. Для 40 пріисканы пріюты, 11 отказались отъ помощи. Изъ числа 241 освобожденныхъ—184 вели себя хорошо, 7 потеряны изъ виду, 20 ведутъ себя дурно и

30 осуждены вновь. Изъ этихъ послѣднихъ 7 впали вновь въ преступленіе вслѣдствіе возвращенія въ старую среду, 4 стали жертвой своего неукротимаго характера, 6 могутъ быть отнесены къ категоріи „неисправимыхъ бродягъ“, 8 наскучили работой, 2 являются слабоумными и 3 дѣйствовали, повидимому, подъ вліяніемъ внезапнаго побужденія. Изъ 30 вновь осужденныхъ 19 были пристроены къ различнымъ занятіямъ и 6 отвергли всякую помощь общества.

Число приговоренныхъ къ борстальскимъ учрежденіямъ къ концу 1910 г. равнялось приблизительно 550. Это превысило число существующихъ вакансій и потому рѣшено было основать новое борстальское учрежденіе. Для этой цѣли были пріобрѣтены земли и строенія Feltham Indutrial School, принадлежавшей Лондонскому мѣстному совѣту. Эта земля, занимающая болѣе 100 акровъ, представляетъ большія удобства для земледѣльческаго труда, а сами строенія очень удобны для цѣлей классификаціи. Новое учрежденіе будетъ расчитано на 400 заключенныхъ и возможно, что съ открытіемъ его отпадетъ необходимость въ поддержаніи Линкольскаго учрежденія, представляющаго много неудобствъ вслѣдствіе своихъ небольшихъ размѣровъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1909 г., были предприняты первые шаги для примѣненія борстальскаго режима къ женщинамъ. Для этой цѣли одинъ изъ корпусовъ женской тюрьмы въ Эйльсбюри передѣланъ въ борстальское учрежденіе, куда направляются всѣ осужденныя по новому закону. Для женщинъ, приговариваемыхъ къ общей тюрьмѣ и находящихся въ возрастѣ между 16 и 23 годами, образованы съ 1 января 1910 г. при каждой женской тюрьмѣ, „борстальскіе комитеты“, которые примѣняютъ видоизмѣненную борстальскую систему. Они состоятъ почти исключительно изъ женщинъ. За первые три мѣсяца 1910 г. 275 женщинъ подверглись этому режиму. Изъ нихъ 192 были осуждены на срокъ до одного мѣсяца. 54—до 4 мѣс., 18—до 12 мѣс. и 11—болѣе 12 мѣс. По числу предшествующихъ осужденій: 151 были осуждены въ первый разъ, 89—имѣли отъ 1 до 3 предшествующихъ осужденій, 33—отъ 3 до 6 и 2 болѣе 6.

Преступленіями, за которыя состоялось осужденіе, были: въ 92 случаяхъ кража, 56—пьянство, 56—нарушеніе полицейскихъ предписаній, 48—бродяжничество, 10—драка и 13—другіе проступки.

Результаты примѣненія *видоизмѣненной борстальской системы*, по мнѣнію тюремнаго отчета, являются успѣшными. Этотъ успѣхъ можетъ быть приписанъ не только вниманію судей и тюремнаго персонала, но и активной дѣятельности посѣщающихъ коммисій. Въ теченіе 1909—10 г. за исключеніемъ 6.525 заключенныхъ, приговоренныхъ на срокъ менѣе мѣсяца, 2.184 взрослыхъ юношей были подвергнуты видоизмѣненному борстальскому режиму. Средне-суточный составъ ихъ былъ 771. Изъ нихъ 507 приговоренныхъ на сроки болѣе 4 мѣсяцевъ содержались въ особыхъ сборныхъ тюрьмахъ. Изъ 621 взрослаго юноши, освобожденныхъ изъ этихъ сборныхъ тюремъ, не менѣе 59% ведутъ себя хорошо, относительно 28% не поступало какихъ-либо неблагопріятныхъ свѣдѣній, 9% осуждены вновь и 3% ведутъ себя неопредѣленно. Изъ 2.303, отбывшихъ наказаніе срокомъ отъ одного до четырехъ мѣсяцевъ 23% ведутъ себя хорошо, о 57% не поступало неблагопріятныхъ свѣдѣній, 12/% осуждено вновь и 7% ведутъ себя неопредѣленно. Характерно, что изъ приговоренныхъ къ тюрьмѣ на срокъ менѣе одного мѣсяца 64% являются первичными преступниками, а изъ приговоренныхъ на большіе сроки—43%.

Уголовная статистика за послѣдніе годы показываетъ значительное сокращеніе числа лицъ въ возрастѣ отъ 16 до 21 года, содержащихся въ тюрьмахъ:

Число заключенныхъ.			Число заключенныхъ.		
Годъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Годъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.
1893	17,940	3,645	1900— 1	11,758	2,769
1894	18,475	3,568	1901— 2	13,342	2,200
1895	16,225	3,273	1902— 3	13,767	2,421
1896	13,444	2,924	1903— 4	14,924	2,452
1897	14,809	2,697	1904— 5	16,081	2,326
1898	15,302	2,667	1905— 6	15,878	2,248
1899	12,178	2,316	1906— 7	13,539	1,641

1907	8	12,644	1,286	1909—10	12,236	1,186
1908	9	12,645	1,234			

Эти цифры достаточно краснорѣчивы и не нуждаются въ комментаріяхъ [1]).

VI.

Борстальская система, какъ видно изъ циркуляра министра, предназначена только для физически сильныхъ молодыхъ людей, способныхъ къ работѣ. Но кромѣ нихъ имѣются сотни и тысячи слабыхъ юношей, которые принуждены оставаться въ предѣлахъ общихъ тюремъ. Между тѣмъ, для большинства ихъ тюрьма не имѣетъ устрашающаго значенія, а только пріучаетъ ихъ къ праздности. „Я могу замѣтить—пишетъ Т. Холмсъ,—что въ то время, какъ я видѣлъ сотни молодыхъ людей, горько плачущихъ въ камерахъ полицейскихъ судовъ въ ожиданіи первой отправки въ тюрьму, я не могу припомнить ни одного случая, когда бы они плакали или проявляли признаки страха при ожиданіи своего второго приговора. Причинъ для того долго искать не приходится, ибо одного мѣсяца пребыванія въ тюрьмѣ было достаточно, чтобы разсѣять страхъ; они уже знаютъ, что тюрьма не является столь ужаснымъ мѣстомъ и послѣ перваго ощущенія непріятности при заключеніи въ тюрьму, они уже не будутъ испытывать его вновь. Но болѣе близкое знакомство съ молодыми

---

[1]) Система, извѣстная подъ именемъ борстальской, введена съ 1906 г. въ Ирландіи въ тюрьмѣ Clonmel. До закона о предупрежденіи преступленій 1908 г., распространившаго свое дѣйствіе и на Ирландію, выборъ подходящихъ случаевъ находился въ рукахъ начальника ирландскаго тюремнаго управленія (Mr. I. S. Gibbons). Число юношей, подвергнутыхъ воспитательному режиму, равнялось до 1 января 1910 г.—115. Всѣ они были приговорены на сроки отъ 9 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ. Изъ нихъ 41 не имѣли предшествующихъ осужденій; 11—имѣли 1, 23—2, 8—3, 8—4, 10—5, 12—отъ 6 до 10 и 2—отъ 11 до 20 осужденій. При тюрьмѣ Clonmel работаетъ также отдѣленіе борстальской ассоціаціи. Изъ числа 29 освобожденныхъ послѣ введенія этой системы 24 ведутъ себя хорошо и 5 были осуждены вновь. Рядъ данныхъ, опубликованныхъ въ отчетахъ ирландской тюремной комиссіи показываетъ успѣхъ этой системы при первыхъ шагахъ. (См. I. Gibbons Rapport presentf an Congres de Washington. XII Livraison 1910 p. 48, 2-ème Secton, 1-iere question.

преступниками приводитъ къ серьезному размышленію. Въ теченіе многихъ лѣтъ я замѣтилъ, что большинство ихъ является физически слабыми и многіе изъ нихъ страдаютъ отъ какой либо болѣзни, порока или неспособности. Мои наблюденія были подкрѣплены свидѣтельствомъ оффиціальныхъ авторитетовъ. Въ 1898 г. было произведено тщательное разслѣдованіе молодыхъ людей, содержавшихся въ пентовильской тюрьмѣ въ возрастѣ между 16 и 21 годомъ. Оно установило тотъ фактъ, что какъ въ отношеніи роста, такъ и въ отношеніи вѣса, молодые преступники стоятъ значительно ниже нормальнаго. Какъ классъ они на два вершка ниже средняго роста и вѣсятъ на 14 фунтовъ (англійскихъ) меньше средняго вѣса людей этого возраста и 26% ихъ поражены какой либо болѣзнью, физическимъ порокомъ или неспособностью. Въ 1908 г. это изслѣдованіе было повторено и получены тѣ же результаты. Другимъ поразительнымъ фактомъ, обнаружившимся при этомъ разслѣдованіи, было то, что наиболѣе значительный процентъ повторныхъ осужденій (не менѣе 40%) падаетъ на этотъ классъ слабосильныхъ. Впрочемъ, это не удивительно, такъ какъ каждый исправительный пріютъ могъ отказать имъ въ принятіи вслѣдствіе ихъ физической или умственной слабости“ [1]).

Не принимаемые въ борстальскія учрежденія, эти юные преступники въ общемъ подчиняются общему режиму. Только за послѣдній годъ министръ Черчиль заявилъ въ Палатѣ Общинъ о томъ, что онъ предполагаетъ внести для этого класса врачебную гимнастику, какъ составную часть режима. Возможно по отношенію къ нимъ будетъ выработанъ особый видъ „видоизмѣненной борстальской системы“.

Мы лично вынесли очень благопріятное впечатлѣніе изъ ознакомленія съ борстальской системой на мѣстѣ. Здѣсь въ значительно меньшей степени замѣтна была та печать угнетенія, которую накладываетъ пребываніе въ тюрьмѣ на чело-

---

[1]) Report of the Howard Association for 1909.

вѣка. Бодрая работа и живое вниманіе къ происходящему со стороны заключенныхъ—лучшіе признаки хорошо идущаго дѣла. Съ другой стороны, въ дѣятельности тюремной администраціи замѣтна любовь и энергія — продукты сознанія плодотворности работы. Начальникъ тюрьмы не является только „хозяиномъ отеля, заботящимся лишь о квартирѣ и пропитаніи проживающихъ у него неизвѣстныхъ лицъ и объ отсутствіи безпорядковъ въ стѣнахъ ввѣреннаго ему учрежденія“, какъ грустно замѣтилъ про себя въ разговорѣ начальникъ одной изъ большихъ англійскихъ тюремъ, а дѣятельнымъ руководителемъ живого дѣла, близко знакомымъ съ личностью каждаго. При осуществленіи борстальской системы заимствовано многое изъ американскихъ реформаторій: здѣсь мы видимъ тѣ же усиленныя траты государства на заключенныхъ, то же вниманіе къ дисциплинѣ и системѣ наградъ, включая развлеченія, то же участіе общества въ бесѣдахъ съ заключенными. Но эта система лишена той роскоши, которая широко практикуется въ реформаторіяхъ Америки. Здѣсь существуетъ лишь одно лакомство для заключенныхъ спеціальнаго класса—нѣсколько ложекъ варенья по воскреснымъ днямъ, но нѣтъ ресторанной кухни американскихъ реформаторій. Возрастъ заключенныхъ здѣсь также ниже (въ Америкѣ онъ порою доходитъ до 40 лѣтъ), но за то главный контингентъ заключенныхъ представляютъ не первичные преступники, а рецидивисты.

Въ борстальской системѣ можно видѣть лишь переходный шагъ отъ типа казарменной тюрьмы къ типу тюрьмы реформирующей. Граница проведена въ зависимости отъ условій общественной жизни и характера заключенныхъ; съ измѣненіемъ этихъ данныхъ и она сможетъ перемѣщаться болѣе въ сторону чистой реформаторіи. Созданіе такой переходной формы важно для лицъ, которыя до сихъ поръ подчинялись общему режиму тюрьмы, хотя представляютъ собою матеріалъ болѣе благопріятный. Борстальская система не есть вѣрное средство исправленія, но она и не „лучшая школа преступленія“, какъ опредѣляетъ современную тюрьму D-r Paul Aubry. Она не всемогущая мѣра противъ рецидивизма, но и не „за-

разное гнѣздо рецидивизма и порока. куда запереть сотни юношей—значитъ совершить преступленіе худшее, чѣмъ то, которое совершено кѣмъ-либо изъ самихъ заключенныхъ туда", какъ пишетъ Кропоткинъ. Она не лучшая школа характера, но и не „питомникъ разврата для юныхъ преступниковъ, мѣсто пытки для тѣхъ, которые обладаютъ развитымъ чувствотъ гуманности, и вмѣстѣ съ тѣмъ комфортабельный пріютъ для привычныхъ преступниковъ и упорныхъ рецидивистовъ, больше другихъ нуждающихся въ работѣ и устрашающемъ воздѣйствіи", какъ пишетъ Havelock Ellis. Это—разумно организованная система воздѣйствія на преступниковъ, достигающая относительно наилучшихъ результатовъ по сравненію съ возможными при современныхъ взглядахъ на преступленіе формами тюремнаго устройства. Въ основѣ ея лежитъ „конкретная, простая система прочной и выработанной дисциплины, умѣряемой системой прогрессирующихъ наградъ и привиллегій, которыя зависятъ отъ количества марокъ, получаемыхъ за прилежаніе, поведеніе и особыя заслуги". Руководимая преданными дѣлу и разумными людьми и поддерживаемая дѣятельнымъ содѣйствіемъ общественыхъ силъ, она служитъ доказательствомъ того, что и при современныхъ условіяхъ не слѣдуетъ отказываться отъ возможности заняться перевоспитаніемъ человѣка въ тюрьмѣ.

Эта система замѣчательна, какъ первая попытка использовать въ Европѣ опытъ американскихъ реформаторій, и въ этомъ отношеніи не будетъ преувеличеніемъ назвать ее вмѣстѣ съ Рэсселемъ и Ригби „наиболѣе замѣчательнымъ улучшеніемъ въ постановкѣ тюремнаго дѣла по сравненію со всѣми предшествующими попытками въ этой области, предпринятыми въ Англіи". Остается только пожелать, чтобы эта попытка нашла себѣ подражаніе и въ другихъ странахъ, и чтобы система реформаторій, разумно приспособленная, подобно многимъ другимъ американскимъ учрежденіямъ, заимствуемымъ Европой, быстрѣе укрѣпилась здѣсь.

5.

РЕФОРМАТОРІИ ДЛЯ ПРЕСТУПНИКОВЪ-АЛКОГОЛИКОВЪ.

I.

Тема о вліяніи алкоголизма на преступность является въ настоящее время одной изъ животрепещущихъ. Но изслѣдователямъ, работающимъ въ этой области, приходится не столько выяснять это соотношеніе, наглядно выступающее на каждомъ шагу, сколько сводить къ грозному языку цифръ и фактовъ уже каждому извѣстныя истины. Несомнѣнно, алкоголизмъ является однимъ изъ самыхъ обильныхъ питомниковъ дегенеративной преступности, направленной по преимуществу противъ личности и имущества. Е. М. Кулишеръ, посвятившій этому вопросу нѣсколько работъ, пишетъ въ одной изъ своихъ статей: „Цифры (преступленій, вызванныхъ алкоголизмомъ) колеблются въ зависимости отъ мѣста, времени, способа собираній свѣдѣній и естественнаго субъективизма въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ случаевъ. Все же цифры эти въ общемъ довольно согласно говорятъ намъ, что по самому осторожному счету болѣе четверти преступныхъ дѣяній совершаются въ состояніи опьяненія и почти четверть преступниковъ—хроническіе алкоголики. Обращаясь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ деликтовъ, мы встрѣчаемъ, если не считать нѣкоторыхъ мелкихъ нарушеній порядка, на первомъ мѣстѣ тѣлесныя поврежденія и родственныя имъ преступленія противъ нравственности; по отношенію къ нимъ особенно великъ какъ процентъ дѣяній,

совершенныхъ въ пьяномъ видѣ, такъ и процентъ пьяницъ среди лицъ, виновныхъ въ нанесеніи ранъ и увѣчій, въ изнасилованіи и растлѣніи и пр. Но не многимъ уступаютъ имъ воровство и нѣкоторыя другія корыстныя преступленія; въ состояніи опьяненія они совершаются много рѣже, чѣмъ тѣлесныя поврежденія, но процентъ хроническихъ алкоголиковъ среди воровъ такъ же высокъ, какъ и среди виновныхъ въ причиненіи тѣлесныхъ поврежденій“ [1]).

Роль, какую играетъ алкоголь при совершеніи преступленій, хорошо извѣстна каждому тюрьмовѣду, каждому уголовному политику и судьѣ. Но до послѣдняго времени этому факту придавали мало значенія. И теорія и практика считали возможнымъ относиться къ преступнику-алкоголику совершенно такъ же, какъ и ко всякому преступнику, и опредѣлять по отношенію къ нему наказаніе по тѣмъ же принципамъ дозированія пропорціонально винѣ. Между тѣмъ, болѣе глубокое изслѣдованіе психологіи и физіологіи алкоголиковъ заставляетъ придти къ совершенно инымъ выводамъ. Хроническій алкоголизмъ постепенно приводитъ къ психическому вырожденію, и преступникъ-алкоголикъ скорѣе приближается къ типу ненормальнаго, чѣмъ нормальнаго человѣка. Его умственныя способности притупились, его поступки опредѣляются болѣзненной склонностью къ пьянству, которой не въ силахъ противостоять ослабленная волевая способность, его мозгъ порою полонъ бредовыхъ идей; его эмоціональная возбудимость ненормально повышена. Съ другой стороны, крайнее нравственное паденіе, которымъ сопровождается привычное пьянство, привело къ полному разрушенію соціальныхъ связей, нормально являющихся сильной сдержкой противъ преступности.

Мало пригодный къ регулярной или напряженной работѣ, съ надломленными волей или умомъ, отталкиваемый своими прежними друзьями, привычный пьяница представляетъ собою бремя для общежитія, а порою и серьезную для него опас-

---

[1]) См. Труды Перваго Всероссійскаго съѣзда по борьбѣ съ пьянствомъ 1910, стр. 877.

ность. Преступленіе есть только одно изъ проявленій этого опаснаго состоянія. На ряду съ нимъ могутъ быть поставлены: опасность, состоящая въ возможности производить на свѣтъ потомство, дегенеративное и больное; моральная опасность, ибо пьянство сѣетъ порокъ и развратъ; опасность для самого пьяницы, ибо пьянство приводитъ часто къ самоубійству, къ несчастнымъ случаямъ, столь многочисленнымъ въ нашемъ быту, для избѣжанія которыхъ требуется много напряженнаго вниманія.

Вполнѣ понятно поэтому, что рядъ европейскихъ странъ, въ цѣляхъ борьбы съ пьянствомъ, признаетъ самый фактъ опьяненія (независимо отъ квалифицирующихъ обстоятельствъ, какъ появленіе въ публичномъ мѣстѣ или безобразное поведеніе и т. д.) наказуемымъ проступкомъ, влекущимъ денежныя взысканія или краткосрочное лишеніе свободы. Эта система, особенно широко практикуемая въ англо-саксонскихъ странахъ, ежегодно приводитъ на скамью подсудимыхъ сотни тысячъ людей. Въ Англіи въ теченіе 1909 г. было осуждено за пьянство около 200.000 человѣкъ. Обвиняемые въ пьянствѣ „drunks“ или „drunks and disorderlies“ составляютъ болѣе половины лицъ, появляющихся въ полицейскихъ судахъ [1]).

Но борьба съ пьянствомъ посредствомъ штрафа и тюрьмы на краткіе сроки, какъ показываетъ опытъ, является въ значительной степени безплоднымъ дѣломъ. Небольшой штрафъ не можетъ удержать привычнаго пьяницу отъ удовлетворенія его порочной привычки, а краткосрочная тюрьма способна еще болѣе усилить моральное паденіе его. Одни и тѣ же лица съ неизмѣннымъ постоянствомъ появляются вновь и вновь предъ судами за пьянство, и въ этой области можно встрѣтить не одно лицо, начитывающее порою болѣе сотни предшествующихъ осужденій за этотъ деликтъ.

Единственно пригодною мѣрой борьбы съ алкоголизмомъ въ настоящее время признается принудительное леченіе алкоголиковъ. Терминъ „леченіе“ здѣсь примѣняется нѣсколько неточно: правильнѣе говорить о принудительномъ оздоровленіи

---

[1]) Объ этомъ см. выше „Полицейскіе суды“.

алкоголиковъ, такъ какъ мѣры воздѣйствія сводятся, главнымъ образомъ, къ помѣщенію ихъ на продолжительный срокъ въ болѣе здоровыя условія жизни съ принужденіемъ къ абсолютному воздержанію отъ пьянства. Элементъ принужденія присущъ этой мѣрѣ, какъ одна изъ составныхъ условій успѣха мѣры, ибо иначе подлежащій леченію не сможетъ побороть склонность, толкающую къ пьянству. Но въ такихъ случаяхъ можно говорить о врачебномъ принужденіи. Оно еще можетъ не требовать помѣщенія алкоголика въ какое либо заведеніе.

Принудительное оздоровленіе, рекомендуемое въ качествѣ одной изъ формъ наказанія за пьянство, какъ проступокъ, является уже болѣе стѣснительнымъ. Съ формальной стороны оно выражается въ полномъ лишеніи свободы на продолжительный срокъ съ подчиненіемъ опредѣленной дисциплинѣ. Назначаемое на два—на три года оно съ субъективной стороны значительно тяжелѣе прежнихъ легкихъ взысканій, но за то оно даетъ заключаемому серьезный шансъ оздоровленія и освобождаетъ общество отъ эксцессовъ алкоголизма. Общество и государство принимаютъ на себя болѣе серьзную заботу о судьбѣ привычнаго пьяницы, которая влечетъ за собою значительное увеличеніе затратъ, но косвенныя выгоды которой, несомнѣнно, во много разъ превышаютъ эти затраты.

II.

Англія за послѣдніе годы стала на путь практическаго примѣненія этой мѣры. Робкими и неувѣренными шагами, она намѣтила принудительное леченіе въ особыхъ реформаторіяхъ для алкоголиковъ въ рядѣ случаевъ, когда имѣется на лицо привычное пьянство.

Первымъ шагомъ въ этой области былъ законъ 1879 г. (Habitual drunkards act 1879), который организовывалъ особыя убѣжища для привычныхъ алкоголиковъ, подчиненныя контролю правительства. Туда могли по желанію поступать привычные алкоголики на срокъ до одного года. Содержаніе ихъ въ этихъ реформаторіяхъ принималось государствомъ на себя,

и самое помѣщеніе въ нихъ разсматривалось какъ льгота, предоставляемая по особому ходатайству. Понятно, что эта мѣра могла принести только немного пользы, такъ какъ большинство наиболѣе опасныхъ и упорныхъ пьяницъ оставалось на свободѣ. Болѣе рѣшительный шагъ сдѣланъ только черезъ двадцать лѣтъ, въ 1898 г., когда, наконецъ, былъ проведенъ актъ о принудительномъ леченіи нѣкоторыхъ категорій алкоголиковъ (Inebriates act 1898 г.). Этотъ актъ знаменуетъ собою начало примѣненія новыхъ методовъ, и на содержаніи его приходится остановиться долѣе.

Привычными пьяницами по опредѣленію закона являются тѣ, „которые, не будучи душевно-больными, вслѣдствіе чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ, являются неспособными управлять своими дѣлами или представляютъ опасность для себя или другихъ“. Для такихъ лицъ могутъ быть устраиваемы мѣстными властями и благотворительными обществами особыя реформаторіи, которыя, если онѣ будутъ удовлетворять извѣстнымъ требованіямъ, получатъ свидѣтельство отъ правительства на право принятія лицъ, приговоренныхъ къ реформаторіямъ судами. Правительство уплачиваетъ имъ по 5 рублей (10 шилл. 6 пенсовъ) въ недѣлю за каждаго заключеннаго туда по приговору суда.

Право присужденія къ этимъ реформаторіямъ на срокъ до трехъ лѣтъ предоставлено мировымъ судьямъ въ суммарномъ порядкѣ и судамъ, дѣйствующимъ съ участіемъ присяжныхъ. Мировые судьи могутъ назначать эту мѣру только тогда, когда подсудимый не возражаетъ противъ нея. Въ противномъ случаѣ, даже по дѣламъ, подсуднымъ ихъ вѣдомству, вопросъ о назначеніи этой мѣры передается въ четвертныя сессіи. Въ судахъ присяжныхъ назначеніе этой мѣры находится всецѣло въ рукахъ профессіональныхъ судей.

Законъ предусматриваетъ два случая, когда можетъ быть назначаемо заключеніе въ реформаторіи для пьяницъ: 1) „всякій рецидивистъ-алкоголикъ, осужденный за дѣяніе, влекущее простую или каторжную тюрьму, можетъ быть заключенъ въ реформаторію для алкоголиковъ, если при этомъ судъ пришелъ къ убѣжденію на основаніи доказательствъ, что пре-

ступленіе было учинено подъ вліяніемъ опьяненія или пьянство было однимъ изъ факторовъ преступленія“; 2) „всякій алкоголикъ, осужденный за пьянство или пьянство, сопровождавшееся безпорядочнымъ поведеніемъ въ публичномъ мѣстѣ, и уже отбывшій три раза наказаніе за аналогичныя дѣянія въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ, предшествовавшихъ его задержанію, можетъ быть отправленъ въ реформаторію для алкоголиковъ вмѣсто другого наказанія“.

Между принципами, лежащими въ основѣ этихъ двухъ случаевъ, имѣется существенная разница. Въ первомъ—алкоголизмъ разсматривается какъ основаніе къ смягченной отвѣтственности, и помѣщеніе въ реформаторіи можетъ замѣнять даже самыя тяжкія наказанія на продолжительные сроки или же оно назначается дополнительно къ главному наказанію; онъ предназначенъ покрывать случаи, когда вмѣняемость при учиненіи дѣянія была сомнительной или характеръ подсудимаго таковъ, что преступленіе можетъ быть отнесено скорѣе на счетъ дѣйствія алкоголя, чѣмъ дѣйствительной испорченности виновника. Во второмъ—основаніемъ для принятія этой мѣры служитъ само по себѣ незначительное дѣяніе, влекущее небольшой штрафъ или тюрьму до одного мѣсяца—опьяненіе, но это дѣяніе должно быть учинено по крайней мѣрѣ четыре раза въ теченіе одного года; это свидѣтельствуетъ объ упорной склонности къ алкоголизму и нарушенію порядка и, такимъ образомъ, вызываетъ необходимость въ принятіи болѣе рѣшительныхъ мѣръ. Помѣщеніе въ реформаторіи является здѣсь скорѣе средствомъ принудительнаго леченія нежели видомъ карательнаго воздѣйствія [1]).

---

[1]) Англійское законодательство и практика по вопросу объ алкоголикахъ-преступникахъ занимаютъ совершенно своеобразное положеніе въ ряду законодательствъ другихъ странъ. Выработались они подъ вліяніемъ законодательства англійскихъ колоній въ Австраліи. Здѣсь мы встрѣчаемъ съ 1890 г. рядъ законовъ о преступныхъ алкоголикахъ (въ Викторіи — 1890 г., Тасманіи — 1892, Квинслэндъ—1896 г. и Новомъ Южномъ Уэльсѣ—1898 г.). Въ другихъ странахъ мы находимъ только мѣры принудительнаго леченія привычныхъ алкоголиковъ, которыя иногда принимаются въ судебномъ порядкѣ. Такъ изъ европейскихъ странъ онѣ приняты въ Норвегіи, отдѣльныхъ кантонахъ Швейцаріи и отчасти въ Италіи. Въ Норвегіи уголовное уложеніе 1902 г. позволяетъ помѣщать въ

За время съ изданія закона 1898 г. и по 1909 г. эта мѣра была примѣняема въ нижеслѣдующемъ объемѣ:

особыя учрежденія алкоголиковъ-преступниковъ, оправданныхъ по невмѣняемости или признанныхъ уменьшенно вмѣняемыми. Законъ же 31 мая 1900 г. о нищенствѣ и бродяжничествѣ предоставляетъ прокуратурѣ, по уполномоченію судьи, право помѣщать въ исправительныя заведенія для алкоголиковъ привычныхъ пьяницъ, являющихся вслѣдствіе своихъ склонностей опасными для себя и для окружающихъ или пренебрегающихъ своими семейными обязанностями, а также тѣхъ, кто былъ осужденъ за пьянство не менѣе трехъ разъ въ теченіе предшествующаго года. Заключеніе можетъ продолжаться до трехъ лѣтъ. Спеціальныхъ отчетовъ о примѣненіи этой мѣры не имѣется. Эта система приближается ко второй части англійскаго закона 1898 г. Въ Швейцаріи принудительное леченіе осуществляется по санъ-галленскому закону 1891 г., тургаускому и базельскому 1901 г. и ваадтскому 1907 г. С.-Галленскій законъ предписываетъ помѣщеніе всякихъ привычныхъ алкоголиковъ, вызывающихъ жалобы населенія и имѣвшихъ нѣсколько судимостей, въ особыя учрежденія на срокъ отъ 9 до 18 мѣсяцевъ. Для этой цѣли имѣется особая лечебница Элликонъ въ Цюрихѣ, статистика которой показываетъ до 50% успѣшныхъ случаевъ. Кантоны Тургау и Базель-городъ также въ своемъ законодательствѣ говорятъ общимъ образомъ о привычныхъ пьяницахъ, упоминая о лицахъ, которыя вслѣдствіе пьянства нарушаютъ чужую безопасность и производятъ публичный соблазнъ. Кантонъ Ваадтъ въ этомъ отношеніи весьма близко стоитъ къ англійскому законодательству. Въ Италіи, по угол. улож., преступники, признанные привычными пьяницами, могутъ отбывать наказаніе въ спеціальныхъ заведеніяхъ. Въ Сѣв. Америкѣ два штата Массачузетсъ и недавно Нью-Іоркъ приняли законы о принудительномъ леченіи привычныхъ пьяницъ, виновныхъ въ систематическихъ нарушеніяхъ порядка.

Болѣе широкія мѣры предусматриваются въ проектахъ швейцарскаго и германскаго уложеній. Въ первомъ имѣется постановленіе, предусматривающее принудительное леченіе не только привычныхъ пьяницъ, но и тѣхъ, которые подъ вліяніемъ опьяненія учинили преступное дѣяніе. Во второмъ мы находимъ ст. 43, которая гласитъ:

„Если преступное дѣяніе вызвано опьяненіемъ, то судъ можетъ, сверхъ наказанія, воспретить осужденному посѣщеніе питейныхъ заведеній на срокъ не свыше одного года. Если доказано, что осужденный является пьяницей, то сверхъ тюрьмы или ареста на срокъ не менѣе 2 недѣль, судъ можетъ постановить о помѣщеніи виновнаго въ заведеніе для алкоголиковъ впредь до излеченія, однако, не свыше двухъ лѣтъ, если эта мѣра пригодна для того, чтобы пріучить виновнаго къ закономѣрному и порядочному образу жизни. На основаніи этого постановленія административная власть обязана принять мѣры къ помѣщенію осужденнаго въ спеціальное заведеніе. Въ случаѣ быстраго излеченія административная власть вправѣ освободить его до протеченія установленнаго срока“.

См. Dr. Legrain. Rapport du Congrès de Washington. 3-ième section, 4 question. Е. Кулишеръ. Особыя мѣры по отношенію къ преступнымъ алкоголикамъ. Труды перваго всероссійскаго съѣзда по борьбѣ съ пьянствомъ, т. II стр. 877 сл.

ГОДЪ.	Осужденные мужскаго пола.			Осужденные женскаго пола.			Общее число осужденныхъ по обѣимъ частямъ закона.
	по 1-ой части.	по 2-ой части.	Всего.	по 1-ой части.	по 2-ой части.	Всего.	
1899	—	—	—	7	81	88	88
1900	2	14	16	15	113	128	144
1901	—	35	35	26	143	169	208
1902	1	45	46	45	187	232	278
1903	7	32	39	68	191	259	298
1904	5	33	38	72	308	380	418
1905	10	81	91	60	292	352	443
1906	9	101	110	37	257	294	404
1907	6	59	65	30	398	428	493
1908	2	42	44	41	177	218	262
1909	6	52	58	33	186	219	277
Всего . . .	48	494	542	434	2353	2767	3309

Какъ видно послѣ сложенія присужденныхъ обоихъ половъ, число приговариваемыхъ мировыми судьями (по 2-ой части) значительно выше, чѣмъ число приговариваемыхъ судьями присяжныхъ по первой части (2847 противъ 482). Въ числѣ приговариваемыхъ мы замѣчаемъ ростъ до 1907 г., а затѣмъ наступаетъ рѣзкое паденіе, объясняемое, вѣроятно, изданіемъ закона объ испытаніи преступниковъ 1907 г., позволившаго назначать въ такихъ случаяхъ попечительное испытаніе.

Если взять дѣянія, за которыя были приговорены къ реформаторіямъ эти 482 чел., то мы можемъ составить списокъ:

убійство	1
жестокое обращеніе съ дѣтьми . .	371
покушеніе на самоубійство . . .	35
кражи	37
мошенничество	2
обманы	1
нападеніе съ побоями	9
раны	7
поджогъ	1
умышленное поврежденіе имущества	7
прочія преступленія	11
Итого . . .	482

Не трудно видѣть, что главный контингентъ приговариваемыхъ (371 изъ 482) составляютъ лица, виновныя въ жестокомъ обращеніи съ дѣтьми, въ числѣ которыхъ почти исключительно фигурируютъ женщины. Когда пьянство матери вноситъ моральную заразу въ семью и приводитъ къ истязанію дѣтей, помѣщеніе ея въ реформаторію на болѣе продолжительный срокъ является цѣлесообразнымъ. Покушеній на самоубійство, являющихся до сихъ поръ наказуемыми по англійскому праву, было 35 случаевъ. Реформаторія здѣсь, несомнѣнно, можетъ примѣняться съ большею цѣлесообразностью, чѣмъ общая тюрьма, чтобы устранить болѣзненные импульсы, толкающіе къ самоубійству. Остальныя преступленія мало характерны.

Что касается 2847 осужденныхъ по второй части, то всѣ они приговорены за привычное пьянство. Число это, значительное на первый взглядъ, на самомъ дѣлѣ окажется ничтожнымъ, если мы узнаемъ, что за это время (1899—1909 г.г.) въ Англіи судами суммарнаго производства за проступокъ пьянства осуждено болѣе 2 милліоновъ человѣкъ. Процентъ приговоренныхъ къ реформаторіи выразится при такихъ условіяхъ всего въ 0,14%, что, конечно, нельзя назвать значительнымъ.

Чрезвычайно любопытнымъ обстоятельствомъ является преобладаніе числа женщинъ надъ числомъ мужчинъ (2767:542). На одного приговариваемаго къ реформаторіи мужчину приходится 6 женщинъ. Объясняется это не столько распространенностью привычнаго пьянства среди женщинъ, сколько нежеланіемъ помѣщать ихъ въ общія тюрьмы и стремленіемъ сдѣлать болѣе рѣшительныя усилія къ ихъ исправленію.

Съ 1898 г. было открыто 15 реформаторій для алкоголиковъ въ Англіи. Двѣ изъ нихъ (Aylesbury и Warwick) основаны и содержатся государствомъ, три—мѣстными властями (London, Lancashire и Yorkshire), одна—совѣтомъ, составленнымъ изъ представителей 24 общинъ (Brentry), 5—обществомъ учрежденій для алкоголиковъ (Lewes, East Harling, Ackworth, Chesterfield, Horfield) и, наконецъ, четыре—благотворительными и религіозными ассоціаціями (Ashford, Duxhurst,

Newdigate и Abbotswood). Но послѣ непродолжительнаго опыта благотворительныя организаціи оказались неспособными руководить этими учрежденіями, и реформаторіи Ashford, Newdigate и Abbotswood должны были закрыться. Въ 12 оставшихся теперь имѣется 196 кроватей для мужчинъ и 1121—для женщинъ. Исключительно мужской реформаторіей является государственная реформаторія въ Warwick. Кромѣ того, мужскія отдѣленія имѣются въ реформаторіяхъ Brentry и Yorkshire. Остальныя являются исключительно женскими.

Государственная реформаторія въ Эйлсбюри, учрежденная въ 1901 г. для женщинъ, приняла со времени своего учрежденія до 1 апрѣля 1910 г. 294 заключенныхъ. Въ 1909—1910 г.г. въ нее было принято еще 22 женщины, изъ числа которыхъ 19 были переведены изъ другихъ учрежденій этого типа за насильственный и дурной характеръ. Среднесуточный составъ заключенныхъ былъ 62.

Заключенныя въ этой реформаторіи занимаются садоводствомъ, шитьемъ, выпливаніемъ, домашними работами. При реформаторіи, передѣланной изъ старой тюрьмы, находится садъ, размѣромъ до 2 акровъ.

Заключенныя содержатся въ просторныхъ комнатахъ. Онѣ получаютъ хорошую пищу и чистое бѣлье. Къ ихъ услугамъ порядочная библіотека.

Несмотря на это, наблюдается значительный процентъ больныхъ. Такъ, обращеній къ врачу было въ теченіе года 3493 и среднесуточный составъ больныхъ—9. Число слабоумныхъ опредѣляется въ 17. Несмотря на спеціальный составъ заключенныхъ, не было ни одного побѣга или покушенія на самоубійство.

При тюрьмѣ для наблюденія надъ освобождаемыми состоитъ особая Inebriate after care association, которой передается для постепенной выдачи весь заработокъ освобождаемыхъ. Просьбы о досрочномъ освобожденіи разсматриваются особымъ комитетомъ (Visiting committee).

Мужская правительственная реформаторія въ Warwick въ 1909—1910 г. приняла всего 22 заключенныхъ, изъ которыхъ 21 были переведены изъ другихъ учрежденій част-

наго характера. Среднесуточнымъ составомъ ея было 30 заключенныхъ, противъ 42 въ 1908 г. По наблюденіямъ директора реформаторіи, около 20% освобождаемыхъ ведутъ на свободѣ порядочную жизнь.

Работы въ реформаторіи состоятъ въ садоводствѣ, сапожномъ ремеслѣ, выдѣлкѣ мѣшковъ для почтоваго вѣдомства.

Поведеніе заключенныхъ въ общемъ удовлетворительно. Жалобъ на дурное поведеніе было всего 25. Покушеній на самоубійство или на побѣгъ не констатировано ни одного.

Изъ частныхъ реформаторій доходятъ также благопріятныя свѣдѣнія. Такъ, напр., принадлежащая лондонскому графству реформаторія въ Farmfield приводитъ слѣдующія данныя за 1908 г. Принято за годъ 19 женщинъ, непосредственно приговоренныхъ судами и 87 переведенныхъ изъ другихъ реформаторіи. Изъ общаго числа 106—105 были приговорены на срокъ въ три года.

Освобождено въ теченіе года 125 больныхъ, изъ которыхъ 55 до окончанія срока. Изъ освобожденныхъ 40 ведутъ себя хорошо, 18 не посылаютъ извѣстій и 67 вновь впали въ пьянство. Двое, наиболѣе трудно поддававшихся воздѣйствію дисциплины, переведены въ государственную реформаторію. Освобождаемые поручаются заботамъ спеціальнаго общества патроната.

Убѣжище Cindersford для мужчинъ имѣетъ смѣшанный характеръ. Оно принимаетъ добровольцевъ-паціентовъ и осужденныхъ по приговору суда. Въ 1908 г. туда помѣщено 77 человѣкъ, изъ нихъ 29 по постановленію судей. Освобождено 75, изъ нихъ осужденныхъ 26. Оставались они тамъ въ среднемъ 10 мѣсяцевъ. Изъ числа освобожденныхъ: 9 слишкомъ недолго оставались въ реформаторіи, 37 чувствуютъ себя хорошо, 9 вновь впали въ пьянство, 2 умерли и 9 не даютъ извѣстій.

За 1909 г., по послѣднему отчету главнаго инспектора, въ частныя „убѣжища для алкоголиковъ“ поступило 187 лицъ въ качествѣ осужденныхъ, добровольно заявившихъ о своемъ желаніи, 277 лицъ (58 мужч. и 219 женщ.)—по приговору судовъ и 262—въ качествѣ частныхъ паціентовъ.

По приговорамъ судовъ въ реформаторіи направляются наихудшіе элементы среди алкоголиковъ, дошедшіе порою до безнадежнаго состоянія.

Въ докладѣ Вашингтонскому пенитенціарному конгрессу Dr Brantwaite, инспекторъ этихъ реформаторій въ Англіи, приводитъ слѣдующую таблицу относительно умственнаго состоянія лицъ, помѣщенныхъ въ реформаторіи въ теченіе 10 лѣтъ (1899—1903 г.г.).

Классификація по умственному состоянію.	Число лицъ въ каждомъ классѣ.	% по отношенію къ общему числу заключенныхъ въ реформаторіи.
1. *Сумасшедшіе*: лица, оказавшіяся послѣ помѣщенія ихъ въ реформаторіи душевно-больными и переданныя въ убѣжища для душевно-больныхъ . . .	63	14,51
2. *Ненормальные въ высокой степени*: лица, признанныя послѣ помѣщенія въ реформаторіи идіотами отъ рожденія, вырождающимися или эпилептиками . .	377	
3. *Ненормальные*: лица эксцентрическія, слабоумныя, страдающія старческимъ одряхленіемъ, періодическими возбужденіями и припадками гнѣва . .	1487	49,04
4. Лица среднихъ умственныхъ способностей во время принятія въ реформаторію или послѣ 6 мѣсяцевъ заключенія	1105	36,45
Общее число принятыхъ. .	3032	100.00

„Очевидно—пишетъ Brantwaite,—что большинство лицъ, включенныхъ въ первыя двѣ категоріи этой таблицы, являлись душено-больными или стояли на границѣ безумія въ теченіе послѣдней части ихъ жизни на свободѣ; ихъ болѣзнь маскировалась только привычками алкоголизма. Очевидно, ни штрафы, ни краткосрочное лишеніе свободы въ тюрьмахъ, періодически повторяемые, не являлись пригоднымъ и тѣмъ

менѣе гуманнымъ средствомъ противъ подобнаго состоянія, а между тѣмъ, какъ часто эти средства къ нимъ примѣнялись".

„Заключенные четвертой группы (обыкновенныхъ умственныхъ способностей) являются просто привычными пьяницами, спокойными, когда они не находятся подъ вліяніемъ алкоголя. То обстоятельство, что они стали рабами своей страсти къ пьянству, свидѣтельствуетъ о недостаточной силѣ разсудка и волевого контроля надъ своими склонностями, но въ остальномъ они являются здоровыми и способными вести свободную жизнь, послѣ того какъ они получаютъ отвращеніе къ потребленію алкоголя во всѣхъ его формахъ. Умственные дефекты, наблюдаемые у нихъ могутъ быть ослаблены или устранены леченіемъ, и въ большинствѣ случаевъ можно достичь удовлетворительнаго состоянія, если имѣть для этого достаточно времени. Преимуществомъ этой категоріи предъ остальными является то, что они попали въ реформаторіи раньше, чѣмъ застарѣлый алкоголизмъ вызвалъ перерожденіе ихъ мозговыхъ тканей, а безпрестанное блужданіе между улицей и тюрьмой могло присоединить къ этому свою долю моральнаго вырожденія".

О причинахъ такого обилія умственно-дефективныхъ среди алкоголиковъ пишетъ д-ръ Phelan [1]). „Когда привычный пьяница помѣщается въ мѣсто заключенія, то у него почти всегда наблюдается столь смутное умственное состояніе, что онъ не способенъ логически разсуждать или разумно дѣйствовать; онъ не имѣетъ даже никакого сознанія о содѣянномъ имъ преступленіи. Его мозгъ ослабленъ и не можетъ функціонировать нормально, такъ какъ онъ находится подъ властью обманчивыхъ представленій и только въ очень слабой степени можетъ отличать доброе отъ злого. Заключеніе въ такія учрежденія часто вскрываетъ такое состояніе человѣка. Не слѣдуетъ поэтому изумляться тому, что среди преступниковъ-пьяницъ обнаруживаются часто вполнѣ выраженные симптомы невроза или предрасположеніе къ психической ненормаль-

---

[1]) Докладъ тюремному конгрессу въ Вашингтонѣ 1910 г.

ности, съ слабымъ развитіемъ умственной дѣятельности, что является результатомъ подавляющихъ и парализующихъ вліяній алкоголя на нервные центры. Пьянство является вырожденіемъ. которое часто скрываетъ и маскируетъ душевное разстройство и всѣ печальныя явленія, которыми то сопровождается. По крайней мѣрѣ, 80% привычныхъ пьяницъ явились на свѣтъ съ ненормальнымъ мозгомъ и являются потомками пьяницъ, душевно-больныхъ, эпилептиковъ умственно-слабыхъ родителей, и. по крайней мѣрѣ, 70% учиненныхъ преступленій могутъ быть приписаны прямо или косвенно вліянію алкоголизма".

III.

Мѣры, принимаемыя по отношенію къ этимъ лицамъ, расчитаны, главнымъ образомъ, на укрѣпленіе извѣстныхъ привычекъ, нежели на медицинское излеченіе.

Какъ показываетъ опытъ, режимъ, примѣняемый къ привычнымъ алкоголикамъ. сводится, главнымъ образомъ, къ общимъ оздоровляющимъ вліяніямъ, къ установленію правильной и, по возможности, трудовой жизни, къ физическому развитію и не требуетъ примѣненія какихъ либо спеціальныхъ врачебныхъ средствъ, кромѣ, конечно, отдѣльныхъ случаевъ. Мы позволимъ себѣ по этому вопросу ограничиться цитированіемъ мнѣній нѣсколькихъ авторитетовъ, высказанныхъ по поводу обсужденія этого вопроса на тюремномъ конгрессѣ въ Вашингтонѣ.

„Нашъ опытъ—пишетъ д-ръ Brantwaite въ своемъ докладѣ—охватывающій болѣе 10 лѣтъ обращенія съ преступниками-алкоголиками и болѣе 30 лѣтъ обращенія съ непреступными алкоголиками, привелъ насъ къ заключенію о томъ, что не слѣдуетъ особенно довѣрять какому-либо спеціальному способу леченія ихъ. Алкоголики должны быть подвергаемы индивидуализированному режиму, совершенно такъ же, какъ и душевно-больные, и нельзя думать, что какое-либо специфическое средство въ большей степени можетъ излечить привычныхъ алкоголиковъ, чѣмъ сумасшедшихъ. Можно сказать, что всякое средство, могущее излечить этихъ послѣднихъ. по

тому же основанію окажется пригоднымъ и для привычныхъ пьяницъ. Пьянство является результатомъ неуравновѣшенности между желаніемъ напиться и силой воли; первое можетъ быть нормальнымъ, между тѣмъ какъ вторая явится ненормальной или дефективной; или, наоборотъ, стремленіе будетъ ненормально сильнымъ, тогда какъ воля не получитъ соотвѣтственнаго усиленія. Мы не знаемъ какого-либо средства, которое могло бы сгладить эту неуравновѣшенность на болѣе продолжительное время, и мы во время нашего опыта не могли установить пользы отъ примѣненія какого-либо лекарства. Обязательное воздержаніе на продолжительный срокъ, обычный врачебный режимъ для возстановленія общаго здоровья, хорошее питаніе, привычки правильной жизни и развитіе силы воли—вотъ общія указанія для режима. Средства, пригодныя для развитія волевой способности, зависятъ отъ индивидуальности и должны быть пріисканы врачомъ. Всякое средство, которое сможетъ побудить заключеннаго примѣнять то небольшое количество волевого напряженія, которое у него имѣется, является пригоднымъ для укрѣпленія воли. Къ этому укрѣпленію воли слѣдуетъ присоединить ознакомленіе съ преимуществами трезвости и губительными результатами пьянства, личное вліяніе надзирателей, религіозныя воздѣйствія, гипнотизмъ и даже различныя безвредныя шарлатанскія средства, рекомендуемыя порою, какъ „тайное и вѣрное средство“, если только удастся заставить вѣрить заключеннаго въ ихъ дѣйствительность. Но мы не знаемъ ни такого средства, ни такого спеціальнаго режима, которые могли бы уменьшить стремленіе къ пьянству или укрѣпить волю и которые можно было бы рекомендовать, какъ обязательные для заведеній для алкоголиковъ. Намъ кажется, что врачъ каждаго такого заведенія долженъ остаться свободнымъ въ выборѣ средствъ и всякая попытка стѣснить его примѣненіемъ опредѣленныхъ средствъ или опредѣленнаго режима явилась бы реакціонной и нежелательной“.

Членъ главнаго тюремнаго управленія Англіи и коммисіи объ алкоголикахъ D-r Donkin пишетъ: „На вопросъ о томъ, долженъ ли быть введенъ особый врачебный режимъ въ уч-

режденія для алкоголиковъ, я не колеблюсь дать отрицательный отвѣтъ. Никакая регламентація не помѣшаетъ и не должна помѣшать врачу. состоящему при этомъ заведеніи, принять режимъ, какой онъ признаетъ наиболѣе пригоднымъ... Пьянство не можетъ быть сравниваемо ни съ одной болѣзнью, поддающеюся леченію посредствомъ медикаментовъ. Правда. извѣстно, что опредѣленное количество пьяницъ можетъ быть излечено, если имъ удастся придти къ полному воздержанію отъ потребленія напитковъ. и что врачи пользуются часто различными средствами. чтобы помочь алкоголикамъ въ различныхъ стадіяхъ освободиться отъ этой печальной привычки. Но всѣ пьяницы, которые могутъ „излечиться“ или „возродиться“, должны сами желать освободиться отъ этой привычки и бороться съ нею. Многіе изъ нихъ излечиваются на время самыми разнообразными средствами: врачебными, моральными или духовными. Всякій священникъ, моралистъ, врачъ, фармацевтъ, гипнотизеръ, знахарь, могутъ по желанію рекламировать свой успѣхъ въ леченіи отъ пьянства. Личное вліяніе имѣетъ порою весьма благотворные результаты. Живое желаніе получить исцѣленіе, подкрѣпленное свободной вѣрою въ дѣйствительность примѣненныхъ средствъ, можетъ привести къ успѣху. И вслѣдствіе этого мы не можемъ признать желательнымъ устраненіе этого свободнаго желанія и вліянія какимъ-либо врачебнымъ средствомъ. Относительно большинства рекламируемыхъ средствъ противъ пьянства я могу сказать положительно, послѣ тщательнаго ознакомленія съ ними, что ни въ какомъ случаѣ они не выдержатъ логической критики“.

„Единственный способъ воздѣйствія, который долженъ быть примѣняемъ къ привычнымъ пьяницамъ—пишетъ D-r D. Phelan, врачъ пенитенціарія въ Кингстонѣ (Канада)—состоитъ въ помѣщеніи ихъ въ учрежденія, гдѣ они могутъ пользоваться хорошей пищей, вести правильную жизнь, имѣть хорошія поученія, исполнять регулярную работу. По истеченіи даже небольшого промежутка времени уже можно порою констатировать здѣсь рѣшительную и благопріятную перемѣну. Человѣкъ мѣняетъ среду и дышитъ новымъ воздухомъ. Результаты

сдѣланныхъ мною многочисленныхъ наблюденій вполнѣ доказываютъ это... Пьяницы, которые бросили пить послѣ того. какъ въ теченіе многихъ лѣтъ до совершенія преступленія они предавались пьянству, находясь въ мѣстѣ заключенія, не подвергаются спеціальному врачебному режиму и тѣмъ не менѣе, мною не зарегистрировано ни одного случая delirium tremens“.

Мы могли бы продолжить списокъ такихъ авторитетовъ. Но достаточно будетъ сослаться на единогласное постановленіе Вашингтонскаго конгресса, вынесенное при участіи видныхъ спеціалистовъ: „Конгрессъ полагаетъ—гласитъ оно—что нѣтъ необходимости дополнить режимъ особыхъ заведеній для преступниковъ-алкоголиковъ спеціальнымъ врачебнымъ режимомъ. Но для успѣха примѣняемыхъ методовъ существенно, чтобы санитарная и медицинская часть режима въ этихъ заведеніяхъ находилась въ завѣдываніи надлежаще подготовленныхъ врачей-практиковъ“.

IV.

Оцѣнить результаты, достигнутые въ спеціальныхъ заведеніяхъ для алкоголиковъ, крайне трудно. По составу заключенныхъ несомнѣнно, что только небольшая часть ихъ способна поддаться какимъ-либо вліяніямъ. Тѣ же, которые страдаютъ психическими дефектами, безнадежны и пребываютъ въ реформаторіи скорѣе какъ въ убѣжищѣ. На степень безнадежности многихъ указываетъ процентъ досрочно-освобождаемыхъ. Только 25% изъ общаго числа были условно освобождаемы до срока, т. е. у администраціи имѣлась надежда на ихъ возрожденіе; изъ нихъ 7% не выдержали испытанія на свободѣ и были возвращены въ реформаторіи. Въ 1909 г., напр., изъ 95 освобожденныхъ мужчинъ только 13, а изъ 410 женщинъ—78 были освобождены досрочно, что составляетъ 12% и 19%. Ничтожный процентъ досрочныхъ освобожденій указываетъ на безнадежность большинства. Процентъ подающихъ надежду можно исчислить не болѣе, чѣмъ въ 15%. Д-ръ Брантвэтъ нѣсколько болѣе оптимистиченъ.

Онъ считаетъ, что около 40% изъ помѣщенныхъ въ реформаторіи способны къ перерожденію и около 20% получаютъ пользу отъ этой мѣры, 15% становятся настоящими трезвенниками. Д-ръ Донкинъ исчисляетъ это количество въ 16%. Но, конечно, трудно добиться результатовъ болѣе опредѣленныхъ. Оффиціальная анкета 1908 г. въ общемъ пришла къ благопріятнымъ выводамъ, хотя и ей не удалось собрать вполнѣ опредѣленныхъ данныхъ. Въ отчетѣ за 1909 г. [1]) д-ръ Бранвэтъ опредѣляетъ, что отъ 97 до 98% всѣхъ пьяницъ, живущихъ на свободѣ, умираютъ пьяницами или становятся болѣе или менѣе постоянными заключенными рабочихъ домовъ, тюремъ и психіатрическихъ больницъ.

Но разсматривая значеніе этихъ реформаторій, нельзя останавливаться только на непосредственной пользѣ, которую онѣ приносятъ заключеннымъ. Съ болѣе широкой соціальной точки зрѣнія нужно признать, что общество, несомнѣнно, многое выигрываетъ и въ безопасности и въ уровнѣ моральной жизни отъ долговременнаго заключенія привычныхъ алкоголиковъ. Пьяница представляетъ большое бремя для общества. Онъ опасенъ для себя, своей семьи, для другихъ. Оставаясь на свободѣ, онъ способенъ далѣе увеличивать новыми рожденіями число вырождающихся и дефективныхъ; онъ вызываетъ необходимость въ безплодной тратѣ силъ полиціи, судей, тюремной администраціи. Поэтому долгосрочное заточеніе даже тѣхъ, которые не подаютъ надежды на исправленіе, является соціально-полезнымъ дѣломъ. Оно вмѣстѣ съ тѣмъ и является гуманнымъ дѣломъ, такъ какъ привычный пьяница помѣщается въ условія, обезпечивающія ему правильную жизнь и удовлетвореніе необходимыхъ потребностей, причемъ дѣлается разумная попытка позаботиться объ его излеченіи.

Наиболѣе непригодный составъ для исправленія находится въ реформаторіяхъ, содержимыхъ государствомъ. Сюда помѣщаются худшіе элементы, принять которые отказались частныя общества. Тѣмъ не менѣе, поддержаніе такихъ реформаторій неизбѣжно.

---

[1]) Report of the inspector under the Inebriates acts 1879—1900 for the year 1909. London. 1911.

Правильныя замѣчанія относительно значенія государственныхъ реформаторій для пьяницъ при существующихъ условіяхъ приводитъ д-ръ Brantwaite въ своемъ послѣднемъ отчетѣ за 1909—1910 г. „Я уже упоминалъ—пишетъ онъ—о томъ фактѣ, что большинство заключенныхъ въ государственныхъ реформаторіяхъ были переведены туда изъ частныхъ, разрѣшенныхъ государствомъ реформаторій вслѣдствіе ихъ насильственнаго или непокорнаго характера, и они, такимъ образомъ, составляютъ наихудшій элементъ изъ всѣхъ приговоренныхъ къ этой мѣрѣ по акту 1898 г.; сюда попадаютъ слабоумныя и менѣе отвѣтственныя лица. Когда этотъ фактъ будетъ принятъ во вниманіе, то станетъ ясно, какъ мало непосредственно успѣшныхъ результатовъ, съ точки зрѣнія исправительнаго вліянія, можно ожидать отъ дѣятельности этихъ учрежденій. Какія бы усилія ни были затрачиваемы, число получившихъ отъ этого постоянную пользу останется небольшимъ; матеріалъ слишкомъ дуренъ, чтобы ждать другого результата. Несмотря на это, поддержаніе государственныхъ реформаторій существенно для надлежащаго функціонированія всей системы, установленной закономъ объ алкоголикахъ. Ихъ цѣнность заключается въ томъ, что они позволяютъ другимъ учрежденіямъ осуществлять исправительное воздѣйствіе надъ массою заключенныхъ, доступныхъ этимъ вліяніямъ. Но оставляя совсѣмъ въ сторонѣ вопросъ объ исправительномъ воздѣйствіи, мы должны признать цѣнность этихъ учрежденій, какъ мѣстъ, гдѣ содержатся въ гуманныхъ условіяхъ люди, неприспособленные къ правильной жизни и представляющіе опасность и бремя для общества. Лишь немногіе изъ заключенныхъ въ реформаторіяхъ Эйлсбюри и Уорика будутъ когда-либо пригодны для свободной жизни. Свобода для нихъ, когда она будетъ пріобрѣтена, означаетъ пьянство съ безпорядочнымъ или преступнымъ образомъ жизни и новые безконечные приговоры на краткіе сроки въ тюрьму. Болѣе продолжительное заключеніе въ реформаторіяхъ въ гуманныхъ условіяхъ понуждаетъ къ порядочной жизни, предупреждаетъ прогрессирующее паденіе и, по крайней мѣрѣ, даетъ шансъ на исправленіе“.

То же замѣчалъ и Рэгльсъ-Брайсъ, въ своемъ отчетѣ Будапештскому конгрессу 1905 г. „Государственныя реформаторіи—пишетъ онъ—будутъ имѣть дѣло только съ наиболѣе безнадежными случаями. Алкоголики, предназначенные для государственныхъ реформаторій, являются большею частью людьми, прошедшими жизнь, полную порока. разврата, насилія и преступленія; они составляли предметъ постояннаго безпокойства для полиціи, вслѣдствіе частыхъ безпорядковъ на улицахъ, и для тюремнаго начальства, при отбытіи наказанія. Они слишкомъ стары или слишкомъ порабощены порокомъ или, наконецъ, слишкомъ неуравновѣшены, чтобы подавать какую-либо надежду на возрожденіе. Но значеніе государственныхъ реформаторій заключается не въ томъ, чтобы достигать успѣшныхъ результатовъ непосредственно; существованіе такихъ реформаторій позволитъ частнымъ учрежденіямъ этого рода лучше достигать исправленія, что было бы не такъ легко безъ ихъ помощи. Онѣ также устранятъ преступника изъ общества на весь срокъ приговора. избѣжавъ, такимъ образомъ, постоянныхъ скандаловъ и обезвредивъ на время этотъ источникъ моральной заразы для другихъ“.

Несомнѣнно, что первые результаты примѣненія реформаторій для алкоголиковъ оказались мало отрадными, и это даже сказалось на числѣ присужденій въ эти учрежденія, обнаруживающемъ тенденцію пониженія, начиная съ 1907 г. *Но возможно, что этотъ неуспѣхъ не долженъ быть отнесенъ всецѣло на долю самой мѣры.* Во многомъ повинны и нѣкоторые недостатки существующаго по этому вопросу законодательства.

Дѣйствующее англійское законодательство о реформаторіяхъ для алкоголиковъ во многихъ отношеніяхъ признается неудовлетворительнымъ. По отношенію къ преступленіямъ, учиненнымъ подъ вліяніемъ опьяненія, законъ не установилъ требованія расширить рамки судебнаго слѣдствія, какъ то установлено закономъ о привычныхъ преступникахъ. Судьи поэтому руководствуются случайными. свѣдѣніями, сообщаемыми полиціей или почерпаемыми изъ дѣла. Заключеніе въ

реформаторіи здѣсь часто примѣняется какъ дополненіе къ основному наказанію и, конечно, тогда теряетъ свое значеніе чисто лечебной мѣры. По отношенію къ повторнымъ пьяницамъ-рецидивистамъ весьма нецѣлесообразнымъ является требованіе четырехъ осужденій въ теченіе года. Опытные пьяницы легко изловчаются обходить это правило, избѣгая доводить число осужденій до 4 въ годъ, имѣя въ то же время много десятковъ осужденій за спиною. Реформаторіи получаютъ уже людей, доведенныхъ до крайней степени алкогольнаго отравленія. Вашингтонскій тюремный конгрессъ, констатировавъ въ общихъ выраженіяхъ успѣхъ десятилѣтняго опыта реформаторій для алкоголиковъ, выразилъ пожеланіе, чтобы, въ цѣляхъ пріостановленія привычки къ пьянству въ началѣ ея развитія, эта мѣра примѣнялась безъ примѣненія безполезныхъ повторныхъ приговоровъ, назначающихъ тюремное заключеніе на краткіе сроки [1]).

Отсутствіе обязательной врачебной экспертизы предъ помѣщеніемъ въ реформаторію приводитъ къ тому, что сюда попадаютъ во множествѣ лица, надлежащимъ мѣстомъ для которыхъ были бы больницы для умалишенныхъ или пріюты для слабоумныхъ или эпилептиковъ, къ которымъ должно быть примѣнено лишь детенпрованіе въ цѣляхъ безопасности.

Мало цѣлесообразнымъ является также опредѣленіе судомъ срока заключенія въ реформаторію. Человѣкъ, приговоренный къ одному, двумъ или тремъ годамъ заключенія, находится въ обстоятельствахъ, мало благопріятныхъ для лечебнаго воздѣйствія. Онъ смотритъ на свое заключеніе, какъ на тюремное, а не лечебное лишеніе свободы. По окончаніи срока онъ долженъ быть освобожденъ порою, нисколько не отучившись отъ своего порока, чтобы по прежнему влачить несчастную жизнь и составлять заботу для

---

[1]) Нужно замѣтить, что цѣлесообразность примѣненія реформаторій для преступниковъ-алкоголиковъ нашла уже себѣ признаніе на международномъ конгрессѣ въ Будапештѣ въ 1905 г., гдѣ было принято пожеланіе, „чтобы законодательство было измѣнено въ направленіи преобразованія обычнаго заключенія въ заключеніе на продолжительный срокъ въ публичномъ убѣжищѣ (или частномъ убѣжищѣ, контролируемомъ властью) для излѣчимыхъ пьяницъ изъ числа всѣхъ преступниковъ-алкоголиковъ“.

судовъ и полиціи, и начальство реформаторіи прекрасно сознаетъ это обстоятельство. Единственнымъ критеріемъ продолжительности при правильныхъ условіяхъ должно быть умственное и физическое состояніе освобождаемаго.

Большую пользу можетъ сослужить для отученія отъ привычки къ пьянству лицъ, еще не глубоко пораженныхъ ею, испытательное наблюденіе, введенное закономъ 1907 г. Можно рекомендовать, чтобы заключеніе въ реформаторіи примѣнялось послѣ двукратнаго нарушенія обязательства воздержанія, наложеннаго или, какъ одно изъ условій при преступленіяхъ, учиненныхъ подъ вліяніемъ пьянства и какъ единственное условіе при преступленіяхъ простого пьянства. При такихъ условіяхъ и результаты отъ примѣненія реформаторій станутъ, несомнѣнно, болѣе благопріятными.

По отношенію къ женщинамъ слѣдуетъ въ особенности заботиться о томъ, чтобы пьянство, осложненное развратомъ или небрежнымъ отношеніемъ къ семейнымъ обязанностямъ, не достигало своего апогея. Нужно приложить энергичныя усилія къ исправленію, когда еще имѣется надежда вернуть женщину къ честной или семейной жизни [1]).

---

[1]) О такихъ безнадежныхъ алкоголичкахъ прекрасно пишетъ Th. Holmes въ своей книгѣ „Known to the police, 1907“.—„Одинъ изъ моихъ друзей взялъ молодую женщину этого класса, которая побывала въ тюрьмѣ около ста разъ, къ себѣ въ услуженіе. Тамъ онъ, платя ей хорошую заработную плату и прилично содержа, пытался удержать ее отъ склонности къ вину, не давая вмѣстѣ съ тѣмъ возможности ей предаваться разврату; она пыталась повѣситься и потому была послана въ домъ умалишенныхъ. Черезъ три мѣсяца я взялъ ее оттуда и сталъ о ней заботиться. Она оставалась въ моей семьѣ нѣсколько дней и вдругъ скрылась, чтобы предаться разврату. Я положительно заявляю, что благотворительныя общества не могутъ удержать и дисциплинировать такихъ женщинъ. Государство, и только оно одно, можетъ съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ воздѣйствовать на нихъ. Онѣ должны быть поручены вниманію врачей, опытныхъ въ борьбѣ съ чувственностью и безуміемъ, за ними должно быть установлено наблюденіе въ особыхъ учрежденіяхъ, гдѣ онѣ подвергались бы надлежащей классификаціи и уходу. Скандалъ ихъ настоящей жизни не можетъ продолжаться. Посылать такихъ женщинъ въ реформаторіи для пьяницъ на одинъ или два года и затѣмъ снова отсылать ихъ къ ихъ старымъ трущобамъ и порокамъ является не только въ высшей степени смѣшнымъ, но и чрезвычайно жестокимъ дѣломъ. Смѣшно это потому, что общество должно платить до 500 рублей за содержаніе бѣдной и бездомной женщины въ реформаторіи, гдѣ положеніе ея не подвергается тщательному діагнозу; жестоко потому, что женщина

Мы позволимъ себѣ, наконецъ, привести относительно необходимости реформъ въ этой области обстоятельное мнѣніе одного изъ лондонскихъ полицейскихъ судей M-r Cecil *Chapman*, of Tower Bridge police court, напечатанное въ газетѣ Tribune (Sept 6, 1907): „Слабой стороной настоящаго закона, основаннаго не на идеѣ возмездія, а на идеѣ исправленія, является то, что онъ оставляетъ безъ вниманія большинство алкоголиковъ, составляющихъ бѣдствіе для своихъ домашнихъ. Только весьма небольшое число алкоголиковъ подпадаетъ подъ дѣйствіе акта 1898 г. Законъ требуетъ четырекратнаго осужденія передъ тѣмъ какъ принять мѣру большей продолжительности. Я уже замѣчалъ, что остающіеся дома алкоголики представляютъ часто большую опасность для себя самихъ и для другихъ и служатъ источникомъ разоренія для семей. Но ихъ не затрагиваетъ законъ 1898 г. Женщина можетъ быть привычной пьяницей и судья, по просьбѣ супруга, можетъ постановить о раздѣльномъ жительствѣ. Мужъ, принявъ на себя заботу о дѣтяхъ, можетъ давать своей женѣ лишь семь шиллинговъ въ недѣлю. Никто, кромѣ судей, не можетъ сознать всей опасности, которой подвергается такая женщина, послѣ того какъ она получила раздѣльное жительство. Мужъ, вѣроятно, будетъ просить ее вернуться домой. „Нѣтъ—отвѣтитъ она—плати мнѣ семь шиллинговъ въ недѣлю“—„Хорошо“—скажетъ мужъ, и эти семь шиллинговъ немедленно будутъ истрачены на водку. Судья можетъ предписать, *чтобы эти деньги выдавались ей ежедневно чрезъ* миссіонера суда. Но это одинъ только случай изъ сотни такихъ, къ которымъ долженъ былъ бы примѣняться актъ 1898 г. и къ которымъ онъ не примѣняется. Нужно установить, что даже одинъ публичный проступокъ пьянства можетъ служить поводомъ къ разслѣдованію того, насколько

должна вернуться къ тѣмъ же самымъ условіямъ, изъ которыхъ она была взята... Общество, которое понесло издержки содержанія въ реформаторіи, имѣетъ право требовать и, я надѣюсь, оно будетъ требовать, чтобы предъ освобожденіемъ женщины изъ реформаторіи пріискана была для нея возможность чистой жизни на свободѣ. Если она воспользуется ею, то она достойна свободы, если нѣтъ, то государство должно найти другія средства“

мужчина или женщина являются пьяницей и насколько они пригодны для помѣщенія въ реформаторіи. Обвиняемый въ такихъ случаяхъ можетъ требовать разсмотрѣнія дѣла присяжными. Съ согласія его, можетъ постановлять и полицейскій судъ, предварительно, конечно, сдѣлавъ всѣ справки о прошломъ обвиняемаго. Существующая практика примѣненія этой мѣры порождаетъ въ умахъ населенія смѣшеніе между идеями возмездія и исправленія. Нужно рѣшительно выставить цѣль исправленія и поразмыслить надъ тѣмъ, какому режиму долженъ быть подвергнутъ осужденный". Въ дальнѣйшемъ судья высказываетъ мысль о необходимости назначенія королевской коммисіи для обслѣдованія фактическаго положенія дѣла; помѣщеніе въ реформаторіи, по его мнѣнію, должно происходить на неопредѣленный срокъ; сами реформаторіи должны быть расчитаны лишь на нѣсколько человѣкъ, чтобы не создавать впечатлѣнія большого закрытаго учрежденія, требующаго всегда тягостной дисциплины. Леченіе нужно производить болѣе интенсивно и въ болѣе краткій срокъ, чѣмъ три года, чтобы помѣщенный туда не порывалъ тѣхъ связей, которыя у него имѣлись на свободѣ до помѣщенія въ реформаторію [1]).

---

[1]) Опытъ установленія реформаторій для алкоголиковъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Англіи, былъ предпринятъ и въ Ирландіи съ 1899 г. Здѣсь учреждены двѣ реформаторіи—Waterford съ марта 1906 г. для мужчинъ и въ Wexford съ декабря 1909 г. для женщинъ. Обѣ содержатся на частныя средства. Государственной реформаторіей была сдѣлана съ 1899 г. старая тюрьма графства Claire въ Ennis. До 1 января 1910 г., за 11 лѣтъ, 200 человѣкъ было приговорено къ заключенію сюда. Изъ нихъ 17 были приговорены вторично. Остается, слѣдовательно, 187 чел. (76 мужчинъ и 107 женщинъ). Изъ нихъ одинъ умеръ, 3 помѣщены въ больницу для душевно больныхъ, 127 освобождены (изъ нихъ освобождены до истеченія срока только 27 чел.). Число находившихся въ заключеніи къ началу 1910 г. было 59. Въ числѣ проступковъ, приведшихъ къ заключенію, и здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ жестокое или небрежное обращеніе съ дѣтьми (72 случая) затѣмъ—побои и драки (50), кражи (34), покушеніе на самоубійство (16), раны (8) и пр. По возрасту заключенные распредѣлялись: до 20 лѣтъ—2; отъ 20 до 30—36; 30—40—79; 40—50—64; 50—60—16 и болѣе 60—3. Такимъ образомъ значительный процентъ приходится на пожилыхъ и старыхъ. И дѣйствительно, списокъ предшествующихъ судимостей показываетъ на заслуженность многихъ передъ правосудіемъ.

Не подвергались ранѣе осужденіямъ					37
Были осуждены одинъ разъ					11
отъ	2	до	5	„	43
„	6	„	29	„	65
„	30	„	99	„	37
„	100	„	333	„	7
				Итого	200

По продолжительности срока присужденія въ реформаторіи заключенные распредѣлялись такъ: 6 мѣсяцевъ—3, 1 годъ—25, 1 годъ—30, 2 года—90. 2 года—3, 3 года—49.

Главными средствами исправленія заключенныхъ были: совершенное воздержаніе отъ напитковъ на срокъ не менѣе 18 мѣсяцевъ, свѣтское и религіозное образованіе, распредѣленіе избранныхъ книгъ, грубый трудъ, сопровождаемый достаточнымъ отдыхомъ, здоровая пища и хорошая среда, гимнастика и поддержаніе строгой и суровой дисциплины. Заключенные были заняты хозяйственными работами, садоводствомъ. кузнечнымъ, плотничьимъ, сапожнымъ ремесломъ, вышиваніемъ ковровъ, разбивкою камней, колкой дровъ. Женщины работали въ кухнѣ, прачешной. портняжной, надъ вышивками и рукодѣліями. Распредѣленіе дня производится слѣдующимъ образомъ: вставать въ 6. 30, завтракъ въ 7. 30, работа отъ 8. 30, до 12. 30; 12. 30—2 обѣдъ и отдыхъ; 2—3—работа, 6—ужинъ, 8—отправленіе ко сну, и 8. 30—тушеніе огня. Заключенные раздѣляются на три разряда въ зависимости отъ своего поведенія и досрочное освобожденіе предоставляется только находящимся въ третьемъ разрядѣ и подающимъ надежду на порядочную жизнь на свободѣ.

Результаты этой системы признаются въ общемъ удовлетворительными. Изъ 128 освобожденныхъ 70 (30 мужчинъ и 40 женщинъ) ведутъ себя неудовлетворительно. 3 попали въ больницы для умалишенныхъ, 5 скрылись отъ наблюденія и 50 (18 мужчинъ и 32 женщины) ведутъ себя хорошо. Эта послѣдняя цифра, равная 39% показываетъ процентъ получившихъ пользу отъ примѣненія къ нимъ мѣры. Приводимые въ отчетахъ отдѣльные случаи показываютъ дѣйствительный успѣхъ исправленія. См. Rapport présenté par I. S. Gibbons, président de la commission des prisons d' Irland. въ Bulletin de la commission pénitentiaire 1910. XI Livraison, p. 47.

6.

ОСОБЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ДЛЯ УМСТВЕННО-ДЕФЕКТИВНЫХЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

За послѣдніе годы, кромѣ тенденціи выдѣленія хроническихъ алкоголиковъ изъ общихъ тюремъ съ примѣненіемъ къ нимъ особаго долговременнаго режима, вмѣсто повторныхъ краткихъ сроковъ тюремнаго заключенія, замѣчается то же стремленіе и по отношенію къ умственно-дефективнымъ заключеннымъ.

Нахожденіе этихъ элементовъ среди общей массы заключенныхъ препятствуетъ правильной организаціи тюремной дисциплины и, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляетъ ненужную и вредную пытку для самихъ этихъ несчастныхъ. Регулярно возвращаясь на короткіе сроки въ тюрьмы, которыя являются для нихъ чуть ли не единственнымъ убѣжищемъ, за невозможностью выдержать суровость жизненной борьбы, они составляютъ армію наиболѣе безнадежныхъ въ смыслѣ исправленія заключенныхъ. При существующихъ условіяхъ безплодно по отношенію къ нимъ и врачебное воздѣйствіе, въ большинствѣ случаевъ, случайное и неопытное. Законодательство попыталось нѣсколько выдѣлить ихъ за послѣднее время, выдавая имъ свидѣтельство о „непригодности къ тюремной дисциплинѣ“. Но эти печальные паспорта нисколько не улучшаютъ ихъ положенія.

Очень яркую характеристику этой категоріи слабоумныхъ приводитъ д-ръ Scott, главный врачъ Brixton prison въ Лондонѣ.

„За послѣднія девять лѣтъ, въ теченіе которыхъ мнѣ пришлось работать въ Лондонскихъ мужскихъ и женскихъ тюрьмахъ, я обращалъ особое вниманіе на душевное состояніе заключенныхъ для того, чтобы сообщать о томъ судьямъ, давать экспертизу предъ присяжными и т. д. При производствѣ необходимыхъ разслѣдованій мнѣ пришлось имѣть дѣло со многими слабоумными, которые, не будучи признаны душевно-больными, тѣмъ не менѣе, не могутъ быть признаны вполнѣ отвѣтственными за свои преступныя дѣянія. Такія лица образуютъ довольно обширный классъ и представляютъ предметъ большихъ заботъ и безпокойствъ для тѣхъ, которымъ приходится имѣть съ ними дѣло. Многіе изъ нихъ въ юности не находились ни подъ какимъ надзоромъ родныхъ. Большею частью лишь очень небольшія попытки воспитать ихъ были предпринимаемы, такъ какъ они являлись нежелательными въ обыкновенныхъ классахъ и школахъ, а спеціальные школы или классы, предназначенные для нихъ, сравнительно малочисленны. Когда они достигаютъ возраста, требующаго работы, ихъ умственный дефектъ сильно мѣшаетъ имъ найти регулярное занятіе. Они пригодны только для чернаго труда, но такъ какъ большинство изъ нихъ неспособно къ затратѣ регулярнаго физическаго труда, то чрезъ нѣкоторое время они бросаютъ работу, если до того ихъ не уволили за глупость. Они сами лишены иниціативы и легко поддаются вліянію другихъ. Ихъ нравственное чувство весьма неразвито, и они имѣютъ очень немного самообладанія (self control) или способности сопротивляться искушенію, когда оно имъ встрѣчается на пути. Они часто привлекаются къ отвѣтственности за нарушенія закона, и трудно указать, какъ слѣдуетъ поступать съ ними. Судьи не особенно склонны возлагать на нихъ полную отвѣтственность и сурово наказывать ихъ. Ихъ посылаютъ въ тюрьмы, но обыкновенно на краткіе сроки, такъ что они скоро возвращаются снова къ своей преступной жизни. Они трудно поддаются воздѣйствію тюремной дисциплины и нуждаются въ режимѣ, отличномъ отъ режима прочихъ заключенныхъ. Ихъ нельзя наказывать въ полной мѣрѣ за нарушеніе правилъ дисциплины. Наказаніе оказы-

ваетъ мало вліянія на нихъ Непригодными оказываются обыкновенно и исправительныя вліянія (reforming influences). Такъ какъ они не имѣютъ большого уваженія къ своему достоинству и домашнія узы (обыкновенно отсутствующія) значатъ для нихъ очень немного, то они не боятся попадать въ тюрьму. Для многихъ изъ нихъ тюрьма является скорѣе пріютомъ или убѣжищемъ, гдѣ они освобождены отъ работъ и мыслей о своемъ пропитаніи и жилищѣ.

Когда они выходятъ на свободу, ихъ друзья, обыкновенно, не особенно рады имъ, а сами они являются совершенно неспособными конкурировать съ лучше одаренными людьми въ борьбѣ за существованіе. Поэтому обычнымъ для нихъ дѣломъ является совершеніе мелкой кражи или буйства для того, чтобы снова попасть въ тюрьму. Благодаря этому они обходятся государству весьма дорого и вмѣстѣ съ тѣмъ почти не достигается никакого моральнаго улучшенія ихъ, съ одной стороны, и дѣйствительной защиты общества отъ ихъ преступленій, съ другой. Вслѣдствіе ихъ склонности къ учиненію кражъ, поджоговъ, безнравственныхъ посягательствъ на дѣтей и т. д., они представляютъ постоянный источникъ безпокойствъ, расходовъ и опасностей. Многіе изъ нихъ совершенно неспособны, будучи продоставленными себѣ самимъ, вести надлежащую жизнь, не угрожающую окружающимъ; они требуютъ попеченія и дисциплины. Важно также разсмотрѣть съ точки зрѣнія улучшенія расы вопросъ о томъ, могутъ ли быть предприняты какія-либо мѣры, чтобы предупредить возможность для этихъ несчастныхъ элементовъ производить на свѣтъ себѣ подобныхъ.“

Эти полувмѣняемыя лица влачатъ и на свободѣ и въ тюрьмѣ самое жалкое существованіе, они являются угрожающими обществу и при томъ только потому, что государство не установило для нихъ какихъ-либо пріютовъ и не организовало надлежащаго наблюденія.

Ихъ положеніе очень ярко характеризуетъ Th. Holmes въ памфлетѣ, спеціально посвященномъ этому вопросу [1]).

---

[1]) „Unfit for prison discipline“. 1907. Howard Association Leaflets.

„Непригоденъ для тюремной дисциплины!“ Эти слова многое значатъ для меня. Въ теченіе многихъ лѣтъ я жилъ въ постоянномъ общеніи съ мужчинами и женщинами, которые такими словами охарактеризованы тюремными властями. Относительно ихъ я заботился, скорбѣлъ, думалъ и работалъ, но никогда не осмѣливался имѣть надежду. Непригоденъ для тюрьмы, но также непригоденъ и для свободы, для общественной жизни. Съ страннымъ тѣломъ и еще безконечно болѣе страннымъ духомъ, неспособнымъ къ логическому разсужденію, неспособнымъ къ пониманію свойства и значенія совершаемаго, не стремящимся къ злому, и, тѣмъ не менѣе, постоянно творящимъ злое, „неспособный къ тюремной дисциплинѣ“ представляетъ собою объектъ, достойный жалости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и требующій глубокаго вниманія. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы лица, власть имѣющія, видѣли этихъ несчастныхъ въ ихъ безнадежномъ и безполезномъ пребываніи на свободѣ, послушали ихъ несвязные разговоры, посмотрѣли на ихъ ожесточенныя лица, представили себѣ странныя идеи, сидящія въ ихъ головѣ, какъ это дѣлалъ я, и наблюдали, какъ эти идеи превращаются въ маніи, а эти маніи всецѣло овладѣваютъ ими. Если-бы они видѣли все это, они поняли бы плачевность ихъ существованія, и скоро наступилъ бы день, когда для такихъ „непригодныхъ“ будетъ отведено иное мѣсто, чѣмъ тюрьма.

„Какъ ужасна жизнь, которую имъ приходится вести. Слабые тѣломъ, развращенные духомъ, неспособные къ работѣ, умѣющіе дѣйствовать только по принужденію, руководящіеся животными страстями и вмѣстѣ съ тѣмъ не обладающіе даже той степенью сдержки, которая присуща животнымъ! Изъ тюрьмы на улицы, съ улицъ въ полицейскіе суды, изъ полицейскихъ судовъ опять въ тюрьму—вотъ тотъ кругъ, который они неизмѣнно совершаютъ. „Непригодный для тюремной дисциплины“, и, тѣмъ не менѣе, почти всю жизнь проводящій въ тюрьмѣ! Не заслуживающій наказанія, и тѣмъ не менѣе безпрестанно караемый государствомъ! Счастливы тѣ, для которыхъ такой жизненный кругъ является короткимъ и которые ранней смертью избавляютъ государство

отъ тягости; они счастливы, когда полное безуміе постигаетъ ихъ, ибо тогда о нихъ начинаютъ заботиться и удаляютъ изъ тюремъ. Но пока этотъ жизненный кругъ протекаетъ, какую недостойную великой страны жизнь имъ приходится вести!".

Въ континентальной литературѣ уже около десяти лѣтъ, какъ обращено вниманіе на положеніе такой категоріи преступниковъ, и эта проблема, извѣстная подъ именемъ вопроса объ уменьшенной вмѣняемости, нашла себѣ опредѣленное разрѣшеніе. Въ теоріи создана потребность устройства для такихъ лицъ особыхъ учрежденій и помѣщенія ихъ туда на болѣе продолжительный срокъ. Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ отсутствуетъ иниціатива организаціи ихъ и проведенія соотвѣтственныхъ законовъ.

Въ Англіи вопросъ этотъ поставленъ иначе. Теорія мало интересовалась вопросомъ о характерѣ ихъ отвѣтственности, а изъ чисто утилитарныхъ соображеній, проникнутыхъ духомъ гуманности, практика пришла къ заключенію относительно необходимости изъять такихъ лицъ изъ общихъ тюремъ и подвергнуть особому режиму. Подъ вліяніемъ этого уже нѣкоторыя практическія мѣры осуществлены, но еще болѣе намѣчено къ осуществленію въ ближайшемъ будущемъ.

Съ начала 900-хъ годовъ начинается изученіе этой спеціальной категоріи слабоумныхъ, и уже первыя данныя показали, что число ихъ не такъ ничтожно, какъ можно было думать.

За годъ, кончающійся 31 марта 1904 г., въ тюрьмахъ число лицъ, признанныхъ слабоумными, было 345 (297 мужчинъ и 48 женщинъ), т. е. 1,54 на 1000 заключенныхъ. Сюда относятся только тѣ, которые находятся въ крайней степени слабоумія, дѣлающей ихъ непригодными для тюремной дисциплины. Если принять во вниманіе слабоумныхъ, могущихъ такъ или иначе приспособляться къ тюремной дисциплинѣ, то число ихъ дойдетъ до 3% тюремнаго населенія. Въ 1903 г. число такихъ слабоумныхъ было 333 и изъ нихъ 73% находились въ производительномъ возрастѣ. Изъ этихъ 333 не было предшествующихъ осужденій въ 130 случаяхъ, въ 56 случаяхъ 1 осужденіе, въ 26—два и въ 102—отъ

4 до 105 осужденій. Въ большинствѣ случаевъ эта судимость относилась къ мелкимъ проступкамъ. Такъ, изъ 278 проступковъ класса рецидивистовъ, наиболѣе частыми были нищенство (75), пьянство (53), кража (34), бродяжничество (20), ночевка на улицахъ (11).

Тюремное управленіе, которому эти факты были извѣстны уже давно, начало принимать кое-какія мѣры въ мѣстныхъ тюрьмахъ для смягченія участи такихъ заключенныхъ, поскольку то позволяли обстоятельства. Такъ, оно предписывало, чтобы слабоумные содержались отдѣльно отъ другихъ заключенныхъ, подъ надзоромъ особаго лица, назначаемаго начальникомъ тюрьмы по консультаціи съ врачемъ изъ числа госпитальныхъ служителей по преимуществу; при составленіи діеты для нихъ также запрашивалось иногда мнѣніе врача; для нихъ пріискивались болѣе простые виды работы, по возможности, отдѣльно отъ другихъ заключенныхъ; передъ назначеніемъ отдѣльныхъ дисциплинарныхъ наказаній запрашивалось заключеніе врача; наконецъ, освобожденіе ихъ происходило путемъ передачи ихъ на руки родныхъ и друзьямъ, которые увѣдомлялись заблаговременно Свидѣтельства о ихъ умственной слабости сообщались также мѣстной полиціи. Такіе заключенные, такимъ образомъ, поручались особенному вниманію врача, который порою велъ относительно ихъ особыя записи. На практикѣ, однако, эти предписанія за отсутствіемъ надзора, выполнялись слабо.

Значительно большее обособленіе было проведено для слабоумныхъ, заключенныхъ въ каторжныхъ тюрьмахъ. Такіе заключенные должны быть сосредочены въ одной тюрьмѣ.

Мнѣ пришлось вмѣстѣ съ однимъ русскимъ докторомъ посѣтить каторжную тюрьму Parkhrust на островѣ Уайтѣ, гдѣ сосредоточены душевно-больные и слабоумные заключенные, приговоренные къ каторжнымъ тюрьмамъ.

Отдѣленіе для слабоумныхъ въ этой тюрьмѣ, въ которомъ содержится 110—120 заключенныхъ, представляетъ изъ себя скорѣе рабочую колонію особаго характера. Сюда направляются лица, не приспособленныя, вслѣдствіе умственной слабости, къ общей тюремной дисциплинѣ, по отбытіи ими срока одиноч-

наго заключенія въ другихъ каторжныхъ тюрьмахъ. Въ исключительныхъ случаяхъ сюда направляются и слабоумные не изъ каторжныхъ тюремъ. Въ основу особаго режима для нихъ положены слѣдующія начала: 1) полное обособленіе отъ остальныхъ осужденныхъ; 2) надзоръ, осуществляемый особо подготовленными надзирателями; 3) устройство спеціальныхъ работъ; 4) діета, приспособленная къ спеціальнымъ нуждамъ; 5) особая система дисциплинарныхъ взысканій и особыя правила дисциплины; 6) большая свобода разговора во время работъ и 7) особо тщательный врачебный надзоръ.

Обособленіе слабоумныхъ проведено очень тщательно. Помимо особаго корпуса, отдѣленнаго глухою стѣною отъ другихъ, они имѣютъ особыя мастерскія, гдѣ они занимаются такими элементарными работами, какъ шитье, плетенье корзинъ, щипанье пеньки, вышиваніе, переплетное дѣло, дѣланье ковровъ и пр.; имъ отведено особое пространство земли для земледѣльческихъ работъ и, въ частности, для садоводства; въ церкви имъ отводится особая часть камеръ, имѣющая отдѣльный входъ. Такимъ образомъ, часть, отведенная для нихъ, является фактически какъ бы особой тюрьмой.

Несмотря на умственные дефекты заключенныхъ, администрація сочла возможнымъ примѣнять и здѣсь прогрессивную систему заключенія, основанную на предоставленіи различныхъ льготъ въ зависимости отъ поведенія. При освобожденіи заботу о нихъ на первое время принимаетъ Армія Спасенія. Для этого отдѣленія имѣется школа съ особымъ учителемъ и небольшая библіотека.

Хотя въ Parkhrust и проведены многія смягченія тюремнаго режима, все же крайне тяжелое впечатлѣніе производитъ болѣе близкое знакомство съ этими несчастными. Сонными, малосознательными движеніями они выполняютъ свою работу; окружающее для нихъ сводится къ самому небольшому количеству впечатлѣній, которыя они способны уловить; потребности—весьма несложны, при чемъ чисто животныя стремленія преобладаютъ надъ остальными. Ихъ будущее безнадежно, и врядъ ли когда они сами думаютъ о немъ. Стремленія къ свободѣ у нихъ почти незамѣтно, и они примирились съ

условіями своей жизни, которую отбываютъ съ регулярностью механизма. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ, такое состояніе является прирожденнымъ. Въ послѣднемъ отчетѣ этой тюрьмы за 1909 г. указывается, что изъ 117 слабоумныхъ, содержавшихся здѣсь, только 6 могли были бы нести отвѣтственность за такое состояніе, такъ какъ оно явилось результатомъ алкоголизма. Въ остальныхъ случаяхъ слабоуміе являлось прирожденнымъ (55), недоразвившейся формой душевной болѣзни (18), умственнымъ разслабленіемъ подъ вліяніемъ періодическихъ приступовъ болѣзни (8), старческаго одряхлѣнія (2) или результатомъ неопредѣленныхъ причинъ (28). Наиболѣе частыми преступленіями, которыя послужили основаніемъ для заключенія ихъ, являются кража (18), взломъ (19), поджогъ (15), изнасилованіе малолѣтнихъ (8), нанесеніе ранъ (8) и т. д. Среди заключенныхъ имѣется большой процентъ рецидивистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли болѣе 30 судимостей. Въ 37% случаевъ, по исчисленіямъ королевской коммисіи, первое осужденіе такихъ лицъ имѣло мѣсто до 20 лѣтъ. При этомъ, послѣ отбытія времени заключенія въ тюрьмѣ, рецидивъ становится еще болѣе вѣроятнымъ. Изъ 100 слабоумныхъ заключенныхъ только 4 имѣютъ опредѣленный шансъ по освобожденіи найти попеченіе у родныхъ и, такимъ образомъ, вести честную жизнь. По отзыву начальника тюрьмы, около половины такихъ заключенныхъ ведутъ себя хорошо, среди другой половины часты вспышки непокорства. Въ теченіе 1909—1910 г. констатировано въ Паркрустѣ 7 покушеній на самоубійство среди этой категоріи.

Опытъ Паркруста показываетъ, что положеніе слабоумныхъ заключенныхъ является значительно болѣе удовлетворительнымъ въ особыхъ тюрьмахъ, гдѣ введенъ для нихъ спеціальный режимъ, и возможна дальнѣйшая ихъ классификація. Несомнѣнно то, что сдѣлано для заключенныхъ каторжныхъ тюремъ, должно быть осуществлено и для заключенныхъ въ общихъ тюрьмахъ. Но только здѣсь слѣдуетъ еще въ большей степени отрѣшиться отъ общетюремнаго типа.

Освобожденіе такихъ слабоумныхъ въ настоящее время

поставлено также малоудовлетворительно. Теперь передъ освобожденіемъ тюремный врачъ пишетъ особое удостовѣреніе на имя начальника тюрьмы, въ которомъ указывается, что такой-то заключенный, по его мнѣнію, „является непригоднымъ для обычной тюремной дисциплины“, и даетъ подробное описаніе состоянія освобождаемаго. Это свидѣтельство начальникъ тюрьмы посылаетъ начальнику полиціи округа съ просьбой, если освобожденный вновь предстанетъ предъ судомъ за какое-либо преступленіе, сообщить суду это свидѣтельство предъ постановленіемъ приговора для того, чтобы тотъ принялъ его во вниманіе и избѣгъ примѣненія повторныхъ краткихъ сроковъ тюремнаго заключенія.

Но на практикѣ эта система не приноситъ особой пользы. Очень часто освобожденный появляется передъ судомъ другого округа, и такъ какъ нѣтъ центральнаго бюро для регистраціи такихъ свидѣтельствъ, то послѣднія остаются судьѣ неизвѣстными. За освобожденнымъ не установлено какого-либо спеціальнаго надзора, и рѣдко предпринимаются серьезные шаги къ устройству его у друзей или родныхъ, въ чемъ онъ такъ нуждается. Вмѣстѣ съ тѣмъ, почти не существуетъ пріютовъ, гдѣ неспособные къ самостоятельной жизни слабоумные могли бы содержаться. Имъ приходится скитаться по работнымъ домамъ, но и тамъ они представляются крайне нежелательными элементами. Тюремная администрація, тяготясь этими лицами, требующими тщательнаго ухода, освобождаетъ ихъ порою недостаточно разсудительно и слишкомъ поспѣшно. Поэтому, несмотря на установленіе такихъ свидѣтельствъ, въ общихъ тюрьмахъ встрѣчаются вновь и вновь осуждаемые на краткіе сроки слабоумные. Это можетъ быть устранено лишь объединеніемъ заботы обо всѣхъ слабоумныхъ въ рукахъ одного центральнаго органа при содѣйствіи мѣстныхъ властей.

Эти недостатки уже давно обращали на себя вниманіе и отовсюду выражались пожеланія болѣе радикальной реформы. Указывалось на необходимость постройки для такихъ категорій особыхъ убѣжищъ, которыя могли бы замѣнить тюрьмы. Въ этихъ убѣжищахъ режимъ не долженъ быть расчитанъ на губительное однообразіе и долженъ быть ли-

шенъ ненужной суровости. Заключеніе сюда должно происходить на неопредѣленный срокъ, пока не получится надежда на возможность устройства даннаго лица на свободѣ. При освобожденіи слабоумный долженъ быть поставленъ подъ наблюденіе особаго попечителя, который долженъ быть сдѣланъ отвѣтственнымъ за поведеніе освобожденнаго и который долженъ представлять періодическіе отчеты. Въ особенности подчеркивалась необходимость принятія такихъ мѣръ по отношенію къ слабоумнымъ юношамъ отъ 16 до 21 и болѣе лѣтъ, которые непригодны для борстальскаго режима и для которыхъ краткосрочное тюремное заключеніе является особенно вреднымъ. Разслѣдованіе находящихся въ 1906 г. въ Пентонвильской тюрьмѣ умственно-дефективныхъ юношей показало, что изъ общаго числа слабоумныхъ юношей—17 были приговорены срокомъ на 1 мѣсяцъ, 20—на шесть недѣль, 27 на два мѣсяца, 50—на три мѣсяца, 3—на четыре мѣсяца и 1—на семь мѣсяцевъ.

Врачи неоднократно указывали на неудовлетворительность такого положенія.

Вотъ одинъ изъ типическихъ отчетовъ тюремныхъ врачей. Беру отчетъ за 1909—1910 гг. врача Пентонвильской тюрьмы въ Лондонѣ.

„Въ тюрьмѣ имѣлось 106 слабоумныхъ различнаго возраста. Большинство были дефективными отъ рожденія и многіе имѣли, кромѣ духовнаго, еще и физическія уродства. Сюда относятся умственно слабыя лица, которыя неспособны конкурировать на рынкѣ труда и поэтому попадаютъ въ классъ бродягъ. Они представляютъ собою особую группу, которую можно использовать для цѣлей рабочей колоніи. При существующихъ условіяхъ они неизбѣжно превращаются въ тюремныхъ рецидивистовъ. У большинства, кромѣ умственной недостаточности, имѣется физическая слабость, мѣшающая трудовой жизни, и если нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ дома, то ихъ родители рады отъ нихъ освободиться, не имѣя возможности направить въ другія учрежденія. Я вспоминаю двухъ мальчиковъ этой категоріи, которые оба начали свою преступную карьеру въ 1906 г. Одинъ изъ нихъ уже во-

семь разъ побывалъ въ тюрьмѣ, а другой—девять, начавъ въ 16 лѣтъ съ пьянства“.

Врачъ Вэкфильдской тюрьмы пишетъ: „Значительный процентъ хроническихъ пьяницъ, умственно-дефективныхъ и эпилептиковъ среди заключенныхъ, безпрестанно возвращающихся въ тюрьмы, является угнетающей и практически безнадежной чертой врачебной работы при настоящемъ несовершенномъ законодательствѣ“.

Желая устранить подобныя явленія, правительство рѣшило прибѣгнуть къ радикальному пересмотру всего законодательства о слабоумныхъ. Оно прекрасно понимало, что тюремная реформа въ этой области не можетъ быть успѣшной безъ организаціи правильнаго надзора и попеченія за такими лицами на свободѣ. Въ 1904 г. была назначена особая Royal Commission on the care and control of feeble-minded, подъ предсѣдательствовъ J. earl of Radnor.

Послѣ четырехлѣтнихъ трудовъ въ 1908 г. королевская коммисія закончила свои работы, результаты которыхъ опубликованы въ 8 объемистыхъ синихъ книгахъ [1]). Въ этихъ отчетахъ коммисіи прежде всего поражаетъ количество слабоумныхъ въ населеніи вообще. По даннымъ, собраннымъ ею, къ 1 января 1906 г. въ Англіи и Уэльсѣ имѣлось 149.628 идіотовъ, безумныхъ отъ рожденія и слабоумныхъ; къ нимъ слѣдуетъ еще присоединить 121.979 лицъ, страдающихъ отъ различныхъ формъ душевной болѣзни. Армія душевно-слабыхъ и душевно-больныхъ достигаетъ такимъ образомъ 271.607 человѣкъ или 1 на 120 человѣкъ населенія.

Изъ этого числа 33% слабоумныхъ содержатся на общественный счетъ въ различныхъ публичныхъ учрежденіяхъ (работныхъ домахъ, убѣжищахъ, тюрьмахъ, убѣжищахъ для алкоголиковъ, благотворительныхъ пріютахъ) и, кромѣ того, 8% получаютъ благотворительную помощь на дому. Они не возвращаютъ обществу этихъ затратъ какимъ либо произво-

---

[1]) Report of the Royal Commission on care and control of feeble-minded. London, 1908 Vol. I—VIII. Сводка выводовъ содержится въ VIII томѣ.

дительнымъ трудомъ, хотя многіе изъ нихъ, при благопріятныхъ условіяхъ среды, могли бы исполнять болѣе простые виды работы. Далѣе, слѣдующіе 35% падаютъ на слабоумныхъ дѣтей, посѣщающихъ начальныя школы; усилія дать имъ нормальное развитіе обыкновенно остаются тщетными; а тѣ, которые получаютъ воспитаніе въ дорого стоющихъ спеціальныхъ школахъ для слабоумныхъ, рѣдко способны приложить впослѣдствіи свои знанія къ жизни. Около 20% слабоумныхъ находятся на попеченіи близкихъ, но не такихъ, которые могутъ представить имъ пріютъ на всю жизнь. И только послѣдніе 5% живутъ въ семьяхъ, гдѣ постоянное попеченіе за ними достаточно надежно. Изъ этого слѣдуетъ, что большинство должно составлять предметъ заботы для государственной власти. Не менѣе 44,1% всего числа слабоумныхъ (66,509) ложатся всей тяжестью на общество. Коммисія приводитъ для каждаго изъ типовъ общественно-публичныхъ учрежденій процентъ нуждающихся въ содержаніи на публичный счетъ слабоумныхъ:

	% общаго числа слабоумныхъ.
въ начальныхъ школахъ	74,0%
въ учрежденіяхъ для бѣдныхъ	16,5%
въ убѣжищахъ для идіотовъ	2,0%
въ тюрьмахъ	95,9%
въ реформаторіяхъ для пьяницъ	38,4%
въ различныхъ благотворит. учрежденіяхъ	58,2%
среди пользующихся помощью на дому .	38,9%
среди не пользующихся помощью . . .	35,9%

Для насъ наиболѣе интересны данныя о слабоумныхъ, содержащихся въ тюрьмахъ, и о тѣмъ мѣрахъ, которыя рекомендуются по отношенію къ нимъ коммисіей.

По изслѣдованіямъ комиссіи, теперешняя тюремная статистика регистрируетъ только наиболѣе рѣзкіе случаи слабоумія, относя ихъ въ рубрику „непригодныхъ для тюремной дисциплины“. Между тѣмъ, среди тѣхъ, которые такъ или иначе приспособляются къ несложной тюремной жизни, имѣется множество слабоумныхъ, неспособныхъ къ самостоятельной

трудовой жизни на свободѣ. Изслѣдованіе ряда отдѣльныхъ тюремъ показало, что въ среднемъ чрезъ одну тюрьму проходитъ ежегодно отъ 150 до 200 слабоумныхъ заключенныхъ. Въ особенности количество ихъ велико въ городскихъ центрахъ, гдѣ процентъ слабоумныхъ по отношенію къ общему тюремному населенію порою доходитъ до 10. Эти изслѣдованія, производившіяся чрезъ спеціалистовъ, показали, что проблема значительно серьезнѣе, чѣмъ предполагали.

Сотни отзывовъ, данныхъ спеціалистами, показали, что существующее положеніе развиваетъ преступность вмѣсто того, чтобы сокращать ее; оно приводитъ къ значительной и безплодной потерѣ судейскаго труда и труда тюремной администраціи. Оно нисколько не ограждаетъ интересовъ общества и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ рядъ ненужныхъ страданій для этой категоріи преступниковъ, трудно поддающихся воздѣйствію наказанія.

Мы не станемъ останавливаться на болѣе подробномъ описаніи недостатковъ существующей системы, заключающемся въ трудахъ комиссіи. Главнѣйшіе изъ нихъ нами указаны уже выше. Болѣе интересны тѣ мѣры, которыя намѣчаются ею въ цѣляхъ исправленія ихъ.

Королевская комиссія въ конечномъ итогѣ предлагаетъ создать особый центральный совѣтъ для попеченія и надзора за умственно-дефективными лицами. Въ рукахъ этого совѣта будетъ сосредоточено управленіе всѣми соотвѣтственными учрежденіями и забота о принятіи соотвѣтственныхъ мѣръ. Этотъ совѣтъ, состоящій изъ врачей и юристовъ, перейметъ всѣ функціи судовъ опеки, сосредоточенныя въ высшемъ судѣ, и будетъ носить названіе Board of control. Всѣ умственно-дефективныя лица будутъ зарегистрированы здѣсь и члены совѣта должны о каждомъ получать свѣдѣнія посредствомъ періодическихъ посѣщеній на дому или въ учрежденіяхъ. Этотъ совѣтъ будетъ также выдавать свидѣтельства различнымъ учрежденіямъ на право содержанія умственно-дефективныхъ (въ томъ числѣ и душевно-больныхъ) лицъ. Центральное управленіе будетъ включать восемь мѣстныхъ округовъ, каждый изъ которыхъ имѣетъ особаго участковаго

инспектора. Къ исполненію этихъ должностей допускаются и женщины. Въ каждомъ графствѣ и городѣ мѣстные органы самоуправленія выдѣляютъ изъ своей среды особую комисію, имѣющую заботой попеченіе объ умственно-дефективныхъ. Этой коммисіи закономъ долженъ быть переданъ рядъ полномочій (взиманіе отъ родственниковъ умственно-дефективныхъ извѣстныхъ суммъ, изданіе распоряженій о помѣщеніи въ различныя заведенія, производство необходимыхъ разслѣдованій и пр.). При этихъ коммисіяхъ должны состоять особые врачи. На содержаніе этихъ учрежденій долженъ быть установленъ особый налогъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выдаваема изъ казначейства особая субсидія.

Предположенія коммисіи предполагаютъ охватить весь классъ *„умственно дефективнымъ“* (mentally defective). При этомъ интересными являются отдѣльныя категоріи и опредѣленія, данныя имъ коммисіей.

Подъ общее попеченіе и надзоръ центральной власти должны быть поставлены:

1) Лица *душевно больныя* (persons of unsound mind) [1]), которыя требуютъ попеченія и контроля благодаря душевному разстройству и вслѣдствіе этого неспособны смотрѣть за собою и управлять своими дѣлами (managing themselves or their affairs) и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ не относятся къ нижеслѣдующимъ классамъ.

2) Лица *умственно слабыя* (mentally infirm), которыя благодаря умственной слабости, проистекающей отъ возраста или отъ упадка ихъ способностей, не могутъ смотрѣть за собою и управлять своими дѣлами.

3) *Идіоты* (idiots),—лица, страдающія столь серьезными умственными дефектами отъ рожденія или съ малолѣтства, что они неспособны оберегать себя отъ обыкновенныхъ физическихъ опасностей, отъ которыхъ, напр., родители остерегаютъ своихъ маленькихъ дѣтей.

4) *Глупыя* (imbeciles) лица, которыя могутъ оберегать

---

[1]) Это понятіе должно замѣнить названіе „lunatics“, теперь примѣняемое для обозначенія душевно-больныхъ.

себя отъ обыкновенныхъ физическихъ опасностей, но не способны снискивать себѣ средства къ жизни вслѣдствіе умственнаго дефекта, существующаго отъ рожденія или малолѣтства.

5) *Слабоумныя* (feeble minded) лица, которыя могутъ снискивать себѣ средства къ жизни лишь при благопріятныхъ обстоятельствахъ, но не способны вслѣдствіе умственнаго дефекта, существующаго отъ рожденія или малолѣтства, а) къ состязанію на равныхъ условіяхъ съ нормальными людьми и б) къ управленію своими дѣлами и надзору за собой съ нормальнымъ благоразуміемъ.

6) *Нравственные идіоты* (moral imbeciles)—лица, проявляющія съ малолѣтства какой либо умственный дефектъ въ соединеніи съ порочными или преступными склонностями, на которыя наказаніе почти не оказываетъ отвращающаго вліянія.

7) *Эпилептики* (epileptics)—лица, страдающія эпилептическими припадками и умственной слабостью.

8) *Алкоголики* (inebriates)—лица, страдающія эпилептическими припадками и умственной слабостью.

9) *Глухонѣмыя* или *слѣпыя лица*, которыя, кромѣ этихъ физическихъ недостатковъ, страдаютъ умственной слабостью.

Мы не предполагаемъ здѣсь коснуться всѣхъ мѣръ, рекомендуемыхъ коммисіей по отношенію къ отдѣльнымъ категоріямъ умственно-дефективныхъ. Укажемъ только пожеланія, формулированныя ею относительно умственно-дефективныхъ преступниковъ (§§ 87—90).

Обо всѣхъ преступленіяхъ, учиненныхъ умственно-дефективными, полиція должна немедленно сообщать мѣстнымъ властямъ по надзору за этими лицами. Эти послѣднія сообщаютъ имена ихъ для регистраціи въ центральный совѣтъ. Точно также полиція обязана обращаться за справками о судимости такихъ лицъ въ мѣстныя коммисіи и въ центральный совѣтъ передъ возбужденіемъ преслѣдованій для того, чтобы избѣгать повторныхъ краткосрочныхъ наказаній.

На обязанности полиціи, кромѣ того, лежитъ извѣщеніе врача, состоящаго при мѣстной коммисіи, или его помощника,

о времени слушанія въ судѣ такихъ дѣлъ, чтобы этотъ врачъ или его представитель могъ представлять на судъ свои показанія.

Всѣ уголовные суды, въ томъ числѣ и суды суммарнаго производства, получаютъ власть постановлять о помѣщеніи умственно-дефективныхъ лицъ въ особыя учрежденія, стоящія подъ контролемъ центральнаго совѣта, вмѣсто присужденія ихъ къ тюрьмѣ. Такое постановленіе можетъ состояться и при прекращеніи дѣла.

На время до суда, судьи, вмѣсто помѣщенія обвиняемаго подъ стражу, могутъ передавать его въ учрежденія для умственно-дефективныхъ или особымъ должностнымъ лицамъ подъ соотвѣтственный надзоръ. Эти должностныя лица могутъ также принимать на себя поручительство послѣ суда о хорошемъ поведеніи умственно-дефективнаго.

Оправдывая обвиняемаго въ тяжкомъ преступленіи, котораго судья считаетъ умственно-дефективнымъ, судья можетъ рекомендовать коммисіи произвести разслѣдованіе въ надлежащемъ порядкѣ объ его умственномъ состояніи.

Всѣ лица, помѣщенныя въ учрежденіи для умственно-дефективныхъ по судебному приговору, и лица, признанныя умственно-дефективными во время отбытія ими наказанія, содержатся здѣсь до полученія согласія государственнаго секретаря на ихъ освобожденіе.

При установленіи умственной дефективности подсудимаго судья пользуется свѣдѣніями, представляемыми полиціей отъ соотвѣтственныхъ мѣстныхъ коммисій. Полиція должна озаботиться предварительнымъ полученіемъ такихъ свѣдѣній. Судьѣ предоставляется въ этихъ цѣляхъ отсрочивать слушаніе дѣла.

Особыми правилами возлагается отвѣтственность на должностныхъ лицъ, имѣющихъ подъ своимъ наблюденіемъ умственно-дефективныхъ, и опредѣляется порядокъ освобожденія ихъ изъ учрежденій.

Поручая все дѣло организаціи самихъ мѣръ центральному совѣту и мѣстнымъ коммисіямъ, проектъ создаетъ рядъ правилъ объ обязательномъ свидѣтельствованіи дѣтей школь-

наго возраста въ отношеніи ихъ умственной отсталости для того, чтобы уже съ самыхъ первыхъ шаговъ предотвратить ихъ помѣщеніе въ общія тюрьмы и обезпечить имъ надлежащій надзоръ на свободѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ намѣчаетъ основныя правила для типа этихъ учрежденій примѣнительно къ различнымъ категоріямъ умственно-дефективнымъ.

Пожеланія коммисіи намѣчены очень широко. Полное осуществленіе ихъ, знаменующее собою новую эпоху организованнаго государственнаго призрѣнія умственно-слабыхъ, потребуетъ, вѣроятно, еще не мало трудовъ и до того пройдетъ, можетъ быть, не мало времени. Пока же тюремное вѣдомство не оставляетъ безъ дальнѣйшаго движенія своихъ болѣе скромныхъ задачъ. Оно занято теперь выработкой особаго типа тюрьмы для слабоумныхъ заключенныхъ въ общихъ тюрьмахъ, на подобіе того, который существуетъ въ Паркрустѣ для каторжанъ. Въ 1910 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Черчиль обратился къ различнымъ лицамъ и учрежденіямъ съ заявленіемъ о томъ, что „онъ съ большимъ интересомъ разсмотритъ всѣ предложенія о созданіи спеціальнаго учрежденія для лицъ, непригодныхъ къ обычной тюремной дисциплинѣ вслѣдствіе умственныхъ дефектовъ“. Тюремное управленіе, на основаніи различныхъ отзывовъ, уже выработало проектъ такого учрежденія, разсчитаннаго на 500 человѣкъ. Помѣщеніе туда будетъ происходить по удостовѣренію врача, съ утвержденія министра. Срокъ пребыванія будетъ неопредѣленный, пока врачъ не удостовѣритъ, что данное лицо можетъ быть освобождено безъ опасности для себя и другихъ. Осуществленіе болѣе радикальныхъ мѣръ по отношенію къ такимъ заключеннымъ ставится въ зависимость отъ общей реформы законодательства о слабоумныхъ, теперь поставленной на очередь [1]).

---

[1]) Мѣры, проектируемыя для слабоумныхъ, рекомендуются нѣкоторыми и для преступниковъ-эпилептиковъ, хотя и не страдающихъ умственной слабостью. Въ настоящее время почти въ каждой англійской тюрьмѣ можно найти нѣсколько камеръ, стѣны и полъ которыхъ устланы мягкими цыновками. Въ эти камеры помѣщаются лица, страдающія эпилептическими припадками. Они находятся подъ

Такимъ шагами постепенно происходитъ выдѣленіе изъ

особо бдительнымъ надзоромъ администраціи и сосредоточены въ одной части тюрьмы. Но общій режимъ по отношенію къ нимъ является мало пригоднымъ. Я позволю себѣ процитировать нѣсколько отрывковъ изъ статьи Т. Холмса „Эпилепсія и преступленіе“, въ которой ярче всего выставляется необходимость примѣненія по отношенію къ преступникамъ эпилептикамъ особыхъ мѣръ, вмѣсто обыкновенной тюрьмы.

„Годъ за годомъ въ тюремныхъ отчетахъ мы встрѣчаемъ частыя ссылки на большое количество эпилептиковъ, содержащихся въ тюрьмахъ. Я не собираюсь здѣсь давать статистическія данныя, но желаю лишь обсудить тотъ фактъ, что при существующихъ условіяхъ эпилептики разсматриваются какъ преступники и признаются пригодными для заключенія въ тюрьму. Въ послѣднемъ отчетѣ указывается, что одинъ заключенный эпилептикъ упалъ во время припадка съ лѣстницы и получилъ смертельныя поврежденія. Въ теченіе моего долгаго опыта въ полицейскихъ судахъ я встрѣчался и видѣлъ много такихъ эпилептиковъ, склонности которыхъ приводили ихъ въ полицейскіе суды, гдѣ они представляли жалкое зрѣлище... Безъ сомнѣнія, эпилепсія приводитъ ко многимъ серьезнымъ преступленіямъ и не только насильственнаго характера, а и всякаго другого, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ требуютъ для своего выполненія дьявольскаго искусства.

„Умственная тупость или полная умственная аберрація часто слѣдуютъ за эпилептическими припадками или предшествуютъ имъ; порою странныя галлюцинаціи овладѣваютъ духомъ и въ такомъ состояніи возможно совершеніе всякихъ преступленій. Чаще всего оно проявляется въ нападеніяхъ, покушеніи на убійство или самоубійство, но иногда оно приводитъ и къ такимъ преступленіямъ, какъ растрата, подлогъ, хитрая кража. Я часто навѣщалъ семьи, въ которыхъ какой-либо изъ членовъ страдалъ эпилепсіей, я видѣлъ этихъ несчастныхъ въ одиночныхъ камерахъ, давалъ совѣты ихъ друзьямъ, приходившимъ консультировать судью. Публика вообще не знакома съ тѣмъ широкимъ распространеніемъ, которое приняла эпилепсія. Я не знаю статистическихъ данныхъ, но могу сказать, что эпилептикъ является однимъ изъ самыхъ несчастныхъ существъ на землѣ. Я знаю сколько горестей и заботъ причиняетъ нахожденіе эпилептика въ семьѣ и какъ часто приходится предупреждать всякаго рода преступленія ихъ насильственнаго характера“.

Мѣры, принимаемыя по отношенію къ нимъ въ настоящее время явно недостаточны, почти ничтожны. Эти мѣры не должны быть предоставляемы филантропическимъ обществамъ или частной иниціативѣ, такъ какъ игнорированіе эпилепсіи государствомъ представляетъ большую опасность. Плательщики налоговъ могутъ требовать, чтобы была создана надлежащая забота объ эпилептикахъ, которые вмѣсто того заключаются на короткіе сроки въ тюрьмы, рабочіе дома и убѣжища.

„Всѣ случаи оспы—пишетъ нѣсколько далѣе Холмсъ—должны быть сообщены органамъ, охраняющимъ публичное здравіе, какъ того требуетъ общее благо. По тѣмъ же основаніямъ должно быть сообщаемо обо всѣхъ случаяхъ эпилепсіи. Въ каждомъ городѣ долженъ имѣться особый реестръ такихъ больныхъ, въ который заносились бы всѣ независимо отъ богатства или бѣдности, положенія и занятія страдающіе эпилепсіей, и публичныя власти имѣли бы надъ ними наблюденіе.

общихъ тюремъ новой категоріи заключенныхъ, по отношенію къ которымъ оказываются непригодными старыя начала, основанныя на идеѣ воздаянія.

Это было бы печальнымъ спискомъ, но такое знаніе повлекло за собою бы и возможность улучшенія ихъ положенія. Въ заключеніе я предложилъ бы:

1) чтобы обо всѣхъ эпилептикахъ было сообщаемо мѣстнымъ властямъ, которыя обязаны вести имъ особый реестръ;

2) чтобы мѣстными властями былъ организованъ надлежащій надзоръ, контроль и если необходимо, содержаніе эпилептиковъ въ пріютахъ;

3) чтобы браки эпилептиковъ были признаваемы незаконными;

4) чтобы были сдѣланы распоряженія о систематическомъ и научномъ разслѣдованіи причинъ, методовъ леченія и дѣйствія эпилепсіи;

5) чтобы эпилептики больше не разсматривались какъ обыкновенные преступники, а въ случаѣ признанія ихъ судомъ таковыми — подвергались особому режиму.

Эти мѣры не только приведутъ къ уменьшенію серьезной преступности, но приведутъ къ благу и во многихъ другихъ отношеніяхъ“.

7.

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОЕ ДЕТЕНИРОВАНІЕ ПРИВЫЧНЫХЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

I.

Если среди преступнаго класса имѣется рядъ лицъ, попавшихъ туда вслѣдствіе отсутствія достаточнаго воспитанія, алкоголизма или психической дефективности, для которыхъ общая тюрьма не является пригодной мѣрой вслѣдствіе излишней суровости режима, то можно указать, съ другой стороны, и такую категорію, для которой общая тюрьма недостаточна вслѣдствіе ея краткосрочности. Практика показываетъ, что назначаемое даже на нѣсколько лѣтъ лишеніе свободы по отношенію къ этимъ преступникамъ не гарантируетъ общественной безопасности въ достаточной мѣрѣ и не является дѣйствительной мѣрой для удержанія ихъ отъ возвращенія къ преступной жизни. Я имѣю въ виду соціально-опасныхъ привычныхъ преступниковъ или преступниковъ-профессіоналовъ. Этотъ классъ, представляющій наибольшую соціальную опасность, имѣетъ тенденцію все болѣе и болѣе увеличиваться при современной карательной системѣ [1]).

---

[1]) Вопросъ объ опасныхъ преступникахъ-профессіоналахъ дѣятельно обсуждается въ послѣдніе годы международнымъ союзомъ криминалистовъ. См. мои отчеты о съѣздахъ этого союза въ Гамбургѣ (1905 г.) и Брюсселѣ (1910 г.), а также изданный отдѣльно отчетъ о собраніи Русской Группы союза въ Москвѣ 21 апр. 1910 г. Спб. 1911.

Въ современномъ строѣ преступность, какъ и всякая другая дѣятельность, имѣетъ тенденцію превратиться въ профессію. Борьба за существованіе, которую приходится вести современному преступнику съ полиціей, съ обывателями и съ судами, быстро выхватываетъ изъ рядовъ преступности лицъ, не обладающихъ особою ловкостью и дерзостью, преступниковъ - любителей или простаковъ; выживаютъ только наиболѣе приспособленные, и такими являются опытные рецидивисты, въ совершенствѣ изучившіе искусство преступности, вводящіе въ него усовершенствованія и изобрѣтенія, какъ и во всякую другую область, и развившіе въ себѣ значительную выдержку и ловкость. Благодаря этому имъ удается жить на свободѣ сравнительно долгое время, не попадая въ тюрьму; они не ограничиваются мелкими кражами и мошенничествами, а изрѣдка, но за то навѣрняка предпринимаютъ хорошо обдуманныя и крупныя преступленія. Эти профессіоналы выполняютъ преступленія не подъ вліяніемъ случайныхъ увлеченій или внезапныхъ порывовъ. Они считаютъ трудъ ниже своего достоинства и слѣдуютъ преступному пути въ полномъ сознаніи сопряженнаго съ этимъ риска. Вѣдь всякая работа сопряжена съ рискомъ. Рискуетъ рабочій, спускающійся въ шахту или трудящійся у раскаленной печи, рискуетъ рыбакъ, отправляющійся въ море, рискуетъ солдатъ, идущій на непріятеля. Профессія преступника тоже сопряжена съ рискомъ, но за то она болѣе прибыльна и не требуетъ тяжелой затраты физическаго труда. Отсидѣть нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ порою бываетъ даже пріятно послѣ долгой кочевой жизни. А попавъ въ тюрьму, такой преступникъ уже хорошо знаетъ, какъ тамъ лучше устроиться, какъ подкупить благосклонность начальства своею предупредительностью, какъ обезпечить себѣ господство надъ болѣе неопытными товарищами по заключенію. Отбывъ тюрьму, онъ снова возвращается къ преступленіямъ, какъ ремесленникъ къ своему ремеслу.

Среди этихъ профессіоналовъ можно различить нѣсколько ранговъ. Одни, менѣе воспитанные и ловкіе, идутъ по избитому пути мелкихъ кражъ со взломомъ или карманныхъ кражъ;

другіе, научившись какому либо одному способу мошенничества или поддѣлки монеты или подлога, повторяютъ его неизмѣнно при всѣхъ своихъ преступленіяхъ; третьи представляютъ изъ себя élite. Они рискуютъ только на большія предпріятія; свои дѣйствія обставляютъ особыми предосторожностями; кругъ ихъ дѣятельности—высшіе классы общества. Поѣздка въ Монте-Карло, остановка въ лучшемъ отелѣ, путешествіе въ экспрессѣ—для нихъ обычное дѣло. Они говорятъ на нѣсколькихъ языкахъ и до тонкости изучили всѣ соціальныя требованія приличія и этикета. Они рѣдко рѣшатся на простую кражу; крупный подлогъ, таинственное похищеніе брилліантовъ, банковское мошенничество—вотъ ихъ спеціальности, дающія имъ средства къ существованію.

„Существуетъ много людей—пишетъ англійскій судья Уильзъ [1]),—часто появляющихся передъ уголовными судами, и имѣющихъ длинный списокъ преступленій у себя въ дебетѣ, но которые все-таки не являются профессіональными или привычными преступниками и которыхъ признавать за таковыхъ было бы жестокимъ недоразумѣніемъ. Существуетъ много людей, стоящихъ на низкомъ уровнѣ морали, весьма бѣдныхъ, мало интеллигентныхъ или мало развитыхъ въ физическомъ и умственномъ отношеніи, которые, подъ давленіемъ бѣдности, безработицы, суровой погоды, болѣзни домашнихъ или иныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не могутъ сопротивляться искушенію совершить мелкую кражу и даже подвергаются неоднократному осужденію за такія кражи,—но все же они не принадлежатъ къ тому преступному классу, о которомъ я говорю. Они предпочитаютъ работу, когда они могутъ найти ее; при обычныхъ условіяхъ они довольно честны и крадутъ только, чтобы добыть себѣ пищу, одежду или небольшую сумму для удовлетворенія первыхъ необходимостей. Этимъ они причиняютъ себѣ больше вреда, чѣмъ другимъ; они не представляютъ серьезной опасности для общества и часто заслуживаютъ состраданія въ той же мѣрѣ, какъ и наказанія. Имѣется и другой видъ

---

[1]) Habitual crime and its treatment. „Times“, 1901. 21 February.

людей, ближе подходящій къ профессіональнымъ преступникамъ. Они подвергались наказаніямъ, порою даже суровымъ и вѣроятно не разъ дѣлали попытки жить честной жизнью, но затѣмъ попали въ дурную компанію и вернулись къ преступной жизни. Но все же они не живутъ доходами отъ нея. Такія лица также заслуживаютъ на ряду съ наказаніемъ и сожалѣнія, но они не являются безнадежными и не должны быть разсматриваемы, какъ безнадежныя. Но имѣются и такія лица, которыя занимаются преступленіемъ, какъ своею жизненной профессіей, которыя учитываютъ и допускаютъ весь рискъ ея, которыя сознательно перестали работать, если только когда либо они работали, и нисколько не желаютъ вновь приниматься за трудъ. Такіе люди фактически являются безнадежными. Никакое наказаніе не можетъ исправить ихъ, и съ момента, когда они получаютъ свободу, они вновь принимаются за преступленія. Они являются проповѣдниками преступности и словомъ и дѣломъ и ихъ продѣлки часто придаютъ преступности романтическій характеръ, являющійся чрезвычайно опаснымъ. Большинство громилъ, многіе изъ вымогателей и худшіе изъ поддѣлывателей и сбытчиковъ фальшивой монеты принадлежатъ къ этому классу“.

Большинство преступленій противъ собственности, въ особенности изъ числа тѣхъ, которыя остаются необнаруженными, учиняются такими профессіоналами.

„Если бы преступленія противъ собственности—пишетъ бывшій начальникъ Лондонской уголовной полиціи R. Anderson [1])—были бы результатомъ, какъ предполагаютъ теорики, „преступнаго импульса“ или давленія нищеты, то туманная ночь вызывала бы особый урожай ихъ, а продолжительные холода были бы временемъ общественной опасности. Но въ качествѣ положительнаго факта могу сказать, что туманы не причиняютъ особыхъ хлопотъ департаменту уголовныхъ разслѣдованій и эпидемія кражъ со взломомъ, подобно другимъ эпидеміямъ, прекрасно процвѣтаетъ въ мягкомъ климатѣ, а напротивъ того паденіе на двадцать градусовъ фаренгейта

---

[1]) Criminals and crime; some facts and suggestions. London 1907. p. 76.

часто останавливаетъ ее. Объясненіе весьма просто: профессіональная преступность является преступностью организованной, а всякая организація требуетъ времени; всѣ профессіоналы, въ томъ числѣ и взламыватели, не особенно любятъ находиться на улицѣ ночью, когда термометръ спускается къ нулю“.

Въ современномъ обществѣ, не сознающемъ порою всего значенія такой профессіональной преступности, къ сожалѣнію, иногда развиты взгляды, рисующіе преступниковъ профессіоналовъ въ видѣ героевъ, людей сильнаго характера, возстающихъ противъ общества, или, наоборотъ, въ видѣ людей, могущихъ претендовать на особое состраданіе окружающихъ вслѣдствіе обрушившихся на нихъ бѣдствій или вслѣдствіе нищеты. Такой взглядъ въ значительной степени объясняется тѣмъ, что публика знакомится съ этими преступниками или изъ романовъ или изъ сильно драматизированныхъ судебныхъ отчетовъ. На самомъ дѣлѣ обычный типъ профессіонала представляетъ собою мелкій характеръ, стоящій на крайне узкомъ уровнѣ моральнаго развитія и руководящійся узко-эгоистическимъ разсчетомъ [1]). Измѣ-

---

[1]) Въ послѣднемъ уголовно-статистическомъ отчетѣ за 1909 годъ находимъ слѣдующія замѣчанія составителя, M-r Stimson, по поводу отношенія общества къ профессіональной преступности.

„О преступленіи часто говорятъ какъ о результатѣ возстанія бѣднаго противъ богатаго и чувство неудовлетворенности неравенствомъ нашей существующей соціальной системы въ настоящее время столь глубоко и всеобще, что всякій, заявляющій, что онъ принимаетъ участіе въ такомъ возстаніи, можетъ расчитывать на снисканіе большой доли общественной симпатіи. Печать часто поощряетъ такой взглядъ не только печатаніемъ всѣхъ горестей осужденнаго вора, которыя могли бы служить извиненіемъ его преступленія, но и удѣленіемъ особенно значительнаго мѣста преступленіямъ, въ которыхъ жертва занимала выдающееся общественное положеніе или почему либо была особенно видной. Романы также посвящаютъ значительное вниманіе изображенію преступности и поэтому современный преступникъ слишкомъ часто окутывается дымкой романтизма, которая была болѣе къ лицу разбойникамъ стараго времени. Для человѣка, который глубже знакомъ съ предметомъ, обстоятельства рисуются совершенно иначе. Онъ видитъ въ среднемъ ворѣ человѣка, мало отличающагося отъ остальныхъ, развѣ только въ томъ, что его моральный уровень стоитъ ниже, чѣмъ у другихъ и что у него нѣтъ того страха передъ тюрьмой, который приписывается преступникамъ въ романахъ; преступникъ ведетъ свою антисоціальную жизнь не столько изъ врожденной извращенности, но изъ убѣжденія, что при существующемъ положеніи вещей преступленіе въ общемъ даетъ возможность

ните шансы этого разсчета, создайте такую угрозу, чтобы она могла быть дѣйствительной для преступниковъ-профессіоналовъ, и профессіональная преступность исчезнетъ. Если можно говорить о дѣйствительности устрашенія, то только въ этой области. Конечно, я имѣю въ виду только профессіоналовъ, а не преступниковъ, хотя бы многократныхъ рецидивистовъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ болѣзненныхъ или соціально-экономическихъ факторовъ.

болѣе легкой жизни, чѣмъ всякій другой путь, доступный ему. Это убѣжденіе можетъ развиться въ преступникѣ подъ вліяніемъ воспитанія и окружающей среды, но оно въ значительной степени зависитъ и отъ того отношенія, которое общество будетъ проявлять по отношенію къ нему и оно несомнѣнно укрѣпится, если онъ будетъ сознавать, что его считаютъ скорѣе жертвой, чѣмъ врагомъ общества. Что такое убѣжденіе ростетъ среди преступниковъ значительно сильнѣе, чѣмъ о томъ принято думать, будетъ признано всякимъ, кто знакомъ ближе съ оправданіями, представляемыми преступниками по поводу своихъ преступленій, и на этотъ фактъ слѣдуетъ обратить большое вниманіе при обсужденіи вопроса о ростѣ преступности. Бѣдность, безъ сомнѣнія, является обстоятельствомъ, смягчающимъ виновность, но она не можетъ разсматриваться какъ достаточное основаніе для безчестности, если мы примемъ во вниманіе тысячи тѣхъ, которые остаются честными даже въ крайней нуждѣ. Преступный классъ въ значительной степени состоитъ изъ людей, которые по слабости характера впали въ искушеніе, отъ котораго другіе въ состояніи воздержаться. Такіе люди представляютъ мало интереса для романиста, драматурга и журналиста, но именно скорѣе для нихъ, а не для исключительныхъ преступниковъ, съ которыми знакома публика, должна быть предназначаема карательная система. Учиненныя ими преступленія направляются чаще всего противъ собственности, но собственности не богатыхъ людей; ихъ кражи, учиняемыя въ маломъ размѣрѣ, требуютъ частаго повторенія, чтобы давать возможность жизни. Лица, которыя въ большинствѣ случаевъ страдаютъ отъ ихъ посягательствъ, не принадлежатъ къ тѣмъ, которые извѣстны подъ именемъ „состоятельнаго класса“. Богатый человѣкъ рѣдко даетъ возможность вору улучить моментъ для посягательства на свое имущество: его деньги лежатъ въ банкѣ, а потеря кошелька не причинитъ ему особыхъ огорченій. Между тѣмъ рабочій, мелкій служащій, лавочникъ могутъ понести жизненный ущербъ даже отъ мелкой кражи. Въ 1795 случаяхъ кражи отъ лицъ и 47363 случаяхъ кражи изъ помѣщеній, разсматривавшихся въ судахъ въ 1909 г., жертвами являлись главнымъ образомъ эти бѣдные люди.... Богатые классы хорошо защищаютъ себя отъ преступниковъ (развѣ только самыхъ отважныхъ) и мелкая преступность всею своею тяжестью падаетъ на бѣдные классы и еслибы сравнительная беззащитность этихъ послѣднихъ отъ профессіональныхъ воровъ и мошенниковъ была сознана болѣе полно обществомъ, то возможно, что оно испытывало бы менѣе сочувствія къ осужденному преступнику, и, слѣдовательно, статистика регистрировала бы меньшее число преступленій“.

II.

Англія явилась одной изъ первыхъ странъ, рѣшившей принять болѣе рѣшительныя мѣры противъ профессіональной преступности.

Ростъ профессіональной преступности здѣсь за послѣднее время былъ весьма значителенъ. Онъ можетъ быть установленъ нѣсколькими косвенными исчисленіями.

Прежде всего по этому вопросу существуютъ данныя полицейской статистики. Въ Англіи имѣется около 180 полицейскихъ округовъ. На основаніи представляемыхъ ими отчетовъ публикуется общая полицейская статистика. Начиная съ 1900 г. въ статистическихъ отчетахъ полиціи введена рубрика о числѣ привычныхъ преступниковъ, куда относятся воры, укрыватели и нѣкоторыя другія категоріи. Данныя этой статистики за 10 лѣтъ таковы:

Годъ.	Число привычныхъ преступниковъ.	Годъ.	Число привычныхъ преступниковъ.
1900	5.256	1905	4.035
1901	4.813	1906	4.124
1902	4.320	1907	4.197
1903	4.187	1908	4.255
1904	3.955	1909	4.064

Данныя перваго пятилѣтія, такимъ образомъ, указываютъ на пониженіе профессіональной преступности, а второго, наоборотъ, на нѣкоторый ростъ ея. Однако, на эту статистику нельзя полагаться, ибо она въ конечномъ счетѣ покоится на усмотрѣніи полиціи и отмѣчаетъ скорѣе случаи извѣстные полиціи, чѣмъ дѣйствительное число.

Болѣе точныя свѣдѣнія могутъ быть извлечены изъ данныхъ судебной статистики. Пожалуй наиболѣе типичнымъ профессіональнымъ преступникомъ является громила (burglar). Для совершенія сложной операціи взлома жилого помѣщенія нужно особое искусство, особыя приспособленія, особый навыкъ; нужна большая рѣшительность, умѣнье рисковать; эти качества присущи только профессіоналу. Съ другой стороны, это наиболѣе опасный видъ профессіонализма, вызывающій особое

безпокойство, грозящій и личнымъ благамъ и наносящій особенно тяжелыя экономическія послѣдствія для потерпѣвшаго. Поэтому ростъ числа кражъ со взломомъ служитъ извѣстнымъ симптомомъ роста числа опасныхъ профессіоналовъ-преступниковъ. И вотъ мы видимъ, что въ то время, какъ число преступниковъ противъ собственности вообще уменьшается, число кражъ со взломомъ растетъ весьма значительно.

Андерсонъ приводитъ въ своей книгѣ таблицу для Лондона, гдѣ сравнивается ростъ тяжкихъ преступленій противъ собственности сравнительно съ ростомъ кражъ со взломомъ (burglary, house breaking and shopbreaking).

Періодъ.	Число кражъ со взломомъ.	Число преступленій противъ собственности на 1000 жителей.
1869—1873	528	5
1874—1878	982	4,5
1879—1883	1.702	4,9
1884—1888	2.095	3,8
1889—1893	2.410	3,3
1894—1898	2.533	2,8
1899—1903	2.898	2,5

Въ 1869 г. число преступленій противъ собственности было 21.529, а кражъ со взломомъ 559. Соотвѣтственными цифрами въ 1905 г. являются 18.515 и 3.055. Если бы кража со взломомъ уменьшалась въ той же пропорціи, какъ и остальныя преступленія противъ собственности, то число этихъ кражъ должно было въ 1905 г. быть 242 вмѣсто 3.055.

То же можно наблюдать и для всей Англіи [1]). Въ теченіе всей половины XIX вѣка и начала XX замѣчается сильное паденіе тяжкой преступности. По пятилѣтіямъ на 100.000 жителей приходилось болѣе тяжкихъ преступленій (indictable offences):

1864—68	278,17	1879—83	230,67
1869—73	242,10	1884—88	208,49
1874—78	217,66	1889—93	194,17

[1]) Judicial statistics, part I. for the year 1909. London 1911

1894— 98	169,49	1904—908	179,47
1898—903	168,65	1909	187,79

Между тѣмъ число кражъ со взломомъ жилыхъ и торговыхъ помѣщеній растетъ; оно равнялось:

Годъ.	Число кражъ.	Годъ.	Число кражъ.
1899	6.303	1904	9.546
1900	6.703	1905	9.731
1901	7.655	1906	9.431
1902	7.990	1907	10.384
1903	8.718	1908	11.619
Среднее за 5 лѣтъ	7.464	Среднее за 5 лѣтъ	10.144

1909 — 12.075.

Мелкая, карманная кража, требующая тоже извѣстной ловкости, но характеризующая скорѣе нужду и развращенность, чѣмъ подлинный профессіонализмъ, сокращается.

Среднее число такихъ кражъ за 1894—8 г. было 3.433; за 1899—903 г.—2.798; за 1904—8 г.—2085, а въ 1909 г.—1795.

Наконецъ, третьимъ показателемъ могутъ служить данныя тюремной статистики о числѣ рецидивистовъ въ тюрьмахъ. Въ 1909—10 г.г. изъ 3.046 мужчинъ, содержавшихся въ каторжныхъ тюрьмахъ, 1.253 (40%) прежде уже отбывали заключеніе въ каторжныхъ тюрьмахъ; 672 — одинъ разъ, 271—два раза, 196—три раза, и 114—четыре раза и болѣе.

Двѣ нижеслѣдующія таблицы наглядно показываютъ процентъ рецидивистовъ [1]).

Періодъ.	Общее число отбывавшихъ тюремное заключеніе.		Процентъ тѣхъ, которые были ранѣе уже осуждены къ тюрьмѣ.	
	Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.
За годъ до 1 апрѣля 1900 г.	107.724	45.118	54,7	73,4
„ „ 1901 „	101.493	46.540	52,4	72,3

[1]) Report of the prison commissioners for the year, ending 31 march 1910. London. 1911.

За годъ до 1 апрѣля	1902 г.	118.027	48.253	51,4	70,6
„ „	1903 „	126.754	49.591	50,7	70,6
„ „	1904 „	139.236	50.689	51,1	71,4
„ „	1905 „	148.934	48.983	52,5	73,6
„ „	1906 „	147.686	47.408	55,4	75,1
„ „	1907 „	135.505	42.861	55,0	77,7
„ „	1008 „	135.651	40.951	57,1	75,0
„ „	1909 „	144.706	40.195	—	78,8
„ „	1910 „	141.493	38.468	57,3	77,1

Если же взять приговоренныхъ въ теченіе года къ каторжнымъ тюрьмамъ, то процентъ рецидивистовъ является значительно большимъ.

Годъ.	Число приговорен. къ каторгѣ.		Процентъ отбывшихъ ранѣе наказ. въ тюрьмахъ и на каторгѣ.		Число ранѣе отбывавшихъ каторгу.		Процентъ ранѣе отбывавш. каторгу.	
	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.
1902— 3	1.038	62	78,32	67,74	355	23	34,20	37,09
1903— 4	965	51	81,35	76,47	320	17	33,16	33,33
1904— 5	888	41	78,60	73,17	299	11	33,67	26,83
1902— 6	977	42	85,06	60,48	345	11	35.31	26,19
1906— 7	985	36	83,75	69,43	329	15	33,40	41,66
1907— 8	1.132	41	83,75	82,92	419	11	37,01	26,83
1908— 9	1.102	48	85,21	64,58	429	15	38,93	31,28
1909—10	1.068	40	88,39	92,50	416	12	38,95	30,00

Не трудно видѣть, что наблюдается, въ особенности среди мужчинъ, значительный ростъ числа лицъ, уже ранѣе отбывавшихъ тюремное заключеніе.

Статистика за 1908—9 г.г. показываетъ, что изъ содержавшихся въ тюрьмахъ 6.511 мужчинъ и 5.906 женщинъ имѣли болѣе 20 предшествующихъ осужденій каждый. Любопытно, что женщины, вообще составляющія около $^1/_4$ числа заключенныхъ, здѣсь стоятъ почти наравнѣ съ мужчинами, что свидѣтельствуетъ объ особомъ упорствѣ рецидива у женщинъ и объ особо губительномъ вліяніи тюрьмы на нихъ.

Въ 1909—1910 г.г. изъ 1.068 приговоренныхъ къ каторжнымъ тюрьмамъ мужчинъ и 40 женщинъ только

124 мужчины и 11 женщинъ не имѣли предшествующихъ осужденій.

Мы полагаемъ, что этихъ данныхъ, заимствованныхъ изъ полицейской, уголовной и тюремной статистики, достаточно, чтобы придти къ заключенію, что современная преступность въ Англіи стремится все болѣе и болѣе стать профессіональной, и что даже каторжныя тюрьмы мало способны пріостановить ростъ профессіонализма.

III.

Уже въ 1894 г. коммисія, созванная для изученія причинъ преступности, находившаяся подъ предсѣдательствомъ Герберта Гладстона, позднѣе министра внутреннихъ дѣлъ, проведшаго законъ 1908 г. чрезъ парламентъ, обратила вниманіе на тревожныя цифры рецидива и указала на безполезность карать рецидивистовъ только за то преступленіе, въ которомъ они попались. Она предложила вручить судамъ власть, въ силу которой опасные преступники могутъ быть подвергнуты детенированію на болѣе долгій срокъ. Это детенированіе должно служить одновременно и мѣрой устрашенія и мѣрой безопасности.

На пожеланіе коммисіи, однако, не было обращено сразу особаго вниманія, и вопросъ оставался въ тѣни, пока не появилось въ журналѣ Nineteenth Century за февраль 1901 г. статья, написанная начальникомъ лондонской уголовной полиціи R. Anderson, взгляды котораго мы уже цитировали выше, въ которой разсматривались методы борьбы съ привычной преступностью. Авторъ ея, указывая на значительный ростъ профессіональной преступности за послѣднее время, считалъ единственнымъ средствомъ борьбы удлиненіе содержанія такихъ преступниковъ въ тюрьмахъ. Онъ приводилъ мнѣніе весьма компетентнаго въ этой области маіора Артура Гриффиса, который говорилъ, что все тюремное населеніе должно быть раздѣлено на два большихъ класса: преступниковъ, которые никогда не должны были бы быть въ тюрьмѣ, и преступниковъ, которые никогда не должны быть оттуда освобо-

ждены. „На сессіи въ Клеркенвилѣ недавно были приведены интересныя данныя—писалъ Андерсонъ—о прошломъ одного отчаяннаго взламывателя, по имени Henry Marchant, сорока восьми лѣтъ. Подсудимый подъ различными именами совершилъ замѣчательный жизненный путь. Въ 1869 г. онъ былъ приговоренъ къ 4 мѣсяцамъ тюрьмы; въ 1872 г.—къ двумъ мѣсяцамъ, въ 1874—къ году за взломъ и въ 1879 г. къ семи годамъ каторги за кражу. Вскорѣ послѣ условнаго освобожденія онъ былъ пойманъ на взломѣ и пытался убить арестующаго. Освобожденный на поруки онъ скрылся и былъ арестованъ въ Манчестерѣ, при чемъ у него былъ найденъ большой запасъ отмычекъ и всѣ орудія взлома. Онъ былъ приговоренъ къ 10 годамъ каторги. Благодаря хорошему поведенію онъ получилъ сокращеніе срока и въ 1896 г. былъ снова пойманъ на взломѣ, за что, помимо обязанности отбыть старое наказаніе до конца, получилъ годъ каторги. Чрезъ нѣсколько дней послѣ освобожденія въ 1900 г. онъ былъ арестованъ при попыткѣ скрыть вещи, похищенныя имъ изъ взломанной квартиры“. Этотъ типичный случай наводитъ автора на рядъ размышленій. Онъ не желаетъ слѣдовать рекомендаціи Д. Стифена о примѣненіи въ такихъ случаяхъ смертной казни, но рекомендуетъ пожизненное заключеніе, смягчаемое только въ томъ случаѣ, когда виновный укажетъ, куда онъ скрылъ свою добычу.

Эту же мысль онъ проводилъ и въ рядѣ послѣдующихъ статей.

„Когда я былъ назначенъ членомъ тюремной коммисіи 24 года тому назадъ—писалъ онъ [1])—въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ тюремъ примѣнялась система перетаскиванія ядеръ (shot drill). Вмѣсто производительной работы заключенные должны были безпрестанно и безъ всякой цѣли переносить ядра съ одного мѣста на другое. Это было жалостнымъ зрѣлищемъ безплодной траты мускульной энергіи. Съ того времени система перетаскиванія ядеръ отмѣнена въ нашихъ тюрьмахъ, но энергія нашей, считающейся одной изъ лучшихъ въ Европѣ,

---

[1]) Criminal and crime 1908 p. 59.

полицейской организаціи растрачивается способомъ, въ высшей степени напоминающимъ эту систему. Полиціи сообщаютъ объ извѣстномъ преступленіи. Напримѣръ, ночью похищена изъ общественнаго музея картина. Пусть Шерлокъ-Холмсы сидятъ всю ночь съ мокрымъ полотенцемъ, повязаннымъ вокругъ головы, и думаютъ надъ проблемой о томъ, какъ найти вора. Шерлокъ Холмсъ самъ былъ, конечно, геніемъ, но люди, которые слѣдуютъ его методамъ, склонны набрасывать подозрѣніе на различныхъ лицъ, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ преступленію. Scotland Yard (полицейское управленіе) часто приходитъ къ желаемому результату такимъ же путемъ, какимъ эксперты опредѣляютъ, кто нарисовалъ украденную картину. Конечно, если человѣкъ оставляетъ открытыми свои двери и окна, то всякій другой человѣкъ, какимъ бы большимъ неискустникомъ онъ ни былъ, легко можетъ войти въ домъ и украсть. Но преступленіе, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, принадлежитъ тонкому и опытному громилѣ. Число людей, способныхъ замыслить и выполнить его, ограничено и всѣ они хорошо извѣстны. Нѣкоторые изъ нихъ отбываютъ теперь заключеніе, „отсиживаютъ“ (doing time) за прошлыя вины. Они вернутся къ работѣ лишь черезъ годъ или два, но въ настоящее время мы можемъ ихъ игнорировать. Затѣмъ про A, B, C, извѣстно, что они находятся внѣ Лондона, отвлеченные другими дѣлами; про D, E, установлено, что они провели ночь у себя въ хорошо извѣстныхъ полиціи квартирахъ. Списокъ преступниковъ-профессіоналовъ, такимъ образомъ, сводится къ доступнымъ для практическаго разслѣдованія размѣрамъ и не трудно идти далѣе, вычеркивая одно имя за другимъ, пока не будетъ обнаруженъ воръ. Если доказательства отысканы, подозрѣваемый арестуется и приводится въ судъ. Противъ него выставляется списокъ предшествующихъ осужденій и постановляется приговоръ о пятилѣтней каторжной тюрьмѣ. Менѣе чѣмъ черезъ четыре года, онъ уже отбылъ свой срокъ и опять принялся за старую профессію. Послѣ нѣкоторой удачи, при которой ему случается совершить десять, двадцать, а иногда и пятьдесятъ преступленій, наслаждаясь „славными деньками“, онъ по-

падается вновь и та же комедія начинается сызнова. Въ этомъ и состоитъ система shot-drill, практикуемая департаментомъ уголовныхъ разслѣдованій. Но могутъ сказать:—„Прекрасно, полиція получаетъ жалованіе за свою работу; преступники весьма удовлетворены этой системой, и если публика не безпокоится, то кто имѣетъ право жаловаться“. Кто имѣетъ право жаловаться?—Это право имѣютъ жертвы преступности этихъ злоумышленниковъ. Если будетъ признано, что преступники могутъ жить на счетъ общества, то общество должно быть въ этихъ цѣляхъ обложено въ пользу ихъ особымъ налогомъ и во всякомъ случаѣ вознаграждать потерпѣвшихъ. Въ былое время короли могли произвольно лишать собственности отдѣльныхъ гражданъ. Въ настоящее же время это предоставлено только профессіональнымъ преступникамъ“.

„Существуетъ два способа борьбы съ профессіональной преступностью — пишетъ въ другомъ мѣстѣ Андерсонъ.— При одной системѣ, системѣ покаранія преступленій (punishment of crime system), случайно изловленный профессіональный преступникъ подвергается наказанію, которое признается соотвѣтственнымъ только за данное дѣяніе (съ принятіемъ во вниманіе прошлыхъ судимостей) и по отбытіи его онъ *освобождается съ тѣмъ, чтобы получить возможность вновь* заняться своею профессіей. Другая система, которую я защищаю, состоитъ въ томъ, что въ случаѣ если доказано, что преступникъ избралъ сознательно въ качествѣ профессіи преступленія, то общество должно быть отъ него защищено путемъ отнятія отъ него свободы, которою тотъ злоупотребляетъ. Если онъ своимъ выборомъ и поведеніемъ поставилъ себя внѣ закона, то съ нимъ и слѣдуетъ поступать соотвѣтственно“.

Нѣсколько далѣе онъ говоритъ: „Я полагаю, что если бы наши уголовные суды имѣли дѣло больше съ самимъ преступникомъ, нежели съ преступленіями, то преступленія противъ собственности значительно сократились бы и профессіональная преступность могла бы быть совершенно устранена. И нѣкоторые судьи стремятся поступать такъ. Они не

довольствуются оффиціальнымъ dossier подсудимаго, а стремятся разслѣдовать его характеръ, прошлую жизнь въ широкомъ смыслѣ и назначаютъ наказанія въ зависимости отъ этого разслѣдованія. Но законъ не даетъ этому санкціи и, конечно, онъ не содержитъ постановленій о производствѣ такихъ разслѣдованій открыто и съ справедливымъ вниманіемъ къ подсудимому".

Эта статья вызвала письмо въ Times отъ 15 февраля 1901 г. одного изъ заслуженныхъ уголовныхъ судей Alfred Wills. „По моему мнѣнію—писалъ Уильзъ—общество нуждается въ рѣшительныхъ мѣрахъ по отношенію къ профессіональнымъ преступникамъ. Эти мѣры окажутся по истинѣ благодѣтельными, если онѣ устранятъ привычную преступность. Иногда полезной является и строгость, несмотря на возраженія благодушныхъ людей. Ни одно изъ преступленій не было караемо съ столь постоянной строгостью, какъ поддѣлка монеты и вымогательныя угрозы (blackmailing). И мы замѣчаемъ значительное уменьшеніе ихъ обоихъ. Нѣтъ сомнѣнія, въ области привычной преступности наслѣдственность играетъ большую роль и было бы большимъ успѣхомъ, если бы мы могли помѣшать такимъ преступникамъ стать родителями дѣтей, которыя, очевидно, подъ вліяніемъ наслѣдственности и родительскаго примѣра обречены на то, чтобы стать преступниками. Дѣйствительныя затрудненія въ принятіи мѣръ по отношенію къ такимъ лицамъ сводятся къ двумъ. Во-первыхъ, общество въ цѣломъ недостаточно сознаетъ, какимъ обильнымъ источникомъ всякихъ бѣдъ является привычная преступность. Средства удостовѣренія того, принадлежитъ ли человѣкъ къ этому классу или нѣтъ, несовершенны и не всегда достойны довѣрія, и потому дѣло зависитъ большею частью отъ усмотрѣнія судьи. Приговоры, которые кажутся строгими, если принимаются во вниманіе только отдѣльныя дѣла, вызываютъ ложную и нездоровую симпатію къ преступнику, которая никогда не пробудилась бы, если бы дѣйствительный характеръ преступника былъ извѣстенъ. Вторымъ весьма значительнымъ затрудненіемъ является непрерывная и неослабляемая суровость каторжныхъ тюремъ—единственнаго

наказанія, которое можетъ быть назначаемо на срокъ болѣе двухъ лѣтъ. Д-ръ Андерсонъ отстаиваетъ необходимость менѣе суровой, но болѣе продолжительной мѣры, и я вполнѣ примыкаю къ его мнѣнію. Очень часто я былъ принуждаемъ въ своей судейской дѣятельности назначать наказанія болѣе краткія, чѣмъ того требовала безопасность общества, съ полнымъ убѣжденіемъ, что по освобожденіи изъ тюрьмы заключенный можетъ вернуться опять къ своей профессіи преступника, такъ какъ продолжительный періодъ примѣненія столь суроваго режима являлся бы чрезмѣрнымъ наказаніемъ за преступленіе и могъ бы вызвать общественное возбужденіе, которое являлось бы само извѣстнымъ зломъ. Безъ сомнѣнія здѣсь возникаетъ серьезный вопросъ, заслуживающій изслѣдованія". Въ дальнѣйшемъ А. Уильзъ предлагаетъ передать присяжнымъ опредѣленіе вопроса о томъ, является ли подсудимый привычнымъ преступникомъ и долженъ ли онъ быть подвергнутъ особенно долгому заключенію.

Въ томъ же году этотъ вопросъ былъ доложенъ А. Уильзомъ собранію судей отдѣленія королевской скамьи, которые одобрили содержавшіяся въ немъ мысли и вступили въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ съ тѣмъ, чтобы совмѣстно намѣтить то, „нельзя ли создать какую-либо форму заключенія, *болѣе или менѣе продолжительнаго, но менѣе* суроваго, чѣмъ каторжная тюрьма, посредствомъ которой закоренѣлые преступники могли бы быть удерживаемы отъ повторенія преступленій". „При нынѣшнихъ условіяхъ—заявляли судьи—судьи принуждены постановлять приговоры на сроки недостаточные, которые позволяютъ черезъ нѣсколько времени преступникамъ возвращаться неисправленными въ общество. Эти преступники затѣмъ доводятъ до отчаянія судей, полицію и всѣхъ пытающихся исправить ихъ. Было бы хорошо, если бы въ интересахъ общества былъ указанъ какой-либо проектъ, который могъ бы достичь защиты безъ ненужной жестокости".

На это предположеніе судей было обращено вниманіе тюремнымъ управленіемъ которое въ своемъ годовомъ отчетѣ за 1902 г. помѣстило слѣдующія строки:

„Имѣются классы преступниковъ, для надлежащаго обращенія съ которыми еще не намѣтилось опредѣленнаго способа, но которые должны въ ближайшемъ будущемъ привлечь вниманіе парламента, подобно тому какъ они привлекли значительное общественное вниманіе въ прошломъ году. Мы имѣемъ въ виду профессіональныхъ и юныхъ преступниковъ, преступниковъ при концѣ и при началѣ ихъ карьеры... Въ отношеніи профессіональныхъ преступниковъ мы выработали проектъ, представленный на разсмотрѣніе министра, въ которомъ намѣчается для нихъ детенированіе при спеціальныхъ условіяхъ режима... Мы употребляемъ слово „профессіональный“ въ техническомъ смыслѣ для обозначенія людей, преступное прошлое которыхъ показываетъ, что они живутъ путемъ систематическихъ кражъ и грабежей... Мы считаемъ, что пришло теперь время, когда для такихъ преступниковъ должна быть создана особая форма заточенія, когда по предписанію суда они будутъ изолированы отъ остальныхъ на долгій періодъ времени, скажемъ, напримѣръ, на время, указанное въ законномъ максимумѣ наказанія за данное дѣяніе. Министру же будетъ предоставлено право условнаго освобожденія, когда онъ на основаніи отчетовъ тюремнаго начальства убѣдится, что имѣется достаточное основаніе полагать, что заключенный можетъ быть освобожденъ безъ опасности для общества“.

Этотъ проектъ, однако, долгое время остался безъ движенія. Министерство, поглощенное текущими реформами въ области продажи питей и воспитанія, ограничилось лишь проведеніемъ палліатива—Penal Servitude act, 1903 г., смягчавшаго суровость каторжныхъ тюремъ и сокращавшаго срокъ одиночнаго заключенія.

Но энергичный руководитель тюремнаго управленія Рэгльсъ-Брайсъ не оставлялъ своей мысли. Въ 1904 г. онъ предпринялъ на широкихъ основаніяхъ тюремную анкету о рецидивистахъ. Данныя этой анкеты показали, что число рецидивистовъ по нѣкоторымъ дѣяніямъ, въ особенности кражѣ со взломомъ и простой кражѣ, достигало 79% и 78%. Они свидѣтельствовали, что хотя около 70% изъ содержащихся въ

тюрьмахъ, осужденныхъ въ первый разъ, не возвращаются туда снова, но изъ побывавшихъ два раза возвращаются 48%, изъ побывавшихъ три раза—64%, четыре раза—71% и пять разъ—79%.

Анализъ осужденій, вынесенныхъ въ судахъ съ присяжными въ 1905 г., показывалъ, что $^3/_5$ общаго числа осужденныхъ имѣли предшествующія осужденія и что $^1/_3$ имѣла ихъ болѣе пяти. Если разсматривать отдѣльно кражи со взломомъ, то можно было установить, что $^3/_4$ ихъ были учинены рецидивистами.

Коммисія по вопросу о положеніи тюремъ, подъ предсѣдательствомъ Г. Гладстона, выразила въ 1904 году въ весьма энергичныхъ выраженіяхъ мнѣніе, что въ виду угрожающихъ размѣровъ рецидива, желательно установленіе новыхъ мѣръ репрессіи. По мнѣнію коммисіи, является дѣломъ почти безполезнымъ наказывать упорныхъ рецидивистовъ только за то дѣяніе, за которое они были арестованы; ихъ дѣйствительнымъ преступленіемъ является то упорство въ преступныхъ привычкахъ, которое они сознательно выработали. Она рекомендовала, чтобы по отношенію къ такимъ лицамъ судамъ было предоставлено новое средство наказанія, въ силу котораго подобныя лица могли бы быть детенированы на болѣе продолжительный срокъ. *Это детенированіе должно служить* какъ цѣлямъ устрашенія, такъ и цѣлямъ общественной безопасности, ограждая общество отъ повторенія преступленій этими лицами. Съ этого времени тюремные отчеты ежегодно подчеркивали развитіе рецидивизма, и это въ концѣ концовъ подготовило общественное мнѣніе къ принятію особыхъ мѣръ противъ профессіональной преступности.

Въ сессію 1908 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Г. Гладстонъ внесъ проектъ о предупрежденіи преступленій, вторая половина котораго посвящена „мѣрамъ предупредительнаго детенированія“ по отношенію къ привычнымъ преступникамъ.

Первоначальный проектъ нѣсколько отличался отъ того, который принятъ въ качествѣ закона. Такъ предполагалось, что детенированіе будетъ назначаемо на неопредѣленный срокъ (during His Majesty's pleasure), но послѣ оживленныхъ

дебатовъ этотъ срокъ былъ опредѣленъ: не менѣе пяти лѣтъ и не болѣе десяти. Предполагалось установить извѣстную давность для предшествующихъ осужденій, но и это было отвергнуто.

Въ окончательной формѣ законопроектъ былъ утвержденъ 21 декабря 1908 г. и вступилъ въ дѣйствіе съ 1 августа 1909 г. (Prevention of crime act, 1908) [1]).

Въ постановленіяхъ англійскаго права, дѣйствовавшихъ до 1908 г., рецидивъ служилъ однимъ изъ основаній для повышенія наказаній. Усиленіе ихъ начинается съ 60-хъ годовъ, когда идеи перваго англійскаго уголовнаго политика M. D. Hill стали получать широкое распространеніе. Въ законѣ Penal Servitude act, 1864 было постановлено, что судья въ случаѣ повторенія преступленій не можетъ назначать наказаніе каторжной тюрьмы на срокъ менѣе 7 лѣтъ (раньше—пяти лѣтъ). Это постановленіе, однако, чрезъ нѣкоторое время было признано нецѣлесообразнымъ, какъ стѣсняющее судейское усмотрѣніе и отмѣнено въ 1879 г. [2]). Дальше идутъ Habitual criminals act, 1869 и Prevention of crime act, 1871, которые содержатъ уже интересныя постановленія объ особыхъ мѣрахъ по отношенію къ привычнымъ преступникамъ. Здѣсь создается презумпція опасности ихъ для общества.

---

[1]) Еще до принятія англійскаго закона, идеи о необходимости особыхъ мѣръ по отношенію къ привычнымъ преступникамъ, въ духѣ предложенныхъ Уильзомъ и Андерсономъ, нашли себѣ признаніе въ австралійскихъ колоніяхъ Англіи. Такъ, въ 1905 г. въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ проведенъ законъ, по которому лица, троекратно осужденныя за опредѣленныя дѣянія, не могутъ быть освобождаемы досрочно изъ каторжныхъ работъ и по отбытіи наказанія подлежатъ детенированію на неопредѣленный срокъ въ особыхъ учрежденіяхъ при смягченномъ режимѣ. Привычные преступники, приговоренные судомъ къ этой мѣрѣ, вносятся въ особый списокъ. Объ ихъ освобожденіи изъ мѣстъ детенированія рѣшаетъ особый совѣтъ по неопредѣленнымъ приговорамъ. Въ 1905 г. къ детенированію приговорено 10 человѣкъ, въ 1906—4, въ 1907 г.—11, въ 1908 г.—8. Числа эти указываютъ на осторожность, съ какою примѣняется эта мѣра. Въ 1906 г. законъ о привычныхъ преступникахъ на тѣхъ же основаніяхъ принимается Новой Зеландіей, въ 1907 г.—Южной Австраліей, въ 1908 г.—Викторіей и Тасманіей. Повсюду указывается на благотворные результаты новой мѣры. См. The crime of Empire and its treatment. The reports of the Howard Association 1906—1910.

[2]) 42 and 43 Vict. c. 55.

Постановленія эти сводятся къ слѣдующимъ. Когда какое-либо лицо, было осуждено не менѣе двухъ разъ за указанныя въ законѣ преступленія и проступки (crime), то въ теченіе семи лѣтъ со времени отбытія послѣдняго наказанія оно можетъ быть подвергаемо въ суммарномъ порядкѣ заключенію къ тюрьмѣ на срокъ до одного года въ слѣдующихъ случаяхъ:

а) если полицейская власть обвиняетъ его въ томъ, что оно снискиваетъ себѣ пропитаніе безчестными средствами и судья признаетъ это обвиненіе заслуживающимъ довѣрія;

б) если это лицо, будучи подозрѣваемо въ какомъ-либо преступномъ дѣяніи, откажется сообщить свое настоящее имя и мѣстожительство суду;

в) если это лицо застигнуто въ публичномъ или частномъ мѣстѣ при такихъ обстоятельствахъ, которыя приведутъ судью къ убѣжденію въ томъ, что оно собиралось учинить какое-либо преступное дѣяніе или оказать пособничество при учиненіи какого-либо дѣянія или ожидало къ тому удобный случай;

г) если это лицо застигнуто въ какомъ-либо помѣщеніи, саду, складѣ и т. д. и при этомъ не можетъ дать объясненій о причинахъ своего нахожденія здѣсь.

Эти постановленія интересны въ томъ отношеніи, что они создаютъ рядъ деликтовъ, субъектами учиненія которыхъ могутъ быть только рецидивисты въ опредѣленныхъ преступленіяхъ. Большинство этихъ деликтовъ основаны только на извѣстныхъ предположеніяхъ объ опасныхъ тенденціяхъ этихъ лицъ и наличность ихъ объясняется тѣмъ, что законодатель сталъ на точку зрѣнія предупрежденія преступленій путемъ расширенія полицейскихъ и судебныхъ полномочій. Этотъ законъ былъ нѣсколько дополненъ Penal Servitude act 1891 г., по которому при условномъ досрочномъ освобожденіи изъ каторжныхъ тюремъ, срокъ допустимости такихъ преслѣдованій начинаетъ течь со времени условнаго освобожденія, а не отбытія наказанія.

IV.

Постановленія о детенированіи привычныхъ преступниковъ помѣщены въ ст. 10—16 закона о предупрежденіи преступленій 1908 г. Сущность ихъ сводится къ слѣдующему.

Изъ числа лицъ, судимыхъ за тяжкія преступленія, влекущія присужденія къ каторжной тюрьмѣ, судъ можетъ выдѣлять особую категорію „привычныхъ преступниковъ“ (habitual criminals), по отношенію къ которымъ можетъ быть примѣнено помимо обычнаго наказанія каторжной тюрьмой еще особое детенированіе, съ режимомъ менѣе суровымъ, чѣмъ существующій въ каторжныхъ тюрьмахъ. Это детенированіе они отбываютъ въ теченіе срока отъ 5 до 10 лѣтъ послѣ отбытія наказанія каторжной тюрьмой, съ правомъ широкаго досрочнаго освобожденія.

Основное положеніе новаго закона выражено въ п. 1 и 2 ст. 10:

„Когда кто-либо осужденъ за уголовное дѣяніе (crime) по обвинительному акту, послѣ изданія настоящаго закона, и затѣмъ признаетъ себя или будетъ признанъ по вердикту присяжныхъ привычнымъ преступникомъ и судъ назначитъ ему въ наказаніе заключеніе въ каторжной тюрьмѣ,—то въ дополненіе къ этому наказанію судомъ можетъ быть назначено детенированіе (detention) на срокъ отъ пяти до десяти лѣтъ. Судъ при этомъ долженъ придти къ убѣжденію, что данный преступникъ, въ силу своихъ преступныхъ привычекъ и образа жизни долженъ быть лишенъ свободы на болѣе продолжительный срокъ въ интересахъ защиты общества. Такой видъ заточенія называется „предупредительнымъ детенированіемъ“ (preventive detention) и лицо, къ которому оно примѣняется, во время отбытія его, будетъ подлежать тѣмъ ограниченіямъ, которыя установлены для приговариваемыхъ къ каторжнымъ тюрьмамъ за тяжкія преступленія въ силу Forfeiture act, 1870 г.

„Никто не можетъ быть признанъ привычнымъ преступникомъ, если присяжные засѣдатели, на основаніи представленныхъ доказательствъ не установятъ:

а) что со времени достиженія 16 лѣтъ данное лицо было по крайней мѣрѣ три раза осуждено за уголовное дѣяніе до привлеченія къ отвѣтственности за данное дѣяніе, до или послѣ изданія настоящаго закона, и что оно постояннымъ образомъ ведетъ безчестную или преступную жизнь; или

б) что оно уже было признано привычнымъ преступникомъ и было приговорено къ предупредительному детенированію при предшествующемъ осужденіи".

Этимъ постановленіемъ группа привычныхъ преступниковъ намѣчается сравнительно узко. Кромѣ извѣстныхъ личныхъ и соціальныхъ свойствъ (наличности преступныхъ привычекъ и безчестнаго или преступнаго образа жизни), требуется еще троекратный рецидивъ въ опредѣленныхъ преступленіяхъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что терминъ „crime", который мы переводимъ какъ „уголовное дѣяніе", заимствуется изъ Prevention of crime act 1871 г. И здѣсь, какъ и тамъ, онъ относится къ весьма ограниченной группѣ дѣяній противъ личности и собственности. Въ него входятъ всѣ такъ наз. felonies (т. е. убійство, поджогъ, тяжкія раны, изнасилованіе, кража со взломомъ и нѣк. др.), а изъ проступковъ—сбытъ поддѣльной монеты, мошенничество, обманъ въ договорахъ и различные виды кражи. Преступленія политическія, достигающія даже тягчайшихъ формъ государственной измѣны, преступленія противъ общественнаго порядка, преступленія кредита (банкротство, ростовщичество и т. д.) и многія другія остаются внѣ сферы воздѣйствія новаго закона. Онъ имѣетъ своею цѣлью бороться лишь съ опредѣленными наиболѣе опасными формами профессіональной преступности и объединяетъ ихъ въ понятіи „crime" [1]). Въ этомъ отношеніи англійскій законъ

---

[1]) Во время дебатовъ лордомъ Гладстономъ неоднократно было заявляемо, что проектъ предназначенъ „для упорныхъ опасныхъ преступниковъ" для наиболѣе закоренѣлыхъ преступниковъ"; что его цѣлью является „предоставить государству дѣйствительный контроль надъ опасными правонарушителями", что онъ не долженъ быть примѣняемъ къ лицамъ, которые представляютъ собою „только бремя, но не опасность для общества" или къ болѣе обширной категоріи тѣхъ, „которые являются частью бродягами, частью преступниками, но которые являются въ значительной степени умственно-дефективными". Въ засѣданіи 12 іюня 1908 г. онъ заявилъ въ Палатѣ Общинъ, что законъ имѣетъ въ виду не привычныхъ

выгодно отличается отъ болѣе широкихъ рекомендацій континентальныхъ юристовъ.

Вводя серьозное отягощеніе участи привычныхъ преступниковъ въ интересахъ соціальной защиты, законъ 1908 г. служитъ какъ бы отзвукомъ новыхъ теченій, выдвигающихъ этотъ моментъ на первый планъ въ борьбѣ съ преступностью. Но идя на эту мѣру, англійское законодательство постаралось вмѣстѣ съ тѣмъ установить рядъ новыхъ процессуаль-

---

преступниковъ, но скорѣе профессіоналовъ. „Въ 60% случаевъ существующая система оказывается достаточно устрашительной, но для профессіональныхъ преступниковъ она недостаточна. Существуетъ хорошо извѣстное различіе между привычными преступниками и профессіональными. Первые являются людьми, впадающими въ преступленіе скорѣе подъ вліяніемъ среды, физической немощи или умственной дефективности, чѣмъ вслѣдствіе активнаго намѣренія грабить своихъ сосѣдей или совершать преступленія ради преступленій. Профессіоналы же являются людьми здоровыми духомъ и тѣломъ—поскольку преступникъ вообще можетъ быть здоровымъ—порою даже весьма искусными, которые сознательно, учтя всѣ послѣдствія, предпочитаютъ преступную жизнь и изучили всѣ продѣлки, пріемы и выходы, необходимые для такой жизни. Проектъ имѣетъ въ виду именно этотъ классъ". Слѣдуя этому взгляду, министръ въ циркулярѣ, изданномъ 16 февраля 1911 г. рекомендуетъ начальникамъ полиціи возбуждать преслѣдованіе по новому закону и обращаться къ директору публичныхъ преслѣдованій за разрѣшеніемъ преслѣдовать кого-либо какъ привычнаго преступника только тогда, когда преступникъ: а) достигъ по крайней мѣрѣ тридцати лѣтъ; б) уже подвергался наказанію каторжной тюрьмой и в) снова учинилъ серьозное и важное преступленіе. Что же должно разсматриваться какъ серьозное и важное преступленіе? „Съ одной стороны,—говорится въ циркулярѣ, мелкія кражи, не сопровождаемыя тяжкими квалифицирующими обстоятельствами, никогда не могутъ оправдать примѣненія того акта. Стоимость украденнаго, конечно, не является опредѣленной мѣрой вины, но тамъ, гдѣ она не велика и гдѣ не привходятъ особо коварныя или насильственныя средства, общественное мнѣніе будетъ скорѣе шокировано, чѣмъ успокоено примѣненіемъ долгосрочнаго детенированія. Съ другой стороны, насиліе въ связи съ другими преступленіями, особое искусство въ учиненіи преступленій, употребленіе особыхъ приготовленій, обладаніе огнестрѣльнымъ или инымъ смертоноснымъ орудіемъ всегда должны быть признаваемы какъ неблагопріятные факторы. Общимъ признакомъ должно быть положеніе о томъ, что преступникъ представляетъ скорѣе опасность для общества, чѣмъ простое бремя для него". Полиція должна всегда консультировать директора публичныхъ преслѣдованій на этотъ счетъ. Она должна собрать свѣдѣнія объ образѣ жизни подсудимаго не только послѣ послѣдняго освобожденія изъ тюрьмы, но за все его преступное прошлое. Она должна разслѣдовать, поскольку они дѣйствительно выполняли ту работу, которую нѣкоторые пріискиваютъ себѣ порою только для отвода подозрѣній.

ныхъ гарантій, обезпечивающихъ примѣненіе ея только въ соотвѣтственныхъ случаяхъ.

Прежде всего въ самомъ обвинительномъ актѣ по такимъ дѣламъ должно быть упомянуто, что данный подсудимый обвиняется какъ *привычный* преступникъ. Это указаніе, однако, не можетъ быть вводимо туда безъ особаго разрѣшенія на то каждый разъ директора публичныхъ преслѣдованій. По крайней мѣрѣ за семь дней до внесенія этого указанія въ обвинительный актъ, подсудимый долженъ быть о томъ увѣдомленъ чиновникомъ суда, причемъ въ этомъ увѣдомленіи должны содержаться мотивы, по которымъ предположено предложить суду эту мѣру и перечислены предшествующіе случаи осужденія подсудимаго.

На судебномъ слѣдствіи могутъ быть представляемы сторонами доказательства того, что подсудимый ведетъ систематически безчестный или преступный образъ жизни.

Рѣшеніе вопроса о томъ, является ли данное лицо привычнымъ преступникомъ, или нѣтъ, принадлежитъ присяжнымъ послѣ вынесенія ими вердикта о виновности и до постановленія приговора. Въ случаѣ если самъ подсудимый признаетъ себя привычнымъ преступникомъ необходимость въ этомъ рѣшеніи присяжныхъ отпадаетъ.

Наконецъ, въ случаѣ признанія подсудимаго привычнымъ преступникомъ, онъ можетъ приносить апелляцію на приговоръ и безъ особаго разрѣшенія суда, вообще обязательнаго для апелляцій на приговоръ. Эти гарантіи должны успокоить тѣхъ, кто полагалъ, что новая мѣра можетъ угрожать личной свободѣ.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ условіяхъ помѣщенія въ мѣста предупредительнаго детенированія, укажемъ, что министру присвоена власть переводить въ такія учрежденія лицъ, отбывающихъ заключеніе въ каторжныхъ тюрьмахъ. Но при этомъ должны быть соблюдены два условія: 1) осужденный долженъ отбыть въ каторжной тюрьмѣ по крайней мѣрѣ три года и 2) общая продолжительность назначеннаго судомъ заключенія въ каторжную тюрьму должна быть не менѣе пяти лѣтъ. Въ мѣстѣ предупредительнаго дете-

нированія такіе заключенные не могутъ содержаться долѣе того срока, на который было назначено судомъ заключеніе въ каторжную тюрьму. Здѣсь, такимъ образомъ, министру предоставляется восполнять усмотрѣніе суда, но лишь въ направленіи болѣе благопріятномъ для осужденнаго.

Самыя условія содержанія заключенныхъ въ мѣстахъ предупредительнаго детенированія опредѣляются только въ самыхъ общихъ чертахъ. Болѣе подробная регламентація— дѣло усмотрѣнія исполнительной власти. Такъ законъ опредѣляетъ, что переводъ изъ каторжныхъ тюремъ въ мѣста детенированія для лицъ, присужденныхъ къ этому послѣднему, можетъ происходить или послѣ полнаго отбытія срока пребыванія въ каторжной тюрьмѣ или по истеченіи того времени, когда заключенный могъ бы быть условно освобожденъ, если-бы онъ былъ приговоренъ къ одной только каторжной тюрьмѣ. Приговоренные къ детенированію содержатся въ особыхъ тюрьмахъ или отдѣленіяхъ тюремъ, спеціально предназначенныхъ для этой цѣли, при чемъ къ нимъ примѣняются общія нормы, изданныя для каторжныхъ тюремъ, поскольку противное не будетъ предписано министромъ. Общимъ образомъ указывается лишь, что эти измѣненія правилъ должны произойти „въ направленіи смягченія суровостей режима“.

Каждое лицо, отбывающее предупредительное детенированіе, „должно подлежать такимъ дисциплинарнымъ и исправительнымъ вліяніямъ, и должно быть обращаемо на такія работы, какія будутъ признаны наиболѣе пригодными для того, чтобы сдѣлать его способнымъ и готовымъ вести трудовую и честную жизнь по освобожденіи“. Надзоръ за исполненіемъ правилъ режима возлагается министромъ на особый для каждой тюрьмы совѣтъ посѣтителей (visiting committee), въ составѣ котораго будетъ находиться не менѣе двухъ мировыхъ судей и который будетъ имѣть полномочія, указанныя въ имѣющихъ быть изданными по этому предмету правилахъ.

Какъ и при установленіи борстальскихъ учрежденій, здѣсь съ особой тщательностью разработаны правила объ освобожденіи изъ мѣстъ предупредительнаго детенированія. Освобо-

жденіе до срока можетъ наступать тогда, когда, по мнѣнію министра, „имѣется разумная вѣроятность того, что освождаемый будетъ вести полезную и трудовую жизнь и не будетъ способенъ впадать въ преступленія, или когда существуютъ какія-либо другія основанія, дѣлающія желательнымъ его освобожденіе изъ тюрьмы“. Завѣдующіе каторжными тюрьмами (directors of convict prisons) должны представлять министру періодическіе отчеты о поведеніи и прилежаніи лицъ, подвергнутыхъ предупредительному детенированію, и объ имѣющихся у нихъ предположеніяхъ объ освобожденіи такихъ лицъ а также объ ихъ вѣроятномъ поведеніи на свободѣ. Для этой цѣли при каждой тюрьмѣ долженъ быть образованъ комитетъ, состоящій изъ членовъ совѣта посѣтителей и другихъ *лицъ, по назначенію министра. Каждый такой комитетъ должен*ъ имѣть регулярныя засѣданія не рѣже одного раза въ шесть мѣсяцевъ, при чемъ онъ можетъ лично вызывать и опрашивать заключенныхъ и собирать для своихъ отчетовъ такія свѣдѣнія, какія онъ сочтетъ нужными. Въ отдѣльныхъ случаяхъ экстренныя засѣданія могутъ быть созываемы и для отдѣльныхъ дѣлъ. Министръ долженъ по крайней мѣрѣ разъ въ три года разсмотрѣть вопросъ о томъ, заслуживаетъ ли каждое лицо, отбывающее детенированіе, быть досрочно освожденнымъ или нѣтъ.

Досрочное освобожденіе происходитъ посредствомъ выдачи особаго свидѣтельства, въ которомъ указаны условія освобожденія. Форма и содержаніе этого свидѣтельства вырабатываются министромъ; въ общемъ оно совпадаетъ по характеру со свидѣтельствомъ о досрочномъ освобожденіи изъ каторжныхъ тюремъ. Однимъ изъ условій, могущихъ быть внесенными въ это свидѣтельство, является подчиненіе испытательному надзору (probation), осуществляемому обществомъ или лицомъ, поименованнымъ въ свидѣтельствѣ и изъявившимъ согласіе на принятіе на себя надзора. Это общество или лицо обязаны періодически, соотвѣтственно съ указаніями, которыя могутъ быть даны министромъ, представлять отчетъ о поведеніи и обстоятельствахъ жизни освобожденнаго. Въ случаѣ неисполненія условій освобожденія, осужденный можетъ быть

возвращенъ въ мѣсто детенированія или по усмотрѣнію министра, или по лостановленію суда въ суммарномъ порядкѣ. Въ этихъ случаяхъ его можно подвергать предварительному задержанію. Время, въ теченіе котораго освобожденный находился внѣ тюрьмы (даже въ случаѣ возвращенія его назадъ въ тюрьму), засчитывается въ срокъ оставшагося неотбытымъ наказанія. Исключается только время, протекшее между нарушеніемъ имъ условій освобожденія и обратнымъ помѣщеніемъ въ карательное учрежденіе. За министромъ сохраняется право во всякое время предписывать объ окончательномъ освобожденіи условно выпущеннаго. Но дѣлать это онъ можетъ лишь послѣ того какъ протекло пять лѣтъ со времени его условнаго освобожденія и освобожденный въ теченіе этого срока исполнялъ условія, содержащіяся въ свидѣтельствѣ, и воздерживался отъ учиненія преступленій.

Какъ видно, созданный этимъ закономъ видъ предупредительнаго детенированія нѣсколько соотвѣтствуетъ „мѣрамъ безопасности“ или korrectionnelle Nachhaft, неоднократно рекомендовавшимся въ германскомъ правѣ. Но здѣсь министру предоставлена вся полнота опредѣленія правилъ режима. Въ соотвѣтствіи съ требованіемъ закона въ настоящее время министромъ выработаны эти правила и проектъ ихъ 16 февраля 1911 года положенъ на столъ въ обѣихъ палатахъ Парламента.

Эти правила устанавливаютъ рядъ особенностей режима. Сохраняя въ общихъ чертахъ прогрессивную систему и систему классификаціи, они допускаютъ уже въ большей степени общеніе между заключенными, заботу объ умственномъ и нравственномъ развитіи ихъ, содержатъ въ себѣ больше льготъ, въ особенности для содержащихся въ спеціальномъ разрядѣ. Въ виду неизвѣстности еще на континентѣ подобной формы детенированія, я позволю себѣ привести эти правила въ переводѣ.

„Правила, изданныя министромъ въ соотвѣтствіи съ п. 2 ст. 13 акта о предупрежденіи преступленій 1908 г. относительно предупредительнаго детенированія.

1) Лица, подвергающіяся предупредительному заточенію, должны быть раздѣлены на три разряда: обыкновенный, спеціальный и дисциплинарный. При

началѣ отбыванія предупредительнаго заточенія, они помѣщаются въ обыкновенный разрядъ.

2) По истеченіи каждыхъ шести мѣсяцевъ въ обыкновенномъ разрядѣ, въ случаѣ примѣрнаго поведенія, проявленнаго заключеннымъ, а также ревности и прилежанія къ назначенной ему работѣ, заключенный можетъ получить свидѣтельство о хорошемъ поведеніи и прилежаніи. Четыре такихъ свидѣтельства даютъ ему право быть переведеннымъ въ спеціальный разрядъ. Съ каждымъ отдѣльнымъ свидѣтельствомъ заключенный получаетъ особую нашивку или небольшое денежное вознагражденіе.

3) Заключенный можетъ быть переведенъ въ дисциплинарный разрядъ по предписанію начальника или въ видѣ части наказанія за дурное поведеніе или вслѣдствіе проявленнаго имъ дурного вліянія на другихъ и можетъ содержаться тамъ до тѣхъ поръ, пока то необходимо въ интересахъ его самого и другихъ. Во время пребыванія въ дисциплинарномъ разрядѣ онъ можетъ быть употребляемъ на общія работы, если его поведеніе позволяетъ это, но въ прочихъ случаяхъ не допускается общеніе его съ другими.

4) Заключенные должны быть заняты или полезными ремеслами, въ которыхъ они будутъ обучены, или земледѣльческимъ трудомъ, или внутренними работами по тюрьмѣ. Заключенные обыкновеннаго и спеціальнаго разрядовъ будутъ получать извѣстное вознагражденіе за свою работу. Часть этого вознагражденія можетъ быть ими расходуема на улучшеніе ихъ дневного довольствія, на помощь своимъ семьямъ или на образованіе фонда для выдачи имъ при освобожденіи.

5) Заключенный, находящійся въ больницѣ или признанный врачемъ неспособнымъ къ работѣ въ полной мѣрѣ, можетъ, по свидѣтельству врача о томъ, что его болѣзнь является дѣйствительной и не вызванной имъ умышленно, получить впередъ вознагражденіе соразмѣрно со своимъ заработкомъ во время здороваго состоянія или соразмѣрно съ его общей способностью къ работѣ и въ зависимости отъ его хорошаго поведенія.

6) При тюрьмѣ будетъ открыта лавка, въ которой заключенные обыкновеннаго и спеціальнаго разрядовъ могутъ покупать предметы пищи и обихода по цѣнамъ, утвержденнымъ тюремнымъ управленіемъ. Стоимость такихъ предметовъ вычитается изъ заработка каждаго заключеннаго. Привилегія пользованія тюремной лавкой можетъ быть во всякое время ограничена или отнята начальникомъ тюрьмы.

7) Заключенные, получившіе три свидѣтельства о прилежаніи могутъ получать небольшой участокъ сада для обработки въ указанное время. Продукты съ этихъ участковъ будутъ по возможности покупаемы для нуждъ тюрьмы по рыночнымъ цѣнамъ, а стоимость выручки будетъ записываться на счетъ заключеннаго.

8) Заключенные обыкновеннаго разряда могутъ общаться другъ съ другомъ во время принятія пищи и также, послѣ полученія второго свидѣтельства, по вечерамъ. Заключенные спеціальнаго разряда, кромѣ указанныхъ льготъ, могутъ пользоваться также дополнительными льготами литературнаго и соціальнаго характера, какъ о томъ будетъ постановлено.

9) Всякая указанная въ настоящихъ правилахъ привилегія или всякое денежное вознагражденіе могутъ быть отняты за дурное поведеніе. Заключенный не можетъ притязать на причитающееся ему вознагражденіе, которое было израсходовано на пользу его и которое будетъ передано на усмотрѣніе общества или лица, подъ наблюденіе котораго онъ помѣщенъ.

10 Обязанностью тюремнаго священника явится посѣщеніе время отъ времени каждаго заключеннаго отдѣльно и способствованіе путемъ духовнаго воздѣйствія его нравственному исправленію. Богослуженіе должно происходить въ тюрьмѣ еженедѣльно, а въ дополненіе къ нему могутъ происходить такія проповѣди, лекціи и собесѣдованія на религіозныя, нравственныя и свѣтскія темы, какія удастся организовать.

11) Заключенные будутъ получать довольствіе по указанію директоровъ.

12) Заключенные будутъ имѣть право чрезъ опредѣленныя промежутки времени писать и получать письма и имѣть свиданія, въ соотвѣтствіи съ разрядомъ.

13) Совѣтъ посѣтителей, назначаемый министромъ въ силу ст. 13 п. 4 Prevention of crime act 1908 г., избирается на 3 года. Въ случаѣ обнаружившейся вакансіи, министръ сдѣлаетъ въ возможно скоромъ времени новое назначеніе. На своемъ первомъ засѣданіи члены совѣта избираютъ предсѣдателя. Каждый изъ нихъ или нѣсколько вмѣстѣ будутъ посѣщать тюрьму одинъ разъ въ мѣсяцъ и собираться на общее совѣщаніе возможно чаще Они будутъ выслушивать и разрѣшать такіе проступки заключенныхъ, о которыхъ имъ будетъ доложено директорами и разслѣдовать всякія жалобы, которыя заключенные пожелаютъ адресовать къ нимъ и, если сочтутъ необходимымъ, будутъ докладывать о томъ директорамъ вмѣстѣ со своимъ мнѣніемъ Они будутъ имѣть свободный доступъ въ каждую часть тюрьмы и могутъ видѣть каждаго заключеннаго наединѣ, пробовать пищу и просматривать всѣ книги. Они немедленно сообщаютъ обо всѣхъ злоупотребленіяхъ директорамъ и въ крайнихъ случаяхъ могутъ письменно дѣлать указанія начальнику тюрьмы, который будетъ выполнять ихъ пока не состоится рѣшеніе директоровъ. Они будутъ вести протоколы своихъ дѣйствій и представлять годовой отчетъ министру въ началѣ каждаго года

14) Коммисія, предусматриваемая ст. 14 п. 4 акта 1908 г., будетъ собираться разъ въ три мѣсяца и будетъ представлять директорамъ такіе отчеты, какіе потребуются для указанія министру относительно видовъ на будущее и вѣроятнаго поведенія заключенныхъ послѣ освобожденія.

15) Всякое лицо, освободительное свидѣтельство котораго было отобрано, должно по возвращеніи его въ тюрьму быть помѣщено въ дисциплинарный разрядъ на такое время, какое совѣтъ посѣтителей признаетъ нужнымъ

16) Эти правила вступаютъ въ силу 1 мая 1911 г.

За 5 мѣсяцевъ съ 1 августа 1909 г. до 1 января 1910 г. состоялось 49 приговоровъ, присуждающихъ къ каторжной тюрьмѣ, осложненной предупредительнымъ заточеніемъ. Характерно, что ни въ одномъ случаѣ это детенированіе не назначалось при каторгѣ на срокъ болѣе 10 лѣтъ. Статистика показываетъ, что при общемъ числѣ 1055 осужденныхъ къ каторгѣ 624 были приговорены на 3 года и изъ нихъ 36 приговорены къ детенированію по отбытіи наказанія. Затѣмъ 8 случаевъ детенированія падаютъ на сроки присужденія къ каторгѣ въ пять лѣтъ, 3 случая—на семь лѣтъ и по одному случаю—на сроки въ 10 лѣтъ и 4 года.

До настоящаго времени, въ виду отсутствія пока практической потребности, не создано мѣстъ для предупредительнаго детенированія. Но тюремнымъ вѣдомствомъ уже пріобрѣтенъ значительный участокъ земли на о. Уайтѣ, близъ каторжной тюрьмы въ Паркрустъ, для постройки тамъ соотвѣтственнаго учрежденія. Предполагается ввести при тюрьмѣ. между прочимъ, земледѣльческія работы.

„Въ настоящее время—пишетъ Рэгльсъ-Брайсъ въ своемъ докладѣ Вашингтонскому конгрессу 1910 г.—тюремное вѣдомство занято устройствомъ спеціальнаго учрежденія для детенированія, которое будетъ тюрьмой, не являясь тюрьмой въ спеціальномъ смыслѣ. Въ этомъ учрежденіи будутъ въ достаточной степени обезпечены безопасность и строгая дисциплина и будетъ достаточно охраны; но въ то же время оно будетъ допускать нѣкоторыя смягченія и привилегіи, нѣкоторыя награды за трудъ и за хорошее поведеніе, что сдѣлаетъ условія содержанія менѣе тяжелыми, чѣмъ въ каторжныхъ тюрьмахъ. Общимъ образомъ эта система будетъ стремиться къ моральному улучшенію заключеннаго такъ, чтобы по истеченіи достаточнаго періода времени ему можно было предоставить условное освобожденіе при условіи, если можно будетъ надѣяться, что онъ не вернется снова на путь преступности“.

Новая мѣра безопасности, созданная англійскимъ закономъ 1908 г., является однимъ изъ характерныхъ примѣровъ *приспособленія тюрьмы къ задачамъ ограждения общества отъ* преступности профессіональной. Она представляетъ собою шагъ на пути введенія неопредѣленныхъ приговоровъ, принять которые, даже по отношенію къ этимъ категоріямъ преступниковъ, не рѣшилось англійское законодательство. Несмотря на характеризующую эту мѣру цѣль усиленія репрессіи по отношенію къ профессіональнымъ преступникамъ, нельзя не замѣтить, что эта цѣль здѣсь разумно комбинируется и съ идеями гуманности, продиктовавшими особо смягченныя правила режима, и съ гарантіями гражданской свободы, нашедшими свое выраженіе въ рядѣ процессуальныхъ ограниченій при наложеніи этой мѣры. Порученіе принятія ея

самимъ присяжнымъ лучше всего обезпечитъ примѣненіе ея къ случаяхъ, дѣйствительно въ томъ нуждающихся. До сихъ поръ присяжные являлись какъ бы институтомъ, осуществляющимъ государственную функцію наказанія, теперь они явятся институтомъ призваннымъ и для соціальной защиты. Эта задача должна повліять и на весь уголовный судъ, который по новому закону становится органомъ, разслѣдующимъ не только преступное дѣяніе, но всю жизнь и личность подсудимаго. Соціальныя начала все болѣе и болѣе проникаютъ въ судъ и дѣлаютъ уголовное правосудіе функціей не столько государственной, сколько соціальной дѣятельности.

Наша задача обрисовки новыхъ реформъ въ области англійской карательной системы приходитъ къ концу. Въ заключеніе намъ хотѣлось бы только подвести нѣкоторые итоги и указать рисующіяся, пока еще смутно, общія перспективы. Мы видѣли, что задачи наказанія теперь переходятъ въ область того, что принято называть „спеціальнымъ предупрежденіемъ“, въ область цѣлесообразной организаціи лишенія свободы примѣнительно къ различнымъ утилитарнымъ задачамъ. При старой системѣ вся карательная лѣстница была построена на принципѣ постепенно усиливавшейся тяжести наказанія, при чемъ въ основу различенія тяжести были положены два принципа: продолжительность заключенія и суровость режима. Абсолютное значеніе этихъ принциповъ въ настоящее время сильно подорвано. Продолжительность заключенія уже не опредѣляется тяжестью вины: за легкій проступокъ пьянства виновнаго постигаетъ лишеніе свободы до трехъ лѣтъ; за вину, влекущую по общимъ законамъ краткосрочную тюрьму, несовершеннолѣтній отъ 16 до 21 года можетъ быть помѣщенъ въ борстальское учрежденіе на нѣсколько лѣтъ; опасный преступникъ, независимо отъ тяжести учиненнаго имъ, можетъ быть подвергнутъ детенированію на срокъ до 10 лѣтъ и т. д. Съ другой стороны, посредствомъ досрочнаго условнаго освобожденія или испытательнаго надзора, установленные закономъ долгіе сроки могутъ сокращаться и совсѣмъ устраняться.

Понятіе „суровости режима“ стало также относительнымъ. Она зависитъ скорѣе отъ поведенія заключеннаго въ мѣстѣ заключенія, чѣмъ отъ рода наказанія. Режимъ каторжныхъ тюремъ не можетъ быть признанъ на много суровѣе режима тюремъ мѣстныхъ. Вмѣсто того, введены качественныя различія въ режимѣ въ зависимости отъ спеціальныхъ задачъ его. Установленъ особый воспитательный режимъ для молодежи, лечебно-принудительный режимъ для алкоголиковъ, режимъ призрѣнія для слабоумныхъ и слабосильныхъ; режимъ детенированія для долгосрочныхъ каторжанъ; наконецъ, режимъ прогрессивнаго поощренія для нормальныхъ заключенныхъ. Эти качественныя различія намѣчаются отчасти судомъ, отчасти тюремной администраціей, и комбинированное дѣйствіе этихъ двухъ органовъ обезпечиваетъ въ большей или меньшей степени соотвѣтствіе режима съ личностью заключенныхъ.

Но, несмотря на это, жизнь въ общихъ тюрьмахъ до сихъ поръ представляетъ собою мертвящую рутину.

„Въ тюрьмѣ—пишетъ Холмсъ—должна быть заведена работа, требующая напряженія мускуловъ и ловкости рукъ, дающая случай для работы ума и иногда даже для проявленія эмоцій сердца. Посмотримъ на минуту, какую жизнь ведетъ человѣкъ, отбывающій пятилѣтнее заключеніе. Эта жизнь представляетъ ужасающую рутину. Съ механическою опредѣленностью его дѣйствія контролируются и предписываются; онъ получаетъ пищу въ томъ же размѣрѣ и того же рода въ пунктуально опредѣленное время и поданную тѣмъ же способомъ. Опредѣленная величина камеры, опредѣленное время пользованія кроватью, отсутствіе поводовъ для проявленія нѣжности или для полученія ея, пребываніе мозга, сердца и мускуловъ въ полномъ застоѣ; заключенный пытается лишь лицемѣрить, такъ какъ онъ знаетъ, что если онъ хорошо выполнитъ эту роль, онъ получитъ сокращеніе заключенія на 15 мѣсяцевъ; вслѣдствіе этого, у него легко разовьется рабская манера угодливости и нѣкоторая хитрость. Пусть развитой человѣкъ пробудетъ здѣсь три года и девять мѣсяцевъ, постоянно имѣя предъ собою только одну задачу—сокращеніе

срока заключенія, и всѣмъ ясно станетъ, каковъ будетъ психологическій результатъ всего этого".

Эта рутина нѣсколько ослабляется заботами объ умственномъ и физическомъ развитіи заключенныхъ, а за послѣднее время даже заботами о разумныхъ развлеченіяхъ для нихъ. Но этихъ усилій оказывается еще мало.

Современная тюрьма служитъ еще многимъ такимъ задачамъ, отъ которыхъ она должна быть освобождена. Многія сотни и тысячи заключенныхъ идутъ сюда потому, что не могутъ найти лучшаго пріюта въ теченіе холодной зимы, или спокойнаго пристанища въ жизни, полной борьбы и лишеній. Развитіе разумнаго попеченія о слабоумныхъ и организація страхованія отъ безработицы, проектируемыя теперь въ Англіи, несомнѣнно, приведутъ къ значительному сокращенію этихъ элементовъ въ стѣнахъ тюремъ. Сюда попадаютъ далѣе элементы, для которыхъ лишеніе свободы вообще является малопригодной мѣрой и по отношенію къ которымъ постепенно вырабатываются новыя формы наказанія, какъ испытательный надзоръ, ограниченія въ правахъ, система денежныхъ взысканій. Въ особыя учрежденія, а не въ общія тюрьмы должны быть заключаемы и упорные преступники, проявляющіе неспособность жить на свободѣ, уважая права другихъ. Большинство ихъ является несчастными людьми, для которыхъ свобода означаетъ только новыя лишенія и новыя преслѣдованія. Помѣщеніе ихъ въ болѣе гуманныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя доставляетъ тюрьма, столь же необходимо, какъ необходима больница для безнадежно больныхъ, пріюты для неизлечимыхъ эпилептиковъ, для слабоумныхъ, санаторіи для чахоточныхъ и т. д. Остальные элементы, по отношенію къ которымъ болѣе или менѣе продолжительное лишеніе свободы съ опредѣленнымъ режимомъ можетъ оказаться полезнымъ средствомъ исправленія, должны быть направляемы въ карательныя заведенія различнаго типа: тюрьмы-лечебницы, тюрьмы-санаторіи, тюрьмы-школы, тюрьмы-реформаторіи. Конечно, одинъ только судъ, даже опирающійся широко на дѣятельность полиціи и свѣдѣнія, представляемыя тюремными властями и добровольными попечителями-агентами, не можетъ

провести надлежащимъ образомъ всю работу распредѣленія. Удачной поэтому является мысль, предложенная Т. Холмсомъ, который рекомендуетъ созданіе особой „пріемной тюрьмы“ (reciving prison), куда всѣ осужденные направляются на извѣстный срокъ „*для наблюденія*“ и „*для классификаціи*“. Окончательный приговоръ могъ бы постановляться только чрезъ нѣкоторое время, когда эта обсерваціа дала какіе-либо опредѣленные выводы. Въ основу этой классификаціи должны быть положены не числа предшествующихъ осужденій и даже не возрастъ осужденнаго, а его характеръ, привычки жизни и уровень способностей. Опредѣленіе рода наказанія останется въ рукахъ суда, но судъ объ этомъ будетъ постановлять не сразу, а лишь чрезъ извѣстный промежутокъ времени. Развитіе тюремнаго дѣла идетъ быстрыми шагами, и хочется думать, что осуществленіе этихъ задачъ не такъ уже далеко.

Сенатская типографія.